

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

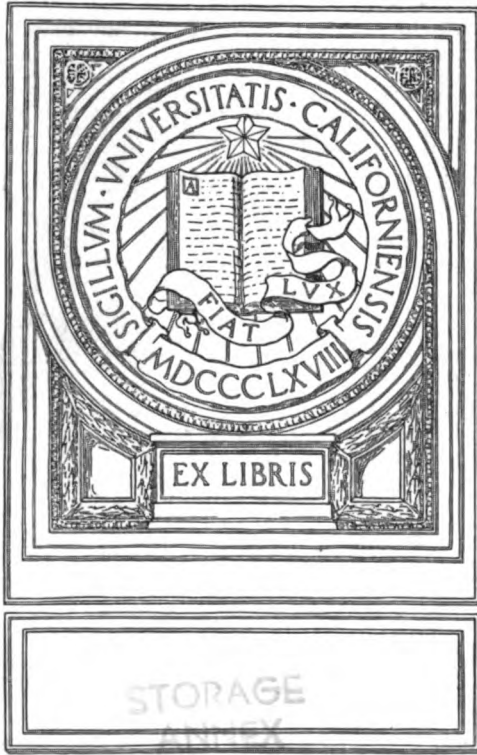
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

EX LIBRIS

STORAGE
ANNEX

Russien. Min. nar. pros.
ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССЛXVII.

1890.

ЯНВАРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева. Наб. Екатерининскаго кан., № 80.

1890.

L451
A4
v. 267

Екатерининскій кан., № 80.
2909.

Шифр.
40.

266

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССЛXVII.

1890.

ФЕВРАЛЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева. Наб. Екатерининскаго кан., № 80.

1890.

Екатерининскій ман., № 80.
2012.

Всѣ права защищены
© 2012

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

1. (16-го октября 1889 года). Объ учрежденіи стипендіи при С.-Петербургскомъ 2-мъ реальномъ училищѣ.

Попечитель С.-Петербургскаго учебнаго округа донесъ министерству народнаго просвѣщенія, что правленіе общества вспоможенія прикащикамъ и сидѣльцамъ въ С.-Петербургѣ представило директору С.-Петербургскаго 2-го реального училища капиталъ въ 1.000 р., съ тѣмъ, чтобы на счетъ процентовъ съ этого капитала при названномъ училищѣ была учреждена одна стипендія въ память чудеснаго избавленія Государя Императора, Государыни Императрицы и Августѣйшихъ Дѣтей отъ опасности 17-го октября 1888 года.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу о семъ министра народнаго просвѣщенія, въ 16-й день октября 1889 года, Высочайше соизволилъ на учрежденіе означенной стипендіи и повелѣлъ искренно благодарить жертвователей отъ Имени Ихъ Величествъ.

2. (16-го октября 1889 года). Объ учрежденіи стипендіи при вновь открытомъ Дерптскомъ правительственномъ двухклассномъ училищѣ для дѣвочекъ.

Попечитель Дерптскаго учебнаго округа, тайный совѣтникъ Капустинъ донесъ министерству народнаго просвѣщенія, что супруга его, Софья Николаевна Капустина, желая сохранить память объ учрежденіи, сто лѣтъ тому назадъ, императрицею Екатериною II первыхъ русскихъ училищъ въ Прибалтійскомъ краѣ, пожертвовала капиталъ

843066

1*

въ триста рублей, для учрежденія на проценты съ сего капитала одной стипендіи при вновь открытомъ Дерптскомъ правительственнымъ двухклассномъ училищѣ для дѣвочекъ, съ наименованіемъ оной «стипендію императрицы Екатерины II».

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему министра народнаго просвѣщенія докладу, въ 16-й день октября 1889 года, Высочайше соизволилъ какъ на учрежденіе означенной стипендіи, такъ и на предоставленіе министерству народнаго просвѣщенія права утвердить положеніе объ оной.

3. (17-го ноября 1889 года). О закрытіи Гольдингенской гимназій.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта о закрытіи Гольдингенской гимназій, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о закрытіи Гольдингенской гимназій, мнѣніемъ положилъ:

1) Предоставить министерству народнаго просвѣщенія сдѣлать распоряженіе о закрытіи, въ теченіе трехъ лѣтъ, Гольдингенской гимназій, съ прекращеніемъ, начиная съ будущаго 1890—1891 учебнаго года, приѣма учениковъ въ это заведеніе и съ сохраненіемъ въ ономъ, впредь до закрытія, преподаванія на нѣмецкомъ языкѣ.

2) Прекратить, съ 1-го января 1890 года, отпускъ одной тысячи пятисотъ девяносто девяти рублей, ассигнуемыхъ курляндскому дворянству, по § 17 смѣты министерства народнаго просвѣщенія, въ пособіе на содержаніе упомянутой гимназій.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателемъ и членами.

4. (20-го ноября 1889 года). Объ измѣненіи нѣкоторыхъ параграфовъ устава Дерптскаго университета.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, объ измѣненіи нѣкоторыхъ пара-

графовъ устава Дерптскаго университета, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписаль: Предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ измѣненіи нѣкоторыхъ параграфовъ устава Дерптскаго университета, мнѣніемъ положилъ:

Въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ статей Высочайше утвержденнаго 9-го января 1865 года устава Императорскаго Дерптскаго университета постановить:

1) Деканъ избирается попечителемъ учебнаго округа изъ профессоровъ соотвѣстственнаго факультета и утверждается въ должности на четыре года министромъ народнаго просвѣщенія. По истеченіи четырехлѣтняго срока службы, деканъ можетъ быть оставленъ, съ разрѣшенія министра, въ должности на слѣдующее четырехлѣтіе. Въ случаѣ болѣзни или отсутствія декана, обязанности его исполняются старшимъ, по званію, членомъ факультета, а если такихъ членовъ нѣскольکو, то тѣмъ изъ нихъ, который ранѣе назначенъ въ занимаемую должность.

2) Ректоръ избирается министромъ народнаго просвѣщенія изъ ординарныхъ профессоровъ университета и назначается Высочайшимъ приказомъ на четыре года. По истеченіи четырехлѣтняго срока службы, ректоръ можетъ быть оставленъ, съ Высочайшаго соизволенія, въ той же должности на слѣдующее четырехлѣтіе.

3) Проректоръ избирается на три года, изъ ординарныхъ профессоровъ, попечителемъ учебнаго округа и утверждается въ должности министромъ народнаго просвѣщенія.

4) При открывшейся вакансіи профессора, министръ народнаго просвѣщенія или замѣщаетъ ее по собственному усмотрѣнію лицомъ, удовлетворяющимъ условіямъ, указаннымъ въ статьѣ 46 уст. Императорскаго Дерптскаго университета, или предоставляетъ университету избрать кандидата на вакантную должность и представить его на утвержденіе. Въ послѣднемъ случаѣ деканъ соотвѣтствующаго факультета немедленно объявляетъ о вакантной каѳедрѣ во всеобще

свѣдѣніе, дабы желающіе явиться кандидатами на нее могли заявить о томъ факультету, при чемъ члены факультета и совѣта имѣютъ право предлагать извѣстныхъ имъ ученыхъ. Срокъ такихъ заявленій и предложеній полагается трехмѣсячный, со времени объявленія объ открывшейся вакансіи. Въ случаѣ невѣрія въ виду кандидата, факультетъ, по истеченіи указаннаго срока, доводитъ о семъ, чрезъ ректора, до свѣдѣнія попечителя учебнаго округа.

5) По обсужденіи ученыхъ и преподавательскихъ достоинствъ каждаго кандидата, факультетъ подвергаетъ баллотированію всѣхъ кандидатовъ, при чемъ тотъ изъ нихъ, который получитъ наибольшее число голосовъ, считается кандидатомъ факультета. Факультетъ представляетъ о немъ совѣту, съ приложеніемъ подробныхъ протоколовъ тѣхъ засѣданій, въ коихъ обсуждалось достоинство кандидатовъ, отдѣльныхъ мнѣній по сему дѣлу, общаго списка кандидатовъ и количества полученныхъ каждымъ изъ нихъ голосовъ при баллотированіи. Если никто изъ кандидатовъ не получитъ большинства голосовъ, а равно когда голоса раздѣлятся между нѣсколькими кандидатами поровну, то баллотированіе повторяется между кандидатами, получившими, сравнительно съ прочими, болѣе избирательныхъ голосовъ. Разсмотрѣвъ представленные факультетомъ документы, совѣтъ даетъ свое заключеніе объ избранномъ въ факультетъ кандидатѣ посредствомъ баллотированія и затѣмъ о послѣдствіяхъ оваго представляетъ попечителю округа, съ приложеніемъ какъ всѣхъ документовъ, переданныхъ изъ факультета, такъ и особыхъ мнѣній членовъ совѣта, если таковыя были заявлены. Попечитель представляетъ дѣло, вмѣстѣ со своимъ мнѣніемъ, министру народнаго просвѣщенія. Если кандидатъ факультета не получитъ въ совѣтѣ большинства голосовъ, то баллотированію подвергаются всѣ лица, предложенныя членами факультета и предъявившія свои права на вакантную должность.

6) Профессоръ, прослужившій двадцать-пять лѣтъ по учебной части, можетъ продолжать службу при университетѣ, если объ этомъ будетъ ходатайствовать попечитель и на удовлетвореніе такого ходатайства послѣдуетъ разрѣшеніе министра народнаго просвѣщенія. Для другихъ лицъ по учебной части университета необходимо въ подобныхъ случаяхъ разрѣшеніе попечителя.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

5. (20-го ноября 1889 года). О правах по воинской повинности окончившихъ курсъ въ двухклассныхъ русско-киргизскихъ училищахъ Уральской области.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о правахъ по воинской повинности окончившихъ курсъ въ двухклассныхъ русско-киргизскихъ училищахъ Уральской области, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ законовъ и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о правахъ по воинской повинности окончившихъ курсъ въ двухклассныхъ русско-киргизскихъ училищахъ Уральской области, мнѣніемъ положилъ:

Въ дополненіе приложенія къ статьѣ 53 устава о воинской повинности (свод. зак. т. IV, кн. I изд. 1886 г.), постановить:

„Двухклассныя русско-киргизскія училища вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія въ Уральской области причисляются, для окончившихъ въ нихъ полный курсъ ученія, къ третьему разряду учебныхъ заведеній по отбыванію воинской повинности“.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

6. (20-го ноября 1889 года). О правахъ по воинской повинности штатныхъ помощниковъ классныхъ наставниковъ въ учебныхъ заведеніяхъ, содержимыхъ правительствомъ или имѣющихъ утвержденныя правительствомъ уставы.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о правахъ по воинской повинности штатныхъ помощниковъ классныхъ наставниковъ въ учебныхъ заведеніяхъ, содержимыхъ правительствомъ или имѣющихъ утвержденныя правительствомъ уставы, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ законовъ и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о распространеніи дѣйствія пункта 3, статьи 63 устава о воинской повинности на помощниковъ классныхъ наставниковъ въ правительственныхъ учебныхъ заведеніяхъ, мнѣніемъ положилъ:

Статью 63 общаго о воинской повинности (свод. зак. т. IV, кн. I по прод. 1889 г.) дополнить слѣдующимъ правиломъ:

„Постановленія, изложенныя въ пунктѣ 3 сей статьи о льготѣ по отбыванію воинской повинности штатнымъ воспитателямъ и помощникамъ ихъ въ учебныхъ заведеніяхъ, содержимыхъ правительствомъ, или уставы коихъ правительствомъ утверждены, распространяются на штатныхъ помощниковъ классныхъ наставниковъ, служащихъ въ означенныхъ учебныхъ заведеніяхъ“.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

7. (21-го ноября 1889 года). Объ открытіи I и II классовъ при Минскомъ реальномъ училищѣ.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта, объ открытіи I и II классовъ при Минскомъ реальномъ училищѣ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ открытіи I и II классовъ при Минскомъ реальномъ училищѣ, мнѣніемъ положилъ:

1. Учредить при Минскомъ реальномъ училищѣ I и II классы.

2. Отпускать ежегодно, начиная съ 1-го января 1890 года, въ добавленіе къ суммѣ въ 3,885 руб., ассигнуемой изъ средствъ государственнаго казначейства на содержаніе Минскаго реальнаго училища, по пяти тысячъ семисотъ сорока восьми рублий, со внесеніемъ сего расхода въ подлежащія подраздѣленія смѣты министерства народнаго просвѣщенія.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателемъ и членами.

II. ВЫСОЧАЙШІЯ НАГРАДЫ.

Государь Императоръ, по положенію комитета г. министровъ, вслѣдствіе представленія г. министра народнаго просвѣщенія, Всемилостивѣйше соизволилъ, въ 1-й день текущаго декабря, пожаловать бывшаго ученика Новооскольскаго уѣднаго училища, сына крестьянина Филиппа Бубликова, серебряною медалью съ надписью „за спасеніе погибавшихъ“ на Владимірской лентѣ для ношенія въ петлицѣ.

III. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (22-го октября 1889 года). Положеніе о стипендіи при Люблинской мужской гимназій въ память чудеснаго избавленія Ихъ Императорскихъ Величествъ и Августѣйшихъ Дѣтей Ихъ отъ опасности 17-го октября 1888 г.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Въ память чудеснаго избавленія Государя Императора, Государыни Императрицы и Августѣйшихъ Дѣтей Ихъ отъ опасности угрожавшей имъ при крушеніи Императорскаго поѣзда на курско-харьковско-азовской желѣзной дорогѣ 17-го октября 1888 г., учреждается при Люблинской мужской гимназій одна стипендія на счетъ процентовъ съ пожертвованнаго для сей цѣли жителями г. Красностава и 13-ти гминныхъ обществъ Красноставскаго уѣзда капитала въ одну тысячу шестьсотъ пятьдесятъ руб., съ присвоеніемъ наименованія: „стипендія 17-го октября“.

Примѣчаніе. Въ случаѣ закрытія или преобразованія Люблинской мужской гимназій, стипендія переходитъ въ учрежденіе, которое ее замѣнитъ.

§ 2. Означенный капиталъ остается навсегда неприкосновеннымъ, а на содержаніе стипендіата поступаютъ, за удержаніемъ государственнаго сбора, по закону 20-го мая 1885 г., только проценты съ этого капитала.

§ 3. Стипендіальный капиталъ обезпеченъ на недвижимости въ г. Красноставѣ подъ № 164/34.

§ 4. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ остатки отъ стипендіи приобщаются къ стипендіальному капиталу.

§ 5. Стипендіатами назначаются исключительно дѣти жителей Красновоставскаго уѣзда, христіанскихъ исповѣданій, по выбору педагогическаго совѣта Люблинской мужской гимназіи и съ утвержденія попечителя Варшавскаго учебнаго округа.

§ 6. Стипендіаты пользуются стипендіей до тѣхъ поръ, пока остаются въ гимназіи, на сколько поведеніемъ и прилежаніемъ будутъ таковой достойны.

§ 7. О каждой выданной стипендіи публикуется въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ и въ одной изъ наиболѣе распространенныхъ варшавскихъ газетъ.

§ 8. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

2. (22-го октября 1889 года). Положеніе о стипендіи при С.-Петербургскомъ второмъ реальномъ училищѣ въ память чудеснаго избавленія Августѣйшей Семьи отъ опасности 17-го октября 1888 года.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ представленнаго правленіемъ общества вспоможенія прикащикамъ и сидѣльцамъ въ С.-Петербургѣ капитала въ одну тысячу рублей учреждается при С.-Петербургскомъ 2-мъ реальномъ училищѣ одна стипендія Имени Ихъ Императорскихъ Величествъ въ память чудеснаго Ихъ избавленія при крушеніи желѣзно-дорожнаго поѣзда 17-го октября 1888 года.

§ 2. Означенный капиталъ, заключающійся въ двухъ билетахъ государственной комиссіи погашенія долговъ 6⁰/₁₀₀ займа, хранится въ С.-Петербургскомъ губернскомъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ С.-Петербургскаго 2-го реальнаго училища, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ сего капитала въ размѣрѣ 60 руб. выдаются стипендіату для взноса платы за ученіе.

§ 4. Въ стипендіаты избираются сыновья и родные братья дѣйствительныхъ членовъ общества вспоможенія прикащикамъ и сидѣльцамъ въ С.-Петербургѣ, христіанскаго вѣроисповѣданія.

§ 5. Право избранія стипендіатовъ принадлежитъ правленію этого общества, которое представляетъ къ приѣмнымъ экзаменамъ трехъ кандидатовъ и назначаетъ стипендію тому изъ нихъ, кто лучше выдержитъ приѣмное испытаніе.

§ 6. Въ случаѣ, если изъ представленныхъ правленіемъ общества

кандидатовъ къ экзаменамъ, ни одинъ не выдержитъ испытанія, то доходъ съ стипендіальнаго капитала за этотъ годъ обращается училищемъ на образованіе новыхъ такихъ же стипендій. На тотъ же предметъ поступаютъ и всѣ другіе могущіе быть по какимъ-либо причинамъ остатки отъ этого капитала.

§ 7. Если почему-либо общество прекратить свое существованіе, то назначеніе стипендіатовъ предоставляется педагогическому совѣту училища, но на полученіе этой стипендіи имѣютъ право дѣти бѣднѣйшихъ прикащиковъ, христіанскаго вѣроисповѣданія, по удостоверенію купеческой управы, или учрежденія, ее замѣняющаго.

§ 8. Въ случаѣ преобразованія С.-Петербургскаго втораго реальнаго училища въ другое какое-либо учебное заведеніе, стипендіальный капиталъ передается по усмотрѣнію общества, пока оно существуетъ, а за закрытіемъ его, по усмотрѣнію начальства С.-Петербургскаго учебнаго округа, въ то учебное заведеніе, которое будетъ соответствовать нуждамъ отечественной торговли и промышленности.

§ 9. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

3. (22-го октября 1889 года). Положеніе о стипендіяхъ имени вдовы потомственнаго почетнаго гражданина Юліи Ивановны Базановой при Александровскомъ Тюменскомъ реальномъ училищѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Капиталу въ двадцать тысячъ руб., пожертвованному вдовою потомственнаго почетнаго гражданина Юліею Ивановною Базановой на учрежденіе стипендій при Александровскомъ Тюменскомъ реальномъ училищѣ присвоивается, съ Высочайшаго соизволенія 16-го октября 1889 г., наименованіе: „капиталъ потомственной почетной гражданки Юліи Ивановны Базановой“.

§ 2. Означенный капиталъ заключается въ 4% облигаціяхъ внутренняго займа 1887 г. и хранится въ Тюменскомъ окружномъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ названнаго училища, составляя неотъемлемую собственность заведенія и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Изъ процентовъ съ этого капитала, составляющихъ ежегодно, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго сбора, по закону 20-го мая 1885 г., сумму въ семьсотъ шестьдесятъ руб., ежегодно употребляется до шестисотъ руб., на взносъ платы за уче-

ніе въ названномъ реальномъ училищѣ сорока стипендіатовъ (по пятнадцати руб. на каждого). Если впослѣдствіи, по распоряженію правительства, плата за право ученія въ Александровскомъ Тюменскомъ реальномъ училищѣ будетъ возвышена, то пропорціонально увеличенію платы должно уменьшиться и самое число стипендій.

§ 4. Право пользованія означенными стипендіями предоставляется способнымъ къ наукамъ и бѣднѣйшимъ ученикамъ изъ уроженцевъ Сибири, исключительно православнаго вѣроисповѣданія и преимущественно принадлежащимъ къ купеческому и мѣщанскому сословіямъ, или происходящимъ изъ таковыхъ, въ случаѣ же неимѣнія кандидатовъ изъ названныхъ сословій свободныя вакансіи замѣщаются дѣтьми крестьянъ, чиновниковъ и духовенства, съ соблюденіемъ строгой послѣдовательности означеннаго здѣсь порядка словности.

§ 5. Выборъ стипендіатовъ предоставляется педагогическому совѣту Александровскаго Тюменскаго реального училища, въ случаѣ же большаго, противъ опредѣленнаго, количества кандидатовъ, въ стипендіаты избираются по жребію лучшіе по способностямъ ученики.

§ 6. Пользующіеся этими стипендіями воспитанники называются стипендіатами Юліи Ивановны Базановой.

§ 7. Остатокъ отъ процентовъ со стипендіальнаго капитала и всѣ деньги, могущія образоваться отъ незамѣщенія въ помянутомъ учебномъ заведеніи стипендій, по окончаніи каждого года обращаются въ государственныя процентныя бумаги и присоединяются къ пожертвованному капиталу, пока не составитя сумма, процентовъ съ коей будетъ достаточно для образованія еще одной стипендіи въ одномъ изъ высшихъ; по усмотрѣнію педагогическаго совѣта Александровскаго Тюменскаго реального училища, техническихъ учебныхъ заведеній для окончившихъ курсъ въ названномъ училищѣ даровитыхъ стипендіатовъ Ю. И. Базановой.

§ 8. Означенная стипендія также называется стипендіей потомственной почетной гражданки Ю. И. Базановой и должна обеспечивать какъ взносъ за право слушанія лекцій, такъ и содержаніе и обмундировку стипендіата; стипендія эта въ случаѣ нѣсколькихъ на нее кандидатовъ замѣщается по жребію.

§ 9. Храненіе стипендіальнаго капитала, наблюденіе за тиражами, замѣнъ вышедшихъ въ тиражъ облигацій другими государственными процентными бумагами, соотвѣтствующей доходности, и присоединеніе къ капиталу, обозначенному въ 7 п. курсовой раз-

ницы въ полной ея суммѣ, могущей произойти при покупкѣ процентныхъ бумагъ взаимнъ выпедшихъ въ тиражъ, возлагается на педагогическій совѣтъ училища.

§ 10. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

4. (25-го октября 1889 года). Положеніе о стипендіи имени дворянина Ивана Владиславовича Роецкаго при Императорскомъ университетѣ св. Владиміра.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Дворянинъ Кіевской губерніи Леонардъ Михайловичъ Янковскій, исполняя волю умершаго дворянина Ивана Владиславовича Роецкаго, учреждаетъ при Императорскомъ университетѣ св. Владиміра одну стипендію въ триста двадцать три руб. годичнаго дохода, подъ наименованіемъ „стипендіи имени Ивана Роецкаго“.

§ 2. Для обезпеченія означенной стипендіи г. Янковскій представляетъ шесть тысячъ восемьсотъ руб. заключающіеся въ 5% облигаціяхъ 1-го восточнаго займа за №№ 38695, 42765, 99477, 99721, по 100 руб., №№ 112733, 122881, 134282, 148986, 150141, 165155, 168296, 267708, 292636, 314474, 317736, 357523, 427159, 446433, 446434, 446435, 446436, 446437, 446438, 446439, 446440, 446441, 446442, 446443, 448241, 454631, 465072 и 465072 по 100 руб. Стипендіальный капиталъ хранится въ Кіевскомъ губернскомъ казначействѣ, составляя собственность университета св. Владиміра.

§ 3. Стипендія назначается правленіемъ св. Владиміра по соглашенію съ учредителемъ Леонардомъ Михайловичемъ Янковскимъ и съ утвержденія попечителя учебнаго округа.

§ 4. Стипендіатомъ имени Ивана Роецкаго можетъ быть студентъ университета св. Владиміра польскаго происхожденія, католическаго исповѣданія безъ разлічія сословія, хорошаго поведенія и хорошихъ успѣховъ въ наукахъ.

§ 5. Стипендіатъ имени Ивана Роецкаго обязанъ подчиняться относительно своихъ научныхъ занятій правиламъ, установленнымъ для стипендіатовъ министерства народнаго просвѣщенія.

§ 6. Содержаніе стипендіатамъ имени Ивана Роецкаго производится правленіемъ въ сроки, назначенные для сего правилами для прочихъ стипендіатовъ университета.

§ 7. Стипендіатъ лишается стипендіи въ случаяхъ: 1) выбитія его изъ университета св. Владиміра и 2) неуспѣшности въ научныхъ

занятіяхъ стипендіата, если нѣтъ къ тому особыхъ уважительныхъ причинъ, засвидѣтельствованныхъ непосредственнымъ начальствомъ.

§ 8. Остатокъ отъ содержанія стипендіата, по случаю незамѣченія стипендіи въ какомъ-нибудь полугодіи, выдается въ единовременное пособіе стипендіату при окончаніи курса университета.

5. (21-го ноября 1889 года). Положеніе о стипендіи при Илукстскомъ городскомъ училищѣ въ память событія 17-го октября 1888 года.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 16-го октября 1889 года на счетъ процентовъ съ капитала четыреста руб., пожертвованнаго женою тайнаго совѣтника Софьей Николаевной Капустиной, учреждается при Илукстскомъ городскомъ училищѣ стипендіа, съ присвоеніемъ оной наименованія „стипендіа въ память событія 17-го октября 1888 года“.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ 4 билетахъ 2-го восточнаго займа, по сто руб. каждый, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, хранится въ Якобштадтскомъ уѣздномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ названнаго училища.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ части, подлежащей, по закону 20-го мая 1885 года, поступленію въ казну, выдаются ежегодно избранному стипендіату въ день 17-го октября.

§ 4. Стипендіатъ избирается педагогическимъ совѣтомъ Илукстскаго городского училища изъ числа бѣднѣйшихъ и достойнѣйшихъ учениковъ онаго, безъ различія сословія и вѣросповѣданія, и по представленію учителя-инспектора утверждается директоромъ народныхъ училищъ.

§ 5. Могущіе образоваться отъ временнаго незамѣченія стипендіи или по какимъ другимъ причинамъ остатки причисляются къ стипендіальному капиталу.

§ 6. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

6. (23-го ноября 1889 года). Положеніи о стипендіи при Московской 3-й гимназій имени бывшаго воспитанника оной Александра Герасимовича Коммиссарова.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На капиталъ въ семь тысячъ рублей, заключающійся въ

свидѣтельствахъ государственной комиссіи погашенія долговъ на государственную желѣзнодорожную непрерывную доходную ренту, учреждается при Московской 3-й гимназій стипендія имени бывшаго воспитанника означенной гимназій Александра Герасимовича Коммиссарова.

§ 2. Изъ процентной суммы выдается стипендіату 300 рублей въ годъ, а остатокъ употребляется на пособіе ему же, въ случаѣ поступления его въ университетъ, но въ размѣрѣ не свыше 100 руб., если же оставшаяся сумма будетъ превышать эту цифру, то излишекъ употребляется на взносъ платы за ученіе за кого-либо изъ бѣднѣйшихъ воспитанниковъ Московской 3-й гимназій по усмотрѣнію педагогическаго совѣта гимназій.

§ 3. Стипендія назначается одному изъ бѣднѣйшихъ учениковъ христіанскаго исповѣданія, хорошаго поведенія и имѣющему по главнымъ предметамъ баллъ не менѣе 3.

§ 4. Избраніе кандидата на стипендію принадлежитъ пожизненно Михаилу Герасимовичу Коммиссарову, а затѣмъ правленію „Общества вспомошествованія недостаточнымъ ученикамъ Московской 3-й гимназій“, въ случаѣ же закрытія Общества—педагогическому совѣту гимназій.

§ 5. Если успѣхи стипендіата по главнымъ предметамъ будутъ аттестованы въ концѣ полугодія ниже балла 3 и при этомъ неуспѣшность его не можетъ быть объяснена какими-нибудь особыми неблагоприятными обстоятельствами, отъ него самого не зависѣвшими, то онъ лишается стипендіи по постановленію педагогическаго совѣта. Равнымъ образомъ стипендіатъ долженъ быть лишенъ стипендіи и въ случаѣ полученія балла за поведеніе ниже 4.

7. (6-го декабря 1889 года). Положеніе о стипендіи имени умершаго кронштадтскаго 2-й гильдіи купца Николая Ивановича Сидорова, при Кронштадтской мужской гимназій.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. При Кронштадтской мужской гимназій учреждается стипендія имени умершаго кронштадтскаго 2-й гильдіи купца Николая Ивановича Сидорова, на счетъ процентовъ съ капитала въ одну тысячу рублей, внесеннаго, согласно духовному завѣщанію покойнаго Сидорова, родною сестрою его, женою потомственнаго почетнаго гражданина Ольгой Ивановною Кудрявцевой, и заключающагося въ государственномъ 5% банковомъ билетѣ въ одну тысячу рублей.

§ 2. Капиталъ этотъ, составляя неотъемлемую собственность Бронштаттской мужской гимназіи, остается навсегда неприкосновеннымъ и хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ специальныхъ средствахъ гимназіи.

§ 3. Избраніе стипендіата, изъ учениковъ гимназіи, при хорошихъ успѣхахъ и отличномъ поведеніи, на упомянутую стипендію, принадлежитъ пожизненно сестрѣ умершаго купца Сидорова, потомственной почетной гражданѣ Ольгѣ Ивановнѣ Кудравцевой, а послѣ нея педагогическому совѣту названной гимназіи.

§ 4. Стипендіату, оставшемуся въ томъ же классѣ на второй годъ, стипендія можетъ быть сохранена только по особо уважительнымъ причинамъ, признаннымъ таковыми педагогическимъ совѣтомъ гимназіи, и не иначе какъ съ согласія О. И. Кудравцевой.

§ 5. Могущія остаться отъ уплаты за право ученія стипендіата деньги выдаются на руки родителямъ стипендіата на учебныя пособия.

§ 6. Въ случаѣ временнаго незамѣщенія стипендіи, остатокъ отъ стипендіальной суммы присоединяется къ основному капиталу и, по мѣрѣ накопленія, обращается въ государственныя процентныя бумаги, для увеличенія, на будущее время, размѣра стипендіи.

§ 7. Пользованіе этою стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

8. (12-го декабря 1889 года). Положеніе о стипендіи имени Василія Филипповича Перласова при Рижской женской Ломоносовской гимназіи.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 года на счетъ процентовъ съ капитала въ семьсотъ руб., завѣщаннаго купеческимъ приказчикомъ Васиіемъ Филипповичемъ Перласовымъ, учреждается при Рижской женской Ломоносовской гимназіи стипендія имени завѣщателя.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ трехъ 5% билетахъ государственнаго банка, одинъ въ 500 руб. и два по 100 руб., остается навсегда неприкосновеннымъ и хранится въ мѣстномъ губернскомъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ названной гимназіи.

§ 3. Проценты съ стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ части, подлежащей, по закону 20-го мая 1885 года, поступленію въ казну, выдаются одной изъ бѣдныхъ и способныхъ ученицъ Рижской жен-

ской Ломоносовской гимназій, отличающейся успѣхами въ наукахъ и хорошимъ поведеніемъ.

§ 4. Право выбора стипендіатки принадлежитъ попечительному совѣту гимназій.

§ 5. Могущіе образоваться остатки отъ временнаго незамѣщенія стипендіи или по какимъ-либо другимъ причинамъ обращаются въ пособіе избранной затѣмъ стипендіаткѣ.

§ 6. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

9. (14-го декабря 1889 года). Положеніе о стипендіи имени горійскаго гражданина Александра Мелхиседековича Теръ-Акопова при Гори-Анастасіевской женской прогимназій.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 года, учреждается при Гори-Анастасіевской женской прогимназій стипендіа имени горійскаго гражданина Александра Мелхиседековича Теръ-Акопова на счетъ процентовъ съ капитала въ одну тысячу пятьсотъ руб., завѣщаннаго имъ съ этою цѣлю.

§ 2. Билетъ на означенный капиталъ, внесенный вѣчнымъ владомъ въ Тифлисское отдѣленіе государственнаго банка, за № 25259, хранится въ Горійскомъ уѣздномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ Гори-Анастасіевской женской прогимназій.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ части, подлежащей, по закону 20-го мая 1885 года, поступленію въ казну, употребляются на взносъ платы за ученіе избранной стипендіатки.

§ 4. Право выбора стипендіатки изъ дочерей бѣдныхъ горійскихъ армянъ, состоящихъ воспитанницами прогимназій, принадлежатъ вдовѣ завѣщателя Екатеринѣ Степановнѣ Теръ-Акоповой и брату его Аугару Мелхиседековичу Теръ-Акопову пожизненно, а по смерти ихъ право это переходитъ къ Горійской городской думѣ.

§ 5. Могущіе образоваться остатки отъ уплаты за одну стипендіатку употребляются на взносъ платы за ученіе или части ея другой ученицы прогимназій, избранной согласно § 4.

§ 6. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

10. (14-го декабря 1889 года). Положеніе о стипендіи имени крестьянина Черниговской губерні Ефрема Иванова Козько при Анапскомъ городскомъ трехклассномъ училищѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 г., на счетъ процентовъ съ капитала въ двѣсти руб., пожертвованнаго крестьяниномъ Черниговской губерні Ефремомъ Ивановымъ Козько, учреждается при Анапскомъ трехклассномъ училищѣ стипендія имени жертвователя.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ двухъ сторублевыхъ 5% облигаціяхъ Восточнаго займа 1877 г., оставаясь неприкосновеннымъ, хранится въ Новороссійскомъ уѣздномъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ названнаго училища.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 г., употребляются на пособіе стипендіату, а именно: на плату за ученіе, на покупку книгъ и учебныхъ пособій.

§ 4. Если во времени окончанія стипендіатомъ курса отъ процентныхъ денегъ останется какая-либо сумма, то таковая можетъ быть выдана ему на руки, если будетъ въ томъ надобность.

§ 5. Въ стипендіаты избирается одинъ изъ бѣднѣйшихъ учениковъ означеннаго городского училища, отличающійся хорошими успѣхами и поведеніемъ.

§ 6. Право избранія стипендіата принадлежитъ педагогическому совѣту училища.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

11. (14-го декабря 1889 года). Положеніе о стипендіи имени умершихъ Павла и Андрея Герасимовичей Камаринныхъ при Рижскомъ городскомъ училищѣ Императрицы Екатерины II.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 г., на счетъ процентовъ съ капитала въ пятьсотъ руб., пожертвованнаго вдовою коммерціи совѣтника Александрой Яковлевной Камариной, учреждается при Рижскомъ городскомъ училищѣ Императрицы Екатерины II стипендія имени умершихъ Павла и Андрея Герасимовичей Камаринныхъ.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ одномъ пяти-

процентномъ билетѣ 5-го займа въ пятьсотъ рублей, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, хранится въ Рижскомъ губернскомъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ означеннаго училища.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго сбора, по закону 20-го мая 1885 г., употребляются на плату за ученіе избраннаго стипендіата.

§ 4. Право выбора стипендіата изъ числа учениковъ православнаго исповѣданія означеннаго училища принадлежитъ А. Я. Камариной пожизненно, а по смерти ея переходитъ къ ея наслѣдникамъ.

§ 5. Могущіе образоваться остатки отъ временнаго незамѣщенія стипендіи или по какимъ другимъ причинамъ причисляются къ стипендіальному капиталу.

§ 6. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

IV. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Брошюру: „Руководство къ правильному употребленію знаковъ препинанія. Составилъ учитель И. К. Ганъ. Изданіе 4-е, исправленное и дополненное. 1889. Въ 8-ку стр. 76. Цѣна 30 коп.“—допустить къ употребленію въ видѣ учебнаго пособія въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Фаустъ. Трагедія Гете. Переводъ Н. Голованова. Москва. 1889. Въ 16-ю д. л. стр. 212. Цѣна 1 руб.“—допустить въ ученическія бібліотеки старшаго возраста мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ на ряду съ другими переводами первой части Фауста.

— Книгу: „Латинская грамматика. По Штегмаху составилъ В. Никифоровъ, преподаватель шестиклассной прогимназіи въ Москвѣ. М. 1890. Въ 8-ку стр. III+300. Цѣна 1 руб. 25 коп.“—одобрить въ качествѣ учебнаго руководства по латинскому языку въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Великіе римскіе писатели. Очеркъ классической литературы римлянъ. Г. В. Штолля. Изданіе О. И. Бакста. С.-Пб.

1889. Въ 8-ку стр. II+4+376. Цѣна 2 руб.“—допустить въ качествѣ учебнаго пособия въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

— Изданіе: „Русскія древности въ памятникахъ искусства, издаваемая графомъ И. Толстымъ и Н. Кондаковымъ. Выпускъ первый. Классическія древности Южной Россіи. Съ 145 рисунками въ текстѣ. Изданіе 2-е. С.-Пб. Въ 4-ку стр. V+118. Выпускъ второй. Древности Скифо-Сарматскія. Съ 147 рисунками въ текстѣ. С.-Пб. Въ 4-ку стр. 161. Цѣна каждаго выпуска по 1 руб.“—рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній и для выдачи въ видѣ награды ученикамъ старшихъ классовъ.

— Книгу: „Святый равноапостольный Князь Владиміръ, просвѣтитель Руси. 900-лѣтіе Руси. И. П. Матченко. С.-Пб. 1889. Въ 8-ку стр. 378“—одобрить для приобрѣтенія въ ученическія библіотеки (для среднихъ и старшихъ классовъ) среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Учебникъ нѣмецкой грамматики, изложенной сравнительно съ грамматикой русскаго языка для среднихъ учебныхъ заведеній. Въ трехъ концентрическихъ курсахъ. Составилъ А. А. Аллендорфъ, инспекторъ Нижегородскаго дворянскаго института. Изданіе 4-е, исправленное. Москва. 1889. Въ 8-ку стр. XVI+228. Цѣна 1 руб.“—одобрить въ качествѣ руководства при преподаваніи нѣмецкой грамматики въ среднихъ и старшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Синтаксисъ нѣмецкаго языка, изложенный сравнительно съ синтаксисомъ русскаго языка. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ Августъ Гофманъ, директоръ С.-Петербургской 7-й гимназіи. Изданіе 2-е, исправленное. С.-Пб. 1889. Въ 8-ку стр. XII+100. Цѣна 70 коп.“—одобрить въ качествѣ руководства при преподаваніи нѣмецкаго языка въ старшихъ классахъ гимназій и реальныхъ училищъ, а также женскихъ гимназій.

— Книгу: „Основные понятія о нравственности, правѣ и обществѣ. Курсъ законовѣдѣнія для кадетскихъ корпусовъ, на основаніи утвержденной военнымъ министромъ программы, составленъ по порученію главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній. С.-Пб. 1889. Въ 8-ку стр. 144. Цѣна 1 руб.“—одобрить для ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній старшаго возраста.

— Книгу: „Очеркъ ученія о предсказаніи погоды (Синоптическая метеорологія), съ однимъ рисункомъ, съ 18-ю листами чертежей и вспомогательными таблицами. Составилъ М. Поморцевъ. С.-Пб. 1889“—рекомендовать для фундаментальныхъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, учительскихъ институтовъ и для ученическихъ старшаго возраста библіотекъ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Брощюру: „Надо ли бояться грома и молніи? Популярное объясненіе этихъ явленій, мѣры предосторожности во время грозы, полезныя совѣты слабонервнымъ людямъ, боящимся грома и молніи, и первоначальная помощь пораженнымъ молніею или оглушеннымъ громомъ. Составилъ И. К. Ганъ. Вильна. 1888. Стр. 22. Цѣна 20 коп.“—допустить для ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ.

— Книгу: Г. Нидерле. Грамматика греческаго языка, обработанная для русскихъ гимназій. Часть I. Этимологія. Съ чешскаго перевелъ И. Мейеръ. Изданіе 4-е. Москва. 1889. Въ 8-ку стр. 283. Цѣна 1 руб.“—одобрить въ видѣ руководства по греческому языку въ гимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „В. В. Латышевъ. Очеркъ греческихъ древностей. Пособіе для гимназистовъ старшихъ классовъ и для начинающихъ филологовъ. Часть 2-я. Богослужебныя и сценическія древности С.-Пб. 1889. Въ 8-ку стр. 326. Цѣна 1 руб. 25 коп.“—одобрить какъ учебное пособіе по греческой словесности и рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ (старшаго возраста) библіотекъ гимназій и прогимназій министерства народнаго просвѣщенія.

ОФИЦІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

— Г. министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ преобразовать съ 1-го іюля 1890 г. Тифлисскую 4-хъклассную мужскую прогимназію въ 6-тиклассный составъ, съ увеличеніемъ размѣра платы за ученіе въ сей прогимназіи съ 40 до шестидесяти руб. въ годъ съ каждаго ученика.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

І. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

8. (27-го ноября 1889 г.). О порядкѣ опредѣленія техническихъ должностей, при занятіи коихъ лица, окончившія курсъ въ высшихъ техническихъ заведеніяхъ, приобрѣтаютъ право на производство въ чины, соотвѣтствующіе ихъ ученымъ званіямъ.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о порядкѣ опредѣленія техническихъ должностей, при занятіи коихъ лица, окончившія курсъ въ высшихъ техническихъ заведеніяхъ, приобрѣтаютъ право на производство въ чины, соотвѣтствующіе ихъ ученымъ званіямъ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ законовъ и государственной экономіи и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о дополненіи ст. 103 тома III, устава о службѣ по опредѣленію отъ правительства, изд. 1876 г., мнѣніемъ положилъ:

Статью 103 устава о службѣ по опредѣленію отъ правительства (свод. зак. т. III, изд. 1876 г.) дополнить слѣдующимъ постановленіемъ:

„Министру народнаго просвѣщенія предоставляется, по соглашенію съ вѣдомствами, въ которыхъ существуетъ техническая часть,—

въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ по принадлежности, а также съ министромъ финансовъ—во всѣхъ случаяхъ, опредѣлять тѣ относящіяся къ технической части должности, занятіе которыхъ даетъ лицамъ, окончившимъ съ учеными званіями курсъ въ практическихъ технологическихъ институтахъ С.-Петербургскомъ и Харьковскомъ и въ Императорскомъ Московскомъ техническомъ училищѣ, право на производство въ чины, соотвѣтственно пріобрѣтеннымъ сими лицами ученымъ званіямъ. Составленные симъ порядкомъ списки техническихъ должностей представляются министромъ народнаго просвѣщенія правительствующему сенату, для опубликованія*.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

9. (27-го ноября 1889 г.). Объ учрежденіи въ Харьковскомъ и Казанскомъ ветеринарныхъ институтахъ должности помощника инспектора.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, объ учрежденіи въ Харьковскомъ и Казанскомъ ветеринарныхъ институтахъ должности помощника инспектора, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписаль: предсѣдатель государственнаго совѣта Михайлъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ учрежденіи въ Харьковскомъ и Казанскомъ ветеринарныхъ институтахъ должности помощника инспектора, мнѣніемъ положилъ:

I. Учредить въ Харьковскомъ и Казанскомъ ветеринарныхъ институтахъ должность помощника инспектора, съ присвоеніемъ ей годоваго содержанія въ шестьсотъ руб. (въ томъ числѣ 400 руб. жалованья и 200 руб. столовыхъ), при квартирѣ въ натурѣ, IX класса по чинопроизводству, IX разряда по шитью на мундирѣ и пенсіи по учебной службѣ.

II. Расходъ потребный на производство содержанія упомянутымъ въ отд. I помощникамъ инспектора, отнести на средства ассигнуемыя Харьковскому и Казанскому ветеринарнымъ институтамъ.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

10. (27-го ноября 1889 г.). Объ учрежденіи третьей должности инспектора народныхъ училищъ въ Туркестанскомъ краѣ.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, объ учрежденіи третьей должности инспектора народныхъ училищъ въ Туркестанскомъ краѣ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписаль: предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ учрежденіи третьей должности инспектора народныхъ училищъ въ Туркестанскомъ краѣ, мнѣніемъ положилъ:

I. Учредить третью должность инспектора народныхъ училищъ въ Туркестанскомъ краѣ на основаніяхъ, установленныхъ Высочайше утвержденнымъ 1-го марта 1877 г. мнѣніемъ государственнаго совѣта, съ присвоеніемъ сей должности содержанія по три тысячи двѣсти пятидесяти руб. въ годъ (въ томъ числѣ: 1.500 руб. жалованья и 750 руб. столовыхъ изъ казны и 1.000 руб. на разъѣзды, наемъ квартиры и канцелярскіе расходы изъ мѣстныхъ средствъ).

II. Учрежденную по Высочайшему повелѣнію 28-го октября 1871 г. должность инспектора татарскихъ, киргизскихъ и башкирскихъ школъ Казанскаго учебнаго округа упразднить.

III. Расходъ на производство жалованья и столовыхъ денегъ третьему инспектору народныхъ училищъ Туркестанскаго края, въ размѣрѣ двухъ тысячъ двухсотъ пятидесяти рублей, вносить ежегодно въ подлежащее подраздѣленіе расходной смѣты министерства народнаго просвѣщенія.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

11. (16-го декабря 1889 года). Объ описаніи форменной одежды для учениковъ Красноуфимскаго промышленнаго училища.

Министръ народнаго просвѣщенія представилъ въ правительствующій сенатъ Высочайше утвержденное, въ 16-й день декабря 1889 года,

описание форменной одежды для учениковъ Красноуфимскаго промышленнаго училища.

На подлинномъ написано: „Высочайше утверждено“.

16-го декабря 1889 года.

Подписалъ: министр народнаго просвѣщенія графъ Деляновъ.

Описание форменной одежды для учениковъ Красноуфимскаго промышленнаго училища.

1) Рабочая одежда: блуза и шаровары (въ сапоги) сѣраго сукна по установленному для реальныхъ училищъ образцу; на воротѣ блузы 3 и на рукавахъ 4 мѣдныхъ пуговицы малаго формата съ изображеніемъ герба Пермской губерніи; шаровары оторочены голубымъ кантомъ; кожаный поясъ съ мѣдною пряжкой съ буквами „К. П. У.“.

2) Класная одежда: а) двубортная темно-зеленаго сукна куртка, на 4 вершка не доходящая до колѣнъ; воротникъ откладной съ черными бархатными петлицами, по бортамъ, обшлагамъ, воротнику и петлицамъ—голубой кантъ, на плечахъ мѣдные штампованные знаки: на черномъ бархатѣ, отороченномъ голубымъ кантомъ, мѣдный штампованный вѣнокъ, внутри котораго буквы „К. П. У.“; по бортамъ куртки 12 и на петлицахъ 2, всего 14 мѣдныхъ пуговицъ большого формата съ изображеніемъ герба Пермской губерніи; на обшлагахъ 4 такихъ же пуговицы малаго формата; б) шаровары (поверхъ сапогъ) сѣраго сукна съ голубымъ кантомъ.

3) Верхняя одежда: А) плащъ темно-зеленаго сукна по установленному для реальныхъ училищъ образцу съ тѣмъ лишь отличіемъ, что а) воротникъ и обшлага оторочены голубымъ кантомъ, б) на воротникѣ плаща такія же петлицы, а на плечахъ такіе же знаки, какъ на воротникѣ и на плечахъ куртки, в) пуговицы съ изображеніемъ герба Пермской губерніи. Б) фуражка по установленному для реальныхъ училищъ образцу съ слѣдующими отличіями: околышъ чернаго бархата, отороченный голубымъ кантомъ, проходящимъ также и по тульѣ; на тульѣ мѣдный штампованный значекъ съ изображеніемъ зубчатаго колеса, внутри котораго помѣщаются двѣ змѣи, вьющіяся около посоха, увѣнчаннаго крыльями орла.

12. (16-го декабря 1889 года). О сокращеніи числа стипендій, учрежденныхъ при Тамбовской гимназіи.

На основаніи Высочайшихъ повелѣній 26-го мая и 19-го ноября 1876 года учреждены были при Тамбовской гимназіи 14 стипендій

имени бывшаго Тамбовскаго губернатора, тайнаго совѣтника Гартинга. 4 стипендіи на проценты съ капитала въ 1,600 р., собраннаго чиновниками учреждений министерства внутреннихъ дѣлъ въ Тамбовской губерніи, и 10 стипендій на проценты съ капитала въ 4,000 р., пожертвованнаго Тамбовскою городскою думою.

Въ виду недостаточности поименованныхъ стипендій даже на покрытіе взносовъ платы за право ученія стипендіатовъ въ гимназій, Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 16-й день декабря 1889 г., Высочайше соизволилъ на образованіе изъ каждаго двухъ изъ сихъ стипендій одной, но съ тѣмъ, чтобы сокращеніе стипендій съ капитала, собраннаго лицами учреждений министерства внутреннихъ дѣлъ въ Тамбовской губерніи, было сдѣлано не ранѣе освобожденія сихъ стипендій, дабы не лишитъ вспомошествованія тѣхъ учениковъ, которые сими стипендіями въ настоящее время пользуются, а сокращеніе стипендій съ капитала, пожертвованнаго Тамбовскою городскою думою, должно быть произведено съ оставленіемъ за сею думою права войти съ ходатайствомъ о восстановленіи прежняго числа стипендій въ случаѣ уменьшенія въ гимназій размѣра платы за ученіе.

13. (18-го декабря 1889 года). О срокахъ для взноса пособій на содержаніе учебныхъ заведеній.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о срокахъ для взноса пособій на содержаніе учебныхъ заведеній, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія, о срокахъ для взноса пособій на содержаніе учебныхъ заведеній, мнѣніемъ положилъ:

Въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ узаконеній постановить:

I. Денежныя суммы, причитающіяся казнѣ съ земства и городовъ въ пособіе на содержаніе учебныхъ заведеній, вносятся земскими и городскими общественными учрежденіями въ надлежащія казначейства въ два срока, къ 1-му января и 1-му іюля, за полугодіе впередъ.

II. На суммы, не внесенныя въ казначейства къ установленнымъ

срокамъ (ст. I), начисляется цена въ пользу государственнаго казначейства, въ размѣрѣ одного процента въ мѣсяцъ.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

II. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

12. (14-го декабря 1889 года). Объ утвержденіи правилъ для выдачи свидѣтельствъ на льготы при отбываніи воинской повинности ученикамъ евангелическо-лютеранскихъ сельскихъ училищъ въ губерніяхъ Лифляндской, Курляндской и Эстляндской.

Министръ народнаго просвѣщенія представилъ въ правительствующій сенатъ, для опубликованія во всеобщее свѣдѣніе, утвержденныя имъ, министромъ, 14-го декабря 1889 года, на основаніи Высочайше утвержденнаго 4-го мая 1889 года мнѣнія государственнаго совѣта, по соглашенію съ министерствами военнымъ и внутреннимъ дѣлъ, правила для выдачи свидѣтельствъ на льготу при отбываніи воинской повинности ученикамъ евангелическо-лютеранскихъ сельскихъ училищъ въ губерніяхъ Лифляндской, Курляндской и Эстляндской.

На подлинныхъ написано: „На основаніи Высочайше утвержденнаго 4-го мая 1889 г. мнѣнія государственнаго совѣта, утверждаю“.

Подписалъ: министръ народнаго просвѣщенія, статсъ-секретарь графъ Деляновъ.

Правила для выдачи свидѣтельствъ на льготы при отбываніи воинской повинности ученикамъ евангелическо-лютеранскихъ сельскихъ училищъ въ губерніяхъ Лифляндской, Курляндской и Эстляндской.

§ 1. Ученики евангелическо-лютеранскихъ сельскихъ училищъ въ губерніяхъ Лифляндской, Курляндской и Эстляндской, желающіе воспользоваться правомъ на выслугу сокращенныхъ сроковъ службы, установленныхъ п. 3 ст. 56 уст. о воинской повинности, должны имѣть отъ педагогическаго совѣта подлежащаго правительственнаго учебнаго заведенія свидѣтельства о знаніи курса означенныхъ училищъ.

Примѣчаніе. Впредь до времени, когда послѣдуетъ распоряженіе о причисленіи евангелическо-лютеранскихъ сельскихъ

школы въ Эзельскомъ уѣздѣ Лифляндской губерніи, къ подлежащему разряду учебныхъ заведеній въ отношеніи отбыванія воинской повинности и когда школы сіи будутъ предоставлять обучающимся въ нихъ соотвѣтственныя льготы по отбыванію означенной повинности, дѣйствіе настоящихъ правилъ не простирается на упомянутыя школы Эзельскаго уѣзда.

§ 2. Выдача сихъ свидѣтельствъ возлагается въ каждомъ уѣздѣ губерніи на педагогическій совѣтъ существующаго въ ономъ правительственнаго учебнаго заведенія вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. По уѣздамъ, гдѣ таковыхъ заведеній имѣется два или болѣе, попечителю Дерптскаго учебнаго округа предоставляется или для исполненія обязанностей по выдачѣ упомянутыхъ свидѣтельствъ избирать педагогическій совѣтъ одного изъ означенныхъ заведеній, или распределять исполненіе этихъ обязанностей между педагогическими совѣтами всѣхъ или лишь нѣкоторыхъ изъ сихъ заведеній. По уѣздамъ же, гдѣ не имѣется таковыхъ учебныхъ заведеній, попечителю учебнаго округа предоставляется исполненіе обязанностей по выдачѣ упомянутыхъ свидѣтельствъ возлагать на педагогическіе совѣты названнаго рода учебныхъ заведеній, существующихъ въ ближайшемъ изъ сосѣднихъ уѣздовъ.

§ 3. Въ засѣданіяхъ педагогическихъ совѣтовъ означенныхъ въ предыдущемъ параграфѣ учебныхъ заведеній по дѣламъ о выдачѣ упомянутыхъ свидѣтельствъ и производствѣ установленныхъ для сего испытаній участвуетъ одинъ изъ инспекторовъ народныхъ училищъ, по назначенію попечителя учебнаго округа. По симъ дѣламъ въ засѣданіяхъ совѣтовъ тѣхъ учебныхъ заведеній, кои подчинены инспекторамъ народныхъ училищъ, право предсѣдательства принадлежитъ инспектору сихъ училищъ; по прочимъ же учебнымъ заведеніямъ предсѣдательство принадлежитъ начальнику даннаго заведенія или инспектору народныхъ училищъ, по усмотрѣнію попечителя учебнаго округа, коимъ разрѣшаются всѣ случаи могущихъ возникнуть при устройствѣ порядка испытаній недоразумѣній.

§ 4. Педагогическіе совѣты означенныхъ выше учебныхъ заведеній выдаютъ желающимъ свидѣтельства о знаніи курса, указаннаго въ § 1 сихъ правилъ, по надлежащемъ удостовѣреніи въ знаніи ими такого курса на основаніи настоящихъ правилъ.

§ 5. Въ степени знанія желающихъ получить таковыя свидѣтельства педагогическіе совѣты удостовѣряются посредствомъ особыхъ испытаній, для производства коихъ открываются комиссіи или при

самыхъ совѣтахъ, или въ другихъ пунктахъ, избираемыхъ попечителемъ учебнаго округа, по соображенію съ мѣстными удобствами и по соглашенію съ губернаторами. Для сего попечитель округа сообщаетъ губернаторамъ списки тѣхъ мѣстъ и пунктовъ, гдѣ имѣютъ быть открыты означенныя комиссіи, съ указаніемъ, отъ какого совѣта будетъ образована въ данномъ пунктѣ комиссія и изъ какихъ училищъ ученики должны явиться для испытаній въ ту или другую изъ комиссій.

§ 6. Когда на основаніи такого соглашенія будетъ опредѣлено, въ какихъ мѣстахъ, отъ какого педагогическаго совѣта и для учениковъ какихъ училищъ имѣютъ быть образованы испытательныя комиссіи, попечитель учебнаго округа поставяетъ о томъ въ извѣстность педагогическіе совѣты подлежащихъ учебныхъ заведеній, а также директора и инспекторовъ народныхъ училищъ. Губернаторы же дадутъ о семъ знать волостнымъ правленіямъ.

§ 7. Означенныя въ предыдущемъ § комиссіи состоятъся каждая: а) изъ члена педагогическаго совѣта подлежащаго учебнаго заведенія, подъ предсѣдательствомъ сего члена: б) изъ мѣстнаго пастора, по приглашенію инспектора народныхъ училищъ, и в) изъ трехъ учителей мѣстныхъ народныхъ училищъ, по назначенію инспектора, при чемъ наблюдается, чтобы въ числѣ требуемыхъ для сего трехъ учителей непременно былъ одинъ изъ такихъ, кои, сверхъ другихъ предметовъ, преподаютъ въ школахъ и законъ Божій лютеранскаго исповѣданія. Этотъ послѣдній учитель, въ случаѣ неприбытія пастора къ комиссію къ производству испытаній, заступаеъ мѣсто пастора.

Примѣчаніе. Если въ числѣ испытуемыхъ имѣютъ быть ученики другихъ христіанскихъ исповѣданій, кромѣ лютеранскаго, то въ составъ комиссіи приглашаются инспекторомъ духовныя лица соотвѣтствующихъ исповѣданій.

§ 8. Испытанія производятся въ сроки, соотвѣтствующіе времени прекращенія учебныхъ занятій въ училищахъ данной мѣстности. Сообразуясь съ симъ, педагогическій совѣтъ подлежащаго учебнаго заведенія, которому мѣстный инспекторъ народныхъ училищъ обязанъ, по крайней мѣрѣ за два мѣсяца до прекращенія учебныхъ занятій въ училищахъ, доставить свѣдѣнія о времени прекращенія занятій въ училищахъ и списокъ самыхъ училищъ, назначаетъ сроки для производства испытаній въ томъ или въ другомъ пунктѣ, о чемъ заблаговременно извѣщаетъ какъ учителей, завѣдывающихъ учили-

щами, такъ и мѣстныхъ волостныхъ правленій, съ указаніемъ, что ученіе въ данномъ училищѣ должно быть прекращено не ранѣе такого-то числа и что всѣ ученики даннаго училища, желающіе подвергнуться испытанію, должны такого-то числа, въ сопровожденіи своихъ учителей, явиться въ такой-то пунктъ. Упомянутые въ семъ § сроки должны быть назначаемы въ предѣлахъ одного мѣсяца до прекращенія обычныхъ занятій въ училищахъ. Распоряженія о своевременной явкѣ въ назначенные пункты духовныхъ лицъ и учителей, имѣющихъ войти въ составъ комиссій, возлагаются на мѣстнаго инспектора народныхъ училищъ.

§ 9. Къ сроку, опредѣленному для производства испытаній въ данномъ пунктѣ, совѣтъ командируетъ въ сіи пункты одного изъ своихъ членовъ, по избранію совѣта, а инспектору народныхъ училищъ приглашаетъ туда подлежащихъ духовныхъ лицъ и назначаетъ учителей училищъ, согласно § 7.

§ 10. Расходы по командировкѣ членовъ педагогическихъ совѣтовъ правительственныхъ учебныхъ заведеній въ комиссіи, образуемыя внѣ мѣстъ нахожденія сихъ заведеній, производятся изъ спеціальныхъ средствъ оныхъ. Ученикамъ, имѣющимъ подвергнуться испытанію, и учителямъ, сопровождающимъ учениковъ, равно какъ учителямъ, назначаемымъ въ составъ комиссій, и духовнымъ лицамъ, приглашаемымъ въ комиссіи, для слѣдованія въ пункты, гдѣ образуются комиссіи, и обратнаго отправленія къ своимъ мѣстамъ, доставляются бесплатно подводъ сельскимъ начальствомъ тѣхъ волостей, въ предѣлахъ коихъ находятся училища, изъ коихъ отправляются ученики и учителя, и жительствоуютъ означенныя духовныя лица.

§ 11. Инспекторы народныхъ училищъ и духовныя лица, назначаемыя для наблюденія за преподаваніемъ закона Божія въ училищахъ, обязаны, по возможности, присутствовать на испытаніяхъ. При испытаніяхъ могутъ также присутствовать учителя тѣхъ училищъ, ученики коихъ испытуются, хотя бы эти учителя не входили въ составъ комиссій, родители испытуемыхъ и лица, заступающія мѣсто родителей, а равно почетнѣйшіе изъ мѣстныхъ жителей. Но въ самомъ производствѣ испытаній участвуютъ лишь предсѣдатель и члены комиссій, назначаемые по § 7.

§ 12. Учитель, завѣдывающій училищемъ, коего ученики имѣютъ явиться на испытаніе, заблаговременно приготовляетъ (по образцу № 1) списокъ таковымъ ученикамъ и представляетъ оный въ ком-

миссію. Ученики, не достигшіе четырнадцатилѣтнаго возраста, не допускаются къ испытанію и потому не вносятся въ списокъ. Требующіяся для внесенія въ списокъ свѣдѣнія о возрастѣ учениковъ, если таковыхъ нѣтъ въ училищѣ, обязательно доставляются учителю приходскимъ священникомъ или мѣстнымъ пасторомъ. Объ ученикахъ, не принадлежащихъ къ приходу, свѣдѣнія доставляются родителями учащихся или лицами, заступающими родителей. На основаніи списковъ, доставленныхъ учителями, завѣдывающими училищами, въ комиссіи составляется общій экзаменный списокъ (по образцу № 2).

§ 13. Испытаніе раздѣляется на письменное и устное. Къ устному испытанію допускаются только ученики, выдержавшіе удовлетворительно испытаніе письменное. Какъ письменныя, такъ и устные испытанія производятся на русскомъ языкѣ по всѣмъ предметамъ, кромѣ закона Божія.

§ 14. Письменное испытаніе производится по русскому языку и ариметикѣ и состоитъ въ слѣдующемъ: а) по русскому языку: По выбору комиссіи предсѣдателемъ оной или, по его порученію, однимъ изъ членовъ комиссіи диктуется небольшой отрывокъ или статья изъ какой-нибудь русской книги для чтенія. Экзаменующіеся должны умѣть написать диктуемый отрывокъ или статью (которые предварительно должны быть ими выслушаны). При этомъ незначительныя ошибки въ разстановкѣ знаковъ препинанія и противъ правилъ орфографіи не препятствуютъ признанію письменныхъ работъ удовлетворительными, — и б) по ариметикѣ: Предлагается экзаменующимся рѣшить двѣ арифметическія задачи, по назначенію комиссіи, съ цѣлію опредѣлить знакомство ихъ съ изученными арифметическими дѣйствіями для приложенія этихъ дѣйствій къ рѣшенію практическихъ задачъ. На представленныхъ письменныхъ работахъ члены комиссіи выставляютъ ошибки, если таковыя окажутся, и затѣмъ комиссія, оцѣнивъ достоинство работъ, выставляетъ въ экзаменномъ списокѣ отмѣтки словами и цифрами по 5-балльной системѣ.

§ 15. Предметы устнаго испытанія слѣдующіе: 1) законъ Божій соотвѣстственнаго исповѣданія; 2) русскій языкъ и 3) арифметика. Мѣра требованій устнаго испытанія по каждому изъ сихъ предметовъ опредѣляется объемомъ программы преподаванія въ училищахъ, въ конхъ обучались испытуемые, каковыя программы должны быть въ виду комиссій.

§ 16. На устномъ испытаніи вопросы экзаменующимся предлагаются по выбору предсѣдателя и членовъ комиссіи, изъ коихъ каждый оцѣниваетъ въ своемъ спискѣ соотвѣтственнымъ балломъ знанія экзаменующихся по каждому предмету. По окончаніи отвѣтовъ испытуемаго по извѣстному предмету, предсѣдатель тотчасъ дѣлаетъ изъ общей сложности балловъ средній выводъ и полученный средній баллъ вноситъ цифрами и словами въ общій экзаменный списокъ; если образуются при этомъ дроби, то половина и болѣе принимаются за единицу, а менѣе половины отсѣкается.

Примѣчаніе. Въ случаѣ значительной разницы между баллами предсѣдателя и членовъ комиссіи, объ этомъ заносится въ протоколъ.

§ 17. Считается выдержавшимъ устное испытаніе тотъ, кто по всѣмъ предметамъ сего испытанія вполнѣ удовлетворитъ требованіямъ программы преподаванія въ томъ училищѣ, гдѣ обучался испытуемый Лица, не выдержавшія удовлетворительно экзамена въ первый разъ, могутъ быть допускаемы къ новому испытанію, но не иначе, какъ черезъ годъ.

§ 18. По окончаніи экзамена, комиссіею составляется протоколъ, который вмѣстѣ съ экзаменными списками и письменными работами экзаменовавшихся представляется въ педагогическій совѣтъ подлежащаго учебнаго заведенія.

§ 19. Совѣтъ сей, рассмотрѣвъ въ присутствіи мѣстнаго инспектора народныхъ училищъ экзаменный списокъ, письменныя работы экзаменовавшихся и заключеніе комиссіи, приготавлиетъ (по образцу № 3) свидѣтельства для тѣхъ учениковъ, кои будутъ признаны достойными оныхъ, и, записавъ таковыя свидѣтельства въ особую книгу, заведенную въ совѣтѣ (по образцу № 4), высылаетъ оныя не позже 1-го сентября въ тѣ училища, ученики коихъ удостоены свидѣтельствъ.

§ 20. По полученіи свидѣтельствъ въ подлежащихъ училищахъ, завѣдывающіе оными учителя записываютъ сіи свидѣтельства въ книгу (по образцу № 5) и затѣмъ выдаютъ свидѣтельства по принадлежности подъ росписки получателей въ означенной книгѣ.

§ 21. Печатныя блянки свидѣтельствъ, выдаваемыхъ ученикамъ евангелическо-лютеранскихъ волостныхъ и приходскихъ училищъ, изготовляются на спеціальныя средства тѣхъ учебныхъ заведеній, совѣты коихъ выдаютъ таковыя свидѣтельства.

Образецъ № 1.

къ § 13.

СПИСОБЪ

ученикамъ N волостнаго (или приходскаго) евангелическо-лютеранскаго сельскаго училища, въ N уѣздѣ, N губерніи, окончивающимъ курсъ и имѣющимъ подвергнуться испытанію въ текущемъ году.

№ по порядку.	1) Прозваніе (или фамилія) имя и отчество ученика. 2) Сословіе или званіе ¹⁾ .	Вѣроисповѣданіе.	Годъ, мѣсяцъ и день рожденія.	

Подпись учителя, завѣдывающаго училищемъ.

¹⁾ При обозначеніи сословія объяснить: о лицахъ купческаго и мѣщанскаго сословія, къ какому городу они приписаны; о крестьянахъ—какого уѣзда, какой волости и къ какому сельскому обществу они принадлежать; о лицахъ прочихъ сословія и званій—мѣсто рожденія.

Образец № 2.

къ § 13.

СПИСОКЪ

лицамъ, подвергнутымъ испытанію въ знаніи училищнаго курса экзаменационною комиссіею, образованною въ N мѣстѣ, въ такомъ-то мѣсяцѣ, такого-то года.

№ по порядку.	1) Прозвище (или фамилія), имя и отчество ученика; 2) его сословіе или званіе, съ объясненіемъ о лицахъ купеческаго или мѣщанскаго сословія, къ какому городу приписаны, о крестьянахъ—какого уѣзда, къ какой волости и къ какому сельскому обществу принадлежать, а о лицахъ прочихъ сословій и званій—мѣста рожденій.	Вѣроисповѣданіе.	Годъ, мѣсяцъ и день рожд.	Оцѣнка письменныхъ ра- ботъ.			Оцѣнка устныхъ отвѣтовъ.	Считаетъ ли комиссія до- стойнымъ получить сви- дѣтельство.
				По русск. языку.	По арифметикѣ.	По чистописанію.		

Подписи: предсѣдателя и членовъ комиссіи, съ обозначеніемъ званія
каждаго изъ нихъ.

Образец № 3.

къ § 20.

СВИДѢТЕЛЬСТВО.

Педагогическій совѣтъ такого-то учебнаго заведенія сямъ удосто-
вѣряетъ, что такой-то (обозначить: имя, отчество и прозваніе или фа-
милию, вѣроисповѣданіе, сословіе или званіе, общество, въ коемъ чи-
слится, если принадлежитъ къ сословіямъ, вносимымъ въ ревизскія
сказки, а въ противномъ случаѣ,—мѣсто рожденія, годъ, мѣсяцъ и
день рожденія) успѣшно окончилъ курсъ ученія въ N волостномъ (или
приходскомъ) училищѣ, а потому имѣетъ право на льготу, установленную
пунктомъ 3 статьи 56 устава о воинской повинности. Выдано такого-
то числа, мѣсяца и года.

Подписи предсѣдателя и членовъ совѣта.

Печать учебнаго заведенія, совѣтъ коего выдаетъ свидѣтельство.

№:

Образецъ № 4.

къ § 20.

КНИГА

для записки свидѣтельствъ на льготу по отбыванію воинской повинности,
выданныхъ отъ педагогическаго совѣта N учебнаго заведенія ученикамъ
сельскихъ училищъ.

№ по по- рядку.	Кому выдано свидѣтельство (обозначить свѣдѣніи о немъ, прописанныя въ свидѣтельствѣ).	Годъ, мѣсяцъ и день, когда свидѣтель- ство подписано и за какимъ №.	Куда и когда вы- слано.

Образецъ № 5.

къ § 21.

КНИГА

для записки свидѣтельствъ на льготу по отбыванію воинской повинности,
выданныхъ ученикамъ N волостнаго (или приходснаго) училища.

№ по по- рядку.	Отъ какого учебнаго заведенія и когда прислано свидѣтельство.	Для какого ученика (обозначить: имя, отчество и фамилію).	Росписка получив- шаго свидѣтельство съ указаніемъ вре- мени полученія.

13. (21-го декабря 1889 года). Положеніе о стипендіяхъ имени мѣщанки Юліи Ильинишны Александровой при Императорскомъ Московскомъ университетѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Изъ процентовъ съ капитала въ семь тысячъ рублей учреждаются при Московскомъ университетѣ двѣ стипендіи, съ присвоеніемъ имъ наименованія завѣщательницы онаго, умершей „московской мѣщанки Юліи Ильинишны Александровой“.

§ 2. Стипендіальный капиталъ заключается въ 5% билетахъ государственнаго банка и хранится въ Московскомъ губернскомъ казначействѣ, составляя собственность Московскаго университета.

§ 3. Размѣръ каждой стипендіи, за вычетомъ изъ процентовъ съ капитала пятипроцентнаго государственнаго налога, сто шестьдесятъ шесть руб. двадцать пять коп. въ годъ.

§ 4. Стипендіи назначаются, на основаніи существующихъ на сей предметъ правилъ, студентамъ юридическаго факультета, согласно волѣ завѣщательницы.

§ 5. Если по какому-либо случаю образуются свободные остатки отъ процентовъ съ капитала, то таковые присоединяются къ оному съ цѣлью увеличенія впоследствии размѣра стипендій.

14. (9-го января 1890 года). Положеніе о стипендіи имени вдовы коллежскаго совѣтника Маріи Карловны Сухановой при Симферопольской женской гимназій.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 года учреждается при Симферопольской женской гимназій одна стипендія имени вдовы коллежскаго совѣтника Маріи Карловны Сухановой на счетъ процентовъ съ капитала въ одну тысячу двѣсти руб., пожертвованнаго ею съ этою цѣлью.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ трехъ 5% облигаціяхъ третьяго восточнаго займа, одна въ 1000 руб. и двѣ по 100 р., оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, хранится въ Таврическомъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ названной гимназій.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ части, подлежащей, по закону 20-го мая 1885 года, поступленію въ казну, употребляются на взносъ установленной платы за избранную стипендіатку.

§ 4. Право выбора стипендіатки изъ состоящихъ воспитанницами гимназій дочерей бѣдныхъ дворянъ православнаго исповѣданія принадлежитъ попечительному совѣту Симферопольской женской гимназій.

§ 5. Разъ избранная стипендіатка имѣетъ право пользоваться стипендіей, при отличномъ поведеніи и успѣхахъ, во все время пребыванія въ гимназій и теряетъ это право: а) въ случаѣ оставленія по какимъ-либо причинамъ гимназій и б) увольненія изъ нея.

§ 6. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

15. (11-го января 1890 года). Положеніе о стипендіи имени торговаго дома Кунстъ и Альберсъ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ пожертвованнаго торговымъ домомъ „Кунстъ и Альберсъ“ капитала въ шесть тысячъ руб. въ ознаменованіе двадцатипятилѣтня существованія этой фирмы въ городѣ Владивостокъ, учреждается при Владивостокской прогимназій одна стипендія имени „Торговаго дома Кунстъ и Альберсъ“.

§ 2. Стипендіатъ назначается Приамурскимъ генераль-губернаторомъ изъ учениковъ, окончивающихъ курсъ во Владивостокской прогимназій, для дальнѣйшаго образованія въ гимназій, а затѣмъ въ какомъ-либо высшемъ учебномъ заведеніи.

§ 3. Размѣръ стипендіи, за удержаніемъ государственнаго налога, по закону 20-го мая 1885 года, опредѣляется въ двѣсти восемьдесятъ пять руб.

§ 4. По окончаніи стипендіатомъ курса наукъ въ гимназій, директоръ гимназій сообщаетъ Приамурскому генераль-губернатору, какое высшее учебное заведеніе избрано стипендіатомъ для дальнѣйшаго окончанія образованія. По окончаніи же сего учебнаго заведенія или же по выбитіи его изъ заведенія до окончанія полнаго курса, начальство сего заведенія увѣдомляетъ генераль-губернатора для замѣщенія вакансіи новымъ стипендіатомъ.

§ 5. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ государственныхъ или гарантированныхъ правительствомъ процентныхъ бумагахъ, хранится во Владивостокскомъ уѣздномъ казначействѣ, составляя неотъемлемую собственность Владивостокской прогимназій и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 6. Могущіе образоваться по чему-либо остатки отъ процентовъ съ стипендіальнаго капитала причисляются къ основному капиталу.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

16. (12-го января 1890 года). Положеніе о стипендіи имени Ивана-Людвига Викентьевича Манцевича при Минскомъ реальномъ училищѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ завѣщаннаго титулярнымъ совѣтникомъ Иваномъ-Людвигомъ Викентьевичемъ Манцевичемъ капитала въ четыре тысячи семьсотъ руб. учреждается при Минскомъ реальномъ училищѣ одна стипендіа имени завѣщателя.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ 5% билетахъ государственнаго банка и въ билетѣ втораго внутренняго съ выигрышами займа № 20 серіи № 07,835, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ Минскаго реальнаго училища.

§ 3. Въ случаѣ закрытія Минскаго реальнаго училища, стипендіальный капиталъ передается съ тѣмъ же назначеніемъ въ другое подобное учебное заведеніе Виленскаго учебнаго округа, по усмотрѣнію попечителя округа.

§ 4. Изъ процентовъ со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго сбора, по закону 20-го мая 1885 года, въ стипендію выдается только три четверти означенныхъ денегъ, а одна четверть остается въ казначействѣ для увеличенія стипендіи.

§ 5. Если стипендіатъ окончитъ Минское реальное училище и поступитъ въ высшее учебное заведеніе, то въ такомъ случаѣ выдается ему для дальнѣйшаго образованія собранная въ казначействѣ, согласно 4 пункта настоящаго положенія, сумма отъ одной четвертой части процентныхъ денегъ, а если не окончитъ курса въ училищѣ или по окончаніи онаго, не поступитъ въ высшее учебное заведеніе, то эта сумма остается въ казначействѣ для образованія капитала въ 3000 руб., на проценты съ коего можно было бы учредить новую стипендію; равно могущіе оказаться и по другимъ причинамъ остатки отъ процентныхъ денегъ обращаются на образованіе капитала.

§ 6. Одно и то же лицо можетъ пользоваться стипендіей не болѣе 8 лѣтъ.

§ 7. Первымъ кандидатомъ на стипендію имѣетъ право быть род-

ствѣнникъ завѣщателя какъ по мужской, такъ и по женской линіи; вторымъ—всякій ученикъ, носящій фамилію Манцевича; третьимъ—круглый сирота, и четвертымъ ученикъ, хотя и имѣющій родителей, но бѣднаго состоянія.

§ 8. Стипендіей пользуются ученики римско-католическаго исповѣданія.

§ 9. Стипендіатъ выбирается и назначается изъ числа лицъ, поименованныхъ въ пунктахъ 7 и 8, педагогическимъ совѣтомъ училища.

§ 10. Стипендія выдается воспитаннику на руки, а въ случаѣ надобности, его родителямъ или опекунамъ въ два срока, въ концѣ каждаго полугодія.

§ 11. Стипендіатъ неодобрительнаго поведенія лишается стипендіи.

§ 12. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 13. Если на означенный въ пунктѣ 3 билетъ 2-го внутренняго займа падетъ выигрышъ въ пять тысячъ рублей или болѣе, то таковой присоединяется къ капиталу, для образованія новыхъ стипендій на вышеназложенныхъ основаніяхъ; выигрышъ же менѣе пяти тысячъ рублей выдается, согласно духовному завѣщанію Ивана-Людвигъ Манцевича, его родственникамъ.

17. (18-го января 1890 года). Положеніе о стипендіи при Рижской женской Ломоносовской гимназій имени Евдокіи Кузьминишны Кузьминой.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 года, на счетъ процентовъ съ капитала, пожертвованнаго женою генералъ-майора Анною Федоровною Симановскою и состоящаго въ 4% билетахъ внутренняго займа въ 1000 р. и трехъ облигаціяхъ восточнаго займа, изъ которыхъ 2 по 100 р. и одна въ 50 р., а всего 1250 р., учреждается при Рижской женской Ломоносовской гимназій стипендія имени „Евдокіи Кузьминишны Кузьминой“.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, составляя неприкосновенную собственность Рижской женской Ломоносовской гимназій, хранится въ числѣ специальныхъ средствъ этой гимназій въ Рижскомъ губернскомъ казначействѣ.

§ 3. Часть процентовъ со стипендіальнаго капитала, а именно 50 р., ежегодно употребляется на плату за ученіе одной изъ ученицъ

Ломоносовской гимназiи русскаго происхожденiя, православной или старообрядки, отличающейся успѣхами въ наукахъ и хорошиимъ поведенiемъ. Остающiеся же за тѣмъ отъ стипендiи 2 р. 63 к., а за вычетомъ 5% налога, по закону 20-го мая 1885 года, 1 р. 87 к. выдаются стипендiатѣ на приобрѣтенiе учебныхъ принадлежностей.

§ 4. Право назначенiя стипендiи принадлежитъ попечительному совѣту Рижской женской Ломоносовской гимназiи.

§ 5. Въ случаѣ временнаго незамѣщенiя стипендiи, проценты съ капитала, оставшіеся не выданными, обращаются въ пособіе стипендiатѣ при окончанiи ею курса гимназiи.

§ 6. Пользованіе стипендiей не налагаетъ на стипендiатку никакихъ обязательствъ.

18. (18-го января 1890 года). Положеніе о стипендiяхъ при Александровской Старобѣльской гимназiи имени умершей вдовы дѣйствительнаго статскаго совѣтника Домны Андреевны Деменко.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенiя).

§ 1. На проценты съ пожертвованнаго умершею вдовой дѣйствительнаго статскаго совѣтника Домной Андреевной Деменко капитала въ пятьдесятъ девять тысячъ четыреста рублей, за удержанiемъ государственнаго налога, по закону 20-го мая 1885 года, учреждаются при Александровской Старобѣльской гимназiи четырнадцать стипендiй ея имени.

§ 2. Означенный капиталъ, заключающійся въ государственныхъ процентныхъ бумагахъ, хранится въ мѣстномъ уѣздномъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ гимназiи, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Стипендiями пользуются бѣднѣйшіе и способнѣйшіе ученики Александровской Старобѣльской гимназiи, христіанскаго вѣроисповѣданiя, при безукоризненной нравственности.

§ 4. Изъ общаго числа стипендiй пять предпочтительно принадлежатъ дѣтямъ воиновъ.

§ 5. Въ случаѣ неодобрительнаго поведенiя или оставленiя по лѣности и нерадѣнію въ томъ же классѣ на второй годъ, стипендiаты лишаются права пользоваться стипендiями.

§ 6. Право избранiя стипендiатовъ предоставляется педагогическому совѣту Александровской Старобѣльской гимназiи, при чемъ, въ

случаѣ большаго количества достойныхъ кандидатовъ на стипендіи, вопросъ рѣшается жребіемъ.

§ 7. Размѣръ каждой стипендіи назначается въ двѣсти рублей въ годъ.

§ 8. Могущіе получить остатки отъ стипендіальной суммы должны быть отдаваемы въ сберегательную кассу при мѣстномъ казначействѣ до накопленія достаточной суммы для пріобрѣтенія новыхъ % бумагъ и образованія новой стипендіи въ 200 рублей имени Д. Х. Деменко.

§ 9. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

III. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу: „Народная проповѣдь Иисуса Христа, въ бесѣдахъ священника А. В. Смирнова. Выпускъ I. 1888. Стр. 125. Цѣна съ пересылкою 60 коп.“—допустить въ бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ.

— Брошюру: „Еъ сопряженію глаголовъ. С. Братча. Москва. 1889. Въ 8-ку стр. 32“—одобрить для фундаментальныхъ и ученическихъ (средняго и старшаго возрастовъ) бібліотекъ среднихъ учебныхъ заведеній и учительскихъ институтовъ.

— Книги: „1) Русская хрестоматія. Часть I—для двухъ первыхъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ Левъ Поливановъ. Изданіе 13-е, дополненное, съ образцами для славянскаго чтенія. Москва. 1889. Стр. 370+XII. Цѣна 70 коп.—2) Русская хрестоматія. Часть II—для III и IV классовъ средне-учебныхъ заведеній. Составилъ Левъ Поливановъ. Изданіе 8-е. М. 1887. Стр. 121+XXI. Ц. 1 р. 20 коп.—3) Русская хрестоматія. Часть III (въ двухъ книгахъ)—для V, VI, VII и VIII классовъ средне-учебныхъ заведеній. Изданіе 4-е, исправленное и дополненное. Составилъ Левъ Поливановъ. М. 1889. Стр. въ 1-й книгѣ XXIX+542, во 2-й книгѣ XXXI+408. Ц. 1-й книги 1 р. 50 коп., 2-й—1 р. 4) Краткій учебникъ русской грамматики (синтаксисъ и этимологія)—для учащихся первыхъ трехъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ

Левъ Поливановъ. Изданіе 9-е. М. 1889. Стр. 121. Цѣна 50 к.—первую часть (для I и II классовъ) рекомендовать для употребленія въ гимназіяхъ, мужскихъ и женскихъ; вторую (для III и IV классовъ) одобрить какъ пособіе при обученіи русскому языку въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, то-есть, для гимназій, мужскихъ и женскихъ, и реальныхъ училищъ, для ученическихъ семинарій и учительскихъ институтовъ; третію (для V, VI, VII и VIII классовъ) одобрить, какъ пособіе при практическомъ изученіи теоріи словесности и при упражненіи въ сочиненіяхъ учениковъ; четвертую—одобрить какъ руководство для первыхъ трехъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книги: „Русскіе писатели въ выборѣ и обработкѣ для школъ. Томъ I. Книга для занятій по отечественному языку въ I, II и III (въ первомъ полугодіи) классахъ среднеучебныхъ заведеній и въ городскихъ училищахъ. В. Мартыновскаго. Изданіе 3-е, печатанное съ изданія 1888 года, съ дополненіями. Тифлисъ 1886. Стр. 432+VIII+XVII. Цѣна 1 р. 25 коп.—Томъ II. Книга для занятій по отечественному языку въ III, IV и V классахъ среднеучебныхъ заведеній и въ старшихъ классахъ городскихъ училищъ. В. Мартыновскаго. Тифлисъ. 1889. Стр. IV+476. Цѣна 1 р. 25 коп.“—одобрить въ качествѣ учебнаго пособія: первый томъ для I, II и III (въ первое полугодіе) классовъ средне-учебныхъ заведеній и для городскихъ училищъ; второй томъ для III (во второе полугодіе), IV и V классовъ среднихъ учебныхъ заведеній и для старшихъ классовъ народныхъ училищъ.

— Изданіе: „Сочиненія М. Н. Загоскина. Семь томовъ, въ 8-ку. Цѣна 16 руб.“—рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, равно для учительскихъ институтовъ и учительскихъ семинарій.

— Книжку: „Энеида Вергилія. I—VI. С.-Пб. 1890. *Scriptores Latini cura Volodimeri Crausi in usum scholarum editi Publii Vergilii Maronis Aeneis in usum scholarum recognita. Pars prior. Libri I—V. Petropoli. MDCCCXC. Pag. 121. Цѣна 25 коп.*“—допустить въ качествѣ учебнаго пособія въ гимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Упраженія въ переводѣ съ русскаго на латинскій и обратно. Для трехъ низшихъ классовъ гимназій“, составленныя примѣнительно къ грамматикѣ Эллента-Зейфферта В. Зубковымъ, профессоромъ Московскаго университета. Москва. 1860. Стр. 184+74.

Цѣна 1 руб.“—одобрить въ качествѣ учебнаго пособия въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Краткая латинская фразеологія для среднихъ и старшихъ классовъ гимназій. Составилъ Ив. Семеновичъ, преподаватель древнихъ языковъ въ Московской 1-й гимназій. М. 1889. Стр. 80. Цѣна 50 коп.“—одобрить въ качествѣ учебнаго пособия для среднихъ и старшихъ классовъ гимназій.

— Книгу: „Сборникъ статей для перевода съ русскаго языка на латинскій, съ приложеніемъ примѣчаній и синонимическаго и фразеологическаго словаря. Для старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ С. И. Гинтовичъ, преподаватель С.-Петербургской 9-й гимназій. С.-Пб. 1889. Стр. 66+56. Цѣна 75 коп.“—допустить въ качествѣ учебнаго пособия для гимназій министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Избранныя стихотворенія П. Овидія Назона. Латинскій текстъ съ введеніемъ и указателемъ собственныхъ именъ, составленными Андреемъ Адольфомъ. М. 1889. Стр. 259“—одобрить въ качествѣ учебнаго пособия для гимназій и шестиклассныхъ прогимназій.

— Книгу: „Систематическій курсъ ариметики. Составилъ А. Киселевъ. Третье, улучшенное изданіе. М. 1890. Стр. VII+240. Цѣна 75 коп.“—одобрить въ качествѣ учебнаго пособия для среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ.

— Брошюру: „Образцы письменныхъ работъ по ариметикѣ. Курсъ III класса среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ инспектирующій преподаватель Нижегородскаго реальнаго училища М. Корякинъ. Нижній Новгородъ. 1889. Стр. 70+II. Цѣна 40 коп.“—допустить въ ученическія бібліотеки.

— Книгу: „Methodisch geordnete Aufgaben für das Kopf- und Tafelrechner von Richard Kalnin, Lehrer an den St. Annen-Schule zu St.-Petersburg. I, II und III Heft. St.-Petersburg. 1889. Стр. 35+116+84. Цѣна 25+50+45 коп.“—одобрить въ качествѣ учебнаго пособия при преподаваніи ариметики въ первыхъ классахъ тѣхъ мужскихъ и женскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ преподаваніе ведется на нѣмецкомъ языкѣ.

— Книгу: „Перилъ. Историко-критическій этюдъ В. Бузескула, приватъ-доцента Императорскаго Харьковскаго университета. Харьковъ. 1889. Стр. VIII+418. Цѣна 3 руб.“—рекомендовать для фун-

даментальных и ученических библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книжку: „Первая учебная книжка нѣмецкаго письма и чтенія по звуковому методу, со статьями для разказа и перевода. Составилъ Г. М. Цирклеръ. Лодзь. 1888. Стр. II+75“—допустить къ употребленію въ начальныхъ училищахъ Варшавскаго учебнаго округа, въ коихъ преподается нѣмецкій языкъ.

— Книгу: „Учебникъ нѣмецкаго языка для двухъ младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ Иванъ Аллендорфъ, преподаватель Книпинскаго реального училища. 3-е, переработанное изданіе. Одесса. 1889. Стр. XVI+141. Цѣна 80 коп.“—допустить къ употребленію въ качествѣ руководства для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи авторъ позаботился объ исправленіи замѣченныхъ въ его трудѣ недостатковъ.

— Книгу: „Нѣмецкій языкъ. Методическій учебникъ, основанный на практическихъ упражненіяхъ. Составилъ С. Чекала, инспекторъ Александровскаго коммерческаго училища. I. Начальный курсъ. М. 1889. Стр. XXX+122. Цѣна 50 коп.“—рекомендовать для употребленія въ низшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній мужскихъ и женскихъ, въ качествѣ руководства при преподаваніи нѣмецкаго языка.

— Книжку: „Народныя сказки. Посobie для чтенія въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Составилъ и снабдилъ словарями С. Чекала, инспекторъ Александровскаго коммерческаго училища. М. 1878. Стр. 71. Цѣна 60 коп.“—допустить къ употребленію въ низшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, въ качествѣ учебнаго пособия.

— Книжку: „Kurzgefasste Schulgrammatik der deutschen Sprache von S. Czekała, Inspector der St. Petri-Pauli-Knabenschule in Moskau. Изданіе 2-е. М. 1885. Въ 16-ю д. л. стр. 60. Цѣна 50 коп.“—одобрить въ качествѣ руководства для низшихъ классовъ тѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ преподаваніе предмета ведется на нѣмецкомъ языкѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ рекомендовать, какъ весьма полезное пособие для старшихъ классовъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ.

— Книжку: „Kurzgefasste Schulgrammatik der deutschen Sprache von S. Czekała, Inspector der Alexander-Kommerzschule. II. Theil:

Satzlehre. Изданіе 2-е. М. Въ 16-ю д. л. стр. 106. Цѣна 60 коп.“—одобрить для старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, въ качествѣ руководства при преподаваніи нѣмецкаго языка.

— Книгу: „Grundzüge der deutschen Grammatik für höhere Lehranstalten und zum Selbstunterricht nebst Regeln und Wörterverzeichnis für die deutsche Rechtschreibung. Основы нѣмецкой грамматики съ правилами нѣмецкаго правописанія и ореографическимъ указателемъ для среднихъ учебныхъ заведеній и для самообученія. Составилъ К. М. Миввиць. С.-Пб. 1887. Стр. 475+41“—одобрить для употребленія въ старшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній въ качествѣ руководства, а вмѣстѣ съ тѣмъ рекомендовать ее къ приобрѣтенію для фундаментальныхъ библіотекъ тѣхъ же заведеній, такъ какъ она содержитъ въ себѣ много поучительнаго и интереснаго и для преподавателей.

— Книгу: „Русско-нѣмецкій и нѣмецко-русскій словарь. Составилъ Н. Лекстремъ. II. Нѣмецко-русскій словарь. Зондерсгаузенъ. Изданіе Фр. Августа Эйпеля (Оттона Кирхгоффа). Въ 8-ку стр. 953“—одобрить къ употребленію въ качествѣ учебнаго пособія при преподаваніи нѣмецкаго языка въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, мужскихъ и женскихъ, вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Школьная діететика. Сводъ практическихъ свѣдѣній и правилъ, относящихся къ охраненію здоровья учащихся дѣтей. Изложилъ по доктору Герману Кленке Вл. Фармаковскій. Изданіе 7-е, значительно дополненное и совершенно переработанное на основаніи новѣйшихъ изслѣдованій въ области школьной гігіены. Одесса. 1889. Въ 8-ку стр. 202. Цѣна 1 р. 50 коп.“—рекомендовать для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, какъ мужскихъ и женскихъ, а равно родителямъ и воспитателямъ.

— Журналъ: „Zeitschrift von Volkskunde herausgegeben von Dr. Edmund Veckenstedt. Jährlich 12 Hefte von 30 Bogen gr. 8°. Preis für den Halbjahrgang. M. 8. Verlag von Alfred Doffel in Leipzig. 1889“—особеннаго одобренія не заслуживаетъ, но къ приобрѣтенію его въ фундаментальныя библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній препятствій не встрѣчается.

— Книгу: „Простые рассказы о садоводствѣ, огородничествѣ и полеводствѣ. Съ двѣнадцатью рисунками. Составилъ А. Ф. Комаровъ. Изданіе 2. Воронежъ. 1889. Въ 8-ку 96 стр. Цѣна 30 коп.“—допустить

къ употребленію какъ въ учительскихъ библіотекахъ начальныхъ училищъ, такъ и въ ученическихъ библіотекахъ учительскихъ семинарій.

— Книгу: „Полезныя свѣдѣнія о разведеніи картофеля на огородахъ и о сохраненіи его отъ загниванія. Составилъ В. А. Соловьевъ. Екатеринбургъ. 1890. Въ м. 8-ку 22 стр.“—допустить для народныхъ библіотекъ и для учительскихъ библіотекъ начальныхъ училищъ.

— Книгу: „Методика ручнаго труда по системѣ Саломона, директора Невской учительской семинаріи. Изложилъ В. Фармаковскій. Одесса. 1889. 93 стр. и 6 табл. чертежей. Цѣна 75 коп.“—одобрить для учительскихъ библіотекъ всѣхъ низшихъ училищъ, городскихъ и сельскихъ; и для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, учительскихъ семинарій и институтовъ.

IV. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книги: „1) А. Лѣве. Первоначальныя упражненія въ ариѳметикѣ. Изд. 3-е, совершенно передѣланное. Сборникъ ариѳметическихъ задачъ для учащихся. С.-Пб. 1889. Въ 8-ку 228 стр. Цѣна 30 коп. и 2) Его же. Первоначальныя упражненія въ ариѳметикѣ. Изд. 3-е, совершенно передѣланное. Руководство для учащихся. С.-Пб. 1889. Въ 8-ку 105 стр. Цѣна 50 коп.“—одобрить первую, какъ учебное пособіе для учащихся въ городскихъ и сельскихъ училищахъ, вторую—въ учительскія библіотеки этихъ училищъ.

— Книгу: „Русская литографированная хрестоматія для упражненій въ чтеніи рукописей различныхъ почерковъ въ народныхъ, городскихъ и уѣздныхъ училищахъ. Составилъ Ѡ. Г. Подоба. М. 1889. Въ 8-ку 111 стр. Цѣна 50 коп.“—допустить къ употребленію въ народныхъ училищахъ.

— Брошюру: „Императоръ Николай Павловичъ подъ Черниговымъ. И. Ф. Федорова. Одесса. 1889. Въ 12 д. л. 15 стр. Цѣна не обозначена“—допустить въ ученическія библіотеки народныхъ училищъ.

— Книгу: „А. Сливницкій. Дядька Квасовъ. (Воспоминанія кадета). Съ рисунками. М. 1889. Въ 16 д. л. 63 стр. Цѣна 30 коп.“—допустить въ ученическія библіотеки низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній.

— Брошюру: „Стрѣлочникъ. Г. Данилевскаго. С.-Пб. 1887. Въ 16 д. л. 24 стр. Цѣна не обозначена“—допустить въ ученическія библіотеки народныхъ училищъ, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи были сдѣланы въ ней указанныя ученымъ комитетомъ измѣненія.

— Книгу: „Сборникъ духовныхъ стихотвореній для дѣтей. Составилъ И. Н. Малиновскій. Гродно. 1889. Въ 8-ку 53 стр. Цѣна 30 коп.“—допустить въ библіотеки народныхъ училищъ, городскихъ и сельскихъ.

— Книгу: „Разказы о Петрѣ Великомъ. Вл. Сорокина. Изд. 2-е, исправленное. С.-Пб. 1889. Въ 12-ю д. л. 155 стр. Цѣна 45 коп.“—допустить въ ученическія библіотеки народныхъ училищъ, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ ея изданіи были приняты авторомъ во вниманіе сдѣланныя ученымъ комитетомъ указанія.

— Книгу: „Книга для чтенія въ школѣ и дома. Выпускъ 1-й. Начальная лѣтопись и житія преподобныхъ Антонія и Феодосія Печерскихъ съ поученіями. Съ обозначеніемъ удареній на словахъ. Составила Е. Де-Витте. С.-Пб. 1889. Въ 8-ку 147 стр. Цѣна 30 коп.“—допустить въ ученическія библіотеки народныхъ училищъ.

ПАТРИАРХЪ ЮАННЪ VII ГРАММАТИКЪ И РУСЬ- ДРОМИТЫ У СИМЕОНА МАГИСТРА.

Благосклонный читатель можетъ съ нѣкоторымъ недовѣріемъ отнестись къ сдѣланному нами заглавію. Послѣдній изъ иконоборческихъ патриарховъ, низложенный въ 842 году, и лѣтописецъ X вѣка, у котораго сохранилось между прочимъ одно изъ не поддающихся объясненію мѣстъ о древней Руси,—что между ними общаго, въ какомъ направленіи могутъ быть сближаемы эти имена? — Чтобы ввести читателя въ разсматриваемый здѣсь вопросъ, позволимъ себѣ нѣсколько вступительныхъ словъ.

Подразумѣваемое мѣсто о Руси у Симеона Магистра не стоитъ въ связи съ контекстомъ рѣчи и, слѣдовательно, представляетъ собою вставку. Существенная особенность этой вставки состоитъ въ томъ, что она чужда лѣтописнаго характера и носитъ два выразительныя качества: а) этимологическое объясненіе именъ и мѣстъ, б) миеологическія воспоминанія, идущія въ дополненіе къ этимологіи. Имени Русь дано сравнительно больше мѣста, чѣмъ другимъ. Такъ какъ этимологія слова Русь разрѣшена весьма просто (отъ нѣкоего сильнаго Росса), а классическая миеологія не представляетъ матеріала, пригоднаго для новаго имени, то автору занимающаго насъ мѣста пришли на помощь въ этомъ случаѣ особня воспоминанія, почерпнутыя изъ такого же источника, чтѣ и древніе мѣны. Едва ли кто рѣшится, конечно, утверждать, что лѣтописное изложеніе, какъ оно дошло до нашего времени, закрѣпило письмомъ всю традицію о Руси въ Византіи. Нельзя также не упомянуть, что рядомъ съ лѣтописнымъ изложеніемъ могло особо развиваться народное воззрѣніе, въ образованіи котораго всегда участвуетъ элементъ сверхъестествен-

часть сслхvii, отд. 2.

наго и чудснаго. Былъ ли въ Византіи матеріалъ для такихъ воззрѣній на Русь, гдѣ фантазіи представлялось бы свободное поле для произведенія чудесныхъ повѣствованій, отвѣтъ на это находимъ какъ у Симеона Логовета, такъ и у другихъ писателей (разумѣется сказаніе о Влахернской Богоматери). Но можно ли надѣяться отыскать слѣды подобныхъ же воззрѣній и помимо упомянутаго сказанія—это задача научнаго изслѣдованія, часть которой разрѣшается въ настоящей статьѣ.

Мы думаемъ, что извѣстіе о Руси, читаемое у Симеона Магистра, имѣетъ для себя объясненіе въ воспоминаніяхъ, которыя не сохранены византійскою лѣтописью. Слѣды такихъ воспоминаній, по видимому, открываются въ народномъ преданіи о чародѣѣ, колдунѣ, который имѣлъ сношенія съ нечистою силой и обладалъ сверхъестественными качествами, словомъ—въ преданіяхъ о патріархѣ Іоаннѣ.

Нѣкоторую увѣренность въ томъ, что сближеніе повѣсти о чарахъ Іоанна съ мѣстомъ о Руси у Симеона не бесплодная догадка, находимъ въ томъ обстоятельстве, что не поддававшееся объясненію мѣсто представляетъ на нашъ взглядъ удовлетворительный смыслъ, если при толкованіи его отправляться не отъ матеріальнаго возобладанія надъ Русью какого-то народа, а отъ дѣйствія сверхъестественныхъ силъ.

Само собою разумѣется, новая попытка объясненія одного изъ важныхъ мѣстъ о древней Руси даетъ поводъ къ нѣкоторымъ заключеніямъ общаго характера, о значеніи которыхъ предоставляемъ судить компетентнымъ лицамъ.

I.

Патріархъ Іоаннъ.

Всѣ источники, касающіеся первой половины IX вѣка, относятся къ Іоанну весьма несочувственно; иначе впрочемъ и не могли говорить о немъ люди, видѣвшіе въ немъ причину всѣхъ бѣдствій, какія испытала церковь при Львѣ V, Михаилѣ II и Теофилѣ. Іоаннъ былъ главнымъ виновникомъ того, что восточная церковь въ 814 г. вновь потеряла свои устои, съ такимъ трудомъ и послѣ долгихъ испытаній прибрѣтенные постановленіями VII вселенскаго собора; Іоаннъ снова внесъ въ Восточную имперію смуту, броженіе умовъ и ожесточенную борьбу партій. Всѣ сохранившіеся писатели не могли

хладнокровно говорить объ Іоаннѣ и одинъ за другимъ повторяли на его счетъ рѣзкія укоризны и тяжкія обвиненія. Одно изъ болѣе общихъ мѣстъ, о которомъ распространяются писатели, это сношенія Іоанна съ духами, преданность магіи, волшебству и гаданіямъ, непотребная жизнь и нечестіе. Конкретныхъ фактовъ къ характеристикѣ Іоанна передается весьма мало, общія же мѣста не позволяютъ сдѣлать никакихъ заключеній ни въ порицаніе, ни въ пользу Іоанна. Стоить прочесть хотя бы продолжателя Теофана, который не можетъ ступить шагу безъ демонской силы, безъ гаданій и предсказаній, чтобы понять, что упреки въ магіи и волшебствѣ скорѣе могутъ относиться къ характеристикѣ времени и вѣрованій общества IX и X вѣковъ, или даже тѣхъ писателей, которые такъ настойчиво выставляютъ ихъ, чѣмъ къ Іоанну. Старательно подбираемыми обвиненіями въ сношеніяхъ съ нечистою силой для историка теряютъ всякое значеніе, или даже съ основательностью могутъ быть истолкованы въ пользу обвиняемаго, такъ какъ сношенія съ духами часто приписывались самымъ выдающимся историческимъ дѣятелямъ.

Іоаннъ былъ уроженецъ Константинополя. Трудно сказать, былъ ли онъ грекъ по происхожденію или анатолецъ: писатели даютъ довольно разнорѣчивыя показанія объ его отцѣ, то выводя его изъ рода *Μεροχαραζαρίων*, то *Μεροχαραβανίων*; Симеонъ же Магистръ называетъ его Панкратіемъ Скіастомъ. Мы думаемъ, что Іоаннъ былъ по происхожденію анатолецъ и едва ли могъ похвалиться знатностью рода, потому что неродовитость, по крайней мѣрѣ разъ, была причиною того, что его не выбрали въ патриархи. Это былъ человѣкъ высокаго образованія и начитанности, дѣлавшій карьеру безъ рекомендацій и сильной поддержки. Въ первый разъ онъ выступаетъ на общественное поприще при царѣ Львѣ V Армянинѣ и дѣлается близкимъ довереннымъ лицомъ этого иконоборческаго императора. Тогда Іоаннъ былъ еще молодымъ человѣкомъ, носилъ званіе анагноста ¹⁾ и обратилъ на себя вниманіе царя своими чисто теоретическими качествами. Объ этомъ имѣется свидѣтельство неизвѣстнаго автора, писавшаго о Львѣ Армянинѣ, значеніе котораго для эпохи мало оцѣнено. Мы

¹⁾ *Incerti auctoris, Vita Leonis Armeni ap. Migne, t. 108, p. 1024.* Анагносты и псалты составляли низшую ступень въ церковныхъ чинахъ. Любопытныя данныя о чинахъ церковныхъ собраны въ трудѣ *Haberti, Archaeraticon. Liber pontificalis ecclesiae Graecae. Parisiis. 1676, см. p. 37; сравн. Православный Собесѣдникъ 1868, ч. II, III (О чинахъ патриаршей Константинопольской церкви).*

считаемъ тѣмъ болѣе умѣстнымъ привести его слова, что здѣсь имѣемъ единственное реальное свидѣтельство о побужденіяхъ, руководившихъ Львомъ V возвратиться къ иконоборческой системѣ и о первыхъ его мѣропріятіяхъ, направленныхъ къ устраненію постановленій VII вселенскаго собора. Левъ Армянинъ высказывалъ мнѣніе, что иконоборческіе императоры были счастливѣе въ войнахъ съ варварами и азычниками, ковчали жизнь спокойно и со славою погребены въ общей царской усыпальницѣ, въ храмѣ свв. Апостоловъ; между тѣмъ какъ иконопочитатели или не своею смертію умирали, или изгоняемы были изъ царства. Не лучше ли итакъ послѣдовать примѣру первыхъ? Мы допускаемъ возможность этого психологическаго момента въ вопросѣ о почитаніи иконъ и находимъ совершенно аналогичный случай критическаго отношенія ко всей христіанской доктринѣ у крестоносцевъ, которые, истощивъ усилія въ борьбѣ съ исламомъ, наконецъ пришли къ сомнѣніямъ въ правотѣ всего своего дѣла: да гдѣ же Христосъ? перевѣсь явно на сторонѣ магометанъ, — можетъ быть на сторонѣ ихъ и истина?

Итакъ, когда Левъ V находился въ нравственномъ колебаніи между двумя системами, онъ сблизился съ молодымъ анагностомъ Іоанномъ, который также не чуждъ былъ подобныхъ сомнѣній, хотя и по другимъ причинамъ. Онъ взялъ на себя заботу разрѣшить свои и царевы сомнѣнія путемъ научнаго изслѣдованія вопроса о поклоненіи иконамъ. Упомянутый выше авторъ исторіи Льва передаетъ объ этомъ слѣдующее. „Іоаннъ въ сообществѣ съ нѣкоторыми грубыми невѣждами уполномоченъ былъ царемъ пересмотрѣть старыя книги, скрывающіяся въ монастыряхъ и церквахъ. И собравъ множество книгъ, старательно изслѣдовали ихъ, но ничего не нашли, чего злостно добивались, пока не напали на синодикъ Константина Исавра и Кавалина. Найдя въ немъ для себя основаніе, начали и въ книгахъ отыскивать главныя положенія, которыя глупо и бессмысленно приводимы были (на соборѣ), отмѣчая знаками тѣ мѣста, которыя, по ихъ мнѣнію, могли убѣдить неразумную толпу, что въ древнихъ книгахъ есть запрещеніе поклоняться иконамъ. Затѣмъ они привлекли на свою сторону епископа Константина, сына одного священника (изъ башмачнаго ряда?) и учителя грамматики Касимату, и законовѣда на Сфоракиѣ, учащаго юношество и нѣкоего преступника, бѣжавшаго въ монастырь и постриженнаго подъ именемъ Антонія, бывшаго потомъ игуменомъ въ монастырѣ Митрополитовъ и на-

конецъ епископомъ Силейскимъ...¹⁾ Когда Левъ спросилъ его, можно ли подтвердить книгами поклоненіе иконамъ, онъ отвѣчалъ: Объ этомъ нигдѣ не написано, но говорятъ, что таково древнее преданіе*. Эти любопытныя подробности, не находимыя у другихъ писателей, касающихся того же времени, объясняютъ намъ точку отправленія для втораго періода иконоборческой эпохи и ставятъ очень опредѣленно мотивъ возобновленія борьбы противъ иконопочитателей. Этотъ мотивъ для Льва V и его сотрудниковъ заключался въ постановленіи собора 754 года, отвергшаго иконопочитаніе потому, что въ Священномъ Писаніи и въ сочиненіяхъ отцовъ не найдено прямого на то оправданія. Іоаннъ анагностъ и его сотрудники занимались такимъ образомъ теоретическимъ обоснованіемъ этого положенія.

„И они боролись противъ истины, начавъ съ пятидесятницы собирать книги; въ іюлѣ мѣсяцѣ привлекли на свою сторону Антонія и до декабря держали дѣло въ тайнѣ. Когда же ихъ спрашивали, то они лживо отвѣчали: царю наговорили, что онъ недолго процарствуетъ, поэтому онъ приказалъ намъ разсмотрѣть книги“²⁾. Приведенное мѣсто даетъ намъ возможность судить о мѣтрахъ, какія принимались иконоборческими императорами до публичнаго объявленія своей воли. Левъ V, слѣдовательно, сталъ готовиться къ борьбѣ съ іюня 814 года; семь мѣсяцевъ продолжалась кабинетная работа Іоанна; къ началу 815 года царь открыто сталъ высказываться противъ иконъ. Но ему предстояла не легкая задача: за православіе стоялъ патриархъ Никифоръ, Θεодоръ Студитъ, Θεοφανъ; только послѣ пасхи въ 815 году поставленъ былъ новый патриархъ изъ иконоборцевъ Θεодоръ Касситера.

Весьма вѣроятно, что Іоаннъ принималъ важное участіе въ дальнѣйшихъ событіяхъ; къ сожалѣнію, житія патриарха Никифора, Θεодора Студита и Θεοφана весьма скудны упоминаніями о немъ. Незамѣтно даже, чтобы Іоаннъ слишкомъ быстро шелъ въ служебной карьерѣ. Овъ состоялъ настоятелемъ дворцоваго монастыря Сергія и Вакха, пользовался расположеніемъ царя Михаила Косноязычнаго (820—829 гг.), который цѣнилъ его умъ и образованіе и довѣрилъ ему воспитаніе

¹⁾ Все мѣсто крайне повреждено. Касимата было свѣтское имя Антонія до постриженія, слѣдовательно, и въ серединѣ стоящія слова относятся къ нему же. Symeon Magister, Leo, с. 4, называетъ Константина пресвитеромъ башмачнаго яра, онъ же въ монашествѣ Антоній.

²⁾ Известно, что въ дворцовой библіотекѣ хранились пророчесственныя книги, съ которыми цари сообразовались въ своихъ дѣйствіяхъ.

своего наслѣдника, будущаго царя Теофила (829—842 гг.). Къ нему какъ къ тонкому діалектику послали болѣе вліятельныхъ исповѣдниковъ православія на исправленіе, послѣ чего или заключали ихъ въ темницу, или ссылали ¹⁾). Литературное и ученое имя, которое признають за нимъ и его недоброжелатели ²⁾, приобрѣтено имъ вѣроятно въ этотъ ранній періодъ дѣятельности.

Возвышеніе его начинается съ тѣхъ поръ, какъ онъ получалъ званіе синкелла при патриархѣ Антоніи (821—832), по смерти котораго занялъ патриаршескую кафедру ³⁾. Это званіе открывало ему дорогу къ высшимъ почестямъ и давало вліяніе на свѣтскія и духовныя дѣла. Важное значеніе званія синкелла, по нашему мнѣнію, объясняется тѣмъ, что онъ былъ посредникомъ между свѣтскимъ и духовнымъ правительствомъ. Если назначеніе въ синкеллы зависѣло отъ императора, то понятно, что свѣтская власть имѣла въ этомъ духовномъ чинѣ представителя своихъ интересовъ. Въ росписи чиновъ и мѣстъ, которую находимъ въ концѣ сочиненія Константина Порфиророднаго „De Cerimoniis“ ⁴⁾, синкелламъ Рима и Константинополя отведено высшее мѣсто даже передъ Болгарскимъ архіепископомъ, который считался въ свою очередь по мѣсту выше всѣхъ византійскихъ митрополитовъ и архіепископовъ. Иоаннъ въ званіи синкелла играетъ уже политическую роль; ему поручается важная миссія на Востокъ, онъ участвуетъ въ примиреніи Теофила съ однимъ изъ извѣстнѣйшихъ генераловъ его Мануиломъ.

Какъ въ лѣтописяхъ, такъ и въ литературѣ житій, Иоанну усвоется характеръ необыкновеннаго человѣка. Его сношенія съ духами, черно-книжество, чародѣйство и тому подобныя качества, конечно, не могутъ находить себѣ объясненія въ томъ, что онъ принадлежалъ къ партіи иконоборцевъ. Гергенрѣтеръ, приводя и объясняя занесенныя въ лѣтопись сказанія о сверхъестественныхъ чертахъ въ жизни патриарха Фотія ⁵⁾, находятъ возможнымъ при этомъ нашего Иоанна и знаменитаго ученаго конца X и начала XI вѣка Герберта или папу Сильвестра II. По господствующему у большинства современниковъ ихъ воззрѣнію, всѣ эти лица повинны въ одномъ и томъ же

¹⁾ *De Boor*, Theophanis Chronographia 11, p. 24, 29 (Vita Theophanis).

²⁾ Vita Theodori abbatis Studii, Nova Patrum Bibliotheca VI, p. 293, c. 32
 ατε γραμματικῆς ἐμπειρότατος ὄν ὑπὲρ τοὺς λοιποὺς.

³⁾ Хронологію установить не возможно, объ этомъ будетъ рѣчь впереди.

⁴⁾ Constantini, De Cerimoniis Aulae Byzantinae, p. 727, 780.

⁵⁾ *Hergenröther*, Photius Patriarch 1. 325.

грѣхѣ, и объясненіе сложившейся о нихъ молвы нужно искать въ ихъ необыкновенныхъ и поразительныхъ для большинства знанійхъ. Особенность сказаній объ Іоаннѣ состоитъ въ томъ, что онъ проявляетъ свою демоническую силу, между прочимъ, въ международныхъ отношеніяхъ.

Съ его именемъ соединено одно любопытное сказаніе, которое едва ли не относится къ исторіи русско-византійскихъ отношеній. Разъ дикое языческое племя съ тремя предводителями во главѣ опустошало и грабило Ромѣйскую землю. Царь и народъ были въ отчаяніи. Тогда Іоаннъ успокоиваетъ царя, совѣтуя не терять присутствія духа и исполнить одно его предложеніе, которое состояло въ слѣдующемъ: Между мѣдными статуями, поставленными вдоль Эврипа, въ Ипподромѣ, была одна съ тремя головами, которую онъ по своей тайной наукѣ относилъ къ вождямъ того племени. Итакъ, приказавъ приготовить три желѣзныхъ молота и вручивъ ихъ тремъ сильнымъ людямъ, въ ночной часъ въ свѣтской одеждѣ онъ приходитъ съ этими людьми къ той статуѣ. Произнеся чародѣйственныя слова, посредствомъ которыхъ перевелъ силу тѣхъ вождей въ статую или, лучше, овладѣлъ посредствомъ чаръ присущею статуѣ силой, приказалъ каждому сильно бить молотомъ. Двое изъ людей сильнымъ размахомъ молота отбили у статуи двѣ головы, третій же только повредилъ голову, не отдѣливъ ее отъ статуи. Соответственное тому случилось съ вождями. Произошла между ними жестокая усобица, въ которой одинъ одержалъ перевѣсъ, отрубивъ головы двумъ другимъ. Итакъ, спасся одинъ, но и то не вопиѣ благополучно, а племя это, будучи ослаблено, въ позорномъ бѣгствѣ удалилось на свои мѣста ¹⁾.

Воспитанникъ Іоанна царь Теофилъ, призвавъ своего учителя на высокій постъ патриаршаго синкелла, возвелъ его потомъ въ санъ патриарха. Вообще не расположенные къ похваламъ въ пользу Іоанну писатели, отдають ему справедливость въ томъ отношеніи, что это былъ не только рѣдко ученый человѣкъ, но и хорошій администраторъ, и дипломатъ, и искусный діалектикъ ²⁾. Нѣтъ ничего удивительнаго, если онъ при Теофилѣ пользовался громаднымъ вліаніемъ и игралъ важную роль въ государственныхъ дѣлахъ.

Самымъ любопытнымъ свидѣтельствомъ общественной роли Іоанна

¹⁾ Cont. Theoph. IV, c. 7; Symeon Mag., p. 709 (*Migne*), c. 13.

²⁾ Cont. Theoph. III, c. 9 πολιτικῆς γὰρ εὐταξίας τοῦτον πλήρη τοῦχάνοντα, ἔτι γε μὴν καὶ τὸ πρὸς τοὺς ἀντιρρητικούς λόγους κεικμημένον δραστήριον... Vita Theodori Studii, c. 32.

служить посольство его въ Багдадъ къ калифу Мотассему. Объ этомъ посольствѣ имѣется довольно обстоятельный разказъ у писателей, который и приведемъ сполна. Продолжатель Теофана, сказавъ объ отличномъ расположеніи, которымъ Теофилъ отличалъ Иоанна, продолжаетъ:

„Ради чего царь снарядилъ его посломъ къ архонту Сиріи, снабдивъ его и другими роскошными предметами, которыми славится Ромэйское царство и которые приводятъ въ изумленіе иноземцевъ, и вручивъ золотой казны больше четырехъ кентинаріевъ. Дорогіе предметы назначены въ подарокъ эмиру, золото же въ личное распоряженіе Иоанна, на приемы и представительство: ибо посолъ долженъ былъ сорить золотомъ какъ пескомъ по своему усмотрѣнію, дабы внушить мысль, что казна посланшаго неистощима. Послу даны были два сосуда изъ золота и драгоценныхъ камней—въ просторѣчїи называютъ ихъ умывальными чашами—чтобы всячески возвеличить и облечь его въ блескъ. Онъ же, прибывъ въ Багдадъ, произвелъ величественное впечатлѣніе и своимъ острымъ умомъ, и пророчесственнымъ даромъ, и своимъ богатствомъ, и роскошью. Посланцамъ калифа и другимъ посѣтителямъ онъ щедро раздавалъ подарки, какіе могъ только дарить царь ромэевъ. Вслѣдствіе чего имя его сдѣлалось почетнымъ и знаменитымъ. Еще только достигнувъ варварскихъ предѣловъ, онъ поразилъ всѣхъ, которые посланы были для встрѣчи его и для освѣдомленія о здоровьи царя, наградивъ ихъ царскими дарами. Прибывъ же къ калифу и представившись ему, передалъ ему царскую грамоту и послѣ приема отправился въ отведенное ему помѣщеніе. Горя желаніемъ болѣе и болѣе возвысить ромэйское вліяніе, всѣмъ къ нему приходящимъ по какой бы то ни было причинѣ дарилъ по серебряной чашѣ, наполненной золотомъ. Разъ, угощая у себя варваровъ, онъ внушилъ слугѣ объявить о пропажѣ одной изъ тѣхъ умывальныхъ чашъ, которая была выдана ему для стола на этотъ случай. Когда же началось сильное смятеніе, и варвары, жалѣя о пропажѣ такой прекрасной и дорогой чаши, стали въ безпокойствѣ разыскивать ее и употребляли всѣ старанія обнаружить вора, тогда Иоаннъ приказалъ подать другую чашу и прекратилъ поиски и смятеніе слѣдующими словами, приведшими въ изумленіе сараинъ: „пусть пропадаетъ и эта!“ Вслѣдствіе этого и эмиръ, платя тою же щедростью и не желая уступить въ великодушїи, честилъ его съ своей стороны дарами, на которые онъ впрочемъ мало обращалъ вниманія, и освободилъ изъ темницы до сотни плѣнныхъ, которыхъ, раз-

одѣвъ въ великолѣпныя одежды, препроводилъ къ Іоанну. Этотъ же очень похвалилъ и одобрилъ великодушіе предлагающаго даръ, но отказался принять его, объяснивъ: пусть они живутъ спокойно и на свободѣ, пока не будетъ произведенъ размѣнъ плѣнными и пока содержащіеся въ плѣну сарацины не будутъ возвращены въ замѣнъ этихъ. Такой поступокъ привелъ въ изумленіе калифа. Съ этихъ поръ онъ относился къ послу не какъ къ чужестранцу, но приблизилъ его къ себѣ и часто приглашалъ для бесѣды, показывалъ ему свои сокровища и прекрасныя зданія и придворныя церемоніи и такъ чествовалъ его до почетнаго отправления его назадъ. Прибывъ къ Теофилу и сдѣлавъ ему донесеніе о своемъ посольствѣ, онъ убѣдилъ его построить по сарацинскому образцу дворецъ Врійскій, который по формѣ и архитектурнымъ украшениямъ вполне воспроизводитъ сарацинскій стиль. Архитекторомъ этого дворца, построеннаго по плану Іоанна, былъ нѣкто Патраки, носившій санъ патриція. Только въ томъ отступилъ онъ отъ первоначальнаго плана, что около царскаго покоя устроилъ храмъ во имя Владычицы нашей Богородицы, а въ притворѣ дворца трехпрядѣльный храмъ, превосходный по красотѣ и изяществу: средній прядѣлъ въ честь архистратига, а боковыя во имя женъ мученицъ“.

Въ приведенной выдержкѣ изъ греческаго писателя сохранились любопытныя данныя о сильномъ вліяніи, проникавшемъ въ Византію съ востока. Извѣстно изъ другихъ источниковъ, какъ много заботился царь Теофилъ о придворномъ этикетѣ, какъ по его имени назывался знаменитый тронъ, на которомъ воссѣдали цари X вѣка при торжественныхъ приѣмахъ иностранцевъ. Есть основанія думать, что постройки времени Теофила и нововведенія въ придворномъ церемональѣ произведены не безъ вліянія патриарха Іоанна, который вывезъ изъ Багдада разнообразныя наблюденія, и о постройкахъ котораго, поражающихъ современниковъ, сохранилась память въ X столѣтіи.

Вскорѣ по возвращеніи изъ этого посольства Іоаннъ былъ возведенъ въ патриархи. Но почти не возможно возстановить хронологию ни посольства въ Багдадъ, ни избранія въ патриаршее достоинство. Гиршъ (с. 348) полагаетъ, что первое событіе относится къ концу 833 года, но такъ какъ Вейль (II, 297), на котораго онъ дѣлаетъ ссылку, не нашелъ въ арабскихъ источникахъ извѣстій о греческомъ посольствѣ, то и приводимая имъ дата имѣетъ относительную вѣроятность. Что касается полученія патриаршескаго досто-

инства, установить для этого дату препятствуетъ неопредѣленность хронологіи патріарха Антонія, время патріаршества котораго опредѣляется то въ 16, то въ 15, то наконецъ, въ 13 и 12 лѣтъ. Эта неустойчивость хронологіи по отношенію къ Іоанну даетъ разницу на четыре года, опредѣляя вообще періодъ его возведенія въ патріархи между 834 и 837 годами. Безъ всякихъ колебаній можно принять только заключеніе, что Іоаннъ былъ патріархомъ во вторую половину царствованія Θεοφιλα. Въ смыслѣ общаго вывода о личномъ характерѣ Іоанна имѣло бы мѣсто то соображеніе, что жестокія мѣры противъ иконопочитателей скорѣй относятся къ первой, чѣмъ ко второй половинѣ царствованія Θεοφιλα. Во всякомъ случаѣ, что касается преемника Іоанна по патріаршеству Меѳодія, то въ послѣдніе годы Θεοφιла онъ пользовался извѣстною свободой, которая дала ему возможность подготовить и успѣшно провести переворотъ въ пользу возстановленія православія.

Смерть царя Θεοφιла была большимъ ударомъ и для патріарха Іоанна. Во всякомъ случаѣ для него не могло быть тайной, что императрица Θεодора и вся ея довольно многочисленная семья, получившая важное значеніе при дворѣ и имѣвшая въ своихъ рукахъ разные административные посты, тайно сочувствовала православію, ходатайствовала передъ царемъ въ пользу смягченія суровыхъ мѣръ противъ иконопочитателей и держалась партіи самаго виднаго тогда представителя иконопочитанія, неуклоннаго борца и мученика, будущаго патріарха Меѳодія. Все заставляетъ думать, что система, поддерживаемая царями армянской династіи, не достаточно укоренилась даже въ высшихъ классахъ; царская дума, синодъ, весь служебный штатъ официально стоялъ на сторонѣ иконоборчества, но внѣ службы, въ домашней жизни преобладали вліянія противоположной системы. Стоитъ только взглянуть на переписку Θεодора Студита, чтобы понять, какимъ сильнымъ вліяніемъ пользовался онъ въ среднемъ классѣ общества и среди женщинъ всѣхъ слоевъ. При всей искренности вражды къ иконопочитателямъ, царь Θεοφилъ долженъ былъ мириться съ очень хорошо ему извѣстнымъ положеніемъ вещей, что въ его же собственномъ дворцѣ, его жена и дѣти кланяются иконамъ, что мать Θεодора, хотя и жившая въ отдѣльномъ дворцѣ, часто приглашала къ себѣ его дочерей и внушала имъ любовь и благоговѣніе къ иконамъ. Такимъ образомъ, хотя Θεοφилъ до конца жизни не измѣнилъ принятой системѣ и не хотѣлъ дѣлать послабленій иконопочитателямъ, но онъ долженъ былъ также замѣчать,

какъ ненадежно положеніе иконоборческой партіи и какъ трудно искоренить приверженцевъ православія. Весьма любопытно, что въ послѣдніе годы жизни онъ держалъ у себя на глазахъ Меодія и всякій разъ бралъ его съ собою, если ему нужно было на продолжительное время оставить столицу. О судьбѣ Іоанна по смерти Теофила источники даютъ скудныя свѣдѣнія.

Едва ли можно довѣрять извѣстію, что регентство для управленія имперіей назначено было еще самимъ Теофиломъ; въ выборѣ лицъ, стоящихъ во главѣ регентства, замѣтно вліяніе царицы Теодоры, по всей вѣроятности, она назначила регентство изъ Мануила и Теокиста. Царь Теофилъ долженъ былъ дать въ управленіи мѣсто своему воспитателю патриарху Іоанну; это избавило бы его притомъ отъ заботъ о судьбѣ поддерживаемой имъ системы, словомъ не нужно было бы прибѣгать тогда къ тому средству, какое приписываютъ ему лѣтописцы: будто онъ взялъ клятву отъ Теодоры и членовъ регентства, что они не возстановятъ православіе и не удалятъ патриарха Іоанна. Такъ или иначе, по смерти Теофила патриархъ Іоаннъ потерялъ вліяніе и ни разу болѣе не выступилъ онъ въ защиту своего положенія. Извѣстно, что современныхъ извѣстій не сохранилось о времени послѣ царя Теофила. Хотя лѣтописецъ Георгій пережилъ это время, но его лѣтопись закончена 842 годомъ и притомъ конецъ ея дошелъ до насъ въ весьма испорченномъ видѣ. Вся традиція о событіяхъ съ 842 года черпается изъ лѣтописцевъ X и XI—XII вв.: продолжателей Теофана и Георгія, Симеона Магистра, Льва Грамматика, Скилицы-Кедрина, Зонары. Такъ какъ въ настоящее время вопросъ о развитіи лѣтописной традиціи IX и X вѣковъ довольно уже выяснился, благодаря прекраснымъ частію нѣмецкимъ (Гиршъ, де Бооръ), частію русскимъ (Муральтъ, Кузякъ, Васильевскій) изслѣдованіямъ, то я могу прямо объяснить, что у лѣтописцевъ второй половины X вѣка большинство извѣстій о времени послѣ царя Теофила, не почерпнутыхъ изъ продолжателя Георгія, заимствовано у Генесія. Такимъ образомъ, лѣтописная традиція о событіяхъ 842 и ближайшихъ лѣтъ сводится въ сущности къ изученію сейчасъ названнаго писателя.

Генесій писалъ исторію по предложенію Константина Порфиророднаго и, какъ говоритъ въ предисловіи, писалъ на основаніи свидѣтельства очевидцевъ и устнаго преданія. Главное отличіе его отъ другихъ и вмѣстѣ громадное преимущество заключается въ томъ, что онъ поставленъ былъ въ благоприятныя условія сообщить хорошія

свѣдѣнія о занимающемъ насъ періодѣ по фамильнымъ преданіямъ. Авторъ лѣтописи, извѣстный подъ именемъ Генесія, былъ сыномъ того Константина Армянина, который начальствовалъ отрядомъ царскихъ тѣлохранителей, былъ любимцемъ и довѣреннымъ лицомъ при Михаилѣ III и который игралъ выдающуюся роль въ событіяхъ, стоящихъ въ связи съ низверженіемъ патріарха Іоанна. Нѣкоторые писатели передаютъ его имя (Іосифъ), а въ рукописныхъ чтеніяхъ продолжателя Георгія, приводимыхъ Гиршемъ (ss. 39, 48, 118 Ап. 2), Генесій прямо названъ сыномъ Константина Армянина. Такимъ образомъ, Генесій могъ сообщить очень хорошія извѣстія объ этомъ времени на основаніи наблюденій и личнаго опыта своего отца. Важность Генесія для исторіи лѣтописной традиціи о событіяхъ 842 года видна еще изъ того, что онъ есть старшій по времени лѣтописецъ, закрѣпившій письменное и устное преданіе и давшій первый матеріалъ для слѣдовавшихъ за нимъ опытовъ лѣтописи того же времени (продолжатель Теофана, Симеонъ магистръ, Левъ грамматикъ). О судьбѣ Іоанна по смерти Теофила Генесій сообщаетъ слѣдующее.

Когда члены регентства согласились между собою относительно возстановленія православія, царица Теодора позволила православнымъ собираться во дворцѣ канцлера для предварительнаго обсужденія вопроса и подготовки матеріала къ предполагаемому собору. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ этихъ собраніяхъ не принималъ участія патріархъ. Такимъ образомъ, когда предварительная коммиссія пришла къ рѣшенію возвратиться къ постановленіямъ VII вселенскаго собора, неминуемо долженъ былъ выступить на очередь вопросъ о главѣ церкви, о предсѣдателѣ будущаго собора. Итакъ, посылаютъ къ нему знатныхъ людей, начальствующихъ царскою стражей, чтобы удалить его изъ патріархіи, но онъ не сдавался. Хотя они пытались (силой?) низвести его, но онъ коварно заставилъ ихъ уступить и оставить его. Даютъ объ этомъ знать посланнымъ и возбуждаютъ большее противъ него раздраженіе. Итакъ, отправляется къ нему патрицій Варда спросить, почему онъ не оставляетъ патріархію. А онъ измыслилъ оправданіе, показавъ свой животъ, исколотый оружіемъ и объяснивъ, что эти раны нанесли ему посланные язычники. Чувствуя сильную боль, а, продолжалъ онъ, просилъ извиненія, что не могу сейчасъ же оставить патріархію, пострадалъ же я особенно отъ Константина Армянина, начальника тагмы эскувитовъ. Сказавъ далѣе нѣсколько теплыхъ словъ въ защиту своего

отца, Генесій продолжаетъ: „Когда было раскрыто, что эта театральная сцена измышлена съ злымъ намѣреніемъ, остроумный разслѣдователь возгорѣлъ гнѣвомъ; почему онъ по заслугамъ лишился церковной власти, а тому кого онъ оклеветалъ способствовалъ получить торжественно похвалу“.

Процессъ противъ патріарха Іоанна въ приведенномъ свидѣтельствѣ Генесія возбуждаетъ противъ себя важныя сомнѣнія. Очевидно, писатель желаетъ оправдать начальника тагмы экскувитовъ и потому передаетъ все дѣло съ нѣкоторыми умолчаніями. Изъ предыдущаго легко понять, что желательно было скрыть Генесію. Очевидно, ему непріятно было констатировать фактъ, что отецъ его очень сурово обошелся съ патріархомъ и нанесъ ему раны. Было ли что подобное, и получилъ ли Константинъ инструкціи, которыя его уполномочивали силой взять патріарха и употребить противъ него оружіе, еслибы онъ сталъ сопротивляться, конечно трудно высказаться объ этомъ со всею рѣшительностью. Но въ источникахъ есть достаточный намекъ, позволяющій возстановить этотъ эпизодъ въ неблагоприятномъ смыслѣ для отца нашего писателя.

Ближайшимъ къ Генесію лѣтописцемъ нужно считать продолжателя Теофана, четвертая книга исторіи котораго (Михаилъ и Теодора) также написана при Константинѣ VII и по его предложенію. Фактически разказъ его мало отличается отъ вышеприведеннаго, но по нѣкоторымъ подробностямъ, въ особенности по отсутствію того деликатнаго сыновняго чувства, которое должно было руководить перомъ Генесія, эти подробности позволяютъ бросить на процессъ патріарха Іоанна болѣе обильный свѣтъ. Привзавъ друнгарія стражи Константина, царица поручаетъ ему отправиться къ патріарху и извѣстить его, что по просьбѣ благочестивыхъ людей правительство намѣрено приступить къ возстановленію иконъ. Вслѣдствіе этого патріарху предлагается или дать согласіе на это рѣшеніе правительства, или въ случаѣ несогласія, оставить патріаршій престолъ и удалиться изъ города. Константинъ былъ принятъ въ ессальской палатѣ патріаршаго дворца. Пораженный словами Константина, патріархъ ничего другаго не сказалъ ему, какъ только что ему нужно обдумать хорошенько это дѣло, и съ этими словами отпустилъ его. Но въ то же мгновеніе схватилъ ножъ и нанесъ себѣ раны въ животъ съ такимъ расчетомъ, чтобы не причиняя себѣ опасности для жизни, пустить достаточно крови, и тѣмъ возбудить къ себѣ состраданіе въ толпѣ. Смятеніе и шумъ распространился по патріархіи и

достигъ царскаго слуха, предупредивъ возвращеніе друнгарія: молва гласила, что патріархъ убитъ по личному приказанію царицы. Отправленный для производства слѣдствія патриціей Варда безъ труда обнаружилъ, что раны сдѣланы умышленно, и все происшедшее было восстановлено по показаніямъ слугъ, при чемъ представлено и орудіе, при помощи котораго произведено пораненіе. Посему Іоаннъ обвиненный въ покушеніи на свою жизнь, лишенъ престола и сосланъ въ помѣстье Психа.

Изъ сличенія извѣстій Генесія и продолжателя Теофана получается возможность восстановить съ довольно приблизительною точностью то, что происходило въ патріархіи. Друнгарій Константинъ явился къ патріарху съ отрядомъ царской стражи, которая состояла изъ азычниковъ, по всей вѣроятности, изъ варяговъ. Что здѣсь не обошлось безъ грубой расправы, можно заключать изъ слѣдующаго. Продолжатель Теофана даетъ весьма живое наблюденіе, заимствованное или изъ дѣла о патріархѣ Іоаннѣ, или изъ описанія очевидца. Изъ его описанія слѣдуетъ, что около патріархіи собралась толпа народа, которую очевидно привлекла свита друнгарія Константина, что о происшествіи въ патріархіи толпа узнала еще прежде, чѣмъ удалился Константинъ. Изъ этого легко заключить, что въ патріархіи происходили довольно шумныя сцены и можетъ быть вооруженная схватка между патріаршими служителями и варягами. Весьма вѣроятно, что царица не желала прибѣгать къ насилію и не предвидѣла кровавыхъ послѣдствій. Слѣвши замять дѣло и назначили для производства слѣдствія брата царицы, патриція Варду. Что слѣдствіе произведено было не безпристрастно, и что нашлись такіе свидѣтели, которые показали, какъ патріархъ схватилъ ножъ и нанесъ себѣ раны съ разчетомъ, это уже не требуетъ особенныхъ объясненій.

Симеонъ Магистръ и Левъ Грамматикъ не даютъ никакихъ новыхъ данныхъ для разъясненія занимающихъ насъ обстоятельствъ. Въ лѣтописи Скилицы-Кедрина имѣетъ значеніе одна добавка къ традиціи, что слѣдствіе Варды кончилось тѣмъ, что онъ силой взялъ Іоанна изъ патріархіи.

Изъ разсмотрѣнія извѣстій о процессѣ противъ патріарха Іоанна можемъ вывести заключеніе, что онъ оставался на патріаршемъ престолѣ до тѣхъ поръ, пока православные не подготовили вопроса о возвращеніи къ постановленіямъ VII вселенскаго собора. Если что остается неяснымъ въ его судьбѣ, это то, что онъ не принялъ ни-

какихъ мѣръ къ борьбѣ съ православными. Въ объясненіе этого можно сказать только одно, что онъ понялъ неумѣстность борьбы и созналъ громадное преобладаніе приверженцевъ противной церковной партіи. По практикѣ, выработанной длиннымъ періодомъ борьбы иконоборцевъ и иконопочитателей, можно заключить, что Іоаннъ не имѣлъ основаній сомнѣваться въ извѣстнаго рода снисхожденіи къ нему, еслибъ онъ согласился признать совершившійся фактъ и раскаяться въ своемъ заблужденіи. Такъ VII вселенскій соборъ принялъ въ общеніе съ церковью предсѣдателя иконоборческаго собора 754 г., когда онъ отвергъ свои прежнія заблужденія. То же могло случиться и съ Іоанномъ, еслибъ онъ считалъ возможнымъ для себя примиреніе съ православіемъ.

Православный соборъ, состоявшійся въ февралѣ 842 года, возвратившись къ постановленіямъ VII вселенскаго собора, возстановилъ иконопочитаніе и низложилъ патриарха Іоанна. Ему назначенъ былъ для проживанія одинъ монастырь, въ которомъ онъ и жилъ спокойно, отказавшись отъ борьбы съ иконопочитателями, но не измѣнивъ собственныхъ убѣжденій. Есть извѣстіе, въ вѣрности котораго нельзя сомнѣваться, ибо оно записано у многихъ писателей, что на Іоанна сдѣланъ былъ доносъ, будто онъ въ своемъ монастырѣ привазалъ выколоть глаза на одной иконѣ. Царица приняла было очень суровое рѣшеніе наказать его лишеніемъ зрѣнія, но по ходатайству нѣкоторыхъ приближенныхъ замѣнила этотъ приговоръ тѣлеснымъ наказаніемъ.

Интереснѣе свѣдѣнія объ Іоаннѣ, заключающіяся въ письмѣ патриарха Меоодія къ Іерусалимскому патриарху, составленномъ, какъ можно судить по содержанію, въ началѣ 846 года, то-есть, въ послѣдній годъ жизни Меоодія. Въ этомъ письмѣ, высказавъ благодарность Іерусалимскому патриарху за братское согласіе и единеніе церквей и за принятіе постановленій послѣдняго Константинопольскаго собора, Меоодій касается и положенія своей церкви.

По видимому, Іерусалимскій патриархъ высказывалъ мнѣніе въ пользу предоставленія церковныхъ должностей тѣмъ священникамъ, которые хотя и уклонились въ иконоборческую ересь, но затѣмъ чистосердечно раскаялись въ своихъ заблужденіяхъ, отреклись отъ еретическихъ мнѣній и обязались до конца жизни соблюдать постановленія православнаго собора. Относительно этихъ церквей можетъ сдѣлать снисхожденіе, но не можетъ этого допустить по отношенію „къ послѣднему и первому влѣйшему врагу истиннѣ Іоанну“. На эти

слова Меѳодій писалъ: „Вотъ уже прошло три года и начался четвертый, но мы не можемъ засвидѣтельствовать въ нихъ никакого плода раскаянія, который бы обнаружился или въ смиренномъ словѣ, или въ строгой и спокойной жизни. Никто изъ нихъ не покинулъ надменной гордости, которую усвоилъ отъ злыхъ еретиковъ, никто не образумился и не удалился отъ святаго мѣста, которое онъ подвергалъ поруганію“¹⁾).

Изъ приведеннаго мѣста слѣдуетъ, что Іоаннъ былъ живъ въ началѣ 846 года; довольно рѣзкія слова патріарха Меѳодія могутъ относиться именно къ нему, какъ къ самому видному представителю партіи иконоборцевъ. Ясно, что Іоаннъ не желалъ вступать ни въ какія соглашенія съ иконопочитателями.

Не сохранилось данныхъ о времени смерти его. Продолжатель лѣтописи Георгія, въ заключительныхъ главахъ царствованія Михаила III (Муральтъ, 746, Migne, с. 32, р. 896), передаетъ одинъ изъ возмутительныхъ поступковъ этого царя. Михаилъ III приказалъ открыть гробницу Константина Копронима и патріарха Іоанна (тутъ же узнаемъ, что послѣдній погребенъ былъ въ архіерейскомъ облаченіи), и продержавъ нѣкоторое время взятые тамъ трупы въ государственной тюрьмѣ, въ одинъ изъ дней конскаго ристалища въ ипподромѣ устроилъ невиданный спектакль: обнаживъ трупы, приказалъ бичевать ихъ, а потомъ кости ихъ предать сожженію. Такова судьба послѣдняго иконоборческаго патріарха.

Прозваніе грамматика, полученное патріархомъ Іоанномъ, указываетъ на нѣкоторую извѣстность его въ литературныхъ и ученыхъ кружкахъ. Ему принадлежитъ руководство по грамматикѣ, пользовавшееся значеніемъ и въ позднѣйшее время. О литературномъ значеніи Іоанна нѣкоторыя свѣдѣнія, очень впрочемъ скудныя, можно почерпнуть у Nicolai, Griechische Literaturgeschichte, III, 162; Legend, Bibliographie Hellénique, II, 183.

II.

Русь-Дроиты.

Личный характеръ Іоанна VII возстановить въ высшей степени трудно, такъ какъ сохранившіяся извѣстія завѣдомо пристрастны къ

¹ *Pitra, Iuris ecclesiastici Graecorum Historia et Monumenta*, II, p. 355. У *Миля*, *Patrologiae cursus t. 100*, p. 1292; напечатано это письмо безъ конца.

нему. Въ настоящее время не легко представить себѣ, съ какимъ ожесточеніемъ религіозныя партіи VIII и IX вѣковъ истребляли литературныя произведенія, могущія или служить противникамъ, или повредить друзьямъ. Одни акты VII вселенскаго собора могутъ представить поразительныя тому доказательства. Во всей литературѣ, имѣющей отношеніе къ Іоанну,¹ обойденъ умолчаніемъ важнѣйшій моментъ его жизни, когда ему пришлось стать лицомъ къ лицу съ патріархомъ Меѳодіемъ. Можно безошибочно заключать, что онъ искренно былъ убѣжденъ въ правотѣ своихъ воззрѣній и безъ колебаній выносилъ невзгоды, которыя постигли его съ 842 года. Чуть ли не единственный намекъ на его попытку бороться съ православными сохранился въ Паннонскомъ житіи св. Кирилла. Въ самомъ дѣлѣ, это любопытнѣйшій остатокъ, по всей вѣроятности, обильнаго числа повѣстей, касавшихся воззрѣній послѣдняго иконоборца. Преніе Кирилла съ Анніемъ, конечно, имѣетъ особый интересъ въ вопросѣ о происхожденіи и составѣ Паннонскихъ житій, но оно едва ли сохранилось вполне. Для насъ имѣетъ въ немъ значеніе та мысль, влагаемая Іоанну, что его согнали съ престола насиліемъ, а не убѣдили въ ложности его мыслей, ибо никто не могъ сравняться съ нимъ въ діалектикѣ. Мысль эта соответствуетъ существу дѣла, на сколько оно выясняется изъ рассмотрѣнія уцѣлѣвшихъ данныхъ; въ свою очередь дѣятельность Кирилла и Меѳодія, падающая на періодъ послѣдней борьбы иконоборцевъ и иконопочитателей, въ этой части житія Кирилла явно выдаетъ элементъ вниманія къ важному вопросу половины IX вѣка. Можно думать, что и нѣкоторыя другія данныя Паннонскаго житія, какъ казарская и сарацинская миссія, по источникамъ своимъ обличаютъ наблюденія IX вѣка (путешествіе Петроны къ казарамъ и постройка Саркела; путешествіе патріарха Іоанна въ Багдадъ).

Но есть одно обстоятельство въ преданіяхъ о патріархѣ Іоаннѣ, которое, какъ намъ кажется, можетъ имѣть отношеніе къ извѣстному темному мѣсту о Руси у Симеона Магистра. Какъ можно убѣдиться изъ предшествующаго, личность патріарха Іоанна была для современниковъ загадкой. Не только важнѣйшія обстоятельства его жизни, но и его частныя личныя отношенія, его домашнія занятія обставлены характеромъ таинственности. Прежде всего напомнимъ приведенную выше повѣсть о трехъ предводителяхъ языческаго племени, которые своими набѣгами и опустошеніями привели въ смущеніе царя Теофила, и сила которыхъ была ослаблена чарами па-
часть сслх VII, отд. 2.

тріарха Іоанна. Существовали далѣ особыя сказанія объ его миссіи въ Багдадъ. Кромѣ того разказа, который выше приведенъ нами, продолжатель Теофана (III, с. 26) указываетъ другія повѣсти о томъ же предметѣ, по которымъ, Іоаннъ тайно, переодѣтый пилигримомъ, подъ видомъ нищаго явился въ Багдадъ и свидѣлся съ генераломъ Мануиломъ. Его домашняя жизнь облечена также покровомъ таинственности: онъ часто удалялся въ загородный дворецъ своего брата, гдѣ у него были особые тайные подземные покои и гдѣ былъ его чародѣйственная лабораторія (ibid. IV, с. 8). Преданія о такомъ необыкновенномъ человѣкѣ тѣмъ болѣе могли давать пищу воображенію, что онъ занималъ и высокое положеніе. Такъ какъ мы не претендуемъ объяснить историческій фактъ, а желаемъ представить попытку объясненія особаго рода традиціи, особаго таинственнаго элемента въ византійскомъ преданіи о Руси, то не считаемъ необходимымъ много останавливаться на законности перехода отъ чаръ Іоанна къ чарамъ, которымъ подпала Русь.

Знакомясь съ преданіемъ объ Іоаннѣ, мы вспомнили одно изъ древнѣйшихъ свидѣтельствъ о Руси, служащее и понятнѣ предметомъ недоумѣнія и спора. Это извѣстное мѣсто Симеона Магистра въ исторіи Льва, VII, гл. 13:

Ῥῶς δὲ, οἱ καὶ Δρομίται φερόμενοι ἀπὸ Ῥῶς
τινὸς σφοδρῶ διαδραμόντες ἀπηχήματα τῶν
χρησαμένων ἐξ ὑποθήκης ἢ θεοκλυτίας
τινὸς καὶ ὑπεραχόντων αὐτοῦ ἐπικέκληνται.
Δρομίται δὲ ἀπὸ τοῦ ὀξέως τρέχειν αὐτοῖς
προσεγένετο. Ἐκ γένους δὲ τῶν Φράγγων
καθίστανται.

Мы съ намѣреніемъ не дѣлаемъ пунктуаціи въ первой части при веденнаго мѣста, такъ какъ при объясненіи его русскіе ученые (Куникъ, Геденовъ и др.) слишкомъ много различаются именно разстановкой знаковъ. Оставляемъ далѣ въ сторонѣ, положеніе занимаемое этимъ мѣстомъ въ старомъ спорѣ русскихъ научныхъ школъ. Посмотримъ, какое значеніе этого мѣста въ контекстѣ исторіи Симеона Магистра. Глава 13-я имѣетъ такое содержаніе: „Въ 18-й годъ идетъ на столицу флотъ агарянскій съ Триполитомъ. Триполиты же названы оттого, что составились изъ трехъ племенъ: изъ колонистовъ арабскихъ, тирскихъ и сидонскихъ. Также и Эгейское море получило названіе отъ стремленія воды, несущейся какъ коза. Подобно и Стро-

видъ наименованъ по положенію мѣста и Лампсакъ отъ сіянія свѣта, который ночью возсіялъ по волѣ боговъ, когда фокейцы основывали его и молились. И Имвръ получилъ названіе отъ Имвра сына Анея". Всего объяснено такимъ образомъ 24 слова. Затѣмъ слѣдуетъ гл. 14-я: „Итакъ посылаетъ царь противъ него Евстаѳіа, друнгарія флота, съ кораблями и войскомъ“. Очевидно, вся эта филологическая экскурсія не вяжется съ содержаніемъ повѣствованія и должна быть разсматриваема въ качествѣ вставки начитаннаго въ подобныхъ тонкостяхъ переписчика или читателя лѣтописи Симеона. Ближайшее заключеніе отсюда то, что приведенное мѣсто о Руси не должно и не можетъ быть объясняемо изъ Симеона Магистра, такъ какъ оно не ему принадлежитъ. Нѣкоторые изъ грамматическихъ объясненій не имѣютъ противъ себя никакихъ возраженій, на сколько они представляютъ собой филологическое объясненіе слова: нѣкоторые основываются на народныхъ сагахъ и должны служить выраженіемъ преданія устнаго или письменнаго. Между попытками объясненія словъ мало понятныхъ посредствомъ личнаго или мѣстнаго имени укажемъ на не менѣе любопытное объясненіе слова Влахерны у писателя Генесія.

Regum Lib. IV, p. 1150 (ap. Migne). *Βλαχέρνας ἀπό τινος ἀρχηγῶ Ἐχόθου Βλαχέρνου ἀναειθέντος ἐχάϊσας πεφῆμισται.*

Было бы конечно несправедливо, еслибы мы послѣдовали въ этомъ объясненіи за неизвѣстнымъ толкователемъ. Но съ другой стороны, такое объясненіе могло составиться въ опредѣленную эпоху, когда оно могло считаться вѣроятнымъ и убѣдительнымъ для читателя, то-есть, когда возможны были случаи появленія скиѣскихъ вождей въ Константинополѣ.

Итакъ, обращаясь въ толкованію, данному слову 'Ρῶς, мы прежде всего считаемъ важнымъ выдѣлить грамматическій элементъ изъ того, что не имѣетъ ничего общаго съ словопроизводствомъ. Толкователю предстояла задача объяснить слово 'Ρῶς, Русь, которую онъ называетъ дромитами (δρμιται). Прежде всего онъ толкуетъ 'Ρῶς, и не посредствомъ словопроизводства, такъ какъ этимологическое значеніе слова было ему неизвѣстно, а отъ личнаго имени: ἀπὸ 'Ρῶς τινος σφοδρῶ ἐπιχέληται. Но все, что говорится помимо указанныхъ словъ и что заключено между подлежащимъ и сказуемымъ, обличаетъ въ толкователѣ знаніе какихъ-то особенныхъ преданій о Руси, на которыя онъ и дѣлаетъ краткое указаніе, каковы и всѣ подобныя указанія

толкователя на историческіе и религіозныя факты или просто по преданію дошедшія до него сказанія.

Давно уже догадывались, что вся сущность приведеннаго мѣста заключается именно въ этомъ добавленіи, въ этой вводной между подлежащимъ и сказуемымъ вставкѣ. Но всѣ предложенныя доселѣ попытки объясненія любопытнаго мѣста не разрѣшали сомнѣній. Академикъ Куникъ былъ довольно близокъ къ пониманію реального смысла, заключающагося въ этой вставкѣ, но онъ оставилъ на своемъ переводѣ столько ясныхъ признаковъ сомнѣнія и неувѣренности, что занимавшіеся толкованіемъ того же мѣста послѣ него имѣли полное основаніе отнестись недовѣрчиво къ его переводу. Одинъ изъ болѣе видныхъ противниковъ его въ воззрѣніи на древнюю исторію Россіи, Гедеоновъ даетъ не переводъ, а изложеніе и притомъ весьма свободное. Сопоставимъ объясненія къ нашему мѣсту названныхъ ученыхъ.

Kunik. Die Berufung, 413: Die Rös, welche auch Dromiten heißen, haben ihren Namen von einem gewaltigen (?) Rös erhalten, nachdem (weil ?) sie den Feindseligkeiten (? wörtlich den Misshälligkeiten) deren entgangen waren, welche einen Götterspruch oder ein Orakel eingeholt (?? sich zu Nutzen gemacht ???), und über sie ein Uebergewicht erlangt (sie besiegt ?) hatten.

Гедеоновъ, Варяги и Русь, II, 479: Русы, они же и Дромиты, прозвались своимъ именемъ отъ нѣкаго храбраго Роса, послѣ того какъ имъ удалось спастись отъ ига народа, овладѣвшаго ими и угнетавшаго ихъ, по волѣ или предопредѣленію боговъ.

Не смотря на множество знаковъ сомнѣнія, переводъ академика Куника все же передаетъ понятія, заключающіяся въ греческомъ оригиналѣ, чего нельзя сказать о русскомъ изложеніи. Неправильность перевода у перваго мы усматриваемъ только въ концѣ, именно въ выраженіи: über sie ein Uebergewicht erlangt hatten; въ русскомъ же изложеніи находимъ не оправдываемою греческимъ текстомъ всю мысль о томъ, что русскимъ удалось спастись отъ ига народа, овладѣвшаго ими и угнетавшаго ихъ, по волѣ или предопредѣленію боговъ.

Для объясненія любопытнаго текста, дѣйствительно представляющаго немаловажныя затрудненія, главнѣйшимъ препятствіемъ служили: разнообразное пониманіе синтаксическаго строя предложенія и несогласіе въ толкованіи отдѣльныхъ выраженій. Итакъ, прежде всего предлагаемъ принять, что взаимная зависимость словъ въ предложеніи должна остаться безъ всякой перемѣны. Нѣсколько частныхъ замѣчаній могутъ касаться значенія словъ. Во всей вставкѣ главнымъ словомъ какъ по положенію, такъ и по смыслу должно считать диабра-

μόντες: оно главное по положенію, ибо управляетъ послѣдующими словами, главное и по смыслу, ибо даетъ особенное значеніе всей вводной рѣчи и находится во внутренней связи съ δρομίται и съ объясненіемъ этого термина ἀπὸ τοῦ ὀξέως τρέχειν. Непосредственнымъ къ нему дополненіемъ служитъ ἀπήχημα, которое въ свою очередь опредѣляется рядомъ съ нимъ стоящимъ τῶν χρησμένων. Что касается значенія упомянутыхъ словъ, въ этомъ отношеніи существенное затрудненіе состоитъ въ томъ, чтобы раскрыть ихъ техническій смыслъ: слова употреблены не въ прямомъ обиходномъ значеніи и служатъ обозначеніемъ не реальныхъ предметовъ, а отвлеченныхъ понятій, относящихся къ кругу вѣрованій или религіозныхъ воззрѣній. Уже то обстоятельство, что нѣкоторыхъ словъ текста о Руси не найдешь и въ лучшихъ греческихъ словаряхъ, служатъ достаточнымъ указаніемъ, что эти слова взяты изъ спеціальнаго словаря.

Обыкновенное значеніе слова ἀπήχημα устанавливается довольно легко, ибо ясно его производство. Отсюда, напимѣрь, совидѣнія разсматриваются какъ ἀπήχημα дневныхъ заботъ. Употребительно выраженіе ἀπήχημα въ смыслѣ вліянія или ученія: ταῦτα Προδίκου ἐστὶ ἀπήχημα или Ἀριστοτελικὰ ἀπήχημα. Такія мѣста могутъ дать русскій переводъ для ἀπήχημα: слѣдъ, отголосокъ, вліяніе, ученіе. Но что слова подобнаго производства имѣли болѣе широкое значеніе, видно изъ слѣдующаго мѣста у продолжателя Теофана: καὶ ἄλλ' ἄττα προσετίθει βλάσφημα καὶ ἀπηχή κατὰ τῆς εἰκόνης Χριστοῦ, то-есть, онъ присовокупилъ и другія богохульныя и гнусныя слова противъ иконы Христа ¹⁾. Въ лѣтописи Теофилакта Симокатты находимъ употребленіе этого слова въ болѣе тѣсномъ смыслѣ. Разъ, въ одномъ сраженіи съ персами, въ критическій моментъ битвы, по греческимъ рядамъ громкимъ эхомъ раздается голосъ, повелѣвающій нападеніе на непріятельскую конницу. При разслѣдованіи потомъ оказалось, что этого приказанія никто не дѣлалъ ²⁾. Здѣсь ἀπήχημα находимъ уже въ сверхъестественной обстановкѣ, ибо слово употреблено для выраженія дѣйствія промысла, божественной воли. Слово это несомнѣнно имѣло и еще болѣе тѣсный смыслъ, какъ можно заключать изъ упо-

¹⁾ Theoph. Contin. lib. III, c. 14

²⁾ De Boor, Theophylacti Simocattae, lib. II, c. 4 (p. 76) θεῖα τις διάνοια κατεδείχθη τοῦ ἀλλοφύλου ἑτεραίικία ποιουμένη τὴν μάχην, καὶ φωνὴ περιίπτται Ἕρμαιούς μεγάλῃ τῷ ἀπηχηματι ἐγκελευομένη τὴν ἵππον κεντεῖν τὴν πολεμίον. Ниже Цивагель заключаетъ, что это было θεῖα τινα μελετήματα.

требленія его въ древнихъ медицинскихъ сочиненіяхъ, гдѣ оно имѣетъ смыслъ ῥωγή ¹⁾. Итакъ, было бы затруднительно выбрать то или другое значеніе для слова ἀπήχημα; очевидно, надлежащій смыслъ оно получаетъ отъ слѣдующаго опредѣляющаго τῶν χρησμένων. Для толкованія этого послѣдняго слова въ смыслѣ оракула (изреченіе оракула) не встрѣчается никакихъ возраженій, за исключеніемъ того соображенія, что слово оракулъ должно быть замѣнено соотвѣтствующимъ христіанскому воззрѣнію терминомъ. Христіанскій писатель, говорящій о Руси, пользуясь языческимъ терминомъ, все же не могъ разумѣть въ дѣйствительности оракулъ, онъ долженъ былъ подразумѣвать обнаруженіе неземной сверхъестественной силы: божественной или демонской. Такимъ образомъ, выраженіе διαδραμόντες ἀπήχηματα τῶν χρησμένων то же, что διαδραμόντες τὰ ἀπηχῆ χρησφδήματα или τοὺς ἀπηχεῖς χρησμοῦς. Воззрѣніе автора не склоняется ни исключительно въ пользу божественной воли, ни въ сторону демонской силы; онъ рассуждаетъ какъ прилично христіанину X вѣка, останавливающемуся въ недоумѣніи передъ непонятными вещами. Въ самомъ дѣлѣ, византійское міровоззрѣніе, сильно проникнутое суевѣріемъ, на каждомъ шагу допускало участіе неземныхъ силъ въ жизни человѣка. Съ одной стороны, предсказатели и пророки, съ другой — вѣщатели, чародѣи и колдуны постоянно тревожили умъ, и никто не могъ рѣшить — отъ Бога или отъ демона случаются выходящія изъ ряда вонъ вещи. И въ нашемъ текстѣ вопросъ рѣшается на двое. Θεοκλοτία и ὑποθήκη выражаютъ собою двоякость воззрѣнія на ἀπήχηματα τῶν χρησμένων — или сила божественная, или демонская: ὑποθήκη будетъ обозначать чародѣйство, или колдовство, внушенное нечистою силой, а θεοκλοτία — попушеніе какого-либо несчастія посредствомъ воли Божіей или съ помощью имени Божія. Но авторъ не рѣшается прямо приписать это тому или другому началу, слѣдственно въ томъ воспоминаніи, которое имѣлось у него въ виду, не было ясныхъ признаковъ участія воли Божіей; значить Русь избѣжала такого рода несчастій, которыя не имѣли прямой связи съ религиозными воззрѣніями.

Послѣднія слова, ὑπερχόντων αὐτοῦς, оставшіяся неясными и для академика Куника, должны быть объясняемы также въ зависимости отъ того тѣснаго спеціальнаго круга воззрѣній, въ которомъ вообще

¹⁾ *Ideler*, *Physici et medici graeci minores*, Berolini 1842, I, s. 249 ἀπήχημα δὲ ἐστὶν κατ' ἐπίνοιαν ἢ ἐκ τῶν ἀντικειμένων τοῖς πεπληγόσι μερῶν τοῦ κρανίου γενομένη ῥωγή, διχα τραυματος τῶν ἐπεκειμένων.

вращается авторъ нашей вставки. Если ὀπερέχουσιν нельзя понимать въ иномъ смыслѣ, какъ „имѣть перевѣсъ, пересиливать, преодолевать“, въ чемъ, впрочемъ, и не было сомнѣнiя у толкователей, то этимъ еще не рѣшается вопросъ о переводѣ. Какая логическая зависимость приведенныхъ двухъ словъ?

Мы не думаемъ, чтобы возможно было здѣсь давать мѣсто такому толкованiю, что надъ Русью кто-то получилъ матеріальный перевѣсъ или побѣдилъ ее. Правильнѣе будетъ держаться отвлеченныхъ воззрѣнiй греческаго оригинала и объяснять и эти слова изъ того же попущенiя или чародѣйства, о которомъ рѣчь выше. Русь не воплѣнiе миновали насланныя божьею волей или колдовствомъ несчастiя, она все-таки поплатилась нѣкоторыми лишенiями, на которыя и указываютъ послѣднiя слова. Αὐτός ни къ чему нельзя относить, какъ къ Ῥώσ, ὀπερέχουσιν соответствуетъ другому родительному χρῆσταιμένων, и слѣдовательно, оба слова стоятъ въ зависимости отъ ἀπληχῆματα. Русь избѣжала послѣдствiй или влiянiя попущенныхъ богомъ или насланныхъ нечистою силою чаръ, которыя обнаружили надъ нею свою силу. Она избѣжала — и это нужно понимать въ буквальный смыслъ — то-есть, удалилась съ той арены, на которой могла дѣйствовать напущенная на нее сила, успѣшно перемѣнила мѣсто, почему и названа дромитами. Такимъ образомъ, по нашему толкованiю, мѣсто о Руси-Дромитахъ будетъ возможно перевести слѣдующимъ образомъ. Русь, знаменитые Дромиты, названы отъ нѣкоего сильнаго Росса, избѣжавъ влiянiя попущенныхъ Богомъ или нечистою силою насланныхъ и овладѣвшихъ ею чаръ (напастей).

Воззрѣнiе, которое внушило неизвѣстному греку вставить о Руси приведенную мысль, можетъ имѣть для себя объясненiе въ какомъ-то не отмѣченномъ греческою лѣтописью случаѣ, или просто въ устномъ преданiи, что Русь однажды спаслась отъ дѣйствiя неземной силы, что на ней не воплѣнiе оправдались угрожавшiя дурными послѣдствiями предсказанiя. Никакъ нельзя, далѣе, оставлять безъ вниманiя, что быстрота бѣгства Руси, согласно тому же воззрѣнiю, была причиной прозванiя Руси дромитами. Что это мѣсто осталось единственнымъ въ литературѣ и не повторено у писателей, какъ современныхъ Симеону Магистру, такъ и такихъ, которые имъ пользовались, можно объяснить или вставнымъ характеромъ этого мѣста, не во всѣхъ спискахъ Симеона внесеннымъ, или тѣмъ обстоятельствомъ, что другiе писатели не знали того случая, который послужилъ Симеону основанiемъ для извѣстныхъ выраженiй о Руси.

Сдѣланное нами объясненіе мѣста о Руси у Симеона Магистра отличается отъ другихъ толкованій того же мѣста тѣмъ, что мы основываемъ свое толкованіе византійской лѣтописью. Можно думать, что тотъ грекъ, который вставилъ въ лѣтопись Симеона любопытное мѣсто о Руси, звалъ вѣчто объ отношеніяхъ Руси къ Византіи изъ преданія, или читалъ объ этомъ какое-нибудь древнее сказаніе.

Выше мы обратили вниманіе на разказъ продолжателя Теофана о чародѣйствѣ патріарха Іоанна. Чары его направлялись на трехъ вождей невѣрнаго и жестокаго языческаго племени, которые опустошали своими набѣгами Ромѣйскую страну и довели царя Теофила до отчаянія. Считаемо излишнимъ и празднымъ настаивать, что невѣрное языческое племя это не можетъ быть никакимъ другимъ народомъ кромѣ Руси. Предполагая, что сказаніе составлено было въ объясненіи существующаго и всѣми наблюдаемаго факта—присутствія въ константинопольскомъ ипподромѣ статуи съ тремя головами, изъ которыхъ двѣ отвалились, а одна едва держалась, мы не сомнѣваемся, что и самое объясненіе этого факта могло видоизмѣниться согласно времени и обстоятельствамъ. Какъ вообще измѣнялись толкованія пророчествъ, предсказаній и разныхъ символическихъ предметовъ, прообразующихъ судьбу Константинополя, въ смыслѣ завоеванія города аварами, болгарами, русскими, арабами, норманнами, сельджуками и турками, смотря по тому, какой изъ названныхъ народовъ болѣе угрожалъ Византіи, такъ и сказаніе о статуѣ съ двумя головами отсѣченными могло примѣняться къ разнымъ врагамъ имперіи. Болѣе или менѣе правдоподобнымъ мотивомъ къ объясненію для изслѣдователя здѣсь остается только время, въ которое возникло то или иное объясненіе.

Что касается разказа о чарахъ патріарха Іоанна, это сказаніе совпадаетъ съ временемъ самаго сильнаго напряженія враждебныхъ нападений Руси на имперію. Оно составилось не позже X вѣка и не ранѣе царствованія Теофила, который по имени названъ въ сказаніи, чего, конечно, нельзя терять изъ виду, такъ какъ для составителя легко было не называть имени царя. Итакъ, есть полная вѣроятность въ трехъ вождяхъ языческаго племени усматривать русскихъ вождей. Въ сказаніи нужно отличать два элемента: а) видимый фактъ—статуя на ипподромѣ и б) сверхъестественный фактъ—вліяніе обряда посѣченія головъ на статую на судьбу лицъ, которыя чародѣйственною силою поставлены въ соотношеніе съ этою статуей. Этотъ послѣдній элементъ выясняется въ сказаніи слѣдующимъ образомъ.

Іоаннъ, приступая къ посѣченію головъ на статуѣ, произнесъ нѣкоторыя чародѣйственныя слова, имѣвшія цѣлью перевести въ статую присущую вождямъ силу (καθ' ἑαυτὸν ὁ Ἰωάννης τοὺς στοιχειωτικοὺς λόγους ὑπεκὼν καὶ τὴν ἐνοῦσαν τοῖς ἄρχουσι δύναμιν εἰς τὸν ἀνδριάντα μεταγαγὼν) или лучше уничтожить своими заклинаніями ту силу, которая находилась въ статуѣ (ἢ μᾶλλον τὴν οὖσαν πρότερον ἐν τῷ ἀνδριάντι καταβάλων ἐκ τῆς τῶν στοιχειωζάντων δυνάμεως). Но обрядъ посѣченія головъ былъ не вполне удаченъ, а потому и чары не имѣли полнаго эффекта. Между вождями возникла сильная распря и началась междоусобная война, въ которой погибли двое и спасся только одинъ изъ нихъ, да и то съ значительными опасностями (τρίτου μόνου διασωθέντος μὲν, οὐχ ὑγιᾶς δέ). Такъ это племя, къ ничтожеству обратившись, въ бѣгствѣ и съ опасностями ушло въ свои мѣста.

Ставя въ связь мѣсто о Руси у Симеона Магистра съ сказаніемъ о чародѣйствѣ патріарха Іоанна у продолжателя Θεοφана, мы не можемъ уклониться отъ объясненій по поводу тѣхъ заключеній, которыя логически отсюда слѣдуютъ въ приложеніи къ первымъ страницамъ Русской лѣтописи.

Если только мы не ошибаемся въ объясненіи мѣста у Симеона Магистра, то здѣсь получается прежде всего слѣдъ византійскаго преданія о Руси до-Рюриковской. На подобные слѣды нападали уже давно и въ разныхъ направленіяхъ, но, къ сожалѣнію, все это слѣды слишкомъ слабыя и мало опредѣляющіе даже общее направленіе утраченныхъ фактовъ. Если придерживаться той исторической рамки, въ которую традиція помѣстила движеніе Руси на югъ, опустошеніе византійскихъ областей, междоусобную войну трехъ вождей, гибель двухъ изъ нихъ и знаменитое бѣгство оставшагося въ живыхъ, то въ этомъ получается слѣдъ знакомства Византіи съ Русью при Θεοφιλῆ и патріархѣ Іоаннῆ, то-есть, до 842 года. Но само собою разумѣется, при этомъ возникаетъ весьма настойчиво вопросъ: оправдывается ли, хотя до нѣкоторой степени, притязаніе идти по неяснымъ слѣдамъ въ до-Рюриковскую глубь византійско-русскихъ отношеній?—Въ этомъ и состоитъ величайшая невыгода русской исторической науки въ нынѣшнемъ ея положеніи, что она никакъ не можетъ не сознавать потребности расширять свои задачи въ ширь и въ глубь, никакъ не можетъ допустить, что Русское государство сложилось тѣмъ путемъ, какой обозначенъ у первоначальнаго лѣтописца. Это сколько-нибудь вникалъ въ первыя страницы лѣтописи, необхо-

димо приходилъ къ выводу, что въ нихъ много недоразумѣній и неясностей.

Что не 862 годомъ начинается Русское государство, это не подлежитъ сомнѣнію, но что было до этого времени—на этотъ вопросъ отвѣчаютъ лишь неясные слѣды и обрывки традиціи, находимые какъ въ греческой, такъ и въ русской лѣтописи. Было бы малодушіемъ отказываться отъ попытокъ вновь и вновь затрогивать старые вопросы съ тѣмъ, чтобы въ нихъ внести больше ясности; тѣ слѣды и обрывки традиціи, о которыхъ мы сейчасъ упомянули, могутъ стать когда-нибудь ясными свидѣтельствами опредѣленныхъ фактовъ и отношеній.

Попытка идти по неяснымъ слѣдамъ въ глубь до-Рюриковскихъ отношеній находить для себя оправданіе съ двухъ сторонъ.

Извѣстно, что при царѣ Теофилѣ неоднократно отправляемы были греческія посольства къ Западному императору. Одно изъ нихъ имѣетъ для насъ особенный интересъ, потому что предметомъ переговоровъ были здѣсь, между прочимъ, русскіе, тогда въ первый разъ являющіеся подъ этимъ именемъ.

Свѣдѣнія какъ о посольствѣ, такъ и о Руси сохранились только въ латинской лѣтописи (Pertz I, p. 434) подъ 839 годомъ. Такъ какъ мѣсто о Руси извѣстно интересующимся древнею русскою исторіей, то мы можемъ ограничиться сдѣланнымъ указаніемъ и прямо обозначить его сущность. Царь Теофилъ просилъ, между прочимъ, императора Людовика Благочестиваго оказать благосклонную внимательность и дать свободный пропускъ черезъ свою имперію русскимъ (Rhos); эта просьба объяснена тѣмъ обстоятельствомъ, что путь, которымъ пришли эти русскіе въ Константинополь, занятъ варварскими и чрезвычайно жестокими племенами и представляетъ серьезную опасность для нихъ, еслибъ они возвращались тѣмъ же самымъ путемъ. Оставляя въ сторонѣ ту часть извѣстія латинскаго лѣтописца, которая составляетъ предметъ спора нашихъ историческихъ школъ, ограничиваюсь критическими замѣчаніями къ самому посольству, какъ факту, вошедшему въ лѣтопись. Прежде всего, слѣдуетъ считать не подлежащимъ сомнѣнію, что византійская лѣтопись, упоминающая о посольствахъ Теофила на западъ, пропустила занести то, о которомъ говоритъ латинская лѣтопись, слѣдовательно ни о прочихъ предметахъ переговоровъ, ни объ Руси, мы не можемъ находить никакихъ данныхъ въ лѣтописи византійской. Затѣмъ, для всякихъ заключеній и выводовъ объ имени Русь и объ обстоятельствахъ, которыя принудили ее просить содѣйствія царя Теофила къ

возвращенію черезъ владѣнія Западнаго императора и присоединиться къ отправленному изъ Византіи посольству на западъ, представляется только латинское изложеніе содержанія письма Теофила къ Людовику. Противъ достовѣрности самаго факта, занесеннаго въ латинскую лѣтопись, нельзя указать возраженій, ибо въ немъ отмѣчены имена византійскихъ пословъ, точно обозначено время прибытія посольства и наконецъ указанъ имѣвшій мѣсто въ Ингельгеймѣ родъ разслѣдованія по поводу тѣхъ лицъ, которые назывались Русью.

Во главѣ посольства стояли Θεодосій, епископъ Халкидонскій, и спаарій Θεοφάνης. Безъ особенно серьезныхъ причинъ подвергать сомнѣнію эти имена мы не можемъ. Съ нѣкоторою долей вѣроятности можно было бы приводить противъ показанія латинскаго лѣтописца извѣстія, записанныя у продолжателя Θεοφάνη (III, с. 37) и у Генесія (III, р. 1081, ар. Migne, t. 109) о посольствѣ къ Германскому императору патриція Θεοδοσία Вавудика съ цѣлью переговоровъ о союзной войнѣ противъ сарацинъ. Но въ пользу самостоятельности этого извѣстія и независимости этого посольства отъ того, которое представлялось императору Людовику въ 839 году, говоритъ уже то обстоятельство, что патрицій Θεοδοσίη въ качествѣ византійскаго посла упомянутъ въ Венеціанской хроникѣ (Pertz, SS. VII, р. 17), онъ представлялся въ Венеціи дожу Петру, поднесъ ему знаки достоинства спаарія и провелъ въ Венеціи цѣлый годъ. Далѣе, извѣстно, что этотъ посолъ умеръ, не окончивъ своей миссіи на западѣ (Генесій, р. 1084).

Въ виду этихъ обстоятельствъ, должно считать не подлежащимъ сомнѣнію, что упомянутое въ византійской и венеціанской лѣтописяхъ посольство различно отъ того, о которомъ записано въ *Annal. Bert.* а. 839. Новѣйшіе изслѣдователи, изучавшіе отношенія двухъ имперій въ IX вѣкѣ, приходятъ къ выводу, что въ послѣдніе годы жизни Теофила снаряжены были на западъ два посольства: одно сейчасъ же послѣ пораженія, понесеннаго греками при Аморіи въ сентябрѣ 838 года, другое въ 841 году. Греки записали только о послѣднемъ, а франкская лѣтопись упоминаетъ о первомъ ¹⁾.

Итакъ, тѣ обстоятельства, которыя поставили Русь въ необходимость присоединиться къ византійскому посольству, отправленному

¹⁾ *Simson*, *Ludwig der Fromme*, II, 202, Anm. 5; *Harnack*, *Das karoling. u. das Byzant. Reich*, s. 72; *Gasquet*, *L'empire byzantin*, p. 327—328; ср. *Ann. Bert.* а. 842 ■ *Weil*, *Gesch. der Chalifen*, II, 315.

на западъ, и которыя побудили царя Теофила просить для нихъ свободнаго пропуску черезъ владѣнія Западнаго императора, должны были имѣть мѣсто въ 838 году. Въ виду отсутствія положительныхъ лѣтописныхъ извѣстій о событіяхъ, происходившихъ при Теофилѣ на сѣверъ отъ Чернаго моря и принимая въ соображеніе фикцію, закрѣпленную первоначальнымъ русскимъ лѣтописцемъ, что Русская земля начала проявляться своимъ именемъ съ того времени, какъ началъ царствовать Михаилъ, сынъ Теофила, мы должны или пожертвовать латинскимъ извѣстіемъ на томъ основаніи, что оно ничѣмъ не можетъ быть подтверждено и объяснено, или показать по меньшей мѣрѣ основанія, которыя могли бы подорвать означенную фикцію русскаго лѣтописца. Въ такомъ положеніи доселѣ стоитъ вопросъ о до-Рюриковской Руси.

Легко однако понять, что фикція русской лѣтописи сводится въ своихъ началахъ къ тому положенію, что въ періодъ происхожденія русскаго лѣтописнаго свода византійскія свѣдѣнія о Руси не восходили далѣе Михаила III, иначе говоря, что русскій лѣтописецъ, изучавшій византійскую лѣтопись ради ознакомленія съ древнею исторіей Руси, не нашелъ въ ней никакихъ свѣдѣній до царствованія Михаила. Мы могли бы совершенно сблизить положеніе древняго лѣтописца съ ролью изслѣдователя новѣйшаго времени; какъ тотъ, такъ и другой, находя въ византійской лѣтописи первыя упоминанія о Руси въ царствованіе Михаила, имѣлъ основаніе сказать, что при этомъ царѣ начинается русская исторія, такъ какъ лѣтописцы при этомъ царѣ записываютъ извѣстія о походахъ Руси. Но несомнѣнно, что точка зрѣнія какъ древняго, такъ и новаго изслѣдователя будетъ вѣрна только въ той степени, въ какой справедливо положеніе, изъ котораго они отправляются. Въ смыслѣ исторической критики это положеніе далеко не безусловно вѣрно, ибо, съ одной стороны, могла утратиться та лѣтопись, въ которой было записано о Руси въ царствованіе предшественниковъ Михаила, съ другой — нельзя ожидать, чтобы всякая лѣтопись, въ особенности веденная не официально, отмѣчала всѣ событія. Неточность фикціи первоначальнаго лѣтописца высказывается особенно съ той стороны, что въ распоряженіи его были такія преданія о Руси, которыми онъ принужденъ былъ пожертвовать во имя предвзятой теоріи о началѣ русской исторіи при Византійскомъ царѣ Михаилѣ. Извѣстно, что въ русской лѣтописи событіямъ, подтверждаемымъ византійскою, предшествуетъ цѣлый рядъ преданій или свѣдѣній, которыя, съ одной

стороны, не укладываются въ искусственныя хронологическія рамки, съ другой же, по внутреннему смыслу выступаютъ за пограничную черту, проведенную самимъ лѣтописцемъ.

Новѣйшій изслѣдователь, въ смыслѣ находящагося въ его распоряженіи лѣтописнаго византійскаго матеріала, едва ли находится не въ болѣе выгодномъ положеніи, чѣмъ составитель первоначальнаго свода. Послѣднему навѣрное не было извѣстно то мѣсто латинской лѣтописи, которое упоминаетъ о Руси подъ 839 годомъ, едва ли были извѣстны упоминанія о Руси въ житіяхъ Сурожскомъ и Аматридскомъ. Преимущество его было въ томъ, что онъ могъ располагать нѣкоторыми документами (договоры) и преданіями, сохранившимися до его времени въ самой Руси. По нашему крайнему разумѣнію, задача современной критики должна направляться къ тому, чтобы свести и суммировать тѣ преданія вошедшія въ первоначальную лѣтопись, которыя не находятъ для себя объясненія въ доступной нашему лѣтописцу византійской лѣтописи. Эта сторона будущей критической работы облегчается тѣмъ соображеніемъ, что первоначальный лѣтописецъ, подкупленный извѣстіями о Руси при Михаилѣ III, не далъ себѣ большаго труда, тщательно ознакомиться съ предыдущимъ царствованіемъ, въ числѣ отиѣченныхъ лѣтописью дѣяній котораго составитель первоначальнаго свода могъ бы, напротивъ, заинтересоваться дѣятельностью Петроны на сѣверѣ—постройкой Саркела и реформами въ управленіи Херсонисомъ.

Такимъ образомъ, если современный изслѣдователь можетъ отыскать въ византійской лѣтописи, описывающей время предшественниковъ Михаила, нѣкоторые слѣды знакомства Византіи съ Русью, то это не будетъ посягательствомъ на первоначальный сводъ, а продолженіемъ разработки того же матеріала, который доступенъ былъ и безыменному автору нашего свода. Выше мы сдѣлали сближеніе между мѣстомъ о Руси у Симеона Логовета и повѣстью о чарахъ патріарха Іоанна, изъ чего получается прямой выводъ о слѣдахъ сношеній Руси съ Византіей при царѣ Теофілѣ. Уже то обстоятельство, что этихъ слѣдовъ такъ мало должно служить побужденіемъ пользоваться ими для освѣщенія того факта, о которомъ говоритъ франкская лѣтопись. Повѣсть о чарахъ патріарха Іоанна и посольство 839 года хронологически совпадаютъ, и оба указанія могутъ восполнять и объяснять одно другое. Нужно поискать посредствующаго между ними звена, память о которомъ могла сохраниться или въ тѣхъ произведеніяхъ, мѣсто и значеніе которыхъ доселѣ еще не

опредѣлено (Сурожское и Амастридское житія, Записки готскаго топарха), или въ той части первоначальнаго русскаго свода, которая построена на основаніи преданій, восходящихъ далѣе времени царя Михаила.

Что касается первоначальнаго русскаго лѣтописнаго свода, то первыя страницы его, которыя не могутъ быть провѣрены византійскою лѣтописью, ждутъ еще кропотливыхъ критическихъ изслѣдованій, нужду которыхъ такъ ясно понимали изслѣдователи начала нынѣшняго столѣтія. „Пусть будущій испытатель русской исторіи“, говорилъ Шлецеръ (Несторъ, II, 149),— „постарается особенно византійское лѣтосчисленіе, начиная съ 800 года, привести въ возможную извѣстность и свѣрить его потомъ съ показаніями русскихъ временниковъ. Правда, это будетъ тяжкій трудъ, но за него принятыя должно, этого требуетъ честь русской исторіи; когда-нибудь да должно очистить ее отъ невѣрныхъ годовыхъ чиселъ, которыя до сихъ поръ одинъ списывалъ у другаго безъ всякаго размышленія. Развѣ не стоитъ труда стараніе опредѣлить съ нѣкоторою по меньшей мѣрѣ вѣроятностью истинное начало великихъ происшествій въ верхнемъ сѣверѣ, отъ которыхъ возникло Русское государство. Ну, если изъ сихъ, по видимому, пустыхъ изысканій выйдетъ пріятное слѣдствіе, что... Александръ I... доживетъ до торжественія тысячелѣтія своей имперіи! Большая часть годовыхъ чиселъ и показаній времени, находимыхъ въ русскихъ лѣтописяхъ до Рюриковой смерти не вѣрны, они явно противорѣчатъ отчасти одно другому, отчасти существу описываемыхъ происшествій“. Шлецеръ писалъ, когда еще не было хронографіи Круга и Муральта, но вопросъ о первыхъ страницахъ лѣтописнаго свода нисколько не подвинутъ названными учеными.

Позволимъ себѣ небольшую экскурсію въ область лѣтописнаго свода съ тѣмъ, чтобы выяснить нѣкоторыя обстоятельства по отношенію къ знаменитому выраженію: Поченшу Михаилу царствовать начаса прозывати Русская земля. Что эта мысль пришла лѣтописцу вслѣдствіе обращенія его съ византійскою лѣтописью или, говоря прямѣе, заимствована изъ чтенія этой лѣтописи, а не составляетъ результатъ изученія мѣстнаго преданія, достаточно доказывается дальнѣйшими словами: „о семъ бо увѣдахомъ, яко при семъ цари приходиша Русь на Царьградъ, яко же пишется въ лѣтописаніи гречестѣмъ. Тѣмже отселе почнемъ и числа положимъ“. Древнѣйшій лѣтописецъ принималъ на себя этимъ два обязательства, кото-

рыя одинаково трудно было ему исполнить. Впервыхъ, ему необходимо было во что бы то ни стало свести всё жившія до его времени на Руси преданія къ опредѣленной системѣ, представивъ ихъ историческими фактами и указавъ имъ свое мѣсто. Вовторыхъ, онъ долженъ былъ предпринять неблагодарную и превышающую его научныя средства работу по отношенію къ византійской хронологіи. Послѣднее обстоятельство особенно важно, и на немъ нельзя не остановиться. Пусть будетъ его руководителемъ въ этомъ отношеніи Георгій Амартолъ, знакомство съ которымъ у начального лѣтописца легко можетъ быть доказано, еслибы даже не было на это прямого указанія. Чтò могъ дать лѣтописецъ Георгій въ смыслъ хронологіи? Царствованіе Михаила у него начинается 6339 годомъ отъ сотворенія міра и 839 отъ Р. Х. Прежде всего дата отъ Р. Христова, соотвѣтствующая 6339 году отъ сотворенія міра, должна дать по настоящему 831 годъ, и слѣдовательно, все счисленіе Георгія на 11 лѣтъ отстываетъ отъ дѣйствительнаго византійскаго, такъ какъ Михаилъ вступилъ на царство въ 842 г. Дата 839, хотя и ближе къ дѣйствительной, не могла служить для начального лѣтописца точкой отсчета въслѣдствіе своего несогласія съ первой, да и не служила, потому что онъ поставилъ 852 годъ при словахъ: „Поченшу Михаилу царствовати“. Допустимъ, что онъ могъ обратиться къ Симеону Магистру для провѣрки хронологіи Георгія. У Симеона начало царствованія Михаила обозначено 6335 годомъ отъ сотворенія міра, то-есть, 827 христіанской эры, вторая же дата у него показана 835. Такимъ образомъ, первое его хронологическое показаніе на 15 лѣтъ отличается отъ дѣйствительнаго, второе на 7. Развѣ можно допустить, чтобы первоначальный лѣтописецъ былъ въ состояніи распутаться въ этой хронологической неурядицѣ? Во всякомъ случаѣ, онъ не могъ не допустить ошибки, ставя первый годъ. Будемъ ли думать, что онъ имѣлъ въ виду разные періоды царствованія Михаила — съ матерью и безъ матери, во всякомъ случаѣ показанный у него 852 годъ не соотвѣтствуетъ и этимъ періодамъ, ибо Михаилъ 15 лѣтъ царствовалъ съ матерью, 10 лѣтъ одинъ и еще годъ съ небольшимъ съ Василиемъ Македоняниномъ. Уже первая дата, взятая первоначальнымъ лѣтописцемъ, была неправильна, а въслѣдствіе того и послѣдующія даты не могли быть на своемъ мѣстѣ. Между тѣмъ, связавъ себя невѣрнымъ исходнымъ годомъ, взятымъ у греческаго лѣтописца, составитель свода долженъ былъ считать для себя

безусловно необходимымъ располагать дошедшія до него извѣстія въ хронологическомъ порядкѣ.

Если для византійской хронологіи онъ могъ воспользоваться тѣми датами, которыя поставлены у Георгія, то для русской ему предстояло самому дать хронологію. Судя по тому, что многіе годы оставлены пустыми (853—857; 870—875; 888—897), что нѣкоторыя извѣстія повторены два раза подъ разными годами, что болѣе живые типы и болѣе выдающіяся преданія представлены въ лѣтописи съ опредѣленнымъ характеромъ повторяемости,—можемъ сдѣлать заключеніе, что традиція дошла до составителя свода въ весьма неясныхъ чертахъ, утративъ уже реальныя условія мѣста и времени. Что эта традиція, лишняя хронологіи, помѣщена лѣтописцемъ между 852 и 879 годомъ, основаніемъ тому служилъ просто исходный годъ его лѣтосчисленія; еслибы поставленъ былъ 842 вмѣсто 852, то, по всей вѣроятности, и всѣ событія между 852 и 879 годомъ отодвинулись бы назадъ на 10 лѣтъ. Но какъ основное положеніе лѣтописца, что съ началомъ царствованія Михаила начала прозываться Русская земля, навѣяно было знакомствомъ съ византійскою лѣтописью, которая отмѣтила при Михаилѣ о походѣ русскихъ на Константинополь, то оно не можетъ быть разсматриваемо какъ непрерываемое положеніе, а какъ выводъ изъ наблюденія нѣкоторыхъ фактовъ. Конечно, Русская земля начала прозываться своимъ именемъ не ради того, что Русь ходила на Константинополь, и не со времени этого похода: такая точка зрѣнія можетъ быть вѣрна по отношенію къ византійцу, а не къ русскому.

Мы пришли теперь къ постановкѣ самой важной части вопроса. Слѣды традиціи, нашедшіе себѣ мѣсто на первыхъ страницахъ лѣтописи, не представляютъ ли признаковъ, по которымъ можно было бы ихъ сблизить съ разсмотрѣнными выше данными о Руси, относящимися ко времени царя Теофила? Конечно, на первомъ мѣстѣ должно быть въ этомъ отношеніи поставлено сказаніе объ Аскольдѣ и Дирѣ. Оно чуть ли не было самымъ опредѣленнымъ и реальнымъ фактомъ, воспоминаніе о которомъ еще живо хранилось до лѣтописца. Это доказывается уже тѣмъ, что это имя нѣсколько разъ повѣляется въ лѣтописи. По словамъ Шлепера (II, 98), въ русскихъ временникахъ Аскольдъ упоминается восемь разъ, и четыре раза лѣтописи снаряжаютъ его въ походъ на Византію. Почему лѣтописецъ приурочилъ преданіе о походѣ Аскольда и Дира къ 866 году? почему черезъ десять лѣтъ снова Аскольдъ идетъ на Цареградъ? Конечно, потому,

что существовало нѣсколько сказаній объ этихъ походахъ, и притомъ съ различными подробностями. Подъ 866 г. византійская лѣтопись записала о походѣ Руси на Константинополь: это было первымъ для русскаго лѣтописца опорнымъ пунктомъ, къ которому онъ могъ приурочить преданіе объ Аскольдѣ и Дирѣ. Въ сущности, нѣтъ никакихъ основаній думать, что въ 866 году именно Аскольдъ и Диръ были подъ Константинополемъ, ибо греческая лѣтопись не назвала вождей русскаго флота. Но что особенно для насъ важно, это извѣстіе подъ 876 годомъ. „Роди же нарицаеміи Руси, иже и Кумани, живяху во Евксинопонтѣ, и начана плѣновати страну Римлянскую, и хотяху поити въ Константиноградъ; но возбрани имъ вышній промыслъ, паче же и приключися имъ гнѣвъ Божій, и тогда возвратишася тиции князи ихъ Аскольдъ и Диръ“. Едва ли можно сомнѣваться, что здѣсь мы имѣемъ традицію о какомъ-то другомъ военномъ предпріятіи Руси. Разница между первымъ и вторымъ фактомъ очевидна: о первомъ записано на основаніи византійской лѣтописи, что доказываетъ и имя Орифонта (то-есть, Оорифы) и Черная рѣка и выраженіе „безбожная Русь“; второй же фактъ записанъ на основаніи мѣстнаго преданія, которое имѣло особую окраску; „Русь начала опустошенія въ византійской области и хотѣла ийти на Константинополь“, но промыслъ Божій не допустилъ ее. Нельзя не догадываться, что въ русскомъ преданіи не было данныхъ ни о ризѣ Влахернской Богоматери, ни даже о морской экспедиціи на Константинополь, а было нѣчто другое, можетъ быть, сближающееся съ извѣстіемъ подъ 864 г.: „убиенъ бысть отъ Болгаръ Асколдовъ сынъ“ и „оскорбишася Новгородци, глаголюще“... Во всякомъ случаѣ, по нашему крайнему разумѣнію, то, что записано подъ 876 годомъ, скорѣе сближается съ разобраннымъ выше мѣстомъ о чарахъ патриарха Іоанна, чѣмъ съ записаннымъ въ первоначальной лѣтописи подъ 866 г. Отголоскомъ того возрѣнія, которое нашло себѣ мѣсто въ византійской лѣтописи въ повѣсти о чарахъ Іоанна можно признать не ясное преданіе, дошедшее до первоначальнаго лѣтописца о соперничествѣ между Рюрикомъ и Аскольдомъ и Диромъ и о насильственной смерти послѣднихъ. Но все это должно быть отодвинуто тогда ко времени Феофила. Впрочемъ, были уже высказываемы мнѣнія, что одинъ походъ Руси слѣдовало бы помѣтить 852 годомъ (Шлецерь, II, 96).

Въ заключеніе, обращаясь къ извѣстію франкской лѣтописи о Руси, бывшей въ 839 г. при дворѣ Людовика Благочестиваго, мы часть сслхvii. одт. 2.

позволяетъ себѣ сказать догадку, что у составителя первоначальнаго свода могли находиться въ распоряженіи преданія, восходящія къ этой эпохѣ, но что онъ не могъ принять ихъ въ свой сводъ безъ передѣлки, потому требовалась созданная имъ фикція о началѣ Руси при Михаилѣ. Преданіе объ изгнаніи варяговъ, въ призываніи князей, записанное подъ 862 годомъ, есть свободная передѣлка старого факта, который, по византійскому преданію, въ латинской лѣтописи, имѣлъ мѣсто при Теофилаѣ. Этотъ фактъ есть борьба туземнаго славянскаго племени съ иноземцами. Последніе не сразу получали преобладаніе, и на время подвергались опасности чуждому господству въ славянскихъ земляхъ. У составителя свода были въ распоряженіи довольно живыя на этотъ счетъ свидѣтельства: сказаніе о Вадимѣ крабромъ, о доумущеніи новгородцевъ, о самостоятельной дѣятельности Аскольда и Дира, все это были сказанія, не имѣвшія дать и не имѣвшія въ себѣ слабая указанія на реальныя факты, которые, можетъ быть, и давали матеріалъ для нѣсколько иной постановки вопроса о происхожденіи Русскаго государства. Но для составителя свода преобладающимъ надъ этими преданіями былъ видимый фактъ — упреченіе господства иноземцевъ надъ славянами. Фикція призванія родилась у него ради объясненія этого факта, ради примиренія преданія съ наблюдаемой въ концѣ XI и въ началѣ XII вѣковъ дѣйствительностью. Освобожденіе славянъ изъ-подъ власти иноземныхъ завоевателей не могла было игнорировать, и оно нашло себѣ выраженіе въ лѣтописи. А когда варяги возвратились, объ этомъ нѣкоторое слѣды сохранило византійское преданіе въ соединеніи съ латинскою лѣтописью. Въ 858 году часть варяговъ вытѣсненная изъ Новгорода, при содѣйствіи Византійскаго императора, пробиралась къ своимъ родичамъ въ Скандинавію, чтобы собрать новыя искатели приключеній и сдѣлать новую попытку утвердиться въ Россіи. Само собою разумѣется, истинная цѣль оставалась тайной для византійскаго и германскаго двора. Что варяги достигли своей цѣли, въ этомъ убѣждаетъ новое ихъ господство надъ славянами, начавшееся уже послѣ 840 года. Въ такомъ видѣ находимъ возможнымъ соединить обрывки преданія о до-Рюриковской Руси, согласуя византійскія, латинскія и русскія указанія.

Ф. Успенскій.

ДЕСЯТАЯ САТИРА ЮВЕНАЛА.

Здѣсь поэтъ указываетъ на всю тщету и неразуміе тѣхъ молитвенныхъ желаній, съ которыми такъ усердно обращались въ своимъ богамъ люди языческой древности. Земныя блага, которыхъ они въ особенности жаждали, поэтъ перечисляетъ въ слѣдующемъ установленномъ имъ порядкѣ: богатство (ст. 12—27), высокое общественное положеніе, соединенное съ политическимъ могуществомъ (28—113), даръ краснорѣчія (114—132), воинская слава (133—187), долгоденствіе (188—288) и тѣлесная красота (289—345). Достиженіе этихъ благъ, при помощи легко доступныхъ боговъ („*di faciles*“), должно было, по словамъ Ювенала, приносить молящимся скорѣе вредъ, чѣмъ пользу. Для подтвержденія этой парадоксальной теоріи, онъ приводитъ длинный рядъ примѣровъ, заимствованныхъ, какъ изъ мионической области и близкихъ къ ней преданій старины глубокой, такъ и изъ современной ему исторіи, при чемъ указывается на печальную судьбу: Кассія Лонгина, Сенекы и Латерана, Сеяна, Демосоена и Цидерона, Аннибала, македонскаго Александра и Ксеркса, Нестора, Пелея, Лаерта и Пріама, Креза, Помпея и Юлія Цезаря, „который подвелъ подъ свой бичъ укрощенныхъ квиритовъ“, и, наконецъ, на судьбу пострадавшихъ за свою красавую наружность: Лукреціи, Виргиніи, Спора, Иполита, Беллерофонта и К. Сидія. Все это лица, взятая изъ области исторіи и вымысла, жертвы коловратной, вымоленной у боговъ судьбы, которая неразумною толпою считалась верхомъ человѣческаго благополучія. Да и вообще, прибавляетъ сатирикъ (ст. 97), „какая же слава и какое счастье многоцѣнны на столько, чтобы, при всѣхъ благопріятныхъ условіяхъ, не примѣшивалась къ нимъ равная мѣра зла?“

Такова отвлеченная отъ жизни мораль разсматриваемой сатиры, которая, въ противоположность другимъ созданіямъ Ювенала, исключительно вращается въ области этики, съ устраненіемъ не только патріотическаго элемента, но часто и мѣстной окраски. Она живо напоминаетъ тѣ нерѣдкія и въ новой литературѣ аскетическія поученія, гдѣ отъ всѣхъ и cadaго требуются такія добровольныя лишенія и жертвы, какія очевидно не по силамъ обыкновенному человеку. Притомъ, эта мораль не отъ міра сего представляетъ собою въ десятой сатирѣ, особенно на первый взглядъ, не болѣе, какъ общія мѣста, какими были наполнены трактаты древнихъ ареталоговъ и декламации, столь обычныя въ школахъ римскихъ риторовъ. Источника этой аскетической этики, частію проникшей и въ другія произведенія Ювенала, слѣдуетъ искать также въ излишнемъ его увлеченіи крайними и парадоксальными положеніями стоической доктрины, которая, между прочимъ, много повредила и сатирамъ Персія.

Безучастіе и холодность къ такимъ парадоксамъ, какъ древняго, такъ и новаго общества хорошо уясняется умною французскою поговоркою: „qui dit trop ne dit rien“. Римскій моралистъ какъ будто и самъ чувствовалъ, что зашелъ слишкомъ далеко въ своемъ абстрактномъ мышленіи, такъ какъ въ концѣ сатиры (ст. 346) задаетъ такой вопросъ отъ лица своего подразумеваемаго возражателя: „Итакъ, людямъ ничего не остается для ихъ желаній?“

Не смотря, однако, на рѣзкіе недостатки десятой сатиры Ювенала, она и до сихъ поръ еще многими считается лучшимъ изъ того, что имъ оставлено потомству: такова чарующая сила художественнаго изложенія! И дѣйствительно, ни въ одномъ изъ его твореній не встрѣчается столько грандіозныхъ эпизодовъ, съ такимъ яркимъ колоритомъ, написанныхъ притомъ такою умѣлою и, мѣстами, вдохновенною кистью. Читатель невольно увлекается этими литературными перлами даже тамъ, гдѣ рѣзко бьетъ въ глаза ихъ явная парадоксальность. Что, напримѣръ, можетъ быть выше описанія внезапной катастрофы, постигшей Тиберіева соправителя и друга, Сеяна, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, непостоянства народной толпы, которая такъ неистово топтала трупъ своего еще вчерашняго кумира,—того страха, который обуялъ ее при мысли о мстительныхъ инстинктахъ расходившагося кесаря, при чемъ каждый имѣлъ основательный поводъ бояться за свою личную безопасность. Какъ рельефно и живо разказана затѣмъ скандальная исторія Мессалины, которая вздумала сочетаться законнымъ бракомъ („legitime“) съ красавцемъ Силіемъ еще при жизни своего мужа,

престарѣлаго и слабоумнаго кесаря Клавдія! Онъ, по словамъ поэта, „послѣднимъ узналъ о своемъ семейномъ позорѣ“.

Въ литературномъ отношеніи много и другихъ выдающихся мѣстъ въ десятой сатирѣ. Впрочемъ, относительно изложенія она еще болѣе, чѣмъ другія произведенія Ювенала, отличается рѣзкою неровностью. Рядомъ съ высокимъ строемъ рѣчи и украшеннымъ языкомъ, которому такъ усердно учились римскіе авторы въ школахъ своихъ риторовъ, здѣсь не мало встрѣчается рѣзкихъ слѣдовъ вульгарнаго, чисто народнаго говора, нисколько не стѣсняющагося условными и обязательными, по нашимъ понятіямъ, формами приличія. Эта полная свобода рѣчи, при чемъ объекты ея, каковы бы они ни были, обозначаются безъ всякой аллегоріи и, какъ говорится „*verbis proprois*“, наиболѣе проявляется у Ювенала тамъ, гдѣ онъ особенно сильно чувствуетъ безобразіе окружающей его среды. И теперь нерѣдко случается, что не только простой, но и образованный человѣкъ, въ сильномъ припадкѣ гнѣва, отступаетъ отъ своего обычнаго тона, но такія ненормальныя проявленія взволнованнаго чувства могутъ въ нашъ вѣкъ выходить наружу только при особенныхъ условіяхъ и не возможны въ литературѣ, которая въ данномъ случаѣ находится подъ охраною не только закона, но и общественнаго мнѣнія. Въ древности такого запрета не было, и уже одно это показываетъ, что въ нее не вошли тѣ нравственные элементы, которыми руководится новая жизнь. Необузданный цинизмъ у такого искренняго и честнаго моралиста, какимъ былъ Ювеналь, служить лучшимъ тому доказательствомъ. Особенно непозволительными являются его выходы противъ женщинъ, какъ и у насъ въ старинной аскетической письменности. Ювеналь извѣстный мизогинъ. Стараются объяснить это тѣмъ, что онъ не былъ счастливъ въ супружеской жизни, хотя для такого предположенія нѣтъ никакихъ основаній. Не извѣстно даже, былъ ли онъ женатъ.

Необыкновенная сила, которою отличается десятая сатира даже въ наименѣе симпатичныхъ ея мѣстахъ, напримѣръ, въ эпизодѣ о разныхъ неудобствахъ старости, явно, кажется мнѣ, противорѣчить общепринятому мнѣнію, будто она носитъ на себѣ слѣды старческой болтливости, какъ слѣдствія преклонныхъ лѣтъ своего автора, къ которымъ относится ея обнародованіе. Впервыхъ, старчество такихъ выдающихся людей, какимъ былъ Ювеналь, тутъ не при чемъ, а затѣмъ ничто не мѣшаетъ думать, что первоначальная редакція этой сатиры относится ко времени Домиціана, когда поэтъ, по словамъ

его древнихъ біографовъ, еще тайль, изъ осторожности, своя проведенія или знакомилъ съ ними только ближайшихъ своихъ друзей. Затѣмъ, при издаваніи ихъ, въ царствованіе Траяна, онъ могъ дополнить и десятую сатиру разными вставками, на которыя многіе смотрятъ, какъ на неудачныя плеоназмы.

Уже выше указано на обиліе историческаго элемента въ разсматриваемой сатиры. При этомъ нельзя не обратить вниманія на большое знакомство поэта съ массою историческихъ преданій и вообще съ трудами древнихъ бытописателей. Но еще замѣчательнѣе его умный скептицизмъ и критическое отношеніе къ разнымъ баснословнымъ традиціямъ, внесеннымъ въ классическую историографію не только Геродотомъ, но и другими болѣе поздними историками, которые такъ простодушно вѣрили разнымъ сказкамъ. Ювеналь и тутъ не измѣняетъ себѣ, обвиняя, и не безъ причины, въ пропагандѣ ихъ живую Грецію („Graecia mendax“, ст. 174).

Особенно многихъ приводили въ восторгъ заключительныя слова сатиры (ст. 346—366), которыя представляютъ какъ бы общій выводъ изъ предпосланныхъ поэтомъ указаній на непрочность земныхъ благъ и на тщету человѣческихъ стремленій. Высшая мораль доблестнаго и мощнаго сатирика достигаетъ здѣсь своего апогея и приближается, какъ уже не разъ было замѣчено, къ святымъ христіанскаго ученія. Думается, говоритъ Видалъ (*Juvenal et ses satires*, стр. 248, гдѣ приведены в самые слова французскаго оратора), что это отрывокъ изъ знаменитой проповѣди Массильона „sur la fausseté des gloires humaines“. Намъ же, кромѣ того, въ словахъ Ювенала слышится здѣсь изъ глубины вѣковъ какъ бы голосъ Владиміра Мономаха, который въ простыхъ, но трогательныхъ словахъ также говорилъ своимъ дѣтямъ, что „Божье блюдо не лучше человѣческаго“, и училъ ихъ „смерти не бояться, ни войны, ни звѣря, но мужское творити дѣло“.

„Во всѣхъ земляхъ, отъ Гадеса (Кадикса) до Аврори и Ганга только немногіе люди, отстранивъ туманъ заблужденія, въ состояніи отличать истинныя блага отъ тѣхъ, что такъ много съ ними разнятся. Да и чего мы боимся и чего желаемъ со смысломъ? что предпринимашь ты на столько удачно, чтобы не раскаться потомъ въ своей попыткѣ и въ томъ, что молитва твоя исполнена? Легко доступные боги стубили цѣлыя семьи, но ихъ же возжелѣнію: люди стремятся къ тому, что должно причинить имъ вредъ, и въ мирное,

и въ военное время. Для многих смертоносно жгучее обилие красно рвца; а вотъ тотъ погребъ, попадавшійся на свои осли и дивныя мыши. Но еще больше людей давать деньги, обранныя съ чрезвычайнымъ стараньемъ, и богатство (деньгъ), превосходящее всё отцовскія наслѣдія на столько, на сколько британскій китъ больше дельфина. И вотъ, въ лютую пору, по повелѣнію Нерона, цѣлая когорта оцѣпила (домъ) Лонгина и обширныя сады богача Сенеки, а затѣмъ осадилъ пышныя виллы Латерановъ; ну, а на чердаки-то, вѣдь рѣдко заходятъ центурионы (воины). Неси съ собою хотя бы немного мелкихъ сосудовъ, но изъ чистаго серебра, все же, отправись къ пути ночью, ты будешь бояться кнжала и обуха, будешь дрожать отъ тѣни тростинки, что колеблется при лунномъ свѣтѣ; а путникъ съ пустыми руками расцѣвываетъ себѣ хоть передъ разбойникомъ.

Ст. 23. Почти первая и наиболѣе извѣстная во всѣхъ храмахъ молитва — это богатство, молитва о томъ, чтобы деньги доставали росли; чтобы нашъ (денежный) ларь былъ самымъ большимъ на цѣломъ форумѣ. Но, вѣдь идъ-то пьется не изъ глиняной посуды, бойся его, когда берешь въ руки поварь съ вставшими драгоценными камешками, когда сетинское покрывало въ широкій золотой чашѣ. Итакъ, неужели ты хвалишь то, что одинъ изъ мудрецовъ (Демокритъ) осмивалъ всякій разъ, какъ выдвигалъ и высовывалъ ногу изъ-за порога, а другой, его противникъ по авторству, оплакивалъ? Впрочемъ, для всякаго легка критика (цѣзура), выражаемая суровымъ смѣхомъ, а вотъ, нужно удивляться, откуда у другаго-то (Ші, у Гераклита) доставало глазной влаги. Демокритъ имѣлъ обычай надирать свои легкія постояннымъ смѣхомъ, хотя въ тѣхъ городахъ (гдѣ онъ жилъ) не было ни претексты, ни трабей, ни лекторскихъ вязанокъ, ни лектики, ни трибунала. Что же, еслибъ онъ увидалъ превыспренняго претора въ юпитеровской туникѣ, что стоитъ на своей высокой колесницѣ, въ самой серединѣ пыльнаго ширна, и тащить на себѣ отъ самыхъ плечъ, вышитую золотомъ тогу, словно навѣсы изъ сарранской (турской) ткани, да еще впритомъ огромную корону съ такимъ круглымъ обхватомъ, что для нея не хватало бы никакой шен. Потому-то и держитъ ее надъ консуломъ вспотѣвшій рабъ, а для того, чтобы этотъ консулъ не слишкомъ восхищался собою, на той же съ нимъ колесницѣ везется (другой) рабъ. Прибавь теперь еще птицу (орла), что висится надъ снпнетромъ изъ слоновой кости, здѣсь трубачей, а тамъ, ссерединѣ, длинныя ряды официаловъ, да при удилахъ квиритовъ въ бѣлоснѣжныхъ тогахъ, — тѣхъ, кого

друзьями сдѣлала отрытая въ кошелькѣ (консула) спортула. Даже и въ ту пору (въ свое время) Демокритъ находилъ поводъ къ смѣху, при всѣхъ своихъ встрѣчахъ съ людьми, а мудрость его показываетъ, что великіе люди, высокіе образцы для грядущихъ поколѣній, могутъ рождаться даже въ отечествѣ барановъ и въ густой атмосферѣ. Смѣялся онъ надъ заботами толпы и надъ ея радостями, а иногда и слезами, самъ же посылалъ въ петлю (къ чорту) грозную Фортуну и показывалъ ей кукишъ. Итакъ, люди стремятся къ тому, что или излишне для нихъ, или гибельно, и ради чего всякому дозволено („*fas est*“) обставлять волѣна боговъ вошаными молитвенными табличками.

Ст. 56. Иныхъ стремглавъ низвергаетъ (въ бездну) подверженное великой зависти могущество; топить длинная и отмѣченная славою страница съ почетными титулами. И вотъ, ихъ статуи сходятъ (съ своихъ подножій) и влекутся слѣдомъ за веревкой. А за тѣмъ разящій топоръ рубитъ самыя колеса триумфальныхъ колесницъ, и ломаются голени у неповинныхъ коней. Уже шипитъ огонь, уже, при помощи мѣховъ, плавится (пылаетъ) въ горнѣ обожаемая народомъ голова и трескается огромный Сеянъ, а потомъ изъ этого лика, что былъ вторымъ (послѣ кесарева) въ цѣломъ мірѣ, выйдутъ горшки, тазы, сковороды и ночная посуда. Обставь (украсть) твой домъ лаврами, веди въ Капитолій большаго намѣленнаго быка: Сеяна влекутъ крѣчьями на позорище. Всѣ въ восторгѣ. „Какія были у него губы, какое ли цо! Повѣрь мнѣ, я никогда не любилъ этого человѣка. За какое же, однако, преступленіе онъ погибъ? кто былъ на него доносчикомъ? какими показаніями, какими свидѣтелями подтвердилъ онъ (свое обвиненіе)? Ничего такого не было. Съ Капрей (Капри) пришло многорѣчивое и длинное посланіе. „Прекрасно! больше я ни о чемъ не спрашиваю. Но что же Ремова толпа?“ Она, какъ всегда, слѣдуетъ за Фортуной и ненавидитъ осужденныхъ. Еслибы Норція (Фортуна) poradѣла Этруску (Сеяну), еслибы находившаяся подъ охраною (обезопасенная) кесарева старость была придавлена, то та же самая толпа и въ тотъ же самый часъ провозгласила бы Сеяна Августомъ. Уже прежде, съ тѣхъ поръ, какъ мы никому не продаемъ нашихъ головъ, она сложила съ себя правительственныя заботы; ибо тотъ самый народъ, который когда-то раздавалъ власть военачальниковъ, дикторскія лозы, легионы, словомъ, все, — теперь онъ сдерживаетъ себя и озабоченно алчетъ только двухъ вещей: хлѣба и зрѣлищъ въ циркѣ. „Слышно, что еще многимъ придется погибнуть“. „Въ томъ нѣтъ

сомнѣнія; печечка, вѣдь, не маленькая“. „У Марсова жертвенника повстрѣчался со мною мой (пріятель) Брутидій, и таковой блѣдненькій. Боюсь я (сказалъ онъ мнѣ), чтобы нашъ побѣжденный Аяксъ не вадумалъ казнить за то, что его худо оберегали!“ „Побѣдимъ же сломя голову (къ Тибру) и примемся топтать ногами кесарева врага, пока онъ еще лежитъ на берегу“. „Но пусть это видятъ наши рабы, чтобы кто-нибудь изъ нихъ не отрекся и не потащилъ въ судъ своего напуганнаго господина, обмотавъ его шею веревкою“.

Таковы тогда были рѣчи о Сеянѣ, таковъ былъ и тайный шопоть въ народѣ. Ну, такъ хочешь ли, чтобы тебя чествовали (привѣтствовали), какъ Сеяна? хочешь ли имѣть столько, сколько онъ имѣлъ и однимъ раздавать высшія курульняя должности, а другихъ ставить военачальниками, хочешь ли считаться опекуномъ кесаря, что возсѣдаетъ съ толпою (стадомъ) своихъ халдеевъ на августѣйшей скалѣ Капрейской? Ты навѣрное желаешь командовать легиономъ, когортою, отборными всадниками или преторіанскимъ лагеремъ? Да и почему не желать этого? Вѣдь и тѣ, что не хотять убивать кого попало, не прочь имѣть къ тому возможность. Но, однако, какая же слава и какое счастье многоцѣнны на столько, чтобы къ нашимъ радостямъ не примѣшивалась въ равной съ ними мѣрѣ и злая доля? Чего же ты больше желаешь — облечься ли въ претексту вотъ этого человѣка (Сеяна), котораго волочатъ (крючьями по улицамъ), или быть властнымъ лицомъ гдѣ-нибудь въ Фиденяхъ и Габіяхъ, или въ савѣ одѣтаго въ лохмотья эдила, творить въ пустыющихъ Улубрахъ судъ и расправу надъ (рыночными) мѣрками и разбивать посудину, что меньше (узаконеннаго размѣра)? Итакъ, ты признаешь, что Сеянъ не вѣдалъ о томъ, чего ему слѣдовало желать, ибо, стремясь къ чрезмѣрнымъ почестямъ и къ чрезмѣрному богатству, онъ строилъ (готовилъ) для себя высокую многоярусную башню, какъ бы съ тѣмъ, чтобы паденіе съ нея было выше, и тѣмъ ужаснѣе была бы пропасть у этой поколебленной и готовой обратиться въ руину башни. Что же, однако, погубило Крассовъ, Помпеевъ и того, кто низвелъ подъ свой бичъ укрощенныхъ кэиритовъ? Высокое положеніе, къ которому они стремились всѣми способами и великіе молитвенные обѣты, которыми вняли злорадыне боги. Также изъ властителей и тиранновъ только немногіе нисходятъ къ Церерину зятю (Плутону), помимо насильственной смерти, безъ ранъ и отъ безкровной (сухой) смерти.

Ст. 114. Краснорѣчія и славы Десмосеена или Цицерона начинаютъ желать и (особенно) желаетъ (въ своихъ молитвахъ) цѣлые квин-

квартір даже тотъ, кто читать пока еще скудную Минерву (науку) однимъ только ассомъ, за кѣмъ еще слѣдомъ ходитъ дворовый мальчуганъ, оберегатель крохотной школьной сумки. Но вѣдь отъ краснорѣчія погибли оба эти оратора, того и другого сгубилъ широкій и обильный потокъ таланта. Вѣдь это у таланта были отрублены руки и голова, и никогда еще ораторская трибуна не обогрѣлась кровью какого-нибудь мелкаго страпцаго. „O fortunatam natam me consule Romam! (о счастливый Римъ, возродившійся въ мое консульство!)“ Онъ (Цицеронъ) могъ бы пренебречь кинжалами Антонія, еслибы всегда выражался такъ же плохо. И (потому) я предпочитаю эту его смѣшную поэмю тебѣ славной памяти божественная вторая Филиппика (что развертывается ближайшею къ первой). Ужасная смерть почитана и того, кому удивлялись Аенны, чье краснорѣчіе текло бурнымъ потокомъ и обуздывало многолюдныя народныя сходбища. Да, и онъ (Демосенъ) родился при гнѣвѣ боговъ и для злой судьбы, — тотъ, котораго отецъ, словно ослѣпшій отъ сажи пылающей массы, прямо отъ угольевъ и влещей, отъ наковальни, что готовить мечи, и отъ грязнаго вулкана (изъ грязной кузницы) послалъ (въ науку) въ ритору.

Ст. 133. Военная добыча, прикрѣпленный къ трофейному обручку панцирь, повисшее съ наломаннаго шлема забрало, колесница бездышла, вымпелъ побѣжденной триремы и скорбный плащникъ на верху (тріумфальной) арки — все это считается выше всякаго человеческого благополучія: вотъ къ чему стремились римскіе, греческіе и чужеземные (варварскіе) воители, вотъ причина подѣтыхъ ими на себя трудовъ и опасностей. На столько жажда славы больше, чѣмъ жажда доблести; да и кто же раскроетъ для нея свои объятія, если отнять (слѣдующія за нею) награды? И однако это славолубіе, хотя бы и немногихъ людей, едва не подавило когда-то нашу родину, эта ихъ страсть къ похваламъ и титуламъ, что прильнуть потомъ къ стрелушнымъ ихъ прахъ каменнымъ надгробіямъ, а для того, чтобы разщелить ихъ (эти надгробія) достаточно злоуредной силы безплодной смоковницы, такъ какъ и самимъ могиламъ предопредѣлена своя судьба. Въвѣсь (прахъ) Аннибала: сколько либровъ (фунтовъ) найдешь ты въ этомъ величайшемъ полководцѣ? И вотъ онъ, кого не виждаетъ омываемая Мавританскимъ океаномъ Африка, что придвинулась къ теплomu Нилу, а затѣмъ къ народамъ Эіюпціи и къ высокимъ слонамъ (Индіи)! Онъ присоединяетъ (къ Карфагенскому государству) Испанію и быстро переходитъ (перескакиваетъ) Пириней. Природа противопоставила ему снѣжныя Альпы: онъ раздвигаетъ (разводитъ) горныя

скалы и разрываетъ ихъ ужасомъ. Вотъ уже онъ владѣеть Италией и однако стремится все дальше и дальше. Ничего не сдѣлано, говорить онъ, поны (если) я не сокрушу, вѣстѣ съ моими киррагенскими войсками, (римскихъ) ворота и не водрузю знамени посреди (Субурн). О, какъе обличіе и какой же оло заслушивало бы картины (каррикатуры); если бы (при триумфальномъ въездѣ Панибала въ Римъ) тегулский звѣрь (слонъ) несъ на себѣ криваго полководца! Какой же, однако, конецъ? О, слава! вѣдь онъ же самъ, побѣжденный, быстро удаляется въ ссылку, и тамъ этотъ великій и достойный удивленіемъ клиентъ сидитъ у царской палаты все время, пока военному деспоту угодно бодрствовать!

И концы этой душѣ, которая когда-то переполошила все человечество, прятать не мечи, не камни, не стрѣлы, а перстень, этотъ мститель за Каны и за столько пролитой крови. Ступай, безумецъ; сплви чрезъ суровыя Альпы, для того, чтобы понравиться шеальникамъ и сдѣлаться темою для ихъ декламаций!

Одного земного шара недостаточно Пелльскому юношѣ; онъ, несчастный, мечется въ узкихъ предѣлахъ міра, словно запертый на скалистой Гяръ или на крошечномъ Серифѣ. И однако, войдя въ городъ, укрѣпленный глинобитчиками, онъ удовольствуется саркофагомъ. Одна только смерть поучаетъ, какъ ничтожно человеческое тѣло!

Вѣрять, что когда-то Аeonъ былъ переплыть на парусахъ и всему, на чтѣ въ исторіи отваживается лживая Греція; вѣрять тому, что цѣлое море было устлано тѣми же флотомъ и подложено подъ колеса (боевыхъ колесницъ и повозокъ); мы придаемъ вѣру и тому, будто недостало глубокихъ рѣвъ, что эти рѣвы были выпты за индійскими (персидскими) обѣдами, и всему, что воспѣваетъ Состратъ, парашій на своихъ мокрыхъ крыльяхъ. А какимъ возвратился, покинувъ Саламинъ, тотъ варваръ, который свирѣпо бичевалъ Кора и Бара, не испытавшихъ ничего подобнаго въ пещерѣ Эола, тотъ, кто закованъ въ оковы самого Нептуна? Все же это жалостливѣе, чѣмъ если бы онъ счелъ его достойнымъ клейменія. И такому-то человѣку захотѣлъ бы служить кто-нибудь изъ боговъ? Но какимъ же онъ воротился? вѣдь на одномъ суднѣ, носъ котораго медленно двигался по кровавымъ волнамъ и сѣвомъ густые ряды труновъ. Вотъ какъ навазала его столько разъ желанная имъ слава!

Ст. 180. Подай для жизни просторъ, подай, Юпитеръ, долголѣтіе! Этого только одного желаешь ты и съ поднятымъ вверхъ челою и болѣзненно блѣдный. Но какихъ, однако, постоянныхъ и великихъ

зола преисполнена долгая старость! Прежде всего взгляни на это уродливое, гнусное лицо, утратившее сходство съ самимъ собою, на эту безобразную шкуру, вмѣсто кожи, на эти отвислыя ланиты и на такія морщины, какими у обезьянъ испаряпаны старья (въ старости) щеки, тамъ, гдѣ Табрава разстываетъ свои гнѣвныя рощи. Между юношами не мало различій: одинъ красивѣе того, а этотъ другаго; этотъ на много сильнѣе, чѣмъ тотъ: старики же всѣ на одно лицо и, вмѣстѣ съ голосомъ, дрожать у нихъ всѣ члены, голова плѣшивая, а носъ мокрый, словно у младенца. Такому жалкому старцу приходится разжевывать хлѣбъ беззубыми (безоружными) деснами, онъ до того тяжелъ для жены, дѣтей, для самого себя, что возбуждаетъ пренебреженіе къ себѣ, даже въ томъ ловителѣ наслѣдствъ, что съ острова Кюсса. При оцѣпенѣлости нѣба (вкуса), для него не существуетъ того же, (какъ для другихъ) наслажденія отъ вина и пищи, вѣдь о любви онъ давно уже забылъ, а если и попытается, то . . .

..... Да и на что другое можетъ надѣяться этотъ захирѣлый и сѣдой....? Что же, если это любовнаго старика, которое, при всемъ своемъ безсиліи, притязаетъ на любовь, по справедливости, является подозрительнымъ?

Теперь обрати вниманіе на утрату другаго чувства; ибо, какое же удовольствіе (для старика) отъ пѣнія кнеарѣда, хотя бы это былъ отличный (артистъ), хотя бы самъ Селевекъ, или одинъ изъ тѣхъ, что обыкновенно блистаютъ своими вышитыми золотомъ лацернами? Что въ томъ, въ какой части театра сидитъ тотъ, кто едва слышитъ горнистовъ и совокупные трубныя звуки? Нужно кричать, чтобъ его ухо почувствовало, о чемъ приходѣ докладываетъ слуга или когда онъ увѣдомляетъ, который часъ. Кромѣ того, малѣйшій остатокъ крови въ этомъ уже охолодѣвшемъ тѣлѣ только развѣ и нагрѣвается что отъ лихорадки. Со всѣхъ сторонъ и цѣлымъ строемъ насакаиваютъ на старика всякаго рода болѣзни, и еслибы ты спросилъ меня, какъ онѣ прозываются, то я скорѣе бы выпутался (отдѣлался), перечисливъ сколько у Оппіи перебивало любовниковъ, сколько больныхъ Фемивонъ изводитъ въ одну осень, сколько своихъ компаніоновъ обманулъ Базиль, а Гирръ—отданныхъ ему въ опеку (сиротъ), сколько мужчинъ въ одинъ день истощаетъ длинная Мавра, и сколько учениковъ ; скорѣе бы, хотя и бѣгло пересчиталъ тебѣ всѣ тѣ виллы, которыми владѣетъ теперь тотъ, подъ чьею бритвой, въ ту пору, какъ я былъ еще юношей, скрипѣла моя жесткая борода.

У одного слабость въ плечѣ, у другаго въ ирестцѣ, а у этого въ бедрахъ; тотъ потерялъ оба глаза и завидуетъ кривымъ, а вотъ этотъ принимаетъ своими блѣдными губами пищу изъ чужихъ рукъ. Привикнувъ въ совершаніи обѣда разводить своей ротъ, онъ только развѣиваетъ его, словно ласточкинъ итенецъ, къ которому, сама голодная, прилетаетъ мать, съ полнымъ клювомъ.

Важнѣе, однако, всякаго тѣлеснаго изъяна слабоуміе, при которомъ онъ (старикъ) не узнаетъ болѣе ни имени своихъ рабовъ, ни лица друга, съ которымъ ужиналъ еще въ прошлую ночь, ни тѣхъ, кого онъ произвелъ на свѣтъ и взростилъ, такъ какъ жестокииъ заиѣщаніемъ не дозволяетъ имъ быть своими наслѣдниками. Все его добро несется къ Фіалѣ: такъ много значить дыханіе ея артистическаго рта, — то, что она столько дѣтъ выстояла передъ каморкою своего лупанара!

Но пусть душевныя силы сохраняютъ свою бодрость, все же старцу приходится провожать похороны своихъ дѣтей, смотреть на пылающій костеръ любимой жены или брата, на урны, наполненныя сестриннымъ пепломъ. Въ томъ-то и состоитъ кара, дарованная людямъ долговѣчнымъ, что, при непрестанно возобновляющихся семейныхъ невзгодахъ, они проводятъ свою старость (старѣютъ) въ обильномъ плачѣ, въ постоянномъ горѣ и въ черной (траурной) одѣжѣ.

Царь Пилосскій (Несторъ), если въ чемъ-нибудь вѣрить великому Гомеру, былъ вторымъ, послѣ вороны, экземпляромъ долголѣтія. Вотъ подлинно счастливецъ, что отсрочилъ свою смерть на столько вѣковъ, уже по пальцамъ правой руки считалъ свои годы и столько разъ пилъ молодое (новое) вино! Прошу, однако, прислушаться, какъ онъ жалуется на свою судьбу, на слишкомъ длинную нить (своей жизни), видя горящимъ на кострѣ отважнаго и уже бородатаго Антилоха, какъ у всякаго встрѣчнаго друга (созанника) спрашиваетъ, зачѣмъ онъ дожилъ до такой поры и какииъ содѣяннымъ преступленіемъ заслужилъ свое долголѣтіе?

Точно такъ (жалуется) и Пелей, оплакивая похищеннаго смертью Ахилла, и другой (старецъ), которому суждено было скорбѣть объ ивекійскомъ плавателѣ. Будь Троя еще цѣла, Пріамъ переселился бы къ тѣнямъ Ассарака (своихъ предковъ) съ большою помпой, Гекторъ и остальные братья понесли бы его гробъ на своихъ плечахъ (шеяхъ) среди плача троянокъ, при чемъ первыми заголосили бы, раздравъ на себѣ одежды, Кассандра и Поликсена. (Такъ было бы), еслибъ онъ угасъ въ иное время, когда Парисъ еще не начиналъ снаряжать свои

корабли (чтобы плыть съ ними педъ Трои). Какую же пользу принесло ему (Приаму) долгодѣіе? Тутъ, что она увидѣтъ, какъ все рухнуло, увидѣтъ надеіе. Аши отъ огня и желѣза. Тогда этотъ дрожащій (отъ старости) вондѣль, одложивъ въ сторону свою тиару, воядетъ въ оружіе и дадеъ впередъ жертвенникомъ всемышняго Юлитера, словно старшій воль, которымъ уже пренебрегають неблагодарный царь, пропанувъ надъ его властный ножъ и свою килую и малкую шею. И эта смерти Приамъ какова она, ни на что, все-таки человѣкъ, а жена, что его пережила (Гелуба), залаала: собавшо частью.

Ст. 278. Слѣну къ нашимъ (вождямъ), умалчивая, царь Понтійскій, (Мигридатъ) и. о. Крезъ, которому краснорѣчивый делось праведнаго Солона такъ настойчиво совѣтовалъ проврѣтъ въ самый конецъ его долгаго жизненнаго поприща. Вотъ отсюда изгнаіе, темница, Мантурскія болота и тотъ слѣбъ, который (Марій) какъ милостиво выпрашивалъ въ поморенномъ имъ Кароагенъ! Что могли бы природа и Римъ выставить на всей землѣ болѣе счастливаго, чѣмъ этотъ гражданинъ, если бы онъ испустилъ свой великій духъ въ то время, когда, приводеъ толпы плѣнниковъ, намѣревался, среди всяческихъ военныхъ торжествъ, сойти съ своей теитонской (триумфальной) колесницы? Прозорливая Кампанія подарила Помпею дикораду, которой ему слѣдовало желать, но всенародныя молитвы множества городовъ околѣли (его смерти). И вотъ, алая судьба, какъ его, такъ и Рима, спела эту бережанную (въ битвахъ) голову, когда онъ былъ побѣжденъ (Цезаремъ). Лектулъ не испиталъ такой душевной пытки (муки): такой кары не испиталъ и Цетегъ, тотъ, что свадился не искалѣченнымъ, да и самъ Катиллина удегя дѣльнымъ трумомъ.

Ст. 289. Заботливая мать, завидя крамъ Венеры, сдержанно (умѣренно) наипещиваетъ пожеланія красивой наружности для своихъ мальчиковъ, а для своихъ дѣвочекъ: вогромче, и молится власть. „Къ чему же“, говоритъ она, — „бранить меня за это? вѣдь радуется же Датопа! тому, что я Діана красавица?“ Но Лукреція, (примѣръ Лувреція) не позволяетъ желать того красиваго лица, какое она шѣла, а, Виргинія охотно вядла бы у Рутили ея горбъ, отдавъ ей свое красивое лицо. Сынъ же съ зящанымъ тѣломъ постоянно держитъ въ страхѣ своихъ несчастныхъ родителей: до того рѣдко въ ладахъ красота съ дѣломудріемъ!

Хотя бы суровая семья, въ подражаніе древнимъ сабинянамъ, пе-

рекала ему святые нравы, хотя бы, сверхъ того, природа благо-
склонно и щедрою рукою присвоила ему цѣломудренный характеръ
и лицо, горящее скромнымъ румянцемъ стыдливости—что же больше
этого, можетъ предоставить природа, болѣе могущественная
(въ дѣлѣ воспитанія), чѣмъ всѣ приставники и всякія ихъ о немъ
заботы?—все-таки не возможно (двасавду), оставаться мужчиной. Ибо
расчетливое нечестіе развратниковъ, отражается, искушать (под-
кудомъ), самихъ родителей; такъ велика вѣра въ подарки!

Ни одинъ еще тиранъ не холостилъ въ своемъ жестокомъ замѣтѣ
безобразнаго юношу; вѣдь въ тѣхъ, что еще носятъ претесту, Неронъ
стариндѣ (похитилъ) не кривоногаго кадаго-нибудь отроку; или съ
зобомъ, или такого, у котораго одинаково раздуты и горбъ, и брюхо.
Студай теперь и наслаждайся красотой твоего сына! Не кого же
(однако) ожидаютъ большія опасности? Онъ сдѣлается публичнымъ
предлюбодѣемъ и (вѣчно) будетъ спрашивать названій, которыми у
него въ долгу разгнѣванный мужья, и его вѣзда не будетъ счастливѣе
Марсовой на столько, чтобы онъ никогда (подобно Вулкану) не на-
падалъ въ сѣти. А эта скорбь ихъ (мужей) никогда выснотельнѣе, чѣмъ
то, что предоставлено ей закономъ. Тотъ убиваетъ клижаломъ, дру-
гой сѣчетъ до крови, а въ иныхъ предлюбодѣевъ проникаетъ и долавъ.
И вотъ, трой Эндиміонъ (сначала) сдѣлается любовникомъ обожаемой
имъ матроны, а вслѣдъ за тѣмъ, когда дастъ ему денегъ Серви-
лія, онъ, уже не любя, сдѣлается и ея предлюбодѣемъ, сниметъ все,
чѣмъ украшено ея тѣло; да и въ немъ можетъ отказать мокрому—
какая бы то ни было женщина, будь она Оппія или та, что еще хуже
Катуллинъ? Вотъ откуда женщина беретъ всю свою мораль!

Но какой же вредъ отъ красоты для юноши цѣломудреннаго?—
А какую пользу принесли даже Ипполиту его строгія правила? на-
кую Бедлерофоту? Вѣдь та (Федра) вся добагровѣла, какъ преве-
бреженная отказомъ Ипполита (сдѣлается ея любовникомъ), да и
Степобей расказалась, добѣла не меньше, чѣмъ эта критянка, и
обѣ онѣ вострепнулись; женщина особенно свирѣпла тогда, когда ея
ненависть подстрекаетъ стыдъ.

Выбирай, какой, по твоему мнѣнію, слѣдовало бы подать совѣтъ
тому, за кого рѣшила выйти замужъ жена кесара? Вотъ онъ (Силій),
лучшій и самый красивый изъ всѣхъ патриціевъ, быстро влечется,
несчастный, къ своей гибели (влюбленными) глазами Мессалины;
уже давно возсѣдаетъ она, съ приготовленнымъ свадебнымъ покры-
валомъ, открыто стелется въ ея садахъ (виллѣ) тирское брачное

ложе; по старинному обычаю, будетъ отсчитанъ (въ приданое) миллионъ сестерцій и, вмѣстѣ съ рукоприкладчиками (свидѣтелями брачнаго договора), придетъ и итицагадатель. Ты думалъ, что все это не многими только вѣрренная тайна? Нѣтъ, она хочетъ выйдти замужъ законнымъ порядкомъ. Скажи же (Силій), что тебѣ болѣе нравится? Если не захочешь повиноваться (Мессалинѣ), то тебѣ придется погибнуть еще до фонарей (раньше сумерекъ); если же допустишь преступленіе, то дастся тебѣ небольшая отерочка, пока это извѣстное горю и всему народу дѣло дойдетъ до ушей кесаря: онъ вѣдь послѣднимъ узнаетъ о своемъ семейномъ позорѣ. Между тѣмъ, повинуйся велѣніямъ (Мессалины), если тебѣ только такъ дорога твоя немногочисленная жизнь. Что бы ты однако ни придумалъ болѣе для тебя легкаго и удобнаго, все-таки тебѣ придется отдать подъ сакуру эту красивую и бѣлую шею.

Ст. 346. „Итакъ, людямъ ничего не остается для ихъ желаній?“ Если хочешь моего совѣта, то предоставь самимъ богамъ взвѣшивать все, подобающее намъ, все, что для насъ полезно; ибо, вмѣсто пріятнаго, боги дадутъ тебѣ то, что наиболѣе для тебя пригодно. Человѣкъ имъ дороже, чѣмъ самому себѣ. Влекоме возжелѣніями нашей души, слѣпою и сильною страстью, мы стремимся къ брачнымъ узамъ и къ тому, чтобы наши жены рожали намъ дѣтей, но (только) имъ (богамъ) извѣстно, какія будутъ это дѣти и какова жена. Для того, однако, чтобы чего-нибудь (разумно) требовать у боговъ и ради этого приносить въ капищахъ жертвы изъ звѣрнаго нутра и священныхъ рубцовъ отъ бѣлаго поросенка, слѣдуетъ молить ихъ о томъ, чтобы у насъ въ здоровомъ тѣлѣ была здоровая душа. Требуй для себя крѣпкаго духа, непричастнаго страху смерти, духа, который конецъ жизненнаго поприща считаетъ (желаннымъ) даромъ природы, можетъ переносить какія угодно тяготы, не знаетъ, что такое гнѣвъ, ничего не желаетъ и вѣруеть въ то, что скорби Геркулеса и его тяжкіе труды (подвиги) лучше (предпочтительнѣе), чѣмъ любовныя наслажденія, (роскошныя) пиры и пуховики Сарданавала. Я указываю тебѣ на то, что ты самъ можешь себѣ дать. Несомнѣнно, что единственный открытый намъ путь къ безмятежной жизни—это путь добродѣтели. Никакой божеской власти не имѣешь ты, Фортуна, надъ людьми, если только они живутъ по разуму: это мы, мы (напрасно, по недомыслию) дѣлаемъ тебя богиней и водворяемъ на небѣ.

Примѣчанія къ X сатирѣ.

Ст. 4 — 10. Сатира начинается аллегоріей, которою, какъ уже замѣчено схолиастомъ, обозначена, сообразно съ древними понятіями, вселенная, въ направленіи отъ запада къ востоку. „Gades“ теперешній Кадиксъ. „Auriga“ (Ἄριος), богиня утренней зари, „Ganges“ (съ греческимъ окончаніемъ винит.), рѣка и теперь еще удержавшая свое названіе (Гангъ).

5. Выраженіе „dextro pede“ слѣдуетъ привести въ связь и съ нашимъ повѣрьемъ, по которому вставаніе съ постели правою или лѣвою ногою составляетъ въ первомъ случаѣ хорошую, а во второмъ — дурную примѣту, за которою слѣдуетъ удача или неудача. Очевидно, это повѣрье существовало и у римлянъ, что видно также изъ такихъ выраженій, какъ „dextro pede adire“, или „aggredi“, у Виргилія (Aen. VIII, 302).

8. Боги называются здѣсь „faciles“, слишкомъ, или легко доступными, то-есть, готовыми исполнять и неразумныя людскія желанія. Слѣдующія затѣмъ слова „positura“ и пр. уже въ схоліяхъ объяснены правильно (positura in pace et in bello“). Люди, говоритъ поэтъ, стремятся къ тому, что повредитъ, то-есть, можетъ повредить, и на гражданскомъ, и на военномъ поприщахъ. Слово „toga“ Гейнрихъ менѣе удачно объясняетъ „homoines urbani“.

10—27. Здѣсь сатирикъ выясняетъ на отдѣльныхъ примѣрахъ вѣрность своего убѣжденія въ томъ, что кажущіяся блага нерѣдко заключаютъ въ себѣ корень зла и большія неудобства. Въ примѣрѣ опасности отъ краснорѣчія, онъ выставляетъ Демосеена и Цицерона, а непоумѣрнаго развитія физической силы — Милона Кротонскаго, котораго онъ, однако, не называетъ, разумѣя его подъ указательнымъ мѣстомъ. „ille“. Исторію этого атлета разказываетъ Геллій, въ своихъ „Аттическихъ ночахъ“ (XV, 16). Онъ называетъ его „athleta illustris“ и относитъ къ I олимпіадѣ. Эту же исторію въ сокращенномъ видѣ передаетъ и схолиастъ въ своемъ примѣчаніи къ 9 ст.

12. Еще чаще, продолжаетъ поэтъ, — подвергается опасности богатство, такъ какъ оно постоянно держитъ въ страхѣ своихъ обладателей, давитъ, или душитъ ихъ („strangulat“), возбуждая въ другихъ зависть и хищническіе инстинкты. Упоминаемый (въ 14 ст.) китъ названъ „британскимъ“, можетъ быть, потому, что римляне въ ту пору, когда писалась сатира, были очень озабочены разными смут-
часть сслхуі, отд. 2.

ными, тревожными и преувеличенными слухами о Британіи (гдѣ велась война), при чемъ, какъ остроумно замѣчаетъ Вейднеръ, и объемъ китовъ этой загадочной страны могъ представляться имъ, по слухамъ, страшно преувеличеннымъ. Впрочемъ, и помимо этого, сравненіе поэта китовъ съ дельфинами вполне правильно.

Ст. 15, относительно стиля, нельзя назвать удачнымъ. Вейднеръ думаетъ, что родит. „Neronis“ находится здѣсь въ зависимости отъ „iussu“. Ничто, конечно, не мѣшаетъ, въ виду не всегда соблюдаемой поэтомъ точности въ своихъ выраженіяхъ, принять такую конструкцію: *temporibus diris Neronis eiusque iussu*. Приводя примѣры объ опасностяхъ, соединенныхъ съ богатствомъ, сатирикъ могъ припомнить „суровое время“ Нерона, когда, по его привязанію, цѣлыя когорты осаждали жилища разныхъ богачей, и притомъ, какъ видно изъ разсматриваемаго мѣста, иногда единственно съ цѣлью грабежа, или конфискаціи ихъ имуществъ, для чего, конечно, придумывались разные предлоги.

Въ слѣдующихъ двухъ стихахъ жертвами своихъ богатствъ, при Неронѣ, поэтъ называетъ Лонгина, Сенеку и Латерана. Первый изъ нихъ *C. Cassius Longinus*, извѣстный юристъ, былъ въ тридцатомъ году по Р. Хр. консульскимъ замѣстителемъ (*Cos. suffectus*), а при Клавдіи консуломъ. Постигшее его несчастіе Ювеналь имѣлъ право приписать корыстолюбію Нерона, такъ какъ въ это время бывший консулъ доживалъ свой вѣкъ слѣпымъ старикомъ, и уже по одному этому не могъ быть крамольникомъ. Лонгину было поставлено въ вину то, что между портретными статуями и бюстами, украшавшими его жилище, находилось также изображеніе убійцы Цезаря, К. Кассія, съ подписью „глава партіи“ (*Tac. Ann. 16, 7*). Онъ сосланъ былъ на островъ Сардинію, гдѣ каждый день ожидалъ своей казни, но, къ счастью, пережилъ Нерона и при Веспасіанѣ воротился изъ своего изгнанія. О колоссальномъ богатствѣ Сенеки, воспитателя Нерона, см. въ моемъ примѣчаніи къ 213 ст. VIII сат., а о Латеранахъ въ примѣчаніи къ 146 ст. той же сатиры. Для избѣжанія (въ 16 ст.) не особенно красивой, въ стилистическомъ отношеніи, такъ-называемой *zeugta*, слѣдовало бы здѣсь „*Longinum*“ замѣнить чтеніемъ *Longini*, что предлагалъ еще Руперти. Замѣтимъ еще, что объясненіе Гейнриха выраженія „*clausit*“, въ смыслѣ заточенія Лонгина, очень неудачно. Наконецъ, нельзя не обратить здѣсь вниманіе на прилагат. „*praedives*“, которымъ квалифицируется Сенека. По своему этимологическому составу оно совершенно соотвѣт-

ствууетъ нашему пребогатый, подобно тому, какъ *praecelagus*—пре-славный, *praevacutus*—преострый, *praevaltus*—превысокий, и т. д. Во всѣхъ подобныхъ словахъ предлогъ *prae*(=ante) буква въ букву отвѣчаетъ нашему пре, то-есть, предъ, что съ особенною ясностью видно въ словахъ *praesedere*—предшествовать, *praefatio*—предисловіе. Въ указанныхъ прилагательныхъ „*prae*“ значитъ *prae caeteris, aliis*, равно какъ и въ русскомъ языкѣ въ подобныхъ соединеніяхъ пре—передъ другими, передъ прочими. Подъ „*horti*“, конечно, здѣсь нужно повимать виллы, которыя обыкновенно были окружены садами.

18. Подъ „*cohors*“ (*praetoria*) разумѣются здѣсь преторіанцы, а подъ „*coenacula*“ то, что франдузы называютъ мансардами. Описаніе такой квартиры мы уже встрѣтили въ III сат., ст. 199 и слѣд.

19. Подъ „*argentum purum*“ Вейднеръ понимаетъ гладкое серебро, въ противоположность съ *arg. caelatum*. Почему, однако, дорожные разбойники должны были предпочитать гладкое серебро негладкому, то-есть, украшенному рельефнымъ чеканомъ? Казалось бы, на оборотъ, да и еще разумнѣе думать, что они не относились критически къ объектамъ своей воровской добычи, а брали, что попало. По моему мнѣнію, означенное выраженіе слѣдуетъ принимать въ дословномъ его смыслѣ, то-есть, въ значеніи чистаго серебра, а подъ нимъ разумѣть серебро безпримѣсное, или, по нашему, высокопробное, то-есть, дорогое. Такое пониманіе оправдывается и другими выраженіями разсматриваемаго текста, напримѣръ, словами „*ruca... vascula*“. Смыслъ ихъ таковъ: человекъ богатый, отправляясь въ путь, дрожитъ за свой багажъ, потому что, хотя бы онъ несъ съ собою и немного сосудовъ, и притомъ маленькихъ, но они изъ чистаго серебра.

25. „*Arca*“ означаетъ здѣсь денежный ларь, или сундукъ, какіе мѣняли или банкиры (*argentarii*) выставяли на римскихъ форумахъ (схотіастъ, почему-то, упоминаетъ исключительно Форумъ Траяна), но здѣсь разумѣются не одни эти промышленники. Римскіе капиталисты, ради безопасности и процентовъ, отдавали имъ свои деньги, которыя также хранились, вѣроятно, въ сундукахъ. Въ 27 ст. „*setinum*“ (то-есть, *vinum*) я перевелъ „сетинское“, по аналогіи съ „шампанское“ и проч. Оно получило свое названіе отъ города „*Setia*“, въ Кампаніи, и принадлежало къ лучшимъ продуктамъ римскаго винодѣлія.

28—53. Выводятся два завѣстные философа, Демокритъ и Гераклитъ, изъ которыхъ одинъ постоянно смѣялся, а другой плакалъ,

наблюдая жизнь своихъ современниковъ. Кромѣ недостаточной замѣтки въ сколіяхъ, хорошимъ комментариемъ къ этому мѣсту служить давно уже указанныя слова Сенеки (*De ira*, II, 10). Въ 30 ст. „*contrarius auctor*“ = *auctor contrariae sententiae*. Два слѣдующіе затѣмъ стиха (31 и 32) общимъ приговоромъ объявлены слабыми, и потому не принадлежащими Ювеналу, хотя въ нихъ онъ выражаетъ свое личное, въ сущности правильное и умѣстное убѣжденіе, по которому смѣшная и огульная критика, при сужденіи о людяхъ, такъ же не нормальна, какъ и постоянная плаксивость. Демокритъ, прибавляетъ поэтъ, еще больше нашелъ бы пищи для своего суроваго смѣха („*rigidi censura sardini*“), еслибы могъ наблюдать наши нравы и порядки, и затѣмъ переходить въ Риму.

36—53. Первые десять стиховъ этой очевидно искаженной переписчиками тирады, до сихъ поръ еще не разъяснены, какъ слѣдуетъ. Гейнрихъ считаетъ ее главнымъ свидѣтельствомъ (*Hauptstelle*) о *popra circensis*, хотя у Діонисія Галикарнаскаго (Веберъ дѣлаетъ изъ него длинную выписку) она описана гораздо подробнѣе и съ болѣею точностью, а Вейднеръ видитъ въ словахъ поэта описаніе триумфальной процессіи. Думаемъ, что не столько по небрежности поэта въ редакціи этого мѣста; сколько вслѣдствіе испорченности примитивнаго текста, рѣчь тутъ перепутанная, съ подробностями о той и другой изъ означенныхъ церемоній. Единственный выходъ изъ этой путаницы является въ догадкѣ, что уже въ концѣ періода республики программа помянутой помпы была распространена разными заимствованиями изъ ритуала триумфальныхъ процессій и другими добавлениями. Все это дѣлалось, конечно, изъ видовъ политическихъ: цесари считали нужнымъ развлекать народъ зрѣлищами, до которыхъ онъ былъ такъ падокъ. (Ср. XI, 193 и т. д.). Изъ „Римской археологіи“ Діонисія (7, 72) видно, что въ этой помпѣ участвовали, между прочимъ, сатиры, силены и разныя божества, изображенія которыхъ участники процессіи несли на своихъ плечахъ. При этомъ, однако, древній авторъ ни словомъ не упоминаетъ, какъ у Ювенала (ст. 41 и 42), о рабѣ, который, по древнему обычаю, обязанъ былъ говорить триумфатору, „*ne sibi placeat*“, разныя колкости, да притомъ такой спектакль, при открытіи игръ въ циркѣ, окончателно не имѣлъ бы никакого смысла. Къ неточностямъ текста слѣдуетъ отнести и то, что въ одномъ мѣстѣ предсѣдательствующій на описываемомъ торжествѣ называется преторомъ (ст. 3), а въ другомъ консуломъ (ст. 41).

Обращаемся къ другимъ подробностямъ текста. Преторъ назы-

вается (36) „sublimis“. Это былъ бы плеоназмъ, въ виду предшествующихъ словъ, еслибъ указанное прилагательное не имѣло здѣсь двойнаго смысла, то-есть, физическаго и отвлеченнаго, какъ и у насъ слово „высокопоставленный“. Въ виду же спеціальнаго значенія этого выраженія въ нашемъ языкѣ, я замѣнилъ его словомъ „превыспренній“. Оно притомъ, какъ у Ювенала, имѣетъ здѣсь ироническій оттѣнокъ, равно какъ и выраженіе „Юпитеровская туника“, въ которую одѣтъ преторъ. Какъ уже вѣрно замѣтилъ схоласти, это *tunica palmata*, то-есть, вышитая золотымъ узоромъ, на подобіе пальмовыхъ листьевъ. Поверхъ этой туники надѣта на немъ широчайшая тога, также съ золотыми вышивками (*toga picta*), въ видѣ занавѣса, или драпировки (*aulaea*), которую „онъ тащитъ отъ самыхъ плечъ“. Все это также ироническая гипербола. „Сарранскою“ называется эта тога потому, что восточное названіе Тира, откуда привозились въ Римъ пурпуровыя ткани, было Сарра. Слѣдуетъ прибавить, что уже въ схолияхъ выраженіе „*aulaea togae*“ очень умѣло сопоставлено съ словами Цицерона „*velis amictos, non togis*“, которыми онъ, между прочимъ, характеризуетъ шестую категорію сообщниковъ Катилины (In. Cat. II, 10). Далѣе, въ словахъ о коронѣ, или вѣнѣ триумфатора такая же гипербола, какъ и въ другихъ частяхъ разсматриваемаго мѣста, а искусственное разъединеніе словъ „*publicus*“, подъ которымъ разумѣется государственный рабъ, и „*segrvus*“ также можетъ указывать на порчу текста.

43. „*Da*“, очевидно, значить здѣсь *adde*, и потому страннымъ кажется объясненіе Вейднера: „*denke dir nun noch*“.

45. „*Officia*“= *officiales*, какъ назывались при кесаряхъ чиновники, находившіеся въ непосредственномъ распоряженіи высшихъ властей. Слово это составилось по аналогіи съ *ministeria* (*ministri*) и т. д. Я перевелъ его оффиціалами (для избѣжанія слова чиновникъ), и тѣмъ съ большимъ правомъ, что оно уже давно вошло въ нашъ языкъ и означаетъ въ настоящемъ случаѣ то же, что оффиціальныя лица. Съ другой стороны, подъ *Quirites*, этимъ древнимъ словомъ нерѣдко обозначаются граждане, *cives*) разумѣются здѣсь кліенты. О *sportula* („*sportula*“) см. мои „Двѣ публичныя лекціи“ о Ювеналѣ (С.-Пб., 1860), стр. 39.

50. Подъ „отечествомъ барановъ“ разумѣется здѣсь Фракія, откуда былъ родомъ Демокритъ, изъ города Абдеры. Такою же незавидною репутаціей, на счетъ слабого умственнаго развитія своихъ обитателей,

пользовалась въ древнемъ мірѣ и Беотія, какъ у насъ, почему-то, Пошехонье.

53. „Mandare laqueum“ хорошо объясняется словами Плавта: „*gestim capere et suspende te*“. Оскорбительныя издѣвательства и насмѣшки выражались у римлянъ не только словами, но и жестами, какъ и у теперешнихъ италіанцевъ (впрочемъ и у всѣхъ другихъ народовъ, особенно южныхъ). Къ такимъ жестамъ принадлежало и упоминаемое здѣсь „*medium ostendere unguem*“ (или *digitum*), равносильное нашему показыванію кукиша. Иногда такой жестъ заключалъ въ себѣ и циническій смыслъ, откуда у Персія „*digitus infamis*“ (II, 33).

55. „*Genae insere deorum*“ значитъ дословно вощить, или навощать колѣна боговъ, разумѣется, на ихъ статуяхъ, въ смыслѣ возлагать въ храмахъ восчанія таблички на ихъ колѣна, съ разными молитвенными пожеланіями и обѣтами (*vota, tabellae votivae*). „*Fas est*“ — всякому позволено, сказано иронически. Не извѣстно, почему Вейднеръ замѣнилъ это общепринятое выраженіе словами „*nes fas*“. Замѣчательно, что и самъ онъ, въ своемъ примѣчаніи, не обращаетъ на нихъ никакого вниманія.

Ст. 56—114. Все это мѣсто также служитъ поясненіямъ 54 ст., гдѣ говорится, что „*supergravia aut perniciosa petuntur*“, то-есть, что люди иногда обращаются къ богамъ съ молитвами о томъ, что для нихъ излишне или даже губительно. Здѣсь указывается на непрочность и опасность высокаго положенія, до котораго человекъ достигаетъ въ государствѣ, и сначала въ примѣръ приводится извѣстная катастрофа, постигшая Сеяна, а затѣмъ и другія выдающіяся положенія, къ которымъ люди стремятся, взывая о томъ къ богамъ и себѣ на пагубу.

58. „*Nonogum pagina*“ значитъ цѣлая страница, исписанная почетными титулами. Здѣсь могутъ разумѣться не только лѣтописныя, или историческія указанія, но также бронзовыя или мраморныя доски, на которыхъ они обозначались. Слово „*mergit*“ совершенно соответствуетъ здѣсь нашему „топить“. Конечно, и въ нѣмецкомъ языкѣ легко подыскать подобное выраженіе, и потому переводъ Вейднера *stürzt sie*, который онъ выставляетъ въ своемъ примѣчаніи, какъ наиболѣе подходящій въ данномъ случаѣ, нельзя считать особенно удачнымъ.

63. Очень живую характеристику Сеяна и его отношеній къ Тиберію представилъ также Тацитъ въ самомъ началѣ IV кн. своей „лѣтописа“. Онъ, между прочимъ, говоритъ, что этотъ временщикъ

и всесильный начальник преторианцев опуталъ и привязалъ къ себѣ (devinxit) кесаря не столько своею хитростью, сколько гнѣвомъ боговъ на Римское государство. Для того, чтобы властвовать безраздѣльно, онъ уговорилъ Тиберія переселиться на островъ Капрею (Капри). Это былъ также человѣкъ хитрый, хотя и легкій („facilis“). Онъ продолжалъ и изъ новой своей резиденціи выказывать Сеяну всевозможные знаки вниманія, но эти милости къ зарвавшемуся честолюбцу кончились разомъ, такъ что его неожиданное паденіе произвело въ Римѣ великую смуту. Ювеналъ изобразилъ этотъ патетическій моментъ вполне художественно и исторически вѣрно. О немъ подробно повѣствуетъ также Діонъ Кассій въ своей „римской исторіи“ (въ началѣ 58 кн.). Здѣсь онъ передаетъ и содержаніе той „*verbosa et grandis epistola*“ (ст. 71), которая пришла съ Капри и была прочитана въ сенатѣ. Она рѣшила судьбу Сеяна, хотя и была написана сдержанно и въ ней ни слова не говорилось о его казни. Кесарь, очевидно, дѣйствовалъ осторожно, въ виду того, что его недавній любимецъ имѣлъ въ Римѣ не мало приверженцевъ. Дѣло, однако, устроилось само собою. Лишь только окончилось чтеніе „эпистолы“, какъ тѣ самые люди, которые за минуточку предъ тѣмъ пресмыкались передъ Сеяномъ, при появленіи его въ сенатѣ, разомъ и круто переиѣннвъ свой тонъ—они смекнули, чего хочетъ кесарь—стали осыпать своего патрона ругательствами, а потомъ, тутъ же наложивъ на него цѣпи, прямо изъ сената повели въ темницу (Tullianum), при чемъ били его и разорвали тогу, которою онъ старался прикрыть свое лицо. Къ этимъ внезапно озвѣрившимся сановникамъ уже на улицѣ присоединились массы народа, который, прибавляетъ Діонъ, не любилъ Сеяна за его многочисленныя казни. Народъ мигомъ кинулся стаскивать изображенія Сеяна съ ихъ пьедесталовъ и тутъ же разбивать ихъ на мелкіе куски. Такихъ статуй было въ Римѣ множество. Изъ словъ Ювенала видно, что нѣкоторыя изъ нихъ были растоплены въ горнахъ. Прибавимъ еще, что дѣти Сеяна были казнены одновременно съ отцомъ, при чемъ молодая дочь его не была заключена въ темницу, а прямо отдана палачу, который забилъ ее до смерти. Жена его, Аликата, узнавъ о смерти своихъ дѣтей, добровольно лишила себя жизни. Къ означеннымъ подробностямъ катастрофы Ювеналъ прибавляетъ еще что трупъ Сеяна волочили по улицамъ, и что онъ валялся (цѣлые три дня, какъ извѣстно изъ другихъ источниковъ) на берегу Тибра, при чемъ народъ издѣвался надъ тѣмъ самымъ человѣкомъ, которому, словно божеству, еще на канунѣ приносилъ жертвы. Все это истори-

чески вѣрно. Въ 62 ст. „сperat“ = сperitat, а далѣе „ex facie secunda“ и въ сколіяхъ объясняется „secundus a Caesare Tiberio“.

Съ 65 до 86 ст. сатирикъ придаетъ своей рѣчи діалогическую форму, чтобы живѣе представить антипатичное ему настроеніе толпы, ея непостоянство и быструю замѣну одного чувства другимъ. Свой взглядъ онъ ясно формулируетъ въ 73 ст., говоря, что толпа („turba“) „sequitur fortunam, ut semper, et odit damnatos“. Начальныя слова указаннаго мѣста обыкновенно понимаются въ смыслѣ приглашенія гражданъ отпраздновать казнь Сеяна, какъ радостное событіе, при чемъ зданія украшались зеленью и приносились жертвы. Не слѣдуетъ, однако, забывать и стариннаго объясненія этихъ словъ, представленнаго Веберомъ. Онъ понималъ ихъ въ смыслѣ восклицанія: вотъ и украшай, какъ Сеянъ, твой домъ лаврами, веди въ Капитолій бѣлаго быка! То-есть: стремись, какъ онъ, къ триумфальнымъ почестямъ! Таковы были дѣйствительно: права триумфаторовъ, которыя могъ присвоить себѣ всемогущій временщикъ, а „обыкновенные смертные едва ли ими пользовались“. Эпитетъ быка „cretatus“, то-есть, намазанный, объясняется тѣмъ, что жертвенныя животныя обыкновенно были бѣлаго цвѣта, при чемъ неотвѣчающія ему части ихъ тѣла намазывались мѣломъ.

Въ 73 ст. сатирикъ называетъ римскій народъ Ремовою толпою, подобно тому, какъ Персій обозначаетъ высшіе его классы названіемъ „Romulidae“ (I, 31), а затѣмъ выраженіе „Nortia-Tusco“ = Fortuna Seiano, такъ какъ Сеянъ былъ родомъ изъ Этруріи (Тосканы), изъ города Volsinii (теперешней Больсены), гдѣ означенная богиня, римская Фортуна, пользовалась особеннымъ культомъ. О ней упоминаетъ и Т. Ливій (VII, 3): „Volsiniis templum Nortiae, Etruscae deae“.

Ст. 77 и слѣд. замѣчательны тѣмъ, что ясно обозначаютъ политическія убѣжденія Ювенала. Видно, что онъ не былъ почитателемъ той неурядицы, которую ознаменовалось послѣднее время республики. „Съ того времени, какъ мы никому не продаемъ нашихъ голосовъ“ значить здѣсь: со времени монархической реформы, когда были ограничены права избирательныхъ комицій. „Vendere suffragia“ = ferre s. Слѣдующее затѣмъ „rapem et circenses“ одно изъ наиболее популярныхъ выраженій и въ новомъ мірѣ. Зрѣлищами и раздачею хлѣба кесари, какъ извѣстно, старались привлечь на свою сторону немощные классы римскаго населенія. Послѣдній выдавался изъ казенныхъ складовъ или даромъ, или за ничтожную цѣну безпрепятственно, по предъявленіи марокъ (tesserae frumentariae).

82. Уже выше замѣчено, что, въ видахъ уничтоженія Сеяновыхъ статуй, ихъ также плавили въ горнахъ. Сюда же относятся слова діалога „*magna est fornacula*“, возбуждшія много недоразумѣній. Такъ, Веберъ понималъ подъ этимъ выраженіемъ самого распаленнаго гнѣвомъ Тиберія. Уменьшительныя, какъ здѣсь „*fornacula*“ (печечка), такъ и слѣдующее „*pallidulus*“ (блѣдненькій), употребляются въ латинскомъ языкѣ, какъ и у насъ, съ ироническимъ смысломъ. Разговаривающій намекаетъ, что, кромѣ Сеяновыхъ статуй, попадутъ въ „печечку“ и другія, такъ какъ придется, кромѣ Сеяна, заплатить и его клеветамъ, которые также были почетны статуями. Ихъ, какъ видно изъ Ювенала же (1, 130), въ Римѣ было множество, и онѣ часто воздвигались людямъ самымъ ничтожнымъ.

Всгдъ затѣмъ называется одна изъ такихъ предполагаемыхъ жертвъ, Брутидій Нигеръ, который дѣйствительно не избѣгъ своей участи. О немъ упоминаетъ Тацитъ (Ann. III, 66), какъ о человѣкѣ очень даровитомъ, но въ то же время крайне честолюбивомъ. Въ 22 году онъ былъ эдиломъ и, считаясь хорошимъ риторомъ, много подвизался въ декламацияхъ на вымышленныя темы. Одною изъ такихъ былъ „споръ Улисса съ Аяксомъ объ оружіи убитаго Ахилла“, при чемъ первый, какъ значилось въ преданіяхъ, остался побѣдителемъ, а второй впалъ въ бѣшенство и лишился себя жизни. Вѣроятно, на эту тему существовала извѣстная публикѣ рѣчь Брутидія. О ней-то и упоминается (ст. 84) въ словахъ о встрѣчѣ съ нимъ на одномъ изъ форумовъ или на Марсовомъ полѣ, у жертвенника Марса. Начиная съ сколиастовъ и до сихъ поръ неизмѣнно повторяется, что подъ „побѣжденнымъ Аяксомъ“ слѣдуетъ понимать Тиберія, а въ лицѣ подразумеваемаго Сеяна—Улисса. Гейнрихъ даже находитъ, что эта аналогія очень идетъ къ дѣлу. Кака же, однако, аналогія? Какимъ образомъ, послѣ указанной сцени въ сенатѣ и уличной расправы, Тиберій могъ считать себя побѣжденнымъ Аяксомъ? Да и Сеянъ, котораго онъ перехитрилъ, не имѣлъ никакого основанія, по крайней мѣрѣ, въ данномъ случаѣ, считаться Улиссомъ, типомъ человѣка ловкаго и прозорливаго. Изъ этого видно, что рассматриваемое мѣсто, не смотря на всѣ усилія уяснить его, до сихъ поръ еще остается темнымъ.

Ст. 85. Летучіе и боязливые разговоры между встревоженными горожанами оканчиваются словами „*surgamus praecipites*“, то-есть, приглашеніемъ бѣжать во всю прыть (стремглавъ) къ берегу Тибра, гдѣ, какъ уже замѣчено, валялся трупъ Сеяна, и топтать его ногами

„для того, чтобы видѣли это рабы“. Тиберій, какъ извѣстно изъ Тацита, охотно пользовался ихъ доносами въ процессахъ о государственной измѣнѣ, которые разсматривались въ сенатѣ.

Съ конца 88 ст. и до конца разсматриваемаго эпизода сатирикъ опять говоритъ отъ своего лица. Здѣсь (въ 93 ст.) встрѣчаются два чтенія: „angusta“ и „augusta“, изъ которыхъ то и другое имѣетъ свое основаніе, но я послѣдовалъ второму изъ нихъ. Тиберій „сидѣлъ“ на Капрѣй „съ цѣлымъ стадомъ халдеевъ“. Такъ собственно назывались жители Вавилоніи (страны между Тигромъ и Евфратомъ). Въ Римѣ они промышляли своимъ искусствомъ предсказывать будущее по звѣздамъ, и потому ихъ именемъ обозначались также астрологи. Тиберій, какъ извѣстно, былъ очень суевѣренъ, и потому еще въ бытность свою на островѣ Родосѣ изучалъ астрологію подъ руководствомъ Фразибула. Онъ постоянно находился при немъ и на Капри, вербуя новыхъ субъектовъ въ „халдейское стадо“, и тѣхъ изъ нихъ, которые оказывались не подходящими, прямо со скалъ сбрасывалъ въ море, для того, чтобы они не болтали о кесаревыхъ секретяхъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, повѣствуетъ объ этомъ Тацитъ (Ann. VI, 20, у Гааза 26 и слѣд.).

Далѣе (ст. 94) слѣдующія слова „*Vis certe*“ и пр. значатъ: „ты конечно, или навѣрное хочешь“ и пр. Здѣсь не вопросъ, а утвердительная (аффирмативная) форма рѣчи. „*Pila*“ (*pilum*—метательное копье) совсѣмъ здѣсь неумѣстно, а слѣдуетъ читать *pilum* или *pilos*, отъ *pilus*, какъ назывался отрядъ пѣхоты, подъ которымъ здѣсь, можетъ быть, разумѣется цѣлый легіонъ. Особенно почетною считалась служба въ „*primus pilus*“ и званіе „*primipilus*“. Подъ „*equites egrégi*“, можетъ быть, слѣдуетъ понимать *equites illustres*, которыхъ еще Августъ выдѣлилъ въ сословіи всадниковъ отъ остальной ихъ массы, такъ какъ въ эту массу подъ конецъ республики проникло много людей ничтожныхъ, благодаря своему „*sensus equester*“. Вѣроятно, они составляли конвой и охрану кесарей. Подъ „*castra domestica*“ еще схолиастъ разумѣлъ с. *praetoria*, то-есть, начальство надъ преторіанцами, котораго добился Сеянъ на свою голову. Есть и другое объясненіе этихъ словъ, выставленное еще Веберомъ и повторенное Вейднеромъ (вообще комментарий его къ разсматриваемому мѣсту довольно сомнительнаго свойства), по которому, они должны означать „домашній лагерь“ Сеяна, какъ бы его домашнюю гауптвахту, или личныхъ его тѣлохранителей. Такое объясненіе не особенно удачно.

Ст. 97. Слова „*sed quae praesalaga*“ и пр. схолиастъ объясняетъ:

„Quid iuvat tanti aestimare bona, si cum his et mala perveniant“. Дѣлаемый поэтомъ, конечно, мало убѣдительный для его современниковъ, выводъ изъ этихъ словъ состоитъ въ томъ, что гораздо безопаснѣе, а потому и лучше быть дуумвиромъ или эдиломъ въ какомъ-нибудь маленькомъ городѣ, въ родѣ Фиденъ или Габій, чѣмъ, подобно Сеяну, носить претексту, занимая высокій постъ въ Римѣ. Изъ слѣдующихъ словъ видно, что названные мелкіе чиновники, состоя на службѣ, въ родѣ нашихъ городничихъ, въ провинціальныхъ захолустьяхъ. имѣли, между прочимъ, полицейскій надзоръ за правильностью купли и продажи, какъ видно также изъ аналогическаго мѣста у Персія (I, 130, гдѣ см. мое примѣч.). Гораций въ своей пятой сатирѣ (I кн., ст. 34 и слѣд.) смѣется надъ важничаньемъ такого городничаго, пренебрежительно называя его „scriba“. Гипербола „rapposus“ (лохматый, въ лохмотьяхъ) употреблена здѣсь въ смыслѣ жалкій эдилъ.

Ст. 104—107. Сравненіе высокаго поста съ высокою башней, откуда паденіе, чѣмъ выше она, тѣмъ опаснѣе, очень наглядное и удачное. Это мысль абстрактная, и потому мнѣніе Вейднера, что „turris“ значитъ здѣсь „Palast“ нигде не годится. Дворецъ Сеяна не могъ быть многояруснымъ, потому что такіе дома строились въ Римѣ, какъ и теперь, для отдачи ихъ въ наемъ. „Unde“ = ut inde eo altior“ и пр., какъ справедливо замѣтилъ Вейднеръ, а „praecipers“ имѣеть здѣсь (какъ и у Ливія, 5, 47, 5 или у Стація Silvae I, 4, 5) значеніе существительнаго, вмѣсто praecipitium или praecipitatio (Гейнрихъ). Наконецъ „guina“ означаетъ здѣсь готовое обрушиться, или превратиться въ руину, слѣдовательно, непрочное зданіе. Вмѣсто родит. „imp. ruinae.“ съ большимъ правомъ могъ бы здѣсь стоять творит. imp. ruina (quum impellitur ruina).

Въ 109 ст., конечно, разумѣется Юлій Цезарь, а подъ „зятемъ Цереры“ — Плутонъ, владыка подземнаго царства, который похитилъ дочь ея, Прозерпину. Въ 113 ст. „sicca mors“ (сухая смерть) сказано въ смыслѣ безкровная.

Ст. 114—134. Примѣромъ Цицерона и Демосоена указывается опасность отъ краснорѣчія, котораго римляне такъ усердно добивались въ школахъ своихъ риторовъ. „Quinquatria“ (festa), или Quinquatres (feriae) назывались школьные праздники въ честь Минервы, которые справлялись весной, въ теченіи пяти дней. Рѣчь здѣсь о начальной школѣ, программа которой ограничивалась чтеніемъ и письмомъ. Здѣсь Минерву, то-есть, науку, можно было добывать за

пять ассовъ, слѣдовательно, это была, какъ у насъ говорится, грощовая наука. Слѣдующее мѣсто очень напоминаетъ слова Горация въ 6-й сатирѣ 1-й книги, гдѣ также рѣчь и о школьной платѣ. Переводъ и примѣчаніе къ этому мѣсту см. въ моей книгѣ о Горациѣ, стр. 28.

Ст. 120—125 относятся къ Цицерону, о насильственной смерти котораго сохранилось нѣсколько древнихъ преданій. Главное изъ нихъ принадлежитъ Титу Ливію, который разказываетъ (Ерп. 120), что при первомъ появленіи триумвировъ (Цезаря, Антонія и Лепида) въ Римѣ, Цицеронъ бѣжалъ сначала въ Тускуланумъ, а потомъ окольными путями также въ свою Форміанскую виллу, близъ Каеты откуда думалъ отправиться куда-нибудь моремъ, но снова воротился, въ Форміанумъ и рѣшился предать себя въ руки судьбы, сказавъ: „*potiar in patria saepe a me servata*“. Затѣмъ явились подосланные Антоніемъ центуріоны. Онъ горѣлъ желаніемъ отмстить знаменитому оратору за его безпощадныя „филиппики“. У Цицерона были отрублены обѣ руки и голова, которая (какъ говоритъ Плутархъ, въ концѣ его біографіи), была, по приказанію Антонія, выставлена на рострахъ (ораторской трибунѣ, на форумѣ). По другимъ извѣстіямъ, собраннымъ Вейднеромъ, въ его „*Quellenbuch zur alten Geschichte*, III Abtheil., S. 246, у Цицерона была отрублена только одна рука. Діонъ Кассій называетъ и убійцъ Цицерона: то были центуріонъ Геренцій и хилархъ (тысяцкій) К. Помпиль.

Ст. 122 принадлежитъ Цицерону и заимствованъ изъ его утраченнаго стихотворнаго разказа „*De temporibus suis*“ (meis), гдѣ онъ описалъ свое консульство (онъ цитруется иногда и подъ заглавіемъ *de consulatu*) и неумѣренно прославлялъ свои подвиги, въ особенности, какъ и въ своихъ рѣчахъ, открытіе и подавленіе заговора Катилины. Ювеналь, какъ видно, считалъ Цицерона плохимъ поэтомъ и указанный стихъ неудачнымъ. Въ немъ ему, очевидно, не нравилось какофоническое повтореніе однихъ „и тѣхъ же звуковъ (pata-pata). И дѣйствительно надъ этимъ стихомъ, какъ и вообще надъ стихотвореніями Цицерона, къ которымъ онъ имѣлъ большую слабость, въ древности глумились не мало. Его приводитъ не разъ и Квинтиліанъ (I. O. IX, 4, 41 и XI, 1, 24) въ числѣ такихъ выраженій „*quae non desierunt carpere maligni*“. Риторъ Сенека также замѣчаетъ въ своихъ декламацияхъ: „*Ciceronem eloquentia sua in carminibus destituit*“. Еслибы, прибавляетъ сатирикъ, „филиппики“ Цицерона были такъ же плохи, какъ его стихи, то онъ избѣжалъ бы

мечей Антонія. Филиппиками эти рѣчи противъ него названы по аналогіи ихъ съ знаменитыми рѣчами Демосѳена противъ Македонскаго царя Филиппа. Указывается здѣсь преимущественно вторая („*volueris a prima quae proхіта*“) филиппика (всѣхъ ихъ было 14), такъ какъ здѣсь съ необыкновенною силою слова выставлены всѣ пороки Антонія и представлена вся его безнравственная жизнь. Особенно знамениты ея слова: „*Defendi rempublicam adolescens, com-tempsi Catilinae gladіos, non pertimescam tuos*“.

Съ конца 126 стиха рѣчь о Демосѳенѣ, судьба котораго, говорить поэтъ, такъ же была печальна, какъ и Цицеронова, и по той же причинѣ. Слово „*theatrum*“ употреблено здѣсь въ смыслѣ *conspicio* (народное собраніе), можетъ быть, потому, что аѳиняне иногда совѣщались объ общественныхъ дѣлахъ въ своихъ театрахъ. Отецъ Демосѳена былъ оружейный мастеръ, или просто кузнецъ, чѣмъ и объясняется смыслъ ст. 130—132.

Ст. 133—187. Говорится о неудобствахъ, какъ для отдѣльныхъ лицъ, такъ и для государства (ст. 142), сопряженныхъ съ воинскою славой, при чемъ, для примѣра, указывается на Аннибала, Александра и Ксеркса. Поэтъ начинаетъ перечисленіемъ *insignia*, то-есть, отличительныхъ и символическихъ знаковъ этой славы. Они назывались трофеями „*trophaeum*“ и первоначально представляли собою деревянный обрубокъ, съ поперечною перекладиной или съ сучьями, водруженный на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ была одержана побѣда. На такомъ неатѣшливомъ монументѣ развѣшивались или привѣрѣплялись неприятельскіе доспѣхи. Впослѣдствіи это были великолѣпные памятники изъ бронзы и мрамора, которые обыкновенно воздвигались внѣ поля битвы. Ювеналъ, какъ любитель старины, имѣетъ здѣсь въ виду примитивные трофеи. Ср. *Aen.* XI, 5. Сюда же принадлежали въ болѣе позднѣе время и триумфальныя арки (ст. 137), украшенныя скульптурными рельефами и статуями. Къ послѣднимъ принадлежитъ и упомянутый здѣсь „*tristis captivus*“.

Ст. 138. „*Induperatur*“, старинная форма, вмѣсто *imperator* = полководецъ.

Ст. 144. „*Haesuri*“, говорится о титулахъ, которые „повиснутъ“, то-есть, будутъ красоваться на могильныхъ памятникахъ, называемыхъ здѣсь „стражами праха“; Однако, прибавляетъ поэтъ, для распатанія и уничтоженія этого надгробнаго величія достаточно силы какой-нибудь безплодной смоковницы. Это дерево „*figus*“ или *carpifiscus*, дикая смоковница, какъ у Персія (I, 25, гдѣ это слово, впро-

чемъ, употреблено въ иносказательномъ смыслѣ, о чемъ см. въ примѣчаніи къ моему изданію, на стр. 84), раста на скалахъ и камняхъ, по словамъ древнихъ авторовъ, расщеливаетъ и портитъ ихъ своими корнями. Ср. Марціала (X, 2, 9): „Marmorа Messalae findit carpitifcus“. Вотъ почему и Проперцій (въ концѣ своей пятой элегии 4 кн.) заявляетъ желаніе, чтобы могли влюбимой имъ женщины сильно нагнетала дикая смоковница. Мѣсто у Горация (Erod. 5, 17) сюда не идетъ.

Ст. 147. Слова „exprende Hannibalem“ и соотвѣтствующія имъ (въ 170 ст.) „mors sola fatetur“ и пр. нельзя назвать удачными, по весьма понятной причинѣ, даже для поэта языческой древности. Въ слѣдующемъ затѣмъ опредѣленіи границъ Африки „Мавританскій“, то-есть, Атлантической океанъ означаетъ ея западную границу, а Нилъ — восточную. Южная граница довольно оригинально обозначается „народами Эѳіопіи и большими слонами“.

Ст. 153. О томъ, что Аннибалъ прокладывалъ себѣ путь черезъ Альпы, разрушая въ непроходимыхъ мѣстахъ скалы укусомъ, говорить также Ливій (XXI, 37). Вообще видно, что этотъ слухъ былъ очень распространенъ въ древности, но не принадлежитъ ли онъ также къ тѣмъ сказкамъ, въ изобрѣтеніи которыхъ немного ниже поэтъ обвиняетъ греческихъ историковъ? Не на этомъ ли основаніи Полибій умалчиваетъ объ этомъ слухѣ?

Ст. 156. „Subura“ и теперь носитъ свое древнее названіе (via di Subura) и стоитъ здѣсь вмѣсто Рома, какъ pars pro toto. Это была одна изъ самыхъ веселыхъ и шумныхъ улицъ, между Эсквилиномъ и Целиемъ. О соблазнахъ этой мѣстности говоритъ Персій (V, 32), а Ювеналъ, какъ стоикъ, также неблагоприятно отзывался о ней (III, 5). Марціалъ (XII, 18) называетъ ее „clamosa“.

Ст. 157. Аннибалъ дѣйствительно лишился одного глаза во время труднаго своего пути по болотистымъ мѣстностямъ сѣверной Италіи (Liv. XXII, 2). Какое зрѣлище, говоритъ патристически настроенный сатирикъ, представлялъ бы собою возсѣдающій на слонѣ („Getula bellua“) кривой полководецъ, при своемъ триумфальномъ вступленіи въ Римъ. Здѣсь рѣчь о томъ страшномъ моментѣ, когда Аннибалъ находился отъ него всего въ трехъ миляхъ.

Ст. 160—167. Послѣ своей неудачи Аннибалъ бѣжалъ въ Малую Азію и явился кліентомъ къ „Визонскому тиранну“, Прузію. Кольцо („anulus“) съ скрытымъ въ немъ ядомъ, которымъ отравился Аннибалъ, называется здѣсь „мстителемъ за Канны“, гдѣ столько было

убито римскихъ всадниковъ, что золотыми ихъ кольцами, какъ внѣшними знаками принадлежности къ этому благородному сословію, онъ наполнилъ цѣлне четверники (*modios*), при отсылкѣ ихъ въ Кареагенъ. О школьныхъ декламацияхъ, сюжетами которыхъ были великіе люди древности, а равно и мифическіе герои, мы уже говорили, въ примѣчаніи къ 150, 161 и 169 стих. VII-й сатиры, гдѣ также рѣчь и объ Аннибалѣ. Какъ видно, его подвиги были любимой темой въ школахъ („*ut pueris placeas*“, ст. 167). Съ другой стороны, такіа темы могли и надобѣдать ученикамъ, какъ, напримѣръ, Персію „*morituri verba Catonis*“ (III, 45, гдѣ мое примѣчаніе на стр. 190).

Съ 168—173 стихъ переходъ къ другому знаменитому воителю, Александру, котораго поэтъ называетъ пеллейскимъ юношей, такъ какъ онъ былъ родомъ изъ Пеллы, столицы Македоніи. Гиаръ (*Guagus* и *Guagi*) и Серифъ, небольшіе и пустынные острова въ Эгейскомъ морѣ, служили, при кесаряхъ, мѣстомъ ссылки, какъ видно изъ Ювенала же (I, 73). Подъ словами „*a figulis munita urbs*“ разумѣется здѣсь Вавилонъ, укрѣпленный кирпичными стѣнами. См. объ этомъ у Н. А. Астафьева: Древности вавилоно-ассирійскія. С.-Пб. 1882 (начальная глава). „*A figulis*“ я перевелъ, „стѣнобитчиками“, такъ какъ обычныя значенія сл. *figulus* (лѣщникъ, гончарь и т. п.) не подходятъ къ нашему мѣсту.

Ст. 173—188. Рѣчь о Ксерксѣ и его неудавшемся походѣ на Грецію. Ювеналъ скептически относится къ тѣмъ сказкамъ, которыми украшены преданія объ этомъ событіи, воспроизводя ихъ по Геродоту (VII, 21 и слѣд.). Какъ не любитель грековъ, сатирикъ обвиняетъ при этомъ ихъ историковъ въ дерзкой лживости („*quidquid Graecia mendax audet in historia*“). Къ числу такихъ вымысловъ онъ относитъ „*vellificatus Athos*“ (ст. 177), то-есть, прорытый Ксерксомъ и пройденный на парусныхъ судахъ Аеонъ, затѣмъ, усталое кораблями и какъ бы подостланное подъ колеса повозокъ море, при чемъ разумѣется Геллеспонтъ, соединенный цѣлою массою судовъ, съ перекинутыми черезъ нихъ досками, на подобіе плашкоутнаго моста. „*Solidum*“ обыкновенно принимается въ смыслѣ *solidatum mare*. Не значить ли, однако, здѣсь это выраженіе цѣлое море, по аналогіи съ *solida lupa*? Наконецъ, поэтъ считаетъ баснословнымъ преданіе о томъ, что въ рѣкахъ оказался недостатокъ въ водѣ, которая будто бы была выпита мидянами (персами) за ихъ обѣдами. Считая эти слова поэта за „*ein trefflicher Zug*“, Гейнрихъ придаетъ имъ такой смыслъ: въ то время, какъ Мидійскій царь пировалъ за

своими обѣдами („Medo grandente“), люди его и скотъ довольствовались тѣмъ, что вылокали всѣ рѣки“. Такое странное объясненіе, разумѣется, не можетъ быть принято. Очевидно, слова текста являются очень понятною гиперболою, выдуманною греками, для обозначенія несмѣтной массы войскъ, съ которыми Персидскій царь вторгнулся въ ихъ предѣлы. Здѣсь же сатирикъ указываетъ на какого-то Сострата, какъ на распространителя такихъ хвастливыхъ сказокъ. Схотлиасть, называя его поэтомъ, прибавляетъ: „hic regis Xerxis facta descripsit“, а слѣдующія затѣмъ слова „madidis alis“ объясняетъ совершенно нелѣпо, принявъ второе изъ нихъ (alae) въ смыслъ подмышки. „Madidis autem“, говоритъ онъ, ideo, quia omnes, qui cum sollicitudine recitant, neesse est, ut alae eius (?) sudent“. Это значитъ: всѣ, которые рецитируютъ, необходимо потѣютъ подъ мышками (отчего же только тутъ?). Еще болѣе странно, что Вейднеръ, вѣроятно, на основаніи этого объясненія, сдѣлалъ къ рассматриваемому стиху такое примѣчаніе: „Cantat“ = recitat, dacher der Schweiz (maditis alis)“. Прибавимъ еще, что глаголъ „cantat“ не даетъ никакого повода думать о рецитацияхъ. Какой же, однако, смыслъ этихъ словъ? Когда о поэтѣ говорятъ, что онъ паритъ на мокрыхъ крыльяхъ, то это значитъ, что онъ летаетъ тяжело и не высоко, то-есть, что онъ тяжеловѣсный или просто плохой поэтъ. Потому лаконическая фраза сатирика вполне понятна. Состратъ, говоритъ онъ, воспѣваетъ разныя баснословныя преданія, вая на мокрыхъ крыльяхъ.

Ст. 180. Рѣзко ироническій тонъ, съ которымъ Ювеналъ относится къ преданію о бичеваніи Ксерксомъ Кора и Евра (названія вѣтровъ сѣверо-западнаго и юго-восточнаго) объясняется высокомернымъ отношеніемъ грековъ и римлянъ вообще къ народамъ востока и понятнымъ чувствомъ собственнаго надъ ними превосходства. „Ennosigaeus“ греческое прозвище Нептуна (колебатель земли).

Ст. 188—288. Описываются невыгоды и тягости долголѣтія, о которомъ неразумные люди также усердно молятъ боговъ. Здѣсь прежде всего обращаютъ на себя вниманіе спорныя выраженія „recto vultu“ и „pallidus“, которыя въ схоліяхъ не особенно точно объясняются словами „laetus et tristis“. Новыми ученными они понимаются въ смыслъ: здоровый и больной, молодой и старій, смѣлый и боязливый, и т. д. „Recto (какъ бы erecto) vultu“ соотвѣтствуетъ нашему „съ поднятымъ челомъ“ и, какъ кажется, означаетъ челоука бодрого, полного силъ, а „pallidus“, въ противоположность ему, челоука болѣзненно блѣднаго.

Ст. 193—195. Дословный смысл этого темнаго мѣста тотъ, что сама обезьяна, и притомъ самка, выцарапываетъ на своихъ старыхъ щекахъ глубокія морщины. Оно, по всей вѣроятности, искажено переписчиками, если же нѣтъ, то объясненія его слѣдуетъ ждать отъ натуралистовъ, а не отъ филологовъ. „Тавгаса“ малозвѣстный городъ на сѣверной окраинѣ Африки, къ западу отъ Карфагена. Здѣсь, можно думать, водилась порода особенно морщинистыхъ обезьянъ.

202. „Коссъ“, какъ видно, принадлежалъ къ той очень многочисленной въ древнемъ Римѣ категоріи искателей наслѣдствъ (*sartatores, hereditariae*), которые, конечно, умѣли уживаться съ тѣми, отъ кого они ждали богатыхъ милостей. Кого здѣсь разумѣеть Ювеналъ подъ этимъ прозвищемъ, осталось неизвѣстнымъ.

208. Здѣсь ясный намекъ на *nefanda Venus*, на то, что римляне называли *fellatio*.

Ст. 209. Говорится объ уtratѣ стариками другаго органа, или чувства (*damnum alterius partis*), то-есть, слуха.

Ст. 211. Вейднеръ читаетъ здѣсь *„citharqedo“*, согласуя это слово съ предшествующимъ *„cantante“*, вмѣсто обычнаго *„citharoeus“*, которымъ избѣгается неестественное разединеніе означенныхъ словъ; но *cantante* можетъ здѣсь стоять и самостоятельно, въ смыслѣ а *cantante, cantore, cantu*, или подразумѣвая *quodam* — когда кто-нибудь поетъ. Затѣмъ, здѣсь стилистическая и бытовая неточность въ словѣ *„lasegna“*. Оно здѣсь неумѣстно, ибо это была верхняя одежда, въ какой артисты не могли являться на эстрадѣ. Для этого у нихъ была *palla* или длинная одежда, въ родѣ сирмы (*syntha*), какъ видно изъ Горация (A. P. 216): *„Tibicen trahit vagus per pulpita vestem“*.

Ст. 215. „*Conceptorus*“ здѣсь совокупная и, конечно, очень громкая игра цѣлаго хора трубачей или рожечниковъ (*tubicines* и *cornicines*), которою нерѣдко начинались и заканчивались римскіе концерты и другія музыкальныя торжества. Въ слѣдующемъ стихѣ подъ „*puer*“ нужно понимать номенклатора (*nomenclator*), то-есть, слугу, который докладывалъ о приходящихъ гостяхъ и другихъ посѣтителяхъ. Онъ же обыкновенно докладывалъ и о времени. Въ древности не было часовъ съ боемъ и о времени узнавали по солнечнымъ и водянымъ часамъ (*solaria* и *clepsydrae*). Послѣдніе могли быть и въ домахъ, а первые выставлялись на площадяхъ и улицахъ, куда, вѣроятно, нерѣдко приходилось бѣгать рабамъ съ означенною цѣлью.

Ст. 220. Разумѣется, не стоитъ останавливаться на всѣхъ скупъ часть сслуху, отд. 2.

ченныхъ здѣсь именахъ и ратоборствовать за чтенія Гиппія или Оппія. Отмѣтимъ „Фемизона“, извѣстнаго врача при Августѣ, „Базила“, который (VII, 145) выводится бѣднымъ адвокатомъ, а здѣсь—обманщикомъ своихъ компаньоновъ по торговымъ дѣламъ (socii). Объ опекунѣ Гиррѣ ничего неизвѣстно, а Мавра упоминается также въ шестой сат. (307). Наконецъ, Гамиллу и Марціаломъ (VII, 62) выданъ тотъ же аттестатъ, которымъ клеймится его здѣсь Ювеналь.

Въ 223 ст. „exsorbet“ собственно значить „сосеть“, или, еще ближе, „высасываетъ“. Значить, „длинная Мавра“ то же самое, что и Фіала (въ 238 ст.).

Ст. 226 составляетъ повтореніе 25 ст. I сат. подъ бывшимъ цирюльникомъ, у котораго, въ молодости своей, брился Ювеналь, и попавшимъ потомъ въ знать, можетъ быть, разумѣтся здѣсь Циннамъ, не разъ осмѣянный Марціаломъ (VI, 17, VII, 64).

Ст. 233. „Dementia“ обозначаетъ здѣсь старческое слабоуміе, соединенное съ безпамятствомъ, доходящимъ до exhereditatio, то-есть, отстраненія отъ наслѣдства („vetat“) собственныхъ дѣтей. „Eduxit“ едва ли здѣсь употреблено вмѣсто educavit (воспиталъ). Оно скорѣе соотвѣтствуетъ нашему „взростилъ“ или еще ближе „вывелъ въ люди“.

Ст. 238. Роль Фіалы понятна и безъ объясненія. Она изучила ее, прибавляетъ въ слѣдующемъ стихѣ Ювенамъ, въ бытность свою проституткой, или, какъ онъ выражается, когда стояла передъ камеркою („carcer“, или cella) своего дупанара („fornicis“). Такія камеры, съ циническими надписями, выцарапанными на ихъ стѣнахъ, можно и теперь видѣть въ Помпеѣ. Вмѣсто „in carcere“, полагаю, было бы умѣстнѣе ad carcerem, ибо „stare“ стоитъ здѣсь вмѣсто технического prostare (откуда prostibulum), какъ въ III сат. ст. 65.

Ст. 240. „Ut vigeant“ и пр.—Pone, ut non sit demens, qui diu vixerit, tamen... Вслѣдъ затѣмъ, въ примѣрѣ печальнаго долготѣія, приводится Несторъ, царь Пилосскій, съ ссылкой на Илиаду (I, 250 и слѣд.), который „dextra computat annos“ (249). Здѣсь имѣется въ виду древній счетъ по пальцамъ, при чемъ до 100 онъ производился по пальцамъ лѣвой руки, затѣмъ до 1000—правой, а затѣмъ опять возвращались къ лѣвой рукѣ, и т. д. „Novum mustum“ и пр. схолиасть объясняетъ „qui multos auctumnos vidit“.

Ст. 253. „Antilochi barbam“=A. barbatum. Онъ былъ убитъ Мемнономъ.

Ст. 256. „Нае eadem“, то-есть, queritur, а далѣе подъ „alius“ разумѣтся Лаертъ, который оплакивалъ „Ithacum“, то-есть, своего

сына, Улисса, десять лѣтъ странствовавшаго по морямъ, при возвращеніи своемъ на родину (островъ Итаку), по разрушеніи Трои.

Ст. 258—72. Эпизодъ о Пріамѣ принадлежитъ къ наиболѣе выдающимся. „Ассаравъ“, мивенческой его предокъ, считался сыномъ Лаомедонта. Далѣе слѣдуетъ описаніе троянскаго погребальнаго обряда, при чемъ плачь Кассандры и Поликсены напоминаетъ причитанія римскихъ плавальщицъ (*praeficae*) того отдаленнаго времени, когда эту обязанность принимали на себя, какъ и здѣсь, ближайшія родственницы покойнаго. Впослѣдствіи, какъ и у насъ въ старину, это были нерѣдко наемныя женщины. Ювеналово описаніе сходно съ тѣмъ мѣстомъ Одиссея, гдѣ рѣчь о похоронахъ Гектора.

Ст. 265. Цицеронъ (l. c.) приводитъ отрывокъ изъ Эпической „Андромахи“, гдѣ хоръ поетъ:

Haec omnia vidi inflammari,
Priamo vi vitam evitari,
Iovis agram sanguine turpari.

Можно думать, что въ старинной латыни *evitari* = *evipri*.

Ст. 272. О превращеніи жены Пріама, Гекубы, въ собаку раззываетъ въ своихъ метаморфозахъ Овидій (XIII, 566).

Ст. 273—289. „Rex Ponti“, Митридатъ, прожилъ 69, лѣтъ, и смерть его была насильственная. Крезъ также, до плѣненія своего Киромъ, считалъ себя счастливѣйшимъ человѣкомъ. Извѣстныя обращенныя къ нему слова Солона о томъ, что никто не можетъ считать себя таковымъ до самаго наступленія смерти (ст. 274) очень часто повторялись древними авторами, хотя хронологія не совсѣмъ на сторонѣ этого преданія. Въ 273 ст. къ „*transeo*“ нужно подразумѣвать *sentio*, то-есть, прохожу молчаніемъ.

Ст. 276. Здѣсь имѣется въ виду Марій, который, преслѣдуемый Суллою, скрывался одно время въ Минтурнскихъ болотахъ (получившихъ свое названіе отъ *Minturna*, города на границѣ Лаціума и Кампаніи), а затѣмъ на развалинахъ Кароагена... Въ это время ему было около 70 лѣтъ. Еслибы, продолжаетъ поэтъ (ст. 240), Марій умеръ вслѣдъ за своимъ триумфомъ надъ кимврами, то могъ бы дѣйствительно считаться счастливѣйшимъ человѣкомъ въ цѣломъ мірѣ. О подвигахъ его въ эту войну упоминается и въ VIII сат., ст. 249 и слѣдующ. Всѣ эти подробности о Маріи могли быть заимствованы изъ біографіи его, написанной Плутархомъ.

Ст. 283. Эпизодъ о Помпеѣ, то-есть, объ устроенныхъ ему оваціяхъ въ Кампаніи (главнымъ образомъ въ Неаполѣ) совершенно

совпадаетъ съ словами Цицерона (Tusc. I, 86) на ту же тему и съ тѣмъ же нравоученіемъ: „Utrum igitur, si tum esset extinctus, a bonis rebus, an a malis discessisset? При этомъ нужно помнить, что болѣзнь и выздоровленіе Помпея непосредственно предшествовали столь роковой для него битвѣ при Фарсалѣ.

Ст. 287. Лентулъ и Цетегъ, сообщники Катилины, были задушены въ темницѣ, по приказанію Цицерона, а самъ Катилина палъ въ битвѣ при Писторіи (въ 62 г.), теперешней Пистойѣ. Всѣ они умерли, прибавляетъ Ювеналь, съ уцѣлѣвшими головами и прочими членами своего тѣла. Это мѣсто едва ли можно считать удачнымъ, то-есть, подходящимъ къ общему смыслу разсматриваемаго отрывка.

289—345. Рѣчь объ опасностяхъ отъ тѣлесной красоты. Здѣсь, въ 291 ст., очень спорное выраженіе „iusque ad delicias votogum“. Приведенные Вейднеромъ объяснительные примѣры вовсе сюда не идутъ, а комментарий (заимствованный имъ у Британника) „iusque ad inertias“ отличается большимъ произволомъ. Другія (старинныя) объясненія собраны у Руперти. Мнѣ кажется, что приведенное выраженіе Ювенала вполнѣ соотвѣтствуетъ одному изъ извѣстныхъ оборотовъ нашей обыденной рѣчи „вслась“. „Сегодня я наработался вслась“, сказалъ мнѣ когда-то одинъ изъ моихъ ученыхъ друзей, котораго я засталъ за его письменнымъ столомъ. Точно также употребительно выраженіе: наговориться вслась, и т. д. По аналогіи этихъ примѣровъ, можно также сказать (а можетъ быть, и говорится) молиться или намолиться вслась. Вотъ почему я и ввелъ это выраженіе въ мой переводъ.

293. Лукреція и Виргинія достаточно извѣстны, какъ жертвы своей красоты. Что же касается до горбатой Рутили, то она, можетъ быть, современница Ювенала.

299. Относительно къ „domus veteres imitata Sabinos“ см. въ моихъ лекціяхъ о Ювеналѣ, стр. 46.

304. „Non licet esse virgo (читается также viros и viris) потому, что „puer“ aut pathicus fit aut castratur“.

308. При ссылкѣ на Нерона, по всей вѣроятности, имѣются здѣсь въ виду отношенія его къ Спору, о чемъ дѣлается намекъ и въ I-й сат. (ст. 62), гдѣ упоминается „lascivata amica“. Ср. Suet. гл. 28 и D. Cass. 63, 12. Онъ называется здѣсь „praetextatus“. Подъ этимъ словомъ разумѣется человекъ одѣтый въ претексту (toga praetexta). Отъ обыкновенной тоги она отличалась только тѣмъ, что по краямъ была

обшита широкимъ золотымъ позументомъ. Сначала это была царская одежда (этресскаго происхожденія), присвоенная потомъ высшимъ правительственнымъ лицамъ и въ некоторымъ жрецамъ. Въ указанномъ стихѣ имѣется въ виду юноша или отрокъ, носящій претексту, такъ какъ она составляла также, до извѣстнаго возраста, принадлежность и дѣтей обоюго пола изъ римской знати. Кромѣ того, это слово имѣло и другія значенія.

310. „I nunc“. — Этотъ оборотъ, столь употребительный у римскихъ поэтовъ, со времени Овидія, также очень обыченъ и въ нашемъ языкѣ; ступай себѣ, проваливай и пр.

313. Злополучный инцидентъ изъ преданій о любви Марса и Венеры прелестно разказанъ въ Одиссеѣ, въ формѣ былины, которую на Алкиноевомъ пиру „лирой гремя сладкозвучною, пѣлъ Демадокъ вдохновенный“ (VIII, ст. 266 и слѣд., въ переводѣ Жуковскаго). Латинизмъ въ словахъ „Nec erit felicior astro Martis = nec erit eius (то-есть, красиваго юноши) astrum felicius astro Martis“. Значить: звѣзда его не будетъ счастливѣе Марсовой на столько, чтобы онъ никогда не попадалъ въ сѣти (въ силокъ). Странное и вовсе не идущее къ дѣлу примѣчаніе Вейднера о планетѣ, носящей названіе Марса, едва ли заслуживаетъ опроверженія.

315. Скорбь опозоренныхъ мужей, говоритъ поэтъ, изобрѣтаетъ для прелюбодѣевъ болѣе жестокія наказанія, чѣмъ тѣ, какія для подобныхъ случаевъ установлены въ законахъ. Въ числѣ этихъ изобрѣтеній упоминается здѣсь и „mugillis“ (или mugil), то-есть, голавль. Незавидная роль этой рыбы въ любовныхъ инцидентахъ уяснена уже въ схолияхъ къ 317 ст.: „Piscis grandis capitis, postremis (?) exillis, qui in podicem moechorum deprehensorum solebat immitti“. Въ одномъ изъ кодексовъ читается здѣсь „postremus“, что во всякомъ случаѣ понятнѣе. Кромѣ того, предложена была поправка: „grandis capite, in postremis exillis“. Изъ словъ Катутла (XV, 17) видно, что такую же роль иногда играла и рѣдька (garphalus). Гораций (Sat. I, 2, 41) подробнѣе говоритъ о тѣхъ возмездіяхъ, которымъ подвергались въ Римѣ любители чужихъ женъ.

318. Имя Эндиміона употреблено здѣсь въ нарицательномъ значеніи, въ смыслѣ красавца. Упоминаемая далѣ Катутла можетъ быть, та самая, къ которой обращены лицемѣрна слова Марціала (VIII, 53): „о, какъ бы я желалъ, чтобы ты была менѣе красива и болѣе стыдлива“.

324. „Immo“ и проч. Даже, то-есть, даже скорѣе слѣдовало бы спро-

силь „quid profuit“, и т. д. Упомянутый затѣмъ „Hippolitus“ пренебрегъ, какъ извѣстно, любовью своей мачихи, Федры, дочери Критскаго царя Миноса, почему она и называется критяною (Cressa). Еврипидъ, Сенека, Овидій и старинные французскіе драматурги увѣковѣчили поэтическое о ней преданіе, которое въ недавнее еще время такъ оживила гениальная Рашель. Менѣе прославлено аналогическое и смутное преданіе о Беллерофонтѣ (коринескомъ героѣ царской крови) и Стенебоні, дочери Іобата и жены одного изъ Аргивскихъ царей.

326. Въ чтеніи этого стиха большое разномысліе. Одни, какъ Вейднеръ, читаютъ здѣсь „haec“ и относятъ это мѣстоименіе къ „repulsa“, принимая это слово за существительное, другіе (напримѣръ, Гейнрихъ) стоятъ за „haec“ и, ставя послѣ „fastidita“ точку съ запятой, читаютъ „repulso“, въ смыслѣ ablat. absol. participii (quam accidisset repulsa). Гораздо было бы лучше, еслибы Гейнрихъ, вмѣсто неудачнаго repulso удержалъ repulsa, также въ значеніи причастія. Принимая его интерпункцію и указанное значеніе формы repulsa, мы считаемъ нужнымъ также, вслѣдъ за схолиастомъ, удержать „haec“, которое имѣетъ здѣсь усиленно указательное значеніе (употреблено δειχτικῶς), какъ въ 205 ст. VII сат., гдѣ „hunc“ несомнѣнно указываетъ на не названнаго Сократа, между тѣмъ какъ здѣсь указаніе на имя, къ которому относится „haec“ (Cressa) не умолчано, а находится тутъ же, въ слѣдующемъ стихѣ. Замѣчу еще, что въ глаголахъ „egubuit“ и „excaudit“ поэтъ, какъ мнѣ кажется, имѣлъ въ виду преднамѣренную антитезу, которую я старался выразить въ моемъ переводѣ, и что „se concussere ambae“ (въ 328 ст.) значить здѣсь „и обѣ встрепенулись“. Этотъ переводъ, во всякомъ случаѣ, ближе къ тексту, чѣмъ wurden gasend и тому подобныя. Наконецъ „rudor“ (въ 329 ст.) означаетъ здѣсь стыдъ, происходящій отъ сознанія совершеннаго преступленія или отъ сдѣланной ошибки, что, по мнѣнію поэта, заставляетъ женщину ненавидѣть того, кто былъ къ нимъ поводомъ.

Съ конца 299 до 345 ст. приводится печальная исторія Кая Силія, такъ хорошо разказанная Тацитомъ въ его анналахъ (XI, 26 и слѣд.). Дѣло въ томъ, что имъ плѣнилась столь извѣстная своими похождениями Мессалина и еще при жизни своего законнаго супруга, престарѣлаго и слабоумнаго кесаря Клавдія, задумала вступить въ бракъ съ этимъ красавцемъ („formosissimus“), съ соблюденіемъ всѣхъ, установленныхъ римскимъ ритуаломъ обрядовъ („legitime“). Ювеналь и здѣсь очень вѣрно и безъ всякаго преувеличенія изобразилъ различныя подробности этого неслышаннаго скандала, о которомъ Клавдій дѣй-

ствительно узналъ послѣднимъ („ultimus“) послѣ чего участники его неминуемо должны были погибнуть. Упоминаемые (въ ст. 334) сады принадлежали въ прежнее время Лукуллу (horti Luculliani), а потомъ Валерію Азіатику, отъ котораго перешли въ Мессалинѣ. По Тациту, она удалилась туда уже послѣ брака, опасаясь отмщенія Клавдія

335. Здѣсь обозначено приданое Мессалины въ миллионъ сестерцій: Къ „decies centena“ нужно добавить millia sestercium и разумѣются здѣсь не sestercii, а sestercia (sestercium=1000 сестерцій). Подъ „Signatores“ разумѣются свидѣтели, которые подписывали брачныя условія (рукоприкладчики).

355. „Tomacula“ схолиастъ объясняетъ: „pinguia quaedam viscera“, стало быть, нѣчто въ родѣ нашихъ рубцовъ, а также сосиски или колбасы изъ свиного мяса, которое римляне очень любили. Это было дешевое кушанье, обычное въ римскихъ тавернахъ, какъ видно изъ Марціала (1,41), гдѣ онъ сокращенно пишетъ „tomacula“.

366. Прекрасное двустипіе, которымъ заканчивается сатира, повторяется и въ XIV сат. въ ст. 310 и слѣд. Такія повторенія не рѣдкость у Ювенала и приписывать ихъ позднѣйшимъ искаженіямъ или вставкамъ нѣтъ никакой нужды: таковъ былъ обычай поэта. Кромѣ того, отмѣтимъ въ стихѣ 365 вариантъ „habes“ и „abest“, при чемъ каждое изъ этихъ чтеній имѣетъ своихъ послѣдователей. Въ первомъ случаѣ смыслъ такой: ты, Фортуна, не имѣешь въ себѣ ничего божественнаго (вовсе не божество), если мы разумны, а во второмъ — всѣ боги за насъ и проч. Какъ въ стилистическомъ отношеніи, такъ и со стороны общей логической послѣдовательности, второе изъ означенныхъ чтеній, кажется мнѣ, удобнѣе перваго.

И. Благовѣщенскій.

ЗАДАЧИ СОВРЕМЕННОЙ ЗООЛОГИИ ¹⁾.

Unsere Pflicht Arbeit, unsere Recht
freie Forschung — unsere Genugthu-
ung Feststellen eines Körnchens Wahr-
heit zum Wohle des Menschen—unsere
Hoffnung—Erkenntniss!

Eimer.

I.

Въ различные періоды развитія нашей науки господствовали различные направленія. Строго говоря, прочный и нормальный ростъ каждой науки, конечно, основывается на гармоническомъ и пропорціональномъ ростѣ всѣхъ ея частей. Однако это положеніе примѣнимо только при разсужденіи о громадныхъ періодахъ. Обыкновенно же въ ту или другую историческую эпоху работающая мысль устремляется въ ту или другую область данной науки, придавая тѣмъ самымъ этой отрасли значеніе преобладающей. Обусловливается подобное явленіе, конечно, не личными симпатіями и склонностями работниковъ даннаго времени, а болѣе глубокими законами развитія науки, выдвигающими на очередь вопросы того или другаго свойства. Еще не такъ давно Дарвинъ и Уэллсъ, опираясь главнымъ образомъ на данныя біологическаго и зоогеографическаго характера, создали понынѣ господствующую теорію и тѣмъ самымъ сосредоточили вниманіе ученаго міра на этихъ отрасляхъ зоологической науки.

Однако, какъ ни прочно были поставлены основныя положенія знаменитой книги Дарвина, они никогда не получили бы характера

¹⁾ Вступительная лекція, читанная въ 1889 г. въ С.-Петербургскомъ университетѣ.

осязательности, еслибы не были блистательно подтверждены данными морфологии, эмбриологии и палеонтологии. Развѣ не былъ бы правъ любой скептикъ (а таковымъ долженъ быть каждый изслѣдователь), сказавъ: Если вы утверждаете генетическую преемственность формъ, то прежде всего покажите мнѣ ее во-очію? Теперь, благодаря успѣхамъ трехъ вышеупомянутыхъ отраслей зоологии, мы съ помятною гордостью укажемъ на такіа блестящія приобрѣтенія, какъ теорія конечностей, теорія единства развитія, генеология копытныхъ и т. п. Вотъ почему переживаемый нами періодъ въ зоологии можетъ быть охарактеризованъ, какъ періодъ преобладанія сравнительной анатоміи и эмбриологии.

Въ эти области направлено наибольшее количество рабочихъ силъ, здѣсь работали даровитѣйшіе умы нашего времени, на этомъ воприщѣ впервые русская зоология въ лицѣ Бэра, братьевъ Ковалевскихъ, Мечникова и др. вышла изъ сферы мѣстныхъ фаунистическихъ интересовъ и сразу заняла почетное мѣсто въ всемірно-научномъ братствѣ. Знаніе добытыхъ въ этой области результатовъ является обязательнымъ для общеобразовательныхъ цѣлей.

Но современный зоологъ уже опять-таки сдѣлалъ еще шагъ впередъ. Его не удовлетворяетъ уже, напримѣръ, объясненіе прогресса въ животномъ мірѣ борьбой явленій наслѣдственности и индивидуальности; возникаетъ вопросъ о причинахъ этихъ явленій. Между тѣмъ морфология не даетъ отвѣта на подобныя вопросы. Вѣдь яйцо куриное, говоритъ Негели, на столько же отличается отъ лягушечьяго, на сколько сама курица отличается отъ лягушки. Отличія эти, очевидно, молекулярнаго характера. Зоология такимъ образомъ на нашихъ глазахъ вступаетъ въ новый періодъ развитія, которому и принадлежитъ будущее.

Идти по этой дорогѣ придется зоологу вмѣстѣ съ химикомъ и физиологомъ. Временно разошедшіяся въ разныя стороны отрасли естествознанія, разошедшіяся въ силу неизбежныхъ при историческомъ развитіи условій спеціализаціи, встрѣчаются опять на поприщѣ рѣшенія величайшихъ мировыхъ задачъ.

Надо сознаться, что въ данномъ направленіи покуда сдѣлано очень мало: мы имѣемъ одвѣ гипотезы и попытки. Пусть эти попытки неудачны, пусть эти гипотезы ложны, но онѣ бросаютъ нѣкоторый свѣтъ впередъ, освѣщая тотъ путь, по которому направится работа будущаго.

II.

La vie, c'est le germe et le germe,
c'est la vie.

Pasteur.

Приступая къ изученію одной изъ отраслей біологіи, весьма естественно задаться вопросомъ о границѣ между міромъ неорганическимъ или, правильнѣе, неорганизованнымъ, и міромъ организованнымъ. Чѣмъ отличаются явленія, наблюдаемыя въ животныхъ и растеніяхъ, отъ явленій такъ-называемой мертвой — *sit venia verbo* — природы? Не существуетъ ли какихъ-либо глубокихъ отличій въ химическомъ отношеніи между тѣлами того и другаго міра? Наконецъ, тѣ ли же самыя силы работаютъ въ организмахъ, съ какими мы имѣемъ дѣло въ нашихъ лабораторіяхъ?

Одинъ изъ замѣчательныхъ мыслителей нашего вѣка опредѣляетъ жизнь, какъ „опредѣленное сочетаніе разнородныхъ измѣненій, одновременныхъ и послѣдовательныхъ, въ соотвѣтствіи съ внѣшними сосуществованіями и послѣдовательностями“.

Не будемъ пугаться нѣсколько тяжеловѣсной формы этого опредѣленія; каждое слово его внесено на основаніи пѣлаго ряда строгологическихъ умозаключеній и ни одно слово не можетъ быть отброшено безъ нарушенія полноты самого опредѣленія. Но тѣмъ не менѣе послѣднее подчеркнутое нами свойство на столько характерно для организмовъ, что оно одно указываетъ на сущность различія между живою и мертвою природой.

Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть характернѣе для живаго существа, какъ его отзывчивость на измѣненія въ окружающей средѣ, будь то измѣненіе температуры или прикосновеніе съ другимъ тѣломъ?

Положимъ, разсуждаетъ далѣе Спенсеръ, котораго я только что цитировалъ, неорганизованныя тѣла также подлежатъ измѣненіямъ въ зависимости отъ измѣненій среды. Это знаетъ каждый изъ ежедневнаго опыта. Но стоитъ прослѣдить за дальнѣйшею судьбой вызваннаго въ живомъ тѣлѣ измѣненія, чтобы убѣдиться въ различіи явленій: каждое измѣненіе живаго тѣла вызываетъ неизбѣжно другія измѣненія, притомъ эти послѣднія удивительнымъ образомъ стоятъ въ соотвѣтствіи съ окружающими условіями.

Прикоснитесь къ любой части тѣла какого-нибудь высшаго животнаго, — вы вызовете опредѣленное измѣненіе въ нервномъ веще-

ствѣ, это измѣненіе черезъ рефлекторный аппаратъ передается мышцамъ, и результатомъ передачи будетъ выполнѣ цѣлесообразное движеніе ноги или другой части тѣла, къ которой вы прикоснулись: животное отдернетъ ее. Поднимите температуру окружающей васъ среды,—вы вызовете выполнѣ цѣлесообразное выдѣленіе пота, являющееся конечнымъ членомъ цѣлаго ряда измѣненій, вызванныхъ перемѣной температуры.

Ничего подобнаго не замѣтите при измѣненіяхъ, вызванныхъ въ мертвыхъ тѣлахъ: опредѣленное измѣненіе среды вызываетъ въ нихъ только опредѣленное измѣненіе химическихъ и физическихъ свойствъ, но на этомъ дѣло и останавливается. Иначе и быть не можетъ, ибо сама жизнь есть не что иное, какъ „безпрерывное приспособленіе внутреннихъ отношеній къ внѣшнимъ“. Гдѣ есть жизнь—тамъ есть приспособленіе, и на оборотъ, приспособленіе есть вѣрный признакъ жизни.

Другая прежде всего бросающаяся въ глаза особенность организмовъ—это ихъ ростъ. Спенсеръ не совсѣмъ правъ, говоря, что ростъ не болѣе, какъ характерная черта, а отнюдь не особенность организмовъ.

Безусловно вѣрно, что растетъ кристаллъ, растетъ геологическое отложение, растутъ многія неорганизованныя тѣла, но ростъ организма глубоко отличается отъ роста кристалла и тому подобныхъ тѣлъ. Де-Кандоль называетъ ростъ организмовъ формативнымъ или пластическимъ, ибо онъ приводитъ къ образованію формъ. Кристаллъ образуется согласно извѣстному порядку соединенія опредѣленныхъ частицъ, но никогда кристаллизующееся вещество не переходитъ изъ одного кристаллическаго состоянія въ другое. Созданная человекомъ машина напоминаетъ организмъ по координированности движеній, но созданіе машины, обладающей пластическимъ ростомъ и способностью воспроизвести другую себѣ подобную машину, внѣ силъ человѣка.

Конечно, пластическій ростъ, какъ частный случай движенія, есть все-таки результатъ предварительной внутренней физической и химической работы. Возьмите растеніе въ стадіи сѣмени, которое, какъ показалъ Фавръ, способно при извѣстныхъ условіяхъ пролежать со времени ледниковаго періода до нашихъ дней въ состояніи покоя и обратите вниманіе, какъ это дѣлаетъ Де-Кандоль, при какомъ измѣненіи этихъ условій покой смѣнится дѣятельностью. Нужно воздѣйствіе жидкости, воздѣйствіе кислорода, а для дальнѣйшаго роста нужно

воздѣйствіе свѣта. Въ растеніяхъ видоизмѣненіе физическаго и химическаго движенія, повидимому, ограничивается исключительно движеніемъ пластическимъ, но въ животномъ организмѣ существуетъ другое видоизмѣненіе тѣхъ же силъ: движенія нервныя. Недавній споръ между Готье, съ одной стороны, и Ришэ и Герценомъ—съ другой, невольно наводитъ на мысль, что всѣ попытки разсматривать нервныя движенія (въ широкомъ смыслѣ), какъ нѣчто не подлежащее закону преемственности силъ, основаны частью на дурно понятыхъ наблюденіяхъ, частью на недоразумѣніяхъ.

Впрочемъ, нервныя движенія не есть обязательная принадлежность организма и для нашей цѣли вполне достаточно установить, что пластическій ростъ, будучи видоизмѣненіемъ процессовъ, вызванныхъ внѣшними вліяніями, есть частный случай внутренняго измѣненія организма въ соотвѣтствіи съ измѣненіемъ внѣшнихъ условий. Мы пришли, хотя другимъ путемъ, къ тому же Спенсеровскому опредѣленію жизни, съ коего начали. Если дѣйствующія внутри организма силы суть тѣ же естественныя силы природы, которыя дѣйствуютъ и внѣ его, если тѣ частные случаи кажущихся исключеній, на какіе указываетъ, напримѣръ, Бунге и другіе виталисты, не болѣе какъ результаты неполноты нашихъ свѣдѣній, то почему же синтетическое созданіе организма составляетъ до сихъ поръ непреодолимую задачу?

Допустимъ, что различіе между живой и мертвой плазмой чисто молекулярнаго характера, но мы не въ состояніи создать и мертвой плазмы. Вопросъ сводится, конечно, не къ тому, на сколько велики или малы успѣхи химіи бѣлковыхъ веществъ, а къ тому, можемъ ли мы надѣяться при современномъ направленіи сказанной отрасли химической науки на желанное торжество синтеза?

Предоставимъ отвѣтить на этотъ вопросъ самимъ химикамъ. Послушаемъ Пастѣра. Всѣ окружающіе насъ предметы могутъ быть раздѣлены на двѣ категоріи: одни изъ нихъ имѣютъ плоскость симметріи, то-есть, могутъ быть раздѣлены на двѣ симметричныя половины, другіе—на оборотъ—являются диссимметричными. Тѣло человѣческое симметрично, но отдѣльныя части его—рука, ухо, глазъ и т. п. диссимметричны. То же можно сказать о молекулярной симметріи химическихъ соединеній: въ природѣ есть вещества съ диссимметрической группировкой атомовъ и съ симметрической. Извѣстны вещества, которыя, будучи совершенно тождественны по составу, тѣмъ не менѣе различно относятся къ поляризованному лучу: одни откло-

няютъ его влѣво, другія—вправо. Изученіе кристаллической формы подобныхъ веществъ показало, что и кристаллы ихъ диссимметричны, при чемъ уже по направленію геміэдрическихъ плоскостей можно судить, влѣво или вправо будетъ отклонять растворъ данной соли поляризованный лучъ. Для многихъ соединений мы не знаемъ ихъ диссимметрическихъ двойниковъ, хотя аргюгі возможно ихъ существованіе: мы знаемъ только лѣвую бѣлковину, только лѣвый хининъ, но не знаемъ правыхъ. Рядомъ съ подобными веществами мы встрѣчаемъ въ природѣ соединенія симметрическія, не оказывающія никакого вліянія на поляризованный лучъ. Интересно, что иногда эти вещества бывають тождественны по составу съ диссимметрическими и въ такомъ случаѣ въ составъ ихъ входятъ кристаллы двойкіе: правые и лѣвые.

Обратимся теперь къ организмамъ и увидимъ замѣчательную особенность: большинство веществъ, входящихъ въ составъ животныхъ и растений, диссимметричны. „... Когда солнечный лучъ падаетъ на зеленый листъ“, говоритъ Пастеръ, — „и углеродъ угольной кислоты, водородъ воды, азотъ аммоніака и кислородъ той же кислоты и той же воды образуютъ составныя части растенія, обуславливающія его ростъ, тогда образуются тѣла диссимметричныя. На оборотъ, если вы начнете соединять самими разнообразными способами тѣже самые элементы — будь вы наиболѣе искусный изъ химиковъ — вы получите всегда соединеніе, не представляющее диссимметрію“.

Синтезъ, происходящій въ нѣдрахъ организма, даетъ диссимметрическое соединеніе; синтезъ нашей лабораторіи, то-есть, синтезъ мертвой природы, даетъ соединенія симметрическія.

Въ чемъ же причина этого различія? Пастеръ полагаетъ, что химикъ не располагаетъ тѣми диссимметрическими силами, которыя находятся въ распоряженіи природы.

Солеонидъ, земля съ ея электрическими токами по схемѣ Ампера, сама солнечная система съ ея движеніемъ въ сущности тѣла диссимметрическія. Подобно тому, какъ диссимметрическія соединенія организмовъ есть продуктъ дѣятельности силъ диссимметрическихъ, само мірозданіе—проявленіе тѣхъ же силъ. Тайна микрокосма и тайна макрокосма задернуты общею завѣсой. Заставьте работать въ вашихъ лабораторіяхъ диссимметрическія силы магнетизма, свѣта и т. п., обратитесь къ диссимметрическимъ соединеніямъ и вы приблизитесь болѣе къ живой природѣ. Итакъ, организованный міръ отличается

отъ міра неорганизованнаго двумя особенностями: вопервыхъ, присушею всѣмъ организованнымъ тѣламъ въ живомъ состояніи способностью реагировать соотвѣтственными и внутренними измѣненіями на измѣненія внѣшнія; вовторыхъ, преобладаніемъ диссиметрическихъ соединеній въ составѣ организмовъ.

Различіе между животнымъ и растительнымъ организмомъ теряется при изученіи низшихъ представителей того и другаго царства, ибо, конечно, жизнь явилась изъ одного источника, только въ послѣдствіи раздѣлившася на два гигантскихъ потока. Тѣмъ не менѣе, если отвлечься отъ отдѣльныхъ исключеній, каковы грибы, насѣкомоядныя растенія и т. п., то различіе между этими потоками можетъ быть характеризовано двумя, однако отрицательнаго свойства, чертами: ни одно животное не можетъ создать синтетически крахмала и бѣлка, что дѣлаетъ большинство растеній; ни одно растеніе не обладаетъ способностью превращать физическія и химическія движенія въ нервныя, что дѣлаетъ значительное большинство животныхъ.

Какъ слѣдствіе перваго положенія вытекаетъ и различіе ролей растительнаго и животнаго міра въ экономіи природы: синтезъ характеризуетъ первый міръ, анализъ — второй.

III.

La fécondation est la condition de la continuité de la vie. Par elle le générateur échappe à la mort.

V an - B e n e d e n.

Основная составная часть организмовъ, даже болѣе — единственное способное къ жизни въ указанномъ смыслѣ вещество—это протоплазма, то-есть, смѣсь бѣлковыхъ соединеній, для коихъ не только раціональная, но и эмпирическая формула не установлена. Въ какой же формѣ является протоплазма въ природѣ? Покуда у насъ имѣется одинъ волиѣ достовѣрный отвѣтъ: въ формѣ клѣтокъ, то-есть, въ формѣ участковъ разнообразной формы, содержащихъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ особое измѣненіе той же плазмы—ядро.

Роль этого послѣдняго, какъ увидимъ, на столько важна въ жизни клѣтки, что тѣ случаи, когда описывались клѣтки безъядерныя, заслуживаютъ особаго вниманія. Къ нѣкоторымъ изъ этихъ случаевъ, какъ, напримѣръ, къ описаннымъ Геккелемъ монерамъ, мы, ка-

жется, въ правѣ отнести скептически, въ другихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ клѣтками и организмами утерявшими ядро. Исключеніе составляютъ едва ли не однѣ бактеріи, но и тутъ затруднительно сказать, имѣемъ ли мы дѣло съ безъядерными организмами или съ ядрами, почти лишёнными плазмы?

Оставляя въ сторонѣ бактерій, мы приходимъ къ заключенію, что единицей современнаго организованнаго міра является клѣтка. А ргіогі, конечно, должны были существовать организмы болѣе простые, чѣмъ клѣтки, но мы не можемъ сказать и здѣсь, какъ и по отношенію къ бактеріямъ, въ чемъ состояло упрощеніе: въ отсутствіи ядра или въ отсутствіи плазмы?

Клѣточная теорія — одно изъ капитальнѣйшихъ пріобрѣтеній нашего столѣтія, когда и было собственно закончено ея построеніе, начало котораго нужно отнести чуть ли не къ XVII столѣтію. Всѣ попытки поколебать это прочное зданіе до сихъ поръ оставались безуспѣшными.

Можно выставить, какъ основное положеніе современной морфологіи, что каждый организмъ представляетъ собою или клѣтку, или колонію клѣтокъ. У простѣйшихъ животныхъ, гдѣ одноклѣточность является преобладающей, но гдѣ встрѣчаются однако и колоніи, каждый членъ послѣднихъ сохраняетъ извѣстную долю независимости и потенциально каждый членъ обладаетъ основными свойствами клѣтки: раздражимостью, способностью къ движенію, питанію и размноженію. У высшихъ животныхъ каждая особь точно также проходитъ стадію одноклѣточного организма или яйца—*omne vivum ex ovo*; точно также путемъ дѣленія этой первичной клѣтки образуется колонія клѣтокъ, но далеко не всѣ члены колоніи остаются равнозначущими. Развиваясь или другія изъ основныхъ свойствъ въ ущербъ прочимъ, иначе говоря специализируясь и раздѣляя физиологическій трудъ между собой, клѣтки высшаго организма слагаются въ агрегаты однородныхъ клѣтокъ или ткани, и весьма часто совершенно теряютъ свою самостоятельность. Способность къ воспроизведенію новой особи сохраняется за немногими клѣтками, половыми.

Если каждая клѣтка колоніи простѣйшихъ обладаютъ способностью къ воспроизведенію новой особи, то очевидно, что подобную колонію мы можемъ разсматривать, какъ агрегатъ половыхъ клѣтокъ, а каждое простѣйшее животное, какъ свободную половую клѣтку. Конечно, можно указать на необходимость слиянія двухъ половыхъ клѣтокъ у высшихъ животныхъ—мужской и женской, для

образованія новой особи, но это указаніе въ сущности нисколько не противорѣчитъ нашему положенію. Съ одной стороны, во многихъ случаяхъ при размноженіи высшихъ животныхъ особъ можетъ развиться на счетъ одной женской клѣтки безъ участія мужской, партеногенетически, какъ выражаются зоологи. Но и мужская клѣтка потенциально обладаетъ способностью къ воспроизведенію новой особи, что особенно хорошо видно на растеніяхъ, напримѣръ, на хвойныхъ, гдѣ мужской элементъ обладаетъ способностью къ проростанію, какъ и женскій. У животныхъ мужская клѣтка слишкомъ специализировалась, но все-таки при извѣстныхъ условіяхъ обладаетъ способностью начать дѣлиться, то-есть, развивать колонію. Съ другой стороны, у простѣйшихъ также существуетъ процессъ, аналогичный оплодотворенію, процессъ состоящій въ полномъ или временномъ сліянніи двухъ или болѣе особей, при чемъ эти особи иногда одинаковы, а иногда представляютъ значительное различіе въ величинѣ, формѣ и т. п., напоминающее различіе между женскою и мужскою половую клѣткою у высшихъ животныхъ.

Морфологическая сторона оплодотворенія сводится къ сліяннію двухъ клѣтокъ, а равно ихъ ядеръ. Морфологическая сторона аналогического процесса у низшихъ мало изучена, но при временномъ сліянніи ядра двухъ особей также приходитъ въ тѣсное соприкосновеніе. Аналогія полная: что же касается до сущности того и другаго процесса, то они оба покуда остаются тайной. Фразы въ родѣ: обновленіе соковъ, усиленіе производительной способности и т. п. остаются ничего не объясняющими фразами.

Продолжимъ нашу аналогію дальше: всѣ виды размноженія простѣйшихъ могутъ быть сведены къ простому дѣленію. Простѣйшее животное не умираетъ: оно дѣлится. Конечно, механическая смерть возможна, но принципиально каждое простѣйшее является бессмертнымъ. Обратимся къ высшимъ животнымъ. Смерть тамъ составляетъ естественный, фізіологически необходимый процессъ, но опять-таки умираетъ не вся особь. Ея половыя клѣтки размножаются, создаютъ новое поколѣніе, однимъ словомъ переживаютъ особь. Но вѣдь половыя клѣтки этого новаго поколѣнія повторять то же самое и т. д. до безконечности, на сколько это слово примѣнимо къ жизни нашей планеты. Половыя клѣтки высшихъ животныхъ, подобно простѣйшимъ, являются бессмертною частью организма, нитью, связующею яды смертныхъ поколѣній.

IV.

Ohne Hypothese und Theorie
giebt es keine Naturforschung.
Weismann.

Консервативный элемент природы живаго организма составляет способность половой кѣтки создавать особь, тождественную съ особью, которой эта кѣтка принадлежала, иначе говоря, наследственность.

Полная тождественность однако никогда не достигается, ибо одновременно дѣйствуетъ другой могучій факторъ: стремленіе къ индивидуальности. Поэтому весьма естественны вопросы, въ чемъ лежитъ причина явленій наследственности и индивидуальности? Какія свойства организмовъ наследственны, какія нѣтъ? Первая попытка научно отвѣтить на эти вопросы принадлежитъ Дарвину. Причину явленій наследственности, конечно, нужно искать въ молекулярномъ составѣ половыхъ кѣтокъ, что Дарвинъ и дѣлаетъ. Онъ предполагаетъ, что половыя кѣтки есть комплексъ мельчайшихъ частицъ, отдѣлившихся отъ всѣхъ кѣтокъ организма. Если каждая подобная частица есть носительница всѣхъ свойствъ той кѣтки, отъ которой она произошла, то понятно, что половая кѣтка будетъ носить въ себѣ въ скрытомъ состояніи свойства всѣхъ кѣтокъ организма. Эта гипотеза, на которую самъ Дарвинъ смотрѣлъ какъ на временную, въ настоящее время имѣетъ только историческое значеніе. Можно доказать, что незначительная величина половыхъ кѣтокъ прямо противорѣчитъ этой гипотезѣ, хотя бы каждая предполагаемая частица не превосходила своею величиной минимальной бѣлковой молекулы.

Для насъ гораздо важнѣе, какъ смотрѣлъ Дарвинъ на вопросъ о происхожденіи индивидуальныхъ уклоненій и передачи ихъ по наследству. „Изъ фактовъ, приведенныхъ въ этой главѣ“, говоритъ Дарвинъ, — „мы можемъ заключить, что измѣнчивость органическихъ существъ при одомашненіи, не смотря на свою общность, не составляетъ однако необходимаго спутника развитія или размноженія, но зависитъ отъ условій, которымъ подвергались родители“. „Нѣкоторыя измѣненія являются вслѣдствіе прямого дѣйствія окружающихъ условій на весь организмъ или только на нѣкоторыя части его, а другія измѣненія обуславливаются косвеннымъ образомъ, черезъ нарушеніе производительной системы такимъ же образомъ,

часть сслхун, отд. 2.

какъ обыкновенно случается съ организмами при удаленіи изъ-подъ вліянія естественныхъ условій“.

При этомъ Дарвинъ допускаетъ наслѣдственную передачу всѣхъ сказанныхъ измѣненій. Очевидно, что признаки, пріобрѣтенные подъ непосредственнымъ вліяніемъ внѣшнихъ условій, весьма естественно съ точки зрѣнія изложенной выше гипотезы переносятся въ половыя кѣтки странствующими частицами, оторвавшимися отъ кѣтокъ, подвергнувшихся измѣненію. Съ этой точки зрѣнія возможна наслѣдственная передача даже механическихъ поврежденій.

Отмѣтимъ при этомъ, что Дарвинъ первоначальный импульсъ къ измѣненію организмовъ полагаетъ внѣ ихъ самихъ, то-есть, во внѣшнихъ условіяхъ, при чемъ иногда „всѣ или почти всѣ особи измѣняются одинаковымъ образомъ“. „Но гораздо чаще случается, что измѣненныя условія, дѣйствуютъ ли они непосредственно на организацію, или черезъ воспроизводительную систему, вызываютъ неопредѣленные, колеблющіяся измѣненія“.

Эти послѣднія и составляютъ необходимый матеріалъ для формирования новыхъ особенностей подъ вліяніемъ борьбы за существованіе.

Обратимся къ гипотезѣ Негели, представляющей вторую попытку объяснить явленія прогресса въ органическомъ мірѣ молекулярно-физиологическими измѣненіями плазмы.

Чрезвычайное несоотвѣтствіе въ величинѣ мужскихъ и женскихъ кѣтокъ, нисколько не вліяющее на одинаково постоянную и въ общемъ равносильную передачу особенностей какъ отца, такъ и матери, заставило Сакса и Негели сдѣлать допущеніе, что не вся плазма половой кѣтки есть носительница наслѣдственныхъ свойствъ, но только нѣкоторая часть ея. Негели назвалъ эту часть идиоплазмой, и прочую часть, имѣющую значеніе питательнаго запаса,—стареоплазмой. Если идиоплазма есть носительница наслѣдственныхъ свойствъ организма, то каждое такое свойство стоитъ въ причинной связи съ опредѣленнымъ молекулярнымъ построеніемъ самой идиоплазмы. Всего удобнѣе, по мнѣнію Негели, представить себѣ идиоплазму въ видѣ сѣти параллельныхъ рядовъ микроскопически невидимыхъ тѣлецъ или мицеллъ, при чемъ каждое измѣненіе въ расположеніи мицеллярныхъ рядовъ соотвѣтствуетъ тому или другому наслѣдственному измѣненію свойствъ организма. Чѣмъ выше организмъ, чѣмъ разнообразнѣе и многочисленнѣе его наслѣдственныя свойства, тѣмъ сложнѣе строеніе идиоплазматической сѣти.

Внѣшнія условія, конечно, вліяютъ на организмъ, но чаще всего

измѣненія, возникшія подѣ влияніемъ этихъ условій, существуютъ только, пока существуютъ сами условія. Правда, внѣшнія влиянія при извѣстной степени напряженія и концентраціи въ теченіи долгаго времени могутъ вызвать наследственныя измѣненія, но эти наследственныя измѣненія носятъ всегда характеръ приспособленія къ средѣ и условіямъ жизни. Главный же импульсъ прогрессивныхъ измѣненій лежитъ, вопреки Дарвину, въ самихъ организмахъ, въ свойствѣ идиоплазмы къ прогрессивному совершенствованію подѣ влияніемъ внутренняго побужденія.

Для того, чтобъ объяснить передачу измѣненій, происходящихъ въ организмѣ по наследству, Негели допускаетъ, что всѣ части идиоплазмы организма находятся въ непрерывной связи, такъ что всякое, даже строго локализованное, измѣненіе мицеллярныхъ рядовъ произведетъ перетасовку мицеллъ во всемъ организмѣ, ergo и въ половыхъ клѣткахъ. Поэтому всякое измѣненіе мицеллярныхъ рядовъ неизбежно вызоветъ измѣненіе свойствъ слѣдующаго поколѣнія, хотя иногда эти измѣненія могутъ долгое время, даже въ теченіе вѣсколькихъ поколѣній оставаться въ скрытомъ, летаргическомъ состояніи, но при благопріятныхъ обстоятельствахъ могутъ проявляться со всей силой. Отсюда понятны явленія перемежаемости поколѣній, когда, напримѣръ, въ двухъ слѣдующихъ другъ за другомъ поколѣніяхъ одного и того же вида проявляются поочередно совершенно различныя, но тѣмъ не менѣе постоянныя свойства и особенности организациі. Оплодотвореніе, то-есть, смѣшеніе мицеллярныхъ рядовъ отца и матери, а равно и скрещиваніе, то-есть, смѣшеніе мицеллярныхъ рядовъ двухъ видовъ, особенно способствуетъ проявленію зачатковъ, находившихся въ скрытомъ состояніи.

Самый ростъ организма есть процессъ вѣдренія новыхъ мицеллъ безъ измѣненія въ расположеніе рядовъ. Поэтому ростъ не ведетъ къ измѣненію свойствъ слѣдующаго поколѣнія. Но малѣйшее измѣненіе въ расположеніи выражается въ появленіи или исчезновеніи того или другаго признака; а такъ какъ это измѣненіе распространяется каждый разъ на всѣ клѣтки организма, то потенциально каждая клѣтка послѣдняго можетъ воспроизвести новую особь или новую часть тѣла. Отсюда понятны явленія возстановленія утерянныхъ органовъ, явленія размноженія при помощи дѣленія и почкованія у высшихъ животныхъ, когда часть животнаго вырастаетъ въ новую особь.

Не будемъ вдаваться въ дальнѣйшія детали изложенія этой те-

оріи. Онѣ составляютъ логическое развитіе вышеизложенныхъ основъ ея. Главнѣйшее отличіе біологической стороны этой теоріи отъ таковой Дарвина, конечно, лежитъ въ принципѣ внутреннего импульса къ прогрессу, тогда какъ внѣшнія вліянія вызываютъ только явленія приспособленія, а борьба за существованіе имѣетъ чисто отрицательное значеніе, въ смыслѣ фактора, способствующаго вымиранію промежуточныхъ стадій.

Молекулярная сторона теоріи Негели отличается отъ Дарвиновой допущеніемъ потенциальной идентичности свойствъ всѣхъ клѣтокъ организма при условіи ихъ взаимной связи. По поводу взгляда Негели на значеніе внѣшнихъ условій и на главный импульсъ къ прогрессу весьма остроумное замѣчаніе дѣлаетъ Вейсманъ. Чтобы убѣдиться въ неудобствѣ Негелевыхъ воззрѣній, стоитъ ихъ приложить къ какому-нибудь конкретному случаю. Вейсманъ беретъ для примѣра группу китовъ, имѣвшихъ несомнѣнно предками наземныя формы. Нѣтъ ни одной системы органовъ у китовъ, которая не несла бы очевидныхъ чертъ приспособленія къ водной жизни. Стоитъ намъ мысленно отнять у китовъ эти характерныя черты, вызванныя приспособленіемъ, получается „не болѣе, какъ общая схема млекопитающаго; но вѣдь она была представлена и ранѣе появленія китовъ ихъ предками“. Отсюда мы должны заключить, что внутреннее стремленіе къ совершенствованію не принимало никакого участія въ созданіи китообразныхъ, а отнестись послѣднее всецѣло на долю внѣшнихъ условій и приспособленія къ нимъ.

Въ животномъ царствѣ крайне многочисленны случаи ретроградациі или упрощенія животныхъ, особливо подъ вліяніемъ паразитизма, — явленіе, возможное только при условіи приостановки дѣятельности этого внутреннего импульса. Допущеніе этой внутренней силы, оказывается, вноситъ большую путаницу въ пониманіи отдѣльныхъ фактовъ, но также мало помогаетъ общему разумнѣю прогресса, какъ и старое натурфилософское воззрѣніе на этотъ предметъ Ламарка и Эразма Дарвина. По мнѣнію дѣда гениальнаго творца современной генетической теоріи, то „живое волокно“, отъ котораго произошли всѣ теплокровныя животныя, было одарено способностью „совершенствоваться въ силу своей собственной врожденной дѣятельности“. Съ другой стороны, для торжества гипотезы Негели необходимо доказать взаимную связь всѣхъ клѣточныхъ элементовъ животнаго организма, то-есть, необходимо доказать

гипотезу Гейцманна, на что очень мало надежды. Въ животномъ организмѣ рядомъ съ элементами, стоящими между собою въ связи, на которые ссылается Гейцманнъ, имѣются элементы совершенно свободные и прямо противорѣчащіе своимъ присутствіемъ, какъ это замѣчаетъ Келликеръ, упомянутой гипотезѣ. Мало того: цѣлый рядъ соображеній говоритъ за то, что идиоплазма Негели представлена ядернымъ веществомъ. Роль ядра при оплодотвореніи на столько громадна, что не невѣроятны случаи, когда только одно ядро и играетъ роль оплодотворяющаго элемента, какъ это описалъ Страсбургеръ. Опытныя изслѣдованія простѣйшихъ показали, что оторванные части этихъ животныхъ только въ томъ случаѣ обладаютъ восстановительной способностью, если содержатъ въ себѣ ядерное вещество. Келликеръ цѣлымъ рядомъ соображеній показалъ, что ростъ и формировка организмовъ главнымъ, хотя не исключительнымъ, образомъ зависятъ отъ дѣятельности ядеръ. Если же мы, въ силу этихъ соображеній, допустимъ, что идиоплазма представлена ядернымъ веществомъ, то отсутствіе всякой связи между отдѣльными участками идиоплазмы, то-есть, ядрами клѣтокъ, дѣлается очевиднымъ, и очевидна также бездоказательность одного изъ главныхъ положеній Негели. Оставимъ пока въ сторонѣ вопросъ о внѣшнихъ вліяніяхъ. Къ нему мы еще вернемся. Если же мы допустимъ, что между отдѣльными частицами идиоплазмы нѣтъ никакой связи, то какимъ образомъ объяснить механизмъ передачи наслѣдственныхъ свойствъ?

Послѣднюю и новѣйшую попытку отвѣтить на этотъ вопросъ дѣлаетъ Вейсманнъ. Мы видѣли выше, что половыя клѣтки являются какъ бы непрерывною, не умирающею нитью, связующею рядъ смертныхъ организмовъ. Стоитъ допустить, какъ это дѣлаетъ Вейсманнъ, что ядерное вещество половыхъ клѣтокъ, являющееся носителемъ наслѣдственныхъ свойствъ, передается изъ одного поколѣнія въ другое безъ кореннаго измѣненія, и намъ станетъ понятенъ механизмъ передачи наслѣдственныхъ свойствъ. Извѣстное постоянство молекулярнаго строенія ядернаго вещества половой клѣтки, или зародышевой плазмы, по терминологіи Вейсманна, есть необходимое условіе постоянства наслѣдственной формы. Для теоріи Вейсманна нѣтъ логической необходимости доказывать непосредственную преемственность половыхъ клѣтокъ, для нея достаточно допущенія преемственности и непрерывности зародышевой плазмы, молекулы которой могутъ быть разсѣяны въ ядрахъ той или другой ткани. Не надо смѣшивать

поватія идіоплазмы Негели съ зародышевою плазмой Вейсманна. Последняя есть идіоплазма половыхъ кѣтокъ, а идіоплазма прочихъ кѣтокъ организма, хотя и есть производное той же зародышевой плазмы, но является значительно упрощенною. Зародышевая плазма заключаетъ въ себѣ свойства идіоплазмы всѣхъ будущихъ кѣтокъ организма. Свойства эти распредѣляются впоследствии между отдѣльными кѣтками организма, что обусловливается распредѣленіемъ между этими кѣтками различныхъ молекулъ зародышевой плазмы.

Если гипотеза Вейсманна объясняетъ передачу наследственныхъ свойствъ, то какъ же объяснить передачу признаковъ, приобретенныхъ организмомъ? Вейсманнъ разрубаетъ узелъ: приобретенные подъ вліяніемъ внѣшнихъ воздѣйствій признаки вовсе не передаются. Покуда мы имѣемъ дѣло съ простѣйшими, гдѣ размноженіе равнозначуще съ послѣдовательнымъ дѣленіемъ, передача благоприобретенныхъ особенностей остается возможною. Разъ возникаетъ половое размноженіе, зародышевая плазма становится внѣ условій передачи подобныхъ признаковъ. Тысячелѣтія отдѣльныя народности говорятъ все тѣмъ же языкомъ, однако дѣти остаются все-таки одинаково и безразлично воспримчивы къ изученію языка своего или иноземнаго. Тысячелѣтія самки многихъ животныхъ изъ поколѣнія въ поколѣніе лишаются дѣвственной плевы, однако потомство попрежнему рождается съ нею.

Если не внѣшнія условія и не внутренній импульсъ Негели даютъ толчокъ къ измѣненію высшихъ животныхъ, то чѣмъ же эти измѣненія обусловливаются? — Перетасовкой молекулъ при оплодотвореніи, то-есть, при сліяніи двухъ зародышевыхъ плазмъ. Если размноженіе идетъ дѣвственнымъ путемъ, безъ оплодотворенія, — нѣтъ мѣста для индивидуальныхъ колебаній.

Посмотримъ, какъ прилагается гипотеза Вейсманна къ конкретнымъ случаямъ. Возьмемъ случай кажущейся передачи признаковъ, приобретенныхъ долговременнымъ упражненіемъ, на примѣръ, сильно развитаго крыла птицы. Казалось бы, тутъ мы имѣемъ примѣръ передачи признака, не наследованнаго отъ родителей. На самомъ дѣлѣ нѣтъ. Въ силу указанной перетасовки молекулъ при оплодотвореніи появляются въ потомствѣ данной пары особи съ наклонностью къ дальнѣйшему развитію крыла рядомъ съ особями, лишенными этой наклонности, или даже съ особями, склонными къ ослабленію крыла. Между тѣмъ борьба за существованіе дѣлаетъ свое дѣло. Первые особи выживаютъ, вторыя и третья — гибнутъ. Такъ изъ поколѣнія

въ поколѣніе, а въ результатѣ постепенное, но неуклонное развитие крыла.

Возьмемъ обратный примѣръ. Крыло птицы при одомашненіи слабѣетъ. Этой судьбѣ подвержены всѣ органы, остающіеся безъ употребленія.

По толкованію Вейсманна, здѣсь происходитъ обратное явленіе. Родятся особи съ болѣе сильными и съ болѣе слабыми крыльями, какъ это имѣло мѣсто и въ натуральныхъ условіяхъ, но тамъ борьба за существованіе устраняла послѣднихъ. При одомашненіи этотъ могучій факторъ перестаетъ дѣйствовать. Переживаютъ одинаково особи съ слабыми и съ сильными крыльями, одинаково успѣшно скрещиваются и плодятся. Отсюда постепенное ослабленіе крыла у потомства, ослабленіе кажущееся на первый взглядъ вызваннымъ неупотребленіемъ, а на самомъ дѣлѣ обусловленное приостановкой борьбы за существованіе.

Извѣстно, напримѣръ, что осѣдлыя птицы и другія животныя въ мѣстностяхъ, не посѣщавшихся человѣкомъ, не обнаруживаютъ по отношенію къ послѣднему никакой боязни. Съ появленіемъ человѣка черезъ нѣсколько лѣтъ дѣлаются пугливыми, какъ и всюду. Дарвинъ объясняетъ это обстоятельство возникновеніемъ новаго инстинкта. По Вейсманну, дѣло объясняется иначе: между птицами, напримѣръ, существуютъ особи, отъ природы одаренныя рефлекторнымъ аппаратомъ, то болѣе чувствительнымъ, то менѣе. Первые болѣе способны развить пугливость до высшей степени, вторыя менѣе способны. Съ появленіемъ человѣка начинается истребленіе птицъ, при чемъ менѣе пугливыя отъ природы истребляются съ большею успѣшностью, а болѣе пугливыя имѣютъ болѣе шансовъ оставить потомство и т. д.

Наконецъ, еще одинъ примѣръ. Извѣстно, что у муравьевъ, пчелъ и другихъ, кромѣ самцовъ и самокъ, имѣются рабочія особи, то-есть, самки съ недоразвитыми половыми органами, нормально не дающія потомства. Тѣмъ не менѣе существенная роль въ жизни общины принадлежитъ именно рабочимъ. Есть нѣкоторые инстинкты, напримѣръ, рабовладѣльческій, которые по самой своей сущности могли возникнуть только послѣ обособленія въ общинѣ рабочей стаи, какъ говорятъ зоологи. Но эти инстинкты весьма часто распространяются только на рабочихъ и могли возникнуть только у рабочихъ. Спрашивается, какъ эти инстинкты могли передаться потомству, въ воспроизведеніи коего рабочіе не принимаютъ участія? Что они не пере-

даются чрезъ подражаніе, это доказывается случаями основанія новой общины иногда одною самкой, какъ показалъ Леббокъ, самкой, которая, сама будучи лишена многихъ изъ этихъ инстинктовъ, даетъ потомство, обладающее ими.

Съ точки зрѣнія Вейсманна эта передача понятна. Означенные инстинкты есть результатъ молекулярнаго измѣненія зародышевой плазмы, которое распространяется на всѣ стазы, то-есть, и на самцовъ, и на самокъ, и на рабочихъ. Но у половыхъ особей эти инстинкты остаются въ скрытомъ, летаргическомъ состояніи, а у рабочихъ получаютъ полное развитіе. Всякое измѣненіе зародышевой плазмы, ведущее къ полезному для вида измѣненію инстинкта отдѣльныхъ рабочихъ особей, даетъ перевѣсъ данному виду въ борьбѣ за существованіе и, слѣдовательно, даетъ шансы на переживаніе потомства, обладающаго именно этими измѣненіями. Опыты показываютъ, что изъ оплодотвореннаго яйца пчелы развиваются смотря по условіямъ, то самки, то рабочія ¹⁾; слѣдовательно, зародышевая плазма обѣихъ стазъ тождественна, и все дѣло въ условіяхъ. Означенныхъ примѣровъ достаточно, чтобы выяснитъ суть и значеніе точки зрѣнія Вейсманна.

Посмотримъ теперь, какія возраженія могутъ быть противопоставлены изложенной гипотезѣ.

Прежде всего нужно ли допускать концентрацію всѣхъ идиопластическихъ свойствъ будущихъ клѣтокъ организма въ половой клѣткѣ и дальнѣйшую расортировку этихъ свойствъ по отдѣльнымъ клѣткамъ, какъ это дѣлаютъ Вейсманнъ и Негели?

Съ одинаковымъ, если не съ большимъ правомъ мы можемъ допустить, что сущность развитія сводится къ видоизмѣненію основныхъ свойствъ половой клѣтки, свойствъ, можетъ быть, весьма ограниченныхъ въ числѣ, при чемъ самое видоизмѣненіе можетъ происходить то въ томъ, то въ другомъ направленіи, смотря по условіямъ ихъ дифференцированія. Свойства мышечной и нервной клѣтки, не смотря на ихъ различіе, могутъ быть рассматриваемы какъ результатъ не распределенія различныхъ свойствъ, потенциально существовавшихъ въ половой клѣткѣ, а видоизмѣненія основныхъ свойствъ этой клѣтки. „Всѣ анилиновыя краски“, говоритъ Гаттекъ, — „вѣдъ не заключены же одновременно въ самомъ анилинѣ, но могутъ быть рассматри-

¹⁾ Самцы у пчелы развиваются изъ не оплодотворенныхъ яицъ.

ваемы, какъ производныя одного основнаго вещества, получаемыя черезъ небольшія измѣненія⁴.

По видимому, правъ Вейсманнъ, утверждая, что прямыя воздѣйствія внѣшнихъ условій не передаются по наслѣдству. Въ самомъ дѣлѣ почти всѣ случаи передачи механическихъ поврежденій сомнительны, а передача болѣзней объясняется въ одномъ случаѣ ихъ инфекціоннымъ характеромъ, а въ другомъ передачей наслѣдственнаго предрасположенія къ болѣзни, составляющаго не благопріобрѣтенную особенность, а органическое свойство зародышевой плазмы. Однако, Броунъ-Секаръ описалъ случай передачи по наслѣдству эпилепсіи у морскихъ свинокъ, вызванной ударами молотка по головѣ.

Наконецъ, не слишкомъ ли далеко зашелъ Вейсманнъ, поставивъ внѣшнія вліянія въ слишкомъ узкія рамки? Вѣдь онъ хотя и допускаетъ вліяніе внѣшнихъ условій на половыя кѣтки и черезъ это на потомство, но эти вліянія будто бы вовсе не ведутъ къ возникновенію индивидуальныхъ уклоненій, и лишь ведутъ къ образованію климатическихъ варіететовъ, при чемъ всѣ индивиды данной мѣстности подчиняются измѣненію одинаково.

Не ставятся ли такимъ образомъ половыя кѣтки въ условія слишкомъ различныя отъ условій, принимаемыхъ для всѣхъ кѣтокъ организма?

IV.

„И только тогда, когда прогрессъ организмовъ будетъ генетически связанъ съ прогрессомъ вообще, можно будетъ справедливо сказать, что онъ истолкованъ“.

Спенсеръ.

Разберемся въ важномъ вопросѣ объ измѣненіи организмовъ подъ вліяніемъ внѣшнихъ условій. Ни одно существо не стоитъ внѣ этихъ вліяній и каждый атомъ вещества находится подъ вліяніями иными, нежели другой.

Возьмемъ идеально однородное тѣло, но и оно представляетъ едва ли не наименѣе устойчивую форму; периферическія части этого тѣла будутъ въ иныхъ условіяхъ, чѣмъ центральныя. Отсюда неизбежная неустойчивость и стремленіе къ разнообразію.

Возьмемъ другой случай, когда разнородное тѣло составлено изъ однородныхъ внутри самихъ себя частицъ. Но и въ этомъ случаѣ

приведенное разсужденіе примѣнимо къ каждой однородной частицѣ и здѣсь стремленіе къ разнородности есть неизбѣжное слѣдствіе „взаимодѣйствія между организмами и переменчивымъ ихъ окружающимъ“, говоря словами Спенсера.

Выставленный Негели принципъ стремленія къ совершенству является лишнимъ и ненужнымъ. Каждое измѣненіе организма есть результатъ внѣшнихъ воздѣйствій, хотя путь для ихъ дѣятельности можетъ быть двоякъ: въ одномъ случаѣ дѣйствіе это непосредственно, въ другомъ внѣшнее воздѣйствіе вызываетъ внутреннее молекулярное измѣненіе, обуславливающее въ свою очередь измѣненіе свойствъ организма. Но исходный импульсъ въ томъ и другомъ случаѣ одинаковъ. Уничтожьте мысленно въ организмахъ способность воспринимать внѣшнія раздраженія—вы уничтожите самую жизнь. Устраните мысленно внѣшнія вліянія—вы устраните измѣчивость и прогрессъ.

Изложенное разсужденіе одинаково примѣнимо какъ къ высшимъ, такъ и низшимъ организмамъ. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ наследуются только тѣ измѣненія, которыя вызваны молекулярными измѣненіями. У простѣйшихъ означенныя измѣненія происходятъ въ самомъ организмѣ, а у высшихъ—въ половой клѣткѣ. Въ самомъ дѣлѣ, если мы оторвемъ кусочекъ тѣла простѣйшаго животного, то этотъ дефектъ не только не наследуется, но животное возстановитъ недостающую часть. Совершенно точно также, какъ ящерица возстановляетъ отрубленный хвостъ, а тритонъ отрубленную конечность. Напрасно ожидать какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, полученія потомства съ соответствующими дефектами.

Пойдемъ дальше. Извѣстно, напримѣръ, одно простѣйшее животное (амѣба), обладающее способностью переносить засуху, при чемъ ея поверхностный слой образуетъ подобіе панцыря, предохраняющаго внутреннія части. Напрашивается невольное объясненіе, что именно самое высыханіе вызвало подобную особенность въ строеніи амѣбы, но подобное заключеніе на самомъ дѣлѣ врядъ ли логично. Не естественно ли думать, что между различными особями этого вида переживали неоднократно засуху только тѣ, у которыхъ плазма имѣла уже предрасположеніе къ означенному приспособленію, а прочія особи гибли. Означенная особенность поверхностныхъ слоевъ плазмы, конечно, имѣетъ въ концѣ концовъ своею причиною внѣшнія вліянія, но было бы слишкомъ сильно утверждать, что эти внѣшнія вліянія и есть именно высыханіе. Иначе говоря, непосредственное дѣйствіе высыханія врядъ ли передается по наследству и у простѣйшаго

животнаго; что же касается до его косвенныхъ послѣдствій, то они могутъ быть весьма разнообразны и трудно сказать, каковы именно. Неоднократное высыханіе есть одно изъ условій для выработки сказанной особенности, а отнюдь не причина ея возникновенія.

Говоря вообще, мы и по отношенію къ простѣйшимъ животнымъ можемъ допустить наслѣдованіе только такихъ видоизмѣненій, которыя вызваны молекулярными измѣненіями. Если отдѣляющаяся отъ инфузоріи въ видѣ почки частица ея тѣла обладаетъ способностью воспроизвести тѣ органы, которые были характерны для особи-матери, то это только потому, что самое существованіе сказанныхъ органовъ обусловлено молекулярными свойствами плазмы, присущими какъ цѣлому, такъ и частямъ его.

Примѣнимъ вышесказанное къ высшимъ животнымъ. Въ силу независимости половыхъ кѣтокъ отъ иннервации и другихъ кѣлочныхъ элементовъ, необходимо, чтобы то или другое воздѣйствіе отразилось на самихъ половыхъ кѣткахъ, дабы быть переданнымъ потомству. Извѣстно, что алкоголизмъ и зачатіе въ пьяномъ видѣ отражается на потомствѣ. Мы не можемъ представить себѣ въ данномъ случаѣ иного дѣйствія, какъ непосредственнаго вліянія алкоголя, находящагося въ крови, на половую кѣтку. Не къ разряду ли подобныхъ явленій мы должны отнести и тѣ наслѣдственныя уклоненія, которыя получаютъ у растений вслѣдствіе измѣненія питанія? Не вызывается ли наслѣдственность эпилепсіи въ случаѣ Броуна-Секара какимъ-либо измѣненіемъ въ крови, вліяющимъ на половныя кѣтки?

Трудно отвѣтить на эти вопросы. Во всякомъ случаѣ необходимо повтореніе этихъ опытовъ и ихъ дальнѣйшее развитіе.

Извѣстны разнообразныя измѣненія въ половой сферѣ при одомашненіи, включая сюда полную потерю плодовитости, часто сопровождающую одомашненіе животныхъ. Покуда эти случаи мало разработаны и недостаточно выяснено, какой собственно факторъ при этомъ имѣетъ преобладающее значеніе ¹⁾, но во всякомъ случаѣ и этого достаточно, чтобы утверждать зависимость половыхъ элементовъ отъ внѣшнихъ условій. Если это такъ, то, не отрицая, что процессъ оплодотворенія, а еще болѣе скрещиваніе, то-есть, опло-

3

¹⁾ Нѣкоторые изъ приводимыхъ Дарвиномъ въ этомъ отношеніи примѣровъ могутъ имѣть совершенно иное объясненіе, напримѣръ, прекращеніе борьбы за существованіе и др.

дотвореніе другимъ видомъ, дѣйствительно усиливаетъ проявленіе индивидуальныхъ уклоненій и скрытыхъ свойствъ, какъ это утверждаютъ Негели и Вейсманнъ, мы врядъ ли можемъ считать эти процессы за единственный источникъ индивидуальныхъ уклоненій.

Вышеизложенное разсужденіе примѣнимо, какъ къ простѣйшимъ животнымъ, такъ и къ половымъ клѣткамъ высшихъ.

Вейсманнъ утверждаетъ, что при безполомъ размноженіи и при развитіи яйца безъ оплодотворенія индивидуальные уклоненія и прогрессъ не имѣютъ мѣста, чему приводитъ и примѣры. Было бы весьма желательно изслѣдовать въ этомъ отношеніи личинокъ одного двукрылаго, которыя, по открытію проф. Вагнера, партеногенетически развиваютъ въ себѣ новое поколѣніе личинокъ. По словамъ Вагнера, индивидуальные уклоненія у этихъ личинокъ громадны. Интересно посмотрѣть, есть ли эти уклоненія у личинокъ втораго поколѣнія. По гипотезѣ Вейсмана, это партеногенетически развившееся поколѣніе должно до мелочей повторить личинку-мать, чѣмъ болѣе чѣмъ сомнительно. Впрочемъ, если мы допустили зависимость половыхъ клѣтокъ отъ внѣшнихъ условій, то не имѣемъ никакого права утверждать, что эта зависимость приведетъ только къ огульнымъ измѣненіямъ всѣхъ особей данной мѣстности, а не къ индивидуальнымъ уклоненіямъ.

Формулируемъ сказанное: 1) Внѣшніе факторы вліяютъ на организмы или непосредственно, или вызывая молекулярныя измѣненія въ плазмѣ простѣйшихъ организмовъ и половыхъ клѣтокъ высшихъ.

2) Только вліянія втораго рода какъ у простѣйшихъ, такъ и у высшихъ передаются по наслѣдству, при чемъ они и служатъ главнымъ импульсомъ для возникновенія индивидуальныхъ уклоненій.

3) Оплодотвореніе и скрещиваніе усиливаютъ проявленіе индивидуальныхъ уклоненій, возможныхъ и при безполомъ, а также и партеногенетическомъ размноженіи.

Дѣйствительно ли явленія полового и безполого размноженія такъ далеки одно отъ другаго? Не представляютъ ли они въ сущности различныхъ ступеней одного и того же восходящаго процесса?

Въ колоніяхъ простѣйшихъ животныхъ каждая клѣтка потенциально можетъ произвести новую колонію. У высшихъ животныхъ эта способность весьма рѣдко сохраняется, напримѣръ, у губокъ, за отдѣльными комплексами клѣтокъ неполового характера. Затѣмъ, во многихъ случаяхъ клѣтки, происшедшія изъ одного эмбриональнаго листа, сохраняютъ способность производить клѣтки, хотя и другихъ тканей, но того же листа. Отсюда явленія размноженія дѣленіемъ

и почкованіемъ у высшихъ животныхъ ¹⁾). Наконецъ, воспроизводительная способность элементовъ высшаго животнаго еще болѣе ограничивается: животное можетъ воспроизвести утраченный органъ, но не себѣ подобную особь. Еще шагъ, ограниченіе идетъ дальше: человѣческій организмъ можетъ возстановить ткани, разрушенныя при раненіи, но не можетъ возстановить органъ. Но за то способность воспроизведенія новой особи у высшихъ животныхъ сохраняется за небольшимъ количествомъ клѣтокъ, называемыхъ половыми. Интересно, что при развитіи половыхъ клѣтокъ на счетъ элементовъ какой-нибудь специализированной ткани, равно какъ во всѣхъ вышеупомянутыхъ процессахъ бесполого размноженія и возстановленія органовъ и даже иногда просто при размноженіи специализированныхъ клѣтокъ, эти послѣднія утрачиваютъ черты специальной дифференцировки, упрощаются, возвращаются къ первичному индифферентному состоянію.

Если морфологически передъ тѣмъ какъ обратиться въ половую клѣтка возвращается къ первичному состоянію, то весьма вѣроятно, что она возвращаетъ и свои основныя фізіологическія свойства, которыя необходимы какъ матеріалъ для развитія специальныхъ свойствъ элементовъ будущаго поколѣнія. Если возможна редукція клѣтки къ ея основнымъ и первичнымъ свойствамъ, то является вопросъ, есть ли необходимость допускать гипотезу рассортировки первоначально сконцентрированныхъ въ половой клѣткѣ свойствъ по отдѣльнымъ клѣткамъ организма? Наконецъ, если мы допускаемъ, что однѣ клѣтки организма совершенно утратили способность къ редуцированію первичныхъ свойствъ, другія сохранили эту способность отчасти, а третьи — сполна, разъ мы допускаемъ, что эти послѣднія могутъ послѣ возврата къ первичному состоянію дать начало новому поколѣнію, то въ правѣ ли мы столь рѣзко, какъ это дѣлаетъ Вейсманнъ, противопоставить зародышевую плазму идиолазмѣ прочихъ клѣтокъ и въ правѣ ли мы только за первую признавать способность къ наследственной передачѣ свойствъ?

Не правъ ли Негели, утверждая, что потенциально каждая клѣтка организма способна воспроизвести новый и тождественный первому организмъ? Но именно только потенциально, ибо на дѣлѣ воспроизводительная способность клѣтокъ представляетъ, какъ мы видѣли, различныя степени ограниченія.

¹⁾ Тѣ случая, когда при бесполомъ размноженіи преемственность эмбриональныхъ листовъ нарушается (Сальпы, Мшанки), основаны, очевидно, на неполнотѣ и неточности нашихъ свѣдѣній.

Ограничимся изложеннымъ. Настоящее направленіе зоологін достаточно обрисовано. Оно, какъ видите, бьетъ прямо въ корень явленной, заглядываетъ въ глубь таинственныхъ процессовъ жизни и размноженія. Покуда даже врядъ ли мы можемъ говорить о направленіи. Покуда это не болѣе, какъ отдѣльныя попытки хоть издали подойти къ великой задачѣ: „найти разрѣшеніе явленіямъ природы въ механикѣ атомовъ“, какъ выражается Дюбуа-Реймонъ. Какъ ни отдаленна эта цѣль, но она мыслима. Мы можемъ представить себѣ такую степень совершенства нашихъ знаній, когда мы, сконцентрировавъ всѣ явленія окружающаго міра въ математической формулѣ, будемъ въ состояніи опредѣлить скорость и направленіе каждаго атома вселенной. Достигнувъ этого идеала Лейбница и Лапласа, мы однако „не болѣе, какъ систематизируемъ нашъ опытъ“, говоря словами Спенсера, — „несколько не расширивъ его предѣловъ“. Пусть мы будемъ въ состояніи, продолжаетъ Дюбуа-Реймонъ, возсоздать не только Цезаря, но и Цезаря въ моментъ перехода черезъ Рубиконъ, соединивъ всѣ атомы составляющіе тѣло героя со всѣми имъ присущими силами и движеніями.

Но поймемъ ли мы, почему данное состояніе атомовъ въ тѣлѣ Цезаря вызвало опредѣленныя ощущенія, мысли и стремленія? Можемъ ли мы уразумѣть, почему мысль можетъ явиться результатомъ движенія атомовъ? Дюбуа-Реймонъ отвѣчаетъ отрицательно. Даже допустимъ, что мы истолкуемъ въ сѣ явленія организованнаго міра „въ терминахъ матеріи, движенія и силы“, но вѣдь такое истолкованіе есть „приведеніе нашихъ сложныхъ символовъ мысли къ простѣйшимъ“. „Символы останутся все-таки символами“, ибо всѣ явленія суть проявленія „силы, природа которой останется навсегда непонятною и предѣловъ которой во времени и пространствѣ нельзя себѣ представить“.

Не для того, чтобъ оборвать крылья вашей начинающей работать мысли, привожу эти слова философа, но для того, чтобы преувеличенное мнѣніе о силахъ человѣческаго разумнія не сдѣлало васъ слишкомъ поспѣшными въ выводахъ первостепенной важности, слишкомъ неосторожными въ обращеніи съ заключеніями положительной науки, ограниченной въ своихъ средствахъ въ силу ограниченности самой человѣческой природы.

В. Шиниловичъ.

27-го октября 1889 г.

ВОРЬБА ПОЛЬШИ И ЛИТВЫ-РУСИ ЗА ГАЛИЦКО- ВЛАДИМІРСКОЕ НАСЛѢДІЕ ¹⁾).

Очеркъ военныхъ дѣйствій 1340—1387 гг.

1341 — 1345 — 1349 гг.

Мы видѣли, что до 1344 г. Галицкая Русь оставалась подъ управленіемъ Дѣтка совершенно независимой отъ Казимира. Подъ 1347 г. находимъ обращеніе императора Іоанна Кантакузина къ Любарту по дѣлу о подчиненіи галицкаго епископа Кіевской митрополіи ²⁾, слѣдовательно, дѣло о Галицкой епархіи касалось Любарта, а не кого-либо другаго. Что это дѣйствительно такъ, то-есть, что обращеніе императора имѣетъ смыслъ не извѣщенія о церковныхъ отношеніяхъ владимірскаго епископа, епархіа котораго могла входить въ предѣлы Галицкой митрополіи, видно изъ того, что императоръ поручаетъ Любарту озаботиться присылкой въ Царьградъ вызвавшаго церковную смуту галицкаго архіерея. Конечно, въ такомъ случаѣ Любартъ долженъ былъ имѣть дѣйствительную власть въ Галичѣ, быть не только владимірскаимъ, какъ титуруетъ его императоръ, но и галицкимъ княземъ. Кто же владѣлъ Галичиной съ 1344 по 1347 г., какова была роль Дѣтка до 1344 г.? Неужели край, которому судьба судила быть яблокомъ раздора между сосѣдями, былъ ими временно оставленъ безъ всякаго вниманія, предоставленъ въ безконтрольное владѣніе боярина, хотя бы и виднаго; неужели Дѣтко былъ второй Володиславъ и счастливѣе перваго,

¹⁾ *Продолженіе*. См. декабрьскую книжку *Журн. Мин. Нар. Пр.* за 1889 г.

²⁾ *Acta patriarchatus Constantinopolitani*, ed. Miklosich, Vindobonae 1860, I, 265 № 119, и Р. И. Б. VI, прил. № 6.

удерживая власть въ своихъ рукахъ въ теченіе четырехъ, а быть можетъ, и цѣлыхъ семи лѣтъ? Объ отплатѣ Димитрію и дѣтамъ или родственнымъ его „княженія дѣла“ ничего не знаемъ, а врядъ ли можно допустить, что тотъ, кто имѣлъ право считать себя законнымъ властителемъ Галичины — ибо власть Дѣтка во всякомъ случаѣ была бы сочтена за узурпацію — оставилъ бы боярскую дерзость безъ всякаго наказанія. По крайней мѣрѣ, можно быть увѣреннымъ, еслибы это былъ Казиміръ, онъ бы напомнилъ Димитрію „diabolicam suggestionem“, а если не Янъ, то Длугошъ, въ назиданіе потомству, описалъ бы подробно учиненную надъ русскимъ бояриномъ расправу. Но ничего о судьбѣ „провизора или капитана русскаго“ не сообщаютъ намъ польскіе памятники. — Отчего, однако, Димитрій, къ которому обращаются сосѣдніе государи, очевидно фактически, по крайней мѣрѣ, признавая его власть, титулуетъ себя лишь „provisor seu capitaneus“, блюститель или воевода? Скромность мало подходитъ къ узурпаторамъ, да еще столь бурнаго времени, очень мало гармонируетъ она и съ извѣстнымъ намъ по лѣтописямъ характеромъ галицкаго боярства. — Димитрій, очевидно, не считалъ себя правителемъ самостоятельнымъ, онъ „блюлъ“ галицкое достояніе для кого-то другаго, онъ былъ чей-то намѣстникъ, чей-то воевода. Чей же? ¹⁾.

Повторяемъ, борьба Любарта съ Казиміромъ была бы лишена всякаго смысла, еслибы Любартъ не защищалъ свое право и свое владѣніе. Приведенныя выше показанія ²⁾, будучи единственно удовлетворительнымъ объясненіемъ этой упорной борьбы, по своей категоричности именно тамъ, гдѣ ея всего менѣе можно бы ожидать, не могутъ быть не признаны несомнѣнными. Имъ противорѣчитъ лишь тенденція, а боится поставить ихъ на надлежащее мѣсто лишь ничѣмъ необъяснимая нерѣшительность откинуть вѣковую традицію. — „Маловажное на видъ обстоятельство“, какъ говоритъ Шараневичъ, — союзъ Димитрія Дѣтка съ Данииломъ Острожскимъ, представляющее галицкаго историка не отвергать безусловно показаній

¹⁾ Намъ не должно удивлять, что въ приведенной нами грамотѣ торскимъ купцамъ Дѣтко называетъ прежнихъ князей своими предшественниками. Совершенно также выражается Спытко Мельштынскій въ документѣ замѣны монастыря Созанскаго за село Ярыловцы: *cum munimentis et privilegiis ducum Russiae praedecessorum nostrorum*. Шараневичъ, *Rus wewnątrznych stosunków Galicji wschodniej w XV w.*, Львовъ, 1869, стр. 57, пр. 84.

²⁾ См. гл. 1-я.

польскихъ анналистовъ о широкихъ размѣрахъ Казимірова набѣга 1340 г. ¹⁾), является весьма существеннымъ подтвержденіемъ единства и солидарности Галицкой и Владимірской земель, составлявшихъ одно цѣлое и въ описываемое время, и по всей вѣроятности, основнымъ камнемъ значенія Острожскихъ, утвержденнаго грамотою Ягайла, гдѣ упоминаются „старыя службы“ Острожскихъ Любарту, послужила именно эта защита его правъ на Львовскую землю, зависимость которой отъ Любарта Гедиминовича, по смерти Юрія-Болеслава, въ виду всего сказаннаго, не можетъ подлежать сомнѣнію ²⁾).

Почему ничего не слышимъ за это время о Любартѣ, достаточно объясняютъ событія литовскія. „Брачныя связи дѣтей Гедиминова ввели литовскій княжескій родъ въ семейный кругъ владѣтельныхъ династій въ двухъ сосѣднихъ съ Литвою государствахъ, упрочили союзы съ этими государствами и намѣтили политическія цѣли, къ

¹⁾ *Шараневичъ*, Исторія, 158. *К. Горжицкий*, Роѣзсzenie, 26 полагаетъ „несомнѣннымъ“, что союзникъ Дмитрія не имѣетъ ничего общаго съ современнымъ ему Даниломъ Острожскимъ: do dziś dnia, говоритъ Горжицкий, istnieje w Galicyi wieś Ostrow, może być że tam wznosił się ongiś grod naszego Daniela“. Резонъ убѣдительный! Какой же смель имѣютъ въ такомъ случаѣ грамоты Острожскимъ, въ которыхъ упоминаются „старыя службы“ Любарту. Архивъ Сангушковъ. Львовъ, 1887, I, № 5.

²⁾ Не придаемъ значенія надписи на колоколѣ львовской церкви св. Георгія относящейся къ 1341 г. и называющей княземъ Дмитрія: „въ лѣто 6849 соляны бы колоколъ сін стму Юрю при князи Дмитріи игуменомъ евѣншемъ“, *Зубрицкий*, Повѣсть, 78 пр. 44. Догадки Андрияшева и Вагилевича кажутся намъ неосновательными: упомянутый князь Дмитрій не могъ быть Дятко, какъ думаетъ *Андрияшевъ*, Очеркъ исторіи Волынской земли, 210, пр. 3, ибо въ одно-временной грамотѣ торскимъ купцамъ онъ не называется себя княземъ; не могъ быть и потомкомъ Льва Даниловича, какъ полагаетъ *Ватилевичъ*, А. Гр. и 3, III, 59, ибо генеалогія Даниловичей намъ известна, а Уневскій синодикъ (у *К. Стадницкаго*, Synowie, II, 260) съ совершенно одинаковымъ основаніемъ можно читать и по столбцамъ, и въ строку подъ рядъ, да и вообще опираться на синодикъ мудрено. Не знаемъ, на какомъ основаніи Вагилевичъ называетъ колоколъ теребовльскимъ. Колокола, конечно, могли перевозиться, но Зубрицкий, разказывающій о немъ весьма подробно, именно этой подробности не сообщаетъ. Отъ очевидно неосновательнаго объясненія надписи въ „Повѣсти“ Зубрицкий самъ отказался потомъ, Анон. Гвезд., 84. Безъ сомнѣнія, упоминаемый въ надписи князь былъ Любартъ, называющій себя Дмитріемъ въ договорѣ съ Казиміромъ 1366 г.: „се язъ князь великій Дмитрій“, Архивъ Сангушковъ, I, № 1, и въ грамотѣ львовянамъ 1379 г.: „Wir grosser Furste Deme-tut“, А. Гр. и 3, III, № 30. Дмитріемъ же называетъ его и императоръ Іоаннъ Кавталузинъ въ указанномъ выше посланіи.

которымъ должно было стремиться великое княжество Литовское¹⁾. Мы видѣли, что предпоследній Цясть шелъ самъ на встрѣчу этимъ стремленіямъ Литвы, и еслибы обстоятельства развивались дальше въ своемъ естественномъ направленіи, рѣшительно нельзя было бы ожидать какихъ-либо осложненийъ на польско-русской границѣ по смерти Юрія II. Но радуется діаволъ кровопролитію, „подвизая свары и зависть, братоненавидѣнье“, и тѣмъ съ большимъ правомъ можемъ мы указать этотъ взглядъ древняго лѣтописца на усобную рать, что такъ именно смотрѣлъ на нее и Димитрій Дѣтко.

Въ 1341 году при осадѣ одной изъ крѣпостей погибъ Гедиминъ. Для Литвы наступило время испытанія прочности тѣхъ основъ ея государственнаго устройства, какія были заложены Гедиминомъ. „По мѣрѣ увеличеніи своихъ владѣній Гедиминъ раздавалъ въ управленіе членамъ своего семейства отдѣльныя области, входившія въ составъ Литовскаго государства, признавая за ними права удѣльныхъ князей, зависимыхъ отъ главы рода“²⁾.

Не смотря на опасное положеніе и юность государства, внезапная смерть Гедимина не вызвала въ немъ никакихъ внутреннихъ потрясеній: лѣтописцы ничего особеннаго по смерти Гедимина не отмѣтили. Изъ такъ-называемыхъ литовскихъ лѣтописей выносятся впечатлѣніе, какъ будто Гедиминъ умеръ спокойно „у великой старости своей“, окруженный оплакивающими его сыновьями, между которыми онъ раздѣлилъ свои владѣнія³⁾. Дѣйствительно досадно, что средне-вѣковые лѣтописцы лишь въ весьма рѣдкихъ случаяхъ обнаруживали собственный взглядъ на внутреннюю жизнь народовъ и государствъ. Только внѣшніе факты казались имъ заслуживающими вниманія, и благодаря этому, мы осуждены оставаться въ мучительной невѣстности на счетъ состоянія умовъ общества послѣ неожиданной смерти основателя Литовскаго государства. Наружное спокойствіе въ Литвѣ приходится признать по неволѣ, и въ немъ нельзя не видѣть самага краснорѣчиваго признанія величія духа и ума Гедимина, какъ будто продолжавшаго царить надъ своею державой и по смерти, обезпечивая ей внутренній миръ, при наличности всѣхъ обстоятельствъ, способныхъ его нарушить. Но объясняя себѣ такимъ образомъ внутреннее состояніе Литвы въ періодъ времени отъ смерти Гедимина до

¹⁾ Антоновичъ, очеркъ, 76.

²⁾ Ibid и пр. 1.

³⁾ Лѣтописи: Даниловича, 27, Попова, 27, Быховца, 17.

1345 года, мы, конечно, должны дѣлать надъ собою усиліе, подавляя естественно возникающіе въ нашемъ умѣ вопросы. Во всякомъ случаѣ нельзя не задуматься надъ положеніемъ Любарта. „Писатели польскіе“, говоритъ К. Стадницкій ¹⁾, — „начиная съ Длугоша и кончая Нарушевичемъ, какъ будто состязались въ томъ, кто успѣшнѣе запутаеъ скудныя свѣдѣнія о немъ въ документахъ“, и благодаря этому, личность Любарта до сихъ поръ остается во многихъ отношеніяхъ историческою загадкою. Мы не имѣемъ намѣренія распутывать ее, отмѣчаемъ лишь факты, которые, надо замѣтить, врядъ ли могутъ быть разъяснены до такой степени, чтобы всякія сомнѣнія падали сами собою. Но если кое-что слѣдуетъ класть на рутину, на общій естественный ходъ, — а въ развитіи историческихъ событій врядъ ли можно отвергать ихъ значеніе — то въ положеніи Любарта, въ его неприсутствіи на занимающей насъ галицкой сценѣ мы должны усматривать наиболѣе яркое доказательство крѣпости общественнаго сознанія на счетъ неизбѣжности и естественной неотвратимости перехода всѣхъ западно-русскихъ земель подъ власть Гедиминовичей. Если, какъ указано выше, въ 1331 году былъ рѣшенъ вопросъ о галицко-владимирскомъ наслѣдїи, при чемъ Любартъ, по наиболѣе правдоподобию предположенію Ржежабка ²⁾, не получилъ никакого удѣла, то показаніе литовскихъ лѣтописей о принятїи Любарта „во Владимірѣ и въ Луцкѣ и во всю землю волынскую“ (ограничиться названіемъ столицъ одной Волыни лѣтописцу показалось недостаточнымъ) можетъ быть понимаемо только въ такомъ смыслѣ, что Любартъ былъ признанъ наслѣдникомъ всѣхъ владѣній тогдашняго волынскаго князя, и въ такомъ случаѣ девятилѣтняго промежутка, въ связи съ предшествовавшимъ ходомъ исторїи и тѣмъ поворотомъ, о которомъ думалъ было оказавшійся неспособнымъ стать русскимъ польскій ренегатъ, Юрій-Болеславъ, поворотомъ, долженствовавшимъ особенно уяснить галичанамъ ихъ отношеніе къ католической Польшѣ, было, думается, совершенно достаточно для того, чтобы въ умѣ Любарта не могло возникнуть даже тѣни сомнѣнія на счетъ отношеній къ нему части западно-русскаго міра, не бывшей подъ его властью до гибели Юрія-Болеслава. Мы видѣли, что событія 1340 года вполне оправдали увѣренность волынскаго Гедиминовича, который все время до 1345 года могъ имѣть гораздо больше основаній желать выясне-

¹⁾ Synowie, II, 154 пр. 227.

²⁾ *Časop.*, 211, пр. 81.

нія своихъ отношеній къ остальнымъ частямъ Гедиминова наслѣдія, и ихъ правителямъ, особенно, если принять во вниманіе его раннее удаленіе на югъ. Галичину берегли для Любарта представители страны, твердо убѣжденные, что въ этомъ именно заключаются истинные интересы ихъ родины. Поддерживали ихъ, какъ мы видѣли, и волынцы, а Любартъ смотрѣлъ на это и награждалъ, какъ за службу. Однимъ словомъ, мы считаемъ совершенно достаточнымъ отмѣтить, что въ первый и послѣдній годъ занимающаго насъ патилѣтія: въ смерти Гедиминова и въ окончательномъ установленіи въ Литовскомъ государствѣ новаго порядка—мы усматриваемъ причины, вполне объясняющія отсутствіе Любарта на галицкой сценѣ.

Надо имѣть въ виду и то обстоятельство, что успѣшное отраженіе попытки Казимира въ 1340 году могло еще усилить увѣренность Любарта въ твердости его положенія въ Галичинѣ.

Вотъ почему въ поведеніи Любарта мы не видимъ ничего страннаго: онъ не зналъ, не могъ знать Казимира, не могъ знать и о тѣхъ планахъ, какихъ положилъ себѣ достигнуть Римъ черезъ польскаго короля. А между тѣмъ роль курии въ занимающей насъ борьбѣ пріобрѣтаетъ все большее и большее значеніе. Съ полнымъ основаніемъ слѣдуетъ смотрѣть съ этого времени на Римъ, какъ на одну изъ воюющихъ сторонъ. Въ декабрѣ 1343 года Климентъ VI отдаетъ Казимиру десятую часть всѣхъ церковныхъ доходовъ „на усмиреніе татаръ, русскихъ и литовцевъ“ ¹⁾, а вслѣдъ за тѣмъ десятина доходовъ епархій: Гнѣзненской, Краковской, Познанской, Куявской, Плоцкой, Любушской и Каминской, то-есть, со всей Польши, даже со включеніемъ областей, давно отторгнутыхъ отъ Польскаго государства, уступается Казимиру на два года. Призываются къ участію и рыцари, и ни для кого изъ духовныхъ лицъ не дѣлается ни малѣйшаго исключенія. Все это предписывается въ виду усиленныхъ просьбъ не одного лишь Казимира, но и представлений другихъ достойныхъ вѣры лицъ ²⁾.

¹⁾ *Theiner*, M. P. I, № 604.

²⁾ *Ib.* № 605: cum itaque sicut ad notitiam nostram tua et *aliorum fide dignorum relatione* pervenit et facti etiam evidentia manifestat, prefati pagani et infideles videlicet Tartari, Rutheni et Litvani hostes fidei christiane regnum tuum et subditos . . . aggrediantur multipliciter et frequenter impugnent ac . . . multa dompna . . . intulerunt hactenus et inferre conentur, et tum ob hoc, tum pro honore S-te Romane ecclesie in ipsis partibus defendendo multa subieris et subire te oporteat onera expensarum, ad que suportanda nequis sufficere per te ipsum . . . а потому обращаешься къ намъ съ просьбой объ уступкѣ церковныхъ доходовъ, и мы, видя, quod fidei

Кого же? Думаемъ, отвѣтъ дается многократнымъ упоминаніемъ въ документѣ объ интересахъ римской церкви. Обращаемъ на это особенное вниманіе. Именно здѣсь и видны тѣ скрытыя пружины, которыя обнаружили рѣшительное вліяніе на ходъ дѣйствій, сообщивъ ему столь замѣтный культурно - религиозный характеръ. Постараемся представить себѣ положеніе Галичины въ послѣдніе годы правленія Юрія-Болеслава. Тринадцать лѣтъ прошло съ того времени, какъ обращеніе его въ католицизмъ открыло курии радостныя надежды на расширеніе предѣловъ ея власти на томъ востокѣ, который именно въ это время получалъ для Рима особенное значеніе. Извѣстный намъ характеръ Юрія-Болеслава могъ еще болѣе усилить эти надежды, и если въ послѣдніе годы его правленія замѣчается появленіе проводниковъ тевтонизма ¹⁾, то тѣмъ съ большимъ основаніемъ мы можемъ допустить, что не мало появилось въ Галичинѣ монаховъ нищенствующихъ орденовъ, энергія которыхъ къ тому времени далеко еще не остыла.

Конечно, ихъ сообщенія должны были находить въ Римѣ полную вѣру, а сами они должны были тѣмъ настойчивѣе обращаться туда, что новый поворотъ дѣла въ Галичинѣ грозилъ полнымъ уничтоженіемъ всѣхъ ихъ трудовъ и усилій. Съ большой вѣроятностью можно предположить, что тѣ же вліянія дѣйствовали и на Казимира, указывая ему возможность поправленія столь неудачно начатаго дѣла, и понятно, Казимиръ долженъ былъ съ готовностью поддаваться ихъ внушеніямъ, тѣмъ болѣе настоятельнымъ, что обстоятельства не терпѣли ни малѣйшей проволочки. Надо было пользоваться не установившимся положеніемъ дѣла въ Литвѣ, и дѣйствительно Казимиръ употребилъ для этого всѣ свои усилія. Въ 1343 году ему удалось закончить продолжительный споръ съ рыцарями. По Калишскому миру Казимиръ уступилъ ордену земли: Хелминскую, Михаловскую, оставилъ въ его рукахъ Нешаву, Орловъ, Муржиново въ Куявіи, отказался отъ правъ и даже титула князя поморскаго, обязался выхлопотать утвержденіе этого мира какъ у своего преемника Людовика, такъ и у польскихъ чиновъ! Вотъ на какія уступки готовъ былъ Казимиръ для достиженія своихъ цѣлей на счетъ Руси, и даже въ настоящее время польскіе историки не рѣшаются его осудить, оправ-

orthodoxe ac eiusdem Romane ecclesie honoris defensio in hac parte tangitur . . . tuis supplicationibus inclinati уступае ъ церковные доходы, слѣдующіе со всѣхъ духовныхъ лицъ безъ всякаго исключенія.

¹⁾ Грамота Санюку 1339 г.

дывая уступчивость именно отношеніями къ Руси, татарамъ и Литвѣ ¹⁾! Вотъ и все, что можно сказать съ полной достовѣрностью объ интересующемъ насъ періодѣ борьбы. Обзорѣніе отмѣченнаго періода мы должны закончить указаніемъ на фактъ, котораго мы не можемъ разъяснить. Въ 1345 году, 9-го мая Казиміръ далъ въ Краковѣ, сандецкимъ гражданамъ грамоту на право безошлиннаго прохода съ товарами изъ Сандеча въ Русь черезъ Бѣчь, Змигородъ и Санокъ ²⁾. Выходитъ, что крайній западный городъ Галицкаго княжества, получившій въ 1339 году грамоту отъ Юрія-Болеслава, въ 1345 году находился въ рукахъ Казиміра. Когда же онъ перешелъ къ нему? На этотъ вопросъ мы не можемъ дать отвѣта, за полнымъ отсутствіемъ какихъ бы ни было указаній ³⁾. Можемъ сказать только, что болѣе раннее отторженіе Санокъ находитъ себѣ подтвержденіе въ нѣкоторыхъ особенностяхъ, какія замѣчаются въ позднѣйшихъ явленіяхъ жизни этого города и его округа. Его судебные акты предшествуютъ таковымъ другихъ округовъ на 12 лѣтъ: они сохранились съ 1423 года, тогда какъ самыя раннія перемышльскіе лишь съ 1436 года, львовскіе—съ 1454 года. Здѣсь же, по всей вѣроятности, раньше 1435 года послѣдовало отдѣленіе города отъ земства, равно какъ до этого же года акты пишутся по латыни, и самая реформа судопроизводства не кажется здѣсь поразительной: въ актахъ галицкихъ и львовскихъ введеніе судебной реформы 1435 года сопровождается торжественными заголовками, въ санокскихъ ничего подобнаго нѣтъ ⁴⁾. Къ тому же 1345 году относится упоминаніе папы о какомъ-то мирѣ, заключенномъ Казиміромъ со „схизматиками“ ⁵⁾. Сопровождался ли этотъ миръ какимъ-нибудь договоромъ, не знаемъ; извѣстные намъ договоры къ этому времени никакъ отнесены быть не могутъ. Во всякомъ случаѣ нельзя не сказать, что обстоятельства благопріятствовали Казиміру. Онъ желалъ вести борьбу, средствъ для нея

¹⁾ *Шуйскій*, *Dzieje Polski*, 1, 238. Его же замѣчанія о Калишскомъ мирѣ, вызванныя нѣсколькимъ одностороннимъ освѣщеніемъ факта у Каро, впадаютъ, кажется, въ другую крайность (см. *Opowiadania*). Для насъ, впрочемъ, это вопросъ посторонній. О Калишскомъ мирѣ см. также *Шайноха*, *Dzieła*, V, 136.

²⁾ Код. Малопольскій, *Mon. med. aevi* III, № 218.

³⁾ Относитъ присоединеніе Санокъ къ Польшѣ въ 1340 году нельзя, какъ потому, что обстоятельства этого года не даютъ для этого никакихъ основаній, такъ и потому, что папское письмо 18-го октября 1345 г. заставляетъ предполагать какія-то дѣйствія на польско-русскомъ пограничьи, именно въ 1345 г.

⁴⁾ *Кс. Лиске*, *А. Гр. и З*, XI, предисловіе.

⁵⁾ *Theiner*, *M. P. I.*, № 628.

у него не хватало, и вотъ его поддерживаетъ папа, объединяя Польшу для достиженія успѣховъ на счетъ Руси: за десять лѣтъ до того времени, когда мазовскія войска шли на Русь въ союзѣ съ польскими, Плоцкая епархія давала Казимиру денежныя средства на борьбу, къ доставленію ихъ, по папскому приказу, были призваны и давно отпавшія части Польши, никогда потомъ къ ней не возвращавшіяся, папа до такой степени проникся воинственностью, что миръ со схизматиками наполнялъ его негодованіемъ, хотя только опасность со стороны Иоана Богемскаго побудила Казимира къ его заключенію. Русскія руки связаны были литовскими дѣлами 1345 года. Какъ отнесся Любартъ къ отторженію крайняго западнаго угла своихъ владѣній, не знаемъ,—о событіяхъ до 1349 года намъ рѣшительно ничего неизвѣстно. Вѣроятно, обѣ стороны выжидали лишь удобнаго случая—одна для дальнѣйшихъ захватовъ, другая для возвращенія отнятаго. Какъ бы ни было, фактъ болѣе ранняго отторженія Санюка заслуживаетъ особеннаго вниманія въ томъ смыслѣ, что указываетъ на направленіе польскаго напора и территорію борьбы, происходившей, очевидно, на самой русско-польской границѣ, въ сѣверо-западномъ углу Галичины.

1349—1352—1366 гг.

1348 г. Литовцы потерпѣли поражение отъ рыцарей на рѣкѣ Стравѣ. Казимиръ не замедлил воспользоваться этимъ ¹⁾. „Съ многочисленнымъ и хорошо устроеннымъ войскомъ, состоявшимъ изъ конницы и пѣхоты, двинулся Казимиръ сначала на Луцкъ, потомъ занялъ Владиміръ, Берестье и наконецъ Холмъ, гдѣ встрѣтилъ наибольшее сопротивленіе. Многіе города сдавались добровольно. Съ мольбами обратились къ нему русскіе князья, и король милостиво принялъ ихъ въ подданство, оставивъ имъ, по принятіи присяги на вѣрность, ихъ права. Со славой и торжествомъ войска и народа вернулся побѣдитель въ Краковъ“. — Такъ начинаеть Длугошъ, печальный, впрочемъ, въ его изложеніи, для памяти Казимира, 1349-й годъ ²⁾. — Нельзя сомнѣваться въ томъ, что дѣйствія этого года

¹⁾ *Cruenta ea clade debilitatos Lithuanos invasit Casimirus R. P. Raynald, 1349, 24.* На самомъ дѣлѣ поражение литовцевъ было вовсе не такъ значительно. См. *К. Стадницкий, Olgerd i Kiejstut, 48 слл. и Антоновичъ, Очеркъ, 105, пр. 1.* Превеличивать успѣхи было въ прямыхъ интересахъ рыцарей.

²⁾ IX, 234.

были для Казимира благопріятны, но должно сказать, что составить себѣ о нихъ болѣе или менѣе опредѣленное представленіе весьма трудно, вслѣдствіе крайней запутанности относящихся сюда показаній. Оставляя въ сторонѣ сообщеніе Длугоша, можно имѣть въ виду донесеніе Казимира папѣ; извѣстіе Новгородской 1-й лѣтописи и прибавленіе къ королевскому титулу *dominus terrae Russiae*, чего не употреблялъ Казимиръ еще въ началѣ этого года ¹⁾. Всѣ эти свидѣтельства въ сущности устраняютъ сомнѣніе лишь въ общемъ успѣхѣ Казимира, не давая никакихъ сколько-нибудь ясныхъ указаній на счетъ подробностей. Что касается донесенія Казимира объ обширныхъ приобретеніяхъ, въ которыхъ можно учредить 7 епископствъ и 1 архіепископство (?), объ успѣшномъ началѣ миссіонерской дѣятельности — крещеніи какого-то князя ²⁾, то донесеніе это невольно напоминаетъ разказъ Длугоша о занятіи Казимиромъ Лудка, Владимира, Бреста и Холма. Еслибы прибавить сюда Галичину, о которой, естественно, Длугошу упоминать было не зачѣмъ, съ Галичемъ, Перемышлемъ и Львовомъ, то получимъ какъ разъ 7 епископскихъ резиденцій, предположивъ, что Казимиръ могъ имѣть въ виду и Брестъ. Но такой размѣръ завоеваній оказывается рѣшительно невозможнымъ на томъ простомъ основаніи, что для него у Казимира не могло быть времени: еще 24 августа Казимиръ находился на русской границѣ въ Сандомирѣ, очевидно, только готовясь къ выступленію, и въ грамотѣ, данной этого числа торнскимъ купцамъ, упоминаетъ о Владимірѣ какъ еще не подлежащемъ его власти. Въ началѣ декабря (*Sabbato infra octavam S. Andreae*) въ томъ же Сандомирѣ, слѣдовательно, уже на обратномъ пути, Казимиръ снова даетъ грамоту тѣмъ же купцамъ и называетъ въ ней Владиміръ „своимъ городомъ“. Походъ такимъ образомъ могъ продолжаться съ небольшимъ два мѣсяца. Пройти осенью громадное разстояніе длугошевскаго маршрута, да еще съ многочисленнымъ войскомъ, даже не встрѣтивъ нигдѣ никакого сопротивленія — а Холмъ, и по Длугошу, потребовалъ сильной бомбардировки — рѣшительно не возможно ³⁾. Но въ такомъ случаѣ извѣстіе

¹⁾ *Karo*, II, 284, пр. 2.

²⁾ *Theiner*, M. P. I, № 702. Документъ данъ 14 марта 1351, но такъ какъ событія 1350 г. были для Казимира неблагопріятны, то, очевидно, сообщеніе объ успѣхахъ можетъ относиться лишь къ 1349 г.

³⁾ Нельзя упускать изъ виду характера мѣстности и состоянія путей. Мы имѣемъ показаніе о позднѣйшемъ походѣ поляковъ и угровъ: 15 дней шли войска отъ Люблина къ пролежавшей неподалеку литовской границѣ, *Kwartalnik*, 1889, II, 208.

въ документѣ папской канцеляріи, заимствуемое изъ сообщенія Казимира, теряетъ для насъ значеніе, а слѣдовательно, и относительно событій 1349 г. мы принуждены руководиться главнымъ образомъ соображеніями.

Замѣтимъ прежде всего, что связанные съ 1349 г. переговоры между Кейстутомъ и куріей о принятіи христіанства не могли обуславливаться военными дѣйствіями Казимира, какъ думаетъ Антоновичъ ¹⁾.

Папскія письма Казимиру и гнѣзненскому архіепископу помѣчены 16-мъ сентября; Кейстуту—19-мъ числомъ того же мѣсяца ²⁾, между тѣмъ военныя дѣйствія врядъ ли могли начаться раньше половины сентября въ виду того, что, какъ мы видѣли, еще 24-го августа Казимиръ былъ въ Сандомирѣ. Мы отвергаемъ лишь связь обращеній Кейстута къ папѣ съ военными дѣйствіями Казимира, и заслуживаетъ вниманія обстоятельство, что въ письмѣ къ Казимиру папа вовсе не приписываетъ ему сообщенія о столь радостномъ для куріи намѣреніи литовскаго князя, ограничиваясь лишь указаніемъ на то, что король этому содѣйствовалъ (*tuо cooperante studio*). Но это лестное для Казимира добавленіе объясняется заключеніемъ письма, гдѣ папа старается по возможности усилить ревность Казимира для дальнѣйшаго содѣйствія обращенію невѣрныхъ. Нельзя не имѣть въ виду, впервыхъ, того, что литовскія дѣла 1348 г., а быть можетъ, слухи о прѣготовленіяхъ Казимира могли побудить Кейстута сдѣлать диверсію въ Римѣ, а, ввторыхъ, не слѣдуетъ забывать о необыкновенной отзывчивости куріи къ малѣйшимъ намекамъ на готовность завязать съ ней сношенія. Такъ, въ 1355 г., по поводу лишь „нѣкоторой надежды“ на обращеніе литовцевъ, папа посылаетъ письма Людовику Венгерскому, Владиславу Опольскому и Сомовиту Мазовскому ³⁾, само собою разумѣется, что были отправлены письма къ литовскимъ князьямъ. На этотъ разъ посредничество Казимира было признано неудобнымъ и, конечно, справедливо, но повторилось то же, что было въ 1349 году, хотя папа даже не могъ сколько-нибудь опредѣленно указать основаній, вызвавшихъ его надежды. Такимъ образомъ, въ переговорахъ Кейстута съ куріей въ 1349 г. вовсе не слѣдуетъ усматривать результатъ дѣйствія Казимира въ этомъ году, и ужъ рѣшительно нельзя приписывать ихъ военнымъ его успѣхамъ.

¹⁾ Очеркъ, 90.

²⁾ *Theiner*, M. P., I, № 691—693

³⁾ *Jb.*, № 746—748.

Въ 1350 г. лѣтомъ мы видимъ Казиміра во Львовѣ. Онъ улаживаетъ претензіи горнскихъ купцовъ, укрѣпляетъ городъ, но о дѣятельности его въ другихъ, якобы приобретенныхъ имъ въ предыдущемъ году, мѣстахъ, ничего не слышимъ, а дѣйствія литовцевъ какъ въ этомъ, такъ и въ слѣдующемъ 1351 г. показываютъ, что они употребили всѣ силы на возвращеніе земли Львовской, что само собою предполагаетъ, что другія земли, якобы захваченныя Казиміромъ, находились въ ихъ рукахъ. Въ 1350 г. литовцы опустошаютъ Луковскую, Радомскую, Сандомірскую земли ¹⁾, по другимъ извѣстіямъ, они въ то же время опустошали Русь, то-есть, Галичину ²⁾ и до такой степени угрожали Львову, вѣрнѣе львовскому замку, ибо городъ былъ взятъ и опустошенъ ³⁾, что Казиміръ долженъ былъ спѣшить на выручку его, при чемъ успѣхъ его былъ незначителенъ ⁴⁾. Свидѣтельства большой важности, и ихъ надо твердо держать въ памяти, для правильного представленія военныхъ дѣйствій 1350—1351 годовъ. Въ борьбѣ за извѣстную территорію дѣйствія обыкновенно сосредоточиваются или исключительно на ней, или около нея въ ту или другую сторону, смотря по успѣхамъ борющихся сторонъ. Территорія войны 1350 — 1351 годовъ рѣшительно исключаетъ всякую возможность считать въ числѣ Казиміровыхъ приобретений въ 1349 г. Волынь, какъ южную съ Луцкомъ и Владиміромъ, такъ и сѣверную съ Берестьемъ, дѣйствія происходятъ далеко отъ Волыни, имѣя въ виду Галичину. Кромѣ львовскаго замка, дѣйствительно устоявшаго противъ литовцевъ, мы не видимъ и признака какихъ-нибудь польскихъ укрѣпленій или сопротивленія въ другомъ мѣстѣ ⁵⁾. Еслибы мы не

¹⁾ Янъ, М. Р. Н., II, 630.

²⁾ Лѣтоп. Мѣх., ib., 885: 1350 circa festum beati Bartholomey Littwani vastaverunt Russiam, multos deduxerunt, plures occiderunt.

³⁾ Лѣтоп. Львовск. ib., III, 251: anno dni 1351 vastata fuit antiqua civitas Leopoliensis feria tertia infra octavam (мѣсто не разобрано) per infideles protunc Lithuanos, ubi multi christiani fuerunt interempti.

⁴⁾ Ib., II, 885: 1351 Kazimirus cum magna potentia processerat Livoviam, set infirmitus rediit, parum profecit.

⁵⁾ Андрияшевъ, Очеркъ, 212: „укрѣпляетъ (Казиміръ) и снабжаетъ сильнымъ гарнизономъ Берестье, какъ, такъ сказать, ключъ къ Волыни“, конечно, за Шарпаневичемъ, Исторія, 168, буквально повторяющимъ Кромера (XII, 212), въ свою очередь повторяющаго Длугоша. Рѣшительно не понимаемъ возможности сомнѣній относительно Берестья. До 1382 года этотъ городъ оставался во владѣніи Кейстута. Во время его борьбы съ Ягайломъ онъ служилъ убжищемъ Бирутѣ. Со времени окончательнаго распредѣленія земель между Гедиминовичами удѣлъ

ниѣли никакихъ указаній на права Любарта на Галичину, мы могли бы затрудняться объясненіемъ; при существованіи прямыхъ свидѣтельствъ, затрудненіи исчезаютъ. Очевидно, широкій захватъ Казимира нашествія въ 1349 г., вышедшій за предѣлы собственной Галичины, нашедшій отголосокъ и въ Новгородской 1-й лѣтописи ¹⁾ вовсе не былъ столь же широкимъ прочнымъ завоеваніемъ: все, кромѣ Львовской земли, немедленно же отошло къ литовцамъ, какъ только польскія войска возвратились съ похода. Если они временно и заняли нѣкоторые города, то во всякомъ случаѣ даже не пытались удержать ихъ въ своихъ рукахъ ²⁾.

Такимъ образомъ можетъ быть объяснено упоминаніе о Владимірѣ, какъ городѣ, принадлежащемъ Казимиру въ документѣ, извлеченномъ Каро изъ торнскаго городского архива, если только документъ этотъ несомнѣнно подлинный ³⁾. Онъ данъ, немедленно по возвращеніи съ похода и вѣроятно подѣ влияніемъ упоенія отъ первыхъ успѣховъ. Надо думать, здѣсь же и тогда же сочинялась реляція папѣ о приобрѣтеніи территоріи для *septem diffusi episcopatus cum suo metropolitano*. О достовѣрности реляціи нечего и говорить. Со стороны Казимира, предвидѣвшаго необходимость обращаться въ Римъ за помощью, это

Кейстута тянулся узкою полосой, окаймляя Литовское государство съ сѣверо-запада и заключаая въ себя сполна три позднѣйшія воеводства: троцкое, подлашское и брестское. *К. Стадницкій*, *Olg. i Kiejst.*, 23, пр. 37). Такое распредѣленіе земель Кейстута вполне соответствовало военному его значенію,—не даромъ рыцари называли его „начальникомъ войскъ литовскихъ“. Безъ сомнѣнія, Кейстутъ принималъ дѣятельное участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ 1350—1351 годовъ, но оно обуславливалось солидарностью дѣйствій Гедиминовичей и общимъ значеніемъ предпріятія Казимира въ 1349 году.

¹⁾ Полн. Собр., III, 84: въ лѣто 6857 приде король Краковскій со многю силою и взяша лѣстію землю волынскую и много зло хрестіаномъ сотвориша, а церкви святія претвориша на латынское богумерасное служеніе. Тоже въ Супрасльской. Замѣчаніе о церквяхъ есть, конечно, отголосокъ позднѣйшихъ дѣйствій поляковъ. Интересно въ Густынской, II, 350: въ тожъ лѣто Волынь хоташе отлучитися отъ короля Казимира, но мечомъ упрочены быша, по немозъ же и Литва о Волынь съ ляхами много которяхуся, дождеже въ свою власть приаша.

²⁾ Показаніе Длугоша подѣ 1351 годомъ о гарнизонахъ, сдававшихся лишь послѣ осады, при полномъ безучастіи Казимира, теряетъ значеніе послѣ разказанныхъ имъ же подѣ 1350 годомъ успѣховъ Литвы и представляетъ обычный у Длугоша примѣръ амплификаціи съ одной, тенденціознаго отношенія къ Казимиру—съ другой стороны. Нельзя забывать, что все это разказывается послѣ эпизода съ Баричкой. Ср. *Шуйскій*, *Opowiad.*, 2.

³⁾ *Каро*, II, 284, пр. 2.

былъ столь же дипломатическій шагъ, рассчитанный на поддержаніе папскаго рвенія, какой мы указывали въ 1349 году въ письмѣ папы къ Казимиру, по поводу готовности Кейстута принять христіанство. Дѣйствительно, съ 1351 года папа предоставилъ Казимиру десятую часть церковныхъ доходовъ на 4 года ¹⁾, при чемъ предписалъ духовенству непремѣнно скоро собрать ее ²⁾.

Въ слѣдующемъ 1352 году мая 15-го Климентъ VI поручаетъ гвѣзненскому архіепископу и епископамъ—краковскому и вроцлавскому проповѣдывать крестовый походъ противъ невѣрныхъ ³⁾. Надо поэтому думать, что свѣдѣнія о положеніи дѣла курія получала не только отъ Казимира. Остается отмѣтить еще одно обстоятельство, не достаточно ясное. Въ договорѣ Казимира съ литовскими князьями встрѣчаемъ упоминаніе о Кременцѣ, который дается Юрію Наримунтовичу „отъ князей литовскихъ и отъ короля“. До 1349 года Казимиръ не могъ имѣть никакого отношенія къ Кременцу, положеніе дѣлъ въ 1350—1351 гг. было, какъ мы видѣли, вовсе не таково, чтобы вліяніе Казимира могло распространиться въ эту сторону, слѣдовательно, свои права на Кременецъ—если вообще можно говорить въ этомъ случаѣ о правахъ—Казимиръ могъ основывать лишь на успѣхахъ 1349 года, а это обстоятельство отчасти указываетъ направленіе Казимирова предпріятія въ 1349 году. Оно было обращено на Львовъ и отсюда въ прямомъ направленіи къ востоку дошло до Кременца ⁴⁾.

¹⁾ *Theiner*, M. P., I, № 702: Regem oportet stipendiarios de necessitate tenere prout tenet et fortalitia fortificare et eciam communire... въ противномъ случаѣ nedum dicte terre, sed etiam tota Polonia per potentiam et insultum Tartatorum et Litwanorum vastari poterunt et etiam desolari.

²⁾ *Ib.*, № 703.

³⁾ *Ib.*, № 713. Это посланіе буквально сходно съ извѣстнымъ намъ посланіемъ Бенедикта XII въ 1340 году.

⁴⁾ Передача Кременца Юрію „отъ князей литовскихъ и отъ короля“ по договору 1352 года представляетъ первое упоминаніе объ этой личности, возбуждавшей не мало споровъ. Мы считаемъ вопросъ исчерпаннымъ и блистательно рѣшеннымъ Ржежабкомъ, *Sazor*. 1883 г., стр.: 136—141 и 194—204. Упоминаемый въ договорѣ Юрій есть Юрій Наримунтовичъ. Ржежабекъ доказалъ это такъ блистательно, что никакихъ сомнѣній въ этомъ быть не можетъ, но онъ врядъ ли правъ, полагая, что только съ 1352 года Юрію сталъ принадлежать и Белзь, *ib.*, 196. Не на оборотъ ли, не вѣрнѣе ли предполагать, что Юрій раньше, чѣмъ въ Кременцѣ, сидѣлъ въ Белзѣ, не слѣдуетъ ли разумѣть именно его подъ загадочнымъ Дроге Дубницкой хроникѣ, столь рѣшительно и успѣшно защищавшимъ Белзь отъ венгерско-польскаго войска въ 1352 году? Предоставленіе Юрію

Вотъ что съ наибольшею вѣроятностью можно сказать объ этомъ предпріятіи. Длугошъ долженъ былъ сообщить ему специально волинское направленіе, ибо иначе онъ оказался бы въ явномъ противорѣчій съ самимъ собою, но и извѣстіямъ, находящимся въ третьей главѣ хроники Яна, нельзя придавать значеніе, ибо здѣсь въ числѣ пріобрѣтеній Казимира помѣщено Берестье, вотъ почему и въ свѣдѣтельствѣ Яна о 1349 годѣ приходится видѣть позднѣйшія наслоенія, закрывшія историческую дѣйствительность, которая открывается лишь изъ сопоставленія фактовъ послѣдующихъ.

Мы видѣли, что главный союзникъ Казимира — курія дѣлала все, что могла для того, чтобъ обезпечить Казимиру успѣхъ. Положеніе было, однако, слишкомъ грозно, и вотъ Казимиръ заключаетъ со всѣмъ невыгодный договоръ съ Людвигомъ Венгерскимъ ¹⁾, закла-

Белза доказываетъ, какое важное значеніе придавали литовцы западнымъ окраинамъ своихъ владѣній. Юрій былъ человекъ вполне надежный, и въ глазахъ поляковъ являлся главнымъ виновникомъ событій 1376: *sceleris auctor*, Лѣтоп. Куявск., М. Р. Н., III, 212. Когда именно Белзъ былъ данъ Юрію, не знаемъ, какъ не знаемъ, когда отошелъ отъ него Кременецъ. По договору 1352 года онъ былъ данъ Юрію на два года, въ чьи руки перешелъ онъ потомъ? Можно полагать, онъ достался Казимиру, по крайней мѣрѣ въ 1361 году въ числѣ присутствующихъ при помалованіи Казимира Ходку Выбельскому, А. Гр. в З. I, № 5, находимъ пана Лѣсоту, воеводу кременецкаго, но когда это случилось, не вѣстно.

¹⁾ Договоръ съ Людвигомъ сообщенъ впервые *К. Стадницкимъ*, *Synowie*, II, 231, по рукописи музея Оссолинскихъ. Въ болѣе исправномъ видѣ онъ приведенъ у *Смольки*, *Rok 1386*, 135, но Смолька не упоминаетъ о документѣ у Стадницкаго, выдавая свое сообщеніе за собственное открытіе въ бумагахъ Нарушевича („układ o Ruś Czerwoną z r. 1352 znanu jest *tylko* z krótkiego streszczenia u Sommersberga“). Конечно, предоставленіе Людовику права выкупить Русь, въ случаѣ, еслибы у Казимира родился наследникъ, доказываетъ только крайне тягостное положеніе Казимира и корыстность Людовика (ср. *Брейтеръ*, *Wladyslaw Opolski*, 50, здѣсь же въ примѣчаніи сказано, что также смотритъ на это и *Маттезъ*, *Jahresbericht des II Obergimn.*, in Lemberg, 1886 г. Объясненіе смысла договора у Стадницкаго, *Synowie*, II, 49, грѣшитъ явнымъ пристрастіемъ къ Людовику, не говоря уже о невѣрности взгляда на отношенія Казимира къ Русь). Для насъ самое главное — дата документа. Обыкновенно относятъ его къ 1352 г. (у Смольки въ текстѣ документа 1350. Опечатка?) Вѣрно ли? Невыгодность договора для Польши заставляетъ скорѣе отнести его ко времени предшествующему участію Людовика въ борьбѣ, ибо таковое было куплено цѣною договора (только *А. Huber*, *Ludvig I*, Arch. f. öst. Gesch., 1885, 66, стр. 15, относитъ его ко времени по возвращеніи Людовика); между тѣмъ документъ данъ въ Будѣ in octava festi Paschae, то-есть, во всякомъ случаѣ, данъ ли онъ въ 1350, 1351 или 1352 г., въ началѣ апрѣля; тогда какъ въ 1352 г. Людовикъ выступилъ на помощь Казимиру уже 22-го февраля, а 12-го марта былъ въ Санокѣ. Эти даты

двываетъ рыцарямъ Добжинскую землю, отъ которой они по калишскому миру совершенно отказались ¹⁾, жертвуетъ своимъ для закрѣпленія за собою чужого, давая такимъ образомъ первый поводъ образованію сгубившихъ потомъ Польшу конфедераціи! ²⁾ Возникшій какъ разъ около этого времени вопросъ о мазовскомъ наслѣдствѣ доставилъ Казимиру новыхъ союзниковъ. 18-го сентября 1351 года онъ заключилъ съ Сомовитомъ и Казиміромъ Мазовскими договоръ, по

подтверждаются документомъ Людовика у *Фейера* IX, 2, 142. *Нарушевичъ*, издание Туровскаго, III, 190, относитъ договоръ къ 1350 г. Рѣшить вопросъ не берусь. Источникъ, на который недавно было обращено вниманіе изслѣдователей — Дубницкая хроника (*Historiae Hungariae Fontes Domestici*, vol. III, ed. *M. Florjancz*, Лейпцигъ 1884 г. — Интересующій насъ ея отрывокъ помѣщенъ цѣлкомъ *А. Левичикомъ*, въ *Кwartalnik'а*, 1889, II, 208—213), хотя довольно подробно касается событій 1351—1352 гг., не даетъ относительно занимающаго насъ вопроса никакихъ прямыхъ указаній. То, что, по словамъ хроника, происходило въ Люблинѣ въ 1351 г., заключаетъ въ себѣ темный намекъ на какія-то условія между Людовикомъ и поляками. Можетъ быть, что лишь въ слѣдующемъ году они были окончательно сформулированы. Возможно, что въ 1351 году Людовикъ былъ въ Польшѣ, чтобы утвердиться въ правахъ наслѣдника: въ такомъ случаѣ, какъ время, выбранное имъ для этого, такъ и то обстоятельство, что и признанія правъ наслѣдства ему еще было мало, и онъ потребовалъ документа на счетъ Руси — весьма характерно. Что касается отрывка указанной хроники, то онъ считается теперь произведеніемъ, написаннымъ участникомъ событій, или по крайней мѣрѣ, со словъ участника (*A. Huber*, *Ludvig I*, 17, прим. 4; ср. *Kwartaln.*, какъ выше, 207). Надо однако имѣть въ виду, что отрывокъ вставленъ между 4 и 6 главами біографіи Людовика, написанной *Küküllö*, и представляетъ невозможную для очевидца путаницу не только названій, но и обратнаго маршрута Людовика въ 1352 году. Что авторъ его находился подъ вліяніемъ разказовъ Туроча, свидѣтельствуетъ упоминаніе о возвращеніи Людовика съ литовскаго похода въ 1345 г. Въ общемъ, несомнѣнно, разказъ Дубницкой хроники заслуживаетъ вниманія по нѣкоторымъ подробностямъ, дѣйствительно живымъ и находящимъ себѣ документальное подтвержденіе (подробности пѣвна Любарта). Но считать его разказомъ оригинальнымъ, а не компиляціей, врядъ ли можно, какъ въ виду указанныхъ неточностей, такъ, главнымъ образомъ, потому, что событія 1351 г. вовсе не предполагаютъ участія Людовика. Расчлененіе одного факта на два — очень частый приемъ компиляторовъ; думаю, что онъ нашелъ себѣ мѣсто въ данномъ отрывкѣ: походъ 1352 г. раздѣленъ на два: въ 1351 и 1352 г., а подробности распределены совершенно произвольно; вотъ почему я не считалъ возможнымъ воспользоваться ими при изложеніи событій 1351 г.

¹⁾ *Капо*, II, 293: So viel trübe Erfahrungen er (Казиміръ) auch in Folge von Verpfändungen mit dem Orden gemacht hatte, so erforderte doch ein nachdrucksvoller Krieg gegen die Lithauer und Russen, trotz der Unterstützung von Seiten der Kirche noch so ausserordentliche Mittel....

²⁾ *Капо*, ib.

которому, обязался освободить князей отъ чешскаго верховенства, а въ случаѣ неоставленія по себѣ мужскаго потомства предоставить Мазовіи полную независимость ¹⁾. Только благодаря этому, удалось Казимиру добиться содѣйствія угровъ и мазуровъ.

Въ 1352 году двинулись союзныя польско-венгерско-мазовскія войска противъ Литвы-Руси. Походъ въ изложеніи отдаленныхъ отъ мѣста дѣйствія писателей принялъ грандіозные размѣры ²⁾. Казимиръ могъ рассчитывать на значительное расширеніе пріобрѣтенія 1349 г. Надежды его однако не сбылись. Всего вѣроятнѣе, союзники шли по двумъ путямъ: черезъ Люблинъ направлялись войска польско-мазовскія, съ юга венгерскія. Главныя дѣйствія сосредоточились около Белза, защищаемаго какимъ-то воеводой Дрозге. Къ подробностямъ военныхъ дѣйствій слѣдуетъ отнести плѣнъ Любарта, о чемъ прямо упоминается въ перемирномъ договорѣ. Въ дубницкомъ отрывкѣ находимъ объясненіе связи „Любартова ятства“ съ отношеніями къ венгерскому королю Кейстуту. Благодаря посредничеству послѣдняго, Любарту удалось освободиться изъ плѣна, а Кейстутъ долженъ былъ отправиться съ Людовикомъ для принятія крещенія; черезъ три дня, однако, Кейстутъ бѣжалъ, отпустивъ на свободу венгерскихъ заложниковъ. Безъ сомнѣнія, это одна изъ живыхъ подробностей отрывка, вполне подтверждаемая неяснымъ указаніемъ перемирнаго договора и соотвѣтствующая характеру и приемамъ Кейстута, которые онъ практиковалъ въ отношеніи къ рыцарямъ. Надо думать, венгры дѣйствовали не особенно усердно ³⁾ и скоро повернули назадъ, встрѣчая большія затрудненія какъ со стороны мѣстнаго населенія, истребляшаго запасы, чѣмъ вызванъ былъ въ венгерскомъ войскѣ ужасный голодъ, и даже предававшего свои села огню ⁴⁾, такъ и со стороны

¹⁾ Код. Маз., № 72.

²⁾ У Виллани, *Каммз*, IV, прим. 353, совершенно баснословно: Людовикъ доставляетъ Казимиру сорокъ тысячъ и союзники заходятъ слишкомъ далеко. По другимъ, и притомъ болѣе достовернымъ, слишкомъ далеко заходятъ литовцы: 1352 Rex Litoviae cum auxilio Tartarorum innumerabili per Russiam transiens animo destruendi Cracoviam, в: In Martio 1352 Tartari et Rutheni pagani cum multis legionibus contra regem Cracoviae intrant Poloniam, Ss. гр. prus. II, 737, 742.

³⁾ In dominica ramis palmarum (1-го апрѣля) videns rex se nihil posse proficere, disposuit ad Hungariam remeare. Дубницкая хроника, *Kwartalnik*, какъ выше.

⁴⁾ Прибывъ въ деревню Дубровицу, Людовикъ не нашелъ никакихъ запасовъ, media autem nocte unus ruthenus curiam incendit et cum difficultete rex et omnes sui mortis periculum evaserunt, quia strictissimus erat exitus per unum parvum pontem de curia prenotata. Можно ли, въ виду подобныхъ фактовъ, сомнѣваться въ народномъ характерѣ войны?

татарь, отряды которыхъ приходилось встрѣчать Людовику. Съ поляками и мазурами военныя дѣйствія продолжались, вѣроятно, до осени: 23-го августа 1352 г. Казимиръ находился еще въ предѣлахъ литовско-русской территоріи ¹⁾, да и перемиріе по договору назначается отъ Покрова. Перемирный договоръ ²⁾, доказываетъ, что, за исключеніемъ Львовской земли, Казимиръ не приобрѣлъ никакихъ другихъ владѣній. Въ составъ ея, безъ сомнѣнія, входили земли Галицкая и Перемышльская, ибо договоръ опредѣляетъ области совершенно точно, а земли эти въ числѣ литовскихъ владѣній не показаны ³⁾. Перемиріе продолжалось не долго, какъ и слѣдовало ожидать, ибо Литва отъ своихъ правъ не отказалась, и заключенный договоръ былъ лишь временнымъ ⁴⁾. Нарушенъ онъ былъ даже раньше срока. 1353 года Любартъ, поддерживаемый братьями, нападаетъ на Галичину ⁵⁾. Набѣгъ принялъ обширные размѣры; такъ какъ въ сентябрѣ литовцы появляются около Завихоста, а испуганный Казимиръ укрѣпляетъ Плоцкъ ⁶⁾. О дальнѣйшихъ событіяхъ польскія свидѣтельства ничего не упоминаютъ до 1366 года. Вѣроятно, объ успѣхахъ Казимира говорить было трудно. Предоставленный собствен-

¹⁾ А. Гр. и З., V, № 3. Вѣроятно, мимо Щебрешина возвращался Казимиръ назадъ. Въ данномъ близъ этого города пожалованіи нѣмецкаго права селу Отвинову (Домбровскаго уѣзда) сказано: *actum prope Szczebressyno oppido ruthenicali*, а не просто *Szczebressyno* или *oppido nostro*.

²⁾ Дата этого важнаго документа вездѣ отмѣчается невѣрно—1340 (А. З. Р. I, № 1 и *Inventarium*, 371); опредѣляется она приблизительно точно на основаніи генеалогіи мазовскихъ князей: *Баро*, II, 296, пр. 2; *Ржежабекъ*, *Часоп.*, 195.—*Андріяшевъ*, *Очеркъ*, 215, прим. 1, имѣетъ это въ виду, но отодвигаетъ договоръ къ 1354 г. (ср. *ibid.*, 211, прим. 2), *Антоновичъ* и *Стадницкий* ошибочно относятъ его, первый къ 1347 г., *Очеркъ* 77, прим. 2; второй въ 1340—1345 г., *Sypowie*, II, 32—36. Близкое къ истинѣ мнѣніе высказалъ *М. Смирновъ*, *Споръ*, прим. 15 и 16; тоже у *Зубрицкаго*, *Анонимъ Гнезн.*, 16; весьма вѣроятное объясненіе отсутствія даты, *ibid.*, 67, прим. 72.

³⁾ Не занимати намъ королевы земли, ни его люди, што его слушаютъ; королеви держати львовскую землю исполна, а намъ, держати володимѣрьскую, лудскую, белзскую, холмскую, берестинскую исполнажь. А. З. Р. I, № 1.

⁴⁾ На два годъ: „отъ Покрова Богородицѣ до Ивана дне до Бупалъ, а отъ Ивана дне за два лѣтъ“. Такъ смотрѣлъ на это и Казимиръ, и въ пожалованіи Рѣшова Яну Пакославу 1354 г., января 19-го, онъ говоритъ о Руси: *quam favente domino gubernamus*. *Cod. d. P. I*, 209.

⁵⁾ По Длугошу, IX, 246, на Галичъ, по лѣтоп. Маховск.: *eodem anno 1353, post festum Trinitatis Litwani vastaverunt Lamburg, multos occiderunt*. М. Р. Н., II, 885.

⁶⁾ Длугошъ, IX, 246.

нымъ силамъ, не безопасный со стороны ордена, Казиміръ очутился снова въ трудномъ положеніи. Это лучше всего доказываетъ письмо папы 1355 года (февраля 12-го), снова жертвующаго Казиміру десятую часть церковныхъ доходовъ на четыре года ¹⁾, хотя двумя мѣсяцами раньше тотъ же Иннокентій VI, посылая Казиміру горячія пожеланія сломить вражескую гордость, говоритъ о собственныхъ удручающихъ нуждахъ и съ видимымъ неудовольствіемъ соглашается уступить Казиміру лишь половину десятины, тутъ же выражая надежду, что король возвратитъ ее при благоприятныхъ для него обстоятельствахъ ²⁾. Такой тонъ папы въ обращеніи къ Казиміру долженъ быть отмѣченъ, его не было ни въ письмахъ Бенедикта, ни въ письмахъ Климента VI, особенно преданнаго Казиміру; но быстрая его переимѣна — всего черезъ два мѣсяца — доказываетъ, что были основательныя причины, заставившія папу измѣнить отношеніе къ дѣламъ польскаго короля, зависѣвшія, очевидно, не отъ личнаго расположенія папы, а вытекающія изъ общей политики куріи. Строгое предписаніе духовенству аккуратно и возможно скоро уплатить королю указанную десятину показываетъ, что его нужды не терпѣли ни малѣйшаго отлагательства. Въ сентябрѣ слѣдующаго 1356 года Иннокентій VI по жалобѣ Казиміра обращается къ рыцарямъ со строгимъ выговоромъ за то, что они поддерживаютъ невѣрныхъ противъ короля, убѣждая ихъ соединиться съ Казиміромъ, что было бы вполне достойно ихъ призванія ³⁾. Тогда же онъ снова побуждаетъ всѣхъ польскихъ прелатовъ всемѣрно содѣйствовать королю ⁴⁾. Папа дѣлалъ все, что только могъ дѣлать, тѣмъ не менѣе бороться было Казиміру не подъ силу. Казиміръ самъ созналъ это и слѣлалъ такой поворотъ, котораго трудно было ожидать. Какой именно — указываетъ полное негодованія письмо папы отъ 24-го января 1357 г., отправленное къ польскому королю по жалобѣ рыцарей, сообщившихъ куріи, что послѣдній заключилъ миръ съ литовцами, сталъ данникомъ татарскаго хана и теперь угрожаетъ имъ татарами. Папа заявляетъ, что онъ едва вѣритъ такимъ слухамъ ⁵⁾.

¹⁾ *Theiner*, M. P., I, № 742.

²⁾ *Ibid.*, № 739.

³⁾ *Ibid.*, № 769.

⁴⁾ *Ibid.*, № 770.

⁵⁾ *Ibid.*, № 776: sane carissime fili licet nos de sincere fidei tue constancia firmam in domino fiduciam obtinentes premissa credere non possumus, nec in mentem nostram faciliter cadere valeat, quod talia in eterni Regis sancteque romane ecclesie

Легко понять негодованіе папы, принесшаго для Казимира столько жертвъ; но трудно было подѣйствовать на польскаго короля упреками. Всѣ средства, которыя могли быть въ распоряженіи Казимира, были имъ испробованы, и всѣ они лишь весьма незначительно приближили его къ завѣтной цѣли: Львовская земля находилась лишь во временномъ его обладаніи, а будущіе шансы борьбы были неизвѣстны и скорѣе не въ пользу Казимира, въ виду натянутыхъ его отношеній къ рыцарямъ и собственнаго безсилія. Казимиръ рѣшилъ войти въ сношенія съ татарами. Хватаясь за все, что могло облегчать ему достиженіе цѣли, ища вездѣ союзниковъ и дорого платя за ихъ содѣйствіе (говоримъ о Людовикѣ Венгерскомъ), отчего не могъ Казимиръ обратиться къ татарамъ. Конечно, онъ отлично зналъ положеніе Литвы, принужденной вести постоянную борьбу съ орденомъ, не безопасной отъ Москвы и находившейся въ сомнительныхъ отношеніяхъ къ татарамъ. Отношенія къ Галичинѣ соединяли литовцевъ и татаръ въ борьбѣ съ Казимиромъ, доставляя вмѣстѣ съ тѣмъ литовцамъ въ лицѣ татаръ чрезвычайно важный военный контингентъ, что обнаружилось особенно въ 1352 году. Въ то же время татары, равнодушные ко внутреннимъ дѣламъ страны, довольствуясь, по обыкновенію, данью, отчего не могли бы получать ее съ Казимира? Чтобы закрѣпить за собою Галичину, Казимиру необходимо было отнять у литовцевъ всякую возможность возвратитъ ее себѣ, и надо сказать, что послѣдняя комбинація Казимира едва ли не вѣрнѣе другихъ вела его къ цѣли. Вѣдь только позоръ татарскаго данничества, да ужасъ, которымъ было окружено имя татаръ, могли удерживать Казимира отъ попытки войти съ ними въ непосредственныя сношенія. На сколько мы знаемъ Казимира, онъ былъ слишкомъ философъ, чтобы отступить отъ вѣрнаго, по видимому, расчета изъ-за какихъ-нибудь условностей, а ужасъ былъ преодоленъ. Нашелся смѣлый человѣкъ, не убоавшійся взять на себя опасную миссію, и дѣло было сдѣлано ¹⁾.

matris tue nec non apostolice sedis offensam et ipsius catholice fidei preiudicium Regia serenitas attemptaret; solus tamen eorum auditus nos terruit et si vera forent, ad magnam regii nominis infamiam cederent grandique nos et sedem predictam doloris immensitate turbarent.

¹⁾ Думаю, что этимъ смѣльчакомъ былъ Янъ Пакославъ. Въ пожалованіи ему Рѣшова (1354 г. 19-го января) Казимиръ говоритъ: *pro communi bono regni nostri Polonie et terre Russie pacem et tranquillitatem ordinans, ad Tartaricas nationes descendere non expavit, vitam suam non preposterans ad honorem et commodum Regnorum eorundem fideliter exponendo. Cod. d. P. I, № 119.* Въ такомъ случаѣ переговоры съ татарами Казимиръ завелъ сейчасъ по заключеніи перемирія съ

По крайней мѣрѣ послѣ этого на театрѣ борьбы наступаетъ полное затишье, продолжавшееся ровно десять лѣтъ. Правда, положеніе оставалось прежнее: Владиміръ, Луцкъ, Холмъ и Белзь въ рукахъ Любарта, Берестье—Кейстута, но миръ давалъ полную возможность Казимиру укрѣпиться въ своемъ приобрѣтеніи и дѣйствительно на это Казиміръ обратилъ все свое вниманіе. Борьба прекратилась сама собою, но уже то обстоятельство, что она продолжалась послѣ 1352 г., ясно указываетъ ея причины. Въ самомъ дѣлѣ, договоръ 1352—1353 года былъ, по видимому, для литовцевъ весьма выгоденъ: Владимірская, Луцкая, Холмская, Белзская и Берестейская земли „исполна“ оставались въ ихъ владѣніи, и еслибы литовцы не имѣли никакихъ правъ на остальные земли галицкаго наслѣдія, то причину продолженія борьбы оставалось бы дѣйствительно, вмѣстѣ съ Длугошемъ, объяснять лишь жадностью и корыстолюбіемъ главнаго ея дѣятеля—Любарта. Врядъ ли, однако, въ такомъ случаѣ, его бы столь энергично поддерживали другіе князья—Кейстутъ и Ольгердъ, имѣвшіе и безъ того не мало дѣла. Причина, очевидно, лежала не въ личности Любарта, а въ защитѣ литовскаго права отъ чужого захвата ¹⁾.

Мы старались представить ходъ борьбы за отмѣченный промежутокъ времени на основаніи данныхъ, наименѣе подлежащихъ сомнѣнію и естественной послѣдовательности фактовъ. Съ 1349 по 1356 годъ борьба происходила почти безъ перерыва, при чемъ, по видимому, естественный перерывъ—перемиріе 1352 года не составляетъ никакой грани: оно временно закрѣпляетъ за Казиміромъ приобрѣтеніе, сдѣланное имъ тремя годами раньше и нарушается за долго до истеченія срока. Непрерывность и завязтость борьбы являются такимъ образомъ характерными ея чертами, которыя отличаютъ ее и послѣ. Положеніе сторонъ также обрисовывается вполне. Съ одной стороны Казиміръ и Римъ, съ другой—два Гедиминовича, принужденные сообразовать свои дѣйствія съ сомнительными отношеніями къ рыцарямъ и татарамъ. Отношенія къ первымъ совершенно ясны. Набѣги рыцарей были явленіемъ постояннымъ: „принимая въ расчетъ только болѣе крупныя, тѣ, подробности которыхъ записаны

литовцами. Нечего удивляться, что это сдѣлалось извѣстнымъ папѣ сравнительно поздно: Казиміръ не имѣлъ надобности извѣщать его объ этомъ; а негодованіе папы, вытекающее изъ ужаса предъ татарами, котораго, какъ видно, не чуждъ былъ и Казиміръ, должно было разсѣяться, въ виду прямыхъ выгодъ, въ чемъ Казимиру не трудно было убѣдить папу.

¹⁾ Ср. обмолвки Длугоша, IX, 245, 308.

въ лѣтописяхъ Ордена, мы насчитываемъ“, говоритъ Антоновичъ,— „до семидесяти походовъ на Литву со стороны прусскихъ крестоносцевъ и болѣе тридцати со стороны Ливоніи въ промежутокъ времени съ 1345—1377 г.“¹⁾ Лишь изрѣдка встрѣчаются годы отдыха; между прочимъ, спокойно прошли для Литвы 1349—1352 года²⁾, обстоятельство давшее, какъ мы видѣли, возможность принимать участіе въ борьбѣ съ Казиміромъ и Кейстуту: время, выбранное Казиміромъ для завоеванія Галицкой Руси, было такимъ образомъ удачно лишь по видимому, и этимъ объясняется необходимость того страшнаго напряженія, тѣхъ жертвъ, какія долженъ былъ принести Казиміръ для достиженія своей цѣли.

Не столь ясны отношенія Литвы къ татарамъ. Съ значительной вѣроятностью можно полагать, что отношенія эти до занимающаго насъ времени не были установлены: Литва только еще начинала утверждаться въ тѣхъ земляхъ, гдѣ было татарское господство, еще только начиналась дѣятельность Коріатовичей въ Подоліи, а предстоявшее выясненіе отношеній Любарта къ хану изъ-за Галичины не могло еще опредѣлиться и на первый разъ дѣла были оставлены въ прежнемъ состояніи, благодаря Дѣтву и Даніилу Острожскому. На галицкой почвѣ сходились интересы татаръ съ интересами литовскихъ князей; неудивительно поэтому, что въ борьбѣ противъ Казимира принимаютъ участіе и татары. Этотъ союзъ былъ въ такой степени естественъ, что неудача переговоровъ Ольгерда съ ханомъ, начавшихся въ 1349 году³⁾ обусловливалась лишь усиліями Семена Ивановича Московскаго⁴⁾ и къ 1351 году была поправлена,—въ это время татары дѣйствуютъ, безъ всякаго сомнѣнія, за одно съ литовцами. Соображенія, которыми на время удалось Семену Ивановичу вооружить Чанибека противъ Ольгерда, открывали лишь будущее: что они въ значительной степени были вѣрны, показала въ скоромъ вре-

¹⁾ Антоновичъ, Очеркъ, 98.

²⁾ Стадницкій, Olg. i Kiejst., 109.

³⁾ Антоновичъ, Очеркъ, 116, пр. 1.

⁴⁾ Н. Молчановскій, Очеркъ извѣстій о Подольской землѣ. Кіевъ. 1885, стр. 192, пр. 1: По словамъ Никоновской лѣтописи, ч. III, стр. 187, Семень Ивановичъ такъ отговаривалъ Чанибека отъ союза съ Ольгердомъ: „Олгердъ улусы твои всѣ высек і в полонъ вывелъ а еще хочеть и насъ всѣхъ вывести к себѣ в полонъ, а твои улусъ пусть до конца сотворити: и тако убагатывъ Олгердъ Годимановичъ хочеть тѣбе противенъ быти“. Чанибекъ „разгнѣвался зело яко огнь“ и выдалъ литовскихъ пословъ Семену Ивановичу.

меня побѣда Ольгерда на Синихъ водахъ, но теперь въ виду посягательства Казимира, Ольгердъ могъ смѣло повторить хану резоны, приведенные раньше Дѣткомъ, и ханъ не могъ не найти ихъ основательными. Союзъ такимъ образомъ обуславливался вовсе не уступкой татарамъ Подольской земли, на которую якобы „король польскій заявлялъ претензіи, какъ на бывшій галицкой удѣлъ“¹⁾. Дѣйствительныя его основанія были извѣстны Казимиру, чрезъ него стали извѣстны и папѣ: не что иное, а лишь занятіе Казимиромъ Галичины²⁾ вызвало этотъ союзъ, который Казимиръ потомъ старался разорвать. Съ обѣими этими силами — рыцарями и татарами — приходилось считаться и Казимиру, но его счеты имѣютъ совершенно другой характеръ. Безъ сомнѣнія, только крайняя нужда могла побудить Казимира къ закладу земель рыцарямъ; такой же характеръ крайности, на которую приходится рѣшаться, носить на себѣ и его союзъ съ татарами въ 1354 году. Прибавимъ сюда отношенія къ Людовику и куріи, и положеніе обѣихъ борющихся сторонъ представится болѣе или менѣе ясно. Договоръ 1352 года не прервалъ борьбы: она прекратилась сама собою лишь послѣ того, какъ измѣнились отношенія Литвы къ татарамъ, прекратилась на время, чтобы затѣмъ послѣ синеводской битвы возобновиться съ прежнею завзятостію³⁾.

¹⁾ *Антоновичъ*, Очеркъ, 126. Что въ данномъ случаѣ можетъ быть рѣчь не о Подольѣ, а лишь о галицкомъ Поддѣстровьи, ясно доказала уже *К. Стадницкій*, *Synowie*, I, 132. До Подолья Казимиру было еще далеко, да и у Кромера: *Russiam inferiorem que Podolia dicitur*, XII, 213. Какъ и въ настоящее время, Галичина дѣлилась на три части: Покутье, въ обширномъ смыслѣ — все пространство къ югу отъ Днѣстра до Карпатъ, въ болѣе узкомъ — уголь между Черемошемъ и Прутомъ; Подгорье — западная часть Покутья, прилегающая къ Карпатскимъ горамъ и Подолье — къ востоку отъ рѣки Стрипы, (то-есть, лѣвоисное Повонье). *Шараневичъ*, *Русь*, 105, пр. 91.

²⁾ *Theiner*, M. P. I, № 702: Tartari, qui Ruthenis dominabantur eisdem occasione hujusmodi provocati (то-есть, занятіемъ Галичины Казимиромъ) facta confederatione cum Litwanis continue hostiliter dictas terras invadunt. Не знаю, почему Антоновичъ, Очеркъ 126, пр. 1, датирующий тоже посланіе папы, не обратилъ на это вниманіе.

³⁾ Потому-то и не было заключено никакого договора. Извѣстные намъ договоры можно относить лишь къ 1352 и 1366 гг. Договоръ 1358 г. между Кейстутомъ и Сомовитомъ мазовскимъ не имѣетъ никакого отношенія къ борьбѣ на югъ и опредѣляетъ границы лишь сѣвернаго угла литовскихъ и мазовскихъ владѣній — округовъ Гродненскаго съ одной, Вязанискаго и Гоніондскаго съ другой стороны, *Kod. Maz.* № 80.

1366—1370 гг.

Въ наступившее послѣ 1356 г. десятилѣтнее затишье Казиміръ успѣлъ нѣсколько возстановить истощенныя въ непрерывной борьбѣ силы, успокоилъ папу, возмущеннаго его отношеніями къ татарамъ, и снова получалъ отъ него поддержку по прежнему ¹⁾, и узнавъ на дѣлѣ пользу союза съ ближайшими участниками борьбы, рѣшилъ не только обезопасить себя со стороны рыцарей, но даже воспользо-ваться ихъ силами для общихъ цѣлей на счетъ Литвы.

Въ 1365 г. осенью мы видимъ его въ Маріенбургѣ. Причины поѣздки къ Магистру хронисты не указываютъ съ точностью. Изъ сообщеній ихъ мы узнаемъ, что гроемейстеръ Винрихъ фонъ Книпроде показывалъ Казиміру орденскіе магазины, наполненные всевозможными запасами. Казиміръ могъ только удивляться хозяйственности и могуществу ордена и выразилъ радость, что не послушался совѣтовъ враждебныхъ рыцарямъ. Можно думать, что дружественное настроеніе представителей обоихъ государствъ не ограничилось словесными завѣреніями; вѣроятно, былъ заключенъ наступательный союзъ противъ Литвы, по крайней мѣрѣ, условленъ былъ планъ дѣйствій на будущій годъ. Такое предположеніе подтверждаютъ послѣдовавшія вскорѣ обстоятельства. „Собрался наконецъ Казиміръ съ духомъ“, говоритъ Кромеръ ²⁾, — „для возвращенія той части Руси, которую потерялъ 13—14 лѣтъ назадъ скорѣе по причинѣ отпаденія русскихъ, нежели благодаря силамъ литовцевъ“.

Въ томъ же году двинулись на Литву и рыцари, отвлекшіе Ольгерда и ознаменовавшіе свой набѣгъ тѣми „превосходными подвигами“, столь восхищавшими папу, о которыхъ мы упоминали выше. Совпаденіе краснорѣчивое не менѣе прямого документа. Временный союзъ ордена съ Казиміромъ былъ въ сущности весьма желателенъ для рыцарей. Устроившись въ Поморской землѣ, они съ спокойной увѣренностью смотрѣли на Литву, какъ на вѣрную въ близкомъ будущемъ добычу ³⁾. Правда, послѣ Литвы очередь была за Польшей, но теперь отчего было не содѣйствовать движенію Казиміра на Русь.— Руководители орденской политики были, конечно, хорошо знакомы съ

¹⁾ 1363 г. Урбанъ V объявляетъ индульгенцію на 12 лѣтъ для всѣхъ готовыхъ содѣйствовать Казиміру въ его борьбѣ: quod ipse pro regni sui Polonie quod prope naciones perversas infidelium consistit, defensione fidelium eget subsidiis adjuvari: *Theiner*, M. P. I, № 833.

²⁾ De rebus, XII, 218.

³⁾ *Шайноха*, V, 135.

положеніемъ дѣлъ на Руси, благодаря обширнымъ и постояннымъ торговымъ сношеніямъ, могли, слѣдовательно, знать, что, содѣйствуя наступательному движенію Казимира, они рѣшительно парализуютъ тотъ слабый остатокъ силъ, какой еще представляла Польша сама по себѣ.

Вѣдь именно русскія дѣла Казимира доставили рыцарямъ выгоды Калишскаго мира, и не было никакихъ основаній предполагать, что дальнѣйшій ходъ дѣлъ въ томъ же направленіи не предоставитъ ордену еще большихъ выгодъ. Все это въ достаточной степени рисуетъ политическій кругозоръ Казимира, о чемъ—къ слову сказать—любятъ распространяться польскіе историки. Казимиръ считалъ измѣнниками отечества всѣхъ недовольныхъ Калишскими условіями ¹⁾, завѣтной цѣлью его была Русь—степи Подолья, берега Чернаго моря ²⁾ (?!). Не такъ давно—въ 1358 г.—именно туда—въ подольскія и причерноморскія степи приглашалъ рыцарей Ольгердъ; теперь ордену представлялась возможность замѣнить себя польскимъ государемъ. Политическіе планы Казимира могли такимъ образомъ исходить не только изъ венгерскаго Вышеграда, но и изъ нѣмецкаго Мариенбурга. Какъ бы ни было, во всякомъ случаѣ въ 1366 г. планамъ этимъ благопріятствовали и другія обстоятельства: именно въ это время прекратились не безразличные для Казимира споры между императоромъ и королемъ венгерскимъ. Ободренный всѣми этими обстоятельствами Казимиръ, какъ сказано, двинулся на Русь. Подробности борьбы намъ неизвѣстны. Обстоятельство весьма важное: успѣхи Казимира 1366 г. были якобы блистательны. Онъ шагнулъ далеко, ступивъ на землю, выходящую даже за предѣлы бассейна Вислы, ибо къ нему, по обыкновенной версіи, перешли не только Городло, Любомль, Влучимъ, но Турійскъ, Ратно и Коширь. Такъ, по крайней мѣрѣ представляются результаты похода 1366 г. въ договорѣ, приводимомъ въ извлеченіи Нарушевичемъ, единственномъ документѣ, на которомъ основывались до послѣдняго времени всѣ наши свѣдѣнія о событіяхъ этого года ³⁾. Если повѣрить этому документу, то необходимо предположить, что Казимиръ зашелъ такъ далеко, занялъ земли своимъ войскомъ, ибо ни по какому другому праву, кромѣ права завоеванія, онъ не могъ бы предъявить на нихъ своихъ притязаній, никакого другаго права не могли признать и литовцы, и

¹⁾ Ib.

²⁾ *Смолька*, Rok 1386, стр. 70.

³⁾ *Historya*, Лейпцигск. изд. 1837, IX, 244 слл.

тѣмъ не менѣе о борьбѣ не слышимъ. Литовцы, говорятъ Нарушевичъ, не представили Казимиру никакого отпора, быть можетъ, вслѣдствіе затрудненій со стороны рыцарей,—догадка правдоподобна, но случай все-таки былъ бы безпримѣрный.

Въ военныхъ дѣйствіяхъ 1352 г. мы видѣли солидарность Гединовичей; ея нельзя упускать изъ виду, ибо распредѣленіе литовско-русскихъ силъ подъ ихъ властью по тремъ фронтамъ — польскому, вѣмецкому и московскому могло предполагать болѣе или менѣе нерѣшительныя и слабыя дѣйствія на одномъ изъ фронтовъ, но дѣлало невозможнымъ совершенное открытіе его для вражескаго вторженія. — Уже поэтому успѣхи, предполагаемые документомъ у Нарушевича, кажутся сомнительными. Но сомнѣніе должно перейти въ прямое недоувѣріе, въ виду новаго документа, напечатаннаго недавно и представляющаго договоръ между Казиміромъ и Любартомъ, договоръ, который, по времени ни къ какому другому году, кромѣ 1366, отнесенъ быть не можетъ ¹⁾. Въ этомъ договорѣ опредѣляются границы владѣній Казиміра и Любарта, указывающія въ то же время и территорію борьбы, затѣмъ опредѣляются взаимныя торговныя и политическія отношенія. Обѣ стороны обязываются не измѣнять торговыхъ трактовъ и къ купцамъ относиться по старинѣ, помогать другъ другу противъ враговъ, при чемъ—последнее обстоятельство, будучи обоимъ, считается съ положеніемъ Любарта: онъ обязанъ не помогать братьямъ противъ короля, но въ то же время не будетъ помогать королю противъ братьевъ ²⁾. Для насъ самое важное въ документѣ—это граничная линія: „къ Володимірю отступается по толѣ: по Оуймицю ³⁾, по Пѣсчаный Бродъ ⁴⁾ по Еоуфимково село ⁵⁾, отъ

¹⁾ Архивъ Сангушковъ, I, № 1.

²⁾ Такимъ образомъ союзъ направленъ противъ третьяго лица, думаю—татаръ. Договоръ былъ заключенъ послѣ Синеводской битвы, то-есть, когда татары не могли уже оказать Казимиру какихъ-нибудь услугъ, но могли иногда тревожить его набѣгами.

³⁾ Въ 20 верстахъ къ востоку отъ Владимира.

⁴⁾ Конечно, не Пѣсчаны и Бродъ, ибо ниже: „а отъ Пѣсчана броду“.

Песчанка? — къ востоку отъ Турійска, ib., прим.—Песчаный бродъ упоминается еще ib., № 139, и положеніе его можетъ быть определено по смежнымъ мѣстамъ, тамъ же указываемымъ: онъ находился или въ южной части Ковельскаго уѣзда (всего вѣроятнѣе, —по картѣ генеральнаго штаба, тамъ же озеро Песчаное и рядомъ Гунчій Бродъ), или въ сѣверной части Луцкаго, въ обоихъ случаяхъ недалеко отъ р. Стохода.

⁵⁾ Мѣстности съ этими или подходящимъ названіемъ я не нашелъ; не указана она и издателями акта.

Еоуфимкова села до Маркова става ¹⁾, отъ Маркова става по Львовскую дорогу къ Скоморохамъ ²⁾, а отъ Пѣсчана броду по Пинской мостъ ³⁾, а оттолѣ по Турью, поколѣ Турья прошла*.

Хотя указанная здѣсь граница и не представляетъ полной закругленности, во всякомъ случаѣ она не оставляетъ никакого сомнѣнія, что сѣверные предѣлы земель, отошедшихъ къ Казимиру не переходили за Стоходъ (въ его направленіи отъ запада къ востоку) съ одной и верховьевъ Туріи—съ другой стороны. Если предположить, принимая во вниманіе документъ Нарушевича, что разсмотрѣнный договоръ представляетъ лишь предварительныя условія мира, опредѣленныя Казиміромъ и Любартомъ и требующія, по положенію Любарта, окончательнаго утвержденія со стороны другихъ литовскихъ князей, какъ это мы видѣли въ документѣ 1352 года, и что представлялъ бы въ такомъ случаѣ договоръ у Нарушевича, то какъ бы ни было, надо признать, что въ главномъ—въ уступкѣ земель, окончательный договоръ не могъ очень разниться отъ предварительныхъ условій. При сравненіи же обоехъ ясно, что по договору несомнѣнной подлинности Казиміръ получаетъ лишь округъ, простирающійся ко Владимиру съ весьма небольшимъ протяженіемъ къ востоку и сѣверу; по документу же Нарушевича приобрѣтенія его переходятъ за Припять; мало того, предполагаются нѣкоторыя, по крайней мѣрѣ, права Польскаго короля на земли, находящіяся въ значительномъ разстояніи къ сѣверу и къ югу. Въ обезпеченіе владѣній Кейстута и Ольгерда, говорится въ заключеніи Нарушевичева документа, король на будущее время отказывается отъ всякихъ правъ на Брестъ и Каменицу, а въ Подляшѣ на Дрогичинъ, Мельникъ, Бѣльскъ, равно на землю Кобринскую, составлявшую владѣніе Ольгерда ⁴⁾. Но, спрашивается, какое право могъ имѣть когда-либо Казиміръ на указанные здѣсь владѣнія? Въ настоящее время намъ извѣстны чуть ли не всѣ документы времени Казимира; ни одинъ изъ нихъ, однако, не указываетъ не только на дѣйствительное его господство въ сѣверной части Волыни или Подляшья, но не даетъ даже основаній предполагать временнаго притязанія на нихъ съ его стороны. Есть пожалованія

¹⁾ При слияніи обоехъ Луговъ.

²⁾ На р. Бугъ, около Стенятика.

³⁾ Къ сѣверо-востоку отъ Владимира.

⁴⁾ Rex nihil juris habiturus unquam in Keystuti arces, in Brest, Kamienica Dohiczyn, Mielnik, Bielsk; Kobryn Magni ducis.

Казиміромъ земель въ Подоліи, напримѣръ, села Пилавцы (Летичевскаго уѣзда) Щукоцкому, но эти документы несомнѣнно поддѣльны ¹⁾, и нѣтъ рѣшительно никакого признака дѣятельности Казиміра въ указанныхъ областяхъ. А между тѣмъ все вниманіе послѣднихъ годовъ царствованія Казиміра было обращено именно въ эту сторону. Больше 3000 гривенъ израсходовалъ король въ короткое время на Владимірскій замокъ, на смертномъ одрѣ съ безпокойствомъ устремлялъ туда свой заботливый взоръ, отправивъ съ Венцеславомъ Танчинскимъ, завѣдывавшимъ укрѣпленіями, 600 гривенъ за 4 дня до смерти ²⁾. Мы знаемъ, съ какою горячею заботливостью относился Казиміръ къ Галицкой Руси, какъ не оставлялъ ничего, что могло бы содѣйствовать болѣе крѣпкой связи новопріобрѣтенныхъ земель съ Польшей; возможно ли, чтобы завоеванія 1366 года, въ теченіи 4 лѣтъ жизни Казиміра, были имъ оставлены рѣшительно безъ всякаго вниманія? Договоръ 1366 года, приводимый Нарушевичемъ изъ короннаго архива, не имѣетъ никакой даты (ни мѣста, ни времени), къ 1366 году онъ отвесенъ Нарушевичемъ лишь по соображенію его данныхъ съ показаніями Длугоша, при чемъ въ передачѣ содержанія договора Нарушевичъ прямо старается примирить и согласовать оба источника ³⁾, въ распредѣленіи земель заключаетъ въ себѣ ни съ чѣмъ не сообразныя невозможности; какимъ же образомъ можно придавать ему значеніе и вѣру. Въ польско-литовскомъ спорѣ за западно-русскія земли выдвигались поляками такіе аргументы, которые могли свидѣтельствовать лишь о незнаніи литовцами ихъ собственной исторіи или о необыкновенномъ нравственномъ преобладаніи надъ ними поляковъ. Что сказать, если оба предположенія сохраняютъ силу и по настоящее время, если подобные документы приводятся безъ оговорокъ и разъясненій въ русскихъ изслѣдованіяхъ и теперь? Договоръ, приведенный Нарушевичемъ, мы считаемъ не заслуживающимъ рѣшительно никакого вниманія: онъ представляетъ позлѣйшую и притомъ весьма грубую поддѣлку ⁴⁾. При сопостав-

¹⁾ Н. Молчановскій, Очеркъ, 188, пр. 1.

²⁾ Янь, М. Р. Н., II, 644.

³⁾ Historia, XI, 246 пр. 2.

⁴⁾ Характерно замѣчаніе К. Стадницкаго, Synowie, II, 43: Spory długoletnie, które się toczyły między Litwą a Polską nie mogli mieć miejsca co do Wołynia, bo ktoż wbrew oczywistości śmiał by zaprzeczyć że Kazimierz ziemię tę zajął „Очевидность“ достигалась документомъ, приведеннымъ у Нарушевича!

леніи съ несомнѣнной подлинности документомъ она очевидна. За мѣчательно, что о Нарушевичевомъ документѣ не упоминаеть и описатель короннаго архива Кромеръ.

Въ указаніи результатовъ Казимірова предпріятія въ 1366 г. мы должны поэтому ограничиться лишь разсмотрѣннымъ несомнѣннымъ договоромъ между Казиміромъ и Любартомъ. Результаты эти заключались лишь въ пріобрѣтеніи Казиміромъ Владимира съ небольшимъ округомъ, а дѣятельность его въ послѣдніе годы жизни доказываетъ, что онъ всѣ силы обратилъ на то, чтобы сдѣлать этотъ городъ базисомъ дальнѣйшихъ пріобрѣтеній или по крайней мѣрѣ окончательно упрочить его за собою. Говорить о какихъ-нибудь другихъ успѣхахъ Казиміра мы рѣшительно не имѣемъ ни малѣйшаго основанія.

Былъ ли договоръ временнымъ перемиріемъ, или имѣлъ значеніе окончательнаго? Скорѣе можно предполагать первое, какъ потому что онъ былъ заключенъ только между Казиміромъ и Любартомъ, безъ участія другихъ литовскихъ князей, такъ и потому что въ немъ находится, правда несомнѣмъ ясное, упоминаніе о какомъ-то срокѣ ¹⁾. Изъ письма Урбана V къ гвѣзненскому архіепископу ²⁾ мы узнаемъ, что въ 1369 году „договоръ между Казиміромъ съ одной и нѣкоторыми схизматиками и невѣрными“ съ другой стороны, былъ послѣднимъ неожиданно нарушенъ, что, по врожденной злокозненности, они произвели страшный набѣгъ, при чемъ разрушили нѣкоторые города въ предѣлахъ Краковской епархіи, но самая неопредѣленность напскихъ выраженій заставляеть предполагать, что окончательнаго договора отъ лица всѣхъ литовскихъ князей, какъ въ 1352 году, заключено не было, и что набѣгъ 1369 г. могъ быть произведенъ Кейстутомъ, который не чувствовалъ себя связаннымъ договоромъ, заключеннымъ между Казиміромъ и Любартомъ, хотя своимъ набѣгомъ несомнѣнно дѣйствовалъ въ пользу послѣдняго. Это обстоятельство является лишь подтвержденіемъ всегдашней солидарности дѣйствій Гедиминовичей. Во всякомъ случаѣ, набѣгъ 1369 г. представляетъ отдѣльный эпизодъ, не измѣнившій до смерти Казиміра взаимнаго отношенія враждебныхъ сторонъ.

¹⁾ „оль (?) на годъ мнеть Дмитріевъ день“ (26 октября). Предположеніе, что срокъ этотъ относится лишь къ условію взаимной помощи (ib., пр.), не имѣеть за себя никакихъ основаній. Думаю, срокъ скорѣе относится ко всему договору. Текстъ во всякомъ случаѣ нелепъ, вѣроятно, здѣсь пропускъ.

²⁾ *Theiner*, M. P., I, № 882.

1370—1377 г.

5-го ноября 1370 года умеръ Казиміръ ¹⁾. Лишь только, говоритъ Янъ,—смерть Казиміра сдѣлалась извѣстною, Кейстуть съ Любартомъ напали на Владимірскій городъ и, не смотря на полную возможность защищаться въ новыхъ укрѣпленіяхъ, начальникъ владимірскаго гарнизона, Петрашъ Турскій изъ Ланчицы, сдалъ его безъ всякаго сопротивленія литовцамъ, которые немедленно разрушили новый каменный городъ, довольствуясь старымъ деревяннымъ ²⁾,—поступокъ, совершенно естественный въ виду того, что единственно этотъ каменный городъ былъ оплотомъ польскаго владычества на Волини. 600 гривенъ, отправленныхъ Казиміромъ на смертномъ одрѣ для укрѣпленій Владиміра, не дошли по назначенію и были возвращены въ королевскую казну ³⁾. Ударъ за ударомъ посыпались на Польшу, не давая полякамъ возможности опомниться: одновременно съ занятіемъ Волини литовцами, попалъ въ руки Бранденбургскаго маркграфъ Сантокъ; въ то же время вель себя подозрительно Мазовскій Сомовить, не явившійся на коронацію для возобновленія присяги и захватившій, кромѣ того, подъ свою власть четыре города ⁴⁾. Его связи съ Литвой вызвали даже виѣшательство папы Григорія XI въ 1371 году ⁵⁾. Поляки обнаруживаютъ полную апатію: ополченіе на выручку Сантока собиралось лѣниво, литовцамъ не было оказано никакого сопротивленія ⁶⁾. Людовику, вообще равнодушному къ польскимъ дѣламъ, событія на отдаленной окраинѣ государства могли казаться не заслуживающими особаго вниманія. Для него, династа по преимуществу, Сомовить долженъ былъ являться гораздо болѣе опаснымъ; но равнодушіе поляковъ, окружавшихъ Елизавету, къ дѣ-

¹⁾ Мы не дѣлаемъ никакого перерыва, потому что дальнѣйшій ходъ борьбы представляетъ естественное продолженіе предшествовавшаго.

²⁾ Янъ, М. Р. Н., II, 643.

³⁾ Ib.

⁴⁾ Длугошъ, подъ 1370, IX, 323.

⁵⁾ Шуйскій, Оповід., 79.

⁶⁾ Разказъ Длугоша о посольствѣ Елизаветы къ Кейстуту (подъ 1370, X, 330) сомнителенъ. Объясненіе Каро, что Людовикъ былъ занятъ европейскими дѣлами, а Елизавета, по женскому легкомыслію, наслаждалась властью и сокровищами, оставленными братомъ (G. P., II, 376), не можетъ удовлетворять насъ; у Елизаветы вѣдь были совѣтники, да и она сама не чужда была политическаго пониманія. См. Шайноха, Dzieła, IV: Siostra Kazimierza W. we Włoszech.

ламъ на востокѣ, заслуживаетъ вниманія. Вѣдь если вѣрить Длугошу, литовцы, увлеченные успѣхомъ, дошли до Сандомира. Показаніе Длугоша ¹⁾, впрочемъ, не подтверждается Яномъ, который совершенно молчитъ о литовскомъ набѣгѣ.

Семь лѣтъ литовцы спокойно владѣли возвращенными отъ поляковъ землями, и замѣчательно—ни разу вниманіе поляковъ не обращалось въ эту сторону.

1372 г., октября 10-го, Людовикъ передалъ Русь, то-есть, Галичину, Владиславу Опольскому ²⁾. Другаго правителя, болѣе подходящаго для его цѣлей, врядъ ли удалось бы ему найти. Возможныя со стороны поляковъ недоразумѣнія, въ случаѣ назначенія какого-нибудь венгерца, устранялись въ данномъ случаѣ тѣмъ, что Владиславъ, хотя и не любимый шляхтой, былъ все-таки польскій князь—Пясть, и этотъ титулъ вполне покрывалъ, по крайней мѣрѣ на видъ, дѣйствительную сущность вещей—передачу Галичины венгерскому намѣстнику. Для насъ, впрочемъ, интереснѣе пока вопросъ о границахъ Руси, переданной Владиславу въ управленіе. Мы видѣли, что Владимірскій округъ отошелъ къ Любарту немедленно послѣ смерти Казимира, затѣмъ до 1377 г. мы не имѣемъ никакихъ свидѣтельствъ объ отношеніяхъ Владислава къ Белзско-Холмской землѣ; очевидно, она не была ему подвѣдома. Остается слѣловательно Русь въ предѣлахъ договора 1352 г. Только въ 1377 г. Владиславъ учреждаетъ въ Белзѣ складъ соли и другихъ товаровъ, причемъ „литовцы“, то-есть, русскіе, находившіеся подъ властью Литвы, должны были запасаться солью въ Белзѣ и не посѣщать Галицкую Русь ³⁾. Очевидно, здѣсь они были опасными гостями. Такимъ образомъ Холмско-Белзская земля не состояла ни въ какихъ отношеніяхъ къ Польшѣ, при жизни Казимира. Въ ней спокойно правилъ Юрій Наримунтовичъ. Семилѣтнее правленіе Владислава представляетъ во внутренней жизни Галицкой Руси эпоху чрезвычайно важную. Мы укажемъ ея значеніе при обзорѣ внутреннихъ дѣлъ страны, теперь продолжимъ очеркъ затихшей, но еще не оконченной борьбы за Галичъ. Мы уже указывали на равнодушіе поляковъ къ дѣламъ, происходившимъ на восточной

¹⁾ X, 331. Разказъ Длугоша о чудѣ, на чемъ, между прочимъ, Стадницкій основываетъ его достовѣрность (Synowie, II, 47 пр. 75), представляетъ, очевидно, легенду, связанную съ литовскими набѣгами. Подобный же разказъ встрѣчаемъ у Быховца, при описаніи нападенія Ягайла, стр. 28.

²⁾ А. Гр. и З., III, № 20.

³⁾ *Balński-Lipiński, Starożytna Polska*, II, 2, 1177.

границѣ государства. Людовикъ не считалъ нужнымъ обращать на нихъ особенное вниманіе, но, можно думать, онъ не совсѣмъ упустилъ ихъ изъ виду, постаравшись затруднить литовцевъ борьбою съ рыцарями, на которыхъ Людовику дѣйствовать было не трудно. Не мало обстоятельство тѣснѣйшимъ образомъ связывало Людовика съ рыцарями. Въ юные годы онъ воевалъ съ невѣрными подъ орденскими знаменами; хозяйственный и меркантильный по натурѣ, Людовикъ не могъ въ зрѣлые годы не отдавать въ этомъ отношеніи справедливости рыцарямъ; не говоримъ уже о его нѣмецкихъ симпатіяхъ вообще. — Вотъ почему при Лювикѣ орденъ пользовался широкими торговыми правами въ Польшѣ, въ значительный ущербъ польскимъ, особенно краковскимъ купцамъ. Поэтому-то рыцари вспоминали съ особеннымъ умиленіемъ времена Людовика: „О, еслибы жилъ еще король Людовикъ,—не нанесли бы намъ никакой кривды!... То-то былъ король справедливый, всегдашній нашъ милостивецъ и защитникъ... днемъ и ночью молимся о его душѣ“¹⁾. Такому королю было, конечно, не трудно пользоваться услугами рыцарей для того, чтобы причинять затрудненія литовцамъ. — Если ограничиться лишь свѣдѣніями, сообщаемыми Длугошемъ²⁾, то можно полагать, что, начиная съ 1371 до 1376 г. не проходило ни одного года безъ набѣга рыцарей на владѣнія Кейстута, при чемъ нѣкоторые изъ этихъ набѣговъ были направлены именно на Русь, близкую къ владѣніямъ Любарта. Такъ въ 1373 г. Балгскій командоръ напалъ на сѣверную Волынь и дошелъ до Каеницы. Такимъ образомъ Кейстутъ былъ совсѣмъ лишенъ возможности содѣйствовать брату, а съ собственными средствами Любартъ могъ и не рѣшиться выступить на борьбу, въ виду силъ соединенныхъ государствъ—Польскаго и Венгерскаго, такъ что набѣгъ литовцевъ 1376 г. произошелъ въ этомъ году только потому, что не могъ быть произведенъ раньше.

Соединенныя силы Любарта, Кейстута и Юрія Наримунтовича черезъ Люблинскую землю внесли въ ноябрѣ страшное опустошеніе въ Сандомірскую область. Набѣгъ былъ жестокий, и безчисленное множество народа было уведено въ плѣнъ³⁾. Литовцы дѣйствительно какъ будто старались выместить старыя обиды. Не мало было ихъ,

¹⁾ Voigt, Cod. dipl. Prus., IV, 139, цитата по Шайнохъ, V, 138.

²⁾ X, 345, 349, 352, 356, 360, 368; Ср. впрочемъ Boldt, Der deutsche Orden u. Litfauen 1370—1386. Königsb., 1873, стр. 21 слл.

³⁾ Ян., М. Р. Н., II, 675. По лѣтоп. Малопольск., ib., III, 201, уведено было 23 тысячи человекъ.

и притомъ весьма существенныхъ, если имѣть въ виду дѣятельность Владислава въ Галицкой Русѣ.

Людовику пришлось, наконецъ, обратить серьезное вниманіе на восточную границу. Онъ обращается къ польскому духовенству съ предложеніемъ оказать матеріальное содѣйствіе къ предстоящему походу, но результаты не вполнѣ отвѣчали его надеждамъ: всего лишь 200 гривенъ получилъ Людовикъ отъ архіепископа въ Сандомірѣ, куда прибылъ черезъ Саноцкія горы, вѣроятно, въ началѣ іюня 1377 г. ¹⁾.

Двумя отрядами двинулись войска на Русь: поляки подъ предводительствомъ Сендзивая изъ Шубина пошли на Холмъ, венгерцы на Белзъ, гдѣ съ главными своими силами заперся Юрій. Съ венгерскими войсками находился, вѣроятно, и Владиславъ Опольскій.— Въ теченіе недѣли, по сообщенію польскихъ анналистовъ, управились поляки съ Холмомъ, послѣ чего присоединились къ венграмъ. Скоро между осаждающими произошли крупныя недоразумѣнія, могшія печально отразиться на исходѣ всего предпріятія ²⁾; но явился для переговоровъ Кейстутъ, и военныя дѣйствія прекратились. Литовцы обязались сдать Белзъ и возвратить плѣнныхъ, захваченныхъ, очевидно, въ предыдущемъ набѣгѣ. Только теперь такимъ образомъ были пріобрѣтены отъ Литвы земли Белзская и Холмская, но даже теперь предѣлы польскихъ завоеваній не дошли еще до границъ, указываемыхъ въ договорѣ у Нарушевича ³⁾. Походъ былъ предпринятъ Людовикомъ не даромъ: весь лѣвый берегъ Буга теперь оказался въ полной его власти, а у Юрія была отнята всякая возможность возбуждать новыя для поляковъ затрудненія. Въмѣсто отнятыхъ у него земель, ему былъ данъ Любачевъ и сто гривенъ изъ соляныхъ доходовъ въ Бохніи ⁴⁾.

Военныя дѣйствія 1377 г. представляютъ поворотный моментъ въ исторіи занимающей насъ борьбы. Въ дѣйствіяхъ литовцевъ не видимъ уже той энергіи и единства, какими всегда отличались они раньше. Юрій мужественно защищается въ Белзѣ, но со стороны

¹⁾ Время похода — іюнь—августъ, *Ржежабекъ*, въ *Сазор.*, 200, пр. 59, на основаніи св. г. рг. II, 115.

²⁾ Кромерь, XIII, 228.

³⁾ Длугошъ, Кромерь и лятв. Куявск., называютъ Белзъ, Холмъ, Городло, Гробовецъ и Всеволожь (не волынской, *Стадницкій*, *Synowie*, 1, 35 пр. 47, но положеніе его неясно); Янъ говоритъ вообще о земляхъ Белзской и Холмской.

⁴⁾ Янъ, М. Р. Н., II, 679; *Ржежабекъ*, въ *Сазор.*, 199.

Любарта не получаетъ поддержки. Кейстутъ является въ польско-венгерскій лагерь какъ разъ тогда, когда въ немъ обнаружилась вражда и нестроение, и тѣмъ не менѣе не думаетъ ими пользоваться. Все это такъ рѣзко отличается отъ прежняго образа дѣйствій литовскихъ князей, что могло произойти лишь вслѣдствіе важныхъ причинъ.—Дѣйствительно весною 1377 г. умеръ Ольгердъ ¹⁾).

Въ дѣятельности трехъ Гедиминовичей нельзя не замѣтить строгаго и выдержаннаго распредѣленія ролей. Кейстутъ является по преимуществу борцомъ съ нѣмцами, Ольгердъ занимается дѣлами русскими и татарскими, Любартъ стоитъ на стражѣ интересовъ Литвы со стороны Польши. На трехъ фронтахъ державы Гедиминова мы видимъ по его смерти трехъ его сыновей, унаслѣдовавшихъ отъ отца, какъ показываютъ ихъ дѣла, его великій духъ. Дѣятельность ихъ представляетъ рѣдкій, едва ли не единственный въ исторіи примѣръ не только стойкости и мужества, но и такихъ истинно братскихъ отношеній, которыя въ болѣе извѣстныхъ намъ отношеніяхъ Ольгерда и Кейстута вызываютъ общее удивленіе историковъ. Картина, однако, не полная, ибо въ ней недостаетъ третьяго брата. Удалившись на югъ еще при жизни отца, онъ остался на мѣстѣ до самой кончины. Сорокъ лѣтъ провелъ въ неустанной борьбѣ. Сознаніе важности занимаемаго имъ поста, непрерывныя опасности со стороны врага не давали Любарту никакой возможности принимать участіе въ другихъ литовскихъ дѣлахъ — вотъ почему молчатъ о немъ восточно-русскіе и нѣмецкіе историки. И западно-русскій лѣтописецъ въ трогательной характеристикѣ отношеній Ольгерда и Кейстута ²⁾ не даетъ Любарту мѣста, принадлежащаго ему по нелицеприятному свидѣтельству историческихъ фактовъ, а столь вообще многословный Длугошъ сумѣлъ быть сжатымъ; въ его характеристикѣ: „мужъ двуличный и коварный“ — вотъ и все, что сказалъ Длугошъ о личности Любарта ³⁾).

Такъ заплатила Любарту исторія, продолжаетъ платить тою же монетой и донынѣ, ибо и въ новѣйшихъ трудахъ—даже русскихъ—встрѣчаемъ упоминаніе объ „отчужденіи Любарта отъ братьевъ, которые не прочь были отхватить у него частицу его богатой земли“ ⁴⁾).

¹⁾ К. Стадницкій. Olg. i Kiejst., 157, пр. 348.

²⁾ Лѣтоп. Попова, 28.

³⁾ IX, 308: vir ambiguae fidei et dolositatis plurimae.

⁴⁾ Андрияшевъ, Очеркъ, 216.

Все это лишь плод недоразумѣній и недостаточно яснаго представленія дѣла. Говоря выше о Берестѣ, мы указывали на естественность постояннаго участія Кейстута въ русско-польской борьбѣ; но не только Кейстутъ принимаетъ въ ней дѣятельное участіе. Въ интересахъ обоихъ братьевъ дѣйствуетъ и Ольгердъ; всѣ три Гедиминовича обращаютъ усиленное вниманіе на западную границу, и въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ нельзя усмотрѣть ни тѣни какого-нибудь соперничества, зависти или чего подобнаго. Договоръ 1352 г. сохраняетъ намъ весьма характерную и дорогую черту взаимныхъ отношеній Гедиминовичей: „а на счетъ Любартова плѣненія, предоставляемъ рѣшеніе павамъ угорскимъ... если плѣнилъ его король по кривдѣ (несправедливо), Любартъ будетъ правъ, и я князь Кейстутъ буду правъ передъ угорскимъ королемъ; если же правъ окажется король, мы дадимъ ему брата Любарта въ плѣнъ“. Трудно сказать, который изъ братьевъ въ данномъ случаѣ старается очистить другаго отъ малѣйшаго подозрѣнія въ коварствѣ даже со стороны врага и въ такомъ дѣлѣ, какъ бѣгство изъ плѣна во время военныхъ дѣйствій; во всякомъ случаѣ, оба брата выступаютъ здѣсь за одно, каждому рыцарская честь другаго столь же дорога, какъ и своя. Какъ будто идеальныя понятія о рыцарской чести, ослабѣвъ на западѣ—вспомнимъ плѣненіе Казиміромъ Карла Люксембурга и бѣгство послѣдняго изъ плѣна,—нашли себѣ мѣсто въ сердцахъ Гедиминовичей! Послѣ 1352—1353 гг. мы видимъ постоянное участіе Кейстута въ дѣлахъ Любарта, то вмѣстѣ съ нимъ, то отдѣльно отъ него, но всегда съ одною цѣлью—содѣйствія и помощи. И теперь, въ 1377 г., только что потерявъ одного брата, съ которымъ былъ едино, Кейстутъ тѣмъ не менѣе является въ союзный лагерь враговъ хлопотать о дѣлѣ другаго брата.

Но богатырскія силы героя надломлены постигшимъ его ударомъ. Не предводителемъ грознаго набѣга, какъ бывало, не на выручку осажденнаго и отчаянно отбивающагося въ Белзѣ племянника является Кейстутъ въ непріятельскій лагерь. Нѣтъ! Безъ войска, вѣроятно, въ сопровожденіи лишь небольшой свиты, является онъ для переговоровъ, а затруднительное положеніе союзниковъ ускоряетъ заключеніе мира. Мы не знаемъ, какое еще доказательство нужно для подтвержденія истинно-братскихъ отношеній не двухъ лишь, а трехъ Гедиминовичей во все продолженіе ихъ княженія? Бездѣйствіе литов-
часть сслхвц, отд. 2.

цевъ въ 1377 г. объясняется такимъ образомъ совершенно естественно, нося на себѣ явную печать преслѣдующаго ихъ злаго рока ¹⁾).

1377—1387 гг.

Объ отношеніи Холмско-Белзской земли къ Польшѣ съ 1377 г. не находимъ опредѣленныхъ указаній въ лѣтописныхъ свидѣльствахъ; документы не представляютъ никакихъ данныхъ о дѣятельности въ ней поляковъ. Въ 1377 г., іюля 26-го, то-есть, еще во время пребыванія здѣсь мадьярско-польскаго войска, Людовикъ жалуетъ братьямъ Дмитрію и Яну города Горай и Красникъ ²⁾, а Владиславъ Опольскій прибавляетъ еще Щебрешинъ ³⁾. Вѣроятно, ко времени непосредственно по заключеніи мира относится грамота того же Владислава Белзу, о которой мы упоминали выше, но о позднѣйшей дѣятельности правителя Галичины въ Холмско-Белзской землѣ ничего не знаемъ. Что означаетъ это отсутствіе свѣдѣній, трудно сказать; но мы не рѣшаемся сопоставлять это умолчаніе съ таковымъ же въ 1340 г. относительно Галичины, въ 1349 г. относительно Волыни ⁴⁾. Во всякомъ случаѣ, если о Белзѣ встрѣчаемъ упоминаніе, относящееся ко времени мадьярскаго господства, какъ о городѣ, подлежащемъ власти угровъ ⁵⁾, то Холмъ еще въ послѣдній моментъ борьбы ⁶⁾ и потомъ во время дипломатической борьбы между Польшей и Литвой въ XV вѣкѣ возбуждалъ характерныя сомнѣнія ⁷⁾.

¹⁾ Бромеръ, XIII, 228, упоминаетъ еще о двукратномъ набѣгѣ литовцевъ послѣ 1377, но мнѣ не пришлось встрѣтить подтвержденія его показаній. Во всякомъ случаѣ смерть Ольгерда составляетъ въ исторіи русско-польской борьбы рваній переломъ, хотя даже тогда трудно было предвидѣть окончательный ея исходъ.

²⁾ *Грабовскій-Пржезднцкій*, Zródła, 1, 141.

³⁾ *Staroż. Polska*, II, 2, 809.

⁴⁾ Переговоры съ куріей объ учрежденіи епископскихъ кафедръ въ сущности ничего не уясняютъ въ данномъ случаѣ уже потому, что въ нихъ упоминается о Владимірѣ, находившемся безъ всякаго сомнѣнія во власти Литвы. Мы указываемъ лишь на неопредѣленность отношеній Холмско-Белзской земли къ другимъ землямъ державы Людовика. Надо, однако, сказать, что, быть можетъ, такая неопредѣленность входила въ планы послѣдняго.

⁵⁾ Въ грамотѣ Эмерика Вебека, 22-го января 1384 г., въ подписяхъ находимъ (*Ladislao*) filio Posa capitaneo nostro de Belz. А. Гр. и З, II, 19.

⁶⁾ Имѣемъ въ виду сопоставленіе польской власти западно-русскаго боярина Крупы. Объ этомъ загадочномъ, но весьма характерномъ эпизодѣ будетъ сказано ниже.

⁷⁾ *К. Стадницкій*, *Synowie*, 1, 27.

Походъ Людовика на Русь не остался безъ важныхъ послѣдствій не только по отношенію къ Литвѣ. Познакомившись съ положеніемъ дѣлъ на Руси и выждавъ послѣ этого нѣкоторое время, Людовикъ нашелъ, что посредничество Опольскаго въ присоединеніи Руси къ Венгріи болѣе не нужно. 13-го января 1379 г. Владиславъ отказывается отъ управленія Русью ¹⁾, официально констатируя дѣло, рѣшенное въ концѣ предыдущаго года ²⁾. Обширныя пожалованія и роль, предоставленная Владиславу въ Польшѣ, свидѣлствуютъ, что Людовикъ могъ имѣть въ виду недовольство поляковъ его дѣйствіями, и что подъ конецъ своего правленія, обезпечивъ себѣ съ ихъ стороны все, чего желалъ, готовъ былъ и не церемониться съ ними ³⁾. Немедленно по удаленіи Владислава, Людовикъ занимаетъ Русь мадыарскими гарнизонами ⁴⁾. Судя по тому, что и въ пограничныхъ съ владѣніями Любарта городахъ видимъ мадыарскихъ начальниковъ, должно думать, что занята была вся Русь. Со стороны поляковъ никакихъ противодѣйствій не видно.

11-го сентября 1382 года умеръ Людовикъ. Мадыарскіе начальники волынскихъ городовъ сдаютъ ихъ Любарту. Это было послѣднимъ извѣстнымъ намъ дѣломъ главнаго героя польско-русской борьбы. Состояніе, въ которомъ мы видѣли Кейстута въ союзномъ лагерѣ подъ Белзомъ, не можетъ дать и приблизительнаго понятія о томъ невыразимо трагичномъ положеніи, въ какомъ долженъ былъ очутиться Любартъ, когда гнусная расправа Ягайла надъ Кейстутомъ окончательно уничтожила равновѣсіе литовскихъ силъ, какъ разъ въ то время, когда содѣйствіе Кейстута въ борьбѣ съ Польшей могло имѣть особенно важное значеніе ⁵⁾; и надо было обладать дѣйствительно богатырскимъ духомъ, чтобы даже послѣ этого сдѣлать попытку къ возвращенію потеряннаго. Дальнѣйшія дѣйствія были бы однако бесполезными, и мы уже не видимъ Любарта во главѣ за-

¹⁾ А. Гр. и З, III, № 27.

²⁾ Добрижская земля была пожалована Владиславу 8-го декабря 1378 г. Ів., V, № 14.

³⁾ Вопросъ о правленіи Владислава въ Польшѣ вызываетъ разногласія, но онъ для насъ посторонній; ср. *Шуйскій*, *Opowiad.*, 110—111 и *Брейтеръ*, *Владиславъ Опольскій*, гл. IV. Впрочемъ, доводы послѣдняго намъ не кажутся убѣдительными.

⁴⁾ Янъ, *М. Р. Н.*, 680, *Длугошъ*, X, 374, *Кромеръ*, XIII, 229 ограничиваются общими словами, не перечисляя занятыхъ уграмъ городовъ.

⁵⁾ Кейстутъ былъ удушенъ, по всей вѣроятности, около 15-го августа.

падно-русскихъ полковъ, ведущаго ихъ на самую русско-польскую границу поить коней въ Вислѣ! Вынужденное бездѣйствіе послѣднихъ лѣтъ его жизни, тотъ никѣмъ не предвидѣнный поворотъ литовско-русской исторіи, начало котораго происходило на его глазахъ, долженъ былъ невыразимо тяготить литовско-русскаго богатыря, всю жизнь прожившаго на Руси, всѣ силы посвятившаго ея интересамъ. Все это, вѣроятно, и ускорило его кончину. Если онъ и не видѣлъ торжества поляковъ, то во всякомъ случаѣ долженъ былъ чувствовать, что всѣ его труды и усилія пропали безъ пользы. Онъ умеръ до 1386 г., представивъ собою наглядный примѣръ гармоническаго сліянія Литвы-Руси какъ разъ въ то время, когда судьбѣ угодно было рѣзко и безжалостно повернуть ихъ исторію на совсѣмъ другой путь.

Какая по истинѣ трагическая судьба!

Съ удаленіемъ Лжбарта съ исторической сцены, борьба за галицко-владимірское наслѣдіе, собственно говоря, прекращается.

Правленіе Маріи, послѣ отказа ея отъ польской короны, представляетъ время ничѣмъ не маскируемаго господства угровъ въ Галичинѣ. Въ церковныхъ дѣлахъ оно, какъ увидимъ ниже, ознаменовалось довольно важными фактами и продолжалось до 1387 г. Событія этого года бросаютъ ретроспективный, но яркій свѣтъ на взаимныя отношенія къ Галичинѣ Польши и Литвы.

18-го февраля 1386 г. Литовско-Русскій государь „Яковъ Ондревичъ“, какъ называетъ его надпись на колоколѣ, пожертвованномъ имъ вилевской церкви св. Параскевы ¹⁾, соединился брачными узами съ Польскою королевою Ядвигой. Ничѣмъ не подготовленное, а потому nepостижимое, безпримѣрное въ исторіи счастье засіяло теперь на потускнѣвшемъ польскомъ горизонтѣ! Въ концѣ того же мѣсяца послѣдовала злокозненная смерть милолетнаго Венгерскаго короля Карла Неаполитанскаго, вызвавшая возстаніе въ южныхъ провинціяхъ государства. Вновь ставшая королевою Марія и виновница преступленія Елизавета отправились туда для его усмиренія; здѣсь разыгралась надъ ними ужасная драма. Захваченныя въ плѣнъ сторонниками Карла, онѣ шесть мѣсяцевъ оставались въ плѣну, а въ февралѣ 1387 года Елизавета, въ присутствіи дочери, была задушена. Судьба Марія

¹⁾ *М. Смирновъ, Ягелло-Яковъ-Владиславъ. Одесса. 1868, стр. 173.*

еще нѣкоторое время вызывала самыя тревожныя опасенія. Какія чувства должны были волновать ея сестру Ядвигу, когда до нея дошли вѣсти о катастрофѣ въ далматскомъ Новоградѣ, едва ли можно себѣ представить; но о чемъ думали въ это время малопольскіе виновники недавняго краковскаго брака, на это указываютъ послѣдовавшія въ мартѣ того же года событія.

Увѣрившись—именно въ исторіи брака—въ возможности безцеремоннаго обращенія съ Ядвигой, малопольскіе паны, не обращая вниманія на ея душевное состояніе, въ отсутствіе Ягайла, увлекаютъ королеву на Русь. 1-го марта прибыли въ Городокъ (около Львова). Этого числа Ядвига выдала львовянамъ документъ на свободный проѣздъ изъ Львова въ Городокъ и обратно ¹⁾, скрѣпленный отдѣльнымъ согласіемъ пановъ, спутниковъ Ядвиги ²⁾. Переговоры продолжались недолго. 8-го марта Ядвига съ панами была уже въ городѣ, гдѣ и подтвердила всѣ его права и вольности, даже безъ различія національности. Уничтоженіе повинностей, наложенныхъ „нѣкимъ лицомъ“ по смерти Казимира „не по праву и справедливости“ ³⁾, являлось отвѣтомъ на происки Владислава Опольскаго ⁴⁾. Польской „амазонкѣ“ ⁵⁾ не удалось однако завершить дѣло одними польскими силами, пришлось призвать на помощь литовскихъ князей,—только они, очистивъ для поляковъ Галичъ, вмѣстѣ съ тѣмъ фактически устранили изъ Галичины послѣдняго посторонняго претендента ⁶⁾. Другими словами, борьба была завершена случайностью,

¹⁾ А. Гр. и З., III, № 40.

²⁾ *Ib.*, № 41.

³⁾ *Ib.*, № 42.

⁴⁾ *Ib.*, II, № 14 и 15. Что кое-гдѣ эти происки могли имѣть успѣхъ, видно изъ сопоставленія документовъ: *ib.*, II, № 13 и *ib.*, VI, № 1. Быть можетъ, они не остались безъ вліянія и на упорное сопротивленіе Бенедикта въ Галичѣ, хотя оно могло обуславливаться и значительностью собравшихся здѣсь венгерскихъ силъ. Во всякомъ случаѣ предположеніе Вагилевича о двойной игрѣ Владислава Опольскаго (*ib.*, III, 73, пр.) излишне.

⁵⁾ *Голембиовскій*, *Panowanie Władysława Jagiełły*, 77: «pod niebytność Władysława, królowa, jak Amazonka druga, zgromadziwszy hufce, na Ruś szczerwoną wkrocza». Въ какой степени могла принадлежать Ядвигѣ активная роль и какъ идетъ къ ней въ ея душевномъ состояніи, сравненіе съ амазонкой, нечего объяснять.

⁶⁾ Князья гарантировали Бенедикту не только безопасность, но и милость великаго князя, и дѣйствительно, Ягайло подтвердилъ ему владѣніе нѣвніями въ Жидачевскомъ, Львовскомъ и Беззскомъ округахъ. *Голембиовскій*, *ib.*, прибавл. 132, стр. 501. Смыслъ документа невѣрно переданъ въ *Inventarium*, 250.

которой никакъ нельзя было предвидѣть до роковаго Краковскаго брака.

Когда Ягайло вернулся изъ своей миссіонерской поѣздки въ Литву, дѣло было уже сдѣлано; ему оставалось только подтвердить его отъ своего имени ¹⁾; но столь поспѣшная экспедиція малопольскихъ пановъ съ Ядвигой на Русь, именно во время отсутствія Ягайла, неудовольствія, возникшія между супругами, причину которыхъ указываютъ именно въ дѣйствіяхъ Ядвиги на Руси ²⁾, негодованіе литовскихъ князей, котораго отчасти не могъ не раздѣлять и Ягайло, и которое дало поводъ къ слухамъ объ отдѣленіи Галичины отъ Польши, вызвавшимъ со стороны Ягайла — впрочемъ уже тогда, когда польская корона была за нимъ обезпечена — торжественное опроверженіе ³⁾, все это, повторяемъ, бросаетъ яркій свѣтъ на отношенія Галичины къ Польшѣ и Литвѣ. Въ этомъ заключительномъ эпизодѣ даже К. Стадницкій видитъ „верхъ (arcydzieło) дипломатіи, осмотрительности, расчета и необыкновенно ловкаго уловленія момента со стороны коронной рады“ ⁴⁾.

Не будемъ спорить. Отмѣтимъ только, что въ обоихъ указанныхъ документахъ, опровергающихъ слухи объ отдѣленіи Галичины отъ Польши, явно сказываются тонъ, языкъ и слогъ польской канцеляріи, которые она тогда только еще выработывала въ присяжныхъ грамотахъ, отбираемыхъ отъ литовскихъ князей на вѣрность Ягайлу и „коронѣ“, и которые затѣмъ въ полномъ блескѣ стилизаціи сказались въ Городельскомъ актѣ.

Такъ завершилась окончательно борьба за Галичину. Дальнѣйшее, какъ наприимѣръ, обѣщаніе вѣчной вѣрности королю Владиславу и его сыну со стороны русской (то-есть, львовской, галицкой и перемышльской) шляхты, данное въ 1404 г. въ Галичѣ ⁵⁾, или такое же обѣщаніе, данное 9-го октября 1425 г. представителями Львова ⁶⁾,

¹⁾ А. Гр. и З. III, № 44. Грамота армянамъ, ib., № 45; предоставленіе львовинамъ права самимъ избирать войта, ib., № 46.

²⁾ Каро, III, 69; К. Стадницкій, Synowie, II, 131.

³⁾ 30-го сентября 1388, А. Гр. и З., II, № 17; снова возобновлено 1-го октября 1389, ib., III, № 50.

⁴⁾ Synowie, II, 129.

⁵⁾ Даниловичъ, Skarbiec, № 785.

⁶⁾ А. Гр. и З., IV, № 73. Замѣчательно: все — вѣмцы; А. Мосбаль, Początek Unii Lubelskiej. Poznań. 1872, стр. 4, говоритъ однако по этому поводу: „to też stolica Czerwonej Rusi objawiając swoje mocne przywiązanie do Polski... Эта „сто-

все это только естественныя слѣдствія событій 1387 года, давшія возможность, въ дальнѣйшемъ развитіи, подвести Галицкую Русь по Единской конституціи въ 1433 г. наравнѣ со всѣми другими польскими землями подъ одинъ законъ и одно право ¹⁾).

Галицкая Русь еще долго служила предметомъ спора, но уже не между Польшей и Литвой, а между Польшей и Венгріей. Еще въ 1440 г. избранный на венгерскій престолъ Владиславъ Ягайловичъ обѣщалъ созвать чины обоихъ государствъ для окончательнаго рѣшенія вопроса. Предполагаемый съѣздъ однако не состоялся. Венгерско-польскій споръ за Галичину, будучи исключительно дипломатическимъ, ничѣмъ не отражался на судьбахъ Галицкой земли, ни въ чемъ не нарушалъ выпавшаго на ея долю хода исторической жизни, почему онъ и не представляетъ для насъ никакого значенія.

И. Филевичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

лица", конечно, не имѣла съ Русью рѣшительно никакой другой связи, кромѣ торговой прибыля.

¹⁾ Voll. legg., 1, 93.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

GLASNIK ZEMALJSKOG MUZEJA u BOSNI I HERCEGOVINI. Urednik *Kosta Hörmann*, vladin savjetnik. Knjiga I—III. Sarajevo. 1889.

Со времени занятія Босніи и Герцоговины австро-венгерскимъ правительствомъ общественная жизнь въ этихъ областяхъ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ ея проявленіяхъ, замѣтно оживилась. Такое оживленіе можно наблюдать и въ мѣстной литературѣ, которой, собственно говоря, до окупаціи не существовало. Не говоря уже о томъ, что эти двѣ провинціи сдѣлались сравнительно доступными для изученія, по крайней мѣрѣ австро-венгерскимъ подданнымъ, а также и иностранцамъ, не проникнутымъ антипатіями къ австро-венгерскимъ вождѣніямъ относительно этихъ провинцій и вообще завѣдомо благонамѣреннымъ въ смыслѣ сказанныхъ вождѣній,— мѣстныя литературныя силы имѣютъ въ настоящее время почти полную возможность проявлять себя въ повременныхъ и неповременныхъ изданіяхъ, поощряемыхъ и вспомоствуемыхъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ и дѣляхъ мѣстнымъ окупаціоннымъ правительствомъ. Такимъ образомъ существуетъ уже нѣсколько изданій повременныхъ, какъ напримѣръ, Сарајевски Лист, Босанска Вила (иллюстрированное), духовный Дибро-Босанска Источник и др. Мало того: привлечены къ литературной дѣятельности общимъ направленіемъ и мѣстные мусульмане, которые до окупаціи и не помышляли объ этомъ, по крайней мѣрѣ въ той формѣ, въ какой они проявляютъ свою литературную дѣятельность въ настоящее время, а именно въ изданіяхъ на своемъ родномъ сербскомъ языкѣ. Благодаря такому настроенію нѣкоторыхъ мусульманскихъ предста-

вителей, мы имѣемъ теперь весьма интересный сборникъ произведеній мусульманско-сербскаго народнаго творчества „Народно Благо“ Мехмедъ-бега Капетановича Любушкаго, изданный въ двухъ видахъ латиницей (въ правительственной типографіи иждивеніемъ составителя) и кириллицей (изданіе типографіи Шпиндлера и Лешнера), и нѣсколько другихъ. Кромѣ того, благодаря сочувствію и содѣйствию мусульманъ, г. К. Германъ могъ составить свой огромный и весьма интересный сборникъ „Narodne pjesne muhamedovaca u Bosni i Hercegovini“, два тома котораго вышли въ свѣтъ: первый еще въ 1888 г. второй— въ 1889, въ Сараевѣ. Преслѣдуютъ ли политическія цѣли вышѣшніе боснійско-герцеговинскіе литературные дѣятели, или имѣютъ въ виду какія-либо другія тенденціи,—это совершенно другой вопросъ, и до науки онъ собственно не касается, если не видно вліянія его на такія изданія, какъ „Narodne pjesne“ и т. п.

Къ такого рода изданіямъ я отношу и Гласникъ земаьскогъ музеја у Босни и Херцеговини, начавшій съ начала 1889 года выходить въ Сараевѣ подъ редакціей того же г. Косты Германа съ двулитернымъ заглавіемъ и статьями, то-есть, латинскимъ и кирилловскимъ правописаніемъ, но статьи печатаются тою или другою азбукою, понятно, по желанію авторовъ, хотя латиница стоитъ на первомъ мѣстѣ. Оно и понятно; редакторъ считаетъ себя хорватомъ, да къ тому же въ Австро-Венгріи латиницѣ, какъ извѣстно, дается предпочтеніе. По видимому, это скорѣе официальное изданіе Боснійско-Херцеговинскаго земскаго (земаьскогъ) или, по просту, народнаго музея въ Сараевѣ, выходящее одинъ разъ въ три мѣсяца. До сихъ поръ, сколько мнѣ извѣстно, вышли уже три книжки за январь-сентябрь, напечатанныя довольно аккуратно въ земской типографіи, гдѣ находится и администрація Гласника, а редакція—въ зданіи земской влады (мѣстнаго правительства). Въ видахъ распространенія цѣна Гласника очень умѣренная, 2 гульдена за годовой экземпляръ. Книжки эти заключаютъ въ себѣ 50 большихъ и малыхъ статей разнороднаго характера. Книжка I-я состоитъ изъ слѣдующихъ 23 статей: I) Читателямъ Гласника, II) О значеніи имени Босна—д-ра Людевита Талоци съ приложеніемъ „Слана врела (Соляныя варницы) у Босни и Херцеговини“—Рикера ¹⁾, III) Монастырь Панаджуръ-учителя Петра Марковича; IV) Поповъ у Херцего-

¹⁾ Рубрики русскія означаютъ, что эти статьи напечатаны латиницей, а сербскія—статьи, напечатанныя кириллицей.

вина-игумена Христофира Михайловича; V) Бъ (Prilog) истории Сараева-Мустафы Хилми; VI) Село Прапчиѣак и ѣгова пещина (пещера)—священника Косты Ковачевича; VII) Могилы (Gromile) на Гласницѣ—д-ра Киро Трухелки; VIII) Летипас (летѣћи миш) у Херцеговини—Отмара Райзера; IX) Бумовство у мухамеданъ—Косты Германа. X. Африкански новци од туча (бронзовыя монеты), наѣни (найденныя) на Вранкамену код (у) Крупе—Киро Трухелки; XI) „Бъ (Napadno) флорѣ южной Босни и Герцеговини“ — Алоиза Адамовича; XII) Пребиваѣе четирију врста европскихъ лешинара (четырехъ видовъ европейскаго орла) у Босни и Херцеговини—Отмара Райзера; XIII) Интересная турецкая монета, чеканенная въ Сараевѣ—д-ра Киро Трухелки; XIV) О матеріалѣ богумилскихъ стеѣака (каменныхъ плитъ)—Вацлава Радимскаго; XV) Новые гады (bube, pazeznici, kalopteri) въ пещтерахъ южной Босни—Виктора Апфельбека; XVI) Эпиграфске пртице (очерки) из Босне и Херцеговине: Криви натпис (кривая надпись) херцега Стѣпана на цркви у Горажду—Натписи на Влаѣвини.—Натпис код Крста—д-ра Киро Трухелки; XVIII) *Phileremus penicillata* Gould—Отмара Райзера; XVIII) Ёуприѣа (мостъ) у Вышеграду—Косты Германа; XIX. Очерки нѣкоторыхъ ботаническихъ отношеній въ окупированныхъ земляхъ — Франца Фіалы; XX) Серпентини Босне и ѣихове утвори, особито истива (Боснійскіе серпентини и ѣхъ спектры, въ особенности морская гѣна) — В. Радимскаго; XXI) Смѣсь: Герцогскій родникъ.—Ископаѣе предисторійскихъ гробова (Раскопки доисторическихъ погребальныхъ могилъ) у Босни и Херцеговини у год. 1888.—Ровныя могилы (Flachgräber) у Сретѣша въ Босни.—Краљев гроб (королевская могила).—Пожертвованія земскому музею; XXII) Новѣйшія изданія книгъ, и XXIII) Переписка редакціи. 2-я книжка заключаетъ въ себѣ слѣдующія 20 статей: I) Ривница рода „Храничи“ (прозвище Косача)—Ем. Лялька; II) Рушевине (развалины) дворца Јајице војеводе—свящ. К. Ковачевича; III) Воевода Тома—учит. Петра Мирковича; IV) Манастир Оврен—игум. Тимоѣея Витановича; V) Черты жизни пресмыкающихся (gmazova), водящихся въ Босни и Герцеговинѣ—Оттона Томазини; VI) О босанској музици — Карла Сакса; VII) Благайскія волчія ягоды (*Blagajeva maslinica*)—I. Сеуника (Seunik); VIII) Старобосанска листина (грамота) од године 1688—Вида Вулетича-Вукасовича IX) Турецкіе генераль-губернаторы (*Otomanski valije*) въ Босни — Карла Пецъ (Peez); X) Челенка са маѣарскимъ грбом (Перо съ венгерскимъ гербомъ) — К. Германа; XI) Новые роды и виды (*vrste i*

varjetete) Otiorrhynchus'a изъ южной Боснии и Герцеговины—Викт. Апфельбека; XII) Два хералдичка споменика (памятника) изъ Босне—К. Трухелки; XIII) Грамота бана Матвѣя Корвина; XIV) Старобосански натпис код хана Чоршулића—Вида Вулетича-Вукасовича; XV) Какъ найдено и взято гѣздо орла золотистаго — Отмара Райзера; XVI) Мач од туча, наваѣн (мечъ стальной, вынутый) изъ Дриве — К. Германа; XVII) Кто срисовалъ фойницкій гербъ (ко је био сликаг fojničkog grbovnika)?—К. Трухелки; XVIII) Два римска надписа у Гламочу—К. Трухелки; XIX) Смѣсь: Нова предисторијска насебина (население) код Сараева — Фр. Фиалы; Третиби-зиба (название турецк. книги) въ Далмацин—Вида Вулетича-Вукасовича; Љељени (Олени)—у Босни и Херцеговини — Мехмедъ-бега Капетановича Любушскаго; Пожертвованія Земскому музею; и XX) Оtvѣты редакци. Въ 3-й книжкѣ, имѣющей 18 статей, заключается слѣдующее: I) Мадарски ћирилским писменима (Мадьярскій письменный памятникъ кирилловскими буквами) — Ф. Миклошича; II) Старый мостъ въ Мостарѣ — Мустафы Хилми-эффенди; III) Попово у Херцеговини (продолженіе изъ 1-й книжки); IV) Старинная боснійская грамота—Вида Вулетича-Вукасовича; V) Опис и постанак (Описание и происхождение) имена Љуточ-планине у Крајини — К. Ковачевича; VI) Двѣ старобоснійскія надписи—К. Трухелки и Љомы Драгичевича; VII) Народно предање о „Накића кули“ — Г. Свитлича; VIII) Донсторическіе предметы съ Гласница (прод. съ 1-й кн.) — К. Трухелки; IX) Два римска камена изъ околине сребреничке—В. Радимскаго; X) Черты жизни пресмыкающихся и пр. (продолж. съ 2-й к.); XI) Ускршња шарена (пасхальныя крашения) јаја—Г. Свитлича; XII) Олово — К. Германа; XIII) ћелија (келія) у селу Ратаји — Іов. Чокича; XIV) Отривок изъ лѣтописи фратра Николы Лашваннина—дра Трухелки; XV) Тетовирање (татуированіе) коже код католика у Босни и Херцеговини — Леопольда Глика; XVI) Къ (Prilozi) археологii Босни и Герцеговины — Фр. Фиалы; XVII) Смѣсь: Пјесна о освојењу Кандије—Хусейна еффенди Карабеговича; Народныя сказки—Ів. Зовко; Љетошња ископања (лѣтнія раскопки) на Гласниці—Трухелки; Антропол. конгресъ въ Вѣнѣ его же; XVIII) Оtvѣты редакци.

Какъ видно изъ этого перечня, Гласникъ заключаетъ въ себѣ 33 статьи, напечатанныхъ кириллицей; остальные—латиницей, кромѣ трехъ послѣднихъ мелкихъ сообщеній, но притомъ такъ, что за каждою статьей, напечатанною латиницей, слѣдуетъ статья кириллицей;

въ смѣси не всегда соблюдается такое чередованіе: тутъ замѣтки иногда сдѣланы сначала кириллицей; въ корреспонденціяхъ 1-й книжки есть одинъ отвѣтъ на турецкомъ языкѣ.

Нельзя однако думать, чтобы программа Гласника вполнѣ установилась; здѣсь встрѣчаются статьи почти по всѣмъ отраслямъ знанія, за исключеніемъ беллетристики или изящной литературы, математики и педагогика. Судя по первымъ тремъ книжкамъ, можно думать, что не существуетъ и строго распредѣленныхъ отдѣловъ Гласника.

Цѣль и направленіе Гласника объясняется въ первой статьѣ: „Къ читателямъ“: „Съ теченіемъ времени приходитъ пора, чтобы и этимъ землямъ (то-есть, Босніи и Герцеговинѣ) открылись двери новой жизни, лучшему состоянію и прогрессу; мы, идя по слѣдамъ другихъ, добыли себѣ и земскій музей“. Такъ начинается эта статья. Цѣль этого музея всего яснѣе выражена въ слѣдующихъ словахъ: „Уже съ давнихъ поръ явился общій интересъ къ тѣмъ цѣлямъ, которыя преслѣдуются этимъ земскимъ учрежденіемъ. Постепенно, одинъ за другимъ, стали появляться въ разныхъ мѣстахъ областей видные дѣятели, въ сердцахъ которыхъ зарождалось желаніе, чтобы открыть народу его прошедшее, чтобы изъ него черпать уроки для будущности народа, изучать и нынѣшнее состояніе земли и народа, чтобы по всѣмъ угламъ Босніи и Герцеговины, подобно трудолюбивымъ пчелкамъ, собирать всякіе остатки отъ прошедшаго, по которымъ можно было бы судить о жизни и дѣлахъ нашихъ дѣдовъ и тѣхъ древнихъ народовъ, которые до насъ были на нашей родинѣ; собирать всякаго рода произведенія искусства, которыя измыслила остроумная голова и сдѣлали умѣлыя руки нашего народа, и всѣ данныя, по которымъ можно судить, о дѣлахъ и обычаяхъ, однимъ словомъ—о состояніи образованія народа въ этихъ земляхъ и при этомъ также и естественныя отношенія послѣднихъ“ (стр. 1). Для того, чтобы выполнить эту задачу, было образовано музейное общество, которое должно было озаботиться устройствомъ музея. Такимъ образомъ былъ открытъ въ 1887 г. земскій музей, который утвержденъ на широкомъ основаніи и снабженъ богатыми средствами для того, чтобы достигнуть свою цѣль, „чему частное стараніе указаннаго общества оказало полную заслугу, приготовивъ ему почву“. Въ настоящее время музей обратилъ уже на себя общее вниманіе всего населенія Босніи и Герцеговины, такъ что по мнѣнію редакціи, онъ „сдѣлается общимъ любимцемъ всего насе-

ленія этихъ областей. Такимъ образомъ и дѣло самого музея устроено и урегулировано до нѣкоторой степени собразно съ его внѣшними объемомъ и потребностями. При немъ и для его улучшения и увеличенія дѣйствуетъ частное музейное общество въ Сараевѣ, съ своими выдающимися членами во главѣ. Разнородныя коллекціи музея хранятся, пополняются и описываются нарочно поставленными музейными хранителями, людьми знанія и дѣла“ (стр. 2). „Научное изученіе нашихъ древностей и другихъ сторѣшъ нашей культурной жизни“, говоритъ далѣе редакція, — „не должно оставаться въ стѣнахъ музея. Этому изученію нужно дать возможность выйти наружу, въ свѣтъ, чтобы наша земля и просвѣщеніе, и просвѣщенный умъ могъ пользоваться имъ“. Чтобы достигнуть этого, основанъ Гласникъ, цѣль котораго редакція объясняетъ такимъ образомъ: „Издавая Гласникъ нашего музея, мы имѣемъ въ виду двоякую цѣль. Впервыхъ, мы желаемъ имѣть публичный органъ, черезъ который можно было бы научно изучать и описывать каждый предметъ, поступающій въ музей, для всесторонняго ознакомленія съ нимъ области, и народъ. Вторыхъ, желаемъ еще, чтобы этотъ органъ былъ поучительнымъ (руководящимъ) изданіемъ для нашей образованной публики, поучительнымъ по тѣмъ предметамъ и вопросамъ, которые входятъ въ кругъ знанія и дѣйствій самого музея, или которые стоятъ съ нимъ въ связи“ (стр. 2). Но тотчасъ же за этимъ редакція дѣлаетъ такую оговорку: „Задача нашего музея состоитъ не въ томъ только, чтобы дѣйствовать чисто научно; кромѣ этого, на него падаетъ и культурная, просвѣтительная задача—быть пробудителемъ между сынами отечества и въ особенности между молодыми поколѣніями, чтобы они радѣли освоить долгѣ всесторонне изучать и познавать свое отечество и въ этомъ познаниіи учиться любить и цѣнить его, и чтобы за одно съ культурнымъ развитіемъ шло развитіе умственныхъ, душевныхъ и матеріальныхъ силъ. Двоякая цѣль музейнаго Гласника будетъ собразна съ этою двоякою задачей музея: матеріально-научною и нравственно-культурною. Ни чисто научный органъ, ни чисто популярно-поучительный, — каждый самъ по себѣ, не согласовался бы съ установленіемъ земскаго музея въ его цѣлкупномъ объемѣ“ (стр. 3). Собразно съ этимъ Гласникъ имѣетъ двоякое назначеніе: „Впервыхъ, онъ будетъ служить научной цѣли, и въ виду этого мы будемъ помѣщать основательныя статьи изъ всѣхъ областей и отраслей знанія, которыя имѣются въ виду музея. Этимъ мы желаемъ помочь уразумѣнію областей и жизни въ

нихъ и намѣрены къ такому труду пробуждать воли и всѣ умственныя силы для нашего дома, нашей монархіи и для широкаго свѣта. Намъ желательно, чтобы въ этомъ дѣлѣ оригинальныя работы нашихъ сотрудниковъ охватывали слѣдующія отрасли знанія и искусства: 1) древнюю и новую географію; 2) исторію; 3) археологію времени доисторическаго, иллирскаго, римскаго, боснійскаго (богомильскаго) и османскаго; 4) памятники искусства; 5) геральдику, приказы, печати и монеты разныхъ временъ; 6) оружіе; 7) памятники народнаго и литературнаго языка; 8) этнографію; 9) естественные предметы, а именно: геологію, зоологію, ботанику, минералогію и метеорологію; 10) исторію народной письменности; 11) библиографію книгъ и статей, трактующихъ о Босніи и Герцеговинѣ; 12) статистику. Къ этому мы будемъ еще прилагать разныя нужныя замѣтки всякаго рода, и замѣтки о дѣйствіяхъ самого музея и музейнаго общества" (тамъ же). За этимъ слѣдуетъ довольно интересное замѣчаніе слѣдующаго рода: „Изъ этихъ статей Гласника мы въ концѣ каждаго года слѣлаемъ выборъ отдѣльныхъ статей, которыя мы въ отдѣльномъ годичномъ отчетѣ переведемъ на нѣмецкій языкъ и напечатаетъ, чтобы такимъ образомъ дать возможность всемірной образованной публикѣ имѣть вѣрныя свѣдѣнія о Босніи и Герцеговинѣ изъ самаго источника. Мы увѣрены" объявляетъ редакция, — „что этимъ окажемъ большую услугу наукѣ, какъ общей собственности всего міра, и вмѣстѣ съ тѣмъ принесемъ значительную пользу Босніи и Герцеговинѣ" (стр. 3—4). Въ вторыхъ, „Гласникъ предназначенъ для нашей домашней читающей публикѣ съ цѣлю практическаго ей поученія и ради нуждъ самого музея" (стр. 4).

Обращаясь затѣмъ съ приглашеніемъ о помощи музею къ священникамъ, помѣщикамъ крупнымъ и мелкимъ, народнымъ учителямъ, купцамъ и ремесленникамъ и вообще ко всякому передовому, развитому сыну народа, редакция общаетъ всѣмъ этимъ лицамъ въ замѣнъ этого, что Гласникъ дастъ имъ указаніе, какимъ образомъ они съ своей стороны могутъ помочь всестороннему изученію страны; какимъ образомъ искать и хранить древности и древніе, памятники всякаго рода; какъ отмѣчать все, что важно и достойно вниманія. Кроме того, Гласникъ общаетъ еще „открывать имъ охотно страницы журнала, чтобы и они перомъ отмѣчали и описывали все, что слѣдуетъ записывать и знать, и такія статьи по возможности оплачивать... Боснія и Герцеговина", замѣчаетъ еще редакция, — „изобилуютъ многими, еще неизвѣстными красотами и драгоценностями

съ нашей духовной точки зрѣнія. На вашей обязанности лежитъ, народныя книжники, чтобы и своею долею труда поддерживали Гласникъ музея, чтобы такимъ образомъ онъ постепенно сдѣлался дѣйствительнымъ зеркаломъ Босніи и Герцеговины“ (тамъ же).

Слѣдуетъ обратить вниманіе на одну еще замѣтку, которую дѣлаетъ редакция, нѣсколько противорѣча себѣ, если припомнить ея заявленіе, сдѣланное выше о богатствѣ средствъ музея. „Что же касается буквъ, которыя мы будемъ употреблять въ Гласникѣ, заявляемъ, что намъ изъ матеріальныхъ соображеній не возможно начать Гласникъ въ двухъ отдѣльныхъ изданіяхъ—латиницей и кириллицей, потому что это былъ бы двойной расходъ. Мы будемъ печатать статьи въ Гласникѣ попеременно, то латиницей, то кириллицей, и постараемся не нарушать равноправности обѣихъ нашихъ азбукъ. Впрочемъ мы охотно будемъ удовлетворять каждому нарочному желанію, въ этомъ смыслѣ, высказанному тѣмъ или другимъ изъ нашихъ сотрудниковъ или подписчиковъ“ (стр. 5).

Я остановился такъ долго, на этой profession de foi редакціи Гласника въ виду того, что это изданіе представляетъ довольно много отчасти своеобразныхъ особенностей и находится въ исключительныхъ условіяхъ, какъ и самая провинція, отраженіемъ (или какъ редакция выражается: зеркаломъ) состоянія которой онъ служить, по крайней мѣрѣ въ предположеніи.

Что же касается другихъ статей журнала, то я ихъ буду разсматривать не въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ расположены, а въ систематическомъ, по отраслямъ знанія. Прежде всего я обращусь къ статьѣ „О значеніи названій Босна“, о которой уже существуетъ статья Карла Сакса: *Ueber die Entstehung des Namens von Bosnien und den urspr̄nglichen Umfang des bosnischen Banates* ¹⁾.

Всѣми признано, что названіе Босна, позднее Боснія, приуроченное къ странѣ, явилось отъ рѣки, текущей чрезъ территорію этой страны, и вообще замѣчается, что старое банство Босна совпадаетъ вполне съ прирѣчною областью Босны. Это названіе является уже довольно рано, а именно съ X вѣка, въ формѣ Bosona и Bosina, а у славянъ съ XIII в. Босьна, Босна (XIV в.) и Босана (XV в.) ²⁾, а съ

¹⁾ См. *Mittheilungen der k. k. geographischen Gesellschaft in Wien* 1888.

²⁾ *Miklosich*, *Monum. serbica*, pp. 30, 101, 255 и др. *Даничић*, *Рјечникъ изъ книженихъ старина српскихъ*, I, стр. 69; а въ последнемъ примѣрѣ является ви. * Подробныя приуроченія этого названія см. у *Daničića*, *Rječnik hrvatškoga ili srpskoga jezika*. I. U Zagrebu. 1881, стр. 558.

XVII в. Босна ¹⁾); форма *Bosnia*, откуда и русское *Боснія*, является только съ прошлаго столѣтія; у сербовъ оно встрѣчается очень рѣдко: Боснија земна и херцеговина ²⁾). Авторъ статьи занимается разъясненіемъ двухъ вопросовъ: 1) славянскаго ли происхожденія названіе Босна, и 2) если не славянскаго, то въ какомъ языкѣ слѣдуетъ искать его корня? Даничичъ совершенно справедливо говоритъ, что это названіе, „безъ сомнѣнія, осталось отъ стараго, чуждаго языка“ ³⁾). Судя по его формѣ въ славянскихъ памятникахъ, можно разложить его на *Бос—ъна*, которое можно считать прилагательнымъ, какъ видно изъ его склоненія: *Босна* и *Боснои*, разумѣя земля. Впрочемъ, въ устахъ народа является *Босни* вм. *Босној*; но форма *Босни* является, несомнѣнно, по аналогіи съ именами существительными. Чтобы объяснить это названіе, авторъ обращается къ „скуднымъ остаткамъ добоснійской исторіи“, а именно къ исторіи иллирскаго племени *Ἀρῆαῖα*, называвшагося иначе *Ἀρχαῖοι* и *Ἀρδιαῖοι*; на нихъ во второй половинѣ IV вѣка дѣлаютъ нападеніе кельтское племя скордисковъ, обиталище которыхъ нужно искать близъ либурновъ (въ сѣверозападной Босніи) или къ югу отъ отъ средняго теченія Савы. Что же касается мѣстонахожденія ардейцевъ, то оно опредѣляется на основаніи извѣстія Страбона (VII, 5): *Ἄρδειον δὲ ὄρος ἐστὶ μέσον τέμνον τὴν Δαλματικὴν, τὴν μὲν ἐπιθαλάττιον, τὴν δ' ἐπὶ θαλάτῃ: ἐν θ' ὁ Νάρων ποταμὸς καὶ οἱ περὶ αὐτὸν Δαοῖροι καὶ Ἄρδιαῖοι καὶ Πληραῖοι, ὧν τοῖς μὲν πλησιάζει νῆσος ἡ Μέλαινα Κόρκορα καλούμενη, καὶ πόλις, Κνιδίων χτίσμα· τοῖς δὲ Ἀρδιαίοις ἡ Φάρος, Πάρος λεγόμενη πρότερον, Παρίων γὰρ ἐστὶ χτίσμα* ⁴⁾). Такимъ образомъ, отсюда видно, что ардейцы обитали въ южной части Герцеговины, недалеко отъ морскаго берега, выше Ривонійскаго (Которскаго) залива ⁵⁾. Среди этого народа, на разстояніи 80 стадій отъ моря, находилось торговое мѣсто Нарона; далѣе, внутрь страны отъ этого мѣста, по словамъ Скилакса, находится великое озеро, которое управляетъ въ предѣлы лакирскаго племени ауторіатовъ (по автору: *Аи-Тага*—народъ по р. *Тарѣ*). На этомъ озерѣ есть очень плодородный островъ около 120 стадій; изъ этого озера течетъ Наронъ ⁶⁾). Отсюда еще ближе опре-

¹⁾ *Daničić*, op. c., *ibid.*

²⁾ У *Богшича*, Народне пјесма из старјих највише приморских записа I, Биоград. 1878, стр. 322; *Daničić*, *Rječnik*. I, стр. 559.

³⁾ *Rječnik*, I, стр. 559.

⁴⁾ Географія Страбона въ перев. *Мищенко*, М. 1879, стр. 318.

⁵⁾ Ср. *Strab.*, VII, 5; перев. *Мищенко*, стр. 317.

⁶⁾ *Scylax*, c. 24.

дѣляются мѣста ардейцевъ; они находились около ауторіатовъ, которые обитали по верхнему и среднему теченію Нарона (Неретвы). Что же касается озера, то нашъ авторъ считаетъ несомнѣннымъ, что оно было образовано отъ стоковъ воды, наполнявшей съ давнихъ временъ три равнины—Бѣлополье, Бихачское и Мостарское болота, которыя составляли одну котловину. Островъ составляла высшая точка Хума. Впослѣдствіи это озеро уничтожилось вслѣдствіе того, что р. Наронъ прорвала себѣ дорогу къ морю. Вскорѣ послѣ 360 года до Р. Х. ардейцы и ауторіаты, которые, по словамъ Страбона, были самымъ большимъ и самымъ сильнымъ племенемъ иллирскимъ, вступили между собою въ борьбу, продолжавшуюся постоянно изъ-за соли, которая на нихъ межѣ собиралась изъ воды, выходящей весной изъ одной долины. Они было уговорились, чтобы вмѣстѣ добывать ту соль, но нарушили этотъ уговоръ и потомъ вступили въ бой. Изъ этой борьбы вышли побѣдителями ауторіаты, которые почти совсѣмъ погубили ардейцевъ. Впослѣдствіи и ауторіаты уничтожены были кельтами. Такъ или иначе, но весь вопросъ тутъ въ соли: у древнихъ народовъ онъ былъ почти всегда однимъ изъ самыхъ важныхъ; соль служила не только для приправы пищи человѣка и животныхъ, но играла важную роль и въ торговлѣ, какъ мѣновой предметъ; какъ замѣчаетъ Сuida, еракійцы продавали своихъ рабовъ за соль ¹⁾; для ауторіатовъ, жившихъ въ мѣстахъ неплодородныхъ, соль была жизненнымъ вопросомъ ²⁾. И у славянъ соль былъ важнымъ факторомъ ³⁾. Оскуднѣніе соли въ Герцеговинѣ и Далмаціи въ средніе вѣка служило поводомъ къ столкновеніямъ.

Такимъ образомъ выходитъ, что на сколько Херцеговина была бѣдна солью, на столько была и есть теперь богата ею Боснія, какъ видно изъ сообщенія г. Рикерта (стр. 11—12) въ приложеніи къ статьѣ г. Талоци. Въ до-римскія времена въ восточной Босніи жило извѣстное иллирское племя паннонцевъ; нѣкоторыя отрасли этого племени, именно—диціоны и южнѣе ихъ десидіаты, съ которыми сосѣднили ауторіаты, жили въ предѣлахъ области Соли (Sale, Sau, Soy, Soro),

¹⁾ Suidae Histor., 61, 85; ἀλώνητον ἀνδράποδον. Sale emptum manicipium. De hominibus nihili, ac barbaris: quod mercatores, sale in mediterranea, mancipia emebant. Thraeces iam sole mancipia vendebant.

²⁾ Appiani Ἰλλυρικῆ, с. III, 14.

³⁾ Miklosich, Lexicon, p. 659; Schleiden, Das Salz. Leipz. 1875; Schrader, Linguistische Forschungen zur Handelsgesch. u. Waarenkunde. Jena. 1866, I, стр. 66, 121.

которая лежала вдоль рѣки Спречи и вмѣстѣ съ тѣмъ въ порѣчьи Босны. Въ половинѣ X вѣка, по словамъ Константина Багрянороднаго, здѣсь находилась крѣпость τὸ Σαληρές¹⁾; южные славяне называли эту область Соли. Въ титулѣ Боснійскихъ королей является названіе Соли, напримѣръ: „ми Стефанъ Дабыша... краль срьблемь...Ѡсорѣ, Соли и Подричю“ и пр.²⁾. Еще въ 1225 году Возпа, Só и Uzoga (Uzoga) являются территориями мадьярскими. Территорія Ozoga (Uzoga) была великимъ банствомъ, а часть этого банства, простиравшаяся между Дриномъ и Босной, составляла банство Só. Это мадьярское названіе явилось изъ славянскаго Соли (=соль, соли). Турки назвали Соли Тузлой (=соль). Такимъ образомъ историческія данныя показываютъ, что названіе „колыбели настоящей Босны, порѣчья р. Босны, всегда соединено было съ словомъ соль“ (стр. 10). Мало того, мы и теперь находимъ слово Босну съ значеніемъ соли. Бос, Босс, - а, - ес въ гегскомъ сѣверномъ нарѣчьи албанскаго языка — saliera, vassetto nel quale si mette il sale che si pone in tavola, luogo dove si fanno evaporare le acque salse per estrarne il sale³⁾; или Bogssa — salinum⁴⁾. Отсюда выходитъ, что стародавнее значеніе Босны — соленая земля. Слѣдовательно, Босна происхожденія ерако-иллирскаго.

Заслуживаетъ нѣкотораго вниманія статья „Къ исторія Сараева“ (Prilog istoriji Sarajva) Мустафы Хилми (стр. 17—20)—не потому только, что она составлена сербомъ-мухамеданиномъ, но и по самому предмету. Нужно замѣтить вообще, что первоначальная исторія Сараева, столицы Босніи, города, самаго живописнаго послѣ Константинополя на Балканскомъ полуостровѣ, довольно темна: почти никакихъ историческихъ данныхъ о его началѣ не извѣстно⁵⁾. Авторъ замѣтки приводитъ, главнымъ образомъ, преданіе мусульманъ о Сараевѣ, свѣдѣнія о городѣ, заключающіяся въ Вакуфъ-намѣ, и двѣ арабскія надписи изъ Сараева, относящіяся къ лицамъ того времени,

¹⁾ De administr. imperio, с. 103 apud. *Migne*, Patr. gr. t. 113, ст. 297—298.

²⁾ *Miklosich*, Mon. serb., pp. 225—226, 231, 248.

³⁾ *Rossi*, Vocabularia della lingua epirotica-italiana. Roma. 1875, p. 237.

⁴⁾ *Blanchus*, Dictionarium latino-epiroticum. Romae. 1635, p. 139.

⁵⁾ Нѣкоторыя подробности по исторіи и нынѣшнемъ состояніи Сараева см. у *Ашбота* (Asbóth), Bosnien und die Herzegovina. Wien. 1888, стр. 11—163. Кроме того, нѣсколько замѣтокъ о нынѣшнемъ Сараевѣ есть у *Гильбердинга* въ т. III Собранія сочиненій. С.-Иб. 1873, стр. 48—59; а также у *Клаича*, Востн. Родатци о zemlepisu i poviesti Bosne i Hercegovine. U Zagrebu. 1872, стр. 145—150.

когда возникъ городъ. Мустафа Хилми относитъ устройство города ко времени, весьма близкому послѣ завоеванія Босніи турками, а именно два года спустя послѣ того, къ 1465 г., при главномъ содѣйствіи гази-Хузрефъ-бега. Обращая вниманіе на форму названія города, онъ передаетъ слѣдующій народный разказъ объ основаніи Сараева:

„Въ войскѣ султана Магомета II (1451 — 1520 гг.), завоевавшего Боснію, былъ одинъ крымскій воевода, по имени Кирай-ханъ. Когда султанскія войска дошли до Шехитлуки, отдаленной на два часа разстоянія отъ Сараева, съ восточной его стороны, противъ стараго городища Ходидеда, гдѣ стояли боснійскія войска, стали стрѣлять изъ пушекъ въ Ходидедъ; но весьма трудно было взять его вслѣдствіе неудобствъ мѣстности. Тогда отдѣлился отъ султана Кирай-ханъ и дошелъ до того мѣста, гдѣ нынѣ стоитъ Сараевская крѣпость. Тамъ тогда стояла та же самая башня, которая стоитъ и въ настоящее время, подъ названіемъ „ичкала“ (чит. ак-калѣ), то-есть, бѣлый бастионъ. Кирай-ханъ пошелъ на приступъ и сталъ бить изъ пушекъ на Ходидедъ. Въ короткое время онъ успѣлъ занять его, и когда султанъ встрѣтился съ ханомъ, то поцѣловалъ его въ чело, поздравилъ съ побѣдой, и приказалъ написать имя Кирай-хана на камнѣ надъ воротами Колиной, а въ память побѣды построить „сарай“ (дворецъ) на полянѣ, подъ башней. Этотъ „сарай“ построенъ на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь казармы. Съ того времени стали строиться много другихъ домовъ и осталось названіе новому городу „Сарайво“, но не какъ иностранцы говорятъ „Сараево“. Что же касается Кирай-хана, то онъ погибъ въ одной битвѣ у Сараева, гдѣ и сложилъ свои кости“ (стр. 18—19).

Статья „Монастырь Панаджуръ“ (Monastir Panadjur) — небольшая замѣтка (стр. 13—15) о развалинахъ, извѣстныхъ въ народѣ подъ названіемъ „зидина“ (урочище), которыя, по преданію, суть остатки извѣстнаго въ боснійское время монастыря Панаджуръ (ярмарка), съ церковью святаго Георгія. Интересно народное преданіе, связанное съ именемъ этого святаго. Разказываютъ, что въ боснійское время жилъ король, имени котораго народъ не помнитъ; разъ онъ заболѣлъ и болѣлъ долгое время. Всѣ лѣкарственныя травы, воды и источники онъ испыталъ, но ничто ему не помогло. Однажды одинъ человекъ разказалъ, что онъ былъ очень боленъ и отправился къ „святинѣ“, на Петровецкомъ полѣ, выкупался и сразу выздоровѣлъ. Это побудило короля сдѣлать то же. Это было въ Юрьевъ день. Въ хвалу и благодарность Богу, что онъ вы-

здоровѣлъ, онъ построилъ у этой „святини“ монастырь, который называлъ храмомъ св. Георгія. Эта легенда, несомнѣнно, имѣетъ связь съ повѣрьемъ о цѣлебномъ значеніи росы въ Юрьевъ день. Приведено еще нѣсколько другихъ повѣрій, связанныхъ съ этою мѣстностью.

Что сказано о предыдущей статьѣ, то же можно сказать и о замѣткѣ „Село Праціякъ и его пещера“ (стр. 21—23). Здѣсь особенно интересны сообщенія о пещерѣ, служившей въ давнія, можетъ быть, даже доисторическія, а также и въ послѣдующія времена жилищемъ для людей, какъ доказываютъ разные остатки, въ ней находимые, какъ напримѣръ, кусокъ копья и другіе предметы. Разказываютъ между прочимъ, что по утрамъ можно видѣть тутъ слѣды, похожіе на слѣды дѣтскихъ ногъ. Кромѣ того передаютъ, что изъ нея доносятся голоса поющихъ церковныя пѣсни; если брошены на канунѣ предметы, то на другой день ихъ уже нѣтъ; вилы ихъ собираютъ. „Въ глубинѣ пещеры и теперь есть вилы и вилушки, которыя у выхода изъ пещеры устраиваютъ хороводы, но вмѣсто прежнихъ своихъ пѣсень плачутъ и причитываютъ по старымъ временахъ и по юнакахъ первыхъ времени; плачутъ, что родъ людской такъ испортился, что въ народѣ сдѣлались обычными ругань, кражи, поджоги, прелюбодѣянне и равныя другія беззаконія, которыя не даютъ имъ выходить изъ пещеры. Впрочемъ, вилы надѣются, что народъ исправится, и тогда онѣ опять выйдутъ въ свои горы, къ чистымъ горнымъ источникамъ, и снова заключать побратимства съ юнаками, которые тогда появятся и снова начнутъ свои юнацкія дѣла“ (стр. 23).

Не могу не припомнить при этомъ румынское преданіе о змѣяхъ или красныхъ людяхъ, слышанное мною въ дѣтствѣ въ Бессарабіи, отъ садовника Кипріановскаго монастыря Георгія Бужора изъ села Каприаны. Змѣи, по его словамъ, были красные люди, герои, отличившіеся необыкновенною силою и добродѣтелями; они изъ-за грѣховъ людей оставили землю и поднялись на небо; оттуда не вернутся до тѣхъ поръ, пока люди не исправятся.

Изъ другихъ замѣтокъ историческаго характера отмѣчу замѣтку о мостѣ у Вышеграда (на р. Дринѣ). Составитель замѣтки, г. К. Германъ, даетъ краткое описаніе моста, можно сказать, самаго красиваго и вмѣстѣ съ тѣмъ самаго крѣпкаго въ Босніи, и приводитъ двѣ турецкія надписи въ стихахъ, въ подлинникѣ и переводѣ; по этимъ надписямъ, а главнымъ образомъ по первой, составленной поэтомъ Бади, современникомъ построенія моста, онъ указываетъ годъ его постройки 1571 г.; другая, болѣе поздняя, относитъ построеніе къ 1577 г. Стро-

итель моста — знаменитый Мехметъ-паша Соколовичъ или Соколли, какъ называютъ его турки, боснякъ, родомъ изъ Вышеграда или его окрестностей ¹⁾). Этотъ грандіозный мостъ, несомнѣнно, построенъ не въ одинъ годъ и, разумѣется, простыми мастерами. Къ сожалѣнію, г. Германъ совсѣмъ не приводитъ народныхъ преданій объ этомъ пресловутомъ мостѣ; онъ говоритъ только, что „о главномъ мастерѣ, руководившемъ постройкою этого моста, мы не имѣемъ никакихъ достовѣрныхъ свѣдѣній; народъ передаетъ, что имя его было Митаръ или Раде, что онъ мостъ строилъ самъ, и что нѣсколько разъ быстрая Дрина сваливала отдѣльныя части, съ трудомъ сдѣланныя, пока не успѣлъ все-таки укрѣпить своды“ (стр. 80). Между тѣмъ сербская народная поэзія представляетъ цѣлый рядъ данныхъ объ этомъ мостѣ, какъ о другихъ, наиримѣръ, о старомъ мостѣ у Мостара ²⁾). Впрочемъ г. Германъ дѣлаетъ два-три библиографическія указанія, которыми я въ данномъ случаѣ воспользуюсь.

По народному преданію, вышеградскій мостъ, какъ и старый мостарскій, построенъ римлянами ³⁾). Но кромѣ этихъ, и о другихъ мостахъ существуетъ рядъ народныхъ сказаній и народныхъ пѣсень. Какъ разказъ, такъ и пѣсни интересны въ томъ отношеніи, что они примыкаютъ ко второй редакціи южнославянско-румынскихъ балладъ о замуравываніи или задѣлываніи живыхъ людей въ основанія новыхъ построекъ; эту редакцію составляютъ баллады о построеніи мостовъ, между тѣмъ какъ первую — баллады о построеніи зданій и крѣпостей.

Пѣсень о построеніи вышеградскаго моста существуетъ нѣсколько, но мнѣ извѣстна только одна ⁴⁾). Въ ней передается, что Мехмедъ-паша (Соколовичъ), жившій при трехъ султанахъ, накопилъ три громады всякаго добра. Задумался онъ, что ему дѣлать съ столькимъ богатствомъ: раздавать ли его сиротамъ, то-есть, бѣднымъ, или

¹⁾ Такое же описаніе этого моста г. Германъ представляетъ и въ своихъ „*Narodnih pjesna mulamedovaca u Bosni i Hercegovini*“. Knj. I. Sarajevo. 1888, стр. 587—589; ср. *Asbóth*, *Bosnien und die Herzegovina*, стр. 128.

²⁾ Объ этомъ мостѣ см. сербскую газету „*Босанска Вила*“, изд. въ Сараевѣ, 1888, № 8, стр. 126—127.

³⁾ Тамъ же, стр. 126; № 10, стр. 157.

⁴⁾ *Hörmann*, *Narodne pjesne mulamedovaca u Bosni i Hercegovini*. Knj. I. Sarajevo. 1889, стр. 68—72. Г. Захарія Богдановичъ сообщаетъ, что одна такая же пѣсня была извѣстна покойному В. Петрановичу. *Босанска Вила* 1888, № 8.

высипать его въ Дрину, или же строить богоугодныя заведенія въ Босніи. Въ концѣ концовъ задумалъ

Ноћу gradit po Bosni hairē,
Najnaprijed na Drini ćupriju ¹⁾.

Послѣ этого паша пишетъ письмо водчему Дмитрію:

„Oj čuješ li, Mitre neimare,
Hrani konja od Mitrova dana,
Od Mitrova do Gjurgjeva dana,
Kad ti, Mitre, Gjurgjev danak dogje,
A ti haide gradu Višegradu,
Da sagradiš na Drini ćupriju,
Ti povedi de trista majstora
I hiljadu djece irgatina,
Što će studen kamen dohićati“ ²⁾.

Но Дмитрій, получивъ письмо паши, отвѣтилъ ему въ свою очередь такимъ письмомъ:

„O boga mi, Soko Mehmed paša,
Koliko je polje višegradsko,
Da je tovar do tovara blaga,
Još na tovar po tri kese blaga,
Još i uz to tvojeg haznatara,
Što će brojiti nebrojeno blago,
Jedva bi se hradila ćuprija“ ³⁾.

Получивъ такой отвѣтъ, Мехмедъ-паша пишетъ водчему другое письмо:

„Koliko je polje višegradsko,
Biće tovar do tovara blaga,
Još na tovar po tri kese blaga,
I evo ti Muja haznatara,
Što će brojiti nebrojeno blago;

¹⁾ Хочу строить по Босніи богоугодныя заведенія, и прежде всего мостъ на Дринѣ.

²⁾ Слышишь ли, водчій Дмитрій? Выкорми своего коня съ Дмитрова дня, съ Дмитрова до Юрьева дня. Когда, Дмитрій, придетъ Юрьевъ день, — ты тогда поѣзжай въ городъ Вышеградъ, чтобы ты построилъ на Дринѣ мостъ; ты возьми съ собою триста мастеровъ и тысячу чернорабочихъ, которые будутъ таскать неотесанный камень.

³⁾ Эй, ей, Соколъ Мехмедъ-паша, если по всему вышеградскому полю насыпать все груды золота, и еще на каждой грудѣ по три сумки золота, и еще сверхъ того (поставить) и твоего казначея, который безъ счету давалъ бы золота, то едва ли возможно построить мостъ.

Veće hajde gradu Višegradu,
Da se gradi na Drini ćuprija¹⁾.

Видѣлъ Дмитрій, что отказаться не можетъ, но долженъ былъ исполнить желанія паши. Когда наступилъ Юрьевъ день, онъ собралъ триста мастеровъ и тысячу чернорабочихъ, сѣлъ на своего коренастаго воронаго и приѣхалъ, не медля, съ ними въ Вышеградъ. Здѣсь онъ погналъ своего воронаго въ Дрину, чтобы видѣть, глубока ли рѣка, и возможно ли построить мостъ. Какъ только лошадь дошла до середины рѣки, она остановилась и дальше ни шагу, не смотря на то, что Дмитрій билъ ее сапогами и шпорами; тогда онъ сталъ ее бить трехременною плетью, но и это не помогло. Паша, видя, все это, обращается къ архитектору и говоритъ ему:

Na ti, Mitre, moju hamajliju!²⁾

Схватилъ Дмитрій ладонку и повѣсилъ ее коню на шею. Въ ту же минуту выскочила лошадь на берегъ, вытащивъ съ собою вилублогорку, которая своею русою косою опутала переднія ноги воронаго коня, желая утопить Дмитрія и его воронаго. Какъ только Дмитрій увидѣлъ ее, онъ тотчасъ вынулъ саблю, чтобы отсѣчь ей голову,

„A ona ga Bogom pobratila:
Bogom brate, Mitre neimare,
Pusti mene u Butkove st'jene,
Kad ti staneš graditi ćupriju,
Ja ću tebi na jardumu biti“³⁾.

Смилдовался Дмитрій надъ нею, пустилъ ее и сталъ строить мостъ

„Gradio je sedam godinica,
Što je Mitar u dan patinio,
Ono nešto noćom batalilo“⁴⁾.

¹⁾ Будутъ по всему вышеградскому полю все груды золота, а еще на каждой груды по три сумки золота; вотъ тебѣ и Мую казначея, который будетъ давать безъ счета золота; только ты уже поѣзжай въ городъ Вышеградъ, чтобы построить мостъ на Дрину.

²⁾ На тебѣ, Дмитрій, мою ладонку!

³⁾ А она его именемъ Божиимъ сдѣлала братомъ (и укротила его гнѣвъ): Ради Бога, братецъ водчій Дмитрій, пусти меня въ Будковы стѣны. Когда ты будешь строить мостъ, я буду къ твоимъ услугамъ.

⁴⁾ Строилъ онъ его (мостъ) семь лѣтъ, ибо что Дмитрій строилъ за день, то ночью почему-то обрушивалось.

Тогда паша говорить:

„Kam' ti, Mitre, tvoja posestrima,
Što je rekla na jardumu biti,
Kad ti staneš graditi ćupriju?“ ¹⁾

Какъ только услышалъ это Дмитрій, онъ сталъ звать свою по-
сестриму:

„Sad ti meni na jardumu budi“ ²⁾.
„Bogom brate, Mitre neimare!
Ne mogu ti na jardumu biti,
Ne dadu mi moje sestriinice.
Već pošetaj niz polje zeleno.
Te uhvati Stojū i Ostojū,
Te uzidaj u ćupriju kulu,
Staće tebi na Drini ćuprija“ ³⁾.

Такъ и сдѣлалъ Дмитрій, и мостъ на Дринѣ удержался. Но по истеченіи девяти лѣтъ пришла мутна и бурливая Дрина и нанесла длинную сосну, которая ударилась о мостъ такъ, что мостъ распался. Испугался Соколъ Мехметъ-паша, что падеть мостъ. Между тѣмъ Дмитрій говорить ему:

„O boga mi, Soko Mehmed paša,
Ti nijesi Drine darovao;
Već nasiplji na ćupriju blago,
Pa ti uzmi srebrenu lopatu,
Pa ti daruj tu premutnu Drinu“ ⁴⁾.

Этимъ Дмитрій хотѣлъ выпытать отъ паши, жалѣеть ли онъ зо-
лото, истраченное на постройку моста. Какъ только услышалъ Со-
колъ Мехмедъ-паша слова Дмитрія, онъ сразу принесъ много зо-
лота и сдѣлалъ съ нимъ то, что совѣтовалъ ему Дмитрій. Видитъ
последній, что паша не жалѣеть золота и говорить ему:

„Dosta već je, Soko Mehmed paša,

¹⁾ Дмитрій, гдѣ твоя посестрима, которая обѣщала быть къ твоимъ услугамъ, когда ты будешь строить мостъ.

²⁾ Теперь ты приходи ко мнѣ на помощь.

³⁾ Увѣряю тебя Богомъ, архитекторъ Дмитрій, не могу я къ тебѣ придти на помощь: не пускаютъ меня мои сестрицы. Но ты отправляйся на зеленое поле и схвати тамъ Стою и Остою, задрълай ихъ въ башню моста, и тогда станеть на Дринѣ мостъ.

⁴⁾ Эй, ей, Соколъ Мехмедъ-паша, ты не задарилъ Дрины. Но насыпай по мосту золото и возьми затѣмъ лопату серебрянную и неси дары премутной Дринѣ.

Nasadi mi bradvu naorako,
Pa me spusti na tanke tenefe,
Da siječem vitku omoriku“¹⁾.

И это сдѣлалъ паша, и Дмитрій разсѣкъ сосну; тогда изъ послѣдней пошла кровь и послышался голосъ:

„Osta danas na Drini suprija,
Osta danas, osta do vijeka“²⁾.

Несомнѣнно, что этимъ заключалась первоначально пѣсня. Послѣ того весь конецъ пѣсни, несомнѣнно, добавленъ впоследствии, — подъ вліяніемъ разныхъ экономическихъ обстоятельствъ. Здѣсь позднѣйшій пѣвецъ разказываетъ, что паша установилъ налогъ съ проходящихъ по мосту по два бѣлыхъ динара и съ проѣзжающихъ по четыре динара; но если у послѣднихъ не было установленной суммы, то снимали съ нихъ коней пологи и попоны. Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока одинъ извозчикъ не осудилъ эту мѣру пашы, сложивъ о томъ пѣсню. Паша, который заставилъ извозчика повторить свою пѣсню, внялъ этому народному протесту и отмѣнилъ налогъ.

Не только по этому концу, но и по другимъ мѣстамъ видно, что пѣсня потерпѣла нѣкоторыя измѣненія, какъ можно заключить отчасти и по разказамъ о мостѣ, которые явились, несомнѣнно, послѣ разложенія, можетъ быть, первоначальной редакціи пѣсни. Вотъ самая полная редакція разказовъ.

350 лѣтъ тому назадъ жилъ православный старикъ-сербъ Соколовичъ въ селѣ Рованцахъ (община Соколовичи, котаръ Вышеградскій) въ Босніи, и у него было четыре сына, всѣ женатые. Въ одинъ годъ, на канунѣ Рождества, онъ говоритъ молодымъ членамъ своего семейства: „Завтра кто какъ встанетъ, пусть припомнитъ хорошо, что ему снилось ночью, и тогда разкажетъ мнѣ, и я вамъ все истолкую“. На другой день по утру стали пѣть весело, какъ въ Рождество у сербовъ. Затѣмъ каждый, кто только помнилъ сонъ, отправлялся къ старику разказать его, чтобы тотъ истолковалъ сонъ. Послѣ всѣхъ пришла самая младшая невѣстка, которая была беременна, и говоритъ старику, что ей снилось, что изъ ея чрева выросла сосна, которая своими вѣтвями покрыла весь міръ. Старикъ сказалъ ей на это: „Дай Богъ, чтобы это было на счастье, моя невѣстка; но едва ли ты родишь вла-

¹⁾ Будетъ уже довольно, Сокозь Мехмедъ-паша. Зацѣпи мнѣ сѣди сѣкиру и спусти на тонкихъ бичевкахъ и я разсѣку длинную сосну.

²⁾ Остается теперь мостъ на Дринѣ; остается теперь, остается на вѣки.

дыку земли¹⁾. Немного времени прошло, младшая невѣстка старика родила мужское дитя, прекрасное, какъ золотое яблоко. Дитя росло, какъ изъ воды, то-есть, не по днямъ, а по часамъ. Когда оно немного выросло, то никакъ не садилось на голую землю: если не находило, что подложить подъ собою, то снимало свою шапку съ головы и на шапкѣ и садилось. Въ старня времена былъ обычай, что цари объѣзжали свои земли въ тайнѣ, въ простой одеждѣ. Такъ и султанъ разъ выѣхалъ изъ Стамбула для объѣзда своего царства. Тогда онъ объѣхалъ и Боснію, гдѣ, въ одномъ мѣстѣ, въ горахъ у стада пѣлаго рода видѣлъ маленькаго Соколовича; султанъ о чемъ-то спросилъ его; мальчикъ отвѣчалъ очень бойко и умно. Это произвело впечатлѣніе на султана, которому мальчикъ очень понравился; султанъ спросилъ, какъ его имя, какъ зовуть его родителей, все это записалъ въ своей книгѣ и пошелъ дальше. Когда султанъ возвратился въ Стамбулъ, то послалъ приказъ боснійскимъ властямъ прислать къ нему маленькаго Соколовича²⁾. Послѣдній немедленно явился въ Стамбулъ. Султанъ взялъ его къ себѣ, какъ сына. По прошествіи нѣсколькихъ дней султанъ повелъ молодого Соколовича въ свою казну, и чтобъ его задобрить, показалъ ему всѣ свои деньги и сказалъ ему: „Вотъ, возьми себѣ денегъ, сколько хочешь и какихъ хочешь!“. Дитя вмѣсто того, чтобъ взять денегъ, бросилъ свой ножикъ съ ремня на деньги, и сказалъ: „Если съ кучи бралось, то она не была бъ такою; на нее постоянно бросалось, и потому она выросла такою большою“. Царь съ своими визирями диву дались и очень удивились мудрости молодого босняка; султанъ теперь совсѣмъ принялъ его къ себѣ и сталъ посылать его въ школу. Маленькій сербъ прошелъ, какъ по водѣ, всѣ школы. Послѣ того прошло немного времени, и султанъ потурчилъ молодого Соколовича и записалъ его въ войско. Соколовичъ и здѣсь выдвинулся и мало по малу дошелъ до чина паши. Какъ визирь, онъ былъ самый храбрый полководецъ султанскаго войска, такъ что его имя записано золотыми словами въ турецкой исторіи. Мехмедъ Соколовичъ въ бояхъ всегда выходилъ побѣдителемъ и много земель завоевалъ туркамъ и такимъ образомъ сдѣлалъ царство Турецкое сильнымъ.

У Соколовича былъ сынъ, котораго онъ любилъ больше всего на свѣтѣ. Когда онъ отправлялся въ походъ, то не могъ быть въ раз-

¹⁾ Ср. подобный разказъ Геродота (I, 108) о Кирѣ, царѣ Персидскомъ.

²⁾ *Босанска Вила* 1888 г., № 10, стр. 158.

лукѣ съ сыномъ, ни сынъ съ нимъ, и всегда поэтому отправлялись они вмѣстѣ. Разъ, въ одномъ жаркомъ бою съ непріателемъ погибъ визиревъ сынъ. Когда отецъ получилъ это печальное извѣстіе, то отъ жалости свалился съ коня и едва самъ не пошелъ за сыномъ; только бывшіе около него нѣсколько солдатъ изъ конницы спасли его. Съ того дня визирь постоянно былъ печаленъ по своему сынѣ, и разъ ему пришло на мысль сдѣлать что-нибудь большое въ память своего сына, чтобъ притомъ осталась память и о немъ самомъ. Онъ вспомнилъ свою родину и родное мѣсто; онъ задумалъ сдѣлать что-нибудь на пользу своему народу, а по себѣ оставить память. Для этого онъ выпросилъ у султана большую казну и фирманъ, чтобъ онъ могъ въ новозавоеванныхъ мѣстахъ налагать большой харачъ и подушную подать для построения моста на Дринѣ у Вышеграда. Онъ зналъ, что эти земли очень богаты. По пріѣздѣ въ Вышеградъ визирь прежде всего построилъ домъ для мастеровъ и рабочихъ для моста; тамъ они всѣ жили на всемъ содержаніи бесплатно, какъ во время работы, такъ и послѣ. Этотъ домъ народъ называлъ и называетъ его и до сего дня Каменати ханъ (каменный домъ, гостиница). Послѣ этого онъ сталъ строить мостъ и строилъ его семь лѣтъ. Потомъ онъ построилъ въ своемъ родномъ селѣ церковь и джамію (мечеть); первую турки послѣ его смерти разрушили, а мѣсто, на которомъ она стояла, и теперь называется Влахиня; джамія и теперь стоитъ, и ей принадлежитъ, какъ вакуфъ, земля около дринскаго моста, и эта земля отдается джаміей въ аренду.

Относительно мастера или водчаго, построившаго мостъ, преданіе говоритъ, что онъ назывался Раде, и что онъ дважды строилъ мостъ, но оба раза весною сильная вода до половины разрушала его. Когда несчастнаго Раде сильно стала разбирать грусть вслѣдствіе большихъ потерь и непріятностей, онъ сѣлъ разъ на полуразрушенной башнѣ моста и хотѣлъ броситься въ страшныя волны мутной Дрины, чтобы такимъ образомъ положить конецъ своему безконечному мученію. Обуреваемый такими мыслями, онъ сталъ проклинать и нарекать на Дрину:

„Хеј проклета Дрино валовита!
 Ђе остарјех на теби радећи,
 И опет ме хоѣш. да прогуташ?“¹⁾

¹⁾ „Ей проклятая Дрина волнистая! Я состарѣлся, работая на тебя, и ты все-таки хочешь меня проглотить..?“

Далѣе остатокъ пѣсни прибавляетъ, что

Истом Раде скочит шѣдијаше,
 Док се Раду нешто попричуло,
 Вивку вила из Буткова Рила:
 Чу ли мене, немаре Раде!
 Ти не можеш вачинит љуприје,
 Док не наѣш, Стоју и Остоју
 И то, Раде, брата и сестрицу,
 Па уздај у дринску љуприју.
 Тако ће ти остат вјезовита...!-²⁾

По голосу вила Раде рѣшилса искать того, о комъ она сказала ему, и дѣйствительно нашель и сдѣлалъ по ея велѣнью, и такимъ образомъ мостъ остался на вѣки. По этому преданію, Стоя была беременна, и когда ее задѣлали въ башню моста, то постоянно ударяло молоко изъ груди. Вслѣдствіе того народъ вѣритъ, что осадки, образующіеся у рѣшетки сводовъ отъ водяныхъ паровъ Дрины или отъ дождей, пробивающихся сквозъ помость моста, которые окрашиваются въ бѣлый цвѣтъ,—это отвердѣвшее молоко изъ Стоинной груди; этому молоку приписываютъ цѣлебную силу. Когда какая-нибудь женщина не имѣетъ достаточно молока для вскармливанія дитяти, то беретъ эти осадки и пьетъ ихъ съ водою, и тогда сразу является достаточно молока²⁾.

III. Сырну.

(Окончаніе слѣдуетъ).

COURS D'ÉPIGRAPHIE LATINE. Deuxième édition entièrement refondue et accompagnée de planches et de figures par René Cagnat. Paris. 1889.

Интересъ, возбужденный въ послѣднія десятилѣтія древнею эпиграфикою, богатыя открытія въ этой области, послѣдовательное появленіе *Corpus Inscriptionum Latinarum* и *Corpus Inscriptionum Atticarum*, все болѣе и болѣе выдвигаютъ занятія древними надписями изъ тѣснаго кружка специалистовъ — эпиграфиковъ и дѣлаютъ ихъ досто-

¹⁾ При этомъ Раде хотѣлъ соскочить въ воду; но вдругъ ему что-то слышалось,—эго вила съ Бутковой Рилы закричала къ нему: „Слышалъ ли меня, водчій Раде; ты не сможешь построить моста, пока не найдешь Стою и Остою, и то, Раде, брата и сестрицу. Ты ихъ задѣлай въ дринскомъ мосту и такимъ образомъ онъ останется на вѣки“.

²⁾ *Босанска Вила*, 1888, № 11, стр. 174—175.

яніемъ лицъ, вообще интересующихся развитіемъ древняго міра. Это обстоятельство объясняетъ и то явленіе, что во многихъ университетахъ, какъ западныхъ, такъ и русскихъ, читаются курсы греческой и латинской эпиграфики и разбираются надписи. Этимъ же обстоятельствомъ оправдывается и появленіе въ 1886 году труда г. Канья, поставившаго себѣ задачей подготовить неспеціалиста къ чтенію латинскихъ надписей и пользованію ими. Что трудъ этотъ вышелъ на встрѣчу дѣйствительной потребности, видно изъ того обстоятельства, что черезъ три года онъ является во второмъ, совершенно переработанномъ изданіи, на которое, въ виду его достоинствъ, считаемъ необходимымъ обратить вниманіе русскихъ читателей, интересующихся древнимъ міромъ и приемами его изученія.

Укажемъ вкратцѣ отношеніе книги г. Канья къ явленіямъ однороднымъ. Однимъ изъ первыхъ трудовъ, поставившихъ себѣ задачей дать обзоръ эпиграфическаго матеріала, распредѣлить его на отдѣлы и указать читателю на важнѣйшіе памятники, былъ трудъ италіанскаго ученаго Zaccaria, вышедшій въ 1770 г. въ Римѣ, подъ заглавіемъ: *Istituzione antiquario — lapidaria o sia introduzione allo studio delle antiche latine iscrizioni in tre libri proposta*. Въ этой книгѣ авторъ указываетъ прежде всего на ту пользу, которую могутъ извлечь изъ надписей: хронологъ, географъ, историкъ, антикваръ, критикъ; затѣмъ разсматриваетъ встрѣчающуюся въ надписяхъ ономакологию и переходитъ къ обзоръ отдѣльныхъ категорій надписей, дѣля ихъ на посвятительныя, юридическія, общественныя, историческія, почетныя и надгробныя. Послѣ этого авторъ говоритъ о стилѣ надписей, ихъ языкѣ, орфографіи, орнаментикѣ, о томъ, какъ ихъ списывать и читать, какъ исправлять невѣрныя копіи, какъ дополнять утраченное, какъ опредѣлять время надписи и какъ разрѣшать аббревіатуры. Для своего времени книга Цаккарія была явленіемъ не зауряднымъ и долго пользовалась воицѣ заслуженною извѣстностью. Нынѣ, конечно, она имѣетъ интересъ только историческій, потому что не удовлетворяетъ современнымъ требованіямъ и содержитъ въ себѣ весьма мало матеріала, не всегда при томъ, достаточно провѣреннаго. Нѣсколько иного характера трудъ другаго италіанца, и доселѣ цѣнимый въ Италіи: говоримъ о сочиненіи Steph. Aug. Morcelli: *De stilo inscriptionum latinarum* 1819 (перевозадался нѣсколько разъ). Въ немъ авторъ имѣетъ въ виду потребности практическія: указаніемъ особенностей стили древнихъ латинскихъ надписей, онъ хочетъ научить составлять новыя, столь распространен-

ныя въ Италіи и до настоящаго времени. Онъ дѣлитъ всѣ надписи на шесть классовъ: священныя, почетныя, эпитафій, историческія, элогіи и общественныя или юридическія. Въ каждомъ классѣ онъ приводитъ по нѣскольку примѣровъ, которые подвергаетъ обстоятельному разбору и указываетъ при этомъ на приемы, общіе тому или другому классу. Въ видѣ приложения, разбираются надписи на монетахъ, геммахъ, вазахъ и т. д. Въ трудѣ Морчелли собрано весьма много эпитафическаго матеріала, различно не мало тонкихъ замѣчаній, преимущественно относящихся къ архитектоникѣ и стилю надписей, но все же онъ мало пригоденъ вслѣдствіе отсутствія критики и своеобразной постановки задачи. Въ 1852 году (такъ называемое второе изданіе 1874 г. есть только перепечатка заглавнаго листа—Titelausgabe) вышла книга Zell: Anleitung zur Kenntniss der römischen Inschriften, про которую можно сказать, что она представляется шагомъ назадъ въ сравненіи даже съ трудомъ Цаккарія: полное отсутствіе критики, отсталость въ сужденіяхъ и взглядахъ, легкомысліе и прямыя невѣжественныя ошибки въ разработкѣ матеріала, собраннаго далеко не полно, характеризуютъ это печальное произведеніе, которое способно скорѣе спутать, чѣмъ чему-нибудь научить неопытнаго читателя. Одновременно съ первымъ изданіемъ труда г. Канья, появилась статья Гюбнера: Römische Epigraphik, вошедшая въ издаваемый подъ редакціей Ив. Миллера сборникъ: Handbuch der klassischen Alterthumswissenschaft. Написанная съ рѣдкимъ знаніемъ дѣла, статья эта въ сжатомъ видѣ знакомитъ читателя съ исторіей эпитафики и съ различнаго рода надписями и ихъ особенностями; она распадается на два отдѣла, изъ коихъ первый разсматриваетъ алфавитъ и особенности письма, а также и языкъ латинскихъ надписей, а второй посвященъ частнѣйшему обзорѣ различныхъ ихъ отдѣловъ: надписей надгробныхъ, посвяtitельныхъ, почетныхъ, начертанныхъ на сосудахъ, штемпелей, и документовъ. Сообразно съ задачей предпріятія Ив. Миллера, Гюбнеръ имѣлъ въ виду не столько дать введеніе въ латинскую эпитафику, сколько представить сжатый очеркъ современнаго состоянія этой науки и обзорѣе того матеріала, которымъ она располагаетъ. Поэтому и при ней, появленіе труда, который заданъ бы цѣлью представить введеніе въ латинскую эпитафику, предназначаемое для непосвященныхъ и начинающихъ, оказывается вполне законнымъ и умѣстнымъ.

Г. Канья не безызвѣстенъ въ ученой литературѣ: первый его

трудъ: *Explorations épigraphiques et archéologiques en Tunisie* (Paris 1882) обнаружилъ въ немъ хорошую подготовку, вынесенную изъ школы знаменитаго Léon Renier, а вышедшее въ томъ же году изслѣдованіе о косвенныхъ налогахъ у римлянъ (*Etudes historiques sur les impôts indirects chez les Romains jusqu' aux invasions des barbares, d'après les documents littéraires et épigraphiques*) было увѣнчано Французской Академіей и отмѣчено критикой, какъ трудъ тщательный и методическій, необходимый для всякаго, желающаго изучать римское государственное хозяйство. Затѣмъ г. Канья продолжалъ и продолжаетъ участвовать въ періодическихъ изданіяхъ: *Revue archéologique*, *Bulletin épigraphique*, *Revue de philologie*, помѣщая въ нихъ отдѣльныя изслѣдованія и замѣтки по поводу частныхъ вопросовъ и данныхъ изъ римской древности и эпитафки; съ прошлаго 1888 года онъ предпринялъ очень полезную работу, помѣщаемую имъ въ видѣ приложенія къ *Revue archéologique*, подъ заглавіемъ: *L'année épigraphique*; въ ней онъ приводитъ, нерѣдко *in extenso*, греческія и латинскія надписи, особенно замѣчательныя по содержанию, публикуемыя въ различныхъ повременныхъ изданіяхъ, не рѣдко малодоступныхъ. Потребность въ такомъ сводѣ чувствовалась давно, и ея удовлетвореніе составляетъ большую заслугу г. Канья.

Изъ только что сказаннаго видно, что авторъ, посвятившій себя специальному изученію римской эпитафки, былъ вполне подготовленъ къ тому, чтобы дать общій ея очеркъ, и слѣдуетъ признать, что онъ исполнилъ свою задачу весьма удовлетворительно: въ его книгѣ читатель найдетъ вѣрнаго и надежнаго руководителя въ области, требующей извѣстныхъ техническихъ пріемовъ и specialнаго подготовленія, встрѣтитъ обстоятельное указаніе на литературу предмета и рѣшеніе вопросовъ, представляющихся въ значительномъ количествѣ лицу, впервые приступающему къ изученію латинскихъ надписей. Если и есть въ книгѣ недочеты, то они не на столько существенны, чтобы ослабить общее хорошее впечатлѣніе, производимое ею.

Прежде чѣмъ укажемъ нѣкоторые изъ нихъ, ознакомимъ читателей поподробнѣе съ ея содержаніемъ: послѣ нѣкоторыхъ предварительныхъ замѣчаній о надписяхъ и эпитафкѣ вообще, и послѣ краткаго перечня важнѣйшихъ эпитафическихъ сборниковъ и изданій, авторъ въ первой части даетъ обзорнѣе алфавитовъ, употребляющихся въ латинскихъ надписяхъ. Онъ начинается съ алфавита арханческаго, который полагаетъ отъ древнѣйшихъ памятниковъ до Цезаря, когда начинается такъ называемый монументальный алфа-

вить, въ которомъ обращается особенное вниманіе на соответствіе и изящество начертаній. Въ этой области мы имѣемъ капитальный трудъ Гюбнера: *Exempla scripturae epigraphicae*, хотя и извѣстный г. Канья, но недостаточно имъ утилизованный: въ алфавитѣ, какъ и въ другихъ частностяхъ надписей, сверхъ условій времени, материала, личности рѣщика, играетъ большую роль и мѣстность, налагающая нерѣдко характерные признаки на надпись. Все это съ большою обстоятельностью разобрано Гюбнеромъ и могло бы, не безъ пользы для читателя, быть отмѣчено и въ общемъ обзорѣни: правда, кое-что изъ этихъ особенностей упоминаетъ г. Канья при обзорѣни начертаній отдѣльныхъ буквъ, но эти отрывочныя и разбросанныя отмѣтки не даютъ возможности составить общее понятіе. Вслѣдъ за монументальнымъ алфавитомъ онъ переходитъ къ обзорѣни курсива, и даетъ образчики двухъ почерковъ, наиболѣе извѣстныхъ и полныхъ: въ Помпеяхъ (на такъ называемыхъ граффитахъ), и въ Дакии, на восковыхъ дощечкахъ, найденныхъ въ золотыхъ копяхъ городка *Albunus maior*. Нельзя не пожалѣть при этомъ, что г. Канья не привелъ въ точномъ снимкѣ хотя бы нѣсколькихъ строкъ курсива для того, чтобы дать понятіе о соединеніяхъ буквъ и о трудности ихъ чтенія. Послѣ общихъ замѣчаній авторъ переходитъ къ обзорѣни начертанія каждой буквы въ отдѣльности: какъ уже было замѣчено выше, онъ при этомъ даетъ не мало детальныхъ указаній, но они, будучи разбросаны, не дозволяютъ составить общей картины того или другаго приема написанія. Въ доказательство приведемъ лишь одинъ примѣръ: всякому, занимавшемуся палеографіей латинскихъ надписей, знакомъ характерный почеркъ, встрѣчающійся какъ на камнѣ, такъ на бронзѣ и на дипинтахъ, и отличающійся тонкими, высокими чертами, тѣсно лѣпящимися одна къ другой и отгнѣваемыми поперечными, весьма толстыми штрихами: это тотъ почеркъ, который у палеографовъ извѣстенъ подъ названіемъ *scriptura à penicillo*, *Pinsel-schrift*. Читатель книги г. Канья не составитъ о немъ надлежащаго понятія, хотя указанія на нѣкоторые его особенности и найдетъ подъ отдѣльными буквами (напримѣръ, P, L). Отмѣтимъ еще одинъ пропускъ: это полное отсутствіе указаній на особенности такъ называемаго Дамасова шрифта (*litterae Damascanae*), введеннаго каллиграфомъ Фуріемъ Діонисіемъ Филокаломъ и встрѣчающагося на многочисленныхъ элогіяхъ папы Дамаса, IV-го вѣка. Вслѣдъ за обзорѣнемъ начертаній отдѣльныхъ буквъ, авторъ разсматриваетъ ихъ связь, причемъ недостаточно обращаетъ вниманія на причудливыя и характер-

ныя лигатуры, въ обиліи попадающіяся на британскихъ и германскихъ надписяхъ. Послѣ краткаго обзорѣнія строчныхъ и надстрочныхъ знаковъ, авторъ переходитъ къ обозначенію цифръ: чиселъ цѣлыхъ и дробей.

Второй отдѣлъ книги посвященъ обзорѣнію элементовъ, общихъ различнымъ группамъ надписей, и начинается съ ономанологіи. Сперва авторъ говоритъ о *tria nomina*, то-есть, о *praenomen*, *nomina* и *cognomen*, затѣмъ переходитъ къ обозначенію родства, трибы, родины и мѣста жительства. Въ слѣдующихъ параграфахъ находятся указанія на передачу этихъ трехъ именъ отъ отца къ дѣтямъ и, въ частности, на названія дѣтей законныхъ, на названія незаконнорожденныхъ, усыновленныхъ, натурализованныхъ иностранцевъ, рабовъ, отпущенниковъ. По поводу этихъ указаній авторъ касается многихъ частности, напримѣръ, названія *pirus*, полиониміи, столь употребительной во вторую половину имперіи, окончаній на *anus*, формулы: *qui et*, отпущенниковъ женщинъ и т. д. Всѣ его указанія сопровождаются удачно подобранными примѣрами и необходимыми ссылками, какъ на источники, такъ и на ученую библіографію. Тому, кто знаетъ, что многіе вопросы римской ономанологіи и въ настоящее время находятся еще въ зачаточномъ состояніи, не покажется удивительнымъ, что въ этомъ отдѣлѣ труда г. Канья обнаруживается довольно значительное количество пробѣловъ и недомолвокъ. Только въ немногихъ изъ нихъ виноватъ авторъ, большинство же такого свойства, что при настоящемъ состояніи разработки эпиграфическаго матеріала удовлетворительно рѣшены быть не могутъ; нѣкоторые только что еще поставлены. Такъ, мы не будемъ укорять г. Канья за неполноту данныхъ, относящихся къ римскимъ женскимъ именамъ, за недостатокъ обстоятельности и надлежащей группировки въ *cognomina*, и т. д., но рѣшимся выразить сожалѣніе о томъ, что, при изложеніи вопроса о трибахъ, онъ мало воспользовался приводимыми имъ, слѣдовательно ему знакомыми, трудами Кубичка (*Kubitschek*): *de romanorum tribuum origine ac propagatione* (Vindob. 1882) и *imperium romanum tributim discriptum* (ibid. 1882), выставившаго вопросъ о трибахъ въ новомъ свѣтѣ; точно также есть основаніе пожалѣть, что авторъ мало воспользовался капитальными мемуарами Моммзена помѣщенными имъ въ *Ephemeris epigraphica* и въ журналѣ *Hertha*, относительно обозначенія родины и мѣстожительства.

Несравненно богаче содержаніемъ и поучительнѣе вторая глава книги г. Канья, посвященная обзорѣнію служебной карьеры римскихъ часть сслхуи, отд. 2.

государственныхъ дѣятелей, для которой надписи представляютъ богатѣйшій и незамѣнимый матеріалъ. Начиная съ знаменитаго мемуара Боргези: *Memoria sopra la iscrizione del console L. Burbuleio Optato Ligariano* (Oeuvres, IV, 103), ученые эпиграфисты и антиквары съ усердіемъ занимались всѣми деталями вопроса о римскомъ *cursus honorum*, и въ монографіяхъ Моммзена, Генцена, Л. Ренье, де Росси, Лабуса, Фурланетто, Цумпта и многихъ другихъ содержится не мало любопытнѣйшихъ данныхъ по исторіи римскаго служилого люда. Г. Канья добросовѣстно воспользовался результатами этихъ работъ и представилъ прекрасно составленный очеркъ движенія по службѣ лицъ сенаторскаго ранга, всадническаго и низшихъ, причемъ каждый изъ этихъ отдѣловъ дробитъ на частнѣйшіе параграфы: такъ, говоря о сенаторской каррьерѣ, онъ разсматриваетъ ее сперва за періодъ до Діоклетіана, и присоединяетъ къ ней обзоръ за этотъ же періодъ карьеры всаднической; затѣмъ переходитъ къ періоду послѣ Діоклетіана, когда замѣчается стремленіе слить обѣ эти карьеры во-едино, что и происходитъ окончательно при Константинѣ В., послѣ котораго *cursus honorum* дѣлается однимъ, хотя дойти до него можно было двумя путями, смотря по тому, было ли лицо, его искавшее, *clarissimus*, то-есть, сынъ сенатора, или нѣтъ. Переходя наконецъ къ обзоръ должностей низшихъ, авторъ группируетъ ихъ по слѣдующимъ отдѣламъ: административныя должности, поручавшіяся отпущеникамъ, какъ въ Римѣ, такъ и въ провинціяхъ; должности военныя въ легіонахъ и во флотѣ; административная карьера въ муниципіяхъ и колоніяхъ; должности въ коллегіяхъ и корпораціяхъ. Въ виду дробности матеріала, авторъ придалъ изложенію этихъ отдѣловъ форму таблицъ, въ которыхъ онъ перечисляетъ въ алфавитномъ порядкѣ извѣстныя должности, съ указаніемъ мѣстностей, гдѣ онѣ встрѣчаются. Таблицы эти составлены очень тщательно и нуждаются лишь въ весьма немногихъ дополненіяхъ и поправкахъ: такъ, въ первомъ отдѣлѣ желательнѣе было бы видѣть перечисленіе отпущениковъ Цезарскаго дома, носившихъ названія по роду своихъ занятій съ предл. а (*a manu, a pedibus, a regionibus Urbis* и пр.), также какъ и съ *supra* (*supra cubicularios, supra medicos* и др.); въ отдѣлѣ должностей флотскихъ мы замѣтили пропускъ названій: *δακνοῦ τοῦ πραιποσίτου στόλου, rationalis, suboptio, victimarius*; въ отдѣлѣ должностей муниципальныхъ слѣдовало бы упомянуть, напримѣръ, объ *asiarcha, praetor Etruriae*; въ культѣ Мионы объ *antistites, decem primi hieroceryces*, и пр.

Третья глава посвящена не менѣе интересному вопросу—о титулатурѣ римскихъ Цезарей и лицъ Цезарскаго дома. И онъ, подобно предыдущимъ, разработанъ въ сравнительно недавнее время, преимущественно въ трудахъ Моммзена. Г. Канья рассматриваетъ сперва титулатуру и имена императоровъ при ихъ жизни, титулатуру лицъ Императорскаго семейства, и наконецъ титулатуру Цезарей и ихъ родственниковъ послѣ ихъ смерти. Въ видѣ особаго экскурса прибавлено нѣсколько замѣчаній о такъ-называемыхъ разурахъ или намѣренныхъ, произведенныхъ еще въ древности, уничтоженіяхъ названій Цезарей на общественныхъ памятникахъ. Къ этой главѣ, въ видѣ справочнаго указателя, приложенъ хронологическій перечень Римскихъ императоровъ, съ точнымъ обозначеніемъ ихъ *nomina* и *cognomina*, счета ихъ трибунской власти, ихъ консулатовъ и *acclamations imperatoriae*. Этотъ, составленный съ большою тщательностью, указатель, для котораго авторъ воспользовался, сверхъ надписей, и монетами, а также принялъ во вниманіе и результаты новѣйшихъ изслѣдованій Штоббе, Моммзена и Гиршфельда, принесетъ существенную пользу при справкахъ.

Послѣдній и самый обширный отдѣлъ книги г. Канья, занимающій около трети всего сочиненія, посвященъ обзорѣннѣе различныхъ категорій надписей и особенностямъ, характеризующимъ каждую изъ этихъ категорій. Прежде всего авторъ говоритъ о надписяхъ, посвященныхъ различнымъ божествамъ, затѣмъ переходитъ къ надписямъ почетнымъ, разившимся изъ такъ-называемыхъ элогіей и помѣщавшимся преимущественно на базисахъ статуй, которыя воздвигались выдающимся личностямъ; слѣдующій отдѣлъ рассматриваетъ надписи, находившіяся на общественныхъ зданіяхъ и сооруженіяхъ (въ частности, на милевыхъ столбахъ, и на межахъ). Четвертый параграфъ посвященъ надписямъ надгробнымъ, пятый—общественнымъ и частнымъ документамъ. Въ числѣ ихъ мы находимъ обзорѣннѣе формулъ, характеризующихъ законы и плебисциты, сенатскіе указы (очень жаль, что авторъ не привелъ подробнаго перечня всѣхъ, сравнительно немногочисленныхъ, сохранившихся до нашего времени, памятниковъ этого рода, ограничиваясь только латинскими текстами), императорскія повелѣнія (тутъ помѣщены и указы объ отставкѣ римскихъ ветерановъ—*tabulae honestae missiois*), распоряженія магистратовъ, списки консуловъ и триумфаторовъ, календари, документы, относящіеся къ освященію храмовъ и жертвенниковъ, протоколы и списки жреческихъ коллегій, списки различныхъ отдѣловъ римской

арміи, акты и документы муниципальные (напримѣръ, *lex parieti faciundo*, *senotaphia Pisana*, *tabulae patronatus*, *tabulae alimentariae*). акты, относящіяся къ коллегіямъ, и, наконецъ, документы частные,

Въ послѣднемъ параграфѣ авторъ разсматриваетъ надписи на различныхъ предметахъ движимости, которыя извѣстны въ эпиграфикѣ подъ общимъ названіемъ: *instrumentum*. Сюда входятъ надписи на мраморныхъ глыбахъ и металлическихъ слиткахъ, на кирпичахъ и черепицахъ, на водопроводныхъ трубахъ, на вазахъ, лампочкахъ, глиняныхъ, стеклянныхъ и металлическихъ предметахъ для частнаго употребленія, на оружіи (такъ-называемыя *glandes missiles*), на вѣсахъ и мѣрахъ, на драгоценностяхъ, штемпеля и печати, такъ-называемыя *tesserae*, оракулы и заклинанія, надписи на мозаикахъ и на игральныхъ доскахъ.

Изложеніе г. Канья заканчивается дополнительной главою, въ которой говорится о приѣмахъ возстановленія текста надписей, сохранившихся не вполне, и о критикѣ надписей.

Въ видѣ приложенія, въ концѣ книги присоединенъ алфавитный перечень наиболее часто встрѣчающихся условныхъ знаковъ и сокращеній.

Изъ всего вышесказаннаго можно видѣть все богатство содержанія книги г. Канья. Мы уже замѣтили, что разработка его стоитъ вполне на уровнѣ современнаго развитія эпиграфическихъ штудій и что вслѣдствіе этого разсматриваемая книга оказывается вполне надежнымъ руководителемъ.

Нѣкоторыя, сдѣланныя нами мимоходомъ, частныя замѣчанія касались, главнымъ образомъ, того, чего въ этой книгѣ нѣтъ и что было бы желательно въ ней видѣть. Здѣсь мы ихъ дополнимъ въ надеждѣ увидѣть это полезное изданіе, при новой его обработкѣ, болѣе подробнымъ и обстоятельнымъ. Прежде всего, является весьма желательнымъ, чтобы авторъ въ началѣ книги представилъ, хотя бы и краткій, очеркъ хода развитія латинской эпиграфики, начиная съ эпохи Возрожденія до послѣдняго времени, и, въ частности, до появленія *Corpus Inscriptionum Latinarum*. Задача эта не особенно трудна, при существованіи такихъ капитальныхъ трудовъ, какъ *de Rossi: Le prime raccolte d'antiche iscrizioni compilate in Roma tra il finire del secolo XIV ed il cominciare del XV inventate et dichiarate (Roma 1822)*, *Henzen: Ueber die von Cyriacus von Ancona gesammelten Inschriften der Stadt Rom; über die stadtrömischen Inschriftensammlungen aus der Epoche nach Cyriacus bis auf Jac. Mazochi,*

и такого прекраснаго обозрѣнія, какъ: *Histoire de l'épigraphie Romaine depuis les origines jusqu'à la publication du „Corpus“, rédigée sur les notes de León Renier par M. R. de la Blanchère* (Paris. 1887).

Между тѣмъ, ознакомить читателя съ историческимъ развитіемъ такой дисциплины, какъ эпиграфика, кажется намъ особенно важнымъ потому, что ознакомленіе это предостережетъ его отъ многихъ ошибокъ и многіе отдѣлы выставитъ въ надлежащемъ свѣтѣ.—Затѣмъ мы порекомендовали бы почтенному автору ввести въ свое изложеніе и краткій очеркъ Христіанской эпиграфики до VI вѣка, такъ какъ она во многихъ пунктахъ стоитъ въ этотъ періодъ въ непосредственной связи съ языческой. Пособіемъ при этомъ, сверхъ капитальнаго труда де Росси, *Inscriptiones christianae urbis Romae*, могло бы служить прекрасное введеніе Леблана въ его *Inscriptions chrétiennes de le Gaule*.—Наконецъ, третье и послѣднее наше *desideratum* состоитъ въ томъ, чтобы авторъ привлекъ въ большей мѣрѣ греческія надписи изъ періода греко-римскаго и ознакомилъ бы читателя поподробнѣе съ употребляющеюся въ нихъ терминологіей.

Въ такомъ трудѣ, какъ разсматриваемый, въ которомъ содержится указаніе на массу самыхъ разнообразныхъ данныхъ, совершенно естественно встрѣтить нѣкоторыя частныя недомолвки, неточности въ деталяхъ и т. п., но строго судить ихъ не возможно въ виду обширности задачи, взятой на себя авторомъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ:

На стр. 51 г. Канья замѣчаетъ, что имена на *as*, *enas*, *inas* и *apas* суть происхожденія умбрскаго, и приводитъ имя *Maecenas*, который, какъ извѣстно, происходилъ изъ древнѣйшаго этрусскаго рода.

На стр. 64 такія соединенія, какъ *Caecilia Q. Cretici*, *Metella Crassi* авторъ объясняетъ черезъ опущеніе словъ: *filia* и *uxor*. Проще и вѣроятнѣе въ этихъ родительныхъ видѣть такъ-называемый *genetivus possessivus*, не нуждающійся, для своего объясненія, въ эллипсисѣ.

На стр. 90 и сл.: г. Канья даетъ очеркъ движенія по государственной службѣ римскаго гражданина и, въ частности, говоритъ о такъ-называемой сенаторской карьерѣ. Очеркъ этотъ, въ общемъ вѣрный и точный, недостаточно рѣзко отдѣляетъ періоды республиканскій и императорскій, вслѣдствіе чего о первомъ читатель получаетъ весьма смутное представленіе. Хотя огромное большинство надписей, упоминающихъ о *cursus honorum* того или другаго лица, и относится къ періоду императорскому, однако тѣмъ важнѣе и лю-

бопытнѣе тѣ немногія эпитафическія данныя, которыя принадлежать эпохѣ республиканской и дать введеніе къ ихъ правильному уразумѣнію представляется весьма важнымъ. Кстати замѣтимъ, что форма *quaestoricus*, приводимая авторомъ въ значеніи: бывший квесторъ, встрѣчается весьма рѣдко (намъ извѣстенъ всего лишь одинъ случай. и то не на городской надписи, въ С. I. L. IX, 338), болѣе же употребительною является форма *quaestorius*.

На стр. 225: существующій нынѣ обломокъ надписи на колоннѣ, воздвигнутой въ честь Дулія, г. Кавья склоненъ относить ко времени Августа; съ большимъ правдоподобіемъ можно думать, что она или составлена, или реставрирована въ царствованіе Клавдія, большаго любителя и знатока древности.

Стр. 248: было бы весьма интересно видѣть перечисленіе хотя бы главнѣйшихъ названій, которыя въ различныхъ мѣстностяхъ придавали гробницамъ, и вообще обратить большее вниманіе на различіе формулъ, обусловленное мѣстностью. Слѣдовало бы поподробнѣе коснуться и любопытной формулы, встрѣчающейся преимущественно на надгробныхъ надписяхъ и, главнымъ образомъ, въ Галліи — *sub ascia dedicare*. Вообще, въ виду того, что надгробныя надписи составляютъ среди другихъ подавляющее множество, онѣ заслуживаютъ болѣе подробнаго рассмотрѣнія и детальной классификаціи; особо слѣдовало бы рассмотрѣть и отдѣлъ стихотворныхъ эпитафій, представляющихъ массу своеобразныхъ особенностей.

Стр. 262. Упомянувъ объ эдиктѣ Діоклетіана, установившемъ maximum цѣны предметовъ купли и продажи, авторъ ссылается на Рейнака: *Traité d' épigraphie grecque*; слѣдовало бы привести и изданіе его, сдѣланное Ваддингтономъ, и мемуаръ Моммзена въ его *Epigraphische Analecten*.

Стр. 270. Напрасно г. Кавья признаетъ совершенно невѣроятное предположеніе Борманна, будто извѣстный *monumentum Ansuranum* относится къ разряду такъ-называемыхъ *laudationes funebres* — *une conception ingénieuse*. Это предположеніе не имѣетъ за собою никакихъ солидныхъ основаній и особымъ остроуміемъ не отличается.

Стр. 286. Заслуживали бы упоминанія открытыя въ недавнее время списки *equites singulares*, прекрасно изданныя покойнымъ Генценомъ въ *Bullettino della Commissione archeologica comunale in Roma*.

Стр. 291. По поводу *tabulae alimentariae* не излишне бы было указать на капитальные мемуары Генцена (*Tabula alimentaria Vaebia-*

positum. Romae. 1845, съ дополненіями въ Annali del' Instituto 1849) и Дежардена (Disputatio historica de tabulis alimentariis. Paris. 1854).

Заканчивая здѣсь наши замѣтки или, выражаясь точнѣе, придирки, пожелаемъ почтѣнному труду г. Канья наиболѣе широкаго распространенія среди публики, интересующейся древними памятниками вообще, и эпиграфическими въ частности.

И. Пемалевскій.

А. А. Титовъ. Лѣтопись Двинская. Москва. 1889.

Изданіе „Лѣтописи Двинской“ принадлежитъ тому же почтенному труженнику А. А. Титову, о другомъ подобномъ трудѣ котораго — о „Лѣтописи Великоустюжской“ — было сообщено въ майской книгѣ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1889 годъ К. Н. Бестужевымъ-Рюминимъ. Подобно „Лѣтописи Великоустюжской“, „Лѣтопись Двинская“ есть сводъ изъ нѣсколькихъ рукописныхъ двинскихъ лѣтописцевъ, составленный А. А. Титовымъ. Материалами для составленія сводной Двинской лѣтописи послужили три списка: 1) рукопись конца XVIII вѣка, „съ небольшими вариантами противъ напечатанной Н. И. Новиковымъ въ XVIII томѣ Россійской Вивліюенки“; событія въ этой рукописи продолжаются до 1705 года; 2) рукопись, принадлежащая поморскому наставнику М. Б—ову, событія въ этой рукописи доходятъ до 1750 года; эту рукопись составитель свода слыхалъ съ рукописью № 32, принадлежащею археографической комиссіи; пробѣлы первыхъ двухъ лѣтописцевъ пополнены изъ третьей рукописи, конца XVII и начала XVIII вѣка, полученной составителемъ отъ товарища предсѣдателя Архангельскаго статистическаго комитета Г. О. Минейко; эта послѣдняя рукопись содержитъ въ себѣ событія до 1701 года включительно. Нынѣ изданный сводъ Двинской лѣтописи обнимаетъ время отъ 1342 до 1750 года включительно, и такимъ образомъ, событія простираются здѣсь на цѣляхъ 45 лѣтъ далѣе сравнительно съ Двинскою лѣтописью, изданною Н. И. Новиковымъ, извѣстія которой прекращаются на 1705 г. Кромѣ того, во многихъ случаяхъ событія и до 1705 г. разказаны въ новомъ изданіи съ болшею полнотою; есть и такія, о которыхъ въ Новиковскомъ изданіи совершенно не упоминается, или упоминается кратко. Съ особенною подробностью описана въ новомъ изданіи дѣятельность перваго архіепископа Холмогорскаго и Важескаго Аванасія, занимавшаго эту кафедру въ теченіе девятнадцати съ половиною лѣтъ съ

1682 года. Лѣтописецъ характеризуетъ этого перваго холмогорскаго архипастыря слѣдующимъ образомъ: „Бысть убо пастырь изящный, писанія довольный, сказатель громогласенъ, рѣчиствъ, по премногу остроразсудителенъ, чина церковнаго опасный хранитель, ревнитель къ вѣрѣ, на расколъ разрушитель, трудолюбивъ, много зданій каменныхъ созда: церковь соборную Преображенія, въ ней иконостасъ новый столарскимъ добрымъ мастерствомъ, священные сосуды и евангеліе, книги и облаченіемъ наполни благолѣпотнѣ, при семъ же колокольницу каменную и домъ свой архіерейскій съ довольными потребы и приказы и церковь сѣнную все каменное зданіе изящно содѣла“ (стр. 127—128). Строительная дѣятельность его и особенно заботы объ украшеніи храмовъ описаны съ большою подробностью, и эти подробности сами по себѣ заслуживаютъ вниманія; такъ на стр. 74: „Преосвященный и первопрестольный Аванасій, архіепископъ Холмогорскій и Важескій, соизволилъ душеспасительнѣо люборачительствомъ своимъ первую свою соборную каменную церковь во имя Боголѣпнаго Преображенія Господня новопостроенную ¹⁾ украсить вновъ же святыми иконами, якоже церковь восточная во вселеннѣи украшается. Призвавъ Холмогорскаго града богиовленскаго протоіеря Теодора Васильева сына Струнина, первѣйшаго искуснаго изографа иконнаго письма, съ нимъ дядю его, а своего архіерейскаго дому сына боярскаго Алексѣя Иванова сына Струнина, къ нимъ же а прочихъ совокупилъ, и любительно бесѣдовавши съ нимъ обще объявилъ свое желаемое намѣреніе, чтобы во весь иконостасъ, окромѣ мѣстныхъ иконъ, написали бы на дскахъ по мѣрѣ иконостаса, каковъ будетъ содержаться мѣрою, а знаменить и писать на оныхъ дскахъ такимъ переводамъ, яко же зрятся старогреческія письма. А писать въ домѣ его архіерейскомъ, на что уготованы особливые на то построенные покои и свѣтлицы, также и пища имъ всѣмъ, у того дѣла трудившимся, общая его дому архіерейская, братская, отъ ключника и во время и отъ его самаго трапезы поданная; къ тому-жъ для увеселенія и потѣшенія съ

¹⁾ На стр. 58—60 въ примѣчаніи помѣщены весьма любопытныя свѣдѣнія о расходахъ и матеріалахъ для построенія этой церкви: „сколько же къ тому строенію принять изъ государева жалованья, остальныхъ у Архангельскаго города отъ городского и гостинныхъ дворовъ строенія припасовъ, и что куплено къ тому каменному строенію, и по какой цѣнѣ, и что за работу мастерамъ каменщикамъ изъ домовой и келейной архіерейской казны, имянно-жъ“; за этимъ слѣдуетъ подробное перечисленіе. Составитель, къ сожалѣнію, не отмѣчаетъ, откуда эти свѣдѣнія заимствованы.

погребѣ отъ вина и отъ другихъ питей въ подобное время повелѣніе, яко же тако и бысть¹⁾). Здѣсь же находимъ и размѣры вознагражденія за иконописныя работы того времени; есть указанія и на качества тогдашняго золоченія, на стр. 82: „Праздничныхъ иконъ числомъ 22, мѣрою въ вышину по 2 аршина, шириною по аршину по 3 вершка; на золоченье золота краснаго большой руки пошло 100 листовъ да въ пробѣлъ малой руки пошло 300 листовъ. Апостольскихъ, пророческихъ и пророцескихъ иконъ—числомъ по 20 на сторонѣ да по срединѣ—всѣ мѣрою вышиною по 3 аршина, шириною противъ праздничныхъ; на апостолы въ пробѣлъ золота краснаго большой руки пошло 14 тетрадей, въ которыхъ по золотому въ тетради числомъ по 60 листовъ да малой руки пошло сто листовъ. На всѣ на тѣ иконостасныя иконы золота двойника пошло 900 листовъ да серебра пошло 600 листовъ“.

Этому первому архіепископу Холмогорскому не разъ приходилось встрѣчать Петра Великаго во время его путешествій на Двину; такъ, на стр. 63 находится описаніе встрѣчи и пребыванія Петра въ Холмогорахъ въ 1693—1694 гг., когда Аѳанасій удостоился получить слѣдующіе царскіе подарки: „въ 25 число (Августа), великій государь пожаловалъ преосвященнаго Аѳанасія архіепископа стругомъ своимъ, на которомъ прибылъ въ городу, со всякою судовою снастію“ (стр. 68). Въ сентябрѣ 1694 года такъ читаемъ „великій государь пожаловалъ преосвященнаго Аѳанасія каретою въ сто рублей“ (стр. 70). Во время пребыванія Петра на Двинѣ Аѳанасій часто имѣлъ возможность видѣться съ царемъ и бесѣдовать съ нимъ, на стр. 69: „сентября 6-го, въ среду, великій государь у преосвященнаго изволилъ хлѣба кушать съ бояры и сержанты ближними. А во время кушанья государь изволилъ милостивно и благоразсудительно и утѣшительно бесѣдовать съ преосвященнымъ архіепископомъ и съ бояры своими о царетвенныхъ

¹⁾ По окончаніи церковныхъ работъ, иконописцевъ въ награду за ихъ трудъ „изволилъ отпустить преосвященный Аѳанасій на наемномъ изъ своей архіерейской казны извономъ ярбасъ въ Соловецкій монастырь помолиться Соловецкими чудотворцамъ и дать свой архіерейскій листъ къ архимандриту Фирсу, со изъявленіемъ, что по его архіерейскому благословенію отпущены съ милости его архіерейской оныя иконописцы за многой ихъ трудъ къ соборной Преображенской церкви. И потому его архіерейскому отпуску, по прибытію, въ монастырь отъ архимандрита Фирса вѣсьмъ тако учинено, каждому по достоинству, подобающая честь съ воздаяніемъ награжденія. Въ семъ же отпускѣ была и столары купно отпущены обще.....“ (стр. 95—96).

бытностяхъ и о боярскихъ и великихъ людей, также и о мірскихъ простыхъ людѣхъ и въ работѣ пребывающихъ и о домовныхъ и всякихъ заводовъ. Зданія, также и о водномъ путешествіи морскомъ и рѣчнымъ кораблями и иными всякими судами со многими искусствомъ“¹⁾. Часто и Аѳанасій бывалъ у царя, а также путешествовалъ въ Москву; всѣ важнѣйшія событія изъ жизни этого достойнаго архипастыря тщательно отмѣчены лѣтописцемъ. Изъ преемниковъ Аѳанасія никто не удостоился такихъ лестныхъ похвалъ, какими онъ былъ прославленъ. Нужно, впрочемъ, прибавить, что послѣ него за время отъ 1702 по 1740 г. на каедрѣ Холмогорской смѣнили другъ друга семь лицъ.

Кромѣ разказовъ о дѣлахъ церковныхъ, которыми богата Двинская лѣтопись, важное мѣсто занимаетъ смѣна правительственныхъ лицъ, имѣвшихъ близкое отношеніе къ мѣстному населенію. Среди записей важнѣйшихъ мѣстныхъ событій отмѣчены въ лѣтописи и важнѣйшія общерусскія событія, о которыхъ доходили частныя слухи или официальные извѣщенія—баталія подъ Добрымъ, подъ Лѣснымъ, подъ Полтавою, взятіе городовъ Выборга, Риги и друг.; внесены также въ лѣтопись манифестъ о присягѣ „что быти въ наслѣдіе царства царевичу и великому князю Петру Петровичу“; о заключеніи Нейштадтскаго мира и принятіи императорскаго титула; о началѣ „въ посадѣхъ магистратовъ“ въ 1723 г.; о коронованіи Екатерины I; о смерти Петра Великаго; о вступленіи на престолъ преемниковъ Петра Великаго Екатерины I, Петра II, Анны Ивановны и Елизаветы Петровны; о провозглашеніи Петра Ѳедоровича наслѣдникомъ престола и проч. Подъ 1747 г. читаемъ: „Въ Холмогоры пріѣхалъ изъ Москвы обучавшійся въ Московской Законоспасской славяно-греко-латинской Академіи посланный туда въ 1738 году студентъ Алексѣй Либеровскій, и въ Холмогорахъ въ славено-латинской архіерейской школѣ

¹⁾ Въ 1697 г. „въ четвертую недѣлю святаго и великаго поста благочестивѣйшій великій государь царь и великій князь Петръ Алексѣевичъ, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ, изволилъ предъ походомъ своимъ въ службу быть въ кельи у преосвященнаго архіепископа въ ночи не со многими своими ближними людьми“ (стр. 100). Въ 1702 г. мая 16-го, „по литургіи въ Соборѣ, бывъ у преосвященнаго Аѳанасія архіепископа часа съ полтора“ (стр. 125) 29-го іюня того же года во время освященія церкви въ новой крѣпости на Двинѣ великій государь пожаловалъ преосвященнаго саккосомъ „и велѣлъ имѣть въ томъ облаченіе; съ того года начались саккосы“ (стр. 126).

первой началъ обучать чтенію, риторикѣ, логикѣ и физикѣ“ (стр. 178).

Тексту новоизданной лѣтописи предшествуетъ подробное съ обозначеніемъ годовъ оглавленіе, а за нимъ предисловіе (I—XXIII), въ которомъ составитель свода сперва описываетъ рукописи, послужившія ему матеріаломъ при составленіи Двинской лѣтописи, а затѣмъ излагаетъ краткую исторію Холмогоръ, „какъ такого пункта, около котораго сосредоточивается все историческое прошлое Двинскаго края, изложенное въ отрывочныхъ погодныхъ записяхъ лѣтописцевъ“. Среди этого изложенія событій, касающихся Холмогоръ, помѣщенъ и списокъ воеводъ, управлявшихъ Двинскимъ краемъ съ 1587 по 1705 г. Последнія страницы предисловія посвящены краткому описанію Сійскаго монастыря, въ которомъ, какъ извѣстно, находился подъ строгимъ заключеніемъ „застриженный въ монашество“ Ѳеодоръ Никитичъ Романовъ, впослѣдствіи патріархъ Филаретъ.

Въ лѣтописи приложенъ указатель и снимокъ съ древней иконы преподобнаго Антонія Сійскаго. Относительно изданія Двинской лѣтописи можно повторить нѣкоторые изъ упрековъ, сдѣланныхъ составителю по поводу изданія лѣтописи Великоустюжской. При новомъ своемъ изданіи г. Титовъ также не означилъ сходства и различія рукописей, бывшихъ въ его рукахъ,—что даетъ поводъ предполагать о совершенномъ ихъ сходствѣ; только хронологическія данныя отмѣчены въ примѣчаніяхъ. Остается не объясненнымъ: почему не указано различіе между изданнымъ вновь лѣтописнымъ сводомъ и ранѣе напечатаннымъ въ „Россійской Вивлюекѣ“, и почему составитель не воспользовался тѣми мѣстами Новиковскаго изданія, которыя могли часто служить къ исправленію ошибокъ и нѣкоторыхъ пропусковъ въ рукописяхъ, послужившихъ основаніемъ для свода. Хорошо также было бы въ новомъ изданіи отмѣтить до 1705 г. тѣ мѣста, которыя восполняютъ прежде изданный списокъ Двинской лѣтописи. Составитель ограничился только краткимъ замѣчаніемъ относительно всего вышесказаннаго, а именно: „Мы имѣли въ рукахъ списокъ конца XVIII вѣка съ небольшими вариантами противъ напечатаннаго Н. И. Новиковымъ“. Уже выше было сказано, что въ Новиковскомъ изданіи нѣтъ многихъ подробностей относительно путешествій Петра Великаго и архіепископа Аѳанасія, но есть за то и въ Новиковскомъ изданіи такіа мѣста, которыми необходимо было воспользоваться составителю новаго свода, и если не въ текстѣ, то въ примѣчаніяхъ указать разночтенія. Во всякомъ случаѣ, своимъ изданіемъ

г. Титовъ, безъ сомнѣнія, обратитъ вниманіе русскихъ историковъ на Двинскую лѣтопись и они съ признательностію отнесутся къ составителю новаго свода этого любопытнаго памятника.

Ив. Козмо.

Новѣйшія изслѣдованія о физиологѣ.

Geschichte des Physiologen von D-г. *Friedrich Lauchert*. Strassburg. 1889.

В. Мочульскій. Происхождение физиолога и его начальныя судьбы въ литературахъ востока и запада. Варшава. 1889.

Вопросъ о начальныхъ судьбахъ Физиолога обладаетъ какою-то таинственною способностью привлекать къ себѣ постоянно новое вниманіе изслѣдователей: быть можетъ, немаловажную роль играетъ здѣсь то обстоятельство, что прошедшее нашего памятника задержано почти непроницаемою завѣсой. Возможно, что эта-то загадочность и неясность основныхъ вопросовъ литературной исторіи Физиолога и задѣваетъ упорную любознательность изслѣдователей... Какъ бы то ни было, мы съ удовольствіемъ встрѣчаемъ изслѣдованіе, добросовѣстно идущее на встрѣчу дѣйствительной потребности—освѣтить, сколько возможно, темный, глухой уголокъ литературной старины. Трудъ Лаухерта заслуживаетъ вниманія во многихъ отношеніяхъ.

Правда, новыхъ точекъ зрѣнія онъ не вноситъ въ интересующую насъ область: но за то онъ является первою попыткой широкаго, полнаго и всесторонняго разсмотрѣнія литературной исторіи Физиолога, начиная начальными судьбами его и кончая замирающими отзвуками его въ наши дни. Дѣло въ томъ, что ранѣе появившіеся труды касались преимущественно частныхъ вопросовъ литературной исторіи Физиолога: такъ появлялись монографіи о старо-французскихъ bestiariaхъ (*Guillaume le Clerc de Normandie, Philippe de Thaun* и пр.), древне-англійскомъ, авглосаксонскомъ, о сирійскомъ и эіопскомъ переводахъ Физиолога и т. д. Общіе вопросы затрогивались при этомъ лишь мимоходомъ въ тѣхъ введеніяхъ, которыя предпосылались обыкновенно издаваемому тексту Физиолога или bestiaria. Лаухертъ первый рѣшился написать полную исторію Физиолога. Трудность задачи точно подзадоривала ученаго германиста—собрать во-едино всѣ ресурсы, представляемые современною наукой въ распоряженіе ревностнаго изслѣдователя: и дѣйствительно, авторъ разсматриваемой книги

углубился во всё мелочи, во всё разбѣгающіяся подробности смутной исторіи Физиолога. Многие вопросы, не поддающіеся пока окончательному разрѣшенію, требовали новаго пересмотра; многие пробѣлы въ разслѣдованіи прошедшихъ судебъ Физиолога останавливали на себѣ вниманіе изслѣдователя, рѣшившагося сопутствовать загадочному памятнику въ его причудливыхъ сказаніяхъ отъ живописныхъ береговъ Нила до ледовитаго прибрежья Исландіи. И надо отдать полную справедливость автору, положившему много труда и знаній на тщательный пересмотръ спорныхъ вопросовъ литературной исторіи Физиолога.

Постараемся указать сначала въ немногихъ словахъ главное содержаніе любопытной книги Лаухерта, послѣ чего уже остановимся съ особымъ вниманіемъ на тѣхъ именно отдѣлахъ его труда, которые такъ или иначе затрогиваютъ наши собственные взгляды на литературное прошедшее Физиолога ¹⁾. Трудъ Лаухерта распадается на два крупные отдѣла: первый отдѣлъ посвященъ историческому обзору начальныхъ судебъ Физиолога въ древне-христіанской письменности; во второмъ отдѣлѣ авторъ касается исторіи Физиолога въ романо-германскихъ литературахъ. Отметимъ съ самаго начала, что автору остались неизвѣстны славянскія версіи Физиолога, имѣющія громадное значеніе для разрѣшенія многихъ существенныхъ сторонъ вопроса о генетическихъ отношеніяхъ между наличными рецензіями Физиолога: лишь въ концѣ своего труда Лаухертъ указываетъ, притомъ изъ третьихъ рукъ, на славянскія и румынскія версіи Физиолога ²⁾.

Но разумѣемые здѣсь памятники Физиологами намъ не представляются; они являются типическими представителями поздняго Бестіарія ³⁾.

Въ первомъ отдѣлѣ своего труда авторъ касается вопроса о происхожденіи Физиолога ⁴⁾, причемъ разсматриваетъ по пути и ранѣе высказанныя гипотезы о родинѣ Физиолога, первичномъ его составѣ и

¹⁾ Съ книгой Лаухерта мнѣ пришлось ознакомиться много спустя послѣ того, какъ передана была моя работа о Физиологѣ („Матеріалы и замѣтки по литературной исторіи физиолога“) для напечатанія въ изданіяхъ Общества любителей древней письменности. Пользуюсь случаемъ поговорить о прекрасной книгѣ Лаухерта.

²⁾ Geschichte des Physiologus, p. 307 sq.

³⁾ Подробныя указанія приведены ниже, при разсмотрѣніи статьи г. Мочульскаго.

⁴⁾ Geschichte des Physiologus, p. 40—66.

характерѣ и т. п. Въ тѣхъ замѣчаніяхъ, которыя направлены къ выясненію вопроса о генеалогіи текста, особое вниманіе останавливаютъ на себѣ старанія автора выдѣлить, среди наличныхъ греческихъ рецензій, сравнительно древнѣйшій типъ Физиолога ¹⁾. Далѣе авторъ подробно пересматриваетъ древніе восточные переводы Физиолога, именно: эоіопскій, армянскій, сирійскій и арабскій ²⁾. Здѣсь же авторъ пытается представить по возможности полное обзорнѣе слѣдовъ Физиолога въ древней патристической литературѣ ³⁾. Наконецъ авторъ касается латинскихъ изводовъ Физиолога ⁴⁾, новогреческихъ обработокъ физиологической саги ⁵⁾ и т. п.

Подробному разсмотрѣнію указанныхъ вопросовъ авторъ предпосылаетъ краткое обзорнѣе содержанія физиологическихъ сказаній, анализъ которыхъ имѣетъ въ виду предложить данныя для прѣисторіи Физиолога ⁶⁾. Намъ пріятно поражаетъ здѣсь слѣдующее обстоятельство: желая ознакомить читателя съ содержаніемъ Физиолога, авторъ останавливается на относительно древнѣйшемъ изводѣ его, сохраннымъ преимущественно восточными рецензіями.

Замѣтимъ, что ранѣе Лаухерта подобнаго рода попытки ознакомленія съ содержаніемъ Физиолога сводились большею частью къ изложенію баснословно-зоологическихъ сказаній вообще, при чемъ почти не принималось во вниманіе, относятся ли упомянутыя сказанія къ физиологическому или bestiарному циклу ⁷⁾. Въ той части своего труда, которая посвящена пересказу физиологическихъ сказаній, Лаухертъ указываетъ ранніе прецеденты извѣстныхъ зоологическихъ подробностей отдѣльныхъ сказаній Физиолога. Но указаніе параллельныхъ мѣстъ въ твореніяхъ греко-римскихъ писателей сдѣлано за много лѣтъ до появленія книги Лаухерта: такого рода указанія можно найти еще у перваго издателя греческаго физиолога—Понція изъ Леоны; затѣмъ — у Леона Аллация (въ комментаріяхъ къ издан-

¹⁾ Geschichte des Physiologus, p. 66—68.

²⁾ О. с., p. 79—88.

³⁾ О. с., p. 68—79.

⁴⁾ О. с., p. 88—99.

⁵⁾ О. с., p. 99 sq.

⁶⁾ О. с., p. 1—40.

⁷⁾ См., напримѣръ, *Eduard Kulloff*, Die sagenhafte und symbolische Thiergeschichte etc., p. 216 sqq., также: *Adolf Kressner*, Ueber die Thierbücher des Mittelalters (въ *Archiv* въ *Herrig's* LV B., 3 и 4 Heft, p. 250 sqq). Последній трудъ, по видимому, остался неизвѣстенъ Лаухерту.

ному имъ Шестидневу псевдо-Евстаѳіа) и др., а въ новѣйшее время классическими въ этомъ отношеніи работами являются комментаріи Иппо (Hippocrite) къ Бестиарію Вильгельма Норманскаго, замѣчанія Berger de Xivrey къ латинскому Бестиарію, комментаріи Маттеи къ изданному имъ греческому бестиарію ¹⁾, наконецъ пространныя замѣчанія Ланда къ обнародованному имъ сирійскому Физиологу, а также комментаріи Кайе, Кресснера и др. Въ указанномъ отдѣлѣ своего труда Лаухертъ вовсе не принялъ во вниманіе устныхъ источниковъ физиологической саги, на что въ новѣйшее время особенное вниманіе обратилъ Эбертъ ²⁾. Въ результатѣ такого упущенія явились замѣтныя неточности ³⁾. Не входя въ излишнія въ настоящей замѣткѣ подробности, остановимся на одномъ примѣрѣ. Извѣстно, что физиологическое сказаніе объ единорогѣ не имѣетъ прецедентовъ въ баснословно-зоологическихъ трактатахъ греко-римскихъ писателей. Лаухертъ думаетъ помочь дѣлу, принимая наивное объясненіе Бохарта (I, p. 141), будто сага объ единорогѣ возникла слѣдующимъ образомъ ⁴⁾: Эліанъ (Nat. ap. XVI. 20) говоритъ, что единорогъ такъ свирѣпъ къ своимъ единокорднымъ, что даже не падаетъ самки. Только въ извѣстный періодъ полового возбужденія (ἔρα ἀφροδίτης τῆς σφάτερας) онъ становится кротокъ по отношенію къ самкѣ. Вотъ это-то замѣчаніе, будучи не вполне понято, и послужило будто источникомъ сказанія, что единорога можетъ усмирить лишь непорочная дѣва ⁵⁾. Однако этотъ разказъ въ такой именно формѣ приводитъ только Эліанъ, писавшій свою исторію животныхъ около первой половины третьяго вѣка, а Физиологъ сложился, по убѣжденію самого Лаухерта, около первой

¹⁾ Трудъ *Mattaei* (Vita brevis animalium, — см. Ποικίλα Ἑλληνικά seu Varia Graeca, Mosquae, 1811) остался автору неизвѣстенъ (Geschichte des Physiologus, p. 102).

²⁾ См. *Ebert*, Allgemeine Geschichte der Litteratur des Mittelalters etc., III Band (1887), p. 76.

³⁾ Замѣтимъ однако, что авторъ обращался къ аналогичнымъ сюжетамъ индійскихъ сказаній (p. 35 sqq); но въ этомъ послѣднемъ отношеніи Лаухертъ имѣлъ предшественника еще въ лицѣ *Hippocrite* (Le bestiaire divin. Caen, 1852, p. 56 и p. 64).

⁴⁾ *Lauchert*, Geschichte etc., p. 24.

⁵⁾ Ibidem: «Ich glaube mit Bochart (I, S. 941) ganz bestimmt, dass wir in dieser Erzählung die Quelle haben, aus der durch Missverständniss die Erzählung des Physiologus hervorging, dass sonst wilde Einhorn lasse sich nur durch eine Jungfrau fangen».

четверти втораго вѣка ¹⁾). Этого, казалось бы, достаточно, чтобы искать другихъ основаній для истолкованія саги объ единорогѣ: быть можетъ, здѣсь умѣстно вспомнить талмудическія преданія объ Асмодеѣ-Китоврасѣ. Дѣло въ томъ, что единорогъ, по толкованіямъ талмудистовъ, скрываетъ въ себѣ символическій образъ Асмодея ²⁾: поэтому, легко могло случиться, что черты послѣдняго перенесены были на перваго и послужили основой фізіологической саги. Дѣйствительно, талмудическія представленія говорятъ объ Асмодеѣ, что онъ любитъ сообщество чистыхъ дѣвъ: „Если не на лонѣ неба, то на лонѣ дѣвы Асмодей проводитъ свою жизнь“ ³⁾. Эта послѣдняя черта сближаетъ единорога-Асмодея съ индѣйскимъ Гандарвой ⁴⁾. Въ такихъ чертахъ намѣченъ былъ генезисъ разсматриваемаго сказанія въ извѣстномъ трудѣ А. Н. Веселовскаго. Съ другой стороны, Ф. И. Буслаевъ находитъ вполне умѣстнымъ фізіологическое сказаніе объ инорогѣ-Китоврасѣ сблизить, черезъ иконографическую символику, съ индѣйскими сказаніями о Гандарвѣ: по его словамъ, „инорогъ древнехристіанской символики и средневѣковыхъ Фізіологовъ вполне соответствуетъ индѣйскому Гандарвѣ“ ⁵⁾. Итакъ, ходячія преданія объ Асмодеѣ перенесены были на то животное, которое скрывало въ себѣ его символическій образъ. Всего легче предположить, что такое перенесеніе совершилось именно въ Александріи, гдѣ талмудическія преданія были въ большомъ ходу и могли повліять на Фізіолога, возникшій именно въ Александріи ⁶⁾.

Перехожу теперь къ самой существенной и наиболѣе самостоятельной части труда Лаухерта: я разумѣю здѣсь тотъ отдѣлъ его книги, гдѣ авторъ пытается опредѣлить сравнительно древнѣйшій типъ Фізіолога и возстановить основной греческій текстъ. Вполнѣ естественно, что автору пришлось при этомъ подробно коснуться вопроса о генетическихъ отношеніяхъ между наличными рецензіями Фізіолога ⁷⁾.

¹⁾ Geschichte, etc., p. 65.

²⁾ См. А. Н. Веселовскій, Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ, стр. 109, стр. 257 слѣд.

³⁾ А. Н. Веселовскій, о. с., p. 116.

⁴⁾ О. с., p. 225 и p. 229.

⁵⁾ См. Отчетъ о XVI-мъ присужденіи награды графа Уварова, I, p. 65—66.

⁶⁾ Болѣе подробныя указанія можно найти въ упомянутомъ моемъ изслѣдованіи, именно въ анализѣ XII главы Фізіолога.

⁷⁾ См. Geschichte des Physiologus, p. 66—68 и p. 79 sqq. Критически возстановленный греческій текстъ Фізіолога обнаруженъ авторомъ въ приложеніяхъ (p. 229—279).

Извѣстно, что первая попытка разрѣшить названный вопросъ сколько-нибудь точнымъ образомъ принадлежитъ Ланду ¹⁾, выводы котораго повторены были Гоммелемъ ²⁾. Дальнѣйшую разработку затронутаго вопроса, преимущественно по отношенію къ латинскимъ рецензіямъ, представили работы Манна ³⁾. Ландъ свелъ всѣ сравнительно-древнѣйшіе изводы Фізіолога къ двумъ группамъ, при чемъ классификацію свою основывалъ главнымъ образомъ на распорядкѣ фیزیологическаго матеріала. Древнѣйшій типъ Фізіолога сохранили, по Ланду, слѣдующіе тексты: греческій списокъ, хранящійся въ Парижской національной библіотекѣ и означенный въ извѣстномъ изданіи Питра чрезъ А ⁴⁾; затѣмъ эѳіопскій переводъ, извѣстный Ланду лишь по указанію Питра; далѣе, латинская рецензія типа Бернскаго кодекса С (№ 318, 14 в.), и арабскій переводъ (по списку Вельгійской королевской академіи). Къ болѣе поздней семьѣ Ландъ отнесъ армянскій и сирійскій переводы Фізіолога, а затѣмъ латинскую рецензію типа А, В ⁵⁾. Гоммель передвинулъ армянскій Фізіологъ изъ второй группы въ первую, считая его скорѣе какъ бы переходнымъ типомъ отъ древнѣйшаго извода къ болѣе позднему ⁶⁾. На нашъ взглядъ, армянскій Фізіологъ слишкомъ дифференцированъ, чтобы возможно было помѣщать его въ первой группѣ: на это указалъ еще Ландъ, съ этимъ согласенъ и Лаухертъ ⁷⁾. Противъ классификаціи Ланда можно возразить лишь слѣдующее: рецензія, сохраненная греческимъ кодексомъ А, представляется на столько дифференцированной, что ее смѣло можно признать представительницей переходнаго типа: съ нею близокъ не только армянскій Фізіологъ, какъ указываетъ Лаухертъ ⁸⁾, но и латинская рецензія типа А, В. Между тѣмъ

¹⁾ Land, *Otia Syriaca*, t. IV, 1875, p. 132.

²⁾ Hommel, *Die aethiopische Uebersetzung des Physiologus*, 1877, p. XXXVII sqq.

³⁾ Mann, *Der Physiologus des Philipp von Thaun etc.* (въ *Anglia*, VII, 3, p. 443 sq; p. 446 sq); его же *Der Bestiaire divin des Guillaume le clerc (Franz. Studien*, VI, 2, p. 19 sqq). Этою послѣднюю работой Лаухертъ, какъ самъ онъ замѣчаетъ, воспользоваться не успѣлъ (*Gesch. d. Physiologus*, p. 309).

⁴⁾ С. 2426, XV в. См. *Pitra*, *Spicilegium Solesmense*, III, p. 398.

⁵⁾ А — лат. код. Брюссельской библіотеки (№ 10074, X в.); В — Бернской библіотеки (№ 233, VIII в.).

⁶⁾ Hommel, о. с., p. XXVIII (eine art brücke zwischen der 1. und 2. gruppe).

⁷⁾ Land, о. с., p. 119: „Verum postquam armeniaca illa gallice reddita sunt, luculenter apparet, ea esse multo recentiora, heic illic truncata etc.“ Того же мнѣнія Лаухертъ (о. с., p. 80): послѣднему не мѣшало бы сослаться на приведенныя слова Ланда.

⁸⁾ Lauchert, о. с., p. 66 и p. 80.

Маннъ считаетъ латинскую рецензію типа А, М ¹⁾ представительницей главнѣйшаго типа, считая, при этомъ, рецензію С позднѣйшимъ видоизмѣненіемъ рецензіи типа А, М ²⁾. Въ особую группу выдѣлялъ Маннъ такъ-называемую гёттвейхскую латинскую рецензію (G), изданную Гейдеромъ ³⁾. Эта рецензія, представляющая много общаго съ рецензіей типа А, В, сохраняетъ иногда болѣе древнія черты рецензіи типа С: иногда же расходится съ обѣими названными рецензіями. Къ этой рецензіи, какъ показавъ еще Гейдеръ, а затѣмъ Маннъ ⁴⁾, восходятъ древне-верхне-нѣмецкіе переводы Физиолога (XI—XII вв.).

Но всѣ указанные выводы не были провѣрены точнымъ, построченнымъ сличеніемъ содержанія отдѣльныхъ главъ по всѣмъ сравнимымъ рецензіямъ Физиолога. Далѣе: не всѣ, даже обнаруженные рецензіи приняты были во вниманіе ⁵⁾; не будемъ говорить о славянскихъ рецензіяхъ Физиолога. Наконецъ, вслѣдствіе того, что сравнительный методъ прилагался не вполне строго, въ результатѣ оказались, какъ мы видѣли, значительныя колебанія взглядовъ. Необходимо детальное сличеніе отдѣльныхъ рецензіи между собою по намѣченнымъ группамъ, при чемъ недостаточно принимать во вниманіе одно лишь внѣшнее сходство въ содержаніи, хотя бы и до извѣстныхъ мелочей включительно, но слѣдуетъ обращать особое вниманіе на языкъ, стиль и характеръ символической экзегезы рассматриваемаго сказанія. Чрезвычайно важнымъ моментомъ является въ извѣстныхъ случаяхъ совпаденіе нѣкоторыхъ мелочныхъ подробностей по текстамъ различныхъ семей. Лаухеръ привлекъ къ сравненію забытыя греческія рецензіи ⁶⁾, куда присоединилъ и впервые обнаруженный имъ греческій текстъ Физиолога ⁷⁾; онъ тщательно, по видимому, провѣрялъ выводы Ланда ⁸⁾, при чемъ внесъ сюда из-

¹⁾ М = фрагментарный лат. Физиологъ, однородный съ редакціей типа А, В. Изданъ у *Mann*, *Classici auctores*, t. VII, Romae, 1835, p. 589 sqq.

²⁾ См. *Franz. Studien*, VI, 2, p. 19—20; *Anglia*, VII, 3, p. 443—446.

³⁾ *Heider*, *Archiv für Kunde oesterreich. Geschichtsquellen*, 1850, 2 Bd., p. 550 sq.

⁴⁾ *Mann*, *Die althochdeutschen Bearbeitungen des Physiologus* (Paul und Braune—*Beiträge*, XI, p. 310 sq).

⁵⁾ Такъ, напримѣръ, греческіе тексты, означенные у *Литра* чрезъ В, Г, Δ.

⁶⁾ Именно: В (= код. Парижской нац. библ., 1140 А, XIV в.); Г (= код. той же библ., 2509. XIV в.) и Δ (= код. 2027, XIII в.).

⁷⁾ *Cod. Theal.* 128.

⁸⁾ Результатами работъ Манна онъ не пользовался, какъ было уже замѣчено выше.

вѣстнаго рода поправки: но, все же, и у него сравниваемый материалъ былъ неполонъ ¹⁾, значеніе нѣкоторыхъ текстовъ было преувеличено, детальный анализъ произведенъ не въ полной мѣрѣ, а потому и выводы получались не всегда точные.

Прежде, нежели перейти въ подробной оцѣнкѣ относящихся сюда взглядовъ Лаухерта, позволимъ себѣ оговорить вкратцѣ тѣ результаты сравнительнаго анализа наличныхъ рецензій Фізіолога, которые кажутся намъ наиболѣе правдоподобными ²⁾. Сравнительно древнѣйшій типъ Фізіолога сохранили преимущественно восточныя рецензіи а затѣмъ латинская рецензія типа С. Славянскіе представители этой группы сохранились въ спискахъ XV—XVI вѣковъ ³⁾. Изъ списковъ греческаго Фізіолога разсматриваемый типъ сохраненъ не кодексомъ А, какъ думали Ландъ и Гоммель, но кодексомъ Г (за вычетомъ позднихъ интерполяцій, внесенныхъ въ этотъ текстъ): съ этимъ согласенъ и Лаухертъ ⁴⁾. Но кодексъ Г фрагментарный (въ немъ всего XII главъ), искаженный притомъ интерполяціями. На этомъ основаніи Лаухертъ во главѣ греческихъ представителей древнѣйшаго извода Фізіолога полагаетъ обнаруженный имъ вѣнскій списокъ ⁵⁾. На нашъ взглядъ, такое шрѣдпочтеніе вѣнскаго списка вполне неточно. Въ числѣ списковъ первой группы, представляющихъ уже видоизмѣненный текстъ, можно назвать греч. кодексъ А, греч. списокъ Лаухерта, арабскій переводъ (и его утраченный сирийскій прототипъ) ⁶⁾ и сирийскіе фрагменты Тихзена ⁷⁾. Наконецъ,

¹⁾ Славянскіе изводы ему, естественно, не могли быть извѣстны, ибо они пока еще не изданы; латинскія рецензіи, обнаруженныя Манномъ, ускользнули отъ его вниманія и т. д.

²⁾ Подробныя основанія приведены въ упомянутой моей спеціальной работѣ (во второмъ отдѣлѣ первой главы).

³⁾ Именно: списокъ, сохранившійся въ Толк. Палей Тр.-Сергіевой лазры, № 729, XV в., и издаваемый мною въ моей работѣ; списокъ, сохранившійся въ сборникѣ Кирилло-Бѣловерскаго монастыря, № 68, XV в. (приготовленъ къ печати г. Михайловымъ): на этотъ списокъ мое вниманіе обращено было Н. С. Тихомировымъ; наконецъ, въ сборникѣ Новг. Сое. библиотеки (нынѣ С.-Петерб. дух. академіи), № 1458, XVI в. (фрагментарный).

⁴⁾ *Geschichte des Physiologus*, p. 66—67.

⁵⁾ *Ibid.* Лаухертъ, въ сожалѣнію, не описалъ своего кодекса скольконибудь точнымъ образомъ: судя по мѣсту находенія, по заглавію и началу I главы, это тотъ кодексъ, который въ свое время былъ описанъ Ламбедіемъ (№ CCCXX, in folio, f. 182—196. См. *Petri Lambecii Commentariorum lib. V*, p. 591 sqq.

⁶⁾ См. *Hommel*, о. с., p. XXXVII.

⁷⁾ Ср. *Lauchert*, о. с., p. 81—84.

хорошими представителями древняго извода являются эіопскій переводъ и, въ большинствѣ случаевъ, латинская рецензія типа С.

Болѣе поздній изводъ (вторая семья рукописей) сохранили слѣдующіе тексты: армянскій, сирійскій (Лейденскій), латинской рецензіи А, В, М. Reg. ¹⁾ и пр. Латинская рецензія типа А, М развилась изъ греческой рецензіи типа А, Υ (= текстъ Лаухерта): изъ рецензіи А, М выродилась рецензія типа В, Reg. Обособленную, третью группу представляетъ гёттвейхская рецензія (вмѣстѣ съ древне-нѣмецкими переводами ея). Генезисъ этой рецензіи представляется намъ въ такихъ чертахъ: редакторъ ея имѣлъ передъ собою рецензію типа С, которую обработалъ на основаніи рецензіи типа В, Reg. Наконецъ, въ четвертую группу мы выдѣлили различныя позднія рецензіи Физиолога, именно: В, Δ и пр. Поздними считаетъ названные тексты и Лаухертъ, хотя подробныхъ основаній въ подтвержденіе высказываемыхъ имъ взглядовъ не приводитъ ²⁾. Далѣе: такъ-называемый Физиологъ псевдо-Епифанія, изданный въ 1587 году Понціемъ изъ Леоны, составленъ самимъ Понціемъ, который въ основу своей выборки полагалъ главнымъ образомъ рецензію типа Δ ³⁾. Это послѣднее обстоятельство совершенно ускользнуло отъ вниманія Лаухерта. Греческая рецензія типа Δ сохранена и славянскими списками (русской рецензіи XVI вѣка) ⁴⁾. Замѣтимъ, что выборка Понція также дословно переведена была у насъ въ концѣ XVI вѣка, по видимому, въ Западной Руси ⁵⁾. Наконецъ, къ рецензіи типа Δ склонялся и тотъ славянскій списокъ Физиолога, который положенъ былъ отчасти въ основу Бестиарія Ягича-Новаковича ⁶⁾.

Итакъ, во главѣ всѣхъ греческихъ рецензій Физиолога Лаухертъ поставилъ обнаруженный имъ вѣнскій списокъ (Cod. Theol. 128) ⁷⁾. Эта рецензія положена въ основу возстановляемаго Лаухертомъ древ-

¹⁾ Этотъ текстъ (Reg.) изданъ Мавномъ (Franz. Studien, VI, 2. p. 35 sq.): Лаухерту онъ остался неизвѣстенъ.

²⁾ Geschichte des Physiologus, p. 67.

³⁾ Этотъ текстъ издается въ Приложеніяхъ къ вышеупомянутому нашему изслѣдованію.

⁴⁾ И этотъ текстъ издается нами въ указанныхъ приложеніяхъ.

⁵⁾ Подробности объ этомъ ниже, при разсмотрѣніи статьи г. Мочульскаго.

⁶⁾ Лаухертъ обозначаетъ разсматриваемый кодексъ черезъ W: но такое обозначеніе усвоено уже было Hommel'емъ для вѣнскаго списка эіопскаго перевода, почему я предпочитаю обозначить списокъ Лаухерта черезъ V (=Vindobonensis).

⁷⁾ Подробныя указанія приведены въ нашемъ изслѣдованіи.

нѣйшаго чтенія Физиолога: здѣсь во многихъ отношеніяхъ мы расходимся съ авторомъ разсматриваемой книги.

Замѣтимъ, что Лаухертъ отнесся чрезвычайно строго къ извѣстному изданію Питра: „Греческій Физиологъ изданъ Питрой безъ всякой критической провѣрки, при чемъ внесена въ него масса подробностей, заимствованныхъ изъ списковъ болѣе позднихъ рецензій“ ¹⁾. Въ отличіе отъ названнаго изданія, изданіе самого Лаухерта должно „представить древній Физиологъ безъ позднѣйшихъ наслоеній“ ²⁾. Желая возстановить первичный обликъ Физиолога, авторъ руководствуется слѣдующаго рода соображеніями: сличая греческіе тексты Физиолога съ древними переводами, возможно рѣшить для каждаго отдѣльнаго случая, какого рода разночтенія представляются болѣе древними или болѣе подходящими къ первичной редакціи (*die ursprüngliche oder wenigstens die ältere noch erreichbare Fassung*). Въ результатъ такого сличенія оказалось, что вѣнскій текстъ ближе примыкаетъ къ древнимъ переводамъ, нежели рецензія типа А: поэтому вѣнскій текстъ положенъ въ основу возстановляемаго Лаухертомъ первичнаго облика греческаго Физиолога. Въ другомъ мѣстѣ авторъ яснѣе оговорилъ свои критическіе приемы: именно, онъ обращаетъ преимущественное вниманіе на близость греческаго текста къ эѳіопскому переводу и, въ отдѣльныхъ случаяхъ, къ фрагментарному сирійскому переводу Тихзена ³⁾. Въ частности, свои выводы авторъ провѣрялъ слѣдующимъ образомъ: если кодексъ V расходился съ кодексомъ А, но разночтенія перваго раздѣляли древніе переводы Физиолога, то эти разночтенія удерживались въ основномъ текстѣ; традиціи вѣнскаго текста слѣдовалъ Лаухертъ и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ этотъ текстъ, не совпадая съ чтеніемъ рецензіи А, отклонился и отъ чтенія древнихъ переводовъ, если при этомъ эти послѣдніе расходились между собою. Съ другой стороны, предпочтеніе дѣлалось въ пользу Парижской рецензіи не только для отдѣльныхъ разночтеній, но и для цѣлыхъ главъ, если къ этому побуждали единогласныя свидѣтельства всѣхъ прочихъ переводовъ: въ такихъ случаяхъ

¹⁾ Geschichte des Physiologus, Vorrede, p. VII. На нашъ взглядъ, ходячія нападки на изданіе Питры справедливы далеко не въ той мѣрѣ, какъ это обыкновенно утверждается. Впрочемъ, многіе серьезные издѣватели съ глубокимъ уваженіемъ отзываются о трудѣ Питра (напримѣръ, Kolloff, Carus, Goldbeck, Mann и др).

²⁾ Ibidem.

³⁾ Geschichte des Physiologus, p. 66.

авторъ никогда не руководствовался слѣпымъ произволомъ, но полагался лишь на тщательное сличеніе восточныхъ и латинскихъ рецензій ¹⁾. Что касается распорядка матеріала, то въ этомъ отношеніи Лаухертъ слѣдовалъ традиціи эіопскаго перевода и греческаго кодекса А, ибо въ кодексѣ Υ послѣдовательность главъ перебитая: именно, главы — 8-я (περί ἔπος), 27-я (περί χορώνης), 12-я (περί μύρμηκος), 25-я (περί ἄλλου καὶ κροχοδαίλου), 19-я (περί γυκός), 21-я (περί γαλῆς), 23-я (περί κάστορος), 24-я (περί ὑαίνης) и 46-я (περί ὀνάγρου καὶ πιθήκου) выхвачены изъ соотвѣтствующихъ мѣстъ и помѣщены, въ приведенномъ порядкѣ, вслѣдъ за послѣднею по традиціонному численію главой Физиолога (гл. 49: περί σοκαμίνου). Эти главы, вынавшія на соотвѣтствующихъ мѣстахъ традиціоннаго распорядка, предлагаютъ, въ большинствѣ случаевъ, чтеніе значительно дифференцированное (in einer weniger guten Fassung). Это послѣднее обстоятельство побудило автора выставить такого рода предположеніе: отмѣченныхъ девяти главъ не доставало уже въ прототипѣ вѣнскаго списка, вслѣдствіе чего переписчикъ внесъ ихъ изъ болѣе поздней и менѣе исправной рукописи ²⁾.

Если догадка Лаухерта справедлива, то остальные главы, то-есть, тѣ, которыя содержались уже въ самомъ прототипѣ кодекса V, должны оказаться болѣе или менѣе пригодными къ внесенію въ основной текстъ. На дѣлѣ выходитъ иначе. Такъ, Лаухерту пришлось выкинуть изъ восстанавлиаемаго имъ основнаго текста еще слѣдующія главы кодекса V: главу 13-ю (сирены) ³⁾; главу 20-ю (мраволевъ) ⁴⁾; главу 26-ю (ихневмонъ) ⁵⁾; главу 28-ю (горлица) ⁶⁾; главу 39-ю (тиса) ⁷⁾ и прочее. Наконецъ, относительно послѣдней главы вѣнской

¹⁾ *Lauchert*, о. с., Vorrede, p. VIII: „ich gehe dabei nie nach blinder Willkür vor, sondern mit sorgfältiger Vergleichung der orientalischen und lateinischen Uebersetzungen“.

²⁾ *Ibidem*: „Es wird also anzunehmen sein, dass dieselben in der Hauptvorlage dieser Handschrift fehlten, und dann aus einer volltändigeren aber sonst schlechteren ergänzt wurden“.

³⁾ Относительно этой главы Лаухертъ (о. с., p. 245) замѣчаетъ: „Nach P (=код. А) gegeben, womit die Uebersetzungen übereinstimmen. In V vollständig abweichend“.

⁴⁾ Текстъ этой главы въ V сильно дифференцированъ (о. с., p. 253: „V bietet hier offenbar einen überarbeiteten Text“).

⁵⁾ См. *Lauchert*, о. с., p. 257.

⁶⁾ Эта глава восстановлена Лаухертомъ на основаніи чтенія кодексовъ А и Г (о. с., p. 258).

⁷⁾ См. *Lauchert*, о. с., p. 268.

рецензіи (сар. 49: *καὶ ἀσπίδης*) авторъ самъ призналъ, что впервые встрѣчаетъ ее въ греческомъ текстѣ Физиолога ¹⁾, а стало-быть, и въ восточныхъ переводахъ. Итакъ, негодными оказались не только тѣ главы, которыя внесены были, по догадкѣ Лаухерта, писцомъ вѣнскаго списка изъ какой-либо поздней рукописи, но и нѣкоторыя изъ такихъ, которыя взяты были изъ непосредственнаго прототипа кодекса V. Но и этимъ дѣло не ограничивается.

Оказывается далѣе, что конецъ описательной части сказанія о фениксѣ и вся символическая часть этой же главы представляются въ чтеніи кодекса V на столько дифференцированными, что Лаухертъ принужденъ былъ внести названныя части сказанія о фениксѣ изъ того же кодекса A ²⁾. Подобнымъ образомъ возстановленъ конецъ символической экзегезы сказанія о ежѣ (гл. XIV) на основаніи рецензіи A ³⁾: то же самое приходится отмѣтить для сказанія о ласкѣ (гл. XXI) ⁴⁾, о единорогѣ (гл. XXII) ⁵⁾ и пр.

Такого рода частичныя искаженія въ текстѣ отдѣльныхъ главъ уже труднѣе объяснить на основаніи тѣхъ именно соображеній, которыя удобно было прилагать къ цѣльнымъ сказаніямъ, внесеннымъ, по гипотезѣ автора, изъ какой-либо поздней рукописи. Здѣсь приходится уже нѣсколько призадуматься и предположить, не заключалъ ли уже самый прототипъ кодекса V отмѣченныхъ искаженій: иначе вѣдь придется признать, что писецъ кодекса V въ то же время былъ и редакторомъ своего подлинника, видоизмѣняя его по своему произволу и проч.

Оставляя вопросъ о значеніи искаженій, видимо принадлежавшихъ уже прототипу вѣнскаго кодекса, остановимся на оцѣнкѣ тѣхъ различій кодекса V, которыя внесены Лаухертомъ въ критически-очищенный текстъ греческаго Физиолога. Начнемъ наши замѣчанія съ 22-й главы Физиолога: эта глава представляется весьма характерною для различенія различныхъ редакцій нашего памятника. *Θεῖος*скій Физиологъ, описывая единорога, говоритъ о немъ, что онъ представляется весьма кроткимъ животнымъ. Отсюда Гоммель заключаетъ,

¹⁾ *Lauchert.*, о. с., p. 279.

²⁾ *Lauchert.*, о. с., p. 238: „V weicht nach den Worte: τὸ δὲ περὶ τὸν εἶχεται; εἰς ἧλιου πόλιν von allen andern Texten vollständig ab“.

³⁾ О. с., p. 247

⁴⁾ *Lauchert.*, о. с., p. 254: „Die Auslegung nach P gegeben: in V offenbar weniger ursprünglich“.

⁵⁾ О. с., p. 255.

что относительно этой подробности эеіопскій переводъ діаметрально расходится съ греческими текстами ¹⁾. Дѣйствительно, въ изданіи Питра читаемъ: *δριότατον δέ ἐστι πάνυ*. Но славянскій изводъ при- мыкаетъ къ эеіопскому и читаетъ „кровокъ же зѣло“ (Т. Палеа, № 729, л. 168; сб. Кир. Вѣл., № 68, л. 390). То же чтеніе даетъ латинская рецензія типа С: „mansuetum valde“. Но представители болѣе поздней редакціи (II группы) читаютъ согласно съ дифференцированной греческою рецензіей (А): такъ, армянскій Физиологъ (Cahier: „très courageux“), латинскія рецензіи А, В, D, E, M, Reg., G (acerimum nimis), нѣмецкій Физиологъ („unte ist uille chüne“ ²⁾) и пр. Не смотря на согласное чтеніе представителей древняго извода, Лаухертъ въ возстановляемомъ имъ греческомъ текстѣ удерживаетъ чтеніе вѣнскаго списка, предлагающее чтеніе однородное съ кодексомъ А (*δριότατον δέ ἐστι πάνυ*). Но мы можемъ сослаться на несомнѣнный прототипъ славянскаго и эеіопскаго переводовъ, извлеченный нами изъ греческаго сборника XV вѣка ³⁾ и обозначенный нами чрезъ Σ: этотъ кодексъ (f. 562 г) читаемъ *πράοτα του σφόδρα* ⁴⁾.

Далѣе: всѣ представители древняго типа заключаютъ символическую экзегезу сказанія о пантерѣ такого рода замѣчаніемъ: *Οὐδὲν οὖν ἀσκόπως ἐλάλησαν περὶ πετεινῶν καὶ θηρίων αἱ γραφαί* (Σ, f. 560) ⁵⁾, Такъ заключаетъ главу и славянскій изводъ: „ничсо же оубо не ис- пыташе книги гѣша со звѣри и со птицѣ“; точно также и эеіопскій переводъ (Hommel: „Und nichts unbegründetes ist in der heiligen Schrift über die Thiere und Vögel geschrieben“); далѣе: латинская рецензія С ⁶⁾ и проч. Даже модифицированный представитель древняго типа (кодексъ А) сохранилъ приведенное заключеніе; мало того, его удержалъ и болѣе исправный представитель второй семьи (латинскій

¹⁾ См. *Hommel*, Die aethiopische Uebersetzung, p. 68, прим. 132.

²⁾ Нѣмецкій Физиологъ цитую по изданію *Massmana*.

³⁾ Этотъ греческій списокъ, оправдывающій всѣ согласныя отступленія славянскаго, эеіопскаго и древняго латинскаго (С) переводовъ отъ дифференцированного чтенія А, V, положенъ въ основу нашего изслѣдованія о Физиологѣ.

⁴⁾ Замѣтимъ, что съ этими подробностями совпадаетъ и описаніе единорога у Эліана (περὶ ζώων, XVI, 20): (λέγουσι δὲ) τῶν μὲν ἄλλων αὐτῷ ζώων προσόντων φέρεται καὶ πρῶτον εἶναι....

⁵⁾ Также и код. Γ: *Οὐδὲν οὖν ἀσκόπων ὡς εἴρεται περὶ πετεινῶν καὶ θηρίων εἶπον αἱ ἀγία γραφαί*.

⁶⁾ С: „Hanc nihil Scripturae sine similitudine (sic) nobis dixerunt“.

кодексъ А). Но болѣе плохіе тексты второй группы заканчиваютъ вторую главу обычною формулою: „bene de panthera Physiologus dicit“ (B, Red). Чтò же предложилъ намъ Лаукертъ въ своемъ „критически-восстановленномъ греческомъ текстѣ“? Указанное чтеніе плохихъ представителей поздняго извода (κατὼς οὖν εἶπεν ὁ Φυσιολόγος παρὶ τοῦ πανθῆρος!) ¹⁾

Важно, далѣе, обратить вниманіе на наличность въ вѣнскомъ текстѣ нѣкоторыхъ особенностей, характеризующихъ обыкновенно поздніе изводы Физиолога. Дѣйствительно, изучая послѣдніе (извѣстныя латинскія рецензіи, армянскій Физиологъ, сирійскій, лейденскій и др.), не трудно придти къ убѣжденію, что здѣсь традиціонный текстъ прежде всего и преимущественно видоизмѣнялся путемъ распространенія символической части сказаній. Въ свою очередь, это распространеніе достигалось путемъ внесенія лишнихъ, къ дѣлу не относящихся священныхъ цитатъ; а въ текстахъ сильно дифференцированныхъ присоединяется къ символической экзегезѣ аллегорическое истолкованіе мелвихъ, зачастую незначащихъ подробностей описательной части сказанія. Слѣды перваго приѣма мы именно находимъ въ вѣнской рецензіи. Такъ, новыя священные тексты, неизвѣстные древнимъ переводамъ, внесены въ символическую экзегезу слѣдующихъ главъ: третьей (харадръ) ²⁾, одиннадцатой (змѣя) ³⁾, пятнадцатой ⁴⁾ и пр. Всѣ эти особенности удержаны Лаукертомъ въ восстанавливаемомъ имъ древнѣйшемъ греческомъ чтеніи....

Обращаясь къ описательной части физиологическихъ сказаній, найдемъ и здѣсь замѣтные слѣды позднѣйшихъ наслоеній, которые однако удерживаются иногда авторомъ безъ всякой оговорки. Укажемъ два, три примѣра. Въ сказаніи о слонѣ всѣ представители древняго типа говорятъ просто объ охотникахъ (славянскій Физиологъ: „ловци же видаще слово естество...“ эіопскій: „die jäger aber“; греческіе тексты: οἱ οὖν κυνηγοί ⁵⁾ и т. д.). Между тѣмъ, вѣнскій текстъ къ сказанію о слонѣ приурочиваетъ индійцевъ (οἱ οὖν Ἰνδοί): ясно, что мы имѣемъ дѣло съ позднею подстановкою ⁶⁾.

¹⁾ Lauchert, о. с., 249

²⁾ Текстъ изъ I посланія ап. Петра (II, 22).

³⁾ Именно, Мате. V, 23; Коринт. XI, 29.

⁴⁾ Лук. XIII, 32.

⁵⁾ Такъ даже подцензурованный А.

⁶⁾ Лаукертъ однако ничѣмъ ни оговариваетъ указанное чтеніе кодекса V (о. с., р. 272), приводя разночтеніе лишь по рецензіи А.

Въ главѣ объ онагрѣ отмѣтимъ такого рода интерполляцію (текста V): повѣствуя о привычкѣ онагра оскоплять мужское порождение, вѣнская рецензія сообщаетъ слѣдующее: ἐκ τούτου καὶ οἱ Πέρσαι εἶρον τὸ εὐνοουχίαιον. Приведенную интерполляцію заподозрилъ и Лаухертъ ¹⁾. Но за то непонятнымъ для насъ образомъ удержано авторомъ изложеніе первой половины описательной части сказанія объ онагрѣ по чтенію вѣнской рецензіи: и это на томъ основаніи, что будто бы начало сказанія въ кодексѣ А искажено (entstellt) ²⁾. Сравнимъ то и другое чтеніе. Парижскій текстъ такимъ образомъ начинается сказаніе: ὁ φυσιολόγος ἔλεξα περὶ τοῦ ἀνάγρου ὅτι ἐστὶν ἀγελάρχης, καὶ ἐὰν γεννήσῃ αἰνομόδας ἀρρενικά, ὁ πατήρ αὐτῶν θλάει τὰ ἀναγρᾶια αὐτῶν ἵνα μὴ σπερματοῖσῃ. Это чтеніе восходитъ къ древнѣйшей традиціи, какъ показываетъ славянскій переводъ ³⁾, греческій кодексъ Σ и пр. Даже представители поздней рецензіи сохранили именно такое традиціонное начало главы, какъ показываютъ переводы армянскій и латинскій (рецензія типа А) ⁴⁾. Съ другой стороны, вѣнскій кодексъ совершенно иначе начинается главу, а его-то чтеніе и удержано Лаухертомъ какъ восстанавливающее древнюю версію.

Вообще, Лаухертъ зачастую удерживаетъ чтеніе вѣнской рецензіи, хотя оно вовсе не восстанавливаетъ относительно древнѣйшій обликъ Физиолога, какъ показываетъ согласное чтеніе древнихъ переводовъ. Случается, что Лаухертъ въ одной и той же главѣ удерживаетъ такое чтеніе надписи V, которое расходится съ общепринятымъ, а чтеніе, подкрѣпляемое согласнымъ свидѣтельствомъ древнихъ изводовъ, признаетъ за интерполляцію. Такъ, напримѣръ, въ первой главѣ (левъ): здѣсь отдано предпочтеніе кодексу V, читающему: ὄταν καθεύδῃ... ὁ λέων, πλέου ἀγροκνᾶϊ, хотя основное чтеніе пред-

¹⁾ Geschichte des Physiologus, p. 240. Обширная интерполляція искажаетъ и конецъ символической части сказанія: здѣсь мы имѣемъ дѣло съ весьма поздней вставкой, ибо анонимный авторъ ея поучаетъ, въ какомъ именно смыслѣ слѣдуетъ понимать символическое толкованіе всего сказанія объ онагрѣ (εὐνοουχισμός γάρ... χωρεῖτω). И Лаухертъ отмѣтилъ эту интерполляцію скобками.

²⁾ Gesch. d. Physiologus, p. 239.

³⁾ Т. Палаея № 729, а. 160: „Физиологъ рече ѿ дивинимъ (sic) ѿсгаѣ ꙗко стадоу настоухъ есть аще же родѣтъ коужескъ полъ то всѣмъ лона програмоути и проч.

⁴⁾ Арм. переводъ см. Cahier, Nouveaux Mélanges, p. 124: Лат. кодексъ А читаетъ: „Masculus est gregis primus in eor (sic); et si genuerit grex masculos pater eorum confringit necessaria eorum etc.“.

ставляется инымъ (... ἀγροικουῖσιν αὐτοῦ οἱ ὀφθαλμοί—Σ) ¹⁾. Съ другой стороны, въ концѣ символической экзегезы заключены въ скобки слѣдующія слова: ὅπως σώσῃ τὸ πακλανημένον γένος τῶν ἀνθρώπων, хотя эту цитату согласно удерживаютъ всѣ древнѣе тексты. Далѣе, въ концѣ главы второй (σαύρα) удержаны заключительныя слова кодекса V (καὶ ἀπαλάσει.. ἀπὸ οὗο), не оправдываемыя общепринятымъ чтеніемъ. Въ главѣ третьей (харадръ) въ символической экзегезѣ, вслѣдъ за священной цитатой (псал. 67, 19), удержана недѣльная интерполяция кодекса V (καὶ ὑγιεῖς ἡμᾶς ἀποκατέστησε, τῇ νόσφ τῆς εἰδωλατρίας ἀσθενούντας). Эта интерполяция вовсе не оговорена Лаухертомъ, хотя общепринятое чтеніе нисколько ее не оправдываетъ. Въ концѣ символической экзегезы сказанія о пощномъ вранѣ (гл. V) удержана авторомъ поздняя интерполяция кодекса V (ἡγάπησε δὲ τὸ σκότος... ἡγαπημένην): здѣсь мы имѣемъ дѣло съ поздней парафразой символическаго истолкованія даннаго сказанія, выше уже протолкованнаго въ самомъ кодексѣ V ²⁾.

Сказаніе объ ехиднѣ (т. X) цѣликомъ внесено по вѣнской редакціи, на томъ основаніи, что чтеніе послѣдней буквально совпадаетъ съ чтеніемъ древнихъ переводовъ: ³⁾ но это утвержденіе не исполнѣе точно. Точно также удержано мѣстами чтеніе кодекса V, не подкрѣпленное древними свидѣтельствами, въ слѣдующихъ главахъ: XI, XIV, XV, XVI, XVII, XVIII ⁴⁾ и т. д.

Итакъ, авторъ, удерживая въ восстанавливаемомъ имъ текстѣ извѣстныя разночтенія кодекса V, не всегда справляется съ древними переводами: съ другой стороны, онъ выбрасываетъ не мало существенныхъ подробностей, необходимыхъ по смыслу и засвидѣтельствованныхъ общепринятымъ чтеніемъ. Замѣтимъ еще, что внесенныя изъ парижской рецензіи цѣлыя главы на мѣсто занозорѣнныхъ самимъ авторомъ далеко не всегда пригодны для характеристики древняго

¹⁾ Ср. вѣювск. переводъ: sind seine „geöffnet“, слав. изводъ: „бдіта емѣ учи“.

²⁾ Отмѣтимъ также недѣльное чтеніе, удержанное въ текстѣ IX-й главы (*Lambecki*, p. 240): σπρασπερματικόν (чит. σπέρμα σπρματικόν).

³⁾ Ibidem.

⁴⁾ Въ сказаніи о рыби (т. XVIII-я) Лаухертъ исключаетъ заключительное замѣчаніе, завершающее собою символическую экзегезу данной главы (A: καὶ μόνον ἄφρονα ἀφίσειν αὐτόν); это сдѣлано на томъ основаніи, будто здѣсь мы имѣемъ дѣло съ ненужнымъ повтореніемъ (eine schlechte Wiederholung). Но это замѣчаніе, необходимое въ видахъ символической симметріи, удержано всеми древними изводами.

чтенія, ибо нельзя забывать, что кодексъ А сохранилъ дифференцированную рецензію.

На основаніи всего вышесказаннаго, мы рѣшаемся предположить, что вѣнскій списокъ греческаго Физиолога неудачно выбранъ Лаухертомъ для восстановленія основнаго чтенія. Въ заключеніе замѣтимъ, что стиль и языкъ кодекса V представляется довольно изысканнымъ ¹⁾

Обращаясь къ разсмотрѣнію остальныхъ взглядовъ Лаухерта, остановимся прежде всего на его опредѣленіи характера физиологической экзегезы. На нашъ взглядъ, въ толкованіяхъ Физиолога древнѣйшаго типа преобладаетъ типологическая экзегеза, между тѣмъ Лаухертъ усматриваетъ въ нихъ мистическую экзегезу ²⁾. Замѣтимъ, что въ данномъ случаѣ Лаухертъ повторяетъ устарѣвшіе взгляды Иппо (Hippocrite). Можно бы еще говорить объ аллегорической экзегезѣ въ широкомъ смыслѣ слова, какъ дѣлаетъ это, напримѣръ, Hommel ³⁾, но никакъ не о мистической. Противъ послѣдняго взгляда особенно вооружается Mannъ ⁴⁾, а затѣмъ извѣстный знатокъ средневѣковой литературы Эбертъ ⁵⁾.

Что касается вопроса о родинѣ Физиолога, то авторъ вполне чувствуетъ гипотезѣ Ланда и Гоммеля, связывающей Физиолога съ Александріей ⁶⁾. Желая прочіе обосновать названную гипотезу, Лаухертъ старается показать, будто наклонность александрійскихъ катехетовъ къ аллегорическому методу истолкованія стоитъ отчасти въ извѣстной зависимости отъ вліянія египетской символики. Такого рода домыслы не представляются новымъ: его настойчиво приводилъ уже Hommel ⁷⁾. Но дѣло въ томъ, что едва ли возможно при-

¹⁾ Напримѣръ, гдѣ древній изводъ говоритъ просто: „ὁ ψαλμός λέγει; ὁ Δαυὶδ λέγει; κτλ.“, тамъ V выражается такъ: ὁ μακάριος ἱεροψάλτης Δαυὶδ μελωδῶν λέγει; ὁ μακάριος προφήτης Δαυὶδ ψάλλον φησί; φησὶν ὁ θεοπάτωρ καὶ προφήτης Δαυὶδ. κτλ. Вмѣсто простаго реченія φύσις (= „вещь“; „natura“) зачастую встрѣчаемъ: φυσικὴ ἐνεργεία и т. д. Въ интерполяціяхъ кодекса V встрѣчаемъ слова, въ древнихъ изводахъ намъ не встрѣтившіяся: σκληραγωγία (строгий уставъ); ἀνάπλασμα (видъ); καχοδαίμων (въ значеніи не злополучный, а лукавый); ψευδοχριστός; φρικτός, κρίμα κтл.

²⁾ Geschichte des Physiologus, p. 1 (mystische oder moralische Auslegung). Cp. p. 46.

³⁾ Hommel, o. c., p. XII.

⁴⁾ Mann, Franz. Studien, VI, 2, p. 17: Diese Deutung aber ist nicht eine mystische oder allegorische oder moralische... sondern zuerst und vor allen Dingen *typologische*.

⁵⁾ Ebert, Allgemeine Geschichte, III, p. 76.

⁶⁾ Lauchert, o. c., p. 41.

⁷⁾ Hommel, o. c., p. XII—XIII и XLIII.

водитъ александрійскую школу катехетовъ въ непосредственную, преемственную связь съ ученіями древнеегипетской старины. Александрійская школа, рассматриваемая какъ проявленіе особой, мѣстной дидакалической гомиліи, получила аллегорическій методъ истолкованія въ наслѣдство отъ іудейской александрійской школы богослововъ ¹⁾.

Не особенно твердо разработанъ Лаухертомъ вопросъ объ авторѣ Фیزیолога. Для ясности дальнѣйшаго изложенія, здѣсь необходимо сдѣлать нѣсколько пояснительныхъ замѣчаній. Многіе изслѣдователи ²⁾ принимали, что относительная, естественно-историческая часть до шедшаго до насъ Фیزیолога восходитъ къ школьному зоологическому руководству, собранному александрійскими риторами въ цѣляхъ украшенія затѣйливыми подробностями своихъ рѣчей ³⁾. Этотъ языческій сборникъ баснословно-зоологическаго матеріала попалъ въ руки александрійскихъ богослововъ, которые воспользовались имъ въ цѣляхъ символической экзегезы истинъ христіанскаго вѣроученія.

Такого рода попытки эксплуатаціи bestiарнаго матеріала могли быть разбросаны въ проповѣдяхъ, въ экзегетическихъ трактатахъ, въ различнаго рода богословскихъ сочиненіяхъ и т. п.: вотъ эти-то толкованія и могъ собрать неизвѣстный компиляторъ въ одно цѣлое, которое послужило зерномъ христіанскаго Фیزیолога ⁴⁾. Итакъ, дошедшій до насъ Фیزیологъ является плодомъ коллективнаго творчества цѣлаго ряда христіанскихъ богослововъ (Hirreau, Kolloff, Land, Hommel, Mann, Springer, Ebert и др.).

Иначе смотреть на дѣло Лаухерть. Редакторомъ христіанскаго Фیزیолога было единичное лицо (unser Verfasser) ⁵⁾. Этотъ составитель Фیزیолога могъ опираться на предполагаемый языческій зоологическій трактатъ, хотя, прибавляетъ Лаухерть,—возможно обойдтисъ

¹⁾ См. *H. Барсовъ*, Исторія первобытной христіанской проповѣди, 1885, р. 207—288. Объ іудейской школѣ см. *Ueberweg*, Grundriss, II, р. 30, также см. *Baur*, Kirchengeschichte, 3-е изд. (1853), р. 18—19, 30 sq; о христіанской школѣ—р. 178—179, 182, 278 sqq. Ср. *Vacherot*, Histoire critique de l'école d'Alexandrie, tome 1, 125—167.

²⁾ Именю: *Kolloff*, *Land*, *Hommel*, *Mann* и др.

³⁾ См. *Land*, Otia Syriaca, р. 127. *Hommel* (о. с., р. XIII) предпочитаетъ видѣть въ предполагаемомъ трактатѣ не школьное руководство, но популярно-зоологическій сборникъ (ein populäres Compendium der Zoologie).

⁴⁾ *Land*, о. с., р. 128.

⁵⁾ *Lauchert*, о. с., р. 42.

и безъ этой гипотезы ¹⁾. Поэтому, подъ словомъ „физиологъ“ слѣдуетъ разумѣть не книгу, какъ это принято думать, но извѣстнаго автора-натуралиста ²⁾. Въ подтвержденіе своего домысла Лаухертъ ссылается на заглавіе эеіопскаго Физиолога, хотя извѣстно, что заглавіе и эпилогъ эеіопскаго Физиолога принадлежатъ переводчику (Hommel). Далѣе, Лаухертъ пытается опереться на случайные заголовки извѣстныхъ рукописей. Такъ, одинъ греческій списокъ называетъ авторомъ зоологической части Физиолога Соломона, а символической—Василія Великаго ³⁾. „Итакъ“, заключаетъ Лаухертъ,—„по одному преданію подъ Физиологомъ разумѣется Соломонъ“. Думая обосновать свою догадку, авторъ цитуетъ Амвросія (Epist. 32), который сообщаетъ, что Соломонъ „испыталъ природу животныхъ и толковалъ про звѣрей, птицъ, гадовъ и пресмыкающихся“ ⁴⁾. Основанія возводимой авторомъ постройки такъ шатки, что самъ онъ чувствовалъ всю ея несостоятельность ⁵⁾. Тогда авторъ пытается утилизировать обмолвку другаго греческаго кодекса, именно изданнаго имъ вѣнскаго списка: этотъ послѣдній называетъ Аристотеля. Лаухерту это на руку: „вѣдь Аристотель былъ естествовѣдомъ по преимуществу, стало-быть, на него и ссылается въ качествѣ авторитета нашъ памятникъ“. Въ такомъ случаѣ „непосредственнымъ источникомъ Физиолога могъ быть въ самомъ дѣлѣ какой-нибудь утраченный псевдо-Аристотелевскій трактатъ о животныхъ“ ⁶⁾. Забѣтимъ, что въ автору до-христіанскаго Физиолога давно уже прочли Соломона и Аристотеля Жидель, а за нимъ кн. Вяземскій ⁷⁾: въ новѣйшее время къ нимъ присоединился Аренсъ ⁸⁾. Кстати замѣтимъ, что работа Аренса ускользнула отъ вниманія Лаухерта. Обѣ эти гипотезы (объ авторствѣ Соломона и Аристотеля) высказаны были еще въ XVI сто-

¹⁾ Ibidem.

²⁾ *Lauchert*, о. с., р. 43.

³⁾ Именно, *codex Ambros.* С. 2.

⁴⁾ О. с., р. 44.

⁵⁾ Ibidem.: „Es mag aber immerhin erst im Laufe des Mittelalters dieser Name mit dem Physiologus in Verbindung gebracht worden sein“.

⁶⁾ Ibidem.

⁷⁾ *Gidel*, *Nouvelles Études sur la littérature grecque moderne*, 1878, р. 416—417. Кн. *Вяземскій*, О литературной исторіи Физиолога, стр. 74—77 (см. Памятники древней письменности за 1878 г.).

⁸⁾ *Karl Ahrens*, *Zur Geschichte des sogenannten Physiologus*, Ploen, 1885, р. 11—13.

лѣтніи Понціемъ изъ Леоны. Но и подобныя взгляды серьезнымъ изслѣдователямъ представляются несообразными ¹⁾; видимо, и самъ Лаухертъ не былъ доволенъ ими ²⁾. Что касается вопроса объ авторѣ христіанской редакціи Физиолога, то этотъ вопросъ признается правдынымъ ³⁾. Но и здѣсь Лаухертъ имѣетъ въ виду единичное лицо, которое съ самаго начала не обозначило себя, такъ какъ книга предназначалась для учебныхъ школьныхъ цѣлей („zu Unterrichtszwecken bestimmt war, ein bescheidener Schulbuch sein sollte). На нашъ взглядъ, такое опредѣленіе неточно: не ближе ли къ истинѣ другое замѣчаніе автора, что Физиологъ былъ популярно-богословскимъ трактатомъ ⁴⁾.

Продолжая разсмотрѣніе взглядовъ Лаухерта, мы съ особымъ удовольствіемъ останавливаемся на его отрицательномъ отношеніи къ гипотезѣ Питра, будто первичный обликъ Физиолога сохраненъ латинскими фрагментами (Майи) и сирійскими фрагментами (Тихзена) ⁵⁾. Далѣе, Лаухертъ отвергаетъ и гипотезу о библейскомъ циклѣ животныхъ, которую особенно поддерживали Kolloff и Sagus ⁶⁾.

Въ высшей степени любопытна та часть труда Лаухерта, которая посвящена опроверженію взглядовъ Кайе и Питра на сектантское происхожденіе Физиолога ⁷⁾. Здѣсь нельзя не оцѣнить уиѣстности вступительныхъ заключеній автора, имѣвшихъ въ виду ознакомить читателя съ общими понатіями о происхожденіи и характерѣ гностическихъ воззрѣній ⁸⁾: только послѣ этого рѣшается авторъ ввести читателя во всѣ детали мелочнаго анализа заподозрѣнныхъ мѣстъ Физиолога. Авторъ настаиваетъ на необходимости различать въ гностицизмѣ двѣ особня разновидности, такъ-сказать, гностицизмъ

¹⁾ Mann: „merkwürdig, ausserordentlich gewagt“; Körting: „durchaus unstatthaft“.

²⁾ Geschichte des Physiologus, p. 44: „Doch kann die Sache nur als Hypothese hingestellt werden“.

³⁾ O. c., p. 65.

⁴⁾ O. c., p. 46: „Der Physiologus ist eine populärtheologische Schrift“.

⁵⁾ O. c., p. 44—45.

⁶⁾ Ibidem.

⁷⁾ O. c., p. 47—64. Замѣтимъ однако, что многое въ этомъ направленіи подготовлено было уже Ландомъ (Otia Syriaca, p. 129 vqq.)

⁸⁾ Любопытны здѣсь указанія автора на тѣ выраженія Священнаго Писанія, злоупотребленія которыми строилъ свою догматичу гностицизмъ (Lauchert, o. c., p. 49—52).

официальнаго характера (φερδώνυμος γυνῶσις) и гностицизмъ, ясно не опредѣлившійся.

Переходя къ Физиологу, авторъ обращаетъ вниманіе на то обстоятельство, что заподозрѣнныя въ немъ выраженія имѣютъ отношеніе къ гностическимъ воззрѣніямъ именно древнѣйшей формациі¹⁾. Но аналогичныя, неясныя въ догматическомъ смыслѣ выраженія встрѣчаются и въ твореніяхъ отцовъ церкви—Климента Римскаго, Іустина Философа, Подикарпа Смирнскаго, Игнатія Антиохійскаго, св. Ипполита, особенно у Оригена и пр.²⁾ Любопытно, что многія выраженія Физиолога, соблазнявшія Кайе и Питра, встрѣчаются въ самомъ Священномъ Писаніи³⁾: отсюда Лаухертъ заключаетъ, что Питра самъ не отличался твердымъ знаніемъ Священнаго Писанія. Проведя широкую аналогію между Физиологомъ и извѣстными твореніями отеческими, Лаухертъ пришелъ къ убѣжденію, что различнаго рода обоюдныя выраженія указываютъ лишь на неустойчивость догматики первыхъ вѣковъ⁴⁾. Такого рода данныя служатъ хорошою хронологическою датой для опредѣленія приблизительной эпохи составленія Физиолога: авторъ относитъ его къ первой четверти II вѣка⁵⁾.

Мы вполне признаемъ основательность указанныхъ доводовъ автора. Несомнѣнно одно: въ памятникахъ древне-христіанской письменности, слагавшихся въ эпоху отъ втораго до третьаго вѣка, слѣдуетъ съ особою осмотрительностью указывать опредѣленные слѣды сектантскихъ воззрѣній. Достаточно вспомнить тѣ преувеличенія, которыя были внесены въ историческое изученіе хотя бы, на примѣръ, апокрифовъ. Въ этихъ памятникахъ смѣшаннаго, обоюднаго характера усматривали опредѣленные слѣды сектантскихъ воззрѣній, хотя на самомъ дѣлѣ извѣстная неопредѣленность догматическаго содержанія названныхъ памятниковъ вполне опредѣляется эпохой ихъ сложенія, когда христіанская догматика строго еще не установилась. Вотъ почему, на примѣръ, тѣ самыя выраженія, по которымъ въ особенности заключали объ ихъ еретическомъ происхожденіи, встрѣчаются въ совершенно православныхъ памятникахъ. На основаніи такихъ неопредѣленныхъ выраженій заключали о гностическомъ происхожденіи псевдо-Евангелія Θомы, или о сходствѣ Евангелія Нико-

¹⁾ Geschichte des Physiologus, p. 54.

²⁾ О. с., p. 51, p. 55, p. 61 и passim.

³⁾ О. с., p. 60 sqq.

⁴⁾ О. с., p. 53 и p. 56.

⁵⁾ О. с., p. 65.

димова съ воззрѣніями офитовъ, хотя на первую часть этого послѣдняго Евангелія (въ его первоначальной редакціи) ссылались еще св. Іустинъ и Тертуллианъ ¹⁾. Дѣло однако въ томъ, что апокрифы представляются памятниками преимущественно легендарнаго, нежели догматическаго содержанія: между тѣмъ это послѣднее занимаетъ главное мѣсто въ толкованіяхъ Физіолога ²⁾. Ясно поэтому, что на характеръ послѣдняго неустойчивость догматики II и III вѣковъ должна была оставить особенно замѣтные слѣды, при чемъ надо принять во вниманіе и особенности мѣстной, александрійской дидакалической гомиліи, оказывавшей самое непосредственное вліяніе на содержаніе нашего памятника.

Съ указаннымъ отдѣломъ труда Лаухерта тѣсно связанъ вопросъ объ отвзвухахъ Физіолога въ патристической литературѣ ³⁾. Здѣсь особенно важнымъ представляется намъ указаніе аналогій между содержаніемъ символической экзегезы сказанія о львѣ и др. и нѣкоторыми догматическими положеніями Іустина Философа (ум. 168 г.).

Лаухертъ заключаетъ, что послѣдній пользовался Физіологомъ ⁴⁾, хотя допускаетъ и такого рода возможность, что тотъ и другой черпали изъ общаго источника. Послѣднее кажется намъ болѣе правдоподобнымъ. Извѣстно, что Физіологъ слагался въ Александріи; но и въ сочиненіяхъ Іустина сказывалось направленіе, отличающее александрійскую богословскую школу. Итакъ, во всякомъ случаѣ догматическое содержаніе Физіолога восходитъ къ эпохѣ Іустина мученика.

Далѣе авторъ старается собрать по возможности, всѣ несомнѣнные слѣды Физіолога въ отеческихъ твореніяхъ ⁵⁾. Но не всѣ указанныя авторомъ цитаты имѣютъ безспорное отношеніе къ Физіологу. Такъ, особенно ясные слѣды Физіолога видитъ Лаухертъ въ твореніяхъ Климента Александрійскаго. Послѣднему хорошо было извѣстно физіологическое сказаніе объ ехиднѣ (Strom. IV, 16). Обратимся къ отиѣченной цитатѣ ³⁾. Заходить рѣчь о людяхъ суетныхъ, и ихъ

¹⁾ А. Иванцовъ-Платоновъ, Ереси и расколы первыхъ трехъ вѣковъ христіанства, 1877, р. 40 sqq.

²⁾ Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что экзегетическія толкованія Физіолога оказываются иногда въ извѣстной связи съ содержаніемъ апокрифическихъ памятниковъ. Такъ въ символической экзегезѣ сказанія о итѣ (гл. XVII) встрѣчаются нѣкоторыя подробности апокрифическихъ Дѣланій ап. Павла и Фелмы.

³⁾ Geschichte des Physiologus, р. 68 sqq.

⁴⁾ Lauchert, о. с., р. 65 и р. 69.

⁵⁾ О. с., р. 69 sqq.

сравниваетъ Климентъ съ порожденіемъ ехидны: ἐνθεν καὶ γεννήματα ἐχιδνῶν τὰς τοιούτας ἐλάεσει τοῦς φιληδόνοус, τοῦς γαστρὶ καὶ αἰδοίοις δουλεύοντας, καὶ τὰς ἀλλήλων διὰ τὰς κοσμικὰς ἐπιθυμίας ἀποτέμνοντας κεφαλὰς. Этими словами Климентъ намекаетъ на всеобщее баснословно-зоологическое сказаніе объ ехиднѣ, а вовсе не на опредѣленную редакцію этого сказанія въ Физиологѣ. Дѣло въ томъ, что подобный мотивъ можно было заимствовать у Плинія и многихъ другихъ ¹⁾. Важно указать не основной мотивъ сказанія, общій для цѣлаго ряда однородныхъ источниковъ, но услѣдить такіа подробности сказанія, которыя извѣстны только изъ Физиолога, или только въ послѣднемъ получили соотвѣтствующее символическое выраженіе. Такъ, въ данномъ случаѣ Физиологъ главное вниманіе сосредоточилъ на особой подробности сказанія объ ехиднѣ, о которой Климентъ ничего не упоминаетъ: именно, что порожденіе ехидны прогрызаетъ утробу своей матери. Этотъ именно мотивъ положенъ въ основу физиологической экзегезы („Такъ точно фарисеи убили своего Отца Небеснаго Христа“).

Въ видахъ того же указанія на заимствованія Климента изъ Физиолога авторъ обращаетъ вниманіе на другое твореніе того же писателя (Cohortatio ad gentes), гдѣ рѣчь идетъ о сиренахъ. Но въ указанномъ мѣстѣ ²⁾ Климентъ имѣетъ въ виду сиренъ не Физиолога, но Гомера, о чемъ прямо и говоритъ: φύγω μὲν οὖν τὴν συνήθειαν, φύγωμεν... Σειρήνας μουσικὰς. Что дѣло идетъ именно о сиренахъ Гомера, видно изъ дальнѣйшихъ подробностей: слѣдуетъ описаніе обиталища Сиренъ, прямо заимствованное изъ Одиссеи ³⁾. Вотъ это описаніе: νῆσός ἐστι πονηρὰ, ὅστοις καὶ νεκροῖς σε σφραυμένῃ ἄδει δὲ ἐν αὐτῇ πορνίδιον ὠραῖον, ἡδονή, πανδήμῳ τερπόμενον μουσικῇ. Здѣсь сирена, согласно понятіямъ христіанскаго богослова, не могла уже представляться мнѳическимъ существомъ, но обратилась въ простую прелестницу. Далѣе даже приводится гомеровскій стихъ, передающій рѣчь сиренъ, пытавшихся сманить Одиссея ⁴⁾. Климентъ поясняетъ, что прелестница (ἡ πόρνη) просто хотѣла заполучить въ свои руки (σφε-

¹⁾ См. *Migne*, tom. VIII (1857), p. 1308.

²⁾ См. *Plinii Nat. hist. lib. X*, cap. 62 (editio *Caroli Mayhoff*, p. 198) „viperae mas caput inserit in os, quod illa abradit voluptatis dulcedine“. Ср. *Horus Apollo, Hieroglyph. lib. II*. ὅταν συγγένηται τῷ ἄρρενι, στόμα στόματι ἐμβάλλει, καὶ μετὰ τὸ ἀπολευθῆναι, ἀποδοκοῦσα τὴν κεφαλὴν τοῦ ἄρρενος, ἀνάγει.

³⁾ *Cohortatio ad gentes*, cap. XII (см. *Migne*, tom. VIII, p. 240).

⁴⁾ *Odyss.*, M., v. 46 sqq.

τριζετα) „великую славу ахейцевъ“. „Но ты“, продолжаетъ Климентъ, — „предоставь ей питаться мертвечиной, а самъ плыви мимо пѣнія. Если только захочешь, ты избѣгнешь погибели: привязанный къ столбу ¹⁾, спасешься отъ всяческаго соблазна ²⁾“. Спросимъ теперь: гдѣ же тутъ „ясные слѣды Физиолога?“

Точно также, далѣе Лаухертъ указываетъ, что Клименту было извѣстно физиологическое сказаніе о гіенѣ (Paedagogi liber II, cap. X) ³⁾. Въ указанномъ мѣстѣ о гіенѣ говорится слѣдующее: τὴν δὲ θάιναν ἐναλλάξ ἀμείβαν τὸ ἄρρεν εἰς τὸ θῆλυ παρ' ἑτοσ ἕκαστον αἰνίττεσθαι δὲ μὴ χρῆν ἐπὶ μοχεύεις ὀρμᾶν τὸν τῆς θάινης ἀπεχόμενον. И здѣсь мы видимъ слѣды знакомства съ баснословно-зоологическою сагой вообще, а не съ физиологическою въ частности. Такъ, приведенную черту сказанія о гіенѣ опровергаетъ, со словъ Аристотеля, еще Плиній ⁴⁾, но Эліанъ принимаетъ это сказаніе съ серьезною наивностью ⁵⁾. Такого рода сказанія принадлежали къ обиходу популярно-зоологическихъ представлений, какъ вѣрно замѣтилъ Плиній: поэтому Клименту басни такого рода могли быть извѣстны со школьной скамьи...

Мы могли бы указать неточности и въ дальнѣйшихъ цитатахъ Лаухерта, еслибы не побоялись злоупотреблять далѣе вниманіемъ читателя. Во всякомъ случаѣ, даже отмѣченныя натяжки въ разсматриваемомъ отдѣлѣ прекраснаго труда Лаухерта свидѣтельствуютъ лишь о ревностныхъ усиліяхъ автора освѣтить затронутый вопросъ во всѣхъ мелочахъ...

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о томъ отдѣлѣ разсматриваемой книги, который посвященъ изученію романо-германскихъ рецензій Физиолога.

Вполнѣ законченною представляется глава о германскихъ Физиологахъ ⁶⁾. Мы не можемъ согласиться лишь съ характеристикой

¹⁾ Именно: Δεῦρ' ἄγ' ἰὼν, πολύαιν' Ὀδυσσεῦ, μέγα κῆδος Ἀχαιῶν κτλ.

²⁾ Въ подлинникѣ трудно переводимая игра словъ (ξύλῳ). Дѣло въ томъ, что ξύλῳ можно понимать въ смыслѣ намека на мачту (ξύλον νήϊου), къ которой привязалъ себя Одиссей, или понимать въ смыслѣ креста, какъ употребляется ξύλον въ Новомъ Заветѣ.

³⁾ См. *Migne*, t. VIII, p. 500.

⁴⁾ *Nat. Hist.*, VIII, 44 (ed. *Mayhoff*, p. 81): „Hyænis utramque esse naturam et alternis annis mares alternis feminas fieri, *vulgus credit*, Aristoteles negat“.

⁵⁾ *Περὶ ζῴων* I, 25 (editio *Hercheri*, vol. I, p. 16): „Если ты сегодня встрѣтилъ гіену самца, то на слѣдующій годъ увидишь ее самкой .. ежегодно мѣняются они полъ“.

⁶⁾ *Geschichte des Physiologus*, p. 110—128.

исландскаго текста, который, по Лаухерту, представляется Физиологомъ въ собственномъ смыслѣ слова ¹⁾ (eine Physiologusübersetzung): намъ онъ представляется скорѣе Бестиаріемъ. Является ли дошедшій до насъ исландскій Бестиарій обработкой утраченнаго, полнаго исландскаго Физиолога—утвердительно рѣшать едва ли возможно.

Глава о романскихъ Бестиаріяхъ разработана не столь удовлетворительно. Прежде всего, насъ поражаетъ у Лаухерта отсутствіе указаній на Бестиарій Жервэза ²⁾, на Физиологъ Леонардо да Винчи ³⁾, на провансальскіе фрагменты, обнаруженные Кресснеромъ ⁴⁾. Затѣмъ авторъ не воспользовался результатами предшествующихъ работъ, вслѣдствіе чего многіе выводы его нельзя признать точными.

Такъ, по поводу Бестиарія Вильгельма Норманскаго Лаухертъ замѣчаетъ, что составитель его, кромѣ латинской рецензіи типа β, пользовался Исидоромъ и пр. ⁵⁾. Оказывается однако, что всѣ распространенія и дополненія, находящіяся въ Бестиаріи Вильгельма, внесены прямо изъ распространенной латинской рецензіи Физиолога (типа β): такая именно редакція издана Манномъ ⁶⁾. Въ рѣшеніи вопроса о редакціяхъ Бестиарія Петра Пикардскаго Лаухертъ расходится съ Кайе. Дѣло въ томъ, что названный Бестиарій сохранился въ двухъ редакціяхъ: одна редакція, сохраненная въ спискѣ XIII вѣка, состоитъ изъ 71 главы и предлагаетъ, помимо сказаній физиологическаго цикла, массу постороннихъ вставокъ; другая редакція, сохраненная списками XIV—XV вв., предполагаетъ очищенный текстъ, то-есть, сказанія по преимуществу лишь физиологическаго цикла (anciens articles du Bestiaire, по выраженію Кайе). На этомъ основаніи, за древнѣйшую редакцію Кайе принималъ редакцію XIII в. ⁷⁾, между тѣмъ Лаухертъ стоитъ за обратное предположеніе ⁸⁾. Лаухерта не смущаетъ то обстоятельство, что если принять его догадку, то приходится признать, что Бестиарій Петра Пикардскаго переработанъ былъ въ томъ же столѣтіи, въ которомъ онъ былъ составленъ. По взгляду Лау-

¹⁾ О. с., р. 120.

²⁾ Обнаруженъ Полемъ Мейеромъ въ *Romania*, 1872, р. 421 sqq.

³⁾ См. *Springer*, Ueber den Physiologus des Leonardo da Vinci (*Sitzungsberichte der k. s. Gesellschaft der Wissenschaften* XXXVI, 1884, р. 244 sqq.).

⁴⁾ Трудъ Кресснера былъ уже ранѣе упомянутъ нами.

⁵⁾ *Geschichte des Physiologus*, р. 145—146.

⁶⁾ См. *Franz. Studien*, р. 35 и р. 99—100.

⁷⁾ См. *Mélanges d'archéologie etc.*, II, 1851, р. 97.

⁸⁾ *Lauchert*, о. с., р. 137 sqq.

херта, обработка XIII вѣка, внесшая въ Бестиарій постороннія вставки, пропала безслѣдно, не оставила замѣтныхъ слѣдовъ въ литературныхъ памятникахъ и дошла до насъ въ единственномъ спискѣ; между тѣмъ древняя редакція постоянно переписывалась и дошла до насъ въ спискахъ XIV—XV вв. ¹⁾). Лаухертъ далѣе не допускаетъ, чтобы Бестиарій Петра Пикардскаго восходилъ въ интерполированной латинской рецензій Физіолога: но такого рода рецензій давно обнаружены Манномъ (не говоря уже про списки латинскаго Бестиарія XII—XIII вв.). Однако именно такого мнѣнія придерживается Маннъ ²⁾). Наконецъ, намъ кажется, что именно редакція древняя, XIII вѣка, оставила слѣды на содержаніи провансальскаго Бестиарія. Попробуемъ обосновать наше мнѣніе: для этого мы будемъ останавливаться на тѣхъ подробностяхъ пикардскаго Бестиарія, которыя, по Лаухерту, внесены въ него редакторомъ XIII вѣка ³⁾). Въ концѣ сказанія о львѣ Петръ Пикардскій сообщаетъ слѣдующее: „левъ не трогаетъ человѣка, если послѣдній на него не взглянетъ, но стоитъ человѣку взглянуть на льва, чтобы онъ бросился на него и пр.“ То же самое передаетъ провансальскій Бестиарій, вставляя лишь такого рода подробность: „человѣкъ, избѣгающій смотрѣть на льва, можетъ пройти мимо него семь разъ сразу ⁴⁾). Далѣе, въ главѣ IX-й пикардскій Бестиарій разказываетъ (по Исидору, *Etym.* XII, cap. VII, 15), что журавли ночью поочередно держатъ стражу, дабы не задремать; сторожъ держитъ въ одной лапѣ камень. То же самое читаемъ въ провансальскомъ Бестиаріи: „у журавлей природа такая, что собираются они въ большія ставы; по природѣ они склонны къ сонливости: поэтому одинъ изъ нихъ бодрствуетъ, когда другіе спятъ; а чтобы стражъ не задремалъ, онъ беретъ въ лапы маленькіе камешки“ ⁵⁾). Далѣе, объ аспидѣ пикардскій Бестиарій сообщаетъ слѣдующую по-

¹⁾ *Geschichte des Physiologus*, p. 138.

²⁾ *Franz. Studien*, VI, 2, p. 105.

³⁾ *Geschichte des Physiologus*, p. 140 sqq.

⁴⁾ = *que passer y pot set vetz.*

⁵⁾ = *Grnas an tal natura que s'ajuston en grans tropels; e lur natura fa las trop dormir e la una fay la garda can las outras dormo; e per tal que la garda no s'adorma, ela met a sos pes de petitas peiretasete.* Ср. пикардскій бестиарій: «*Uns oiseau est qui est apelés grue, sia moult de parvéance (= prudence) en soi. Physiologes nos dit que là où auques (= plusieurs) en a ensamble, il i a tos dis une qui le autres gait (= garde)... et cèle qui gait, per ce que èle ne vient pas dormir, si prent petites pierètes en ses piés etc.*». Итакъ, прованс. разказъ буквально переведенъ съ пикардскаго.

дробность: „Physiologes nos dit d'une beste qui est apelée aspis, et ce est li serpens, qui garde le baume; si n'ose nus aprochier l'arbre dont li baume dégoute, tant com il veille etc“. Эту же черту упоминаетъ и провансальскій Бестиарій (aspis es la serp que garda lo basme etc.). Вообще, въ провансальскій Бестиарій внесены всѣ специально принадлежація пикардскому Бестиарію вставки, какъ-то: Аргусъ (Argus le vacher—т. 25); кротъ (т. 56), волкъ (т. 45) и пр. О волкѣ, напримѣръ, здѣсь сообщается слѣдующее: если человѣкъ столкнется съ волкомъ, и послѣдній первый взглянетъ на человѣка, то у послѣдняго отнимается голосъ. То же самое повѣствуетъ о волкѣ провансальскій Бестиарій: la natura del lop es que can vo (увидитъ) hom enans (раньше) с'om lo veua, el li tol (лишаетъ) lo parlar. E si l'ome lo ve enans, l'ome li tol la forsa.“ Замѣтимъ, что провансальскій Бестиарій относится къ XIII в., а пикардскій Бестиарій составленъ былъ около 1200 года ¹⁾. Итакъ, едва ли справедливо утверждение Лаухерта, что распространенная редакція разсматриваемаго Бестиарія не пользовалась извѣстностью (die vielleicht gar nicht weiter bekannt wurde). Слѣдуетъ замѣтить еще слѣдующее: говоря о провансальскомъ Бестиаріи, Лаухертъ весьма глухо оговариваетъ ²⁾, что этотъ Бестиарій заимствуетъ кое-что у старо-французскихъ Бестиаріевъ.

Мы съ сожалѣніемъ расстаемся съ прекрасною работою Лаухерта: мы указывали лишь кое-какіе недочеты, почти не касаясь многочисленныхъ достоинствъ разсматриваемой книги. Если читатель пожелаетъ составить себѣ ясное и опредѣленное представление о многовѣковой исторіи Физиолога во всѣхъ ея многообразныхъ развѣтвленіяхъ, то мы смѣло рѣшаемся рекомендовать добросовѣстную и умную книгу Лаухерта.

Обращаясь къ статьѣ г. Мочульскаго: читая брошюру послѣдняго, намъ иногда казалось, что мы обязаны благодарить автора за его серьезное желаніе ознакомить русскаго читателя съ наиболее важными результатами выдающагося труда Лаухерта. Къ этому убѣжденію склоняло насъ и то обстоятельство, что эпиграфомъ разсматриваемой статьи выбрана довольно объемистая цитата изъ Лаухерта. Но, съ другой стороны, авторъ лишь мимоходомъ упоминаетъ книгу Лаухерта и только одинъ разъ точно цитируетъ ее (мы разумѣемъ

¹⁾ Mann—*Franz. Studien*, p. 104.

²⁾ *Geschichte des Physiologus*, p. 155.

опредѣленное указаніе на страницу), говоря о зависимости александрийской гомиліи отъ вліянія египетской символики ¹⁾. Во всѣхъ другихъ случаяхъ авторъ какъ будто говоритъ отъ себя лично, тѣмъ болѣе, что онъ вноситъ кое-что изъ другихъ источниковъ (кн. Вяземскаго), а также и отъ себя. Между тѣмъ, для насъ несомнѣнно, что авторъ имѣлъ въ виду именно книгу Лаухерта. Въ этомъ не трудно убѣдиться, остановившись на любой страницѣ статьи г. Мочульскаго, гдѣ притомъ нѣтъ указаній на книгу Лаухерта. Избѣгая ненужныхъ недоразумѣній, мы позволимъ себѣ показать, на двухъ, трехъ примѣрахъ, въ какой именно мѣрѣ имѣлъ въ виду книгу Лаухерта г. Мочульскій. На стр. 65 г. Мочульскій касается вопроса объ авторѣ Физиолога: „Онъ не былъ ни Таціанъ, ни древній еретикъ. Весьма возможно, что авторъ въ началѣ не назвалъ себя, что не должно казаться страннымъ, такъ какъ книга первоначально предназначалась для цѣлей научныхъ и была, по всей вѣроятности, книгой школьною“. Такъ именно выражается о томъ же предметѣ и Лаухертъ (р. 65): „Es genüge uns, constatirt zu haben, dass derselbe (=der Verfasser) weder Tatian noch sonst ein alter Ketzler war. Das wahrscheinlichste ist, dass der Autor von Anfang an sich gar nicht nannte, was besonders dann ja nicht befremden könnte, wenn das Buch ursprünglich zu Unterrichtszwecken bestimmt war, ein bescheidenes Schulbuch sein sollte...“ Обращаясь къ вопросу объ отзвукахъ Физиолога въ твореніяхъ отеческихъ, г. Мочульскій (стр. 66) начинается рядъ указаній съ Иустина мученика: „Въ Dial. с. Тгурh. с. 36 дается такое же объясненіе пс. 23, какое находимъ и въ Физиологѣ, при описаніи перваго свойства льва. Очевидно, оба черпали изъ одного источника, который намъ неизвѣстенъ“. То же самое читаемъ у Лаухерта (р. 68—69): „Im Dial. с. Тгурh. с. 36 wird dieselbe Auslegung von Ps. 23 gegeben, wie im Physiologus zur ersten Eigenschaft des Löwen... Immerhin könnten ja beide auch aus einer gemeinsamen ältern Quelle geschöpft haben, die uns aber wenigstens nichtmehr vorliegt“. Мы могли бы продолжать наши сличенія до безконечности... Вообще же, г. Мочульскій передаетъ сущность цѣлыхъ отдѣловъ книги Лаухерта, забывая указать источникъ. Мы въ правѣ поэтому не входить въ разсмотрѣніе этихъ заимствованныхъ отдѣловъ статьи г. Мочульскаго,—иначе намъ пришлось бы буквально повторить наши замѣчанія о книгѣ Лаухерта. Такимъ образомъ, мы ограничимся указаніемъ, какія именно страницы

¹⁾ Происхожденіе Физиолога, стр. 60; здѣсь отмѣчена стр. 42 книги Лаухерта.

книги Лаухерта имѣють въ виду извѣстные отдѣлы статьи г. Мочульскаго. Рѣшая вопросъ объ авторѣ естественно-исторической части Физиолога, г. Мочульскій ¹⁾ имѣлъ въ виду стр. 43—44 книги Лаухерта. Въ рѣшеніе этого вопроса внесены кое-какія подробности изъ статьи кн. Вяземскаго, о чемъ скажемъ послѣ. Пересматривая гипотезы о родинѣ Физиолога ²⁾, о древнѣйшемъ обликѣ его ³⁾, отвергая гипотезу о библейскомъ циклѣ физиологическихъ сказаній ⁴⁾ и пр., авторъ имѣлъ въ виду все ту же книгу Лаухерта ⁵⁾. Далѣе авторъ указываетъ „всѣ вѣроуचितельные пункты, которые затрогиваются и выясняются въ Физиологѣ“ ⁶⁾: здѣсь внесено г. Мочульскимъ одно добавленіе, которое мы рассмотримъ въ другомъ мѣстѣ. Отдѣлъ объ отзвукахъ Физиолога въ патристической литературѣ ⁶⁾ буквально передаетъ содержаніе пятой главы первой части труда Лаухерта ⁷⁾. Далѣе, г. Мочульскій основательно отвергаетъ домыслы Кайе и Питры о еретической основѣ Физиолога ⁸⁾: приводимыя здѣсь данныя заимствованы изъ третьей главы первой части труда Лаухерта (р. 47—64) и т. д. Замѣтимъ, что даже относительно мелочныхъ подробностей авторъ разсматриваемой статьи придерживался взглядовъ Лаухерта. Такъ, время перевода латинскаго Физиолога г. Мочульскій опредѣляетъ на основаніи главы о муравьѣ. Дѣло въ томъ, что въ символическое истолкованіе третьяго свойства муравья латинскій переводчикъ внесъ перечисленіе извѣстныхъ ему еретиковъ. Послѣднимъ среди нихъ упомянуть епископъ Фотинъ изъ Сироніи († 366); между тѣмъ вовсе не упомянуть Несторій, осужденный въ Ефесѣ (въ 431 году). Стало быть, латинскій переводъ возникъ въ промежуткѣ 397—431 годовъ ¹⁰⁾. Авторъ привелъ указанныя соображенія какъ бы лично отъ себя; между тѣмъ, буквально повторены они у Лаухерта ¹¹⁾, при чемъ

¹⁾ Происхожденіе Физиолога, стр. 53—55.

²⁾ Тамъ же, стр. 58—59.

³⁾ Тамъ же, стр. 60.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 62.

⁵⁾ Geschichte des Physiologus, р. 41—43; р. 44—45; р. 45—46.

⁶⁾ Происхожденіе Физиолога, стр. 64—65. Ср. *Lauchert*, о. с., р. 46—48: Theologischer Gehalt des Physiologus.

⁷⁾ Происхожденіе физиолога, стр. 66—69.

⁸⁾ *Lauchert*, о. с., р. 68—79.

⁹⁾ Происхожденіе Физиолога, стр. 64—65.

¹⁰⁾ Происхожденіе Физиолога, стр. 71.

¹¹⁾ *Lauchert*, о. с., р. 89.

послѣдній указаль, что церковно-историческія даты собраны проф. Фридрихомъ.

Итакъ, поблагодаривъ автора за основательное ознакомленіе русскаго читателя съ результатами новѣйшихъ западныхъ работъ о Физиологѣ, перейдемъ къ рассмотрѣнію тѣхъ отдѣловъ статьи г. Мочульскаго, гдѣ авторъ болѣе самостоятельно перерабатываетъ извѣстные отдѣлы книги Лаухерта, а затѣмъ знакомитъ насъ съ результатами собственныхъ изысканій.

Свою статью г. Мочульскій начинаетъ обвиненіемъ русской науки „въ полномъ невниманіи къ Физиологу“¹⁾. Исключеніе сдѣлано лишь въ пользу кн. П. П. Вяземскаго. Въ другомъ мѣстѣ авторъ старается показать, что „такое невниманіе нашихъ ученыхъ къ данному произведенію является далеко незаслуженнымъ“. Вполнѣ соглашаясь съ авторомъ въ послѣднемъ, мы не можемъ раздѣлить перваго его мнѣнія. Начнемъ съ того, что извѣстная статья кн. П. П. Вяземскаго вызвала живой отзывъ покойнаго А. А. Котляревскаго²⁾. Но и много ранѣе того вопросъ о Физиологѣ поднятъ былъ въ цѣломъ рядѣ ученыхъ статей: названнаго вопроса касался въ извѣстной статьѣ о духовныхъ стихахъ Ѳ. И. Буслаевъ³⁾, гдѣ съ обычною глубиной обслѣдованъ былъ вопросъ о господствѣ бестиарнаго стиля въ древнерусской старинѣ, обстоятельно оцѣненъ былъ Бестиарій Дамаскина Студита и т. п.; прекрасная характеристика Физиолога, въ отличіе отъ Бестиарія, представлена была въ извѣстной рецензій Н. С. Тихонова⁴⁾: здѣсь впервые намѣчены были весьма отчетливо общіе пути литературнаго прошлаго Физиолога и пр.: Извѣстныя подробности средневѣковой исторіи Физиолога оговорены г. Колмачевскимъ⁵⁾, при чемъ указаны были и доступныя въ то время славянскіе тексты Физиолога (въ сущности — Бестиарія), и притомъ почти тѣ самыя, коими авторъ статьи о начальныхъ судьбахъ Физиолога думаетъ пополнить свѣдѣнія о наличныхъ рецензійхъ Физиолога. Наконецъ, вопросъ о Физиологѣ затронутъ былъ въ работахъ гг. Баталина⁶⁾, Успен-

¹⁾ Происхожденіе Физиолога, стр. 51.

²⁾ См. *Критическое Обзоріе* 1879 г., № 7.

³⁾ См. *Русскую Рѣчь* 1861 года.

⁴⁾ Отчетъ о XIX-мъ присужденіи наградъ гр. Уварова, стр. 57—64.

⁵⁾ Животный вѣсъ на западѣ и у славянъ. 1882, стр. 36—44.

⁶⁾ См. очеркъ послѣдняго о древне-русскихъ азбуконикахъ (*Фил. Зап.* 1873, вып. IV, стр. 46—68).

скаго ¹⁾, гр. Уварова ²⁾ и др. Еслибы авторъ разсматриваемой статьи ознакомился подробнѣе съ вышеуказанными работами, хотя бы, наиримѣръ, съ замѣчаніями о Физиологѣ Н. С. Тихонравова, то онъ не принялъ бы поздній славянскій Бестиарій, изданный сперва Ягичемъ, а затѣмъ Новаковичемъ, за Физиологъ, ибо Бестиарій является лишь однимъ изъ видовъ Физиолога ³⁾. Физиологъ трактуетъ не о животныхъ только, но еще о нѣкоторыхъ камняхъ и растеніяхъ; затѣмъ, Физиологъ занимается преимущественно фантастическими существами ⁴⁾, такъ что ни соловью (16-е слово бестиарія Ягича), ни волу (23-е слово) и т. п. въ рецензіяхъ Физиолога, въ строгомъ смыслѣ слова, мѣста не полагается. Еслибы авторъ статьи не отнесся столь пренебрежительно къ русской наукѣ, то онъ оцѣнилъ бы по достоинству указаніе А. Н. Веселовскаго на славянскій Физиологъ въ собственномъ смыслѣ слова (хотя бы и фрагментарный): а это указаніе сдѣлано было болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ.

Главною задачей своего изслѣдованія авторъ признаетъ разслѣдованіе начальныхъ судебъ Физиолога, при чемъ обѣщаетъ перенести вопросъ о возникновеніи Физиолога изъ области гаданій „на реальную почву“. „Для этого“, замѣчаетъ г. Мочульскій ⁵⁾, — „мы обратимся къ самому Физиологу и въ немъ самомъ поищемъ свидѣтельствъ“. На самомъ дѣлѣ, авторъ обращается не къ Физиологу, а къ книгѣ Лаухерта, при чемъ опирается на довольно неудачную, какъ указано было выше, попытку Лаухерта извлечь кое-какія указанія изъ случайныхъ обмолвокъ рукописей. Авторъ такъ рабски придерживается нѣмецкаго источника, что, говоря о Соломонѣ, цитуетъ упомянутое уже замѣчаніе Амвросія (Epist. 32) ⁶⁾. На сколько рискованно такое довѣріе къ случайной обмолвкѣ какого-нибудь кодекса, можно судить по тому, что различныя рукописи называютъ различныя имена. Впрочемъ, къ заимствованному у Лаухерта авторъ вноситъ кое-что новое. Такъ, подтверждая свои „данныя“ объ авторствѣ Соломона, авторъ ссылается на извѣстную статью хронографа, въ которой повѣствуется о судьбѣ книги Соломона о природѣ. Тутъ же авторъ поясняетъ, что

¹⁾ Толковая Палая, 1876, стр. 115—129 и др.

²⁾ См. Древности (Труды Моск. Археолог. Общ. I, 2, 1867), статью: „Недремлемое око Спасова“.

³⁾ Ср. Mann—*Frang. Studien*, p. 23 и рецензіи Тихонравова, стр. 59.

⁴⁾ См. *Carus*, Gesch. d. Zoologie, p. 112; Mann, о. с., p. 16—17.

⁵⁾ Происхождение Физиолога, стр. 53.

⁶⁾ Тамъ же, стр. 54. Сл. Geschichte des Physiologus, p. 43—44.

указанная статья русскаго хронографа находится въ греческомъ хронографѣ Кедрина (I часть, стр. 165, по Боннскому изданію) ¹⁾. При чемъ тутъ—спросить читатель—и статья хронографа, и ссылка на Кедрина? Разгадка въ томъ, что на эту же статью, какъ на „разрѣшающую всѣ сомнѣнія, возбужденныя относительно появленія Физиолога“, ссылался еще кн. П. П. Вяземскій ²⁾, и не только ссылался при этомъ на Кедрина по тому же Боннскому изданію, но и приводилъ цѣликомъ всю цитату Кедрина яко бы о Физиологѣ Соломона... Это смутное преданіе о приписываемой Соломону книгѣ о природѣ, содержаніе которой будто „перешло въ ученіе греческихъ естествовѣдцовъ и философовъ, что отчасти согласуется съ показаніями самаго Физиолога“ ³⁾, и оказывается „руководящею нитью“ для негadatельнаго рѣшенія вопроса объ источникахъ Физиолога. Позволимъ себѣ усомниться, чтобы такой путь представлялся „перенесеніемъ вопроса на реальную почву“: рѣшить вопросъ объ источникахъ можетъ, на нашъ взглядъ, лишь тщательный, добросовѣстный анализъ извѣстныхъ подробностей описательной части физиологическихъ сказаній, что и составило нѣкогда предметъ прекрасныхъ работъ Иппо, Капе, Ланда, Каруса, Коллоффа и др. Для насъ столь же мало убѣдительно и другое утвержденіе уважаемаго автора, будто достаточно „отбросить подставное имя Соломона, чтобы остановиться на греческихъ и восточныхъ древностяхъ, какъ на источникахъ, легшихъ въ основу Физиолога“ ⁴⁾. Повторяемъ: къ уразумѣнію источниковъ приводить лишь тщательное сличеніе подробностей извѣстнаго физиологическаго сказанія съ тѣми баснословно-зоологическими свѣдѣніями, которыя разсѣяны въ твореніяхъ Плинія, Ктезія, Эліана, Арріана, Антигона Каристія, Геродота и т. д.

Отмѣчая дальнѣйшія неточности въ статьѣ г. Мочульскаго, остановимся на его домыслѣ, будто Физиологъ предшествовалъ Шестодевамъ: „нашъ памятникъ есть скорѣе первая попытка тѣхъ экзегетическихъ сочиненій, которыя возникли позже, какъ гомилии къ твореніямъ міра“ ⁵⁾. Несообразность этого утвержденія очевидна:

¹⁾ Происхожденіе Физиолога, стр. 55.

²⁾ О литературной исторіи Физиолога, стр. 74—77.

³⁾ Но Физиологъ этихъ показаній о книгѣ Соломона, понятнымъ образомъ, и не знаетъ, тѣмъ менѣе онъ ихъ подтверждаетъ. Дало въ томъ однако, что все это утвержденіе г. Мочульскаго дѣйствительно буквально перешло изъ статьи кн. Вяземскаго (о. с., р. 78)....

⁴⁾ Происхожденіе Физиолога, стр. 55.

⁵⁾ Стр. 62.

стоило автору внимательно вчитаться въ книгу Лаухерта, чтобы избѣжать столь странной неточности ¹⁾.

Мы уже говорили, что обзорѣніе вѣроучительныхъ пунктовъ, затронутыхъ Физиологомъ, имѣло въ виду соотвѣтствующій отдѣлъ книги Лаухерта. Но здѣсь авторъ кое-что видоизмѣнилъ. Такъ, рассматривая сказаніе о куропаткѣ (гл. XVIII древней рецензіи), авторъ замѣчаетъ, будто въ образѣ ея разумѣется человѣкъ, „который придетъ въ раскаяніе и обратится ко Христу и его церкви“ ²⁾. Но подъ куропаткой Физиологъ древняго типа разумѣетъ діавола: „такъ и діаволъ въсхищаетъ родъ младенически. Еѣа же мужество стануоть... единаго іако оурода штавать діавола“ ³⁾. Именно эту символическую экзегезу сказанія о куропаткѣ приводятъ древній греческій Физиологъ, эоіонскій, даже армянскій и сирійскій изводы и т. д. Замѣтимъ, что древняя экзегеза засвидѣтельствована и св. Ипполитомъ, который въ образѣ куропатки видитъ антихриста: „той бо призовѣ вса люди жыдѣвскыя къ себе ѿ всѣхъ стрѣ рѣсѣванныа. чюжаа твора аки своа чада и пр.“ ⁴⁾. Чѣмъ же объясняется неточность, допущенная здѣсь г. Мочульскимъ? Обращаемся, для разъясненія нашего недоумѣнія, къ книгѣ Лаухерта: послѣдній, дѣйствительно, указываетъ мѣсто подобное, но лишь какъ одну изъ подробностей символической экзегезы сказанія о куропаткѣ. Приведемъ подлинныя слова Лаухерта: „Только слабѣе становятся добычей діавола,—надъ твердыми власть его ничтожна: сказаніе о китѣ, третье свойство сказанія о змѣѣ; когда человѣкъ достигаетъ зрѣлости (zug Einsicht kommt), то онъ отвращается отъ діавола и устремляется ко Христу и его церкви: сказаніе о куропаткѣ“ ⁵⁾. Итакъ, Лаухертъ останавливается на извѣстныхъ сказаніяхъ Физиолога и выбираетъ изъ нихъ тѣ подробности, которыя говорятъ о сѣтяхъ діавольскихъ, о средствахъ, дарованныхъ человѣку для преодоленія козней дьявольскихъ и т. д.; при этомъ Лаухертъ указываетъ то сказаніе, откуда заимствованы имъ извѣстныя частныя подробности. Такимъ образомъ, эти указанія иногда не имѣютъ въ виду основной символической парал-

¹⁾ Lauchert, o. c., p. 45: „Der Physiologus ist auch kein Vorläufer der später beliebt werdenden exegetischen Schriften über die biblische Schöpfungsgeschichte etc.“

²⁾ Происхожденіе Физиолога, стр. 64.

³⁾ Т. Палея Тр.-Серг. лавры, № 729, л. 166.

⁴⁾ Слово св. Ипполита объ Антихристѣ, г. *Невоструева*, стр. 83—86 (§§ 54—55).

⁵⁾ Geschichte des Physiologus, p. 47.

лели, скрывающейся въ данномъ сказаніи, такъ и въ данномъ случаѣ. Центральнѣйшій символическій намекъ сказанія о куропаткѣ относится къ діаволу: это онъ напоминаетъ куропатку; люди уподоблены тѣмъ птенцамъ, коихъ покидаетъ куропатка=діаволь. Придя въ возрастъ (ἐπιδὲν αὐτῆθωρίων=zur Einsicht gelangt) ¹⁾ люди=птенцы покидаютъ діавола и познаютъ истинныхъ родителей = Христа и церковь. И только поздніе изводы Физиолога (напримѣръ, греч. рецензія типа Δ) измѣняютъ традиціонную символическую экзегезу: эти изводы содержатъ въ себѣ увѣщаніе къ человѣку не ослабѣвать въ дѣлахъ милосердія, но стремиться къ исполненію всѣхъ заповѣдей Господнихъ и т. д.

Позволимъ себѣ остановиться, далѣе, на рѣшеніи вопроса объ авторѣ христіанскаго Физиолога. Разбирая книгу Лаухерта, мы уже говорили о необходимости имѣть въ виду коллективное творчество въ разрѣшеніи данного вопроса; впрочемъ, Лаухертъ былъ на столько остороженъ, что не считалъ возможнымъ останавливаться на какомъ-либо опредѣленномъ лицѣ. На нашъ взглядъ, объ авторѣ Физиолога можетъ быть рѣчь только въ смыслѣ компилятора, собравшаго чужія истолкованія физиологическихъ сказаній. Между тѣмъ г. Мочульскій признаетъ возможнымъ принять, что настоящимъ редакторомъ дошедшаго до насъ Физиолога былъ Епифаній ²⁾: до него Физиологъ существовалъ лишь въ видѣ тѣхъ фрагментовъ сирийскаго Физиолога, которые обнаружены были Тихзенемъ. Какъ извѣстно, эти фрагменты не сохранили символическихъ уподобленій. Но мы уже знаемъ, что гипотеза о первородствѣ названныхъ фрагментовъ давно уже оставлена. Съ другой стороны, Епифаній и не могъ быть редакторомъ Физиолога въ томъ смыслѣ, какъ понимаетъ это авторъ статьи; дѣло въ томъ, что еще ранѣе Епифанія мы находимъ въ отеческихъ твореніяхъ сказанія, вошедшія въ Физиологъ, буквально съ тѣми же символическими намеками, какъ и въ названномъ памятникѣ. Такъ, физиологическую экзегезу извѣстныхъ сказаній Физиолога найдемъ у св. Ипполита (левъ, куропатка) и т. д. Замѣтимъ, что даже тѣ изслѣдователи, которые признавали Епифанія редакто-

¹⁾ А не въ раскаянію, какъ передаетъ г. Мочульскій.

²⁾ Происхожденіе Физиолога, стр. 71: „Весьма возможно, что Епифаній имѣлъ уже подъ руками Физиологъ съ указаніемъ на Св. Писаніе, и, съ своей стороны, обработалъ эти толкованія, чѣмъ и создалъ особую редакцію греческаго Физиолога, которая и послужила *основой* для весьма многихъ древнихъ переводовъ и дальнѣйшихъ редакцій“.

ромъ Физіолога, считали нужнымъ оговорить, что Физіологъ, въ качествѣ исполнѣ сложившагося памятника, существовалъ задолго до Епифанія ¹⁾). Въ подтвержденіе, вѣроятно, своей гипотезы, г. Мочульскій замѣчаетъ далѣе, что лучшіе изъ греческихъ списковъ Физіолога сохранились съ именемъ Епифанія: таковы, будто бы, греческіе списки Парижской національной бібліотеки, за №№ 390 и 924 ²⁾). Но оба эти списка вовсе не заключаютъ въ себѣ рецензій Физіолога въ собственномъ смыслѣ слова: въ нихъ мы находимъ позднюю новогреческую поэму, переработавшую bestiарное содержаніе въ политическихъ стихахъ. Эта поэма восходитъ къ XII вѣку ³⁾). Наконецъ, въ заглавіи этихъ кодексовъ вовсе не упоминается имя Епифанія ⁴⁾).

Намъ остается разсмотрѣть, чтò новаго вноситъ статья г. Мочульскаго въ вопросъ о славянскихъ рецензіяхъ Физіолога.

Мы расхордимся съ уважаемымъ авторомъ въ оцѣнкѣ славянскаго текста Ягича, вторично изданнаго Новаковичемъ ⁵⁾); этотъ памятникъ кажется намъ позднимъ Bestiаріемъ или, во всякомъ случаѣ, выродившимся Физіологомъ. Г. Мочульскій, помимо сербской рецензій Bestiарія, указываетъ еще болгарскую, сохранившуюся въ сборникѣ М. С. Дринова (XVI в.). Обѣ эти рецензій, по замѣчанію автора, „представляютъ полное между собою согласіе, говорящее о томъ, что онѣ имѣли одинъ и тотъ же источникъ“. Итакъ, обѣ эти рецензій, по мнѣнію г. Мочульскаго, заключаютъ въ себѣ „славянскій Физіологъ древняго типа“ ⁶⁾). На чемъ же основываетъ авторъ свое утвержденіе? Только на томъ обстоятельстве, что оба текста сохранили „символическія толкованія“. Но этого еще слишкомъ недостаточно, чтобы характеризовать извѣстную рецензію, какъ относящуюся къ древнему типу Физіолога: надо знать, каковы эти толкованія,—преобладаетъ ли въ нихъ типологическая экзегеза, или мелочное, аллегорическое истолкованіе второстепенныхъ подробностей описательной части сказанія; затѣмъ, необходимо принять во вниманіе инвентарь входящихъ въ памятникъ сказаній, и, мало того, распорядокъ этого

¹⁾ См. *G. Heider*, Ueber Thier-Symbolik. Wien. 1849, p. 34.

²⁾ См. *Le Physiologus*, poème sur la nature des animaux, en grec vulgaire etc., publié par *Em. Légrand* (Collection de monuments pour servir à l'étude de la langue néohellénique, № 16, Paris, 1873).

³⁾ См. *Gidel*, Nouvelles Etudes, p. 407 и p. 409.

⁴⁾ См. *Gidel*, о. с., p. 406; ср. *Pitra*, Spic. Sol., III, p. 388.

⁵⁾ См. *Starine* XI (1879), p. 181—203.

⁶⁾ Происхожденіе Физіолога, стр. 76.

матеріала; наконецъ, важно обращать вниманіе на подробности содержанія самой описательной части сказаній и т. п. Только прилагая указаннныя приемы, можно думать, что сдѣланный выводъ болѣе или менѣе правдоподобенъ. Иначе можно принять за изводъ Физиолога всякое произведеніе, трактующее о свойствахъ всякихъ животныхъ съ назидательной точки зрѣнія. Такъ было, напримѣръ, съ чешскою дидактическою поэмой, изданною подъ видомъ Физиолога Палацкимъ ¹⁾,

Наконецъ, всѣ старо-французскіе Бестиаріи сохраняютъ аллегорическія истолкованія, даже самый гибридный среди нихъ, именно пикардскій Бестиарій: и однако никому не приходило въ голову принимать ихъ за рецензіи Физиолога. Мало того, Любовный Бестиарій Фурнивала новѣйшіе изслѣдователи даже вовсе исключаютъ изъ числа Бестиаріевъ въ строгомъ смыслѣ слова: отъ послѣднихъ онъ заимствовалъ одно лишь названіе и форму, между тѣмъ какъ содержаніемъ своимъ онъ примыкаетъ къ совершенно иному кругу идей ²⁾. Мы знаемъ, что Физиологъ древняго типа трактуетъ о животныхъ, камняхъ и растеніяхъ строго опредѣленнаго цикла, въ извѣстномъ, разъ навсегда установленномъ порядкѣ; естественно-историческія подробности сказаній, съ болѣшимъ или меньшимъ однообразіемъ, повторяются во всѣхъ древнихъ переводахъ; число сказаній ограничено сорокадевятью; въ толкованіяхъ преобладаетъ типологическій характеръ и т. п. Все это не приложимо къ Бестиарію Ягича-Новаковича. Разсматриваемый памятникъ пользовался позднею рецензіей Физиолога (типа Δ): но, сверхъ этого, Бестиарій пользовался и иными источниками, ибо сказаній о соловьѣ, волѣ, воннѣ и пр. не знаютъ даже позднія редакціи Физиолога. Г. Мочульскій отчасти указалъ совершенно вѣрно, что разсматриваемые имъ тексты славянскаго Бестиарія „находятся въ самой тѣсной связи съ псевдо-Епифаніевскимъ греческимъ текстомъ“. Но это указаніе справедливо лишь потому, что выборка Понція составлена главнымъ образомъ на основаніи той же поздней греческой рецензіи типа Δ, славянскимъ изводомъ коей пользовался и Бестиарій Ягича. Выше мы указывали на списокъ славянскаго перевода (русской рецензіи) греческаго Физиолога типа Δ: если наши замѣчанія справедливы, то указанный нами церковно-славянскій

¹⁾ См. *Časopis muzea království českého*, 1775, II, 127 sqq. Здѣсь описано 69 животныхъ, изъ коихъ только немногія имѣютъ *отдаленное* отношеніе къ Физиологу (подробныя указанія приведены въ нашемъ изслѣдованіи).

²⁾ *Mann—Frans. Studien*, VI, 2, p. 78.

списокъ XVI вѣка уяснить намъ темныя мѣста въ тѣхъ сказаніяхъ сербскаго Бестиарія, которыя заимствованы изъ предполагаемой нами поздней рецензіи Физиолога. Укажемъ хотя бы одинъ примѣръ. Въ толкованіи сказанія о зубрѣ (гидропсъ древней рецензіи) славянской Бестиарій заключаетъ мало вразумительныя мѣста. Именно, въ сербскомъ изводѣ его читаемъ: „вода бо несть звѣроу на тебѣ богатство; завитие же звероу твоѣа леность“. Въ греческой рецензіи типа Δ этому соответствуетъ слѣдующее: Ὁχεανὸς ποταμὸς ἐρμηλεύεται τὸ μέγεθος τοῦ πλοῦτου... ἐμπλεκόμενος ὁ ἄνθρωπος εἰς τὰς ἡδονὰς τοῦ βίου ἀμελεῖ τῆς πίστεως. Это чтеніе удержалъ въ своей выборкѣ и Понцій, который только выкинулъ слово ποταμὸς. Въ церковно-славянскомъ переводѣ, по списку XVI в., читаемъ: „рѣка акіяньскъ ѣ богатство; да въ члѣтаѣтъсѣ чийѣ небрежѣ ѡ вѣрѣ“... ¹⁾

Принимая во вниманіе все вышесказанное, смѣемъ думать, что сербскій и болгарскій тексты сохранили Бестиарій славянской редакціи, восходящей отчасти къ Физиологу поздняго извода (типа Δ) ²⁾.

А. Карпѣевъ.

Дѣятельность земства по устройству соудо-свергательныхъ товариществъ.
П. А. Соколовскаго. С.-Петербургъ. 1890.

Лежащее передъ нами новое, весьма дѣлопытное изслѣдованіе г. Соколовскаго является какъ бы естественнымъ продолженіемъ того труда его, о которомъ мы уже имѣли случай говорить въ № 9 журнала за минувшій годъ. Познакомивъ читателя предварительно

¹⁾ Остается указать источники бестиарныхъ сказаній *не физиологическою цимла*. Въ подробности входитъ здѣсь не мѣсто. Замѣтимъ однако, что о соловьѣ упоминаетъ поздній Бестиарій Дамаскина, хотя здѣсь приводятся иного рода подробности о соловьѣ. Бестиарій Ягича сообщаетъ, что соловьи поочередно бодрствуютъ ночью: не есть ли это отзвукъ средневѣковаго сказанія о журавляхъ? Впрочемъ, о соловьѣ упоминаетъ еще въ своей церковной хроникѣ Михаилъ Глика: когда соловей насиживаетъ свои яйца, онъ бодрствуетъ всю ночь.. (См. его βιβλιον χρονικόν, парижск. изд. 1660 года, partem I, p. 43).

²⁾ Мы только-что дописывали послѣднія строки, какъ получили новое изслѣдованіе о Физиологѣ: можно подуматъ, что европейскую науку обуяло какое-то энзіологическое повѣтріе! Имѣемъ въ виду изслѣдованіе *Robert Reinsch: Le bestiaire* (Leipzig, 1890). Райншъ переиздаетъ Бестиарій Вильгельма (р. 219—441), которому предшествуетъ огромное введеніе (р. 1—218). Изслѣдованіе Лаухерта автору осталось не извѣстно: вообще Райншъ устраняетъ изъ своего труда разсмотрѣніе греческаго Физиолога (р. 57). За то поразительною новостью является разсмотрѣніе чешскаго Бестиарія (р. 53—54), сербскаго (р. 174—182) и даже русскаго (р. 182), но здѣсь разумѣется отрывокъ философской книги Христофоровича.

съ литературою вопроса о сельскомъ краткосрочномъ кредитѣ, г. Соколовскій, въ настоящее время, представляетъ результаты предпринимавшихся въ нашемъ отечествѣ попытокъ устройства этого кредита и какъ бы сводъ наблюдений и мнѣній о немъ тѣхъ лицъ и учреждений, которыя близко стоятъ къ этимъ попыткамъ и соединяють въ себѣ знаніе потребностей народной среды съ известною степенью образованія.

Матеріаломъ для этого новаго изслѣдованія г. Соколовскаго послужили по преимуществу доклады и отчеты земскихъ управъ, также журналы и протоколы земскихъ собраній и отчасти изданные въ некоторыхъ земствахъ сборники ихъ постановлений.

Обозрѣніе земской дѣятельности по отношенію къ ссудо-сберегательнымъ товариществамъ авторъ призналъ болѣе удобнымъ сгруппировать по географическимъ областямъ, распредѣливъ всѣ губерніи, изъ которыхъ введены земскія учрежденія, на 8 группъ въ слѣдующей послѣдовательности: губерніи сѣверо-западнаыя, сѣверныя, сѣверо-восточныя, центральныя промышленныя, центральныя земледѣльческія, восточныя, южныя и малороссійскія. Между тѣмъ, дѣлая общіе выводы земской дѣятельности по устройству сельскаго мелкаго краткосрочнаго кредита, авторъ отмѣчаетъ въ этой дѣятельности три главные періода, при чемъ географическая группировка совершенно исчезаетъ. Поэтому, казалось бы, едва ли была надобность ее создавать. По нашему мнѣнію, было бы удобнѣе для читателя еслибы самое изложеніе дѣятельности земскихъ учреждений въ этомъ отношеніи было расположено также въ хронологическомъ порядкѣ, по тѣмъ же періодамъ, которые отличаются въ заключеніи въ дѣятельности земскихъ учреждений. Авторъ принимаетъ слѣдующіе три періода. Первый—продолжается со времени открытія земскихъ учреждений (въ 1864 году) до образованія комитета ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществъ въ 1871 году. Въ этомъ періодѣ, по замѣчанію автора, мысль о необходимости правильнаго устройства кратковременнаго кредита для крестьянскаго населенія высказывалась весьма рѣдко и выражалась въ немногихъ проектахъ, болшею частью не осуществившихся (стр. 322). Съ учрежденіемъ только что упомянутаго комитета о ссудо-сберегательныхъ товариществахъ, и особенно петербургскаго его отдѣленія, начинается второй, наиболѣе оживленный періодъ земской дѣятельности по устройству народнаго кредита. Въ этотъ періодъ, продолжавшійся до 1883 года, земства способствуютъ учрежденію

ссудныхъ товариществъ, отпускаютъ возникающимъ товариществамъ болѣе или менѣе значительныя суммы для выдачи первоначальныхъ займовъ (авторъ приложилъ въ концѣ своего труда весьма обстоятельный и любопытный сводъ этихъ первоначальныхъ займовъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ), наблюдаютъ за дѣятельностью этихъ товариществъ, распространяютъ о нихъ свѣдѣнія среди населенія, ходатайствуютъ передъ правительствомъ объ измѣненіи тѣхъ или другихъ статей устава и т. д. Результатомъ этой дѣятельности явилось однако разочарованіе и даже недовольство товариществами, отчасти вслѣдствіе неаккуратной уплаты ими выданныхъ пятьдесятъ лѣтъ назадъ первоначальныхъ займовъ. Наступилъ, съ 1888 года, третій періодъ дѣятельности земства — періодъ поисковъ новыхъ формъ народнаго кредита (стр. 332), продолжающійся, конечно, и по настоящее время.

Нельзя не согласиться, что крайне неутѣшительно послѣ двадцатипятилѣтней почти дѣятельности придти къ заключенію, что дѣйствовали не такъ, и что надо отказаться отъ прежняго образа дѣйствій. Пожелаемъ болѣе успѣшной дѣятельности земствамъ въ этомъ отношеніи въ будущемъ и предложимъ имъ съ этою цѣлью поближе ознакомиться съ трудами г. Соколовскаго; это предохранитъ ихъ во многомъ отъ бесплодныхъ попытокъ и нежелательныхъ увлеченій, особенно, если они сдѣлаютъ необходимое, по нашему мнѣнію, заключеніе изъ новаго труда г. Соколовскаго. Въ этихъ видахъ мы позволимъ себѣ, въ заключеніе нашей замѣтки, яснѣе выразить то, что, по нашему мнѣнію, само собою вытекаетъ изъ интереснаго изслѣдованія г. Соколовскаго, но о чемъ онъ самъ однако не упомянулъ.

По положенію о земскихъ учрежденіяхъ 1864 года, устройство какихъ-либо банковъ и тѣмъ болѣе ссудо-сберегательныхъ товариществъ имъ не предоставлено. Во всемъ положеніи ни разу даже не встрѣчаются эти слова. Правда, въ ст. 2 встрѣчается общее выраженіе, что они завѣдуютъ имуществами и капиталами земства, но это, конечно, не даетъ права открывать банки. Только закономъ 17-го мая 1871 года въ первый разъ предоставлено земскимъ собраніямъ, какъ губернскимъ, такъ и уѣзднымъ, учреждать кредитныя установленія для пріема вкладовъ и выдачи краткосрочныхъ ссудъ подъ учетъ векселей и подъ залогъ движимыхъ цѣнностей, при чемъ принимаются въ руководство новѣйшіе уставы акціонерныхъ обществъ и обществъ взаимнаго кредита (но не ссудо-сберегательныхъ товариществъ).

Такимъ образомъ земства, не имѣя по закону права сами учре-

ждать ссудо-сберегательныя товарищества, основанныя на началѣ взаимности, при чемъ всѣ члены связаны взаимною другъ за друга отвѣтственностью (учрежденіе такихъ товариществъ, сходныхъ въ началахъ своихъ съ Рождественскимъ ссуднымъ товариществомъ и Феллинскою сберегательною кассою, предоставлено закономъ городскимъ и сельскимъ обществамъ и частнымъ лицамъ; см. уставъ кредитный, стр. 57, изданіе 1887 г.), могли только, пользуясь правомъ распоряженія своими суммами, помогать деньгами вновь возникавшимъ товариществамъ и распространять свѣдѣнія въ народѣ объ ихъ полезности. Земство это и сдѣлало. Денегъ оно роздало въ долгъ не мало, какъ видно изъ цифръ, приведенныхъ г. Соколовскимъ, и съ трудомъ ихъ получаетъ. Оно пыталось руководить товариществами и организовать правильный контроль надъ ними,— но это не удалось въ виду недостатка или полного отсутствія въ деревняхъ лицъ, способныхъ къ выполненію этихъ обязанностей (стр. 328), а также потому, что земство не имѣетъ на это права. Земства всячески распространяли свѣдѣнія о ссудо-сберегательныхъ товариществахъ, разсылали брошюры о нихъ по волостнымъ правленіямъ, разъясняли пользу товариществъ черезъ своихъ гласныхъ, волостное начальство, духовенство и т. д.; земства обращались даже къ сельскимъ сходамъ съ предложеніями учредить товарищества, объщая при этомъ и ссуду (стр. 326). Словомъ, земства всячески проводили учрежденіе такихъ товариществъ. И что же? По заявленію г. Соколовскаго, сельскіе сходы почти повсюду, гдѣ только дѣлались имъ такія предложенія, отнесли къ нимъ несочувственно (стр. 326), хотя ничѣмъ не мотивировали свое нежеланіе устраивать товарищества. Они не высказывали мотива, но онъ, по нашему мнѣнію, очевиденъ: то было нежеланіе круговой отвѣтственности, безъ которой ссудо-сберегательное товарищество не мыслимо; для сельскихъ сходовъ вполне достаточно круговой отвѣтственности по уплатѣ всякаго рода податей и сборовъ. Но они высказывались въ пользу устройства простыхъ волостныхъ кассъ и сельскихъ банковъ, что совершенно понятно, если припомнить, что товарищества, основанныя на началѣ самостоятельности, не подѣ силу крестьянскому населенію. Казалось бы, что такое заявленіе заслуживаетъ полного вниманія; возможно скорѣйшее осуществленіе его, въ видахъ поддержки сельскаго населенія и освобожденія его отъ зависимости кулаковъ, весьма желательно. Мало того, такія заявленія указываютъ настоящій путь для земской дѣятельности, до сего времени въ сферѣ на-

роднаго кредита пытавшейся учредить то, что населенію нежелательно. Мы думаемъ, что лучше озаботиться дѣйствительнымъ устройствомъ по деревнямъ вспомогательныхъ и сберегательныхъ кассъ, хотя бы по правиламъ 1859 года, нежели, увлекаясь поисками новыхъ формъ народнаго кредита, оставлять сельскія общества безъ всякихъ кредитныхъ учреждений. Лучше что-нибудь, нежели ничего.

Изданный въ 1883 году законъ о порядкѣ учрежденія сельскихъ банковъ и ссудо-сберегательныхъ кассъ опредѣлилъ ясно характеры дѣятельности земскихъ учреждений въ дѣлѣ народнаго кредита.

И. М.

Отвѣтъ на рецензію г. Зѣлинскаго.

Въ ноябрьской книжкѣ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія появилась рецензія на новое (полное) изданіе моихъ „Лекцій по исторіи римской литературы“. Она заняла въ журналѣ четыре печатныхъ листа безъ одной страницы и, вѣроятно, представляетъ собою самую длинную рецензію, какая когда-либо появлялась на страницахъ почтеннаго журнала. Вступать въ какую бы то ни было полемику съ авторомъ ея у меня нѣтъ желанія. Но мнѣ нельзя оставить помянутую рецензію и безъ всякаго отвѣта. Къ этому меня обязываетъ не столько ея чрезчуръ наступательный характеръ, сколько то обстоятельство, что она нашла себѣ мѣсто на страницахъ журнала, къ которому всѣ мы привыкли питать уваженіе.

Но прежде, чѣмъ начать самый отвѣтъ, который долженъ выяснитъ нравственное и ученое значеніе рецензіи, мнѣ необходимо разказать маленькую исторію. Во введеніи къ своему новому изданію „Лекцій“ я счелъ нужнымъ высказать свой взглядъ на практиковавшійся у насъ въ послѣдніе годы характеръ преподаванія классической филологіи и написалъ между прочимъ, основательно или неосновательно, слѣдующія строки: „Во всѣхъ русскихъ университетахъ преподаваніе классической филологіи въ послѣдніе годы все болѣе и болѣе теряетъ научный характеръ и обращается въ преподаваніе школьное, не способное ни возбудить охоты къ занятію въ слушателяхъ, ни быть стимуломъ къ усовершенствованію для преподавателей. Дошло до того, что нѣкоторые преподаватели, забывъ про характеръ университетской науки, умудряются читать по шестнадцати часовъ въ недѣлю: явленіе не бывалое и свидѣтельствующее

о крайнемъ пониженіи уровня университетскаго преподаваніи въ филологіи! (стр. IV). Указывая на чтеніе по шестнадцати часовъ въ недѣлю, я имѣлъ въ виду не кого другаго, какъ г. Зѣлинскаго, читавшаго лекціи въ С.-Петербургскомъ университетѣ сначала въ качествѣ приватъ-доцента, а потомъ въ званіи экстраординарнаго профессора. Намекъ мой былъ понятъ г. Зѣлинскимъ. И вотъ онъ теперь выступилъ съ рецензіей... Какъ же эта рецензія написана?

Она написана въ духѣ, каковаго и нужно было ожидать отъ нея, и, скажу напередъ, написана человѣкомъ, говорящимъ о предметѣ, съ которымъ онъ еще не имѣлъ возможности освоиться или просто ознакомиться, не только во всей его совокупности, но и въ отдѣльных частяхъ, и потому обо всемъ разсуждающимъ вкривь и вкосъ, не имѣющимъ для вѣрной оцѣнки обсуждаемыхъ явленій нужнаго глазомера.

Предварительно замѣтимъ, что рецензія раздѣляется на двѣ части: общую и спеціальную. Въ первой рецензентъ, такъ-сказать, устанавливаетъ свою точку зрѣнія на мою книгу; во второй разбираетъ ее по отдѣльнымъ, имъ самимъ придуманнымъ, рубрикамъ. Въ предисловіи, составляющемъ первую часть рецензіи, дѣлается заявленіе о томъ, что подвергаться разбору будетъ только третій, послѣдній, курсъ моихъ „Лекцій“, а о двухъ предшествующихъ будетъ говорить только изрѣдка. Обѣщанія своего рецензентъ однако не выдерживаетъ и говоритъ о первыхъ двухъ курсахъ не меньше, чѣмъ о послѣднемъ.

Въ началѣ своей статьи рецензентъ разсыпается въ похвалахъ мнѣ всякаго рода: говоритъ о томъ, что „русская публика имѣетъ полное основаніе быть признательною“ мнѣ за мой трудъ, что въ особенности должна быть мнѣ благодарна учащаяся молодежь, что „въ настоящее время всѣмъ, желающимъ ознакомиться съ римской литературой, можно будетъ рекомендовать „Лекціи“ г. Модестова“; говоритъ далѣе о томъ, что читатель найдетъ въ моей книгѣ „богатые матеріалы“, хвалитъ меня за живость изложенія, надѣется, что книга, написанная съ любовью къ предмету, будетъ внушать любовь къ тому же предмету и читателямъ. Въ заключеніе дѣлается слѣдующее изліяніе: „Если это удастся г. Модестову, то будетъ съ его стороны культурной заслугой, передъ которою поблекнутъ научныя заслуги самыхъ ученыхъ монографій по тому же предмету“ (стр. 180).

Но читатель не долженъ сбиваться съ толку этою похвалой. Ее

рецензентъ расточаетъ автору только для того, чтобы придать себѣ видъ безпристрастія и имѣть право относиться къ столь хвалимому имъ труду тѣмъ съ большимъ злоязычіемъ. Первымъ дѣломъ его рецензій было высказать сожалѣніе, что я не исправилъ своей книги въ новыхъ изданіяхъ сообразно съ указаніями прежняго моего рецензента, г. Верта. Точь-въ-точь примѣръ изъ басни Крылова. Пою я, видите ли, и живо, и интересно, и хорошимъ голосомъ, да вотъ жаль, что . . . не хочу сообразоваться съ замѣчаніями человѣка, который, не смотря на свое иностранное происхожденіе и воспитаніе, не смотря на соотвѣтственное тому знаніе русскаго языка, училъ меня, какъ слѣдуетъ переводить съ латинскаго не только прозой, но и стихами, и выражаться по русски. Тотъ фактъ, что я замѣчанія г. Верта всѣ до одного оставилъ совершенно безъ вниманія какъ при выходѣ 2-го, такъ и 3-го изданія перваго курса „Лекцій“ (къ которому они собственно относились), мой новый рецензентъ объясняетъ исключительно моимъ „самолюбіемъ“. Это ошибка. Замѣчанія г. Верта были мною на страницахъ этого журнала разобраны отъ перваго до послѣдняго и опровергнуты также отъ перваго до послѣдняго. Я признаю, что, не смотря на ихъ крайне рѣзкій и придирчивый характеръ, вызванный полемическими цѣлями, они обличали въ авторѣ ихъ несомнѣнно лучшую школу филологическаго образованія, чѣмъ какую обличаютъ полемическія замѣчанія г. Зѣлинскаго, но все-таки мнѣ учиться у г. Верта было нечему, а учиться у него русскому языку было бы даже странно и неразумно.

Но характеръ расточаемыхъ въ началѣ рецензій похвалъ становится еще виднѣе, когда рецензентъ, высказавъ сожалѣніе о томъ, что для меня наставленія г. Верта пропали даромъ, непосредственно затѣмъ приводитъ изъ моего послѣдняго изданія „Лекцій“ четыре опечатки, ничтожныя и легко исправимыя читателемъ опечатки, и совершенно неожиданно ставитъ по этому поводу передъ собою вопросъ, слѣдуетъ ли меня послѣ этого отнести „къ ученымъ, или къ дилетантамъ“? Вопросъ этотъ, не вызванный никакимъ логическимъ мотивомъ, тѣмъ болѣе, что подавшія къ нему поводъ опечатки признаются за таковыя и самимъ рецензентомъ, тотчасъ же и сопровождается отвѣтомъ, къ которому, какъ видно, авторъ рецензій неудержимо стремился съ той минуты, какъ только взялся за перо, и для котораго, не взирая на всю свою неподготовленность, взялся за рецензію.

Г. Зѣлинскій не только объявляетъ мой трудъ произведеніемъ дилетанта, но и сопровождаетъ свое рѣшеніе очень милымъ обраще-

ниемъ ко мнѣ. Онъ говоритъ: „Пусть г. Модестовъ открыто объявить себя дилетантомъ, — тогда критика охотно и съ благодарностью отмѣтитъ всѣ достоинства его труда, а къ недостаткамъ отнесетсянисходительно, какъ неизбѣжнымъ въ сочиненіи дилетанта. Тогда разомъ прекратится для него грустное положеніе человѣка, своими же не признаннаго“ (стр. 197).

Дѣлая ко мнѣ такое обращеніе и высказывая свое внутреннее неудовольствіе на меня въ столь оскорбительныхъ выраженіяхъ, г. Зѣлинскій беретъ на себя, какъ всякій видитъ, слишкомъ много. Онъ словно и не подозреваетъ, что за это минутное удовольствіе ему придется не дешево поплатиться. И въ самомъ дѣлѣ, если я въ своей наукѣ дилетантъ, то кто же онъ, г. Зѣлинскій, не представившій по этой наукѣ ни одного труда и литературнымъ образомъ совершенно къ ней не прикосновенный? Если мой трудъ, о которомъ идетъ рѣчь, главный трудъ моей жизни, потребовавшій отъ меня многолѣтнихъ и напряженныхъ усилій, подготовленный или сопроваждавшійся рядомъ моихъ специальныхъ работъ и поставившій меня лицомъ къ лицу со всей областью филологической науки, есть трудъ дилетанта, то что же слѣдуетъ сказать о трудахъ г. Зѣлинскаго? Развѣ это не школьныя упражненія на заданныя темы? Развѣ это, дѣйствительно, не дѣтскія упражненія какъ по замыслу и выполненію, такъ и по своему ученому значенію? Я всегда такъ о нихъ думалъ и высказывался въ частныхъ разговорахъ, но, конечно, никогда не позволилъ бы себѣ высказать этихъ сужденій публично, еслибы не былъ вызванъ задорною выходкою моего рецензента.

Но если выходка о моемъ дилетантизмѣ груба и задорна, то что сказать о томъ, что г. Зѣлинскій мнѣ приписываетъ „грустное положеніе человѣка, своими же не признаннаго“? По какому праву онъ позволяетъ себѣ дѣлать такое заявленіе? Отъ имени какихъ ученыхъ онъ говоритъ это? Кто это свои, меня не признающіе? Позволю себѣ замѣтить ему, что вѣдь не Бавій и Мевій опредѣлили значеніе *Виргилія*, не *Пантилій*, *Деметрій* и *Тигеллій Гермогенъ*, неотвязчивые порицатели *Горація*, выражали голосъ современниковъ и потомства о поэтическомъ талантѣ *Меценатова друга*, а

Plotius et Varius, Maecenas Virgiliusque. . .

Г. Зѣлинскій затронулъ вопросъ очень щекотливый для того, чтобы мнѣ можно было о немъ распространяться, но все-таки я въ правѣ сказать, что мои ученые труды оцѣнивались много разъ и въ русской, и въ иностранной печати, людьми очень компетентными и

очень извѣстными: Герлахомъ, Клазономъ, Гавэ, Овидію, Г. Гауптомъ, Помаловскимъ, Цвѣтаевымъ, не говоря о многихъ другихъ, и находили себѣ полное признаніе. И кто же говорить о моемъ яко бы грустномъ положеніи человѣка, не признаннаго своими? Говорить человѣкъ, написавшій вѣскольکو ничтожныхъ, никѣмъ не читаемыхъ opuscula, которыя встрѣчены нѣмецкою критикой съ презрительнымъ отрицаніемъ въ нихъ всякаго значенія (достаточно указать на рецензіи Бласа (Blass) въ Deutsche Literaturzeitung 1885, Цахера въ Wochenschrift für klass. Philologie 1886 и Любке въ Berl. Phil. Wochenschrift 1886) и не нашли себѣ ровно никакого признанія въ русской наукѣ.

Свою черезчуръ безцеремонную вылазку противъ меня г. Зѣлинскій старается смягчить столь же безцеремоннымъ заявленіемъ, что онъ присоединяетъ къ дилетантамъ Сентъ-Бѣва, Тэна, Марта, къ которымъ дальше (стр. 215) онъ причисляетъ, называя популяризаторами, также Низара и Гастона Буассье. Такимъ образомъ профессора Сорбонны и Collège de France, учреждений, гдѣ въ теченіе столѣтій находила себѣ пріютъ высшая наука, и члены Академіи надписей, многотомныя изданія которой представляютъ какъ бы живую исторію самой науки, — дилетанты, а люди, написавшіе кое-какъ двѣ сомнительныя диссертациі, — настоящіе ученые? Чтò жь это такое? Куда же дѣвался смыслъ человѣческой?

Душевно сожалѣю, что вызывающій тонъ рецензіи заставилъ меня ввязаться въ крайне непріятную полемику и отвѣчать на колкости, отъ которыхъ я считалъ было себя уже избавленнымъ въ ученыхъ преніяхъ. Но мнѣ предстоитъ еще длинная работа. Всѣ тѣ любезности, какія наговорилъ мнѣ г. Зѣлинскій, составляютъ только прелюдію къ его рецензіи.

Но вотъ начинается самая рецензія. Она заключена въ семи главахъ или рубрикахъ, по выраженію рецензента, и растягута болѣе чѣмъ на три съ половиною печатныхъ листа. Нѣтъ никакой возможности отвѣчать на нее шагъ за шагомъ, какъ я дѣлалъ это въ свое время по отношенію къ рецензіи г. Верта. Для этого потребовалось бы написать не менѣе десяти печатныхъ листовъ. По неволѣ приходится остановиться лишь на выдающихся пунктахъ и на нихъ объяснить въ деталяхъ характеръ пріемовъ рецензента.

Въ первой главѣ говорится о „Характеристикахъ цѣлыхъ періодовъ и отраслей литературы“ въ моемъ сочиненіи. Рецензентъ счи-

таеть нужнымъ заявить, что „характеристики вообще составляютъ сильную сторону“ моего труда; но, желая проявить и на этомъ полѣ свою критическую способность, онъ упрекаетъ меня въ томъ, что я при оцѣнкѣ имперіи не воспользовался новыми трудами, при чемъ указываетъ поименно на два труда, будто бы мнѣ оставшіеся неизвѣстными. Какіе же это неизвѣстные мнѣ труды? Это, видите ли, *Darstellungen aus der Sittengeschichte Roms* Фридендера и 5-й томъ „Римской исторіи“ Моммзена. Что мнѣ сказать на эту выходку? Удовольствуюсь замѣчаніемъ, что о книгѣ Фридендера, которую, благодаря русскому переводу, читала масса образованныхъ людей въ Россіи, я писалъ отчетъ изъ Берлина въ министерство народнаго просвѣщенія (онъ напечатанъ), какъ только вышелъ первый томъ ея (1862 г.), и затѣмъ указывалъ на нее постоянно въ своихъ статьяхъ и сочиненіяхъ, когда только говорилъ о римской исторіи. Что же касается до 5-го тома „Исторіи“ Моммзена, то я посвятилъ ей двѣ рецензіи тотчасъ по его выходѣ (одну въ *Новостяхъ*, а другую въ *Нови*). Сочиненіе Фридендера указывается мною въ „Лекціяхъ“ (стр. 565), какъ книга, которой принадлежитъ „первое мѣсто“ между сочиненіями, рекомендуемыми мною для знакомства съ эпохой, при чемъ упоминается и о русскомъ переводѣ сочиненія. На 5-й томъ „Римской исторіи“ Моммзена я не указываю потому, что онъ, говоря исключительно о провинціяхъ, не имѣетъ прямого отношенія къ политическимъ и общественнымъ условіямъ, подъ влияніемъ которыхъ развивалась литература I столѣтія нашей эры, служащая предметомъ моего 3-го курса „Лекцій“. Г. Зѣлинскій съ упрекомъ указываетъ на то, что я не рекомендую еще исторіи имперіи, написанной Шиллеромъ. Но цитата, которую онъ дѣлаетъ изъ моей книги по поводу моей оцѣнки спеціального сочиненія этого историка-имперіалиста о Неронѣ, полагаю, достаточно объясняетъ, почему я въ числѣ другихъ общихъ сочиненій не счелъ нужнымъ рекомендовать г. Шиллера. Для пущей важности г. Зѣлинскій называетъ его *Geschichte der römischen Kaiserzeit* почему-то „единственною научною исторіей“. Но онъ ошибается. Трудъ Шиллера вызываетъ очень много возраженій и вообще заставляетъ желать очень многого и въ изложеніи фактовъ, и въ сужденіяхъ. Одно уже его сужденіе о Тацитѣ, который, по его мнѣнію, *durcharaus parteilich geschrieben, wenn auch nicht absichtlich die Wahrheit gefälscht hat*, показываетъ, въ чемъ должна была проявиться научность взглядовъ этого очень посредственнаго историка.

Дальше мы увидимъ, что важнѣйшимъ критеріемъ научности у г. Зѣлинскаго служить время выхода книги, такъ что болѣе поздняя книга или изданіе автора у него обыкновенно являются и болѣе авторитетными.

Вторая глава, носящая заглавіе „Характеристика отдѣльныхъ писателей“, начинается также похвалой мнѣ, и похвалой немалою. „Рубрика эта“, пишетъ мой рецензентъ, — „несомнѣнно лучшая изъ семи. Говоря подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ прочитанныхъ имъ произведеній автора, г. Модестовъ даетъ намъ новое изображеніе его личности, его особенностей, какъ человѣка и писателя“ и т. д. Въ дальнѣйшихъ строкахъ этой главы не мало пустословія, но сколько-нибудь рѣзкихъ выходовъ рецензентъ, противъ своего обыкновенія, здѣсь не дѣлаетъ, хотя и считаетъ себя въ правѣ давать мнѣ совѣтъ относительно соблюденія сдержанности въ отзывахъ о Моммзенѣ. Этимъ онъ хочетъ сказать, что у меня нѣтъ достаточно сдержанности въ заявленіяхъ объ ученомъ, къ которому и всегда относился съ любовью и полнымъ уваженіемъ, хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ довольно рѣзко расходился съ нимъ въ мнѣніяхъ.

Въ 3-й главѣ — „Пересказъ содержанія отдѣльныхъ сочиненій и переводъ выдержекъ изъ нихъ“ — рецензентъ тоже не прочь высказать мнѣ въ общемъ одобреніе, что доказывается слѣдующею фразой: „Что касается вѣрности передачи содержанія, то она почти во всѣхъ случаяхъ удовлетворительна“ (стр. 205). Но за то въ этой главѣ онъ дѣлаетъ много частныхъ возраженій, болѣею частью лишенныхъ значенія, но вообще очень придирчивыхъ, и если кое-гдѣ удачныхъ, то нерѣдко грубо ошибочныхъ. Особенно обращаетъ на себя вниманіе придирчивость къ размѣрной правильности моихъ стиховъ, въ какихъ я часто передавалъ стихи подлинника. Такъ, онъ находитъ, что у меня „очень часто (?) естественное удареніе прямо противорѣчитъ размѣру стиха“, и приводитъ въ доказательство четыре гекзаметра, изъ которыхъ однако ни одинъ не подтверждаетъ его обвиненія. Вотъ эти стихи:

Какъ это ваши умы, что до сихъ поръ такъ вѣрно умѣли

(изъ Эннія)

Но сладко намъ созывать, что мы сами избѣгли тѣхъ бѣдствій

(изъ Лукреція)

Вотъ и тебя за Виргиліемъ вслѣдъ, Тибулль, несправедливо

(изъ Домитія Марса)

Родъ свой отъ древнихъ вести и на видъ выставлять лица предковъ

(изъ Ювенала)

Спрашиваю: гдѣ же въ этихъ гекзаметрахъ чувствуется насиліе естественному ударенію?

Здѣсь проявляется у рецензента излишняя придирчивость, соединенная съ недостаточнымъ знаніемъ русскаго языка. Но гораздо хуже и непростительнѣе то коварство, съ какимъ онъ во многихъ мѣстахъ мой пересказъ содержанія какъ бы неумышленно выдаетъ за переводъ и, подставивъ къ какому-нибудь слову пересказа текстъ подлинника, находитъ неточность перевода. Но за то г. Зѣлинскій тутъ попадаетъ по временамъ въ непріятнѣйшій для себя просакъ. Такъ, подставивъ къ одному изъ моихъ выраженій въ передачѣ содержанія извѣстной сатиры на Клавдія, приписываемой Сенекѣ, *postulat advocatationem*, что соотвѣтствуетъ моему выраженію требуетъ отсрочки (судебной), онъ вдругъ восклицаетъ: „Съ какихъ поръ *advocatio* значитъ отсрочка?“ Да съ тѣхъ самыхъ поръ, отвѣчу я, съ какихъ образовался въ Римѣ юридическій языкъ. Г. Зѣлинскому не извѣстно, что значитъ *postulare advocatationem*, и онъ говоритъ въ объясненіи этихъ словъ такія вещи, въ которыхъ нѣтъ ровно никакого смысла, между тѣмъ *postulare* или *petere advocatationem* значитъ именно требовать (судебной) отсрочки, что дѣлалось обыкновенно отвѣтчикомъ или его адвокатомъ, въ видахъ совѣщанія съ друзьями и юристами. Г. Зѣлинскому не зачѣмъ было даже ходить за справками къ юристамъ, а стоило только обратиться къ хорошему словарю. Приведу ему въ поученіе кое-что изъ Форчеллини. *Advocatio . . . item pro mora et dilatione iudicii. Nam qui parum instructi sibi videntur ad respondendum, advocatationem, i. e. advocandi amicos jus petere a iudice solent spatiumque consulendi.* Слѣдуютъ примѣры. Такъ, *Sen. praef. 3 excerpt. Controv. pr. fin. Tanta illi perturbatio fuit, ut advocatationem peteret. Cic. ad fam. VII, 11: Ego omnibus, unde petitur, hoc consilii dederim, ut a singulis interregibus binas advocatationes postulent, h. e. (замѣчаетъ Форчеллини) binas dilaciones, и т. д.* Мало того, изъ этого юридическаго значенія слова *advocatio* получило и вообще значеніе отсрочки. *Hinc (говорится далѣе у Форчеллини) translate pro quacumque mora sumitur.* Такъ, у Сенеки въ *Consol. ad Marc. 10: Nimis magnam advocatationem dedi: festinandum est.*

Итакъ, не хорошо выставлять пересказъ своими словами за переводъ, но еще хуже обращаться съ рѣзкими выходками тамъ, гдѣ и для не рѣзкихъ выходокъ нѣтъ никакого основанія. Это замѣчаніе имѣетъ силу и по отношенію къ другимъ возраженіямъ въ этой главѣ;

но останавливаться на нихъ было бы слишкомъ долго и по крайней незначительности самихъ возраженій не стоить.

Главу 4-ю своей рецензіи, озаглавленную „Біографіи писателей“, г. Зѣлинскій начинаетъ такъ: „До сихъ поръ намъ ни разу не пришлось поставить вопросъ объ источникахъ, которыми пользовался г. Модестовъ. Это дѣйствительно представлялось излишнимъ: ясно было, что этими источниками были именно сочиненія древнихъ авторовъ, о которыхъ онъ писалъ“. Прошу читателя замѣтить это заявленіе рецензента: оно намъ можетъ пригодиться.

Вслѣдъ за этимъ, сдѣлавъ заявленіе, что изученія сочиненій самаго древняго писателя мало для того, чтобы написать его біографію, а требуется еще и многое другое, о чемъ мой рецензентъ разсуждаетъ столь же пространно, какъ и пустословно, онъ переходитъ къ вопросу о томъ, какими новыми пособіями (по его терминологіи: источниками) я пользовался для этой цѣли, и находить, что я больше всего обязанъ Бэру, затѣмъ Тейфелю, но не въ томъ-де его изданіи, которое предпочитаетъ самъ г. Зѣлинскій, и которое однако не принадлежитъ Тейфелю. При этомъ мой великодушный рецензентъ признаетъ, что я „большое количество мѣстъ изъ древнихъ авторовъ, на которыя ссылается Бэръ въ своихъ примѣчаніяхъ, прочелъ самъ въ подлинникѣ и внесъ найденныя въ нихъ подробности въ свой текстъ“. Далѣе повѣствуется, что я пользовался и специальными трудами о томъ или другомъ писателѣ, введеніями къ ихъ ученымъ изданіямъ и сочиненіями, какъ онъ выражается, „французскихъ популяризаторовъ“, какъ-то: Низара, Буассье, Марта и др. Къ этому рецензентъ прибавляетъ слѣдующее: „Что касается такъ-называемой текущей литературы, то я, разумѣется, не могу утверждать, чтобы г. Модестовъ не читалъ ея, но во всякомъ случаѣ видимаго вліянія на его изложеніе она не оказала“ (стр. 215). Затѣмъ раздаются обычныя въ этой рецензіи похвалы и порицанія, а въ заключеніе, дѣлаются возраженія, но большею частью такія мелочныя и придиричвыя и въ то же время такъ мало основательныя, что нѣтъ нужды отвѣчать на нихъ, еслибъ и была охота: всякій и безъ моего разъясненія можетъ видѣть, что эти возраженія сдѣланы лишь для увеличенія рецензіи. Я считаю нужнымъ только поправить или дополнить разсужденіе рецензента о пособіяхъ, которыми я пользовался какъ при составленіи біографій, такъ и вообще въ продолженіе своего труда.

Я пользовался всѣмъ, что наука съ эпохи возрожденія пред-

ставляла выдающагося въ томъ или другомъ отношеніи, для чего Кіевская університетская бібліотека, при помощи которой я главнымъ образомъ выработалъ свои курсы, давала мнѣ богатые средства. Въ этому я могу прибавить: все, что только появлялось въ наукѣ стоящаго вниманія на всѣхъ главныхъ языкахъ Европы, мною тотчасъ же въ эту бібліотеку или въ мою частную выписывалось. Конечно, силы человѣка ограниченны, и я, при всей напряженности труда, о которомъ г. Зѣлинскій, читающій лекціи съ утра до вечера, не имѣетъ понятія, не могъ сдѣлать всего, что слѣдовало. Что же касается предшествовавшихъ мнѣ исторій литературы, то рецензентъ дѣлаетъ большую ошибку, начиная ихъ съ Бэра. Подъ моими глазами не рѣже, чѣмъ Бэръ, находилась *Bibliotheca Latina* Фабриція, служившая для самого Бэра капитальнымъ пособіемъ, и многое, что рецензентъ считаетъ заимствованнымъ мною изъ Бэра, заимствовано нами изъ того или другаго общаго источника. Поэтому то, что г. Зѣлинскій говоритъ о моей зависимости отъ Бэра, есть явное заблужденіе, въ значительной степени умышленное. Бэръ, какъ и Тейфель, какъ и Бернгарди, разумѣется, служили для меня большимъ облегченіемъ въ работѣ своими указаніями на прежніе труды и вообще на научный матеріалъ,—иначе и быть не могло, да и не должно было быть; но что моя исторія литературы есть такой же самостоятельный трудъ; каковы труды моихъ славныхъ предшественниковъ, трудъ, написанный по особому плану, обладающій особымъ характеромъ расположенія, обработки научнаго матеріала и изложенія и независимый по своимъ воззрѣніямъ какъ на дѣло вообще, такъ и на массу частныхъ вопросовъ науки, это знаетъ всякій, кто читалъ его или писалъ о немъ, вплоть до рецензіи Г. Гаупта, помѣщенной въ *Berl. Philologische Wochenschrift* 26-го октября 1889 г. Да это невольно призналъ и самъ рецензентъ, только что заявившій, что источниками моими были по преимуществу сочиненія древнихъ авторовъ. Но по этому вопросу намъ еще придется объясняться съ рецензентомъ.

Слѣдуетъ глава 5-я—„Ученныя свѣдѣнія объ отдѣльныхъ сочиненіяхъ“. Въ этой и въ двухъ слѣдующихъ главахъ г. Зѣлинскій сгруппировалъ наиболѣе, какъ онъ думаетъ, сильные обвинительные пункты противъ моей книги. Въ чемъ же онъ меня тутъ обвиняетъ? Вотъ въ чемъ: „Г. Модестовъ отличается полнымъ равнодушіемъ къ тому, что волнуетъ новѣйшую науку. Напрасно мы стали бы искать у него намековъ на вопросы, которые были предметомъ оживленнаго

обсужденія со стороны ученыхъ и спора между ними за послѣднее двадцатилѣтіе“ (стр. 222).

Если мой рецензентъ говорить правду, то дѣйствительно взводить на меня очень сильное обвиненіе. Но ничего болѣе недобросовѣстнаго и болѣе вызывающаго по отношенію ко мнѣ г. Зѣлинскій не высказалъ. Онъ, который знаетъ о движеніи науки, составляющей мою спеціальность, главнымъ образомъ только то, что вычиталъ въ нѣмецкихъ предисловіяхъ къ Schulausgaben латинскихъ авторовъ, считаетъ себя въ правѣ обвинять меня въ томъ, будто я не слѣдилъ за наукой въ теченіе двадцатилѣтія! Возможно ли, мыслимо ли даже преступленіе, мнѣ навязываемое при моихъ немалочисленныхъ работахъ, которыя въ послѣднія двадцать лѣтъ мною сдѣланы и изданы? Онъ объ этомъ не подумалъ, какъ не подумалъ и о томъ, что увѣрять, будто мое послѣднее изданіе „Лекцій“ есть простая, „дословная“, по его выраженію, перепечатка прежнихъ изданій, значитъ рисковать быть удиченнымъ въ явной клеветѣ. Въ предисловіи къ своей книгѣ я, правда, заявилъ, что сущность содержанія, какъ и сущность моихъ личныхъ взглядовъ, остались въ этой книгѣ неизмѣнными. Но какъ же можетъ быть иначе? Вѣдь всякій знаетъ, что сущность науки не можетъ измѣниться не только въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, но даже и въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, какъ всякій, работавшій своимъ умомъ, ученый знаетъ и то, что сущность личныхъ взглядовъ, выработанная многолѣтнимъ трудомъ и долгимъ размышленіемъ, у людей науки остается также неизмѣнною. Г. Зѣлинскій, который наукой занимался еще мало, а своимъ умомъ работалъ еще меньше, думаетъ, что новая статья въ журналѣ или введеніе къ новому изданію автора должны непременно передѣлывать и взглядъ автора на исторію литературы. По отношенію къ самому г. Зѣлинскому, который еще никакихъ прочныхъ взглядовъ не имѣетъ, такая теорія, можетъ быть, вполне приложима, но по отношенію ко мнѣ она нелѣпа. А между тѣмъ на основаніи этой-то, по истинѣ нелѣпой, теоріи мой рецензентъ и построилъ свое обвиненіе, будто я отношусь съ полнымъ равнодушіемъ къ движенію науки. Нѣтъ, я не только слѣдилъ за этимъ движеніемъ (какъ ни были неблагоприятны для этого мои обстоятельства въ послѣднее десятилѣтіе), но и отмѣчалъ все, что мало-мальски обращало на себя вниманіе или готовило почву къ дальнѣйшему движенію вопроса. Новые успѣхи италійской діалектологіи, открытіе новыхъ надписей древнѣйшаго періода латинской письменности и усилія къ лучшему

пониманію древнихъ памятниковъ латинскаго языка, начиная съ гимна Братъевъ Арвальскихъ, всѣ, обращающія на себя вниманіе попытки къ обновленію текста латинскихъ поэтовъ до-цицероновскаго времени, новые отрывки Исторій Саллустія, найденныя въ Орлеанскомъ палимпсестѣ въ 1886 г. и изданныя въ 1887, эти и подобныя вопросы, волновавшіе науку съ 1876 года, когда вышло второе изданіе 1-го курса „Лекцій“, по 1888 г., когда вышло послѣднее изданіе, мною отмѣчены и, на сколько нужно, вошли въ самый текстъ моего изложенія. Я не говорю уже о томъ, что всякая новая книга, всякое новое изданіе, представляющія собою движеніе въ научномъ вопросѣ, подлежащемъ вѣдѣнію исторіи римской литературы, мною указаны. То же, что не указано, за исключеніемъ немногихъ случаевъ, таково, что могло быть пропущено безъ всякаго ущерба для дѣла. Нерѣдко случалось даже, что новая книга, нарочно мною выписанная для своей бібліотеки, какъ интересная по заглавію или по указанію критики, но на самомъ дѣлѣ оказавшаяся маловажною, не была мною отмѣчаема. Но простаго взгляда на бібліографію моего труда достаточно для того, чтобы видѣть, что ученая литература въ надлежащихъ мѣстахъ указана мною до послѣдняго дня. Трудъ мой вышелъ весной 1888 года, а у меня указаны книги и журнальныя статьи, появившіяся въ свѣтъ не только въ концѣ 1887 г., но и въ первые мѣсяцы 1888 г. (см. примѣръ, стр. 387, 728, 739, 743). Г. Зѣлинскій нашелъ заявленіе моего предисловія объ обновленіи книги слишкомъ скромнымъ. Я и не хотѣлъ себя приписывать большаго, чѣмъ сколько далъ; но того, что я далъ, отнимать у меня не слѣдуетъ. Между тѣмъ какъ поступаетъ мой рецензентъ? Онъ заявляетъ буквально слѣдующее: „По какому бы вопросу мы ни справлялись въ книгѣ г. Модестова, мы можемъ быть заранѣе увѣрены, что ничего въ ней не найдемъ“. Что это такое — насмѣшка надъ читателемъ, голосъ безсильной злобы, или упомощеніе?

Выходки, какова только что указанная, лишаютъ рецензію г. Зѣлинскаго всякой серьезности, такъ что отвѣчать на нее становится уже ниже достоинства автора.

Въ главѣ, о которой идетъ рѣчь, есть нѣсколько частныхъ возраженій и замѣчаній. Эти возраженія и замѣчанія, какъ и тѣ, что дѣлались раньше, до того ничтожны по своему содержанію, такъ пусты, мелочны и придирчивы, что отвѣчать на нихъ я не сталъ бы и тогда, еслибъ они и не были уснащены по мѣстамъ самыми раз-

вязными колкостями. Г. Зѣлинскій можетъ быть увѣренъ, что еслибъ я хоть завтра приступилъ къ новому изданію своихъ „Лекцій“, то изъ всей его рецензіи я не могъ бы воспользоваться и тремя словами для исправленія своей книги. Онъ приписалъ бы это, вѣроятно, моему самолюбію. На самомъ дѣлѣ это было бы просто уваженіе къ достоинству науки и къ человѣческому смыслу.

Самое несносное въ полемикѣ моего рецензента — то, что онъ постоянно говоритъ о вещахъ, которыхъ не знаетъ, или знаетъ о нихъ лишь кое-что, знаетъ случайно, безъ связи съ историческимъ развитіемъ вопроса, знаетъ зачастую лишь изъ какой-нибудь ссылки, встрѣтившейся ему при его поискахъ за возраженіями. Такова, на примѣръ, его защита правописанія Вергилій вмѣсто Виргилій, которое я защищаю. Для него Вергилій хорошъ только потому, что у нѣмцевъ въ послѣднюю четверть столѣтія вошло въ большую моду писать *Vergilius*. Нѣмецкая мода, нѣмецкая манера—это для него законъ и пророки. Если такъ у большинства нѣмецкихъ филологовъ, то значить, и разсуждать нечего, и этого уже предостаточно, чтобъ имѣть право бросать оскорбленіями въ людей, которые имѣютъ свой взглядъ на дѣло и твердо стоятъ на немъ потому, что изучали его во всѣхъ подробностяхъ. Вопросъ о правописаніи имени творца Энеиды выросъ на моихъ глазахъ. Онъ былъ поднятъ въ 1861 году на франкфуртскомъ филологическомъ съѣздѣ, но получилъ особенное развитіе, когда въ дѣло вмѣшались Ричль въ *Rhein. Mus.* 1867 г. и Корсенъ въ 1-мъ томѣ, 2-го изданія, своего громаднаго труда: *Ueber Aussprache, Vocalismus und Betonung der lat. Sprache* (Лейпцигъ, 1868). И тотъ, и другой стали на сторону *Vergilius*, хотя Ричль совсѣмъ не одобрялъ (въ той же самой статьѣ) тѣхъ, которые и по нѣмецки вздумали писать *Vergil*. Съ тѣхъ поръ правописаніе *Vergilius* въ Германіи одержало рѣшительную побѣду. А извѣстно, что для нашихъ филологовъ германскія нововведенія равняются предписанію начальства. Я возсталъ противъ внесенія къ намъ латинской формы—*Vergilius* и тѣмъ паче противъ русской—Виргилій. *Victrix causa diis placuit, sed victa Catoni*. Въ своемъ предисловіи къ 1-курсу „Лекцій“ перваго изданія (1873) я изложилъ положеніе вопроса и, приведши доказательства въ защиту латинской формы *Virgilius* (важную греческую надпись, правописаніе грамматика Присциана, въ высшей степени авторитетное мнѣніе Шухардта и пр.), требовалъ удержанія по крайней мѣрѣ въ русскомъ языкѣ традиціонной формы Виргилій. Затѣмъ въ предисловіи ко

2-му курсу „Лекцій“ (1875) я поднялъ этотъ вопросъ снова и, приведши въ дополненіе къ прежнимъ доказательствамъ новыя соображенія, просилъ нашихъ учителей о сохраненіи Виргилія. Не оставилъ я этотъ вопросъ безъ вниманія и въ новомъ изданіи „Лекцій“. Я представилъ, такимъ образомъ, несомнѣнныя доказательства, что этотъ вопросъ мной изученъ и мнѣ близокъ. А чтò знаетъ о немъ г. Зѣлинскій? Онъ знаетъ только то, что большинство нѣмецкихъ филологовъ пишетъ теперь Vergilius и Vergil, и что имъ слѣдуютъ одинъ французъ, одинъ италіанецъ, два англичанина и два чеха. Онъ знаетъ еще — и это уже верхъ его премудрости въ данномъ вопросѣ—примѣчаніе Тейфеля въ параграфѣ 224,2 его Исторіи римской литературы, гдѣ между прочимъ сказано: „das früheste datirbare Beispiel für Virg. ist aus S. V n. Chr.“. И этихъ-то поверхностныхъ и жалкихъ знаній для него достаточно, чтобы грубо наброситься на мнѣніе человѣка, который изучалъ вопросъ въ его основаніи и болѣе двадцати-пяти лѣтъ слѣдитъ за его движеніемъ.

Послѣ подобныхъ, ничего не стоящихъ возраженій, мой рецензентъ приходитъ къ такому заключенію: „эта рубрика (то-есть, ученныя свѣдѣнія объ отдѣльныхъ сочиненіяхъ) самая неудовлетворительная до сихъ поръ“. Хороша критика, но хороша и логика!

Новая глава (6-я): „Критика текста“. Критикой текста въ исторіяхъ литературы, какъ извѣстно, не занимаются, но тамъ указываются важнѣйшія рукописи, въ которыхъ текстъ того или другаго писателя дошелъ, и важнѣйшія изданія, въ которыхъ онъ печатался. Въ моей книгѣ обыкновенно указывается то и другое. Что касается печатныхъ изданій, то, имѣя въ виду указать своимъ слушателямъ на исторію текста древняго автора, я обыкновенно начиналъ съ editio princeps, то-есть, съ перваго по времени изданія, а затѣмъ указывалъ на тѣ изъ послѣдующихъ изданій, которыя въ исторіи текста или въ объясненіи автора представляли новую ступень, и доводилъ этотъ перечень до послѣдняго критическаго изданія. Рядомъ съ этимъ я обращалъ вниманіе на изданія, богатые комментаріями, какъ старинныя, такъ и новыя, и для чисто практическихъ цѣлей студентовъ указывалъ имъ также на лучшія школьныя изданія нѣмецкія, французскія, англійскія и даже русскія, если таковыя по какому-нибудь автору имѣются и не очень плохи. Чтò же дѣлаетъ г. Зѣлинскій? Онъ безъ всякой церемоніи заявляетъ, что мои обзорныя критическихъ изданій перешли въ новое изданіе „Лекцій“ „безъ всякихъ измѣненій“. Я приглашаю читателя только заглянуть въ мою часть столхvii, отд. 2.

книгу, чтобъ увидѣть, какая масса указывается въ ней новѣйшихъ изданій, и именно изданій восьмидесятихъ годовъ вплоть до 1888 (времени выхода „Лекцій“), тогда какъ предшествовавшее изданіе 1-го курса „Лекцій“ относится къ 1876, а 2-го—къ 1875 г. Рѣшительно не понимаю, къ чему г. Зѣлинскому требовалось такое отважное извращеніе истины, и это тѣмъ не понятнѣе, что читатель, къ которому обращена рецензія, имѣетъ возможность каждую минуту убѣдиться, что онъ имѣетъ дѣло съ явною и систематическою клеветой на автора. Всѣ детальныя разсужденія рецензента, искавшаго возможности придраться къ какому-нибудь библиографическому пропуску въ моей книгѣ, оставляю безъ вниманія. Не было бы ничего страннаго въ томъ, еслибъ я въ книгѣ, гдѣ библиографическія указанія считаются многими сотнями, пропустилъ указаніе на какую-либо рукопись или печатное изданіе, на которыя, быть можетъ, лучше было бы указать, чѣмъ не указать; но полагаю, что и того, что мною указано, болѣе, чѣмъ достаточно. Не нужно забывать, что книга моя—не монографія, а исторія всей римской литературы. Помѣщать же въ нее свѣдѣнія, какія г. Зѣлинскій въ данномъ случаѣ беретъ на прокатъ изъ предисловія къ изданіямъ отдѣльныхъ авторовъ, было бы не только неумѣстнымъ, но и чудовищнымъ дѣломъ.

Я подошелъ, наконецъ, къ послѣдней главѣ рецензіи, носящей названіе: „Библиографія“. Опять, значитъ, рѣчь о библиографіи. На пустословіе, которымъ наполнена эта глава, я уже отчасти отвѣтилъ въ разныхъ мѣстахъ своего отвѣта. Г. Зѣлинскій старается увѣрить своихъ читателей, что значительная часть или, какъ онъ выражается, отъ трети до половины сообщаемыхъ мною библиографическихъ данныхъ заимствованы мною изъ Бэра. Я уже говорилъ о своемъ отношеніи къ моимъ предшественникамъ по исторіи римской литературы и заявлялъ, что Бэръ, Тейфель и Бернгарди, равно какъ Фабрицій, ихъ общій источникъ, дали мнѣ не мало библиографическихъ указаній, но говорить, что Бэръ оказалъ мнѣ больше услугъ, чѣмъ, напримѣръ, Тейфель, значитъ говорить, что вздумается. Несомнѣнно однако то, что огромная часть моей библиографіи добыта мною самимъ черезъ непосредственное знакомство съ книгами, диссертаціями и статьями въ спеціальныхъ журналахъ нѣмецкихъ, французскихъ, италіанскихъ и англійскихъ (отчасти и американскихъ). Этого непосредственнаго знакомства съ ученою литературой, вполне осязательнаго для каждаго, знакомаго съ моимъ трудомъ, не отвергаетъ и самъ рецензентъ; но ему хочется увѣрить своихъ читателей, что я гораздо больше знакомъ со старыми книгами, чѣмъ съ новыми.

„Гораздо лучше известны ему“, говоритъ онъ, — „старыя изданія авторовъ, словарь *Vaullus*'а (онъ такъ называетъ знаменитый *Dictionnaire historique et critique* знаменитаго скептика Бэля—*Bayle*!) и т. п. Вотъ почему отъ его разсужденій такъ отзывается стариной; новыхъ вопросовъ онъ совсѣмъ не касается; старыя, давно рѣшенныя, обсуждаетъ вновь; въ такихъ пунктахъ, по которымъ существуютъ новыя изслѣдованія, ссылается на ученыхъ XVII и XVIII вѣковъ и даже на гуманистовъ и т. д.“ (стр. 254).

Мѣсто это очень характеристично. Оно превосходно раскрываетъ, съ какого рода ученымъ я имѣю дѣло. Г. Зѣлинскій полагаетъ, что если существуютъ новыя изслѣдованія, то на старыя можно махнуть рукой. Нечего сказать, хороша была бы моя исторія римской литературы, еслибъ я держался такой, по истинѣ ребяческой, теоріи! А что такое новое изслѣдованіе безъ старыхъ? Тому, кто наукой занимался серьезно, хорошо известно, что въ массѣ случаевъ новыя изслѣдованія суть только пережевыванія старыхъ, но съ тою разницею, что старыя написаны съ большимъ умомъ и съ самымъ сочнымъ знаніемъ, а въ новыхъ мы зачастую встрѣчаемъ умъ мелкій и ограниченный, знаніе сухое и, въ добавокъ, поверхностное. Вотъ тотъ самый Бэль, котораго г. Зѣлинскій называетъ *Vaullus*, представляетъ такую сокровищницу знаній, изъ которой сотни гелертеровъ черпали полными горстями и черпаютъ до сихъ поръ, не считая только нужнымъ упоминать этого. Въ моихъ правилахъ—поступать иначе, и потому я его упоминаю. Г. Зѣлинскій сослался бы, конечно, на того, кто обобралъ Бэля, Сомэва, Казобона, Липсіа и т. д., да и назвалъ бы, пожалуй еще, трудъ его капитальнымъ; я же считаю дѣломъ добросовѣстнаго ученаго указывать на источники, а не на плагиатора. Да кромѣ того, какъ профессоръ, я долженъ былъ знакомить своихъ слушателей съ историческимъ развитіемъ научныхъ вопросовъ, а не набивать имъ головы вымыслами такихъ филологовъ, сочиненія которыхъ, не смотря на ихъ новизну, не даютъ ничего, кромѣ убѣжденія въ томъ, что филологическая наука уже пережила свои лучшія времена и съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе впадаетъ въ александринизмъ, подрывающій вѣру въ ея дальнѣйшую жизненность. Въ наукѣ надо умѣть отдавать каждому свое. А кто въ нашей наукѣ заслуживаетъ большей чести, чѣмъ великіе филологи XVI и XVII столѣтій, эти Скалигеры, Сомэвы, Казобоны, передъ которыми преклонялись Нибуры и Вольфы, но которыхъ не хотять знать нынѣшніе брѣзописцы?

Но это все-таки грубая несправедливость приписывать мнѣ знакомство только съ старинною литературой. Мнѣ нѣтъ нужды

увѣрять знакомаго съ моею книгой читателя, что масса моихъ библиографическихъ указаній очень велика, и эти указанія, очень часто сопровождаемыя оцѣнкой трудовъ и нерѣдко выписками относящихся къ дѣлу мѣстъ, доходятъ по своей новизнѣ дѣйствительно до послѣдняго дня. Да и самъ г. Зѣлинскій, забывъ о томъ, что не разъ отрицалъ существованіе въ моей книгѣ новѣйшей литературы, вдругъ замѣчаетъ: „Около половины всѣхъ ссылокъ состоитъ изъ голыхъ заглавій книгъ и статей семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ, всегда съ обозначеніемъ года и мѣста ихъ изданія, какъ замѣчаетъ самъ авторъ въ предисловіи (стр. II), изрѣдка съ прибавленіемъ epitheton ornans въ родѣ солидный трудъ, превосходное изданіе и т. п.“. Такимъ образомъ выходитъ, наконецъ, и по признанію самого рецензента, что въ моей книгѣ указывается огромная ученая литература семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ (читатель помнитъ, что г. Зѣлинскій отрицалъ у меня всякій намекъ на движеніе науки за послѣднее двадцатилѣтіе). Но теперь ему хочется выставить дѣло такъ, что я здѣсь указываю книги, которыхъ не видалъ. Доказательства, которыя мой рецензентъ приводитъ въ подтвержденіе своей клеветы, до того сумбурны, что неприлично на нихъ и останавливаться. Сюда у него идетъ и то, если я, указавъ отдѣльныя статьи ученаго, указываю затѣмъ и сборникъ, въ который онѣ вошли; сюда идетъ и то, если у меня въ новомъ изданіи опечатка противъ прежняго изданія, и то, если указываемая статья или книга противорѣчатъ тѣмъ взглядамъ о предметѣ, которыхъ я держусь лично (значить, я долженъ былъ скрывать книги съ противоположными мнѣ взглядами?), и то, если я, указавъ важное сочиненіе, не указываю другихъ, за нимъ слѣдовавшихъ, о которыхъ моему рецензенту удалось получить свѣдѣніе изъ Jahresbericht, какъ онъ самъ объ этомъ заявляетъ, и еще что-то, чего я и понять не могу, какъ аргумента противъ меня, а не противъ самого рецензента. Впрочемъ, о своемъ отношеніи къ библиографіи послѣднихъ лѣтъ я высказался въ предисловіи къ своей книгѣ до того ясно и категорично, что если веду теперь рѣчь объ этомъ предметѣ, то только благодаря неукротимому задору моего рецензента.

Въ заключеніе рецензентъ даетъ мнѣ совѣтъ, какой отдѣлъ въ своей книгѣ, при слѣдующемъ изданіи, я долженъ оставить неприкосновеннымъ, какой подвергнуть исправленію, какой сократить и какой, наконецъ, совсѣмъ выпустить.

Давать совѣты, когда ихъ не просятъ, вообще есть дѣло дурнаго тона, но обыкновенно считается верхомъ неприличія, когда навязы-

вается съ своими совѣтами тотъ, кто давать ихъ не имѣетъ права. Я, хотя и гораздо старше г. Зѣлинскаго и гораздо больше его работалъ, ни за что не сталъ бы обращаться къ нему съ совѣтами. А еслибъ онъ обратился ко мнѣ за ними, то я посовѣтывалъ бы ему недурныя вещи. Я посовѣтывалъ бы прежде всего имѣть побольше скромности, которая обязательна для всякаго ученаго, а для начинающаго тѣмъ паче; я посовѣтывалъ бы ему прежде, чѣмъ выступать съ полемикой противъ другихъ, поработать, побольше освоиться съ наукой, ближе узнать ея прошлое, отъ котораго до насъ дошло столько первоклассныхъ сочиненій, такихъ сочиненій, гдѣ несравненно шире кругозоръ, глубже взглядъ, непосредственнѣе знаніе, выработанныѣе и яснѣе языкъ, чѣмъ въ массѣ филологическихъ сочиненій нашего времени. Я посовѣтывалъ бы ему, далѣе, не считать учеными только такія книги, которыя написаны сухо и трудно читаются, и не относиться ко всякой ясно и хорошимъ языкомъ написанной книгѣ, какъ въ книгѣ, написанной дилетантомъ или популяризаторомъ. Ученые, какъ Марта и Гастонъ Буассье, пишутъ такъ, какъ должны писаться книги, и какъ онѣ будутъ писаться и въ Германіи, когда она достигнетъ высоты и тонченности французской культуры. До сего времени такъ писали въ Германіи только самые выдающіеся филологи, какъ Отфридъ Мюллеръ въ прежнее время, а теперь Моммзенъ, еще пожалуй Риббекъ. Во Франціи и въ Англии такъ пишутъ или стараются писать всѣ,—иначе въ этихъ странахъ высшей европейской культуры книга не находитъ читателей. Это не значитъ, что люди, пишущіе ясно и изящно, меньше знаютъ, чѣмъ тѣ, которые пишутъ цѣлую жизнь, никѣмъ не читаемые, а значитъ только, что у нихъ шире кругозоръ, тоньше умъ, развитѣе вкусъ, сильнѣе пониманіе. У насъ въ Россіи умные ученые книги, слава Богу, тоже пишутся не на нѣмецкій манеръ. Нашъ умъ хотя и меньше культивированъ, чѣмъ умъ западныхъ народовъ, но у насъ несомнѣнно есть и здравый смыслъ, и природный вкусъ, не выносящій ни призрачной школьнической учености, ни грубой заносчивости въ людяхъ, разсуждающихъ о наукѣ, хотя бы они обладали премудростью всѣхъ латинскихъ и греческихъ грамматикъ.

Два слова въ заключеніе.

Г. Зѣлинскій придаетъ своей рецензій, по видимому, не малое значеніе. Тяжкій урокъ, данный ему, нѣсколько лѣтъ назадъ, уже упомянутыми нѣмецкими филологами (г. Зѣлинскій издаетъ свои труды по нѣмецки или по латини), Власомъ, Цахеромъ и Любе,

не принесъ ему пользы. Буквально разбитый рецензіей такого компетентнаго лица, каковъ берлинскій профессоръ Бласъ, онъ въ отвѣтъ ему, сдѣлавъ очень жалкую мину, прежде всего нацѣляетъ на свою молодость, которая, по его мнѣнію, должна была бы защитить его отъ слишкомъ суроваго приговора. Съ тѣхъ поръ прошло три годъ. Г. Зѣлинскій сдѣлался старше, но съ годами не приобрѣлъ солидности. Отвергнутый нѣмецкою наукою, къ которой онъ хотѣлъ примкнуть, онъ теперь пробуетъ пристать къ русской наукѣ. Но путь, который онъ избралъ для этого, едва ли упрочитъ тутъ его права гражданства. Неумѣстныя претензіи, задоръ и поверхностное знаніе у насъ также мало цѣнятся, какъ въ Германіи. Къ тому же г. Зѣлинскому не достаеетъ для того, чтобы быть русскимъ ученымъ, факультетскаго образованія. Отсутствіемъ этого послѣдняго въ моемъ рецензентѣ объясняется и та крайняя поверхность въ обсужденіи научныхъ вопросовъ, которою онъ привелъ въ негодованіе нѣмецкихъ ученыхъ, и этотъ неумѣстный и ничѣмъ не оправдываемый задоръ, которому мы теперь сдѣлались свидѣтелями. Отсутствіемъ правильнаго факультетскаго образованія объясняется и его непониманіе той простой и всякому изъ насъ понятной вещи, что университетъ и гимназія—не одно и то же, непониманіе, весьма не отрадно для насъ сказавшееся въ томъ, что, едва оставивъ школьную скамью, онъ сталъ читать по шестнадцать часовъ въ недѣлю въ университетѣ. Убѣжденный, что филологъ не можетъ читать такого количества лекцій безъ замѣтнаго пониженія уровня преподаванія даже въ томъ случаѣ, еслибы онъ обладалъ знаніями Нибура, я взялъ на себя смѣлость отмѣтить этотъ фактъ въ предисловіи къ своей книгѣ, какъ фактъ очень печальный. Г. Зѣлинскій думаетъ иначе; но русская ученая среда не даромъ сторонится отъ такихъ филологовъ.

В. Модестовъ.

Книжныя новости.

Представительство сельско-хозяйственныхъ интересовъ и мѣстные органы управленія сельскаго хозяйства. *П. Н. Исакова.* С.-Пб. 1889.—Брошюра г. Исакова посвящена очень важному и для настоящаго времени особенно интересному вопросу. Громадныя жертвы, принесенныя государствомъ для подаятія сельскаго хозяйства на земляхъ частныхъ владѣльцевъ, не привели, какъ извѣстно, къ ожидавшимся результатамъ: выкупныя ссуды, дешевый государственный кредитъ, или, вѣрнѣе, пособіе, запретательныя ввозныя пошлины, поощреніе крупнаго винокуренія, регулированіе желѣзнодорожныхъ тарифовъ и тому подобныя мѣры не способствовали развитію частновладѣльческаго сельскаго хозяйства, которое остается

въ существенныхъ основаніяхъ такимъ же, какъ и при крѣпостномъ правѣ. Одинъ говоритъ, что инымъ оно и быть не можетъ, въ виду отсутствія сбыта для продуктовъ плодоперемѣнной системы, низкой цѣны хлѣба, не окупающей затратъ на улучшенія въ сельскохозяйственной техникѣ; другіе идутъ еще дальше, утверждая, что вообще предпринимательное, крупное хозяйство у насъ не мыслимо, какъ по отсутствію во владѣльцахъ нужныхъ для того качествъ, такъ и по обще-экономическимъ причинамъ, и что у насъ держаться можетъ лишь одно мелкое хозяйство, гдѣ вопрое о прибыли имѣетъ второстепенное значеніе. Г. Исаковъ не раздѣляетъ этихъ взглядовъ и видитъ причину отсталости нашихъ хозяевъ въ ихъ разрозненности, въ недостаткѣ общенія между ними и въ отсутствіи руководящаго плана въ общей сельскохозяйственной дѣятельности Россіи. Обзоръ западныхъ странъ съ этой стороны показываетъ дѣйствительно, что въ этомъ отношеніи наши сельскіе хозяева занимаютъ послѣднее мѣсто. Во Франціи въ настоящее время существуетъ 302 сельскохозяйственныхъ общества и 615 коммунъ—мелкихъ деревенскихъ сельскохозяйственныхъ обществъ, состоящихъ преимущественно изъ крестьянъ, въ Бельгіи 117 коммунъ, въ Цислейтанской Австріи насчитывается 970 общественныхъ центровъ, посвящающихъ свою дѣятельность сельскому хозяйству вообще и отдѣльнымъ его отраслямъ, въ Пруссіи, Саксоніи и Баваріи, кромѣ мѣстныхъ обществъ, существуютъ еще и центральные органы сельскохозяйственныхъ союзовъ. Авторъ почему-то не касается Англіи. Наибольшее развитіе сельскохозяйственныхъ обществъ получили въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ ихъ насчитывается въ настоящее время до 2000. Что касается Россіи, то у насъ почти отсутствуетъ коллективное обсужденіе сельскохозяйственныхъ интересовъ. Даже включая 41 общество Остзейскаго края, жившаго особою жизнью, въ концу 1888 года въ Россіи было всего 104 самостоятельныхъ обществъ и 40 отдѣловъ ихъ. Притомъ большая часть губернскихъ и уѣздныхъ обществъ существуютъ только на бумагѣ: въ 1879 году были доставлены министерству государственныхъ имуществъ свѣдѣнія о дѣятельности только 24 обществъ; тоже и въ 1884 году. Сношенія этихъ обществъ съ центральнымъ вѣдомствомъ сельскаго хозяйства ограничиваются однимъ доставленіемъ отчетовъ. Кромѣ обществъ, у насъ существуютъ еще временныя собранія хозяевъ—сельскохозяйственные съѣзды, мѣстные и общіе. Наибольшее число этихъ съѣздовъ приходится на 1871—1876 гг.; съ начала же 80-хъ годовъ они почти совсѣмъ перестали собираться. Главнѣйшею причиною этого явленія авторъ считаетъ изданіе, 30-го мая 1880 года, положенія объ окружныхъ и центральныхъ сельскохозяйственныхъ съѣздахъ, со введеніемъ котораго дѣйствіе прежнихъ съѣздовъ было приостановлено. Съѣзды эти, въ составъ которыхъ должны были входить представители администраціи и сельскохозяйственныхъ обществъ, однакожъ успѣха не имѣли: изъ 12 съѣздовъ, которые должны были собраться въ 1880 году, въ дѣйствительности собрались только 8. Надежды на сближеніе съ хозяевами также не осуществились, такъ, въ съѣздахъ принимало участіе не болѣе $\frac{1}{3}$ того числа лицъ, изъ которыхъ они должны были состоять. Общій съѣздъ, въ виду неудачи окружныхъ, созванъ не былъ, и затѣмъ въ 1881 году было совсѣмъ приостановлено дѣйствіе правилъ 1880 года. Неудача бывшихъ съѣздовъ и обществъ не лишаетъ однакожъ автора надежды на возможность ихъ развитія. Наиболѣе пригодною формою общенія сельскихъ хозяевъ онъ считаетъ уѣздные съѣзды. Ихъ развитію мѣшало, по его мнѣнію, отсутствіе общей руководящей

мысли и взаимной связи между ними. Въ видахъ устраненія этихъ недостатковъ г. Исаковъ предлагаетъ программу занятій уѣздныхъ сѣздовъ. Кроме уѣздныхъ, должны существовать еще губерскіе сельскохозяйственныя центры, которые должны объединять уѣздныя и служить представителями общихъ нуждъ и потребностей сельскаго хозяйства въ губерніи. Наконецъ, при министерствѣ государственныхъ имуществъ долженъ быть организованъ, по образцу прусской сельскохозяйственной коллегіи, сельскохозяйственный совѣтъ, проектомъ будущаго положенія о которомъ г. Исаковъ и заканчиваетъ свою брошюру. По проекту его, совѣтъ является постояннымъ, органически связаннымъ съ министерствомъ учрежденіемъ, представляющимъ ходатайства, дающимъ заключеніе о сельскохозяйственныхъ мѣропріятіяхъ, пользующимся правомъ инициативы по всемъ сельскохозяйственнымъ вопросамъ и состоящимъ въ преобладающемъ большинствѣ изъ свободно выбранныхъ представителей мѣстныхъ обществъ. Авторъ полагаетъ, что централизація интересовъ сельскаго хозяйства окажетъ значительное вліяніе на развитіе сельскаго хозяйства. Къ сожалѣнію, въ виду прежнихъ опытовъ, трудно раздѣлять такія надежды. Громадное большинство частновладельческихъ земель, именно около 85%, эксплуатируются не владельцами, а сдаются въ аренду крестьянамъ, и большая часть владельцевъ никакой сельскохозяйственной дѣятельности не причастна; а гдѣ нѣтъ мѣстной дѣятельности, что же тамъ объединять?

— Въ теченіе декабря мѣсяца, въ редакцію Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія поступили еще слѣдующія книги:

Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха. XI—XVII. Академика А. Н. Веселовскаго. Выпускъ пятый. С.-Пб. 1889.

Указатели къ первому, второму и третьему выпускамъ Великихъ Миней Четинхъ, собранныхъ Всероссийскимъ митрополитомъ Макаріемъ Сентября. С.-Пб. 1889. (Изданіе археографической комиссіи).

Указатель, дополненія и примѣчанія къ VII тому Русской Исторической Библіотеки. С.-Пб. 1889. (Изданіе археографической комиссіи).

В. Д. Смирновъ. Крымское ханство подъ верховенствомъ Оттоманской Порты въ XVIII столѣтіи. Одесса. 1889.

Въ защиту Богдана Хмельницкаго. Сочиненіе Геннадія Карпова. Историко-критическія объясненія по поводу сочиненія П. А. Кулиша „Отпаденіе Малороссіи отъ Польши“. М. 1890.

Сборникъ политическихъ экономическихъ статей Н. Я. Данилевскаго. Изданіе Н. Страхова. С.-Пб. 1890.

Отчетъ о научныхъ занятіяхъ за границею въ лѣтнее вакаціонное время 1889. г. Орд. проф. Императорскаго Варшавскаго университета І. Первоуфа. Варшава. 1889.

Общій очеркъ состоянія народныхъ училищъ Таврической губерніи за 1888 г. Составленъ директоромъ народныхъ училищъ А. Дьяконовымъ. Бердянскъ. 1889.

ГЕОГРАФІЯ КАКЪ НОВАЯ УНИВЕРСИТЕТСКАЯ НАУКА ¹⁾.

Сегодня впервые я имѣю честь выступить передъ вами, на кафедрѣ Харьковскаго университета, въ качествѣ преподавателя науки, доселѣ здѣсь не читавшейся, науки новой для нашихъ русскихъ высшихъ учебныхъ заведеній. И естественно, что всѣ здѣсь собравшіеся въ правѣ задать мнѣ вопросъ: что же это за новая наука, вдругъ откуда-то взявшаяся? почему только теперь она является среди прочихъ предметовъ, здѣсь излагающихся? почему ранѣе о ней ничего, какъ объ университетской наукѣ, не было слышно? Въ правѣ ли она называться наукою? не есть ли это лишь наглая самозванка, безъ всякихъ правъ вторгшаяся въ семью университетскихъ наукъ?

Выступая здѣсь въ качествѣ профессора географіи, считаю своимъ долгомъ, прежде чѣмъ начать курсъ, отвѣтить на этотъ вопросъ, высказать свой взглядъ на него, свое profession de foi, дабы не вводить въ заблужденіе моихъ слушателей. Я считаю это тѣмъ болѣе необходимымъ, что не только у насъ въ Россіи, но и на западѣ, взглядъ на географію не установился: всякій понимаетъ и толкуетъ этотъ предметъ по-своему, давая поводъ публикѣ составлять себѣ о немъ самыя превратныя представленія.

На сколько я могъ замѣтить господствующимъ въ массѣ представленіемъ о географіи является то, которое вынесено со школьной скамьи и опредѣлено приблизительно тѣмъ, что излагается въ учебникахъ Смирнова, Бѣлохи, Пуликовскаго, Лебедева и т. п. И эта часть обра-

¹⁾ Вступительная лекція, читанная 16-го сентября 1889 года въ Харьковскомъ университетѣ.

зованной публики справедливо неудовѣваетъ: какую же роль подобная наука можетъ играть въ стѣнахъ университета? Вѣдь названные учебники содержатъ въ себѣ лишь собраніе разнородныхъ свѣдѣній о разныхъ частяхъ свѣта и ихъ государствахъ, да кое-что изъ физической географіи, свѣдѣнія правда—необходимыя для всякаго образованнаго человѣка, но сборъ которыхъ нельзя назвать наукою. Дѣйствительно, свѣдѣнія эти въ томъ видѣ, какъ они преподаются въ гимназіяхъ, неполны, но говоря по правдѣ, пополнять ихъ можно до безконечности. Въ многотомномъ произведеніи Реклю „Géographie Universelle“ мы видимъ одно изъ наиболее талантливыхъ исполненій подобнаго рода задачи. Прекраснымъ, картиннымъ языкомъ изложены здѣсь разнообразѣйшія свѣдѣнія о всѣхъ пяти частяхъ свѣта, свѣдѣнія о ихъ живой и мертвой природѣ, о населеніи, промышленности и торговлѣ. Но стоитъ любому изъ мѣстныхъ обывателей развернуть хотя бы главу о Малороссіи, чтобы онъ увидѣлъ, что въ ней такое множество пробѣловъ, что пользоваться сочиненіемъ этимъ для специальныхъ справокъ не возможно. Точно такое же впечатлѣніе производитъ описаніе его родины на любого изъ жителей другихъ странъ, описанныхъ Реклю, не смотря на полную добросовѣстность автора.

Очевидно, что исполненіе подобнаго рода задачи даже и не подѣ силу одному человѣку. Да и къ чему бы привело оно? Оно привело бы къ составленію полнаго компендія, запомнить который не въ состояніи была бы ни одна свѣтлая голова. Эти разнородныя свѣдѣнія, доведенныя до точности справочной книги и путеводителя, имѣютъ лишь частный интересъ, и мнѣ кажется, г-жа Простакова не была бы неправа, утверждая, что этого рода географія болѣе пригодна для извожиковъ, нежели для студентовъ. Эта была бы во всякомъ случаѣ наука не университетская, ибо истинная университетская наука должна стремиться къ изложенію и открытію научныхъ истинъ.

Не всякая наука имѣетъ въ виду эту послѣднюю цѣль. Есть рядъ наукъ прикладныхъ, представляющихъ лишь сводъ отдѣльныхъ фактовъ, „отдѣльныхъ“ правдъ, какъ ихъ называетъ мой уважаемый учитель проф. Менделѣевъ. Знаніе правды бываетъ важно для практической жизни; оно дается наблюденіемъ, опытомъ, практикою. Оно иногда на первый взглядъ приложимѣе къ жизни, ближе къ ней, доступнѣе массѣ. Напротивъ, знаніе истины дается лишь путемъ научныхъ изслѣдованій, путемъ трудной умственной работы, путемъ

сопоставленія выводовъ, получить которые можно было лишь путемъ научныхъ, особыхъ методовъ изслѣдованія.

Что солнце наше поднимается ежедневно на востокъ и, описавъ полукругъ, склоняется на западъ—это фактъ, это правда, на знаніи и утилизаціи которой зиждется весь строй нашей жизни. Но истина движенія земли вокругъ оси, объясняющая смыслъ явленія, какъ извѣстно, далась людямъ не такъ скоро, и слѣдствія этой истины до сихъ поръ еще не исчерпаны человѣчествомъ.

Науки, не имѣющія цѣлю утилизацію сброда отдѣльныхъ „правдъ“, а дѣйствительно стремящіяся къ открытію истинъ, или трактующія объ этихъ скрытыхъ для простака истинахъ, имѣютъ по преимуществу право на мѣсто въ университетѣ и должны здѣсь излагаться. Географія или чтобы точнѣе, лучше обозначить нашъ предметъ—научное землевѣдѣніе, принадлежитъ именно къ этой послѣдней категоріи наукъ, хотя, по правдѣ сказать, изъ нихъ она самая молодая и не выработанная. Взглядъ на географію, какъ на сбродъ отдѣльныхъ фактовъ, былъ взглядъ не безъ основанія; онъ выработался исторически. Еще недавно географія была именно такою. Отрывочные факты, собранные различными путешественниками, суммировались въ одно цѣлое. Получался сборъ разнороднѣйшихъ свѣдѣній, касающихся климата, животныхъ, растений и быта людей различныхъ странъ, сбродъ, изъ котораго составлялось уже описаніе, куда могло входить все, начиная отъ направленія вѣтровъ и кончая тѣмъ, какими вилами ѣдятъ жаркое ея обитатели. Таковъ былъ характеръ землеописанія со временъ Страбона и Плинія и до Гумбольдта и Риттера включительно. Правда, еще со временъ глубокой древности, какъ это прекрасно показалъ В. де-Сенъ-Мартенъ въ своей *Histoire de la Geographie*, дѣлались попытки широкихъ обобщеній, нахожденія связи между живою и мертвою природою каждой страны, однако все это ограничивалось лишь смѣлыми, по большей части ни на чемъ не основанными, гипотезами.

И такое состояніе географіи нельзя было ставить ей въ вину. Почти каждая университетская наука во времена болѣе или менѣе отдаленныя находилась въ этой стадіи сброда мало систематизированныхъ, поверхностныхъ, доступныхъ простому глазу наблюденій, не координированныхъ фактовъ, словомъ—представляла свѣдѣнія объ узнанныхъ „правдахъ“, но была далека отъ провозглашенія истинъ. Вспомните: ботаника зародилась изъ травниковъ и полезныхъ свѣдѣній о съѣдобныхъ и лѣкарственныхъ травахъ; минералогія еще

недавно занималась лишь перечисленіемъ признаковъ нахождения рудъ и драгоценныхъ камней; химія возникла изъ алхіміи, представлявшей рецепты для получения золота и философскаго камня; даже древнѣйшая и совершеннѣйшая изъ наукъ, астрономія, и та представляла нѣкогда сводъ фактовъ о движеніи свѣтилъ по небесной тверди и ихъ загадочныхъ вліяній на судьбы людей. Географія только запоздала, идучи по тому же самому пути развитія. И это запаздываніе вполне понятно и естественно.

Географія всегда имѣла предметомъ своимъ земной шаръ, описаніе его материковъ и морей и уясненіе явленій, на немъ происходящихъ и обуславливающихъ обстановку и судьбы живущаго на немъ человѣчества. Древніе географы, компилируя имѣющіяся подъ ихъ руками свѣдѣнія, были поэтому совершенно правы, принимая въ разчетъ всѣ данныя о природѣ и жизни описываемыхъ ими странъ. Но по мѣрѣ развитія нашихъ знаній, географъ оказался подавленнымъ ихъ массою, и ему не оставалось ничего иного, какъ раздѣлить свой трудъ. Древняя наука должна была раздѣлиться между метеорологами, геофизиками, ботаниками, геологами, зоологами, этнографами, политико-экономами, статистиками. Ея самостоятельное существованіе сдѣлалось фактически невозможнымъ. Но эти науки, на которыя она распалась, каждая въ свою очередь, представили столько матеріала, столько своего спеціальнаго интереса, что служители наукъ этихъ, углубившись въ нихъ, по большей части забыли объ исходномъ ихъ пунктѣ и задались цѣлями довольно далекими отъ той, къ которой стремилось научное землевѣдѣніе. Ботаники стали интересоваться вопросы о процессахъ питанія и роста растений, о генетической связи между отдѣльными родами и видами; самая исторія развитія низшихъ организмовъ потребовала столь старательнаго изученія, что лица, увлекшіяся этими вопросами, по большей части совершенно оставляли втунѣ ту ботанику, которая, какъ вѣтвь географіи, была генетически съ нею связана, то-есть, изученіе флоръ различныхъ странъ и присущихъ имъ особенностей. Если подобнаго рода изученіе и дѣлалось, то обыкновенно спеціализація автора накладывала на него рѣзкій отпечатокъ. Оно носило на себѣ характеръ односторонности. Перечни растений, издаваемые ботаниками старой школы, были сырымъ, неудобоваримымъ, никому, кромѣ однихъ спеціалистовъ, неинтереснымъ матеріаломъ. Люди менѣе односторонніе, въ родѣ Гризебаха, Рупрехта, пытавшіеся пролить свѣтъ на собранные ими факты, освѣщали его всегда крайне односторонне, ища связи между, напри-

мѣръ, климатомъ и флорою или геологическимъ строеніемъ мѣстности и растительностью и оставляя въ сторонѣ совокупность другихъ факторовъ не менѣе важныхъ. То, что сказано о ботаникѣ, вполне примѣнимо и къ другимъ наукамъ и повторяетъ аналогичные примѣры значило бы лишь надоѣдать слушателямъ.

И такое положеніе дѣлъ было вполне естественно. Вѣдь еще недавно отношеніе человѣка къ земному шару отличалось весьма немного отъ отношенія муравья къ тому мѣсту, по которому онъ ползаетъ. Правда, трудами путешественниковъ и топографовъ намъ удалось теперь составить довольно ясное представленіе объ очертаніяхъ и распредѣленіи суши и моря, о направленіи рѣкъ и горъ; но вѣдь этотъ трудъ былъ лишь координаціей отдѣльныхъ фактовъ— не болѣе. Земной шаръ, однако, какъ извѣстно, подобенъ живому организму. Его внутренность и кора, воды и воздушная оболочка ежечасно перетерпѣваютъ многоразличныя измѣненія. Ходъ измѣненій этихъ движеній вліяетъ на органическую жизнь нашего шара, которая до извѣстной степени является какъ бы отраженіемъ этихъ явленій. И естественно, что пока человѣкъ самъ находился въ сферѣ дѣйствія всѣхъ этихъ силъ и явленій, будучи самъ въ значительной степени ихъ объектомъ, онъ не могъ имѣть полной картины жизни земнаго шара.

Чтобъ имѣть эту картину, онъ долженъ былъ сумѣть мысленно отдѣлиться отъ его поверхности и составить картину явленій, на ней происходящихъ; онъ долженъ былъ наблюдать теченіе вѣтровъ, распредѣленіе осадковъ, процессовъ вывѣтриванія породъ и т. д., такъ же, какъ медикъ наблюдаетъ кровообращеніе, пищевареніе, выдѣленіе железъ и т. п. на ввѣренномъ ему человѣческомъ организмѣ.

Очевидно, для того, чтобы перестать играть роль муравья и превратиться въ стоящаго внѣ земли наблюдателя, надо было владѣть особыми методами. Методы эти суть достояніе естественныхъ наукъ и притомъ наукъ въ самой новѣйшей стадіи ихъ развитія. Только благодаря методамъ синоптической метеорологіи, благодаря телеграфамъ, соединяющимъ другъ съ другомъ всѣ обсерваторіи пяти частей свѣта, мы можемъ составить карты состоянія атмосферы на каждый день, имѣть картину ея годичной жизни, такъ же, какъ мы могли бы наблюдать ее, рассматривая землю нашу съ какого-нибудь другаго свѣтила. Только суммируя тысячи фенологическихъ наблюденій, только сопоставляя тысячи голыхъ систематическихъ списковъ,

данныхъ въ разное время ботаниками, мало по малу оказываемся мы въ состояніи слабою, нетвердою рукою начертать границы растительныхъ и животныхъ царствъ; только теперь можемъ мы дѣлать попытки объяснить особенности царствъ этихъ, явленія ихъ жизни и отмиранія, тѣ явленія атмосферной, почвенной жизни, о распредѣленіи и причинахъ которыхъ наши предшественники могли строить только смѣлыя гипотезы.

Научное землевѣдѣніе является поэтому наукою, возникшею въ нашъ вѣкъ пара и электричества, можно сказать, исключительно имъ обязанною своимъ существованіемъ: ибо, благодаря только этимъ факторамъ нашей цивилизаціи, мы можемъ сопоставлять между собою различныя явленія, одновременно или почти одновременно происходящія на нашемъ шарѣ, рассматривать ихъ съ точки зрѣнія наблюдателя, стоящаго внѣ земнаго шара, отыскивать между ними причинную и генетическую связи. Въмѣсто голой суммировки отдѣльныхъ свѣдѣній, современная, возникающая наука стремится сгруппировать и расклассифицировать разнородные типы явленій органической и неорганической жизни земнаго шара, рассматривая ихъ такими, какими они представляются живущему на немъ человѣчеству, и охарактеризовавъ ихъ, ищетъ между ними генетической связи и законности, управляющей ихъ возникновеніемъ и взаимодействіемъ.

Я сейчасъ постараюсь пояснить примѣромъ связанное; но прежде я долженъ указать еще на одно обстоятельство, мѣшавшее доселѣ развитію научнаго землевѣдѣнія. Причина эта—младенческое состояніе геологіи.

Хотя истинная задача геолога—исторія земной коры, а не описаніе современнаго ея состоянія, однако, какъ бытописатель, знакомый съ исторією своей страны, легче пойметъ особенности ея жителей, такъ и знаніе прошлаго необходимо для географа. Геологъ характеризуетъ жизнь и географію земнаго шара въ отдаленномъ его прошломъ. Это прошлое часто мало интересно для географа. Но чѣмъ ближе къ современному періоду, тѣмъ большее вліяніе на особенности природы материковъ и морей нашей планеты оказываетъ это недавнее прошлое, ихъ до-историческое распредѣленіе и жизнь. Это прошлое наложило на современность неизгладимую печать, которую не можетъ стереть современная жизнь шара, а потому для разумнаго пониманія обстановки человѣка на земномъ шарѣ и его судьбы, равно какъ для разумнѣя истиннаго смысла явленій и распре-

дѣленія ихъ на земномъ шарѣ, словомъ—для научнаго землевѣдѣнія, необходимо знаніе исторіи развитія современной обстановки челоуѣка. Но мы знаемъ, что геологія вообще, и геологія новѣйшихъ образованій въ особенности, можно сказать, только въ самыя послѣднія недѣли своего развитія достигла возможности слабою, неясною рукою начертать измѣненія нашихъ материковъ и морей въ предшествующую эпоху, начертать исторію ихъ развитія и въ туманѣ показать намъ грандіознѣйшую картину возникновенія нашего современного земнаго міра, какъ слѣдствія сжатія, складыванія и сдвиговъ по трещинамъ охлаждающейся коры земнаго шара.

Естественно, что, лишенная еще недавно столь важныхъ условій для своего развитія, географія, какъ наука, существовать не могла. Какъ физиологія является дочерью физики и химіи, какъ геологія дочь астрономіи и физики, такъ географія является дѣтнцемъ естественныхъ наукъ, нѣкогда изъ нея возникшихъ. Развитие ея методовъ и результатовъ вполнѣ зависѣло отъ успѣховъ этихъ послѣднихъ. Вотъ почему, мм. гг., географія является послѣднею въ семьѣ естественныхъ наукъ.

Чтобы выяснитъ лучше разницу между научнымъ землевѣдѣніемъ и тѣмъ, которое принималось за такоео ранѣе, я позволю себѣ иллюстрировать мое изложеніе примѣромъ.

Поставимъ себѣ задачей сдѣлать научное географическое описаніе Великобританіи, страны наилучше наслѣдованной въ естественно-историческомъ отношеніи. Географъ старой школы началъ бы съ изложенія объ очертаніяхъ острововъ, ихъ величины, далъ бы картину устройства поверхности, перечислилъ бы горы, ихъ высоты, рѣки съ ихъ особенностями; указалъ бы далѣе на климатъ, господствующіе вѣтры, распредѣленіе осадковъ; назвалъ бы главнѣйшіе виды растеній и животныхъ; затѣмъ перешелъ бы къ народонаселенію, его плотности, этнографическому составу, быту, промышленности, торговлѣ, государственному устройству, бюджету и т. д., и т. д. Эту намѣченную программу въ зависимости отъ времени, способности и силъ онъ могъ бы расширить или сузить по произволу, такъ какъ объектовъ для описанія у него былъ бы всегда неисчерпаемый источникъ. Но все это былъ бы одинъ систематизированный, сырой матеріалъ — очень важный для справокъ, но не имѣющій и тѣни научности. Типъ такого рода описанія, какъ сказано, мы видимъ у Редлю, у Кирхоффа и другихъ извѣстныхъ географовъ.

Не такъ долженъ отнестись къ своей задачѣ опытный землевѣд.

Для него эта группа островковъ есть не что иное, какъ кусочекъ материка Евразіи, отдѣленный отъ него только въ силу трансгрессіи Атлантическаго океана. Обращаясь къ даннымъ геологіи, онъ находитъ, что явленіе указанной трансгрессіи не есть случайное въ исторіи Великобританіи. Если теперь ея подводныя пучины и фіорды суть остатки озерныхъ дницъ, вырытыхъ ледниками, а рифы и мели—вершины затопленныхъ горъ, кое-гдѣ даже сохранившихъ подъ водою свои лѣса, то явленіе это въ предшествовавшіе періоды повторялось не разъ, и Великобританію можно раздѣлить на двѣ области: область горъ, возникшихъ во времена глубокой древности и со временъ этой древности не затоплявшихся; область горъ и холмовъ болѣе молодыхъ, затоплявшихся лишь въ древнее время, и наконецъ, равнины, бывшія попеременно до послѣднихъ дней то долиною моря, то сушею. Указавъ далѣе мѣсто Англии на пути современныхъ воздушныхъ теченій, обуславливающихъ ея современный климатъ, онъ долженъ указать на исторію этого климата, на періодъ большаго пониженія температуры, обусловившаго снѣгу постоянныхъ дождей сѣвера Шотландіи такими же снѣгопадами, которые вызвали развитіе ледниковъ, покрывшихъ почти всю страну за исключеніемъ ея южной оконечности. Періодъ соединенія ледниковъ Шотландскаго и Скандинавскаго, факты всегда со временъ глубокой древности большей влажности западныхъ склоновъ, сравнительно съ восточными, должны быть отмѣчены съ особенною силою. Тогда ясными вполне выступаютъ всѣ особенности рельефа современнаго королевства. Слушатель пойметъ тогда, почему горы Великобританіи на дѣля геологическія эпохи болѣе древни, чѣмъ, напримѣръ, Альпы, Карпаты или Гималаи, и что онѣ представляютъ одні развалины; почему ея рѣчныя долины превратились въ горныя проходы, прорѣзавъ давно поперекъ горныя хребты, почему такъ широки устья рѣченокъ, въ родѣ Темзы, доступны кораблямъ и представляющія въ сущности залитыя прѣсною водою эстуаріи. Панорамы Шотландіи, носящія отпечатокъ ледянаго періода, и ихъ рѣзкое отличіе отъ панорамъ Корнваллиса, равнина перипетій пиковъ базальтовыхъ и гранитныхъ скалъ Ирландіи не будутъ мертвыми фактами, но полными глубокаго содержанія..

То же и съ растительностью. Въмѣсто мертваго перечисленія характерныхъ формъ географъ долженъ указать на особенности ихъ распространенія. Онъ долженъ указать на факты господства сосны и скандинавскаго типа флоры въ Шотландіи и въ носящихъ слѣды обледенѣнія частяхъ Британіи, на присутствіе совершенно особенныхъ

американско-испанскихъ видовъ на его западныхъ оконечностяхъ и германскихъ на крайнемъ востокѣ. Онъ долженъ выяснитъ, почему одиѣхъ климатическихъ особенностей, присущихъ различнымъ уголкамъ Соединеннаго королевства, недостаточно для объясненія такого ихъ распространенія и сродства съ названными странами. Онъ покажетъ, что испанскія формы суть отголоски отдаленной третичной флоры, уцѣлѣвшей въ пунктахъ, пощаженныхъ ледниками, и растушей тамъ доселѣ благодаря ихъ влажности. Скандинавскій типъ окажется ледниковымъ, уступающимъ германскому современному, по мѣрѣ таянія ледниковъ, и пестрый цвѣтистый коверъ современной флоры явится нерукотворною дѣлописью пережитыхъ страшною событій, краснорѣчивою и поэтичною. И ясно тогда станетъ, почему эти тысячи видовъ — представителей южной Европы, Америки, Японіи и Австраліи, введенные рукою опытнаго акклиматизатора, — нашли на островѣ второе отечество, и почему благовонный листъ классическаго лавра или зелень ливанскаго кедра переплетаются здѣсь съ хвоею сосны, а на коврѣ изъ травъ суроваго сѣвера высятся италіанскія пиніи и пихтоспорумы. Бѣдность фауны острововъ, лишенной почти эндемичныхъ видовъ, почти тождественной съ европейскою континентальною, но менѣе богатой, получить особый интересъ. Это прогрессивное убываніе рептилій съ болѣе крупныхъ острововъ на болѣе мелкіе западные будетъ свидѣтельствовать о когда-то бывшей, но слишкомъ рано порванной связи съ материкомъ. Это присутствіе полярныхъ видовъ въ пучинахъ будетъ говорить о слѣдахъ ледниковаго періода, а оригинальность формъ Ирландскаго моря—о его изоляціи.

Наконецъ, вмѣсто перечисленія племенъ и религій, современный географъ долженъ показать своимъ слушателямъ сперва географическое распредѣленіе типовъ, установленныхъ антропологами; показать связь современныхъ типовъ съ типами историческими и доисторическими, установленными по курганамъ и могиламъ, изъ чего съ ясностью выступитъ, что во всей западной части королевства еще господствуетъ тотъ же типъ, который имѣли люди каменнаго вѣка, но рѣзко отличный отъ свидѣтелей обледенѣнія Шотландіи — палеолитическихъ, эскимосоподобныхъ народовъ. На географѣ лежитъ обязанность выяснитъ причины, почему именно здѣсь, не смотря на все смѣшеніе, удержался этотъ типъ, почему кельты, строители дольменовъ, внесшіе употребленіе бронзы, не изгнали его, а растворились вмѣстѣ съ римлянами въ его массѣ, и какія географическія

причины позволили позднѣйшимъ пришлецамъ, саксамъ и норманнамъ, не только утвердить свое владычество, но и обусловить громадное преобладаніе въ восточной части королевства той высокой рыжеволосой расы, которая всегда рисуется въ умѣ при представленіи о туристѣ-англичанинѣ. Наконецъ, вопросъ о томъ, какую печать отложила вся эта совокупность факторовъ на культурѣ страны, принадлежитъ также къ числу вопросовъ землевѣдѣнія.

Вы видите, мм. гг., что программа такого рода землевѣдѣнія рѣзко отличается отъ такъ-называемой физической или динамической геологіи, которая занимается исключительно изученіемъ отдѣльныхъ силъ, дѣйствующихъ на земной поверхности, измѣняющихъ ее, и изучаетъ ихъ исключительно въ примѣненіи къ геологіи, то-есть, для объясненія событій давно прошедшихъ. Это также и не физическая географія, то-есть, ученіе о распредѣленіи этихъ силъ по земной поверхности. Это, напротивъ, философская наука, пытающаяся на основаніи выводовъ естественныхъ наукъ объяснить и указать особенности той обстановки, въ которой принуждено жить современное человѣчество, подобно тому, какъ наука о человѣкѣ стремится узнать особенности организациіи человѣческаго организма и законы, управляющіе его жизнью. Съ другой стороны, приведеннаго примѣра программы землевѣдѣнія Великобританіи совершенно достаточно, чтобы показать, что при преподаваніи географіи сама необходимость заставляетъ начинать съ общаго и переходить къ частному.

Намъ приходилось намекать на то, что горы Англіи суть части древнихъ горъ залитой оконечности Евразіи, что онѣ были подъ ледянымъ покровомъ, одѣвавшимъ сѣверъ Европы, что ее попеременно заселяли флоры то скандинавскаго, то иберійскаго типа, что ея аборигены были астурийской расы; словомъ, для разумнаго пониманія явленій, происходящихъ на этомъ маленькомъ архипелагѣ, намъ пришлось бы постоянно дѣлать экскурсіи изъ него въ мѣста болѣе или менѣе отдаленныя, приурочивая ихъ то къ тому, то къ другому типу широко распространенныхъ по земному шару явленій. Вотъ почему разумнѣе, на мой взглядъ, дать сперва общую картину развитія и распредѣленія различныхъ гео-физическихъ, гео-ботаническихъ и другихъ явленій, происходящихъ на земномъ шарѣ. Тогда задача частнаго землевѣдѣнія будетъ несравненно проще. Она будетъ сводиться къ нахожденію роли того или другаго явленія данной страны въ общей жизни земнаго шара, подобно тому какъ для частной

съемки, частнаго плана: надо прежде узнать его мѣсто на большой общей картѣ.

Та общая широкая программа землевѣдѣнія, которая мною начертана, роль частнаго землевѣдѣнія, сейчасъ намѣченная, мнѣ кажется, принадлежитъ къ числу интереснѣйшихъ отдѣловъ натур-философій. И конечно, между различными отдѣлами частнаго землевѣдѣнія отдѣлъ познанія нашего отечества—землевѣдѣніе Россіи—кажется мнѣ, долженъ занимать первое мѣсто. Мы, владѣя столь обширнымъ кускомъ вселенной, къ стыду своему должны сознаться, что до сихъ поръ не знаемъ ни своего отечества, ни роли его природы на материкѣ Евразіи. И отъ кого же, какъ не отъ университетски образованнаго человѣка, можно требовать этого знанія? Вы, здѣсь сидящіе, вы, будущіе администраторы, земледѣльцы, воспитатели юношества, сколько политическихъ ошибокъ, сколько превратныхъ распоряженій сдѣлаете вы, не зная своей страны! Не отъ неполнаго ли ея знанія происходитъ это наше самопрезрѣніе и самопоруганіе? Не отъ недостаточной ли выясненности нашей роли на материкѣ стараго свѣта мы вотъ уже второй вѣкъ, на перекоръ стихіямъ, попираемъ и презираемъ свое, стремясь копировать съ Европы возможное на раду съ невозможнымъ! Мнѣ кажется, лучшее знаніе своей страны искоренило бы въ обществѣ нашемъ многія ненормальности.

Общее землевѣдѣніе, въ объемѣ, нами начертанномъ, въ развитіи своемъ всецѣло зависитъ отъ развитія естественныхъ наукъ. Послѣднія далеко еще не сказали своего послѣдняго слова. Понятно, что его не могла сказать и географія. Многіе вопросы ея могутъ пока быть еще только намѣчены. На мѣсто желательныхъ истинъ приходится во многомъ ограничиваться еще смѣлыми гипотезами. Но такова судьба всякой молодой, зарождающейся науки. Мы можемъ утѣшать себя только тѣмъ, что мы видимъ громадный сырой матеріалъ, подготовленный натуралистами. Кирпичи готовы, они ждутъ строителя—и, говоря словами Христа, я могу сказать вамъ: воззрите на нивы, какъ онѣ побѣлѣли; не настало ли время для жатвы?

Въ заключеніе этого вступительнаго слова своего я укажу еще на одну сторону нашей новой науки. Всѣ естественныя науки, здѣсь читающіяся, зародились и создались на западѣ. Мы являемся преемниками и учениками западно-европейскихъ ученыхъ. Слова нѣтъ, русская наука на своемъ молодомъ и славномъ поприщѣ сдѣлала весьма многое и обратила на себя всеобщее вниманіе въ европей-

скомъ ученомъ мірѣ, гдѣ она заняла почетное мѣсто. Но право первородства принадлежитъ не ей. Научное землевѣдѣніе первое возникаетъ у насъ одновременно съ западомъ. Наука эта, широкая по своему плану, требующая какъ широкихъ обобщеній, такъ и умѣнія всею душою понять чуждую природу, чуждый характеръ и привычки, по духу своему, болѣе чѣмъ какая бы то ни было, соответствуетъ намъ, русскимъ, которые, какъ показала наша исторія, наша цивилизація, наша беллетристика, болѣе чѣмъ какой другой народъ, обладаютъ указанными свойствами. А потому будемъ надѣяться, что, развившись у насъ, она станетъ дѣйствительно наукою русскою по преимуществу.

А. Красновъ.

ПЕРВАЯ ПСКОВСКАЯ ЛѢТОПИСЬ ПОСЛѢ ПАДЕНІЯ ПСКОВА ¹⁾.

Съ паденіемъ самостоятельности Пскова лѣтописная дѣятельность въ немъ не прекратилась; лѣтописи продолжаютъ по прежнему и не въ одномъ мѣстѣ, доказательствомъ чему служатъ какъ вставки въ такъ-называемомъ Архивскомъ спискѣ, такъ и существованіе списковъ, извѣстныхъ подъ названіями Карамзинскаго и Академическаго, которые продолжаютъ до 1547 года, и Сибгиревскаго, продолжающагося съ перерывами до 1609 года. Всѣ эти списки, повѣствуя иногда объ однихъ и тѣхъ же событіяхъ, разнятся отъ другихъ списковъ (напримѣръ, отъ Арх. IV) во взглядахъ на описываемыя лица и отличаются большею подробностію. При этомъ въ нихъ замѣтно и больше вставокъ; таковы, напримѣръ, разказъ о началѣ Печерскаго монастыря ²⁾, составлявшій, безъ сомнѣнія, прежде отдѣльную запись, сдѣланную какимъ-либо приверженцемъ дьяка Мисюря Мунехина, который, „какъ отецъ господинъ добрый съ своимъ подъячимъ Ортошею“, былъ главнымъ виновникомъ возникновенія этого монастыря. Разказъ этотъ мы считаемъ вставнымъ на томъ основаніи, что въ немъ не повѣствуется о какомъ-либо отдѣльномъ эпизодѣ, а вѣять и очерченъ довольно значительный періодъ изъ монастырской жизни. Въ разказѣ объ архіепископѣ Магаріи ³⁾ заключаются извѣстія изъ двухъ источниковъ: одинъ—лѣтописный о прибытіи архи-

¹⁾ Въ *Журн. Мин. Нар. Пр.* за октябрь 1863 года была помѣщена статья того же автора „О первой Псковской лѣтописи“.

²⁾ П. С. Р. Л., IV, 293.

³⁾ *Ив.*, 296. 297.

енскопа въ Новгородѣ и о приказаніи его молиться на эктеніяхъ о томъ, чтобы Богъ далъ князю съ молодою княгиней „плодъ чрева“. Дальнѣйшія извѣстія, вѣроятно, не изъ лѣтописнаго источника: въ нихъ сообщаются нѣкоторыя біографическія данныя о Макаріи, объ отношеніи къ нему великаго князя, митрополита Данила, о встрѣчѣ его въ Новгородѣ и произведенномъ имъ впечатлѣніи. Выраженія: „и бысть хлѣбъ дешевъ, и монастыремъ легче въ податехъ, и людемъ заступленіе велие, и сиротамъ кормитель бысть. И по нѣколицѣхъ лѣтѣхъ святительства своего въ Великомъ Новгородѣ замысли архіепископъ Макарей мельницу поставити“... говорятъ въ пользу того предположенія, что обо всемъ этомъ вошло въ лѣтописный сводъ изъ посторонняго источника.

Есть вставки и въ такъ-называемомъ Арх. IV спискѣ; тамъ событія, описанныя подъ 1605 г. ¹⁾, составляли прежде отдѣльную записку, потому что къ этому году приурочены событія, начиная съ появленія на Сѣверской украинѣ перваго самозванца до занятія Москвы поляками подъ начальствомъ гетмана Жолкевскаго. Подъ 1606 г. ²⁾ изъ другаго источника помѣщено извѣстіе о смерти Лжедмитрія I, воцареніи Шуйскаго и его низверженіи. Подъ 7097 г. ³⁾ помѣщенъ списокъ Псковскихъ архіереевъ, конечно, тоже первоначально не принадлежавшій лѣтописи. Кромѣ этихъ болѣе крупныхъ вставокъ, есть достаточное количество вставокъ мелкихъ, говорящихъ о событіяхъ, уже описанныхъ; такъ въ спискахъ Арх. IV и Эрмитажномъ, составляющемъ точную копию перваго, два раза упоминается о слѣдующихъ событіяхъ: о взятіи Смоленска, о битвѣ при Оршѣ, о нападеніи поляковъ на Опочку и Себежъ, о пожарѣ во Псковѣ и взятіи Полоцка ⁴⁾. Всѣ эти извѣстія, очевидно, попали въ сводъ изъ другихъ источниковъ, такъ какъ они не похожи на свѣдѣнія о тѣхъ же самыхъ событіяхъ, помѣщенные въ другихъ мѣстахъ.

Не смотря, впрочемъ, на эти вставки, Псковская лѣтопись отличается большею цѣльностью сравнительно съ другими сводами, напри-

¹⁾ *Ib.*, 321. 322. Это же нужно сказать и относительно извѣстій подъ 7078 годомъ (стр. 318), гдѣ излагается походъ Грознаго на Новгородъ, война съ Ливоніей и желаніе царя убѣжать въ Англію и жениться тамъ. „Сидева бысть держава Грознаго царя Ивана Васильевича“, восклицаетъ авторъ.

²⁾ Тамъ же, стр. 322.

³⁾ *Ib.*, 337.

⁴⁾ См. стр. 289, прим. м.; стр. 290, прим. д; стр. 291, 301, 314, прим. а и в. О походѣ на Новгородъ сообщается тоже дважды, стр. 318.

мѣръ, Лаврентіевскимъ, Никоновскимъ и другими позднѣйшими. И по всей вѣроятности, лѣтопись велась извѣстными нарочно опредѣленными къ тому лицами. Трудно сказать, сколько было авторовъ лѣтописи отъ паденія Пскова до прекращенія ея, то-есть, до 1645 г. Но судя по большей или меньшей подробности въ описаніи событій, по симпатіямъ и выбору извѣстій, можно предположить, что лѣтописецъ было шесть. Первый, по всей вѣроятности, довелъ извѣстія до 7056 (1548) года; 1549 г. не описанъ, можетъ быть, именно потому, что продолжатель лѣтописца еще не былъ найденъ. Лѣтописецъ два раза упоминаетъ о себѣ въ первомъ лицѣ: подъ 1535 г. („мню всѣхъ 150,000 силы“) и подъ 1541 г. („не судя его писахъ“) ¹⁾.

Второй лѣтописецъ описывалъ событія съ 7058 по 7077 г. Главнымъ содержаніемъ лѣтописи за это время было описаніе войны русскихъ съ Ливоніей, что авторъ изображаетъ съ подробностію, но по слухамъ; это доказываютъ выраженія: „сказывають“, „сказывали“. Авторъ говоритъ о себѣ въ первомъ лицѣ подъ 1552 годомъ при описаніи мора: „а по буймъ не вѣмъ колко числомъ“.

Съ 7077 до 7114 года запись велась третьимъ лицомъ. Отличительная черта этихъ извѣстій — краткость; есть много извѣстій, не относящихся къ Пскову, хотя въ немъ записанныхъ.

Съ 7114 до 7119 года запись велась четвертымъ лицомъ; въ описаніи событій за эти годы говорится главнымъ образомъ о внутреннихъ неурядицахъ псковичей, о враждѣ черныхъ людей съ

¹⁾ Ib., 299., 304. Извѣстія въ Кар., Амад. и Сяѣгир. спискахъ за это время, то-есть, до превращенія первыхъ двухъ, тоже, вѣроятно, описывались однимъ лицомъ (кромя упомянутыхъ выше вставокъ), который упоминаетъ о себѣ въ первомъ лицѣ подъ 1541 г., а „выше радъ бы повѣсти залы писати, но грубъ разумомъ и смысломъ“ (стр. 304). Въ пользу записыванія этихъ событій однимъ лицомъ говорятъ сходныя выраженія, иногда повторяющіеся: „не мы ихъ побилъ, но Богъ ихъ побилъ“ или „не мы ихъ прогнахомъ, но Божія сила“, стр. 301, 305. Писатель былъ не духовное лицо; говоря объ отдѣленіи сельскихъ поповъ отъ городскихъ и о распрѣ между ними по этому поводу, авторъ замѣчаетъ: „и бысть у нихъ сматеніе велие“, стр. 306. Въ Сяѣгир. списокѣ послѣ записано объ Іоаннѣ Грозномъ, подъ 1547 г. говорится: „смерть отъ него пріятъ, яже напереді о всемъ узрши писана же въ кратцѣ“ (стр. 343). Следовательно, эти слова сказаны послѣ смерти Грознаго. Составитель этой лѣтописи благоволилъ къ Борису Годунову, между тѣмъ какъ лѣтописецъ, произведеніе котораго сохранилось въ такъ-называемомъ Архивскомъ списокѣ, враждебенъ ему; Борисъ варовитъ Ругодиву, и потому русскіе не могутъ взять его (стр. 320); Борисовымъ повелѣніемъ убитъ былъ царевичъ Дмитрій, „за его же кровь обліяся Русская земля“ (стр. 321).

лучшими, при чемъ лѣтописецъ является сторонникомъ первыхъ. Большіе люди, по его изображенію, представляются извѣнниками: они вмѣстѣ съ новгородцами хотѣли передать Псковъ нѣмцамъ, меньшіе люди противятся этому и многихъ бояръ казнятъ; зачѣмъ бояре берутъ перевѣсъ и казнятъ многихъ черныхъ людей. Вообще за все это время лѣтописецъ живо рисуетъ то шатаніе умовъ, ту рознь, которая существовала тогда во Псковѣ (да и не въ одномъ Псковѣ, а по всей Руси): лучшіе люди возстаютъ на черныхъ, черные на лучшихъ; одержить перевѣсъ одна партія, казнить противниковъ; вѣче собиралось не разъ.

За этотъ періодъ лѣтописецъ почти совсѣмъ не говоритъ о внѣшнихъ дѣлахъ, которыя начинаютъ привлекать къ себѣ больше вниманія съ 7119 (1611) года, и потому мы думаемъ, что съ этого года лѣтопись переходитъ въ руки къ патому автору, у котораго и остается до 1618 года, какъ это можно предполагать по характеру сообщаемыхъ извѣстій; перерывъ въ три года можетъ также свидѣтельствовать въ пользу нашего предположенія.

Дальнѣйшія извѣстія до конца лѣтописи, то-есть, до 1645 года, принадлежатъ шестому и послѣднему лѣтописцу, который едва ли не былъ духовное лицо: по крайней мѣрѣ за послѣдніе четыре года большинство извѣстій духовнаго содержанія; замѣтка объ антиминыхъ въ монастырской церкви св. Николая могла принадлежать только лицу духовному.

Кто были лѣтописатели, съ достовѣрностію указать не возможно. Можно только съ увѣренностію сказать, что они были люди начитанные, хотя одинъ изъ нихъ и заявляетъ смиренно, что, онъ „грубъ разумомъ и смысломъ“¹⁾: неоднократно дѣлаются ссылки на Священное Писаніе, какъ Ветхаго, такъ и Новаго Завѣта, одинъ разъ на сочиненія Іоанна Богослова²⁾; одинъ изъ лѣтописцевъ знаетъ объ Аенней преславной, „въ ней же со всѣхъ странъ приходяще учахуся мудрости, о ней же многія книги пишутъ“³⁾, а другой хорошо знакомъ съ нѣкоторыми произведеніями древней русской литературы и въ подражаніе Задонщинѣ слѣдующимъ образомъ описываетъ битву при Оршѣ въ 1514 г.: „бысть побоище веліе Москвичемъ съ Литвою подъ городомъ подъ Оршею, и воскричаша и возопиша жены Оршанки

¹⁾ Стр. 304.

²⁾ Стр. 292, 307, 322.

³⁾ Стр. 333.

на трубы Московскія, и слышати было стукъ и грому великому между Москвичъ и Литвою; и удариша Москвичи на Литву, Рускія князи и бояре съ дивными удалцы Рускими сыновами на сильную рать Литовскую, и треснули копья Московскія и гремятъ мечи булатные о шеломах Литовскія на поли Оршинскомъ¹⁾.

Нигдѣ, можетъ быть, не выражаются такъ рельефно различные взгляды, мировоззрѣніе, суевѣрія и предрасудки русскихъ людей, какъ въ Псковской лѣтописи; всѣ симпатіи и антипатіи лѣтописцевъ, а слѣдовательно, и народа находятъ въ нихъ выраженіе; поэтому Псковская лѣтопись важна и съ этой стороны.

Посмотримъ теперь, какъ относятся псковскіе лѣтописцы къ московскому правительству и вводимымъ имъ порядкамъ, къ московскимъ намѣстникамъ; каковъ взглядъ лѣтописца на физическія бѣдствія и политическія невзгоды.

Очень естественно, что псковичи не скоро могли помириться съ потерей своей самостоятельности и новыми московскими порядками. Тонъ псковскихъ лѣтописей поэтому иногда переходитъ въ минорный. „И быша“, сказано въ одномъ мѣстѣ,—„по Мисюри дьяки частые, милосердый Богъ милостивъ до своего созданія, и быша дьяки мудры, а земля пуста“²⁾. Впрочемъ всѣ бѣды лѣтописцы сваливаютъ на московскихъ намѣстниковъ, а князей Московскихъ считаютъ добрыми; такимъ добрякомъ представляется даже самъ виновникъ уничтоженія псковской независимости Василій Іоанновичъ; такъ, по случаю мора во Псковѣ въ Москвѣ былъ отслуженъ молебень при гробахъ чудотворцевъ Петра и Алексѣя, „а самъ государь слезы пролія на молебнѣ, аки нѣкій водный источникъ“³⁾; по поводу его смерти не злобный псковскій лѣтописецъ высказываетъ такое пожеланіе: „буди ему доброму государю милосердому, и боголюбцу, и пицелюбцу, и защитителю отовсюдъ Руской земли вѣчная память“⁴⁾. Не таковы отзывы лѣтописцевъ о московскихъ намѣстникахъ: лѣтописцы ихъ не любятъ и описываютъ самыми черными красками; такъ, князя Андрея Михайловича Шуйскаго лѣтописецъ называетъ злодѣемъ: онъ бралъ взятки съ подсудимыхъ, заставлялъ мастеровыхъ все дѣлать на себя даромъ⁵⁾, добрые люди должны были бѣжать отъ поклеповъ злыхъ.

¹⁾ Стр. 290. Выраженіе: „гремятъ мечи булатные о шеломахъ хиновскіе“ неоднократно встрѣчается въ Задонщинѣ.

²⁾ Стр. 297.

³⁾ Стр. 295.

⁴⁾ Стр. 298, 299.

⁵⁾ Стр. 304. Въ этомъ же обвиняется и Петръ Шереметевъ, стр. 323.

Поэтому лѣтописецъ съ сочувствіемъ относится въ попыткѣ Іоанна Васильевича дать псковичамъ право самимъ судить и казнить разбойниковъ и ликихъ людей; „и бысть Псковичамъ въ радость, а злыя люди разбѣгошася, и бысть тишина, но не намного“, замѣчаетъ онъ съ горестію;— „и паки намѣстники премогоша“¹⁾. Дурно отзывается лѣтописецъ и о Петрѣ Шереметевѣ, бывшемъ намѣстникомъ во Псковѣ въ смутную эпоху самозванцевъ: онъ притѣснялъ меньшихъ людей въ угоду большимъ; онъ былъ мадононецъ; вмѣстѣ съ Иваномъ Грамотинымъ онъ захватилъ себѣ лучшія дворцовыя села въ кормленіе; онъ обвиняется даже въ намѣреніи сдать Псковъ нѣмцамъ, что, впрочемъ, ему не удалось²⁾. Въ другомъ мѣстѣ лѣтописецъ замѣчаетъ: „Божією милостію иноземцы не совладѣли ни единымъ городомъ Псковскимъ, а совладѣли какъ воеводъ во Псковѣ умножило, и Псковщину пусту сотвориша и города поймаша“³⁾. Вотъ взгляды лѣтописца на намѣстниковъ! Другіе намѣстники обвиняются въ жестокости: такъ, когда въ 1632 году многіе русскіе выходцы изъ Литовской земли появились во Псковѣ, намѣстники отдавали ихъ насильно боярскимъ дѣтямъ въ крестьянство, многихъ сковывали, другихъ въ тюрьмахъ держали, чтобы заставить ихъ идти въ кабалу къ боярамъ⁴⁾. Однимъ словомъ, можно сказать, нѣтъ ни одного преступленія, въ которомъ не обвиняли бы намѣстниковъ. И понятно, всѣ эти преступленія не могли быть совершены безнаказанно: преступники еще на землѣ получаютъ должное возмездіе; такъ, о князѣ Троекуровѣ, который будучи псковскимъ намѣстникомъ, взялъ четвертый снопъ со всякаго хлѣба съ монастырей и церковей на государя для военныхъ людей, а села государевы, изъ которыхъ прежде кормились ратники, роздалъ боярамъ, сказано въ лѣтописи: „но той, иже церкви Божія оскорби и весь міръ погубилъ, вскорѣ злѣ живота исчезе, на Москвѣ испорченъ зеліемъ въ питіи отъ своихъ же, кровію изойде и умре, якоже и самъ о собѣ повѣда, каяся, иже толику бѣду сотворилъ всей Псковской земли“⁵⁾. Не смотря на всѣ

1) Стр. 304. Въ другомъ спискѣ сказано, что у намѣстниковъ сильная „не-люба“ была на христіанъ, „что у нихъ какъ зеркало государева грамота“, стр. 305.

2) П. С. Р. Л., IV, 324.

3) Ibid., 329.

4) Ibid., 382.

5) Тамъ же. Не къ однимъ намѣстникамъ враждебно относится псковскій лѣтописецъ, но и вообще московскимъ боярамъ приписываетъ дурныя намѣре-

эти отрицательныя качества намѣстниковъ, псковичи отличались постоянными вѣрнопопуданическими чувствами; какъ при потерѣ своей независимости они не захотѣли поднимать оружія противъ своего прирожденнаго князя, такъ и впоследствии въ 1609 году они пытали и казнили многихъ бояръ и священниковъ и въ смутное время, не смотря ни на какіе соблазны, остались вѣрны московскому правительству и не присягали Владиславу ¹⁾).

Если не хороши были московскіе намѣстники, то не хороши были и новыя порядки, вводимыя московскимъ правительствомъ, и ко всякому новому распоряженію псковскіе лѣтописцы относились критически; такъ, лѣтописецъ радуется вмѣстѣ съ псковичами, когда свели на Москву дѣяка Колтырю Ракова, который „многіе пошлины во Псковѣ оставилъ“ ²⁾); недоволенъ лѣтописецъ и введеніемъ новыхъ денегъ, чтò сопровождалось большими убытками ³⁾); съ неудовольствіемъ онъ говоритъ о введеніи водочной монополіи и откупа ⁴⁾); но особенно сильно поразило псковичей уничтоженіе свободной торговли льномъ: „и много шкоты монастыремъ и всякимъ людемъ сотворися, и насилству и грабежу, достойно, денги корѣлки худые, и цѣна неволная, и купле не любовная, и во всемъ скорбь великая и вражда несказанная и всей земли связь, ни купити, ни продати не смѣтъ никомуже помини“ ⁵⁾; также приходилось псковичамъ и отъ исполненія воинской повинности ⁶⁾).

Какъ и другіе лѣтописцы, такъ и псковскіе смотрѣли на физическія бѣдствія и политическія неурядицы, какъ на Божіе наказаніе за грѣхи людей; „все то за умноженіе грѣхъ ради нашихъ наводитъ Господь Богъ Вседержитель, ово гладь, ово пожаръ, и Тотарь и Литву и Нѣмецъ поганыхъ“, говоритъ лѣтописецъ въ одномъ мѣстѣ ⁶⁾); разныя космическія явленія на небѣ предвозвѣщаютъ физическія или военныя бѣдствія. „Сія бо знаменія являютъся не на добро, но

ніа относительно Пскова; такъ, по словамъ лѣтописца, при нападеніи Густава Адольфа казѣи пришли къ Москвѣ и били челомъ государю, чтобъ ихъ посласть подо Псковъ „на Свѣйскаго коррля; и бояре умыслили и вманали лучшихъ въ Москву, а на достальныхъ вылазкой вышли и многихъ побили“. *Ib.*

¹⁾ О самозванцѣ, появившемся во Псковѣ, упоминается кратко; кличка „воръ“ не свидѣтельствуетъ о симпатіяхъ къ нему лѣтописца. *Ibid.*, 330.

²⁾ *Ib.*, 299.

³⁾ *Ib.*, 302.

⁴⁾ *Ib.*, 333.

⁵⁾ *Ib.*, 335.

⁶⁾ *Ib.*, 302; см. также стр. 306, 308, 317.

на зло, или на морь, или на разратіе, или на гладь", замѣчаетъ лѣтописецъ по поводу появленія кометы ¹⁾). Появленіе звѣзды „копейнымъ образомъ“ предвозвѣщало „турскихъ приходъ на Литовскую землю, а на другой годъ Крымской на нихъ приде“ ²⁾). И не одни только физическія бѣдствія, но и просто всякіе выходящіе изъ ряда обыкновенныхъ случаи наводятъ на псковичей страхъ, предвозвѣщаютъ что-либо дурное; такъ, въ смутную эпоху раздѣленіе Руси предвозвѣщалось во Псковѣ появленіемъ на свѣтъ Божій разныхъ уродовъ: „родила корова теля о дву главахъ, о дву туловахъ, и двои ноги; родила жена отроча, тѣло едино, глава едина, хребты вмѣсто, руки двои и ноги двои; прояви въ Руси, что раздѣлится царство Руское на двое“ ³⁾). Такимъ образомъ изъ этого видно, что лѣтописцы, не смотря на свою начитанность, по своимъ понятіямъ—дѣти своего вѣка и наравнѣ съ другими современниками раздѣляли различныя суевѣрія и вѣрили въ предразсудки.

Что касается до нравственныхъ понятій псковскихъ лѣтописцевъ, то, къ сожалѣнію, мы мало имѣемъ указаній на нихъ въ лѣтописи; можно, впрочемъ, сказать, что они сочувствуютъ всему доброму, строго осуждаютъ измѣнниковъ крестному цѣлованію и данному слову ⁴⁾).

Ив. Тихомиревъ.

¹⁾ Ib. 294, 313, 322.

²⁾ Ib. 332.

³⁾ Ib. 322.

⁴⁾ Ib. 316.

ВОРЬБА ПОЛЬШИ И ЛИТВЫ-РУСИ ЗА ГАЛИЦКО-ВЛАДИМИРСКОЕ НАСЛѢДІЕ ¹⁾.

III.

Дѣла церковныя.

Рече же Володимиръ Нѣмцемъ: „идѣте опять, яко отци наши сего не признають“.

Лавр., 83.

„Die Russen scheinen zwar in den constitutionellen und gesellschaftlichen Verhältnissen der Stadt (Львова) eine inferiore Stellung eingenommen zu haben, dagegen ragte ihre Kirche des heiligen Georg über alle Bauten der Stadt empor“ Caro, G. P., III, 59.

Давно подготовлявшееся раздѣленіе христіанскаго міра совершилось наконецъ въ 1054 г. Единный христіанскій міръ раздвоился, сталъ на половину меньше! Почти два вѣка прошло въ колебаніяхъ и неопредѣленности: такъ трудно было христіанскому чувству помириться съ мыслью о раздѣленіи, но когда вскорѣ послѣ него западъ, такъ сказать, лично встрѣтился съ востокомъ, даже великая задача освобожденія Святой земли не могла выровнять образовавшейся между ними пропасти, не могла потушить „слѣпой ненависти къ схизматикамъ грекамъ“ ²⁾. Вражда сицилійскихъ норманновъ къ Византіи находила естественное сочувствіе въ представителѣ католическаго запада, а честолюбивые и смѣлые планы Рожера II осуществились

¹⁾ *Продолженіе*. См. январскую книжку *Журн. Мин. Нар. Просв.* за 1890 г.

²⁾ В. Г. Васильевскій, Изъ исторіи Византіи въ XII в., Славянскій сборникъ, II, С.-Пб., 1877.

наконецъ въ 1204 г. Центръ восточнаго православія, главнѣйшій противникъ Рима палъ передъ крестоносцами; на мѣсто греческой возникла латинская имперія. Казалось, православіе должно покорно склониться передъ папствомъ. Такъ думалъ Иннокентій III. „Мы радуемся“, писалъ онъ Балдуину, — „о Господѣ, который испровергаетъ гордыхъ и оказываетъ свою милость смиреннымъ, что онъ соизволилъ совершиться черезъ тебя чуду для славы твоего имени, для чести и преуспѣянія апостолическаго престола, для пользы христіанства. Принимаемъ тебя, твои земли и твоихъ подданныхъ подъ особенное покровительство св. Петра и приказываемъ защищать твою имперію всѣмъ предатамъ, князьямъ и всему христіанству. Всему крестовому ополченію повелѣваемъ охранять и поддерживать Константинопольскую имперію, обѣщая за это отпущеніе грѣховъ. Съ того времени, какъ царство грековъ отпало отъ послушанія апостолическому престолу, оно падало все глубже, пока наконецъ справедливымъ судомъ Божиимъ не было приведено отъ гордыни къ смирению, отъ неповиновенія къ послушанію, отъ схизмы къ католицизму. По сему увѣщиваемъ тебя держать греческую церковь и Константинопольскую имперію въ подчиненіи апостолическому престолу, такъ какъ Богъ подчинилъ ихъ ему своими велѣніями. Такимъ образомъ и самъ ты вѣрнѣе удержишь въ своихъ рукахъ государство“¹⁾. Ничего, какъ показываютъ послѣднія слова, не упускалъ изъ виду величайшій изъ папъ. Звѣзда папства достигла зенита. Удивительно ли, что свѣтъ ея отразился и на вѣрной дочери Царьграда—церкви русской! По лѣтописнымъ извѣстіямъ въ томъ же 1204 г. явился въ Роману папскій посолъ „намовляти въ латинскую вѣру свою, обѣщая ему гради и королеми въ Руси учинити. Романъ же прецирашеся отъ письма, а они не срамляса належаху ему ласковыми словеса“²⁾. Въ 1208 г. 7-го октября Иннокентій обращается ко всему русскому духовенству и народу, въ виду своей власти надъ Греціей,

¹⁾ *A. Fichler, Geschichte der kirchlichen Trennung zwischen dem Orient und Occident. München. 1864 г., I, стр. 309. Ср. тамъ же, стр. 306—307, сообщенія грековъ и латинянъ о занятіи крестоносцами Царьграда, доказывающія совершенную невозможность взаимнаго пониманія.*

²⁾ *Россійская Библіотека. С.-Пб., 1767, стр. 300. Стиль извѣстія, по справедливому замѣчанію Дашкевича, Первая унія, 38, пр. 2, отличается новизною. Въ другихъ спискахъ его нѣтъ. Можно ли, однако, въ виду пропуска имени Романа въ Ипатскомъ спискѣ, отнимать значеніе у показанія, не заключающаго въ себѣ никакой внутренней недостоверности; ср. *Татищевъ, Исторія, III, стр. 344.**

находить несообразнымъ, чтобы часть греческой церкви упорствовала въ раздѣленіи, извѣщаетъ о послыжкѣ легата и предлагаетъ оказать ему во всемъ послушаніе ¹⁾.

Посланіе папы осталось безъ всякихъ послѣдствій, и долго послѣ этого съ посланіями подобнаго общаго характера не встрѣчаемся. Само по себѣ оно представляетъ доказательство отдѣльности русскаго православія отъ Рима ²⁾, а возобновлявшіяся время отъ времени попытки подчинить его власти папы достаточно ясно доказываютъ, что отдѣльность никогда не прерывалась. Это, однако, не мѣшаетъ униатскимъ и католическимъ писателямъ поднимать почти при каждомъ митрополитѣ, какъ предшествующаго, такъ и послѣдующаго времени, вопросъ объ его католической ортодоксін. У болѣе серьезныхъ писателей эти вопросы такъ и остаются нерѣшенными, а въ самомъ разсмотрѣніи ихъ, общій ходъ духовной жизни русскаго народа совершенно игнорируется и основаніемъ аргументаціи являются лишь совершенно случайные, не характерные факты ³⁾. Это обстоятельство даетъ намъ основаніе совсѣмъ не останавливаться на этой сторонѣ и перейти къ непосредственно интересующему насъ предмету—католической пропагандѣ и утвержденію католическихъ епископскихъ кафедръ въ Галицко-Владимирской землѣ.

Отъ смерти Романа до окончательнаго утвержденія власти Да-

¹⁾ *Турпенскъ*, Н. Р. М. I, № 3.

²⁾ *Ibid.* Licet hactenus elongati fueritis ab uberibus matris vestrae tamquam filii alieni.

³⁾ Ср. *Пелешъ*, Geschichte der Union der ruthenischen Kirche mit Rom. Wien. 1878, I, стр. 310: указавъ несостоятельность некоторыхъ заключеній Кульчинскаго о католицизмѣ митрополита Матеея (умеръ въ 1220 г.), Пелешъ не находитъ однако возможнымъ считать его сторонникомъ „схизмы“ на слѣдующихъ основаніяхъ: не протестовалъ противъ папскаго посланія русскимъ епископамъ, не только не противодействовалъ коронаціи Коломана, но даже назначилъ въ Перемишль епископа Антонія; поставилъ въ Новгородкѣ епископы константинопольскаго монаха (!!). Неволею вспоминается замѣчаніе *Лихлера*, II, 16: „es wird doch nachgerade komisch, mit welchen Beweismitteln man darthun will, dass die Russische Kirche, ganz verschieden von der Byzantinischen die längste Zeit hinaus im freundschaftlichen Verhältnisse zu Rom geblieben sei“. Дѣйствительно, стоитъ только вспомнить, что указываемый Пелешемъ константинопольскій монахъ былъ Добрыня Ядрѣковичъ, о которомъ Новгородская 1-я лѣтопись подъ 1211 г. говоритъ слѣдующее: „быше пришелъ Добрыня Ядрѣковичъ изъ Царяграда, и привезе съ собою гробъ Господень, а самъ постричесе на Хутинѣ у святого Спаса, и волею божиею вълюбилъ и князь Мстиславъ и вси Новгородци, и послаша ѣ на Русь станитися“.

ніла (1205—1245 г.) въ Галицкой землѣ много разъ встрѣчаемся съ уграми. Вообще господство ихъ въ Галичѣ было слишкомъ кратко-временно для того, чтобы они могли думать о католической пропагандѣ, но въ болѣе продолжительное правленіе Коломана (1214—1218 гг.) они несомнѣнно о ней думали. Русскіе источники говорятъ о насильственныхъ дѣйствіяхъ угровъ ¹⁾, иностранные ²⁾ тоже сообщаютъ извѣстія о пропагандистскихъ замыслахъ Андрея — короля извѣстнаго крестовымъ походомъ. Попытки такимъ образомъ были ³⁾, но также несомнѣнно не привели ни къ чему. Окончившаяся въ непродолжительномъ времени борьба за Галичъ не могла уже общать мира галицкой церкви. Вновь учрежденные монашескіе ордена — францисканцевъ и доминиканцевъ, съ необыкновенною ревностью ухватившіе дѣло пропаганды въ свои руки, въ скоромъ времени появились въ Польшѣ, ставшей съ этихъ поръ очагомъ католическаго миссіонерства въ предѣлахъ Руси.

Въ 1218 году прибыли доминиканцы въ Польшу, а черезъ десять лѣтъ, по орденскимъ преданіямъ, Яцекъ Одровонжъ основалъ монастырь въ Кіевѣ ⁴⁾. Можно думать, что доминиканцы приложили не мало стараній къ распространенію въ Польшѣ духа пропаганды, если уже съ 1257 года поляки стали домогаться канонизаціи доминиканскаго миссіонера. Время для пропаганды было тогда дѣйствительно благопріятное: въ XIII в. среди членовъ Пястовскаго дома видимъ цѣлый рядъ святыхъ; но несомнѣнно, широкіе успѣхи проповѣди, доминиканцевъ на Руси представляютъ не только легенду, но даже вымыселъ. По доминиканскимъ сообщеніямъ, еще до прибытія въ Польшу

¹⁾ Воскресенская лѣтопись, Полное собраніе, VIII, 119: „въ лѣто 6722 король Угорскій посади сына своего въ Галичъ, а епископа и попы изгна изъ церкви, а свои попы приведе латыньскіа на службу“. О претвореніи церквей въ латынскую службу говоритъ и Никоновская лѣтопись, II. С., X, 66. О притѣсненіяхъ угровъ и противодействіи галичанъ у *Татищева*, III, 377.

²⁾ *Raynald*, *Annales*, 1214, VIII: *humiliter a nobis postularunt*, писалъ Андрей папа, *ut filium nostrum in regem ipsis praeficeremus, in unitate et obedientia Romanae ecclesiae perseveraturi in posterum, salvo tamen eo quod fas illis sit, a ritu proprio non recedere.*

³⁾ *Пелешъ*, *Geschichte der Union*, I, 307, считаетъ насильственными мѣры невозможными, но приводимыя имъ доказательства—лишь логическія рассужденія: не возможно (?), говоритъ Пелешъ, чтобы столь осмотрительный король, какъ Андрей, прибѣгалъ къ насильственнымъ мѣрамъ.

⁴⁾ О Яцкѣ: *И. И. Малышевскій*, *Доминиканецъ Яцекъ Одровонжъ, мнимый апостолъ земли Русской*, *Труды Кіевской духовной академіи* 1867 г., 4, 6, 8.

францисканцевъ, доминиканскіе проповѣдники достигли нѣкоторыхъ успѣховъ въ Галичинѣ: одновременно утвердились они въ Перемышлѣ и Львовѣ, гдѣ уже въ 1234 г. имъ принадлежала древнѣйшая католическая часовня св. Іоанна; въ 1238 году основали монастырь въ Галичѣ, а въ 1270 г. отъ Констанціи, дочери Бѣлы IV, жены Льва Даниловича, они получили во Львовѣ ихъ высшій монастырь ¹⁾. Свѣдѣнія эти основываются, впрочемъ, на позднѣйшихъ извѣстіяхъ, въ значительной мѣрѣ склонныхъ къ преувеличеніямъ. Во всякомъ случаѣ очень вѣроятно, что доминиканцы прилагали не мало стараній къ распространенію на Руси католицизма, а Римъ внимательно слѣдилъ за ихъ дѣятельностью и старался по возможности облегчать ихъ миссію. 15-го марта 1233 года Григорій IX посылаетъ два письма „братьямъ проповѣдническаго ордена на Руси“; въ одномъ поручая сдерживать своеволие и безчинства „нѣкоторыхъ лишь по имени вѣрныхъ“, позволяетъ дѣйствовать авторитетомъ папы ²⁾, въ другомъ даетъ имъ, до прибытія папскаго легата, особенныя преимущества на счетъ разрѣшенія отъ нѣкоторыхъ важныхъ грѣховъ ³⁾. Какъ будто въ помощь доминиканцамъ являются въ Польшу въ 1237 г. францисканцы. И они немедленно устремляются на Русь и, подобно доминиканцамъ, также преувеличиваютъ въ своихъ преданіяхъ размѣры своей первоначальной дѣятельности. Въ замѣткахъ орденскаго перемышльскаго архива сохранилось упоминаніе, что до 1255 года лишь они одни были въ Перемышлѣ ⁴⁾. Одновременно съ этимъ встрѣчаемъ извѣстіе о намѣреніи папы поставить епископа для Руси. По крайней мѣрѣ 12-го мая 1232 года Григорій IX поручилъ доминиканскому провинціалу и братьямъ Якову и Домаславу разслѣдовать состояніе церкви на Руси и сообщить, долженъ ли быть туда назначенъ епископъ ⁵⁾. Такимъ образомъ не только „вѣроятно“ ⁶⁾, но совершенно несомнѣнно, что до 1232 г. на Руси никакого католическаго епископа не было,

¹⁾ *Reifenkugel*, Gründung, 414.

²⁾ *Thiner*, M. P. I. № 47.

³⁾ *Ibid.*, № 48.

⁴⁾ *Reifenkugel*, Gründung, 415, пр. 1.

⁵⁾ А. Гр. и З., VII, № 1. Рейфенкугель заимствуетъ свѣдѣнія объ этомъ у Бовскаго, *Annales*; но у него дата (28-го апрѣля) и адресъ (провинціалу Якову Кресценцію и брату Домаславу) не вѣрны. Нѣкоторые пропуски этой буллы могутъ быть, кажется, дополнены содержаніемъ приведеннаго выше письма Григорія IX, см. выше пр. 2.

⁶⁾ *Н. П. Дашкевичъ*, Первая унія, 7.

и, какъ мы видѣли, еще въ 1233 году папа лишь собирался отправить туда своего легата, а въ буллѣ 12-го мая 1234 года видимъ опять жалобы папы на немногочисленность дѣятелей католической пропаганды, вынуждающую его снова предоставлять доминиканцамъ особенныя полномочія ¹⁾. Можно, пожалуй, не отвергать доминиканскихъ преданій объ епископахъ въ средѣ самихъ же миссіонеровъ, безъ опредѣленныхъ резиденцій и юрисдикціи: назначенія заранѣе иногда практиковались, но если и были таковыя, то они не имѣли никакой власти и вліянія.

Лишь послѣ 12-го мая 1234 г. Опатовскій аббатъ Герардъ возведенъ былъ въ санъ русскаго епископа, но перенесеніе его резиденціи въ Любушъ ²⁾ и полное отсутствіе какихъ-нибудь свѣдѣній о другихъ латинскихъ епископахъ для Руси ³⁾ даетъ основаніе думать, что католическая пропаганда не сдѣлала никакихъ особенныхъ успѣховъ. Еще въ 1254 г. Герардъ оставался въ живыхъ ⁴⁾, но въ русскихъ дѣлахъ не принималъ никакого участія. Между тѣмъ именно какъ разъ тогда татарскій разгромъ заставилъ Данила обратить вниманіе на предложенія пословъ, отправленныхъ папой къ татарамъ въ 1245 г. ⁵⁾. Переговоры эти начались, какъ извѣстно, случайно, и Любушскій епископъ не принималъ въ нихъ никакого участія. Очевидно, слѣдовательно, „первый русскій епископъ“ не имѣлъ ни-

¹⁾ А. Гр. и З., VII, № 2.

²⁾ Богувалъ сообщаетъ объ этомъ такими словами: *iste namque Henricus* (то-есть, Генрихъ I Силезскій) *monasterium Opatoviense, cuius monasterii abbas Gerhardus Ruthenorum episcopus pro catholicis ibi degentibus de novo fuerat creatus, ad ecclesiam Lubucensem transtulit*, М. Р. Н. II, 556. Объясненіе словъ: „*pro catholicis ibi degentibus*“ существованіемъ около Опатова „католической Руси“, *Зубрицкій*, Повѣсть, 54, пр. 35в; *Петрушевичъ*, Холмская Епархія, 5, пр. 7, на нашъ взглядъ представляетъ простое недоразумѣніе. Выраженіе „*de novo*“ имѣетъ, конечно, такое же значеніе, какъ и въ папскихъ буллахъ, см. ниже.

³⁾ *Reifenkugel*, Gründung, 417, пр. 2. Указываемая здѣсь неосновательность доминиканскихъ преданій о двухъ галицкихъ латинскихъ архіепископахъ, надо сказать, въ значительной степени ослабляетъ вѣроятность существованія епископовъ даже въ средѣ миссіонеровъ. Папскія буллы о нихъ не упоминаютъ вовсе, и можно только удивляться, что *К. Стадницкій*, даже послѣ *Reifenkugеля*, все-таки настаиваетъ на ихъ существованіи, *O początkach arcybiskupstwa i biskupstw katolickich na Rusi*. Львовъ. 1882.

⁴⁾ М. Р. Н. II, 573: при открытіи костей св. Станислава присутствовалъ *Gerhardus primus Russiae ordinis Cisterciensis quondam abbas de Opatow (episcopus)*. Въ ряду епископовъ онъ поставленъ послѣднимъ.

⁵⁾ *Н. П. Дашкевичъ*, Перв. унія, 20 слл.

какого отношенія къ церковнымъ дѣламъ на Руси, и не ему, а Генриху, архіепископу Пруссіи, Ливоніи, Эстоніи, апостолическому легату поручаетъ папа въ 1246 г. устройство іерархіи на Руси ¹⁾, очевидно, до сихъ поръ остававшейся безъ латинской іерархіи. Въ концѣ 1254 г. переговоры съ папой прекратились, а въ 1257 г. были прерваны окончательно ²⁾. Но они не остались безъ послѣдствій. Ко времени ихъ прекращенія относится весьма характерный документъ папской канцеляріи. 11-го февраля 1257 г. Александръ IV утвердилъ права духовной юрисдикціи Любушскаго епископа въ предѣлахъ Руси. По документу оказывается, что предшественники Любушскаго епископа „съ незапамятныхъ временъ“ (?!) вѣдали духовныя дѣла католиковъ на Руси. Исполненію пастырскихъ обязанностей мѣшали однако „вѣроломство князей и злоба жителей“. Любушскій епископъ, обращаясь къ папѣ съ просьбой, не имѣетъ надежды на измѣненіе положенія дѣлъ. Онъ хлопочетъ лишь въ виду того, чтобы права его кафедры не потерпѣли ущерба ³⁾, а папа охотно исполняетъ его просьбу, явно выражая досаду на неудачу переговоровъ съ Давидомъ („вѣроломство князей“) и — что еще важнѣе — обнаруживая совершенную беззаботность на счетъ исторической дѣйствительности, ибо какихъ же „предшественниковъ“ Любушскаго епископа могъ имѣть въ виду Александръ IV, о какихъ „незапамятныхъ“ временахъ можетъ быть рѣчь? Вѣдь „первый русскій епископъ“ былъ поставленъ, какъ мы видѣли, не раньше 1234 г. Все это представляетъ лишь завязку той необыкновенной путаницы, съ какою намъ придется встрѣчаться на протяженіи всей настоящей главы, гдѣ рѣчь идетъ о положеніи католицизма въ предѣлахъ Руси. Болѣе или менѣе она разъяснится только въ концѣ. Теперь ограничимся замѣчаніемъ, что указанное порученіе архіепископу Генриху въ 1246, какъ равно возникшая тоже одновременно съ прекращеніемъ переговоровъ съ Давидомъ мысль объ основаніи епископства въ Луковѣ ⁴⁾ могла послужить достаточною побудительною причиною къ указаннымъ дѣйствіямъ Любушскаго епископа, который могъ считать себя преемникомъ скончавшагося недавно „перваго русскаго епископа“. Права любушскихъ епископовъ были такимъ образомъ законно утверждены, но замѣчательно, вспомнили они объ этомъ лишь тогда, когда для ка-

¹⁾ *Турчневъ*, Н. Р. М. I, № 61.

²⁾ *Дашкевичъ*, Перв. Ун. 39—40, пр. 1. *Raynald* подъ 1257, 26—28.

³⁾ *Theiner*, M. P., I, № 144.

⁴⁾ *Ib.*, № 143.

толической пропаганды настало опять время болѣе благоприятное. Такимъ временемъ были 20-е годы XIV вѣка.

15-го декабря 1320 г. Іоаннъ XXII назначилъ доминиканскаго лектора въ Порвалле, Генриха Киевскимъ епископомъ. Назначеніе это послѣдовало первоначально отъ епископа Любушкаго, но, усумнившись въ его компетенціи, Генрихъ обратился къ папѣ, который, признавъ его сомнѣнія правильными ¹⁾, утвердилъ его въ санѣ, найдя его достойнымъ, а въ слѣдующемъ году поручилъ ему отправиться въ свою епархію ²⁾. Такимъ образомъ въ первой четверти XIV вѣка католическая пропаганда проникаетъ, по видимому, далеко на востокъ, и матеръ городовъ русскихъ получаетъ латинскаго епископа. Если примемъ во вниманіе, что въ 1234 г. небольшой католической колоніи въ Киевѣ, съ какимъ-то Ульрихомъ во главѣ, во всеомъ случаѣ не епископомъ, приходилось очень плохо ³⁾, что тогда же папа обращался къ сандомірскому духовенству, предлагая ему защищать киевскихъ единовѣрцевъ ⁴⁾, при чемъ сандомірскій католическій клиръ являлся, очевидно, крайнимъ на востокъ, а потому ближайшимъ къ Киеву, что въ упомянутой буллѣ Генриху папа говоритъ, что минуло уже 100 съ лишнимъ лѣтъ, какъ въ Киевѣ по причинѣ схизмы, не только не было католическаго епископа и клира, но даже не было католиковъ ⁵⁾, то послѣдовавшее въ 1320 г. назначеніе туда католическаго епископа представить фактъ, заслуживающій полнаго вниманія. Разсмотрѣніе его поможетъ намъ уяснить характеръ католической пропаганды на Руси, а отношенія Любушкаго епископа, обна-

¹⁾ Tu vero de privilegio ipso merito hesitans, то-есть, правѣ Любушкаго епископа поставлять епископовъ. Ibid., № 252.

²⁾ Ib., № 255.

³⁾ Ib., № 55.

⁴⁾ Ib., № 56.

⁵⁾ Ecclesia Kijoviensis elapsis centum annis et amplius propter scizma, quod instigante maligno spiritu in illis partibus inolevit, infeliciter caruit pastore proprio, clero et populo christianis. Показаніе папы совпадаетъ съ свидѣтельствомъ Длугоша объ изгнаніи изъ Киева католическихъ миссіонеровъ Владиміромъ Рюриковичемъ въ 1233 г. (VI, 240) и доминиканскими преданіями о дѣятельности Яцка, Дашкевича, Первая унія, 5, пр. 4, и Голубинскій, Исторія Русской церкви, 1, 700. Врядъ ли папа имѣлъ въ виду эти факты, ибо въ такомъ случаѣ онъ заявилъ бы о нихъ прямо; всего вѣроятнѣе, онъ руководился общимъ взглядомъ куріи на „схизматическій“ востокъ. „Centum annis et amplius“—крайне неопредѣленно, но въ такомъ случаѣ можно еще болѣе усумниться въ успѣхъ католической пропаганды на Руси въ XIII в.

ружившіяся по поводу назначенія помянутаго Генриха, связаны ближайшимъ образомъ съ учрежденіемъ католической іерархіи въ Галицкой Руси.

Замѣтимъ прежде всего, что новому Кіевскому епископу не пришлось даже увидѣть своей столицы. Не смотря на предписаніе папы, онъ до самой смерти оставался епископомъ *in partibus*, подобно Герарду: въ 1322 г. онъ былъ въ Бамбергѣ, вѣроятно, на обратномъ пути изъ Авиньона, затѣмъ онъ поселился въ Альтмаркѣ и оставался здѣсь, по видимому, до смерти ¹⁾. О состояніи Кіева въ то время мы имѣемъ весьма смутныя свѣдѣнія. Несомнѣнно, однако, назначеніе туда католическаго епископа не могло быть слѣдствіемъ включенія его въ составъ литовскихъ владѣній, ибо таковое произошло во всякомъ случаѣ не раньше 1332 г. ²⁾, не могло быть и слѣдствіемъ того, что Кіевъ былъ городъ безъ всякой власти, какъ думаетъ Рейфенжугель ³⁾, ибо еслибы и такъ было, то это не причина; не могло быть наконецъ—что самое главное—слѣдствіемъ дѣйствительной потребности въ епископѣ, ибо въ такомъ случаѣ Генрихъ хотя на короткое время посѣтилъ бы паству для удовлетворенія ея духовныхъ нуждъ. Этого, какъ мы видѣли, онъ не сдѣлалъ. Какая-нибудь причина назначенія должна была, однако, быть, и ее, всего вѣроятнѣе, слѣдуетъ усматривать въ тогдашнихъ дѣлахъ литовскихъ. Разумѣемъ начавшіяся въ 20-хъ годахъ переговоры Гедимина съ папой. Они завязались въ самомъ началѣ 1323 г., и если, подобно переговорамъ Данила, вытекали исключительно изъ политическихъ расчетовъ и, подобно имъ, разрѣшились ничѣмъ, то, во всякомъ случаѣ, связанные съ ними факты могутъ наводить на нѣкоторыя соображенія, относящіяся прямо къ интересующему насъ вопросу. Изъ папскихъ буллъ 1324 г. (1-го іюня) ⁴⁾, передающихъ содержаніе писемъ Гедимина къ папѣ, узнаемъ, что литовскій государь держалъ при своемъ дворѣ доминиканцевъ и миноритовъ, пользовавшихся полною свободой миссіонерской дѣятельности, а въ грамотѣ Гедимина отъ 25-го января 1323 г. ⁵⁾, обращенной ко всѣмъ почи-

¹⁾ *Reifenkugel*, *Gründung*, 421, пр. 2 и 4.

²⁾ *Дашкевичъ*, *Замѣтка*, 64.

³⁾ *Gründung*, 420.

⁴⁾ *Theiner*, *M. P.* 1, № 290 и 293.

⁵⁾ Русско-ливонскіе акты, № 67. Соображенія о подлинности грамоты см. В. Г. Васильевскій, *Обращеніе Гедимина въ католичество*, *Журн. М. Нар. Пр.* 1872, 2, стр. 155, пр. 2.

тателямъ Христа, разсѣяннмъ въ мірѣ и особенно къ жителямъ важнѣйшихъ торговыхъ городовъ: Штральзунда, Магдебурга, Бремена, Любека и Кельна, Гедиминъ говоритъ слѣдующее: „Мы будемъ стараться соблюдать все то, что письменно обѣщали святѣйшему отцу: будемъ строить церкви, какъ уже дѣлали это и до сихъ поръ. Ибо знайте, что за два года передъ симъ мы построили вновь двѣ церкви въ городѣ нашемъ Вильнѣ: одну для ордена доминиканцевъ, другую для миноритовъ, и сверхъ того, въ нынѣшнемъ году мы приказали возобновить для послѣдняго ордена, на пользу нашу и на спасительное врачеваніе сыновей и женъ нашихъ, прежде нами основанную церковь въ Новгородѣ, которую недавно сожгли огнемъ врестовосцы прусскіе. Мы съ охотою готовы принимать у себя епископовъ, священниковъ, монаховъ какаго бы то ни было ордена, только бы жизнь ихъ не была порочна, какъ жизнь тѣхъ, которые строятъ монастыри и потомъ насильно берутъ милостыню у добрыхъ людей и продаютъ ее“. Такимъ образомъ около 1320 г. монахи миссіонеры, въ виду благосклоннаго отношенія къ нимъ Гедимина, могли предаваться самымъ ровнымъ надеждамъ на счетъ дальнѣйшихъ успѣховъ своей дѣятельности. Такъ какъ монахи эти были несомнѣнно изъ Польши—такъ слѣдуетъ думать въ виду враждебныхъ отношеній Гедимина къ рыцарямъ—то надежды эти очень скоро могли сообщиться и польскому духовенству. Любушскій епископъ немедленно-же фактически занялъ свои права: но, быть можетъ, соблазненный легкостью, съ какою удалось ему добиться желаемаго въ 1257 г., онъ на этотъ разъ далеко вышелъ за предѣлы-признанной тогда за нимъ компетенціи ¹⁾. Притязанія были въ дѣйствительности дерзки, и если „незапамятной давности“, приведенной въ 1257 г. какъ основаніе для полученія права юрисдикціи, некому было оспаривать или даже подвергать сомнѣнію, то на этотъ разъ въ правахъ Любушскаго епископа усумнился самъ избранный имъ кандидатъ и осно-

¹⁾ Stephanus episcopus Lubucensis asserens sibi fore per speciale privilegium apostolice sedis indultum, ut possit ecclesiis dictarum partium, *que de scismate redierunt ad S-te Matris ecclesie unitatem de pontificibus providere*, *Theiner*, M. P. 1, № 252. Районъ, на который претендовалъ Любушскій епископъ, названъ здѣсь Galatha: въ буллѣ о юрисдикціи 1257 г. говорится о Ruscia. Терминъ—Galatha объясняетъ булла Гвизненскому архіепископу 1327: quod sedes episcopalis Lubucensis in partibus minoris Galathe, que Ruscia nuncupatur, *ib.*, № 376. Выходитъ одно и то же, но вѣроятно Любушскій епископъ предпочиталъ неопределенный терминъ Galatha.

вательность сомнѣній подтвердилъ папа. Дѣйствительно, приглашенный, надо думать, именно по этому поводу въ 1327 г. въ Авиньонъ Любушскій епископъ Стефанъ, сообщилъ куріи объясненія, которыя должны были привести ее въ немалое недоумѣніе. По его словамъ, любушская епископская кафедра существовала на Руси издавна во Фляндемиріи (Владимірѣ?), гдѣ до сихъ поръ, то-есть, въ 1327 г., видны гробницы епископовъ, да и самъ Стефанъ, до прибытія въ Римъ, бывалъ тамъ даже по долгу, исполняя пастырскія обязанности. Завзятость (gabies) схизматиковъ заставляла его, однако, нерѣдко покидать городъ, чѣмъ пользовались сосѣдніе епископы, присваивая себѣ принадлежащую ему духовную власть. Обо всемъ этомъ папѣ ничего не было извѣстно, а потому онъ и обращается къ Гнѣзненскому архіепископу, предлагая ему узнать дѣло, не прозвоя, однако, офціального разслѣдованія ¹⁾. Что отвѣтилъ папѣ архіепископъ, не знаемъ. Въ данномъ случаѣ слѣдуетъ обратить вниманіе прежде всего на то, что именно около этого времени Любушскіе епископы переживали весьма тяжелые моменты, испытывая жестокія преслѣдованія со стороны подлежащихъ ихъ власти жителей, которые не только завладѣли церковными имѣніями, но даже „до основанія разрушили“ самую церковь. Столь враждебныя отношенія между епископомъ и паствою были, какъ оказывается, „весьма давними“. Положеніе было на столько острое, что пришлось не только обращаться къ королю съ просьбой о защитѣ епископа, но и думать о перенесеніи его резиденціи въ другое болѣе удобное и безопасное мѣсто ²⁾. Дѣйствительно, въ XIV вѣкѣ Любушскіе епископы резидировали попеременно то въ Фирстенвальде (на рѣкѣ Шпре), то во Франкфуртѣ, то въ с. Горицѣ, то наконецъ снова въ Любушѣ, гдѣ въ 1374 г. гостилъ у епископа Петра Янъ Чарнковскій.

Далѣе: притязанія Любушскихъ епископовъ вызвали сомнѣніе не только со стороны куріи, которая объ ихъ отношеніяхъ къ Руси, какъ сказано, ничего не знала, но у самого Генриха—доминиканца, по мѣстовребыванію болѣе близкаго къ спорнымъ районамъ, а по принадлежности къ ордену, который лучше другихъ могъ знать та-

¹⁾ Ibid., № 376. *Ж. Стадникій*, О początkach, 14, не сомнѣвается въ справедливости показаній Любушскаго епископа и полагаетъ, что нарушали его права титулярные епископы монашескихъ конгрегацій. Что же мѣшало Любушскому епископу заявить объ этомъ прямо, а не столь неопредѣленно: „aliqui vicini episcopi“; почему, далѣе, курія ничего не знала объ епископахъ титулярныхъ?

²⁾ Ibid., № 377, 378.

мошнія дѣла, едва ли не наиболѣе компетентнаго въ вызвавшемъ сомнѣніе вопросѣ. Исторія Любушскаго епископства представляетъ до сихъ поръ не мало загадокъ ¹⁾. Ав. Малецкій ²⁾ называетъ его „польской духовной маркой“, но такой характеръ оно могло имѣть лишь въ планахъ его основателя. Уже съ 1250 г. Любушъ политически, а послѣ 1378 г. и въ церковномъ отношеніи навсегда отпалъ отъ Польши, войдя въ составъ маркграфства Бранденбургскаго и Магдебургской епископіи и, подобно другимъ бранденбургскимъ приобретениямъ на славянской почвѣ, вскорѣ былъ совершенно оцѣмеченъ. Вообще судьба этого епископства нѣсколько исключительна: переставъ быть польскимъ, оно какъ будто не стало и нѣмецкимъ, по крайней мѣрѣ, въ началѣ XIII вѣка оно подвергалось сильнымъ гоненіямъ какъ со стороны маркграфовъ, такъ и Магдебургскихъ архіепископовъ; его отношенія къ Руси неясны и какъ будто загадочны, по интересности они заслуживаютъ полнаго вниманія, но едва ли слѣдуетъ усматривать въ нихъ особенную важность, ибо едва ли самое предположеніе объ этихъ отношеніяхъ не вытекаетъ лишь изъ позднѣйшихъ притязаній, характеръ которыхъ достаточно ясно сказанъ въ извѣстномъ намъ заявленіи епископа Стефана. По крайней мѣрѣ уже Репель ³⁾ считалъ возможнымъ отвергнуть мнѣніе Вольбрюка о первоначальномъ назначеніи епископства для Червонной Руси и будто бы оттуда перенесенномъ въ Любушъ—мнѣніе, основанное исключительно на ложномъ представленіи исторической жизни Галицкой Руси. Въ 1033 г. епископство Любушское уже существовало, но не могло быть основано раньше 1018 г. (послѣ Будишинскаго мира). Его сравнительно бѣдная дотація и первоначальное положеніе какъ бы *in partibus* могло подогрѣвать миссіонерскую ревность его представителя, но до половины XIII вѣка обстоятельства не давали ей ни малѣйшей возможности въ чемъ бы ни было обнаружиться. Какъ и почему обнаружилась она съ этого времени—мы видѣли. Эти отношенія къ Руси вовлекаютъ Любушскихъ епископовъ въ занимающее насъ время въ прямое столкновеніе съ куріей, тянувшееся долго, благодаря, кажется, главнымъ образомъ, понятной сдержанности куріи, и

¹⁾ Специально обследовалъ ее *Wolbrück*, 'Geschichte des ehemaligen Bisthums Lebus und des Landes dieses Namens, но достаточно сказать, что трудъ этотъ вышелъ въ 1829 г. (Берлинъ).

²⁾ Kościelne stosunki, *Przewodn. lit. i nauk*, 1875 г.

³⁾ Исторія Польши, прилож. IV.

кончившееся въ 1375 г. полнымъ отрѣшеніемъ ихъ отъ всякой власти и вліянія на Русь, когда здѣсь дѣло католической пропаганды можно уже было считать упроченнымъ. Традиція, однако, упорно держалась: еще въ 1394 г. Любушскіе епископы спорили съ Перемышльскими о имѣніяхъ, а въ 1400 г. епископъ Іоаннъ Боршницъ въ составленномъ имъ регистрѣ помѣстилъ характерный отголосокъ старыхъ притязаній¹⁾. Наконецъ, въ XVI вѣкѣ епископство это совершенно исчезаетъ. Въ 1518 г. Опатовъ и его окрестности переходятъ въ частныя руки—къ Шидловецкимъ, а въ 1556 г., вслѣдствіе реформаци, оно было совсѣмъ упразднено. Для насъ впрочемъ, въ данномъ случаѣ, достаточно отмѣтить, что Римская курія объ отношеніяхъ Любушскаго епископа къ Руси ничего не знала; что католическіе миссіонеры на Руси утверждались за ново, ибо, какъ доминиканцы, такъ и францисканцы, по своимъ орденскимъ преданіямъ явились здѣсь первыми проповѣдниками католицизма; наконецъ, взглядъ куріи на давнишнее существованіе католическихъ епископствъ на Руси, высказываемый папами въ буллахъ, касающихся учрежденія латинскихъ епископскихъ кафедръ въ Галичинѣ, не могъ быть заимствованъ папами у Любушскихъ епископовъ, какъ думаетъ Рейфенкугель²⁾, ибо такой взглядъ встрѣчаемъ, напримѣръ, въ буллѣ Іоанна XXII къ легатамъ, отправленнымъ къ Гедимину въ 1324 году³⁾, то-есть, когда столкновеніе Любушскихъ епископовъ съ куріей только-что началось и еще не получило полной опредѣленности. Основаніемъ такого взгляда служило тщательно поддерживаемое папствомъ представленіе о право-

¹⁾ Item scias, quod *tota Russia* pertinuit ad episcopum Lubucensem tam Dyocesana quam iurisdictionis legibus, et in eadem Russia et per consequens de diocesi Lubucensi sunt per dominum Gregorium Papam XI creati primo Archiepiscopus Alliciensis. Item Episcopus Ladimiriensis. Item Episcopus Chelmensis. Item Episcopus Premislaviensis. Et scias, quod hec creatio fuit facta per D. Gregorium ad instancam Ducis Russie et Opoliensis et fuit facta tempore dni. Wenczeslay tunc Episcopi Lubucensis nunc autem Wratislaviensis. Item scias, quod Episcopus Premislaviensis est bonus et valet bene quibus annis CCCC. sexagenis, ut michimet retulit idem Episcopus Premislaviensis, alii autem parum valent. *Reifenkugel*, Gründung, 473, nr. 1 (изъ *Вольбрюка*).

²⁾ Gründung, 428.

³⁾ *Theiner*, M. P. 1, № 290: Vobis eciam resumendi sedes in eisdem partibus, de quibus haberi potest memoria et eciam certitudo, quod *hactenus Metropoles fuerint vel ecclesie cathedrales* et eas in statum pristinum reponendi, eis antiquis provinciis et diocesibus restitutis, servata tamen limitacione seu terminacione, quam vetustis temporibus habuerunt, libera sit facultas; vel si forte nulle hactenus fuerint ibidem Metropoles... erigendi de novo alias metropoles.

славномъ востокѣ, какъ о мірѣ схизматическомъ, то-есть, отдѣлившемся, а слѣдовательно—логически—бывшемъ нѣкогда въ единеніи или, что по римскому взгляду одно и то же, подчиненіи у Рима ¹⁾. Риму въ данномъ случаѣ нечего было усваивать взглядъ Любушскихъ епископовъ, ибо, какъ сказано, онъ заключался въ самой сущности католическаго представленія о православномъ востокѣ, а позднѣйшее измѣненіе взглядовъ Любушскихъ епископовъ, не усумнившихся доказывать, что на Руси не было епископскихъ кафедръ, а были лишь церкви приходскія, также какъ и разслѣдованія, производимыя куріей специально по этому поводу, при чемъ ей самой приходилось сознаваться, что объ этомъ у нея „свѣдѣній нѣтъ никакихъ“ ²⁾, доказываютъ лишь мѣру основательности подобнаго представленія, поддерживаемаго однако ревнителями католицизма и понынь.

Вотъ тѣ предварительныя замѣчанія, которыя мы считали необходимымъ предпослать обзору утвержденія католической церкви въ предѣлахъ ближайшей къ западу Галицкой Руси. Ничего, кромѣ попытокъ въ этомъ направленіи, мы не можемъ указать. Попытки эти предпринимались Римомъ при каждомъ удобномъ случаѣ: оттуда, а не отъ Любушскихъ епископовъ исходила инициатива, то въ видѣ непосредственныхъ обращеній къ князьямъ и народу, то въ видѣ миссіонерской дѣятельности монашескихъ орденовъ, зависимыхъ и руководимыхъ куріей.

Любушскій епископъ, тѣснимый у себя дома, не могъ имѣть средствъ вліянія на Русь, былъ, очевидно, не прочъ приобрести таковое, но его попытки, закончившіяся полною неудачей, показываютъ лишь, до какой степени дѣло католицизма на русской почвѣ было ново, совершенно не установлено, и имѣютъ лишь эпизодическій характеръ. Католическіе (польскіе) поселенцы подвергались на Руси вліянію православія, не избѣгали съ нимъ общенія; въ глазахъ папскихъ миссіонеровъ они являлись „лишь по имени вѣрными“ ³⁾ и

¹⁾ Это, какъ мы видѣли, высказано прямо въ буллѣ Генриху: *elapsis centum annis et amplius propter scisma*. Такой же взглядъ, какъ увидимъ ниже, высказываетъ и первый латинскій Перемышльскій епископъ Эрихъ.

²⁾ *Theiner*, M. P. 1, № 908: *Intelleximus*, пишетъ Григорій XI въ 1372 г. архіепископу Гивзенскому, епископамъ Краковскому и Плоцкому,—*per relationes quorundam, quod Haliciensis, Primisliensis, Laudimiriensis et Chelmensis ecclesie cathedrales fore noscuntur, nonnullis aliis pretenditibus, ecclesias ipsas non cathedrales sed dumtaxat parochiales ecclesias existere. Nos de premissis certam noticiam non habentes, поручаемъ узнать и не медля донести.*

³⁾ *Ibid.*, № 47.

даже отказывались подчиняться папѣ ¹⁾, однимъ словомъ, совершенно пропадали въ православномъ русскомъ морѣ. Происходило на окраинѣ русскаго міра въ XIII—XIV вѣкахъ то же, что происходило потомъ въ предѣлахъ болѣе отдаленныхъ отъ польскаго вліянія— въ Кіевщинѣ и южныхъ степяхъ. Правда, доминиканскія и францисканскія преданія представляютъ успѣхи пропаганды весьма значительными, но ихъ взаимныя противорѣчія доказываютъ, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ матеріаломъ весьма подозрительнымъ, рѣшительно не позволяющимъ основывать на немъ прочные выводы. „Судя по описаніямъ подвиговъ и успѣховъ пропаганды, какъ они излагаются въ орденскихъ источникахъ, невольно спрашивается“, замѣчаетъ И. Малышевскій ²⁾,— „какимъ образомъ доселѣ весь міръ не покоренъ папству? Это, кажется, должно было бы быть, если бы не оказывалось, что огромная часть разказовъ о подвигахъ и успѣхахъ римско-католической пропаганды—не болѣе какъ легенды, даже намѣренно сложенные, и пущенные въ ходъ вымыслы“. Можно поэтому думать, что почти до половины XIV вѣка православная церковь въ Галицкой землѣ наслаждалась миромъ и спокойствіемъ, а по крайней мѣрѣ не испытывала никакихъ грозныхъ потрясеній и опасностей, оставаясь все тѣмъ же отдѣльнымъ отъ католицизма, „какъ бы другимъ міромъ“, по выраженію Краковскаго епископа Матвѣя ³⁾.

Миръ и спокойствіе православной церкви впервые были нарушены со вступленіемъ на русскую почву ляха въ качествѣ владѣтельнаго лица, но и въ этомъ случаѣ дѣло кончилось лишь не вполне ясными попытками, имѣвшими однако для начинателя весьма трагическія послѣдствія.

16-го іюня 1327 г. Іоаннъ XXII пишетъ ликующее письмо Галицкому князю, по поводу желанія послѣдняго приступить къ единенію съ Римскою церковью. По видимому, папа могъ надѣяться осуществить теперь планы Иннокентія III и Александра IV, но намѣренія князя скоро сдѣлались извѣстны митрополиту Θεогносту, и онъ послѣдилъ къ мѣсту опасности. Съ 1329 по 1331 г. Θεогностъ былъ въ Кіевѣ, потомъ на Волини. Здѣсь во Владимірѣ въ 1331 г. онъ рукоположилъ въ Новгородскіе епископы Василія, вызваннаго

¹⁾ А. Гр. и З., VII, № 1.

²⁾ Доминиканецъ Яцекъ, *Труды Кіевск. духовн. акад.* 1867, 4, стр. 33.

³⁾ Письмо Матвѣя къ Вернару Клервальскому, М. Р. Н., II, 15.

снова туда же въ 1334 г. по возвращеніи Теоноста изъ Греціи. Въ рукоположеніи принимали участіе епископы: Григорій Полоцкій, Аванасій Владимірскій, Теодоръ Галицкій, Маркъ Перемышльскій и Іоаннъ Холмскій ¹⁾. Цѣль этого полнаго собора западно-русскихъ іерарховъ объясняется характеромъ и дѣятельностью Юрія-Болеслава, открыто перешедшаго въ католицизмъ и долженствовавшего поэтому съ ревностью ренегата содѣйствовать цѣлямъ католической пропаганды, ставшей, какъ мы видѣли, именно къ этому времени особенно напряженной. Видно, митрополитъ придавалъ серьезное значеніе церковнымъ дѣламъ православной окраины и желалъ укрѣпить духъ пастырей для мужественнаго отпора угрожавшей опасности. Трудно сказать съ полною опредѣленностью, каковы были замыслы Юрія Болеслава; они, какъ и все, касающееся галицкой исторіи занимающаго насъ періода, темны, и изслѣдователямъ поневолѣ приходится прибѣгать къ предположеніямъ и догадкамъ. Юрію-Болеславу приписываютъ желаніе учредить отдѣльную митрополию въ Галичѣ и такимъ образомъ подготовить введеніе уніи или католицизма, такъ какъ новый митрополитъ долженъ былъ быть лишь послушнымъ орудіемъ въ рукахъ князя. Такимъ образомъ мы прямо подходимъ къ вопросу о Галицкой митрополіи, то-есть, духовному разобщенію русскаго міра, факту, осуществлявшемуся, какъ извѣстно, въ позднѣйшее время и дѣйствительно подрывавшему одинъ изъ коренныхъ устоевъ духовнаго русскаго благосостоянія. Вотъ почему указанный вопросъ мы считаемъ необходимымъ рассмотретьъ по возможности обстоятельно, такъ какъ онъ прямо затрагиваетъ самую сущность, какъ внутренняго состоянія православной церкви въ Галичѣ, такъ и ея отношенія къ остальному православному міру. Предположеніе Ржежабка, приписывающаго Юрію-Болеславу планы духовнаго разобщенія русскаго міра, съ особенною яркостью можетъ иллюстрировать какъ способъ возникновенія, такъ и характеръ научной постановки вопросовъ, касающихся нерѣдко существенныхъ сторонъ галицко-русской жизни, а потому разсмотрѣніе вопроса объ отдѣльности Галицкой митрополіи мы и начнемъ съ разбора указаннаго предположенія Ржежабка, столь блистательно обнаружившаго и научную основательность, и научное остроуміе.

На чемъ основываетъ Ржежабекъ свое мнѣніе? На предполагаемыхъ, но совершенно не извѣстныхъ намъ въ точности, переговорахъ

¹⁾ Новгород. 1-я лѣт., 75, 77.

Юрія Болеслава съ Θεογностомъ ¹⁾, на упоминаніи имени Θεοдора въ числѣ Галицкихъ митрополитовъ въ грамотѣ Казимира Константинопольскому патриарху и, наконецъ, на подписяхъ въ грамотѣ Юрія II отъ 1335 г. Недостаточность перваго основанія видна сразу, и конечно, самъ Ржежабекъ не придаетъ ему особеннаго значенія. Документальнымъ основаніемъ правдоподобности предположенія Ржежабекъ считаетъ упомянутую грамоту Казимира, сообщеніе которой онъ, конечно, не подвергаетъ никакому сомнѣнію. Но дѣло въ томъ, что, какъ увидимъ ниже, точное согласованіе ея показаній съ извѣстными намъ несомнѣнными фактами изъ исторіи Русской церкви не возможно, а это обстоятельство въ значительной степени должно подорвать вѣру въ точность приводимаго Казиміромъ перечня Галицкихъ митрополитовъ, изъ которыхъ послѣдній (въ грамотѣ названъ: Нифонтъ, Петръ, Гавріилъ и Θεοдоръ), Θεοдоръ, обыкновенно отождествляется съ бывшимъ при Юрія-Болеславѣ Галицкимъ епископомъ Θεοдоромъ.

Хронологическая возможность такого отождествленія должна была въ глазахъ Ржежабка поддержать вѣру въ точность перечня, котораго онъ не имѣлъ надобности подвергать подробному разсмотрѣнію, такъ какъ вопроса о Галицкихъ митрополитахъ онъ касается лишь мимоходомъ, а затѣмъ та же самая вѣра могла дать Ржежабку основаніе для смѣлаго предположенія, которое онъ высказалъ по поводу подписей въ упомянутой грамотѣ Юрія II отъ 1335 г. Θεοдора, упоминаемаго въ этой грамотѣ безъ всякаго титула, Ржежабекъ считаетъ однимъ и тѣмъ же лицомъ съ Θεοдоромъ епископомъ Галицкимъ, упоминаемымъ въ грамотѣ того же князя отъ 1334 г. Титулъ при имени Θεοдора пропущенъ, по мнѣнію Ржежабка, именно потому, что какъ разъ около этого времени шла рѣчь о назначеніи его въ митрополиты ²⁾

Съ этимъ предположеніемъ мы рѣшительно не можемъ согласиться. Епископъ Галицкій Θεοдоръ занимаетъ въ грамотѣ 1334 г. первое мѣсто, что совершенно естественно по его сану: даже въ грамотахъ

¹⁾ „Пребываніе Θεογноста во Владиміръ было сначала не противно планамъ Юрія Болеслава. Кто знаетъ, не пыталъ ли онъ тайной надежды склонить Θεογноста остаться навсегда въ его землѣ и такимъ образомъ положить основаніе самостоятельной Галицко-Волынской митрополіи. Двадцать лѣтъ назадъ подобную попытку сдѣлалъ Юлій I; для его внука не могло быть тайной, какія выгоды могло бы принести осуществленіе этой мысли“. *Ржежабекъ—Часоп.*, 214.

²⁾ *Часоп.*, 215.

Владислава Опольскаго православные архіепископы, если имъ приходилось присутствовать при совершеніи актовъ, помѣщались на первомъ мѣстѣ ¹⁾. Въ грамотѣ 1335 г. мы встрѣчаемъ Феодора безъ всякаго титула послѣ Димитрія Дѣтка, „воеводы“ белзскаго, придворнаго судьи, „воеводѣ“ перемышльскаго и львовскаго, то-есть, на шестомъ мѣстѣ, при восьми присутствующихъ лицахъ; между тѣмъ, еслибы дѣйствительно Феодора прочли въ митрополиты, это было бы лишь новымъ основаніемъ выдвинуть его на первое мѣсто, какую бы силу и вліяніе ни получили къ тому времени „бояре и воеводы“. Если ко времени составленія грамоты онъ не получилъ каноническаго утвержденія, то это врядъ ли могло мѣшать назвать его „нареченнымъ“ и во всякомъ случаѣ не могло служить основаніемъ отнимать у него его епископскій титулъ и, такъ сказать, понижать его въ подписяхъ. Всѣ подписавшіеся называютъ себя по именамъ и фамиліямъ (прозвищамъ) или по отчеству ²⁾; исключеніе представлялъ бы только „воевода“ луцкій, названный въ грамотѣ, при чтеніи Ржежабка, просто—Otek. Гораздо естественнѣе считать воеводой луцкимъ Феодора Oteckъ и не ставить запятой между словами: Chodoge и Otek. Въ такомъ случаѣ подпись луцкаго воеводы не будетъ представлять ничего страннаго, не будетъ и непонятнаго пониженія представителя церкви, котораго, напротивъ, слѣдовало возвышать, если дѣйствительно на него возлагались извѣстныя надежды. Отсутствіе подписи епископа Феодора въ грамотѣ 1335 г. объясняется, на нашъ взглядъ, совершенно естественно. Впервыхъ, грамота дана во Владимірѣ, и если Феодору не трудно было въ 1334 г. доѣхать изъ Галича до Львова, то странно было бы ѣхать во Владиміръ за тѣмъ только, чтобы положить свою подпись на документѣ, не имѣющему къ церкви никакого отношенія. Епископъ могъ быть призванъ въ княжескую раду, но непремѣннымъ ея членомъ, какъ извѣстно, не былъ. Вовторыхъ, предположеніе, что епископъ Феодоръ былъ орудіемъ Болеслава есть только предположеніе, основаній для него никакихъ не имѣется, на оборотъ всѣ вѣроятности говорятъ противъ такого предположенія. Мы видѣли, что епископъ Феодоръ не избѣгалъ общенія съ митрополитомъ Теогностомъ. Къ 1334—1335 г. противъ Юрія Болеслава составилаь сильная оппозиція. Нечего говорить о духовенствѣ,—сами бояре выступили на защиту

¹⁾ А. Гр. и З., II, 6, 8.

²⁾ Chotcone filio Ieromiri.

угрожаемаго со стороны князя православія. Это признаетъ и Ржежабекъ. Въ виду всего этого представителю Галицкой церкви, о которомъ вообще нѣтъ никакихъ точныхъ свѣдѣній, пришлось бы приписать невѣроятное ослѣпленіе, еслибъ онъ дѣйствительно рѣшился содѣйствовать планамъ, не имѣвшимъ подъ собою никакой почвы. Ѳеодоръ долженъ былъ избѣгать князя, быть можетъ, стоялъ во главѣ оппозиціи противъ него, и во всякомъ случаѣ она должна была находить въ немъ сочувствіе и поддержку, и слѣдовательно, предположеніе Ржежабка не имѣетъ въ сущности никакихъ другихъ оснований, кромѣ вѣры въ точность Казимірова перечня. Перейдемъ поэтому къ рассмотрѣнію данныхъ Казиміровой грамоты къ Константинопольскому патріарху ¹⁾, на которой основывается мнѣніе объ отдѣльности Галицкой митрополіи, и не мимолетной, а довольно продолжительной. Въ подтвержденіе своей просьбы назначить въ Галичѣ особаго митрополита, Казиміръ перечисляетъ Галицкихъ митрополитовъ, прежде бывшихъ. Таковыми называются въ грамотѣ Нифонтъ, Петръ, Гавріилъ и Ѳеодоръ. Мы уже замѣтили, что свидѣтельство это, при несомнѣнной подлинности, не устраняетъ недоумѣній, такъ какъ сообщаемыя имъ показанія не могутъ быть примирены съ извѣстными намъ въ точности другими фактами русской церковной жизни. Въ виду этого митрополитъ Макарій прямо считаетъ показанія Казиміра „ложными или не точными“, „очевидно преувеличенными“; патріарху не трудно было бы обличить это, но онъ не могъ этого сдѣлать въ виду прямой угрозы Казиміра крестить русскихъ въ латинскую вѣру ²⁾.

Совершенно иначе относятся къ документу другіе, напримѣръ, одинъ изъ теперешнихъ представителей Галицкой греко-уніатской церкви Ю. Пелешъ ³⁾. Постараемся вкратцѣ суммировать его разсужденія. Первый изъ называемыхъ Казиміромъ Галицкихъ митрополитовъ Нифонтъ представляетъ личность, по словамъ Пелеша, вообще совершенно неизвѣстную; Петръ былъ, конечно, митрополитомъ Галицкимъ, но лишь по стольку, по скольку былъ митрополитомъ Кіевскимъ и всея Руси. Отдѣльнаго митрополита Галицкаго въ періодъ времени 1305—1326 годовъ несомнѣнно не было. Гавріилъ,

¹⁾ Acta patriarchatus, I, 577, Русск. историч. библ., VI, прилож. № 22; М. Р. Н., II, 626.

²⁾ Макарій, IV, 56 и пр. 68.

³⁾ Geschichte der Union, I, стр. 380—390.

также какъ и Нифонтъ, „совершенно не извѣстенъ“. Что касается Θεодора, то онъ, по мнѣнію Пелеша, предназначался въ митрополиты (къмъ?), но патриаршаго утвержденія не получалъ. Таковы фактическія свѣдѣнія о перечисляемыхъ Казиміромъ Галицкихъ митрополитахъ. „Сопоставляя данныя о нихъ съ исторіей тогдашней Кіевской митрополіи“¹⁾, Пелешъ приходитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: „Нифонтъ дѣйствительно можетъ быть принимаемъ за перваго Галицкаго митрополита (1299—1305 гг.)“, ибо какъ разъ тогда митрополитъ Максимъ оставилъ Кіевъ и переселился во Владиміръ, что должно было побудить Льва Даниловича къ установленію собственной митрополіи. Во всякомъ случаѣ митрополіа эта „канонически установлена не была“, такъ какъ потомъ напрасно, какъ оказалось, хлопоталъ объ этомъ Юрій Львовичъ, пославъ Петра къ патриарху. Съ 1305—1326 годовъ, какъ сказано, не было отдѣльнаго Галицкаго митрополита; то же слѣдуетъ связать о времени 1329—1331 годовъ, когда на Волини дѣйствовала Θεогность. Вотъ почему относительно послѣднихъ двухъ митрополитовъ, упоминаемыхъ Казиміромъ, возникаетъ предположеніе, что они были лишь викарными Кіевского митрополита, и что въ перечнѣ митрополитичій титулъ приписанъ имъ не вѣрно²⁾. Очевидно, такимъ образомъ, что перечень Казиміра никакъ не можетъ быть примиренъ съ несомнѣнными историческими фактами, а между тѣмъ онъ представляетъ единственное основаніе для утвержденія о существованіи Галицкой митрополіи въ теченіе болѣе продолжительнаго времени, а не мимолетномъ, какъ оно было въ дѣйствительности³⁾.

Относительно Гавріила и Θεодора Пелешъ, хотя и ссылался на

¹⁾ Мы этого не понимаемъ. Какія же „данныя“, когда о трехъ митрополитахъ ничего не извѣстно, когда, напримѣръ, о Гавріилѣ Пелешъ говоритъ такъ: „wenn also Gabriel wirklich eine historische Person ist?“

²⁾ Напримѣръ, А. Петрушевичъ, О Галицко-Русскихъ митрополитахъ, Гал. Истор. Сб., ч. III, стр. 16, говоритъ: „вѣроятно, одинъ только Нифонтъ былъ настоящимъ Галицкимъ митрополитомъ, прочіи же пользовались, можетъ быть, только титуломъ“.

³⁾ О митрополитахъ Крылосскихъ, то-есть, тѣхъ же Галицкихъ (Крылосъ— село недалеко отъ Галича, принадлежитъ и теперь Львовскимъ греко-уніатскимъ митрополитамъ) Юсвеѣ и Григоріи нечего говорить, ибо такъ-называемыя „Львовы грамоты“ (см. у Зубрицкаго, Повѣсть, прилож.: В, В, Г, Д, Е, Ж,) несомнѣнно подложны. Мнѣніе Гарасевича, Annales ecclesiae Ruthenae, Leopoli, 1862, стр. 12, относящаго отдѣльность Галицкой митрополіи даже къ 1240 году, отвергается и Пелешъ.

другихъ, считаетъ возможнымъ допустить ошибку въ Казиміровомъ документѣ. Отчего же не допустить ошибки и относительно Нифонта? „Такъ какъ“, говоритъ Пелешъ,—„Нифонтъ названъ первымъ, то время его правленія должно отнести къ 1299—1305 гг.“ Въ дѣйствительности нельзя считать Нифонта митрополитомъ на томъ же основаніи, какъ и Гавріила и Феодора, ибо во время путешествія митрополита Максима въ Царьградъ, гдѣ онъ въ 1301 г. присутствовалъ на соборѣ, „онъ обозрѣвалъ Волинскую землю и здѣсь, въ числѣ прочихъ, ему представлялся игуменъ Ратскаго монастыря Петръ“¹⁾. Если въ перемышльской рукописи, о которой упоминаетъ Пелешъ²⁾, названъ Нифонтъ, то впервыхъ, онъ названъ здѣсь епископомъ, а не митрополитомъ, воторыхъ, рукопись эта очень поздняя³⁾ и, наконецъ, въ ней послѣ Нифонта поставленъ Игнатій. Такимъ образомъ считать Нифонта отдѣльнымъ Галицкимъ митрополитомъ нѣтъ никакихъ основаній, но въ такомъ случаѣ точность Казимірова перечня окажется совершенно недостоверною. Между тѣмъ Пелешъ не только не отступаетъ передъ очевидною фактической несостоятельностью перечня, но считаетъ его даже хронологически послѣдовательнымъ и соотвѣтственно этому назначаетъ годы митрополитства названныхъ лицъ.

Искусственность и натянутость разсужденій Пелеша рѣзко бросаются въ глаза. Всѣ эти разсужденія въ основѣ своей имѣютъ мысль, что Галичъ постоянно, стремился къ отдѣльности и осуществлялъ ее при всякой возможности. Но, спрашивается: отчего же такъ легко она уничтожалась? Стоитъ только явиться дѣйствительному митрополиту, и нѣтъ ея, этой предполагаемой отдѣльности! Ясно, слѣдовательно, далѣе что въ данномъ случаѣ просто пользуются отсутствіемъ опредѣленныхъ указаній на отношенія Галицкой епархіи къ митрополіи. Такимъ образомъ, напримѣръ, для митрополитства Гавріила назначаются 1326—1329 гг. Но вотъ въ „записяхъ о поставленіи русскихъ епископовъ“⁴⁾, при Феодорѣ Галицкомъ стоитъ годъ 1328. Митрополитство Гавріила становится такимъ обра-

¹⁾ *Макарій*, Исторія, IV, 14. О рѣчкѣ Ратъ и существующемъ доннынъ названіи—Петрова долина, *Петрушевичъ*, о Галицкихъ митрополитахъ, пр. 6.

²⁾ *Geschichte der Un.*, 380, пр. 82.

³⁾ Петрушевичъ приписываетъ ее греко-униатскому митрополиту Льву Кишиѣ (1711—1728 г.).

⁴⁾ *В. Г. Васильевскій—Журналъ Мин. Нар. Просв.*, 1888, II.

зомъ еще менѣе вѣроятнымъ ¹⁾. „Отъ вѣка вѣковъ“, говоритъ Казиміръ, — „Галичъ слылъ митрополіей во всѣхъ странахъ и былъ престоломъ митрополіи отъ вѣковъ“. Что же это за особенная извѣчность, отъ которой не осталось никакихъ слѣдовъ? 13-го декабря 1539 года православные галичане и подоляне обращаются къ митрополиту Макарію съ просьбой о посвященіи для нихъ епископа, и вотъ что говорятъ они митрополиту: „тому есть 200 лѣтъ и одинъ рокъ минуло (опредѣленность, неволью обращающая на себя вниманіе), якъ владыка на Галичѣ былъ“ ²⁾.

„Духовенство и миряне“, справедливо замѣчаетъ по этому поводу М. Смирновъ ³⁾, — „запомнили, когда былъ послѣдній еписковъ въ Галичѣ, а о двухъ митрополитахъ (то-есть, 1347 и 1371 гг.), тамъ жившихъ и правившихъ, совершенно забыли“. Вотъ каково было стремленіе православныхъ галичанъ къ духовной отдѣльности; даже памяти о ней не осталось въ народѣ! Политическая махинація прошла надъ нимъ безъ всякаго слѣда, не смотря на то, что была продѣлана даже неоднократно. Что теперешніе духовные представители галичанъ смотрятъ на дѣло иначе, — понятно. Но странно и по истинѣ грустно вотъ что: предположимъ, что стремленія къ духовной отдѣльности, приписываемыя Пелешемъ галичанамъ, осуществлялись въ лицѣ митрополитовъ Гавріила и Ѳедора. Во всякомъ случаѣ они могли быть осуществляемы не канонически. Въ глазахъ духовныхъ лицъ — а таковы почти всѣ, сколько-нибудь подробно касавшіеся вопроса о Галицкой митрополіи и утверждающіе ея отдѣльность въ указанный періодъ времени — это обстоятельство должно бы имѣть извѣстное значеніе, но какія-то другія соображенія оказываются сильнѣе.

Какъ же быть однако съ несомнѣнно подлинною грамотой Казиміра? Почему, и на какомъ основаніи, спросимъ мы, должно приписывать его словамъ несомнѣнную историческую точность? „Ради Бога, ради насъ и святыхъ церквей“, взываетъ Казиміръ къ патріарху, — „да будетъ ваше благословеніе и надъ симъ челоувѣкомъ (Антоніемъ), чтобы престолъ этой митрополіи не оставался пустымъ, рукополо-

¹⁾ Для Нифонта назначаются 1299—1305 гг. Фактъ посвѣщенія Волини митрополитомъ Максимомъ около 1301 г. извѣстенъ *Пелешу*, *Geschichte der Un.*, 328; но въ данномъ случаѣ почему-то игнорируется.

²⁾ А. З. Р., II, 361; о датѣ документа см. тамъ же примѣчаніе.

³⁾ Судьбы Галицкой Руси, 141.

жите Антонія въ митрополита, дабы не исчезъ, не разорился законъ русскій“. Что же, слѣдуетъ считать Казимира стоятелемъ и оберегателемъ русскаго закона? Такое предположеніе, въ виду фактовъ, вызываетъ лишь улыбку, но вѣдь столь же несомнѣнны факты, опровергающіе точность Казимирова перечня. Очевидно, довѣріе къ документу основывается вовсе не на его дѣйствительномъ характерѣ и значеніи, а поддерживается по совершенно другимъ соображеніямъ, которыя не могутъ имѣть ничего общаго съ научной истиной. Во имя чего и на какомъ основаніи, спрашивается,—если не допускать прямой злонамѣренности—вносится въ науку принципъ: *credo, quia absurdum*? Въ наукѣ нѣтъ для него мѣста! Если примемъ во вниманіе, что грамота Казимира послужила главнымъ основаніемъ для указаннаго выше предположенія Ржежабка о замыслахъ Юрія Болеслава касательно Галицкой церкви, что та же грамота побудила его считать Теодора (Отека), скрѣпившаго грамоту Юрія II въ 1335 г., епископомъ Теодоромъ, мы будемъ въ состояніи представить себѣ, какимъ образомъ возникаетъ рядъ аргументовъ со всѣми признаками научной основательности. Связанные вмѣстѣ, эти аргументы составляютъ цѣпь, сковывающую изслѣдователя, и сколько труда, сколько усилій приходится употребить, чтобы хоть немного освободиться отъ ея давленія!

Отдѣленіе Галицкой митрополіи дѣйствительно произошло около половины XIV вѣка, и конечно, какъ фактъ, касающійся коренныхъ основъ жизни, было подготовлено предшествовавшимъ ея ходомъ, выработавшимъ въ русской жизни тѣсное взаимодѣйствіе верховной власти духовной и свѣтской. Съ того времени, какъ Кіевъ потерялъ свое первенствующее значеніе, митрополиты въ немъ, такъ-сказать, осиротѣли; но все же Кіевъ, какъ первый русскій городъ, былъ наиболѣе подходящимъ для пребыванія представителя духовнаго единства Русской земли. До самаго татарскаго разгрома продолжалась эта традиція, все болѣе и болѣе теряя реальныя основы. Большое Гнѣздо еще считался съ нею и подготовлялъ господство сѣвера благоразумною политикой, вовсе не слѣдуя въ этомъ случаѣ примѣру своего старшаго брата ¹⁾. Послѣ смерти Всеволода наступаютъ замѣшательства, а затѣмъ татарскій разгромъ совершенно нарушаетъ естественный ходъ развитія. Въ 1240 году въ Кіевѣ сидѣлъ намѣстникъ

¹⁾ О неудачной попыткѣ Андрея учредить во Владимірѣ отдѣльную митрополию, см. *Макарій, Исторія*, III, 16.

Даніила. Казалось, верховенство на Руси стало рѣшительно склоняться на сторону юга, и когда во время разгрома безвѣстно погибъ митрополитъ Іосифъ, встрѣчаемъ въ лѣтописи извѣстіе объ Угровскомъ епископѣ Асафѣ „иже скочи на столъ митрополичъ“¹⁾. Очевидно, ни чѣмъ другимъ не могъ руководиться Асафъ, какъ лишь видимымъ перевѣсомъ Даніила надъ всѣми тогдашними русскими князьями, но стараясь предвосхитить мысль южно-русскаго князя, онъ, быть можетъ, именно поэтому, а можетъ быть, и потому, что дѣйствовалъ безъ его воли и согласія, и поплатился: „сверженъ бысть стола своего“, какъ говоритъ лѣтопись. Угровскій епископскій столъ былъ перенесенъ въ Холмъ, а въ митрополиты былъ поставленъ кандидатъ Даніила Кирилль²⁾. Преемникъ его Максимъ былъ избранъ и рукоположенъ въ Царьградѣ, но немедленно послѣ его смерти (1305 г.) встрѣчаемся съ фактомъ чрезвычайно характернымъ: „одинъ изъ игуменовъ (судя по мѣсту дѣйствія владимірскій), именовъ Геронтій, взялъ святительскую ризницу, утварь, самую икону, подаренную нѣкогда Максиму игуменомъ Петромъ, а также церковныхъ сановниковъ и отправился въ Константинополь искать себѣ поставленія на Русскую митрополию. Это, конечно, онъ сдѣлалъ не безъ согласія свѣтскихъ властей города Владиміра, а также нѣкоторыхъ изъ духовенства. Поступокъ Геронтія, когда огласился въ Россіи, не понравился очень многимъ, особенно же Волынскому князю Георгію Львовичу. Не желая видѣть первосвятителя въ лицѣ властолюбиваго Геронтія и, можетъ быть, недовольный переселеніемъ Кіевскихъ митрополитовъ на сѣверъ Россіи, Георгій „восхотѣ Галицкую епископію въ митрополию претворити“³⁾ и убѣдилъ ратскаго игумена Петра ѣхать къ Царьградскому патріарху съ письмомъ отъ князя и съ его посломъ“⁴⁾. Сѣверъ и югъ одновременно выставляютъ своихъ кандидатовъ, и всего только нѣсколькими днями Петръ предупреждаетъ Геронтія въ Царьградѣ. Безъ всякаго сомнѣнія, и Петръ, и Геронтій были кандидатами мірянъ⁵⁾, но Петръ оказался счастливѣе. Получивъ отъ патріарха привезенные Геронтіемъ знаки святительскаго сана, онъ былъ отпу-

¹⁾ Ип. л. 494. *Петрушевичъ*, Краткое извѣстіе о Холмской епархіи, 22.

²⁾ *Макарій*, Исторія, IV, 7—8 и прилож. 1.

³⁾ Справедливо замѣчаетъ по этому поводу *Макарій*: „прежде, значить, эта епископія не была митрополіею“. *Ib.* прилож. II.

⁴⁾ *Макарій*, Исторія, IV, 15.

⁵⁾ Отвергнувъ Геронтія, патріархъ сказалъ ему: „не достоинъ міряномъ избранія святительскія творити“.

щевъ въ 1308 году какъ дѣйствительный первосвятитель Кіевскій и всея Россіи. „Мысль Волынскаго князя“, замѣчаетъ по этому поводу пр. Макарій, — „осуществилась только въ половину“. Именно нѣтъ: мысль Юрія о избраніи Петра осуществилась вполнѣ, но его планамъ былъ нанесенъ смертельный ударъ и не патриархомъ, а самимъ Петромъ, и въ нашихъ глазахъ фактъ этотъ является тѣмъ болѣе замѣчательнымъ, что Петръ былъ кандидатъ Юрія и природный южанинъ. Переселеніе его на сѣверъ, его отношенія къ Московскимъ князьямъ какъ нельзя болѣе ярко показываютъ, что лучшіе русскіе люди того времени уже не колебались въ выборѣ между сѣверомъ и югомъ. Для нихъ было очевидно, что югъ представлялъ лишь традицію. Попытка Юрія получаетъ такимъ образомъ смыслъ послѣдней попытки юга удержать въ своихъ рукахъ традиціонное верховенство. Во всѣхъ отношеніяхъ побѣда оказалась на сторонѣ новаго русскаго центра, который на зарѣ своей исторіи получаетъ въ лицѣ святителя и чудотворца драгоцѣнный залогъ сознательной и добровольной, а слѣдовательно, неразрывной связи съ югомъ. Обстоятельство, что переселеніе Петра на сѣверъ нисколько не нарушило духовнаго единства Русской земли ¹⁾ открываетъ истинный смыслъ словъ Степенной книги о „претвореніи Галицкой епископіи въ митрополию“. Не о претвореніи въ буквальный смыслъ, а лишь о сохраненіи вліянія на выборъ русскаго первосвятителя могла быть рѣчь по смерти митрополита Максима. Что югъ прилагалъ старанія о сохраненіи этого вліянія показываютъ какъ сообщенные факты, такъ и перечень подчиненныхъ Константинопольскому патриарху епископскихъ кафедръ, въ которомъ сохранилось упоминаніе, что Галицкая епископія удостоилась повышенія въ митрополию при императорѣ Авдроникѣ Палеологѣ и святѣйшемъ патриархѣ Аванасіи въ 6811, то-есть, въ 1303 году ²⁾. Неточности перечня позволяютъ усумниться въ вѣрности даты, и показанія его свидѣлствуютъ лишь о безсиліи Царьграда по отношенію къ подчиненнымъ его духовной власти церквамъ. Въ Царьградѣ естественно могли придать именно такое толкованіе назначенію

¹⁾ И митрополитъ Кирилль II, ставленникъ южно-русскаго князя и самъ южанинъ, не находилъ возможности оставаться на югѣ; но переселеніе его на сѣверъ могло быть естественно объясняемо крайне тяжелымъ, послѣ разгрома, состояніемъ обширныхъ сѣверныхъ епархій, а также и тѣмъ, что Владимірская кафедра какъ разъ въ это время оставалась вакантною. *Макарій*, IV, 10.

²⁾ Списокъ перечня относится къ XIV вѣку. Русск. вст. библ., VI, прилож., стр. 15, прим.

Петра, переѣздъ котораго на сѣверъ вовсе не былъ слѣдствіемъ греческаго вліянія, а лишь результатомъ выработаннаго русскою жизнью тѣснѣйшаго взаимодѣйствія представителей власти духовной и свѣтской. Если, такимъ образомъ, потерпѣвъ чувствительный ударъ, югъ склонился передъ фактомъ, то это можетъ свидѣтельствовать лишь о силѣ общерусскаго единенія, и надо было появиться на сценѣ другимъ факторамъ для того, чтобы порѣшенный вопросъ опять всплылъ. Такимъ новымъ факторомъ оказалась Литва. Въ борьбѣ съ нею пали преемники Юрія, обнаруживъ на дѣлѣ явное для Петра безсиліе юга, а Литва вскорѣ послѣ этого стала Литвой уже только по имени. Кіевъ перешелъ подъ ея власть, а городъ этотъ сохранялъ свое обаяніе даже тогда, когда уже давно резиденція митрополита была перенесена изъ Владиміра въ Москву ¹⁾. Мы видѣли, какъ въ лицѣ Любарта сливалась Литва съ Русью, а изъ словъ Ольгерда, что вся Русь должна перейти подъ власть Литвы ясно открываются политическіе замыслы Гедиминовичей. Но поперекъ этихъ замысловъ стояла Москва, а вмѣстѣ съ нею и представитель единства Руси — митрополитъ, все еще официально носившій титулъ Кіевскаго. „По твоему благословенію“, говоритъ Ольгердъ, — „патріарху Филовею въ 1371 году митрополитъ и донинѣ благословляетъ ихъ (москвитянъ) на пролітіе крови, и при отцахъ нашихъ не бывало такихъ митрополитовъ каковъ сей митрополитъ! Благословляетъ москвитянъ на пролітіе крови и ни къ намъ не приходитъ, ни въ Кіевъ не наѣзжаетъ. И кто подѣлуетъ крестъ ко мнѣ и убѣжитъ къ нимъ, митрополитъ снимаетъ съ него крестное цѣлованіе. Бываетъ ли такое дѣло на свѣтѣ, чтобы снимать крестное цѣлованіе? Митрополиту слѣдовало благословить москвитянъ, чтобы помогали намъ, потому что мы за нихъ воюемъ съ нѣмцами. Мы зовемъ митрополита къ себѣ, но онъ не идетъ къ намъ: дай намъ другаго митрополита на Кіевъ, Смоленскъ, Тверь, Малую Русь, Новосиль, Нижній Новгородъ“ ²⁾. Это отношенія уже вполне созрѣвшія, ясно обрисовавшіяся. Гнѣвъ

¹⁾ Еще въ соборномъ патріаршемъ постановленіи касательно Пимена въ 1380 году говорится: „пустъ возглашается онъ (Пименъ) и Кіевскимъ, ибо не возможно ему быть первосвятителемъ великой Россіи, если онъ не будетъ именоваться прежде Кіевскимъ, такъ какъ въ Кіевѣ соборная церковь всей Россіи и главная митрополія“, *Макарій*, IV, 70; а въ 1415 году Витовтъ такъ, между прочимъ, объясняетъ поставленіе Цамблака: „занежъ божіимъ изволеніемъ мы мѣсто то обладаемъ Кіевъ“, А. З. Р. I, 36.

²⁾ Русск. истор. библ., VI, прилож. № 24.

и злоба водятъ перомъ Ольгерда. И какъ могъ Ольгердъ въ самомъ дѣлѣ не дать имъ воли?

Онъ въ собственномъ сознаніи—русскій государь, щить и охрана Руси отъ нѣмцевъ, грозную силу которыхъ онъ въ такой степени чувствовалъ на себѣ, встрѣчаетъ въ лицѣ представителя русскаго единства, въ лицѣ митрополита, главнѣйшее препятствіе на своемъ пути къ созданію всерусскаго государства! Ольгердъ душою, а быть можетъ, и по вѣрѣ русскій, благодаря опасности со стороны нѣмцевъ, вынужденъ оставаться язычникомъ, слѣдовательно, въ глазахъ русскихъ „зловѣрнимъ безбожнымъ, нечестивымъ“, въ глазахъ патріарха „врагомъ креста, не вѣрующимъ въ Господа нашего Іисуса Христа, но скверно и безбожно поклоняющимся огню“ ¹⁾, долженъ испытывать постоянную внутреннюю борьбу и, быть можетъ, въ концѣ концовъ проститься съ своими политическими планами! Вѣдь соединившіеся съ нимъ русскіе князья отлучены отъ церкви и патріархомъ, который приглашаетъ ихъ „прийти и припасть къ митрополиту“, иначе говоря, соединиться съ Москвою противъ Литвы ²⁾. Какъ тутъ не быть гнѣву и злобѣ! Какъ не запросить себѣ отдѣльнаго митрополита!

Въ то время, когда впервые возникаетъ отдѣльная митрополія на Руси, отношенія обѣихъ русскихъ державъ еще не дошли до такой степени напряженія, они только впервые обозначились. Оттого-то первое столкновеніе Москвы и Литвы отличается сдержанностью, нерѣшительностью. Изъ хрисовула императора Іоанна Кантакузина о присоединеніи Галицкой митрополіи къ Кіевской и его же грамоты къ Дмитрію Любарту, а также синодальнаго постановленія патріарха Исидора ³⁾ узнаемъ, что не задолго до 1347 г., во время происходившихъ въ Царьградѣ церковныхъ смуть, въ Галичѣ была открыта отдѣльная митрополія, съ подчиненіемъ ей всѣхъ епархій малой Россіи. Учредительной грамоты не сохранилось, но обращеніе императора къ Любарту достаточно ясно указываетъ, что именно его слѣдуетъ считать виновникомъ такого утвержденія. Въ свое время мы говорили о значеніи этого факта для объясненія отношеній Любарта къ Галицкой землѣ. Теперь вспомнимъ сказанное о солидарности

¹⁾ Ibid., стр. 118.

²⁾ См. отлучительную грамоту патріарха Филоея Смоленскому князю Святославу, Ib. № 21.

³⁾ Ibid., №№: 3, 6, 7.

дѣйствій Гедиминовичей, и тогда характеръ и значеніе попытки представляется намъ въ своемъ настоящемъ видѣ. Великій князь Литовскій, непосредственно руководившій отношеніями Литвы къ Москвѣ, оставался какъ будто совершенно въ сторонѣ отъ затѣи своего брата, нарушавшаго самые существенные интересы Москвы. Въ то же время Любарть, наслѣдникъ южно-русскихъ князей, бывшихъ въ сношеніяхъ съ патриархомъ, пославшихъ туда для поставленія своихъ кандидатовъ, имѣлъ гораздо болшую возможность вести переговоры и въ данномъ случаѣ. Что они такъ легко увѣнчались успѣхомъ, объясняется какъ смутами въ Царьградѣ, такъ и слабостью вліянія патриарха на подчиненныя ему церкви.

Еще съ 1234 г. Болгарія составляла отдѣльный патриархатъ; въ концѣ 1345 г. или въ 1346 г. былъ учрежденъ Стефаномъ Душаномъ патриархатъ Сербскій ¹⁾. Патриархъ рѣшительно не имѣлъ возможности остановить это стремленіе подчиненныхъ ему церквей къ независимости, ему оставалось только соглашаться во избѣжаніе большихъ смутъ и неприяностей.

Во всѣхъ указанныхъ нами грамотахъ, относящихся ко времени возникновенія Галицкой митрополіи, учрежденіе ея, съ не допускающею никакихъ сомнѣній категоричностью, называется „новизною“, нарушеніемъ издревле установившихся обычаевъ, и если указываются какія-то возникавшія прежде попытки, то тутъ же заявляется, что онѣ „тотчасъ же разрушались и отвергались, едва возникали“, очевидно, разрушаясь именно въ силу собственной несостоятельности.

Конечно, отмѣна недавняго учрежденія совершилась не безъ вліянія Феогноста и Семена Ивановича ²⁾, но рѣшительность тона императора въ его обращеніи къ Любарту, могла опираться главнѣйше именно на новизнѣ и необычности явленія, не имѣвшаго подъ собою никакихъ внутреннихъ основъ. Какова была судьба мимолетнаго Галицкаго митрополита и кто былъ этотъ мимолетный митрополитъ — не извѣстно. Былъ ли это Теодоръ—Пелешъ ³⁾ утверждаетъ это, Ма-

¹⁾ *Е. Голубинскій*, Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей. Москва. 1871 г., стр. 80 и 472.

²⁾ Грамоты къ нимъ Іоанна Кантакузина, Русск. и. библ., VI, Прилож. №№ 4, и 5. Въ Никоновской лѣтописи подъ 6855 г. сказано: „того же лѣта преосвященный Феогностъ митрополитъ Кіевскій и всея Русіи посовѣтова нѣчто духовнѣ съ сыномъ своимъ великимъ княземъ Семеномъ Ивановичемъ и тако послаша въ Царьградъ къ патриарху о благословеніи“, Полян. собр. р. л., X, 218.

³⁾ *Gesch. d. Un.*, I, 385.

карій) ¹⁾ считаетъ вѣроятнымъ,—нельзя однако, не замѣтить, что прямо по имени онъ не названъ ни въ одной изъ относящихся сюда грамотъ, данныхъ въ Царьградѣ ²⁾; а на основаніи приведеннаго выше обращенія галичанъ и подолянъ къ митрополиту Макарію слѣдуетъ думать, что извѣстный намъ епископъ Галицкій Θεодоръ умеръ около 1338 года ³⁾.

Возможно поэтому думать, что Галицкій митрополитъ былъ не Θεодоръ, или по крайней мѣрѣ, если ужъ придавать какую-нибудь вѣру перечню Казимира, не тотъ Θεодоръ, подчиненіе котораго Θεогносту составляютъ фактъ несомнѣнный. Такъ по всѣмъ даннымъ представляется намъ дѣло о Галицкой митрополіи, или точнѣе, о первомъ духовномъ раздѣленіи Руси. Оно возникло около 1345 г., какъ небывалая новизна, какъ произвольное нарушеніе извѣчнаго порядка. Нужна была эта новизна лишь Гедиминовичамъ, но и они отступили передъ крѣпостью и силой старины, соединявшею всю Русь отъ крайнихъ сѣверо-восточныхъ предѣловъ распространенія русскаго племени до подножія Карпатъ въ единое неразрывное, по крайней мѣрѣ духовно-цѣлое.

Вскорѣ по церковномъ воссоединеніи митрополитъ Θεогностъ посѣтилъ Волинь, устранивъ, конечно, при этомъ всѣ возникшія во время замѣшательства недоразумѣнія ⁴⁾. Какъ должны были отнестись къ этому посѣщенію Гедиминовичи, и особенно Ольгердъ, можемъ только догадываться. Во всякомъ случаѣ они не посмѣли поступить съ Θεогностомъ такъ, какъ потомъ рѣшился поступить Ольгердъ съ Алексіемъ, когда тотъ посѣтилъ южныя епархіи. Положеніе было, однако, таково, что для честолюбивцевъ, не брезгавшихъ средствами, являлась возможность пытаться счастье. Такимъ честолюбцемъ считаемъ мы какого-то Θεодорита, прибывшаго въ 1352 г. въ

¹⁾ Исторія, IV, 26.

²⁾ Въ грамотѣ патріарха Исидора, вызывающей Галицкаго митрополита къ суду, онъ называется: „преосвященный митрополитъ Галицкій и пречестный, возлюбленный по Господу братъ и сослужитель нашей мѣрности“, Р. и. б., VI, Прилож., № 8.

³⁾ Въ „записяхъ о поставленіи“ послѣдній годъ при имени Θεодора—1335. И *Петрушевичъ*, О Галицкихъ митрополитахъ, пр. 16, и *Шараневичъ*, Kościelne zgrawu na Rusi za rządów Kazimierza W, Bibl. Ossol., II, 1863, принимаютъ 1338 г. за годъ смерти Θεодора.

⁴⁾ Никоновская лѣтоп. подъ 1349 г.: того же лѣта приде преосвященный Θεогностъ митрополитъ Кіевскій и всея Руси изъ Волини, П. с. р. л., X, 221.

Царьградъ, съ цѣлью искать митрополіи. Потерпѣвъ здѣсь неудачу, онъ обратился къ Болгарскому патриарху въ Терновъ и былъ здѣсь рукоположенъ. Вернувшись въ Россію, онъ, какъ подобало самозванцу, „разбойнически и тирански присваивалъ себѣ Кіевъ“ ¹⁾; но удержаться не могъ. „Нельзя сомнѣваться“, говоритъ Макарій, — „что низложенный и отлученный патриаршемъ властью, онъ всѣми былъ отвергнутъ въ Россіи“ ²⁾. Дѣйствительно, о дальнѣйшей его судьбѣ ничего не извѣстно.

Попытку Θεодорита нельзя не сопоставить съ попыткой Угровскаго Асафа: подобно ему, Θεодоритъ задумалъ „скакнуть“ на столъ митрополита и если немедленно же не заплатилъ за свой дерзостный замыселъ, то причина этого заключалась въ отношеніяхъ Ольгерда къ Москвѣ, заставлявшихъ Литовскаго князя смотрѣть сквозь пальцы на самозванца, не сумѣвшего, однако, надлежащимъ образомъ расположить обстоятельства въ свою пользу. При такихъ условіяхъ нѣтъ никакихъ основаній считать Θεодорита „первымъ Литовскимъ митрополитомъ“ ³⁾. Не факты, даже не слова, а лишь „коварный умыселъ“, говоря словами патриарха Нила ⁴⁾, можетъ давать основаніе для подобнаго утвержденія, но разумѣется, ничего нельзя построить на подобномъ основаніи.

Въ 1354 г. наконецъ Ольгердъ рѣшился запросить себѣ отдѣльнаго митрополита и на этотъ разъ добился желаемого. Въ Литовскіе митрополиты поставленъ былъ Романъ; столъ Литовскаго митрополита назначенъ былъ въ Новгородкѣ, и подчинены ему были епархіи Литовскія — Полоцкая и Туровская, а также Малорусскія ⁵⁾. Не смотря на то, что Литовская митрополія просуществовала цѣлыхъ 12 лѣтъ, она не могла установиться прочно. Вскорѣ по смерти Романа (1362 г.) патриархъ Филоеѣй постановляетъ „чтобы Литовская земля ни подъ какимъ видомъ не отлагалась и не отдѣлялась отъ власти и духовнаго управленія митрополита Кіевскаго, ибо это, бывъ разъ допущено, произвело много замѣшательствъ и безпорядковъ, хотя,

¹⁾ Макарій, Исторія, IV, Прилож. VIII.

²⁾ Ibid., стр. 42.

³⁾ Пеллешъ, Gesch. d. Un., I, 337.

⁴⁾ Р. И. В. VI, Прилож., стр. 170.

⁵⁾ Ibid., стр. 86. Патриаршія грамоты, относящіяся къ утвержденію Литовской митрополіи, ib., №: 13, 14, 15, 30 и 33. О личности Романа, вѣроятно родственника Ольгердова по второй женѣ, тверской княжнѣ Ульянѣ, ib., стр. 71, пр.

по видимому, допущено было по требованію многихъ настоятельныхъ нуждъ" ¹⁾). Было ли это постановленіе опубликовано или нѣтъ ²⁾)—въ точности не извѣстно; но важенъ въ данномъ случаѣ взглядъ такого предстоятеля церкви, какимъ былъ Филоеѳъ, хотя бы даже безсильнаго устранить ея нестроенія.

Въ 1376 г. всего за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти, Ольгердъ наконецъ добился своихъ цѣлей. Въ митрополиты Кіевскіе и Литовскіе поставленъ былъ Кипріанъ, съ правомъ и на всю Россію послѣ Алексія ³⁾). Въ виду старости и заслугъ московскаго святителя уважены были его права, но дѣйствія патріархата, несомнѣнно сообразовавшагося съ положеніемъ вещей, заслуживаютъ полнаго вниманія: очевидно, въ лицѣ Ольгерда патріархъ видѣлъ „новую звѣзду на русскомъ горизонтѣ" ⁴⁾). Звѣзда эта чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ померкла, а въ какіе-нибудь два-три года положеніе дѣлъ измѣнилось совершенно. Московскій князь Димитрій стоялъ твердо за свои права и даже въ 1379 г., когда церковныя дѣла складывались, по видимому, въ особенно благоприятномъ для Литвы смыслѣ ⁵⁾), имѣлъ много сторонниковъ среди русскихъ, даже при Виленскомъ дворѣ, а когда союзъ съ Мамаемъ покрылъ близорукаго Ольгердовича несмыслаемымъ позоромъ, а Куликовская побѣда разнесла славу имени Димитрія по всей Русской землѣ, русское дѣло Литвы было проиграно окончательно и навсегда. Димитрій могъ вступить въ сношенія съ Кипріаномъ, могъ не бояться его естественнаго, казалось бы, тяготѣнія къ Литвѣ: онъ былъ тогда одинъ истинный князь „всёя Руси". Литва въ смыслѣ русской державы погибла недалеко отъ Куликова

¹⁾ *Ив.*, стр. 96.

²⁾ Въ рукописи грамота перечеркнута.

³⁾ Грамоты о поставленіи Кипріана нѣтъ, ибо въ „Актахъ Патріархата" нѣтъ грамотъ, относящихся къ 1374—79 г.г. Положеніе дѣлъ объясняется позднѣйшими грамотами 1380 и 1389. *Р. И. Б.*, VI, прилож. №№ 30 и 33.

⁴⁾ *Смолька*, *Kiejstut i Jagiełło*. Краковъ, 1888, стр. 39.

⁵⁾ *Ср. ив.*, 44, пр. 4 и 5, гдѣ указывается на подпись Кипріана въ соборномъ постановленіи въ Царьградѣ 1379 г.: „смиранный митрополитъ всея Россіи Кипріанъ", *Acta patr.* II, 6; и отвѣтъ императора послѣ Димитрія: „что сице пишеть князь великій Рускій о Пиминѣ, а поставленъ есть готовъ митрополитъ на Руси Кипріанъ, давно поставленъ есть святѣйшимъ патріархомъ Филоеѳемъ, того и отпустили есмы на рускую землю митрополитомъ, а кромѣ того иного не требуемъ поставити". *Воскрес. л.*, *Поли. собр. р. л.*, VIII, 32. Представленіе дѣлъ въ грамотѣ патріарха Нила 1380 г. *Смолька* считаетъ „крайне тенденціознымъ".

поля, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ остановился ведшій русскіе полки на братоубійственную войну, по истинѣ „нечестивый“ Ягайло, и не московская рать гнала его назадъ оттуда: „не видѣша бо тогда князя великаго, ни рати его, ни оружія его, токмо имени его бояхуся и трепетаху“¹⁾). Еще разъ возвысилась Литва при Витовтѣ. Граница ея, простираясь до Угры, отстояла весьма недалеко отъ столицы Московскаго княжества. Московскій государь, зять Витовта, передъ смертью поручилъ сына опеку великаго князя Литовскаго, съ которымъ соединились князья Тверской и Рязанскій, Псковъ и Новгородъ. При Витовтѣ снова осуществляется духовное разьединеніе русскаго міра, но оно было столь же мимолетно (продолжаясь всего четыре года), какъ мимолетно было видимое могущество Витовта. Однимъ словомъ, попытки къ духовному разьединенію были, но обстоятельство, что онѣ, говоря словами хрисовула Іоанна Кантакузина, скоро „падали и разрушались“, что для осуществленія ихъ требовалась вся сила и вліяніе такихъ государей, какъ Ольгердъ или такой складъ обстоятельствъ, какимъ воспользовался Казиміръ, доказываютъ несомнѣнно, съ какимъ трудомъ могло быть нарушено духовное единство русскаго міра, и слѣдовательно, до какой степени оно было прочно. Возникавшія раздѣленія совершенно не вытекали изъ условій русской жизни, вовсе не отвѣчали стремленіямъ и понятіямъ народа²⁾), а были лишь слѣдствіемъ политическихъ обстоятельствъ, вѣрнѣе—политическихъ несчастій, столь обильныхъ на Руси и, надо думать, необходимыхъ для того, чтобы выковать ея политическое могущество. Гдѣ, какъ на примѣръ, въ Галичѣ, раздѣленіе продолжалось болѣе значительное время, тамъ эта отдѣльность сказывалась самымъ печальнымъ образомъ именно какъ разъ на томъ, что составляло ея внѣшній признакъ, то-есть, на ея представителяхъ.

Объ Антоніи, несомнѣнно поставленномъ въ Галицкіе митро-

¹⁾ Воскрес. л., Полн. собр. р. л., VIII, 40.

²⁾ Яснѣ всего это доказывается отношеніемъ новгородцевъ къ Кириану, 1376 г. поставленъ бытъ въ Царьградѣ Кирианъ митрополитъ; и пришедъ въ Литву, посла въ Новгородъ Великій послы свои къ владыцѣ и патриарши грамоты, а глаголя тако: „благословилъ мя вселенскій патриархъ Филоѣвъ митрополитомъ на Кіевъ и на всю Рускую землю“. Слышавъ же се владыка и Новгородци и сице отвѣтъ послаша къ нему: „шли къ великому князю на Москву: и аще ты приметь митрополитомъ на Руси, то и намъ вси митрополиты“. Слышавъ же митрополитъ отвѣтъ Новгородскій и не посла къ великому князю на Москву. Ibid., стр. 25.

политы по требованію Казимира, рѣшительно ничего не извѣстно. Въ 1391 году патріархъ поручилъ Симеону, монаху одного изъ молдавскихъ монастырей, завѣдываніе Галицкою церковью. Какъ разъ около этого времени явился въ Галичъ какой-то Тагарисъ. Онъ выдавалъ себя за уполномоченнаго отъ патріарха и посвятилъ Симеона во епископы, но тотъ, узнавъ обманъ, сложилъ съ себя санъ. Надо думать поэтому, что около 1391 г. скончался Антоній¹⁾. Въ 1393 г. искателемъ Галицкой митрополіи является въ Царьградѣ Луцкій епископъ Іоаннъ, личность, мало стѣснявшаяся въ выборѣ средствъ для достиженія цѣли²⁾. Пользуясь заступничествомъ короля, онъ управлялъ дѣлами до 1397 г. Въ этомъ году патріархъ отправилъ въ Галичъ Виолеемскаго епископа, а въ грамотѣ къ королю предлагалъ Іоанну обратиться къ „своему митрополиту“, выпросить у него прощеніе, и только въ такомъ случаѣ разрѣшалось ему прибыть въ Царьградъ. Врядъ ли однако Іоаннъ исполнилъ приказъ патріарха. По крайней мѣрѣ подъ 1414 г. Никоновская лѣтопись упоминаетъ о Галицкомъ епископѣ Іоаннѣ; по всей вѣроятности, это тотъ самый Іоаннъ, бывший епископъ Луцкій, который поведеніемъ въ Царьградѣ совершенно опредѣленно заявилъ свое отношеніе къ духовной власти³⁾. Затѣмъ до 1529 г. о Галицкихъ епископахъ ничего не слышимъ, а и указанные два — одинъ митрополитъ, другой нареченный въ митрополиты⁴⁾ — не были, какъ сказано, признаваемы галичанами

¹⁾ *Петрушевичъ*, О Гал. митр., пр. 18, полагаетъ, что около 1380 г.

²⁾ Содѣйствіе короля онъ купилъ за 200 гривенъ и 30 коней. А. З. Р., I, № 12.

³⁾ 1398 г. патріархъ писалъ Кипріану: „Епископъ Луцкій пришелъ сюда и принесъ грамоты отъ короля, просящаго его въ митрополита Галиціи. Когда открылся соборъ, были прочитаны грамоты, присланныя священствомъ твоимъ еще прежде прибытія его сюда, и призвано за лучшее, что такъ какъ идетъ сюда и епископъ Владимірейскій, то задержать здѣсь и его (епископа Луцкаго) и потомъ произвести между ними судъ и найдти права каждаго изъ нихъ. Но сей бѣжалъ и, нашедши корабль готовый къ отплытію, вошелъ въ оный, приглашенный прійти сюда и оставить корабль, сказалъ: „Галицію мнѣ далъ король, который есть самодержавный властитель страны, и если мнѣ недоставало благословенія отъ патріарха, то пришедши, я уже получилъ оное, а больше мнѣ ничего не нужно; чего мнѣ на соборѣ? пойду въ Галицію, въ мою церковь“, — называя благословеніемъ то, которое онъ, пришедши сюда, просто какъ христіанинъ, униженно испросилъ у меня и получилъ, какъ и всѣ соупотствовавшіе ему подчиненные ею благословились“. *Макарій*, Исторія, IV, прил. XXX. Ср. *Пеллшъ*, *Gesch. d. Un.*, I, 395—396.

⁴⁾ Впрочемъ Іоанна, собственно говоря, трудно считать даже нареченнымъ въ митрополиты, можно думать, онъ самъ довольствовался титуломъ епископа.

за духовныхъ пастырей, — не только имена, но даже самое ихъ существованіе народъ предалъ забвенію, тѣмъ болѣе краснорѣчивому, что, не смотря на всѣ бѣдствія, которымъ съ 1340 г. подвергалась Галичина, православіе въ ней не поникло, стояло твердо, а „святой Юрьъ величаво и гордо высился надъ всѣми зданіями Львова“. Эту твердость и неизбежность православія въ отдаленной русской окраинѣ нагляднѣе всего подтверждаетъ исторія утвержденія въ ней епископскихъ католическихъ кафедръ. Къ этой исторіи мы теперь и перейдемъ.

Епархіальнаго католическаго епископа въ предѣлахъ Галичины встрѣчаемъ впервые въ Перемышлѣ, что совершенно естественно по близости этого города къ польской границѣ. Исторія утвержденія епископской католической кафедры въ Перемышлѣ представляется намъ особенно важною и характерною, бросая не мало свѣта какъ на общія отношенія Рима къ Польшѣ и Руси, такъ въ частности на время окончательнаго утвержденія польскаго господства въ Галичинѣ. Съ другой стороны, всѣ относящіяся сюда главнѣйшіе факты могутъ быть обоснованы на не подлежащихъ никакому сомнѣнію документальныхъ свидѣтельствахъ, что въ данномъ случаѣ, при общей неопредѣленности и запутанности занимающихъ насъ вопросовъ, имѣетъ весьма существенное значеніе. Мы видѣли, что до окончательнаго устраненія отъ всякаго участія въ дѣлахъ католической церкви на Руси, Любушскій епископъ старался обращать въ свою пользу событія уже совершившіяся, или по крайней мѣрѣ общающія болѣе или менѣе вѣрный успѣхъ. Борьба Казимира съ Литвой-Русью, безъ сомнѣнія, вызвала въ Любушскихъ епископахъ тревогу и надежду, и они не замедлили попыткой обратить ее въ свою пользу. По крайней мѣрѣ въ маѣ 1352 г. Климентъ VI, извѣстившись о смерти Перемышльскаго епископа Ивана „послѣшилъ“ назначить на его мѣсто доминиканскаго сандомірскаго пріора Николая, чтобы такимъ образомъ „пресѣчь чье-либо постороннее вмѣшательство“ ¹⁾. Очевидно, такимъ образомъ, первый католическій епископъ, котораго встрѣчаемъ въ Перемышлѣ, Иванъ не былъ назначенъ куріей, съ другой стороны, назначеніе Климентомъ VI Николая въ самый разгаръ борьбы за Галичину, когда Казимиръ хлопоталъ лишь о денежной поддержкѣ, и рѣшительно, какъ увидимъ, некому было — развѣ только проповѣдничествующимъ монахамъ — торопить курію таковымъ на-

¹⁾ *Theiner*, M. P., 1, № 720.

значеніемъ, не могло быть вызвано никакими другими причинами, кромѣ указаннаго въ самой буллѣ желанія куріи пресѣчь постороннее вмѣшательство, которое, конечно, могло исходить лишь отъ Любушскаго епископа. Иванъ для Перемышля былъ такимъ образомъ тѣмъ же, чѣмъ былъ для Кіева въ 1320 г. Генрихъ изъ Порвелле. Вѣроятно, послѣдовавшая вскорѣ смерть помѣшала Ивану обратиться въ курію за утвержденіемъ, какъ это сдѣлалъ Генрихъ ¹⁾.

Неканоничностью поставленія Ивана объясняется отсутствіе его имени въ спискахъ Перемышльскихъ епископовъ ²⁾, а еще болѣе эта неканоничность подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что папская канцелярія въ назначеніи Николая торопилась лишь заявленіемъ своихъ правъ на Перемышльскую кафедру ³⁾, а вовсе не удовлетвореніемъ дѣйствительной потребности въ епископѣ. Указанная папская булла дана 18-го января 1353 г., но лишь 24-го августа 1354 г. Николай былъ поставленъ въ епископы и получилъ приказаніе отправиться въ свою епархію ⁴⁾. Дальнѣйшія свѣдѣнія объ этомъ первомъ, назначенномъ папой, католическомъ Перемышльскомъ епископѣ крайне скудны. Изъ буллы Григорія XI отъ 13-го апрѣля 1377 г., по которой въ Перемышльскіе епископы назначается миноритъ Эрихъ Винзень, мы узнаемъ, что предшественникъ его Николай умеръ внѣ предѣловъ, подвѣдомыхъ непосредственному вѣдѣнію куріи, слѣдовательно, не въ Перемышльской епархіи, что затѣмъ, послѣ его смерти епископская кафедра оставалась нѣкоторое время вакантною ⁵⁾; что, слѣдовательно, не только не ощущалось никакой особенной надобности въ католическомъ епископѣ для Перемышля, но что, собственно, даже не было возможности утвердить въ этомъ городѣ епископскую

¹⁾ Скончался Иванъ, надо думать, или въ концѣ 1351, или въ началѣ 1352 г., гдѣ именно—не извѣстно; въ указанной буллѣ неопредѣленно: *in partibus illis*. Время назначенія его въ епископы также не извѣстно, во всякомъ случаѣ врядъ ли раньше 1349 г.

²⁾ *Reifenkugel*, Gründung, 429, пр. 1. Надо впрочемъ замѣтить, что списки *Гамса*, *Series episcoporum ecclesiae catholicae, quotquot innotuerunt a beato Petro. Ratisbonae. 1873*, не могутъ имѣть въ данномъ случаѣ особеннаго значенія, какъ составленные по *Резницкому*, *Vitae praesulum Poloniae, Posnaniae, 1761—1768 г.*, 3 тт., *Reifenkugel*, ib., 404 пр.

³⁾ Она была подчинена непосредственно куріи, о чемъ многократно заявляется въ папской буллѣ, и что всегда практиковалось при учрежденіи новыхъ епископствъ и продолжалось до окончательнаго ихъ устройства.

⁴⁾ *Theiner*, M. P., 1, № 737.

⁵⁾ *Иб.*, № 1006.

резиденцію. Николай, безъ всякаго сомнѣнія, никогда и не былъ въ Перемышлѣ, а ближайшія по времени свидѣтельства даже не считали его Перемышльскимъ епископомъ: по прямому показанію Эриха, въ Перемышлѣ не жилъ до него, (то-есть, до 1379 г.) ни одинъ католическій епископъ ¹⁾, а епископъ Краковскій Петръ, разграничивавшій въ 1398 г. по порученію Бонифація IX Перемышльскую епархію отъ Галицкаго архіепископства, называетъ преемника Эриха, епископа Матвѣя „вторымъ“ Перемышльскимъ епископомъ ²⁾. О состояніи католицизма въ ближайшемъ къ Польшѣ Перемышлѣ мы имѣемъ свидѣтельство тѣмъ болѣе драгоцѣнное, что оно не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Это свидѣтельство упомянутаго Эриха. Въ своемъ уставѣ перемышльской капитулы онъ говоритъ слѣдующее: „Послѣ труднаго и долгаго пути, прийдя къ нашей невѣстѣ—церкви Перемышльской, мы нашли ее, къ нашему огорченію, обезображенною и разоренною, точно вдову лишенною всякой красоты и чести каедральнаго храма, ибо до сихъ поръ еще ни одинъ женихъ, то-есть, католическій епископъ съ нею не пребывалъ ³⁾, и хотя, безъ сомнѣнія, по свидѣтельству разныхъ папскихъ грамотъ, она всегда была каедральною, а благодаря щедрости Людовика и грамотамъ Григорія XI, была восстановлена снова, тѣмъ не менѣе какъ ее самое, такъ и ея имущество мы нашли въ рукахъ схизматиковъ“ ⁴⁾. Такимъ образомъ, въ ближайшемъ къ Польшѣ Перемышлѣ, спустя четверть съ лишнимъ вѣка по завоеваніи Галичины, мы не видимъ никакихъ слѣдовъ католицизма: въ рукахъ православныхъ находилась даже основанная въ 1230 годахъ, по доминиканскимъ преданіямъ, часовня св. Іоанна. Приходилось „восстановлять ее снова“, то-есть, прежде всего отнять у „схизматиковъ“. Это какъ будто невѣроятно, а между тѣмъ объ этомъ прямо говоритъ тотъ же Эрихъ ⁵⁾. Можно ли отвергать это показаніе ближайшаго свидѣтеля? Его уставъ основанной имъ

¹⁾ А. Гр. и З., VIII, 30.

²⁾ Ib. VII, 39. Dominus Mathias episcopus premisiensis secundus.

³⁾ Ib. VIII, № 20. quod cum ipsa nullus umquam ante nos personaliter catholicus sponsus scilicet pontifex habitavit.

⁴⁾ Ib. Nos tamen eandem ecclesiam cum multis suis possessionibus a schismaticis reperimus occupatam.

⁵⁾ Ib., et in civitate Premisiensi sedem et cathedram episcopalem collocavimus et inibi ecclesiam cathedralem dudum... instauratam rursus ad honorem omnipotentis Dei... restauravimus, refecimus et reedificavimus et primitivos in eadem nostra ecclesia cathedrali prelatos, canonicos et capitulum... de novo creavimus...

капитулѣ, откуда мы заимствовали приведенныя свѣдѣнія, данъ имъ 1-го января 1390 года незадолго до смерти ¹⁾ и представляетъ какъ бы духовное завѣщаніе капитулѣ и преемникамъ по епископству. Все это сообщаетъ показаніямъ документа характеръ несомнѣнной точности. И для чего было Эриху прибѣгать къ измышленіямъ? Для славы? Какъ увидимъ сейчасъ, онъ слишкомъ много сдѣлалъ для своей „невѣсты“, чтобы нуждаться въ искаженіи истины, да и вообще личный его характеръ, ярко сказавшійся въ заведенныхъ имъ порядкахъ, исключаетъ возможность подобнаго предположенія. Повторяемъ, свидѣтельство Эриха представляетъ документъ, доказывающій самымъ несомнѣннымъ образомъ, что въ Галицкой Руси, не смотря на всѣ обрушившіяся на нее несчастья, православіе стояло неизменно твердо. Нужны были такіе столпы, какимъ былъ Эрихъ, нужно было всеильное покровительство власти ²⁾ и могущество Рима для того, чтобы сколько-нибудь прочно утвердить среди православнаго міра епископскую католическую катедрѣ. Эриха мы не даромъ назвали столпомъ. Этотъ саксонецъ „изъ знаменитаго, по его словамъ, княжества Люнебургскаго“ соединялъ въ себѣ настойчивость и упорство нѣмца съ фанатизмомъ и суровою строгостью монаха. Ему обязана католическая Перемышльская катедрѣ своимъ устройствомъ и упроченіемъ. Не мало хлопоталъ онъ о ней у Людовика, и замѣчательно, этотъ любимецъ куріи оказался не въ силахъ сколько-нибудь упрочить положеніе епископства. Только преемница Людовика, Марія, пожаловавъ 3-го апрѣля 1384 года Перемышльской катедрѣ пять сель въ Перемышльскомъ и Санецкомъ округахъ, привела въ исполненіе то, о чемъ думалъ и даже рѣшилъ, но, чего по словамъ грамоты, „не успѣлъ, (!) за смертью“, сдѣлать Людовикъ ³⁾). Непосредственно вслѣдъ затѣмъ Эрихъ постарался обезпечить созданную имъ капитулу и выхлопоталъ для нея десятину съ г. Ланцута и 10 сель въ Ланцутскомъ, Переворскомъ и Тичинскомъ округахъ ⁴⁾). Онъ могъ умереть спокойно. Его „невѣста“ была обезпечена; но строго монашескій характеръ порядковъ, заведенныхъ Эрихомъ, не могъ долго удержаться. Преемникъ его Матвій

¹⁾ Онъ умеръ, вѣроятно, въ 1391 году.

²⁾ Яркій примѣръ его мы увидимъ при окончательномъ устройствѣ Перемышльской латинской катедрѣ въ 1412 году.

³⁾ А. Гр. и З. VII, № 15.

⁴⁾ Ib., VIII, № 14.

отмѣнилъ въ 1398 году постановленіе относительно общаго стола и квартиры канониковъ ¹⁾; общность имущества удержалась однако до 1421 года и лишь тогда была отмѣнена преимникомъ Матвѣя Янушемъ ²⁾. Всѣ указаннныя дѣйствія Эриха были, очевидно, самыми начальными, вызывались насущною необходимостью; въ то же время они ясно обличаютъ все еще миссіонерское, такъ сказать, боевое положеніе католической іерархіи, даже въ Перемышлѣ. Но далеко не все было имъ устроено. Такъ, напримѣръ, опредѣленіе границъ епархіи было предпринято лишь въ 1397 году, по порученію Бенедикта IX ³⁾, и окончено въ слѣдующемъ году Петромъ епископомъ Краковскимъ ⁴⁾. Только съ этого времени можно считать Перемышльскую католическую епархію устроенною. Епископскую кафедру и капитулу щедро одарилъ Ягайло земельными и другими пожалованіями, а въ 1412 году передалъ католическому епископу кафедральный православный храмъ. Сообщимъ этотъ фактъ словами Длугоша: „Въ Перемышль прибылъ Ягайло (изъ Медики) въ сопровожденіи Стригонскаго архіепископа и Михаила Кохмейстера, и чтобъ очистить себя отъ несправедливаго упрека нѣмцевъ, будто онъ преимущественно благоволяетъ и покровительствуетъ схизматикамъ, велѣлъ посвятить въ католическій храмъ, прекраснѣйшую православную кафедральную церковь, построенную изъ квадратнаго камня, расположенную посреди города и подлежавшую до тѣхъ поръ вѣдѣнію русскаго епископа, при этомъ гробы православныхъ были выброшены и вырыты. Русскій клиръ и народъ сочли это тяжелымъ оскорбленіемъ и горько при этомъ плакали, рыдали и вопили“ ⁵⁾. Комментаріи излишни.

Мы видѣли изъ свидѣтельства Эриха, каково было состояніе католицизма въ Перемышлѣ. Оно не было исключительнымъ или временнымъ, считать его результатомъ военныхъ событій 1376 года не приходится. Такимъ же было оно въ 1372 году, какъ сообщалъ куріи францисканскій викарій Бартоломей изъ Альверны: „Не было на Руси“, говоритъ онъ въ своемъ донесеніи, — „ни кафедральныхъ, ни приходскихъ церквей, не было ихъ предстоятелей, которые могли бы заботиться о спасеніи душъ, и лишь немного вѣрныхъ можно было

¹⁾ Ib., № 27.

²⁾ Ib., № 45.

³⁾ Ib., VII, № 20.

⁴⁾ Ib., № 21.

⁵⁾ Длугошъ подъ 1412, XI, 149.

замѣтить среди громаднаго множества невѣрныхъ и (?) схизматиковъ“¹⁾. Въ 1353 году (16-го ноября) Инновентій VI поручаетъ Николаю изъ Кросна, представителю миноритовъ на Руси, набрать во что бы то ни стало 30 человекъ новыхъ миссіонеровъ, въ виду уменьшенія ихъ числа и грозящей вслѣдствіе этого католицизму опасности²⁾. Немногимъ раньше, при занятіи Казиміромъ Львова, въ городѣ не оказалось ни одного католическаго храма, гдѣ бы можно было совершить благодарственное служеніе³⁾. Доминиканская часовня св. Іоанна, устроенная въ 1234 году, и новый конвентъ, который они получили въ 1270 году, не остались такимъ образомъ въ ихъ рукахъ, и Рейфенкунгель считаетъ возможнымъ, что они принуждены были временно оставить страну въ тяжелый періодъ антикатолической реакціи послѣ гибели Юрія Болеслава“⁴⁾. Въ виду приведенныхъ выше свидѣтельствъ, приходится предполагать это не только относительно доминиканцевъ, но и всѣхъ другихъ дѣятелей католической пропаганды, а переходъ владѣній, пожалованныхъ Владиславомъ Опольскимъ Галицкой архіепископской каедрѣ, въ руки православныхъ, о чемъ упоминается въ буллѣ Бонифація IX⁵⁾, доказываетъ, что подобная реакція на галицкой почвѣ могла произойти даже значительно позже при малѣйшихъ благопріятныхъ для нея обстоятельствахъ. Судя по той страстно-напряженной дѣятельности, какую обнаруживали Казиміръ и Людовикъ съ Владиславомъ Опольскимъ, Римская курія и ея безчисленные агенты, можно бы подумать, что православіе исчезнетъ въ Галицкой Руси безслѣдно, что залютъ его до самаго края тѣ волны, которыя со всѣхъ сторонъ на него нахлынули, и что же? Грозно бушуютъ онѣ, далеко, до самаго Рима раздается ихъ оглушительный гулъ, съ восторгомъ внемлетъ ему представитель католическаго міра, всѣми зависящими отъ него средствами старается поддержать ихъ ярость, и все это не въ состояніи даже сколько-нибудь поколебать корней вѣковаго древа! Какова же должна быть ихъ крѣпость!..

¹⁾ Non erant ecclesiae cathedrales et parochiales in Russiâ nec Rectores earum, quibus cura immineret animarum, et tanta multitudo infidelium et schismaticorum, ut paucæ personae reputarentur fideles, respectu multitudinis errantium. *Reifenkugel*, Gründung, 444, пр. 1, изъ францисканскаго архива во Львовѣ у Свробяшевскаго, Vitae, гл. VI.

²⁾ *Theiner*, M. P., 1, № 726.

³⁾ *Reifenkugel*, Gründung, 424, пр. 3.

⁴⁾ *Ib.*, 425.

⁵⁾ А. Гр. в 3., III, № 51.

Перейдемъ теперь къ исторіи утвержденія второй по времени основанія епископской католической каэдры — Владимірской. Мы встрѣтимся здѣсь съ обстоятельствами по существу не новыми, но весьма характерными. О нихъ сообщаетъ папская булла 1358 г. мая 2-го, которою въ епископы Владимірскіе назначается доминиканецъ Петръ ¹⁾. Содержаніе ея слѣдующее: Владимірская епархія съ незапамятныхъ временъ оставалась безъ пастыря, и вслѣдствіе того, по соборнымъ постановленіямъ, попеченіе о ней принадлежитъ апостольскому престолу; ²⁾ но такъ какъ (?) о послѣднемъ Владимірскомъ епископѣ не сохранилось никакой памяти, то Селиврскій епископъ Августинъ, съ согласія Константинопольскаго патріарха Вильгельма, повѣрившаго ему, что помянутая епархія находится въ его завѣдываніи ³⁾, назначилъ Петра въ епископы Владимірскіе. Епископъ Мишинскій, по порученію помянутаго патріарха, рукоположилъ его, но здѣсь Петръ узналъ, что его епархія находится въ непосредственномъ завѣдываніи куріи. Онъ отправляется туда лично, и, по уничтоженіи папой прежнихъ назначеній (то-есть, со стороны епископа Селиврскаго и патріарха Константинопольскаго), былъ утвержденъ папой.

Вотъ документъ, съ чрезвычайною яркостью рисующій отношенія къ занимающей насъ территоріи со стороны католическаго духовенства и куріи—не говоримъ уже о логическомъ ходѣ мыслей, ибо онъ одинаковъ во всѣхъ относящихся къ нашему предмету документахъ папской канцеляріи! О Константинопольскомъ патріархѣ мы знаемъ, что ему, въ качествѣ апостольскаго легата, поручены были какъ разъ около этого времени—1359 г. декабря 2-го—дѣла сосѣднихъ съ Польшей церквей ⁴⁾. Впрочемъ, вопросъ о его личности ⁵⁾ не имѣетъ

¹⁾ *Theiner*, M. P., I, № 786.

²⁾ Dudum siquidem ecclesia Ladimiriensi tanto et tam longo tempore pastoris solatio destituta, quod eius dispositio et provisio esset, prout est (?), ad sedem apostolicam secundum generalis statuta concilii legitime devoluta.

³⁾ Sed cum ultimi eciam Ladimiriensis Epi, qui eidem ecclesie prefuit, noticia seu memoria non habeatur, Venerabilis frater noster Augustinus Episcopus Salubriensis cui Venerabilis frater noster Guillelmus Patriarha Constantinopolitanus credens, ut dicitur, provisionem ipsius Ladimiriensis ecclesie ad eum ea vice pertinere, providendi eidem ecclesie de pastore ydoneo dederat potestatem, ignorans, prout asseritur, provisionem ipsius ecclesie ad sedem predictam fore, ut premititur, devolutam.

⁴⁾ *Ib.*, № 793.

⁵⁾ См. *Reifenkugel*, Gründung, 481, пр. 1. *Каро*, G. P., II, 610, попалъ въ странное недоумѣніе, сочтя его патріархомъ православнымъ.

никакого существеннаго значенія. Важно лишь то, что состояніе католицизма въ Галицко-Владимірской землѣ, ея церковно-іерархическія отношенія были ему совершенно не извѣстны. Не отъ него впрочемъ вышла инициатива назначенія. Она принадлежала епископу Селиврскому Августину. Ближайшихъ свѣдѣній объ этой личности мы не имѣемъ, но въ качествѣ Селиврскаго епископа Августинъ не могъ не знать того, что происходило въ это время въ Царьградѣ, гдѣ Ольгердъ употреблялъ всѣ средства для полученія отдѣльнаго митрополита. Быть можетъ, Августинъ замѣщаль отсутствовавшаго Вильгельма, во всякомъ случаѣ, какъ епископъ *in partibus*, онъ долженъ былъ особенно заботиться, чтобы церковь, говоря словами Иннокентія VI „*commodis et successibus prosperis augeatur*“. На такія заботы не могъ не отозваться монахи проповѣдническаго ордена, и вотъ въ результатѣ—новая католическая кафедра.

Назначеніе Петра задумано и осуществлено было далеко отъ Владимира, безъ всякаго участія мѣстной преобладающей власти и населенія. Случайная мысль, осѣнившая католическаго епископа, по своему положенію *in partibus* думавшаго лишь о приумноженіи римскаго стада, а въ нестроеніяхъ православной Русской церкви видѣвшаго благоприятный для этой цѣли моментъ, была причиной возникновенія епископской кафедры, конечно, номинальной. О Петрѣ мы больше ничего не знаемъ; въ его исторіи повторяется, слѣдовательно, буквально то же, что мы видѣли въ исторіи Генриха Кіевскаго, Николая Перемышльскаго. Изъ папской буллы мая 5-го 1371 г., по которой во Владимирскіе епископы назначенъ августинскій монахъ Гинко, узнаемъ, что Петръ, подобно Перемышльскому Николаю, умеръ вѣд предѣловъ, подлежащихъ непосредственному вѣдѣнію куріи, слѣдовательно, не въ своей епархіи, когда именно — не извѣстно ¹⁾. 20-го мая 1359 г. Иннокентій VI назначаетъ миторита Тому епископомъ Холмскимъ. Содержаніе данной по этому поводу буллы ничѣмъ не отличается отъ другихъ подобныхъ документовъ папской канцеляріи; точно также имя послѣдняго Холмскаго епископа не было извѣстно куріи, и точно также новое епископство подчиняется непосредственному ея вѣдѣнію ²⁾. Нельзя не указать на то, что оба назначенія касаются территоріи, бывшей въ литовскихъ рукахъ, слѣдовательно,

¹⁾ *Theiner*, M. P., 1, № 890.

²⁾ *Reisfenkugel*, Gründung, 433, пр. 1. Содержаніе буллы приводится здѣсь по *Wadding*, *Annales minorum*, t. VIII, Romae, 1733, p. 483.

обѣ епархіи могли имѣть смыслъ миссіонерскихъ постовъ, хотя въ успѣхѣ миссіи можно очень сомнѣваться. Мы видѣли, что Петръ не оставилъ никакихъ слѣдовъ своей дѣятельности. То же можно сказать и о Томѣ. Мы имѣемъ о послѣднемъ одно случайное свѣдѣніе, относящееся къ 1365 г., когда 26-го декабря онъ освятилъ часовню св. Доротеи въ Краковѣ; здѣсь онъ называется викарнымъ Краковскаго епископа ¹⁾; по всей вѣроятности, онъ и жилъ въ Краковѣ.

Мы рассмотрѣли исторію возникновенія трехъ епископскихъ католическихъ кафедръ въ предѣлахъ Галицко-Владимірской территоріи. Исторія эта въ сущности одна и та же. Кафедръ учреждаются не вслѣдствіе дѣйствительной въ нихъ потребности, а по совершенно постороннимъ причинамъ, важнымъ для куріи, которая не могла терпѣть чьего бы ни было посторонняго вмѣшательства—Любушскихъ ли епископовъ, или патріарха Константинопольскаго—но не имѣющихъ рѣшительно никакого отношенія къ мѣстности, для которой онѣ устанавливаются. Назначеніе Холмскаго епископа, правда, исходитъ непосредственно отъ папы, но въ этомъ случаѣ Иннокентій VI, очевидно, лишь возревновалъ примѣру Селиврскаго епископа; на это указываетъ хронологія и то обстоятельство, что Тома былъ лицо столь же не нужное для Холма, какъ Петръ для Владиміра. Вотъ почему о дѣятельности всѣхъ названныхъ „первыхъ“ епископовъ мы рѣшительно ничего не знаемъ. Всѣ они никакихъ слѣдовъ по себѣ не оставили. Совпаденіе знаменательное! Когда 13-го февраля 1375 г. Григорій XI издалъ буллу, окончательно опредѣлившую устройство католической іерархіи въ предѣлахъ занимающей насъ территоріи, оказалось, что всѣ епархіи оставались безъ пастырей, и папа счелъ необходимымъ пригласить архіепископа Гнѣзненскаго, епископовъ Краковскаго и Плоцкаго къ содѣйствію въ выборѣ лицъ, годныхъ для замѣщенія епископскихъ кафедръ, при чемъ Владиславу Опольскому папа счелъ нелишнимъ предложить побуждать епископовъ къ возможному ускоренію дѣла ²⁾. Незадолго передъ этимъ, 19-го ноября 1371 г., появленіе во Львовѣ какого-то священника Ивана, быть можетъ, подосланнаго Любушскимъ епископомъ съ цѣлью вызвать церковныя смуты ³⁾, грозило полнымъ уничтоженіемъ результатовъ мис-

¹⁾ *Ib.*, 433, пр. 2.

²⁾ *Theiner*, M. P., 1, № 963.

³⁾ *Reifenkugel*, Gründung, 452.

сіонерской дѣятельности Николая изъ Кросна и его миноритовъ ¹⁾.

Въ слѣдующемъ 1372 году Любушскій епископъ прибѣгнулъ къ другому средству: онъ заявилъ—нужды нѣтъ, что это прямо противорѣчило прежнимъ его утвержденіямъ,—что церкви Галицкая, Перемышльская, Владимірская и Холмская не епархіальныя, а только приходскія. Папѣ пришлось забирать справки, при чемъ онъ прямо заявляетъ, что никакихъ опредѣленныхъ свѣдѣній объ этомъ у него нѣтъ ²⁾.

Дошедшія въ этомъ году до Рима опредѣленныя свѣдѣнія были совершенно другаго характера: „Не безъ великаго смущенія“, пишетъ Григорій XI Гнѣзненскому архіепископу (іюль, 1372 года),—„узнали мы, что на Руси находится очень много схизматическихъ епископовъ“. Таковыхъ папа поручаетъ лишать епархій и всѣми мѣрами удалять ³⁾, очевидно, не подозрѣвая, что всѣмъ подобнаго рода предписаніямъ заранѣе суждено было оставаться мертвою буквою. Все это, кажется, съ достаточною опредѣленностью рисуетъ намъ положеніе католицизма въ Галичинѣ, но конечно, совмѣстныя напряженныя усилія куріи, духовенства и правительства не могли не приводить къ извѣстнымъ результатамъ. Если не на дѣлѣ, то по крайней мѣрѣ официально положеніе католицизма, въ виду упроченія польскаго господства, должно было измѣниться. Признаки такой перемѣны обнаруживаются еще въ 60-хъ годахъ, когда Казиміръ обратился къ папѣ съ просьбой назначить епископа въ любимый имъ Львовъ. Давно уже сообщалъ онъ куріи, что въ его пріобрѣтеніяхъ могло быть основано семь обширныхъ епархій, но только въ 60-хъ годахъ нашель возможнымъ подумать объ учрежденіи одной. Львовъ, выдержавшій первый натискъ Литвы, былъ особенно дорогъ Казиміру, а крѣпкія стѣны и сравнительная многочисленность католиковъ-нѣмцевъ давали Казиміру основаніе настаивать именно на этомъ городѣ. Въ 1363 году апрѣля 6-го Урбанъ V обратился къ Гнѣзненскому архіепископу съ запросомъ на счетъ предполагаемой Казиміромъ епископской резиден-

¹⁾ Въ буллѣ Гнѣзненскому архіепископу Григорій XI говоритъ по этому поводу: *multi ex eisdem conversis et absolutis ad infidelitatis et scizmatis vomitum sunt reversi, et alii a conversione salutifera retrahuntur*, *Theiner*, М. Р., 1, № 900.

²⁾ *Nos de premissis certam noticiam non habentes*, *Ib.*, № 908.

³⁾ *Ib.*, № 910. „Схизматическими“ епископами *К. Стадницкій*, О początkach, 26, считаетъ епископовъ любушскаго поставленія, но достаточно сравнить настоящую буллу съ буллою „*Debitum pastoralis officii*“, чтобы убѣдиться въ натянутости такого толкованія; ср. также *Петрушевичъ*, О Галицкихъ митр., пр. 34.

денціи: „указанный городъ“, спрашиваетъ папа, — „значителенъ ли, есть ли тамъ духовенство и паства, отвѣчаетъ ли принадлежащая къ нему территория размѣрамъ епархіи; каково, наконецъ, можетъ быть матеріальное обезпеченіе?“¹⁾ Вотъ какіе вопросы задавались куріей, когда дѣло имѣло не отвлеченный, а дѣйствительно практическій характеръ. Ни разу не возникали они въ случаяхъ, о которыхъ мы говорили выше. Налагая на нищенствующихъ или проповѣдничествующихъ монаховъ „бремя епископства“, курія просто поручала ихъ „десницѣ Божіей“²⁾, быть можетъ, надѣялась на успѣхъ, но во всякомъ случаѣ понимала, что дѣло это есть, въ лучшемъ случаѣ, дѣло неизвѣстнаго будущаго. Что оно не увѣчивалось желательными для куріи успѣхами, видно изъ того, что она не имѣла никакихъ рѣшительно о немъ свѣдѣній. При извѣстной ревности католическихъ миссіонеровъ, это можно объяснять лишь тѣмъ, что Русь была совершенно недоступна ихъ воздѣйствію, что успѣхи католицизма среди русскихъ могли обуславливаться единственно лишь силой, скажемъ прямо — насиліемъ³⁾, что, слѣдовательно, на такіе успѣхи католицизмъ могъ рассчитывать лишь съ упроченіемъ на Русской землѣ польскаго господства. Поддержка, во что бы ни стало, католической пропаганды должна была со стороны польскихъ государей послужить наградой куріи за ея содѣйствіе въ завоеваніи, и понятно, почему въ 1363 г. Урбанъ долженъ былъ иначе отнестись къ утвержденію епископской резиденціи, чѣмъ его предшественники, въ разсмотрѣнныхъ нами случаяхъ.

1363 годъ можно такимъ образомъ поставить, какъ грань въ отношеніяхъ Рима къ Галицкой Руси, иначе говоря, только съ 60-хъ годовъ можно считать прочное утвержденіе польскаго господства въ Галичинѣ; но прошло еще много времени, пока дѣйствительно были устроены на ея территоріи дѣла католической церкви. По крайней мѣрѣ все время правленія Казимира она оставалась въ миссіонерскомъ, такъ сказать, положеніи, не имѣя опредѣленной организаци и матеріальнаго обезпеченія. Организациа католической церкви въ Галичинѣ была установлена лишь 13-го февраля 1375 года буллой Григорія XI „*Debitum pastoralis officii*“. Содержаніе этой знаменитой

¹⁾ *Ib.*, № 826.

²⁾ *Dextera domini tibi assistente propicia*, говорятъ Иннокентій VI Николаю Перемышльскому.

³⁾ Вспомнимъ 1412 годъ въ Перемышлѣ.

буллы, вкратцѣ передающей весь ходъ дѣла, таково: „До свѣдѣнія нашего (папы) дошло: блаженной памяти король Казиміръ, благодаря своему мужеству и содѣйствию вѣрныхъ, подчинилъ себѣ и своему государству, какъ католическому, сосѣднюю Русь, въ которой обитали не только схизматки, но и различные еретики. Многіе изъ нихъ, по милости Божіей, и благодаря содѣйствию вѣрныхъ, оставили свои заблужденія. Далѣе церкви — Галицкая, Перемышльская, Владимірская и Холмская были кафедральныя, какими состоятъ и нынѣ. Назначаемые туда нашими предшественниками католическіе предстоятели встрѣчали затрудненія со стороны Любушскаго епископа.

Дѣло это обсуждалось въ курии; теперь, по просьбѣ князя Опольскаго и другихъ, мы призваны постановить, соотвѣтственно нашему долгу, окончательное рѣшеніе. Мы обращались къ архіепископу Гнѣзневскому, епископамъ Краковскому и Плоцкому съ запросомъ, епархіальны ли указанна выше церкви, или только приходскія, достаточное ли количество народа находится въ ихъ вѣдѣніи и по всѣмъ этимъ пунктамъ мы получили утвердительные отвѣты. Теперь король Людовикъ и помянутый выше князь сообщили намъ, что каждая изъ нихъ въ отдѣльности имѣетъ много христіанскаго народа, нуждающагося въ пастырскомъ руководствѣ, что онѣ далеко отстоятъ отъ епархіи Любушской, и что Любушскій епископъ во всякомъ случаѣ (то-есть, епархіальны ли эти церкви, или только приходскія) не можетъ съ должнымъ успѣхомъ исполнять тамъ пастырскія обязанности. Чтобы поѣтому положить конецъ недоразумѣніямъ и принимая во вниманіе, что чѣмъ болѣе будетъ тамъ католическихъ пастырей, тѣмъ это будетъ полезнѣе и благотворнѣе для руководства душъ, для защиты и распространенія религіознаго культа, апостолическимъ авторитетомъ постановляемъ: церкви Галицкая, Перемышльская, Владимірская, Холмская были и суть епархіальныя; мѣста, въ которыхъ они утверждены, были и суть города; для большей вѣрности мы постановляемъ это снова и желаемъ, чтобы такъ оставалось навсегда; всякое участіе въ ихъ дѣлахъ со стороны Любушскаго епископа устраняемъ, постановляя вмѣстѣ съ симъ, что православные предстоятели, еслибы таковыя оказались, должны быть отъ нихъ удалены какъ безчестные и недостойные. Постановляемъ, чтобы Галицкая церковь была архіепископальной, а Перемышльская, Владимірская и Холмская — епископальными и подчиненными Галицкой въ качествѣ суффраганныхъ. Желаемъ также, чтобы во главѣ всѣхъ указанныхъ церквей, остающихся теперь безъ пастырей, были поставлены

предстоятели, которые умѣли бы и были въ состояніи искоренить тамошнія заблужденія и служить примѣромъ для подвѣдомаго имъ словеснаго стада. Заранѣе уничтожаемъ все, что сознательно или по невѣдѣнію было бы учинено противъ этого нашего распоряженія* ¹⁾. Какую силу вѣры въ свое могущество надо было имѣть, чтобы говорить такимъ образомъ! Но и это не помогло. Немедленное осуществленіе папскихъ приказаній было бы чудомъ,—но чудесъ не бываетъ въ исторіи. Только 13-го апрѣля 1377 года назначенъ былъ епископъ въ ближайшій къ Польшѣ Перемышль. Въ какомъ положеніи засталъ Эрихъ свою церковь, мы видѣли. Относительно епископовъ Владимірскаго и Холмскаго нѣтъ опредѣленныхъ свѣдѣній. Какова была судьба назначеннаго во Владимірскіе епископы въ 1371 году Гинка— не извѣстно. По голословному показанію Накельскаго, послѣ буллы „*Debitum*“ туда былъ назначенъ нѣкто Исидоръ, умершій въ 1380 году. Ему наследовалъ Ругианъ. О дотаціи епископства тоже нѣтъ извѣстій. Знаемъ только, что преемникъ Ругиана, Андрей Шлавка, перенесъ въ 1428 году свою резиденцію въ Луцкъ, и что епископы этого города по постановленію Флорентійскаго собора получили титулъ: *episcopi Lucceogieneses*, въ отличіе отъ епископовъ Лукки ²⁾. Холмскимъ епископомъ около 1308 года былъ доминиканецъ Стефанъ ³⁾. Дотировано было Холмское епископство Ягайлой въ 1417 году, въ воспоминаніе Грюнвальдской побѣды ⁴⁾. Въ 1473 году резиденція епископа была перенесена въ Грубешовъ, а въ 1490 году—въ Красноставъ.

Такимъ образомъ рѣшеніе папы не было приведено въ исполненіе. Назначенные имъ для резиденціи епископовъ города оказались для этой цѣли негодными. Только въ Перемышлѣ удержалась латинская катедрa, благодаря какимъ средствамъ — мы видѣли. Во всѣхъ другихъ мѣстахъ совмѣстное пребываніе съ православными представителями церкви оказалось для католиковъ невозможнымъ, и они сочли необходимымъ нарушить папское предписаніе и избрать для себя другія болѣе подходящія мѣста.

Въ какой степени оказались пустыми грозныя слова папы отно-

¹⁾ *Theiner*, M. P. 1, № 964.

²⁾ *Reifenkugel*, Gründung, 467. Дотацію епископства *К. Стадницкій* приписываетъ Витовту, О *roszatkach*, 32.

³⁾ *Ib.*, 468, пр. 2 и 3.

⁴⁾ *Ib.*, пр. 4.

относительно православныхъ архіереевъ, доказываетъ уже то обстоятельство, что въ томъ же 1375 г. на двухъ документахъ, данныхъ 31-го августа Владиславомъ Опольскимъ, находимъ подпись Антонія Галицкаго митрополита ¹⁾. Иерархическое неустройство католической церкви въ Галичинѣ обнаруживалось и въ томъ, что она не имѣла своего представителя.

Уже въ 1367 г. встрѣчаемъ упоминаніе о Галицкомъ архіепископѣ Христинѣ ²⁾, а Львовскіе капитульные анналы сообщаютъ о немъ слѣдующія подробности: „Христинъ архіепископъ Галицкій соорудилъ въ Галичѣ храмъ св. Маріи Магдалины и по мѣрѣ возможности дотировалъ его; установилъ прелатовъ и канониковъ, но такъ какъ они носили лишь пустыне титулы, то кормилъ ихъ отъ своего стола. Поддерживалъ нищихъ и питомцевъ, и скончался славный наукой и полный добрыхъ дѣлъ“ ³⁾.

Очевидно, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ однимъ изъ тѣхъ титулярныхъ епископовъ, которые были среди миссіонерскихъ конгрегацій и которые не имѣли никакой дѣйствительной силы и значенія ⁴⁾, будучи назначаемы заранѣе, на случай успѣха пропаганды. Нечего, слѣдовательно, искать учредительной буллы, приписывать ее Любушскому епископу или стараніямъ Казимира ⁵⁾.

Архіепископъ Галицкій—тотъ ли самый Христинъ, или другой какой-нибудь нищенствующій монахъ, не знаемъ — упоминается и въ 1371 г. въ буллѣ о поставленіи Гинка епископомъ Владимірскимъ, но обстоятельство, что онъ поставленъ въ адресѣ на послѣднемъ мѣстѣ, а равно, что въ томъ же 1371 г. поставленіе латинскаго епископа Андрея въ Серетъ обошлось безъ всякаго участія Галицкаго архіепископа ⁶⁾, хотя онъ былъ ближайшимъ и хотя потомъ въ 1412 г. Серетская епархія была подчинена ему въ качествѣ суффраганной, доказываетъ, что еще и въ это время положеніе его было такое же миссіонерское, неопредѣленное.

Только 26-го января 1376 г. Григорій XI назначилъ баноника

¹⁾ А. Гр. в 3., II, 6, 8.

²⁾ *Reifenkugel*, Grundung, 437: illustrissimus dominus Christinus' archiepiscopus Haliciensis 1367; у Скробишевскаго изъ французскаго архива во Львовѣ.

³⁾ *Ib.*, 440.

⁴⁾ Христинъ былъ, по всей вѣроятности, францисканецъ, по крайней мѣрѣ, замѣтка о немъ сохранилась во францисканскомъ архивѣ.

⁵⁾ *Reifenkugel*, 437.

⁶⁾ *Theiner*, M. P. 1, № 891 и 894.

изъ Ягра ¹⁾, Матвѣя въ архіепископы Галицкіе ²⁾. Въ документахъ этотъ первый глава католической іерархіи въ Галичинѣ носитъ титулъ: *Electus Archiepiscopus Lemburgensis* ³⁾, въ виду, надо думать, увѣренности, что хлопоты Владислава Опольскаго о перенесеніи архипастырской резиденціи изъ Галича во Львовъ, точнѣе, о назначеніи таковой во Львовѣ, а не въ Галичѣ, увѣнчаются успѣхомъ. О ходатайствѣ Владислава сообщаетъ Григорій XI въ письмѣ къ архіепископу Гнѣзненскому, епископамъ Краковскому и Плоцкому ⁴⁾. Оно дано 3-го марта 1375 г. — двѣ недѣли спустя послѣ буллы „*Debitum*“, и все еще о положеніи дѣлъ папа не имѣлъ никакихъ данныхъ, все еще Владиславъ считалъ возможнымъ выставить крѣпкія стѣны Львова, какъ наиболѣе убѣдительный аргументъ для утвержденія въ немъ резиденціи главы церкви. Безъ всякаго сомнѣнія, Григорій XI, еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ Урбанъ V, долженъ былъ интересоваться вопросомъ о матеріальномъ обезпеченіи кафедръ. Мы не знаемъ въ точности, когда именно оно послѣдовало, несомнѣнно только, что при Владиславѣ Опольскомъ. Вотъ, что разсказываетъ объ этомъ Бонифацій IX въ 1390 г. „такъ какъ церковь Галицкая въ предѣлахъ русскаго княжества, которое блаженной памяти Венгерскимъ королемъ Людовикомъ вновь возвращено было изъ рукъ невѣрныхъ и схизматиковъ католической вѣрѣ и повиновенію святой Римской церкви, находилась тогда въ рукахъ невѣрныхъ и схизматиковъ и была лишена католическаго предстоятеля въ теченіе столь долгаго времени, что даже положеніе и размѣръ ея владѣній не могли быть легко опредѣлены, то любезный сынъ нашъ Владиславъ Опольскій, тогдашній князь Руси, воспылавъ ревностнымъ усердіемъ по вѣрѣ, пожаловалъ ей въ вѣчное и не отъемлемое владѣніе Рогатинъ и замки Олеско и Тустанъ въ предѣлахъ Галицкой епархіи, съ округами, селами и со всѣмъ, что сюда относится, а также одинъ домъ въ верхней части города Львова со всѣми правами и принадлежностями, а равно десятину таможенныхъ доходовъ въ томъ же городѣ и десятину соляннхъ доходовъ въ Дрогобычѣ и Жидачовѣ; такъ какъ, далѣе, предѣлы указанной Галицкой епархіи не могли быть обозначены въ виду того, что до указаннаго присоединенія ея

¹⁾ Agria—Эрлау.

²⁾ *Theiner*, М. Р. 1, № 988.

³⁾ Такъ-называется онъ въ А. Гр. и З., 1376 г.—VIII, 16; 1378 г.—III, 52; 1380 г.—III, 63. Другія указанія см. у *Рейфенкучеля*, 459, пр. 4.

⁴⁾ *Theiner*, М. Р. 1, № 967.

(Людовикомъ) ею слишкомъ долго владѣли и держали въ своихъ рукахъ невѣрные и схизматики, вслѣдствіе чего какъ въ самой Галицкой епархіи, такъ и въ другихъ ей подвѣдомыхъ божественныхъ службы совершались не въ должной мѣрѣ и формѣ, а Галиціе суффраганы (викарные епископы) не пребывали въ своихъ кафедральныхъ церквахъ,—поманутый нами предшественникъ (Урбанъ VI) поручилъ кардиналу Димитрію не гласно разузнать дѣла и учинить по нимъ надлежащія распоряженія“¹⁾. Вотъ каково было состояніе католицизма въ Галичинѣ еще въ 80-хъ годахъ²⁾. Людовика называютъ документъ утвердителемъ католической іерархіи въ Галичинѣ, но фактически и онъ, какъ мы видѣли, въ исторіи перемишльской кафедры, не былъ въ состояніи сдѣлать что-нибудь существенное въ пользу католицизма, и честь, приписываемую ему въ грамотахъ Маріи, едва ли не вѣрнѣе относить на счетъ ея дочерней скромности и общаго расположенія куріи къ Анжуйцамъ. Что же касается Казимира, то кромѣ хвастливаго упоминанія о семи епископствахъ и не приведеннаго ни къ чему обращенія къ папѣ съ просьбой основать епископскую кафедру во Львовѣ, мы не встрѣчаемъ съ его стороны рѣшительно никакого другаго участія въ дѣлѣ утвержденія католицизма на Руси. Миѣніе Каро, что „не другой кто, а именно Казимиръ устроилъ Галицкое архіепископство между 1366 — 1370 гг.“, является совершенно неосновательнымъ, хотя высказано имъ съ чрезвычайною рѣшительностью³⁾.

Казимиру рѣшительно нельзя было думать объ устройствѣ католической іерархіи въ Галичинѣ; его отношенія къ Руси представляютъ лишь безконечную борьбу въ самомъ, такъ сказать, грубомъ смыслѣ слова. Свои надежды онъ возлагалъ единственно на крѣпкія стѣны, войско и нѣмецкихъ поселенцевъ; на учрежденіи епископства во Львовѣ вовсе не настаивалъ. Ему ли, на опытѣ извѣдавшему русскую стойкость и „завязтость“, было мечтать объ окатоличеніи Руси! Только далекій и мало знавшій ее Анжусецъ могъ задаваться подобными мечтами, не говоримъ о Владиславѣ Опольскомъ, ибо онъ былъ лишь орудіемъ Людовика. Но и Людовикъ, собственно говоря, больше мечталъ, чѣмъ дѣлалъ, быть можетъ, онъ вѣрилъ во всемогу-

¹⁾ А. Гр. и З., III, № 51.

²⁾ Архіепископа Стригонскаго Димитрія встрѣчаемъ въ Галичинѣ въ 1384 г.: А. Гр. и З., VII, № 15; VIII, № 14.

³⁾ Каро, II, 612.

шество папскихъ предписаній. На дѣлѣ даже самыя грозныя изъ нихъ совершенно теряли свою силу на русской почвѣ Галичины. Во всемъ разсмотрѣнномъ нами дѣлѣ Казиміру нельзя приписать даже той отвлеченной доли участія, какою признаеть за нимъ Рейфенкугель, считая совершившееся отголоскомъ идей и плановъ Казиміра ¹⁾. Все, о чемъ мечталъ Казиміръ, заключалось въ стремленіи духовно разобщить Галицкую Русь отъ остального православно-русскаго міра. Но даже въ этому Казиміръ рѣшился приступить лишь въ послѣдній годъ жизни.

Упомянутое выше утвержденіе Галицкой архіепископской резиденціи во Львовѣ было признано окончательно буллою 28-го августа 1412 г. Только въ этомъ году такимъ образомъ іерархическое устройство Галичины было закончено ²⁾. Львовскому архіепископу подчинены были епархіи: Перемышльская, Владимірская, Холмская, а также вновь основанныя—Кіевская, Каменецкая ³⁾ и Серетская ⁴⁾.

И. Филевичъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ Gründung, 457.

²⁾ Хотя, напримѣръ, Холмское епископство было, какъ мы видѣли, дотировано лишь въ 1417 г.

³⁾ То-есть, Каменецъ-Подольская. Объ не раньше 1375 г. О послѣдней см. М. Симашкевичъ, Римское католичество и его іерархія въ Подоліи. Кам.-Под. 1872 г., стр. 18—26.

⁴⁾ Theiner, M. P. II, № 8.

РАЗРЯДНАЯ КНИГА ВЪ ПАРИЖСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ВИВЛОТЕКѢ.

Въ „Описаніи памятниковъ славяно-русской литературы, хранящихся въ публичныхъ бібліотекахъ Германіи и Франціи“ М. С. Строева (Москва. 1841), на стр. 97 находится слѣдующее указаніе: „№ 43. Книга разрядная, хранится въ Королевской Парижской бібліотекѣ, in fol., на бумагѣ, писана мелкою скорописью XVII вѣка, на 272 листахъ“. Далѣе Строевъ дѣлаетъ объ этой разрядной слѣдующее, очень краткое замѣчаніе: „Въ этой книгѣ замѣчаются разряды царя и великаго князя Іоанна Васильевича съ 7051(1543) по 7087(1579) годъ. Конца недостаетъ“. Сообщивъ затѣмъ, что съ этою рукописью соединена другая, заключающая въ себѣ сказаніе объ Александрѣ Македонскомъ, авторъ оканчиваетъ описаніе данной рукописи слѣдующими словами: „Разрядная книга (одна) принадлежала извѣстному Спарвенфельду, какъ видно изъ приписки на первой страницѣ: „Relié à Moscou, le 15 de janvier 1687 J. G. Sparvenfeld“.

Рѣдкость систематическихъ разрядныхъ книгъ, специально относящихся къ половинѣ XVI вѣка, дѣлала указаніе Строева для меня, при занятіяхъ исторіей мѣстничества, чрезвычайно интереснымъ, и я воспользовался временемъ своего пребыванія въ Парижѣ въ іюнѣ 1889 года, чтобы познакомиться въ Парижской національной бібліотекѣ съ означенною у Строева рукописью.

Славянскія рукописи Парижской національной бібліотеки еще описаны въ каталогѣ: *Les manuscrits slaves de la Bibliothèque impériale de Paris par la p. Martinof. P. 1858*, гдѣ на стр. 28 я отыскалъ стол же краткое, какъ у Строева, описаніе означенной разрядной

книги, при чемъ Мартыновъ тоже указываетъ, что она заключаетъ въ себѣ разряды 7051—7087 годовъ.

Оказалось, однако, что указанія Строева и Мартынова не вѣрны, и разрядная книга обнимаетъ гораздо болѣе значительный промежутокъ времени: отъ 7001 до 7087 г., то-есть, отъ 1492 или 1493 г. по 1579 годъ; словомъ, она относится къ такимъ разряднымъ книгамъ, которыя довольно обычны въ нашихъ книгохранилищахъ.

Ошибка описывателей разрядной книги (не всѣхъ однако — см. ниже) основывается, впрочемъ, на ошибкѣ ея переписчика, дату котораго въ заглавіи разрядовъ ни Строевъ, ни Мартыновъ не дали себѣ труда провѣрить по разрядамъ. Въ рукописи, съ которой списана эта разрядная книга, несомнѣнно было написано: Книга разрядная \bar{z} и (союзъ) \bar{a} , то-есть: 7000 и 1-го=7001 года; переписчикъ прочелъ: \bar{z} на, то-есть, 7051 года, почему и озаглавилъ рукопись: Книга разрядная \bar{z} на году, и подъ влияніемъ уже этой ошибки написалъ далѣе Рорядъ \bar{c} ра і великаго кѣза Іоанна Васильевича всеа Руски.

За этимъ заглавіемъ слѣдуютъ разряды 7001 года:

Повелѣ великій князь (царскаго титула, конечно, нѣтъ) Іоаннъ Васильевичъ всеа Россіи поставити городъ противъ нѣмецкаго рубежа Ругодива и нарече имя ему во свое имя Иванъ городъ и т. д. Что этотъ разрядъ относится къ 7001 г., видно изъ указанія при одномъ изъ послѣдующихъ разрядовъ (на листкѣ 4-мъ разрядной книги): того же лѣта 7001 году и пр.

О разрядахъ, находящихся въ нихъ, мы сейчасъ будемъ говорить обстоятельно, а пока скажемъ нѣсколько словъ о самой рукописи.

Она въ обычномъ кожаномъ переплетѣ, и на первомъ за переплетомъ листкѣ есть такая надпись: Journal du Kzar Iean fils de Basile, commençant à l'année de la creation 7001 avec une continuation jusqu'au Kzar Alexandre. Почеркъ надписи позднѣйшій (можетъ быть, уже начала XIX вѣка). Итакъ, кто-то разобрался въ этой разрядной и узналъ, что она начинается 7001 годомъ, но не могъ отдѣлаться отъ сказанія объ Александрѣ Македонскомъ, котораго онъ считалъ за Русскаго царя! Мартыновъ, конечно, выдѣлилъ послѣднее сказаніе (см. Описаніе его на стр. 28—36).

Листокъ съ только что приведенною надписью помѣченъ на верху на полѣ цифрою 1; за нимъ слѣдуетъ листокъ тоже съ приведеннымъ уже указаніемъ на Спарвенфельда, помѣченный цифрою 2. Но это помѣты болѣе новыя, а старыя начинаются со втораго листа

(съ надписью о Спарвенфельдѣ), внизу котораго стоитъ: \bar{a} ; очевидно, первый листокъ не относится къ рукописи разрядной книги, а вставленъ, когда она переплеталась.

Далѣе идутъ помѣты по листкамъ 3, 4 9; но здѣсь мѣтившій листки увидѣлъ, что на 10-мъ листкѣ (то-есть, на 9-мъ въ дѣйствительности) внизу стоитъ буква \bar{b} . Зная, что въ славянской азбукѣ за буквою *a* слѣдуетъ *b*, онъ подумалъ, что цѣлый листъ утерявъ, и въ этой мысли подкрѣпленъ тѣмъ, что не нашелъ разрядовъ 7006 и 7007 годовъ, изъ которыхъ перваго и дѣйствительно нѣтъ. Сообразивъ все сказанное, мѣтившій означилъ слѣдующій за 9-мъ (8-мъ) листокъ цифрою 20. Почему онъ счелъ потерянными именно 10 листковъ, сказать не умѣемъ.

Съ 20-го листа помѣты слѣдуютъ безъ всякихъ приключеній, оканчиваясь цифрою 285; въ дѣйствительности же въ разрядной 275 листовъ, а если не считать перваго, относящагося къ переплету, то 274 листка, или 548 страницъ.

Строевъ указываетъ всего 272 листка, но ошибся онъ потому, что сосчиталъ по помѣтамъ внизу 34 листа (отъ \bar{a} до \bar{ld} ; переплетнаго листка онъ, очевидно, не считалъ), умноживъ которые на 8, онъ и получилъ 272 листка; но онъ не замѣтилъ, что 20-й листъ состоитъ не изъ 8, а изъ 10 листовъ (лл. 164—173), кажется, по особой причинѣ (см. ниже). Однако, удобства ради, я, цитую листы рукописи, всегда имѣю въ виду ея новья, хотя и неправильныя помѣты.

Почеркъ рукописи очень четкій, особенно въ началѣ.

За разрядами 7001 г. слѣдуютъ разряды 7002 г., начинающіеся такъ: Представися князь Ондрей Васильевичъ большій, а сидѣлъ два года 37 дней на Казенномъ дворѣ, а положенъ въ Архангелѣ. Разряды 7002 г. очень кратки, равно какъ и 7003 — 7005 годовъ; среди послѣднихъ на оборотѣ 9-го листа на полѣ приписано, гѣта 7056; очевидно, кто-то, полагая разряды идущими отъ 7051 года, искалъ и, какъ ему казалось, нашелъ начало разряда 7056 г., но это не вѣрно: продолжаются разряды 7005 г., а разрядовъ 7006 г. нѣтъ.

Остальныя, встрѣчающіяся изрѣдка на поляхъ помѣты, при раннихъ разрядахъ указываютъ годы ихъ соотвѣтственно тексту.

Разрядъ 7007 г. тоже въ текстѣ не обозначенъ, а за 7005 г. слѣдуетъ 7008 г., но въ дѣйствительности разряды 7007 г. есть, только помѣчены 7008 г., и на листѣ 21-мъ въ текстѣ, среди разрядовъ 7008 г., даже написано: того же гѣта 7007 года.

Разобраться болѣе точно, какъ въ этихъ, такъ и въ послѣдующихъ

назрядахъ, я не могъ, ибо не имѣлъ съ собою изданныхъ разрядныхъ книгъ; а разряды конца XV вѣка и начала XVI вѣка даже и не напечатаны; но мнѣ кажется, что разрядная книга Парижской національной библіотеки имѣеть сходство съ находящеюся въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ въ Москвѣ подъ № 99, 131, цитованною не разъ Валугевымъ въ его изслѣдованіи о мѣстничествѣ.

За разрядами 7007 г. слѣдуютъ разряды, помѣченные тоже 7008 г., а среди нихъ извѣстный отказъ Юрія Захаревича отъ невмѣстнаго назначенія, который постоянно встрѣчается въ разрядныхъ книгахъ этого времени и въ описываемой книгѣ никакихъ особенностей не представляетъ. Потомъ записаны разряды 7009—7027 годовъ, безъ перерыва; иные короткіе, другіе болѣе длинныя.

Подъ 7026 г. (на оборотѣ л. 52) помѣщены мѣстничества, случившіяся будто бы въ этомъ году въ походъ великаго князя на Коломну противъ Крымскаго царя, или, вѣрнѣе, отвѣты на возникшія мѣстническія челобитья: боярину князю Михаилу Васильевичу Горбатову (2-й воевода большаго полка) служба невмѣстна для боярина Ивана Никитича Бутурлина (1-й воевода лѣвой руки), окольникему Андрею Никитичу Бутурлину (2-й воевода лѣвой руки) для боярина князя Михаила Ѳедоровича Курбскаго (2-й воевода правой руки) и боярину князю Михаилу Ѳедоровичу Курбскому для боярина Ивана Николаевича Бутурлина. Всѣ эти мѣстническія столкновенія извѣстны, только здѣсь они, по всей вѣроятности, не на мѣстѣ, такъ какъ совершенно такія же московскія столкновенія произошли 12 годами позже (см. мое сочиненіе: *Исторія мѣстничества въ Московскомъ государствѣ*, стр. 253—254).

Съ 7028 г. годы въ разрядахъ писаны не въ началѣ строки, какъ раньше, а среди страницъ, при чемъ въ началѣ строки перестаетъ писаться и первая буква; напримѣръ, вмѣсто: *посылалъ*, писалъ, написано: *осылалъ*, исалъ и т. п. Предполагалось, конечно, изобразить пропущенныя буквы каллиграфически.

Около 7028 г. переписчикъ сбился въ хронологіи; еще при разрядахъ 7027 года сверху подписано: *л̄а* (81, то-есть, 7031 годъ), но начало разряда 7028 г. оставлено безъ помѣты, а среди разряда этого же года (на л. 57) снова подписано: *л̄в*. Разобраться болѣе точно въ разрядахъ 7029—7031 гг. я въ Парижѣ не могъ.

Разряды 7032 и 7033 гг. не отмѣчены ничѣмъ, а въ разрядахъ 7034 г. снова записаны (л. 58) случаи мѣстничества воеводъ, происшедшіе будто бы въ этомъ году при посылкѣ войскъ на судахъ

подъ Казань: бояринъ князь М. В. Горбатый замѣстничался съ княземъ Ѡ. Лопатою Оболенскимъ да съ бояриномъ И. Н. Бутурлинымъ, бояринъ князь М. Ѡ. Курбскій тоже съ княземъ Ѡ. Лопатою Оболенскимъ да съ бояриномъ И. Н. Бутурлинымъ и окольникій А. Н. Бутурлинъ съ бояриномъ княземъ Курбскимъ. Легко замѣтить, что это почти тѣ же случаи, которые указаны выше, подъ 7026 г.; но они, по всей вѣроятности, и подъ 7034 г. не на мѣстѣ (см. въ моемъ сочиненіи 1 с.).

Пропускаемъ безъ замѣчаній разряды 7035 — 7037 годовъ. Подъ 7038 г., въ разрядѣ похода войскъ судами подъ Казань, указаны (л. 63) такіа мѣстничества: боярина князя М. В. Горбатаго Кислага (2-й воевода большаго полка) съ княземъ Ѡ. Лопатою Оболенскимъ (1-й воевода передоваго полка) и съ бояриномъ И. Н. Бутурлинымъ (1-й воевода лѣвой руки); боярина князя М. Ѡ. Курбскаго (2-й воевода правой руки) тоже съ княземъ Ѡ. Лопатою Оболенскимъ и съ бояриномъ И. Н. Бутурлинымъ и окольникаго А. Н. Бутурлина (2-й воевода лѣвой руки) съ княземъ Ѡ. Лопатою Оболенскимъ, бояриномъ княземъ М. Ѡ. Курбскимъ и княземъ С. Ѡ. Сицкимъ (2-й воевода передняго полка). Всѣмъ мѣстничавшимся отвѣчено: быть безъ мѣстъ, пока служба минется.

Опять повторены, значить, почти тѣ же мѣстничества, что и подъ 7026 и 7034 гг.; но они дѣйствительно происходили въ 7038 г. и встрѣчаются въ иныхъ разрядныхъ, за исключеніемъ мѣстничествъ окольникаго Ан. Н. Бутурлина съ княземъ Ѡ. Лопатою Оболенскимъ и княземъ С. Ѡ. Сицкимъ, указаній на которыя мнѣ раньше не встрѣчалось. Затѣмъ князя Курбскаго звали не Михаиломъ Ѡеодоровичемъ, а Ѡеодоромъ Михайловичемъ (см. все это 1 с.).

За разрядами 7039 г. слѣдуютъ разряды съ не помѣченными годами, для которыхъ однако оставлено мѣсто; такихъ мѣстъ пять; вѣроятно, разряды 7040 — 7044 годовъ. Разряды 7045 г. и слѣдующихъ снова помѣчены годами, и чѣмъ эти разряды позднѣе, тѣмъ они обстоятельнѣе.

Среди разрядовъ попадаются и еще случаи мѣстничества, но на сколько я могъ припомнить, уже извѣстныя. Неизвѣстныя мнѣ подробности я нашелъ лишь въ слѣдующемъ случаѣ, помѣченномъ среди одного изъ помѣченныхъ годовъ разрядовъ (л. 95): Назначенный во Владимірскомъ разрядѣ 1-мъ воеводою большаго полка князь И. А. Шуйскій почему-то не явился на службу, и грамоты писались боярину князю П. И. Рѣпинну, 2-му воеводѣ большаго полка (къ

нему слѣдовательно должны были прїѣзжать для совѣщаній остальные воеводы разряда). Тогда 1-й воевода сторожеваго полка князь С. Алабышевъ ударилъ челомъ на князя Рѣпина—на томъ основаніи, что князь Ѳеодоръ Алабышъ, отецъ челобитчика, сидѣлъ на Галичѣ, а съ нимъ князь Дмитрій Щепя, а князь Иванъ Рѣпинъ (отецъ князя П. И. Рѣпина) подъ княземъ Дмитріемъ третій братъ. Великій князь велѣлъ имъ съѣзжаться во Владимірѣ у церкви. Случай этотъ, по инымъ разряднымъ происходившій въ 7050 г. (см. ор. сіт. стр. 263), но безъ нѣкоторыхъ подробностей.

Пропускаемъ безъ замѣчаній разряды 7046—7065 годовъ, при чемъ не всѣ они аккуратно отмѣчены въ началѣ годами; но при небольшомъ вниманіи всегда легко замѣтить, гдѣ начинается особый разрядный годъ.

Подъ 7088 г. помѣщенъ (л. 123) извѣстный соборный приговоръ о мѣстничествахъ.

При перепискѣ разрядовъ 7066—7069 годовъ переписчикъ сбился: онъ раньше внесъ разряды конца 7068 г. и 7069 г. (съ оборота л. 167 по л. 173), чѣмъ разряды конца 7066 г., 7067 г. и начала 7068 г. (л. 173 въ самомъ концѣ по л. 187); можетъ быть, замѣтивъ это и желая поправить безпорядокъ, переписчикъ вставилъ два листка, ибо, какъ было выше сказано, приходящійся именно на это мѣсто 2-й листъ книги имѣетъ не 8, а 10 листовъ; но путаница въ разрядахъ все же осталась.

Съ оборота 188-го листка почеркъ рукописи становится крупнѣе прежняго, и съ 190 л. онъ дѣлается менѣ четкимъ и аккуратнымъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ онъ хуже. Подъ конецъ рукописи разряды пишутся вплосную, и полки не раздѣлены по строчкамъ. Но все же письмо рукописи разборчивое.

На оборотѣ 188 л. написаны, кажется, уже разряды 7070 г.; на оборотѣ же 189 л. они написаны навѣрное, а затѣмъ слѣдовательно, безъ перерывовъ идутъ разряды 7071—7087 годовъ и опять-таки. чѣмъ они позднѣе, тѣмъ обширнѣе. На концѣ листка 282 внезапно оканчивается разрядная книга.

Съ оборота листка 282 начинается изложеніе мѣстническаго дѣла, происходившаго въ томъ же 7087 г., на которомъ прекращаются разряды. Оно состоитъ изъ челобитья государю Ѳомѣ Аванасъевича Бутурлина на князя В. Тюфякина въ безчестіи за брата своего Романа Дмитріевича Бутурлина и разбора этого дѣла государемъ,

выдавшимъ Тюфякина Бутурлину головою. Это мѣстничество извѣстное.

Оканчивается изложеніе его на л. 285, гдѣ тотчасъ же начинается изложеніе другаго московскаго дѣла того же года, содержащее въ себѣ краткое челобитіе государю Романа Дмитріевича Бутурлина на князя Ивана Самсон. Туренина и рѣшеніе: Бутурлинъ получилъ невмѣстную грамоту. Случай тоже извѣстный.

Изложеніе этого втораго мѣстническаго дѣла прекращается на оборотѣ 285 л., и сейчасъ же слѣдуетъ изложеніе новаго дѣла, тоже происходившаго въ 7087 г., заключающее въ себѣ челобитіе государю въ отечествѣ о счетѣ Ром. Дим. Бутурлина на князя Дим. Ив. Хворостинина, при чемъ (младшій къ чужому роду, чѣмъ Ром. Дим. Бутурлинъ) Ѳома Аѳ. Бутурлинъ былъ челомъ на князя Ивана Ив. Хворостинина, отца князя Дим. Ив. Хворостинина. Оканчивается страницца (оборотъ 285 л.) слѣдующими словами: Государь царь и великій князь Іоаннъ Васильевичъ всеа Россіи, выслушавъ Ѳоминой челобитный, да приказалъ судити своимъ государевымъ боярамъ: князю Ивану Ѳеод. Мстиславскому, да князю Сем. Дим. Пронскому, да Никитѣ Ром. Юрьеву, дьяку Андр. Клобукову; и судъ Ѳомѣ со княземъ Иваномъ былъ, а за князя Ивана отвѣчалъ и искалъ князь Ѳеодоръ...

Конечно, далѣе слѣдовало: Ивановичъ Хворостининъ (и этотъ случай извѣстенъ); но слѣдующаго листка уже нѣтъ, а вмѣсто него идетъ сказаніе объ Александрѣ Македонскомъ, которое, судя по надписи на книгѣ: *Relié à Moscou etc.* (см. выше), по всей вѣроятности, вопреки мнѣнію Строева, переплетено вмѣстѣ съ разрядною книгою въ 1687 году въ Москвѣ для Спарвенфельда.

А. Маркевичъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

GLASNIK ZEMALJSKOG MUZEJA U BOSNI I HERCEGOVINI. Urednik *Kosta Hörmann*, vladin savjetnik. Knjiga I—III. Sarajevo. 1889 ¹⁾.

Въ Босніи существуютъ преданія и пѣсни о построеніи разныхъ старинныхъ мостовъ; но до сихъ поръ обнаружены, насколько мнѣ известно, только преданія о старомъ мостѣ у Мостара. Къ сожалѣнію, и эти сообщенія довольно отрывочны; тѣмъ не менѣе они даютъ намъ понятіе о характерѣ подобныхъ сказаній.

По народному преданію, старый Мостарскій мостъ построенъ во времена герцога Штепана Косорича, послѣдняго сербскаго владѣтеля Герцеговины, и тогда же построены мосты—одинъ на р. Бунѣ, въ 2 ч. къ югу отъ Мостара, а другой у города Коньницы, на р. Неретвѣ. Мостарскій мостъ строилъ зодчій Раде, который по окончаніи моста побоялся снять помость изъ-подъ сводовъ и удалился на гору Поримъ, на 3 ч. къ сѣверу отъ Мостара, а передъ отправленіемъ поручилъ своему батраку (шегрт) снять ихъ. Прошло не мало времени, пока батракъ исполнилъ порученіе своего господина; на Раде напала тоска и сомнѣніе частью вслѣдствіе долгаго времени, частью вслѣдствіе томительнаго ожиданія и пребыванія въ неизвѣстности, и онъ сталъ отдѣлывать камень, а пока явился батракъ, онъ совершенно было отдѣлалъ камень. Увидѣвъ батрака, Раде разъяренный отъ гнѣва, выхватилъ ножъ, размахнулся и зарѣзалъ его, не узнавъ такимъ образомъ отъ него радостной вѣсти. Съ того времени и теперь остались у Порима отдѣланный камень и могила батрака ²⁾.

¹⁾ *Продолженіе*. См. январскую книжку *Журн. Мин. Нар. Пр.* за текущій годъ.

²⁾ Значеніе слова *шегрт* см. у *В. Караджича*, Српски рјечник. У Бечу. 1862, стр. 835.

По другому преданію, Раде по окончаніи моста желалъ узнать его крѣпость во время половодья Неретвы и потому не снялъ помоста. Когда передъ началомъ весны стали таять снѣга, то Неретва съ страшною силою устремилась и снесла камни и лѣса помоста; тогда она нанесла и огромную ель, и вслѣдствіе того главное теченіе и водовороты рѣки стали напирать на мостъ. Огромныя волны стали заливать мостъ, который сталъ качаться. Раде, видя опасность, долженъ былъ принять рѣшительныя мѣры; онъ подвѣзалъ своего батрака веревками, далъ ему пилу и спустилъ его надъ елью. Батракъ выпилилъ ель и такимъ образомъ отклонилъ опасность для моста. Раде уже послѣ, когда спала вода, снялъ помостъ изъ-подъ моста ¹⁾.

Мустафа Хилми-Мухибичъ передаетъ этотъ разказъ въ нѣсколько искаженномъ видѣ; онъ сообщаетъ, что на старомъ мостарскомъ шоссе, ведущемъ въ Коньницу, у дороги, не далеко отъ с. Подпорима, находится потреснувшее каменное корыто, а между тѣмъ здѣсь нѣтъ никакого слѣда отъ фонтана и вообще воды. Преданіе народное говоритъ, что водчій, построившій мостъ, бился о закладъ, что онъ устроитъ такой мостъ, и если это будетъ ему не подъ силу, то онъ готовъ положить свою голову. Поднявши сводъ, онъ ушелъ въ с. Подпоримъ ждать извѣстія, обрушится ли мостъ, когда снять будетъ помостъ, на которомъ онъ былъ построенъ. Въ ожиданіи онъ отчаялся и ударилъ ножомъ въ стѣну и разсѣкъ ее въ видѣ корыта. Народъ и до нынѣшняго времени употребляетъ воду, собирающуюся отъ дождей въ этомъ корытѣ, какъ лѣкарство (Glasnik, III, стр. 13).

Несомнѣнно, что преданіе, по всей вѣроятности, образовавшееся изъ пѣсни, передаетъ дѣйствительный фактъ, но пѣсня не развила до сюжета о задѣлываніи людей въ основаніи моста. За то она прекрасно объясняетъ *vitku omogiku* въ пѣсни: *Zidanje ćurpije u Višegradu*, гдѣ эта *omogika*, являясь, правда, при другой обстановкѣ, ничѣмъ, однако, не мотивируется. Былъ ли такой образъ въ преданіяхъ или пѣсняхъ о Мостарскомъ мостѣ, по наличности теперешнихъ данныхъ трудно сказать; но во всякомъ случаѣ видно, что пѣсни о немъ потерпѣли рядъ измѣненій и имѣли нѣсколько формацій, по крайней мѣрѣ, три. Первая—это та версія разказа, гдѣ Раде испытываетъ крѣпость моста. Это, несомнѣнно, остовъ бы-

¹⁾ *Босанска Вила*, № 8, стр. 126.

лины, сложившейся подъ впечатлѣніемъ дѣйствительнаго событія. Вторая формація — разказъ, гдѣ водчій убиваетъ своего батрака; здѣсь прямо является новый образъ безъ связи мотива съ первою формаціей; здѣсь, можетъ быть, недостаетъ версія съ одушевленною елю, въ родѣ *omogika* (сосна), которая, послѣ того, какъ ее вырубилъ, издаетъ голосъ. Но за то эта формація убійствомъ батрака приближается къ третьей, служить ея прямымъ звеномъ. Убійство здѣсь, своего рода жертва, мотивъ которой довольно своеобразенъ. Несомнѣнно, этотъ образъ вылился на почвѣ пѣсенъ или сказаній о задѣлываніи человѣка въ зданіе для вѣчной крѣпости послѣдняго. Реальное выраженіе этого образа въ пѣснѣ возникаетъ или является съ того времени, какъ въ народной памяти сталъ затемняться дѣйствительный фактъ. Сохранилась ли эта версія въ пѣснѣ, или только въ разказѣ, образовавшемся на ея развалинахъ, въ настоящее время сказать не могу. Но когда наступило полное забвеніе подробностей факта, тогда появилась третья формація или версія, по которой постройка не удавалась до тѣхъ поръ, пока въ немъ не были задѣланы братъ и сестра съ однородными именами—Стоянъ и Стоя, или же только одна женщина ¹⁾.

Сообщавшій эти данныя передаетъ, что о построеніи Мостарскаго моста существуютъ пѣсни; но, къ сожалѣнію, онъ не сообщилъ еще ни одной, хотя уже давно обѣщалъ сообщить ²⁾; изъ его словъ однако нельзя понять, къ какой редакціи или версії относятся эти пѣсни.

Этотъ пѣсенный мотивъ есть и у болгаръ. Здѣсь народное преданіе связано съ построеніемъ Кадина моста на р. Струмѣ, между городомъ Кюстендиломъ и Дуницей, въ западной Болгаріи. Названіе это объясняютъ двояко. Одни производятъ его отъ турецкаго слова кадія (судья) ³⁾, а другіе—отъ турецкаго кадина или кадына (невеста, жена). Первое производство, несомнѣнно, вѣрно. Что же касается втораго, то оно положительно не возможно; иначе должно было быть кадыннинъ; да и слова кадинъ въ болгарскомъ языкѣ нѣтъ. Навѣрное можно сказать, что второе производство принадлежитъ не народу. Построеніе Кадина моста относятъ къ незапамятнымъ временамъ. Въ него задѣланы камни съ латинскими надписями, что показываетъ, что эти матеріалы для постройки взяты съ римскихъ развалинъ, которыхъ въ его

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ *Периодическо Списание*, кн. VII, стр. 129.

окрестностях довольно много, а именно города Певталіи. Судя однако по турецкой надписи на немъ, несомнѣнно, что онъ построенъ въ турецкое время, именно—Ишакомъ-пашой въ 874 г. гиджры (14-го февраля 1469—29-го июня 1470 гг.); объ этомъ мостѣ упоминаютъ и нѣкоторые путешественники XVI в. ¹⁾ По правую сторону моста находится село Невѣстино, которое около ста лѣтъ тому назадъ было на лѣвомъ берегу рѣки, тамъ гдѣ теперь находится старая церковь Свети Спасъ (Спасителя), при которой собирается сборъ (сходка на храмовой праздникъ и ярмарка) въ Спасовъ день (Вознесенія). Прежнее село было велико, но оно сожжено кырджалиями, и оставшіеся жители его возобновили его на правомъ берегу рѣки ²⁾. По народному преданію, желѣзо, которое само раскапывало камни для моста въ лѣсахъ надъ Кюстендиломъ, само забивалось въ скалы, и донинѣ оно тамъ забито, какъ утверждаютъ окрестные поселяне, изъ которыхъ многіе его будто бы видѣли. Камни сами шли къ тому мѣсту, гдѣ дѣлался мостъ, а когда мостъ былъ готовъ, то остановились по дорогѣ, такъ что и теперь указываютъ на камни, разсѣянные у села Багрянца, по пути изъ Кюстиндила къ Кадину мосту ³⁾.

О самомъ построеніи моста разказывается слѣдующее. Три брата строили Кадинъ мостъ, строили его долгое время, но не могли достроить, такъ какъ не могли закрѣпить средній сводъ. Наконецъ они поняли, что мостъ хочетъ жертвы. Тогда всѣ три мастера рѣшили: которая изъ женъ трехъ братьевъ придетъ раньше всѣхъ къ мастерамъ принести имъ обѣдъ, та будетъ задѣлана подъ средній сводъ моста. Всѣ три брата вечеромъ отправились домой. Младшій не сказалъ своей женѣ того, о чемъ условились братья; но другіе два предупредили своихъ женъ, чтобъ онѣ на другой день не приходили къ постройкѣ. На другой день раньше всѣхъ пришла къ мастерамъ младшая невѣстка. Какъ только ее увидѣли мастера, деверья и ея мужъ, тотчасъ схватили ее и задѣлали подъ средній сводъ. Когда ее застраивали, она плакала и просила, чтобъ

¹⁾ Предполагаютъ, что въ Болгаріи действительно существовалъ *Кадинъ* (отъ кадія) мостъ на одномъ изъ малыхъ правыхъ притоковъ Струмы, нѣсколько ниже настоящаго моста, по пути въ село Бобошево чрезъ село Друмохоръ. *Периодическо Списание*, в. VII, стр. 129. Ср. *Jireček, Cesty po Bolharsku*. V Prage. 1888, стр. 444.

²⁾ *Jireček, Cesty po Bolharsku*, стр. 443—444; *Периодич. Списание*, VII стр. 129.

³⁾ *Jireček, Cesty*, стр. 444; *Пер. Спис.*, VII, стр. 129.

оставили ей груди и глаза открытыми, чтобъ она могла выкормить свое дитя и видѣть его, такъ какъ оно было груднымъ. Матера исполнили ея желаніе. Она долгое время кормила грудью свое дитя и плакала; и до этого времени она воетъ по ночамъ Матери, у которыхъ мало молока, до настоящаго времени ходять изъ сосѣднихъ селъ и Кюстендила и отрываютъ куски отъ средняго камня моста, варять эти куски въ водѣ и пьютъ эту воду, чтобъ у нихъ было достаточно молока для дѣтей ¹⁾. Этотъ разказъ почти вполнѣ сходенъ съ содержаніемъ болгарской пѣсни съ Родопскихъ горъ, съ долины Арды и Гюмюрджинской приморской равнины, о построеніи Мусины-калеси (Мессинополь), около Гюмюрджинны; особенное сходство видно въ концѣ разказа ²⁾. Но въ общемъ сюжетъ здѣсь развитъ, какъ въ пѣсняхъ о построеніи моста на Дринѣ у Вишеграда, такъ и въ пѣсняхъ о построеніи Скадра у сербовъ ³⁾ и Куртя д'Арджешъ у румыновъ.

Другое болгарское преданіе менѣе оригинально, за то болѣе близко къ сербско-боснійской балладѣ; можно даже сказать, что оно есть отраженіе послѣдней въ болгарской народной поэзіи; это преданіе о Павлѣ—строителѣ моста на Марицѣ (Павле Кюпрюсю на Марица), послужившее сюжетомъ баллады болгарскаго поэта П. Иванова ⁴⁾. Преданіе это слѣдующее: Рѣшено (къмъ?) построить мостъ на Марицѣ, и для того собралось множество мастеровъ. Стали мастера работать, стараясь, какъ можно скорѣе окончить постройку. Главнымъ распорядителемъ при работахъ былъ Павле (Павель). Долго они работали и думали, что вотъ-вотъ мостъ будетъ окончень. Но въ одно утро они видятъ, что весь трудъ ихъ напрасень: мостъ былъ разрушенъ до основанія. Опечалились мастера; больше всѣхъ скорбѣлъ Павле. Долго они думали, судили и раяли, но ничего не могли придумать. Наконецъ, одинъ изъ мастеровъ, Ради (сербск. Раде), далъ Павлу совѣтъ — призвать на помощь домоваго. Въ то же время они сговорились предупредить каждый свою жену, чтобы ни та, ни другая не приходила на постройку, иначе пришедшая погибнетъ. Вече-

¹⁾ *Jireček*, op. et l. c.; *Пер. Спис.*, VII, стр. 131.

²⁾ *Jireček*, op. c., стр. 444. *Периодич. Спис.*, VII, стр. 130.

³⁾ *Трудъ*, болгарск. журн., изд. въ Търновѣ, Годъ II, кн. VI, стр. 727--728.

⁴⁾ Стихотворенія отъ П. Иванова (Старо-Зогора), I. Цариградъ. 1875, стр. 101—108: Баллада или Павле Кюпрюсю на Марица, споредъ народното вѣрованіе.

ромъ всѣ мастера отправились по домамъ; всѣ они были очень печальны; но печальнѣе всѣхъ былъ Павле, какъ будто предчувствуя, что надъ нимъ стряsetся бѣда. Онъ легъ отдохнуть въ надеждѣ, что нѣсколько успокоится. На другой день, вставъ рано по утру, онъ востпѣшно отправился на постройку, забывъ предостеречь свою жену. Между тѣмъ его жена приготовила обѣдъ, накормила грудью свое дитя, уложила его спать и затѣмъ отправилась къ мужу снести ему обѣдъ. Скоро и весело шла она; но не радовался мастеръ Павле. Увидѣвъ свою жену, онъ не зналъ, что дѣлать, отъ жалости и гнѣва, что не могъ предотвратить своего несчастія. Далѣе эпизодъ съ кольцомъ. При ея привѣтствіи онъ опускаетъ голову, наклонившись, чтобы найти свое кольцо, которое незамѣтно для него упало въ основаніе моста. Безъ дальнихъ разговоровъ спустилась туда его жена, чтобы достать кольцо. Но она не успѣла нагнуться, какъ полетѣли на ея голову камни. Сразу она догадалась, что съ нею будетъ, и стала звать мужа, чтобы ее избавить, иначе останется дитя въ люлькѣ сиротой. Преданіе говорить, что мастера мостъ окончили безъ приключеній; но Павле плакалъ безуспѣшно. Впослѣдствіи суетвѣріе къ этому прибавило, что многіе въ полуночное время и теперь слышать, какъ замураванная жена зоветъ своего мужа Павла, чтобы ее избавить, а подъ сводами моста указываютъ на отвердѣвшія капли молока, сочившіяся изъ груди несчастной.

Отсюда ясно, что мы имѣемъ только одинъ остовъ пѣсеннаго сюжета; многіе эпизоды мотивируются совершенно прозаично: сознаніе необходимости замураванія живаго человѣка въ основаніи постройки, предостереженіе женъ, забытіе Павла, приготовленіе и принесеніе обѣда. Однако видно и нѣкоторое отраженіе сербской пѣсни въ этомъ преданіи; даже имя Роде какъ-то незамѣтно еще сохранилось. Но интересно здѣсь то, что сюжетъ взятъ изъ боснійской пѣсни: „Zidanje ćurige и Višegradu“, а мотивъ—изъ другой пѣсни: „Zidaње Скадра“; иначе говоря, основа—изъ одной редакціи, а обликъ—изъ другой. Это, по-моему, доказываетъ, что пѣсенъ о мостахъ съ человѣческими жертвами было не меньше, чѣмъ пѣсенъ о зданіяхъ съ такими жертвами. Съ другой стороны, весьма возможно, что существовала, а можетъ быть, и существуетъ такая редакція пѣсенъ о Вишеградскомъ мостѣ.

Этотъ сюжетъ довольно распространенъ въ греческой народной поэзіи и отчасти, можно сказать, локализованъ; главнымъ образомъ онъ приурочивается къ построенію моста на Артѣ, какъ и у

куцовлаховъ или македонскихъ румыновъ. Нельзя, однако, сказать чтобъ у грековъ онъ былъ развитъ. Въ греческой народной поэзіи мнѣ извѣстны пять пѣсень, которыя можно выдѣлать въ двѣ версіи.

Въ первой разказывается, что сорокъ-пять мастеровъ и шестьдесятъ подмастерьевъ три года строили мостъ на р. Артѣ; но что они строили за цѣлый день, то за ночь рушилось. Плачутъ мастера и стонутъ подмастерья. Тогда геній (τс στοιχειό) изъ-подъ средняго свода говорить имъ:

Ἄν δὲ στοιχειώσῃτ' ἄνθρωπο, τεῖχος δὲ θεμελιώνει.
Καὶ μὴ στοιχειώσῃτ' ὄρφανό, μὴ ξένο, μὴν διαβάτην,
Παρὰ τοῦ πρωτομάστορα τῆ ὄρια τὴν γυναῖκα,
Πῶρχετ' ἀργὰ τ' ἀποταχοῦα, πῶρχετ' ἀργὰ στο γιῶμα ¹⁾.

Страшно опечалило это извѣстіе перваго мастера. Пишетъ онъ письмо своей женѣ и посылаетъ его черезъ птицу-ласточку, наказывая ей сказать:

Ἄργα ντυθῆ, ἀργ' ἀλλαχτῆ, ἀργὰ να πάη στὸ γιῶμα
Ἄργὰ να πάη καὶ να διαβῆ τῆς Ἄρτας τὸ γιοφῦρι ²⁾.

Но птица иначе передала:

Γοργὰ ντύσου, γοργ' ἄλλαξε, γοργὰ να πᾶς τὸ γιῶμα,
Γοργὰ να πᾶς καὶ να διαβῆς τῆς Ἄρτας τὸ γιοφῦρι ³⁾.

Поспѣшно она вышла и отправилась къ мосту; но когда увидѣла ее первый мастеръ, то сердце разрывалось у него отъ жалости. Она весело привѣтствуетъ ихъ:

Γεῖά σας, χαρά σας μάστορες καὶ σεις οἱ μαθητάδες,
Μὰ τ' ἔχει ὁ πρωτομάστορας χ' εἶν' ἔτσι χολιασμένος; ⁴⁾

¹⁾ *Rassow*, *Popularia carmina*. Lips. 1860, стр. 389: „Если вы не принесете въ жертву человека, то не удержатся своды; и не приносите въ жертву ни сироту, ни чужестранца, ни путника, но красавицу жену перваго мастера; она поадно приходитъ каждое утро, поадно приходитъ къ обѣду“. Не совсѣмъ точный нѣмецкій переводъ см. у *Кинда*, *Anthologie neugriechischer Volkslieder*. Leipzig. 1861, стр. 91 и 93.

²⁾ „Поадно ветань, поадно одѣвайся, поадно обѣдь приготовляй, поадно приготавлиай и (тогда только) приходи къ мосту на Артѣ“.

³⁾ „Рвно ты ветань, поспѣшно одѣвайся, поспѣшно обѣдь приготовляй, поспѣшно ты отправляйся и (поспѣшно) приходи къ мосту Артскому“.

⁴⁾ „Здравствуйте, привѣтъ вамъ, мастера, и вамъ, подмастерья! Что же сдѣлалось одному главному мастеру, что онъ такъ опечаленъ?“

Тогда ей сказали, что

Τὸ δαχτυλίδι τῶπεσε εἰς τὴν πρώτην τὴν καμάρα,
Καὶ ποῖός νά μπῆ καὶ ποῖός νά βγῆ τὸ δαχτυλίδι νάβρη; ¹⁾)

Ничего не подозревая, жена мастера охотно вызвалась, что она сама туда спустится, говоря:

Μάστορα μὴν πικραίνεσαι, κ' ἐγὼ νά πά' σ' τὸ φέρω·
Ἐγὼ νά μπῶ κ' ἐγὼ νά βγῶ τὸ δαχτυλίδι νάβρω ²⁾).

Ее связали цѣпью и стали спускать подъ сводъ. Но видно, потомуъ она догадалась, что съ нею можетъ приключиться что-нибудь недоброе, потому что не успѣла дойти и до середины, какъ стала просить:

Τράβα καλέ μ' τὴν ἄλυσο, τράβα τὴν ἀλυσίδα,
Τ' ὄλον τὸν κόσμ' ἀνάγυρα καὶ τίποτες δὲν ἦρα ³⁾).

Но вмѣсто того, чтобъ поднять ее вверхъ,

Ἐνας πηχάει μὲ τὸ μυστήρι κ' ἄλλος μὲ τὸν ἀσβέστη,
Πέρνει κ' ὁ πρωτομάστορας καὶ ρίχνει μέγα λίθο ⁴⁾).

Только теперь она увидѣла, что ее постигло, и въ отчаяніи застонала, приговаривая:

Ἀλλοίμονο εἰς τὴ μοῖρά μας, κρίμα εἰς τὸ ροιζικό μας,
Τρεῖς ἀδερφάδες ἤμασταν κ' ἡ τρεῖς κακογραμμέναις.
Ἡ μιὰ χτίσας τὸ Δούναβι κ' ἡ ἄλλη τὸν Αἰδῶνα
Κ' ἐγὼ ἡ πλιὸ στερνότερη τῆς Ἄρτας τὸ γιοφῦρι ⁵⁾).

Затѣмъ она закликаетъ мостъ, говоря:

Καθῶς τρέμ' ἡ κορδοῦλά μου, νά τρέμη τὸ γιοφῦρι,
Κι' ὡς πέφτουν τὰ μαλάκια μου, νά πέφτουν οἰδιαβαταῖς ⁶⁾).

¹⁾ „Кольцо упало подъ первый сводъ, и кто туда пойдетъ, кто спустится, чтобъ найти кольцо?“

²⁾ „Не печалься, мастеръ, я достану тебя; я пойду, я сойду, я найду кольцо“.

³⁾ „Тяни, милый, цѣпь, тяни цѣпочку; я вездѣ искала и ничего не нашла“.

⁴⁾ „Однѣя приноситъ камень, другой известъ; сюда же подходитъ и первый мастеръ и накладываетъ большой камень“. Вариантъ:

Ἐνας τὴν κροῖβει μὲ κηλὸν, κ' ἄλλος μὲ τὸν ἀσβέστη,
Πιάνει κ' ὁ πρωτομάστορας πέντ' ἕξη ματσουαχία.

⁵⁾ „Ахъ, какаа наша судьба, какой злой нашъ рокъ! Трое сестеръ насъ было и все три злосчастны: одна была задѣлана въ Дунай, другая въ Авлону, и я, самая младшая, въ мостъ на Артѣ“.

⁶⁾ „Какъ дрожитъ мое сердечко, пусть такъ дрожитъ мостъ, и какъ падаютъ мои волосы, такъ пусть падаютъ прохоніе!“ Вариантъ:

Ἵς τρέμα: τὸ καρυόφυλλο μου, νά τρέμη τὸ γιοφῦρι.
Κι' ὡς πέφτουν τὰ δεινδρόφυλλα, νά πέφτουν οἱ ἀνθρώποι.

Видно, духъ моста — пѣсня не говорить — совѣтуетъ ей не произносить такого заклинанія, потому что она подвергаетъ несчастію своего дорогаго брата; онъ говоритъ:

Κέρη τὸν λόγον ἄλλαξε, κί' ἄλλη κατὰρα δόσε,
Πῶχεις μονάκριβ' ἀδερφὸ, μὴ λάχη καὶ περάσει ¹⁾.

Тогда она перемѣнила заклинаніе такимъ образомъ:

Σίδερον ἢ καρδοῦλά μου, σίδερο τὸ γιοφῶρι,
Σίδερο τὰ μαλλάκια μου, σίδερο κ' οἱ διαβάταις.
Τί' ἔχω 'δερφὸ στὴν ξενιτειά, μὴ λάχη καὶ περάσει ²⁾.

Сюда можно отнести и трапезундскую пѣсню ³⁾, являющуюся какъ бы вариантомъ предыдущей. Содержаніе ея таково: Тысяча мастеровъ строили волосяной мостъ (τῆ Τρίχας τὸ γεφύρι) ⁴⁾, чтò за день они строили, то вечеромъ разрушалось. Наконецъ, таинственный голосъ говорить главному мастеру.

Ντὸ δεῖς με, πρωτομάστορα καὶ σταίνω τὸ γεφύρις? ⁵⁾

Но кто это говорить, пѣсня не указываетъ, какъ почти совсѣмъ не указываетъ далѣе дѣйствія, а только приводитъ одни разговоры собственно дѣйствующихъ лицъ. Главный мастеръ отвѣчаетъ:

Ἄν δίγω σε τὴν κόρη μου, ἄλλο κόρην πάλ' κ' ἤχω.
Κί' jān δίγω σε τὴν μάνα μου, ἄλλ' μάναν πάλ' κ' ἤχω,
Κί' jān δίγω σε τ' ἀδέλφια μου, ἄλλ' ἀδέλφια πάλ' κ' ἤχω,
Κί' jān δίγω σε τὴν κάλη μου, καλύτερον εὐρίσκω ⁶⁾.

¹⁾ „Дочь моя, перемѣни свое слово и произноси другое заклинаніе, ибо у тебѣ единственный и дорогой братъ; не постигла бы его та же судьба, если онъ пройдетъ (по мосту). Вариант: :

Κόρη μου μετένοησε νά σώσης τὴν ψυχὴ σου.

²⁾ „Какъ желѣзо пусть будетъ мое сердечко, какъ желѣзо пусть будутъ чувства мои, какъ желѣзо пусть будутъ и прохожіе. Врата же моего, который на чужой сторонѣ, пусть не постигнетъ его такая судьба, если онъ пройдетъ“ (по мосту).

³⁾ *Иоакимовъ*. Нѣсколько словъ о нарѣчій трапезундскихъ грековъ, съ образцами ихъ пѣсенъ въ Сборникѣ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Вып. VI. Тифлисъ. 1888, отд. II, стр. 19—21. На эту пѣсню обратилъ мое вниманіе Г. С. Дестунисъ.

⁴⁾ Несомнѣнно φρίξъ есть осмысленіе собственнаго имени; можетъ быть, на это осмысленіе имѣло вліяніе армянское преданіе. Ср. также болг. тирюза.

⁵⁾ Что ты мнѣ дашь, первый мастеръ, и я тебѣ поставлю мостъ?

⁶⁾ „Если я отдамъ тебѣ свою дочь, другой дочери у меня не будетъ; если

Послѣ этого онъ посылаетъ къ своей женѣ пташечку соловья
ἀηδὸν τὸ ποσέλον), чтобъ объявить его волю; онъ ей приказываетъ:

Τὴν ζάββαν ἄς κάγγι σὸ λουτρόν. τὴν καρκεὴν σὸν γάμον
Καὶ τὴν δευτέραν τὴν παρ' ἐκεῖ ἀδᾶ ἄς εὐρισκᾶται ¹⁾.

Что произошло дальше, въ пѣснѣ не сказано; здѣсь въ ней большой пропускъ. Но, очевидно, жена была замурована, ибо она приноситъ свое заклинаніе:

Σαυεὶ τρομάζ'ιν τὰ γόνατα μ', νὰ τρομάζ' τὸ γεφύριον'.
Σαυεὶ ῥοῦζνε τὰ δάκρυα μου, νὰ ῥοῦζνε οἱ διαβάτησ' ²⁾.

Видно, тотъ же геній—таинственный голосъ говорить ей:

Εὐχέθ'ι, κόρη, εὐχεθ'ι, κόρη. μη καταράσαι·
Ἐχ'ς ἀδελφὸν σ' ἦν ξενητεία, θὰ ἡῆρται καὶ διαβαίνει ³⁾.

Тогда она перемѣнила свое проклетіе:

Σάν' ἐστάθην τὰ γόνατα μ', νὰ στέχη τὸ γεφύριον'.
Σαυεὶ τρέχουν τὰ δάκρυα μου, νὰ τρέχνε κι' οἱ διαβάτησ' ⁴⁾.

я отдамъ тебѣ свою мать, то у меня другой матери не будетъ; если я тебѣ отдамъ брата, у меня другого брата не будетъ; но если я отдамъ тебѣ свою жену, то я лучше найду".

¹⁾ „Ты должна въ субботу пойдти въ баню, въ воскресенье — на свадьбу; но съ понедѣльника ты должна находиться здѣсь“, то-есть, у моста.

²⁾ „Какъ дрожать мои колѣна, такъ пусть дрожитъ мостъ; какъ льются мои слезы, такъ пусть падаютъ прохожіе“ (то-есть, съ моста).

³⁾ „Удержись, дѣвица, удержишь, дѣвица, удержишь, не проливай; у тебя братъ на чужбинѣ; онъ вернется и пройдетъ“ (то-есть, по мосту, упадетъ и утонетъ).

⁴⁾ „Какъ (крѣпко) стоятъ мои ноги, такъ же (крѣпко) пусть стоитъ мостъ; какъ прошли мои слезы, такъ пусть пройдутъ и прохожіе“ (то-есть, по мосту).

У Томича (Томасео) пѣсня оканчивается такъ:

Ἄν τρέμουν τ' ἄγρια βουνά, νὰ τρέμη τὸ γιοφύρι,
Κι' ἂν πέφτουν τ' ἄγρια πουλιά, νὰ πέφτουν οἱ ἄνθρωποι.

Несомнѣнно, что № DXIII у Пассова (и у *Famriel*, II, 80): τὸ στοιχεῖον τοῦ ποταμοῦ есть отрывокъ пѣсни этого цыгана:

Κοράσιον ἐτραγοῦδησεν ἐπάνω σὶ γεφύρι·
Καὶ τὸ γεφύρι ῥάγισε καὶ τὸ ποτάμι στάθη,
Καὶ τὸ στοιχεῖον τοῦ ποταμοῦ κι' αὐτὸ στήν ἄκρ' ἐβήγη.
„Κόρη μου πάψε τὸν ἄχον κ' εἶπε κι' ἄλλο τραγοῦδι·
„Ἄχ πῶς νὰ πάψω τὸν ἄχον, κι' ἄλλο νὰ πῶ τραγοῦδι;
Ἐχω τὸν ἄντρα μ' ἄρρωστον κι' ἄρρωστικὸν γορεῦω.

Νὰ καμῶ στροῦγγαν τοῦ λαγοῦ, τὸ γάλα του ν' ἀρεῖω“.

Popul. sangt., p. 391.

Только эта пѣсня является еще болѣе разрушенною, чѣмъ прежняя. По неразработанности сюжета и по складу пѣсни видно, что она дошла до насъ не въ первоначальной своей цѣлости, а въ нѣсколько разбитомъ видѣ.

Другая пѣсня представляетъ сюжетъ слѣдующимъ образомъ: Сорокъ мастеровъ и шестьдесятъ наемныхъ работниковъ строили башню на мосту на Артѣ. Но что они строили за день, то разрушалось за ночь. Плачутъ мастера и сокрушаются, радуются работники, потому что дни у нихъ свободны. Въ одно свѣтлое воскресенье, въ одинъ праздникъ, легъ первый мастеръ поспать и увидѣлъ во снѣ сонъ, что они убили человѣка и башня держится. Но они должны пожертвовать ни богатымъ и знатымъ, ни бѣднякомъ, ни странствующимъ по свѣту, но женой перваго мастера. Тогда онъ призвалъ къ себѣ одного изъ рабочихъ и послалъ его къ своей женѣ, чтобы ей сообщить волю мужа:

Σὺρε νὰ πῆς κυροῦλας σου, τῇ караβοχорᾷ σου,
Σὰ νάντωθῆ, νὰ στολιστῆ, νὰ βάλῃ τὰ χρυσά της,
Νὰ βάλῃ τ' ἀσημένια της καὶ τὰ μεταξωτά της·
Γοργὰ νὰ πᾶς, γοργὰ νάρθῃς. γοργὰ νὰν τῇ τ' ὀρίσης ¹⁾.

Пришелъ рабочій въ домъ перваго мастера. Жена послѣдняго шила и пѣла. Онъ передалъ ей волю своего господина. Сдѣлавъ все, какъ ей было сказано, она отправилась къ своему мужу; она нашла мастеровъ за столомъ. Мужъ обращается къ ней съ привѣтствіемъ и объясняетъ ей, зачѣмъ онъ ее позвалъ; онъ говоритъ ей:

Καλῶς τὴν τὴν κυροῦλά μου, τὴν караβοχорᾷ μου.
Μῶπερ' ἡ ἀρραβῶνά μου, τὸ πρῶτο δαχτυλίδι·
Γιὰ τοῦτο σοῦ ἐμήνυσα νάρθῃς νὰ μοῦ τὸ ὄωσις ²⁾.

Пока она пришла на средину моста, одинъ приготовляетъ цементъ, другой явствуетъ, а самъ первый мастеръ приготовилъ молотъ. Пѣсня не говоритъ, что происходило съ женой мастера, но приводитъ ее слова:

¹⁾ *Rassau*, Popul. sagm., p. 390: „Пойди къ твоей госпожѣ, къ своей повелительницѣ, чтобы она одѣлась и принарядилась, чтобы она украсилась золотыми, чтобы она украсилась серебрянными и шелковыми украшениями. Скоро отправляйся, скоро возвратись и скоро передай порученіе“.

²⁾ „Здравствуй, моя госпожа, моя повелительница! Упало мое вѣнчалное кольцо, первое кольцо; я для того послалъ призвать, чтобы ты меня спасла“.

Τρεῖς ἀδερφάδες εἶμαστε κ' ἡ τρεῖς ἐσκοτώθησαν,
 Ἡ μια σκοτώθη σ' ἐκκλησιά κ' ἡ ἄλλ' σὲ μοναστήρι
 Κ' ἡ τρίτη ἡ καλῆτερη τῆς Ἄρτας στὸ διοφύρι.
 Ὡς τρέμουν τὰ χεράκια μου, νὰ τρέμουν ἡ κολόνας
 Κι' ὡς τρέμει ν' ἡ καρδοῦλά μου, νὰ τρέμη τὸ διοφύρι ¹⁾).

Очевидно, пѣсня не все досказала; пѣвецъ предполагаетъ, что не досказанное само собою разумѣется. Но это же самое обстоятельство показываетъ, что пѣсня забывается, что многое изъ нея выпало и даже измѣнено, какъ видно, напримѣръ, изъ того, что сама жена называетъ себя ἡ καλῆτερη, что не могло быть въ первоначальной редакциі слова; эта аттестація, несомнѣнно, тамъ принадлежала пѣвцу. Также здѣсь видимъ намекъ на какую-то опасность вслѣдствіе выпаденія кольца. Цѣльная народная пѣсня не любитъ неясностей, неопредѣленностей, недомолвокъ; въ ней все сказано, все объяснено. Послѣ того не будетъ преувеличеніемъ, если я скажу, что эта форма пѣсни представляетъ или не доразвившійся мотивъ, такъ какъ почва ея была не греческая народная поэзія, или только жалкій, но все-таки странный обломокъ цѣльной пѣсни.

Еще болѣе жалкій видъ представляетъ внѣшняя форма пѣсни: „Принесенная въ жертву женщина двумя своими братьями“ (Ἡ στοιχειωμένη γυνὴ μετὰ τῶν δύο αὐτῆς ἀδελφῶν) ²⁾. Содержаніе ея слѣдующее: тысяча-четыреста мастеровъ и шестьдесятъ подмастерьевъ строили сводъ или мостъ на р. Эладѣ (Спархей). Чтò они за день строили, то за ночь разрушалось. Птичка одна пришла и сѣла на верху свода; она не чирикала, какъ птица, не пѣла какъ соловей, но выглядывала и говорила человѣческимъ голосомъ:

Ἄν δὲν στοιχοῦσὶ ἀνθρώπο, χιμᾶρα δὲν στερνῶναι.

„Но не приносите мнѣ ни сироту, ни чужанина, ни путника; но только жену перваго мастера“. Услышавъ это, послѣдній посылаетъ двухъ подмастерьевъ къ своей женѣ: „Встань, госпожа мастерица; тебя желаетъ видѣть мастеръ“,—говорять они ей. Но она спрашиваетъ

¹⁾ „Мы были три сестры и всѣ три убиты: одна была убита для церкви, другая для монастыря, а третья, самая красивая, — въ мостѣ на Артѣ. Какъ дрожать мои рученьки, чтобы такъ дрожали столбы; какъ дрожить мое сердечко, чтобы такъ дрожала мостъ“.

²⁾ Πατριδης, Συλλογὴ δημοτικῶν ἀσμάτων. Ἐν Ἀθῆν. 1852, стр. 28. Къ сожалѣнію, у меня подъ руками этого изданія не было, и содержаніе пѣсни привожу по не совсѣмъ точному переводу г. Шевяну: *Legenda mesterului Manole la grecii moderni* въ *Convorbiri Literare* (an. XXII) 1888, № 8, стр. 675—676.

ихъ: „Скажите мнѣ, если зоветъ меня для какого-нибудь хорошаго дѣла, то принаражусь и приду; а если онъ зоветъ меня на какое-либо нехорошее дѣло, то я приду такъ, въ чемъ я теперь“. „Ни на добро, ни на зло; только приходи такъ, какъ ты теперь“, отвѣчаютъ ей. Чтò произошло далѣе, пѣсня уже не знаетъ; пѣвецъ послѣ этого прямо влагаетъ женѣ мастера въ уста слѣдующія слова: „Охъ, знаю, несчастная, охъ, знаю я, злополучная! Насъ было три сестры и всѣхъ насъ трехъ принесли въ жертву (ταῖς τρεῖς στοιχία μᾶς βάλαν): одну въ Терновѣ, другую у Маноли, и меня несчастную подь круглую арку. Какъ дрожить у меня сердечко, такъ чтобы дрожала мостъ; какъ у меня льются слезы, такъ чтобы падали (въ воду) прохожіе“.

Вторую версию греческой баллады составляетъ пѣсня: „Жена перваго мастера“ (Ἡ γυναῖκα τοῦ πρωτομάστορα)¹⁾. Содержаніе ея заключается въ слѣдующемъ: Внизу, на черной рѣкѣ, строили мостъ (καμάρα, арка) для облегченія путникамъ. Птичка одна поетъ, кричить, не умолкаетъ:

Ἐπὰ καμάρα μὴ σταθῆ, καμάρα μὴ στεριάσῃ,
 Ὅξω νὰ χτίσουν ἄνθρωπο ἔς τὸν πόδα τοῦ καμάρας·
 Μῆτε στραβό, μῆτε κουτσό, μῆτε καὶ δρομολάτῃ
 Παρὰ τοῦ πρωτομάστορα τὴν ὁμορφὴ γυναῖκα²⁾.

Тогда обратили вниманіе перваго мастера на это:

Ἄκουσε πρωτομάστορα τί τὸ πουλί σοῦ λέει³⁾.

Первый мастеръ послалъ своего слугу въ свой домъ къ женѣ, чтобы позвать ее къ себѣ. Спрашиваетъ его жена мастера: придти ли ей принараженной или нѣтъ. Приходитъ жена и спрашиваетъ мужа:

Ἴντα ἕχεις πρωτομάστορα καὶ κάθεσαι καὶ κλαίεις⁴⁾.

¹⁾ Jeannarakis. Ἀισιματα κρητικά μετὰ διόστιχων καὶ παροιμίων. Leipzig. 1876, стр. 209—210.

²⁾ „Здѣсь арка не устоитъ, арка не удержится; развѣ если задѣлать человека въ основаніи арки: ни криваго, ни хромаго, ни путника, а только красивую жену перваго мастера“.

³⁾ „Слушай, первый мастеръ, что птичка говоритъ!“

„Что ты, первый мастеръ, такъ и печальнымъ сидишь и плачешь?“

На это мужъ отвѣчаетъ ей:

Τὸ δαχτυλίδι μου ἔπεσε ἔς τὸν πόδα τῆς καμάρας.
Σώπασε πρωτομάστορα, μὰ γὰρ θὰ σοῦ τὸ βγάλω ¹⁾.

Сперва она принарядилась съ вечера до утра и съ утра до вечера, до другаго полудня ²⁾; нарядъ ея пѣсня описываетъ необыкновенными красками, совершенно въ духѣ народной поэзии:

Βάνει τὸν ἥλιο κούτελο καὶ τὸ φεγγάρ' ἀστῆθι
Καὶ τοῦ κοράκου τὸ φτερό βάνει καμαροφρούδι,
Τὴν ἄμμο τὴν ἀμέτρητη βάνει μαργαριτάρια,
Τὰ χοχλαδάκια τοῦ γιалоῦ τσικίγια ἔς τὸ λαιμόν τῆς ³⁾.

Снарядили ее ея прислужницы (ἢ βάνιαις τῆς). Наконецъ она дошла до арки.

Καλῶς τὰ κάνετ' ἄρχοντες κ' ἐσεῖς οὐλ' οἱ μαστόροι,
говоритъ она.

Καλῶς τηγε τὴ ῥήγισσα, τὴν πεντακλουμισμένη ⁴⁾,—

отвѣчаютъ ей. Она высоко засучиваетъ рукава и входитъ въ арку. Тогда всѣ поспѣшно стали готовить, что нужно было для того, чтобы ее задѣлать:

Ἵ ὄ γαῖς τῆς χτύπα μὲ πηλὸ κ' ἄλλος μὲ τὸ χαλίκι
Κ' ὁ σκόλος πρωτομάστορας μὲ τὸ βαρὸ μωστρίν του ⁵⁾.

Что дальше произошло пѣсня не говоритъ, но только приводитъ до конца слова жены мастера:

— Ἀφῆστε μὲ νὰ εἶδε πῶ δυὸ λόγια, ἡ κτυμένη·
Τρεῖς ἀξαρφάδες ἤμιστα κ' ἡ τρεῖς καχογραμμένας.
Ἵ Μία ἐπῆγε ἀπὸ σπαθὶ κ' ἡ γι ἄλλ' ἀπὸ πηγάδι

¹⁾ — „Кольцо мое упало въ самое основаніе арки“.

— „Молчи, первый мастеръ, я тебѣ его достану!“

²⁾ Тамъ же, стр. 209:

Βάνει ἀρχὴ στολιζεται ἀπ' τὸ ταχὺ ὡς τὸ βράδου

Κ' ἀπὸ τὸ βράδ' ὡς τὸ ταχύ, ὡς τ' ἄλλο μεσιμέρι.

³⁾ „Накладываетъ на чело солнце, на грудь мѣсяць; перо ворона накладываетъ дугою очерченныя брови; безчисленныя крупинки песку накладываетъ жемчугомъ; прирѣчные камушки накладываетъ цѣянками (золотыми монетами) на шею“.

⁴⁾ — „Здравствуйте, распорядители, и вы будьте здоровы, мастера!“

— „Здравствуйте, государыня, здравствуйте, богато наряженна!“

⁵⁾ „Одинъ накладываетъ на нее цементъ, другой щебень а собака—первый мастеръ бьетъ своею тяжелою киркой“.

Κ' ἐγὼ τὸ καχορίζικο 'ς τὸν πόδα τῆς καμάρας.
 Πάρε σὺ κέρδικα πλουμί κ' ἐσὺ ἀηδόνι ἰδῶμα
 Κ' ἐσὺ τὸ ξενικόσταρο πάρε τα τὰ μαλλιά μου,
 Μὰ μὴν τὰ πάρη θηλυκὸ κ' ἔχη τὰ βάσανά μου ¹⁾).

Разработка сюжета здѣсь еще менѣе развита, чѣмъ въ предыдущихъ пѣсняхъ; здѣсь нѣтъ ни вступленія, ни даже названія мѣста, гдѣ происходитъ дѣйствіе, не мотивировано ни появленіе птицы, ни ея требованіе. За то эта баллада сохранила не разрушеннымъ то мѣсто, гдѣ описывается нарядъ жены перваго мастера такими чертами, какъ бы предуготовляя ее къ замурованію. Кромѣ того, эта баллада представляетъ еще особенность, которой въ предыдущихъ нѣтъ, а именно сочувствіе пѣвца къ личности жертвы, которая представлена здѣсь необыкновенною съ нѣкоторыми оттѣнками благородства и нѣжности, а ея мужъ названъ прямо σκύλος. Выраженіе такого сочувствія показывается по моему разумѣнію, на позднѣйшія добавленія въ балладѣ, когда чутье народа къ необходимости жертвы для того, чтобы постройка была крѣпка, было уже заглушено, — иначе онъ или пѣвецъ долженъ былъ мириться съ этою необходимостью, какъ мы и видимъ въ предыдущихъ балладахъ. Такъ или иначе, но по тѣмъ довольно жалкимъ остаткамъ, которые представляютъ какъ эта баллада, такъ и предыдущія, можно заключить, что мы имѣемъ дѣло съ обломками большой баллады, въ родѣ тѣхъ, какія представляютъ южно-славянская и румынская народная поэзія.

Греческія баллады представляютъ еще и ту особенность, что въ нихъ перечисляется рядъ мѣстъ, гдѣ были сдѣланы постройки съ человѣческими жертвами. Хотя не говорится, какія это были постройки, но нужно полагать, что это были большею частью, мосты. Такъ въ первой балладѣ жена перваго мастера говоритъ, что двѣ ея сестры были задѣланы въ основанія построекъ: одна на Дунаѣ, а другая въ Авлонѣ; во второй жена тоже говоритъ о церкви и монастырѣ, не приводя названія мѣстъ; наконецъ, въ послѣдней она говоритъ, что сестры ея сдѣлались жертвами: одна въ Терновѣ, не-

¹⁾ „Дайте мнѣ, несчастной, сказать два слова: Насъ было трое сестеръ, и всѣ три злополучны. Одна погибла отъ меча, другая утонула въ колодезѣ, а я, злосчастная, въ основаніи этой арки. Ты прими перо хуропатки, и ты видѣ соловья; а ты, кукуруза, прими мои волосы, чтобы не взола ихъ какая-нибудь женщина и не раздѣляла моей судьбы“. Этотъ отрывокъ переведенъ при помощи Г. С. Дестуниса.

сомнѣнно, въ какомъ-нибудь изъ западно-балканскихъ городовъ этого названія, но какомъ именно, трудно сказать въ настоящее время ¹⁾, а другая у Маноли.

Несомнѣнно, было и есть гораздо больше мѣстъ на Балканскомъ полуостровѣ, связанныхъ съ преданіемъ о человѣческой жертвѣ, судя по существующимъ нынѣ повѣрьямъ. Въ Болгаріи существуетъ повѣрье, что въ основаніе каждаго фонтана, моста и вообще всякаго зданія задѣлывается вымѣренная тѣнь человѣка, который чрезъ мѣсяцъ долженъ умереть ²⁾. То же повѣрье существуетъ и у румыновъ, съ тою только разницею, что человѣкъ, котораго тѣнь вымѣривается, умираетъ чрезъ годъ. Это повѣрье въ различныхъ вариантахъ извѣстно всѣмъ народамъ.

Существуютъ ли какія-либо пѣсни или разказы и преданія объ указанныхъ мѣстностяхъ греческихъ балладъ, кромѣ Арты, не могу сказать въ настоящее время. Думаю, что только упомянутый здѣсь Маноли извѣстенъ у грековъ и по фактическимъ даннымъ, и въ народной поэзіи. Это имя и до настоящаго времени носитъ мость на Аграидѣ (въ Акарваніи) ³⁾ съ слѣдующею надписью ⁴⁾:

ΕΚΤΙΣΘΗ ΤΟ 1659
ΟΙ ΚΤΙΤΟΡΕΣ ΔΗΜΗΤΡΙΟΣ
ΚΑΙ ΜΑΝΟΛΗΣ...

Я склоненъ думать, что этотъ Маноли (Эмануилъ) стоитъ въ связи съ героемъ греческой народной пѣсни изъ Лариссы: „Маноли и янычаръ“ (ὁ Μανόλης καὶ ἰανιτζαρής) ⁵⁾, гдѣ онъ убиваетъ свою невѣрную жену. Янычаръ спрашиваетъ Маноли:

Μπρὲ Μανόλη, μπρὲ λεβέντη, μπρὲ καλὸ παιδί,
Τ' εὐμορφὴν γυναικὰ ἔχεις καὶ δὲν χαίρῃσαι.

¹⁾ О различныхъ городахъ этого названія въ западной части Балканскаго полуострова см. *Pouqueville, Voyage dans la Grèce. A Paris. 1820, t. I, p. 181; t. II, p. 383, 430; III, p. 48.* Весьма возможно, что здѣсь рѣчь идетъ о Терновѣ (Τουρνάβος) въ Θεσσαλίᾳ. Γεωργιάδης, Θεσσαλία. Ἐν Ἀθῆν. 1880, стр. 251—255.

²⁾ Сообщение г. Цухлева. *Илиевъ*, Сборникъ отъ народни умотворни, обичаи и др. I отд., кн. I. Софія. 1889, стр. 367.

³⁾ Объ Аграидѣ у *Pouqueville*, III, стр. 146—159.

⁴⁾ *Sáineanu, Legenda mesterului Manole*, стр. 676, который, вѣроятно, приводитъ эту надпись изъ сборника Ягридаса.

⁵⁾ *Rassau*, стр. 341—432 (№ 360); русская передѣлка въ *Одесскомъ Альманахѣ* 1840 г., стр. 281—282.

Но Маноли его спрашиваетъ:

Ποῦ τὴν εἶδες; ποῦ τὴν ξεύρεις, μπρὲ Γιανίτσαρη.

Но янычаръ прямо ему отвѣчаетъ, нисколько не скрываясь:

Γὼ τὴν εἶδα καὶ τὴν ξεύρω καὶ τὴν ἀγαπῶ.

Маноли все-таки недовѣрчиво относится къ словамъ янычара и спрашиваетъ его опять:

Σὺν τὴν εἶδες καὶ τὴν ξεύρεις καὶ τὴν ἀγαπᾷς,

Τί λογῆς φοριᾷ φοροῦσε καὶ τί βάσταζε.

Янычаръ на этотъ разъ даетъ объясненіе, учтивожающе всякое сомнѣніе Маноли:

* Ἀσπρον φοουτανὶ φοροῦσε, κόκκινον κοουκλί.

Взбѣшенный этимъ, Маноли пошелъ домой и перерѣвалъ своей женѣ горло; потомъ, пришедши въ себя, сталъ плакать по ней, приговаривая:

Σήκου δόμνα καὶ καλή μου, σήκου κ' ἄλλάζε

Σήκου, νίψου καὶ στολίσου κ' ἔβγα εἰς τὸν χορον,

Νὰ σὲ διοῦν τὰ παλληκάρια, νὰ μαραίνωνται,

Νὰ σὲ διῶ κ' ἐγὼ καῦμενος καὶ νὰ χαίρωμαι ¹⁾.

¹⁾ Для уразумѣнія пѣсни предлагаю здѣсь русскую передѣлку, помѣщенную въ *Одесскомъ Альманахѣ* 1840 г., стр. 281—282:

— Нѣтъ жены твоей прекраснѣй:

Что скучаешь, другъ Маноли?

Что скучаешь, мой прасавецъ?

— „Гдѣ жену мою ты видѣлъ?

Какъ жену мою ты знаешь?“,—

— „Мужу знать того не надо,

Гдѣ жену его я видѣлъ,

Какъ жену его я знаю?“—

— „Какъ, скажи, она одѣта?

Цвѣтъ, скажи, ея повязки?“

— „Въ бѣломъ платьѣ она ходитъ.

Носитъ красную повязку!“

Въ полночь янычаръ подарокъ

Получилъ въ мѣшкѣ кровавомъ,

Развязалъ—и въ немъ находить

Голову жены Маноли.

Последніе четыре стиха совсѣмъ не переданы въ передѣлкѣ. Предлагаю здѣсь переводъ ихъ Г. С. Дестуниса:

„Госпожа моя и любя, встань, переѣнись,

Встань, умойся, нарядися, войди въ хороводъ,

Чтобъ взглянули паликары и зачахнувши,

Чтобъ и я взглянувъ, бѣдняга, сталъ бы радостенъ!“

Манолѣ этой пѣсни, выражающей мотивъ о невѣрности жены, столь распространенный въ народной поэзіи грековъ, можно приблизить къ „грчиѣ Манойлу“ сербскихъ балладъ: „Кумовање Грчиѣ Манойла“¹⁾ и „Ђирјак и Грчиѣ Манойло“²⁾, гдѣ нашъ герой оканчиваетъ свою жизнь весьма трагически изъ-за женской любви. Содержаніе второй баллады таково: Князь Милутинъ женить своего сына. Кумомъ онъ выбралъ Владислава, старымъ сватомъ молодаго Велисава и дружкой (деверѣ) невѣсты своего сына Кирьяка или Киру. Отправляя его къ Дрекаловичамъ за невѣстой, князь Владиславъ напутствовалъ его совѣтами, какъ онъ долженъ вести себя въ домѣ родителей невѣсты. Взявъ невѣсту, Кира на богатырскомъ конѣ отправился съ сватыми назадъ. На его несчастье всѣ поѣзжане были пьяны, кромѣ Киры и невѣсты, отъ которыхъ сватья остались далеко позади. Когда поѣздъ въѣхалъ въ глубокой горный проходъ (у клисуру тврду), тогда раздался выстрѣлъ, направленный на Киру; но послѣдній не былъ раненъ; съ его головы была сброшена только богато украшенная шапка, которую Кира тотчасъ поднялъ, слѣзши съ своего богатырскаго коня. Обращаясь затѣмъ къ невѣстѣ, говорить ей:

Држе, снашо, коѣ брацивога,
Да погледам, ко то пушке баца.

Въ это время подоспѣли поѣзжане и замѣтили, что стрѣляетъ грекъ Манойло: онъ изъ одного ружья выстрѣлилъ и послѣшно зарядилъ другое, но сломалъ помполъ въ стволѣ и такимъ образомъ не могъ вложить жетонъ, чтобы удержать пулю, и деверья Киры могли ударить Манойла золотымъ шестоперомъ, отъ чего бѣдный греченокъ упалъ на черную землю. Тогда Кира, связавъ ему руки, повелъ его къ невѣстѣ, которую онъ сталъ ласкать, говоря:

Благо браду, кад си тако верна,
Кад си браду коѣа додржала!

Послѣ онъ сѣлъ на своего богатырскаго коня и, ударивъ его острыми шпорами, догвалъ своихъ богато украшенныхъ деверей, которымъ онъ сказалъ:

Фала куме, фала стари свате!
Остависте м' у клисури сама.
Ѣа сирома изгубити главу,
У мало ми грче не изеде.

¹⁾ Караѣић, Ср. н. п., II, стр. 19—21.

²⁾ Караѣић, Ср. н. п., кн. III, у Бечу. 1846, стр. 506—511.

Тогда стали кумъ и старый свать его упрашивать:

Не мој, њиро, наше чедо драго!
 Не чин' крви брацу на весељу,
 Него се ви Богом побратате,
 А лепо је и бити и рећи,
 Два девера код једне девојке.

Послушалъ Кира сватовъ и развязалъ руки греку. Когда они приѣхали къ Комненовой башнѣ, тогда сватьа остановились на ночлегъ. Оба дружки съ невѣстой расположились въ башнѣ, а сватьа должны были быть на стражѣ, но, замѣчаетъ пѣсня:

Гди је стража од пијани људи?
 Гди ко стао, онде и легао,
 Гди легао, онде и заспао.

Въ это время встаетъ „грче невијерно“ и, укравъ у Киры ножъ, ударилъ послѣдняго въ юнацкое сердце, въ которое онъ попалъ, сильно задѣвъ руку невѣсты; затѣмъ онъ опять убѣжалъ въ горы. Сильно она заплакала и говорила:

Јао њиро, рођени девере!
 Ја ћу моју преболети руку,
 Ал' ти твоју рану никад не ћеш.

Всталъ однако Кира на ноги и, выстрѣливъ изъ своего ружья, сталъ звать своихъ сватовъ отправиться въ путь-дорогу; но сватьа говорятъ, что не пора еще ѣхать. Подошла къ нему разжалобленная невѣста, разстегнула у него доламу и стала черпать рукой черную кровь отъ груди, повторяя приведенныя выше слова. Очень тяжело стало юнаку; онъ не могъ ни сѣсть, ни лежать. Опять онъ далъ выстрѣлъ, чтобы созвать своихъ сватовъ отправиться въ путь. Встали поѣзжане; каждый изъ нихъ снаряжаетъ своего коня. Кира снаряжаетъ и своего, и невѣстина коня. Наконецъ отправились въ путь; проѣхали гору Чучавицу, проѣхали и Ступчаницу и остановились у воды Цетиньи: кто напьется воды, кто умоется, кто коня своего понтъ на Цетиньѣ. Тяжело было Кирѣ; онъ поручаетъ невѣсту куму и старому свату, а самъ спѣшитъ скорѣе домой, къ отцу, въ Никшичъ, гдѣ за городомъ шелъ хороводъ; тамъ была и сестра Киры, которая своимъ ростомъ выдавалась между всѣми. Издали она замѣтила брата и спѣшитъ къ отцу сказать ему, что Кира ѣдетъ одинъ, а сватовъ нѣтъ. Едва онъ могъ добраться до отцовскаго дома; тутъ онъ объясняетъ отцу причину своей послѣдности:

Красни бабо, Милутине!
 Ни сам ли ти беседио, бабо,

Да не просиш прошене девојке?
Привати ме са коња витеза,
Спусти мене на зелену траву,
Пак ти седи поред мене, бабо,
Да ти метнем на криоце главу,
Ти ми метни на срдашце руку.

Снялъ съ коня князь Милутинъ Киру, положилъ его на зеленую траву, а голову его опустилъ на колѣно и приложилъ руку къ его сердцу. Но Кира былъ уже очень слабъ и едва могъ сказать, отчего съ нимъ приключилась такая бѣда:

Чујеш ли ме, мој рођени бабо!
Девојка је испрошела била,
Испросио грчићу Манојло,
А ти си је препросио, бабо!

Съ этими словами Кира испустилъ послѣдній вздохъ. Поставилъ его тѣло князь Милутинъ въ скрытомъ мѣстѣ. Пришелъ и свадебный поѣздъ, и опять заплакала невѣста, узнавъ, что Кира умеръ, повторяя опять прежнія слова. Но князь Милутинъ все умиралъ. Сыграли свадьбу въ продолженіе трехъ дней. На четвертый день похоронили Киру. При этомъ пѣсня влагаеть въ уста Милутину такія характерныя слова:

Јед'те, пијте, моја браћо драга!
Кнез Милутин чини два весела:
Једног жени, другог саравује.

Не долго спустя послѣ этого, князь образовалъ чету или отрядъ отправилъ его въ горы, чтобы схватить грека Манојло. Послѣдній былъ схваченъ и разсѣченъ на четыре части, которыя выставлены были на четырехъ дорогахъ для острастки другимъ хайдукамъ. Пѣсня въ заключеніе объясняетъ, что князь Милутинъ

Те освети својега њпрјака
Освети га, ал' га не поврати.

Если допустить нѣкоторое влияніе фантазіи въ сближеніи этихъ пѣсней, то общность двухъ фактовъ въ нихъ несомнѣнна, а именно: 1) одно и то же имя героя, и притомъ въ обоихъ случаяхъ грека по происхожденію, и 2) описываемыя въ пѣсняхъ дѣйствія происходятъ въ турецкое время. Можно было бы прибавить еще одно обстоятельство, — что главною причиною дѣйствія является женщина, еслибы развязка въ греческой и сербской пѣсняхъ не была различною.

Гораздо больше отношенія къ балладамъ о построеніи мостовъ и часть сслхvii, отд. 2.

о постройкахъ вообще съ человѣческими жертвами имѣеть другая сербская баллада „Кумовање Грчића Манойла“. Содержаніе ея заключается въ слѣдующемъ: Двѣ кумы—стройная гречанка и бѣлокурая валашка—пришли съ ребятами къ греку Манойлу, первая съ дѣвочкой, а вторая съ мальчикомъ, чтобъ онъ былъ имъ крестнымъ отцомъ. Манойло ихъ крестилъ. Но гречанкѣ не особенно пріятно было, что у нея дѣвочка, и просить Манойло подмѣнить во время крещенія ея ребенка на ребенка валашки:

Мно куме, Грчићу Манойло!
 Проміјени ову ћецу луду:
 Дај ти мене чедо Влахињино,
 А Влахињи да дамо ћевојку,
 И дајем ти Божу вјеру тврду,
 Дваш ћу ти га измјерит' са златом.

Пѣсня замѣчаетъ, что Манойло

Преварисе, Бог да га убије!

Отправились домой отъ него обѣ кумы. Когда валашка по дорогѣ домой была уже въ горахъ, дитя у нея почему-то запицало; она его распеленала на дорогѣ и вдругъ она видитъ, что у нея дѣвочка, а не мальчикъ, сразу ударила его о камень. Запицалъ ребенокъ, какъ лютая змѣя. Возвращается валашка назадъ къ Манойлу и говорить ему:

А за Бога, мој куме Манойле!
 Што продаде кума за цекине?
 Платио га светоме Јовану!

Но Манойло сталъ божиться по напрасну; между тѣмъ своего мальчика держитъ на колѣнѣхъ:

А нијесам моја мила кумо,
 Та не вјо од овога месо!

Валашка волей-неволей должна итти домой безъ ребенка,—съ своею пустою колыбелью. Манойло же сѣлъ на коня и поѣхалъ къ гречанкѣ и получилъ отъ нея обѣщанныя деньги за мальчика. По дорогѣ домой, въ горахъ, онъ увидѣлъ чернаго барашка, котораго тутъ же и застрѣлилъ; затѣмъ его изжарилъ и, наѣвшись хорошенько, цѣлую оставшуюся лопатку положилъ въ сумку, изъ которой давалъ кормъ лошади. Приѣзжаетъ домой; его встрѣчаетъ вѣрная милая вся въ слезахъ и въ крови. Манойло спрашиваетъ ее:

Што је тебе, моја вјерна љубо?

Она разказываетъ ему, все случившееся дома въ его отсутствіе:

Исходи ми из руку дѣдете,
Проврже се пријем јагѣтом,
И утече мене уз плавину.

Тогда Манойло догадался, что онъ сдѣлалъ, и сообщаетъ ей, что

Ја сам, љубо, јагѣ дочекао,
Убио га, па га испекао,
И од љега, љубо, обједова',
И плеће сам мяса остаино;
Врзи руку у зобаницу врапцу!

Береть она сумку, но вынимаетъ изъ нея не лопатку, но руку ребенка; тогда она ему сказала:

А Манојле, траг ти погинуо!
Ти не био продавати кума.

Пѣвецъ, несомнѣнно, на сторонѣ валашки и заканчиваетъ балладу такъ:

Богу фала, јер ј' овако било, —

показывая этимъ, что несправедливость наказана. Такъ или иначе, но несомнѣнно и то, что эта баллада одна изъ самыхъ старыхъ ¹⁾). Послѣ этихъ двухъ жертвъ до жертвъ строящемуся мосту или вообще зданію всего одинъ шагъ.

За то сближеніе или связь между Маноли болгарско-румынскихъ балладъ и разказовъ и мастеромъ Манойло сербской баллады „Мастор Манојло“ ²⁾) несомнѣнно. Последняя основана на мотивѣ о женскомъ лукавствѣ, извѣстномъ и въ болгарской народной поэзіи, но только съ другимъ именемъ героя ³⁾). Съ этою балладой находится въ нѣкоторой связи и вышеприведенная „Кумовање Грчиѣа Манојла“. Но мастеръ Манойло не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ этой редакціи балладъ о построеніи мостовъ съ человѣческими жертвами, какъ къ первой редакціи о постройкахъ вообще съ человѣческими жертвами, при разсмотрѣніи которыхъ будетъ принята во вни-

¹⁾ Ђорђевић, „Кратки преглед српскихъ народныхъ песама“ въ сборникъ, издаваемомъ обществомъ св. Савы въ Бѣлградѣ, „Браство“ III. У Београду. 1889, стр. 206—207; ср. стр. 216—217.

²⁾ Караџић, Ср. н. пјесме, III, стр. 322—327.

³⁾ Чолаковъ, Български народенъ сборникъ. I. Бѣлградъ. 1872, стр. 300 — 302 (№ 42); Коравеловъ, Сѣчяненія. I. Руссе. 1885, стр. 215—216 (№ 58).

маніе и баллада „Майстор Манолю“. За то болгарская пѣсня о Майсторчѣ Манѣ, построившемъ въ Солунѣ высокую башню ¹⁾, имѣеть тѣсную связь съ румынскою балладой: *Mesterul Manoli*; эта болгарская пѣсня даетъ прекрасную аналогію съ эпизодомъ о смерти Маноли въ послѣдней.

По своей концепціи и по даннымъ, какія представляетъ румынская куповлапшская баллада о построеніи моста на Артѣ (*Cânticlu a puntilei de Narta*) ²⁾, послѣдняя относится къ одному же разряду съ греческими; но она совершенно отличается отъ нихъ по своей полнотѣ и по обстоятельному изложенію подробностей. Здѣсь является даже вступленіе, несомнѣнно, позднѣйшаго времени, имѣющее почти то же значеніе, какое имѣеть вступленіе въ сказкахъ; оно не даетъ понятія о содержаніи пѣсни, но какъ бы предрасполагаетъ окружающее общество къ слушанію:

Fétele a Argamăilor,
Gioiilă a tătănilor!
Ia învesceî-vă cu giupele,
Giupele cu nasturli
Să vă arisescă maisturli ³⁾,
Maisturli cu tehne aréuă,
'Sî luară Scodra și cu Moréuă ⁴⁾.

Послѣ этого баллада начинается чисто, какъ сказка:

'Sî eră trei maisturî alăvdatî,
Si amêntrele 'sî eraă fratî
Pe masturiă multu' nvetatî;
Si amêntreili 'si eraă' nsuratî.
De multū maisturî ce eră,
La totî numa-lă s'avdia;
Câte lucre grêlle eră,
Ellî putea de le adăra ¹⁾.

За этимъ разказывается, что однажды „пришелъ одинъ человѣкъ и зоветъ всѣхъ трехъ братьевъ къ царю“, но къ какому, — не сказано.

¹⁾ *Миладиновци*, Български народни пѣсни, стр. 428—529 (№ 424).

²⁾ *Petrescu*, *Mostré de dialectul macedo-românū*. II. Bucur. 1882, стр. 84—94.

³⁾ Тамъ же, стр. 84: „Румынскія дѣвущія, молодіцы отцовъ! Надѣньте кастаны, кастаны съ пуговицами, чтобы поправились мастерамъ: мастерамъ съ хорошиимъ ремесломъ; они отпрѣвились въ Скутари и Морю“.

⁴⁾ „Были себѣ три славныхъ мастера и къ тому они еще были братья, въ мастерствѣ очень наученные; при томъ они были женаты. Они были такіе мастера, что всѣмъ были извѣстны ихъ имена; сколько бы трудныхъ дѣлъ ни было, они всѣ могли исполнить“.

Они всё отправились вмѣстѣ; шли они всю ночь въ лунное время. Пришли къ царю и, поклонившись, спрашиваютъ его съ большимъ любопытствомъ:

Çe urzesci tu de la noi?,
Noi himu omenii, sclavii a tei ¹⁾.

Царь имъ говорить:

Ea am avdita ti voi,
Ca hiti maisturii multa arai.
De la mine ce caftati,
Puntea de Narta s'ua adarati.
Ma se nu puteti s'ua adarati.
Se sciti ca vhiu nu ascapati! ²⁾.

Мастера просятъ три дня на размышленіе, послѣ котораго они даютъ царю отвѣтъ:

Puntea aista s'ua adaram,
Septe ani chero caftam.
Ici se hibă si se lipsescă
Amiralia se hargiuescă.
Noi, sclavii a tei se himu,
S'nu ne alasi tea sa ne jilim.
Tu xenea aista ce himu.
Fumeille vrem se ne le adducem,
Pe ninga noi se ne le avem.... ³⁾.

На это имъ царь говорить:

Tute aiste ce caftat,
Ea ve le dau cu giurat.
Punte sanatosă voiă,
Ca ve talliu treilli ca oi!.... ⁴⁾.

¹⁾ „Что ты желаешь отъ насъ? Мы люди—твои рабы“.

²⁾ „Я узналъ объ васъ, что вы ужасные мастера. Что же вы отъ меня хотите, чтобы построить мостъ на Арта? Но если вы не сможете его построить, то знайте, что вы живыми не останетесь“.

³⁾ „Уже семь лѣтъ какъ мы нарочно хотѣли, какъ бы построить этотъ мостъ. Что будетъ нужно и необходимо, государство чтобы приняло на свой счетъ. Мы будемъ твоими рабами; но ты чтобы насъ не оставилъ на что-либо жаловаться въ этой чужбинѣ, въ которой мы находимся. Мы желаемъ привести своихъ женъ, чтобы онѣ были при насъ“.

⁴⁾ „Все то, чего вы желаете, я вамъ съ клятвою даю. Только я хочу, чтобы былъ хорошій мостъ, иначе я васъ посвящу, какъ овецъ“.

Послѣ этого они всѣ трое отправились за своими женами, которыя находились въ Нантѣ, въ горахъ; оттуда перевозили ихъ въ Арту. Затѣмъ они взялись за работу. Прежде всего они приготовили мѣсто для моста, выкопали основанія и укладывали камни. Но что они дѣлали за цѣлый день, то за ночь вода уносила. Такимъ образомъ проходилъ уже шестой годъ, но мостъ еще не выстроивался. Стали они и думали, и слезами обливались, такъ какъ приближался уже срокъ. Но однажды по утру, рано, старшій мастеръ, когда умывалъ себѣ лицо, во дворѣ, гдѣ онъ ходилъ, замѣтилъ, что летаетъ птица, которая прилетѣла туда и сѣла на вѣтку дерева; она все на мастера смотрѣла, жалобно чиркала и такъ ему говорила:

Măimare, sē nu te jilescī,
Ma 'sē vreŃ lucrū sē bitisescī,
A miclūi frate n'vĕstā se luatŃ,
Tu themĕllie s'ua bāgatŃ.
Iuvhie, invhie s'ua anvelitŃ
Jĕle si milă sē nu mantritŃ ¹⁾.

Когда старшій мастеръ услышалъ то, что сказала птица, у него сердце раздиралось, и сталъ онъ плакать, такъ какъ очень любилъ младшую невѣстку. У нея было маленькое дитя, которое еще на ноги не становилось и съ нею не разлучалось; его звали Константиномъ. Сокрушался старшій мастеръ и не зналъ, что дѣлать. Наконецъ онъ рѣшилъ, что такъ Богомъ опредѣлено:

Puntea aistă tea s'ua adară,
Lipsia nor ma 'mică sē mōgă... ²⁾

Послѣ этого онъ распорядился дома, чтобы младшая невѣстка приготовила хорошій обѣдъ и принесла его мастерамъ сама. Приказано—сдѣлано. Она встала рано, разбудила свое дитя, накормила его хорошо грудью и затѣмъ опять уложила спать. Потомъ она убралась и одѣлась и отправилась къ мосту. Она была очень весела, когда несла обѣдъ. Пришедши къ мастерамъ, она обратилась къ нимъ съ такими словами:

VoŃ, maŃsturĕ, ah, voŃ măratŃ!
Cu 'mbăretă ce lucratŃ!

¹⁾ „Набольшій, не печалься. Если ты хочешь покончить дѣло, то возмите жену младшаго брата, поставьте ее въ основаніи; тотчасъ, тотчасъ ее заройте и не показывайте ни жалости, ни милости“.

²⁾ „Чтобы построить этотъ мостъ, должна умереть самая младшая невѣстка“.

Iu e puntea ce adărat,
Sése aŃi întregi ce lucrat?... ¹⁾

Мастера ей отвѣчаютъ:

Dómnă si nol ne ciudissim;
Puntea dănda nă ahurbimă,
Diu si nópte totŃi luerămmă,
Si nu putem tea s'ună 'mprustăm.
Măymarlu nă dimăndă,
Cu giurat nă spregiură.
AstădŃi prăndu cae s'adducă,
Sé nu 'alăsăm tea sě 'si fugă;
Tu heméllie s'tu băgăm,
Puntea sě putem s'ună adăgăm ²⁾...

Но она, бѣдная, не догадалась, о чемъ ей говорятъ мастера; она посмотрѣла на своего мужа, который—видѣла она—все плачетъ, и жалобно его спрашиваетъ:

Vrutlu a meŃ gione si bărbat,
Voită s'mŃi spuŃŃi 'ndrept si curat,
TŃi ce plăngŃi si lăcărmedŃi?
Spune 'mŃi 'ndrept, asi 'mŃi bănedil... ³⁾

Мужъ ей отвѣчаетъ:

Vrută, suschirarea a mea,
Nu éste altu ceva;
ŃmŃi cădiŃu 'nelu vruta a mea,
Tu аcea grópră, si trecŃi de 'l lié!.. ⁴⁾

Она вошла туда, какъ ей приказалъ мужъ; ходила и искала кольца, не зная, что съ нею можетъ приключиться. Но въ это время мастера живо взялись за работу; они безъ милосердія задѣляли ее

¹⁾ „Вы, мастера, ахъ, вы бѣдныя! желаю вамъ успѣха въ вашей работѣ! Гдѣ же, однако, мостъ, который вы строите уже шесть лѣтъ?“

²⁾ „Сударыня, я ны удивляемся; съ какого времени мы начали строить мостъ, день и ночь все мы работаемъ и все не можемъ его поднять. Наибольшій намъ признаываетъ и заставляетъ насъ покланяться: „Кто принесетъ сегодня обѣдъ, чтобы мы того не оставили, чтобы онъ ушелъ, но оставить его въ основаніи, чтобы мы могли поднять мостъ“.

³⁾ „Любимый мой молодецъ и мужъ, я желаю, чтобы ты ниѣ сказалъ прямо и вѣрно, отчего ты плачешь и проливаешь слезы; скажи мнѣ правду. Заключаю тебя (чтобы ты столько жилъ)!“

⁴⁾ „Любезная, стоны мои не отъ чего-либо другаго, какъ отъ того, что упало мое кольцо, моя любезная, въ эту яму, и ты спустись и достань мнѣ его“.

камнями въ основаніи. Она, бѣдная, кричала и просила ихъ жалостно, но ничего не помогло. Тогда въ отчаяніи она:

Cărnile 'si le dipiră,
Perli din cap 'si arupea ¹⁾.

Никто не хотѣлъ ея слушать. Видя, что все напрасно, она что есть мочи закричала имъ и говорила:

VoŪ, maisturī, ah, voŪ măratŪ!
Pe un graiŭ s' m' ascultati,
Va sē vē dīcŭ ningă 'nă órá,
Titŷa sē mī alăsatŷ 'nafară,
Natlu de fóme s'nu mŷ móră.
Ia pitriçeti sē 'mŷ 'l adducă,
Tea sē 'l bagŭ pe titŷa sē sugă.
Că e mīcŭ si ne-crescut,
Ne 'mprustat, mult minut.
Cum trémbur mine mărata,
Sē trémbură si puntea de Narta!
Caŷ călletorŷ va si 'si tréccă.
Cama multŷ sē 'si se 'nécă;
Căti perŷ'n cap mine mŷ am,
Ahăti ómenŷ se s'nécă tr'an! ²⁾

Какъ видно изъ этого изложенія содержанія пѣсни, румынская версія въ отношеніи подробностей не представляетъ почти ничего такого, чего не было бы въ греческой версiи. Но въ то же время она представляетъ нѣсколько сходныхъ чертъ съ сербскою балладой о построеніи Скадра (Скутари) на Боянѣ и отчасти съ болгарскою о построеніи Тирузы града въ Пазарджикѣ, съ румынскою о построеніи Куртя д'Арджешъ и съ сакскою о построеніи города Девы въ Трансильваніи. Эти сходныя черты являются только во второй половинѣ баллады.

Въ болгарской балладѣ Мануилъ или Маноль, не предупреждая своей жены Туторки объ опасности, между тѣмъ какъ его товарищи

¹⁾ „Сдирала съ себя части тѣла (мяса), волосы съ головы рвала“.

²⁾ „Вы, мастера, ахъ, вы бѣдные, только одно слово мое послушайте. Я вамъ скажу еще одинъ разъ: грудь мою оставьте открытой, чтобы ребенокъ мой не умеръ отъ голода; пошлите-ка принести мнѣ его, чтобы я дала ему грудь пососать, такъ какъ онъ малъ и не вырощенъ, на ноги не поставленъ, еще крошка. Какъ я, злосчастная, дрожу, такъ чтобы дрожалъ и мостъ на Артѣ. Изъ тѣхъ путниковъ, которые будутъ проходить по нему, чтобы большая часть утонула, сколько у меня волосъ на головѣ, столько людей чтобы утонуло въ годъ“.

предупредили своихъ женъ, приказываетъ ей, какъ набольшій самой младшей невѣсткѣ въ куповлашской балладѣ, приготовить обѣдъ и принести его на постройку; онъ говоритъ:

Тудорки, люби, Тудорка!
 Да станишь рану въ пундѣльникъ,
 Бѣле си ризи упири,
 Упири, люби, замажи,
 И сарай дори пумити,
 И се дѣтиту уѣѣши;
 Убѣда тугисъ вагутви,
 На кале хлѣбъ да дунисешъ ¹⁾.

Далѣе болгарская баллада представляетъ нѣкоторое сходство съ куповлашскою и въ изображеніи проворности Тудорки при приготовленіи всего того, что нужно было сдѣлать въ домѣ, чтобы поскорѣе или, вѣрнѣе, во-время отправиться съ обѣдомъ на постройку.—

„И Тудорка гу нуслуша.
 Станала рану въ пундѣльникъ,
 Упраа и замазала,
 И сарай дори пумела,
 И си дѣтиту уѣѣша;
 Чи си ваготви убѣда
 На кале ша си занеси ²⁾).

¹⁾ *Бончезъ*, Сборникъ отъ болгарскихъ народныхъ пѣсней. Варна. 1884, стр. 32; ср. въ румынск. балладѣ, гдѣ Манола пишетъ письмо своей женѣ Капля, какъ и первый мастеръ въ первой греческой балладѣ, посылаетъ его чрезъ своего слугу:

„Drăgută Carlea,
 Soціога mea,
 Aŭ unŭ bom bēlanu
 Ce'ŭ pierdut d'unu anu.
 Ia se'mi-te scolŭ
 Crangurŭ sē'mŭ rescolŭ.
 De l'ŕŭ nemeri,
 Si de l'ŕŭ gāsi,

Ia sē mi-te-арucŭ,
 La taiatŭ sē'l ducŭ
 Si din carnea luŭ
 Bucate sē 'mŭ facŭ
 La zidu sē 'mŭ aducŭ
 Pe noru si pe cētŭ
 Joŭ de diminētŭ.

Theodorescu, Poesiŭ populare române. Bucur. 1885, стр. 464. Что представляетъ въ данномъ случаѣ саксная версія, иаѣ, къ сожалѣнію, не известно, такъ какъ я не вижу баллады подъ руками. Но, во всей вѣроятности, и здѣсь мужъ даетъ женѣ порученіе, судя по тому, что онъ разказываетъ свой сонъ и предупреждаетъ ее внимъ объ опасности. *Maitland*, Az árgesi zárda mondájá és annak egy huny-admegyei variatíója въ A dévai m. kir. állami főreáliskola tezeanegetedik évi értesítője az 1880—1885 tanévtől. Déván. 1885, стр. 3.

²⁾ „ И Тудорка его послушала. И стала рано въ понедѣльникъ; выстирала

Еще рельефнѣе выражено это стараніе въ румынской балладѣ:

Mândra de Caplea	Boulu că 'mî taia,
Ea mi-se scula	Bucate 'mî gătia
Joŭ de diminétiă	Si la zidu pleca,
Pe noru si pe cétia,	La zidu în departe
Cu roua 'n spinare,	Să ducă bucate.
Cu bruma 'n picióre.	Sóre cându lucia,
Boulu căuta,	Caplea că 'mî zoria
Boulu că găsia,	Si s'arperia ¹⁾ .

Такое же стараніе и поспѣшность я предполагаю и въ сакской балладѣ ²⁾.

Наконецъ, болгарская баллада представляетъ единственный примѣръ мотива кольца, которое является во всѣхъ греческихъ балладахъ и кувовлашской и, по всей вѣроятности, было и въ албанской верси, какъ увидимъ ниже; при этомъ она въ деталяхъ представляетъ больше сходства съ греческими балладами и до нѣкоторой степени съ сербскою,—только въ послѣдней Гойко отворачивается отъ своей жены послѣ привѣтствія. Болгарская баллада разказываетъ:

„Какъ ми е видялъ Мануилъ,
 Навлюпилъ капакъ ду вѣжди,
 Уронилъ сѣлзи два рѣда.
 Кѣкъ гу-й видяла Тудорка,
 Тудорка дума Манолу:
 „Маноле, либи, Маноле!
 Що ти-й зулумъ, та плачешъ?“
 Манолъ Тудорки думаша:
 „Тудорки, либи Тудорки!
 Прѣстенъ ми падна въ калету,
 Прѣстена згуденишка;
 Флазвашъ ли да гу извадишъ?“

бѣлье и вымыла домъ и даже дворъ помела, и выкупала дитя; потомъ она приготовила обѣдъ, который она отнесетъ на крѣпость“. *Болшевъ*, стр. 32—33.

¹⁾ *Teodorescu*, стр. 464: „Красивая Капля,—она встала въ четвергъ чуть свѣтъ, еще во время тумана и въ сумеркахъ, когда надала еще роса (съ росой на спинѣ) и не снялся-было иней (съ ивеемъ въ ногахъ); вола она искала и вола нашла, вола зарѣзала, кушанье приготовила и къ постройкѣ отправилась, къ постройкѣ далеко, чтобы нести кушанье. Когда солнце засіяло, Капля едва какъ заря примѣтилась и приближалась. Ср. отвѣтъ Гойковицы въ сербской балладѣ о построении Слудра. Караѿић, Српске народне pjesme, кн. II. У Бечу. 1875, стр. 121; Караѿић, Джела. Кн. I. Београд. 1887, стр. 126.

²⁾ Ср. *Mainland*, op. c. et l. c.

Тудорка дума Маноу:
 „Мълчи, Маноле, не плачи
 Азъ флизвамъ да гу извадя“.
 Чи си Тудорка свѣрвахъ,
 Съ тѣвки нови сижими,
 Чи я въ калету спуснахъ.
 Пуснахъ, заградихъ я.
 Тугасъ са кале задѣржа ¹⁾.

Сербская баллада, представляя тотъ же мотивъ, въ подро-
 бностяхъ выводитъ дѣло иначе, и между прочимъ вмѣсто кольца яв-
 ляется золотое яблоко. Вотъ какую картину она рисуесть:

Кад је била на воду Бојану,
 Угледа је Мрѣвчевнѣ Гојко,
 Јунаку се срца ражало,
 Жао му је љубе вијернице,
 Жао му је чеда у кол'јевци
 Ђе остаде од мјесеца дана,
 Па од лица сузе просипаше;
 Угледа га танана невјеста,
 Кротко ходи, док до њега приђе,
 Кротко ходи, тихо бесјеђаше:
 „Што је тебе, добри господару!
 Те ти рониши сузе од образа?
 Ал' говори Мрѣвчевнѣ Гојко:
 „Зло је, моја вијернице љубо!
 Имао сам од злата јабуку,
 Па ми данас паде у Бојану,
 Те је жални, прегорет' не могу,
 Не сјаћа се танана невјеста,
 Но бесједи своје господару:
 „Моли Бога ти за своје здравље,
 А самѣнеш и бољу јабуку.
 Тад' јунаку грђе жоо било,
 Па на страну отвратно главу,
 Не шће више ни гледати љубу ²⁾.

¹⁾ „Какъ только увидѣлъ ее Мануилъ, навелъ свою шапку до бровей, обви-
 вался слезами въ два ряда. Какъ только увидѣла его Тудорка, — Тудорка гово-
 ритъ Маноу: Маноле, милый, Маноле, какая тебе постигла бѣда и плачешь. Ма-
 нолъ говоритъ Тудоркѣ: „Тудорка, милая, Тудорка, кольцо мое упало въ осно-
 ваніе крѣпости, кольцо обручальное; войдешь ли ты, чтобы его достать?“ Ту-
 дорка говоритъ Маноу: „Молчи, Маноле, не плачь; я войду и достану его“. Потомъ
 Тудорку связали новыми тонкими бичевками, и спустили въ основаніе крѣпо-
 сти, спустили и задѣляли. Тогда крѣпость удержалась“.

²⁾ Караџић. Ср. н. п. II, стр. 121—122; Дјела, I, стр. 127. „Когда она была у

Наконецъ, еще одна черта кучовлашской баллады является сходною съ румынской, болгарской, сербскою и сакскою, а именно во всѣхъ балладахъ является дитя или ребенокъ, котораго нѣтъ ни въ одной греческой, ни въ боснійской. Кромѣ сакской баллады, во всѣхъ остальныхъ ребенокъ играетъ пассивную роль; въ румынскомъ вариантѣ у Александрии дитя какъ будто еще не родилось; по крайней мѣрѣ, такъ можно заключить изъ слѣдующихъ словъ баллады.

Manole, Manole,
Mestere Manoli!
Zidul reū mē stringe,
Titisóra-mī plānge,
Capulasv—mī frānge! ¹⁾

Между тѣмъ въ сакской балладѣ дитя играетъ довольно активную роль. Когда возвращается домой Келементъ Кемивешъ, дитя спрашиваетъ ее, гдѣ его мать. Его отецъ даетъ ему сперва уклончивый отвѣтъ, а потомъ говоритъ ему всю правду; въ разговорѣ между отцомъ и сыномъ проявляется жалость о погибели матери и жены ²⁾. Кромѣ того, въ трансильванскомъ вариантѣ румынской баллады и въ сербской, какъ и въ кучовлашской, отмѣчено имя дитяти: въ послѣдней оно названо Константиномъ, можетъ быть, даже не случайно, а по

самой Бояны, увидѣлъ ее Гойко Мерлявчевичъ; у молодца сердце разжалось, — жаль ему вѣрной милой, жаль ему ребенка въ колыбели, не больше мѣсяца и у него полились слезы изъ глазъ. Увидѣла его стройная молодая жена; не гордо она идетъ, пока къ нему приближается, не гордо идетъ и кротко говоритъ: „Что съ тобою стало, добрый господинъ, что у тебя льются слезы по лицу?“ Говоритъ ей Гойко Мерлявчевичъ: „Не хорошо, моя вѣрная любя! Было у меня золотое яблоко, и оно сегодня упало въ Бояну, и не могу его забыть, и потому я такъ печаленъ“. Недогадывается стройная жена; она говоритъ своему мужу: „Моли Бога ты за свое здоровье! Ты себя найдешь другое лучшее яблоко!“ Тогда юнаку еще болѣе стало жалко; онъ отвернулъ въ сторону свою голову, не хотѣлъ больше смотреть на свою любя“.

¹⁾ Poesiile populare ale Românilor. Buc. 1866, стр. 190: „Маноли, Маноли, мастеръ Маноли! Стѣна тяжело меня давитъ, грудка у меня плачетъ, ребеночка моего душишь“. Ср. *Teodorescu*, Poes. popul., стр. 466:

Manole, Manole,
Mestere Manole,
Zidulŭ reū mē stringe,
Titisóra'mī curge,
Capulasu'mŭ plānge-

²⁾ *Masiland*, Az árgesi zárda mondéja . . . , стр. 4.

какому-либо народному припоминанію, а въ первыхъ—Іоанномъ. Въ румынско-трансильванской балладѣ такъ проситъ жена мужа:

Manole, Manole!
Nu mă omorî!
Că săracul Ionel
Plânge a-casă na legănat,
Nici nu l'am lăptat;
Nici nu l'am scăldat ¹⁾.

Что отвѣтилъ на это мужъ, мнѣ не извѣстно, такъ какъ этотъ вариантъ еще не напечатанъ; но въ балладѣ у Теодореску онъ отвѣчаетъ ей:

Copilasulu tēu,
Pruncusiorulū mēu,
Vadă'lū dumneieū.
Tu cum l'ai lăsatū
In pat desfăsatū,
Dinele c'orū trece,
La elū s'orū întrece,
Si l'orū apleca,
Titiă că i-orū da;
Ninsóre d'o ninge,
Pe elū mi l'o unge;
Ploi cândū oră ploua,
Pe elū lórū scălda;
Vântū cândū a sufla,
Mi-l'o legăna,
Dulce legănapare,
Pên' s'o face mare! ²⁾

Впрочемъ едва ли этотъ общепѣсенный мотивъ былъ и въ вариантѣ. Совершенно сходны куцовлашская баллада съ сербскою въ просьбѣ жертвъ оставить ей груди открытыми; въ послѣдней Гойковица такъ говорить водчему Раду:

Богом брате, Раде немаре!
Остави ми прозор на дождама,

¹⁾ Тамъ же: „Манолі, Манолі! Не убивай мена! Потому что Іонель (Ваня) плачетъ дома не убавканный; а его и не накормила грудью, и не выкувала“.

²⁾ *Teodorescu*, Роев. popul., стр. 467: „Дитятко твое, ребеночка моего пусть Богъ призираетъ. Какъ ты его оставила на постели не вселенутымъ, пройдутъ нимы (русалки) и къ нему поспѣшатъ: его приголубятъ, грудь ему дадутъ. Если снѣгъ пойдетъ, его помажетъ; когда дожди пойдутъ, его выкупаютъ; когда вѣтеръ повеетъ, его заклюютъ въ сладкомъ колытаніи, пока онъ не сдѣлается большимъ“.

Истури ми моје б'јеле дојке,
 Каде доће мој нејаки Јово.
 Каде доће, да подоји дојке ¹⁾).

Въ куцовлашской балладѣ слѣдуетъ за этимъ заклинаніе и ничего не говорится о томъ, какъ была исполнена просьба жертвы; но сербская баллада разказываетъ все до конца, что зодчій Раде исполнилъ ея просьбу для того, чтобы „нејаки Јован“ могъ сосать грудь, и что сталося потомъ съ жертвой.

Албанская версія въ разказѣ „о лисьемъ мостѣ въ Дибрѣ“ (на границѣ сѣверо-западной Македоніи и Албаніи) ²⁾ принадлежитъ къ одному разряду съ греческими и куцовлашскою. Содержаніе разказа слѣдующее: Жили-были три брата, женатые, по ремеслу котельщики. Взялись они строить мостъ; строили они его три года, но никакъ не могли достроить: всѣ мѣры, принимаемыя ими, не приводили къ желаемой цѣли. Разъ приходитъ къ нимъ старикъ. „Добраго успѣха, мастера“, привѣтствуетъ онъ ихъ. „Добраго счастья и тебѣ, добро пожаловать. Вотъ уже три года, какъ мы работаемъ надъ этимъ мостомъ; но трудъ напрасный: мы его не можемъ достроить“. „Дѣти мои, я вамъ дамъ совѣтъ. Вы поклянитесь другъ другу, что вы не скажете своимъ женамъ: вы обреките на жертву живую женщину,—одну изъ вашихъ женъ, которую задѣлаете въ основаніе, и тогда мостъ удержится; иначе сколько бы вы ни старались, трудъ вашъ будетъ напрасенъ: мостъ никогда не устоитъ...“ Въ концѣ концовъ первые два брата разказали своимъ женамъ для того, чтобы тѣ были осторожны. Только меньшей братъ сохранилъ тайну и не сказалъ жонѣ. Пришло наконецъ время обѣда. Старшая изъ невѣстокъ обращается къ средней и проситъ ее, чтобы она отнесла обѣдъ мужьямъ; но послѣдняя отвѣчаетъ, что она имѣетъ стирать бѣлье. Тогда она обращается къ младшей невѣсткѣ; но эта говоритъ, что у нея дитя плачетъ. „Пожалуйста, пожалуйста“, стала усовѣщивать невѣстка,—„я сама буду присматривать за ребенкомъ“. Не могла младшая невѣстка больше ничего выдумать и отправилась къ мосту. Ея мужъ, какъ только завидѣлъ ее издали, залился слезами,

¹⁾ Карацић, Ср. в. п., II, стр. 123; Дјела, I, стр. 129: „Ради Бога, братъ Раде зодчій! Оставь мнѣ у груди отверстие, выведи мои бѣлыя груди; когда придетъ мой вѣнныи Јово, когда придетъ, чтобы онъ могъ сосать грудь“.

²⁾ Dozon, Contes albanais, recueillis et traduits. Paris. Leroux. 1881, стр. 255—257.

и чѣмъ она ближе подходила, онъ все болѣе отдалялся. Но приходя туда, она поодоровалась съ своими деверями; они ей сказали: „Спустися сюда въ основаніе; здѣсь ты будешь задѣлана наглухо“ (коетоу е расое-ка тееное)¹⁾. Бѣдная женщина просила ихъ оставить отверстіе въ стѣнѣ для того, чтобъ она могла кормить грудью свое дитя. Они оставили дыру, чрезъ которое тепло или шло для дитяти молоко, которое какъ до смерти молодой жены, такъ и потомъ являлось въ изобиліи. Впослѣдствіи вмѣсто молока стала течь вода, которая образовала постоянный источникъ. Такимъ образомъ мостъ удержался²⁾.

Несомнѣнно, что этотъ разказъ возникъ изъ разрушенной пѣсни, отъ которой осталось уже очень немного, и которая едва ли могла явиться на почвѣ албанской народной поэзіи; я склоненъ думать, что къ албанцамъ она перешла отъ сербовъ и уже въ довольно позднее время, судя по концу, который есть буквальный переводъ съ сербскаго языка:

По неђењи и изгубила гласа;
 Ал' ђетету онђе иде рана,
 Дојише га за годину дана.
 Како таде, тако и остаде,
 Да и да нас онђе иде рана
 Зарад' чуда, и зарад' лијека,
 Која жена не има млијека³⁾.

Само собою разумѣется, что эти стихи въ сербской балладѣ при-
 бавлены впослѣдствіи. Это всего лучше видно изъ болгарской пере-
 дѣлки сербской баллады: болгарская передѣлка оканчивается объясне-
 ніемъ Гойковича жёнѣ причины его скорби:

Имао самъ одъ злато ябълко,
 Те ми спаде данесь у Бояну,—
 Те го жалимъ, преболье не могу⁴⁾.

¹⁾ Дозонъ переводить эту фразу такъ: „Car c'est ici que tu l'as lit“, замѣ-
 чая при этомъ, что это „phrase obscuere“. Op. с., p. 257.

²⁾ Ср. албанскую версію о построеніи Скутари у *Kind'a*, Anthologie, стр. 260.

³⁾ Караѣић, Ср. в. п. II, стр. 124: „Чрезъ недѣлю она потеряла голосъ; но дитяти тогда шель кормъ; его кормила молокомъ матери цѣлый годъ. Какъ тогда, такъ и нынѣ осталось, такъ что и теперь идетъ кормъ (молоко) для чуда и для лѣварства, если какая-либо женщина не имѣетъ молока“.

⁴⁾ Качановскій. Памятники народн. болгарскаго творчества. В. I. С.-Пб. 1882, стр. 254: „Я имѣлъ золотое яблочно, которое теперь упало въ Бояну, и мнѣ жаль его; я его не могу забыть“.

Что албанскій разказъ образовался изъ пѣсни—видно изъ того, что одинъ его пассажъ еще сохранился въ стихахъ, а именно совѣтъ старика ¹⁾. Этотъ старикъ составляетъ особенность албанской версiи; онъ замѣняетъ вилу сербской и болгарской балладъ или вѣщунью-птицу греческихъ и сакской, или таинственный голосъ румынскихъ балладъ. Слѣдовательно, старикъ есть выразитель понятiя вѣщаго, знахаря, образъ, извѣстный народной поэзиі вообще. Въ данномъ случаѣ этотъ старикъ вполнѣ соотвѣтствуетъ путникамъ или странникамъ баллады изъ восточной Болгарiи:

Пѣтници въ пѣтя врѣвяха,
 Чи на Маноли думаха:
 „Ой ми та теби Маноли! и проч.
 Манолю имъ утгувареши:
 „Пѣтници кале-друмници,
 Чи ма питати да кажа:
 Заградихъ града гулама,
 Гулама града широка,
 Дѣлбока града Тирюза“ и пр.
 Пѣтници тихомъ говореть:
 „Ой ми та теби Маноле!
 Кале си курбанъ ищеша“ ²⁾.

Итакъ, балладу о построенiи моста съ человѣческой жертвою по извѣстнымъ въ настоящее время даннымъ мы находимъ почти только на Балканскомъ полуостровѣ, почти у всѣхъ живущихъ тамъ народностей. Изъ этихъ народностей всего болѣе распространенъ у грековъ и у сербовъ, но развитъ или разработанъ этотъ сюжетъ только у сербовъ и кудовлаховъ. Въ какомъ отношенiи находятся греческія баллады къ другимъ, я уже показалъ выше, и на основанiи этого сравненiя я склоненъ думать, что онѣ едва ли могли возникнуть на почвѣ греческой народной поэзиі, а скорѣе могли перейти извнѣ. Прямыхъ доказательствъ, конечно, въ настоящее время трудно найти; но можно указать аналогичное явленiе въ южно-славянской народной поэзиі. Въ данномъ случаѣ я имѣю въ виду бол-

¹⁾ *Dogon*, op. c., стр. 256, прим. 1.

²⁾ *Бончевъ*, Сборникъ, стр. 31—32: „Путники шли по дорогѣ; и Манолю они говорили: „Ужъ ты гой еси Маноле! и проч. Манолю имъ отвѣчалъ: „Путники, добрые путешественники (кале друмници: = καλοδρομήται), когда меня спрашиваете, я вамъ скажу: „Заложилъ я крѣпость (градъ) великую, крѣпость великую и широкую, высокостянную (дѣлбока) крѣпость Тирязу... Путники кротко говорятъ: „Ужъ ты гой еси Маноле! крѣпость жертвы хотѣла“ (чит.: хотеть).

гарскій пересказъ сѣрбской баллады о построении Скадра на Боянѣ ¹⁾, пересказъ, который по своему исполнению или, вѣрнѣе, по характеру выполнения, во многомъ походитъ на греческія баллады. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно сравнить сѣрбскую балладу съ сѣрбскимъ пересказомъ и греческія со стороны выполнения. Какъ въ болгарской, такъ и въ греческихъ, мы видимъ недомолвки, недосказанность мысли, неполноты образа или картины и т. п.

Что же касается сѣрбо-боснійской баллады, то, какъ я замѣтилъ выше, она относится къ разряду сѣрбской баллады „Зиданѣ Скадра“: сюжеты здѣсь одинаковы, только мотивы отчасти варіированы, особенно въ первой части. За то есть у нихъ и сходныя черты: вила, зодчій (неимар), хотя съ разными именами; въ разказѣ о мастерѣ моста Раде, какъ и въ сѣрбской, а главное — два одноименныхъ лица братъ и сестра, Стоя и Остоя, въ разказѣ о Мостарскомъ мостѣ: Стоянъ и Стоя, какъ въ сѣрбской балладѣ:

Иди, сине, преко б'јела св'јета
Те ти тражи два слична имена,
Тражи, сине, Стоју и Стојана,
А обоје брата и сестрицу ²⁾.

То же почти находимъ въ несомнѣнно искаженной Милоевичемъ балладѣ о построении Охрида (Граѣне Орида); тамъ между прочимъ вила говоритъ:

Чу ли море неимар Манојло!
Нећеш море сазидати града.
Ни извети твоје русе главе,
Док не наћеш Стојну и Стојана,
Док не наћеш два слична имена,
Два имена брата и сестрицу,
Два имена слична и обична.
Ако не наћеш Стојну и Стојана,
А ти мораш Миљу и Миљена! ³⁾.

¹⁾ Кичановскій, *op. c.*, № 120, стр. 248—251; № 121, стр. 251—254; Миландинови, *Български нар. пѣсни*, стр. 253—254 (№ 162); *Илиевъ*, Сборникъ отъ народни умотворениа, обичаи и др., I отд., кн. 1. Софиа. 1899, № 304, стр. 366—367.

²⁾ Караџић, *Ср. н. п.*, II, стр. 116; Дјела, I, стр. 122.

³⁾ Милојевић, Песня и обычай укупног народа сѣрбог. I кн. У Београду. 1869, стр. 216: „Слышалъ ли ты, зодчій Манојло! Не сможешь выстроить города, не вынести тебя своей русой головы, пока ты не найдешь два похожихъ имени, два имени, брата и сестрицу, два имени похожихъ и любимыхъ. Если ты не найдешь Стојны и Стояна, то долженъ найти Милю и Миљена“.

Въ то же время сербско-боснійская баллада, а также и разказы, представляют и особенности, которыхъ нѣтъ въ другихъ изъ приведенныхъ выше, а именно находженіе брата и сестры съ одинаковыми именами и задѣлываніе ихъ въ стѣну: тогда какъ по сербской балладѣ такіа двѣ личности не отыскиваются. Такимъ образомъ, этотъ мотивъ въ послѣднемъ случаѣ представляется въ нѣсколько другой обстановкѣ или видѣ. Несомнѣнно вообще балладу о построеніи мостовъ съ человѣческой жертвою при обсужденіи вопроса о мѣстѣ ея возникновенія слѣдуетъ разсматривать въ связи съ балладами о постройкахъ вообще съ человѣческой жертвою. Но даже и при такой постановкѣ вопроса въ настоящее время едва ли можно рѣшить вопросъ: гдѣ возникла первоначально эта баллада, у сербовъ или румыновъ?

III. Сырку.

(Окончаніе слѣдуетъ).

С. А. Венгеровъ. Критико-биографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ (отъ начала русской образованности до нашихъ дней). Томъ I-й. С.-Пб. 1886—1889.

Въ концѣ минувшаго года вышелъ въ свѣтъ 21-й выпускъ новаго словаря русскихъ писателей и ученыхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ закончился первый томъ этого обширнаго труда, предпринятаго г. Венгеровымъ. Въ тѣхъ размѣрахъ, въ которыхъ задуманъ словарь, онъ затмѣваетъ собою всѣ бывшія у насъ до сихъ поръ изданія въ этомъ родѣ и обѣщаетъ дать все, что можетъ пожелать любознательный читатель, интересующійся судьбами русской образованности. Являются только невольныя сомнѣнія въ томъ, будетъ ли это предпріятіе когда-либо доведено до конца. Опасенія эти не покажутся неосновательными, если принять во вниманіе, что на одну только букву *а*, занимающую въ словаряхъ еще не такъ много мѣста, какъ нѣкоторыя другія буквы, потребовалось цѣлые три года. Положимъ, что начало всего труднѣе, и что на помощь г. Венгерову явилось немало специалистовъ по разнымъ отраслямъ знаній,—тѣмъ не менѣе, сомнѣнія наши не уничтожаются, въ особенности, когда познакомишься съ цѣлями и намѣреніями издателя, открытыми имъ въ предисловіи къ первому выпуску.

Указавъ въ этомъ предисловіи съ одной стороны, на необычно

венное обиліе сыраго историческаго матеріала, напечатаннаго у насъ за послѣднее время, и вообще на значительно усилившуюся въ нашъ вѣкъ литературную производительность, а съ другой стороны, на недостатокъ и неудовлетворительность „сводныхъ“ работъ историко-литературнаго характера, объединяющихъ и освѣщающихъ этотъ богатый матеріалъ, г. Венгеровъ приходитъ къ заключенію, что „въ современной русской исторіографіи нѣтъ такого свода фактовъ исторіи русской литературы, нѣтъ такой книги, запасшись которою, изслѣдователь или обыкновенный читатель былъ бы увѣренъ, что найдетъ въ ней свѣдѣнія о писателяхъ всѣхъ періодовъ русской образованности, нашихъ дней не исключая“. Новый критико-біографическій словарь и долженъ восполнить столь важный пробѣлъ въ нашей литературѣ.

Въ выборѣ лицъ, вошедшихъ въ словарь, составитель его желалъ быть по возможности менѣе строгимъ, на томъ основаніи, что „въ такомъ объемистомъ сочиненіи, какимъ является настоящій словарь, литературный аристократизмъ былъ бы неумѣстенъ“. Въ словарь вносится „всякій, кто хоть немного поработалъ на пользу роднаго просвѣщенія“. Да и эта столь снисходительная разборчивость касается только самаго послѣдняго времени, „когда литературная продуктивность возросла на столько, что отмѣчать всякаго, предавшаго что-либо тисненію, превратило бы“, по выраженію г. Венгерова, „сводъ литературы въ сводъ макулатуры“ (стр. 13). Что же касается до періодовъ предшествующихъ, то тутъ не дѣлается вовсе выбора, вслѣдствіе чего въ словарь писателей попадаютъ не только люди малограмотные, но и такіе, относительно нормальности умственныхъ способностей которыхъ самъ составитель выражаетъ справедливое сомнѣніе (см. Анаевскій). Впрочемъ, полнота свѣдѣній, даже и излишняя, не есть еще недостатокъ въ словаряхъ и справочныхъ книгахъ, и г. Венгеровъ справедливо замѣчаетъ, что „о большомъ литературномъ человѣкѣ всюду и легко можно справиться, а для того, чтобы узнать что-нибудь о маленькомъ человѣкѣ, часто нужны самыя кропотливыя усилія“ (стр. 13).

Источники, которыми пользовался г. Венгеровъ для своего труда, онъ дѣлитъ на три категоріи: 1) печатные, 2) архивные и 3) автобіографическіе. Послѣдняго рода свѣдѣнія получаютъ составителемъ словаря отъ современныхъ писателей и ученыхъ, въ которымъ онъ обратился съ просьбою сообщить свѣдѣнія о ихъ личности. Наконецъ, для того чтобы свѣдѣнія словаря не теряли своей свѣ-

жести, издатель его обѣщаетъ давать въ концѣ каждого тома дополненія, относящіяся и ко всѣмъ выпедшимъ уже томамъ. Въ эти дополненія войдутъ исправленія неточностей и упущеній и новыя данныя, накопившіяся за время, отдѣляющее выходъ одного тома отъ появленія въ свѣтъ слѣдующаго.

Какъ видно изъ вышесказаннаго, планъ, начертанный г. Венгеровымъ для своего словаря, можно назвать всеобъемлющимъ. Въ этомъ заключается и достоинство этого труда, и его слабыя стороны. Этотъ слишкомъ обширный планъ отличается неопредѣленностью: получается не то справочный словарь, не то исторія литературы. Трудъ г. Венгерова состоитъ изъ двухъ родовъ—, краткихъ замѣтокъ о писателяхъ, отмѣчаемыхъ лишь ради полноты, или, если они наши современники, недостаточно еще опредѣлившихся, и изъ болѣе или менѣе пространныхъ этюдовъ и монографій о писателяхъ, имѣющихъ литературное значеніе“. Статьи перваго рода обыкновенно и составляютъ содержаніе простаго справочнаго словаря, и если они даютъ матеріалъ полный, очищенный, въ порядкѣ, то цѣль справочной книги вполне достигается. Исторія же литературы представляетъ во всякомъ случаѣ извѣстное міровоззрѣніе, претендуетъ на руководство, направляетъ читателя въ извѣстную сторону. Такого рода тенденція и замѣчается въ статьяхъ втораго рода, обширныхъ и освѣщенныхъ критикою г. Венгерова. Послѣдняя же характеризуется преклоненіемъ предъ современностью и нѣсколько высокомернымъ отношеніемъ къ старому. Для г. Венгерова „настоящая“ литература начинается только съ Пушкина, а весь предшествующій періодъ, только „скучная прелюдія“, въ которой преобладаютъ „явленія некультурныя“. Не любитъ г. Венгеровъ и такъ-называемыхъ „руссопетовъ“, строго порицаетъ Шишкова и осуждаетъ нѣкоторыхъ извѣстныхъ поэтовъ (стр. 442) за ихъ патріотическія стихотворенія, писанныя въ разгаръ Восточной войны. Надо, впрочемъ, замѣтить, что такъ какъ не всѣ статьи принадлежатъ перу г. Венгерова, то и это направленіе не вездѣ выдерживается. Такъ, напримѣръ, статья объ Александрѣ діаконѣ, написанная г. А. Бороздинымъ, отличается другимъ характеромъ, чѣмъ статьи самого г. Венгерова о личностяхъ, подобныхъ Александру.

Въ такомъ большомъ трудѣ, какъ словарь г. Венгерова, конечно, найдутся промахи и недостатки, которые мы указываемъ не въ укоръ составителю, а во исполненіе просьбы его дѣлать „всякаго рода указанія на пропуски и неточности“. Быть можетъ, что нижепо-

именованныя лица не попали въ словарь послѣ зрѣлаго обсуждения и на основаніи выбора, но, судя потому, что въ словарь вошло много подобныхъ лицъ, можно думать, что это простой пропускъ, который слѣдуетъ восполнить. Въ словарь не вошли слѣдующія лица:

Абдорскій Іоаннъ, священникъ, авторъ сочиненія: „О достопамятиностяхъ города Шуи“ (Отеч. Записки, ч. II).

Агарева Александра Сергѣевна. — Сказаніе о чудесахъ Божіей Матери и пр. М. 1864 (кн. Н. Н. Голицынь. Библиографическій словарь русскихъ писательницъ. С.-Пб. 1889).

Акимова Софья Павловна, переводчица драмы: „Мать и сынъ“ (ibid., стр. 8).

Акимовъ А., переводчикъ съ французскаго языка комедіи-водевилля: „Женихъ безъ страха или Вотъ каковы друзья!“ (Рец. Пантеонъ и репертуаръ русской сцены 1850 г., апрѣль). — „Какъ занимать“. Куплеты изъ новаго водевиля: „Пробужденіе льва“ (ibid., январь).

Аксеновскій Д. — Стихотворенія. С.-Пб. 1846. (Рец. Финскій Вѣстникъ 1846 г., т. 10).

Алабова. Перевела съ нѣмецкаго: „Михель, исторія нѣмца нашего времени“. Іоанна Шерра. М. 1873 (кн. Голицынь. Библиографическій словарь русскихъ писательницъ).

Александровскій, студентъ педагогическаго института. — „Чертоги и хижина“, басня (Сѣверный Вѣстникъ, 1804 г., ч. IV). — Разборъ поэмы „Таврида“ (тамъ же, 1805 г., ч. V).

Александровъ Ипполитъ. „Воля за гробомъ“, драма въ 2 д. С.-Пб. 1845. (Рец. Финскій Вѣстникъ, 1846 г., т. 8).

Алимовъ А. „Товарищъ Калифорскихъ переселенцевъ“. (Пантеонъ и репертуаръ русской сцены 1851 г., іюль и августъ, Смѣсь). — „Картина изгнанника“ (случай изъ жизни художника) (тамъ же, ноябрь).

Алчаринская. — Словарь кн. Н. Н. Голицына.

Аматерка — псевдонимъ. (Тамъ же).

Андреева А. С. (ум. въ 1889 г.) — „Горе отъ ближнихъ“, повѣсть, напечатанная въ Русскомъ Словѣ 1859 г., августъ. — Рецензія на книгу: „Судьба женщины“ (La femme affranchie, par M. Jenny d'Héricourt.) въ Отеч. Запискахъ, 1861, т. 137 (Словарь кн. Н. Н. Голицына).

Андреевскій Д. А. — сотрудникъ журнала: Пантеонъ и репертуаръ русской сцены, въ которомъ помѣщены слѣдующія его про-

изведенія: „Какъ надо жить“, стихотвореніе (1850, мартъ); „Сварливая жена“, куплеты изъ водевиля (1850, апрѣль); „Обыгранный шулеръ“, стихотвореніе (1850, май); „Майское гулянье“ (нѣчто въ родѣ поэмы), стихотвореніе (1850, май).

Андреевъ Степанъ. „Левсиль, русскій богатырь“. Росс. сочиненіе въ стихахъ. Подражаніе Ильѣ Муромцу. С.-Пб. 1807. (Студинскій каталогъ, № 6805).

Аничкова Идалія Мечиславовна, современная писательница.— „Наташа Озерова“, романъ изъ современныхъ русскихъ нравовъ. С.-Пб. 1887. (Рец. Новое Время 1888 г., № 4294). Она же издала въ Парижѣ подъ псевдонимомъ Fehli-Ahda книжку: „Feuilles de journal“. S. Paris. Sixième édition.

Анненскій Г. „Злоключенія нѣжнаго сердца“. Отрывокъ изъ признаній бѣднаго человѣка (Сѣверное Обзорѣніе, 1849, т. I, Смѣсь).

Анольская Вѣра.— „Два дара“, стих. (Сынъ Отечества 1842 г., т. 8). — „Волна“, стих. (ibid.). — „Въ память юноши-поэта“, стих. (Маякъ 1842 г., т. 2) (Словарь кн. Н. Н. Голицына).

Антонелли Эмилія.— „Воспитаны ли мы?“ (Сѣверная Пчела 1863 г., № 194). (Словарь кн. Н. Н. Голицына).

Антонова Татьяна.— „Ирландскія пѣсни“—пер. съ франц. (Дамскій журналъ 1823 г., ч. 3, № 18).

Апухтинъ А.— „Русскія пѣсни“, стих. (Библ. для чтенія 1862 г., январь).

Ансель Н.— „Привлеченіе въ Полюстровѣ“. Оригинальная шутка-водевиль въ 1 д. (Рец. въ Репертуарѣ и Пантеонѣ 1847 г., т. V).

Анцъ Илья.— „Правосудіе Божіе“. (Современникъ 1841 г., т. 23).— „Богатая старушка и родственники ея“. Ком. въ 2 д. (Рец. Репертуаръ и Пантеонъ, 1850, январь). „Спасенное знамя“. Русская быль въ 2-хъ картинахъ. (Рец. тамъ же, 1850, февраль).

Апека, псевдонимъ А. П. Кузьминой (Словарь кн. Н. Н. Голицына).

Аптекарскій М.— „Маша, повѣсть“ (Библ. для чтенія 1864 г., августъ).

Ардашевъ Василій.— Обзорѣніе Вологодскихъ губернскихъ Вѣдомостей съ основанія ихъ въ 1838 г. (Библ. для чтенія 1854 г., июль, смѣсь).

Арнольдъ, Елизавета.— „Ночь“, стих. (Дамскій журналъ 1829 г., ч. 25, № 1).

Аскольдовъ.—„Валеро“. Драматическая фантазія въ 7 сценахъ (стихами), 1844 г. (Сѣверное Обзорѣніе 1849 г., т. 2).

Ахлебишина Марія Николаевна, сотрудница „Моднаго Магазина“, изд. С. Г. Мей (Словарь кн. Голицына).

Здѣсь вкратчѣ сдѣлаемъ поправку и дополненіе, относящееся къ одному изъ будущихъ томовъ разбираемаго Словаря. Привода цитату изъ Исторіи всеобщей литературы І. Шерра о русскихъ народныхъ поэтахъ Алипановѣ и Ульяновѣ, г. Венгеровъ откровенно сознается, что счелъ это „однимъ изъ курьезовъ, столь обильно уснащающихъ все, что пишется иностранцами о Россіи. Какіе-то Алипановъ и Ульяновъ, имена которыхъ мы слышимъ въ первый разъ, выше Веневитинова и Хомякова! Какъ тутъ было не подумать, что даже самыя имена-то этихъ мнимыхъ сверстниковъ Кольцова сочинены. На половину наши сомнѣнія и оправдались: поэтъ Ульянова никогда не существовало, а удалось намъ только разыскать въ потныхъ каталогахъ фамилію композитора Ульянова, сочинявшаго романсы. Но „народный“ поэтъ Алипановъ дѣйствительно былъ когда-то“ (стр. 422). Хотя большой потери для Словаря не произошло бы, еслибы выбросить изъ него не только Ульянова и Алипанова, но и другихъ, подобныхъ имъ писателей, но нельзя отрицать столь категорически самого существованія Ульянова: такой поэтъ, авторъ нелѣпѣйшихъ стихотвореній, басенъ и повѣстей, жилъ на свѣтѣ, и сочиненія его были изданы въ Петербургѣ въ 1856 г., въ двухъ частяхъ. Тѣмъ болѣе не слѣдуетъ долго останавливаться на подобныхъ писателяхъ, произведенія которыхъ самъ составитель Словаря считаетъ „совершенно невозможнымъ литературнымъ соромъ“ (стр. 422). Между тѣмъ г. Венгеровъ отводитъ Алипанову цѣлыхъ шесть страницъ своего труда и приводитъ много выписокъ совершенно нелѣпныхъ стихотвореній. Еще болѣе кажется страннымъ посвящать нѣсколько страницъ (518—521) нѣкому Анаевскому, котораго г. Венгеровъ называетъ и совершенно вѣрно „полоумнымъ мальчикомъ“. Вообще Словарь много выигралъ бы, еслибы въ немъ сократить кое-что: излишнія разглагольствія самого составителя и нѣкоторыя черезъ-чуръ обильныя выдержки изъ произведеній разныхъ авторовъ: напримѣръ, въ статкѣ объ Алмазовѣ слишкомъ много стиховъ, страницъ пять мелкаго шрифта въ два столбца. Нерѣдко перепечатываются цѣликомъ литературныя произведенія; напримѣръ, Описаніе путешествія дьяка Александра въ Царьградъ (стр. 367—368), грамота патриарха Адріана о бородѣ (стр. 131—134).

Словарь г. Венгерова „критико-біографическій“, то-есть, дающій не только голые факты о писателяхъ, но и критическую оцѣнку ихъ дѣятельности. Конечно, литературная критика имѣетъ очень мало основныхъ началъ, съ которыми всѣ были бы согласны. И съ оцѣнкою г. Венгерова, можно, пожалуй, соглашаться, но можно и не соглашаться; однако худо то, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ имъ нарушаются основныя правила всякой критики. Для примѣра укажемъ на статью объ Е. В. Аладинѣ. Достоверныхъ свѣдѣній объ этомъ литераторѣ, какъ заявляетъ самъ же г. Венгерова, почти никакихъ нѣтъ. Известно только, что онъ умеръ въ Петербургѣ 14-го августа 1860 года. Тѣмъ не менѣе г. Венгерова рисуетъ такой портретъ: „самъ по себѣ будучи мало симпатичнымъ и совсѣмъ незамѣчательнымъ человѣкомъ, умѣлъ, однако, подлаживаться къ современнымъ литераторамъ и славился искусствомъ выпрашивать у нихъ статьи, повѣсти и стихотворенія для своего сборника... ловкій издатель „Невскаго Альманаха“ нашелъ пути и къ расположенію великаго поэта“ (стр. 346—347). Быть можетъ, эта характеристика Аладина и вѣрна, но спрашивается: на чемъ она основана? Оказывается, на воспоминаніяхъ Бурнашева, неоднократно уличеннаго во лжи. Намъ кажется, слѣдовало бы быть осторожнѣе въ этихъ случаяхъ или, по крайней мѣрѣ, оговориться, что отзывъ заимствованъ изъ весьма сомнительнаго источника.

Говоря о Словарѣ, какъ справочной книгѣ, мы не можемъ обойти вопроса объ удобствѣ пользованія имъ. Въ этомъ отношеніи трудъ г. Венгерова оставляетъ желать многого. Свѣдѣнія объ одномъ лицѣ находятся въ разныхъ мѣстахъ, и самъ издатель совѣтуетъ обращаться при справкахъ не только къ вышедшему тому и къ дополненіямъ его, но и къ тѣмъ дополненіямъ, которыя будутъ прилагаться къ дальнѣйшимъ томамъ. При большомъ числѣ выпусковъ это, пожалуй, и затруднительно.

Нѣкоторыя несовершенства Словаря, на которыя мы выше указали, не могутъ однако вредить его достоинствамъ. Во всякомъ случаѣ, трудъ, предпринятый г. Венгеровымъ, заслуживаетъ уваженія: въ вышедшемъ томѣ онъ далъ столько матеріала, отчасти совсѣмъ новаго, интереснаго и важнаго, что уже однимъ этимъ приобрѣлъ право на вниманіе. Надо только желать, чтобы этотъ обширный и полезный трудъ былъ доведенъ до конца.

А. КС.

Великіе и удѣльные князья Сѣверной Россіи въ татарской періодъ съ 1238 по 1505 г. Біографическіе очерки по первоисточникамъ и главнѣйшимъ пособиямъ. А. В. Экземплярскаго. Т. I. Великіе князья Владимірскіе и Владиміро-Московскіе. Изданіе гр. И. И. Толстого. С.-Пб. 1889.

Недостаточное число справочныхъ книгъ и даже полное отсутствіе нѣкоторыхъ, въ особенности необходимыхъ въ научныхъ занятіяхъ исторіей, давно уже чувствуется и нерѣдко служило предметомъ сѣтованій, но тѣмъ не менѣе число такихъ книгъ увеличивается чрезвычайно медленно. Можно было бы написать цѣлый рядъ desiderata въ родѣ извѣстной книги П. А. Муханова: „Что нужно для русской исторіи“ и столь же извѣстной статьи проф. Брикнера, послужившей предметомъ обсуждения на третьемъ археологическомъ съѣздѣ; но въ настоящемъ случаѣ ограничимся заявленіемъ, что одинъ изъ такихъ пробѣловъ пополняется книгою, по случаю которой высказано все вышеписанное. Полный словарь князей существуетъ у насъ только въ томѣ VI-мъ „Исслѣдованій, лекцій и замѣчаній“ Погодина и доведенъ до татарскаго нашествія; изъ предпринятаго покойнымъ М. Д. Хмыровымъ „Алфавитно-справочнаго перечня“ вышла только одна часть: „Перечень государей и замѣчательныхъ особъ ихъ крови“, а изъ второй части, долженствовавшей заключать въ себѣ удѣльныхъ князей, вышла только первая половина. Къ тому же трудъ М. Д. Хмырова рѣдко указываетъ источники и далеко не всегда критиченъ (такъ какъ ссылается на „Зерцало“ Мальгина). Вотъ почему желателенъ былъ новый трудъ въ этомъ родѣ. Его предпринялъ А. В. Экземплярскій, уже зарекомендовавшій себя брошюрами объ Углицкихъ и Ярославскихъ князьяхъ. Вышедшій первый томъ заключаетъ въ себѣ біографіи великихъ князей Владимірскихъ и Владиміро-Московскихъ, по терминологіи автора (то-есть, потомковъ Ивана Калиты до Іоанна III). Въ видѣ приложенія авторъ прибавилъ свѣдѣнія о тѣхъ сыновьяхъ великихъ князей, которые не имѣли удѣловъ, и хронологическій перечень событій исторіи Новгорода и Пскова. Книга снабжена полнымъ указателемъ и генеалогическою таблицей. Полнота свѣдѣній и критическая провѣрка данныхъ—въ книгахъ такого рода первое достоинство. Въ этомъ отношеніи трудъ А. В. Экземплярскаго производитъ чрезвычайно пріятное впечатлѣніе: авторъ основательно изучилъ лѣтописи, познакомился съ наиболѣе распространенными пособиями и вездѣ видны слѣды критической провѣрки; такъ что на книгу его можно безопасно положиться,

или по крайней мѣрѣ въ случаяхъ сомнѣнія всегда возможна по-
вѣрка. Обиліе примѣчаній—въ такомъ трудѣ большое достоинство.
Изъ пособій авторъ не пользовался „Исторіей Россіи“ Иловайскаго
и, по моему мнѣнію, слишкомъ много пользовался „Повѣствованіемъ
о Россіи“ Арцыбашева. Нельзя не пожалѣть также, что въ виду
справочности онъ не счелъ нужнымъ приводить интересныя новыя
ислѣдованія; напримѣръ, ислѣдованіе А. И. Никитскаго о Новго-
родской церкви заставляетъ задуматься при принятіи извѣстій Іакина
о прежнемъ Новгородѣ, и Татищева о событіяхъ въ Новгородѣ 1480
года. Слѣдовало бы также не забывать ислѣдованій Ѳ. И. Успен-
скимъ о бракѣ Софіи Ѳомины или Г. В. Форстена: „Борьба изъ-
за господства на Балтійскомъ морѣ“, гдѣ найдутся подробности о сноше-
ніяхъ съ Даніей. Изъ первоисточниковъ не встрѣчаемъ указаній на из-
данія Русскимъ Историческимъ Обществомъ дѣла крымскія и поль-
скія, на „Памятники дипломатическихъ сношеній“. Лѣтописями авторъ
пользуется по „Полному собранію русскихъ лѣтописей“, когда мы уже
имѣемъ четыре тома новаго изданія; иногда авторъ затрудняетъ чи-
тателя, называя одинъ и тотъ же источникъ разными именами; такъ въ
пр. 602 онъ говоритъ о лѣтописи попа Іоанна, да вѣдь это Новгород-
ская лѣтопись, которую онъ всегда и цитуетъ подъ этимъ загла-
віемъ. Также въ пр. 356 (единственная ссылка на Арцыбашева) приво-
дится лѣтопись, содержащая Россійскую исторію отъ (6714—1206 до
7042—1536); а въ другихъ случаяхъ та же лѣтопись называется Типо-
графскою (продолженіе Несторовой лѣтописи). За то Мальгина онъ могъ
бы совсѣмъ оставить въ повоѣ: кто нынѣ станетъ справляться съ Маль-
гинимъ? Впрочемъ это сдѣлано было, вѣроятно, въ виду М. Д. Хмырова,
который имъ пользовался, и едва ли не онъ ввелъ въ заблужденіе и пишу-
щаго эти строки, сообщившаго въ „Энциклопедическомъ Словорѣ“
невѣрное извѣстіе о женѣ Андрея Ярославича (см. въ разбираемой
книгѣ, пр. 70). Признавая ошибку, указанную почтеннымъ авторомъ, не
могу согласиться съ нимъ въ опроверженіи моего мнѣнія о томъ,
что Ярославъ не платилъ дань Кіеву по желанію новгородцевъ.
Авторъ находитъ (пр. 574), что въ такомъ случаѣ Ярославу нечего
было обращаться къ варягамъ; но онъ искалъ въ нихъ помощи,
какъ искалъ Володиміръ противъ Ярополка, и самъ Ярославъ впо-
слѣдствіи противъ Мстислава Тмутараканскаго. Не понимаю также, по-
чему авторъ къ моему замѣчанію, что Иванъ Калита назвался вели-
кимъ княземъ вся Руси въ подражаніе митрополиту, счелъ нужнымъ
прибавить: „но можетъ быть, это было и сознательнымъ стремленіемъ“

емъ“, какъ будто одно противорѣчить другому: титулъ заимствованъ по сознательному стремленію; лучше было бы прибавить, что впервые такой титулъ принялъ Михаилъ Ярославичъ (см. статью М. А. Дьяконова въ Библиографѣ 1888 г.) Кстати, почему авторъ раздѣленіе Москвы (то-есть, доходовъ) на трети считаетъ особенностью московской политики объединенія (стр. 81)? Трети, сколько помню, были и въ Твери, и въ Рязани.

Недосмотровъ встрѣчается довольно мало, и нѣкоторые изъ нихъ оговорены; но остались и не оговоренные: на стр. 105 вмѣсто Константина надо читать Дмитрій; совершенно бесполезно при объясненіи названія Вельядь Феллиномъ (стр. 238) стойтъ вопросительный знакъ. Давно уже признано тожество этихъ двухъ названій; на стр. 355 подъ 1341 г. читаемъ: „зимой Михаилъ Ярославичъ пріѣхалъ изъ Твери въ Новгородъ и привезъ сына учиться грамотѣ“. Молодой князь, который учился грамотѣ у архіепископа, былъ знаменитый Михаилъ Александровичъ, а Михаилъ Ярославичъ, какъ авторъ и показываетъ, убитъ еще въ 1318 г. (стр. 58). Прибавлю еще, что было бы желательно въ біографіи великаго князя Василя Васильевича видѣть указаніе на дѣло Исидора, а въ хронологіи новгородской исторіи весьма не лишнее было бы вставить хотя договоры съ князьями. Кстати о Новгородѣ легендарное предисловіе слишкомъ длинное; можно было бы (если это нужно) указать на эти легенды въ примѣчаніи, но не слѣдовало бы забывать извѣстія, что Святославъ княжилъ въ Новгородѣ. Прибавлю еще, что авторъ относитъ къ слишкомъ ранней эпохѣ значеніе посадниковъ, которые до Всеволода Мстиславича были княжескими намѣстниками, какъ Борисъ, присланный Мономахомъ изъ Кіева. Не думаю, чтобы Довмонтова стѣна была первымъ укрѣпленіемъ Пскова (стр. 390), хотя авторъ показываетъ согласно съ мнѣніемъ мѣстныхъ археологовъ. Вездѣ соборъ каедральный въ дѣтинцѣ, а св. Троицы за Довмонтовою стѣной. Едва ли то, чтѣ мы видимъ теперь, остатокъ, а не полное укрѣпленіе.

Вообще желаю скорѣе видѣть продолженіе полезнаго и тщательнаго труда А. В. Экземплярскаго, во второмъ томѣ котораго должны появиться біографіи удѣльныхъ князей сѣверной Руси и великихъ князей Тверскихъ, Рязанскихъ и Суздальско-Новгородскихъ; тамъ, вѣроятно, узнаемъ почему авторъ, отвергая мнѣніе Соловьева и заявленія царя Василя Ивановича Шуйскаго, производитъ послѣднихъ отъ Андрея Ярославича.

К. Бестужевъ-Рюминъ.

Dvě povědky v české literatuře XV století. Podává D-r Jiří Polívka. V Praze. 1889.

Г. Поливка издалъ, съ прекраснымъ историко-сравнительнымъ предисловіемъ, два старочешскіе разказа: одинъ о Гризельдѣ по рукописи Пражскаго музея, другой—о невѣрной женѣ по рукописи Крыжовницкаго монастыря, въ которой она слѣдуетъ за новеллой о Гризельдѣ. Та же послѣдовательность наблюдается въ латинскомъ сборникѣ императорской Вѣнскаго библиотеки, написанномъ въ 1459—1460 годахъ: и здѣсь „*Historia infidelis mulieris*“, тождественная по содержанію съ упомянутою чешскою, слѣдуетъ за текстомъ Гризельды въ извѣстной обработкѣ Петрарки. Исторія о невѣрной женѣ напечатана г. Поливкой въ латинской и чешской редакціяхъ.

Чешская повѣсть о Гризельдѣ, являющаяся переводомъ Петраркова переложенія, не вызвала особнхъ комментаріевъ. Автору извѣстна вся новѣйшая литература этого сюжета, но нѣкоторые вызываемые имъ вопросы остаются по прежнему открытыми. Въ какихъ отношеніяхъ находится новелла о Гризельдѣ и ея литературныя отраженія къ народнымъ сказкамъ того же содержанія, извѣстнымъ въ Тиролю, Дани, Исландіи и на Руси? Новелла ли перешла въ сказку, или сходство объясняется тѣмъ, что первая коренится въ сказочномъ сюжетѣ? (сл. стр. 16). Относительно Боккаччіо авторъ выражаетъ (стр. 10) мнѣніе, что сюжетъ его Гризельды заимствованъ имъ изъ устной италіанской традиціи; несомнѣнно во всякомъ случаѣ, что не изъ *Lai de le freisne*. Кстати: Боккаччіо не учился въ Парижѣ (стр. 10), а предположеніе, что почтенный клерикъ, отъ котораго Чосеръ слышалъ въ Падуѣ новеллу о Гризельдѣ, былъ самъ Петрарка, принадлежитъ пока къ догадкамъ (стр. 11).

Вопросъ, поставленный для новеллы Боккаччіо, повторяется и для русской сказки того же содержанія. Нѣсколько новеллъ Декамерона было переведено на русскій языкъ въ XVIII вѣкѣ, Гризельда лишь въ началѣ нашего столѣтія, говоритъ авторъ (стр. 16) съ ссылкой на г. Ровинскаго и съ сомнѣніемъ, чтобы въ короткое время, протекшее со времени перевода новеллы о Гризельдѣ, она могла настолько распространиться и усвоиться въ народѣ, что стала сказкой. Сомнѣнія эти раздѣляемъ и мы, хотя въ сущности ничто не заставляетъ насъ привязывать сказку къ извѣстному намъ переводу, и ничто не мѣшаетъ предположить существованіе болѣе древняго.

Я останавлиюсь дольше на *Historia infidelis mulleris* и на соотвѣт-

ствующей ей чешской повѣсти: *O Brizeldě teč zlá o zlé*. Сюжетъ принадлежитъ къ извѣстнымъ по былинѣ объ Иванѣ Гоудиновичѣ, по второй части польскаго сказанія о Валгержѣ Удаломѣ и ихъ восточнымъ и южно-славянскимъ параллелямъ; въ болѣе широкомъ смыслѣ, но и въ нѣкоторыхъ частностяхъ, онъ соприкасается съ мотивами повѣсти объ увозѣ Соломоновой жены. Къ тому и другому сюжету я позволю себѣ указать на мои замѣтки въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, ч. ССL, отд. 2, стр. 299—300, и ч. ССLXIII, отд. 2, стр. 35—38.

Сообщаемъ содержаніе чешско-латинской повѣсти по пересказу издателя (стр. 26—27).

Въ франкскихъ областяхъ жилъ рыцарь по имени Рудольфъ de Schlüsselberg, ze Sluseverku. Жена родила ему сына и дочь; когда впоследствии ее постигла проказа, пріатели мужа пристають къ нему, чтобъ онъ разстался съ своею женою, но онъ отвергаетъ ихъ просьбы и, продавъ свое имущество, отправляется съ женою и дѣтьми на чужбину. Въ то время вспыхнула война между королемъ Португальскимъ и двумя языческими королями; по долгому колебанію военнаго счастья первый палъ, и язычники осадили главный городъ Португаліи, Декаполисъ, въ которомъ осталась овдовѣвшая королева. Оказывается, что и Рудольфъ съ семьей очутился, не извѣстно какимъ путемъ, въ томъ же городѣ. При его помощи и его храбростью непріятель стѣсненъ, въ назначенномъ поединкѣ Рудольфъ убиваетъ противника; непріатели принуждены очистить страну, и настаетъ миръ и покой. Отъ своего хозяина, у котораго Рудольфъ остановился съ семьей, онъ узнаетъ, что въ сосѣднемъ лѣсу есть источникъ, обладающій чудесною, цѣлительною силой, но непрístupный, ибо его сторожитъ несмѣтное число гадовъ и змѣй. Не смотря на отговоры друзей, Рудольфъ идетъ къ нему съ женою и дѣтьми, убиваетъ гадовъ и змѣй, заступавшихъ ему путь, и счастливо добирается до источника; искупавшись въ немъ, жена исцѣлилась отъ своего недуга, и къ ней вернулась ея прежняя краса.

Здѣсь начинается, собственно, повѣсть о невѣрной женѣ. Хозяинъ Рудольфа соблазняетъ ее разказомъ о королѣ-язычникѣ, рѣшившемся жениться лишь на женщинѣ равной ему по красотѣ; она была бы ему супругой и всегда жила бы въ богатствѣ и довольствѣ. Жена Рудольфа поддастся на эти уговоры и тайно отъ мужа бѣжитъ за море къ тому королю, захвативъ съ собою и дѣтей. Авторъ негодуетъ на ея неблагодарность: *Sed o deceptiva consortis dissolute fal-*

lacia! dic impia mulier et lungevis hominum sub perpetui labe vituperij obtrectanda! quid amplius tibi facere debuit aut potuit fidelissimus canthoralis, qui dum te lepre squalore fedatam a suo sequestrare potuit consortio, non solum a te separari noluit, verum etiam nobiles parentes suos adversum ipsum ob tui adhesionum iustissime insultantes tanquam extraneos renuit et comtemptis... castra, possessiones et boves precio vendidit et ad exteras se tecum contulit naciones, prepones natalis solij dulcedini provincias alirnas. Nonne tui ob emundationem (se) infinitis se submitit periculis, dum adversus tot bestias venenosas congressu tam valido decertaret? (стр. 82).

Обманутый мужъ идетъ искать жену, одѣтый купцомъ; добрался до мѣста, гдѣ она жила, и раскладываетъ свой драгоценный товаръ передъ храмомъ, куда обыкновенно ходилъ король съ его женой и дѣтьми. Дѣти признали его, а жена выдаетъ его королю, какъ убійцу его брата, и такъ какъ ей предоставлено назначить мужу наказаніе, велитъ привязать его надъ горячими угольями къ столбу въ опочивальнѣ, гдѣ она сама покоится съ королевемъ и своими дѣтьми. Когда король и жена уснули, мальчикъ, сжалившійся надъ отцомъ, ищетъ подъ подушкой ножа, чтобы разрубить его узы; сестра пытается помѣшать ему; когда и она заснула, мальчикъ освобождаетъ отца. Рудольфъ однимъ ударомъ меча сноситъ голову королю, женѣ и дочери и бѣжитъ съ сыномъ, не замѣченный стражей; черезъ нѣкоторое время его хватились, послали за нимъ погоню, но онъ храбро отбился отъ нея и вмѣстѣ съ сыномъ переправился на корабль въ Португалію.

Г. Поливка обстоятельно разобралъ (стр. 29 слѣд.) извѣстныя ему параллели по отношенію, какъ къ цѣлому составу разказа, такъ и къ частнымъ его мотивамъ. Мы совершенно согласны съ его опредѣленіемъ, что ваша повѣсть—неудачная компиляція (стр. 44), *mixtum compositum* (стр. 28); мы не согласны только съ нимъ въ опредѣленіи ея составныхъ частей. Авторъ видитъ въ нихъ „различныя повѣсти“; я попытаюсь выставить предположеніе, что мы имѣемъ дѣло съ сводомъ двухъ версій одного и того же разказа. Точкой отправленія для меня послужитъ странная постановка эпизода о „хозяинѣ“ Рудольфа. У него останавливается рыцарь, побѣдоносно отражающій враговъ, осадившихъ городъ; онъ же указываетъ Рудольфу на чудотворный источникъ, а затѣмъ склоняетъ къ невѣрности его красавицу-жену въ интересахъ короля язычника. Во семь этомъ есть внутреннее противорѣчіе, которое можно объяснить

недосказанностью, недостаточной мотивировкою положенія, либо приемами компилятора. Мы поняли бы дѣло, еслибы самъ хозяинъ увлекся женой своего гостя, явившеюся передъ нимъ въ обновленной красѣ; при такомъ планѣ борьба съ невѣрными и роль короля язычника были бы лишними. Онѣ понятны въ той формулѣ „невѣрной жены“, какая представляется нѣмецкою поэмой о Соломонѣ и Морельфѣ: король Фаро идетъ на Иерусалимъ, побѣжденъ въ битвѣ подъ его стѣнами и взятъ въ плѣнъ; Соломонъ держитъ его въ оковахъ, поручивъ попеченіе о немъ женѣ; между тѣмъ плѣнникъ успѣлъ внушить ей любовь къ себѣ, она выпускаетъ его на свободу, а черезъ нѣкоторое время *spilman*, подсланный королемъ, хитростью похищаетъ царицу. Въ польскомъ преданіи о Валгержѣ Удаломъ нѣтъ войны и плѣнъ будущаго похитителя мотивированъ иначе, но положеніе въ сущности то же: Вислимиръ, опекунъ Валгержа, посаженъ имъ въ башню за его вымогательства; въ отсутствіе Валгержа, его жена скучаетъ и по уговору служанки рѣшаетъ: выпускать на ночь красиваго узника—на шутки, а днемъ снова сажать его въ тюрьму, чтобы никто того не замѣтилъ. Влюбившись въ Вислимира, она бѣжитъ съ нимъ.

Компиляторъ могъ имѣть въ виду разказъ того же содержанія: война съ непріятельскимъ королемъ, попадающимъ въ плѣнъ и уважающимъ жену своего противника.

Но существуетъ въ народныхъ сказаніяхъ и другая формула невѣрной жены, гдѣ къ мотиву невѣрности присоединялось еще и обличеніе въ неблагодарности. Въ былинѣ о Потокѣ и въ соответствующихъ народныхъ сказкахъ (сициліанской, абруцкихъ, каталонской, бретонской, лорренской, нѣмецкой и аннамской) мужъ оживляетъ умершую жену; а она измѣняетъ ему для другаго. Легко представить себѣ существованіе варианта, въ которомъ вмѣсто момента оживленія являлось исцѣленіе, достигнутое путемъ борьбы и опасности: рыцарь покидалъ свою родину, увозя проваженную жену и ради нея, узнавалъ гдѣ-нибудь на стоянкѣ о чудесномъ источникѣ, добирался до него самого, а исцѣленная жена отдавалась гостиннику. Компиляторъ могъ знать такую или подобную легенду о „неблагодарной женѣ“ (напомнимъ его нападки именно на ея неблагодарность) и внѣшнимъ образомъ связалъ ее съ аналогическою повѣстью типа Морольфа: съ формулой „плѣнника“. Черта соединенія осталась въ неловой мотивировкѣ эпизода о „хозяинѣ“.

Перейду отъ моей гипотезы къ нѣкоторымъ гипотезамъ г. Поливки.

Латинскій сборникъ вѣнскаго библіотеки, содержащій въ себѣ Гризельду и *Historia infidelis mulieris*, принадлежалъ прежде, судя по записи, одному монастырю близъ Верна въ Морави (*iste liber domus sancte trinitatis prope Brunnam ordinis Carthusiensis in Kunigsfel.* Сл. стр. 25); съ другой стороны—компиляторъ повѣсти о невѣрной женѣ имѣлъ подъ руками разказъ въродѣ польскаго преданія о Валгержѣ Удаломѣ, неизвѣстнаго на западѣ (стр. 39), если не брать въ разчетъ легенды нѣмецкихъ *Gesta Romanorum* о цесарѣ Гордіанѣ, представляющей, впрочемъ, нѣкоторыя отличія (стр. 46). Если компилятору стала извѣстна польская повѣсть, то вѣроятно, потому, что онъ жилъ въ сосѣдствѣ съ Польшей; какое это сосѣдство—на это указываетъ запись вѣнскаго сборника: *Historia infidelis mulieris* составлена была на чешско-моравской почвѣ (стр. 39, 26), въ pendant къ Гризельдѣ, какъ бы въ противовѣсъ ей: Гризельда—вѣрная жена, ея мужъ ея недостоинъ; на оборотъ, мужъ *Historia*'и блещетъ нравственными качествами въ сравненіи съ своею невѣрною женою (стр. 28); чешскій переводчикъ усилилъ этотъ параллелизмъ, назвавъ ее *Bryzelidys*, именемъ, созвучнымъ съ Гризельдой; изслѣдователь замѣчаетъ (стр. 27) по этому поводу, что въ изданіяхъ (а можетъ быть, и въ рукописяхъ) Петрарки и въ позднѣйшихъ нѣмецкихъ переводахъ повѣсти о Гризельдѣ ея имя читается *Briselidus*.

Я не вхожу въ разборъ этихъ положеній, вѣроятность которыхъ усилилась бы, на мой взглядъ, еслибъ исторія чешской латыни, средневѣковой и начинающагося возрожденія подтвердила разборомъ стиль „исторій“, ея принадлежность именно чешской области. Ограничусь однимъ замѣчаніемъ: авторъ предполагаетъ вѣнскій списокъ *Historia*'и оригиналомъ чешскаго переводчика; на самомъ дѣлѣ сходство оказывается далеко не дословнымъ: начиная съ 4-й главы чешскій текстъ излагаетъ кратче, иное опускаетъ, 10-я глава въ немъ лишняя противъ латинскаго подлинника и т. д. (стр. 27—28). Изслѣдователь объясняетъ эти разногласія тѣмъ, что крыжовницкій текстъ не прямо переводъ съ латинскаго, то-есть, вѣнскаго, а списокъ съ какого-нибудь утраченнаго, либо еще неизвѣстнаго намъ перевода, при чемъ, очевидно, предполагается, что и этотъ предполагаемый переводъ сдѣланъ былъ съ вѣнскаго оригинала. Но въ такому предположенію ничто не обязываетъ, потому что столь же легко представить себѣ существованіе другаго латинскаго сборника, съ Гризельдой и „исторіей“, въ которой уже предвосхищены были отличія чешскаго пересказа и стояло имя *Bryzelidys*, неизвѣстное вѣнскому списку. Очень

можетъ быть, что это лишь случайное или сознательное искаженіе Гривельды; я подозрѣваю въ немъ Бриенду извѣстнаго романа о троянскихъ дѣяніяхъ Benoit de Saint More: типъ женской вѣтряности и измѣнчивости, созданный французскимъ труверомъ и ставшій традиціоннымъ въ средневѣковой литературѣ. Она любитъ Трояна и быстро, незамѣтно для себя, переходитъ въ объятія Діомеда. Боккаччіо, въ своемъ Филостратѣ, измѣнилъ ея имя въ Гривельду; латинскій пересказъ романа Бенуа, сдѣланный въ XIII вѣкѣ Гвидономъ де Колумна, былъ переведенъ въ 1411 году на чешскій языкъ; это первая печатная чешская книга (въ Пильзенѣ 1468 г.). Если наша *Bryzelidys* взята отсюда—а имя идетъ къ типу вѣтряной, невѣрной жены,—то объ авторѣ исторіи трудно будетъ повторить, за изслѣдователемъ (стр. 45), что онъ и жилъ гдѣ-нибудь въ захолустьи, вдали отъ литературнаго движенія; тѣмъ труднѣе, что авторъ, какъ предполагается, имѣлъ въ виду, компилируя свою повѣсть, и новеллу Боккаччіо, и имя ея героини.

Александръ Веселовскій.

И. И. Неплюевъ и Оренбургскій край въ прижизнемъ его составѣ до 1758 г. Историческая монографія *В. Н. Витовскаго*. Выпуски 1-й и 2-й. Казань. 1889—1890.

Биографія русскаго государственнаго дѣятеля, о которомъ нашъ великій преобразователь выразился: „въ этомъ маломъ путь будетъ“, безъ сомнѣнія, представляетъ достойный предметъ для историческаго изслѣдованія, и потому мы не удивляемся, что авторъ разбираемаго сочиненія, еще въ 1873—1875 годахъ составившій небольшой историческій очеркъ подъ заглавіемъ „Неплюевъ и Оренбургъ“, помѣщенный въ Уральскихъ войсковыхъ вѣдомостяхъ, продолжаетъ по настоящее время изучать все относящееся до извѣстнаго основателя города Оренбурга, и что онъ подарилъ публикѣ очень интересную книгу, въ которой сгруппировалъ множество свѣдѣній, относящихся до И. И. Неплюева, а также до обширнаго Оренбургскаго края. Должно однако сказать, что такая двойственность предмета изслѣдованія естественно привела къ тому, что одна часть книги приобрѣла видимый перевѣсъ надъ другою. Случилось то, что неизбежно должно было случиться: многосторонняя дѣятельность Неплюева, какъ администратора, поглотила совсѣмъ Неплюева, какъ чловека; администраторъ же въ свою очередь былъ поглощенъ тѣмъ обширною частью ослуху, отд. 2.

нымъ краемъ, которымъ онъ управлялъ. Всякій, прочтя любопытную книгу г. Витевскаго, признаетъ вмѣстѣ съ нами, что о самомъ Неплюевѣ, какъ человѣкѣ, говорится въ ней весьма немного, такъ что при извѣстномъ переименованіи главъ можно было бы эту книгу озаглавить болѣе правильно: „Оренбургскій край въ прежнемъ его составѣ до 1758 года“. Авторъ могъ бы, пожалуй, сказать намъ, что онъ не обладалъ необходимыми матеріалами для изображенія И. И. Неплюева какъ человѣка. Но съ этимъ можно согласиться только до нѣкоторой степени, между прочимъ и потому, что существуетъ хотя не очень подробная, но все-таки весьма интересная автобіографія этого замѣчательнаго дѣятеля. Г. Витевскій, разумѣется, пользовался ею, но, впервыхъ, недостаточно критически, а вовторыхъ, мало обратилъ вниманія на выражающіяся въ ней воззрѣнія Неплюева. Правда, онъ старается изображать Неплюева вообще очень симпатичными чертами; но это не устраняетъ вопроса о нравственной оцѣнкѣ нѣкоторыхъ его поступковъ, о которыхъ можно судить иногда нѣсколько иначе, чѣмъ судить о нихъ г. Витевскій.

Мы не будемъ пересказывать вслѣдъ за авторомъ жизнь Неплюева, на сколько она описана въ двухъ вышедшихъ выпускахъ разбираемаго сочиненія; но остановимся на нѣкоторыхъ обстоятельствахъ этой жизни, и между прочимъ на такихъ, на которыя г. Витевскій смотритъ едва ли правильно.

Первыя три главы сочиненія г. Витевскаго повѣствуютъ о происхожденіи рода Неплюевыхъ, о дѣтствѣ и юности Ивана Ивановича, объ его заграничномъ ученіи и его дипломатической дѣятельности въ Турціи и на Немировскомъ конгрессѣ 1737 года. Съ IV-й главы начинается разказъ о тѣхъ событіяхъ, въ которыхъ принималъ участіе Неплюевъ по возвращеніи изъ заграничной службы.

Къ послѣднимъ годамъ царствованія императрицы Анны относятся тѣ кровавыя драмы, нравственными виновниками которыхъ были выслужившіеся иноземцы, а исполнителями явились русскіе родовитые люди, и въ числѣ ихъ Неплюевъ. Сперва, въ 1737 году, состоялся судъ надъ княземъ Дмитріемъ Михайловичемъ Голицынымъ, авторомъ кондицій верховниковъ 1730 г., судъ, въ составъ котораго назначенъ былъ и Неплюевъ. Роль Неплюева въ этомъ судѣ не извѣстна г. Витевскому, но онъ почему-то думаетъ, что его участіе было пассивное. По нашему мнѣнію, и такое участіе слишкомъ неестно, чтобы даже предполагать его. Въ послѣдовавшемъ затѣмъ дѣлѣ Волынскаго участіе Неплюева было иное. Онъ, какъ выражается г. Витевскій на

стр. 82, вѣроятно, не ожидалъ, что его заставятъ принять на себя роль сыщика и слѣдователя по этому дѣлу... Неплюевъ", говорить авторъ далѣе,— „въ этомъ дѣлѣ принадлежала болѣе полицейская и исполнительная роль, чѣмъ какое-либо рѣшающее значеніе въ судьбѣ Волынскаго, да и въ этомъ случаѣ Неплюевъ былъ какъ бы только помощникомъ такого лукаваго сыщика и ловкаго заплочнаго мастера, какимъ былъ главный начальникъ тайной канцеларіи розыскныхъ дѣлъ Андрей Ивановичъ Ушаковъ" (стр. 92). Все это однако очень мало свидѣтельствуешь въ пользу безупречнаго поведенія Неплюева въ этомъ дѣлѣ и, къ сожалѣнію, доказываетъ лишь то нравственное безразличіе, до котораго способенъ былъ пасть этотъ несомнѣнно умный человѣкъ при тогдашнихъ обстоятельствахъ. По видимому, Неплюевъ и самъ сознавалъ свою нечистую роль на этомъ судѣ, ибо онъ совершенно умалчиваетъ о немъ въ своихъ позже составленныхъ запискахъ; а это обстоятельство очень важно. Г. Витевскій опровергаетъ высказанное г. Карновичемъ мнѣніе, что казнь Волынскаго послужила основаніемъ богатству Неплюева, и что онъ пожилъ изъ имѣній Волынскаго (стр. 89). Но, по нашему мнѣнію, эта награда, зависѣвшая, очевидно, не отъ самого Неплюева, является только слѣдствіемъ его усердія, проявить которое онъ могъ, даже и при тогдашнихъ условіяхъ, въ большей или меньшей мѣрѣ. Мы думаемъ, что біографу Неплюева прежде всего слѣдовало опредѣлить съ точностію, въ чемъ состоялъ тотъ или другой образъ дѣйствій Неплюева въ этомъ прискорбномъ дѣлѣ, и чѣмъ онъ обусловливался. Это обрисовало бы личность человѣка; но этого-то и не сдѣлалъ г. Витевскій. Что въ дѣлѣ Волынскаго Неплюевъ велъ себя какъ человѣкъ партіи, „искавшій", по старинному выраженію, „своего счастья" и не стѣснявшійся ни нравственными принципами, ни національными симпатіями, всего лучше видно изъ того, въ какомъ положеніи оказался онъ по паденіи Остермана: какъ его приверженецъ, онъ былъ отрѣшенъ отъ всѣхъ должностей, лишень ордена св. Александра Невскаго и малороссійскихъ деревень, прежде ему пожалованныхъ, и содержался подъ арестомъ до окончанія слѣдствія надъ Остерманомъ. Однако, благодаря содѣйствію родственниковъ, ему удалось вскорѣ оправдаться, и онъ былъ назначенъ командиромъ Оренбургской экспедиціи. Упомянувъ объ этихъ обстоятельствахъ въ своей автобіографіи, Неплюевъ говоритъ, что онъ отправился въ Оренбургъ „съ покойнымъ, по невинности, духомъ". Замѣчаніе едва ли вполне искреннее; весьма вѣроятно, что, уѣзжая въ эту почетную ссылку, Неплюевъ вспоминалъ

слова, сказанныя ему Волынскимъ на одномъ изъ допросовъ: „Изъ паденія моего можно тебѣ разсуждать!“ И разсужденія эти должны были шевельнуть его совѣсть. Въ характерѣ Неплюева была немалая доля черствости честолюбца. Онъ принялъ назначеніе въ Оренбургъ, какъ счастливый выходъ изъ опаснаго положенія, въ какое былъ поставленъ при воцареніи Елисаветы своими прежними близкими отношеніями къ Остерману. Онъ не понималъ отчаянія своей молодой жены и въ своей автобіографіи довольно равнодушно говорить объ ея „уныніи“, изъ котораго онъ старался извлечь своими „совѣтами“.

Въ новой должности дѣлецъ Неплюевъ оказался на своемъ мѣстѣ: онъ долженъ былъ привести въ надлежащее устройство Башкирскій край, обезопасить границы, простиравшіяся болѣе чѣмъ на 1000 верстъ, обуздать грабительство степныхъ хищниковъ и распространить нашу торговлю съ Азією. И дѣйствительно, заслуги Неплюева по управленію Оренбургскимъ краемъ были весьма значительны: онъ оказался дѣятельнымъ и разумнымъ администраторомъ. Тѣмъ не менѣе, мнѣніе г. Витевскаго, будто бы „Неплюевъ былъ Петромъ Великимъ для Оренбургскаго края“ (стр. VIII), кажется намъ нѣсколько преувеличеннымъ; по крайней мѣрѣ въ вышедшихъ выпускахъ его сочиненія мы не находимъ полнаго подтвержденія такому уподобленію. Припомнимъ слова самого Неплюева, оплакивающего смерть Петра Великаго: „На что въ Россіи ни взгляни, все его началомъ имѣетъ и что бы впредь ни дѣлалось, отъ сего источника черпать будутъ“, и спросимъ: можно ли эти слова при мѣнить къ самому Неплюеву въ отношеніи къ Оренбургскому краю? Конечно, нѣтъ. Дѣятельность Неплюева въ этомъ краѣ была очень почтенная; но она является только естественнымъ продолженіемъ дѣятельности его предшественниковъ — Кирилова и Татищева, и это вполне очевидно изъ сдѣланнаго самимъ г. Витевскимъ интереснаго очерка Оренбургскаго края до Кирилова, при немъ, а также при Татищевѣ и князѣ Урусовѣ.

Русская колонизація давно уже проникла въ обширныя пространства, заселенныя башкирами, и еще въ 1554 году среди ихъ построенъ былъ русскими городъ Бирскъ, затѣмъ Оса, Мензелинскъ и Уфа, а въ 1732 году положено было основаніе Закамской линіи. Захватъ земель русскими поселенцами вызывалъ ропотъ и неудовольствіе башкиръ; злоупотребленія мѣстной администраціи края раздували эту вражду до огромныхъ и отчаянныхъ возстаній башкиръ. Пер-

вое изъ нихъ случилось еще въ 1584 году; особенно же извѣстно возстаніе Сеитовское, въ 1664 году, продолжавшееся пять лѣтъ. Русское правительство убѣдилось, что для удержанія въ покорности башкиръ и для спокойствія русскихъ поселенцевъ необходимо содержать постоянную военную силу, не только на границѣ, но и внутри Оренбургскаго края. Первый обратилъ вниманіе на это Петръ Великій; но смерть помѣшала ему осуществить задуманный планъ. Кириловъ, развивая планъ Петра Великаго, доказывалъ необходимость устроить городъ на рѣкѣ Ори, чтобъ, овладѣвъ бухарскими землями, проложить дорогу для русскихъ товаровъ въ Бухару, Бадакшанъ, Балхъ и Индію. Кирилову даны были средства къ исполненію его плана. Но возстанія башкиръ, а затѣмъ болѣзнь Кирилова, много препятствовали осуществленію его замысловъ; тѣмъ не менѣе еще въ 1737 году въ Оренбургскомъ краѣ существовали, кромѣ города Самары и основаннаго Кириловымъ въ 1735 году Оренбурга, около 20 укрѣпленій, которыя должны были образовать новую Самарскую и Яицкую линію. Въ 1737 году Кириловъ умеръ, и мѣсто его занялъ извѣстный историкъ и начальникъ Екатеринбургскихъ заводовъ, Василій Никитичъ Татищевъ. Онъ продолжалъ дѣло Кирилова; усмиралъ постоянныя возстанія башкиръ, боролся съ злоупотребленіями администраціи, завелъ въ Самарѣ школу для калмыковъ и татаръ, перенесъ Оренбургъ на другое болѣе удобное мѣсто при Красной горѣ, а прежній Оренбургъ переименовалъ въ Орскую крѣпость; усилилъ новыми укрѣпленіями Яицкую линію (по Уралу). Преемникъ его князь Урусовъ получилъ приказаніе продолжать строить укрѣпленія отъ новаго Оренбурга по Яику вверхъ до Верхнеяицкой крѣпости и отъ нея по рѣкамъ Ію и Тоболу. Онъ же долженъ былъ принять въ подданство Россіи Среднюю Киргизскую орду, выразившую на то свое желаніе еще при Татищевѣ. Но башкиры бунтовали по прежнему; особенно сильно было возстаніе подъ начальствомъ Садтанъ-Гирея, по прозванію Каракасала. Эта отчаянная кровавая борьба обошлась дорого башкирамъ.

По свидѣтельству извѣстнаго Рычкова, въ періодъ времени съ 1735 по 1740 годъ сожжено 300 башкирскихъ деревень, казнено 7455 человекъ, отдано помѣщикамъ 2,882 чел. башкирскихъ женъ и дѣтей и т. д. Урусовъ предполагалъ построить нѣсколько крѣпостей по рѣкѣ Самарѣ, но не успѣлъ; онъ умеръ въ 1741 году; это досталось уже на долю его преемника—Неплюева, прибывшаго въ Самару въ 1742 году. Онъ также усмиряетъ возстанія башкиръ, преслѣдуетъ

злоупотребленія администраціи (особенно любопытно дѣло съ бывшимъ уфимскимъ вице-губернаторомъ Аксаковымъ), переноситъ городъ Оренбургъ еще разъ на другое (вынѣшнее) мѣсто, на 252 версты отъ Орска, на самый Уралъ, и также возводитъ цѣлыя линіи укрѣпленій, но только въ другихъ направленіяхъ, сообразно новымъ требованіямъ жизни. Необходимо замѣтить, что Неплюевъ вѣдалъ не только башкирами, киргизами и всею линіей внѣшнихъ и внутреннихъ крѣпостей въ край, а также провинціями Исетскою и Уфимскою, но скоро въ его же вѣдомство поступили ставропольскіе крещеные калмыки и Яицкое казачье войско.

Г. Витевскій говоритъ очень подробно въ нѣсколькихъ главахъ о Яицкомъ казачьемъ войскѣ, о его происхожденіи и внутреннемъ устройствѣ. Военная коллегія рано стремится преобразовать внутренній строй Яицкаго войска, а также внутреннее казацкое самоуправленіе. Отсюда постоянныя неудовольствія казаковъ, дорожившихъ своею независимостью, и жалобы ихъ на притѣсненія. Съ другой стороны, и здѣсь сосѣдніе кочевники (киргизы, калмыки и каракалпаки) переходили Яикъ, производили грабежи и угоняли скотъ у казаковъ, которые просили позволенія чинить военный промыселъ надъ воровскими калмыками. Еще Татищевъ для охраны казаковъ предлагалъ поселить по рѣкѣ Яику драгунскій полкъ. Неплюевъ предпочелъ возложить оборону края на самихъ же яицкихъ казаковъ, строго запретивъ обижать киргизъ съ калмыками. Кромѣ того, Неплюевъ построилъ нѣсколько линій военныхъ поселеній, крѣпостей и редутовъ; эти линіи, принявъ Оренбургъ за центры, шли: на сѣверъ—Сакмарская и Орская, на востокъ—Красногорская и Уйская, соединявшаяся съ Сибирскою линіею, на западъ—Самарская, и на югъ—Нижне-Яицкая, до самаго Каспійскаго моря. Для заселенія этихъ линій назначены были ландмилицкіе полки, оберегавшіе прежде Закамскую линію; но ихъ было мало. Это указывало на необходимость создать такую военную силу, которая могла бы быть волворена на постоянное жительство въ полинейныхъ крѣпостяхъ Оренбургскаго края. Такою силой явилось основанное въ 1755 году, по представленію Неплюева, Оренбургское казачье войско. Г. Витевскій сообщаетъ подробныя свѣдѣнія о происхожденіи сего войска, при чемъ вдается иногда даже въ излишнія подробности, не относящіяся непосредственно ни къ Неплюеву, ни къ Оренбургскому краю, какъ напримѣръ, объ ограниченіяхъ при Петрѣ Великомъ крѣпостнаго права, о жестокостяхъ помѣщицъ Салтыковой и княгини Козловской и т. д. Находя не-

обходнымъ соединить Оренбургскую линію крѣпостей съ Сибирью, Неплюевъ вошелъ въ переговоры о томъ съ сибирскимъ губернаторомъ Сухаревымъ; результатомъ ихъ явилась Звѣриноголовская крѣпость.

Но Неплюевъ очень хорошо сознавалъ, что для спокойствія края недостаточно однихъ укрѣпленій, что необходимо дать обитателямъ прочное административное устройство, улучшить пути сообщенія, развить торговлю и промышленность въ краѣ, чтобы такимъ образомъ привести къ покорности средне-азиатскіе народы и проложить путь торговому и политическому вліянію Россіи на среднюю Азію.

Обо всемъ этомъ предстоить сообщить г. Витевскому въ слѣдующихъ выпускахъ его интереснаго труда. Книга его, конечно, съ любопытствомъ будетъ прочтена всякимъ интересующимся исторіей нашего отечества.

Въ заключеніе позволимъ себѣ замѣтить, что если приложенныя къ первымъ двумъ выпускамъ портретъ Неплюева и виды соборовъ въ Оренбургѣ составляютъ нѣкоторое украшеніе книги, то приложение подробной географической карты всего Оренбургскаго края, съ современнымъ Неплюеву его раздѣленіемъ, является не только желательнымъ, но и крайне необходимымъ.

И. М.

Сношенія Россіи съ Кавказомъ. Матеріалы, извлеченныя изъ Московскаго архива Министерства иностранныхъ дѣлъ *Сергіемъ Ал. Блюкоровымъ*. Выпускъ I, 1578—1613 гг. М. 1889 ¹⁾.

Нѣтъ надобности говорить о важности памятниковъ дипломатическихъ сношеній Россіи съ иностранными государствами. Эти документы представляютъ во всей полнотѣ дѣятельность нашихъ великихъ князей и царей, направленную къ увеличенію могущества государства, показываютъ, какими способами планы нашего правительства въ этомъ направленіи приводились въ исполненіе, выясняютъ, какъ создавались традиціи нашей дипломатіи, даютъ понятіе о кипучей дѣятельности посольскаго приказа. Ни одинъ историкъ не можетъ обойтись безъ документовъ, хранящихся въ Московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Карамзинъ и Соловьевъ широко пользовались сокровищами архива. Сдѣлать ихъ,

¹⁾ Отд. изд. изъ *Чтеній въ Московскомъ Имп. обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ* за 1889 г.

путемъ изданія, доступными для всѣхъ—задача въ высшей степени важная, трудъ вполне благодарный. Надо имѣть въ виду еще то обстоятельство, что многіе документы могутъ утратиться въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, вслѣдствіе порчи въ давнее зрѣмя, когда способъ храненія ихъ былъ самый примитивный.

Но если ужъ издавать, то все, цѣликомъ, безъ пропусковъ, за исключеніемъ развѣ нѣкоторыхъ повторовъ, теперь, пожалуй, лишнихъ, но въ свое время необходимыхъ, вызывавшихся канцелярскими приемами нашихъ дьяковъ и подъячихъ. Такое изданіе, по своей растянутости и массѣ подробностей, иногда мало относящихся къ дѣлу, будетъ скучно, въ чтеніи утомительно; но только въ подобномъ изданіи и будетъ дѣйствительный толкъ. По нашему убѣжденію, это единственно правильный путь, и на такой путь сталъ С. А. Бѣлокуровъ, приступившій къ изданію памятниковъ сношеній Россіи съ Кавказомъ, съ древнѣйшихъ временъ.

Главную часть книги г. Бѣлокурова составляютъ, какъ по объему, такъ и по содержательности, сношенія съ Грузіей. Покойный академикъ Броссе изучалъ эти документы и на основаніи ихъ напечаталъ: *Examen critique des annales géorgiennes* (1845)¹⁾. Но такія работы, основанныя на не изданныхъ документахъ, всегда возбуждаютъ сомнѣніе: всѣмъ ли матеріаломъ воспользовался авторъ, не ограничился ли онъ тѣмъ только, что имѣло ближайшее отношеніе къ его прямой задачѣ, не упустилъ ли онъ какихъ свѣдѣній, быть можетъ, важныхъ, но ему ненужныхъ? такъ ли, наконецъ, понялъ онъ сую источникъ? Вотъ почему изданіе матеріаловъ должно предшествовать разсужденіямъ, на нихъ основаннымъ.

По завоеваніи независимости отъ татаръ, Россіи приходилось завоевывать себѣ международное положеніе, на что обращено было особенное вниманіе великихъ князей Московскихъ, и что давалось нелегко. Чтобы занять видное положеніе среди прочихъ государствъ Европы и Азіи, заставить ихъ съ уваженіемъ относиться къ возрождавшейся Россіи, государямъ нашимъ нужно было выказать свою силу и могущество; а видимымъ признакомъ силы являлась въ то время

¹⁾ Статья эта въ русскомъ переводѣ г. Тяжелова, „Критическій обзоръ грузинскихъ летописей новѣйшихъ временъ по русскимъ документамъ“, напечатана въ *Журн. Мин. Народн. Пр.* за 1846 г., т. 51, отд. II, стр. 1—35, 71—131.

обширность владѣній,— „Царство ширится“. Поэтому расширение предѣловъ государства считалось главною задачею правительства, и воеводы на нашихъ окраинахъ никогда не упускали изъ виду подводить „подъ высокую царскую руку“ новыхъ подданныхъ. Приумноженіе земли происходило главнымъ образомъ на востокъ, то-есть, тамъ, гдѣ мы встрѣчали элементъ слабый: сибирскіе явородцы рѣдко рѣшались идти противъ огнестрѣльнаго оружія и смиренно несли ясакъ въ русскую казну. Но если встрѣчалось серьезное сопротивление, какое, напримѣръ, встрѣтили казаки наши со стороны бурятъ, тамъ поступательное движеніе задерживалось, иногда надолго. На югъ и на западъ, куда собственно и были устремлены главныя силы наши, мы имѣли весьма незначительный успѣхъ почти до Петра Великаго.

Такъ какъ мы не могли высылать на востокъ значительныхъ отрядовъ, то приходилось выработать такую стратегическую систему, которая гарантировала бы безопасность отряда и въ то же время удерживала бы вновь прибрѣтенную страну въ повиновеніи. Система была выработана очень скоро, она состояла въ возведеніи крѣпостей (городовъ), которыя постепенно выдвигались впередъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ отодвигалась и украинна наша, пока не доходила до естественной границы. Мы двигались крѣпостями. Василій Іоанновичъ, чтобы вліять на Казанское царство, построилъ на устьѣ рѣки Суры городъ Васильсурскъ; Іоаннъ Грозный, добираясь до этого царства, основалъ Свияжскъ—и участь Казани была рѣшена. По украинѣ возникли города, при чемъ нѣкоторыя крѣпости выдвигались изъ линіи далеко въ степь, какъ, напримѣръ, при Ѳеодорѣ Іоанновичѣ Вѣлгородъ. Михаилъ Ѳеодоровичъ выстроилъ Тамбовъ, Козловъ и другіе. Послѣдствія такой системы обнаружались въ самомъ непродолжительномъ времени. Занятая земля закрѣплялась за Россіей, безпокойные сосѣди дѣлались смиреннѣе, открытый прежде имъ путь для грабежа сталъ обнаруживать препятствія, вслѣдствіе чего центральныя области меньше страдали отъ хищническихъ набѣговъ и, пользуясь спокойствіемъ, увеличивали свое благосостояніе.

Но этимъ дѣло еще не ограничивалось. Мелкіе владѣльцы, наши сосѣди, во время столкновеній между собою должны были обращать вниманіе и на Россію, особенно ближайшій къ намъ, который могъ попасть между двухъ огней. Чтобы выйти изъ затруднительнаго положенія, онъ рѣшался обратиться къ русскому царю за покровительствомъ и защитой. Подучить покровительство было легко: стоило

только принять русское подданство. Христіанскіе владѣльцы принимали присягу на подданство и цѣловали крестъ, иноувѣрцы давали шерть ¹⁾ по своей вѣрѣ.

Съ этого момента начинался между нашимъ правительствомъ и новымъ подданнымъ цѣлый рядъ недоразумѣній и неудовольствій съ обѣихъ сторонъ. Онъ принималъ подданство для своихъ личныхъ выгодъ и смотрѣлъ на подданство, какъ на простую формальность; мы преслѣдовали свои цѣли и требовали, какъ съ подданнаго, дѣйствительныхъ услугъ, что вовсе не входило въ его планы. Этотъ подданный не только не исполнялъ своихъ обязанностей такъ, какъ мы понимали дѣло, но при случаѣ не прочь былъ поживиться на нашъ счетъ, то-есть, переставалъ „прямить“, начиналъ „воровать“, требовалось непослушника „посмирить“, иногда не одинъ даже разъ. Тогда онъ, „узнавъ свои вины, билъ челомъ“, но дѣло кончалось обыкновенно тѣмъ, что правительство наше, наскучивъ продолжительною борьбой, лишало вассала его владѣній, которыя поступали подъ непосредственную русскую власть; туда назначался воевода, а для упроченія этой власти воздвигались новыя укрѣпленія, которыя начинали играть роль прежнихъ, обратившихся изъ пунктовъ стратегическихъ въ административные или торговые.

Замѣчательно, что эта система удержалась до нашихъ дней. Такихъ образомъ покоряли мы Сибирь, двигались на Кавказъ, въ Крымъ. Но нигдѣ укрѣпленные линіи не получили такого широкаго развитія, какъ въ Туркестанскомъ краѣ. Недруги наши отлично понимали значеніе такой мѣры: сколько, на примѣръ, велось у насъ переговоровъ съ Крымскимъ ханомъ и Турецкимъ султаномъ по поводу одного только города Терка, построеннаго Іоанномъ Грознымъ! Ханъ и султанъ требовали срытія города, и русскому правительству пришлось на время уступить: городъ былъ снятъ; но терскіе казаки остались на своемъ мѣстѣ.

Можно ли говорить, послѣ этого, что мы двигались на востокъ и на югъ безъ всякой системы, безъ плана, строго обдуманнаго, а какъ-то случайно? Быть можетъ, предки наши иногда упускали удобные моменты для своихъ дѣйствій, но вѣдь это удобство обнаруживалось

¹⁾ Арабское слово *шертъ*, „условіе“, „договоръ“ занесено къ намъ татарами въ значеніи „клятвы“, „присяги“. Отсюда глаголъ *шертовать*, часто употребившійся въ старину въ дѣлѣ сношенія съ азіатцами.

лишь впоследствии и ясно теперь для насъ, но современникамъ дѣло могло представляться иначе. Правительство наше всегда дѣйствовало осторожно, но настойчиво. Это, вѣдь, тоже система.

Отношенія Россіи къ Грузіи, самыя дружественныя въ теченіи болѣе чѣмъ двухъ столѣтій, разрѣшились въ 1801 году принятіемъ грузинъ въ русское подданство ¹⁾. Этотъ актъ устраняетъ всякіе счеты между нами и ими; но существуетъ мнѣніе, идущее изъ грузинскаго лагера, высказываемое публично, что Россія не принесла никакой пользы Грузіи, что воспользовавшись со стороны грузинъ существенною помощію въ борьбѣ съ турками и персіянами, она выдавала грузинскій народъ его врагамъ, которые жестоко мстили ему. Тяжкій упрекъ! Чтобы убѣдиться, справедливъ ли онъ, мы должны обратиться къ историческимъ памятникамъ, которые одни только могутъ представить дѣло въ истинномъ видѣ. Документы, изданные г. Бѣлокуровымъ, оканчиваются пока вступленіемъ на Россійскій престолъ Дома Романовыхъ, но въ нихъ излагается начало сношеній, чтѣ для насъ особенно важно, такъ какъ отношенія обоихъ правительствъ другъ къ другу уже опредѣлились, тутъ обнаруживается, на какой путь стало то и другое, какіе были у нихъ планы, къ чему они стремились.

Когда пало Астраханское царство, значеніе Россіи для Кавказа сразу опредѣлилось, а выдвинутый впередъ Грознымъ городъ Терки (или Терекъ) давалъ Россіи возможность принимать участіе въ событіяхъ, совершающихся на Кавказѣ. Уже тогда Грузинскій царь сталъ проситься въ подданство къ Московскому. При Фѣдорѣ Іоанновичѣ переговоры о подданствѣ велись очень оживленно; начались они со стороны Грузинскаго царя Александра. Положеніе Грузіи въ то время было самое печальное: ей угрожалъ Турецкій султанъ съ одной стороны, Персидскій шахъ—съ другой. Царю Александру приходилось откупаться отъ обоихъ, а, кромѣ того, шамхаль тарковскій (въ дѣлахъ нашихъ называется шевкаль) постоянными набѣгами разорялъ

¹⁾ Императоръ Александръ I, прежде чѣмъ присоединить Грузію къ Россіи, хотѣлъ убѣдиться, действительно ли народъ грузинскій желаетъ этого присоединенія и действительно ли для него другаго исхода нѣтъ. Въ инструкціи данной по этому поводу посланному въ Грузію Кноррингу, императоръ говорилъ, что „не для Россіи присоединяется народъ сей къ имперіи, но собственно для него, что не нашихъ польвъ мы въ семъ ищемъ, но единственно его покоя и безопасности“.

Грузію. Откупиться подарками и отъ шамхала Александръ, вѣроятно, находилъ неудобнымъ, а бороться съ нимъ собственными средствами не могъ. Ему оставалось прибѣгнуть къ покровительству сильной державы, хотя бы на условіяхъ нѣсколько и унижительныхъ, но унижаться Александръ уже привыкъ; а въ этомъ случаѣ тягость униженія облегчалась тѣмъ, что приходилось имѣть дѣло съ христіанскимъ государемъ, съ царемъ Московскимъ, къ которому онъ обратился съ предложеніемъ своего подданства. Трудно было положеніе Александра и до этого шага, теперь же оно усложнялось новыми обязательствами, и царю Грузинскому предстояло хитрить больше прежняго.

Личность царя Александра представляется намъ въ видѣ далеко не привлекательномъ. Скверно онъ началъ, скверно и кончилъ. Какъ смотрѣли на него персіане, видно изъ статейнаго списка нашего посла въ Персію князя Андрея Звенигородскаго. Когда посолье просилъ шаха отпустить въ Россію находящагося въ Персіи „въ закладѣ“ сына Александрова Константина, то получилъ такой отзывъ о Грузинскомъ царѣ отъ „ближняго шахова человѣка“ Фергатъ хана: „Олександрю царю никому вѣры няти нельзя, какъ государю вашему манить, такъ и государю нашему. А ко государю вашему пишеть и бьетъ челою, а называецца хрестьяниномъ, а ко государю нашему пишеть, а называетца наше вѣры, а къ турецкому ежегодно посылаетъ по 30 вьюковъ шолку“. Самъ шахъ Аббасъ заявилъ князю Андрею: „говорилъ еси о грузинскомъ царевичѣ, чтобъ мнѣ его къ брату своему ко государю вашему послати, и я не только за грузинскаго царевича, хотя, для любви, и за сына своего Сейфи мирзу не стою, только Олександрю царь человѣкъ неправедной и ни въ чему ему безъ закладу вѣры няти нельзя“. Положимъ, это говорили персіане въ своихъ интересахъ, но въ томъ же родѣ отозвался объ Александрѣ и сынъ его Константинъ въ отвѣтъ на вопросъ шаха, не хочетъ ли онъ, Константинъ, переѣхать къ Московскому государю: „Я нинѣ здѣ обусурманенъ и ожененъ и учинился въ холопствѣ у тебя шахова величества, а будетъ захотѣлося отцу моему видѣти у государя, и онъ чего для не пошлетъ ко государю сына своего, брата моего котораго ни буди? Только отецъ мой всѣмъ государемъ манить, какъ турецкому, такъ государю московскому, такъ и тебѣ шахову величеству, и вѣритъ ему никому ни въ чемъ нельзя“¹⁾. Пусть это отвѣтъ

¹⁾ Дѣла Персидскія, книга № 3. Статейный списокъ князя Андрея Звенигородскаго.

товкаго дипломата, вынужденнаго вывертываться изъ затруднительнаго положенія, пусть это отвѣтъ интригана, быть можетъ, уже тогда замышлявшаго свергнуть отца съ престола, но по отношенію къ Россіи онъ вполнѣ оправдался. „Манить“, чтобы заручиться поддержкой Московскаго царя противъ шамхала, безъ всякихъ затратъ съ своей стороны, удалось Александру какъ нельзя лучше. Отдѣляясь одними обѣщаніями и требуя отъ насъ постоянно помощи, Александръ имѣлъ столько нахальства, что еще обвинялъ русское правительство въ недостаткѣ энергіи, что наше содѣйствіе, не въ тѣхъ размѣрахъ, какъ бы ему хотѣлось, только ухудшаетъ его положеніе. Сущность переговоровъ въ этомъ и заключалась.

Въ 1586 году прибыли въ Россію отъ Грузинскаго царя священникъ Іоакимъ, старецъ Кирилла и Хуршитъ съ грамотою, въ которой царь Александръ просилъ Ѳедора Іоанновича принять Грузію подъ свою царскую руку, такъ какъ „земля наша хрестыанская, а отъ невѣрныхъ турокъ въ велицей бедѣ и утесненъ“ (стр. 12). Ѳедоръ Іоанновичъ принялъ царя Александра подъ свою руку тѣмъ болѣе охотно, что дѣло шло о защитѣ хрестіанства и вмѣстѣ съ тѣмъ надѣялся пріобрѣсти союзника противъ турокъ. Прежде всего требовалось возстановить на устьѣхъ Сунжи городъ Терекъ и договориться съ Грузинскимъ царемъ на счетъ условій подданства, которое надо было закрѣпить присягой. Съ этою цѣлію въ Грузію былъ отправленъ Родіонъ Виркинъ съ товарищи. Уже по началу переговоровъ стало ясно, что дѣло не состоится на принципѣ взаимныхъ услугъ. Съ нашей стороны отъ новаго подданнаго требовали ежегодныхъ поминковъ: „по 10 аргумаковъ добрыхъ, по 10 коневъ добрыхъ, которые бы государю пригодились, по 5 иноходцевъ, по 50 камокъ золотныхъ кизылбашскихъ съ золотомъ и съ серебромъ лутшихъ, по 10 ковровъ съ золотомъ и съ серебромъ и съ шелки“ (стр. 24). Да одновременно для терскаго гарнизона царь Александръ долженъ былъ доставить провіантъ. Цѣловальную запись онъ далъ; но поминки давать въ томъ количествѣ, какъ было ему заявлено, отказался. Конечно, расходъ у Александра былъ великъ: онъ платилъ дань султану турецкому, задобривалъ шаха, гдѣ ужъ тутъ посылать дары въ Москву! У насъ, впрочемъ, за данью и не гнались. Въ казакахъ слѣдующимъ посламъ предписывалось на поминкахъ не настаивать: „государь нашъ его царское величество пожаловалъ Александра царя, подъ свою царскую руку взялъ не для дани, ни для чего, для своего царственнаго обычая и для хрестыанства; а у го-

сударя нашего въ казнѣ чего нѣтъ?" (стр. 247 и 278). А о томъ, что Александръ будетъ продовольствовать русскій отрядъ въ Терекѣ, нечего было и думать.

Въ отвѣтъ на посольство Биркина явились къ намъ въ 1588 г. князь Капланъ, и прежніе старецъ Кирилла и Хуршитъ съ просьбою защитить Грузію отъ Шевкала. Просьба была уважена, рать на Шевкала обѣщана. Къ Александру отправленъ въ слѣдующемъ году князь Семень Звенигородскій, съ которымъ посланы наши точно формулированныя требованія къ Грузинскому царю (стр. 88—89). Александръ на словахъ казался самымъ преданнымъ подданнымъ Московскаго государя, но только на словахъ. „Все Божье да великаго государя моего царя и великаго князя Ѳедора Ивановича всеа Русіи“, говорилъ онъ нашему послу, — „язъ холопъ и жена моя и дѣти мои и все государство мое передъ Богомъ да передъ нимъ государемъ (стр. 160)... и мнѣ ото государя своего не отступити, хотя случитца за то и смерть принять“ (стр. 163). Показавъ посламъ войско свое, Александръ заявилъ: „а то люди не моя, то все люди Божьи да государевы“ (стр. 172). За послами Александръ ухаживалъ въ высшей степени. „Ѣйте да пейте“, говорилъ онъ имъ,— „бутте сыти и веселы. Все — государя великаго. Только бѣ язъку вашему умѣлъ, и язъ бы вѣдалъ, какъ васъ великаго государя пословъ чтити“ (стр. 189). На одномъ обѣдѣ, на которомъ присутствовали послы, „Олександро царь, выходя изъ за стола, самъ съ азнауры здоровалъ посломъ князю Семену да дяку Торку питья и шестья. А говорилъ: видите сами, какъ язъ и съ своими азнауры для великаго государя царя и великаго князя Ѳедора Ивановича всеа Русіи васъ, его пословъ, чту; самъ, выходя изъ-за стола, и съ азнауры своими бью челомъ. Весь мой домъ Божей да вашъ“ (стр. 200). При всемъ этомъ сокровенною мыслью царя Александра было смирить Шевкала на чужой счетъ. Русскій отрядъ уже ходилъ на Шевкала, отнялъ у него рѣку Койсу, на которой рѣшено было построить городъ. Но Грузинскій царь этимъ не удовольствовался. Въ 1590 году снарядилъ онъ посольство, возложенное на князя Сулеймана и Хуршита, съ спеціальною цѣлью просить помощи противъ Шевкала. Въ грамотѣ своей Ѳедору Іоанновичу Александръ писалъ: „намъ чинитца теснота отъ горскихъ людей: приходять они въ нашу землю украдомъ, инолды въ день, инолды ночью, и нашихъ людей побивають и въ полонъ емѣють, и доколе до насъ вѣсть дойдетъ, а они украдомъ вскоре повоевавъ бѣгають“ (стр. 225). Изложивъ, какъ отъ недруговъ пребывалъ

въ скорби, Александръ просилъ рати на Шевкала ¹⁾). Посламъ заявили, что просьба будетъ уважена, но сдѣлали имъ запросъ: сколько самъ Александръ пошлетъ войска противъ Шевкала? Послы отвѣчали уклончиво: войска у царя 40,000, а сколько пошлетъ, то вѣдаетъ Богъ да государь“ (стр. 227). Выяснить этотъ вопросъ былъ отправленъ въ Грузію Василій Плещеевъ. А между тѣмъ русская рать произвела нападеніе на Шевкала, сожгла у него городъ Андреевской. Царь Александръ съ своей стороны никакого участія въ дѣлѣ не принялъ, онъ прислалъ къ Московскому царю князя Арама и архимандрита Кирилла бить челомъ за эту оборону. На аудіенціи у Бориса Годунова князь Арамъ говорилъ, что Александръ ему наказалъ „бити челомъ и велѣлъ припасти къ твоимъ ногамъ, чтобъ ты его царскому величеству наше челобитье доносишь и объ насъ билъ челомъ и молилъ и просилъ, чтобъ великій государь пожаловалъ меня, Александра царя, держалъ во оборонѣ и въ защищеніе и послалъ бы на Шевкалскаго большую рать свою съ вогненнымъ боемъ, чтобъ государева рать къ зиме на Шевкалскаго пошла къ Таркамъ и Тарки, взивъ, укрепили и сидѣли бь въ Таркахъ государевы люди“ (стр. 253). И опять просьба уважена, противъ Шевкала посланъ князь Хворостининъ „съ вогненнымъ боемъ“, а въ Грузію отправленъ Иванъ Всеволодскій (въ 1593 г.), чтобы побудить Александра напасть на Шевкала съ противоположной стороны. Не имѣлъ успѣха и Всеволодскій: грузинское войско не помогло намъ. Прибывшее въ 1595 г. грузинское посольство (Хуршитъ и Арамъ) привезло грамоту царя Александра, въ которой онъ оправдывался тѣмъ, что русскіе воеводы не очистили еще дорогу черезъ Кумыцкую землю.

У насъ, конечно, поняли политику Александра; но переговоры съ нимъ не прерывались, потому что они все-таки соотвѣтствовали нашимъ цѣлямъ, „смирить“ Шевкала было тоже въ нашихъ интересахъ, хотя Грузинскому царю наши походы противъ Шевкала выставлялись, какъ жертва, приносимая нами Грузіи. Но преслѣдуя свои

¹⁾ Еще въ Грузіи Сулиманъ отъ имени Александра говорилъ князю Семену Звенигородскому: „а которые были государства бусурманскія, Шевкалъ и иные,— и тѣ учали голдовати Турекому жь, что въра ихъ одна бусурманская. А толко одно мое государство хрестыянское осталось, и то хотять бусурманы поглотити. Да что они у меня селъ и деревень повоюють, пожгутъ или людей побьютъ или поранятъ, и то не столь мнѣ досадеть, тѣмъ побитымъ Богъ судилъ; а то всего пущи, что возмутъ хрестыянина жива и поругаютъ хрестыянской вѣре, многими муками бусурманятъ въ свою вѣру“ (стр. 214).

личныя цѣли, правительство имѣло въ виду и Грузинскаго царя, который получалъ изъ нашихъ походовъ противъ Шевкала значительныя выгоды, а потому и поведеніе Александра представлялось намъ не соотвѣтствующимъ тѣмъ обязательствамъ, которыя онъ добровольно принялъ на себя. Надо было дать это понять Александру, и вотъ Ѳедоръ Іоанновичъ въ грамотѣ къ нему писалъ: „и наши воеводы, Шевкалову землю воевавъ и стоявъ въ Таркахъ долгое время, да Тархи разворили, а сами на Терку воротилися. И мы тому подивилися: для чего такъ учинилося, что ты къ нашему царскому величеству присылалъ пословъ своихъ съ слезнымъ прошенъемъ, жалуючись на Шевкала, чтобъ намъ велик. госуд. ц. и вел. кн. Ѳедору Ивановичю всеа Русіи самодержцу на него послати рать свою и его велѣли воевати, а какъ мы на него рать свою послали, и ты съ нашими воеводами на него не сталъ и сына своего и свата къ нашимъ воеводамъ съ ратью не прислалъ? И за тѣмъ большое дѣло не совершилося, а нашему царскому величеству въ той рати въ подъемѣ великіе убытки починилися“ (стр. 266—267).

Грамоту повезъ Совинъ въ 1596 г., при чемъ въ наказѣ ему, на случай отговорокъ царевыхъ людей въ невозможности для грузинъ выступить противъ Шевкала, сдѣлано наставленіе, какъ отвѣчать: „какъ вы того и говорить не стыдитесь, что Александръ царь съ своимъ сыномъ рати на Шевкала не послалъ за дорогою? Коли такая милость была къ Александру царю, что многая государева рать, пришедъ, Шевкалову землю воевали, а Шевкалъ противъ государевыхъ воеводъ не сталъ, побежалъ,—и въ то было время Александру царю надъ Шевкаломъ и промышлять и рать своя къ государевымъ воеводамъ послать“, и проч. (стр. 274).

Пріѣхалъ Совинъ въ Грузію, и опять Александръ сталъ выказывать свою преданность Россіи на словахъ: „ухватился я“, говорилъ онъ Совину,—„у великаго государя царя и вел. кн. Ѳедора Ивановича всеа Русіи самодержца за его царскую полу и по свою смерть отъ его царскаго величества отступенъ не буду“ (стр. 287). Но когда начались переговоры, то посламъ нашимъ ближніе царя Александра люди дали замѣтить, что Московскій царь не вполне исполнилъ свое обѣщаніе: „Александръ царь по ся мѣста ни въ чемъ великаго государя вашего не ослушался. А сына своего царевича Юрья съ ратью Александръ царь ко государя вашего воеводамъ на сходъ хотѣлъ послати, да пройти было въ горахъ не мочно, дороги черезъ горы большіе конные на Кумыцкую землю вѣтъ. А государевы воеводы

ходили и воевали Шевкаловы мѣста, которые у моря блисво, а въ Казы-Кумыевыхъ государевы воеводы не были и Шевкаловыхъ лутчихъ мѣсть не воевали; а которой городъ поставили государевы воеводы въ Шевкалове землѣ, и отъ того города Шевкалу некоторые тесноты нѣтъ. И ныне Шевкалъ, сложась со многими зъ горскими князми, болши прежнего государя нашего цареву Александрову землю воюеть и церкви Божьи разоряють“ (стр. 301). Стало быть, изъ земли Шамхала въ Грузію пройти было можно, а изъ Грузіи къ нему нельзя. Мало того: тѣ же ближніе люди заявили посламъ, что „Александръ царь ныне къ Шевкалу платье посылаетъ для того, чтобъ Шевкалъ людемъ своимъ на Иверскую землю ходити войною не велѣлъ“ (стр. 302). Въ отвѣтъ послы привели слова наказа: „какъ вы того и говорити не стыдитесь“ и прочее; но слова эти не произвели на грузинъ желаннаго дѣйствія. „Государь нашъ... поминки посылаетъ по неволе, что съ нимъ управитца не мочно“, возражали они (стр. 303). Что же касается до дани, то ея послы и не требовали, да Александръ и намѣренія не имѣлъ посылать приличную дань, какую предоставили на его волю. Посламъ нашимъ онъ замѣтилъ: „пришла де на меня и на мое государство скудость великая, многую свою казну разослалъ въ дань басурманскимъ государемъ, отъ которыхъ моей землѣ теснота бываетъ; да выдалъ де дочь свою замужъ за Дадьянсково (Мингрельскаго) князя и многую свою казну въ приданое далъ. И мнѣ де къ великому государю дани послати нѣчево“ (стр. 309—310). Отпуская русскихъ пословъ, Александръ по прежнему просилъ выслать русскую рать противъ Шевкала. На этомъ долженъ былъ настаивать и посланный имъ въ Москву кн. Сулейманъ.

Въ грамотѣ, которую привезъ кн. Сулейманъ Федору Иоанновичу въ 1599 году, Александръ писалъ: „намъ надежа была на великого государя; а государева рать намъ ничего не пособила, ни которую корысть намъ не учинили, ни намъ, ни землѣ нашей, ни ясыровъ нашихъ, ни монастыремъ, ни церквамъ, ни всему роду крестьянскому“ (стр. 320). Въ грамотѣ къ Борису Годунову упрекъ высказывается еще сильнѣе: „прежъ сего было слово твое къ намъ, и мы твоему слову вѣрили; а слово твое и указъ твой до конца не совершилосе.. Прежъ сего слухъ былъ по всѣхъ царствахъ, что Александръ царь Иверскій съ великимъ государемъ Московскимъ въ любви живетъ, а великій государь Московскій ему посылаетъ кречеты и дары многіе; а ныне сего лѣта ни кречеты не прислали намъ, ни дары, чтобъ челоувѣку пригоже было“. И все-таки при этомъ прибавлялъ: „а чело-

битые мое все изъ начала до конца про Шевкалское, чтобъ рать свою прислалъ великую на моего недруга, а на государева измѣнника и непослушника, на Шевкалского и на всю Кумыцкую землю; мы опричь сего не станемъ государю докучати“ (стр. 321).

Иностранная политика при Федорѣ Иоанновичѣ находилась, можно сказать, въ вѣдѣніи Бориса Годунова, потому и царствованіе Бориса не представляетъ въ этомъ отношеніи ничего новаго. Посланные въ Грузію въ 1601 году Иванъ Нащокинъ и дьякъ Иванъ Леонтьевъ должны были настаивать, чтобъ Александръ, уговорясь съ астраханскими и терскими воеводами, послалъ противъ Шевкала свою рать одновременно съ русскою, чтобы надъ Шевкаломъ „промышлати за одинъ“ и дорогу между двумя государствами очищать сообща (стр. 332—333), не такъ, какъ прежде: „князь Овдрѣй Хворостининъ съ товарищи царского величества Кумыцкую землю воевали и ждали многое время Александровыхъ царевыхъ воинскихъ людей, и Александръ царь рати своей не послалъ, а была одна государева рать, да и то ходили не во время, и потому тогда и не совершилось. И то Александру царю стало отъ себя. А только бѣ была рать Александрова царева и пошли бѣ на Шевкала во время, ино бѣ тогда Александрово царево дѣло, Шевкалского походъ совершился“ (стр. 335).

Посольство это было не изъ удачныхъ, оно чуть было не разошло Россію съ Грузіей. Послы въ статейномъ спискѣ жалуются на дурное обращеніе съ ними Грузинскаго царя, который будто бы говорилъ „непригожія слова“ про царя Бориса. Но прибывшій къ намъ въ 1603 году старецъ Кирилло не только отрицалъ показаніе русскихъ пословъ, но обвинялъ еще ихъ самихъ въ предосудительномъ поведеніи. Обвиненію повѣрили, и такъ какъ Нащокинъ умеръ, то поплатился одинъ только Леонтьевъ: его велѣно казнить торговою казнью и вкинуть на смерть въ тюрьму (стр. 428), а предварительно провели мимо посольскаго двора, гдѣ стояли грузинскіе послы, и били вкнутомъ (стр. 403). Кромѣ того, изъ животовъ Нащокина и Леонтьева выдано Кириллу 500 рублей „за то, что онѣ, будучи въ Грузинской землѣ, воровали, многихъ людей безчестили и грабили и до смерти побивали“ (стр. 406). Такимъ образомъ, все, что было возможно, мы дѣлали для Грузіи, не извлекая никакой для себя пользы съ ея стороны. „Не видя ихъ (грузинъ) къ себѣ никакіе службы“, Борисъ Федоровичъ „многую свою милость показалъ, рати многіе на недруга ихъ, на Шевкала послалъ и города въ Черкасской и Кумыцкой землѣ, для ихъ челобитья поставити велѣлъ“ (стр. 478). Отношеніе же Але-

Александра къ Россіи представляется тѣмъ болѣе ненормальнымъ, что отговариваясь невозможностью дѣйствовать за одно съ русскими противъ шамхала для пользы Грузіи, Александръ, по требованію шаха Аббаса, явился съ своимъ отрядомъ въ Персію и проливалъ грузинскую кровь, сражаясь съ бухарцами въ рядахъ персидскаго войска, то-есть, принималъ участіе въ дѣлѣ для него совершенно чуждомъ.

Новый русскій посолъ Татищевъ (1604 г.) не засталъ въ Грузіи царя Александра, но управлявшій тогда государствомъ царевичъ Георгій утѣшалъ насъ по старой программѣ и „говорилъ, что онъ во всей государеве воле и кромѣ Бога да его великаго государя надежи ни на кого не имѣеть“ (стр. 478). Какую злою ироніею звучали въ то время эти слова!

Вернувшійся изъ похода Александръ не успѣлъ переговорить съ русскими послами: передъ самой аудіенціей онъ былъ убитъ сыномъ своимъ Константиномъ при помощи персіянъ, при немъ находившихся. Та же участь постигла и Георгія. Константинъ же заявилъ Татищеву, что „будетъ великій государь вашъ учнетъ меня жаловать также, какъ и шахъ, и азъ въ его государеве жалованье рать быть и учну ему, государю, служить лутчи отца своего и братьи и поминки посылать аргамаки и всякіе узорочья“ (стр. 490). Съ тѣмъ посольство наше и отправилось домой.

Въ смутное время намъ было не до Грузіи, и сношенія съ нею прервались до воцаренія Михаила Ѳеодоровича. Будемъ ожидать появленія въ печати дальнѣйшихъ документовъ, когда представится полная возможность оцѣнить отношенія Грузіи къ Россіи. Теперь же мы видимъ, что начало сношеній не оправдало ожиданій нашего правительства, что дѣло было основано на довѣрїи одной стороны и на обманѣ другой. Но вопросъ о подданствѣ былъ возбужденъ, цари наши стали стремиться къ осуществленію его, шли къ этой цѣли упорно и достигли ея.

Въ отпискѣ послѣвъ Совина и Полуханова находится шифрованная замѣтка, которую г. Бѣлокуровъ помѣстилъ на страницѣ 312 своей книги. Слова написаны связно, мы предлагаемъ раздѣлить ихъ слѣдующимъ образомъ: Оп азедьбражню ачетъ в ацѣр ашоттси отьлок ешъвакъл огоспадр одьбет ечолъм ийъзъ Гурейз аечтъ осполгв енопъюлт (предполагаемъ: енопшюлт) омговарѣт (должно быть: оговарѣт, ж, попало отъ другаго слова) антон отьлок едъ гурязьноски езмѣл і ечолног (должно быть: ечолмног, то-есть, суда надо

отнести ж, попавшее въ омговарѣт) оыат (предполагаемъ: ибьят) ко огоспадюрь шотѣб ештѣвакал оевавѣл а окил ешвакал оевавѣт есна-тунѣт юн ойисолѣв ѣвечог оысаит.

Раскрывается шифръ такимъ образомъ: каждый слогъ пишется послѣдовательно въ обратномъ порядкѣ буквъ. Выходитъ слѣдующее: По задержанью чаеть (то-есть, чаять) въ царѣ шатости: только шевкалъ господарю добыеть челомъ, и изъ грузей, чаеть, пословъ не пошлютъ; говорятъ тайно: только де Грузинской землѣ и челомного битя ко господарю, штобъ шевкала воевалъ, а коли шевкала воевать не стаяуть, ино и пословъ нѣчего посылать.

Сообщеніе чрезвычайно важное, оно характеризовало отношенія къ намъ царя Александра, раскрывало нашему правительству всю политику этого подданнаго. Такое донесеніе посоль нашъ въ Грузіи не рѣшился послать обыкновеннымъ письмомъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ пришлось бы прибѣгнуть къ услугамъ грузинъ, а было извѣстно, что царь Александръ не отличался особеннымъ благородствомъ: онъ вскрывалъ грамоты Московскаго царя къ русскимъ посламъ, находившимся въ Грузіи. Такъ поступилъ онъ съ княземъ Семеномъ Звенигородскимъ ¹⁾.

Мнѣ въ первый разъ встрѣчается употребленіе шифра въ такое раннее время, въ XVI столѣтіи. Секретныя бумаги, какъ, напримѣръ, наказъ послу писались въ то время обыкновеннымъ способомъ, а потому посланникамъ предписывалось такой документъ выучить наизусть, на тотъ случай, еслибы понадобилось наказъ уничтожить, чтобъ онъ не попалъ въ руки иностранцевъ, такъ какъ въ наказѣ излагались планы и намѣренія правительства по отношенію къ иностраннымъ государствамъ ²⁾.

¹⁾ Къ кн. Звенигородскому, во время пребыванія его въ Грузіи, приехали были изъ Астрахани двѣ грамоты, которыя оказались распечатанными. Поэтому послы наши замѣтили старцу Кириллу: „того нигдѣ не ведетца, что грамоты чужие распечатывать; а намъ то стало безчестно, чтобъ Олександръ царь велѣлъ того смыскати, кто тѣ грамоты распечаталъ. А будетъ Олександро царь тѣ наши грамоты и самъ распечаталъ, и въ томъ онъ волеитъ; а и тому было быти не пригоже“. И старецъ Кирило говорилъ: „тѣ грамоты распечаталъ самъ Олександро царь; и выслушавъ тѣхъ грамотъ, послалъ къ вамъ и со мною приказалъ, что ихъ распечаталъ онъ самъ“, стр. 182.

²⁾ Въ наказѣ князю Василью Васильевичу Тюбяину и дьяку Семену Емельянову, посланнымъ въ 1597 г. въ Персію, для заключенія съ шахомъ Аббасомъ оборонительнаго и наступательнаго союза, главнымъ образомъ противъ Турецкаго султана, сказано: „Нѣчто принесеть ихъ, по грохомъ, подъ турецкаго го-

Въ настоящемъ случаѣ мы не знаемъ, кто придумалъ такой шифръ: дьяки ли посольскаго приказа, или самъ Совинъ? Въ виду единичности случая и вслѣдствіе малаго размѣра сообщенія мы готовы предположить, что починъ принадлежалъ Совину, который могъ понадѣяться на проницательность дьяковъ посольскаго приказа ¹⁾).

Пользуемся настоящимъ случаемъ, чтобы возбудить вопросъ о способѣ печатанія старинныхъ документовъ. Такихъ документовъ, дипломатическихъ, административныхъ, хозяйственныхъ и всякихъ иныхъ, не говоримъ уже о лѣтописяхъ, грамотахъ, трактатахъ, издано очень много, но никакой системы для передачи текста до сихъ поръ не выработано. Всякій издаетъ по своему личному усмотрѣнію и произволу. Ученныя общества и учрежденія не пришли по поводу изданій ни къ какому соглашенію ²⁾). Выработать правила, конечно, трудно, но необходимо и давно пора обратить на этотъ вопросъ серьезное вниманіе, хотя бы для того, чтобы будущія поколѣнія не передѣлывали нашихъ работъ. Думаемъ, что авторитетъ Археографической комиссіи долженъ помочь дѣлу.

Идеальное требованіе отъ изданія заключается въ томъ, чтобы мы, въ случаѣ утраты подлинника, могли, по печатному тексту, воз-

родъ подъ Дербень, или на море ихъ возьмутъ турского люди, и князю Василью Васильевичю и дьяку Семейке наказъ и рѣчь, и грамоты государевы, и грамоты Бориса Федоровича и роспись поминкамъ, изготовя съ каменемъ тайно, обезавъ крѣпко во что, да выняти въ воду, чтобы никому непримѣтно было, или приготова оговъ, шечь, или взодрати, чтобы однолично устрои, — лише оставити у себя грамоты о торговомъ дѣле..... а себъ наказную память, изуча крѣпко наизусгь, взодрати ихъ⁴⁾. Дѣло о посольствѣ кн. Тюелкина (въ Моск. главн. архивѣ мин. иностр. дѣлъ, лл. 98—103).

¹⁾ Древнѣйшею цѣпочною азбукою для шифрованной переписки считается „азбука цѣпрная, данная отъ патріарха Филарета Никитича думному дьяку Ивану Грязеву, писанная его рукою“ 1633 г. августа 8-го дня. Она хранится въ Московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ и описана Поповымъ подъ заглавіемъ: „Прибавленіе къ статьѣ о дипломатической тайности въ древней Русѣ“ (*Записки Имп. Археологическаго общества*, т. V).

²⁾ Дворцовые разряды въ изданіи II Отдѣленія собств. Его Императорскаго Величества канцеляріи напечатаны съ измѣненіемъ орфографіи, равно какъ и у И. Е. Забѣлина (въ *Чтен. Моск. общ. ист. и древн.*); а въ Симбирскомъ сборникѣ Валуева согласно съ подлинникомъ. Сношенія Россіи съ Римскою имперіей изданы II Отдѣленіемъ собств. Его Императорскаго Величества канцеляріи съ незначительными поправками; Г. Θ. Карповъ допустилъ поправки въ Крымскихъ дѣлахъ (въ *Сборникѣ Императорскаго Историческаго общества*). В. А. Уляницкій въ тѣхъ же дѣлахъ строго держался текста. Такой же системѣ слѣдовалъ и г. Вязоуровъ.

становить этотъ подлинникъ въ первоначальномъ видѣ. Осуществленіе этого требованія на практикѣ встрѣчаетъ, однако, много затрудненій. Одно изъ существенныхъ состоитъ иногда въ невозможности одновременно съ передачею текста передать и то, что хотѣлъ сказать писецъ, но не имѣлъ въ своемъ распоряженіи къ тому средствъ, за отсутствіемъ въ то время тѣхъ или другихъ знаковъ (примѣры будутъ представлены ниже).

Какъ издавать памятники: держаться ли строго орфографіи подлинника, или можно допускать въ немъ измѣненія согласно новѣйшимъ требованіямъ грамматики?

Одни заявляютъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ нѣтъ никакой надобности сохранять прежнюю орфографію во всей ея неприкосновенности и соблюдаютъ правописаніе текста по возможности. Въ предисловіи къ изданію Дворцовыхъ Разрядовъ (С.-Пб. 1850, т. I, стр. XXXVI) сказано: „Издаваемые нами рукописи, ни по древности, ни по значенію филологическому, не принадлежать къ числу такихъ, въ которыхъ слѣдовало бы непремѣнно соблюдать всё, и малѣйшіе отгѣнки древней орфографіи, не раздѣляя даже словъ и не вводя новыхъ знаковъ препинанія, каковы суть Остромирово или Реймское Евангелія. Онѣ важны по своему содержанію, но писаны большею частью людьми полуграмотными, и не было бы ни пользы, ни возможности сохранить въ печати всё орфографическія ошибки писцовъ“. Сорокъ лѣтъ спустя, И. Е. Забѣлинъ, приступая къ подобному же изданію, высказалъ то же самое: „Дьячье правописаніе XVII столѣтія, какъ извѣстно, не составляетъ основнаго сокровища для исторіи языка и напротивъ того отличается изобиліемъ весьма обычныхъ въ малограмотномъ письмѣ ошибокъ. По своему характеру, оно, какъ и теперешнее не совсѣмъ грамотное письмо, всегда обнаруживаетъ явные слѣды борьбы грамматики съ выговоромъ или произношеніемъ“ (Дополненія къ Дворцовымъ Разрядамъ, стр. XII—XIII. Читенія въ Императорскомъ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при Московскомъ университетѣ 1882, I). Иные держатся текста „по возможности“, не допуская никакихъ измѣненій только въ собственныхъ именахъ.

Въ самомъ дѣлѣ: если подъячій написалъ велель, а строкой ниже велль, то неужели необходимо сохранить то и другое? Неужели надо оставить: тверьской, иверьской? Но тамъ, гдѣ была строгая система, измѣнять нельзя ни въ какомъ случаѣ. Глаголы оканчивались всегда вмѣсто *ся*, *ься*—на *ца*: видетца, кажетца. Когда пра-

вописаніе выражаетъ общій или мѣстный выговоръ, измѣненія не должны допускаться: *да* (до) Москвы, толды, *ево* и т. д. И десятиричное употреблялось какъ разъ на оборотъ противъ нашихъ правилъ настоящаго времени. Раскольники никакъ не соглашались писать: *Исусъ*. Когда допускаютъ измѣненія въ ореографіи, тогда мы уже знаемъ, какъ относиться къ такому изданію, подновленному въ наше время и въ обманъ не дадимся.

Но такая система имѣетъ свои неудобства. Какія измѣненія возможны, и гдѣ предѣлъ личному произволу? Странно читать документы XV, XVI, XVII столѣтій, исправленные по грамматическимъ требованіямъ XIX.

По другому взгляду на дѣло, никакія измѣненія въ передачѣ текста не допускаются, онъ издается буква въ букву. Мы вполне сочувствуемъ такой системѣ и были бы готовы стать на ея сторону, еслибы она достигла намѣченной цѣли; но при всей, математической точности передачи, изданія подобнаго рода не имѣютъ никакого филологическаго значенія, а между тѣмъ пользование текстомъ и чтеніе его затрудняются¹⁾. Обойтись теперь безъ знаковъ препинанія, въ старину не употреблявшихся, не возможно. Они придаютъ изложенію смыслъ, который въ нѣкоторыхъ случаяхъ постигается нелегко даже самимъ изучающимъ памятникъ, требуются сравненія, иногда изслѣдованія, иногда приходится пользоваться наружными признаками рукописи, а потому издатель обязанъ помочь читателю²⁾. Вотъ уже происходитъ нарушеніе текста. Не будемъ говорить о прописныхъ буквахъ, встрѣчающихся иногда совершенно некстати (напримѣръ, въ серединѣ слова); но какъ быть съ тѣми буквами, которыя вышли изъ употребленія? Иногда „къ тебѣ“ писалось посредствомъ кси. „И“ съ краткой ничѣмъ не отличалось отъ простаго „и“, а въ произношеніи существовала: твои указъ, Михаилу нельзя писать. Буква эта, какъ видно, затрудняла писцовъ, они ее, случалось, выносили на верхъ: во все^к воле, в че^к дворъ. Они писали: въ

¹⁾ Образцомъ изданій такого рода является: Жизнь князя Андрея Михайловича Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни. Акты, изданные временною комиссіею, Высочайше утвержденною при Киевскомъ военномъ Подольскомъ и Волыньскомъ генералъ-губернаторѣ. Киевъ. 1849.

²⁾ Сохраненіе ореографіи лица нѣвѣстнаго, напримѣръ, дьяка, управлявшаго тѣмъ или другимъ приказомъ, имѣетъ основаніе; но какое значеніе представляетъ ореографіа нѣвѣстныхъ писцовъ, заботившихся, главнымъ образомъ, о красотѣ почерка?

23-е число, 23-го числа, въ 23-мъ числѣ; но очень рѣдко въ 23-й день. Титла нельзя раскрывать такъ, какъ ихъ раскрываютъ теперь: возстановленныя буквы должны отличаться какъ-нибудь, хотя бы курсивомъ. Надо имѣть въ виду манеру писца выводить ту или другую букву. Нѣкоторые ъ писали, какъ з (встрѣчается и въ настоящее время), у ш дѣлали росчеркъ, какъ у ш. Буква ъ представляетъ много затрудненій. Старинныя писцы, чтобы не писать ее, когда она была необходима, предыдущую согласную выносили на верхъ: ^хякъ (дьякъ), стр^ацы, Ю^ри (Юрьи=Юрій), ра^т (рать), да^н (дань); то же и вмѣсто з: по^демъ; (подъемъ). Съ этимъ справиться было бы легко, еслибы буквы не выносились наверхъ безъ всякой надобности ради экономіи въ бумагѣ: под^ан^ный ¹). Прежнія сокращенія должны ли быть сохранены: то^т (того), велико^т (великого) государя, государь^т (государь же)? День и деньги сокращалось одинаково въ *де*. Встрѣчается лигатура, когда предлогъ оканчивается тою же буквой, какою начинается слѣдующее существительное: по^домъ (подъ домъ), по^твои товары (подъ твои товары), по^тебя (подъ тебя), въ послѣднемъ случаѣ копирующіе буква въ букву напишутъ: по тебя.

Всѣ подобныя недоразумѣнія встрѣчаются и въ книгѣ г. Бѣлокурова. Отметимъ нѣкоторыя слова:

Буква й. Въ Росѣвскомъ царствѣ (стр. 177), вернейшего (стр. 234), воиню, война (стр. 52, 98, 99), тайные (стр. 56), проити (стр. 101, 123), Михаило (стр. 71), Каихосръ (стр. 387); за то Юрьѣ—ужь не возможно (стр. 199, 200).

Буква ъ и з. Лва (стр. 33), о дву кон (стр. 67), рат (рать—по всей книгѣ). корол (стр. 71), кров прольетца (стр. 215); но жалованьемъ (стр. 68), хотя тамъ ъ и нѣтъ. Юрьи (стр. 169). Всей (всей) Иверской землѣ (стр. 265), грамотьку (стр. 454).

Буква ѣ: все (всѣ) кабардинские князи (стр. 75).

Буква ш: Шулды (вси Шулды, вслѣдствіе лишняго росчерка, (стр. 313).

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ г. Бѣлокуровъ титла не раскрываетъ: Иса (стр. 91), Ису (стр. 93)—Исуса, Исусу. Это тѣмъ болѣе неудобно, что *Иса* будетъ по мусульмански.

Мы не имѣли въ виду исчерпать вопросъ, а только возбудить его, а потому ограничились только этими немногими примѣрами.

¹) Въ точной передачѣ рукописи имѣняются нѣрѣдко фамилія г. Коробинъ (Коробин) обращается въ Коробина, Изъядиновъ (И*единовъ) въ Иядинова, и т. д.

Замѣтимъ еще слѣдующее: на стр. 405 *Бузмикъ* должно быть измѣнено въ *Тузмикъ* (какъ на стр. 477)—происходитъ отъ слова, *тузь*—соль. На стр. 157 напечатано: „не во священнѣхъ ризахъ“, а должно быть: не въ освещеннѣхъ ризахъ. На стр. 183 у *Сейнбѣка*—должно быть *Усейнъ бека*.

Отрывокъ наказа на страницѣ 437 долженъ быть перенесенъ на 439-ю, слова: „словъ отпустил, а дѣла с нимі никакого не учинил“ слѣдуютъ послѣ: „и царское величество Крымскаго Казы—Гирея царя“.

Мы сочли долгомъ обратить вниманіе на трудъ г. Бѣлокурова и увѣрены, что наши историки и ориенталисты скажутъ ему большое спасибо за изданіе Кавказскихъ документовъ изъ Московскаго архива. Обширное предисловіе г. Бѣлокурова разъясняетъ читателямъ наше знакомство съ Кавказомъ въ древнѣйшія, относительно, ко времени и даетъ свѣдѣнія о литературѣ по этому вопросу.

И. Весселеній.

Книжныя новости.

Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе Императора Александра II. Хроника дѣятельности комиссій по крестьянскому дѣлу. *Н. П. Семенова*. Т. II. Второй періодъ занятій. Съ портретомъ перваго предсѣдателя комиссій *И. И. Ростовцова* и изображеніемъ 8 членовъ финансовою комиссіи. Изданіе Меркурія Елеазаровича Комарова. С.-Пб.—Второй томъ труда *Н. П. Семенова* заключаетъ въ себѣ такія же любопытныя свѣдѣнія о дѣятельности редакціонныхъ комиссій, какъ и первый. Особеннаго вниманія заслуживаютъ пренія по докладамъ хозяйственнаго отдѣленія. Докладъ объ основаніи и размѣрѣ надѣла обсуждался въ общей комиссіи подъ предсѣдательствомъ *Н. А. Милютина* вмѣсто *Я. И. Ростовцова*, при чемъ *Милютинъ* вмѣстѣ съ кн. Черкасскимъ энергически отстаивалъ противъ *Галагана* принципъ сохраненія существовавшихъ надѣловъ и допущеніе отрѣзокъ отъ него только въ исключительныхъ случаяхъ. Разногласіе было предоставлено на усмотрѣніе *Ростовцова*, который согласился съ мнѣніемъ *Милютина*, главнымъ образомъ, изъ опасенія, какъ бы отрѣзы не вызвали крестьянскихъ волненій. Докладъ хозяйственнаго отдѣленія объ основаніи оцѣнки и выкупа усадебъ, какъ не затрогивавшій близко интересовъ помѣщиковъ, прошелъ безъ особыхъ споровъ, точно также, какъ и дополнительный докладъ объ основаніяхъ и способѣ опредѣленія повинностей. Напротивъ того, докладъ объ отводѣ и обмѣнѣ земель вызвалъ жаркія пренія, при чемъ Самаринъ и Черкасскій стояли за регламентацію этого отвода въ видахъ огражденія интересовъ крестьянъ, тогда какъ авторъ книги находилъ возможнымъ предоставить разграниченіе земель помѣщиковъ и крестьянъ ихъ добровольному соглашенію. Кромѣ преній по этимъ вопросамъ, во второмъ томѣ помѣщены разсужденія по докладамъ с перене-

сені усадебъ, о видахъ и распредѣленіи натуральныхъ повинностей, о порядкѣ ихъ исполненія, объ общихъ свойствахъ повинностей и способѣ ихъ разверстанія, о различныхъ родахъ повинностей, взаимномъ ихъ отношеніи и условіяхъ перехода съ одной на другую, о правѣ пользованія усадьбами до выкупа и правѣ собственности на выкупенныя усадьбы, объ угодьяхъ, отводимыхъ въ надѣль, о правѣ пользованія крестьянъ отводимымъ имъ надѣломъ, о высшихъ и низшихъ размѣрахъ надѣла, о нормальномъ размѣрѣ повинностей, о надѣлахъ и повинностяхъ крестьянъ малороссійскихъ, литовскихъ, южныхъ и юго-западныхъ губерній и объ устройствѣ дворовыхъ людей. Изъ превій по докладамъ другихъ отдѣленій во второмъ томѣ помѣщены сужденія по докладамъ административнаго отдѣленія—объ устройствѣ сельскаго общества, о порядкѣ распредѣленія крестьянъ между сельскими обществами, объ отношеніи помѣщиковъ къ сельскимъ обществамъ и о волостномъ судѣ; по докладамъ юридическаго отдѣленія—о прекращеніи крѣпостнаго права, о правѣ собственности помѣщиковъ на земли, о хозяйственномъ устройствѣ имѣній и отдачѣ ихъ въ арендное содержаніе, о предоставленіи крестьянамъ правъ личныхъ (по состоянію) и семейственныхъ, о правахъ по договорамъ и обязательствамъ, объ отчужденіи и отдачѣ въ залогъ помѣщичьихъ имѣній и порядкѣ наслѣдованія въ этихъ имѣніяхъ, о переходѣ срочно-обязанныхъ крестьянъ въ другія сословія. Всѣ эти доклады служили дополненіемъ къ прежде выслушаннымъ коммиссіями; пренія по нимъ особенно интересны потому, что по большей части окончательныя рѣшенія приняты были именно во второмъ періодѣ занятій коммиссіей, описываемомъ въ излагаемомъ томѣ. Большая часть докладовъ, пренія о которыхъ приведены во второмъ томѣ, была обсуждена коммиссіями въ отсутствіи Ростовцова, заболѣвшаго въ самомъ началѣ занятій втораго періода. Авторъ подробно говоритъ о развитіи недуга Ростовцова, окончившагося смертью, и о той тревогѣ, которую возбуждала эта болѣзнь въ людяхъ, преданныхъ дѣлу освобожденія. Съ назначеніемъ послѣ Ростовцова графа Панина, характеристикѣ котораго авторъ посвящаетъ особый очеркъ, въ способѣ обсужденія вопросовъ въ коммиссіяхъ наступила перемѣна: бесѣды не отличаются тою непринужденностью, какою господствовала при Ростовцовѣ, объ остротахъ, отдѣльныхъ разговорахъ нѣтъ болѣе и помину. Самъ Панинъ то и дѣло вмѣшивается въ пренія, въ большинствѣ случаевъ съ цѣлю предупредить нарушеніе интересовъ помѣщиковъ, которыя казались ему недостаточно огражденными прежними рѣшеніями коммиссій. Кромѣ перечисленныхъ матеріаловъ, во второмъ томѣ находимъ свѣдѣнія о совѣщаніяхъ редакціонныхъ коммиссій съ депутатами 2-го приглашенія. Изъ приложеній ко второму тому обращаетъ на себя вниманіе письмо Ростовцова, заключающее въ себѣ обзоръ мнѣній, ходившихъ въ то время въ обществѣ о способахъ освобожденія крестьянъ, всеподданнѣйшіе адреса депутатовъ перваго призыва, записка М. А. Безобразова о значеніи русскаго дворянства и положеніи, какое оно должно занимать на поприщѣ государственной дѣятельности, съ въ высшей степени любопытными замѣчаніями государя Александра Николаевича, и послѣдняя записка Ростовцова о крестьянскомъ дѣлѣ, послѣ его смерти принятая государемъ. Уже одинъ этотъ бѣглый обзоръ содержанія II-го тома указываетъ на важное значеніе помѣщенныхъ въ немъ матеріаловъ. Вообще трудъ г. Семенова представляетъ послѣ Трудовъ редакціонныхъ коммиссій важнѣйшій источникъ для уясненія, какъ хода самой ре-

формы, такъ и роли различныхъ дѣятелей, потрудившихся для ея осуществленія. Значеніе его для біографа, быть можетъ, еще болѣе важно, чѣмъ для историка и юриста. Благодаря подробнымъ записямъ автора предъ нами живо встаютъ, со всеми ихъ особенностями, герои той замѣчательной эпохи, какъ Черкасскій, этотъ авторъ важнѣйшихъ статей положенія и вообще главный дѣятель редакціонныхъ комиссій, Н. Милютинъ, Самаринъ, Ростовцовъ, Соловьевъ, самъ авторъ и другіе. Рѣчи и письменныя замѣчанія государя, изъ которыхъ нѣкоторыя опубликовываются здѣсь впервые, представляютъ немаловажное дополненіе къ многочисленнымъ свидѣтельствамъ объ активномъ и всегда сочувственномъ дѣлу освобожденія участія, какое принималъ онъ въ реформѣ. Нельзя не назвать счастливою мысль Ростовцова вести запись преній комиссій, и трудно было выполнить это нелегкое дѣло лучше, чѣмъ сдѣлалъ то г. Семеновъ. Безъ сомнѣнія, при обиліи и разнообразіи матеріала, при напряженности работы кое-что могло и ускользнуть отъ его вниманія, но въ общемъ записи г. Семенова носятъ на себѣ характеръ полноты и достовѣрности. Не можемъ не замѣтить впрочемъ, что утвержденіе автора, высказанное имъ во введеніи (т. I, стр. 10), будто дарственный надѣлъ былъ внесенъ въ проектъ положенія главнымъ комитетомъ противорѣчить всѣмъ другимъ свидѣтельствамъ, по которымъ это отступленіе отъ основныхъ началъ реформы было сдѣлано въ государственномъ совѣтѣ. Въ заключеніе обратимъ вниманіе читателя на безукорывленную правильность изданія въ орфографическомъ отношеніи. Ограничимся этими замѣчаніями, такъ какъ полная оцѣнка труда г. Семенова можетъ быть сдѣлана только по его окончаніи.

Григорій Зенгеръ. Еврейскій вопросъ въ древнемъ Римѣ. Варшава. 1889.— Трудъ г. Зенгера представляетъ переработку его рѣчи, произнесенной имъ на торжественномъ актѣ Варшавскаго университета, и заслуживаетъ полнаго вниманія со стороны всякаго, кто интересуется одною изъ наиболѣе любопытныхъ страницъ въ римской исторіи, привлекавшей вниманіе многихъ ученыхъ, какъ гебраистовъ, такъ и филологовъ-классиковъ. Положеніе евреевъ въ античномъ мірѣ, съ той поры, когда въ немъ начинаютъ первенствовать римляне, полно высокаго интереса по своей своеобразности, а трагическій исходъ римско-еврейской драмы представляетъ очевидный примѣръ того, что сила римская встрѣтилась въ своемъ поступательномъ движеніи съ другою силою, правда, иного характера и свойства, и не нашла средствъ ассимилировать ее себя, вслѣдствіе чего должна была прибѣгнуть къ рѣшительнымъ мѣрамъ, характеризующимъ силу грубую, а не цивилизаторскую мощность. Авторъ съ большою живостью и знаніемъ дѣла рисуетъ намъ подробности этого столкновенія Рима съ Иудеей, подробности которыхъ, благодаря обилію и обстоятельности источниковъ, представляются весьма характерными для уразумѣнія исторической роли, которую играла та и другая сторона. Нельзя сказать, чтобъ у г. Зенгера не проявлялось мѣстами увлеченіе, и именно — въ сторону евреевъ, но оно, съ одной стороны, извинительно въ виду той печальной участи, которой подверглись они съ разрушеніемъ Іерусалима, съ другой—не на столько сильно, чтобы выставить въ неправильномъ свѣтѣ роль, которую играли боровшіяся партіи въ общемъ ходѣ развитія древней исторіи. Повторяемъ, живо и увлекательно написанная книжка заслуживаетъ самаго широкаго распространенія среди образованной публики.

SENSORINI DE DIE NATALI LIVÆ. Ad codicum denuo collatorum fidem recensuit *Johannes Chłodniak*. Petropoli. 1889.—Подъ довольно оригинальнымъ и вычурнымъ заглавіемъ: о „днѣ рожденія“ грамматикъ III в. по Р. Хр. Цензоринъ оставилъ потомству небольшой трактатъ антикварнаго содержанія, не имѣющій внутренняго единства, но содержащій въ себѣ не мало интересныхъ данныхъ для исторіи римскаго календаря и лѣтосчисленія, нѣкоторыхъ обычаевъ и вѣрованій, данныхъ, которыя почерпнуты имъ изъ хорошихъ источниковъ: есть основаніе предполагать, что онъ пользовался трудами знаменитаго Варрона, если не непосредственно, то при помощи Светонія, автора, заслуживающаго полнаго довѣрія и уваженія по своей доктринѣ. Трактату этому посчастливилось въ XIX вѣкѣ: извѣстный археологъ О. Янъ издалъ его въ 1845 г., въ 1867 появилось новое изданіе подъ редакціей Гульча; а въ прошломъ году ему посвятилъ свои досуги нашъ соотечественникъ г. Холоднякъ. Въ ряду этихъ изданій г. Холоднякъ должно признать трудомъ выдающимся по той рѣдкой отчетливости, которая характеризуетъ всѣ работы этого молодого ученаго. Воспользовавшись своимъ пребываніемъ за границей, онъ сличилъ четыре рукописи Цензорина; изъ нихъ двѣ—*Coloniensis* 166 и *Vaticanus* 4929 — имѣютъ первенствующее значеніе при установкѣ текста. Сличеніе это, исполненное съ рѣдкою тщательностью (особенно много новаго въ него внесъ г. Холоднякъ черезъ внимательное отличеніе почерковъ—перваго и втораго, и черезъ отмѣтку выскобленныхъ и исправленныхъ мѣстъ и ихъ объема), показало, что не только изданіе О. Яна, но и изданіе Гульча не приводитъ рукописнаго преданія съ надлежащею полнотою и безукоризненностью, и потому въ нѣкоторыхъ, притомъ не малочисленныхъ, мѣстахъ ихъ рецензіи подлежатъ исправленію. Установленіе этого факта представляетъ значительный прогрессъ въ критикѣ Цензоринова текста, и честь этого принадлежитъ нашему ученому. Будемъ надѣяться, что онъ подаритъ насъ и экзегетическимъ комментариемъ къ этому писателю, который заслуживаетъ полнаго и всесторонняго объясненія.

Наблюденія надъ языкомъ Теренціевыхъ комедій. Очеркъ изъ области исторической грамматики латинскаго языка. *П. Черняева*. Казань.—Цѣль очерка г. Черняева состоитъ въ показаніи особенностей въ употребленіи существительныхъ, прилагательныхъ, нарѣчій и глаголовъ у Теренція и въ выясненіи, на основаніи языка его комедій, вопроса о прогрессѣ латинской рѣчи, въ смыслѣ отступленія отъ употребленія древнихъ словъ и введенія новыхъ. При такой постановкѣ вопроса матеріалъ, почерпнуемый изъ комедій Теренція, представляется богатымъ и основательная разработка его—благодарною. Авторъ брошюры съ должнымъ вниманіемъ проштудировалъ комедіи Теренція и воспользовался лучшими комментаріями его изданіями, изъ которыхъ и почерпнулъ не мало указаній; результатомъ этихъ штудій было собраніе данныхъ относительно употребленія у Теренція, сравнительно съ употребленіемъ у Плавта, *abstracta pro concretis*, существительныхъ на —*tor*, греческихъ словъ, *ἀπαξ ἑρριμένα*, *adjectiva verbalia* на —*bilis*, и т. д. Многія изъ этихъ и имъ подобныхъ грамматическихъ явленій уже составили предметъ спеціальной разработки со стороны преимущественно нѣмецкихъ ученыхъ, и нѣкоторыми изъ ихъ монографій воспользовался авторъ, хотя другія, довольно важныя (напримѣръ, капитальный трудъ *Weise* о греческихъ словахъ въ латинскомъ языкѣ), какъ кажется, остались ему неизвѣст-

ными. Вообще, не претендуя на всестороннюю разработку вопроса объ особенностях рѣчи Теренція и вліянія ихъ на послѣдующихъ писателей, брошюра г. Черняева представляетъ не бесполезный очеркъ части этихъ особенностей.

Грамматическія наблюденія и критико-эвзегетическія замѣтки. *С. Жданова*. Киевъ. 1889.—Трудъ проф. Жданова есть результатъ продолжительныхъ и самостоятельныхъ занятій въ областяхъ греческой грамматики и критики текстовъ. Къ первой относится его изслѣдованіе о грамматическомъ родѣ въ греческомъ языкѣ, особенно языкѣ древнѣйшей поэзіи. Не касаясь вопроса о происхожденіи и исторіи грамматическаго рода въ индо-европейскомъ праязыкѣ, авторъ ограничиваетъ свои наблюденія языкомъ греческимъ и, въ противоположность многимъ лингвистамъ, особенно новѣйшей школы, полагающимъ, что важнѣйшіе и труднѣйшіе вопросы касательно рода, по какимъ причинамъ извѣстными понатія подведены подъ извѣстный родъ, относятся не въ грамматичѣй отдѣльнаго языка, а къ индо-европейской; думаетъ, что дѣло слѣдуетъ поставить на оборотъ: правильный методъ изслѣдованій о родѣ долженъ, по мнѣнію автора, состоять въ изслѣдованіи сначала явленій отдѣльныхъ языковъ, которое можетъ затѣмъ бросить нѣкоторый свѣтъ и на явленіе праязыка, а не на оборотъ. Сообразно такому взгляду авторъ подводитъ массу явленій грамматическаго рода подъ отдѣльныя рубрики, изъ которыхъ, путемъ различныхъ видоизмѣненій въ воззрѣніяхъ, ищетъ возможности объяснить другія, болѣе отдаленныя по смыслу и значенію явленія. Само собою разумѣется, что тутъ не обходится безъ субъективности, ведущей иногда къ натяжкамъ, что первоначальнымъ представленіямъ придается современный характеръ, что проявляется насильственная схематизація; но все это неизбежно въ работѣ, подобной той, которая предпринята авторомъ. За нимъ остается остроуміе, послѣдовательность, вѣрность сопоставленій, опирающіяся на непосредственно и обстоятельно собранный матеріалъ, что дѣлаетъ трудъ его весьма почтеннымъ. Другую половину книги занимаютъ отдѣльныя замѣтки, относящіяся къ исправленію текста различныхъ греческихъ писателей, преимущественно поэтовъ. Замѣтки эти, въ большинствѣ случаевъ очень краткія, представляютъ результатъ серьезныхъ занятій древними текстами и относящеюся къ нимъ новою литературою и, по самому своему свойству, не могутъ претендовать на окончательное исправленіе даннаго мѣста: какъ догадки, они заслуживаютъ вниманія, но далеко не всѣ будутъ приняты при послѣдующихъ рецензіяхъ. Весьма жаль, что къ книгѣ не приложено указателя.

Бесѣда на Рождество Христово, приписываемая Василию Великому (по сербской рукописи XV вѣка). Казань. 1889.—Анонимный издатель этого любопытнаго памятника древне-славянской письменности оказалъ услугу его обнаруженіемъ: хотя большинствомъ издателей греческаго текста св. Василія Великаго бесѣда на Рождество Христово и считается подложною, тѣмъ не менѣе славянскій переводъ ея встрѣчается во множествѣ списковъ и предлагается всюду въ копіяхъ, болѣе или менѣе толковыхъ, съ древнѣйшаго перевода, прототипомъ котораго слѣдуетъ признавать издаваемый текстъ, сохранившійся въ сербской рукописи XV вѣка. Въ первоначальномъ видѣ переводъ появился въ Сербіи, а быть можетъ, и въ Болгаріи, и затѣмъ получилъ обширное распространеніе въ древне-русской литературѣ. Онъ, между прочимъ, интересенъ потому, что облудеть древними выраженіями, рѣдко встрѣчаемыми, или вовсе пока не встрѣчающими

мися въ славянской письменности. Изданъ переводъ съ рѣдкою тщательностью и сопровождается подстрочными примѣчаніями, въ которыхъ приводятся, въ необходимыхъ случаяхъ, сопоставленія съ греческимъ подлинникомъ и важнѣйшія варианты изъ рукописей Соловецкой библіотеки.

Ярославскіе пожары въ 1767 и 1768 гг. *А. А. Титова*. Ярославль. 1889.— Неумолимый собиратель и изслѣдователь Ростовской и Ярославской старины *А. А. Титовъ* сообщаетъ въ этой брошюрѣ свѣдѣнія о двухъ пожарахъ въ XVIII вѣкѣ, опустошившихъ Ярославль и давшихъ поводъ къ составленію новаго для него плана, конфирмованнаго императрицею Екатериною II въ 1769 году. Свѣдѣнія эти заимствованы изъ хранящагося въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи дѣла о пожарахъ въ разныхъ городахъ Россіи въ 1767—1768 гг. и не лишены многихъ интересныхъ подробностей, характеризующихъ бытъ и состояніе провинціальнымъ городовъ того времени.

Указатель хранилища древностей при Новгородскомъ губернскомъ статистическомъ комитетѣ. Новгородъ. 1889.— Хранилище древностей при Новгородскомъ статистическомъ комитетѣ обязано своимъ происхожденіемъ личной предпримчивости бывшаго секретаря комитета, священника *Н. Г. Богословскаго*, который, будучи командированъ въ 1863 г. для обозрѣнія губерніи въ статистическомъ отношеніи, собиралъ попутно и разные предметы, особенно памятники христіанской древности. Они-то и послужили основаніемъ музея. По недостатку средствъ на его первое обзаведеніе, комитетъ обращался за помощью къ мѣстному городскому обществу и къ Новгородскому губернскому земству. Послѣднее въ 1867 г. взяло на себя содержаніе музея, съ ежегодною выдачей на него по 500 р. сер. Подъ покровительствомъ земства, музей сдѣлался однимъ изъ богатѣйшихъ, по обширности и содержанію коллекцій, провинціальнымъ учрежденій этого рода. Но въ 1878 г. то же земство отказалось отъ дальнѣйшаго содержанія музея, постановивъ предметы, принадлежащіе статистическому комитету, возвратитъ ему, а предметы, принадлежащіе церквамъ и монастырямъ Новгородской епархіи, передать по принадлежности. Комитетъ, не имѣя ни средствъ, ни помѣщенія, не могъ принять музея и вошелъ въ переговоры по этому предмету съ Новгородскою городской управой; а между тѣмъ древности, хранившіяся въ музеѣ, по распоряженію губернской земской управы, были свалены въ сарай при домѣ, гдѣ онъ помѣщался. Отсюда, по распоряженію митрополита Исидора, въ 1879 г. взято въ церковно-археологическій музей при С.-Петербургской духовной академіи 2026 предметовъ, а остальные оставлены на мѣстѣ. Узнавъ о печальной судьбѣ музея, Ихъ Императорскія Высочества *Сергій и Павелъ Александровичи*, *Константинъ и Дмитрій Константиновичи* пожертвовали на возобновленіе его 1000 руб.; вмѣстѣ съ тѣмъ возбуждено было сочувствіе къ музею въ частныхъ лицахъ, такъ что собранная на его возобновленіе сумма составила свыше 6000 рублей. Въ настоящее время музей помѣщается въ одной изъ башенъ Новгородскаго кремля и заключаетъ въ себѣ 2142 предмета. Число посѣтителей музея въ 1887 г. было 486, а въ 1888 г. уже 1597.

— Въ теченіе января мѣсяна въ редакцію Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія поступили еще слѣдующія книги:

СВЯТОЕ ЕВАНГЕЛІЕ ГОСПОДА НАШЕГО ІСУСА ХРИСТА. Древне-славянскій текстъ. Казань. 1889.

Слово о полку Игоревѣ какъ художественный памятникъ Бѣлѣвской дружинной Руси. Исслѣдованіе *Е. В. Барсова*. Томъ III. Лексикологія „Слова“. А.—М. Москва.

В. А. Бильбасовъ. Исторія Екатерины Второй. Т. I. С.-Пб.

Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Изданіе управленія Кавказскаго учебнаго округа. Выпускъ IX. Тифлисъ.—Содержаніе: Отдѣлъ I: Извѣстія древнихъ греческихъ и римскихъ писателей о Кавказѣ. Перевелъ *К. Ганъ*. Ч. II. Византійскіе писатели. А. Лазика и Иберія.—Отдѣлъ II: 1) О татарскихъ школахъ—*Миръ-Гашимъ-бекъ-Визирова*. 2) Народное обученіе у закавказскихъ татаръ—*А. Захарова*. 3) Анекдоты муллы Насръ-Эдина—*А. Захарова*. 4) Татарскія сказки, записанныя въ Георгійскомъ уѣздѣ Бакинскій губерніи—*Н. Казбека*. 5) Нѣсколько свидѣній о татарскихъ повѣрьяхъ—*Миръ-Гашимъ-бекъ-Визирова*. 6) Татарское преданіе о томъ, почему въ русскомъ государственномъ гербѣ изображается двуглавый орелъ—*Суркова*. 7) Бабушкины разказы—*А. Колашева*. 8) Преданіе о разбойникѣ Керъ-оглы—*Мирза-Вели-Заде*. 9) Изъ этнографическаго дневника—*А. Иоакимова*. 10) Азбулахскія легенды—*В. Темцова*. 11) Нѣсколько свидѣній о селеніи Кулашнинѣ, Елисаветпольской губерніи, и о народной медицинѣ въ Нухинскомъ уѣздѣ—*Рашидъ-бекъ-Эфендіева*. 12) Изъ народной словесности у шапсуговъ—*А. Кайтмазова*. 13) Изъ народной словесности у имеретинъ—*В. Доминадзе*. 14) Сказка о змѣй-царѣ—*И. Самакова*. 15) Сказки, собранныя въ селеніи Баянъ, Елисаветпольскаго уѣзда—*П. Томіева*; сверхъ того, предисловіе и алфавитный указатель ипородческихъ словъ.

Переписка Грузинскихъ царей и владѣтельныхъ князей съ государями Россійскими въ XVIII столѣтіи. *А. А. Цазарели*. С.-Пб.

Къ биографіи *М. К. Бобровскаго* (славянскаго филолога и ориенталиста). *П. Бобровскаго*. С.-Пб.

Н. Любичъ. Начало католической реакціи и упадокъ реформации въ Польшу. По не изданнымъ источникамъ. Варшава.

Труды VI археологическаго съѣзда въ Одессѣ (1884 г.). Томъ IV. Съ присодиненіемъ плана, таблицы и общихъ указателей. Одесса. 1889.

Н. П. Дыхачевъ. Ответъ словому критику. Возраженіе на рецензію *Д. А. Корсакова* о книгѣ „Разрядные дѣянія XVI вѣка“. М.

Объ отношеніяхъ между святою и заветричествомъ. Чтеніе *Г. Герца*. Переводъ *Н. Дрентелана*. С.-Пб.

Святочныя разказы. *Н. И. Познякова*. I—IV. С.-Пб.

Учебникъ общій географіи, съ таблицами. Бурсъ II-го класса. Африка, Австралія, Азія и Америка. Составилъ *Г. С. Лыткинъ*. С.-Пб.

П О П Р А В К И.

Въ январской книгѣ Журн. Минист. Народн. Просв., въ статьѣ Н. М. Благовѣщенскаго „Десятая сатира Ювенала“, должны быть сдѣланы слѣдующія исправленія:

- 1) На стр. 47, въ 17-й строкѣ, вмѣсто Вулкану, слѣдуетъ читать: „Марсу“.
- 2) На стр. 70, въ строкѣ 15-й, послѣ „герула“ слѣдуетъ поставить точку, а слѣдующія затѣмъ слова „также въ значеніи причастія“ должны быть вычеркнуты.

О НАЧАЛАХЪ РУССКАГО ВОСПИТАНІЯ ¹⁾.

Мм. гг.! Одна изъ главнѣйшихъ обязанностей просвѣщеннаго чело-
вѣка есть вниманіе къ общественному воспитанію: ибо отъ его на-
правленія весьма много зависитъ образъ мыслей и нравственность
будущихъ поколѣній, а съ тѣмъ вмѣстѣ и весь будущій ходъ народ-
ной жизни. Кто способенъ отвлекаться отъ вліянія текущихъ обсто-
ятельствъ и смотрѣть на настоящее въ связи съ прошедшимъ и бу-
дущимъ; кто притомъ, по любви къ отечеству, его потребности вклю-
чаетъ въ число своихъ собственныхъ нуждъ: тотъ, безъ сомнѣнія, не
можетъ остаться равнодушнымъ къ ходу народнаго образованія и не
рѣшится сложить съ себя всѣ заботы о немъ, предоставивъ ихъ исклю-
чительно тѣмъ, кому оно поручено правительствомъ; тому, вмѣстѣ съ
съ важностью этого дѣла, откроется и трудность, и многосложность
его; тотъ пойметъ, что вести его съ успѣхомъ и уберечь отъ вред-
ныхъ вліяній можетъ только дружное и согласное дѣйствіе воспита-
телей и общества. И потому не удивляюсь, мм. гг., что вы такъ
благосклонно приняли приглашеніе нашей гимназіи и послѣшили къ
намъ, хотя, безъ сомнѣнія, знали напередъ, что за трудъ своего по-

¹⁾ Эта рѣчь была сказана 3-го октября 1854 года на актѣ первой Москов-
ской гимназіи преподавателемъ русскаго языка и словесности Т. И. Филиппо-
вымъ, нынѣ государственнымъ контролеромъ. Въ свое время она была напеча-
тана въ брошюрѣ, никогда не поступавшей въ продажу, подъ заглавіемъ: Отчетъ
о состояніи 1-й Московской гимназіи и рѣчи, произнесенныя въ торжественномъ
собраніи 1854 года 3-го октября (М. 1854), и перепечатывается нынѣ, какъ
полезный по основательности соображеній матеріалъ при обсужденіи вопроса о
преподаваніи русскаго языка и словесности въ гимназіяхъ, изложенный притомъ
образцовымъ слогомъ.

сѣщенія вы будете вознаграждены лишь ощущеніемъ исполненнаго долга. Но какъ свойственно было вамъ, во исполненіе своихъ обязанностей къ просвѣщенію, почтить насъ своимъ присутствіемъ, такъ еще свойственнѣе намъ на такое высокое вниманіе ваше отвѣчать глубочайшею благодарностью. Считаю себя счастливымъ, что вслѣдъ за достойнымъ начальникомъ нашимъ и я имѣю возможность выразить вамъ чувства нашей признательности и увѣрить васъ, что ободренные вашимъ сочувствіемъ къ нашимъ занятіямъ, мы обратимся къ нимъ съ болѣею надеждою на успѣхъ и съ новою ревностью, чтобы тѣмъ оправдать и милости, вновь оказанныя намъ правительствомъ, и ваше вниманіе, и довѣріе къ намъ общества, свидѣтельствуемое числомъ нашихъ воспитанниковъ.

И если попеченіе объ общественномъ воспитаніи в. всякое время составляетъ долгъ просвѣщеннаго члена общества, то въ настоящее время не дѣлается ли этотъ долгъ обязательнѣе, нежели когда-либо прежде? Западная образованность, за которою мы такъ рѣшительно слѣдовали въ дѣлѣ знаній, искусствъ и общежитія, въ наше время выразила себя въ такихъ печальныхъ явленіяхъ, которыя объ самомъ существѣ ея даютъ весьма невыгодное понятіе. Лучшіе представители нашей словесности уже издавна съ замѣчательною проникательностью и предусмотрительностью старались обратить вниманіе общества на существенные недостатки западнаго просвѣщенія и на различіе его началъ отъ основныхъ началъ просвѣщенія русскаго; но привычка отпоситься къ западу съ безотчетнымъ уваженіемъ, воспитанная въ насъ его полуторавѣковымъ вліяніемъ, мѣшала рѣшительности нашего сужденія, такъ что ясныя, какъ день, доказательства и мнѣнія казались намъ сомнительными предубѣжденіями въ пользу своего. Наконецъ, послѣднія событія сильнѣе и рѣшительнѣе всякихъ разсужденій раскрыли намъ глаза на самихъ себя и на западъ и, можно сказать, устыдили медленность нашего мышленія и наше равнодушіе къ своей народной сущности. Мы много употребили усилій для того, чтобы въ дѣлахъ внѣшней мудрости сравняться съ западомъ. Опасаться за распространеніе въ нашемъ отечествѣ нужныхъ знаній нельзя: за будущіе успѣхи нашего народнаго образованія ручается съ избыткомъ и постоянная заботливость объ немъ правительства, и развитая уже любознательность общества. Намъ теперь должно подумать о другомъ: какъ бы привести въ ясность наши неопредѣленные отношенія къ европейскому просвѣщенію, какъ отдѣлить въ немъ нужное и полезное для насъ отъ того, чего намъ должно избѣгать,

какъ лишняго и даже вреднаго. Нужно, наконецъ, привести во всеобщее сознаніе то, что насъ отдѣляетъ отъ запада и что составляетъ основныя начала нашей самобытной жизни, и потомъ, приведя эти начала въ живое сознаніе, поставить ихъ краеугольнымъ камнемъ русскаго воспитанія.

Въ воспитаніи усматриваются двѣ цѣли, тѣсно между собою связанныя: первая имѣетъ въ виду развитіе общихъ человѣческихъ свойствъ независимо отъ случайныхъ условій, вторая достигается примѣненіемъ общихъ началъ воспитанія къ историческимъ условіямъ: первая имѣетъ въ виду человѣка, вторая гражданина. Въ первомъ случаѣ основаніемъ дѣлу служить религія: она воспитываетъ въ насъ тѣ вѣчныя, всеобщія стихіи духа, которыя необходимы всякому человѣку безъ различія мѣста, времени и народности. Хотя она собственно приготовляетъ насъ къ жизни, ожидающей человѣка по ту сторону гроба, но тѣмъ не менѣе въ ней находится единственное руководство и для нашего земнаго пути: ибо только тотъ способенъ пройти безпреткновенно путь земной жизни, кто видитъ въ ней пріуготовленіе къ вѣчности, а не заключаетъ въ ея тѣсныя предѣлы всѣхъ своихъ ожиданій. Науки и искусства суть цвѣтъ человѣческой дѣятельности; онѣ не только украшаютъ и улаживаютъ нашу жизнь, но и составляютъ существенную ея принадлежность, безъ коей нѣтъ полноты жизни; однако, благо человѣку и народу, который въ составѣ своей жизни отводитъ имъ принадлежащее имъ мѣсто и не теряетъ изъ виду ихъ отношенія къ высшей духовной дѣятельности человѣка—религіозной. Въ противномъ случаѣ изъ орудій блага онѣ становятся источникомъ частнаго и общественнаго зла, разрушаютъ внутренній міръ человѣка и благосостояніе общества.

Мы знаемъ, что западъ стоитъ во главѣ человѣчества въ дѣлѣ знаній и искусствъ, однако замѣчаемъ тамъ крайнее смущеніе совѣсти въ отдѣльныхъ лицахъ и страшное колебаніе всѣхъ общественныхъ основъ въ государствахъ. Причины тому очевидны. Оторвавшись отъ истинныхъ началъ жизни, проповѣданныхъ Евангеліемъ, западный человѣкъ ищетъ для нея новыхъ основаній и, разумѣется, не находитъ: ибо ихъ нѣтъ. Все, что бы ни создалъ человѣкъ самъ отъ себя въ замѣнъ отвергнутой имъ истины, все будетъ ложь: до истинныхъ законовъ человѣческаго естества не можетъ возвыситься наше поврежденное умствованіе,—они открыты только божественному вѣдѣнію. Итакъ, въ основаніе человѣческаго воспитанія должно положить ученіе христіанское: оно одно можетъ указать человѣку, въ чемъ

состоитъ истинное просвѣщеніе, истинная добродѣтель и истинное счастье; безъ него онъ нигдѣ и ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть ни счастливъ самъ, ни полезенъ другимъ.

Но, говоря о христіанскомъ воспитаніи, мы не должны забывать и того, что оно должно быть не какое иное, какъ предлагаемое православною церковью: ибо единственная и неизмѣнная хранительница правой вѣры въ то же время есть по необходимости и единственная сокровищница истиннаго разумѣнія вещей и чистыхъ нравственныхъ понятій. Кромѣ исключительной истины и чистоты своего ученія, православіе дорого русскому народу и по безчисленнымъ благодѣяніямъ, которыя оно оказало ему въ теченіе его исторіи. Православію мы обязаны всѣмъ: оно спасало насъ въ древній періодъ нашей жизни отъ тысячи бѣдъ, татарскихъ, литовскихъ, польскихъ и т. д.; оно охраняло насъ отъ западныхъ искушеній и доселѣ сохраняетъ невредимою нашу народность отъ иноземныхъ вліяній; и въ минуту настоящихъ испытаній оно — причина нашей брани, оно же и наша защита, и наше упованіе. Оно и до конца жизни нашего народа да будетъ ея неизмѣннымъ основаніемъ, источникомъ нашего величія и славы, нашею первою похвалою.

Вторая цѣль воспитанія состоитъ въ примѣненіи общихъ его началъ къ той средѣ, въ которой Провидѣніе судило жить человѣку. Конечно, внутреннее воспитаніе должно возносить человѣка надъ всѣми случайными условіями его быта, но оно должно достигать этого, не разрушая его законныхъ связей съ отечествомъ, обществомъ и семьей; напротивъ того, своею силой и священнымъ дѣйствіемъ своимъ оно должно укрѣплять и освящать ихъ. Въ сущности нѣтъ ничего противоположнаго христіанскаго ученія объ этомъ предметѣ ученіямъ нашего времени о всемірномъ гражданствѣ: христіанство, воспитывая человѣка въ любви къ своему народу и всему окружающему, стремится распространить эту любовь на все человѣчество; ученія космополитическія, внушая безразличную любовь ко всему, доводятъ до полнаго равнодушія къ своему и чужому. И потому за общими началами воспитанія, образующими человѣка, необходимо должно слѣдовать (я говорю не о хронологической послѣдовательности, а о мѣрѣ важности) воспитаніе народное, связующее человѣка съ его мѣстными, временными и вообще историческими условіями. Этой цѣли воспитанія преимущественно предъ другими предметами способствуетъ отечественная исторія, отечественная словесность и отечественный языкъ. Преподаваніе двухъ послѣднихъ предметовъ въ этомъ заведеніи по-

ручено высшимъ начальствомъ мнѣ; позвольте, мм. гг., представить вамъ краткій обзоръ моихъ занятій, указать на объемъ ихъ и на приуроченіе моего преподаванія къ вышеупомянутой цѣли народнаго воспитанія.

Я начинаю свои занятія съ четвертаго класса и отъ моихъ товарищей принимаю воспитанниковъ, знакомыхъ уже съ теоріею нашего языка. Въ первый годъ нашихъ занятій они ее повторяютъ, при чемъ рядомъ съ нею идетъ классъ языка церковно-славянскаго. Очевидная важность изученія его, какъ языка богослужебнаго, понятна всѣмъ: знакомство съ нимъ открываетъ воспитаннику весь внѣшній смыслъ Св. Писанія и богослуженія, по мѣстамъ затруднительный, а иногда и вовсе непонятный для людей, по навыку, а не научно знающихъ этотъ языкъ. Такимъ образомъ онъ становится у насъ въ Россіи весьма важнымъ вспомогательнымъ предметомъ и въ религіозномъ образованіи. Но, кромѣ этого всѣмъ извѣстнаго значенія, церковно-славянскій языкъ имѣетъ еще другое: его судьба тѣсно связана съ самыми коренными вопросами въ исторіи нашего племени. Обязанный своимъ происхожденіемъ принятію славянскими племенами православной вѣры, онъ въ послѣдствіи явился главнымъ орудіемъ ея храненія. Западные наши соплеменники, рано отторгнутые отъ православія насиліемъ римскаго духовенства, скоро утратили славянское богослуженіе и такимъ образомъ лишились послѣдней связи съ своими православными родичами. Въ теченіе многихъ вѣковъ славяне жили во взаимномъ отчужденіи, позабывъ свое племенное и религіозное единство; каждый изъ славянскихъ народовъ былъ занятъ своею судьбой, выработывалъ свою отдѣльную народность подъ вліяніемъ различныхъ историческихъ обстоятельствъ. Нашему столѣтію принадлежитъ честь того великаго умственнаго движенія въ племенахъ славянскихъ, которое привело ихъ къ ясному уразумѣнію ихъ исторіи и черезъ то къ сознанію ихъ исконнаго родства и бывшаго нѣкогда единовѣрія. Церковно-славянскій языкъ получилъ такимъ образомъ особую важность, какъ орудіе утраченнаго религіознаго единства. Сверхъ того, въ его древнѣйшихъ свойствахъ каждое изъ славянскихъ нарѣчій находитъ что-нибудь свое, что естественно должно усиливать еще болѣе ихъ стремленія ко взаимности, какъ къ чему-то не новому, уже бывшему, слѣдовательно, законному. Церковно-славянскій языкъ становится, стало-быть, нѣкоторымъ средоточіемъ, около котораго собираются эти стремленія.

Далѣе: совмѣщая въ себѣ множество свойствъ, разбросанныхъ по

различнымъ славянскимъ нарѣчіямъ, и такимъ образомъ дѣлаясь ихъ средоточіемъ, по силѣ словопроизводства, по богатству звуковъ и древнѣйшихъ формъ подходя ближе всѣхъ нарѣчій къ языку древне-славянскому, церковный языкъ является полнѣйшимъ и преимущественнымъ представителемъ нашего племени въ ряду языковъ индоевропейской семьи и въ этомъ обнаруживаетъ свое новое, можно сказать, всемірно-историческое значеніе. У насъ въ отечествѣ онъ имѣетъ особенную важность по своей тѣснѣйшей связи съ нашимъ языкомъ, проходящей черезъ всю исторію сего послѣдняго. Я не говорю уже о древнемъ періодѣ нашей словесности, когда языкъ церковно-славянскій такъ сливался съ языкомъ устнымъ, народнымъ, что эти двѣ стихіи никакъ почти нельзя разнять въ древне-русскихъ письменныхъ памятникахъ; но даже впоследствии, въ новый періодъ нашей словесности, церковно-славянскій языкъ не переставалъ и не перестаетъ обогащать нашъ языкъ своими сокровищами и охранять его отъ вторженія иноплеменныхъ выраженій. Въ эпоху преобразования Россіи, когда къ намъ настезь растворились двери всему чуждому,—и въ языкъ нашъ вошло много варваризмовъ, смутившихъ его чистоту. Чтобы положить предѣлъ этому наплыву и вывести нашу рѣчь изъ хаотическаго состоянія, великій учредитель нашего новаго языка прибѣгнулъ къ языку церковно-славянскому, какъ оплоту его чистоты. И послѣдующіе великіе писатели наши не уклонялись отъ вліянія этого языка: и не только духовные витіи, которымъ свойственно украшать свою рѣчь славянскими реченіями и возвышенный слогъ которыхъ такъ близко подходитъ къ торжественному строю рѣчи ц.-славянской, но и на лучшихъ представителяхъ нашей свѣтской литературы его вліяніе отразилось очень замѣтно: напримѣръ, на Державинѣ, Карамзинѣ, Жуковскомъ и особенно на Пушкинѣ.

Познакомившись съ церковно-славянскимъ языкомъ, мы переходимъ къ изученію древне-русскаго языка, которому посвящается отдѣльный классъ. Здѣсь мы знакомимся съ русскимъ языкомъ на всемъ пространствѣ древняго періода его исторіи: отъ языка первобытной нашей письменности, встрѣчаемаго въ проповѣди митрополита Иларіона, лѣтописи Нестора, Словѣ о полку Игоревѣ, богатырскихъ пѣсняхъ, до языка схоластическихъ писателей, который мы видимъ въ силлабическихъ виршахъ Симеона Полоцкаго и его современниковъ и въ произведеніяхъ духовнаго краснорѣчія того времени. А между тѣмъ рядомъ съ этимъ практическимъ изученіемъ нашего языка

идеть преподаваніе риторики, цѣль котораго собственно состоитъ въ томъ, чтобы познакомить воспитанниковъ съ общими правилами построенія рѣчи, но оно не остается безплоднымъ и по отношенію къ языку: отрывки, приводимые въ примѣръ риторическихъ правилъ изъ лучшихъ нашихъ писателей отъ Ломоносова до Пушкина и Гоголя, знакомятъ воспитанниковъ съ языкомъ и слогомъ новаго періода русской словесности.

Такимъ образомъ, по сколько можно умѣстить въ тѣсныя предѣлы отмѣреннаго намъ времени, мы изучаемъ исторически языкъ нашего народа отъ начала нашей письменности до послѣдняго времени. И пусть изученіе это не особенно глубоко: оно важно, какъ сѣмя, отъ котораго ожидать плодовъ должно въ будущемъ. Во всякомъ случаѣ, и въ этомъ ограниченномъ размѣрѣ оно есть залогъ патриотическихъ убѣжденій въ воспитанникѣ; оно сближаетъ и роднитъ его съ его народомъ и отечествомъ: ибо языкъ есть образъ народа или, лучше сказать, самъ народъ, выразившій себя въ своемъ словѣ. Вамъ извѣстны, мм. гг., печальныя слѣдствія того могущественнаго вліянія, которое имѣлъ на наше общество языкъ французскій; пристрастіе къ этому языку находится въ прямомъ противорѣчій съ патриотическимъ воспитаніемъ, ибо оно переноситъ наше сочувствіе отъ своего къ чужому. „Любить отечество и имѣть пристрастіе къ чему-либо внѣ отечества“, говоритъ ревнитель русскаго слова ¹⁾, — „значитъ не любить отечества. Любовь къ отечеству требуетъ любви ко всему, что относится къ цѣлости отечества. Вѣра, законы, нравы, обычаи отечественные суть предметы, которые сердце каждаго сына отечества должно обнимать всею крѣпостью, какъ свое родное, природное. Особенно же языкъ отечественный, которымъ выражаются мысли и чувства, внутренній характеръ и духъ соотечественниковъ, которымъ изображены законы и вѣра отцовъ, которымъ прославляется Богъ въ странѣ отечественной, сей языкъ требуетъ любви твердой, постоянной, пламенной, которая бы въ употребленіи и слышаніи его находила свое пріятнѣйшее удовольствіе и утѣшеніе“. И потому повторяю еще разъ, не смотря на необширный объемъ историческаго изученія русскаго языка въ гимназіяхъ, послѣдствія его должны быть самыя благотворныя. И вы увидите, мм. гг., что просвѣщенныя распоряженія правительства, клонящіяся къ усилению преподаванія отечественнаго языка, увѣнчаются полнымъ успѣхомъ и

¹⁾ Протоірей Кочетовъ

поселять въ юношествѣ сознательное уваженіе ко всему, что носитъ на себѣ печать нашей народности. Юноши наши будутъ говорить и по французски и по англійски, и на всѣхъ другихъ языкахъ, но уже не изъ тщеславнаго щегольства своимъ мнимымъ образованіемъ, но въ нужныхъ случаяхъ, чтобы помочь незнакомству иностранцевъ съ нашимъ языкомъ.

Затѣмъ мы переходимъ къ теоріи словесныхъ произведеній, сначала прозаическихъ, потомъ поэтическихъ. Главное вниманіе при семъ обращается на объясненіе внутренняго построенія словесныхъ произведеній, на условія, коимъ подлежатъ различные роды ихъ. Теоретическое изученіе словесности сопровождается примѣрами, которые берутся преимущественно изъ писателей отечественныхъ и изъ произведеній иноземныхъ, усвоенныхъ русской словесности переводами нашихъ знаменитыхъ писателей. Было время, когда въ преподаваніе словесности преимущественно передъ практическимъ знакомствомъ съ нею изучали правила и законы ея видовъ, отчетливо разясняли взаимное различіе ихъ и особенныя ихъ свойства, но не знакомили достаточно воспитанниковъ съ живыми примѣрами, столь важными для смысла теоріи, и тѣмъ придавали какую-то мертвенность нашему предмету, въ сущности живому и привлекательному. Такой методъ, убивающей духъ предмета, противодѣйствуютъ современныя мнѣнія о преподаваніи, совѣтуя въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ обогащать воспитанниковъ преимущественно чтеніемъ и личнымъ знакомствомъ съ образцовыми произведеніями словесности. Еслибы выбирать изъ этихъ двухъ методъ, то, безъ сомнѣнія, должно предпочесть послѣднюю первой; но и относительно ея нельзя обойтись безъ нѣкоторыхъ замѣчаній: она въ свою очередь, переступая законныя границы, вредитъ надлежащему познанію предмета. Въ наше время такъ не трудно встрѣтить молодаго человѣка съ большою начитанностью, которая не столько радуется за него, сколько печалится: этотъ способъ чтенія всего безъ разбора и отчета приводитъ читателя къ крайнему смѣшенію понятій. Всѣ роды словесныхъ произведеній съ особенностями назначенія каждаго изъ нихъ и съ особенностями условій, свойственныхъ каждому изъ нихъ, сливаются въ головѣ неразборчиваго читателя въ одну хаотическую груду: онъ читаетъ и поэмѣ, и ораторскую рѣчь, и сатиру, и басню, выщипывая изъ нихъ какія-нибудь общія мысли и занимаясь общностью ихъ содержанія, упуская вовсе изъ виду частную красоту каждаго рода, ему только свойственную. Отъ этого такой упадокъ и такое смѣше-

ніе художественныхъ понятій въ наше время; отъ этого и наша критика такая, какая она есть. Да и въ отношеніи къ обогащенію мышленія, такая метода болѣе вредитъ, нежели приноситъ пользы, ибо мышленіе обогащается не столько простымъ знакомствомъ со многими предметами, сколько уразумѣніемъ отношеній, между ними по природѣ существующихъ, и умѣніемъ всякой вещи указать ея мѣсто, существомъ ея опредѣляемое.

Наконецъ, въ заключеніе гимназическихъ занятій проходитъ курсъ исторіи русской словесности. Запасъ свѣдѣній, заготовленный предыдущими занятіями въ классѣ и собственною начитанностью учениковъ, здѣсь пополняется и приводится въ стройный порядокъ; тѣ писатели, съ которыми ученики знакомились изъ отрывковъ, изучая исторію языка или прилагая примѣры къ правиламъ риторики и шитки, вновь предстаютъ предъ ними, но уже въ полнотѣ своей дѣятельности, поясняемой притомъ теоретическими замѣчаніями. Многообразная духовная жизнь нашего народа, выразившаяся въ его словесности, раскроетъ здѣсь воспитаннику свой смыслъ, по скольку онъ можетъ воспринять его, и обойметъ его могуществомъ своего вліянія.

И древній періодъ нашей исторіи, въ теченіе котораго возростали коренныя начала русской жизни, явится ему во всемъ своемъ величій и святынь. Тамъ пройдутъ передъ нимъ и глубокомысленные церковные витіи первыхъ трехъ вѣковъ нашего христіанства — Иларіонъ, Кирилль и Серапіонъ; тамъ услышитъ онъ правдивыя сказанія нашего честнаго Нестора о первыхъ временахъ нашего государства и чудную повѣсть о подвижникахъ печерскихъ, основателяхъ народнаго благочестія; тамъ разкажетъ ему игумень Данииль о своемъ благочестивомъ посѣщеніи Св. Мѣсть, столь вождѣльныхъ для сердца христіанина; тамъ прочтетъ ему благовѣрный Мономахъ свое Поученіе, повергающее мысль въ прахъ передъ величіемъ древняго русскаго христіанина, и митрополить Никифоръ своимъ посланіемъ укажетъ на любовныя отношенія церкви русской къ верховной власти, чуждыя даже тѣни совмѣстничества или соперничества; тамъ прозвучитъ передъ нимъ скорбная пѣснь о плѣненіи Игоря и радостная повѣсть о Куликовской битвѣ, предтечѣ освобожденія нашего отечества; тамъ услышитъ онъ стихи нашей нищей братіи, въ которыхъ выразилось глубокое сочувствіе русскаго челоувѣка къ богоугодному житію праведниковъ, и пѣснь нашего народа, какой нѣтъ другой въ мірѣ (ибо по народу и пѣснь), откликающуюся

и на важныя событія нашей исторіи, и на красоты внѣшней природы, и на живыя ощущенія внутренняго міра души; тамъ услышитъ онъ священный призывъ духовнаго пастыря, спасающаго отчизну во дни безначалія, и отвѣтный гласъ истинныхъ сыновъ и спасителей отечества; тамъ, наконецъ, онъ возблагодаритъ передъ ревностью свв. отцовъ нашихъ, Іосифа Волоцкаго, Геннадія, Максима Грека, Дмитрія Ростовскаго и иныхъ, которые сохранили святую православную церковь нашу отъ всѣхъ опасностей, грозившихъ ей со стороны строгольниковъ, жидовъ, раскольниковъ и другихъ враговъ ея, и которые завѣщали намъ оружіе для ея защиты, какъ бы предчувствуя, что жизни русской предстоятъ новыя и сильнѣйшія искушенія.

При такомъ дѣйствіи на воспитанника нашей древней словесности, можно ожидать, что и въ произведеніяхъ новаго ея періода онъ сумѣетъ отличить существенныя явленія отъ несущественныхъ. Ничто не воспрепятствуетъ въ такомъ случаѣ духу великихъ нашихъ писателей обнять его умъ своимъ благотворнымъ вліяніемъ и уберечь его отъ насилія бѣглыхъ современныхъ мнѣній. Высокая нравственная чистота, лежащая въ основѣ всей ихъ дѣятельности, будетъ постоянною охраною его отъ искушеній, всюду разставленныхъ на скользкомъ пути юности; возвышенность и глубина ихъ помысловъ не дасть ему погрязнуть въ тинѣ низкихъ страстей или ограничить свои стремленія въ жизни какими-нибудь мелочными выгодами себялюбія; наконецъ ихъ пламенная любовь къ отечеству, любовь дѣятельная и самоотверженная, научитъ его приносить всѣ свои дарованія и силы въ жертву отечеству, и съ тѣмъ вмѣстѣ вселитъ въ него глубокое и сознательное уваженіе къ нашей народности.

На этихъ двухъ началахъ нашей жизни, то-есть, на православіи и народности, созидается третіе его основаніе—самодержавіе, которое отъ православія заимствуетъ свое освященіе, а въ исторіи находитъ блистательное опытное подтвержденіе своей истинѣ.

Эти основныя начала нашей жизни давно уже признаны нашимъ правительствомъ и поставлены имъ въ основаніе русскаго воспитанія. Оживить смыслъ ихъ въ сознаніи учащагося юношества и тѣмъ предохранить его отъ проникающихъ всюду современныхъ заблужденій—вотъ что составляетъ задачу русскаго воспитателя, желающаго оправдать довѣренность къ нему правительства, которое за всѣ свои благодѣянія, намъ оказываемыя, требуетъ отъ насъ одного: вѣрнаго исполненія своихъ мудрыхъ предначертаній.

Въ заключеніе рѣчи хочу сказать нѣсколько словъ вамъ, юные

друзья мои, въ напутствіе вашего новаго поприща. Въ послѣдній разъ обращаю къ вамъ слово свое съ правомъ, ибо вижу васъ въ стѣнахъ того заведенія, въ которомъ столько лѣтъ вы слушали мои наставленія. Вы вступаете въ ту прекрасную пору жизни, которая обыкновенно почитается лучшею и счастливѣйшею. Я очень хорошо знаю и живо чувствую всѣ привлекательныя свойства юности, тѣмъ болѣе, что самъ едва переступаю за ея черту; но не хочу скрыть отъ васъ и опасностей этого возраста. Чистота побужденій еще не ручательство за чистоту умствованій и дѣйствій; не много такихъ сердецъ, которыя, предваряя опытъ, отвращаются отъ всего того, что содержитъ въ себѣ примѣсь порока; рѣдко встрѣчается такой чистый смыслъ, который при первой встрѣчѣ съ вещью, еще до внимательнаго разбора ея, отдѣлилъ бы въ ней отъ истины ложь. Большая часть людей, можно сказать, всѣ идутъ путемъ опыта и проходятъ, одинъ болѣе, другой менѣе, искушенія зла: и потому необходимо строгое и постоянное вниманіе къ себѣ. Берегитесь самонадѣянности, которая такъ тѣсно связана съ неопытностью и незнаніемъ мѣры своихъ средствъ; не почитайте всего себѣ извѣстнымъ и охотнѣе преклоняйте слухъ свой къ указаніямъ воздерживающей васъ любви, нежели къ обаянію на все соизволяющей лести. Воспитывайте въ себѣ строгое понятіе о своихъ обязанностяхъ къ обществу, которое отнынѣ будетъ смотрѣть на васъ, уже не какъ на безответственныхъ дѣтей, а какъ на юношей, способныхъ давать себѣ разумный отчетъ во всемъ. Болѣе же всего храните чистоту сердца и совѣсти и не уступайте ея никакимъ внушеніямъ и требованіямъ лжеименнаго разума. Кончу словами великаго вселенскаго учителя: „Возвышайся болѣе жизнью, нежели мыслью: ибо жизнь можетъ сдѣлать тебя богоподобнымъ, а мысль довести до великаго паденія“.

Тертій Филипповъ.

НАША УЧЕВНАЯ ЛИТЕРАТУРА ¹⁾.

Книга упражненій въ латинской грамматикѣ д-ра Ферд. Шульца. Составленная Ю. Ходобасемъ и П. Виноградовымъ. Часть вторая. Синтаксическія упражненія. Изд. VI-е, вновь пересмотрѣнное и дополненное. М. 1889. Стр. 260. Цѣна 1 руб.

Въ предисловіи къ VI-му изданію составители заявляютъ, что трудъ ихъ подвергся коренной переработкѣ. Такъ какъ книга упражненій должна представлять полное соотвѣтствіе учебнику грамматики, учебникъ же Шульца-Ходобая въ послѣднемъ, седьмомъ изданіи, согласно съ требованіями гимназической программы, принялъ значительно иной видъ, то и въ рассматриваемой книгѣ дано иное расположеніе фразамъ для переводовъ. Не только параграфы книги упражненій соотвѣтствуютъ параграфамъ грамматики, но и отдѣлы каждаго параграфа идутъ параллельно съ дѣленіемъ на отдѣлы грамматическихъ параграфовъ. Сверхъ фразъ на отдѣльные параграфы, въ концѣ почти каждой главы помѣщены смѣшанные примѣры для упражненій, представляющіе по большей части изложеніе различныхъ мѣстъ классическихъ писателей, имѣющихъ историческое содержаніе и болѣе или менѣе законченныхъ. Отдавая полную справедливость составителямъ книги въ положенномъ на ея исправленіе трудѣ, нельзя не выразить сожалѣнія, что они не обратили достаточнаго вниманія на самый крупный ея недостатокъ и даже не воспользовались въ этомъ отношеніи сдѣланными имъ при разборѣ предыдущихъ изданій замѣчаніями. Недостатокъ этотъ, какъ было уже не разъ указано и равьше, состоитъ въ томъ, что русскія фразы изложены нерѣдко языкомъ

¹⁾ Помѣщенныя здѣсь рецензіи имѣлись въ виду ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія.

тяжелымъ и даже неправильнымъ; нѣкоторые изъ нихъ, взятые внѣ контекста, представляются странными и мало вразумительными. Мы считаемъ необходимымъ особенно настаивать на правильности и даже изяществѣ русскаго изложенія, потому что рассматриваемая книга предназначается для употребленія въ старшихъ классахъ гимназій, гдѣ ученики уже привыкають сознательно относиться къ особенностямъ въ строѣ латинской рѣчи сравнительно съ особенностями роднаго языка. Какъ, съ одной стороны, не только желательно, но и необходимо, чтобы латинскіе переводы были и правильны, и согласны съ духомъ латинскаго языка, такъ съ другой—въ одинаковой мѣрѣ важно, чтобы и русскіе тексты для переводовъ обладали тѣми же качествами. Только при совмѣстномъ дѣйствіи этихъ двухъ условій можно извлечь надлежащую пользу изъ переводовъ съ русскаго языка, а безъ этого они дадутъ, сравнительно, незначительные результаты. Между тѣмъ, и въ VI-мъ изданіи книги гг. Ходобая и Виноградова мы встрѣчаемъ фразы въ родѣ слѣдующихъ: стр. 4: Тапаквила и Лукумонъ вступили въ городъ, неся съ собою великія надежды и замыслы; стр. 15: Объ одномъ всѣ мы думаемъ, однимъ занимаемся, (именно) отвратить отъ государства попытки злонамѣренныхъ людей; стр. 16: Эвристей заставилъ Геркулеса взять на себя двѣнадцать работъ; стр. 35: Цезарь безпокоился за корабли, которые онъ оставилъ у мягкаго и открытаго берега привязанными ихъ якоремъ; стр. 36: Налаягъ на ту заботу и мысль, которая доставитъ тебѣ достоинство и славу; стр. 38: Племя испанцевъ, безразсудно бунтующее, римляне принудили надѣть ярмо, которое оно съ себя сняло; стр. 65: Никакая язва не стоила, роду человѣческому дороже, чѣмъ гнѣвъ; стр. 76: Анкъ Марцій былъ внукъ Нума Помпилія, происшедшій отъ его дочери; стр. 78: Алквивіадъ, изъ страсти къ славѣ и надеждѣ на благопріятность счастья, убѣдилъ аеинянъ начать войну съ сицилійцами, и т. д. Заимствованіе фразъ внѣ ихъ контекста ведетъ къ примѣрамъ такого рода, какъ на стр. 13: Родителямъ не позволяютъ приходитъ къ сыновьямъ, не позволяютъ приносить своимъ дѣтямъ пищу и одежду; стр. 38: Самое худшее преступленіе въ жизни совершилъ тотъ, кто первый надѣлъ на пальцы золотныя кольца; стр. 84: Изъ многихъ книгъ Исократъ Пьеронимъ выбралъ, можетъ быть, тридцать строкъ; что можетъ быть гнуснѣе этого? и т. д. И въ VI-мъ изданіи мы встрѣчаемся съ ошибками, указанными при разборѣ V-го, напримѣръ: Антиане вм. Антиаты, въ Делосѣ вм. на Делосѣ, Такфаринъ вм. Такфаринатъ.

ЕХТЕМРОВАЦІА СЪ РУССКАГО ЯЗЫКА НА ЛАТИНСКІЙ ДЛЯ СРЕДНИХЪ И СТАРШИХЪ КЛАССОВЪ ГИМНАЗІЙ СОСТАВИЛЪ *И. Виноградовъ*. С.-Пб. 1889. Стр. XII+158 въ 8-ку. Цѣна 85 коп.

Книжка г. Виноградова представляетъ собою сборникъ связанныхъ статей, предназначенныхъ какъ матеріалъ для перевода ех темроге ученикамъ V-го и слѣдующихъ классовъ гимназій. Статьи эти переработаны изъ Цезаря *De bello gallico*, и потому, въ общемъ своемъ содержаніи ученикамъ уже извѣстны, но въ то же время передѣлка ихъ до того существенна, что латинскій текстъ Цезаря мало окажется подспорья ученикамъ, если и очитится подъ ихъ руками во время перевода. По мысли, трудъ г. Виноградова заслуживаетъ полнаго одобренія: дѣйствительно, гораздо лучше и полезнѣе какъ можно ранѣе приучать учащихся къ переводу связанныхъ статей, при которомъ ихъ вниманіе обращается на самыя разнообразныя явленія латинской рѣчи, и въ то же время поддерживается ихъ интересъ, а слѣдовательно и охота къ этого рода упражненіямъ. Для того же, чтобы не сразу дать въ руки учащимся русскій текстъ, по содержанію мало имъ знакомый, г. Виноградовъ заимствовалъ его изъ автора, уже достаточно извѣстнаго учащимся, и изъ чтенія котораго они вынесли значительный запасъ словъ и оборотовъ, что должно оказать имъ существенную пользу при экстерпориалѣхъ и облегчить ихъ при первыхъ въ нихъ попыткахъ. Съ цѣлью этого облегченія, въ началѣ каждой статьи, авторъ привелъ указанія главнѣйшихъ грамматическихъ правилъ, примѣненіе которыхъ должно въ ней имѣть мѣсто. Указанія эти сдѣланы рукою опытною и умѣлою и замѣчаній не вызываютъ. За что можно упрекнуть составителя, это за то, что русскій текстъ статей не всегда достаточно свободенъ и гладокъ, такъ что производитъ впечатлѣніе чего-то неестественнаго, составленнаго *ad hoc*. Вотъ нѣсколько примѣровъ: стр. 24: „Меня въ высшей степени удивляетъ“, сказалъ Аріовистъ Цезарю, — „что ты ставишь мнѣ въ вину то, что я удерживаю власть надъ эдуями и секванами. Я вѣдь не пришелъ бы въ Галлію самъ, еслибы сами галлы не пришли и не позвали меня за большія обѣщанія. Я не по своей волѣ покинулъ отечество, чтобы за секвановъ вести войну противъ эдуевъ. Развѣ секваны послѣ побѣды надъ эдуями не уступили мнѣ сами мѣсто для жительства изъ своихъ свободныхъ земель; развѣ не добровольно дали заложниковъ? Что касается до того, что я требую отъ эдуевъ дань, то, мнѣ кажется, побѣдители всегда имѣютъ право налагать на побѣжденныхъ такую подать, какую считаютъ нужнымъ“ и т. д. Или же стр. 121: „Не

можетъ быть-де уже никакого сомнѣнія, что Цезарь имѣеть въ виду лишить Галлію такихъ людей, которые благо и свободу Галліи ставить выше всего, для того, чтобы потомъ легче можно было ему держать въ повиновеніи остальныхъ галловъ.... Настало-де; кажется, время, когда они могутъ возвратитъ себѣ ту прежнюю военную славу и свободу, которую они получили отъ своихъ предковъ, такъ какъ Цезарь отправился въ Италію и ему не возможно будетъ скоро оставить Италію вслѣдствіе волненій въ Римѣ" и т. д. Въ концѣ книжки приложены указанія словъ и оборотовъ, которые почему-либо могли бы затруднить учениковъ при переводѣ. Издана она очень опрyatно и по цѣнѣ доступна.

Упражненія для перевода съ русскаго языка на греческій для среднихъ классовъ гимназій. Учебное пособие для изученія главнѣйшихъ правилъ греческаго синтаксиса. По вѣмецкимъ руководствамъ составилъ *К. Я. Бѣлицкій*. Выпускъ второй. Харьковъ. 1889. Въ 8-ку стр. 1—164. Цѣна 60 коп.

Составитель не счелъ нужнымъ снабдить свою книгу обычнымъ предисловіемъ, почему и не извѣстно, относительно какого предшествовавшего труда нынѣ предлагаемый значится вторымъ выпускомъ; можетъ быть, счетъ ведется отъ появившагося въ 1885 году четвертымъ изданіемъ учебнаго пособия, составленнаго тѣмъ же авторомъ подъ заглавіемъ: „Упражненія для перевода съ греческаго языка на русскій и съ русскаго языка на греческій для III и IV классовъ гимназій“, хотя это пособие называется не первымъ выпускомъ, но первою частью. Какъ бы то ни было, книга г. Бѣлицкаго содержитъ въ себѣ упражненія на всѣ правила элементарнаго греческаго синтаксиса, по отдѣламъ котораго распределенъ подобранный матеріалъ, а именно: I гл. §§ 1—8. О членѣ; II гл. §§ 9—15. О согласованіи; III гл. §§ 16—34. употреблеііе падежей; IV гл. §§ 35—39. Предлоги; V гл. §§ 40—50. Мѣстоименія; VI гл. §§ 51—76. Глаголь, (залогі глагола, употреблеііе наклоненій въ главныхъ и придаточныхъ предложеніяхъ, неопредѣленное наклоненіе и причастіе). Упражненія состоятъ изъ отдѣльныхъ фразъ, которыя однакожь иногда принимаютъ форму цѣлыхъ періодовъ, представляющихъ возможность примѣнять и союзы. Самое содержаніе фразъ не можетъ не возбуждать интереса въ учащемся, а подборъ ихъ обнаруживаетъ въ составителѣ книги знаніе дѣла и умѣііе пользоваться данными источниками. Къ достоинствамъ книги можно отнести и помѣщеніе параграфовъ, въ которыхъ особенно трактуется спо-

собъ перевода на греческій языкъ своеобразныхъ оборотовъ русской рѣчи, какъ на примѣръ: § 13. Русское „именно“, „на подобіе“, „какъ“ передъ приложеніемъ; § 15. Способъ перевода русскихъ нарѣчій, выражающихъ настроеніе духа и обстоятельства времени и мѣста; § 41. Нерѣдко личное мѣстоименіе въ русскомъ ставится тамъ, гдѣ въ греческомъ оно пропускается; § 45. Перестановка въ греческомъ языкѣ существительнаго, къ которому въ русскомъ языкѣ относится мѣстоименіе относительное; § 76. Русское „и не“ и т. д. Къ книгѣ приложены: 1) Сборникъ примѣчаній къ отдѣльнымъ параграфамъ (стр. 87—97) и 2) Алфавитный русско-греческій словарь. Оба приложенія вполне удовлетворяютъ своему назначенію.

На основаніи сказаннаго надобно надѣяться, что составленная г. Бѣлицкимъ книга непременно принесетъ пользу учащимся подъ руководствомъ дѣльнаго преподавателя, которому, впрочемъ, придется кое-гдѣ исправить неловкіе обороты, вкравшіеся въ русскій текстъ, какъ, на примѣръ, §§ 1 и 9: „пришли относительно перемирія“; §§ 3 и 8. „Сократъ пользовался искусствомъ“ вмѣсто: обладалъ; § 6. 9: „Вслѣдствіе двухъ сраженій морскихъ и сухопутныхъ“ (спрашивается: двухъ или четырехъ?); § 6. 13: „Изъ войны произойдетъ“ вмѣсто: отъ войны; § 8. 27: „Въ каждой лодкѣ было три человѣка, изъ которыхъ два вышли, одинъ оставался“, вмѣсто: по три, по два, по одному; § 9, 8: „Корабли уже быстро убѣжали“; § 13. 7: „Актеры натираютъ себѣ лицо“ (тутъ нѣтъ различія между русскимъ и греческимъ языками); § 34. 31: „Аркадскій законодатель Керкидъ привазалъ... пѣсню Илиады зарыть съ нимъ“ вмѣсто: съ собою; § 45. 8: „Подкупленъ посредствомъ денегъ“ (плеоназмъ); § 51. 3: „И вонзень“; § 52. 9: „Сократъ, не перемѣнивъ цвѣта, ни выраженія лица“, вмѣсто: не измѣнившись ни въ цвѣтѣ, ни въ выраженіи лица, и т. д.

Десять посланій Квинта Горація Флакка, избранныя и снабженныя примѣчаніями *Георіемъ Ланге*, преподавателемъ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ и Московской 3-й гимназіи. М. 1888. Въ 8-ку стр. 72. Цѣна 50 коп.

До появленія разсматриваемой книжки у насъ не было комментированнаго изданія Гораціевыхъ посланій. Одною изъ причинъ такого явленія служитъ, между прочимъ, то обстоятельство, что чтеніе посланій не рекомендовано учебными планами министерства, указывающими лишь на оды и сатиры Горація. Но отсутствіе указанія на посланія не свидѣтельствуетъ еще о томъ, чтобъ учебные

планы воспрещали ихъ чтеніе въ гимназіяхъ; какъ справедливо замѣчаетъ г. Ланге, упоминаніе сатиръ содержитъ въ себѣ *implicite* и упоминаніе посланій, которыя по формѣ и слогу такъ приближаются къ первымъ, что самъ Горацій соединилъ тѣ и другія подъ общимъ названіемъ *sermone*. Съ эстетической точки зрѣнія посланія едва ли не выше сатиръ, потому что въ нихъ талантъ Горація является въ полномъ блескѣ; самъ поэтъ рисуется человѣкомъ вполне зрѣлымъ, съ установившимися убѣжденіями и взглядами, которые, при своей широкой гуманности, дѣлаютъ изъ него міроваго писателя, интереснаго для всѣхъ временъ и національностей. Поэтому нельзя не привѣтствовать мысли г. Ланге, рѣшившагося облегчить русскому учащемуся юношеству ознакомленіе съ такимъ выдающимся литературнымъ явленіемъ. При ближайшемъ разсмотрѣніи слѣдуетъ признать, что осуществленіе этой мысли въ общемъ можетъ быть названо удачнымъ, хотя, въ частности, относительно многого можно поспорить съ издателемъ. Выборъ посланій не вызываетъ особыхъ замѣчаній; предпосланныя каждому изъ нихъ введенія, въ которыхъ содержится краткое изложеніе хода мыслей, имѣютъ цѣлью дать ученику возможность сразу ознакомиться съ темою посланія и общимъ ея развитіемъ, и достигаютъ этой цѣли; приложенный къ тексту комментарий даетъ указанія и разъясненія, вызываемыя отдѣльными частностями. Переходя къ недочетамъ, слѣдуетъ замѣтить прежде всего отсутствіе въ введеніяхъ указаній на время, къ которому относится составленіе того или другаго посланія: хотя съ точностью оно, въ большинствѣ случаевъ, опредѣлено быть не можетъ, тѣмъ не менѣе возможно его приблизительное указаніе, иногда бывающее важнымъ для уясненія деталей содержанія. Что касается текста посланій, то въ немъ издатель является не въ мѣру консервативнымъ и удерживаетъ безъ всякаго указанія такіа чтенія, которыя носятъ на себѣ очевидные признаки невѣрности. Вообще, напрасно г. Ланге совершенно отказался отъ внесенія въ свой комментарий замѣчаній характера критическаго: какъ не умѣстны они въ книгѣ, предлагаемой для низшихъ и среднихъ классовъ, такъ, на оборотъ, далеко не излишни для учениковъ VIII класса, мысль которыхъ уже привыкаетъ требовать отчета въ извѣстныхъ случаяхъ и не успокаивается простымъ: *ipse dixit*. Посему напрасно оставилъ г. Ланге безъ всякихъ разъясненій такіа мѣста, какъ, на примѣръ, 1,56, стихъ очевидно интерполированный; напрасно не отмѣтилъ сомнѣній, возбуждаемыхъ чтеніями, въ родѣ 2,4 *planius*, 2,10 *quid Paris?* 5,11

aestivam и т. д. Что касается объяснительныхъ примѣчаній, то они кратки и содержатъ въ себѣ все существенно необходимое для объясненія текста. На стр. 39 объясненіе 1, 6: ne populum extrema totiens exoret harena не совсѣмъ вразумительно; г. Ланге говоритъ: „кажется, что разъ отпущенный гладиаторъ, давъ себя убѣдить снова поступить на арену, опять долженъ былъ просить народъ о своемъ освобожденіи отъ тѣхъ обязательствъ, которыя онъ взялъ на себя предъ содержателемъ „труппы“; стр. 44, 1, 79 глаголь exserege ближе передается черезъ „поддѣвать“, чѣмъ черезъ „ловить“; стр. 48, 2, 31 ad strepitum citharae cessatum ducere cigam объясняется довольно неудачно: „подъ звуки китары вводитъ печаль въ хороводъ, чтобы заставить ее утихнуть“; стр. 50, 3, 10: Pindarici fontis qui non exralluit haustum—, черпать изъ того же источника, какъ и Пиндаръ“. Здѣсь скорѣе рѣчь идетъ не о томъ, что у Титія и Пиндара былъ одинъ общій источникъ, а о томъ, что Титій подражалъ Пиндару, имѣя его своимъ источникомъ.

Греческіе и римскіе писатели, читаемые въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ.
I. Цицеронъ. Составилъ *Адріановъ*. Кіевъ. 1889. Стр. 99.

. При скудости нашей учебной литературы въ комментированныхъ изданіяхъ древнихъ авторовъ, изданіяхъ, которымъ предшествовало бы введеніе съ изложеніемъ біографіи автора, перечнемъ и оцѣнкой его литературныхъ произведеній, преподавателю гимназіи, приступающему къ чтенію какого-нибудь писателя въ классѣ, приходится пользоваться иностранными пособиями или университетскими лекціями, мало или совсѣмъ не доступными учащимся. Вслѣдствіе того дѣлаемые преподавателемъ введенія не приносятъ той пользы, которую они должны приносить, служа для учащихся исагогикой въ чтеніе и облегчая первые шаги въ немъ. Устраненію этого недостатка рѣшилось помочь Кіевское отдѣленіе Общества классической филологии и предприняло серію біографій древнихъ классиковъ, читаемыхъ въ гимназіяхъ, біографій, предназначаемыхъ въ пособіе учащимся. Серія эта открываетъ біографіей Цицерона, составленною г. Адріановымъ. Сообразно съ задачей изданія, это не есть ученый самостоятельный трудъ, вносящій въ науку новые взгляды, но основанное на хорошихъ пособияхъ изложеніе, и притомъ довольно краткое, обстоятельство жизни и литературной дѣятельности знаменитаго оратора. Существеннаго въ этомъ изложеніи почти ничего не пропущено, за исключеніемъ развѣ того, что составитель со-

всѣмъ не коснулся тѣхъ заслугъ, которыя оказала Цицеронъ развѣтлю латинской прозаической рѣчи, и которыя, болѣе чѣмъ что-либо другое, даютъ ему право на безсмертіе. На оборотъ, составитель внесъ въ свой трудъ нѣкоторыя подробности, которыя могутъ показаться излишними въ книгѣ, предназначаемой для гимназистовъ. Таковы, напримѣръ, исчисленіе рукописей, въ которыхъ дошло до насъ то или другое произведеніе Цицерона, и даже данныя объ ихъ исторіи. Въмѣсто этого было бы желательно, чтобы составитель съ болѣею подробностью ознакомилъ читателей съ содержаніемъ отдѣльныхъ произведеній Цицерона. Въ біографіи Цицерона существенно важно, какъ относится біографъ къ нравственной личности знаменитаго оратора, къ его государственной дѣятельности, къ его литературнымъ заслугамъ. Всѣ эти стороны вызвали въ литературѣ противорѣчивыя взгляды, колеблющіеся между безусловнымъ восхваленіемъ и крайнимъ порицаніемъ. Г. Адриановъ далека отъ того и другаго и, отдавая справедливость Цицерону въ томъ, что составляетъ его неотъемлемыя достоинства, не скрываетъ отъ читателя и его слабостей; онъ смотритъ на Цицерона съ единственно правильной точки зрѣнія — исторической и не беретъ его внѣ той среды, въ которой онъ жилъ и дѣйствовалъ. Поэтому образъ Цицерона, какъ человѣка, государственнаго и литературнаго дѣятеля, начертанный г. Адриановымъ, можно признать вѣрнымъ.

Нѣкоторыя отдѣльныя фразы и мѣста представляются не вполне удачными и точными, напримѣръ, на стр. 1: „Для усвоенія внѣшнихъ приемовъ Цицеронъ посѣщалъ театръ, гдѣ пальма первенства принадлежала трагикъ Эзопу и комику Росційу“; изъ этихъ главъ читатель можетъ сдѣлать невѣрное заключеніе о томъ, что Эзопъ и Росцій были драматическими писателями, тогда какъ они были актерами. Стр. 2: „Пришедши однако къ сознанію, что военная слава создана не для него, Цицеронъ и т. д.“, выраженіе неудачное. Стр. 3: „Минуя слишкомъ беспокойную должность народнаго трибуна, Цицеронъ выступилъ кандидатомъ на должность эдила“; эта фраза можетъ дать невѣрное понятіе о томъ, будто передъ эдильствомъ необходимо было исправлять должность народнаго трибуна, тогда какъ въ римской табели о рангахъ объ эти должности стояли на одинаковой степени и, послѣ квестуры, гражданинъ искалъ или трибуната, или эдильства. На стр. 11 упоминается о сестрѣ Клодія, но не говорится ничего объ ея личности и той роли, которую она играла въ римскомъ современномъ обществѣ, такъ что для читателя

это упоминаніе представляется непонятнымъ. На стр. 28, при упоминаніи о *Rhetorica ad Herennium*, слѣдовало бы замѣтить, что нѣкоторыми учеными это сочиненіе не безъ нѣкотораго основанія приписывается Корнифицію.

Логика. (Для гимназій). Составилъ *Е. Воскресенскій*. Москва. 1888. Ц. 35 коп.

Книга эта не есть просто учебникъ логики, какъ можно было бы подумать по заглавію; въ ней логика излагается съ тою цѣлью, чтобы служить пособіемъ для теоріи прозы и, въ частности, разсужденій. Поэтому, цѣлая треть книги, начиная со страницы 42 прямо посвящена примѣрамъ и вопросамъ, относящимся къ словесности. Очевидно, авторъ имѣлъ въ виду составить пособіе для пятаго класса гимназій.

Разсматривая только ту часть книги, гдѣ излагается очеркъ логики, мы видимъ всѣ наружныя формы легкаго, краткаго и отчетливаго изложенія, какое требуется отъ учебника; но, къ сожалѣнію, содержаніе далеко не отличается точностью и основательностью. Чтобы дать понятіе о грубыхъ промахахъ и общей неудовлетворительности разсматриваемаго очерка, достаточно двухъ-трехъ примѣровъ.

Вотъ изложеніе того, что такое номинальное опредѣленіе:

„Номинальное, опредѣляющее, что слѣдуетъ разумѣть подъ тѣмъ или другимъ именемъ (nomem): Пегасъ есть крылатый конь“ (стр. 15).

Но самое реальное опредѣленіе, какое возможно, указываетъ, вообще говоря, что слѣдуетъ разумѣть подъ извѣстнымъ словомъ, взятымъ какъ понятіе; номинальное же есть только объясненіе имени. Хотя Пегасъ и не реальное существо, но онъ можетъ быть реально описываемъ; слово же Пегасъ вовсе не значитъ крылатый конь.

На стр. 16 сказано, что опредѣленіе бываетъ слишкомъ обширнымъ, „когда указывается не ближайшій родъ: береза есть растеніе (вмѣсто дерево)“.

Совсѣмъ не то называется слишкомъ обширнымъ опредѣленіемъ; „береза есть дерево“—вовсе не опредѣленіе, а для ботаника дерево не есть ни ближайшій, ни дальнѣйшій родъ, къ которому относится береза.

Еще одинъ примѣръ; въ разбираемой книгѣ дано такое объясненіе: „*Petitio principii* — выводъ тезиса изъ сомнительныхъ аргументовъ“ (стр. 38).

Для такой широкой и неопредѣленной ошибки, какъ „выводъ

тезиса изъ сомнительныхъ аргументовъ“, въ логикѣ нѣтъ особаго термина; *petitio principii* есть весьма опредѣленный софизмъ, и преподаваніе логикѣ было бы бесполезно, еслибъ оно не вело къ отчетливому понятію о такихъ софизмахъ, какъ и вообще о различныхъ формахъ мышленія.

Элементарный курсъ ариметики доктора теологій и философій, профессора высшихъ математическихъ наукъ, аббата *Е. Желена*. Перевелъ съ IV изданія преподаватель математики Минской гимназій *Н. де-Жоржъ*. Минскъ. 1889. Стр. VI+270. Цѣна 1. 25 к.

Сочиненіе это очень напоминаетъ собою ариметики Вертрана и Серре, хотя и уступаетъ послѣднимъ въ строгости опредѣленій, языка, изяществѣ доказательствъ и сжатости изложенія.

Какъ на примѣры не строгихъ опредѣленій укажемъ на опредѣленія вычитанія (стр. 13), умноженія (стр. 23) и дѣленія (стр. 35). Авторъ говоритъ: „Вычитаніе цѣлыхъ чиселъ есть дѣйствіе, имѣющее цѣлью отнять отъ даннаго цѣлаго числа столько единицъ, сколько ихъ находится въ другомъ данномъ цѣломъ числѣ“. Намъ приходилось уже дѣлать замѣчанія, что подобное опредѣленіе вычитанія не выдерживаетъ критики, ибо оно приводитъ понятіе о вычитаніи къ не менѣе простому понятію объ отниманіи.

Опредѣленіе умноженія дано такое: „Умножить цѣлое число на другое цѣлое значить взять (?) первое изъ этихъ чиселъ столько разъ, сколько единицъ содержится въ другомъ“. Тутъ является вопросъ: чтó значить „взять“?

Дѣленіе опредѣляется такимъ образомъ: „Раздѣлить цѣлое число на другое цѣлое значить раздѣлить первое число на столько равныхъ частей, сколько въ другомъ числѣ содержится единицъ“. Странное опредѣленіе, ибо оно, въ сущности, говоритъ, что раздѣлить значить раздѣлять.

Какъ на примѣръ недостаточной строгости доказательствъ, укажемъ на рѣшеніе задачъ (стр. 144, 145, 146): „Найти простую дробь, производящую десятичную періодическую простую, не имѣющую цѣлой части. Найти простую дробь, производящую десятичную періодическую простую, имѣющую цѣлую часть. Найти простую дробь, производящую десятичную періодическую смѣшанную“. Задачи эти, въ сущности, рѣшаютъ задачи объ обращеніи обыкновенныхъ дробей въ періодическія, а не періодическихъ въ обыкновенныя.

А. П. Кириловъ. Учебникъ ариѳметики (по сравнительному методу) для гимназій, прогимназій, реальныхъ, городскихъ и уѣздныхъ училищъ. 2-я книжка (цѣлыя числа и простѣйшія дроби. Курсъ 1 класса). Цѣна 15 коп. Москва. 1889. Стр. 1—73. 4-я книжка (Дроби, пропорціи, тройныя правила). Курсъ 2-го и 3-го классовъ. Цѣна 15 к. Москва. 1889. Стр. 73—174.

„Общество распространенія полезныхъ книгъ“, какъ сказано въ предисловіи къ рассматриваемой книгѣ,—въ теченіе своей двадцатипятилѣтней дѣятельности большею частью отстранялось отъ изданія учебниковъ, но предлагаемый учебникъ обладаетъ такими особенными качествами, что Общество сочло своимъ долгомъ издать его... Главная идея учебника“, говорится далѣе,—„состоитъ въ сопоставленіи и сравненіи понятій для полного уясненія ихъ. Такъ, для полного пониманія десятичной системы приведены образцы другихъ системъ; понятію о дѣйствіяхъ вообще противопоставляется понятіе о преобразованіи; сложеніе сравнивается съ умноженіемъ, вычитаніе со сложеніемъ, дѣленіе съ умноженіемъ и вычитаніемъ и т. д.“ Прочитавъ это предисловіе, мы надѣялись встрѣтить въ рассматриваемой книгѣ выдающійся по своей оригинальности и достоинству учебникъ; чтеніе же самой книги разочаровало насъ въ нашихъ ожиданіяхъ.

На стр. 3 авторъ слѣдующимъ оригинальнымъ образомъ вводитъ ученика въ понятіе о величинѣ: „Когда мы говоримъ, что Ивановъ выше Максимова, то на самомъ дѣлѣ мы сравниваемъ высоту роста Иванова съ высотой роста Максимова. Для точнаго сравненія необходимо найдти какую-нибудь мѣру, измѣрить при помощи ея ростъ обоихъ лицъ, и если при измѣреніи окажется, что въ ростѣ Иванова взятая нами мѣра уложилась большее число разъ, чѣмъ въ ростѣ Максимова, то тогда только мы съ увѣренностью можемъ сказать, что Ивановъ выше Максимова“.

На стр. 13 авторъ слѣдующимъ оригинальнымъ образомъ вводитъ ученика въ представленіе о сложеніи: „Три мальчика отправились въ лѣсъ за грибами; первый нашелъ 8 грибовъ, второй 12, а третій только 6. Такъ какъ грибовъ нашли они очень мало, а корзины у нихъ были взяты большія, то они и порѣшили ссыпать всѣ грибы въ корзину перваго мальчика. Сколько въ этой корзины будетъ всего грибовъ? Для рѣшенія этой задачи мы должны поступить почти такъ, какъ поступили мальчики о которыхъ говорится въ задачѣ; они ссыпали всѣ свои грибы въ одну корзину, а мы должны соединить данныя намъ числа въ одно число“.

На стр. 24 авторъ, приступая къ опредѣленію вычитанія, обнару-

живають уже непониманіе того, о чемъ говорить. И въ самомъ дѣлѣ, авторъ предлагаетъ задачу: „два карандаша стоятъ 8 коп., одинъ изъ нихъ 3 коп., — что стоитъ другой?“ и говоритъ: въ этомъ примѣрѣ по суммѣ двухъ чиселъ и по одному изъ слагаемыхъ нужно найти другое слагаемое“. Это все совершенно справедливо, но далѣе авторъ прибавляетъ: „понятно, что для рѣшенія примѣра нужно отъ 8 отнять 3“. Вотъ тутъ-то и обнаруживается непониманіе: отнять отъ 8 число 3 и значитъ найти второе слагаемое; отниманіе-то 3 и производится при помощи нахождения втораго слагаемаго. Задача о вычитаніи и есть именно потому задача обратная задачѣ сложения, что въ ней ищется то, что въ задачѣ сложения даво, и на оборотъ, а не потому, что при задачѣ о вычитаніи мы считаемъ назадъ, какъ это объясняетъ авторъ на стр. 43.

Мы могли бы привести еще много примѣровъ желанія автора быть оригинальнымъ, но и приведенные показываютъ, что оригинальность автора не представляетъ украшенія разсматриваемой книги.

Вся книга замѣчательна отсутствіемъ строгости разсужденій. Дадимъ нѣсколько примѣровъ.

На стр. 76 авторъ говоритъ: „Можно получить дробь и другимъ образомъ: дѣля меньшее число на большее. Раздѣлимъ 3 на 8; такъ какъ мы еще не встрѣчали дѣленія меньшаго числа на большее, и подобное дѣленіе трудно для насъ (?), то раздѣлимъ сперва единицу на восемь частей и т. д.“

На стр. 79 авторъ голословно утверждаетъ: „Такъ какъ на общаго наибольшаго дѣлителя должны дѣлиться оба данныя числа, то въ составъ общаго наибольшаго дѣлителя могутъ войти только такія простыя числа и т. д.“

На стр. 80 авторъ говоритъ: „Способы, по которымъ, не дѣливші сложное число на простое, можно узнать, раздѣлится ли оно безъ остатка, называются признаками дѣлимости. Эти способы бываютъ трехъ родовъ: 1) узнаютъ, раздѣлится ли число на данное простое по одной, по двумъ, тремъ и болѣе послѣднимъ цифрамъ сложнаго числа, 2) узнаютъ также по суммѣ цифры сложнаго числа и 3) узнаютъ дѣлимость сложнаго числа на сложныя же числа и по его послѣднимъ цифрамъ и по суммѣ его цифръ“. Интересно однако знать, какимъ способомъ будетъ узнавать авторъ признаки дѣлимости, на примѣрѣ, на 7. Дѣленіе дробей изложено длинно и запутанно. Обращеніе простыхъ дробей въ десятичныя и обратно изложено совершенно невозможно. Все дается безъ доказательствъ, механически.

Вообще разсматриваемая книга представляет изъ себя сочинение, появленіе котораго въ школѣ не желательно.

METHODISCH GEORDNETE AUFGABEN FÜR DAS KOPF- UND TAFELRECHNEN, von *Richard Kalnin*, Lehrer an der St. Annenschule zu St.-Petersburg. Erstes Heft. Die vier Species im unbegrenzten Zahlenraume mit unbenannten und einfach benannten ganzen Zahlen. St.-Petersbourg. 1889. Preis 30 Kopeken.

Названное сочиненіе представляет собою сборникъ задачъ на первыя четыре дѣйствія надъ цѣлыми отвлеченными числами и простыми именованными числами. Сборникъ этотъ назначается для старшаго отдѣленія приготовительнаго класса гимназій и реальныхъ училищъ и для низшихъ классовъ женскихъ училищъ. Сборникъ этотъ содержитъ въ себѣ кое-какіе недостатки, которые должны быть исправлены. Укажемъ на нѣкоторые изъ нихъ.

На стр. 3 предлагаются для выговариванія громадныя числа, состоящія, напримѣръ, изъ 20 цифръ (задача 43).

На стр. 9 выраженіе задачи: *Nenne die grösste und die kleinste Ziffer* неудачно.

На стр. 25 задача 262-я не возможна.

Задача 277-я требуетъ вычитанія большаго числа изъ меньшаго.

Задача 498-я (стр. 45) выражена неясно.

Задача 320-я: „*Welche operation kann man ausführen, wenn man den Preis von 7 Tischen berechnen will?*“ совершенно неопредѣленно выражаетъ требованіе.

ЭЛЕМЕНТАРНАЯ АЛГЕБРА. Руководство для среднихъ учебныхъ заведеній. *А. Вербрюсова*. Харьковъ. 1889. Стр. 95 въ 8-ку. Цѣна 60 к.

Названная книга, небольшая по объему, не богата и содержаніемъ. Она содержитъ въ себѣ minimum того, чего можно требовать отъ гимназиста. Страдая бѣдностью содержанія, названная книга страдаетъ отсутствіемъ обобщеній, неточностью опредѣленій и написана не особенно хорошимъ языкомъ.

Какъ на примѣръ отсутствія обобщеній, укажемъ на слѣдующія мѣста книги.

На стр. 19 авторъ, повѣривъ простымъ умноженіемъ равенства:

$$a^3 - b^3 = (a-b)(a^2 + ab + b^2)$$

$$a^4 - b^4 = (a-b)(a^3 + a^2b + ab^2 + b^3)$$

$$a^5 - b^5 = (a-b)(a^4 + a^3b + a^2b^2 + ab^3 + b^4),$$

заключаетъ, что разность одинаковыхъ степеней дѣлится на цѣло на разность тѣхъ же количествъ. Очевидно, что такого обобщеннаго

заключенія сдѣлать не имѣемъ права. Математика, по аналогіи, предвидитъ законъ, который потомъ и доказываетъ.

Подобнымъ же образомъ авторъ даетъ законъ составленія подходящихъ дробей (стр. 89); выводитъ биномъ Ньютона (стр. 93); даетъ выраженія какого ни есть члена арифметической и геометрической прогрессій (стр. 76).

Ученикъ, изучившій алгебру по книгѣ г. Вереврюсова, не будетъ владѣть извѣстнымъ приемомъ доказательства законовъ, предвидимыхъ по аналогіи.

Отрицательныя числа вводятся нашимъ авторомъ такимъ образомъ (стр. 5): „разность $5-2$ состоитъ изъ положительнаго члена $+5$ и отрицательнаго (-2); эта разность равна -3 , слѣд. $5-2=3$; если отнимемъ отъ этихъ равныхъ величинъ по 5 , то получимъ $-2=3-5$, то-есть, отрицательная величина равна разности, въ которой уменьшаемое меньше вычитаемаго“. Очевидно, что выписанное мѣсто не выдерживаетъ критики, ибо оно влечетъ за собою вопросъ: что значитъ вычесть 5 изъ 3 ?

Статьѣ о логарифмахъ не предшествуетъ никакого понятія о несоизмѣримомъ показателѣ. Какъ на примѣръ неточныхъ опредѣленій и доказательствъ, укажемъ на слѣдующія мѣста книги.

На стр. 8 сложеніе опредѣляется такимъ образомъ: сложить — значитъ соединить вмѣстѣ всѣ данныя количества.

Вычитаніе не опредѣляется, а прямо безъ всякихъ разсужденій говорится: „чтобы вычесть многочленъ надо вычесть всѣ его члены“.

Правило умноженія многочлена на многочленъ дается опять безъ всякихъ разсужденій.

Пропорціональность величинъ (стр. 29) опредѣляется такимъ образомъ: „двѣ величины x и y называются пропорціональными, если съ увеличеніемъ одной, другая увеличивается во столько же разъ.

На стр. 60 авторъ, безъ всякихъ доказательствъ, утверждаетъ, что квадратное уравненіе имѣетъ два корня, и потомъ говоритъ, что если даны эти корни, то уравненіе составить не трудно. Возьмемъ, говоритъ авторъ, уравненіе $^2(x-\frac{1}{2})(x+3)=0$, и потомъ отсюда выводитъ извѣстныя соотношенія. Неужели авторъ не понимаетъ, что представленіе лѣвой части квадратнаго уравненія въ видѣ $(x-\alpha)(x-\beta)$ есть слѣдствіе теоремъ о существованіи корня.

Изучившій алгебру по книгѣ г. Вереврюсова, можетъ быть, и научится вычислять, но не научится строгимъ приемамъ доказательства и не разовьетъ способности къ математическимъ обобщеніямъ.

Краткій учебникъ географіи *Н. Раевскаго*. Възвѣвропейскія страны. Изданіе 3-е. Съ четырьмя картинами и 47 рисунками. С.-Петербургъ. 1889. Стр. II + 73 въ 8-ку. Цѣна 60 к.

Третье изданіе поименованнаго учебника дополнено, снабжено рисунками и раскрашенными картами частей свѣта. Дополненія въ текстѣ не бесполезны, но мѣстами авторъ превзошелъ мѣру необходимости; такъ, напримѣръ, не слѣдовало бы говорить о нисхожденіи Будды на землю и его воплощеніи. Приложенные къ книгѣ рисунки слѣдовало бы помѣстить въ концѣ книги, куда долженъ быть вынесенъ и объяснительный къ нимъ текстъ, касающійся этнографіи и естественной исторіи. Къ тому же нѣкоторые рисунки заставляютъ ожидать многого лучшаго, особенно по сравненію съ такого же рода рисунками, приложенными къ книгѣ г. Янчина. Болѣе удались рисунки, изображающіе растенія и разныя жилища, но типы людей и ландшафты, какъ-то: негритосъ (фиг. 3), малаецъ (фиг. 6), австралійскій ландшафтъ (фиг. 2), Сахара (фиг. 11), водопадъ Викторія (фиг. 13), аляповаты. Рисунки, представляющіе разрѣзы материковъ, конечно, должны быть оставлены на своемъ мѣстѣ, но не всѣ изъ нихъ заслуживаютъ похвалы; такъ на рис. 36 Гималаи изображены нехарактерно, Тянь-шань же вовсе опущенъ; еще менѣе цѣлесообразенъ рисунокъ 27, представляющій разрѣзъ Южной Америки. Лучшіе чертежи такого рода, по нашему мнѣнію, находятся въ послѣднихъ изданіяхъ нѣмецкаго учебника Зейдлица, и ими слѣдовало бы составителю воспользоваться.

Внесенныя въ текстъ новыя карты раскрашены 4-мя, а нѣкоторыя 5-ю тонами. За эту новинку нельзя не похвалить автора, тѣмъ болѣе, что книга его выходитъ только въ 3-мъ изданіи. Но карты Австраліи и Азіи, по причинѣ своего малаго масштаба, едва ли могутъ имѣть какое-либо значеніе; на послѣдней картѣ вмѣсто названій государствъ и земель помѣщены римскія цифры; границъ отдѣльныхъ государствъ также нѣтъ. Лучше всѣхъ картъ удалась Африка, но за то она можетъ служить только для физической географіи, а для политическаго отдѣла предназначается другая карта, не раскрашенная. Вообще было бы полезнѣе приложить къ учебнику не общія карты частей свѣта, а какія-либо отдѣльныя государства или отдѣльныя части материковъ, то-есть, то, чего порой нельзя найти ни на картахъ, ни на атласѣ.

Неточности на картахъ встрѣчаются. Такъ, на картѣ Южной Америки не нанесена р. Ріо-де-Лаплата, хотя мѣста на этой картѣ до-

вольно; правда, въ текстѣ это названіе опущено, но оно встрѣчается на картѣ методической; слѣдовательно, авторъ не считаетъ возможнымъ обойтись безъ него. На картѣ Азии многого недостаетъ. между прочимъ, рѣкъ: Куры, Аракса и Кавказскихъ горъ; на дополнительной не раскрашенной картѣ, изображающей Азіатскую Турцію, Кавказскія горы есть, но Аракса нѣтъ. На дополнительной картѣ къ Африкѣ показаны „галласы“; очевидно, это названіе народа, но такъ какъ карта предназначается для политическаго раздѣленія Африки, то это названіе можетъ быть принято за обозначеніе какого-либо царства и тѣмъ болѣе, что въ текстѣ объ этомъ народѣ ничего не говорится.

Встрѣчается неправильное написаніе названій, и притомъ различное въ текстѣ и на картѣ, напримѣръ, въ текстѣ—Абиссинія, а на картѣ—Абессинія; въ текстѣ Виолеемъ написано правильно, а на дополнительной картѣ ошибочно; впрочемъ, въ текстѣ по поводу Виолеема встрѣчается еще и другая неточность, именно сказано: „Виолеемъ—родина (?). Спасителя“. Кромѣ того, въ текстѣ находятся названія: Бухарія, Кубо, Ефратъ и т. п.

Географическія чертежи Россіи для класснаго черченія, съ указаніемъ пріема черченія на память картъ Европейской и Азіатской Россіи, Туркестанскаго и Кавказскаго края. Изданіе второе, значительно переработанное и дополненное. Составилъ *И. Н. Михайловъ*, преподаватель географіи въ С.-Петербургскомъ Николаевскомъ сиротскомъ институтѣ. С.-Пб. 1888—1889 учебнаго года. Цѣна 60 коп.

Географическіе чертежи г. Михайлова являются вторымъ изданіемъ, которое дополнено 14 новыми чертежами и картами. Такимъ образомъ въ новое изданіе вошли слѣдующіе карты и чертежи: карта земнаго шара для выясненія географическаго положенія Россіи (№ 1); границы Россійской имперіи (№ 2); приемъ черченія географической сѣти для карты Европейской Россіи (№ 3); географическая сѣть Европейской Россіи съ частями контура, выбранными для черченія морей (№ 4); черченіе морей, окружающихъ Европейскую Россію (№ 5); черченіе пяти главнѣйшихъ рѣкъ Европейской Россіи (№ 6); черченіе рѣкъ бассейновъ морей—Балтійскаго, Вѣлага и Ледовитаго (№ 7); черченіе рѣкъ Черноморскаго бассейна (№ 8); черченіе рѣкъ бассейна Каспійскаго моря (№ 9); упрощенное черченіе для повторенія (№ 10); болѣе подробное очертаніе рѣкъ Европейской Россіи (№ 11); повторительная карта Европейской Россіи; подробное очертаніе (№ 12); орографическая карта Европейской

Россіи (№ 13); карта Европейской Россіи для повторенія губерній и городовъ (№ 14); объясненіе названій поселеній, обозначенныхъ на картѣ (№ 15); искусственные водные пути сообщенія въ Европейской Россіи (№ 16); желѣзныя дороги въ Европейской Россіи (№ 17); приемъ класснаго черченія карты Кавказа (№ 18); орографическая карта Кавказа (№ 19); карта Кавказа (болѣе подробное очертаніе) (№ 20); географическая сѣть и части контура, выбранныя для черченія русскихъ среднеазиатскихъ владѣній (№ 21); черченіе главнѣйшихъ рѣкъ и возвышенностей въ русскихъ среднеазиатскихъ владѣніяхъ (№ 22); орографическая карта (№ 23); русскія среднеазиатскія владѣнія съ границами областей и главными городами (№ 24); приемъ черченія географической сѣти для Азиатской Россіи (№ 25); географическая сѣть Азиатской Россіи (№ 26 *); основныя части контура Азиатской Россіи для класснаго черченія (№ 26 °); упрощенное очертаніе Азиатской Россіи для класснаго черченія (№ 27); нѣмая карта Азиатской Россіи. Упрощенное очертаніе (№ 28); орографическая карта Азиатской Россіи (№ 29); главные города Азиатской Россіи (№ 30).

Всѣ прибавленія цѣнны, а съ методической точки зрѣнія особенно важны чертежи по бассейнамъ и чертежи, представляющіе главныя рѣки Европейской Россіи, а равно и нѣмыя карты, недостатокъ которыхъ особенно ощутителенъ въ нашихъ атласахъ.

Всѣ новыя карты исполнены болѣе отчетливо и чисто, чѣмъ въ прежнемъ изданіи. Старыя карты, недостаточно ясныя и выполненныя аляповато, какъ-то: орографическія карты Европейской Россіи и Кавказа, замѣнены вполне новыми, болѣе наглядными и четкими, съ присоединеніемъ новыхъ условныхъ знаковъ, облегчающихъ ученикамъ ознакомленіе съ поверхностью страны; такъ, напримѣръ, на орографической картѣ Россіи отгѣнены возвышенности, направленіе главныхъ возвышенностей и обозначены замѣчательныя вершины.

Въ общемъ, географическіе чертежи Россіи г. Михайлова, во второмъ изданіи, производятъ благопріятное впечатлѣніе, какъ по содержанію, такъ и по техническому выполненію. Отмѣтимъ только слѣдующія неудобства: карта Европейской Россіи (№ 15) прилагается въ пополненіе сосѣдней нѣмой карты и назначеніе ея состоитъ, между прочимъ, въ томъ, чтобъ ученики могли по ней справиться на счетъ названій населенныхъ мѣстностей, помѣченныхъ на нѣмой картѣ только кружками; но на объяснительной картѣ многія изъ такихъ названій обозначены только одною начальною буквою, что

нужно принять нецѣлесообразнымъ; правда, къ концу атласа прибавлено объясненіе сокращеній къ этой картѣ, но чтобы отыскать на этомъ листѣ соотвѣтствующее названіе, для учениковъ потребуется не мало времени и терпѣнія.

Далѣе, на картахъ морскихъ бассейновъ Европейской Россіи находится много неважныхъ рѣкъ: такъ, для примѣра, на чертежѣ № 7 помѣщена не только маловажная р. Межа, судоходная на 100 верстъ съ небольшимъ, но даже указанъ и притокъ Межи—Обша, судоходный только на 45 верстъ; или: на картѣ № 9 помѣщена рѣка Нугра (?), которую не всегда можно найти въ доступныхъ картахъ и атласахъ. На орографической картѣ Кавказа (№ 19) въ прежнемъ изданіи было показано только 10 замѣчательныхъ хребтовъ и вершинъ, во второмъ же изданіи—17 названій, между тѣмъ какъ въ учебникахъ не болѣе 7. Правило, что географическая карта тѣмъ нагляднѣе, чѣмъ на ней болѣе бѣлыхъ мѣстъ, имѣетъ значеніе и для методической карты.

Неправильныя написанія названій встрѣчаются и въ настоящемъ изданіи, но, сравнительно съ прежнимъ, въ незначительномъ количествѣ. Такъ: Смигеръ, Боскунчатское озеро, Мертвый Кулугукъ, въ двухъ мѣстахъ—Пикъ Кауфманъ, Маршланъ и т. п. Подобно прежнему изданію, удерживается Вильно, водопадъ Вуокса и т. п.

Prof. Dr. C. Claus. Учебникъ зоологии для высшихъ учебныхъ заведеній. Переводъ съ послѣдняго, 4-го нѣмецкаго изданія. Въ текстѣ 792 рисунка въ двухъ частяхъ. Переводъ I-й части д-ра М. А. Шульгина и М. В. Хавкина, переводъ II-й части д-ра М. А. Шульгина. Одесса. 1888. Цѣна 7 руб.

Пріятно видѣть книгу, такъ хорошо изданную, съ такимъ множествомъ рисунковъ, очень хорошо сдѣланныхъ и напечатанныхъ. Цѣна 7 руб. сравнительно очень не высока. Переводчики очень основательно выбрали для изданія на русскомъ языкѣ книгу Клауза, такъ какъ трудно представить себѣ учебникъ зоологіи болѣе полный и исправный въ отношеніи къ современному состоянію науки. Рисунки составляютъ истинную драгоценность по выбору, отчетливости и поучительности. Къ сожалѣнію, авторъ не обладаетъ легкостью и простотою рѣчи, такъ что, при неизбѣжной въ такомъ трудѣ сжатости, изложеніе книги страдаетъ неясностью.

Переводъ подобнаго сочиненія представлялъ значительныя трудности и требовалъ непременно хорошаго знакомства съ дѣломъ. При

сравненіи съ подлинникомъ оказывается, что переводчики съ большою точностію передали текстъ оригинала, а также, что они безчисленные термины перевели сообразно съ наиболѣе установившеюся русскою терминологіей. Но вполне исправный переводъ есть дѣло до такой степени трудное, что не удивительно, если и въ разсматриваемомъ переводѣ встрѣчаются различныя неточности.

На стр. 6 словами молекулярная организація переведено выраженіе *moleculare Anordnung*; лучше бы просто: молекулярное строеніе.

На стр. 7 душа называется вмѣстилищемъ способностей; въ нѣмецкомъ *Sitz*, то-есть, сѣдалище; и это не хорошо, но все-таки лучше, чѣмъ вмѣстилище.

На стр. 18: „Колонія въ своихъ проявленіяхъ содержитя совершенно какъ индивидуумъ“. Словомъ содержитя переведено *verhält sich*, относится, держитъ себя, ведетъ себя. Тотъ же неудачный переводъ встрѣчается вездѣ, гдѣ попадалось отвлеченное выраженіе *Verhältniss, verhalten sich*, напримѣръ, на стр. 102: „Такимъ же образомъ содержатся и личинки *Cecidomyia*“.

Вообще разсматриваемый переводъ едва ли яснѣе подлинника, какъ это иногда, хотя рѣдко, бываетъ съ переводами. На стр. 104 (ч. I) мы читаемъ: „новое ядро, неправильно называемое сегментационнымъ“. Но не все ли равно, какъ его назвать? И въ чемъ заключается неправильность? Въ подлинникѣ нѣтъ слова неправильно, да и въ переводѣ на слѣдующей страницѣ въ третьей строкѣ говорится очень просто о первомъ сегментационномъ ядрѣ, то-есть, употребляется неправильное яко бы названіе.

На стр. 147 ч. I говорится, что теорія Дарвина „далека отъ того, чтобы указать конечныя причины“. Въ подлинникѣ стоятъ *letzten Ursachen*, послѣднія или первоисходныя причины. Подъ выраженіемъ же конечныя причины принято разумѣть *causae finales*, то-есть, цѣли.

На стр. 159 ч. I стоитъ: „незначительный кусокъ громаднаго первобытнаго міра“. Словомъ кусокъ переведено *Bruchtheil*, то-есть, часть, доля.

Написаніе собственныхъ именъ ученыхъ представляетъ колебанія, которыя невольно бросаются въ глаза. Очень хорошо сдѣлано, что каждое такое имя пишется не только по русски, но въ скобкахъ изображается и въ его подлинномъ написаніи. Но не хорошо, если имя въ первый разъ встрѣчающееся прямо пишется только латин-

скими буквами, а потомъ употребляется въ русскомъ написаніи. Такъ поступлено съ именами Ламарка и Кювье на стр. 183 въ ч. I. Еще болѣе неправильно имена, упомянутыя уже множество разъ, опять писать по латини, напримѣръ: Cuvier, Linné (см. ч. II, стр. 1). На этой же страницѣ — mollusca переведено мягкотѣвля, а потомъ вмѣсто этого перевода употребляется слово моллюски, да и неправильно склоняется въ женскомъ родѣ: моллюсокъ, тогда какъ по русски слово моллюскъ — мужескаго рода.

Все это мелкія неисправности, очевидно, не могущія мѣшать употребленію книги. Прибавимъ, что вообще книга очень исправно напечатана и снабжена указателемъ латинскихъ и русскихъ названій.

Зоологическій атласъ Г. Лейтмана, съ текстомъ К. Сейтъ-Илера. 24 хромо-литографированныя таблицы, содержащія 255 изображеній и 94 рисунка въ текстѣ. С.-Пб. 1889. Цѣна 2 р. 50 к.

Какъ видно по числу фигуръ, атласъ этотъ принадлежитъ къ разряду самыхъ малыхъ атласовъ и назначается для низшихъ учебныхъ заведеній, для среднихъ же, напримѣръ, для реальныхъ училищъ, онъ даетъ лишь крайне необходимыя изображенія. Нельзя не обратить вниманія также на то, что очень мало здѣсь рисунковъ низшихъ животныхъ, тогда какъ именно эти животныя, часто никогда не виданныя учениками и представляющія необыкновенныя формы и строенія, всего больше нуждаются въ изображеніяхъ. Въ предисловіи къ атласу говорится: „Недостатокъ этотъ объясняется тѣмъ, что большинство изображеній этого отдѣла должно быть сильно увеличено, и кромѣ наружнаго вида, должны быть даны анатомическіе рисунки, а подобные рисунки не очень удачно воспроизводятся хромо-литографіей“. Но почему же непрѣнно прибѣгать къ хромо-литографіи? Хорошій черный рисунокъ, даже схематическій, можетъ дать ясное понятіе о томъ, что безъ рисунка понять очень трудно. Довольно странно, что во всѣхъ почти атласахъ принято изображать, на оборотъ, самые извѣстные предметы, напримѣръ, лошадь, кошку и т. д. Въ разсматриваемомъ атласѣ также все это есть, но въ добавокъ, именно такіе ежедневные предметы вышли неудачно; напримѣръ, довольно непохоже изображены: кошка (V), свинья (XIII), голуби (XVII), воробей (XVI), комаръ (XXI).

Впрочемъ, большинство рисунковъ очень хороши. Животныя, по нынѣшней модѣ, изображены не въ неподвижной позѣ, а на бѣгу, на лету, или же въ борьбѣ съ добычею. Раскраска имѣетъ также цѣлью

придать рисункамъ полную натуральность и жизненность. Все это задачи, нѣсколько отступающія отъ главныхъ цѣлей зоологической систематики, изучающей собственно внѣшніе анатомическіе признаки животныхъ, а не ихъ живописную фізіономію. Притомъ, это задачи трудныя, особенно при маленькихъ размѣрахъ изображеній; поэтому попадаютъ въ разсматриваемомъ атласѣ неудачныя фигуры, или подробности. Напримѣръ, желтянка (т. XXII) вѣрна по цвѣту, но ея туловище и головка изображаютъ нѣчто вовсе не существующее въ природѣ; гіены (т. IV) изображены съ какими-то кусками во рту, но любознательный ученикъ напрасно будетъ разгадывать, что должны представлять эти куски, и не найдетъ никакого указанія въ текстѣ; притомъ, пятнистая гіена слишкомъ красна; да и во всемъ атласѣ красноватый оттѣнокъ слишкомъ часто черезъ мѣру ярокъ, напримѣръ, въ фигурахъ игрунки (т. II), рыси (т. V), хомяка (т. VII), бѣлки (тамъ же) зайца (т. VIII), и пр. Ясный недостатокъ представляетъ также блѣдность раскраски нѣкоторыхъ рисунковъ, напримѣръ, слона (т. VIII), ящера (XIV), краба (т. XXIII), сколопендры (тамъ же) и т. д.

Во всякомъ случаѣ достоинства и удобства разсматриваемаго атласа далеко перевѣшиваютъ указанные недостатки.

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ВЪ ИТАЛІИ ¹⁾.

Въ мартѣ 1889 года я командированъ былъ въ Италію, съ цѣлью изученія современнаго состоянія въ ней народнаго образованія. Въ настоящей статьѣ излагаю результаты моихъ наблюденій надъ тамошнею школьною жизнью. Руководствовался я при печатаніи этихъ наблюденій тѣмъ соображеніемъ, что у насъ очень мало имѣется вообще свѣдѣній о постановкѣ учебнаго дѣла въ Италіи, что не существуетъ, сколько мнѣ извѣстно, въ русской педагогической литературѣ ни одной статьи, разсматривающей состояніе въ ней народнаго образованія, какъ низшаго, такъ средняго и высшаго. Въ виду этого, я нашелъ не лишнимъ собрать имѣющійся объ этомъ вопросѣ officialный матеріалъ и постарался представить по возможности полный обзоръ современнаго состоянія народнаго образованія въ Италіи, хотя, конечно, размѣры статьи не позволяли мнѣ входить въ большія подробности.

Вездѣ въ Италіи я находилъ, какъ въ лицѣ начальства учебныхъ заведеній и чиновъ центрального и провинціального управленія министерства, такъ и среди отдѣльныхъ профессоровъ и преподавателей, самый радушный приемъ и предупредительные отвѣты на всѣ мои вопросы; вездѣ я имѣлъ возможность подробно осматривать учебныя заведенія и присутствовать на лекціяхъ и урокахъ. Въ Римѣ въ министерствѣ отъ статъ-секретаря Mariotti, товарища министра народнаго просвѣщенія, получилъ я всѣ officialные документы, учебныя программы и планы, на которые я ссылаюсь въ предстоящей статьѣ. Въ особенности же обязанъ я рѣдкой любезности консерватора Туринскаго промышленнаго музея (Museo R. Industriale) cav. Jervis, который сопутствовалъ мнѣ повсюду въ Туринѣ при посѣщеніи мною учебныхъ заведеній и снабдилъ меня рекоменда-

дательными письмами ко многимъ лицамъ, стоящимъ во главѣ заведеній въ Италіи.

Если мы будемъ слѣдить за различными фазисами, черезъ которые проходило народное образованіе въ Италіи въ теченіе нынѣшняго столѣтія, то увидимъ, что господствовавшія въ разныя эпохи направленія образованія были весьма различны; одно только влияние на школу оставалось въ Италіи непоколебимымъ съ начала столѣтія, то-есть, съ Вѣнскаго конгресса 1815 года и до самаго 1870 года, это всепоглощавшее и всюду проникавшее въ школу влияние католическаго духовенства. Съ возстановленіемъ мелкихъ королевствъ и герцогствъ въ Италіи, послѣ 1814 года, возстановлена была и прежде господствовавшая въ нихъ школьная система, въ замѣнъ императорскихъ collèges, заимствованныхъ изъ сосѣдней Франціи при Наполеонѣ I. Эта школьная система, какъ' извѣстно, вполне и во всемъ подчиняла школу влиянію католическаго духовенства, обратившаго ее въ слѣбое орудіе своей политики, а впоследствии, и своей борьбы противъ италіанскаго правительства. Но примѣръ Франціи, гдѣ въ то же самое время происходила борьба между духовными школьными конгрегаціями и другимъ, чисто свѣтскимъ направленіемъ, впервые выдвинувшимъ принципъ совмѣстнаго обученія въ начальной школѣ, не остался безъ влияния и на Италію, въ особенности ближайшую къ Франціи сѣверную. Къ этому времени, то-есть, къ 1816 году, относится первое появленіе въ Пиемонтѣ элементарной школы новаго типа, допускающей совмѣстное обученіе дѣтей обоюго пола,—типа, вызвавшего въ свое время столько же почитателей, сколько и порицателей. Типъ этотъ съ тѣхъ поръ и укоренился въ Пиемонтѣ. Въ то же самое время въ Ломбардіи и Венеціанской области австрійское правительство распространяло своимъ школьнымъ положеніемъ 1818 года начальное образованіе подъ влияніемъ педагогическихъ воззрѣній, перешедшихъ изъ Германіи, гдѣ въ то время важную роль играла система Песталоцци. Пока въ сѣверной Италіи народное образованіе прокладывало себѣ такимъ образомъ вѣрный путь, населеніе южной Италіи продолжало оставаться въ полномъ невѣжествѣ, въ которомъ желали держать намѣренно его мѣстныя правительства. Тамъ школа была всецѣло въ рукахъ католическаго духовенства и іезуитскаго ордена, и это положеніе вещей продолжалось до самаго послѣдняго времени. На ряду съ сѣверною Италіей мы видимъ стремленія къ реорганизаціи школы, къ освобожденію ея изъ-подъ опеки католическаго духовенства и въ нѣко-

торыхъ областяхъ средней Италіи, напримѣръ, въ Тосканѣ, изъ городовъ которой Флоренція всегда стояла во главѣ остальныхъ, благодаря своимъ образцовымъ учебнымъ заведеніямъ; но и въ Тосканѣ, по декрету отъ 30-го іюня 1852 г., школы, какъ начальныя, такъ и среднеобразовательныя, перешли въ вѣдѣніе епископовъ.

Въ Ломбардіи и Венеціанской области австрійское правительство, опасаясь революціонныхъ стремленій, снова подчинило школу католическому духовенству, на основаніи австрійскаго конкордата 1855 года, обративъ начальныя училища и возникшія уже было Realschulen въ духовныя семинаріи, подчиненныя епископамъ, и закрывъ почти всѣ женскія учебныя заведенія. Большинство же зданій, служившихъ прежде для школъ, обращены были въ монастыри.

Въ герцогствѣ Пармскомъ школа въ это время была въ рукахъ іезуитовъ, въ Моденскомъ—конгрегаціи св. Филиппа Нерскаго (St. Filippo de Neri). Вотъ нѣкоторыя цифры, заимствованныя изъ официальныхъ документовъ за время министерства Matteucci и другихъ (1864—1865), всего лучше свидѣтельствующія о томъ положеніи, въ какомъ находилось народное образованіе въ столь недавнее прошлое въ Италіи. Matteucci считаетъ на 1000 человекъ 350 неграмотныхъ въ Пиемонтѣ и Ломбардіи, 470 въ Эмилиіи и Тосканѣ и болѣе 800 въ Неаполитанскомъ королевствѣ и Сициліи. Число неграмотныхъ женщинъ въ этихъ провинціяхъ было, конечно, еще значительнѣе, а именно: въ Пиемонтѣ и Ломбардіи ихъ насчитывалось 450 на 1000, 593 въ Эмилиіи и Тосканѣ и до 938 на 1000 въ Неаполѣ и Сициліи. При 7.106,211 жителей въ Пиемонтѣ и Ломбардіи въ 1864 году имѣлось одно начальное училище на 521 жителя; при 5.338,149 жителей въ Эмилиіи и Тосканѣ—1 училище на 1409 жителей, и одно только училище на 2484 жителя въ Неаполитанскомъ королевствѣ и Сициліи. Министръ Natoli въ 1865 году удостовѣрился въ томъ, что въ южныхъ провинціяхъ Италіи на 1000 человекъ до 912 насчитывалось безграмотныхъ. На основаніи отчета министра Bonghi отъ февраля 1879 года оказывается, что существовало въ Италіи до 277 католическихъ семинарій съ 17,478 учениковъ; министръ Natoli въ своемъ отчетѣ за 1865 годъ указываетъ на существованіе 286 семинарій въ Италіи (за исключеніемъ Венеціанской области, Неаполя и Рима) съ 13,174 учениками. Католическія семинаріи, замѣнявшія среднеобразовательныя заведенія, по отзывамъ тогдашней инспекціи, посылаемой министерствомъ для ревизіи, были крайне слабы какъ по преподаваемымъ въ нихъ предметамъ и упо-

требляемымъ въ нихъ методамъ, такъ и по педагогическимъ качествамъ учительскаго персонала“. Притомъ католическое духовенство весьма неохотно допускало свѣтскую власть въ стѣны своихъ учебныхъ заведеній.

Съ 1864—1865 годовъ мы замѣчаемъ въ италіанскомъ правительствѣ твердую рѣшимость реорганизовать школу на новыхъ началахъ. Такъ, министр Natoli не стѣсняется закрывать тѣ семинаріи, куда не пускаютъ его инспекцію, и открывать на ихъ мѣсто правительственныя школы. Это направленіе министерства продолжалось до 1870 года, когда оно наконецъ увѣнчалось совершеннымъ отдѣленіемъ церкви отъ государства; но еще въ іюлѣ 1867 года въ парламентѣ разсматривалось предложеніе объ ограниченіи дѣятельности семинаріи—подготовленіемъ исключительно духовныхъ, отнявъ у нея такимъ образомъ среднеобразовательный ея характеръ. Какovy печальныя послѣдствія этого отдѣленія церкви отъ государства, мы видимъ въ современной италіанской школѣ, утратившей всякую религіозную основу. На это печальное явленіе я буду еще имѣть случай указать.

Размѣры настоящей статьи не позволяютъ мнѣ входить въ болѣе подробное разсмотрѣніе прошлаго италіанской школы; я принужденъ ограничиться изученіемъ современнаго ея положенія.

I.

Частное образованіе въ Италіи.

Начальное образованіе обязательно и бесплатно въ Италіи на основаніи закона 15-го іюля 1877 года ¹⁾. Законъ этотъ (§ 1) обязываетъ родителей или заступающихъ ихъ мѣсто посылать дѣтей сбоего пола, начиная съ шестилѣтняго возраста, либо въ частную школу, либо въ элементарную коммунальную (Scuola elementare del Comune). Этотъ элементарный курсъ продолжается три-четыре года—до девятилѣтняго-десятилѣтняго возраста учениковъ; по окончаніи его, ученики подвергаются экзамену въ присутствіи члена провинціальнаго училищнаго совѣта и родителей учениковъ (§ 2). За неисполненіе

¹⁾ Сборникъ королевскихъ декретовъ, министерскихъ циркуляровъ и распоряженій съ 1859—1887 г. (ошнц. изданіе), составленный докт. Bruto Amante, Art. 315, § 22 pag. 495 и слѣд. (Raccolta completa de' testi di leggi, decreti, regolamenti e circolari. Seconda edizione. Roma 1887).

этого закона родители подвергаются штрафу, могущему въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ простирается до 10 лиръ (§ 4).

О курсѣ начальныхъ училищъ я буду говорить подробно въ другомъ мѣстѣ настоящей статьи, рассматривая положеніе низшаго образованія въ Италіи; здѣсь я укажу только на то обстоятельство, что именно эта обязательность начального образованія ¹⁾ породила возникновеніе въ Италіи безчисленныхъ частныхъ учебныхъ заведеній, преимущественно среднихъ, которыхъ я посѣтилъ особенно много въ двухъ городахъ Италіи, представляющихъ выдающіеся центры по народному образованію, Туринѣ и Миланѣ; поэтому я позволю себѣ остановиться на нихъ нѣсколько подробнѣе.

Естественно, что болѣе обеспеченные родители предпочитаютъ, хотя и за довольно значительную, сравнительно, плату, отдавать дѣтей своихъ въ частныя среднія учебныя заведенія, въ которыхъ число воспитанниковъ значительно меньше, чѣмъ въ казенныхъ, а потому и педагогическое наблюденіе и физическій уходъ за ними несравненно лучше, нежели въ правительственныхъ гимназіяхъ и лицейхъ, которые въ большихъ городахъ всегда переполнены воспитанниками.

Открытіе частными лицами учебнаго заведенія допускается въ самыхъ широкихъ размѣрахъ и не стѣснено никакими особыми затрудненіями, такъ какъ общаго устава для частныхъ учебныхъ заведеній не существуетъ. На основаніи законоположеній, которыми руководствуется италіанское министерство народнаго просвѣщенія (art. 246, par. 322 Пл. Сборн.), каждому италіанскому подданному не моложе 25-ти лѣтъ предоставляется право открыть частное среднеучебное или низшее учебное заведеніе съ интернатомъ или безъ онаго. Требуется лишь соблюденіе слѣдующихъ трехъ обязательныхъ условій:

1) Лицо, желающее открыть частное учебное заведеніе, должно обладать дипломомъ, соответствующимъ разряду открываемаго имъ заведенія, то-есть, для открытія среднеучебнаго заведенія требуется дипломъ объ окончаніи средней школы и т. д.

2) Преподаваніе учебныхъ предметовъ должно строго придерживаться заранѣе опубликованной заведеніемъ программы, и отдѣльному

¹⁾ Вызванная переполненность какъ министерскихъ, такъ и коммунальныхъ училищъ, въ которыхъ плата за ученіе въ среднихъ—весьма незначительна, а въ начальныхъ—не существуетъ.

преподавателю не должно быть поручено болѣе двухъ учебныхъ предметовъ.

3) Открытіе частнаго учебнаго заведенія должно состояться при представителѣ отъ министерства. По art. 247, pag. 323 Сборн., лицо, желающее открыть частное учебное заведеніе, должно увѣдомить объ этомъ письменно провинціального попечителя округа (*Provveditore agli studii della rispettiva provincia*). При этомъ должно указать на мѣстность, гдѣ предполагается открыть учебное заведеніе, на помѣщеніе для школы и приложить предполагаемую учебную программу и фамильный списокъ преподавателей.

Provveditore долженъ вмѣстѣ съ членомъ мѣстнаго муниципалитета удостовѣриться въ хорошихъ гигиеническихъ условіяхъ помѣщенія для вновь открываемаго учебнаго заведенія и навести справки о нравственныхъ качествахъ лица, желающаго открыть заведеніе. Если въ теченіе двухъ мѣсяцевъ послѣ отправки прошенія на имя *provveditore* не поступило отъ него никакого протеста, частное учебное заведеніе считается открытымъ и при условіяхъ соблюденія вышеизложеннаго § 246, не можетъ быть закрыто иначе, какъ по доказанному обвиненію директора заведенія въ преступленіи противъ нравственности или государственнаго и общественнаго порядка.

По art. 248, pag. 324 Сборн., закрытіе частнаго учебнаго заведенія можетъ состояться только по министерскому декрету, на основаніи постановленія высшаго совѣта министерства (*Consiglio Superiore*). Впрочемъ, по art. 249, *provveditore* предоставлено право въ исключительныхъ случаяхъ временно закрыть частное учебное заведеніе, до разсмотрѣнія дѣла въ совѣтъ министерства.

Контроль министерства надъ частными учебными заведеніями сводится только къ присутствованію при открытіи заведенія и къ наблюденію за удовлетворительными его гигиеническими условіями. Наблюденіе же за ходомъ преподаванія и присутствованіе на экзаменахъ въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ не входятъ въ кругъ обязанности окружной инспекціи, хотя иногда и посылается на экзамены депутатъ отъ министерства, но его присутствіе не обязательно. Такимъ образомъ директоръ частнаго учебнаго заведенія является совершенно самостоятельнымъ и не обязанъ руководствоваться никакими министерскими циркулярами.

Относительно учебниковъ и пособій педагогическій совѣтъ частныхъ учебныхъ заведеній, также впрочемъ, какъ и казенныхъ, совершенно не стѣсненъ въ своемъ выборѣ. Въ Италіи вообще не суще-

ствуется въ этомъ отношеніи никакого контроля, и каждый преподаватель выбираетъ для своего предмета какой ему угодно учебникъ. При министерствѣ или при провинціальныхъ учебныхъ округахъ не существуетъ особой комиссіи, подобной нашему ученому комитету, на обязанности которой лежало бы, между прочимъ, и разсмотрѣніе учебниковъ и учебныхъ пособій для преподаванія въ учебныхъ заведеніяхъ министерства. Нѣчто подобное существуетъ только при провинціальныхъ муниципалитетахъ, вѣдающихъ также и школьнымъ дѣломъ, подъ предѣлательствомъ синдика. Объ этомъ крайне пагубномъ двоевластии въ управленіи школою въ провинціяхъ Италіи, я буду говорить ниже, при обзорѣніи организаціи центрального управленія министерства и управленія провинціальныхъ округовъ.

Очевидно, что въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ это отсутствие всякой регламентаціи въ выборѣ учебниковъ даетъ себя еще болѣе чувствовать, нежели въ казенныхъ, и должно особенно тяжело отзываться на ученикахъ, при переходѣ изъ одного заведенія въ другое. Эта система страдаетъ, конечно, еще и другими, весьма существенными педагогическими недостатками, изъ которыхъ первое мѣсто занимаетъ отсутствие всякаго единства въ преподаваемыхъ учебныхъ дисциплинахъ въ учебныхъ заведеніяхъ одинаковаго типа и преслѣдующихъ одинаковыя цѣли.

Для лучшаго ознакомленія съ внутреннею организаціею частныхъ учебныхъ заведеній, я посѣтилъ нѣсколько изъ нихъ въ Туринѣ и Миланѣ. Выбралъ я для осмотра большіе центры сѣверной Италіи потому, что она въ отношеніи образованія значительно опередила остальные части королевства и въ особенности южную, гдѣ народное образованіе до самаго послѣдняго времени далеко не процвѣтало. Напротивъ того, Піемонтъ и Ломбардія всегда были и являются до сихъ поръ самыми просвѣщенными и цвѣтущими областями Италіи; въ этихъ провинціяхъ въ особенности много находится частныхъ учебныхъ заведеній весьма разнообразныхъ типовъ, въ которыхъ школьное дѣло достигло сравнительно гораздо лучшихъ результатовъ ¹⁾. При осмотрѣ учебныхъ заведеній я старался выбирать такія, которыя представляли бы извѣстный типъ заведенія и выдавались бы

¹⁾ Объ этомъ свидѣлствуютъ карты распространенія образованія въ различныхъ областяхъ Италіи. Эти карты — оціанальное изданіе статистическаго бюро при министерствѣ земледѣлія и торговли въ Римѣ. Они любезно были предоставлены въ мое распоряженіе директоромъ статистическаго бюро, командоромъ Бодіо.

чѣмъ-либо изъ общаго уровня. Я посѣщалъ каждое изъ нихъ по нѣскольку разъ, присутствуя на урокахъ въ различныхъ классахъ и бесѣдуя съ директоромъ и отдѣльными преподавателями. Тамъ, гдѣ при заведеніи находился интернатъ, я имѣлъ всегда возможность, благодаря любезности начальствующихъ лицъ, основательно его осматривать, входя во всѣ подробности внутренней жизни заведенія. Здѣсь я буду излагать результаты моихъ наблюденій только надъ выдающимися изъ нихъ.

Къ числу послѣднихъ я отношу въ Туринѣ 2 частныя учебныя заведенія — одно низшее, другое — среднее. Первое изъ нихъ называется „Scuola elementare internazionale“, второе — „Istituto Internazionale Italiano“.

„Scuola elementare internazionale“ названа такъ потому, что является въ нѣкоторомъ родѣ дѣйствительно международнымъ училищемъ, такъ какъ въ числѣ воспитанниковъ есть дѣти самыхъ разнообразныхъ національностей и даже нѣсколько поляковъ. Она основана въ 1870 году съ цѣлью давать элементарное образованіе дѣтямъ обоого пола зажиточныхъ родителей, принадлежащихъ мѣстной и иностранной буржуазіи. Национальность учениковъ не играетъ никакой роли при приемѣ; напротивъ, въ училищѣ находится болѣе иностранцевъ, нежели италіянцевъ.

Училищемъ завѣдуютъ директоръ и училищный совѣтъ, состоящій изъ извѣстныхъ въ Туринѣ педагоговъ. Большинство преподавателей женскаго пола. Курсъ въ училищѣ 5-тилѣтній; 3 первые класса составляютъ младшее отдѣленіе, а два послѣдніе — старшее. Такимъ образомъ, въ этомъ училищѣ проходитъ полный элементарный курсъ. подготавливающій дѣтей къ гимназіи или реальному училищу.

Дѣти поступаютъ туда 6 лѣтъ и остаются — мальчики до 10 лѣтъ, а дѣвочки до 12. Обученіе во всѣхъ классахъ совмѣстное. Учениковъ въ школѣ обоого пола въ настоящее время 110, въ каждомъ классѣ обязательно не болѣе 20; какъ только ихъ больше, открывается параллельное отдѣленіе.

Цѣль преподаванія — приготовить какъ мальчиковъ, такъ и дѣвочекъ къ среднеобразовательной школѣ.

Учебный планъ слѣдующій: 1) италіянскій языкъ, 2) французскій языкъ, 3) нѣмецкій языкъ, 4) англійская и нѣмецкая каллиграфія, 5) арифметика, 6) рисованіе, 7) географія, 8) римская исторія, 9) начала естествознанія, 10) пѣніе, 11) гимнастика, 12) женскія ручныя работы. Законъ Божій католическаго вѣроисповѣданія препода-

дается только разъ въ недѣлю. Это преподаваніе необязательно и происходитъ только по формальной просьбѣ родителей.

Здѣсь мы сталкиваемся съ самымъ большимъ мѣстомъ современной италіанской школы: отсутствіе всякой религіозной основы въ ней непріятно поражаетъ всякаго наблюдателя. Инстинктивная боязнь всякаго вліянія церкви въ дѣлѣ народнаго образованія объясняется историческими причинами: она вытекаетъ изъ продолжительной борьбы церкви съ правительствомъ въ Италіи, изъ совершеннаго отчужденія школы отъ всякаго вмѣшательства церкви, въ особенности съ 1870 года; она, наконецъ, есть естественное послѣдствіе извѣстной, излюбленной италіанскими патриотами новѣйшаго времени формулы министра Кавура: „l'église libre dans l'état libre“; но несомнѣнно одно, что отсутствіе всякаго религіознаго образованія, всякой религіозной основы въ народной школѣ повлечетъ за собою весьма печальныя послѣдствія для подростающаго поколѣнія, для котораго ученіе „о правахъ и обязанностяхъ гражданина“ никогда не замѣнитъ отсутствія религіи и нравственнаго вліянія, получаемаго учениками съ малолѣтства при урокахъ закона Божія. Директоръ заведенія Cheltni, съ которымъ я говорилъ объ этомъ вопросѣ, передалъ мнѣ, что онъ самъ сознаетъ тотъ великій пробѣлъ, который несомнѣнно существуетъ въ его учебномъ планѣ отъ отсутствія въ немъ преподаванія закона Божія, но онъ убѣжденъ, что еслибъ онъ сдѣлалъ законъ Божій обязательнымъ предметомъ, большинство родителей взяло бы своихъ дѣтей изъ его школы. Это лучше всего рисуетъ современное положеніе вещей по отношенію къ этому вопросу въ Италіи!

Дабы ученики не были обременены домашними занятіями, они, по окончаніи уроковъ, остаются еще на 1 часъ или болѣе въ училищѣ, чтобы готовить уроки на слѣдующій день.

Особенности этой школы сравнительно съ другими въ Туринѣ одинаковаго типа слѣдующія: 1) При училищѣ находится такъ-называемое „giardino d'infanzia“. нѣчто въ родѣ вѣмеккихъ Kindergarten по Фребелевской системѣ, существующее при этомъ училищѣ съ 1878 года, куда дѣти поступаютъ съ 4-хъ лѣтъ. 2) Совмѣстность преподаванія для мальчиковъ съ дѣвочками, что весьма удобно для родителей; это совмѣстное обученіе, по мнѣнію педагогическаго совѣта училища, нисколько не оправдало ожидаемыхъ отъ него неудобствъ; напротивъ, практика показала, что оно достигаетъ вполне хорошихъ результатовъ. 3) Преподаютъ три новые языка—француз-

скій, нѣмецкій и англійскій, что большая рѣдкость въ Италіи, гдѣ даже въ старшихъ гимназическихъ классахъ до самаго послѣдняго времени не былъ обязательенъ ни одинъ изъ новыхъ языковъ; это преподаваніе поручено природнымъ французенкамъ, нѣмкамъ и англичанкамъ, отчего много выигрываетъ чистота произношенія иностраннаго языка. 4) Послѣ cadaго урока—10-ти минутный промежутокъ, въ продолженіе котораго дѣти играютъ на дворѣ весьма обширномъ и снабженномъ всевозможными приспособленіями для гимнастики. 5) За плату полупансіонера родители могутъ оставлять своихъ дѣтей въ училищѣ отъ 8¹/₂ ч. утра до 5¹/₂ ч. дня.

Учебный годъ начинается въ началѣ октября и продолжается до конца іюня; по четвергамъ уроковъ не бываетъ. Плата за ученіе въ первыхъ трехъ классахъ 189 фр., въ двухъ старшихъ—234 фр., за посѣщеніе Фребелевскаго сада платится 12 фр. за мѣсяць.

Въ Giardino d'infanzia въ 1888—1889 учебномъ году состояло 27 дѣтей — 16 мальчиковъ и 11 дѣвочекъ въ возрастѣ отъ 4 — 6 лѣтъ. Эта элементарная школа, какъ и вообще Kindergarten, имѣетъ цѣлью гармоническое развитіе физическихъ и умственныхъ силъ дѣтей обоого пола, имѣющихъ не менѣе 4-хъ и не болѣе 6-ти лѣтъ. Дѣтей занимаютъ всевозможными, доступными для нихъ ручными работами и бесѣдами объ окружающихъ ихъ предметахъ (leçons de choses). Эти занятія прерываются гимнастическими упражненіями и пѣніемъ. Отдѣльный урокъ въ этомъ элементарномъ пріютѣ не долженъ продолжаться болѣе получаса, и при хорошей погодѣ всѣ занятія происходятъ подъ открытымъ небомъ, на обширномъ дворѣ училища.

Не распространяюсь больше о типѣ этихъ заведеній, такъ какъ онъ общеизвѣстенъ. Я вынесъ изъ посѣщенія какъ этого элементарнаго пріюта, такъ и многихъ другихъ въ Туринѣ и Миланѣ, самое отрадное впечатлѣніе. Лица дѣтей сияли радостью и довольствомъ; играя, безъ всякаго умственнаго напряженія, они пріобрѣтали необходимыя элементарныя свѣдѣнія и съ дѣтскимъ любопытствомъ слѣдили за каждымъ словомъ и движеніемъ любимой, опытной наставницы. Руководятъ этими пріютами учительницы, кончившія курсъ въ нормальныхъ училищахъ, о которыхъ я буду говорить ниже.

Перехожу къ слѣдующему, осматрѣнному мною, частному учебному заведенію R. Istituto Internazionale Italiano есть частное учебное заведеніе, находящееся подъ особымъ покровительствомъ министерства иностранныхъ дѣлъ, и основано въ 1867 году королевскимъ де-

кретомъ. Оно заключаетъ въ себѣ 2 приготовительные класса—въ младшій изъ нихъ поступаютъ 7 лѣтъ,—и первые 5 гимназическихъ классовъ, составляющіе въ Италіи гимназическій курсъ (Ginnasio); старшіе три класса носятъ названіе лицея (liceo) (этихъ старшихъ классовъ въ настоящее время въ училищѣ нѣтъ, но ихъ предполагаютъ открыть съ будущаго учебнаго года). Кромѣ того, имѣется въ заведеніи коммерческое отдѣленіе, подчиненное министерству земледѣлія и торговли, заключающее въ себѣ 6 классовъ, куда поступаютъ воспитанники 12 лѣтъ и откуда выходятъ 18 лѣтъ. Этотъ курсъ преслѣдуетъ чисто практическія цѣли: подготавливаетъ будущихъ коммерсантовъ, бухгалтеровъ, служащихъ въ банкахъ и проч.

При училищѣ находится весьма обширный интернатъ. Число интерновъ, когда я его посѣтилъ, было 80. Помѣщеніе для нихъ очень хорошее, можно даже сказать роскошное: каждый имѣетъ свою комнату, со всѣмъ необходимымъ. Рекреационныя и рабочія комнаты свѣтлыя и просторныя, ѣда очень даже хороша. На каждыхъ 10 воспитанниковъ полагается дежурный воспитатель, ночующій въ интернатѣ. Воспитанники принадлежатъ къ самымъ разнороднымъ націямъ; есть между ними даже одинъ русскій и нѣсколько негровъ и японцевъ. Всѣхъ учениковъ до 100 человекъ, изъ нихъ 20 пансионеровъ. Средства заведенія, помѣщающагося въ собственномъ зданіи, при которомъ находится большой садъ, составляютъ: плата, поступающая съ воспитанниковъ ¹⁾, и различныя субсидіи; такъ, на примѣръ, министерство иностранныхъ дѣлъ вноситъ ежегодно 3,000 лиръ на двѣ стипендіи, министерство земледѣлія и торговли — по 8,000 лиръ, городъ Туринъ даетъ 4,000 лиръ и торговая палата—3,000 лиръ ²⁾. Не входятъ въ плату за пансионеровъ расходы на платье (форменное), покушку книгъ и на канцелярскія принадлежности. При помѣщеніи двухъ сыновей въ интернатъ, родители пользуются уступкою 5%, трехъ и болѣе—10%. Воспрещается интернамъ имѣть при себѣ деньги и вообще цѣнныя вещи, а также постороннія учебнымъ предметамъ книги, журналы, фотографіи.

¹⁾ Съ интерна моложе 10 лѣтъ	взимается	800	лиръ въ годъ,
" "	10—12 "	"	1000 " " "
" "	старше 12 "	"	1100 " " "

²⁾ Заведеніемъ управляетъ директоръ De-Grossi и совѣтъ учебно-воспитательный и административный, котораго онъ состоитъ непремѣннымъ членомъ. Совѣтъ этотъ состоитъ изъ представителей министерства народнаго просвѣщенія, городской думы и chambre de commerce.

Коммерческое отдѣленіе, существовавшее при училищѣ съ 1867 г., преобразовано королевскимъ декретомъ отъ 23-го октября 1884 года въ правительственное коммерческое училище, подчиненное министерству земледѣлія и торговли. Подобныхъ коммерческихъ училищъ въ Италіи еще 4, въ Венеціи, Генуѣ, Бари и Брешии. Курсъ въ нихъ шестилѣтній, раздѣленный на два отдѣленія по три года въ каждомъ. Первое отдѣленіе приготовляетъ воспитанниковъ къ занятію различныхъ мелкихъ должностей въ банковыхъ учрежденіяхъ и конторахъ и къ коммерческой практикѣ. Учебные предметы, преподаваемые въ низшихъ трехъ классахъ, — италіанскій языкъ, французскій языкъ, ариметика, бухгалтерія, географія, исторія, торговля и биржевыя свѣдѣнія, курсъ морали. Въ старшихъ трехъ классахъ преподаются: новые языки (въ томъ числѣ и испанскій), упражненія въ торговой перепискѣ, коммерческое и банковое счетоводство, коммерческая географія и исторія, элементы экономіи и статистики, изученіе таможенныхъ законовъ и тарифовъ желѣзнодорожныхъ и морскихъ, практическія упражненія въ образцовомъ банкѣ, курсъ морали.

Преподаваніемъ коммерческихъ знаній въ вышеупомянутыхъ учебныхъ заведеніяхъ этого типа правительство надѣется избѣгнуть необходимости посылать для этого молодыхъ людей за границу. Потребность въ укрѣпленіи международныхъ сношеній съ италіанцами, живущими въ американскихъ колоніяхъ и на востокѣ, особенно высказалась со времени объединенія Италіи; этимъ объясняется открытіе подобныхъ интернаціональныхъ среднѣучебныхъ заведеній, поддерживающихъ нравственную связь между Италіей и заатлантическими ея выселенцами.

На одномъ изъ посѣщенныхъ мною уроковъ исторіи въ этомъ коммерческомъ училищѣ (это происходило въ V классѣ — воспитанники 16 — 17 лѣтъ) меня непріятно поразило, что воспитанникъ, вызванный повторить содержаніе предыдущаго урока, сѣлъ на кафедру и оттуда читалъ весьма напыщеннымъ тономъ родъ лекціи. На вопросъ мой преподавателю (онъ же и инспекторъ заведенія), почему разрѣшается ученикамъ садиться на кафедру, онъ отвѣтилъ мнѣ, что это дѣлается, чтобы приучать ихъ къ краснорѣчію. Сомнѣваюсь, чтобы это качество особенно нужно было будущему коммерсанту, не говоря уже о томъ, что подобныя лекціи, читаемыя учениками съ высоты кафедры, врядъ ли развиваютъ въ нихъ скромность.

Изъ осматрѣнныхъ мною частныхъ учебныхъ заведеній въ Миланѣ

позволю себѣ остановиться на женскомъ училищѣ, носящемъ названіе „Sante Polli“, какъ одномъ изъ лучшихъ. Оно помѣщается въ старинномъ дворцѣ Durini; поэтому помѣщеніе весьма обширное, комнаты высокія и свѣтлыя, при домѣ находится большой, тѣнистый садъ, въ полномъ распоряженіи училища, что большая рѣдкость для Милана. Въ училищѣ находится: giardino d'infanzia (куда дѣти поступаютъ даже съ 3-хъ лѣтъ и остаются въ немъ три года), элементарный курсъ, раздѣленный на 8 классовъ (6 лѣтъ — 14 лѣтъ) и высшій курсъ 2-хлѣтній. Такимъ образомъ дѣвочка, поступившая 3-хъ лѣтъ въ училище, пройдя полный въ немъ курсъ, выходитъ изъ него 16-ти, 17-ти лѣтъ. Учебные предметы слѣдующіе: законъ Божій (въ этомъ училищѣ обязательный предметъ), итальянскій языкъ, ариметика и основанія геометріи, географія и исторія, свѣдѣнія по физикѣ и гигиенѣ, новые языки (французскій, нѣмецкій и англійскій), каллиграфія и женскія рукодѣлія. Кромѣ того, преподаются: рисованіе, хоровое пѣніе, танцы и гимнастика. Курсъ начинается 15-го октября и кончается въ половинѣ іюля. Уроки продолжаются съ 9½ ч. утра—4 ч., кромѣ четверга. Плата за воспитанницъ, которая всѣ входящія, слѣдующая: въ asyle infantile — 100 лиръ, на элементарномъ курсѣ отъ 150 — 250 лиръ, смотря по классамъ, на высшемъ курсѣ — 350 лиръ. Я присутствовалъ на урокъ римской исторіи въ среднихъ классахъ (преподавала директриса училища Regaschi), на урокахъ нѣмецкаго языка, итальянскаго языка и ариметики въ старшихъ и младшихъ классахъ, и пріятно былъ пораженъ прекраснымъ преподаваніемъ и бойкими, отчетливыми и дѣльными отвѣтами ученицъ. На высшемъ курсѣ проходитъ весьма подробно и обстоятельно исторія отечественная и всеобщая; она доводится до объединенія Италіи. Особенное вниманіе обращается на отечественный языкъ. По заявленію преподавателя итальянской литературы въ старшихъ классахъ, воспитанницы пишутъ сочиненія на заданныя темы весьма удовлетворительно. Курсъ итальянской литературы проходитъ весьма подробно; особенное вниманіе обращается на упражненія въ стилѣ. На урокахъ новыхъ языковъ я не встрѣчалъ того плохаго произношенія иностранныхъ словъ, замѣченнаго мною въ большинствѣ учебныхъ заведеній въ Италіи. Вообще же я вынесъ изъ осмотра этого частнаго учебнаго заведенія самое лучшее впечатлѣніе.

II

Изученіе организаціи стипендій для недостаточныхъ студентовъ университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній въ Италіи является однимъ изъ самыхъ неясныхъ вопросовъ для изучающаго состояніе высшаго образованія въ этой странѣ, такъ какъ, собственно говоря, стипендій, правильно организованныхъ, вовсе не существуетъ въ Италіи ни въ высшихъ, ни въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, а есть только нѣсколько отдѣльныхъ капиталовъ, какъ королевскихъ, такъ и частныхъ или отдѣльныхъ провинцій, проценты съ которыхъ могутъ быть употребляемы въ видѣ вспомошествованія студентамъ учебныхъ заведеній, обозначенныхъ въ завѣщаніяхъ. Эти суммы для нѣкоторыхъ провинцій Италіи достигаютъ иногда довольно крупныхъ размѣровъ; такъ, напримѣръ, для Ломбардіи, Эмиліи, Умбрин, Тосканы и Неаполя капиталъ, пожертвованный съ этой цѣлью, достигалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ почтенной цифры въ 241,117 лиръ, изъ % съ котораго образовались 553 стипендіи, распределенныя совершенно неравномѣрно по разнымъ учебнымъ заведеніямъ. Такимъ образомъ случается часто, что въ нѣкоторыхъ заведеніяхъ имѣется масса стипендій, въ другомъ на оборотъ ихъ вовсе нѣтъ. При этомъ положенія о стипендіяхъ чуть ли не въ каждомъ заведеніи свои, различныя отъ прочихъ, что весьма затрудняетъ исследователя, желающаго выяснить себѣ общія положенія, которыми руководились жертвователи. Вообще этотъ вопросъ еще вовсе не разработанъ правильно въ Италіи. Что же касается до частныхъ обществъ вспомошествованія студентамъ, то ихъ вовсе не существуетъ, и ректора университетовъ, съ которыми приходилось мнѣ говорить о существованіи у насъ подобныхъ обществъ вспомошествованія при всѣхъ русскихъ университетахъ, выражали крайнее удивленіе, хотя и находили существованіе подобныхъ обществъ весьма желательнымъ и у нихъ.

Прежде чѣмъ говорить объ этихъ стипендіяхъ, необходимо представить здѣсь таблицу платежей, обязательныхъ для студентовъ италіанскихъ университетовъ на различныхъ факультетахъ и условія, при которыхъ они могутъ быть освобождены отъ взноса платы за слушаніе лекцій. Плата за слушаніе лекцій распределяется слѣдующимъ образомъ по факультетамъ. Она бываетъ 4-хъ разрядовъ: 1) за имматрикуляцію на факультетъ, 2) годичная плата за право

слушанія лекцій, 3) добавочная такса за производство курсоваго испытанія (переходнаго экзамена) и 4) за выдачу студенту диплома объ окончаніи имъ полнаго курса на соответствующемъ факультетѣ. Это ясно видно изъ прилагаемой таблицы, заимствованной мною изъ официального изданія „Правилъ для студентовъ Неаполитанскаго университета“. Правила эти озаглавлены: *Principali Disposizioni dei Decreti e Regolamenti Universitari per norma degli studenti. Napoli. 1888.* Приложение № 1. Плата, поступающая отъ студентовъ по этимъ четыремъ разрядамъ, во всѣхъ университетахъ Италіи одинакова.

Годичная плата за слушаніе лекцій можетъ быть разсрочена на два срока пополугодно—въ началѣ учебнаго года—въ ноябрѣ мѣсяцѣ и въ апрѣлѣ мѣсяцѣ. Плата за производство годичныхъ испытаній (переходныхъ экзаменовъ) должна быть произведена за 10 дней до начала экзаменовъ. Плата за дипломъ объ окончаніи курса вносится по окончаніи выпускныхъ экзаменовъ. Не внесшіе платы за слушаніе лекцій и за производство экзаменовъ не могутъ быть ни допускаемы къ онимъ, ни переведены на слѣдующій курсъ. Имматрикулованный въ одинъ изъ королевскихъ университетовъ ¹⁾ и внесшій за это плату, при переходѣ въ другой королевскій университетъ, освобождается отъ вторичной уплаты за имматрикуляцію.

Вышеизложеннымъ правиламъ должны подчиняться всѣ студенты италіанскихъ университетовъ, вносящіе плату за слушаніе лекцій. Но существуетъ во всѣхъ университетахъ не мало студентовъ, освобожденныхъ отъ платы. Освобожденіе это происходитъ на основаніи министерскаго циркуляра отъ 1-го октября 1870 года, при слѣдующихъ непремѣнныхъ условіяхъ: студенты, желающіе быть освобожденными отъ платы, должны представить свидѣтельство мѣстной коммуны, откуда они родомъ и въ которой находится постоянное мѣстожителство ихъ родителей, съ обозначеніемъ рода занятій послѣднихъ, семейнаго ихъ положенія, ежегодно получаемаго ими дохода (приблизительнаго), а также свѣдѣнія объ ежегодныхъ податяхъ и налогахъ, взимаемыхъ съ нихъ. Эти свѣдѣнія должны относиться къ текущему платежному году и отнюдь не ко времени болѣе

¹⁾ Кроме „королевскихъ университетовъ“, въ Италіи есть еще и частные (*libere*). О нихъ я буду говорить ниже, разсматривая состояніе высшаго образованія въ Италіи.

отдаленному (§ 61 правилъ, редактированный на основаніи министерскаго циркуляра отъ 1-го октября 1876 года).

Освобождаются отъ платы за слушаніе лекцій на I курсѣ только тѣ студенты, которые на выпускномъ экзаменѣ изъ лицеевъ (экзаменъ на аттестатъ зрѣлости (esame di licenza liceale) получили не менѣе $\frac{9}{10}$ на кругъ всѣхъ удовлетворительныхъ балловъ (§ 63 правилъ на основаніи королевскаго декрета отъ 5-го августа 1877 года). Экзамены, какъ выпускные изъ лицеевъ, такъ и переходные въ университетахъ (курсовые) производятся въ комиссіяхъ, состоящихъ изъ 3-хъ экзаменаторовъ, при чемъ каждый экзаменаторъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи 10 балловъ, итого всѣхъ балловъ 30. Дологающійся освобожденія отъ платы за лекціи на первомъ курсѣ студентъ долженъ получить на выпускномъ экзаменѣ не менѣе 27 балловъ. Къ такому прошенію объ освобожденіи отъ платы должно быть приложено свидѣтельство начальства лицея, гдѣ обучался студентъ о прилежаніи его и хорошемъ поведеніи. О всѣхъ подобныхъ случаяхъ освобожденія отъ платы за слушаніе лекцій должно быть сдѣлано представленіе министру въ концѣ академическаго года. Желаящіе быть освобожденными отъ взноса платы за слушаніе лекцій на послѣдующихъ курсахъ, должны выдержать спеціальныя экзамены изъ назначенныхъ факультетомъ предметовъ и получить на оныхъ отъ $\frac{8}{10}$ до $\frac{9}{10}$ на кругъ всѣхъ удовлетворительныхъ балловъ. ●

Таковы главнѣйшіе параграфы правилъ для студентовъ, тракующіе объ условіяхъ обязательныхъ для освобожденія отъ платы за слушаніе лекцій въ университетахъ.

Но нельзя сказать, чтобы весьма многіе студенты пользовались этою привилегіей, что ясно видно изъ ниже слѣдующихъ таблицъ (см. приложение № 2 и 3). Одна изъ нихъ представляетъ суммы, не внесенныя студентами Неаполитанскаго университета за 1886—1887 академическій годъ (уплаченныя университетомъ за нихъ), а другая представляетъ суммы, выданныя въ качествѣ субсидій для уплаты за слушаніе лекцій студентами того же университета за тотъ же академическій годъ на всѣхъ факультетахъ.

Общее число студентовъ въ Неаполитанскомъ университетѣ въ 1886—1887 академическомъ году на всѣхъ факультетахъ означено въ таблицѣ № 4. Въ другихъ университетахъ число студентовъ, освобожденныхъ отъ взноса платы за слушаніе лекцій въ 1886—1887 году, было нѣсколько больше, напримѣръ, въ Туринскомъ

университетѣ; цифры уплаченныхъ ими и не уплаченныхъ суммъ конечно колеблется по годамъ, но въ общемъ приведенныя мною таблицы представляютъ довольно ясно положеніе этого вопроса. Освобожденіе отъ платы за слушаніе лекцій не связано для студентовъ ни съ какими особыми экзаменами.

Переходя теперь къ правительственнымъ и частнымъ стипендіямъ, я принужденъ ограничиться только нѣкоторыми высшими учебными заведениями, мною осмотрѣнными, въ которыхъ таковыя имѣются; какъ я уже сказалъ выше, таковыхъ очень не много, они весьма разбросаны по разнымъ провинціямъ Италіи и въ бюджетѣ заведенія составляютъ весьма незначительный фондъ. Во всякомъ случаѣ происхожденіе этихъ стипендій въ Италіи чисто случайное и потому не представляетъ ничего существенно важнаго. Въ бюджетѣ Неаполитанскаго университета, напримѣръ, имѣется цифра въ 10,000 лиръ, ежегодно поступающая изъ министерства, но это скорѣе правительственная субсидія университету, чѣмъ сумма на стипендіи. Кромѣ того, сосѣднія съ Неаполемъ муниципіи южныхъ провинцій Италіи, какъ-то Gallipoli, Caserta, Bari, Benevento и др. вносятъ на содержаніе Неаполитанскаго университета ежегодно отъ 600—700 лиръ. Эти суммы идутъ на уплату не внесенныхъ студентами срочныхъ платежей за право слушанія лекцій, но эти суммы поступаютъ далеко не аккуратно и не являются вовсе обязательными для вышепоименованныхъ муниципій, такъ что опять-таки нельзя ихъ назвать стипендіями.

Въ Туринскомъ университетѣ это дѣло поставлено нѣсколько правильнѣе; именно: за нѣсколько мѣсяцевъ до начала академическаго года ректоръ университета публикуетъ о существующихъ вакансіяхъ на слѣдующія, учрежденныя при Туринскомъ университетѣ, стипендіи: 100 стипендій королевскихъ по 70 лиръ ежемесячно въ теченіе 9 учебныхъ мѣсяцевъ, то-есть, каждая стипендія въ 630 лиръ. Имѣются еще такого же размѣра 22 стипендіи провинціи Турина, нѣсколько частныхъ стипендій и наконецъ 6 стипендій, также по 630 лиръ каждая, такъ-называемой „Fondazione Ghislieri“. Послѣднія стипендіи были учреждены еще папою Піемъ V при Павійскомъ университетѣ, исключительно для студентовъ, уроженцевъ Ломбардской провинціи, окончившихъ курсъ въ основанномъ имъ Collegio Ghislieri (6 изъ этихъ стипендій принадлежатъ теперь Туринскому университету). Королевскія же стипендіи предназначены исключительно для уроженцевъ прежняго королевства Сарди-

ніи. Число свободныхъ стипендій различныхъ наименованій, конечно, колеблется ежегодно; одинъ годъ ихъ больше, другой годъ меньше; такъ, наприѣръ, въ 1887 году согласно публикаціи ректора ихъ было всего 39. Получающіе эти стипендіи студенты Туринскаго университета составляютъ какъ бы особое отдѣленіе студентовъ университета, носящее названіе: „Collegio delle Province“, учрежденное королевскимъ декретомъ отъ 1-го іюля 1869 года. Прежде существовавшее подъ этимъ названіемъ училище не существуетъ съ 1869 года, а остается его названіе. Зданіе его перешло сначала въ вѣдѣніе военнаго министерства, а нынѣ составляетъ собственность Regio Museo Industriale Italiano въ Туринѣ.

Студенты, родители коихъ живутъ въ Туринѣ, не могутъ претендовать ни на одну изъ этихъ стипендій. Исключенія допускаются только при представленіи студентомъ доказательства крайней его бѣдности, препятствующей ему поступить въ какое бы то ни было высшее учебное заведеніе.

Между вышеупомянутыми городскими стипендіями есть нѣкоторыя, выдаваемыя исключительно студентамъ медицинскаго факультета, обязаннымъ за это въ теченіе академическаго года посѣщать клиники городской больницы св. Іоанна Крестителя (ospedale Maggiore di S. Giovanni Battista di Torino). Студенты-медики, не могущіе представить свидѣтельства объ аккуратномъ посѣщеніи ими этого госпиталя, лишаются стипендіи.

Кромѣ того, всѣ студенты, желающіе получить стипендію, должны подвергнуться повѣрочному испытанію на основаніи королевскаго декрета отъ 2-го апрѣля 1885 года. Испытаніе это состоитъ изъ шести письменныхъ работъ: 1) латинскаго сочиненія; 2) италіанскаго сочиненія (большою частью историческаго содержанія); 3) сочиненія на философскую тему; 4) перевода съ греческаго на италіанскій языкъ; 5) рѣшенія задачъ изъ ариѳметики, алгебры и геометріи. Эти письменныя работы производятся въ теченіе трехъ дней и дается для выполненія каждой изъ нихъ четыре часа. Условія исполненія этихъ письменныхъ работъ тѣ же, какія соблюдаются у насъ на выпускныхъ экзаменахъ изъ гимназій (на аттестатъ зрѣлости). Впрочемъ у нихъ употребленіе словарей латинскаго и греческаго не воспрещается.

Кромѣ того, конкурирующіе на стипендію студенты подвергаются еще двумъ устнымъ экзаменамъ изъ предметовъ лицейскаго курса. Для полученія стипендіи требуется на повѣрочномъ испытаніи на

кругъ не менѣе $\frac{9}{10}$ всѣхъ удовлетворительныхъ балловъ по каждому предмету ¹⁾).

При Миланской академіи „Scientifico-Litteraria“ ²⁾ существуетъ десять правительственныхъ стипендій, по 700 лиръ каждая, выдаваемыхъ ежегодно по конкурсному экзамену изъ италіанскаго языка, латинскаго, одного изъ новыхъ языковъ и исторіи, шесть стипендій города Милана и четыре разныхъ провинцій. Условія полученія стипендій одинаковы съ университетскими.

Кромѣ того, существуютъ еще двѣ преміи, учрежденныя профессоромъ Elna Lattes, въ 125 и 860 лиръ, выдаваемыя за лучшія сочиненія по филологіи или исторіи, писанныя студентами на послѣднемъ курсѣ. Премія эта ежегодно возобновляется. Положеніе объ этихъ преміяхъ утверждено королевскимъ приказомъ по министерству народнаго просвѣщенія отъ 9-го сентября 1885 года. Изъ вышеназложеннаго ясно, что стипендіи эти носятъ чисто случайный характеръ. И дѣйствительно, при разсмотрѣніи бюджета министерства народнаго просвѣщенія въ Италіи, выясняется, что существующія стипендіи въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ играютъ самую ничтожную роль.

III.

Центральное управленіе народнымъ просвѣщеніемъ въ Италіи и участіе муниципалитетовъ въ дѣль народнаго образованія въ провинціяхъ.

Въ основаніи всего италіанскаго законодательства, касающагося министерства народнаго просвѣщенія, поставленъ органической законъ, обнародованный въ министерство Casati 13-го ноября 1859 года и названный потому „Legge organica (Casati) sulla pubblica istruzione“. Законъ этотъ обнимаетъ всѣ отрасли и регулируетъ всѣ функціи вѣдомства народнаго просвѣщенія, какъ по отношенію къ центральнымъ его органамъ, такъ и провинціальнымъ. На основаніи этого закона (art. 1—29) центральное управленіе министерства на-

¹⁾ Правила эти заимствованы мною изъ оенціальной публикаціи ректора Туринскаго университета Anselmi отъ 17-го іюня 1887 года и изъ извлеченія „Regolamento per il R. Collegio degli Studenti delle Provincie“.

²⁾ О ней я буду говорить подробно въ своемъ мѣстѣ при отчетѣ о посѣщенныхъ мною высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

роднаго просвѣщенія въ Итали подраздѣляется на три отдѣла (разряда), изъ которыхъ первый вѣдаетъ личнымъ составомъ центрального управления, Высшимъ совѣтомъ (Consiglio Superiore), составленіемъ бюджетовъ и контролемъ денежныхъ отчетовъ всѣхъ учебныхъ заведеній, подвѣдомственныхъ министерству; второй отдѣлъ вѣдаетъ академіями художествъ, археологическими институтами и раскопками, консерваторіями и музикальными училищами, бібліотеками, архивами и различными спеціальными академіями; третій отдѣлъ вѣдаетъ всѣми учебными заведеніями, въ томъ числѣ и университетами, практическими школами для инженеровъ, ветеринарными училищами и астрономическими обсерваторіями.

Среднеучебныя заведенія и начальныя (элементарныя) находятся въ вѣдѣніи двухъ спеціальныхъ отдѣловъ центрального управления министерства, изъ которыхъ первый отдѣлъ управляетъ всѣми казенными гимназіями, лицеями и техническими школами, казенными интернатами и всѣмъ личнымъ составомъ управления и преподавателей среднеобразовательной школы, тогда какъ второй отдѣлъ завѣдуетъ всѣми „нормальными училищами“ (родъ нашихъ учительскихъ институтовъ, о которыхъ я буду говорить въ своемъ мѣстѣ), всѣми начальными училищами, всѣми женскими учебными заведеніями, училищами для глухо-нѣмыхъ и личнымъ составомъ инспекціи народныхъ училищъ.

При министерствѣ находится совѣтъ (Consiglio Superiore di Pubblica Istruzione), состоящій изъ 14 постоянныхъ членовъ и 7 временныхъ, назначаемыхъ королевскимъ декретомъ на семь лѣтъ, большею частью изъ профессоровъ университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Этотъ совѣтъ подраздѣляется обыкновенно на три отдѣла, на обязанности которыхъ лежитъ разсмотрѣніе въ качествѣ совѣщательнаго органа всѣхъ вопросовъ, какъ административнаго, такъ и педагогическаго свойства, относящихся ко всѣмъ тремъ разрядамъ образованія. Отчасти въ кругъ занятій этого совѣта министра входитъ и разсмотрѣніе учебныхъ руководствъ и пособій для среднеобразовательной и начальной школы, но выборъ учебныхъ руководствъ и пособій совершенно зависитъ отъ педагогическаго совѣта учебныхъ заведеній, который вовсе не обязанъ руководствоваться въ этомъ отношеніи опредѣленіями высшаго совѣта. Особый отдѣлъ совѣта министра составляетъ „художественный комитетъ“, состоящій изъ 5 членовъ совѣта министра и 6 извѣстныхъ своими произведеніями художниковъ. На обязанности этого комитета лежитъ предла-

гать на усмотрѣніе министра необходимыя измѣненія въ уставахъ академій художествъ, указывать на полезныя покупки, которыя могло бы правительство произвести для пополненія художественныхъ коллекцій, составлять программы художественныхъ конкурсовъ и назначать за успѣшное ихъ выполненіе преміи, составлять отчеты для представленія министру о состояніи художественныхъ музеевъ и галлерей.

Совѣтъ министра собирается три раза въ мѣсяцъ, а иногда и чаще, смотря по надобности. Въ составъ центрального управленія министерства, кромѣ вышепоименованныхъ лицъ и учреждений, входятъ еще такъ-называемые „Ispettori centrali“, должность коихъ учреждена королевскимъ декретомъ отъ 12-го мая 1881 года. Такихъ центральныхъ инспекторовъ при министерствѣ трое: инспекторъ высшихъ учебныхъ заведеній, инспекторъ классическихъ среднеобразовательныхъ училищъ и инспекторъ техническихъ школъ, онъ же инспектируетъ начальныя училища и учительскіе институты. Они назначаются королевскимъ декретомъ и приравнены въ служебномъ отношеніи къ членамъ совѣта министра. На обязанности ихъ лежитъ объѣзжать всѣ подвѣдомственныя министру учебныя заведенія, производить подробную ихъ ревизію въ административномъ и учебномъ отношеніяхъ и ежегодно представлять объ этихъ ревизіяхъ подробные отчеты министру.

Если организація центрального управленія министерства народного просвѣщенія въ Италіи не представляетъ никакихъ характерныхъ особенностей сравнительно съ подобною же организаціей этого управленія въ другихъ странахъ Европы, то нельзя того же сказать относительно ея провинціального школьнаго управленія („Amministrazione scolastica provinciale“). Въ самой основѣ законодательства, касающагося этой администраціи, поставлено какое-то непонятное и, безъ сомнѣнія, по меньшей мѣрѣ весьма неудобное двоевластіе. Дѣло въ томъ, что въ 69 провинціяхъ, входящихъ въ настоящее время въ составъ объединеннаго Италіанскаго королевства, находятся 69 училищныхъ совѣтовъ, обсуждающихъ подъ предсѣдательствомъ не представителя отъ учебнаго вѣдомства, а мѣстнаго синдика (городскаго головы) всѣ вопросы, касающіеся народного образованія въ данной провинціи. Provveditore agli studii (исправляющій въ своей провинціи отчасти обязанности нашего попечителя округа) состоитъ только совѣщательнымъ членомъ этого совѣта; такимъ образомъ онъ поставленъ въ невозможность руководить преніями въ засѣданіяхъ совѣта и на-

правлять ихъ согласно цѣлямъ, преслѣдуемымъ министерствомъ. Отсюда является въ управленіи школою въ провинціяхъ весьма нежелательное двоевластіе: съ одной стороны, распоряжается городская дума въ лицѣ своего городского головы (не въ городскихъ училищахъ, а въ правительственныхъ гимназіяхъ, лицеяхъ и низшихъ училищахъ); съ другой стороны, отстаиваетъ виды и интересы министерства „provveditore“.

Результатъ всего этого, конечно, отсутствіе всякой централизаціи въ такомъ важномъ дѣлѣ, могущее весьма легко перейти въ полную дисгармонію въ томъ случаѣ, когда, что весьма возможно, взгляды и интересы министерства и городской думы бывають различны. Provveditore только въ отсутствіи синдика предсѣдательствуетъ въ училищномъ совѣтѣ. Подобная смѣна предсѣдателей, могущихъ быть весьма часто представителями двухъ самыхъ противоположныхъ направленій, также, конечно, является весьма не желательною. Въ составъ этого училищнаго совѣта входятъ, кромѣ предсѣдателя-синдика и provveditore, еще 6 членовъ, изъ которыхъ два члена назначаются министромъ народнаго просвѣщенія (выбираемые изъ директоровъ мѣстныхъ учебныхъ заведеній), два члена назначаются провинціальною депутаціей большинствомъ голосовъ и два члена отъ провинціального муниципалитета. Всѣ эти члены назначаются на три года и могутъ быть вновь избираемы.

Отсюда ясно, какъ разнороденъ можетъ быть составъ подобнаго совѣта, отъ котораго зависитъ постановка всего учебнаго дѣла въ провинціи, и какъ трудно бываетъ часто добиться единства въ постановляемыхъ имъ рѣшеніяхъ.

Между тѣмъ обязанности и права провинціального совѣта весьма обширны. Провинціальный училищный совѣтъ собирается въ главномъ городѣ провинціи. Онъ долженъ слѣдить за исполненіемъ учебными заведеніями провинціи, какъ казенными, такъ и частными, всѣхъ обязательныхъ для нихъ постановленій. Въ отношеніи къ частнымъ учебнымъ заведеніямъ его ревизія ограничивается наблюденіемъ за соблюденіемъ предписанныхъ гигиеническихъ мѣръ.

Онъ завѣдуетъ всѣми капиталами, пожертвованными въ пользу общественныхъ училищъ, наблюдаетъ за точнымъ исполненіемъ воли завѣщателей и существующихъ по этому предмету законоположеній. Онъ открываетъ новыя элементарныя приюты для дѣтей (Giardino d'infanzia), вечерніе и воскресные классы для рабочихъ, народныя библиотеки, составляетъ статистическія таблицы по начальному

и среднему образованію, выбираетъ членовъ-делегатовъ, которые должны присутствовать на экзаменахъ, рассматриваетъ и составляетъ всѣ бюджеты учебныхъ заведеній, не подчиненныхъ непосредственно министерству, выбираетъ и назначаетъ весь учительскій персоналъ въ подвѣдомственныхъ ему училищахъ всѣхъ разрядовъ; онъ можетъ даже временно закрыть училище, если находитъ это нужнымъ, до представленія всего дѣла на усмотрѣніе министра и проч.

Изъ этого краткаго перечня занятій провинціальныхъ училищныхъ совѣтовъ видно, какъ разнообразна и важна его дѣятельность, на сколько необходимо было бы, чтобы при обсужденіи всѣхъ этихъ вопросовъ соблюдалось строгое единство въ направленіи — единственное условіе успѣшнаго хода учебнаго дѣла. Между тѣмъ я уже указывалъ на то обстоятельство, что при существующемъ двоевластіи въ училищномъ совѣтѣ и при разнообразіи его членовъ, представителей различныхъ учреждений, представителю министерства, *provveditore*, не возможно руководить учебнымъ дѣломъ во вѣренной его попеченію провинціи, исключительно согласно желаніямъ и видамъ министерства, такъ какъ ему приходится часто сообразоваться съ волею и желаніемъ муниципалитета, такого же, если еще не большаго, чѣмъ министерство, распорядителя судьбами народнаго образованія въ провинціяхъ.

На пагубныя послѣдствія подобнаго двоевластія для успѣшнаго хода учебнаго дѣла неоднократно указывалъ мнѣ *Provveditore* Миланской провинціи, сав. Ronchetti, благодаря любезности и рѣдкой предупредительности котораго я имѣлъ возможность подробно осмотрѣть нѣсколько учебныхъ заведеній въ Миланѣ.

Привлеченіе провинціальныхъ муниципалитетовъ къ дѣлу народнаго образованія весьма понятно со стороны италіанскаго правительства; въ 1859 году, когда вышелъ законъ *Casati*, оно не обладало значительными средствами для бюджета народнаго просвѣщенія, и надѣялось такимъ путемъ 1) вызвать пожертвованія на дѣло народнаго образованія со стороны провинціальныхъ муниципалитетовъ, могущихъ пополнить недостатокъ правительственныхъ субсидій и 2) заинтересовать ихъ въ успѣхѣ народной школы въ провинціи, что отчасти и было достигнуто. Этою мѣрою и объясняется громадное число учебныхъ заведеній, въ особенности низшихъ, возникшихъ за послѣднія двадцать лѣтъ въ Италіи, но для самаго хода учебнаго дѣла это мѣропріятіе оказалось весьма пагубнымъ. Министерство въ настоящее время сознаетъ это вполне, такъ какъ оно является далеко не един-

ственнымъ хозяиномъ въ своемъ вѣдомствѣ, но помочь этому горю теперь весьма трудно. Врядъ ли однако муниципалитеты, облеченные такою широкою властью въ провинціальныхъ училищахъ и привыкшіе пользоваться этою властью такъ долго, согласятся добровольно отказаться отъ своихъ привилегій.

IV.

Состояніе низшаго образованія въ Италіи.

Вопросъ о низшемъ (элементарномъ) образованіи еще въ самое послѣднее время подвергался пересмотру со стороны италіанскаго правительства.

Общія положенія, касающіяся низшаго образованія, обнародованы были еще въ 1859 году (*Legge organica Casati (titolo V)*); засимъ 15-го іюля 1877 года вышелъ законъ объ обязательности элементарнаго образованія въ Италіи, а въ послѣдующіе годы—различныя законоположенія, касающіяся постановки учебнаго дѣла въ начальныхъ училищахъ, городскихъ и сельскихъ и различныхъ учительскихъ семинаріяхъ и институтахъ, носящихъ въ Италіи названіе „*Scuole Normali*“ (положеніе о нихъ обнародовано 1-го ноября 1883 года). Всѣ эти положенія и инструкции были по иниціативѣ нынѣшняго министра *Boselli* вновь разсмотрѣны, значительно дополнены и отчасти видоизмѣнены и наконецъ 16-го февраля 1888 года утверждены королевскимъ декретомъ такъ-называемый „*Regolamento unico per l'istruzione elementare*“, представляющій сводъ всѣхъ вышедшихъ до сихъ поръ постановленій, касающихся начальнаго образованія въ Италіи.

Надо отдать полную справедливость италіанскому правительству: выполнѣ понимая всю важность начальнаго образованія, оно всегда имъ интересовалось и не щадило средствъ, для его распространенія и удовлетворительной его постановки. Изъ всѣхъ разрядовъ образованія низшее, пожалуй, поставлено въ Италіи сравнительно лучше прочихъ; въ особенности же правительство обратило серьезное вниманіе на подготовку учителей для начальныхъ училищъ. Нормальныя школы дѣйствительно удовлетворяютъ своей цѣли, какъ я буду имѣть случай изложить это ниже.

Главные пункты этого *Regolamento per l'istruzione elementare* ¹⁾

¹⁾ Привожу переводъ съ оециальной брошюры озаглавленной „*Regolamento*

слѣдующіе: элементарное образованіе бываетъ двухъ разрядовъ — низшее и высшее. Предметы, входящіе въ составъ низшаго разряда — религиозное обученіе (необязательное, какъ и вездѣ, въ настоящее время въ Италіи)¹⁾, чтеніе, письмо, начальная арифметика, отечественный языкъ и элементарныя свѣдѣнія о метрической системѣ.

Въ составъ предметовъ обученія въ начальныхъ училищахъ высшаго разряда входятъ, кромѣ болѣе обстоятельнаго изученія вышеупомянутыхъ предметовъ, еще сочиненія на заданную тему, каллиграфія, веденіе счетоводства, элементарная географія, изученіе выдающихся событій изъ отечественной исторіи, свѣдѣнія изъ физики и естественныхъ наукъ, примѣнительно къ повседневному обиходу. Кромѣ того, въ послѣднее время преподаются еще въ мужскихъ начальныхъ училищахъ высшаго разряда первые элементы геометріи и линейнаго черченія, а въ женскихъ — рукодѣліе. Къ этимъ предметамъ, по циркулярному предложенію министра отъ 15-го іюля 1877 г., прибавлено преподаваніе „первыхъ свѣдѣній объ обязанностяхъ человека и гражданина“, а съ 1878 года — обязательное преподаваніе гимнастики. Преподаваніе всѣхъ предметовъ должно производиться согласно утвержденнымъ министерствомъ программамъ. Элементарное образованіе бесплатно во всѣхъ коммунахъ Италіи. Возрастъ дѣтей, посѣщающихъ начальныя училища — отъ 6 — 12 лѣтъ. Въ деревенскихъ общинахъ, если позволяеть мѣсто, допускаются въ школу дѣти и старше 12-ти, но не старше 15-ти лѣтъ. Въ каждой коммунѣ должны обязательно находиться два начальныя училища низшаго разряда, одно для мальчиковъ, другое для дѣвочекъ. Подобное училище обязательно въ каждомъ мѣстечкѣ, населеніе котораго превышаетъ 800 жителей, когда оно отдалено отъ центра коммуны далѣе, чѣмъ на 2 километра. Въ мѣстностяхъ, гдѣ населеніе менѣе 500 жителей, открывается начальное училище на 6 мѣсяцевъ. Всѣ дѣти отъ 6-ти до 9-ти лѣтъ обязательно посѣщаютъ начальное училище низшаго разряда, раздѣленное на три класса. Ни въ одномъ начальномъ училищѣ число учениковъ при одномъ учителѣ не должно превышать 70, при большемъ числѣ учениковъ обязательно открываются параллельныя

unico per l'istruzione elementare approvato con R. Decreto 16 febbraio 1868 preceduto dalla Relazione del Ministro.“

¹⁾ Министерскій циркуляръ отъ 29-го сентября 1870 года предписываетъ обязательное преподаваніе закона Божія въ начальныхъ училищахъ только для дѣтей родителей, заявившихъ желаніе, чтобъ ихъ дѣти обучались закону Божію.

классы. Начальныя училища высшаго разряда состоятъ изъ 2-хъ классовъ, по одному году въ каждомъ и должны быть открываемы впервые, въ коммунахъ, въ которыхъ находятся среднеучебныя заведенія (классическія или реальныя (tecniche) или „нормальныя училища“ (учительскіе семинаріи и институты), и въ которыхъ, въ коммунахъ, въ которыхъ населеніе превышаетъ 4000 жителей.

Непосредственное завѣдываніе начальными училищами принадлежитъ мѣстному муниципальному управленію, которое руководствуется изданными постановленіями министерства народнаго просвѣщенія, подъ наблюденіемъ провинціальной министерской инспекціи. Въдастъ школьнымъ дѣломъ учебный муниципальный совѣтъ, подъ предсѣдательствомъ синдика провинціи; въ этомъ совѣтѣ состоитъ членомъ *Provveditore agli studii*, о которомъ я упоминалъ, говоря о частномъ образованіи. Онъ отчасти исправляетъ должностъ нашего помечителя округа, но съ гораздо меньшими правами. Учебный годъ начинается съ 15-го октября и кончается 15-мъ августа. О томъ, что родители, не посылающіе дѣтей своихъ въ начальныя училища, подвергаются денежному штрафу, я уже упоминалъ выше, говоря объ организаціи частнаго образованія въ Италіи.

Выпускные экзамены изъ начальнаго училища высшаго разряда — двоякаго рода — устные и письменные. Правила для этихъ экзаменовъ утверждены королевскимъ декретомъ отъ 24-го іюня 1883 года.

Экзамены эти служатъ вмѣстѣ съ тѣмъ повѣрочнымъ испытаніемъ для учениковъ, поступающихъ въ I классъ гимназій или реальнаго училища (*Scuola tecnica*). Требуется письменное сочиненіе на италіанскомъ языкѣ; устные экзамены производятся изъ всѣхъ пройденныхъ предметовъ; испытаніе каждаго отдѣльнаго ученика не должно продолжаться свыше 20 минутъ. Получившіе менѣе $\frac{6}{10}$ всѣхъ 10 балловъ, находящихся въ распоряженіи экзаменаторовъ, не допускаются къ устному испытанію.

Въ своемъ докладѣ королю отъ 16-го февраля 1888 года министр народнаго просвѣщенія *Boselli* указываетъ на наступившую неотложную необходимость кодифицировать многочисленныя и весьма разнообразныя постановленія, касающіяся начальнаго образованія и придать имъ большее единство; съ этою цѣлью составленъ этотъ сводъ, носящій названіе „*Regolamento unico per l'istruzione elementare*“ и подносится къ утвержденію короля.

Взглядъ министерства на преподаваніе закона Божія въ началь-

ной школѣ мы находимъ въ другомъ докладѣ ¹⁾ министра Восоити отъ 25-го сентября 1888 года. Привожу точный переводъ даннаго мѣста: „Министръ убѣжденъ, что преподаваніе закона Божія, поставленное въ должныхъ границахъ, составляетъ могучее воспитательное средство. Поэтому онъ не рѣшился совершенно исключить его изъ программы, но сдѣлалъ его факультативнымъ предметомъ; вмѣстѣ съ тѣмъ министерство не считаетъ себя компетентнымъ въ составленіи программы, по которой долженъ преподаваться законъ Божій въ начальныхъ училищахъ, поэтому оно ограничивается лишь тѣмъ, что сохраняетъ это преподаваніе, какъ факультативное, предоставляя составленіе программы и учебныхъ плановъ по этому предмету духовному начальству“. При этомъ министръ указываетъ на примѣръ Англіи, поступающей въ этомъ отношеніи такимъ же образомъ. Итакъ, преподаваніе закона Божія во всѣхъ начальныхъ и среднѣучебныхъ заведеніяхъ въ Италіи обязательно только для дѣтей родителей, заявившихъ о томъ желаніи. Но теперь возникаетъ другой вопросъ: кому поручить это преподаваніе—свѣтскимъ лицамъ или духовнымъ?

Для обсуждения этого вопроса еще 19-го ноября 1883 года соби-рался между прочими и коммунальный совѣтъ города Рима, и вотъ къ какому выводу пришелъ этотъ совѣтъ ²⁾. По мнѣнію совѣта, не желательно поручать преподаваніе закона Божія въ начальныхъ училищахъ духовенству, въ виду враждебныхъ отношеній, въ которыхъ оно находится къ государству; но съ другой стороны, представляется весьма труднымъ выборъ подходящихъ для этого лицъ и среди свѣтскихъ учителей, такъ какъ господствующее настроеніе въ религіозныхъ вопросахъ въ современной Италіи—индифферентизмъ: въ этомъ открыто признается совѣтъ. На этомъ основаніи онъ предлагаетъ слѣдующія мѣры: въ маленькихъ общинахъ, съ общаго согласія большинства мѣстныхъ гражданъ, это преподаваніе можетъ легко быть поручено свѣтскому учителю начального училища, но въ большихъ центрахъ является необходимость въ под-

¹⁾ Istruzione e Programmi Didattici per le Scuole Elementare del Regno colle Relazione del Ministro per l'Istruzione Publica a S. M. e relativo R. Decreto in data 25 Settembre 1888. Torino. 1888.

²⁾ Сообщение это я беру изъ оцѣн. сборн., распор. и постановл. по мнѣн. народа. посвященія. Tit. V.—Istr. Elem. e Norm. — Insegnamento religioso, стр. 530 и слѣд.

готовленіи особыхъ учителей ad hoc, которымъ исключительно поручено было бы преподаваніе закона Божія. Но и эти учителя должны быть непременно свѣтскія лица и проходить специальныйъ подготовительный курсъ, такъ какъ обязательное преподаваніе закона Божія въ „нормальныхъ училищахъ“ (учительскихъ институтахъ и семинаріяхъ) также перестало быть таковымъ съ 1877 года.

Въ общихъ положеніяхъ, предшествующихъ учебнымъ планамъ по каждому отдѣльному предмету преподаванія въ начальныхъ училищахъ, министръ указываетъ на крайнюю необходимость обращать вниманіе и на физическое развитіе дѣтей и съ этою цѣлью предписываетъ гимнастическія упражненія и обязательно продолжительные промежутки между уроками (не менѣе четверти часа). Самыя уроки въ младшихъ классахъ не должны продолжаться свыше полчаса времени, а въ старшихъ—трехъ четвертей часа, при чемъ только и можно добиться желательнаго вниманія къ проходимому въ классѣ со стороны всего класса. Весьма важно, по мнѣнію министра, съ раннихъ лѣтъ приучать дѣтей къ наблюденію окружающихъ ихъ явленій и предметовъ; съ этою цѣлью еще въ самыхъ элементарныхъ классахъ (*giardino d'infanzia*) проходятся особые уроки, носящіе у французовъ названіе—*leçons de choses*. Далѣе министръ, между прочимъ, останавливается на недавно введенномъ въ учебный планъ начальныхъ училищъ курсѣ „о правахъ и обязанностяхъ гражданина“. Онъ указываетъ прежде всего на то, какъ слѣдуетъ понимать этотъ терминъ. Цѣль этого курса—не преподавать ученикамъ права и обязанности, о которыхъ они не могутъ имѣть никакого понятія; напротивъ, онъ долженъ ихъ приучать къ мысли о необходимости выполненія лежащихъ на нихъ обязанностей. Въ подтвержденіе этого онъ приводитъ ту мысль, что если часто случается, что люди не исполняютъ своего долга, то это происходитъ не отъ незнанія ими, что этотъ долгъ существуетъ, а отъ отсутствія воли. Этотъ курсъ, по его мнѣнію, и долженъ клониться главнымъ образомъ къ правильному развитію воли въ ученикѣ и дисциплины, въ надеждѣ, что эти уроки останутся ему памяты на всю жизнь, когда обязанности ученика замѣнятся обязанностями гражданина. Въ старшихъ классахъ слѣдуетъ давать ученикамъ нѣкоторыя общія понятія о государственномъ строѣ Италіи, о ея внутреннемъ устройствѣ и вѣншемъ положеніи и стараться внушить имъ патріотическія чувства. Преподаваніе этого курса съ 1877 года сдѣлалось обязательнымъ во всей Италіи, вытѣснивъ собою преподаваніе закона Божія. Очевидно, что подобный, чисто фор-

мальный курсъ никоимъ образомъ не можетъ замѣнить благотѣльнаго религіознаго и нравственнаго вліянія на молодую душу ученика уроковъ закона Божія въ рукахъ опытнаго, умѣющаго дѣйствовать на его душу законоучителя.

Переходя къ учебнымъ планамъ по каждому отдѣльному предмету въ начальныхъ школахъ, министръ опредѣляетъ въ учебномъ планѣ по отечественному языку цѣль его преподаванія — правильно и бѣгло читать и писать на немъ, избѣгая при этомъ не-правильностей и особенностей столь многочисленныхъ въ Италіи мѣстныхъ говоровъ; самая грамматика должна преподаваться по возможности практически; такъ-называемый „логическій анализъ“, столь много практикуемый во французскихъ школахъ, совершенно исключается изъ программы. Весьма важно добиться отъ ученика, чтобъ онъ ясно и толково передавалъ прочитанное; совѣтуется почаще занимать учениковъ диктовкой, какъ проверкой орфографіи и изученіемъ легкихъ, доступныхъ ихъ возрасту стихотвореній наизусть. Между прочимъ, министръ высказываетъ весьма вѣрную мысль: онъ предписываетъ задавать сочиненія только на темы, вполне доступныя и извѣстныя ученикамъ, такъ какъ весьма вредно въ педагогическомъ отношеніи заставлять учениковъ писать о предметахъ, имъ совершенно неизвѣстныхъ или мало извѣстныхъ (например, не видавшихъ никогда моря заставлять описывать происходящую на немъ бурю, или обитателей равнины—снѣжныя вершины и т. д.). Это развиваетъ въ ученикѣ только привычку къ пустой болтовнѣ, къ фразерству и поверхностному отношенію къ описываемому предмету. Желательно, чтобъ ученики дополняли преподаваемое въ классѣ соответствующимъ чтеніемъ, сдѣланнымъ по выбору учителя въ строгомъ систематическомъ порядкѣ. Но это желаніе остается однимъ *plum desiderium*, такъ какъ выборъ книгъ, могущихъ служить для ученическаго чтенія, весьма ограниченъ въ Италіи; вопросъ о школьныхъ и ученическихъ бібліотекахъ, можно сказать, тамъ еще и не возникалъ.

Курсъ исторіи въ начальныхъ училищахъ, конечно, долженъ быть исключительно эпизодическій и по возможности сопровождаться объясненіями на раскрашенныхъ картинахъ, представляющихъ выдающіяся событія изъ отечественной исторіи. Для наглядности привожу въ главныхъ чертахъ программы по каждому предмету курса начальныхъ училищъ.

I классъ (нижній разрядъ).

По отечественному языку—упражнения въ чтеніи и письмѣ, предметные уроки (leçons de choses), изученіе стихотвореній наизусть; по исторіи—эпизоды изъ еврейской, греческой и римской исторіи; изъ ариметики—письменные дѣйствія сложенія и вычитанія надъ числами до 100, а въ умѣ—до 10.

II классъ.

По отечественному языку—чтеніе и объясненіе прочитаннаго, письмо подъ диктовку; стихотворенія, продолженіе „предметныхъ уроковъ“, при чемъ область наблюденія все расширяется, каллиграфія; изъ исторіи—эпизодическій курсъ древней и отечественной исторіи; изъ ариметики—четыре дѣйствія надъ цѣлыми числами. Понятіе о дробяхъ.

III классъ.

По отечественному языку—толковое чтеніе и передача прочитаннаго, диктовка и знаки препинанія, упражненія для памяти, практическій курсъ грамматики, продолженіе предметныхъ уроковъ; по географіи—общія понятія о географіи, изученіе рѣкъ, озеръ и городовъ Италіи; по исторіи—курсъ отечественной исторіи (эпизодическій); по ариметикѣ—понятіе о десятичныхъ дробяхъ, понятіе о метрической системѣ.

IV классъ (вышій разрядъ).

По отечественному языку—къ проходимому въ младшихъ классахъ присоединяются сочиненія на заданную тему; изученіе (практическое) синтаксиса; по географіи—болѣе подробное развѣтленіе предыдущаго курса; по исторіи—біографіи выдающихся историческихъ личностей изъ греческой и римской исторіи; по физикѣ—извѣстѣйшіе растенія и минералы въ данной мѣстности, ихъ употребленіе въ обыденной жизни, дѣйствіе теплоты на тѣла; изъ геометріи—начальныя понятія, рисованіе геометрическихъ фигуръ, повтореніе пройденнаго курса ариметики.

V классъ.

По отечественному языку—подготовленіе къ выпускному экзамену, на которомъ ученикъ долженъ быть въ состояніи правильно

и вполне отчетливо написать сочиненіе на заданную тему; окончаніе практическаго курса грамматики; по географіи—явленія нѣхъ математической географіи въ доступной формѣ (движенія земли и солнца и прочихъ небесныхъ свѣтилъ, времена года, понятіе о меридіанѣ, объ экваторѣ, о широтѣ и долготѣ), изученіе Европы и остальныхъ частей свѣта; изъ исторіи—новая исторія Италіи; исторія Савойскаго дома, послѣднія событія отечественной исторіи до объединенія Италіи; по физикѣ—понятія о свѣтѣ, теплотѣ, гидростатикѣ и динамикѣ; по ариметикѣ—дѣйствія надъ простыми и десятичными дробями, тройное правило, правило товарищества, геометрическія фигуры, понятіе о плоскости, перпендикулярѣ и объемѣ.

Не безинтересно для выясненія современнаго положенія начальнаго образованія въ Италіи познакомиться съ нѣкоторыми выводами, къ которымъ пришла коммиссія для пересмотра учебныхъ плановъ и инструкцій, касающихся высшаго образованія. Отчетъ этой коммиссіи изданъ въ Римѣ въ январѣ 1888 года ¹⁾.

Коммиссія эта, какъ говорится въ началѣ отчета, поставила себѣ двѣ цѣли въ своихъ занятіяхъ: 1) свести въ одинъ сводъ всѣ законоположенія, касающіяся начальнаго образованія и 2) выразить нѣкоторыя *ria desideria* относительно реорганизаціи существующей постановки учебнаго дѣла въ высшей школѣ.

Коммиссія вполне сознаетъ, что у начальной школы въ Италіи не хватаетъ традиціи, такъ какъ она еще очень молода, и ей приходится съ трудомъ пробивать себѣ нуть; но она до тѣхъ поръ не утвердится прочно, пока у правительства не будетъ въ распоряженіи достаточнаго контингента хорошихъ, опытныхъ учителей для начальныхъ училищъ, такъ какъ главный, необходимый факторъ для успѣшнаго хода школьнаго дѣла—все-таки учитель, и при хорошемъ учителѣ школа не можетъ быть плоха. Это въ особенности вѣрно по отношенію къ начальному училищу, такъ какъ учитель въ ней большею частью одинъ, и влияніе его поэтому на чуткую молодежь огромное. А подобнаго удовлетворительнаго контингента народныхъ учителей нельзя добиться однимъ только утвержденіемъ стипендій въ учительскихъ институтахъ; для этого, кромѣ хорошо составленнаго учебнаго плана этихъ институтовъ, необходимы еще личныя качества кандидатовъ на учительскія мѣста.

¹⁾ Relazione della commissione nominata con decreto del 28 marzo 1887 dal Ministero della Pubblica istruzione.

Желательно было бы, конечно, по возможности, увеличить и самые размеры учительскихъ стипендій (размѣры этихъ стипендій для воспитанниковъ и воспитанницъ Scuole Normali колеблются между провинціями отъ 200 до 500 лиръ въ годъ), дабы тѣмъ отвлечь отъ другихъ профессій лицъ, сильно нуждающихся, а между тѣмъ удовлетворяющихъ всѣмъ требованіямъ, предъявляемымъ къ учительскому персоналу; но это, конечно, финансовая сторона дѣла, въ которую коммиссія не можетъ вмѣшиваться; да и самое время теперь весьма не подходящее для увеличенія государственнаго бюджета Италіи, который — прибавлю уже отъ себя — далеко не въ цвѣтущемъ состояніи.

Далѣе коммиссія указываетъ опять-таки на примѣръ Германіи, гдѣ профессія народнаго учителя считается весьма почетною, но за то требуетъ весьма продолжительнаго подготовленія; молодые люди не раньше 20-ти лѣтъ получаютъ учительскія мѣста послѣ цѣлыхъ 14 лѣтъ ученія — 8 лѣтъ начальнаго училища (съ 6—14) и 6 лѣтъ нормальнаго училища. Тамъ подготовка народныхъ учителей весьма серьезная; поэтому коммиссія желала бы, чтобы нѣмецкіе учительскіе институты были приняты за образецъ.

Не входя въ разсмотрѣніе дальнѣйшихъ, менѣе важныхъ, пожеланій коммиссии, упомяну только о слѣдующемъ: главный недостатокъ современной начальной италіанской школы она видитъ въ томъ, что она не даетъ ничего законченнаго своимъ ученикамъ; это представляетъ большой ущербъ для тѣхъ изъ нихъ, которые заканчиваютъ ею свое образованіе и не переходятъ въ среднеучебныя заведенія, а такихъ очень много. Поэтому коммиссія желала бы увеличить курсъ начальныхъ училищъ еще на три года, сдѣлавъ его восьмилѣтнимъ, по примѣру Германіи.

Положеніе о нормальныхъ училищахъ для народныхъ учителей утверждено королевскимъ декретомъ отъ 21-го іюня 1883 года. Общія положенія о нихъ я заимствую изъ офиціальнаго изданія ¹⁾.

Нормальныя училища бываютъ двухъ разрядовъ — высшаго и низшаго; первыя съ трехлѣтнимъ курсомъ, дающимъ право преподаванія въ начальныхъ училищахъ обоихъ разрядовъ, вторыя — съ двухлѣтнимъ курсомъ, выдающія аттестатъ на право преподаванія только въ начальной школѣ низшаго разряда. Помѣщеніе для Scuole

¹ Regolamento per le Scuole Normali approvato con R. Decreto del 21 giugno 1883. Roma. 1883.

Normale дается коммунальнымъ управленіемъ. Предметы преподаванія въ нихъ тѣ же, что и въ начальныхъ училищахъ, для которыхъ они готовятъ преподавателей, съ прибавленіемъ педагогики. Для každато предмета имѣется особый преподаватель; педагогика преподается директоромъ заведенія. При каждой Scuole Normale должно находиться начальное училище для практическихъ упражненій воспитанниковъ. При каждой Scuole Normale должны находиться фундаментальная и ученическая библиотека, физическій кабинетъ, небольшой педагогическій музей и гимнастическій залъ.

По окончаніи учебнаго года, каждый преподаватель долженъ представить въ совѣтъ учительскаго института отчетъ о своей преподавательской дѣятельности за текущій годъ и объ успѣхахъ учениковъ. Два раза въ годъ министру представляются отчеты о дѣятельности института. На вступительномъ экзаменѣ требуются: сочиненіе на италіанскомъ языкѣ повѣствовательнаго рода, образцы каллиграфіи и нѣсколько рисунковъ (по классу рисованія); устный экзаменъ простирается на предметы, входящіе въ программу пригготовительнаго курса, о которомъ я сейчасъ буду говорить, и продолжается не мене часа для každаго экзаменующагося. Въ каждомъ классѣ не должно быть больше 50 воспитанниковъ. Получившіе мене $\frac{6}{10}$ за письменное сочиненіе не допускаются къ устному испытанію. Экзаменационная коммиссія состоитъ изъ преподавателей института, подъ предсѣдательствомъ директора.

При каждомъ нормальномъ училищѣ мужскомъ или женскомъ имѣется пригготовительный курсъ, раздѣленный на два года. Поступающіе туда не могутъ быть — воспитанники моложе 14, а воспитанницы моложе 13 лѣтъ. Для поступленія на „пригготовительный курсъ“ требуется знаніе курса первыхъ 4 классовъ начальнаго училища.

Письменные экзамены на полученіе диплома на званіе учителя начальнаго училища 1-й степени, могущаго преподавать во всѣхъ классахъ, состоятъ изъ: 1) сочиненія на отечественномъ языкѣ, 2) развитія педагогической темы, 3) образца каллиграфіи, 4) рисунка по классу рисованія. Письменные экзамены на полученіе диплома 2-й степени, дающаго право преподаванія только въ младшихъ классахъ, состоятъ изъ 1) сочиненія на отечественномъ языкѣ, 2) образца каллиграфіи, 3) рисунка геометрическаго и по орнаменту. Кроме того, требуются устныя испытанія изъ всего пройденнаго курса. На каждое письменное сочиненіе дается по 4 часа. Получивъ часть сслухіи, отд. 3.

шіе не больше $\frac{6}{10}$ балловъ за письменныя работы по отечественному языку и по педагогикѣ не допускаются къ устному испытанію. Желающіе подвергнуться испытанію на полученіе диплома вносятъ — мужчины по 12 лиръ, женщины по 13 лиръ въ пользу экзаменаціонной комиссіи. Настоящее положеніе для нормальныхъ училищъ вошло въ дѣйствіе съ 1883—1884 учебнаго года.

Привожу нѣкоторые штаты:

Директоръ получаетъ въ годъ	2,000 лиръ
Преподаватели штатные получаютъ отъ	1,640—1,800 лиръ
Сверхштатные	1,500—1,300 .

На стипендіи для учениковъ и ученицъ учительскихъ институтовъ всѣ провинціи Италіи вносятъ вмѣстѣ до 236,000 лиръ въ годъ, при чемъ взносы весьма различны: Римская провинція и Флоренція даютъ по 7,000 лиръ, Неаполь—12,500, Генуя — 6,500, Миланъ—9,000, Туринъ — 9,250, но есть и провинціи, дающія только по нѣсколько сотъ лиръ. Начальное образованіе, сдѣлавшись обязательнымъ въ Италіи съ 1877 года, легло почти всею своею тяжестью на бюджетъ отдѣльныхъ городовъ и коммунъ, при нѣкоторомъ только содѣйствіи со стороны министерства.

Не входя въ разсмотрѣніе учебнаго плана по каждому предмету въ нормальныхъ училищахъ, скажу только нѣсколько словъ о посѣщенной мною нормальной женской школѣ въ Туринѣ, считающейся образцовою. Основатель ея и до сихъ поръ состоящій ея попечителемъ — бывший министръ народнаго просвѣщенія Berti, который съ рѣдкою любезностью самъ показывалъ мнѣ свое учебное заведеніе и водилъ по классамъ. Замѣчательна эта нормальная школа тѣмъ, что она была первая, открытая въ Италіи для дѣвицъ, и по ея образцу стали открываться всѣ прочія.

Эта нормальная школа для учительницъ существуетъ въ занимаемомъ имъ въ настоящее время зданіи съ 1874 года, но мысль объ ея возникновеніи зародилась еще въ пятидесятыхъ годахъ, и сначала нѣчто въ родѣ частныхъ педагогическихъ курсовъ было открыто на квартирѣ самого Berti, бывшаго тогда профессоромъ философіи въ Туринскомъ университетѣ. Его стараніями тогда же учреждено было общество вспомошествованія, состоявшее изъ мѣстныхъ туринскихъ дамъ, которое брало на себя всѣ издержки по содержанию этихъ курсовъ (Societa Femminile per l'istruzione gratuita

delle maestre). Bertі добился дароваго помѣщенія для школы отъ муниципалитета.

Въ настоящее время въ этомъ учительскомъ институтѣ находится до 320 воспитанницъ, но со времени ея основанія и до сихъ поръ перебывало въ немъ 6871 воспитанница, изъ которыхъ не менѣе 2000 лицъ получило дипломъ на право преподаванія въ начальныхъ училищахъ. Я присутствовалъ на нѣсколькихъ урокахъ италянскон литературы, исторіи и физики и вынесъ изъ посѣщенія этого училища самое отрадное впечатлѣніе. Отвѣты ученицъ были толковыя; преподавательницы, болшею частью изъ окончившихъ полный курсъ въ той же нормальной школѣ, умѣли занимать вниманіе всего класса своимъ преподаваніемъ; у всѣхъ этихъ дѣвицъ довольныя, веселыя лица; видно, однимъ словомъ, что дѣло правильно поставлено и что результаты на лицо.

Особенное вниманіе обращено на педагогическія упражненія воспитанницъ старшихъ классовъ въ начальномъ училищѣ, находящемся при нормальной школѣ. Это одно изъ весьма рѣдкихъ учебныхъ заведеній въ Италіи, гдѣ преподается обязательно полный курсъ закона Божія духовнымъ лицомъ. Городъ даетъ подѣ училище даровое помѣщеніе. Министерство приплачиваетъ по 12,000 лиръ ежегодно. Каждая ученица платитъ по 40 лиръ въ годъ. Для поступленія въ школу существуетъ конкурсный экзаменъ.

Но есть и существенный недостатокъ въ этомъ заведеніи — это плохое помѣщеніе. Классы до невозможности переполнены, въ нѣкоторыхъ 64 ученицы, духота въ нихъ страшная; я осматривалъ ихъ въ самую жаркую пору, въ іюлѣ мѣсяцѣ; кромѣ того, всѣ классы выходятъ на дворъ, а дворы въ Италіи не отличаются благовоніемъ; при училищѣ нѣтъ сада. Впрочемъ, неудовлетворительность помѣщенія вполнѣ сознаетъ и начальство заведенія. Оно находится въ настоящее время въ переговорахъ съ муниципалитетомъ о переводѣ училища въ другое, болѣе соответствующее ему помѣщеніе.

Всего болше распространенію низшаго образованія въ Италіи содѣйствовали училищныя совѣты при городскихъ муниципіяхъ, учреждая начальныя городскія училища одинаковаго почти типа съ осматрѣнными мною министерскими, открывая вечернія школы для рабочихъ съ 14-ти-лѣтняго возраста (Scuole serali) и воскресныя (festive), открытыя съ 1-го октября по 15-е марта по 2 часа вечеромъ, кромѣ субботы и воскресенья. Но ихъ я не осматривалъ, такъ какъ они принадлежатъ совершенно другому вѣдомству, находясь въ

исключительномъ вѣдѣніи городского самоуправления и его училищнаго совѣта. Вообще, на распространеніе народнаго образованія городскіе муниципалитеты не жалѣютъ средствъ, и школьный бюджетъ ихъ громаднѣй. Городъ Миланъ тратитъ до пяти милліоновъ лиръ ежегодно на городскія училища.

V.

Обозрѣніе средняго образованія (классическаго) въ Италіи.

Изъ всѣхъ разрядовъ образованія среднее образование, и преимущественно классическое, подвергалось въ Италіи въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій самымъ разнообразнымъ реформамъ и служило предметомъ самыхъ горячихъ преній въ парламентѣ и въ педагогической литературѣ; можно сказать, что до сихъ поръ типъ классической среднеобразовательной школы далеко еще не установился въ Италіи и потому далеко не играетъ тамъ той основной, выдающейся роли въ общемъ образованіи юношества, какая давно уже установилась за нимъ въ Германіи. Италія заимствовала свою школьную классическую систему у нѣмцевъ, но не сумѣла проникнуться истиннымъ духомъ классицизма, ограничиваясь только внѣшнимъ заимствованіемъ, чтобы не отстать отъ прочихъ культурныхъ государствъ. Результатъ этого явленія мы замѣчаемъ въ настоящее время: нигдѣ плоды классическаго образованія не были такъ скудны, какъ въ Италіи, этой классической странѣ по преимуществу, гдѣ, казалось бы, классическая система образованія должна была бы естественно вытекать изъ историческаго прошлаго страны, гдѣ она является для обучающагося юношества своею, родною и потому, казалось бы, гораздо болѣе доступною. Между тѣмъ самая постановка преподаванія древнихъ языковъ въ италіанской среднеобразовательной школѣ находится въ настоящее время на весьма незавидной высотѣ, каеэдры же древней классической филологіи въ италіанскихъ университетахъ либо пусты, либо заняты посредственностями; нѣтъ въ настоящее время ни одного выдающагося профессора классической филологіи ни въ одномъ изъ 17 италіанскихъ университетовъ; однимъ словомъ, классическая филологія въ современной Италіи положительно прозябаетъ, начиная съ средней школы и кончая университетами; тамъ процвѣтаютъ физико-математическіе и отчасти медицинскіе факультеты, но отнюдь не историко-филологическіе.

Классическая система среднеобразовательной школы существуетъ въ Италіи уже 30 лѣтъ; она введена была такъ-называемымъ „legge Casati“ 13-го ноября 1859 года. Этотъ законъ имѣлъ въ виду три разряда средней школы—гимназій, лицей и такъ-называемые національные конвикты, „Convitti nazionali“; въ 1883—1884 учебномъ году насчитывалось въ Италіи до 887 училищъ различныхъ наименованій съ 48943 воспитанниками ¹⁾ (между ними были впрочемъ и духовныя училища, находящіяся въ вѣдѣніи мѣстныхъ епископовъ). Однако выработанный тогда уставъ для среднеобразовательной школы является далеко не общимъ для всей Италіи; существуютъ особые уставы гимназій и лицеевъ для Неаполитанской провинціи, Сициліи, Тосканы и т. д., Надо, впрочемъ, отдать справедливость италіанскому правительству, весьма много сдѣлавшему съ 1859 года для поднятія общаго уровня средняго образованія. Въ эпоху объединенія оно находилось еще въ самомъ плачевномъ положеніи: латинскій языкъ преподавался въ самыхъ микроскопическихъ размѣрахъ; о греческомъ языкѣ не было и помину; въ старшихъ классахъ проходились весьма поверхностно элементарная математика и начатки физики. По отзывамъ тогдашнихъ университетскихъ профессоровъ, приемныя испытанія воспитанниковъ лицеевъ и гимназій, кончившихъ полный въ нихъ курсъ, въ университеты были чисто формальнаго свойства. Притомъ не было никакого единства въ законоположеніяхъ, которыми управлялась среднеобразовательная школа въ различныхъ провинціяхъ Италіи. Содержаніе учебныхъ заведеній лежало только отчасти на попеченіи правительства; въ большей же части провинцій тогдашней Италіи они всецѣло содержались коммунальнымъ управленіемъ, которое, давая матеріальныя средства, хотѣло вмѣстѣ съ тѣмъ играть и выдающуюся роль въ школѣ въ учебномъ и административномъ отношеніи,—отсюда частыя пререканія съ министер-

¹⁾ Это—среднеучебныя заведенія съ интернатами; вотъ ихъ подробная номенклатура:

національныхъ училищъ	28 съ	2591 воспитанниками.
правительственныхъ	25 ”	1220 ”
провинціальныхъ	20 ”	1170 ”
коммунальныхъ	86 ”	5359 ”
di Fondazione	169 ”	11102 ”
епископальныхъ	283 ”	15380 ”
частныхъ	276 ”	12121 ”
<hr/>		
887 съ		48943 воспитанниками.

ствомъ, отъ которыхъ, конечно, терпѣла главнымъ образомъ сама школа. Съ теченіемъ времени министерство взяло верхъ въ этой борьбѣ и понемногу стало вносить въ свой бюджетъ содержаніе большинства гимназій и лицеевъ королевства, а вмѣстѣ съ тѣмъ стало ховяиномъ въ своемъ дѣлѣ, но и до сихъ поръ значительная часть среднеучебныхъ заведеній находится въ исключительномъ вѣдѣніи провинціальныхъ муниципій, управляющихъ ими при весьма слабомъ контролѣ мѣстной учебной власти. Но чего никогда не было въ учебномъ вѣдомствѣ въ Италіи и чего въ немъ нѣтъ, слѣдовательно, и до сихъ поръ—это серьезной школьной традиціи, составляющей главную силу школы въ Германіи. Въ Италіи направленіе министерства народнаго просвѣщенія всегда, къ несчастью, зависѣло отъ чисто случайныхъ обстоятельствъ, отъ того, наконецъ, какая политическая партія возьметъ временно перевѣсъ въ парламентѣ; однимъ словомъ, школа въ Италіи никогда не могла вполне отрѣшиться отъ вліянія на нее внутренней политики страны, и это вліяніе, конечно, могло быть только весьма пагубнымъ. Отсюда причина этихъ постоянныхъ колебаній не только въ вопросѣ о классическомъ образованіи въ гимназіяхъ и лицейхъ, и въ самомъ направленіи среднеобразовательной школы, въ постоянной борьбѣ правительства съ церковью изъ-за религіозной основы образованія, закончившейся, какъ я уже указалъ выше, прекращеніемъ всякаго обязательнаго преподаванія закона Божія въ низшей и средней школѣ и закрытіемъ съ 1870 года богословскихъ факультетовъ въ италіанскихъ университетахъ. Размѣры настоящей статьи не даютъ мнѣ возможности вдаваться въ болѣе подробное изложеніе состоянія въ Италіи классическаго образованія за прошлое время; ограничусь только изложеніемъ современнаго положенія этого вопроса и тѣхъ необходимыхъ реформъ въ этой области, о которыхъ высказываются открыто, какъ въ преніяхъ въ парламентѣ, такъ и въ многочисленныхъ педагогическихъ статьяхъ и брошюрахъ, посвященныхъ этому вопросу и вышедшихъ за послѣднее время въ Италіи. Буду говорить только о постановкѣ учебнаго дѣла въ среднеобразовательной италіанской школѣ, не касаясь различныхъ вопросовъ административнаго свойства, подвергавшихся тоже разнообразнымъ реформамъ за послѣднее время.

Среднеобразовательная классическая школа въ Италіи подраздѣляется на пятиклассную гимназію, отчасти соответствующую нашему прогимназическому курсу, и на трехклассный лицей, подготов-

ляющій непосредственно къ поступленію въ университетъ. 26-го Іюня 1886 года вышелъ циркуляръ министра народнаго просвѣщенія, утвержденный королевскимъ декретомъ, въ силу котораго въ каждой провинціи Италіи долженъ находиться лицей. Второй лицей въ той же провинціи открывается только въ такомъ случаѣ, если населеніе провинціи достигаетъ 600,000 жителей, или если населеніе провинціи хотя и менѣе 450,000 жителей, но въ городѣ, въ которомъ находится лицей, не менѣе 80,000 жителей. Уставы для лицеевъ и гимназій въ Италіи мѣнялись неоднократно съ 1859 года. Нынѣ дѣйствующій уставъ вышелъ 23-го октября 1884 года; одновременно съ нимъ изданы и примѣрныя классныя программы и инструкціи для преподавателей каждаго учебнаго предмета. Предметы, входящіе въ программу среднеобразовательной классической школы,—тѣ же, что и у насъ. Единственное отличіе отъ нашего гимназическаго учебнаго плана—преподаваніе естествовѣдѣнія,—за то въ Италіи не преподается ни одинъ изъ новыхъ языковъ. Но преподаются они, въ особенности древніе языки, въ гораздо меньшемъ объемѣ. Существуетъ, впрочемъ, въ настоящее время предположеніе, сдѣлать обязательнымъ французскій языкъ въ высшихъ классахъ, и нѣмецкій—въ старшихъ.

Таблица распредѣленія учебныхъ предметовъ по классамъ всего лучше представить учебный планъ современной италіанской классической школы. Эта таблица введена въ дѣйствіе въ самое послѣднее время, но далеко еще не повсемѣстно. Утверждена она королевскимъ декретомъ отъ 24-го октября 1888 года по докладу нынѣшняго министра Boselli (см. приложение № VI). Изъ этой таблицы ясно видно, какое сравнительно ограниченное число часовъ удѣляется на преподаваніе обоихъ древнихъ языковъ, въ особенности въ лицейскихъ классахъ, непосредственно готовящихъ къ университету. Спрашивается: какую серьезную программу можно выполнить при 3 часахъ въ недѣлю, удѣленныхъ на латинскій и греческій языки въ послѣднихъ двухъ классахъ лицея? Между тѣмъ читаемые въ нихъ авторы почти тѣ же, что и у насъ; такъ, изъ римскихъ авторовъ читаются въ I лицейскомъ классѣ, соотвѣствующемъ нашему 6-му классу—Титъ Ливій (Исторія), Энеида или „Георгики“ Виргилія и оды Горация, въ II лицейскомъ классѣ (нашъ 7-й)—Тацитъ (Vita Agricolae), „Institutiones“ Квинтилиана, оды „epistolae“ и сатиры Горация, а въ III лицейскомъ классѣ (нашъ 8-й) — „De oratore“ Цицерона, „Тускуланскія бесѣды“ и даже одна комедія Плавта:

Изъ греческихъ авторовъ (греческій языкъ преподается всего 5 лѣтъ, начиная съ IV гимназическаго класса) читаются въ I лицейскомъ классѣ (нашъ 6-й) „Иліада“ Гомера и „Анабазисъ“ Ксенофонта, во II лицейскомъ (нашъ 7-й)—„Одиссея“, Геродотъ, отрывки изъ Исократы и изъ рѣчей Лисія, въ III же лицейскомъ (нашъ 8-й) діалоги Платона, „Критонъ“, „Протагоръ“, „Федонъ“, его „аполлогія“, „Филиппики“ Демосоена и рѣчь его „о вѣнкѣ“.

Кромѣ того, начиная съ II лицейскаго класса (нашъ 7-й) проходитъ даже систематическій курсъ исторіи римской литературы, а съ I лицейскаго (нашъ 6-й)—курсъ исторіи греческой литературы. Очевидно, что при столь незначительномъ числѣ часовъ, посвященныхъ древнимъ языкамъ выполнить подобную программу не мыслимо. Надо, впрочемъ, имѣть въ виду, что гораздо меньше времени, чѣмъ у насъ, употребляется на письменныя упражненія. На выпускномъ экзаменѣ изъ лицея требуется только письменный переводъ съ латинскаго на итальянскій, а не съ отечественнаго на латинскій, и вовсе не требуется письменнаго перевода по греческому языку; отсюда ясно, что центръ тяжести при изученіи древнихъ языковъ лежитъ не въ грамматическомъ ихъ изученіи, а въ чтеніи авторовъ.

Въ инструкціи, изданной министерствомъ для преподавателей древнихъ языковъ ¹⁾, высказывается весьма дѣльное желаніе, чтобы преподаваніе латинскаго языка и отечественнаго, преимущественно въ низшихъ гимназическихъ классахъ, соединялось по возможности въ лицѣ одного преподавателя, для болѣе легкаго сравнительнаго ихъ изученія. Обращается вниманіе преподавателей на то, чтобы они не увлекались лингвистическими тонкостями и сравнительнымъ методомъ, и ясно опредѣляется цѣль изученія латинскаго языка: именно въ гимназіяхъ оно должно клониться къ знанію грамматики (этимологіи и синтаксиса), а въ лицеяхъ—къ чтенію и интерпретаціи авторовъ, (комментаріи къ тексту историческіе и міеологическіе, съ сообщеніемъ необходимыхъ свѣдѣній по римскихъ древностямъ). Тѣ же требованія предъявляются и къ преподаванію греческаго языка; предписывается обязательное повсемѣстное употребленіе „Еразмовскаго“ чтенія.

Систематическое изученіе латинскаго синтаксиса начинается съ

¹⁾ Programmi e Istruzioni per l'insegnamento nei ginnasi e nei licei in esecuzione del R. Decreto 23 Ottobre 1884.

V гимназическаго класса, при 5 урокахъ по латинскому языку въ недѣлю. Изъ авторовъ читаются: во II классѣ — отрывки изъ Корнелія Непота, въ III — Цезарь и отдѣльныя мѣста изъ „Метаморфозъ“ Овидія, въ IV — Цицеронъ („De Amicitia“ или „De Senectute“), Саллюстій, „Энеида“ Виргилія; въ V классѣ — избранныя мѣста изъ Тита Ливія и Энеида. Греческій языкъ начинается только въ IV классѣ; въ V классѣ — послѣднемъ гимназическомъ, заканчивается этимологія, начиная съ изученія глаголовъ на μ , и начинается „Анабазисъ Ксенофонта“.

Изъ разговоровъ съ директорами лицеевъ и гимназій я вынесъ впечатлѣніе, что они считаютъ нынѣ дѣйствующій учебный планъ весьма обременительнымъ и трудно выполнимымъ; между тѣмъ онъ значительно уменьшенъ противъ учебнаго плана 1884 года (см. Приложение № VII).

Изъ остальныхъ предметовъ преподаванія въ среднеобразовательной италіанской школѣ всего лучше поставлено преподаваніе отечественнаго языка со словесностію и математики, въ особенности первое. Курсъ италіанской литературы читается весьма подробно и обстоятельно, требованія по этому предмету на переходныхъ и выпускныхъ экзаменахъ весьма серьезныя; особенное вниманіе обращается на выработку правильнаго, изящнаго стиля и на обстоятельное историко-литературное изученіе каждаго отдѣльнаго періода италіанской литературы, какъ древней, такъ и новой. Курсъ математики гораздо меньше нашего.

Въ своемъ докладѣ въ депутатской камерѣ въ засѣданіи 13-го декабря прошлаго 1888 года бывшій министръ народнаго просвѣщенія, Соррино, говоря о современномъ положеніи классической школы въ Италіи, жалуется главнымъ образомъ на чрезмѣрное разнообразіе ея учебной программы, на то, что ученики не могутъ достаточно сосредоточиться на тѣхъ дисциплинахъ, которыя должны были бы лечь въ основаніе программы, а принуждены разбрасываться по безчисленнымъ второстепеннымъ предметамъ. Его *pium desiderium* выражается въ латинскомъ правилѣ: „*non multa, sed multum*“. Объясняетъ онъ отсутствіе концентричности въ учебныхъ планахъ тѣмъ, что они составляются въ высшемъ совѣтѣ министерства (*Consiglio Superiore di Publica Istruzione*), въ которомъ засѣдаютъ специалисты по каждому отдѣльному предмету, не могущіе отрѣшиться отъ желанія увеличить размѣры преподаванія своей спеціальности въ ущербъ другимъ. По этому поводу онъ приводитъ очень вѣрное и остроумное за-

ключеніе Bersot, одного изъ членовъ Conseil Supérieur французскаго министерства народнаго просвѣщенія, высказанное имъ въ 1884 году ¹⁾). Переходя къ учебнымъ планамъ отдѣльныхъ предметовъ, онъ признаетъ вѣрнымъ, хотя и нѣсколько преувеличеннымъ, мнѣніе, высказанное членомъ испытательной комиссіи Carducci ²⁾ о малоуспѣшности кончающихъ курсъ лицействъ по отечественному языку, высказываемой въ ихъ письменныхъ сочиненіяхъ. Привожу это крайне пессимистическое мнѣніе въ переводѣ: „Незнаніе учениками общезвѣстныхъ фактовъ отечественной исторіи, не только литературныхъ, но и изъ чисто гражданской исторіи, отсутствіе всякой классической культуры, скудость и разбросанность мыслей, легковѣрность и поспѣшность выводовъ, почерпаемыхъ изъ чтенія ежедневныхъ газетъ, напыщенность выраженій, полное незнаніе серьезной традиціи итальянской литературной школы“. Причину этого зла Carducci видитъ въ современной итальянской семьѣ, не воспитанной въ серьезной классической школѣ, въ общей культурѣ, далеко отставшей отъ здоровой классической традиціи, направленной исключительно почти только къ чисто матеріальнымъ интересамъ.

Corrino въ своемъ докладѣ порицаетъ стремленіе преподавателей исторіи входить въ слишкомъ большія подробности, изъ-за которыхъ они часто забываютъ болѣе существенныя части курса и обременяютъ непроизводительно память учениковъ излишними именами и хронологическими датами; высказываетъ желаніе значительно уменьшить курсъ математики, физики и химіи, ограничивъ первый изъ нихъ по алгебрѣ рѣшеніемъ уравненій 2-й степени и исключая тригонометрію совсѣмъ изъ курса, а второй—исключительно прохожде-

¹⁾ „Les programmes, au lieu d'être l'oeuvre d'un homme ou d'un petit nombre d'hommes, ont été élaborés dans une grande assemblée, où toutes les études, toutes les spécialités, toutes les directions de l'esprit étaient représentées; de sorte que chacun, se croyant responsable envers ses électeurs ou envers lui-même, de ne pas laisser en souffrance les connaissances qui lui étaient chères, demandait à en introduire quelque partie dans le plan d'études. De là ce savoir encyclopédique, ces matières scientifiques si variées qui figurent dans l'enseignement de nos classes; de là aussi les réclamations en sens divers qui n'ont pas tardé à se faire entendre, car du moment, qu' on veut satisfaire tout le monde, on peut s'attendre bientôt à avoir tout le monde contre soi“. Association pour l'étude des questions d'enseignement secondaire. Allocution du président E. Bersot (12 avril 1884).

²⁾ Отчетъ экзаменационной комиссіи для выпускныхъ экзаменовъ изъ лицеевъ въ 1886—1887 учебномъ году — *Bulletino Ufficiale dell' Istruzione*, июль 1888, стр. 279.

ніемъ экспериментальной физики и химіи. Мотивомъ къ такому значительному сокращенію программы Сорріно приводитъ то соображеніе, что среднеобразовательная школа есть школа общаго развитія, а не подготовительная школа къ той или другой специальности, между прочимъ и математической. Но это соображеніе имѣло бы мѣсто при иной постановкѣ гуманитарныхъ предметовъ, а не при той, которая существуетъ въ италіанскихъ лицеяхъ. Сорріно высказывается прямо противъ преподаванія философіи въ лицеяхъ, на основаніи общеизвѣстныхъ доводовъ; онъ высказываетъ желаніе, чтобы въ лицеяхъ ограничивались краткимъ курсомъ логики въ послѣднемъ классѣ. По поводу преподаванія латинскаго языка, преимущественно въ высшихъ классахъ, онъ высказываетъ сожалѣніе, что въ Италіи такъ мало обращаютъ вниманія на письменныя классныя упражненія (*extemporalia*), которыя, кромѣ существенной пользы для точнаго усвоенія грамматическихъ правилъ, имѣютъ еще то не замѣнимое значеніе, что требуютъ полнаго вниманія учениковъ въ классѣ. Онъ приводитъ примѣры нѣмецкихъ гимназій, гдѣ всѣ старанія педагоговъ направлены на то, чтобы центръ тяжести при изученіи предмета сосредоточивался на занятіяхъ въ классѣ, а не на домашнихъ упражненіяхъ, чѣмъ, кромѣ дидактическихъ цѣлей, достигаются и столь важныя—гигіеническія, такъ какъ уроки не требуютъ отъ учениковъ почти никакихъ домашнихъ приготовленій, а потому все почти внѣклассное время могутъ они посвящать отдыху. Относительно преподаванія греческаго языка бывшій министръ откровенно заявляетъ, что при данномъ числѣ уроковъ (всего 15 въ недѣлю во всѣхъ классахъ) нѣтъ никакой возможности достигнуть какихъ-нибудь существенныхъ результатовъ. Еще въ 1887 году была получена въ министерствѣ петиція, подписанная ректоромъ и профессорами Пармскаго университета, о томъ, чтобы греческій языкъ сдѣланъ былъ факультативнымъ предметомъ классической школы. Мотивирована была эта петиція тѣмъ соображеніемъ, что „нѣтъ достаточно времени для изученія всѣхъ предметовъ, поэтому одно изъ двухъ—либо меньше математики, либо греческій языкъ, какъ факультативный предметъ, либо наконецъ, предоставленіе права каждому выбирать *ad libitum* греческій языкъ или полный лицейскій курсъ математики“¹⁾. Въ виду высказанной всѣми педагогическими совѣтами невозможности увеличить число часовъ по греческому языку, Сорріно

¹⁾ Въ журналѣ *Le Scuole Secondarie*. Anno V, № 23.

прямо высказывается за то, чтобы греческій языкъ сдѣланъ былъ факультативнымъ предметомъ, и выражаетъ увѣренность, что изученіе его отъ этого нисколько не пострадаетъ.

Въ заключеніе Sorripo находитъ необходимымъ сдѣлать по крайней мѣрѣ одинъ изъ новыхъ языковъ обязательнымъ, и предпочтеніе даетъ нѣмецкому языку. Реформы, предложенныя имъ, до сихъ поръ не введены въ исполненіе, но они встрѣтили сочувствіе въ нынѣшнемъ министрѣ. За то вышеизложенный докладъ Sorripo былъ встрѣченъ весьма недружелюбно многими представителями отдѣльныхъ кафедръ италіанскихъ университетовъ. Изъ многочисленныхъ брошюръ, появившихся за послѣднее время въ Италіи, касающихся постановки классическаго образованія, упомяну здѣсь только объ одной брошюрѣ профессора Болонскаго университета Angelo Valdarini¹⁾. Онъ возстаетъ главнымъ образомъ противъ обращенія греческаго языка въ факультативный предметъ и противъ уменьшенія программъ по философіи, хотя доводы его по послѣднему вопросу весьма мало убѣдительны.

Для дальнѣйшей характеристики классической школы въ Италіи не могу не остановиться на нѣкоторыхъ весьма дѣльныхъ взглядахъ, высказанныхъ въ книгѣ извѣстнаго педагога, профессора Villari: „Scritti pedagogici“, давно появившейся во Флоренціи еще въ 1868 году, но до сихъ поръ не утратившей значенія для характеристики главныхъ недостатковъ италіанской школьной системы. О ея необычайной косности, объ отсутствіи всякаго движенія впередъ въ италіанской педагогикѣ всего лучше свидѣтельствуешь то обстоятельство, что, посѣщая въ нынѣшнемъ году нѣкоторыя средне-учебныя заведенія въ Миланѣ, Туринѣ и другихъ городахъ Италіи, я наталкивался на тѣ же самыя недостатки въ постановкѣ учебнаго дѣла, на которые указывалъ еще Villari слишкомъ двадцать лѣтъ тому назадъ.

Главный, капитальный недостатокъ органическаго закона, легшаго въ основаніе всей постановки школьнаго дѣла въ Италіи закона Casati, заимствованнаго изъ Германіи, Villari видитъ въ томъ, что существующая въ Германіи постановка учебнаго дѣла вытекла изъ самыхъ мѣстныхъ условій страны, изъ характера ея населенія и потому пустила тамъ глубокіе корни; въ Италіи же

¹⁾ Di Alcuni Riforme necessarie nella Istruzione Secondaria e Superiore per Angelo Valdarini, — Bologna 1889.

она является какъ нѣчто заимствованное, не отвѣчающее національнымъ идеаламъ и симпатіямъ, какъ это ни странно, вовсе не склоннымъ къ классицизму; поэтому она всегда оставалась для итальянскаго юношества чуждою системою образованія. Если же разсматривать тѣ формы, въ которыя вылилась эта система, тѣ мѣропріятія, посредствомъ которыхъ она приведена была въ исполненіе, то легко убѣдиться въ томъ, что они только еще болѣе затруднили ея примѣненіе на практикѣ.

Villari весьма справедливо указываетъ на главный недостатокъ итальянской школьной системы, состоящій въ предпочтеніи, отдаваемомъ въ средней школѣ академическому чтенію передъ непосредственными занятіями преподавателя съ ввѣреннымъ ему классомъ. Особенно практикуется это при урокахъ отечественной литературы. Тутъ преподаваніе обращается совершенно въ лекцію по словесности; результатомъ же подобной системы — тотъ безотрадный фактъ, что даже кончающіе курсъ лицеисты съ трудомъ въ состояніи правильно написать любое сочиненіе на заданную тему или даже простое письмо. Это стремленіе обращать урокъ въ лекцію я, съ своей стороны, замѣчалъ даже въ среднихъ классахъ итальянскаго реального училища. Въ противоположность этой пагубной системѣ Villari указываетъ на гораздо болѣе рациональную методу, употребляемую въ нѣмецкихъ гимназіяхъ, гдѣ вниманіе всего класса все время урока неустанно должно слѣдить за предлагаемыми преподавателемъ вопросами, и гдѣ каждый шагъ впередъ въ преподаваніи подлежащаго предмета достигается общими усиліями преподавателя и всего наличнаго состава класса.

Въ преподаваніи исторіи замѣчается та же склонность къ громкимъ заглавіямъ проходимыхъ отдѣловъ курса, при чемъ преподаватель изощряется въ краснорѣчіи и высказываетъ свою начитанность, а ученики при этомъ могутъ относиться къ проходимому въ классѣ совершенно безучастно, такъ какъ къ слѣдующему уроку отъ нихъ требуется только знаніе извѣстнаго отдѣла учебника. Что же касается послѣднихъ, то и въ этомъ отношеніи, какъ я уже замѣтилъ выше, дѣло поставлено далеко неудовлетворительно, въ виду отсутствія всякаго единства и всякихъ обязательныхъ для преподавателей нормальныхъ учебниковъ.

Другой существенный недостатокъ въ постановкѣ учебнаго дѣла въ итальянской средней школѣ Villari совершенно справедливо видитъ въ постоянныхъ передвиженіяхъ учительскаго персонала,

практикуемыхъ министерствомъ, вслѣдствіе чего не можетъ установиться никакая серьезная школьная традиція въ отдѣльныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ Германіи, напротивъ, извѣстный директоръ или заслуженный преподаватель извѣстнаго предмета становится какъ бы неразлучнымъ съ заведеніемъ, составляетъ его гордость и славу; черезъ его руки проходятъ безчисленные выпуски учениковъ; такому педагогу легко создать свой извѣстный методъ преподаванія; общими усиліями подобныхъ опытныхъ, выдающихся преподавателей создаются школьныя традиціи. Въ Италіи ни одно учебное заведеніе не имѣетъ, такъ сказать, постояннаго состава преподавателей; нѣтъ у нихъ и постояннаго состава учениковъ, за которыми они могли бы слѣдить съ младшихъ классовъ и доводить ихъ до выпускнаго экзамена, какъ это практикуется во многихъ гимназіяхъ въ Германіи. Въ Италіи преподаватели отдѣльныхъ предметовъ постоянно мѣняются въ классѣ. Изъ младшихъ классовъ въ томъ же семестрѣ часто переходятъ въ старшіе и на оборотъ; они не успѣваютъ познакомиться со своими учениками, и тѣ къ нимъ не успѣваютъ привыкнуть. На послѣднее обстоятельство директоръ одной гимназіи въ окрестностяхъ Турина (въ Moncalieri) указывалъ мнѣ какъ на выгодную сторону этой системы, такъ какъ, говорилъ онъ, — имѣя дѣло постоянно съ однимъ и тѣмъ же преподавателемъ, ученики скоро узнаютъ его слабыя стороны и ими, конечно, злоупотребляютъ. Но, благодаря этой системѣ, заведеніе, отличавшееся выдающимся составомъ преподавательскихъ силъ, можетъ весьма скоро оказаться въ совершенно иныхъ условіяхъ. Кромѣ того, большинство преподавателей получаетъ весьма недостаточное вознагражденіе по дороговизнѣ жизни, такъ что не можетъ существовать безъ частныхъ уроковъ, которые, отнимая у нихъ время и силы, конечно, вліяютъ и на ходъ преподаванія казенныхъ уроковъ. Само собою разумѣется, что всѣ эти постоянныя передвиженія учительскаго персонала, производимыя министерствомъ въ Римѣ, не могутъ обходиться безъ частныхъ несправедливостей; протекція тутъ, конечно, играетъ большую роль, а министерству нѣтъ никакой возможности слѣдить за всѣми неизбѣжными при этомъ мѣстными интригами въ провинціяхъ. Учебныя же заведенія при этой системѣ передвиженій лишаются постояннаго, столь важнаго педагогическаго вліянія въ одномъ направленіи, а преподаватель, не можетъ серьезно интересоваться своими учениками, не можетъ отдавать себя всего своему учительскому дѣлу. Кромѣ того,

въ Италіи вовсе не практикуется весьма полезная мѣра для успѣшнаго хода класснаго преподаванія—пробные уроки. Въ самое послѣднее время только, именно 30-го декабря 1888 года, утвержденъ по докладу нынѣшняго министра Boselli, уставъ такъ-называемыхъ: „Scuole di Magistero“, долженствующихъ играть отчасти роль существующихъ при факультетахъ семинарій въ германскихъ университетахъ; но эти „scuoli“ пока еще не открыты. Студенты прямо съ университетской скамьи попадаютъ въ преподаватели гимназій или лицей, не обладая никакими педагогическими приемами, не имѣя понятія о томъ, какъ вести классъ, какъ добиться въ немъ даже тишины и порядка. Очевидно, что проходить весьма много времени, пока молодой студентъ освоится съ своею новою задачею, съ своею аудиторіей, а тутъ-то его часто уже переводятъ на другое мѣсто. Въ концѣ своей книги Villagi совершенно вѣрно замѣчаетъ, что весьма ошибочно думать, чтобы какой бы то ни было уставъ, какъ бы онъ ни былъ хорошо сочиненъ, могъ существенно измѣнить къ лучшему ходъ учебнаго дѣла. Подобная перемѣна достигается годами и зависитъ всецѣло отъ учительскаго персонала и отъ степени культуры современнаго общества, которое само должно проникнуться важностью учебной реформы.

Въ заключеніе этой части моей статьи позволю себѣ кратко остановиться на нѣкоторыхъ осматрѣнныхъ мною гимназіяхъ и лицейхъ въ Туринѣ. Изъ числа ихъ одно изъ первыхъ мѣстъ принадлежитъ Real Collegio Carlo Alberto въ Moncalieri (существующее съ 1838 года въ окрестностяхъ Турина), въ которомъ должность инспектора занимаетъ извѣстный метеорологъ Francesco Denza, директоръ знаменитой Монкаліерской обсерваторіи, помѣщающейся въ самомъ зданіи училища, и президентъ всѣхъ метеорологическихъ обществъ въ Италіи. Онъ любезно предложилъ мнѣ свои услуги, чтобы осматрѣть все заведеніе, и лично все мнѣ показывалъ. Въ этомъ Collegio съ курсомъ правительственныхъ гимназій и лицеевъ помѣщаются до 100 интерновъ. Помѣщеніе интерната, можно сказать, роскошное: у каждаго воспитанника своя комната со всѣмъ необходимымъ; рекреационныя и рабочія комнаты весьма просторныя и свѣтлыя; при зданіи находится большой садъ со всѣми гимнастическими приборами: кабинеты физической и естественной исторіи не уступятъ любымъ университетскимъ; богатая коллекція по зоологіи присылаются бывшими учениками изъ разныхъ частей свѣта; многіе изъ нихъ моряки.

Составъ учениковъ весьма разнороденъ, но всѣ принадлежатъ къ

достаточнымъ семьямъ (плата ежегодная съ пансіонера 1200 лиръ). Серьезное отличіе этого среднеучебнаго заведенія отъ прочихъ то, что въ немъ въ основѣ образованія поставленъ законъ Божій; большинство преподавателей духовныя лица. Самъ Denza носитъ одежду католическаго ксендза. Неблагопріятная сторона жизни въ этомъ интернатѣ та, что воспитанники совершенно отдалены отъ вліянія родной семьи: они возвращаются въ семью только на одинъ день каждые два мѣсяца.

Кромѣ 1200 лиръ за ученіе, вносится поступающимъ воспитанникомъ одновременно 70 лиръ. Сравнительно высокая плата дѣлаетъ это заведеніе доступнымъ только для дѣтей достаточныхъ родителей. Лѣтомъ воспитанники переѣзжаютъ на казенную дачу въ горы и на морскія купанья.

Кромѣ этого заведенія, осмотрѣны мною два лицея въ Туринѣ— Liceo Savour и Liceo Giobreti; въ первомъ изъ нихъ до 300 учениковъ, во второмъ около 250. Это правительственныя среднеучебныя заведенія съ полнымъ гимназическо-лицейскимъ курсомъ. Въ нихъ я присутствовалъ на нѣсколькихъ урокахъ древнихъ языковъ, итальянскаго языка и исторіи въ старшихъ и среднихъ классахъ.

Авторовъ латинскихъ ученики читаютъ довольно бѣгло; видно, что все вниманіе обращено на бѣглость чтенія; переводъ на отечественный языкъ требуется болѣе или менѣе литературный; на точность не обращаютъ большаго вниманія. Переводъ этотъ не сопровождается никакими почти грамматическими комментаріями; грамматику вообще мало изучаютъ и плохо знаютъ, въ чемъ я убѣдился въ низшихъ классахъ; переводовъ письменныхъ почти не дѣлаютъ, въ особенности съ отечественнаго языка на латинскій. Непрѣятно поражаетъ произношеніе латинскихъ словъ на итальянскій манеръ, особенно при чтеніи гексаметра. Въ греческомъ языкѣ успѣхи гораздо еще ниже. Я убѣдился въ томъ, что во II лицейскомъ классѣ (нашъ 7-й классъ) ученики съ трудомъ переводятъ Геродота, а синтаксиса совершенно не знаютъ; письменные же переводы съ итальянскаго на греческій, которые мнѣ показывали, свидѣтельствуютъ о плохомъ знаніи неправильныхъ глаголовъ. На удареніе не обращаютъ никакого вниманія, что очень непрѣятно поражаетъ при чтеніи и, конечно, весьма облегчаетъ письменныя упражненія на греческомъ языкѣ. Относительно преподаванія отечественнаго языка и исторіи могу только подтвердить замѣчанія, которыя уже дѣлалъ выше.

VI.

Обозрѣніе высшаго образованія въ Италіи.

Всякаго изучающаго современное положеніе высшаго университетскаго образованія въ Италіи прежде всего поражаетъ громадное число университетовъ—21 университетъ (17 правительственныхъ и 4 частныхъ, *Università libere*) ¹⁾. Здѣсь я, конечно, не могу входить въ подробное разсмотрѣніе италіанской университетской системы, ея особенностей, ея прошлаго и настоящаго; все это не входить въ мою задачу. Я ограничусь здѣсь только общимъ краткимъ очеркомъ состоянія университетскаго образованія въ современной Италіи и отчетомъ о посѣщеніи мною нѣкоторыхъ высшихъ учебныхъ заведеній, какъ университетовъ, такъ и нѣкоторыхъ специальныхъ заведеній и постараюсь присоединить къ этому очерку нѣкоторыя статистическія данныя, касающіяся высшихъ учебныхъ заведеній, любезно предоставленныя мнѣ въ распоряженіе директоромъ главнаго статистическаго бюро при министерствѣ земледѣлія и торговли въ Римѣ, командоромъ Бодіо.

Среди 17 правительственныхъ университетовъ, конечно, есть и такіе, которые, по имѣющемуся у меня статистическому сборнику по высшему образованію за 1885—1886 академическій годъ, имѣли не болѣе 109 студентовъ (университетъ въ *Macerata* съ однимъ юридическимъ факультетомъ), или 124 человека (университетъ въ *Sassari* и т. д.). Самыми многочисленными по числу студентовъ всегда были университеты Неаполитанскій, Туринскій, Болонскій и Падуанскій; они же самыя древніе.

Это обиліе университетовъ въ такомъ сравнительно небольшомъ государствѣ, какъ Италія, объясняется конечно тѣмъ, что университетское образованіе установилось тамъ уже очень давно, такъ какъ, напримѣръ, Болонскій университетъ одинъ изъ древнѣйшихъ въ Европѣ, Неаполитанскій университетъ ведетъ свое начало съ 1224 г.

¹⁾ 17 правительственныхъ университетовъ находятся въ слѣдующихъ городахъ: *Bologna*, *Cagliari*, *Catania*, *Genova*, *Macerata*, *Messina*, *Modena*, *Napoli*, *Padova*, *Palermo*, *Parma*, *Pavia*, *Pisa*, *Roma*, *Sassari*, *Sienna*, *Torino*; 4 частныхъ—въ *Camerino*, *Ferrara*, *Perugia*, *Urbino*. Они содержатся исключительно на средства провинцій и коммуны или на пожертвованные капиталы.

и т. д. Главная же причина, конечно, къ открытію въ послѣдніе годы многихъ университетовъ, совершенно незначительныхъ по количеству студентовъ и по качеству профессорскаго персонала, объясняется стремленіемъ, весьма распространеннымъ въ массѣ въ Италіи, къ высшему образованію въ ущербъ болѣе практическимъ и хлѣбнымъ профессіямъ. Однимъ словомъ, въ этомъ отношеніи Италія нѣсколько напоминаетъ Россію, и это положеніе вещей далеко не отрадно по своимъ послѣдствіямъ, весьма печальнымъ для большинства молодыхъ людей, прошедшихъ университеты и не имѣющихъ по окончаніи его ни занятій, ни даже часто куска хлѣба.

Кромѣ вышепоименованныхъ университетовъ, существуютъ въ Италіи еще слѣдующія спеціальныя высшія учебныя заведенія: академія „Scientifica-litteraria“ въ Миланѣ, 2 высшихъ агрономическихкихъ училища въ Миланѣ и въ Portici близъ Неаполя, высшій техническій институтъ въ Миланѣ, 3 высшихъ коммерческихъ училища въ Венеціи, Генуѣ и Бари, инженерныя училища („Scuole d'applicazione per gli ingegneri“) въ Римѣ, Неаполѣ, Туринѣ, Болонѣ, Палермо, высшее нормальное училище въ Пизѣ („Scuole Normale Superiore di Pisa“) для учителей начальныхъ училищъ, высшіе ветеринарные институты („Scuole Superiore di medicina veterinaria“) въ Туринѣ, Неаполѣ и Миланѣ, и наконецъ, высшіе женскіе учительскіе институты („Istituti Superiori femminili di Magistero“) въ Римѣ и во Флоренціи для учительницъ, начальныхъ училищъ и женскихъ учебныхъ заведеній вообще. Изъ спеціальныхъ высшихъ учебныхъ заведеній я осматривалъ только миланскую академію „Scientifica-litteraria“, но у меня имѣются уставы и учебныя планы всѣхъ прочихъ ¹⁾.

Общаго университетскаго устава въ Италіи нѣтъ, а существуютъ напротивъ 4 отдѣльныхъ устава, которыми управляются всѣ 17 университетовъ, а именно: 1) законъ Casati 13-го ноября 1859 года для университетовъ Туринскаго, Генуэзскаго, Павійскаго и Каліарскаго 2) законъ 16-го февраля 1861 года—для Неаполитанскаго; 3) законъ 17-го октября 1860 года—для сицилійскихъ университетовъ, и наконецъ, 4) законъ 31-го юля 1859 года—для тосканскихъ университетовъ, не говоря уже о многочисленныхъ измѣненіяхъ и преобразо-

¹⁾ Raccolta completa de 'testi di leggi, decreti, regolamenti e circolari. Официальное изданіе министерства народнаго просвѣщенія. Roma. 1887. Tit. II. Istruzione Superiore, стр. 124 слѣд.

ваніяхъ, послѣдовавшихъ съ тѣхъ поръ и объ особомъ положеніи, которымъ управляются „*Università libere*“. Всѣ эти уставы отличаются довольно существеннымъ образомъ другъ отъ друга, не столько по отношенію къ учебнымъ планамъ на различныхъ факультетахъ, сколько по представляемымъ ими особымъ правамъ и привилегіямъ ректору, совѣту, факультетскимъ засѣданіямъ и проч., такъ что права эти далеко не одинаковы во всѣхъ университетахъ. Слѣдовательно, и здѣсь, какъ при разсмотрѣніи средняго образованія въ Италіи, мы встрѣчаемся съ массою временныхъ мѣръ, съ отсутствіемъ всякаго единства въ проведеніи той или иной школьной системы, что, конечно, не можетъ отозваться благотворно на общемъ ходѣ образованія страны.

Содержаніе университетовъ правительственныхъ лежитъ всецѣло на бюджетѣ министерства народнаго просвѣщенія.

Въ полныхъ университетахъ имѣются слѣдующіе факультеты: историко-филологическій факультетъ (*facoltà di filosofia e lettere*), юридическій (*facoltà di giurisprudenza*), математическій (*facoltà di scienze matematiche*), естественныхъ наукъ (*facoltà di scienze naturali*), и наконецъ, медицинскій (*facoltà di medicina*). Богословскіе факультеты окончательно закрыты повсемѣстно съ 1872 года; сохранены только на философскомъ факультетѣ каяедры исторіи церкви и каноническаго права.

Въ 1859 году, когда утверждались первые болѣе или менѣе общіе университетскіе уставы въ Италіи, богословіе еще обязательно читалось во всѣхъ университетахъ различныхъ италіанскихъ государствъ. Въ 1862 году, при пересмотрѣ штатовъ для ординарныхъ и экстраординарныхъ профессоровъ, о каяедрахъ богословія ничего не было упомянуто. Въ 1872 году, когда разсматривалось въ камерѣ депутатовъ предложеніе министра Correnti о закрытіи богословскихъ каяедръ во всѣхъ университетахъ, было всего 4 слушателя курса богословія (такъ какъ онъ пересталъ быть обязательнымъ). Профессоровъ же богословія было 27; содержаніе ихъ обходилось правительству въ 80,887 лиръ. Такимъ образомъ, каждый слушатель богословскаго курса обходился правительству слишкомъ 20,000 лиръ. Естественно, что подобное положеніе вещей не могло продолжаться и повело къ окончательному закрытію этой каяедры ¹⁾. Весьма инте-

¹⁾ L'instruction publique en Italie par Hippel. Paris. 1885, стр. 297.

ресны пренія, вызванныя въ камерѣ депутатовъ по случаю этого предложенія министра. Они собраны въ отдѣльную брошюру ¹⁾).

По бюджету на 1888 — 1889 академическій годъ содержаніе 17 правительственныхъ италіанскихъ университетовъ опредѣлено въ 8.715,584 лиръ, которыя распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

на содержаніе учебнаго персонала.	6.317,674	лиръ
на содержаніе учебныхъ пособій	1.646,163	„
на экстраординарные расходы	751,747	„
Итого	8.715,584	лиръ ²⁾ .

При 17 университетахъ приходится нѣсколько болѣе 500,000 лиръ (512,681 лиръ) на университетъ, въ три раза меньше суммы, отпускаемой на каждый университетъ въ Пруссіи. Между тѣмъ въ Пруссіи, населеніе которой не многимъ меньше населенія Италіи, существуетъ 11 университетовъ ³⁾, обходящихся правительству (которое платитъ ³/₄ общихъ расходовъ на содержаніе ихъ) въ 16.182,842 итал. лиръ (по бюджету на 1888 — 1889 академическій годъ), что составляетъ на каждый университетъ 1.471,167 итал. лиръ; то-есть, въ Италіи на 958,486 лиръ меньше сравнительно съ Германіею тратится на каждый университетъ. Отсюда уже ясно, на сколько учебныя средства и вся общая постановка италіанскихъ университетовъ иная, чѣмъ въ Германіи. Италія не въ состояніи при существующемъ бюджетѣ министерства народнаго просвѣщенія поддерживать это громадное количество имѣющихся у нея университетовъ на должной высотѣ, да это количество вовсе и не вызывается дѣйствительною потребностью населенія.

Изъ италіанскихъ университетовъ подробно осмотрѣны мною Неаполитанскій, Туринскій и Генуэвскій. Позволю себѣ остановиться главнымъ образомъ на первомъ изъ нихъ.

Неаполитанскій университетъ основанъ въ 1224 году при Фридрихѣ II Гогенштауфенѣ. Въ числѣ знаменитыхъ его профессоровъ

¹⁾ Discorsi pronunciati alla camera dei Deputati nella discussione del progetto di Legge per l'abolizione delle Facoltà teologiche nelle tornate di aprile 1872. Roma.

²⁾ Эти цифровыя данныя я получилъ въ Статистическомъ бюро въ Римѣ отъ командора Vodio.

³⁾ Эти 11 университетовъ слѣдующее: Берлинскій, Кенигсбергскій, Грейсвальдскій (Greifswald), Бреславскій, Галльскій (Halle), Кильскій (Kiel), Геттингенскій, Марбургскій, Боннскій, Мюнстерскій и Браунсбергскій (въ послѣднихъ двухъ имѣются только по два факультета — богословскій и историко-энологическій).

числился, какъ извѣстно, въ средніе вѣка и Тома Аквинатъ. На каждомъ университетѣ въ Италиі, конечно, отражалась въ сильной степени исторія того итальянскаго государства, въ которомъ онъ находился; поэтому весьма немногіе изъ нихъ избѣгли тревожной эпохи междоусобной борьбы, охватившей Италию въ средніе вѣка и продолжавшейся всю эпоху возрожденія и реформации. Этимъ отчасти объясняется, что и впоследствии, уже въ нынѣшнемъ столѣтіи, каждый итальянскій университетъ сохранилъ свои мѣстныя особенности, вытекавшія изъ его историческаго прошлаго и трудно поддающіяся общей регламентации; отсюда—существованіе этихъ многочисленныхъ уставовъ, которыми управляются итальянскіе университеты, и отсутствіе въ Италиі одного общаго университетскаго устава.

Число студентовъ въ Неаполитанскомъ университетѣ по свѣдѣніямъ, доставленнымъ мнѣ ректоромъ университета, профессоромъ Trinchese, въ 1888—1889 академическомъ году было 4,108 человекъ. Собственно по факультетамъ студенты распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

на юридическомъ факультетѣ	1,619	человѣкъ
на медицинскомъ "	1,597	"
на математическомъ "	43	"
на естественномъ "	38	"
на историко-филологическомъ факультетѣ	113	"
	<hr/>	
	3,410	человѣкъ

Но къ этому числу присоединяются еще: 1) студенты инженернаго училища (l'Ingegneria), куда поступаютъ студенты—математики, прослужившіе первые два курса (это специальное высшее учебное заведеніе, причисленное только къ университету, но находящееся въ особомъ зданіи), и 2) студенты состоящей при университетѣ фармацевтической школы (Scuole di farmacia). Такимъ образомъ, если къ цифрѣ 3,410 прибавить 261 студентовъ инженернаго училища и 437 студентовъ фармацевтовъ, то и получимъ вышеозначенную цифру 4,108 человекъ.

Въ медицинскихъ клиникахъ университета работали, когда я ихъ посѣщалъ, до 60 женщинъ, готовящихся къ докторскому диплому. Эта мѣра временная; по заявленію ректора, на будущее время министерство не допуститъ совмѣстнаго занятія студентокъ со студентами въ клиникахъ, находя это по многимъ причинамъ неудобнымъ.

Продолжительность курсовъ на факультетахъ слѣдующая: на медицинскомъ 6 лѣтъ, на всѣхъ остальныхъ 4 года, на фармацевтическомъ отдѣленіи 5 лѣтъ, въ институтѣ инженеровъ 3 года и 2 года въ университетѣ.

О размѣрѣ платы, взимаемой со студентовъ за право слушанія лекцій, я уже говорилъ выше, рассматривая организацію университетскихъ стипендій. Она бываетъ 4-хъ родовъ: 1) плата за имматрикуляцію на факультетъ, 2) годичная плата за лекціи, 3) добавочная такса за производство экзаменовъ, и 4) плата за дипломъ объ окончаніи курса.

О студенческихъ стипендіяхъ я уже говорилъ; здѣсь упомяну только о существованіи при итальянскихъ университетахъ правительственныхъ стипендіатовъ по двумъ разрядамъ наукъ — по факультету „*filosofia e lettere*“ и по факультету „*di scienze fisiche e naturali*“. Эти стипендіаты посылаются — одни во внутреннія провинціи Італіи, другіе — за границу, для усовершенствованія въ наукахъ. Первые получаютъ по 1,200 лиръ ежегодно, вторые — до 3,000 лиръ. Изъ нихъ преимущественно набирается контингентъ учителей въ среднѣучебныя заведенія. Число ихъ ограничено. Для полученія правительственной стипендіи требуется выдержаніе ежегоднаго конкурснаго экзамена по заранѣе утвержденной факультетомъ программѣ. Факультетъ опредѣляетъ максимумъ числа обязательныхъ лекцій на каждомъ курсѣ.

Выпускные экзамены — „*esamea laurea*“ — производятся въ экзаменаціонныхъ комиссіяхъ, состоящихъ изъ ординарнаго профессора даннаго предмета и 4 приватъ-доцентовъ, постороннихъ университету, не изъ числа профессорскаго персонала. Эти комиссіи засѣдаютъ подъ предсѣдательствомъ декана факультета.

Правленіе университета — нашъ совѣтъ — состоитъ изъ декановъ факультетовъ, подъ предсѣдательствомъ ректора. Ректоръ университета выбирается на два года профессорами на эту должность и утверждается министромъ. По отношенію къ выбору ректора уставы университетовъ въ особенности различаются между собою. Неаполитанскій университетъ пользуется особымъ совершенно положеніемъ среди остальныхъ по отношенію къ выбору ректора. На основаніи такъ-называемаго закона Имбриани (*legge Imbriani*) отъ 16-го февраля 1861 г., въ Неаполитанскомъ университетѣ ректора выбираетъ весь профессорскій составъ изъ числа трехъ ординарныхъ профессоровъ, предложенныхъ извѣстнымъ факультетомъ. Эти три кандидата принад-

лежать къ одному факультету; черезъ каждые два года факультетъ, изъ котораго выбирается ректоръ, мѣняется. Ректоръ выбирается на два года. Выбранный такимъ путемъ кандидатъ утверждается въ своей должности министромъ. Въ другихъ университетахъ, гдѣ этотъ законъ не дѣйствуетъ, министръ самъ назначаетъ кандидата на эту должность изъ числа трехъ лицъ, предложенныхъ отъ всѣхъ факультетовъ, а не отъ одного, какъ въ Неаполитанскомъ. Кромѣ того, тамъ ректоръ назначается только на одинъ годъ. Очевидно, что въ Неаполитанскомъ университетѣ профессорская коллегія пользуется большою автономіею. Для поступленія на всѣ факультеты итальянскихъ университетовъ требуется выдержаніе выпускнаго экзамена изъ лица (*esame di licenza liceale*); впрочемъ допускается поступленіе на естественный факультетъ изъ реальныхъ училищъ (*scuole tecnica*) съ повѣрочнымъ экзаменомъ изъ латинскаго, греческаго и отечественной литературы.

По свѣдѣніямъ, доставленнымъ мнѣ ректоромъ Неаполитанскаго университета, содержаніе профессорской коллегіи и вообще плата учебному персоналу университета обходится въ 586,654 лиры ежегодно; содержаніе же учебныхъ пособій, лабораторій, клиникъ и кабинетовъ — въ 168,700 лиръ ежегодно. Эти суммы весьма велики для итальянскаго университета; обыкновенный же бюджетъ университета, какъ я уже упомянулъ выше, не превышаетъ 500,000 лиръ.

Неаполитанскій университетъ всегда былъ самымъ многочисленнымъ по числу слушателей и всегда славился своимъ медицинскимъ факультетомъ.

По инициативѣ нынѣшняго ректора, профессора Trinchese, существуетъ проектъ перенесенія университета на другое мѣсто (вблизи ботаническаго сада). Зданіе университета весьма ветхое (оно существуетъ съ 1806 года) и совершенно не соответствуетъ нынѣшнимъ требованіямъ относительно просторныхъ лабораторій и кабинетовъ. По приблизительной смѣтѣ, постройка новаго зданія для университета обойдется въ 16 милліоновъ лиръ. Министерство ассигнуетъ два милліона, отъ сломки стараго зданія рассчитываютъ получить до 10 милліоновъ; остальные 4 милліона ожидаются поступленіемъ отъ различныхъ провинцій Италіи.

Не лишеннымъ интереса представляется организція особыхъ учительскихъ семинарій при факультетахъ, съ цѣлью подготовленія учителей для среднеучебныхъ заведеній. Эти учительскія семинаріи носятъ названіе „*Scuole di magistéro*“ и учреждаются

при историко-филологическихъ и физико-математическихъ факультетахъ въ силу королевскаго декрета отъ 30-го декабря 1888 года. Я очень интересовался присутствовать на занятіяхъ хотя бы въ одной изъ этихъ семинарій, но оказывается, что пока еще ни при одномъ изъ университетовъ занятія въ нихъ правильно не начались, и предполагается открытіе ихъ лишь съ будущаго академическаго года. Тѣмъ не менѣе останавливаюсь на самомъ уставѣ этихъ семинарій, представляющемъ, мнѣ кажется, нѣкоторый интересъ и для насъ. Изъ доклада министра народнаго просвѣщенія Boselli, приложеннаго къ уставу этихъ семинарій¹⁾, мы узнаемъ, что эти „Scuole di magistéro“ основаны были еще въ концѣ 1876 г. королевскимъ декретомъ отъ 8-го октября 1876 года, но что, преслѣдуя въ то время двѣ совершенно различныя задачи—дальнѣйшія научныя изслѣдованія студентовъ въ избранной ими специальности и изученіе методовъ преподаванія предметовъ гимназическаго и лицейскаго курса, онѣ, конечно, не достигли ни одной изъ нихъ по недостатку времени, удѣляемаго для достиженія каждой изъ этихъ цѣлей, имѣющихъ между собою такъ мало общаго. Scuole di magistéro были закрыты въ 1887 году вслѣдствіе всѣми сознанный неудовлетворительности первоначальнаго учебнаго плана, существовавшаго съ 1884 года; признано необходимымъ значительно измѣнить ихъ программу, сосредоточивъ все вниманіе студентовъ исключительно на изученіи методовъ преподаванія въ средней школѣ и выработкѣ педагогическихъ приемовъ. Министерство надѣется, что съ измѣненіемъ учебныхъ плановъ въ упомянутомъ направленіи, эти scuole di magistéro станутъ настоящими разсадниками преподавателей для гимназій и лицеевъ, не конкурируя уже больше съ факультетами въ преслѣдованіи научныхъ цѣлей.

Сообразно съ этою новою цѣлью, положенною въ основаніе учебныхъ плановъ этихъ учительскихъ семинарій, въ нихъ обязательно будутъ преподаваться всѣ тѣ дисциплины, которыя входятъ въ программу среднеучебныхъ заведеній въ Италіи. Курсъ на обоихъ отдѣленіяхъ—историко-филологическомъ и физико-математическомъ—установленъ четырехлѣтній. Такъ какъ этотъ курсъ находится въ тѣсной связи съ университетскимъ, то онъ и подраздѣляется на два отдѣленія: старшее и младшее, сообразно съ требованіями, предъявляемыми студентамъ, при переходѣ на 3-й курсъ (esame della licenza

¹⁾ Regolamenti per le scuole di magistéro annesse alle facoltà di filosofia e lettere e di scienze matematiche, fisiche e naturali. Roma. 1889.

di facoltà) и на выпускномъ (esame per laurea). Занятія въ младшемъ отдѣленіи семинаріи (двухгодичный курсъ) должны готовить преподавателей для младшихъ классовъ среднеучебныхъ заведеній (для итальянскихъ гимназій—нашъ прогимназическій курсъ), для техническихъ школъ различныхъ типовъ (реальныхъ училища) и для высшихъ нормальныхъ училищъ (учительскихъ институтовъ). Въ старшемъ отдѣленіи (тоже двухгодичный курсъ) подготовляются учителя для лицеевъ, при чемъ въ программу входятъ все предметы итальянскаго лицейскаго курса.

Желательно было бы, по мнѣнію министра, открытіе еще 6-го курса въ Scuole di magistéro, не обязательнаго, но куда могли бы поступать окончившіе полный курсъ въ семинаріи, желающіе усовершенствоваться въ избранной специальности, подъ руководствомъ опытныхъ преподавателей семинаріи. Этотъ послѣдній проектъ еще не представленъ къ королевскому утвержденію.

Считаю не лишнимъ привести важнѣйшіе параграфы устава этихъ семинаріи.

Начнемъ съ физико-математической семинаріи:

При каждомъ физико-математическомъ факультетѣ учреждается „Scuole di magistéro“, раздѣленная на 4 секціи (отдѣленія) — математики, физики, химіи и естественныхъ наукъ. Отъ министра зависитъ открыть все 4 секціи сразу или только нѣкоторыя изъ нихъ.

Занятія въ семинаріи начинаются съ перваго курса для чистыхъ математиковъ, а для прочихъ специальностей факультета — съ 3-го курса и продолжаются—для математиковъ 4 года, для прочихъ—2 года

Занятія эти ведутся параллельно съ университетскими лекціями.

На математическомъ отдѣленіи 4 профессора

„ физическомъ	„	3	„	(физики, химіи и физической математики)
„ химическомъ	„	3	„	(„ „ и естеств. наукъ)
„ естественномъ	„	3	„	(ботаники, зоологін, минералогія и геологін).

Они назначаются министромъ на 2 года, по представленію высшаго совѣта министерства (Consiglio Superiore).

Каждый студентъ можетъ записаться одновременно только на одно отдѣленіе семинаріи. По выдержаніи экзамена на факультетѣ изъ другаго предмета, входящаго въ составъ какого-либо другаго отдѣленія (секціи), онъ можетъ записаться на этотъ предметъ въ соответствующее отдѣленіе. Лекціи по итальянской литературѣ обязательны въ теченіе одного года для студентовъ всѣхъ отдѣленій секціи.

Директоръ „Scuole di magistéro“ назначается министромъ на 3 года. Совѣтъ состоитъ изъ всѣхъ профессоровъ; онъ устанавливаетъ порядокъ экзаменовъ и утверждаетъ программы. Занятія по каждой учебной дисциплинѣ бывають не болѣе одного раза въ недѣлю. По окончаніи учебнаго года профессора представляютъ отчеты директору о своихъ занятіяхъ со студентами по ввѣренному имъ предмету и объ успѣхахъ студентовъ. Отчеты эти ежегодно съ приложеніемъ заключенія директора должны представляться министру. Кончившіе съ успѣхомъ курсъ въ „Scuole di magistéro“ получаютъ преимущественное право на занятіе мѣстъ преподавателей въ средне-учебныхъ заведеніяхъ. Не успѣвающіе студенты лишаются стипендій, если таковую получали, по обсужденіи въ „Consiglio Superiore“ и съ утвержденія министра ¹⁾.

Занятія въ „Scuole di magistéro“, открываемыя при каждомъ историко-филологическомъ факультетѣ, продолжаются также 4 года и начинаются съ 1-го же курса. Первые два года они состоятъ изъ упражненій по отечественному языку и литературѣ, по древнимъ языкамъ и по древней исторіи. Они обязательны для всѣхъ записавшихся на отдѣленіе семинаріи. Въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ занятія распределяются по слѣдующимъ 7 отдѣленіямъ (секціямъ): 1) италіанской филологіи, 2) латинской (римской) филологіи, 3) греческой филологіи, 4) исторіи, 5) географіи, 6) философіи, 7) педагогики. Отъ министра зависитъ открыть всѣ секціи или только нѣкоторыя.

Въ отдѣленіи италіанской филологіи преподаются: италіанскій языкъ и словесность, латинскій языкъ, сравнительное изученіе новолатинскихъ языковъ (романскихъ нарѣчій).

Въ отдѣленіи латинской филологіи преподаются: латинскій языкъ и словесность, сравнительное изученіе древнихъ языковъ, римская археологія, примѣнительно къ міеологіи, какъ пособіе при чтеніи классиковъ въ гимназіяхъ и лицейяхъ. Студенты этой секціи подвергаются экзамену по этимъ предметамъ на факультетѣ.

Въ отдѣленіи греческой филологіи преподаются: греческій языкъ и литература, сравнительное изученіе древнихъ языковъ и греческая археологія, примѣнительно къ гимназическому и лицейскому курсу.

¹⁾ Въ 1886—1887 академическомъ году такихъ стипендій выдано было всего 2100 лиръ на естественно-историческомъ отдѣленіи—4 студентамъ и 3900 лиръ на филологическомъ отдѣленіи—15 студентамъ. Эти свѣдѣнія касаются существовавшей до 1887 года Scuole di magistéro при Неаполитанскомъ университетѣ.

Въ отдѣленіи исторіи—древняя исторія, новая исторія, географія, примѣнительно къ историческому курсу средней школы. Студенты этой секціи посѣщаютъ лекціи по археологіи на факультетѣ.

Въ отдѣленіи географіи — географія, исторія примѣнительно къ курсу географіи, упражненія въ картографіи. Студенты посѣщаютъ въ теченіе одного года курсъ геологіи и статистики на соответствующихъ факультетахъ университета и держатъ по этимъ предметамъ экзамены.

Въ отдѣленіи философіи преподаются: философія теоретическая и нравственная, исторія философіи, педагогика.

Въ отдѣленіи педагогики—педагогика, нравственная философія. Студенты этой секціи посѣщаютъ одинъ годъ курсъ фізіологіи и гігіены на соответствующихъ факультетахъ и держатъ экзамены изъ этихъ предметовъ.

Всѣ студенты „Scuole di magistéro“ обязательно посѣщаютъ лекціи въ университетѣ по одному новому языку и подвергаются экзамену изъ этого языка. Нѣтъ сомнѣнія, что когда эти „Scuole di magistéro“ будутъ открыты, онѣ принесутъ пользу серьезною подготовкой будущихъ преподавателей.

Мнѣ представляется лишнимъ, останавливаться на другихъ, осматрѣнныхъ мною университетахъ—Туринскомъ и Генуезскомъ, такъ какъ они существенной разницы не представляютъ въ сравненіи съ Неаполитанскимъ; въ нихъ только число студентовъ значительно меньше, въ особенности въ Генуѣ. Но позволю себѣ сказать нѣсколько словъ о посѣщенной мною „Academia scientifica-litteraria“ въ Миланѣ. Она основана была въ 1859 году. Курсъ ея соответствуетъ историко-филологическимъ факультетамъ. Во всей Ломбардіи существуетъ только одинъ университетъ—Павійскій, и въ немъ до 1876 года не было историко-филологическаго факультета, поэтому съ 1859 по 1876 годъ Academia scientifica-litteraria была единственнымъ высшимъ учебнымъ заведеніемъ въ Ломбардской провинціи, гдѣ эти науки преподавались. Курсъ ея—четырёхлѣтній. Есть спеціальныи курсъ (трехлѣтній) новыхъ языковъ (французскаго и нѣмецкаго), посѣщаемый также и дѣвцами. Интерната при Academia нѣтъ, всѣ студенты приходяще. При академіи учреждены 10 стипендій для недостаточныхъ студентовъ, по 700 лиръ на студента ежегодно. Для полученія ея подвергаются конкурсному экзамену изъ отечественнаго языка, латинскаго языка и новой исторіи. Кромѣ того, существуютъ еще 4 стипендіи Миланской провинціи и 6 правительственныхъ.

Ежегодно тратится на учебный персоналъ 75,000 лиръ; въ фундаментальной библиотекѣ имѣется до 80,000 томовъ. Благодаря любезности директора Academia профессора Inama, я могъ осмотрѣть все учебное заведеніе и присутствовать на нѣкоторыхъ лекціяхъ, между прочимъ у знаменитаго лингвиста профессора Ascoli, занимающаго кафедру сравнительнаго языковѣдѣнія. Преподаваніе вездѣ академическое, такъ какъ Academia scientifica-litteraria имѣетъ въ виду чисто научныя цѣли, а не педагогическія, и не подготовляетъ учителей для среднеучебныхъ заведеній. Въ 1888 — 1889 академическомъ году было на всѣхъ 4 курсахъ 37 студентовъ, записалось на курсы новыхъ языковъ 29, изъ нихъ 20 дѣвицъ.

Командоръ Bodio сообщилъ мнѣ, между прочимъ, еще нѣсколько цифровыхъ данныхъ, касающихся специальныхъ высшихъ учебныхъ заведеній въ Италіи, а именно слѣдующія:

На содержаніе учебнаго персонала во всѣхъ специальныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Италіи (кромѣ университетскихъ) тратится ежегодно 6.956,838 лиръ,

На содержаніе зданій, лабораторій, кабинетовъ, освѣщеніе, канцелярію и проч. 2.279,376 „

На пособія, пенсіи, преміи и проч. 205,486 „

Итого. 9.441,700 „

Экстраординарныхъ расходовъ до 1.148,299 „

Итого. 10.589,999 лиръ.

На пополненіе библиотекъ специальныхъ высшихъ заведеній ежегодно тратится 1.367,328 лиръ

Такимъ образомъ правительство тратитъ ежегодно на высшія спеціальныя учебныя заведенія около 12 милліоновъ.

На пополненіе этой суммы получается ежегодно пособій отъ различныхъ провинцій и коммунъ, въ коихъ находятся эти заведенія, до 800,000 лиръ и отъ взноса платы за слушаніе лекцій до 400,000 „

Итого 1.200,000 лиръ;

Вся остальная сумма (10.800,000 лиръ) всецѣло лежитъ на бюджетѣ министерства, изъ чего видно, что онъ очень великъ по разряду специальныхъ высшихъ учебныхъ заведеній.

Графъ А. Мускиъ-Пушкинъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Неаполитанскій университетъ.

I. Tabella delle tasse universitarie.

Fascia e corsi speciali.	T A S S E.				Sopratas- so annua di esame.
	Anni di studio.	Impatri- colazione.	Iscrizione annua.	Diploma.	
Filosofia e Lettere.	4	L. 40	L. 75	L. 60	L. 12.50
Giurisprudenza.	4	" 40	" 165	" 60	" 25 —
Medicina e Chirurgia.	6	" 40	" 110	" 60	" 16.67
Scienze fisiche, naturali e matematiche per gli aspiranti alle lauree.	4	" 40	" 75	" 60	" 12.50
Fisico-matematica per gli aspiranti al diploma d'Ingegneria	2	" 40	" 132	" —	" 20 —
Chimica e Farmacia.	5	" 40	" 60	" 60	" 10 —
Corso per Notai e Procuratori ¹⁾	2	" 30	" 50	" 20	" 25 —
" " Farmacisti ²⁾	4	" 30	" 25	" 20	" 12.50
" " Levatrici ²⁾	2	" 15	" 20	" 10	" 12 —
" " Flebotomi ³⁾	1	" 15	" 20	" 10	" 12 —

¹⁾ Farmacisti — фармацевты.

²⁾ Levatrici — акушерки и повивальныя бабки, готовящіяся въ дѣлному при университетѣ.

³⁾ Flebotomi — пускающіе кровь.

по окончаніи курса юри- дическихъ наукъ, нота- ріату. Они получаютъ дипломъ, дающій имъ право открыть нотаріаль- ную контору.

II. Riassunto delle somme concesse a titolo di dispensa dalle Tasse agli studenti nell' anno scolastico 1886—87.

	Numero degli Studenti e indicazione delle Tasse.										Totale.
	Immatricolazione.		Iscrizione.		Esame.		Diploma.		Numero dei dispensati.		
	Num.	Somme pagate.	Num.	Somme pagate.	Num.	Somme pagate.	Num.	Somme pagate.	Num.	Somme pagate.	
Lettere	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Filosofia	—	—	1	75.00	1	12.50	1	60.00	1	147.50	—
Giurisprudenza	3	110.00	32	5165.00	32	800.00	8	480.00	32	6555.00	—
Scienze Naturali	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Matematica	—	—	3	225.00	3	37.50	2	120.00	3	382.50	—
Chimica	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Fisica	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Applicazione per gl' ingegneri	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Medicina e Chirurgia	2	80.00	6	792.00	6	120.00	—	—	6	992.00	—
Farmacologia	—	—	63	6830.00	63	1050.21	1	60.00	63	8120.21	—
Ostetricia	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Totale	7	270.00	105	13187	105	2020.21	12	720.00	105	L. 16.197.21	

III. Riassunto delle somme concesse a titoli di sussidio agli Studenti nell'anno scolastico 1886—87.

C O R S I.		Numero degli Studenti sussidiati.	Sussidii concessi.
Giurisprudenza		46	2660
Medicina e chirurgia		71	3335
Lettere e filosofia		7	370
Scienze matematiche, fisiche e naturali.	{ Matematica Ingegneria Fisica Chimica Scienze naturali	—	—
	—	18	1098
	—	—	—
	—	—	—
	—	—	—
Notai e procuratori		—	—
Chimica e farmacia		—	—
Farmacia		—	—
Ostetricia per levatrice		9	233
Totali №		151	L. 7896

Numero d' ordine.	C O R S O .														
	Anno 1 ^o .		Anno 2 ^o .		Anno 3 ^o .		Anno 4 ^o .		Anno 5 ^o .		Anno 6 ^o .		T o t a l i .		
	Studenti.	Uditori a corsi singoli.	Totale.	Studenti.	Uditori a corsi singoli.	Totale.	Studenti.	Uditori a corsi singoli.	Totale.	Studenti.	Uditori a corsi singoli.	Totale.	Studenti.	Uditori a corsi singoli.	Totale generale.
1 di filosofia e lettere	39	—	39	28	15	27	—	—	—	109	—	109	—	—	109
2 di giurisprudenza	351	5	356	415	367	351	—	—	—	1484	5	1489	—	—	1489
3 di notariato e procura	55	—	55	46	—	—	—	—	—	101	—	101	—	—	101
4 di matematica per gli aspiranti ingegneri	115	12	127	110	—	—	—	—	—	225	12	237	—	—	237
5 di chimica	—	—	—	1	2	—	—	—	—	3	—	3	—	—	3
6 di scienze naturali	15	1	16	4	5	5	—	—	—	29	1	30	—	—	30
7 di medicina e chirurgia	277	4	281	273	261	269	264	249	249	1593	4	1597	—	—	1597
8 di ostetricia per le levatrici	32	—	32	16	—	—	—	—	—	48	—	48	—	—	48
9 di chimica e farmacia	1	—	1	2	3	2	—	—	—	8	—	8	—	—	8
10 di farmacia	166	—	166	96	80	120	—	—	—	462	—	462	—	—	462
11 di matematica per gli aspiranti alla laurea	3	—	3	6	16	15	—	—	—	40	—	40	—	—	40
12 di fisica	5	—	5	—	4	3	—	—	—	12	—	12	—	—	12
Totali	1059	22	1081	997	753	992	284	249	4114	22	—	4136 ¹⁾	—	—	4136 ¹⁾

¹⁾ In questo numero non sono compresi gli Studenti iscritti alla Scuola di Applicazione per gli Ingegneri.

V. Orario delle Scuole normali Superiori.

Предметы преподаванія.	Число часовъ въ недѣлю въ классахъ.					
	I.	II.	III.	Итого.		
Педагогика	2	3	2	7	Въ женскихъ нормальныхъ школахъ въ каждомъ классѣ два раза въ недѣлю преподаются уроки рукодѣлія.	
Отечественный языкъ	6	5	5	16		
Арифметика и геометрія	2	2	2	6		
Естественная исторія	3	3	4	10		
Отечественная исторія	2	2	2	6		
Географія политическая	1	1	1	3		
Курсъ „правъ и обязанностей“	1	1	1	3		
Рисованіе	3	2	2	7		
Каллиграфія	2	2	1	5		
Гимнастика	2	2	2	6		
Пѣніе	1	1	1	3		
Упражненія въ начальномъ училищѣ.	3	4	5	12		
Итого	28	28	28	84		

Orario delle Scuole normali inferiori.

Предметы преподаванія.	Число часовъ въ недѣлю въ классахъ			
	I.	II.		
Педагогика	2	3	Въ женскихъ нормальныхъ школахъ въ каждомъ классѣ два раза въ недѣлю преподаются уроки рукодѣлія.	
Отечественный языкъ	6	5		
Арифметика и геометрія	2	2		
Естественная исторія	3	3		
Отечественная исторія	2	2		
Географія политическая	1	1		
Курсъ о „правахъ и обязанностяхъ“	1	1		
Рисованіе	3	2		
Каллиграфія	2	2		
Гимнастика	2	2		
Пѣніе	1	1		
Упражненія въ начальномъ училищѣ;	3	4		
Итого	28	28		

Orario per le Classi del Corso preparatorio.

Предметы преподаванія.	Число часовъ въ недѣлю въ I и II классахъ.
Италянскій языкъ	9
Арифметика	3
Естественная исторія	2
Отечественная исторія	2
Географія	2
Рисованіе	2
Каллиграфія	2
Гимнастика	2
Пѣніе	1
Итого	25

VI. Учебный планъ для гимназій 1898 года.

Предметы преподаванія.	Недѣльные часы.				
	классы:				
	I.	II.	III.	IV.	V.
Италянскій языкъ	7	7	7	5	6
Латинскій языкъ	7	7	7	6	5
Греческій языкъ	—	—	—	3	3
Отечественная исторія	2	2	2	—	—
Древняя исторія	—	—	—	3	3
Новая географія	2	2	2	—	—
Древняя географія	—	—	—	1	1
Элементы естествовѣднія	—	—	—	2	2
Ариѳметика и геометрія	2	2	2	2	2
Итого	20	20	20	22	22

Учебный планъ для лицеевъ 1888 года.

Предметы преподаванія.	Недѣльные часы.		
	классы:		
	I.	II.	III.
Италянскій языкъ	5	4	4
Латинскій языкъ	5	3	3
Греческій языкъ	3	3	3
Средневѣковая и новая исторія	3	3	3
Историческая географія	1	1	1
Философія	2	2	2
Математика	3	3	3
Физика и элементы химіи	—	3	4
Естественная исторія и физическая географія	2	2	1
Итого	24	24	24

VII. Прежній учебный планъ 1884 года, измененный въ 1888 году, былъ слѣдующій:

Для гимназій.

Предметы преподаванія.	Недѣльные часы.				
	КЛАССЫ:				
	I.	II.	III.	IV.	V.
Италянскій языкъ	8	8	7	6	6
Латинскій языкъ	9	8	8	5	5
Греческій языкъ	—	—	—	5	5
Географія	3	4	1	—	1
Исторія	—	—	4	4	4
Элементы естественной исторіи	—	—	—	2	2
Арифметика и геометрія	2	2	2	3	3
Итого	22	22	22	25	25

Для лицеевъ.

Предметы преподаванія.	Недѣльные часы.		
	КЛАССЫ:		
	I.	II.	III.
Италянскій языкъ	5	4	3
Латинскій языкъ	4	4	4
Греческій языкъ	4	3	3
Исторія	6	4 ¹ / ₂	4 ¹ / ₂
Математика	4	3	4
Физика и химія	—	4	4
Естественная исторія и физическая географія	2	2	2
Философія	2	3	3
Итого	27	27¹/₂	27¹/₂

ПО ПОВОДУ ПРЕДПОЛАГАЕМАГО РУССКАГО УЧЕБНАГО ИЗДАНІЯ КЛАССИЧЕСКИХЪ АВТОРОВЪ.

Amicus Plato, sed magis amica veritas.

Въ октябрѣ прошлаго года появилось объявленіе, озаглавленное такъ: „Объ изданіи иллюстрированнаго собранія греческихъ и римскихъ классиковъ съ объяснительными примѣчаніями, подъ редакціей Льва Георгіевскаго и Сергѣя Манштейна“.

Всякій, кому дороги интересы классицизма въ Россіи, съ сочувствіемъ встрѣтитъ мысль объ изданіи цѣлой серіи классическихъ писателей съ русскими комментаріями. У насъ находится, правда, въ обращеніи довольно изрядное число комментированныхъ изданій древнихъ авторовъ, но огромное большинство пособій этого рода представляетъ изъ себя неискusstныя передѣлки нѣмецкихъ изданій, составленныя притомъ иногда крайне оплошно и неряшливо. Достаточно вспомнить изданія г. Нагуевскаго, въ которыхъ не только комментаріи, но и изложеніе содержанія даннаго произведенія, представляютъ грубый переводъ на языкъ, которымъ плохо владѣетъ переводчикъ, не умѣющій къ тому же вдуматься и понять надлежащимъ образомъ ни свой латинскій, ни нѣмецкій оригиналъ. Плохимъ качествомъ подобныхъ изданій содѣйствуетъ также не мало и отсутствіе единства, хотя бы и внѣшняго, въ самомъ предпріятіи. Гг. Л. Георгіевскій и С. Манштейнъ берутся устранить это неудобство, общіяя цѣлую серію изданій, которая будетъ выходить подъ ихъ отвѣтственною редакціей.

Еслибы редакторы будущей коллекціи ограничились простымъ извѣщеніемъ объ имѣющихъ выйдти въ свѣтъ выпускахъ ихъ изданія, то намъ оставалось бы ждать появленія первыхъ образцовъ ихъ сборника, чтобы на опытѣ имѣть возможность пробѣрить качества и количество собственнаго труда редакторовъ и участниковъ этого предпріятія. Но гг. редакторы объявленіемъ не ограничились. Они предпослали перечисленію готовящихся къ изданію книгъ древнихъ авторовъ и именъ лицъ, которыя приняли на себя это дѣло, пространное объявленіе, притомъ способное вызвать у всякаго, кто прочтетъ его со вниманіемъ, грустныя мысли о состояніи преподаванія древнихъ языковъ въ нашихъ гимназіяхъ и, главное, о преподавателяхъ этихъ предметовъ.

Обращеніе гг. редакторовъ къ публикѣ начинается съ указанія на всеобщее признаніе полезности комментированныхъ изданій древнихъ классиковъ, при чемъ сдѣланы ссылки на „лучшихъ педагоговъ“ и на наше министерство народнаго просвѣщенія. Вслѣдъ затѣмъ перечислены извѣстныя коллекціи комментированныхъ изданій, существующія въ западно-европейской филологической литературѣ (Longmans and Simpkin, Gassetz, Teubner, Weidmann, Bibliotheca Gothana), и дана общая характеристика существующихъ у насъ комментированныхъ изданій. Но предоставимъ слово самимъ гг. редакторамъ, обѣщающимъ обогатить насъ подобною хорошо и надежно исполненною коллекціей. Вотъ что говорятъ они:

„Наша русская классическая школа находится, къ сожалѣнію въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, далеко не въ столь благоприятныхъ условіяхъ, какъ западно-европейская. Въ нашей педагогической литературѣ существуетъ, правда, нѣсколько весьма почтенныхъ изданій классиковъ съ объяснительными примѣчаніями, но почти всѣ они страдаютъ хотя и внѣшнимъ, но все же весьма существеннымъ въ педагогическомъ отношеніи недостаткомъ, а именно, комментарий помѣщенъ въ нихъ непосредственно подъ текстомъ произведенія, что, какъ извѣстно изъ школьной практики, даетъ менѣе добросовѣстнымъ ученикамъ поводъ и возможность уклоняться при домашнемъ приготовленіи отъ ознакомленія съ содержаніемъ комментарія, въ томъ разчетѣ, что они всегда успѣютъ сдѣлать это на урокѣ при переводѣ заданнаго отрывка ¹⁾). Кромѣ того, нѣ-

¹⁾ И однако въ Германіи и Франціи такимъ остается и доселѣ видъ ком-

которыя изъ русскихъ комментированныхъ изданій, являясь черезчуръ точнымъ сколкомъ съ нѣмецкихъ, оказываются не вполне согласованными съ дѣйствительными потребностями русской школы, а нѣкоторыя изъ нихъ много теряютъ и вслѣдствіе недостаточной привлекательности своей внѣшности, которая играетъ въ школьномъ дѣлѣ немаловажную роль“.

Послѣ этихъ довольно безсодержательныхъ соображеній гг. редакторы продолжаютъ такъ:

„Какъ бы то ни было, нельзя не признать великой заслуги за всѣми педагогами, которые издашемъ древнихъ авторовъ съ примѣчаніями старались вдохнуть въ преподаваніе древнихъ языковъ новую жизнь и новый смыслъ, и нельзя не пожалѣть всюю душою о томъ, что ихъ труды не всегда находили себѣ достаточно широкое распространеніе. Вина въ этомъ падаетъ, безъ всякаго сомнѣнія, на тѣхъ изъ начальниковъ и преподавателей нашихъ гимназій и прогимназій, которые, по непониманію истинныхъ задачъ классическаго образованія или вслѣдствіе ошибочнаго толкованія извѣстнаго министерскаго циркуляра отъ 12-го августа 1873 года, требовали, чтобъ ученики пріобрѣтали себѣ непремѣнно одинъ лишь текстъ древнихъ авторовъ въ заграничномъ изданіи Тейбнера, и черезъ это лишали нашу школу такого необходимаго пособія при чтеніи греческихъ и римскихъ классиковъ, какъ комментированныя изданія. Между тѣмъ означеннымъ циркуляромъ министерство имѣло въ виду лишь облегчить учебнымъ заведеніямъ пріобрѣтеніе исправныхъ (курсивъ въ подлинникѣ) текстовъ классическихъ писателей и отнюдь не исключало пользованія комментаріями, что лучше всего доказывается тѣмъ, что нѣкоторыя изданія съ комментаріями были имъ даже рекомендованы“.

Удивительное дѣло, какъ это могли сотоварищи гг. редакторовъ по школьному дѣлу такъ заблуждаться на счетъ смысла министерскаго циркуляра отъ 12-го августа 1874 года, если отъ нихъ не было тайной то, что сообщено въ концѣ приведенной тирады? Гг. редакторы обвиняютъ ихъ въ усердіи не по разуму и скорбятъ при этомъ о маломъ спросѣ на изданія, подобное коимъ намѣрены они

ментированныхъ изданій, и никто, значитъ, еще не пришелъ тамъ къ тому наблюденію, которое сдѣлано гг. Л. Георгиевскимъ и С. Мавштейномъ.

теперь выпустить въ свѣтъ сами. Не знаемъ, въ какой степени гг. редакторы правы касательно перваго и искренни на счетъ втораго, но не будемъ спорить и повѣрять, что дѣло было дѣйствительно такъ, какъ они о томъ сѣтуютъ. Послѣдствія неразумной ревности директоровъ и преподавателей были, по ихъ словамъ, ужасны. Мы онять должны предоставить слово гг. редакторамъ:

„Легко можно себѣ представить, какъ печальны должны были быть послѣдствія упомянутаго недоразумѣнія! Ученики, читая авторовъ незначительными отрывками и утомляясь безконечною, непосильною подчасъ для ученика борьбою какъ съ формальными, такъ и реальными трудностями текста, выносили верѣдко изъ чтенія образцовыхъ писателей классической древности не высокое эстетическое наслажденіе, какъ бы слѣдовало ожидать, а напротивъ горькое отвращеніе какъ къ древнимъ классикамъ, такъ и къ древнимъ языкамъ, и, наконецъ (?) стали прибѣгать къ разнымъ неопозволеннымъ пособиямъ, которыя извѣстны подъ именемъ подстрочныхъ переводовъ, и количество которыхъ достигло въ наше время по истинѣ ужасающихъ размѣровъ“.

Итакъ, представители учебнаго вѣдомства, какими съ полнымъ правомъ можемъ мы назвать гг. редакторовъ ¹⁾, констатируютъ несостоятельность нашей гимназій въ ея трудахъ по насажденію классицизма. Мы не можемъ съ ними вполне согласиться и думаемъ, что гг. педагоги слишкомъ уже сгустили краски. Но они нашли панацею болѣзни, въ которой пребываетъ нашъ гимназическій классицизмъ, и вотъ какъ они о томъ возвѣщаютъ:

„Желая сдѣлать противовѣсъ этому страшному бичу нашей (!?) серьезной школы, а главное—оживить чтеніе греческихъ и римскихъ классическихъ писателей, сдѣлавъ его болѣе доступнымъ и интереснымъ для учениковъ, а черезъ это и болѣе обильнымъ и плодотворнымъ, мы рѣшились предпринять изданіе полного иллюстрированнаго собранія греческихъ и римскихъ классиковъ съ объяснительными примѣчаніями (разставка въ подлинникѣ) по выработанному нами общему единообразному плану“.

„Къ величайшей нашей радости, начинаніе наше встрѣтило жа-

¹⁾ Г. Левъ Георгіевскій—директоръ Царскосельской гимназій, а г. С. Мамштейнъ состоитъ въ ней преподавателемъ.

вое сочувствіе какъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, такъ и во многихъ русскихъ филологахъ, которые съ полною готовностью отозвались на наше приглашеніе украсить своими трудами предпринимаемое нами изданіе. Считаемо пріятнымъ долгомъ поименовать въ алфавитномъ порядкѣ, съ чувствомъ сердечной благодарности, тѣхъ изъ нихъ, труды которыхъ имѣютъ войти въ составъ первой серіи нашего изданія*. Далѣе слѣдуетъ списокъ 16 именъ, изъ которыхъ пять принадлежатъ профессорами нашихъ университетовъ (гг. Зѣлинскій, Латышевъ, Нетушилъ, Сонни, Шеборъ).

Отъ души радуемся, что панацея найдена, и что предполагаемая серія изданій будетъ „украшена“ не только трудами господъ преподавателей разныхъ гимназій, но также и людей съ прочно установленною ученою репутаціей. Конечно, профессора университетовъ бываютъ часто некомпетентны въ сужденіи о томъ, что собственно нужно для средней школы, но врядъ ли однако наши почтенные товарищи, которыхъ труды (если только они появятся) могутъ дѣйствительно украсить любую подобную серію, а не только будущую Bibliotheca Petropolitana, нуждаются въ рекомендаціи своихъ произведеній со стороны гг. Льва Георгіевскаго и С. Манштейна, и врядъ ли они будутъ благодарны имъ за то, что ихъ уважаемыя имена фигурируютъ въ такой по истинѣ рекламѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ искренно негодуютъ гг. редакторы противъ зла подстрочниковъ, этого „бича нашей серьезной школы“, какъ они выражаются не безъ претензій, быть можетъ, на слогъ древняго оратора! Но вѣдь, однако, кто же не знаетъ, что въ западной Европѣ существуетъ гораздо болѣе обильная литература подобныхъ изданій? Произведенія этого рода обращаются въ изобиліи и у насъ, каковы нѣмецкая Schulfreund's-Bibliothek и издаваемая Гашеттомъ коллекція: *Les auteurs latins* и *Les auteurs grecs, avec des sommaires et des notes par une société de professeurs*“. По типу этихъ изданій сочиняются и наши подстрочники, а чаще, вѣроятно, непосредственно съ нихъ переводятся. Но какой однако педагогъ на западѣ будетъ такъ близорукъ, чтобы видѣть въ существованіи этой литературы „страшный бичъ школы“? Конечно, всякій признаетъ, что въ дѣлѣ школьнаго ученія подобныя изданія неудобны и вредны. Они слишкомъ облегчаютъ „приготовленіе урока“, а потому пользованіе ими, освобождая учащагося отъ всякаго собственнаго усилія понять фразу древняго писателя, лишаетъ его тѣмъ самымъ возможности приобрѣсти навыкъ въ сво-

бодномъ пониманіи древняго текста. Но развѣ на западѣ, гдѣ подстрочники и числомъ гораздо обильнѣе, и по цѣнѣ доступнѣе, чѣмъ у насъ, какой-либо представитель педагогическаго міра станетъ такъ забавно вопить противъ подстрочниковъ? Или вся разница въ томъ, что на западѣ нѣтъ недостатка въ комментированныхъ изданіяхъ, а у насъ ихъ не много, и что ихъ изгоняли изъ гимназій? Конечно, нѣтъ! А разница въ томъ, что на западѣ учителя знаютъ свое дѣло и учатъ, а въ Россіи школьные порядки ставятъ вопросъ объ ученіи, къ сожалѣнію, совершенно иначе.

У насъ учитель древнихъ языковъ, который по праву носитъ имя учителя, есть довольно рѣдкое исключеніе. Огромному большинству лицъ, исполняющихъ эти обязанности, имя учителя усвоивается лишь по традиціи, и было бы большимъ недоразумѣніемъ предполагать о нихъ, что ихъ роль въ классѣ соответствуетъ термину „учитель“. Если судить по преобладающему общему типу, то въ настоящее время русское слово учитель слѣдовало бы передавать на латинскій языкъ никакъ не черезъ *praesceptor*, а пожалуй *inquisitor*, отъ *inquirere*, что значитъ: выспрашивать, развѣдывать. Учитель у насъ есть вѣчный экзаменаторъ. Его обязанность—задать урокъ и поставить отмѣтку. Чѣмъ больше отмѣтокъ заноситъ онъ въ классный журналъ, тѣмъ онъ, значитъ, рачительнѣе ведетъ свое дѣло. Такъ какъ учитель не учитъ учениковъ, а только обязанъ стараться заставить ихъ учиться, то вполне естественно, что свою дѣятельность въ классѣ онъ обращаетъ въ уловленіе ученическаго незнанія, которое немедленно протоколируется выставленіемъ балла въ журналъ въ графѣ, соответствующей данной фамиліи. Удавливаніемъ незнанія исчерпывается у большинства учителей ихъ отношеніе къ дѣлу ученія. Вотъ гдѣ причина того, что у насъ на Руси такъ всеобще распространено репетиторство. Заботливые родители приглашаютъ репетиторовъ къ своимъ дѣтямъ, не только пока тѣ состоятъ въ младшихъ классахъ и еще не освоились со школьною дисциплиною или нуждаются въ помощи по какимъ-нибудь особымъ обстоятельствамъ; репетиторство не прекращается и тогда, когда ученики состоятъ въ старшихъ классахъ и нерѣдко до седьмаго и даже восьмаго — увѣ, это всѣмъ извѣстные факты!—класса. Если дѣло учителя сведено къ задаванію урока и затѣмъ уловленію познанія, то иначе и быть не можетъ. Если нѣтъ репетитора, то въ замѣнъ появляются на помощь подстрочники. Въ борьбѣ съ

этимъ „бичемъ нашей серьезной школы“ безсилны не только всѣ нынѣ существующія комментированныя изданія древнихъ авторовъ, но безсилою окажется и та будущая коллекція изданій этого рода, которую предпринимають гг. Георгіевскій и Манштейнъ. Какъ хороши ни оказались бы ихъ изданія, подстрочники останутся жить въ школахъ. И если количество этихъ послѣднихъ, какъ увѣряютъ гг. Георгіевскій и Манштейнъ, „достигло въ наше время по истинѣ ужасающихъ размѣровъ“, то на будущее время съ полною увѣренностью можно предсказать дальнѣйшее увеличеніе этого „ужасающаго“ количества.

Дѣло классицизма въ гимназій будетъ стоять все на томъ же низкомъ уровнѣ, какъ нынѣ, пока для русскаго слова учитель латинскій переводъ будетъ *inquisitor*. Къ сожалѣнію, на этомъ уровнѣ пониманія своихъ обязанностей стоятъ и гг. редакторы будущей коллекціи древнихъ авторовъ. Въ этой серіи изданій они хлопочуть о томъ, чтобъ отнять у ученика „возможность уклоняться при домашнемъ приготовленіи отъ ознакомленія съ содержаніемъ комментарія“, съ каковою цѣлью они вознамѣрились помѣстить его не внизу подъ текстомъ, какъ то общепринято, а послѣ текста, въ другой половинѣ книги. Важность ихъ тона, когда они говорятъ объ этомъ ничтожномъ внѣшнемъ измѣненіи вида изданія, вызываетъ по истинѣ удивленіе относительно гг. редакторовъ, какъ педагоговъ. Они хлопочуть прежде всего о томъ, какъ ученикъ готовитъ дома свой урокъ. Безмѣрно важнѣе другой вопросъ: какъ проходитъ этотъ урокъ, какъ даютъ его въ классѣ гг. педагоги. Пока учитель не совлечетъ съ себя привычнаго и удобнаго халата *inquisitor*'а, до тѣхъ поръ никакое изданіе, какъ бы хороши ни были въ немъ комментаріи и даже иллюстраціи, не выдержитъ конкуренціи съ подстрочниками, ибо послѣдній скажетъ все-таки больше и проще, чѣмъ самое лучшее изданіе съ комментаріемъ. Конечно, быть учителемъ гораздо труднѣе, нежели оставаться въ роли инквизитора. Заставлять дѣтей и юношей учиться въ классѣ—дѣло, требующее великаго напряженія, постоянного вниманія, приспособленія и опытности, тогда какъ халатъ инквизитора освобождаетъ педагога отъ всякой работы, позволяетъ ему часто при полномъ незнаніи разыгрывать роль авторитета и нещадно ставить плохіе баллы за не выученный урокъ, провѣряя отвѣтъ ученика хотя бы даже по открытой книгѣ.

Такого рода порядки въ нашей школѣ содѣйствовали образованію типа „инквизитора“, который замѣщаетъ живую душу класса, лицо

учителя. Самый типъ, конечно, имѣетъ исконную древность въ школахъ, ибо въ средѣ педагоговъ всегда была и будетъ тенденція замѣнять трудное дѣло ученія простымъ спрашиваніемъ заданнаго урока ¹⁾). Но желательно, чтобъ общія распоряженія администраціи именно преграждали возможность такого простаго взгляда на высокія учительскія обязанности. Уврачеваніе нашей современной школы—дѣло сложное, и претензія предлагать панацею со стороны гг. Георгіевскаго и Манштейна, не выходящихъ въ своихъ представленіяхъ объ обязанностяхъ учителя дальше заботы, какъ ученики готовятъ дома свои уроки, и не уразумѣвшихъ, гдѣ причина распространенія „ужасящихъ“ ихъ подстрочниковъ, этого, по ихъ словамъ, „страшнаго бича школы“, — претензія эта заслуживаетъ только сожалѣнія. Господамъ педагогамъ надлежитъ побольше думать о томъ, что ученикъ дѣлаетъ въ классѣ. Тогда и начнетъ у насъ поправляться дѣло, котораго не исправятъ никакія хорошія комментированныя изданія

¹⁾ Хотя это утвержденіе и не нуждается въ доказательствахъ, но позволимъ себѣ однако привести одну историческую справку. Знаменитый митрополитъ Литовскій Юсифъ Сьмашко, рассказывая въ своей автобіографіи о годахъ ученія въ „Немеровскихъ гимназіальныхъ училищахъ“, говоритъ между прочимъ слѣдующее о тогдашнихъ учителяхъ:

„Теперь едва ли поймутъ, какіе въ прежнія времена были учителя. Однѣ изъ нихъ, добрый старичекъ, не знаю, бывалъ ли въ классѣ и четверть урочнаго времени. Я у него былъ первымъ почти цѣлый годъ, въ званіи auditor auditorum, то-есть, наблюдалъ и отмѣчалъ знаніе уроковъ аудиторамъ, исполнявшими подобную обязанность въ отношеніи прочихъ учениковъ. Помню, какъ онъ, бывало, въ самомъ началѣ урока скажетъ мнѣ: *слушай, Сьмашко*, а самъ отправляется въ училищныя сѣни, гдѣ часто весь урокъ праводитъ съ другими учителями въ шумныхъ разговорахъ. Тогда ученики начинаютъ трепать поочередно урокъ, громко, наизусть или по книгѣ, какъ попало. Разумѣется, двѣнадцатилѣтній мальчикъ, я не могъ соблюсти порядка между семидесятью моими соучениками, изъ которыхъ половина могла носить меня на рукахъ. Часто поднимается шумъ и гвалтъ. Тогда отворяются изъ сѣней двери, показывается голова учителя съ громкимъ словомъ: *молчать*—и все по прежнему: учителя расхваливаютъ, а мы треплемъ урокъ. Къ концу является въ классъ мой учитель: если есть еще время, просматриваетъ замѣтки о знаніи уроковъ, наказываетъ не знавшихъ, и наконецъ, беретъ учебникъ и назначаетъ ногтемъ слѣдующій урокъ, говоря: *съ этою мѣсто по это*. Подобнымъ образомъ обращался онъ не только съ уроками, обыкновенно заучиваемыми наизусть, но даже съ арифметикою и географіею“. Записки Юсифа митрополита Литовскаго. Томъ I. С.-Пб. 1883, стр. 8.

древнихъ авторовъ... Бѣда не въ книгахъ и не въ томъ, какъ ученики готовятъ уроки дома, а въ людяхъ и въ томъ, что дѣлается въ классѣ ¹⁾...

Юліанъ Кудамовичъ.

¹ Отчеты отдѣльныхъ гимназій могутъ дать, въ сожалѣнію, наглядное доказательство справедливости нашихъ сѣтованій. Позволимъ себѣ привести нѣкоторые данныя хотя бы изъ недавно опубликованнаго „Отчета о состояніи Императорской Николаевской гимназій въ Царскомъ Селѣ“ за 1887—1888 годъ. Изъ таблицы, помѣщенной на стр. 12, оказывается, что изъ общаго числа учениковъ гимназій, 208 человекъ, въ 1887 году перешло въ высшіе классы 116 и осталось на второй годъ въ тѣхъ же классахъ 93 человекъ. Въ маѣ мѣсяцѣ 1888 года удостоено перевода изъ общаго числа, 191 человекъ, только 97 человекъ, какъ значится на стр. 38 „Отчета“, или 50,12% всѣхъ учащихся въ гимназій. Такая поразительная малоуспѣшность тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что число учениковъ въ отдѣльныхъ классахъ крайне незначительно. Къ началу переводныхъ и окончательныхъ испытаній состояло въ 1888 году, какъ значится на стр. 12 „Отчета“, по 10 человекъ въ VI и VIII классахъ, 11—въ VII, 12—въ V, 23—въ приготовительномъ, 24—въ IV, 28—въ III, 33—во II, 40—въ I-мъ. И при такой малочисленности классовъ дѣло обученія шло однако слабо, такъ что, напримѣръ, въ V классѣ оставлено на второй годъ пять человекъ и переведено 7, въ III классѣ оставлено на второй годъ десять и переведено 17. Мы наизвѣстно указываемъ на тѣ классы, гдѣ нѣтъ экзаменовъ, и отмѣтки, полученные въ теченіе учебнаго года, служатъ основаніемъ для перевода въ высшій классъ. На страницахъ 36, 37 и 38 очень обстоятельно сообщено о числѣ неудовлетворительныхъ отмѣтокъ, полученныхъ учениками всѣхъ классовъ въ четвертныхъ вѣдомостяхъ объ ихъ успѣхахъ по отдѣльнымъ предметамъ....

СОВРЕМЕННАЯ ЛЪТОНИСЬ.

ПЯТИДЕСЯТИЛЪТІЕ ИМПЕРАТОРСКАГО ОДЕССКАГО ОБЩЕ- СТВА ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ.

14-го ноября 1889 года состоялось празднованіе пятидесятилѣтняго юбилея одного изъ старѣйшихъ нашихъ ученыхъ обществъ—Одесскаго Общества исторіи и древностей.

Мысль объ учрежденіи въ Одессѣ общества для изученія древностей Новороссійскаго края принадлежитъ одному изъ мѣстныхъ археологовъ—И. А. Стемпковскому, который самъ не мало потрудился на этомъ поприщѣ; въ 1839 году представители ученой корпораціи въ Одессѣ — полечитель Одесскаго учебнаго округа Д. М. Бняжевичъ, директоръ Ришельевскаго лицея Н. Н. Мурзакевичъ, профессоръ того же лицея Н. И. Надеждинъ, А. С. Струдза и другіе — возбудили ходатайство объ учрежденіи такого общества въ Одессѣ. Бывшій въ то время Новороссійскимъ генераль-губернаторомъ, графъ М. С. Воронцовъ представилъ ходатайство ихъ императору Николаю Павловичу, и государь, повелѣніями отъ 31-го октября и 14-го ноября 1839 года, соизволилъ утвердить уставъ Общества и повелѣтъ производить изъ государственнаго казначейства ежегодно по 5,000 руб. для содѣйствія его дѣльямъ, а кромѣ того, даровалъ Обществу покровителя въ лицѣ наследника цесаревича Александра Николаевича.

Первое торжественное засѣданіе Общества происходило 4-го февраля 1840 года. Въ засѣданіи этомъ намѣчены были задачи будущей части ссѣхуіі, отд. 4.

дущей дѣятельности Общества. Избранный президентомъ Д. М. Княжовичъ въ рѣчи своей при открытіи засѣданія справедливо сказалъ: „Край, избранный нами для историческихъ разысканій, богатъ памятниками безгласными, нѣмыми. Памятники эти имѣютъ то неоспоримое значеніе, что они суть древнѣйшіе и достовѣрнѣйшіе. Памятники эти — курганы или могилы, разсыпанные по всему краю южной Россіи. Слово человѣческое, конечно, вразумительнѣе и краснорѣчивѣе, но оно и является позже, и притомъ способнѣе ко лжи. Удобнѣе для намѣренныхъ и безнамѣренныхъ искаженій. Между тѣмъ нѣмые памятники-могилы восходятъ къ доисторическимъ временамъ“.

Дѣйствительно, сѣверные берега Чернаго моря представляютъ собою одно изъ древнѣйшихъ поприщъ исторической дѣятельности въ Европѣ. Первое движеніе греческой колонизаціи къ этимъ берегамъ началось еще за 1230 лѣтъ до Рождества Христова, когда, по свидѣтельству Стефана Византійскаго, основана была ими Пантикапея (Керчь). Въ 600 году основана была Феодосія, въ 500—знаменитый Херсонесъ. Въ пятomъ вѣкѣ до Р. Х. нынѣшнюю Новороссію посѣтилъ отецъ исторіи Геродотъ, который нашелъ здѣсь множество могилъ Скинскихъ царей, могилы же по Дѣйстру называлъ киммерійскими. Позже мѣстность, нынѣ занимаемая Новороссіей, служила широкимъ путемъ для народовъ, передвигавшихся съ востока на западъ: готы, гунны, половцы, печенѣги, монголы и татары усѣяли путь этотъ своими костями, о чемъ свидѣлствуютъ тысячи таинственныхъ кургановъ. Такимъ образомъ, Новороссійскій край совмѣщаетъ въ себѣ драгоцѣнныя воспоминанія того цикла вѣковъ, который называется періодомъ классической греко-римской древности, съ ранними преданіями того періода европейской жизни, которому усвоено названіе средневѣковья. Виѣстѣ съ тѣмъ тамъ почіютъ и священныя воспоминанія христіанской древности. На южномъ берегу Крыма пролита кровь св. Климента, одного изъ первыхъ апостольскихъ преемниковъ, одного изъ первыхъ іерарховъ умиравшаго Рима. Херсонесская церковь была одною изъ старѣйшихъ дочерей матери церквей—церкви Іерусалимской. Впослѣдствіе сѣверо-восточная часть Чернаго моря, удостоилась быть мѣстомъ страданія за истину величайшаго изъ мужей христіанства св. Іоанна Златоуста, сверженнаго вслѣдствіе интригъ съ первосвященничества въ Царьградѣ и сосланнаго въ Петіунтъ, нынѣшнюю Пицунду, на Кавказѣ. Св. Мартинъ, папа Римскій, положилъ за православіе жизнь свою на берегахъ Херсонеса. Таврида прославилась христіанскою

доблестью св. Стефана Сурожскаго; наконецъ, чрезъ Херсонесъ проникло ученіе св. вѣры и въ предѣлы восточнаго славянства. Сюда, по преданію, прибылъ изъ Синопа св. апостолъ Андрей, водрузившій крестъ на горахъ Кіевскихъ, а въ IX вѣкѣ Херсонесъ посѣщенъ былъ первоучителями святыми Кирилломъ и Меѳодіемъ.

Освященная столь великими историческими воспоминаніями, мѣстность Новороссійскаго края представляла, такимъ образомъ, обширныя и разнообразныя задачи для изслѣдованія. При самомъ основаніи своемъ Общество поставило себѣ въ обязанность собирать, описывать и хранить всѣ остатки древностей, открывающіеся въ южной Россіи или имѣющіе къ ней отношеніе, заниматься отыскиваніемъ, разборомъ и объясненіемъ документовъ и актовъ, относящихся до исторіи означеннаго края, подвергать критическому изслѣдованію показанія древнихъ писателей о его мѣстностяхъ и достопримѣчательностяхъ и отыскивать ихъ слѣды въ настоящемъ времени, готовить запасы для будущей исторіи края собираемъ вѣрныхъ свѣдѣній о настоящемъ его состояніи въ отношеніи географіи и статистики, разбирать выходящія на русскомъ и иностранныхъ языкахъ сочиненія, имѣющія тотъ же предметъ, опредѣлять степень ихъ достовѣрности и издавать результаты своихъ работъ.

Въ теченіе пятидесяти лѣтъ своего существованія Общество въ значительной степени успѣло выполнить эти свои задачи. Оно издало 15 томовъ своихъ Записокъ, въ которыхъ содержится множество изслѣдованій по всѣмъ отраслямъ и предметамъ его занятій. Не перечисляя здѣсь всѣхъ этихъ трудовъ, нельзя однако не сказать, что ими существенно подвинуто изученіе прошлыхъ судебъ Новороссійскаго края, и вмѣстѣ съ тѣмъ, внесенъ большой вкладъ въ общую сокровищницу русской исторіи. Общество образовало въ своей средѣ не мало мѣстныхъ ученыхъ, имена которыхъ съ почетомъ сохраняются въ исторіи нашего просвѣщенія. Предоставленное Обществу право производить археологическія разысканія по всей южной Россіи, на казенныхъ земляхъ съ разрѣшенія начальства, а на частныхъ—съ согласія владѣльцевъ, дало важныя результаты и обогатило науку драгоценными памятниками древняго искусства и быта. Съ 1873 года это важное право было распространено и на восточный берегъ Кавказа. Императоръ Александръ II пребывалъ Покровителемъ Общества до своей кончины. Въ 1872 году имъ было предоставлено Обществу названіе Императорскаго, въ воздаяніе заслугъ, оказанныхъ отечественной наукѣ въ продолженіе болѣе 30-лѣтняго существованія. Въ

1881 году соизволилъ принять Общество подъ свое высокое покровительство нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ.

Въ первый годъ существованія Общества въ немъ считалось, кромѣ учредителей и почетнаго президента, дѣйствительныхъ членовъ 49, почетныхъ 6, соренователей 1, корреспондентовъ въ Россіи 20, за границей 3. Въ 1889 году въ Обществѣ состояло членовъ: почетныхъ 16, дѣйствительныхъ 101, сотрудниковъ и корреспондентовъ 35. Сверхъ того, Общество удостоилось чести имѣть своими почетными членами Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великихъ Князей Константина Николаевича, Николая Николаевича и Михаила Николаевича и бывшаго Императора Бразильскаго Донъ-Педро.

Вслѣдъ за основаніемъ Общества при немъ положено было начало музею. Это собраніе древностей постоянно обогащалось и нынѣ помѣщается, вмѣстѣ съ городскою публичною бібліотеконъ, въ одномъ зданіи, построенномъ на средства нынѣшняго одесскаго городского головы Г. Г. Маразли. Въ настоящее время въ музей этомъ числится: камней съ надписями, статуй болѣе или менѣе поврежденныхъ, колоннъ, капителей, разнородныхъ архитектурныхъ орнаментовъ, росписныхъ вазъ, терракотъ, мѣдныхъ статуэтокъ, золотыхъ, серебряныхъ, бронзовыхъ, костяныхъ, стеклянныхъ и каменныхъ предметовъ домашняго быта, ручекъ съ надписями, разнообразныхъ стрѣлокъ, оружія, вѣкоторыхъ орудій каменнаго и бронзоваго вѣка и прочее, въ общей сложности 2,541; въ минцъ-кабинетѣ: 13,284 монеты, въ томъ числѣ золотыхъ 130, серебряныхъ 2,705 и мѣдныхъ 10,449.

НАШИ УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.

УНИВЕРСИТЕТЪ СВ. ВЛАДИМИРА ВЪ 1888 ГОДУ.

Къ 1-му января 1889 г. въ университетѣ было штатныхъ преподавателей: на историко-филологическомъ факультетѣ — профессоровъ ординарныхъ 6, экстраординарныхъ 5, лекторовъ 3; на физико-математическомъ: профессоровъ ординарныхъ 10, экстраординарныхъ 4, астрономъ-наблюдатель 1; на юридическомъ: ординарныхъ профессоровъ 6, экстраординарный 1; на медицинскомъ: ординарныхъ профессоровъ 13, экстраординарныхъ 6, прозекторовъ 5. Вообще въ университетѣ состояло штатныхъ преподавателей: профессоровъ ординарныхъ 35, экстраординарныхъ 16, лекторовъ иностранныхъ языковъ 3, одинъ астрономъ-наблюдатель, прозекторовъ 5. Число сверхштатныхъ было 12 лицъ, именно по слѣдующимъ каеедрамъ: богословія, оперативной хирургіи, энциклопедіи права и исторіи философіи права, чистой математики (2), гражданского права, государственнаго права, финансоваго права, теоріи и исторіи искусствъ, физики, судебной медицины, механики. Привать-доцентовъ состояло 29, а именно: а) на историко-филологическомъ факультетѣ — по классической филологіи 5, и по одному по философіи, русской словесности, русской исторіи, теоріи и исторіи искусствъ, церковной исторіи; б) на физико-математическомъ — по одному по чистой математикѣ, по агрономіи, по сравнительной анатоміи животныхъ, физиологіи животныхъ и челоуѣка; в) на юридическомъ — по одному по церковному праву, по уголовному праву, по политической экономіи и статистикѣ, г) на медицинскомъ — по одному по кожныхъ болѣзнямъ, по хирургической патологіи, по оперативной хирургіи съ топографической

анатоміей, по общей хирургической анатоміи, терапіи и оперативной хирургіи, по теоретической хирургіи, по частной патологіи и терапіи, по частной патологіи, по акушерству и женскимъ болѣзнямъ, по дѣтскимъ болѣзнямъ, по медицинской химіи, по судебной химіи, по патологической анатоміи. Въ 1888 году сравнительно съ 1887 годомъ преподавателей было болѣе 8, именно ординарныхъ профессоровъ 4, экстраординарныхъ—2, приватъ-доцентовъ—2. Изъ числа положенныхъ по уставу каедръ къ 1-му января 1889 года оставались не замѣщенными слѣдующія: а) на историко-филологическомъ факультетѣ—философіи и исторіи церкви, б) на физико-математическомъ—географіи и этнографіи, агрономіи, в) на юридическомъ—церковнаго права, торговаго права, энциклопедіи права, государственнаго права и финансоваго права, г) на медицинскомъ—хирургической патологіи съ десмургіей и ученіемъ о вывихахъ и переломахъ, исторіи и энциклопедіи медицины, медицинской химіи и судебной медицины. Изъ числа 13 поименованныхъ каедръ 10 поручены были преподавателямъ другихъ каедръ; независимо отъ сего факультеты заботились подготовленіемъ на будущее время преподавателей, съ каковою цѣлью молодые люди были оставляемы при университетѣ и посылаемы за границу.

Факультеты имѣли въ 1888 году засѣданій: историко-филологическій 16, физико-математическій 12, юридическій 19, медицинскій 28. Въ 1888 году, какъ и въ предшествовавшіе годы, контроль надъ научными занятіями, согласно съ правилами о зачетѣ полугодій, заключался: а) въ бесѣдахъ преподавателей по заключеннымъ отдѣламъ читаемыхъ ими курсовъ, б) въ просмотрѣ и провѣркѣ составленныхъ студентами записей лекцій, при чемъ такой просмотръ сопровождается необходимыми распросами, объясненіями и указаніями въ совѣщательные часы, в) въ практическихъ упражненіяхъ студентовъ по основнымъ предметамъ, при чемъ на физико-математическомъ и медицинскихъ факультетахъ особенное вниманіе обращено было на занятія въ учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ университета, г) въ обязательныхъ домашнихъ чтеніяхъ по указаніямъ преподавателей, д) на юридическомъ факультетѣ въ репетиціяхъ по выслушаннымъ предметамъ, е) на юридическомъ и филологическомъ факультетахъ—въ обязательномъ представленіи каждымъ студентомъ письменной работы по избранному предмету. Независимо отъ сего, въ концѣ cadaго семестра производились повѣрочныя испытанія по

предметамъ, прослушаннымъ въ теченіе семестра, и состязательныя испытанія для освобожденія отъ платы за ученіе; студенты же, ищущіе стипендій и пособій, находились подъ особымъ наблюденіемъ факультетовъ, согласно новымъ правиламъ, утвержденнымъ г. министромъ народнаго просвѣщенія. О серьезности научныхъ занятій студентовъ и любви ихъ къ этимъ занятіямъ свидѣтельствуютъ значительное число и выдающіяся достоинства сочиненій, представленныхъ на предложенныя факультетами темы.

Изъ числа экстраординарныхъ профессоровъ не имѣютъ соотвѣтственной степени слѣдующіе: по кафедрѣ западно-европейскихъ литературъ Дашковичъ, по кафедрѣ минералогіи и геологіи Армашевскій, по кафедрѣ римскаго права Казанцевъ и по кафедрѣ механики Сусловъ. Публичныя лекціи читаны были профессоромъ Алексѣевымъ по химіи, бесплатно, для лицъ всѣхъ состояній.—Командированы были—съ ученою цѣлью за границу профессоръ Кнаперъ, привать-доценты Гиляровъ и Сонни—для занятій въ бібліотекахъ и архивахъ; профессоръ Гейбель для посѣщенія нѣкоторыхъ фармакологическихъ и физиологическихъ институтовъ и фабрикъ физиологическихъ приборовъ, профессоръ Шиллеръ—для осмотра физической лабораторіи, профессоръ Коротневъ—для занятій по зоологической станціи въ Вилла-Франко, профессора Теофилактовъ и Армашевскій—для принятія участія въ занятіяхъ IV сессіи международнаго геологическаго конгресса въ Лондонѣ, привать-доцентъ Троицкій—для осмотра дѣтскихъ больницъ въ Германіи, Австріи и Франціи, Роговичъ — для посѣщенія клиникъ профессоровъ Вильрота, Бергмана, Фолькмана, и для занятій въ клиникѣ профессора Бруна, съ цѣлью спеціальнаго изученія горловыхъ болѣзней; б) въ Россіи: профессоръ Минхъ—въ Астраханскую губернію для дополненія нѣкоторыхъ свѣдѣній по этиологіи проказы, привать-доцентъ Фокковъ — для занятія греческими рукописями въ бібліотекахъ и архивахъ Петербурга, Москвы и другихъ городовъ Россіи.

Для соисканія наградъ медалями факультетами предложены были слѣдующія темы: отъ историко-филологическаго факультета—„De brevi loquentia Tacitae“, „Quibus rebus vera Anacreontis poetas carmina a falsis, quae Anacrontea appellantur, discerni possint“, „Отношеніе русскихъ ж и з къ соотвѣтствующимъ звукамъ родственныхъ языковъ“, „О языкѣ Новгородской лѣтописи по синодальному списку“, „Казиміръ Бродзинскій и его литературная дѣятельность“, „Сочине-

нія Курбскаго „какъ историческій матеріаль“, „Франческо Ферруччи и его время“; отъ физико-математическаго факультета—„О задачѣ Пфаффа“, „Микроскопическія изслѣдованія породъ силурійской и мѣловой системъ Подольской губерніи“, „Вліяніе свѣта на процессъ дыханія у растений“; отъ юридическаго факультета—„Налогъ на освобожденныхъ отъ воинской повинности въ теоріи и въ практическомъ примѣненіи“, „Объ имущественныхъ отношеніяхъ между супругами по римскомъ праву“; отъ медицинскаго факультета—„Крупозная пневманія“, „О трепанациі черепа“, „О перевязкѣ подключечной артеріи“. За представленія на сіи темы сочиненія удостоены золотыми медалями—2 студента историко-филологическаго факультета. 3—физико-математическаго, 2—юридическаго и 1—медицинскаго; серебряными: 2—историко-филологическаго факультета, 1—физико-математическаго, 1—медицинскаго; почетнаго отзыва удостоенъ 1 студентъ историко-филологическаго факультета. Для соисканія награды въ 1889 году предложены факультетами слѣдующія задачи: историко-филологическимъ факультетомъ—„De Aristofanis Acharnensibus retractata“, „Исторія Кіевскаго княженія отъ смерти Ярослава I до конца XIV столѣтія“, „Отношеніе Батюшкова къ Пушкину“, „Русь въ Германской сагѣ“; физико-математическимъ—„Изслѣдовать явленіе самоопыленія у растений, приспособленія цвѣтковь, обуславливающія собственною цвѣтенью, зависимость самоопыленія отъ вѣшнихъ условій и сравненіе послѣдствій самоопыленія съ результатами перекрестнаго опыленія“, „Приближенное вычисленіе опредѣленныхъ интеграловъ“; юридическимъ—„Ученіе Locatio conductio operis сравнительно съ соотвѣтствующими постановленіями французскаго гражданскаго кодекса и нашего Свода Законовъ“, „Приобрѣтеніе наслѣдства и его послѣдствія по русскому праву“; медицинскимъ факультетомъ—„Экспериментальное изученіе надъ пересадками слизистыхъ оболочекъ“, „Анатомическія измѣненія тканей у животныхъ подъ вліяніемъ не убивающихъ животнаго высокихъ температуръ“, „Экспериментально-патологическое и бактериологическое изслѣдованіе остраго насморка“. Одинъ изъ получившихъ золотую медаль, студентъ 8-го семестра историко-филологическаго факультета Аржавинъ получилъ премію имени Н. И. Пирогова въ 100 рублей за свое сочиненіе на предложенную факультетомъ тему: „Казиміръ Бродзинскій и его литературная дѣятельность“.

На основаніи существующихъ узаконеній совѣтомъ университета

утверждены въ ученыхъ степеняхъ и званіяхъ: а) въ степени доктора: Маркевичъ—русской исторіи, Пихно и Ѳедоровичъ—политической экономіи, Тальбергъ—уголовнаго права, Судакевичъ и Галинъ—медицины; б) въ степени магистра Богдановъ—агрономіи; в) кандидата—81 (историко-филологическаго факультета—18, физико-математическаго—21, юридическаго—42); г) дѣйствительнаго студента—192 (историко-филологическаго факультета—33, физико-математическаго—30, юридическаго—129). По медицинскому факультету удостоены: лѣкаря—108, инспектора врачебной управы—1, уѣднаго врача—2, провизора—15, аптекарскаго помощника—126, дантиста—6, повивальной бабки—4.

Для усовершенствованія въ наукахъ командированы за границу одинъ магистръ, одинъ магистрантъ и три кандидата университета; для приготовленія къ профессорскому званію состояли семь стипендіатовъ по слѣдующимъ предметамъ: русскому языку и словесности, всеобщей исторіи, русской исторіи, астрономіи, химіи, частной патологіи, гигиены.

Студентовъ въ университетѣ св. Владиміра къ 1-му января 1888 года состояло 2,024, въ 1888 году поступило 477 (изъ гимназій съ соотвѣтственными свидѣтельствами зрѣлости 379, изъ заграничныхъ гимназій 1, бывшихъ студентовъ сего университета 21, бывшихъ студентовъ другихъ университетовъ 45, бывшихъ студентовъ военно-медицинской академіи 1), въ теченіе 1888 года вышло 383 (до окончанія курса 99, по окончаніи курса 284); затѣмъ къ 1-му января 1889 года оставалось на лицо 2,088. Постороннихъ слушателей было въ первой половинѣ 1888 года 47, во второй половинѣ—50. Оставшіеся къ 1889 году 2,088 студентовъ распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: а) по факультетамъ—въ историко-филологическомъ факультетѣ 96, въ физико-математическомъ—325 (по разряду естественныхъ наукъ 85, по разряду математическихъ наукъ 240), въ юридическомъ—762, въ медицинскомъ—905; б) по семестрамъ: въ 1-мъ семестрѣ 24, во 2-мъ 412, въ 3-мъ 55, въ 4-мъ 459, въ 5-мъ 108, въ 6-мъ 225, въ 7-мъ 123, въ 8-мъ 461, въ 9-мъ 66, въ 10-мъ 155; в) по исповѣданіямъ: православныхъ 1,360, римско-католиковъ 385, протестантовъ (лютеранъ) 37, магометанъ 3, евреевъ 296, армяно-григоріанъ 4, караймовъ 3; г) по сословіямъ: дворянъ и дѣтей чиновниковъ 1,027, почетныхъ гражданъ и купцовъ 1-й гильдіи 61, духовнаго званія 270, мѣщанъ, гражданъ, купцовъ 2-й гильдіи и

ремесленниковъ 567, крестьянъ 37, казачьяго сословія 28, иностранцевъ 38; д) по предварительному образованію—гимназистовъ 1003, семинаристовъ 4, изъ другихъ учебныхъ заведеній 81; е) по учебнымъ округамъ, въ предѣлахъ которыхъ находятся мѣста предварительнаго образованія: С.-Петербургскаго учебнаго округа 15, Московскаго 22, Казанскаго 41, Оренбургскаго 2, Восточной и Западной Сибири 6, Харьковскаго 60, Одесскаго 228, Кіевскаго 1498, Виленскаго 137, Варшавскаго 33, Дерптскаго 9, Кавказскаго 36, изъ заграничныхъ заведеній 1. Стипендіатовъ обязательныхъ (казенныхъ) было 58 (15 историко-филологическаго и 43 медицинскаго); стипендіатовъ необязательныхъ (частныхъ) было 114 (историко-филологическаго факультета 9, физико-математическаго 16, юридическаго 32, медицинскаго 57); на стипендіи израсходовано: 13,179 руб. 66 коп.—изъ штатной суммы, ассигнованной по смѣтѣ, и 5,855 руб. 86 коп. изъ специальныхъ средствъ университета: размѣръ стипендій—отъ 50 до 420 руб. включительно. Получили денежныя пособія 111 студентовъ (историко-филологическаго факультета 7, физико-математическаго 17, юридическаго 48, медицинскаго 39); одновременныхъ пособій выдано 7,994 руб. 12 коп. (7,820 руб. 52 коп. изъ штатной суммы и 173 руб. 60 коп. на счетъ специальныхъ средствъ университета); размѣръ пособій отъ 20 до 100 руб. включительно. Освобождено отъ платы за ученіе (полной и части) 363 (историко-филологическаго факультета 46, физико-математическаго 48, юридическаго 144, медицинскаго 363). Такимъ образомъ всѣми родами пособій воспользовались 646, что составляетъ 30,9% общаго числа студентовъ. По отъѣзду начальства университета, благоправіе студентовъ и исполненіе ими установленныхъ правилъ университета утверждается все болѣе, при чемъ очевидно желаніе студентовъ заниматься изученіемъ преподаваемыхъ предметовъ; съ особенною охотою и сознаніемъ своей пользы многіе студенты обращаются къ практическимъ занятіямъ и упражненіямъ въ учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ физико-математическаго факультета, но недостатокъ помѣщеній и приспособленій служитъ значительнымъ тому препятствіемъ.

Финансовыя средства университета св. Владиміра находились въ слѣдующемъ положеніи: I. Суммы, ассигнованныя по смѣтѣ министерства народнаго просвѣщенія въ 1888 году: а) на содержаніе личнаго состава университета отпущено 265,028 руб., изъ нихъ израсходовано 264,791 руб. 65 к., въ остаткѣ къ 1889 году было 236 руб.

87 коп., б) на учебныя пособия, хозяйственныя и другіе расходы: остатки отъ 1887 года 1,501 руб. 98 коп., въ 1888 году поступило на приходъ 140,295 руб. 15 коп., израсходовано 140,953 р. 61 к., и затѣмъ осталось 843 руб. 52 коп.; в) на стипендіи и пособия студентамъ ассигновано по смѣтѣ 21,020 руб., изъ нихъ израсходовано 21,000 руб., осталось къ 1889 году 19 руб. 82 коп. II. Специальныхъ средствъ университета: капиталовъ и процентовъ отъ нихъ на общія надобности университета и на стипендіи и пособия служащимъ (наличными, $\frac{\%}{\%}$ бумагами, закладными сдѣлками и другими актами): отъ 1887 года осталось 613,375 руб. 69 $\frac{1}{2}$ к., поступило въ 1888 году 241,358 руб. 51 к., израсходовано въ тотъ же срокъ 108,559 руб. 6 к., затѣмъ къ 1889 году оставалось 752,675 руб. 14 $\frac{1}{2}$ коп. Изъ специальныхъ средствъ произведены были слѣдующіе главнѣйшіе расходы: на хозяйственныя строительныя и другіе 26,229 руб., на добавочное жалованье, пенсіи и плату разнымъ лицамъ 7,000 руб., на изданіе Университетскихъ Извѣстій 6,600 руб., на стипендіи и пособия студентамъ 6,029 руб., на вознагражденіе и пособіе служащимъ и вдовамъ ихъ 5,605 руб., на путешествія, командировки и подѣмныя профессорамъ 4,859 руб., на изданіе профессорскихъ сочиненій 2,319 руб., на разныя расходы 1,060 руб.

При университетѣ св. Владиміра состоятъ 7 клиникъ, состояніе которыхъ и движеніе въ нихъ представляются въ слѣдующемъ видѣ: а) факультетскія клиники — терапевтическая (25 кроватей), больныхъ отъ 1887 года оставалось 2, въ теченіе 1888 года вновь поступило 133, въ теченіе года выздоровѣло 115, умерло 15, осталось на излѣченіи къ 1889 году 5, больныхъ приходящихъ въ клинику въ 1888 году за совѣтами врачей было 1,471; хирургическая (25 кроватей), къ 1-му января 1888 года оставался 1, въ 1888 году прибыло 146, въ тотъ же срокъ выздоровѣло 118, умерло 4, осталось въ клиникѣ къ концу 1888 года 25, приходящихъ за совѣтами врачей 1,024; глазная (16 кроватей), отъ 1887 года оставалось 8, въ теченіе 1888 года вновь поступило 141, въ теченіе года выздоровѣло 135, умершихъ не было, осталось на лѣченіи въ клиникѣ въ 1889 году 14, больныхъ приходящихъ въ клинику въ 1888 году за совѣтами врачей было 1,355; акушерская (25 кроватей), къ 1-му января 1888 года оставалось 19, въ 1888 году вновь прибыло 141, въ тотъ же срокъ выздоровѣло 19, умерло 9, оставалось въ клиникѣ

къ концу 1888 года 32, приходившихъ за совѣтами 1,366; б) го-
спитальныя клиники — терапевтическая (56 кроватей), отъ
1887 года оставалось 48, въ теченіе 1888 года вновь поступило 580,
къ теченіе года выздоровѣло 553, умерло 33, осталось на лѣченіи
въ клиникѣ въ 1889 году 42, больныхъ приходящихъ въ клинику
въ 1888 г. за совѣтами врачей было 665; хирургическая (25 кро-
ватей), отъ 1887 года оставалось 67, въ теченіе 1888 года вновь по-
ступило 687, въ теченіе года выздоровѣло 177, умерло 4, оста-
валось въ клиникѣ къ концу 1888 года 87, приходившихъ за
совѣтами было 696; дерматологическая (64 кровати), къ 1-му ян-
варя 1888 года оставалось 40, въ 1888 году вновь прибыло 188, въ
тотъ же срокъ выздоровѣло 177, умерло 4, оставалось въ клиникѣ
къ концу 1888 года 47, приходившихъ за совѣтами было 600.

О ЧЕРНОГОРСКОМЪ ГРАЖДАНСКОМЪ УЛОЖЕНИИ, ЕГО НАПРАВЛЕНИИ И МЕТОДЪ ЕГО СОСТАВЛЕНИЯ.

Сводъ черногорскихъ гражданскихъ законовъ, какъ извѣстно, былъ торжественно обнародованъ 26-го апрѣля (8-го мая) 1888 года, въ третій день Пасхи.

Какъ извѣстно, сводъ этотъ есть плодъ трудовъ профессора В. В. Богишича. Лица, знакомыя съ предшествовавшей научною дѣятельностью этого ученаго, справедливо полагали, что въ виду особенностей, которыми отличается Черногорія, кодификаторъ въ своемъ трудѣ не ограничится рутиннымъ примѣненіемъ выработанныхъ вчужь законовъ къ Черногоріи, но пожелаетъ самостоятельно пріискать руководящія правила, которыя вытекали бы непосредственно изъ историческихъ условий жизни и развитія народа. Такое направленіе заслуживаетъ особаго вниманія и вызываетъ интересъ къ дѣлу среди лицъ, даже внѣ границъ небольшого княжества, для котораго уложеніе было составлено. Такъ, извѣстный французскій юристъ Виолле (Viollet), разбирая сочиненіе г. Богишича „О несложной формѣ сельской семьи у сербовъ и хорватовъ“, коснулся, мимоходомъ, составляемаго въ то время кодекса, и притомъ замѣтилъ: „Еслибы кто-нибудь взялся за трудъ— не скажу созданія, но даже лишь кодификаціи законовъ въ странѣ, имѣющей свои особенности и, притомъ, на основаніи метода, который охотно называлъ бы я положительнымъ, изслѣдованіе проф. Богишича „О несложной семьѣ у сербовъ“ могло бы быть ему предложено, какъ законченный образецъ подготовительной законодательной работы. Черногорія, быть можетъ, удивитъ насъ въ этомъ отношеніи, потому что именно г. Богишичу поручено составить гражданское уложеніе для названнаго княжества“¹⁾.

¹⁾ *Revue critique* 1885 № 52.

Въ день торжественнаго обнародованія черногорскаго свода законовъ князь Николай, въ рѣчи своей, между прочимъ, сказалъ слѣдующее: „Учености проф. Богишича, его неутомимому трудолюбію и энергіи мы обязаны тѣмъ, что этотъ трудъ, наше гражданское уложеніе, не смотря на почти непреодолимые затрудненія, съ которыми г. Богишичу приходилось встрѣчаться во время работы, выполненъ на столько блистательно, что является образцомъ глубоко-обдуманнаго, вполне зрѣлаго, капитальнаго законодательнаго труда, могущаго удовлетворить требованіямъ современной законодательной практики наикультурнѣйшихъ народовъ. Благодаря составителю, трудъ этотъ основанъ и доведенъ до конца на принципахъ народнаго права; примѣненный къ отечественнымъ условіямъ нашимъ и требованіямъ, онъ вполне отвѣчаетъ единственно спасительнымъ, высшимъ принципамъ, именно установленію гармоніи между нашимъ народнымъ духомъ, нашею народною жизнью и нашими законами“¹⁾. Въ указѣ князя Николая, по поводу введенія въ дѣйствіе уложенія, напечатанномъ въ началѣ книги, повторяются почти тѣ же мысли.

Съ того времени въ періодической печати появлялись многократныя оцѣнки, отдававшія должную честь кодификатору. Черногорское гражданское уложеніе стало даже предметомъ докладовъ въ ученыхъ корпораціяхъ (напримѣръ, г. Дареста, въ Academie des sciences morales et politiques въ Парижѣ, д-ра Дикеля—въ Берлинскомъ Юридическомъ обществѣ, графа Войновича—въ Загребской Академіи Наукъ. Однако, не смотря на сочувственные отзывы критики, только съ теченіемъ времени можетъ выясниться, на сколько черногорское уложеніе осталось вполне чуждымъ ошибокъ и недосмотровъ которые неизбежны въ трудахъ подобнаго рода: извѣстно, что они были замѣчены и въ наиболѣе прославленныхъ уложеніяхъ. Весьма вѣроятно, что и въ черногорскомъ уложеніи будутъ усмотрѣны вполнѣ въ недостатки и несовершенства, свойственные каждому человѣческому труду. Тѣмъ не менѣе, къ какимъ бы результатамъ ни привела критика частностей уложенія, можно смѣло признать за его составителемъ весьма существенную заслугу и въ общемъ назвать его трудъ очень удачнымъ и оригинальнымъ; послѣдняго качества составитель достигъ, отнюдь не претендуя самъ на оригинальничаніе.

Дѣло въ томъ, что задача кодификатора, при желаніи соблюсти вышеуказанное въ манифестѣ князя Николая главное условіе—соотвѣтствія между народнымъ духомъ, строемъ жизни и писанными за-

¹⁾ Глас Черногорца отъ 1-го мая 1888 № 18.

конами, была далеко не легкимъ дѣломъ. Для выполненія ея г. Богичичъ не могъ руководствоваться лишь готовыми образцами уложеній у другихъ народовъ, а долженъ былъ отыскивать новые принципы, придерживаться новаго метода, имѣя въ виду свои особыя цѣли. Дѣйствительно, онъ такъ и поступилъ, о чемъ подробно говорить въ своей брошюрѣ „о принципахъ и методѣ составленія гражданскаго уложенія для Черногоріи“¹⁾.

Прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію основнаго направленія и характера труда профессора Богичича, мы считаемъ необходимымъ указать на тѣ главныя особенности, которыми Черногорія въ пору составленія кодекса гражданскаго права отличалась отъ другихъ европейскихъ государствъ.

Отличія эти представляются прежде всего во внѣшнихъ географическихъ условіяхъ, ибо слѣдуетъ принять во вниманіе, что почти ни одна страна въ Европѣ не является въ такой степени сплошь гористою, лишенною совершенно равнинъ, какъ княжество Черногорское до послѣдней войны. Къ тому же оно находится въ совершенно исключительныхъ отношеніяхъ къ двумъ большимъ державамъ — Австро-Венгріи и Турціи, какъ бы ущемленное между ними, и представляется чисто транзитною страной между Албаніей и Герцеговиною, съ одной стороны, и между Далматіей и Босніей — съ другой. По отношенію къ экономическому строю едва ли въ Европѣ найдется другая страна, населеніе которой исключительно занималось бы хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ, такъ что до послѣдней войны, во всемъ княжествѣ не было ни одного города. Наконецъ, и въ этнографическомъ и религіозномъ отношеніи княжество Черногорское представляется весьма своеобразнымъ: исповѣдуя одну вѣру (православную) и состоя цѣликомъ изъ одного племени (сербовъ), населеніе княжества отличается большими единствомъ и солидарностью; къ тому же въ немъ господствуютъ весьма строгіе нравы. Что касается политической организаціи страны, то въ ней еще до владыки Петра I (1778—1830 гг.) господствовала патріархальная анархія, замѣненная отчасти при владыкѣ Петрѣ II (1830—1851 гг.), но главнымъ образомъ при князѣ Данилѣ I (1851—1860 гг.) едва-едва упорядоченнымъ государственнымъ строемъ: лишь съ великимъ трудомъ и благодаря необыкновенной энергіи князя Данила I, въ

¹⁾ Quelques mots sur les principes et la méthode suivis dans la codification du droit civil de Montenegro. Lettre à un ami par V. Bogičič. Paris, 1888.

новомъ княжествѣ была установлена строгая центральная власть. Еще живы въ памяти непрерывныя внутреннія и внѣшнія междоусобицы и „четы“ черногорцевъ при „владыкахъ“, изъ которыхъ послѣдній скончался лишь въ 1851 году.

Таковы въ общихъ чертахъ особенности страны, выдѣляющія ее отъ другихъ европейскихъ державъ. Кодификатору нужно было принять все это во вниманіе; къ тому же слѣдуетъ напомнить, что ему приходилось писать законы совершенно заново, такъ какъ въ его распоряженіи не имѣлось почти никакихъ писанныхъ законовъ. Въ другихъ государствахъ кодификаціонныя работы являються обыкновенно слѣдствіемъ работъ законодательныхъ, которыя продолжаютя иногда въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, такъ что кодификаторамъ приходится лишь подводить итоги предварительнымъ работамъ. Составитель черногорскаго уложенія находился не въ столь благоприятныхъ условіяхъ. Далѣе, напомнимъ, что законы въ другихъ европейскихъ государствахъ находятся въ извѣстной взаимной связи, благодаря римскому праву, имѣвшему повсемѣстно огромное вліяніе на законодательства; въ Черногоріи же мы не замѣчаемъ ни малѣйшаго слѣда римскаго права, если не считать весьма незначительнаго вліянія его на юридическую жизнь страны, при посредствѣ уже греко-православной церкви. Наконецъ, слѣдуетъ замѣтить, что въ Черногорскомъ княжествѣ не было не только городовъ, но и дорогъ, и путей сообщенія, и правильныхъ торговыхъ сношеній съ Европою; черногорскій народъ, въ этомъ отношеніи, находился въ совершенно изолированномъ положеніи до послѣдняго времени, и лишь послѣ Русско-Турецкой войны 1877—1878 гг. вошелъ въ болѣе тѣсныя сношенія съ сосѣдними ему государствами. Мы могли бы еще далѣе продолжить перечень особенностей Черногорскаго княжества; но и сказаннаго достаточно, чтобы напомнить положеніе дѣлъ въ княжествѣ въ недавнемъ прошломъ.

Само собою понятно, что сложныя въ социальномъ и культурномъ отношеніи государства Европы нуждаются въ писанныхъ законахъ, чтобы регулировать внутреннія и международныя отношенія; но Черногорія являлась до такой степени обособленною отъ сосѣдей, и патриархальный бытъ ея казался въ такомъ полномъ соотвѣтствіи съ условіями жизни народа, что кодификація законовъ представлялась какъ бы излишнею роскошью. Она могла даже оказаться во вредъ народу, лишая его нѣкотораго поэтическаго ореола, которымъ въ глазахъ у многихъ обличень этотъ романическій народъ. Думалось,

что простота и сердечность, присущія черногорцамъ, столь рѣдкія и цѣнныя качества, что замѣна ихъ условною добродѣтелью упорядоченнаго буржуазнаго строя жизни не послужитъ въ прокъ независимымъ горцамъ, привыкшимъ къ своей свободѣ и свято хранящимъ традиціи своихъ предковъ.

Однако, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что въ современной Черногоріи, послѣ Русско-Турецкой войны произошли довольно существенныя измѣненія. Той цѣльности и того единства строя жизни въ ней уже не могло быть послѣ того, какъ къ Черногоріи, по статьямъ Берлинскаго конгресса, были присоединены новыя территориальныя владѣнія: княжеству были отведены и равнины; оно увеличилось также и городскимъ населеніемъ; въ составъ его вошли новыя этнографическіе и конфессіональные элементы ¹⁾; центральная власть съ тѣхъ поръ получила значительно болѣе сильную и систематическую опору; въ то же время и администрація края въ болѣе степеніи развила свою дѣятельность во многихъ направленіяхъ; появленіе новыхъ средствъ сообщеній, политическія и торговыя сношенія вывели черногорскій народъ изъ его обособленности и вызвали болѣе живое общеніе съ сосѣдями. Въ то же время и производительность страны усилилась; черногорцы стали пускаться въ путешествія, завели торговлю съ сосѣдями; возникли новыя потребности; такъ, напримѣръ, сказалась потребность въ морскихъ судахъ, такъ какъ завелась морская торговля. Словомъ, въ строй жизни вошла масса новыхъ элементовъ, которые неизбежно должны были затронуть во многихъ отношеніяхъ и древнюю патріархальную жизнь, особенно въ нѣкоторыхъ слояхъ народа.

Въ виду подобныхъ фактовъ и неотложныхъ потребностей времени, признано было необходимымъ принять соотвѣтствующія мѣры. Чѣмъ же иначе можно было направить, умѣрить и урегулировать эти новшества, какъ не законодательствомъ, соотвѣтствующимъ духу времени и условнымъ требованіямъ? Отъ законодательства же мы требуемъ, чтобы оно соотвѣтствовало требованіямъ времени и обстоятельствъ, ибо не могли же пройти безслѣдно печальныя примѣры легкомысленнаго введенія чужеземныхъ законовъ въ родственныхъ Черногоріи странахъ—Сербіи, Босніи, Хорватіи и Далматіи.

Просвѣщенный правитель княжества, хотя и получилъ образованіе въ Парижѣ, однако остался вполне вѣренъ своей національности

¹⁾ Съ папой княжество заключило конкордаты.

и сохранилъ характерныя черты истаго черногорца. Но не смотря на свои патриотическія чувства, князь Николай, въ качествѣ государственнаго мужа и организатора своей страны, сознавалъ необходимость новыхъ государственныхъ формъ; именно вслѣдствіе его патриотизма, постоянною и искреннею его заботой и намѣреніемъ было направить по опредѣленному пути эти неизбежныя новшества такъ, чтобъ они не растлили народнаго духа и не пересилили его; онъ скорѣе стремился къ тому, чтобы подчинить нововведенія народному духу и, по возможности, привести ихъ въ соотношеніе и равновѣсіе. Никто, можетъ быть, болѣе самого князя Николая не цѣнитъ столь высоко значеніе оригинальныхъ, національныхъ учрежденій этого драгоценнаго продукта исторической жизни черногорскаго народа. Въ лицѣ профессора Богшича князь нашелъ кодификатора, который лучше, чѣмъ кто другой, могъ понять его требованія.

Обращаясь къ разсмотрѣнію черногорскаго уложенія, мы считаемъ полезнымъ напомнить напередъ основныя черты организаціи семейной общины, этого важнѣйшаго и дѣйствительно оригинальнѣйшаго института черногорской правовой жизни.

Въ большинствѣ земель Балканскаго полуострова—въ Черногоріи, Которскомъ заливѣ (Vocsa di Cattaro), Герцеговинѣ, Далматіи, Босніи, Сербіи, Старо-Сербіи, въ славянскихъ округахъ Македоніи и Албаніи, въ Хорватіи, Славоніи и Истріи, въ Сремѣ, Бачкѣ и Банатѣ и даже въ Болгаріи, гдѣ наиболѣе сильнымъ было вліяніе римско-византійскаго права,—существуютъ и по настоящее время, на ряду одинъ съ другимъ, два вида семейства: семья сельская и семья городская¹⁾. О послѣднемъ видѣ семьи мы говорить не будемъ, такъ какъ городская семья представляется вездѣ въ болѣе или менѣе одинаковыхъ чертахъ. Что касается сельской семьи, то это малозвѣстное черногорское родовое учрежденіе состоитъ изъ ниже-

¹⁾ Еще недавно отвергали существованіе задруги въ Болгаріи, хотя въ „Сборникѣ“ проф. Богшича, напротивъ того, приведены данныя, на основаніи которыхъ мы можемъ заключить, что задруга существуетъ и въ болгарскихъ земляхъ. Лишь въ новѣйшее время появилась въ *Періодическомъ списаніи* (№ 2, XXI—XXII) статья болгарскаго ученаго Гешова, перепечатанная и въ *Извѣстіяхъ Славянскаго благотворительнаго общества* (кн. VIII, августъ 1888 г.), которая фактически и документально подтверждаетъ справедливость мнѣнія профессора Богшича. Въ послѣднее время нашли слѣды и остатки задруги даже у сѣверныхъ славянъ, въ Чехіи, какъ это доказываетъ *Янъ Пейскеръ* въ своемъ сочиненіи: *Zádruha na Prachensku. Studie sociologicko-historická*. Praha. 1888.

слѣдующихъ соціальныхъ элементовъ: 1) изъ инокоштини, то-есть, простой, несложной черногорской крестьянской семьи, состоящей изъ отца, матери и дѣтей ихъ, проживающихъ вмѣстѣ; 2) изъ задруги, то-есть, экономической ассоціаціи нѣсколькихъ крестьянскихъ семействъ, состоящихъ изъ родныхъ и двоюродныхъ братьевъ и ихъ ближайшихъ родственниковъ, съ женами и съ дѣтьми; отдѣльныя степени родства въ подобной сложной семьѣ суть: братья, братучеди, братанчи (кузены), и далѣе, братственники — родство, строго соблюдаемое до шестаго колѣна; всѣ эти лица считаютъ себя принадлежащими къ одной семьѣ, и ни въ какомъ случаѣ не допускаютъ кровосмѣшенія; преступающій этотъ старинный законъ и вступающій въ бракъ съ лицомъ, состоящимъ съ нимъ въ одной изъ упомянутыхъ степеней родства, считается въ Черногоріи безбожникомъ; равнымъ образомъ, черногорцы, до шестой степени родства носятъ одно и то же имя; они живутъ въ братскомъ единодушіи и взаимной солидарности между собою, исполняютъ другъ за друга работы, даже умираютъ другъ-за-друга, что въ тяжелую годину считается у нихъ священнѣйшею обязанностью каждаго. Далѣе, 3) нѣсколько такихъ инокоштинъ и задругъ образуютъ изъ себя братство, при чемъ изъ соединенія нѣсколькихъ подобныхъ братствъ составляется 4) племя (племя); каждое изъ племенъ имѣетъ обыкновенно обособленное самими природными условіями мѣстопребываніе, что часто встрѣчается въ гористыхъ странахъ. Если племя велико и многочисленно, оно имѣетъ во главѣ своей воеводу; во главѣ менѣе значительныхъ племенъ, въ былыя времена, стояли сердары (военные вожди) и даже капитаны, — что вполне соответствовало воинственному строю черногорской страны. Въ настоящее время Черногорское княжество подраздѣляется на нѣсколько округовъ, изъ которыхъ каждый состоитъ изъ известнаго числа племенъ и находится подъ управленіемъ окружнаго начальника.

Такимъ образомъ, южно-славянская сельская семья представляется намъ въ формахъ (инокоштина и задруга), которыхъ принципы и тождественность еще недавно были изложены въ брошюрѣ профессора Богшича ¹⁾; еще во времена сербскаго законодателя царя Душана Сильнаго (законникъ царя Душана 1349 г., съ до-

¹⁾ D'une forme particulière de la famille rurale chez les Serbes et les Croates. Paris. 1884. Ср. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1887 г.

бавленіями 1354 года), носили онѣ тотъ же самый характеръ, который сохранили и по настоящее дни въ большей части южно-славянскихъ странъ. Со времени упомянутой первой южно-славянской кодификаціи, имѣвшей мѣсто болѣе пяти вѣковъ тому назадъ, и въ теченіе послѣдующаго затѣмъ четырехъ-сотъ-лѣтняго турецкаго ига, между южными славянами повсюду дѣйствовало одно и то же обычное право. Лишь въ началѣ XIX вѣка мы встрѣчаемъ единичный законодательный актъ, органическій законъ о Военной Границѣ 1807 года, заключающій въ себѣ цѣлую главу о семьѣ, оставшуюся въ силѣ до 1850 года, когда онъ вновь былъ пересмотрѣнъ и преобразованъ, но, къ сожалѣнію, сохранилъ всѣ свои старыя ошибки вплоть до послѣдняго Хорватскаго сейма.

Въ сербскомъ законодательствѣ, въ XV главѣ обнародованнаго въ 1841 году гражданскаго кодекса (гражданскій законъ), говорится о сельской семьѣ, но введена та же старая ошибка, а именно: проводится будто бы существующее рѣзкое отличіе между простою сербскою семьей (инокопшина) и семьей сложною (задруга), при чемъ сельская семья отождествляется съ городскою. Та же погрѣшность находится и въ законахъ, изданныхъ въ 1870 — 1874 годахъ Хорватскимъ сеймомъ для Военной Границы. Въ 1880 году появился новый законъ для нея, и вмѣстѣ съ тѣмъ снова появились и новыя погрѣшности. Австрійскій кодификаторъ все еще полагаетъ, что сельская семья, инокопшина, тождественна съ городскою, не только по внѣшнему своему характеру, но и по своему принципу.

Разсмотримъ теперь самобытное, оригинальное устройство черногорскаго племени. По правовымъ понятіямъ черногорцевъ, племя является дѣйствительнымъ хозяиномъ всего своего общаго, нераздѣльнаго имущества, именно: лѣсовъ, пастбищъ, водъ, на сколько таковое еще до сего времени раздѣлу не подвергалось. Кромѣ того, племя является хозяиномъ всѣхъ общественныхъ учрежденій, основанныхъ и содержимыхъ имъ для пользы, удобствъ и нуждъ своихъ (дороги, школы и т. п.). Эти имущества, принадлежащія извѣстному племени, управляются или общимъ собраніемъ членовъ племени, или же единолично—лицомъ, уполномоченнымъ на то сказаннымъ общимъ собраніемъ, и управляются притомъ на основаніи стародавнихъ законовъ, обычаевъ и правилъ, одобренныхъ всѣмъ составомъ племени. Ни одинъ изъ сочленовъ племени не имѣетъ права отчуждать что-либо изъ этого общаго племеннаго имущества или уступать права свои на это имущество другому лицу, или продать таковыя: предметъ, въ осо-

бенности тщательно разсматриваемый кодификаторомъ въ V части составленнаго имъ уложенія (статьи 709—715).

Въ томъ случаѣ, если, по обычному черногорскому праву, члены племени, съ общаго соглашенія, пожелаютъ отдать или подвергнуть раздѣлу часть общественнаго имущества племени на отдѣльныя братства, села или семьи, солидарно участвовавшія въ той продажѣ или въ томъ раздѣлѣ и принимавшія участіе въ сдѣлкѣ, — переходятъ и всѣ права и обязанности по послѣдней.

Правила и принципы эти примѣнены также и къ болѣе или менѣе значительнымъ братствамъ и сельскимъ общинамъ. Эти принципы семейнаго и племеннаго строя суть не что иное, какъ остатки древнихъ, явмческихъ еще обычаевъ, установившихся не только у славянскихъ, но и вообще у всѣхъ горныхъ народовъ, и которые по настоящее еще время сохраняются строжайшимъ образомъ и въ первоначальной своей чистотѣ не въ одномъ лишь Черногорскомъ княжествѣ, но даже и въ Азіи, напримѣръ, у афганцевъ, бахтиарцевъ, луровъ и курдовъ (въ Персіи).

По существующему въ Черногоріи обычному правовому порядку, отецъ семейства, со взрослыми своими сыновьями, проживающими въ одномъ домохозяйствѣ, составляетъ семью; но онъ не имѣетъ права распоряжаться самовластно общимъ имуществомъ семьи, если на то не было получено имъ согласія сыновей. До того, пока не совершился раздѣлъ между сыновьями, отецъ не имѣетъ права распоряжаться общимъ семейнымъ имуществомъ, и даже въ случаѣ смерти отца подобный раздѣлъ можетъ состояться лишь съ согласія всѣхъ сыновей. Отецъ, правда, является главою семьи, и онъ управляетъ ею, но во всѣхъ выдающихся случаяхъ для принятія извѣстнаго рѣшенія ему необходимо одобреніе его сыновей. Впрочемъ, отецъ семейства, въ качествѣ главы семьи, можетъ быть замѣненъ однимъ изъ своихъ сыновей въ томъ случаѣ, если по какой-либо причинѣ онъ окажется неспособнымъ или неудовлетворяющимъ требованіямъ для успѣшнаго выполнения своей задачи. Подобное замѣненіе однако происходитъ не юридическимъ образомъ, а только въ силу моральнаго принципа. Вообще же званіе отца семейства въ Черногоріи скорѣе является бременемъ, нежели почетнымъ званіемъ, такъ что многіе имъ тяготятся.

Сыновья, придя въ возрастъ, въ томъ случаѣ, если они женаты, могутъ требовать раздѣла общаго имущества, иногда даже еще при жизни отца, на что, впрочемъ, никогда не смотрятъ благосклонно. Если же подобный раздѣлъ и предпринимается, то отецъ получаетъ

ровную часть изъ семейнаго имущества съ каждымъ изъ своихъ сыновей; иногда же отцу дается къ его долѣ прибавка, которая называется старешина; она же дается нерѣдко и старшему брату.

Основное, главное положеніе существующей по нынѣ черногорской семьи, какъ мы видимъ, сходно съ основаніемъ семьи у всѣхъ древнихъ народовъ, жизнь которыхъ зиждилась на племенномъ устройствѣ. Все, что приобретается заботами и трудами члена семьи, является не личною его собственностью, а собственностью семьи, къ которой онъ принадлежитъ; съ другой стороны, вся та же семья отвѣтствуетъ и за обязательства члена семьи предъ остальнымъ, такъ-сказать, міромъ. Въ этомъ отношеніи мы находимъ здѣсь параллель съ правомъ римскимъ до введенія пекулій ¹⁾, но съ тѣмъ существеннымъ различіемъ, что въ Римѣ членъ семьи, находящійся подъ властью отца (*in patria potestate*), работалъ на отца, тогда какъ въ Черногоріи членъ семьи работаетъ и трудится для благосостоянія всей семьи.

Положеніе это, въ принципѣ, сохранено также въ черногорскомъ уложеніи. Нововведенія въ этомъ отношеніи, какъ мы увидимъ ниже, касаются лишь, главнымъ образомъ, отвѣтственности членовъ семьи предъ остальнымъ, внѣ-семейнымъ міромъ.

Въ этомъ основномъ положеніи, касающемся приобрѣтенія имущества, встрѣчаются впрочемъ исключенія, въ высшей степени интересныя, которыя мы сейчасъ и приведемъ. Они имѣютъ двоякій характеръ: 1) одни изъ нихъ обусловлены происхожденіемъ приобрѣтенія, сдѣланнаго членомъ семьи; 2) другія находятся въ зависимости отъ того, къ какому полу принадлежитъ приобрѣтающій.

Что касается до происхожденія приобрѣтеннаго имущества, то все то, что получено членомъ семьи путемъ дара или наслѣдства, составляетъ его исключительную личную собственность (особакъ, особина, — личная собственность, — *resulium*), которую онъ имѣетъ право неограниченно и совершенно свободно распоряжаться. Напротивъ того, каждый членъ семьи всею своею работою и всѣмъ своимъ приобрѣтеніемъ отъ работы обязанъ семьѣ своей. Но даже относительно имущества, приобрѣтеннаго не личнымъ трудомъ, обнаруживается весьма тонкая разница, такъ какъ остается въ силѣ старинное положеніе, по которому все, что достается члену семьи по счастливому обстоятельству (нахожденіе клада), принадлежитъ не

¹⁾ Частная, личная собственность.

единолично ему, а должно быть также отдано и семьѣ, на томъ основаніи, что семья его является отвѣтственной въ томъ случаѣ, если сочленъ ея подвергнется неожиданному несчастью (ст. Улож. 968).

Исключеніе, касающееся различія половъ, указываетъ, до какой степени ошибочно мнѣніе, будто черногорская женщина является лишенною всякихъ правъ, согласно отрицательному взгляду на правоспособность женщинъ, обычному на востокѣ. Напротивъ того, по старому черногорскому обычному праву, исключительною личною собственностью дѣвушки считается то, что она приобрѣла специально женскимъ трудомъ (предметы, входящіе въ составъ приданого) право, которымъ, какъ выяснено было выше, членъ семьи мужескаго пола— не пользуется *ipso jure*. Все, что женщина при бракѣ вноситъ въ домъ своего мужа (будь это приданое, драгоценныя вещи, деньги и т. п.), составляетъ также исключительную ея собственность, которою она имѣетъ право распоряжаться по своему усмотрѣнію.

Что касается упомянутаго преимущества, предоставленнаго женскому полу, то черногорское уложеніе вполне сохраняетъ таковое. Лишь въ статьѣ 690 мы находимъ небольшое ограниченіе, касающееся личной собственности замужней женщины во время брачной жизни: ея право распоряжаться этимъ личнымъ имуществомъ обусловлено согласіемъ супруга. Это ограниченіе является уступкою общей жизни супруговъ, уступкою, сдѣланною, по видимому, подъ вліяніемъ иностранныхъ законодательствъ. Кодификаторъ черногорскаго уложенія все-таки во многомъ стѣснилъ это право супруга, а именно тѣмъ, что 1) супруга можетъ свободно распоряжаться незначительнымъ имуществомъ; 2) что въ извѣстныхъ случаяхъ, когда супругъ злоупотребляетъ правомъ своимъ давать женѣ согласіе на распоряженіе ея имуществомъ, согласіе супруга замѣняется рѣшеніемъ судебной власти, и наконецъ, 3) что въ самомъ брачномъ договорѣ можетъ быть исключенъ вопросъ о правѣ супруга на изъявленіе согласія на отчужденіе ея имущества.

Такимъ образомъ, законъ объ ограниченіи права жены свободнаго распоряженія ея имуществомъ является въ значительно смягченной формѣ и въ виду вышеуказанныхъ оговорокъ не можетъ быть названъ „запретительнымъ“ въ строгомъ смыслѣ слова.

Кромѣ того, въ замѣнъ нѣкотораго ограниченія въ только-что упомянутомъ правѣ женщины, ей предоставляется другое право: въ случаѣ долговременнаго отсутствія супруга и отсутствія другаго домохозяина она можетъ входить въ долговныя обязательства, но лишь

по отношенію къ движимому имуществу, не выходя изъ границъ текущихъ нуждъ по хозяйству.

Не легко было ввести своевременныя реформы въ имущественныя отношенія мужчинъ; и это совершенно понятно. Отношенія женщины къ внѣ-домашнему міру въ высшей степени просты, тогда какъ положеніе мужчины, по самой природѣ вещей находящагося въ постоянномъ соприкосновеніи съ внѣшнимъ міромъ, являетъ цѣлую серію разновидностей и случайностей, вытекающихъ изъ упомянутыхъ соприкосновеній. Различіе это еще усугубилось съ того времени, какъ Черногорія вступила въ болѣе близкія сношенія съ другими странами. Въ этомъ обстоятельствѣ именно и заключалось главное затрудненіе; необходимо было прежде всего сгруппировать органически всѣ разновидности этихъ отношеній и найти для нихъ соотвѣтственныя опредѣленія. Но это могло привести къ ниспроверженію всей существовавшей до сего времени семейной системы; необходимо, слѣдовательно, было приложить величайшую заботливость и осторожность, къ тому, чтобы не только ввести соотвѣтствующія требованіямъ времени реформы, но и не потрясти основъ семейныхъ учреждений, а, напротивъ того, укрѣпить таковыя.

Въ статьѣ 688 за основное положеніе принимается, что результаты труда членовъ семьи составляютъ общее достояніе всей семьи; но въ той же статьѣ допускается возможность для отдѣльнаго члена семьи, собственнымъ трудомъ своимъ приобрѣтать себѣ личное имущество, на что, впрочемъ, неизбѣжно нужно получить согласіе семьи; при этомъ, въ отдѣльныхъ случаяхъ устанавливаются и ближайшія условія, на основаніи коихъ единичнымъ членамъ семьи предоставляется право на приобрѣтеніе подобной личной собственности.

Это властное и условное право членовъ семьи мужескаго пола было необходимо по той причинѣ, что оно являлось соотносительнымъ къ отвѣтственности за ихъ поступки, которая, какъ мы увидимъ ниже, возлагалась на нихъ въ извѣстныхъ случаяхъ. Кодификаторъ при этомъ не нашелъ однако нужнымъ слѣдовать основному закону Военной Границы 1807 и 1850 годовъ, а также позднѣйшимъ хорватскимъ законамъ, касающимся задруги, которыя, *ipso jure*, признають за каждымъ членомъ семьи право на личную собственность. Такъ какъ до сего времени не существовало этого важнаго права, то кодификаторъ полагалъ, что удовлетворить требованіямъ юридической логики, если въ принципѣ признаеть это право, не предрѣшая его дальнѣйшаго расширенія, а предоставивъ та-

ковое естественному развитію семейной жизни. Къ подобному дѣйствію побуждало кодификатора и его обстоятельное знакомство съ направлениемъ, въ этомъ отношеніи, мыслей черногорцевъ, которые весьма неохотно предоставляютъ отдѣльнымъ членамъ семьи право на личную собственность, ибо они признаютъ, что подобный членъ семьи, впоследствии, будетъ болѣе заботиться о собственныхъ своихъ интересахъ, нежели объ интересахъ общихъ, семейно-хозяйственныхъ.

Перейдемъ теперь къ ряду нововведеній въ отношеніи ответственности, по имущественному праву, членовъ семьи къ внѣшнему экономическому міру. По установленіи общаго строя права приобретенія, слѣдуетъ рядъ нововведеній, которыя на-ново регулируютъ ответственность по долгамъ различныхъ членовъ семьи. Въ замѣну стараго положенія, гласившаго: „За долги всѣхъ членовъ семьи отвѣтствуетъ домъ (куча)“, статью 696 вводится противоположный принципъ, а именно: „За всѣ долги отдѣльныхъ членовъ семьи, сдѣланные безъ согласія семьи или домашна ея, отвѣтствуетъ то лицо, которымъ долгъ сдѣланъ; за подобные долги домъ ни въ какомъ случаѣ не отвѣчаетъ, за тѣмъ лишь исключеніемъ, если, въ известной степени, домъ получилъ отсюда пользу“.

Послѣ этого общаго положенія послѣдовали опредѣленія, относящіяся къ отдѣльнымъ родамъ долговъ. Статья 697 устанавливаетъ: „Если членъ семьи сдѣлаетъ долгъ по необходимости, напримѣръ: на лѣкарства при заболѣваніи, для содержанія во время нужды и т. д., и не уплачиваетъ такового долга, то послѣдній погашается всѣмъ домомъ, если должникъ, во время совершенія долга, работалъ на семью; въ противномъ же случаѣ этотъ долгъ покрывается изъ его отдѣльнаго личнаго имущества, то-есть, изъ приходящейся на его долю части“. Статья 698 относится къ долгамъ и обязательствамъ, которые заключены членомъ семьи, занимающимся торговлею. Въ ней предусмотрѣны различные случаи, и для каждаго изъ таковыхъ установлено соответствующее опредѣленіе. Статья гласитъ: „Если членъ семьи ведетъ торговлю, а глава семьи о томъ знаетъ и не возбраняетъ ему этого, то признается, что до тѣхъ поръ, пока членъ семьи не выдѣленъ изъ дома,—это происходитъ съ согласія семьи; въ сомнительныхъ же случаяхъ утверждающій наличность знанія „домашина“ (=большака) обязанъ такую доказать. Поэтому, въ случаѣ наличности такого согласія, и если отдѣльнаго имущества, личнаго, или дѣйствительной части въ имуществѣ такого члена недостаточно,—домъ отвѣчаетъ всѣмъ своимъ состояніемъ за то, что задол-

жалъ бы членъ семьи другому лицу, дѣйствовавшему добросовѣстно.

Такому кредитору домъ отвѣчаетъ непосредственно, то-есть, безъ всякаго соотношенія къ отдѣльной собственности и части въ общемъ имуществѣ, приходящейся на долю задолжавшаго сочлена, если послѣдній велъ торговлю на имя и за счетъ дома“.

Въ статьѣ 699 кодификаторъ обусловливаетъ мѣропріятія къ тому, чтобы не состоялось соглашенія между домою и ведущимъ торговлю сочленомъ семьи въ ущербъ третьему лицу.

Статья 700 говоритъ о тѣхъ долгахъ, которые возникли изъ не дозволенныхъ дѣйствій члена семьи. Статья эта вполнѣ оригинальна и гласитъ: „За вредъ, причиненный членомъ семьи кому-либо вслѣдствіе не дозволеннаго дѣйствія, виновный отвѣтствуетъ своимъ имуществомъ, если дѣйствіе, изъ коего проистекъ вредъ, было содѣяно съ умысломъ; такъ, напримѣръ, поджогъ, нанесеніе смертельной раны, съ тѣмъ чтобы прослыть храбрымъ (юначеніе), прелюбодѣяніе и т. п. Если же дѣяніе, причинившее ущербъ, находится въ отношеніи къ какому-либо домашнему дѣлу, обусловлено защитой семейнаго имущества или семейной чести, въ такомъ случаѣ ущербъ пополняется семьею изъ общаго семейнаго имущества, но все-таки лишь тогда, когда провинившійся членъ семьи не преступилъ безъ нужды границъ благоразумія“.

Какъ мы видимъ, предъ нами являются урегулированными лишь нѣкоторые главные виды упомянутыхъ случаевъ задолженности, и такъ какъ нельзя исчерпать всѣхъ возможныхъ отдѣльныхъ случаевъ, то представлялось бы пожалуй, слишкомъ казуистичнымъ приводить дальнѣйшіе примѣры; а въ виду того, что все это является нововведеніями, кодификаторъ не счелъ цѣлесообразнымъ еще далѣе увеличить число отдѣльныхъ случаевъ. Съ другой стороны однако, онъ долженъ былъ дать судѣ нѣкоторыя основныя положенія, для руководства, въ болѣе сложныхъ случаяхъ, сопровождаемыхъ особенными условіями, и которые, поэтому, не допускаютъ точнаго, во всемъ своемъ объемѣ, примѣненія къ нимъ твердо установленныхъ опредѣленій.

Первая изъ двухъ послѣдующихъ статей (701) приводитъ условія, при которыхъ вновь совершенно особеннымъ образомъ выдвигается отвѣтственность семьи. Въ виду того, что предыдущая статья должна была быть составлена въ довольно общемъ смыслѣ и, по своей природѣ и новости содержанія, не могла быть болѣе подробно, то въ статьѣ 701 приводятся тѣ условія, при коихъ выступаетъ

упомянутая отвѣтственность семьи. Статья гласитъ: „Безъ всякаго изъ приведенныхъ въ предыдущей статьѣ различія и безъ исключенія восполняется изъ общаго семейнаго имущества ущербъ, нанесенный кому-либо не дозволеннымъ дѣяніемъ члена семьи, въ слѣдующихъ случаяхъ: а) если семья могла предотвратить не дозволенное дѣяніе, причинившее ущербъ, и этого не сдѣлала; б) если семья находилась въ какомъ-либо, хотя бы самомъ отдаленномъ соотношеніи къ не дозволенному дѣянію; с) если подлежащій возмѣщенію ущербъ причиненъ не умысломъ; и d) если ущербъ, причиненный не дозволеннымъ дѣяніемъ, не превышаетъ суммы ста франковъ.

Статья 702 упоминаетъ о тѣхъ случаяхъ, гдѣ считается справедливымъ, чтобы семья, при несостоятельности задолжавшаго сочлена, явилась со своимъ общимъ имуществомъ ему на помощь субсидіарно.

Статья 703 излагаетъ порядокъ, по коему подобные долги уплачиваются изъ личнаго имущества, или изъ приходящейся на долю должника части общаго имущества, при чемъ очевидно стремленіе указать на то, что чужія лица злоупотребляютъ легкомысліемъ молодыхъ людей и косвеннымъ образомъ, посредствомъ раздѣла въ лучшихъ семьяхъ, ведутъ къ разоренію. Достоинно замѣчанія то обстоятельство, что кодификаторъ счелъ нужнымъ примѣнить основныя положенія отвѣтственности отвѣтственнаго члена семьи и къ домашнему, по аналогіи, на сколько послѣдній дѣйствуетъ именно въ качествѣ простаго члена семейства.

Мы смѣло можемъ пройти молчаніемъ формальныя постановленія, вытекающія изъ логической необходимости подобной семейной организаціи, и которыя изложены въ главѣ о семейной общинѣ,—какъ, напримѣръ, что старшій членъ семьи является представителемъ таковой предъ судомъ, предъ остальнымъ, внѣ-семейнымъ міромъ; что онъ имѣетъ право, заключаемыми имъ договорами, ставить семью въ положеніе должника или кредитора и т. п. Но въ заключеніе, приведемъ нѣсколько постановленій, которыя обусловливаютъ тѣ случаи, когда могутъ возникнуть сомнѣнія и пререканія относительно вопроса объ отвѣтственности въ имущественныхъ дѣлахъ семьи или члена семейной общины предъ внѣ-семейнымъ міромъ. Такъ, статья 705 постановляетъ: „Если семейная община вновь принимаетъ въ нѣдра свои разъ уже вышедшаго изъ нея члена своего, имущественная часть котораго всецѣло или отчасти была ему выдана,—то она обязана, для того, чтобы выставить въ пра-

вильномъ свѣтѣ кредито-способность того лица, огласить въ установленномъ порядкѣ, при какихъ имущественныхъ условіяхъ происходить означенное принятіе вновь въ семью выбывшаго разѣ лица; въ противномъ случаѣ семья отвѣтствуетъ предъ внѣшнимъ міромъ за долги того сочлена всѣмъ своимъ достояніемъ, какъ бы она обязана была дѣлать до его выхода изъ состава семьи“.

Статья 706 гласить: „Если на домѣ лежатъ долги или инныя обязательства къ внѣшнему міру, то семья обязана, въ случаѣ раздѣла и ранѣ послѣдняго, по соглашенію съ кредиторомъ, установить, въ чемъ именно и въ какой мѣрѣ каждый изъ участниковъ беретъ на себя отвѣтственность въ существующемъ общемъ долгѣ семьи. Если же произойдетъ раздѣлъ дома, и приведенное выше условіе не было выполнено, то всѣ участники являются солидарно-отвѣтственными во всѣхъ долгахъ, лежавшихъ на домѣ до раздѣла такового“.

Приведемъ еще статью 707, являющуюся въ нѣкоторомъ отношеніи небезынтересною. Въ первой части ея мы встрѣчаемъ извѣстное положеніе римскаго права, по которому, если изъ состава корпораціи остается въ наличности лишь одинъ только членъ ея, то корпорація, со всѣми ей принадлежащими правилами, считается все еще существующею: „хотя бы въ домѣ оставался одинъ лишь сочленъ, будь то мужскаго или женскаго пола, существованіе дома, какъ лица юридическаго, считается продолжающимся“. Выраженіе: „будь то мужскаго или женскаго пола“ — въ данномъ случаѣ указываетъ намъ на полную равноправность между обоими полами. „Послѣ того“, говорится во второй части статьи, — „остающійся членъ имѣетъ полное право распоряжаться всѣмъ домашнимъ имуществомъ до тѣхъ поръ, пока число членовъ не увеличится, и тѣмъ самымъ, не войдутъ вновь въ силу заключающіяся въ настоящемъ отдѣлѣ условія, ограничивающія право распоряженія семейнымъ имуществомъ“.

Впрочемъ, если остающаяся, въ концѣ концовъ, одна въ домѣ женщина вступила въ семью посредствомъ брака и сама къ той семьѣ по рожденію не принадлежитъ, — то ея право распоряженія семейнымъ имуществомъ ограничивается простымъ пользованіемъ доходовъ съ того имущества; въ противномъ же случаѣ она пользуется всѣми правами, наравнѣ съ лицами мужскаго пола. Женщина, вступившая въ домъ посредствомъ брака изъ чужой семьи, можетъ правда, въ случаѣ нужды, распорядиться и существенною частью

семейнаго имущества, но не иначе, какъ съ согласія на то опекунаго управленія.

Подобное ограниченіе правъ женщины, происходящей изъ чужой семьи, является логическою необходимостью, въ виду преимущественныхъ правъ ея передъ женщиною, родившеюся въ самой семьѣ,—такъ какъ женщина, взятая изъ чужой семьи, сохраняетъ за собою право, по прекращеніи брака ея, снова возвратиться въ свой родной домъ и воспользоваться прежними своими правами сочлена семьи; естественно поэтому, что ей нельзя было предоставить права передавать родной семьѣ имущества того дома, въ который она вступила чрезъ бракъ.

Въ этомъ различіи между правами женщины, вошедшей въ семью посредствомъ брака и той, которая родилась въ самой семьѣ, снова ясно усматриваются принципы племеннаго родоваго устройства.

Изъ сказаннаго до сихъ поръ явствуетъ, что въ черногорскомъ уложеніи приняты основныя положенія имущественно-правовой организаціи южно-славянской семьи, что подтверждается и 769 статьею самаго уложенія, которая гласитъ:

„Не смотря на то, что имущественныя условія и отношенія семьи и ея сочленовъ имѣютъ совершенно своеобразный характеръ, настоящее уложеніе должно было коснуться таковыхъ, на сколько отношенія тѣ входятъ въ соприкосновеніе съ остальнымъ міромъ, а равно коснуться и остальныхъ субъектовъ права съ той же самой точки зрѣнія. Внутреннія имущественныя отношенія, напротивъ того, подчиняются особенному закону. То же относится къ раздѣлу семейной общины и къ наследственному праву“.

Невольно при этомъ возникаетъ вопросъ: почему новымъ уложеніемъ не регулированы всѣ семейныя учрежденія, по крайней мѣрѣ касательно имущественныхъ отношеній? Подобный вопросъ представляется тѣмъ естественнѣе, что самъ составитель уложенія тому назадъ болѣе 20 лѣтъ положилъ основаніе изученію этого обычнаго права, и въ особенности права семейнаго у южныхъ славянъ. Еще 15 лѣтъ тому назадъ имъ издавъ былъ въ Загребѣ объемистый „Сборникъ обычнаго права“, въ которомъ нѣсколько сотъ страницъ (стр. 1—395) въ особенности посвящено этому вопросу. Развѣ онъ не далъ намъ въ своей появившейся въ Парижѣ брошюрѣ ¹⁾ правильнаго понятія о національной южно-славянской

¹⁾ D'une forme particulière de la famille rurale chez les Serbes et les Croates. 1884.

семьѣ, въ обѣихъ ея формахъ? Развѣ не указалъ онъ на существеннѣйшія ошибки законодательства Хорватіи, Сербіи и Далмаціи и не исчерпалъ этотъ вопросъ почти окончательно?

Очевидно, что указанный нами пробѣлъ въ уложеніи былъ вызванъ какими-нибудь весьма серьезными мотивами, и дѣйствительно, мы находимъ разъясненіе ему въ упомянутой выше брошюрѣ профессора Богшича: „*Quelques mots sur les principes et la méthode etc.*...“, дающей намъ полное понятіе о всемъ принципиальномъ направленіи, котораго онъ держался при выполненіи своей кодификаціонной работы. Составитель, прежде всего, исключаетъ изъ своей кодификаціи червогорскаго гражданскаго права семейное и наследственное право, какъ предметъ не однородный съ остальнымъ содержаніемъ.

Но въ такомъ случаѣ возникаетъ новый вопросъ: зачѣмъ же составитель уложенія включилъ въ него эту часть? Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы находимъ въ томъ мѣстѣ, которое отведено въ уложеніи семьѣ, то-есть, почему она, вообще, помѣщена въ 5-й части его, гдѣ говорится вообще обо всѣхъ субъектахъ права; но такъ какъ на семью взирается, какъ на корпорацію, слѣдовательно, какъ на субъекта права, то настоящее ея мѣсто именно и было въ 5-й части уложенія.

Заканчивая разсмотрѣніе собственно-имущественныхъ правъ семьи и обязательствъ ея, мы оставимъ въ сторонѣ правовыя учрежденія, имѣющія болѣе космополитическій характеръ; тѣмъ не менѣе считаемъ себя обязанными, хоть вкратцѣ упомянуть о тѣхъ своеобразныхъ правовыхъ институтахъ, которые отличаются извѣстною оригинальностью.

Въ вещномъ правѣ мы находимъ цѣлую главу о законномъ предпочтительномъ правѣ на покупку недвижимыхъ имуществъ между родственниками мужскаго пола. Интересно, что въ Черногоріи, по старинному обычаю, правомъ предпочтительной покупки прежде всего пользуются члены шести семейныхъ поколѣній (пасови), состоящихъ въ ближайшемъ между собою родствѣ, соотвѣтственно степени своего родства; затѣмъ правомъ этимъ пользуются сосѣди идущаго въ продажу недвижимаго имущества, потомъ остальные сельскіе жители, и наконецъ, уже по очереди правомъ тѣмъ пользуются остальные члены племени. Сохраненіе этого стариннаго права, которое въ Чехіи, въ XIV—XV вѣкахъ, играло столь важную роль, которое еще сохранялось въ Польшѣ до XVII вѣка, какъ *pravo blizkosci* (*jus retractus*), и которое въ Рос-

сія еще имѣтъ обязательную силу, котораго слѣды мы находимъ въ Code-Napoléon, и которое, наконецъ, въ Черногоріи удержалось въ полномъ объемѣ,—кодифицировано составителемъ весьма удачно (ст. 47—64) и сохранено вполнѣ. Далѣе, въ отдѣлѣ о сосѣдственныхъ правахъ (помеѣашна угодба), принимаемыхъ многими юристами совершенно неправильно за легальные сервитуты, мы находимъ главу объ ирригаціи или орошеніи полей (ст. 117—132) и объ антихретическомъ договорѣ (подлог) (ст. 183—192), о которомъ даже въ австрійскомъ уложеніи ничего не упомянуто.

Извѣстно, что обязательства у каждаго народа имѣютъ въ высшей степени космополитическій характеръ, до того, что почти во всѣхъ уложеніяхъ, въ этомъ отдѣлѣ, встрѣчаются заимствованія изъ чужихъ уложеній, и притомъ, на доктринѣ, основывающейся на римскомъ правѣ. Замѣтимъ, что даже составители Code-Napoléon главную часть объ обязательствахъ основали на сочиненіи ученаго П. Потье, что уже прямо повторялось въ дюжинѣ послѣдующихъ кодификацій.

Въ черногорскомъ уложеніи, правда, мы на ряду съ контрактами и другими правовыми институтами, носящими въ себѣ общій характеръ, находимъ также и такіе, которые являются специально черногорскими, иначе южно-славянскими. Къ этой категоріи относится договоръ (супона) (ст. 442—445), общій выгонъ скота, принадлежащаго нѣсколькимъ владѣльцамъ, для добычи общаго удобрения спирага (ст. 446—456), запряжка воловъ различныхъ владѣльцевъ для совмѣстной обработки поля, безвозмездная или платная помощь (люба—помочь) (ст. 341—347), затѣмъ постановка скота на кормъ (наполица) (ст. 313—328) и многіе подобныя, которые кодификаторомъ сохранены въ первоначальномъ ихъ видѣ.

III.

Представивъ въ краткихъ чертахъ главнѣйшія особенности черногорскаго уложенія, мы скажемъ напоследокъ нѣсколько словъ о затрудненіяхъ, съ которыми приходилось бороться его составителю, чтобы достигнуть намѣченной имъ цѣли.

Прежде всего возникаетъ вопросъ: были ли у профессора Богшича передъ глазами, въ научной и законодательной практикѣ другихъ странъ, готовые примѣры, которымъ онъ могъ бы слѣдовать? Мы уже отвѣтили на этотъ вопросъ отрицательно, указавъ на совершенно свое-

образныя условія строя жизни черногорцевъ, вслѣдствіе чего кодификаторъ не могъ пользоваться готовыми образцами законодательства. О направленіи, которому г. Богишичъ долженъ былъ слѣдовать при выполненіи своей задачи, высказаны были разныя сужденія еще въ ту пору, когда онъ только-что принимался за дѣло. Объ этомъ намъ разказываетъ самъ составитель въ упомянутой брошюрѣ „Нѣсколько словъ о принципахъ и методѣ составленія гражданскаго уложенія для Черногоріи“. Нѣкоторые предполагали, что г. Богишичъ ограничится тѣмъ, что просто запишетъ и проредактируетъ важнѣйшія и наиболѣе необходимыя положенія обычнаго права черногорцевъ; въ крайнемъ случаѣ онъ-де введетъ нѣкоторыя измѣненія, сообразно требованіямъ настоящаго времени. Другіе, болѣе горячіе приверженцы традицій римскаго права, считали излишнимъ придавать особое значеніе положеніямъ обычнаго права и полагали, что кодификатору нужно не столько сообразоваться съ ними, какъ слѣдовать отвлеченной теоріи и руководствоваться примѣрами тѣхъ кодексовъ права, которые наиболѣе соотвѣтствуютъ главнымъ требованіямъ абстрактныхъ теорій.

Но очевидно, г. Богишичъ не могъ примкнуть ни къ тому, ни къ другому изъ указанныхъ мнѣній, такъ какъ въ силу своей прежней научной дѣятельности и основныхъ воззрѣній, онъ не являлся поборникомъ ни того, ни другаго слишкомъ крайняго направленія. Подобно знаменитому основателю историко-правовой школы — Савиньи, г. Богишичъ думаетъ, что народное право, какъ и языкъ народа, должно быть разсматриваемо, какъ своего рода организмъ, являющійся естественнымъ результатомъ суммы условій, изъ которыхъ вытекаетъ матеріальная, моральная и интеллектуальная жизнь народа. Какъ составитель грамматики не заимствуетъ правила рѣчи изъ чужого языка, а старается понять характерныя свойства и особенности того языка, изученіемъ котораго онъ занятъ — такъ и составитель уложенія не можетъ исключительно руководствоваться системами права чужихъ народовъ, какой бы степени совершенства онѣ ни достигли, а долженъ вникнуть въ сущность народнаго характера и его правовыхъ порядковъ, сложившихся долгимъ путемъ историческаго развитія. Г. Богишичъ неоднократно высказывалъ эту мысль въ своихъ прежнихъ трудахъ. Сама по себѣ эта идея органической природы права не представляется новою, но впервые въ черногорскомъ уложеніи мы видимъ ея приложеніе къ практикѣ, тогда какъ въ кодификаціонныхъ работахъ другихъ европейскихъ странъ

по гражданскому праву замѣчается преобладаніе иного принципа— подражанія системѣ и содержанию готовыхъ уже уложеній, пользующихся нѣкоторою авторитетностью. Такъ были составлены гражданскія уложенія въ Баденѣ-Баденѣ, въ Румыніи и т. д., при чемъ за образецъ принятъ кодексъ Наполеона. Существуетъ еще третій возможный методъ составленія уложения, который былъ названъ нѣмецкимъ юристомъ Данцомъ— „кодификаціей въ собственномъ смыслѣ слова“¹⁾. Онъ заключается въ томъ, чтобы слѣдовать исключительно отвлеченнымъ соображеніямъ идеальной организаціи, оставляя совершенно въ сторонѣ мѣстные правовыя отношенія. Такой приѣмъ страдаетъ крайнею искусственностью и можетъ привести лишь къ весьма сомнительнымъ результатамъ. Иллишне настаивать на томъ, на сколько онъ не соотвѣтствуетъ взглядамъ и научнымъ теоріямъ профессора Богишича, который, очевидно, не могъ признать его цѣлесообразность.

Упомянемъ напоследокъ, что и уложеніе князя Данила 1855 г. не могло быть большою помощію г. Богишичу, такъ какъ оно было составлено слишкомъ поспѣшно и удовлетворяло лишь насущнымъ потребностямъ дня. При его составленіи никакимъ особымъ методомъ не руководились, и теперь это уложеніе потеряло почти всякую цѣнность; весьма немногіе изъ параграфовъ его остались въ силѣ, да и явное доказательство непригодности этого уложенія можно вывести уже изъ того обстоятельства, что нигдѣ въ черногорскихъ судахъ не имѣется на лицо ни одного экземпляра его.

Такимъ образомъ, профессору Богишичу при желаніи остаться вѣрнымъ своимъ основнымъ воззрѣніямъ, оставался только одинъ исходъ— сохранить свою независимость отъ направленій, къ которымъ онъ не желалъ примкнуть, и какъ можно самостоятельнѣе отнестись къ предшествовавшимъ кодификационнымъ работамъ, съ которыми онъ все-таки, по видимому, весьма обстоятельно знакомъ. Авторъ самъ признаетъ (въ введеніи къ изданной имъ выдержкѣ „Exposé“ и т. д.), что работа его только въ томъ случаѣ можетъ принести нѣкоторую пользу, если онъ будетъ слѣдовать по совершенно независимому пути. Оно казалось тѣмъ необходимѣе, что и въ спеціально-научныхъ ра-

¹⁾ *Danz.* Die Wirkung der Codificationsformen auf das materielle Recht. Lpz. 1861 (стр. 6 и 9).

ботахъ по изученію гражданскаго права профессоръ Богишичъ не встрѣтилъ готовыхъ руководящихъ правилъ для составленія уложенія, не встрѣтилъ даже правилъ для опредѣленія техническихъ терминовъ въ кодификаціи ¹⁾.

Изъ всего вышесказаннаго явствуетъ, въ какомъ затруднительномъ положеніи находился кодификаторъ при выполненіи своей задачи, какъ по отношенію къ основнымъ принципамъ, такъ и въ примѣненіи ихъ къ практикѣ; затрудненія эти еще увеличиваются вслѣдствіе того перелома въ общественномъ строѣ жизни черногорцевъ, который обусловленъ вышеуказанными территоріальными приобрѣтеніями. Нужно отдать полную справедливость проф. Богишичу, что онъ весьма искусно преодолѣлъ трудности и съ честью выполнилъ возложенное на него порученіе. Не ограничиваясь простымъ редактированіемъ положеній обычнаго права (что оказалось бы неумѣстнымъ уже по той причинѣ, что условія организаціи общественнаго строя въ современной Черногоріи не соответствовали болѣе прежнимъ порядкамъ), г. Богишичъ регулировалъ правовыя отношенія на основаніи болѣе общихъ принциповъ государственной жизни и выказалъ особую осторожность въ умѣннн разграничить то, что подлежало кодификаціи, отъ обычаевъ, которымъ онъ счелъ неумѣстнымъ придать законодательный характеръ. Дѣйствительно, правовыя отношенія подлежатъ измѣненіямъ и развитію, и понимая необходимость предоставить возможность свободнаго развитія обычнаго права, кодификаторъ весьма заботливо постарался установить гармонію между писанными законами и правовою жизнью народа, дабы не возникло между ними разлада и не было заторможено свободное, естественное развитіе правовыхъ отношеній. Въ неоднократно упомянутой нами брошюрѣ своей г. Богишичъ говоритъ, что кодификаторъ долженъ всегда имѣть въ виду тѣ положенія обычнаго права, которыя хотя бы и не вошли въ уложеніе, но служатъ выраженіемъ народнаго правоваго сознанія, понятій народа о правѣ и справедливости. Эти положенія должны составить какъ бы интегральную часть уложенія, хотя и не должны быть включены въ особыя статьи его. Мы вполнѣ признаемъ справедливость мнѣнія, не разъ уже высказаннаго знатоками дѣла, что одна изъ труднѣйшихъ задачъ кодификатора заключается въ томъ,

¹⁾ См. его брошюру: Технические термины законодательства. Бѣградъ. 1887, стр. 6—7.

чтобъ умѣть выдѣлить то, чего не слѣдуетъ кодифицировать; между тѣмъ это существенно важно для того, чтобы впослѣдствіи уложеніе не тормозило естественнаго хода развитія правовыхъ порядковъ, и чтобы не возникло противорѣчія между ними и писанными законами.

Какъ ни простъ самъ по себѣ принципъ установленія гармоніи между уложеніемъ и остальными источниками права, примѣненіе его на практикѣ весьма затруднительно. Упомянутый нами выше нѣмецкій юристъ Данцъ, обстоятельно разясняя самый принципъ, не указываетъ на средства, при помощи которыхъ онъ можетъ быть выполненъ, и даже выражаетъ весьма неутѣшительную мысль, что подобная кодификація, не нарушающая взаимной связи и соответствія между уложеніемъ и уже существующимъ въ жизни правомъ, врядъ ли выполнима, по крайней мѣрѣ для Германіи. Проф. Богишичъ все-таки попытался выдержать принципъ при составленіи черногорскаго уложенія, отнюдь не скрывая отъ себя всѣхъ трудностей примѣненія его на практикѣ. Не мало силы и бодрости почерпалъ онъ въ сознаниіи той высокой задачи, которая была ему поручена. Что же касается средствъ для проведенія указаннаго принципа въ черногорское уложеніе, то понятно, профессору Богишичу приходилось прискивать ихъ самому, такъ какъ онъ не имѣлъ предшественниковъ въ этомъ дѣлѣ. Мы сохлемея еще разъ на брошюру его, гдѣ подробно изложены правила, руководившія кодификаторомъ при составленіи уложенія, и гдѣ формулированы цѣли, которыя онъ имѣлъ въ виду. Цѣли эти неизбежно должны были быть многоразличными, такъ какъ уложеніе затрогиваетъ множество сторонъ гражданской жизни народа. Но кодификаторъ попытался координировать ихъ между собою и все-таки главною между ними признаетъ соблюденіе указанной гармоніи между уложеніемъ и правовыми обычаями народа, которымъ онъ предоставилъ наивозможно полную свободу къ дальнѣйшему развитію. Въ результатѣ оказывается, что, по сравненіи гражданскаго уложенія, составленнаго г. Богишичемъ, съ другими существующими законодательствами, между ними замѣчается капитальная разница: кодификаторъ ввелъ въ свое уложеніе нѣкоторые отдѣлы, совершенно отсутствующіе въ другихъ кодексахъ, и, на оборотъ, исключилъ изъ него нѣкоторыя части, казавшіяся ему излишними; онъ принялъ особое систематическое распредѣленіе статей уложенія, позаботился о ясной и разумной формули-

ровкѣ законовъ, привелъ въ соотвѣтствіе отдѣльные правовые институты, которые постарался согласовать съ разными потребностями социальной жизни. Все это придаетъ особую цѣнность труду г. Богишича, который такимъ образомъ является едва ли не первою въ своемъ родѣ попыткой примѣнить выводы современной науки къ жизненной практикѣ. Оригинально задуманная и съ большимъ умѣніемъ и знаніями выполненная программа труда да послужитъ залогомъ дальнѣйшаго успѣшнаго вліянія уложенія на гражданскую жизнь черногорскаго народа, котораго своеобразныя и симпатичныя черты характера г. Богишичъ такъ заботливо старался охранить, выработывая для него писанные законы.

И. В.

ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА.

Декабрь 1889 года.

I.

Съ 1890 года входить въ силу новый законъ, подчиняющій воинской повинности всѣхъ французскихъ гражданъ безъ исключенія. Еслибъ этотъ законъ примѣнялся буквально, еслибы всѣ молодые люди 20—23-лѣтняго возраста должны были служить три года подъ знаменами, то очевидно, такъ-называемыя либеральныя профессіи оказались бы въ весьма невыгодномъ положеніи, и уровень умственнаго развитія понизился бы въ нашемъ государствѣ. А потому законъ этотъ умѣрняется распоряженіемъ отъ 23-го января 1889 года, обуславливающимъ нѣкоторыя смягченія для молодыхъ людей, предназначенныхъ себя къ означеннымъ профессіямъ. Въ мирное время, послѣ годоваго пребыванія въ арміи, увольняются въ отпускъ по прошенію: 1) молодые люди, обязавшіеся прослужить десять лѣтъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія; 2) преподаватели, обязавшіеся прослужить десять лѣтъ въ колоніяхъ; 3) молодые люди, занимающіеся наукой съ цѣлью получить степень магистра гуманитарныхъ или физико-математическихъ наукъ, доктора правъ или медицины, фармацевта, ветеринара или служащаго при госпиталѣ; 4) молодые люди, работающіе для полученія дипломовъ, выдаваемыхъ *École des chartes*, школою восточныхъ языковъ, правительственными школами—морскою, путей сообщенія, горною, морскихъ инженеровъ, техническими школами и училищами агрономическими; 5) молодые люди, готовящіеся къ духовному званію; 6) ученики школы изящныхъ искусствъ, получившіе какую-либо награду. Благодаря такому увольненію по всѣмъ отраслямъ занятій, всѣ мо-

лодые люди, готовящіеся къ исключеннымъ профессіямъ, прослужать подъ знаменами не болѣе одного года: въ случаѣ войны студенты-медики и студенты духовныхъ коллегій несутъ службу при лазаретахъ. Никто впрочемъ не имѣетъ права вполнѣ уклониться отъ священной обязанности участвовать въ народной оборонѣ. Патріотическое чувство весьма сильно во Франціи, и всѣ охотно приняли введеніе всеобщей воинской повинности.

Я уже писалъ вамъ, что министръ народнаго просвѣщенія организовалъ комиссію по улучшенію средняго преподаванія. Результаты занятій ея становятся извѣстными; она занималась преимущественно физическимъ воспитаніемъ учащихся; въ ней принимали участіе извѣстные врачи. Особенно настаивали на необходимости предоставить учащимся болѣе свободнаго времени для физическихъ упражненій, для отдыха и для сна. Въ настоящее время младшему возрасту отведено 10 часовъ для ученія, $9\frac{1}{2}$ для сна, и дано 4 часа свободнаго времени. Комиссія предлагаетъ сократить часы занятій до 7, отдавая сну 10 часовъ и отдыху 5. Она требуетъ кромѣ того, чтобы два раза въ недѣлю послѣ полудня дѣти дѣлали большія прогулки; теперь же они дѣлаютъ только одну прогулку въ недѣлю. Предлагаютъ не только увеличить число часовъ рекреаций, но и организовать ихъ такъ, чтобы онѣ служили на пользу физическаго воспитанія. Будутъ особые преподаватели игръ. Всѣ ученики, какъ приходящіе, такъ и интерны, будутъ участвовать въ этихъ играхъ. Отмѣняются всякія наказанія, состоящія въ томъ, чтобы лишить ученика участія въ играхъ и въ физическихъ упражненіяхъ; по мѣрѣ возможности будутъ обучать дѣтей плаванію, греблѣ, верховой ѣздѣ; гимнастикой же будутъ заниматься ежедневно по 3 часа младшій возрастъ, и по $2\frac{1}{2}$ часа—старшій. Комиссія предлагаетъ, чтобы обѣдъ длился полчаса, и чтобы ученики могли разговаривать въ это время. Мясная пища должна составлять $\frac{2}{5}$ всего питанія (200 граммъ въ день для старшаго, 160—для средняго, 120—для младшаго возраста). Комиссія, не осуждая существованія интернатовъ въ лицеяхъ, предпочитаетъ имъ устройство помѣщеній для учащихся по тьюторной системѣ, столь распространенной въ Англіи. По отношенію къ дисциплинѣ комиссія желала бы уничтоженія нынѣ существующей системы наказаній и предлагаетъ замѣнить ихъ однимъ нравственнымъ вліяніемъ учителя и семьи.

Относительно преподаванія комиссія находитъ, что основаніемъ его должно быть по прежнему изученіе языковъ, признанное луч-

шимъ средствомъ для развитія ума. Важно не умѣнье писать по латыни, а бѣглое чтеніе латинскихъ текстовъ для извлеченія изъ нихъ уроковъ исторіи и нравственныхъ началъ. Писаніе рѣчей и стиховъ на латинскомъ языкѣ отмѣняется. Сравнительная грамматика, фонетика и метрика, преподаваема въ высшихъ классахъ, также исключаются изъ курса; прежде всего требуется толковое и обильное чтеніе. Дѣло не въ литературномъ образованіи учащихся, а въ гуманномъ, почерпаемомъ въ нравственномъ ученіи великихъ писателей классическаго міра. Чтеніе текстовъ будетъ главнымъ предметомъ преподаванія; изученіе латинскаго языка должно идти неспѣшно и примѣнительно къ склонностямъ дѣтей. Изучаемые тексты должны быть по возможности литографируемы, а не писаны подъ диктовку. Текстъ „de viris illustribus urbis Romae“, читавшійся прежде въ 7-мъ классѣ, теперь будетъ читаться въ 5-мъ. Корнелій Непотъ и Овидій, читаемые теперь въ 5-мъ классѣ, будутъ читаться въ 4-мъ (во французской классной системѣ девятый классъ считается младшимъ). Въ преподаваніи французскаго языка должно быть менѣ педагогства, менѣ грамматики, менѣ лингвистики; слѣдуетъ болѣе изучать литературу XVI вѣка; ученики должны имѣть нѣсколько уроковъ по французскому стихосложенію. Теоретическое изученіе риторики уничтожается; исторію литературы должно проходить безъ подробностей, въ главныхъ чертахъ ея.

Нынѣ существующее преподаваніе новыхъ языковъ сильно критикуется въ отчетѣ комиссіи. Учителя новыхъ языковъ не держатся одинаковаго метода преподаванія: одни интересуются преимущественно практическимъ изученіемъ языка, а другіе—теоретическимъ. Многіе учителя преподаютъ нѣмецкій или англійскій языкъ, какъ латинскій. Прежде всего ученикъ долженъ усвоить себѣ произношеніе; сначала должно приучить его къ пониманію словъ, а затѣмъ уже заставлять его читать ихъ. Главное упражненіе должно состоять въ громкомъ чтеніи; комиссія выражаетъ желаніе, чтобъ ученики упражнялись въ рѣчи на иностранныхъ языкахъ. Въ изученіи образцовъ не должно отдавать предпочтенія великимъ классическимъ авторамъ, но брать образцы и изъ современныхъ писателей, языкъ которыхъ ближе подходитъ къ нынѣшней разговорной рѣчи. Исторія должна преподаваться толково и въ живописныхъ разказахъ, безъ перечня трактатовъ и битвъ; то же правило примѣняется и къ преподаванію географіи.

Таково сжатое извлеченіе изъ доклада комиссіей, на которую

возложено преобразование средняго преподаванія. Заключение комиссіи несомнѣнно вызовутъ возраженія въ высшемъ совѣтѣ народнаго просвѣщенія; если они подадутъ поводъ къ измѣненіямъ въ нынѣ существующей программѣ, я не замедлю сообщить вамъ о томъ.

Я писалъ вамъ объ учрежденіи, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, общества, подъ названіемъ *l'Alliance française*, для распространенія французскаго языка; оно имѣетъ во Франціи то же значеніе, что шульферейны въ Германіи и въ Австріи. Это общество напечатало по случаю всемірной выставки отчетъ, въ которомъ перечисляетъ все имъ сдѣланное (томъ въ 8-ку, въ національной типографіи). Составитель отчета Фонсенъ состоитъ секретаремъ *Alliance française* и главнымъ инспекторомъ народнаго просвѣщенія; кромѣ того, онъ замѣчательный географъ. Общество помѣщается теперь въ улицѣ *Saint-Guillaume*, въ школѣ политическихъ наукъ; годовой членскій взносъ 6 франковъ, а годовой бюджетъ общества почти 80,000 франковъ. Съ начала своего существованія оно истратило 100,000 франковъ на пособія, медали, наградныя и учебныя книги и школьный матеріалъ, розданныя, какъ во французскихъ школахъ, такъ и въ иностранныхъ, во всѣхъ частяхъ свѣта. Книга Фонсена любопытна не по одному свидѣтельству объ успѣхахъ общества, но также и главнымъ образомъ потому, что знакомитъ съ распространеніемъ французскаго языка по всему свѣту. Особенно любопытно видѣть успѣхи, сдѣланные французскимъ языкомъ въ колоніяхъ, въ Египтѣ, Сенегалѣ, на крайнемъ востокѣ и въ Океаніи. Въ настоящее время, кромѣ Германіи, нѣтъ страны, гдѣ не было бы заведеній *Alliance française*. Жюри всемірной выставки присудило автору этого любопытнаго сочиненія высшую и вполнѣ имъ заслуженную награду. По поводу выставки отдѣлъ *Alliance française*, учрежденный въ Прагѣ, выпустилъ въ свѣтъ каталогъ всѣхъ французскихъ сочиненій, переведенныхъ на чешскій языкъ. Къ каталогу приложено введеніе объ историческихъ сношеніяхъ Франціи и Чехіи.

II.

Россіей продолжаютъ интересоваться у насъ по прежнему. Болѣе всего переводятъ романы и театральныя піесы, но рѣдко появляются въ свѣтъ оригинальныя сочиненія касательно вашего отечества. Къ новому году появилась однако книга графа П. Василія, заслуживающая вниманія; она называется „Святая Русь“ (*La Sainte Russie*).

Имя этого автора (псевдонимъ), конечно, вамъ извѣстно; ему принадлежать статьи, описывающія общество европейскихъ столицъ — Вѣны, Берлина, Мадрита и помѣщенные въ Nouvelle Revue, редакторомъ котораго состоитъ г-жа Аданъ; люди свѣдущіе увѣряютъ, что графа Василія вовсе не существуетъ, а приписываемыя ему статьи и книги сочиняются цѣлымъ обществомъ литераторовъ, подъ руководствомъ г-жи Аданъ. Издательница Nouvelle Revue—большая сторонница русскихъ; послѣднее сочиненіе „графа Василія“ было ею редактировано; слѣдовательно, оно весьма благопріятно для Россіи. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, одинъ англійскій писатель Диксонъ желалъ также назвать свою книгу „Holy Russia“, но, по совѣту одной русской дамы, проживавшей въ Лондонѣ, замѣнилъ это названіе „Free Russia“. „Графъ Василій“ счелъ нужнымъ возобновить откинутое Диксономъ названіе и сознаться въ предисловіи, что имѣлъ много сотрудниковъ; это и видно: его сотрудники обнаруживаютъ знаніе французскаго языка не въ одинаковой степени, а самъ графъ не твердъ въ русскомъ языкѣ. Русскія слова, встрѣчающіяся въ книгѣ, большею частію искажены, и это ея слабая сторона; исторія Россіи изложена поверхностно, всего въ одной главѣ; затѣмъ повѣствуется о русскомъ дворѣ, объ арміи и флотѣ, о главныхъ государственныхъ учрежденіяхъ, о дворянствѣ, духовенствѣ, среднемъ классѣ и простомъ народѣ. Четыре главы посвящены описанію Петербурга, Москвы, Кавказа и путей сообщенія; авторъ или, лучше сказать, авторы прошли молчаніемъ состояніе наукъ, искусствъ и литературы, и это, разумѣется, большой пробѣлъ. Но и въ настоящемъ своемъ видѣ книга эта въ цѣломъ даетъ много свѣдѣній французскому читателю. Множество превосходныхъ и точныхъ рисунковъ взято большею частію изъ лучшихъ источниковъ. Это сочиненіе издано фирмою Фирмена Дидо.

Я уже сообщалъ вамъ о трудѣ Бонвало: „Du Caucase aux Indes à travers le Pamir“. Ему сопутствовалъ натуралистъ Капю, собственно для научныхъ цѣлей экспедиціи. Капю также напечаталъ свои путевныя впечатлѣнія, книгу, по объему своему меньше путевыхъ записокъ Бонвало, подъ заглавіемъ: „Le toit du Monde — Pamir“ (un vol. in 12, Librairie Hachette). Онъ повѣствуетъ о судьбахъ Памира съ древнихъ временъ до нашихъ дней, вспоминаетъ путешествія христіанскихъ и буддійскихъ странниковъ, особенно Марко Поло, и подтверждаетъ точность его наблюденій. Затѣмъ идетъ разказъ объ изслѣдованіяхъ Памира, сдѣланныхъ русскими и англичанами, и наконецъ краткій отчетъ объ экспедиціи Бонвало, заставив-

шей много говоритъ о себѣ въ Европѣ. Книга написана просто, преимущественно для юныхъ читателей, но и болѣе взрослые люди прочтутъ ее съ удовольствіемъ и пользою.

Я уже не разъ писалъ вамъ о сочиненіяхъ отца Пирлинга по вопросу о сношеніяхъ Россіи съ папами. Отецъ Пирлингъ, по происхожденію русскій, бѣгло читающій на славянскихъ нарѣчіяхъ, занимался преимущественно исторіей борьбы между Стефаномъ Баторіемъ и Иваномъ Грознымъ и посредничества между ними италіанскаго іезуита Поссевина. Онъ написалъ по этому поводу нѣсколько монографій, о которыхъ съ похвалою было говорено въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Теперь Пирлингъ собралъ въ одну книгу и исполнилъ по новымъ документамъ свои различныя сочиненія, озаглавивъ эти этюды: „Папы и цари“ (Papae et Tsars. 1547—1597. Un vol. in 8°. Paris. Librairie Retaux Bray). Пирлингъ дѣлалъ для своихъ работъ изысканія въ архивахъ, гдѣ и открылъ не мало любопытныхъ документовъ. Онъ лично или чрезъ помощниковъ черпалъ извѣстія изъ архивовъ Копенгагена, Флоренціи, Милана, Парижа, Рагузы, Вильны; но болѣе всего сдѣлаю имъ открытій въ Венеціи и въ Римѣ. Книга его, написанная умѣло и умѣренно, составитъ важный вкладъ въ исторію дипломатическихъ сношеній Россіи и Польши. Можно съ увѣренностью сказать, что книга эта будетъ также хорошо принята въ Россіи, какъ и на западѣ.

Въ послѣднемъ моемъ письмѣ я упоминалъ о прискорбной кончинѣ профессора Фюстеля-де-Куланжа. Нѣсколько недѣль послѣ смерти его появился въ свѣтъ новый томъ его замѣчательной „Исторіи политическихъ учреждений старой Франціи“. Въ ней говорится о поземельной собственности въ эпоху Меровинговъ (l'Alleu et le domaine rural pendant l'époque mérovingienne. Un vol. in 8°, librairie Hachette). Въ предыдущихъ томахъ авторъ изучалъ политическія учреждения Галліи во время Римской имперіи и правленія Франкскихъ королей. Приступая къ періоду феодальной системы, онъ предполагалъ въ появившемся теперь томѣ рассмотреть состояніе поземельной собственности. До XV столѣтія она была едва ли не единственнымъ или по крайней мѣрѣ самымъ важнымъ органомъ общественной жизни. Все давалось землей, а потому и вся жизнь имѣла къ ней отношеніе. Земля составляла силу и богатство общества. Фюстель разбираетъ состояніе поземельной собственности въ первыя столѣтія средневѣковой эпохи, какъ и по какому праву владѣли тогда землею, какой видъ имѣла различная земельная собственность. Онъ изучаетъ послѣ-

довательно галло-римскія помѣстья, извѣстныя подъ названіемъ villa, право собственности послѣ вторженія непріятеля, поземельное право при Меровингахъ, распредѣленіе земель по деревнямъ и владѣніямъ, положеніе рабовъ, отпущенниковъ, колонистовъ. Авторъ приходитъ къ заключенію, что поземельная собственность отъ IV до IX вѣка оставалась безъ измѣненія въ своемъ устройствѣ со стороны королевской власти. Кромѣ этой книги, скоро выйдутъ въ свѣтъ еще два посмертныя сочиненія Фюстеля-де-Куланжа: „Римская Галлія и германское вторженіе“ (*La Gaule Romaine et l'invasion germanique*) и „Церковные доходы и приходы въ періодъ Меровинговъ“ (*Les Bénéfices à l'époque mérovingienne*).

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я извѣщалъ васъ объ организаціи отдѣленія религиозныхъ наукъ въ школѣ высшихъ званій подъ руководствомъ Альбера Ревилля. Отдѣленіе это напечатало первый томъ своихъ трудовъ, подъ заглавіемъ: „Критическіе и историческіе этюды“ (*Études de critique et d'histoire. Un. vol. in 8°. Paris. Leroux*). Къ книгѣ приложено написанное Альберомъ Ревиллемъ введеніе о курсахъ, преподаваемыхъ въ отдѣленіи. Затѣмъ идутъ статьи его профессоровъ: „Классификація сочиненій Филона“ — Массбю, „Новый царь Савскій“ — Деранбурга, „Древнее и первоначальное населеніе Палестины“ — Мориса Верна, „Обращеніе св. Павла“ — Авэ, „Одинъ изъ вопросовъ каноническаго права“ — Эсмева, „Значеніе слова *sacramentum* у Тертуллиана“ — Жозефа Ревилля, „Положеніе вдовъ въ первоначальныхъ христіанскихъ общинахъ“ — Жана Ревилля, „Происхожденіе схоластической философіи во Франціи и въ Германіи“ — Пикаве, статьи по Индіи, Китаю и Египту — Сильвена Леви, Леона Рони и Амелино. Эта книга хорошо принята ученою публикой и даетъ серьезное понятіе о преподаваніи новаго отдѣленія школы высшихъ званій.

У того же издателя Леру профессоръ словеснаго факультета въ Безансонѣ Эдуардъ Сейу (*Sayoux*) напечаталъ книгу этюдовъ по римской религіи и по средневѣковой эпохѣ въ восточной Европѣ. Сейу былъ профессоромъ богословія протестантскаго факультета въ Монтбанѣ и словесныхъ факультетовъ въ Тулузѣ и въ Безансонѣ. Лучшее его сочиненіе — „Исторія Венгріи“, удостоенная преміи Француской академіи и переведенная на мадьярскій языкъ. Сейу занимался также исторіей религіи; книга его заключаетъ въ себѣ очеркъ религіи римлянъ во время Пуническихъ войнъ, затѣмъ этюды о жертвоприношеніи тельца, о взглядахъ мусульманъ на христіанство, о принятіи христіанства славянами и финскими племенами Европы,

о болгарахъ и французскихъ крестоносцахъ, наконецъ описаніе осады Пешта турками (въ концѣ XVII вѣка). Нѣкоторые изъ этихъ очерковъ были прочитаны въ Академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ. Всѣ они въ разномъ отношеніи любопытны и поучительны. Но жаль, что Сейу не сосредоточился исключительно на изученіи Венгріи.

Почти ежедневно находятъ и издають въ свѣтъ документы, относящіеся къ военной исторіи революціи и первой имперіи. Фирма Делагравъ только что издала въ свѣтъ очень любопытныя письма молодого офицера Фаре къ его матери за время съ 1803 по 1814 годъ. Вступивъ въ 1803 году въ военную школу въ Фонтенебло, Фаре участвовалъ въ дѣлѣхъ подъ Эльшингеномъ, былъ посланъ въ Тироль, присутствовалъ при битвѣхъ подъ Іеной, стоялъ военнымъ постоемъ въ Познань, участвовалъ затѣмъ въ Ваграмскомъ сраженіи и въ 1812 году былъ въ походѣ въ Россію; къ сожалѣнію, письма, адресованныя имъ къ матери во время этой послѣдней компаніи, утрачены; сохранились только относящіеся къ 1813 году и ко времени битвъ подъ Дрезденомъ, Лейпцигомъ и Ганау; наконецъ, онъ сопутствовалъ Наполеону во время компаніи 1814 г. и былъ при Ватерло. Фаре былъ человѣкъ развитой и отважный; онъ хорошо наблюдаетъ событія и вѣрно судить о людяхъ; писалъ онъ живымъ и изящнымъ слогомъ. Издатель снабдилъ письма Фаре множествомъ точныхъ историческихъ примѣчаній, увеличивающихъ интересъ этого любопытнаго сборника.

Почти въ то же время Эрнестъ Бертенъ издалъ въ свѣтъ занимательную и любопытную книгу: „Общество времени консульства и имперіи“. Бертенъ занимается изученіемъ исторіи французскаго общества; ему мы обязаны интереснымъ сочиненіемъ о бракахъ въ старой Франціи. Въ нынѣ вышедшей книгѣ онъ избралъ предметомъ своихъ изслѣдованій общество временъ Наполеона по документамъ, напечатаннымъ за послѣднее десятилѣтіе; въ особенности онъ изучаетъ перемѣну, совершившуюся въ характерѣ женщины—кокетливой и причудливой въ прежнее время, а затѣмъ ставшей задумчивою и мечтательною; нѣсколько отдѣльныхъ статей, составляющихъ этотъ томъ, посвящено Луціану Бонапарте, запискамъ и перепискѣ г-жи де-Ремюза, запискамъ Меттерниха, сочиненіямъ о маршалѣ Даву и о г-жѣ де-Кюстинъ. Книга изобилуетъ любопытными анекдотами и остроумными воззрѣніями. Бертенъ пишетъ слогомъ простымъ, естественнымъ, гибкимъ и изящнымъ.

Французская Швейцарія отличается сильнымъ литературнымъ движеніемъ; это страна, гдѣ несомнѣнно много читаютъ; но книги,

издаваемыхъ тамъ, носятъ на себѣ болѣею частію отпечатокъ чисто мѣстный, провинціальный. Въ Парижѣ ихъ почти не знаютъ. Но вотъ книга, которую прочтутъ и не въ одной Женевѣ или Лозаннѣ; это—„Исторія литературы во французской Швейцаріи“, Филиппа Года (*Histoire littéraire de la Suisse française*). Года—талантливый поэтъ и въ то же время профессоръ въ Невшателѣ; онъ сотрудникъ *Bibliothèque Universelle de Genève* и корреспондентъ *Journal des Débats*; литературныя чтенія его въ Парижѣ имѣли успѣхъ. „Исторія литературы во французской Швейцаріи“ соприкасается во многомъ съ общею исторіей французской литературы. До реформаціи въ Швейцаріи было нѣсколько замѣчательныхъ лѣтописцевъ; во время реформаціи Женева, съ Кальвиномъ во главѣ, и Невшатель, съ Фарелемъ, сдѣлались важными центрами религіознаго движенія; послѣ уничтоженія Нантскаго эдикта огромное число выходцевъ удалилось изъ Франціи въ Швейцарію. Въ XVII вѣкѣ Лозаннская академія стала тамъ третьимъ литературнымъ центромъ; невшательскій настоятель Остервальдъ сдѣлалъ въ XVII вѣкѣ французскій переводъ Библии, наиболѣе распространенный въ то время. Въ XVII вѣкѣ Женева дала французской литературѣ Руссо и пріютила Вольтера. Ей же принадлежатъ ученые Бонне и де-Соссюръ, люди всемірной извѣстности. Въ Лозаннѣ вокругъ Гиббона образовалось цѣлое литературное общество; позже г-жа де-Шарриеръ привлекла въ Невшатель Бенжамена Констана; всѣмъ извѣстна роль Неккера и г-жи де-Сталь во время революціи и имперіи. Въ XIX вѣкѣ Швейцарія дала Сисмонди и г-жу де-Соссюръ, Родольфа Топфера, критика Вине, нѣсколькихъ даровитыхъ поэтовъ и романистовъ. Въ Лозаннѣ выходитъ теперь старѣйшій изъ существующихъ нынѣ французскихъ журналовъ—*Bibliothèque Universelle*, который вскорѣ вступитъ въ сотую годовщину своего существованія. Книга Года заключаетъ въ себѣ много любопытныхъ указаній и вполне заслуживаетъ чтенія.

Собраніе монографій, посвященныхъ французскимъ писателямъ, издаваемое Гашеттомъ, недавно обогатилось новою книгой—о Даламберѣ. Авторъ ея—Бертранъ, профессоръ Французской коллегіи, членъ академіи наукъ и Французской академіи. Подобно Даламберу, онъ—прекрасный писатель и извѣстный математикъ; знаменитый энциклопедистъ XVIII вѣка нашелъ въ лицѣ Бертрана достойнаго себѣ біографа.

Въ составъ того же собранія долженъ былъ войдти этюдъ о Ламартинѣ, написанный Шарлемъ де-Помэролемъ. Авторъ ея—поэтъ

философъ, впрочемъ мало писавшій; ему мы обязаны этюдами по философіи и книгою „Rêves et pensées“, удостоенною въ 1881 году преміи Французской академіи. Онъ давно уже углубился въ изученіе Ламартина, и книга его оказалась такимъ объемистымъ сочиненіемъ, что не могла быть включена въ составъ изданія Гамитта, выпуски котораго размѣромъ не болѣе 200 страницъ и стоимостью въ 2 франка. Итакъ, книга вышла особымъ изданіемъ. Имя Ламартина, столь извѣстное пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, теперь какъ будто позабыто; его затмила все возрастающая слава Виктора Гюго, успѣхъ научнаго матеріализма и школа такъ-называемыхъ поэтовъ-парнасцевъ (Les parnassiens), равнодушная къ идеѣ въ поэтическомъ произведеніи и проповѣдующая прежде всего непогрѣшимость формы; наконецъ, затмилъ Ламартина успѣхъ школы натуралистовъ. Но теперь Гюго не существуетъ; парнасцы надѣли, излишества школы натуралистовъ вызываютъ неизбежную реакцію. Самъ Ламартинъ до того самолюбивъ, лиризмъ его такъ субъективенъ, что онъ не оставилъ послѣ себя школы. Теперь возвращаются къ изученію и оцѣнкѣ его произведеній. Книга Помэроля несомнѣнно будетъ содѣйствовать этой реакціи. Это не біографія, а скорѣе этюдъ о творчествѣ поэта. Авторъ посвятилъ многія главы его различнымъ произведеніямъ Ламартина и знакомитъ съ ними читателя, дѣлая частія изъ нихъ выписки; для него слава Ламартина состоитъ въ томъ, что онъ всегда и всюду оставался представителемъ спиритуализма; критикъ заключаетъ свою книгу словами: „Къ нему возвратятся, чтобы вкусить наслажденіе нравственной красоты, которая выражается и въ прелести его художественнаго стиля“.

Вамъ извѣстны успѣхи, которыхъ достигло во Франціи изученіе старо-французскаго языка, благодаря трудамъ Гастона Париса, Поля Мейера, Браше и др. Изученіемъ старо-французскаго языка прежде занимались одни ученые и ученики *École des chartes*: теперь кругъ людей, имъ занимающихся, все болѣе и болѣе расширяется. Профессоръ словеснаго факультета въ Лионѣ Кледъ только что издалъ въ свѣтъ начальную грамматику старо-французскаго языка и грамматику историческую (*Hebraire Garnier*). Новаго въ ней то, что авторъ отъ современнаго состоянія языка восходитъ къ древнему. Особенно замѣчательна глава о глаголѣ. Начальная грамматика старо-французскаго языка, составленная Кледомъ, уже была увѣнчана Французскою академіей. Онъ издалъ также избранныя мѣста изъ сочиненій французскихъ писателей средневѣковой эпохи, небольшой словарь старо-французскаго языка и пѣснь о Роландѣ.

Одинъ изъ хранителей Парижской Национальной библиотеки Омонъ предпринялъ составить описаніе всѣхъ греческихъ рукописей, хранящихся во Франціи и даже въ сосѣднихъ съ нею государствахъ; онъ напечаталъ уже каталогъ греческихъ рукописей, находящихся въ библиотекахъ Парижа, Бельгіи, Швейцаріи и нѣкоторыхъ французскихъ департаментовъ. Теперь онъ издалъ (у Пикара) великолѣпный каталогъ греческихъ рукописей библиотеки Фонтенебло, составленной при Францискѣ I и Генрихѣ II. До начала XVI вѣка греческія рукописи были рѣдки во Франціи. Между тѣмъ какъ въ Италиі существовали уже превосходныя собранія ихъ, въ библиотекѣ Французскаго короля въ замкѣ Блуа было не болѣе сорока греческихъ манускриптовъ. Въ основаніе этой библиотеки положены были рукописи, вывезенныя изъ Италиі королемъ Карломъ VIII. Францискъ I началъ систематическое собраніе греческихъ рукописей въ своемъ замкѣ Фонтенебло. Онъ покупалъ или приказывалъ переписывать ихъ по всей Европѣ; по смерти его въ библиотекѣ Фонтенебло было уже около 550 греческихъ рукописей. Францискъ желалъ, чтобы тексты эти были опубликованы, и велѣлъ отлить съ этою цѣлью знаменитый шрифтъ, извѣстный подъ названіемъ греческаго королевскаго. Этимъ же шрифтомъ, хранящимся въ національной типографіи, и Омонъ напечаталъ греческіе тексты своего изданія. Въ царствованіе Генриха II было составлено нѣсколько каталоговъ греческими выходцами, и эти-то каталоги и изданы теперь Омономъ. Онъ приложилъ къ нимъ критическія примѣчанія и азбучный указатель. Это любопытное изданіе имѣетъ огромное значеніе для еллинистовъ и библиофиловъ. Въ типографскомъ отношеніи оно превосходно.

Вышелъ (у Гашетта) четвертый и послѣдній томъ замѣчательнаго труда Альфреда Фулье о философіи Платона, подъ заглавіемъ: „Очерки Платоновой философіи“ (Essais de Philosophie platonicienne). Въ нихъ говорится о законахъ познанія, бытія и любви, о логикѣ и психологіи Платона, о религіозномъ его ученіи и о будущности платонизма. Замѣчательное сочиненіе Фулье увѣнчано академіей нравственныхъ и политическихъ наукъ и Французскою академіей.

У того же издателя Шенъе (Chaignet) напечаталъ свою „Исторію греческой психологіи“ (2 тома въ 8-ку), заслуживающую вниманія. Бывшій профессоръ факультета въ Пуатье, а теперь попечитель тамошняго учебнаго округа, Шенъе — одинъ изъ трудолюбивѣйшихъ французскихъ провинціальныхъ ученыхъ. Въ 1863 году его опытъ о

психологін Платона былъ увѣнчанъ Французскою академіей, а въ 1871 году его этюдъ о жизни и твореніяхъ Платона былъ удостоенъ преміи академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ; той же чести удостоился и его опытъ о психологін Аристотеля. „Исторія греческой психологін“ составитъ три тома: первый (вышедшій въ 1887 году) трактуетъ о греческой психологін до Аристотеля и за его время; теперь вышедшій — о психологін стоиковъ, Эпикура и скептиковъ. Шенье избранъ членомъ-корреспондентомъ академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ.

Выпуски „Большой Энциклопедіи“ продолжаютъ появляться съ большою правильностію. Послѣдній 8-й томъ, только что вышедшій, заключаетъ въ себѣ слова отъ Bri до Canada. Въ немъ есть нѣсколько статей, которыя могутъ быть названы цѣлыми монографіями: Bronze (Жирана), Bruxelles (Гюбера, профессора Льежскаго университета), Bucarest (Моннье), Budapest (Сейу), Budget (Сувирана), Bulgarie (Лежера), Bulle (Биолле), Byzantin—искусство и государство (Байе), Cable (Кюба), Café (Жирана), Caisse (Сувирана), Calendrier (нѣсколькихъ сотрудниковъ), Calorimètre (Бертело), Cambodje (Анри Кордье), Canada (Салона), Canal (Лешалъ). „Большая Энциклопедія“ посвящаетъ обширныя статьи предметамъ важнымъ, но въ то же время не пренебрегаетъ никакими мелочами и даетъ множество статей, не встрѣчающихся въ другихъ энциклопедіяхъ.

Недавно мы лишились извѣстнаго оріенталиста Павэ-де-Куртеля, бывшаго членомъ академіи надписей и профессоромъ турецкаго языка и литературы во Французской коллегіи. Онъ родился въ 1821 году. Въ числѣ его трудовъ особенно замѣчательны: изданіе съ переводомъ исторіи похода Кемаль-Паши въ Могачъ (1859), „Золотыхъ луговъ“ Масуди и записокъ султана Бабера. Кромѣ того, имъ изданы „Словарь восточно-турецкаго языка“ (1870) и книга подъ заглавіемъ: „Современное состояніе Оттоманской имперіи“ (État présent de l'empire Ottoman). Онъ много изучалъ народную словесность обитающихъ въ Россіи турецкихъ племенъ и намѣревался перевести собраніе ея произведеній, изданное академикомъ Радловымъ. Павэ-де-Куртель былъ членомъ-корреспондентомъ вашей Академіи Наукъ; его сочиненія весьма цѣнились турецкими учеными.

Л. Л—ръ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ИМПЕРАТОРСКАЯ АКАДЕМІЯ НАУКЪ.

I.

Отчетъ по физико-математическому и историко-филологическому отдѣленіямъ за 1889 годъ ¹⁾.

Во всей длинной лѣтописи Академіи, можетъ быть, не найдется года, который былъ бы, какъ нынѣшній, отмѣченъ такими тяжкими для нея и многими утратами. Одинъ за другимъ сошли въ могилу: президентъ графъ Дмитрій Андреевичъ Толстой, вице-президентъ Викторъ Яковлевичъ Буняковский и академикъ Владиміръ Павловичъ Безобразовъ. Горестны для насъ были эти утраты, чувствительны онѣ были для всего строя академической жизни. Утѣшеніемъ намъ могло лишь служить сознаніе, что отошедшіе отъ насъ дѣятели оставили намъ послѣ себя въ наслѣдіе славныя имена, которыя останутся навсегда памятны въ лѣтописяхъ нашихъ.

Графъ Толстой былъ призванъ волею Монаршею занять постъ главнаго руководителя Академіи въ то время, когда предѣстникъ его, графъ Ѳ. П. Литке, взсканннй отъ Всевышняго тяжкимъ уже для него долголѣтіемъ и пораженный старческими недугами, лишавшими его возможности быть полезнымъ Академіи, просилъ и получилъ увольненіе отъ званія президента. Поступая на его мѣсто, графъ Толстой былъ болѣе, чѣмъ кто-либо изъ его предшественниковъ,

¹⁾ Составленъ и читанъ непремѣннымъ секретаремъ академикомъ К. С. Веселовскимъ въ публичномъ засѣданіи Академіи 29-го декабря 1888 г.

приготовленъ въ плодотворной, но и трудной, предстоявшей ему дѣятельности по управленію высшимъ ученымъ учрежденіемъ въ имперіи. Съ значеніемъ, нуждами и слабыми сторонами Академіи онъ близко ознакомился передъ тѣмъ, еще въ бытность въ теченіи 14 лѣтъ (1866—1880) министромъ народнаго просвѣщенія. Но это знакомство получило для себя еще болѣе широкую, такъ сказать, документальную основу, послѣ оставленія имъ этого министерства. И здѣсь да позволено мнѣ будетъ сохранить для нашей исторіи и для будущаго біографа графа Толстаго характерную черту, свидѣтельствующую о томъ, какъ онъ любилъ ученія занятія и какъ основательно дѣлалъ всякое дѣло. Располагая, послѣ увольненія отъ министерскихъ обязанностей, болѣшимъ досугомъ, онъ посвятилъ его историческимъ трудамъ, избравъ предметомъ ихъ царствованіе императрицы Екатерины II, и въ особенности—заботы великой монархини объ учебной части въ нашемъ отечествѣ. Изучивъ въ подробности архивъ бывшаго своего министерства, онъ, занявшись исторіею нашего просвѣщенія въ XVIII вѣкѣ, естественно остановился на неразрывно связанной съ нею исторіи нашей Академіи. По его желанію, ему были постепенно доставляемы изъ нашего архива всѣ переплетенные томы бумагъ бывшей академической канцеляріи, вѣдавшей административныя дѣла Академіи въ XVIII столѣтіи. Такъ перебралъ онъ въ короткое время весь этотъ архивъ; но послышавшіеся ему для просмотра архивныя фоліанты возвращались отъ него, для замѣны ихъ другими, такъ скоро, что невольно—каюсь въ томъ—рождалось предположеніе, что просмотръ съ его стороны былъ лишь бѣглый, приблизительный, работа барича-диллетанта, удовлетворяющагося верхушками. Но какъ же былъ я впоследствии удивленъ, пораженъ, внутренне пристыженъ, когда онъ, будучи уже президентомъ и получивъ повелѣніе занять трудный и отвѣтственный постъ министра внутреннихъ дѣлъ, раскрылъ передо мною, въ своемъ кабинетѣ, особый шкафъ, съ толстыми переплетенными томами, въ которыхъ въ величайшемъ порядкѣ была размѣщена масса собственноручно сдѣланныхъ графомъ подробныхъ выписокъ, копій и извлеченій изъ документовъ, найденныхъ имъ въ нашемъ архивѣ и полезныхъ для задуманнаго имъ историческаго труда. Взглянувъ на нихъ съ сожалѣніемъ и какъ бы прощаясь съ ними до времени, онъ замѣтилъ, что теперь это только матеріалы для работъ ему въ старости, когда онъ уже не будетъ годенъ для службы Царю: теперь же нужно не писать исторію, а дѣлать ее.

Вступая въ Академію въ качествѣ президента, гр. Толстой приносилъ съ собою большую опытность въ дѣлахъ и давнишнее знаніе людей. Твердость характера счастливо сочеталась въ немъ съ доброжелательствомъ и обходительностью высоко образованнаго свѣтскаго человѣка. При такихъ качествахъ ему не трудно было, съ первыхъ же шаговъ, самымъ мирнымъ образомъ, положить конецъ тѣмъ печальнымъ „недоразумѣніямъ“, которыми, къ прискорбію, были омрачены послѣдніе годы президентства гр. Литке, и направить всю дѣятельность Академіи на развитіе тѣхъ трудовъ, которые составляютъ ея цѣль и назначеніе.

При всей краткости времени, что онъ былъ нашимъ президентомъ, всего семь лѣтъ ¹⁾, графъ Толстой успѣлъ много сдѣлать для Академіи. Главною его заслугою было оживленіе въ ней трудовъ по русской исторіи. Человѣкъ высокаго ума, онъ равно цѣнилъ всѣ науки; но какъ у истаго русскаго, сердце у него, съ полнымъ правомъ, ближе лежало къ наукѣ, хранительницѣ самыхъ дорогихъ для насъ родныхъ воспоминаній и преданій, наукѣ, въ которой отражается и на которой опирается наше народное самосознаніе. Многосе изъ того, что онъ замышлялъ сдѣлать по этой части, онъ не успѣлъ исполнить за своею кончиною; но и тѣ, что имъ сдѣлано, оставитъ глубокой слѣдъ въ развитіи у насъ трудовъ по отечественной исторіи.

Крупною, личною заслугою его было привлеченіе въ ряды академическихъ дѣятелей сенатора Н. В. Калачова, незабвеннаго радѣтеля объ архивномъ дѣлѣ въ Россіи, устроителя богатаго историческими сокровищами Московскаго архива министерства юстиціи, создателя археологическаго института, этого разсудливаго ученаго русскаго архивистовъ. По мысли Калачова и при поддержкѣ графа Толстаго, начала Академія издавать, въ двухъ обширныхъ, многотомныхъ сборникахъ важнѣйшіе, дотолѣ неизвѣстные документы, разъясняющіе государственный строй и внутренній бытъ Россіи, какъ временъ Петра Великаго, такъ и въ предшествовавшую его реформамъ эпоху Московскихъ царей. Обработка и печатаніе „Актовъ Московскаго государства“ обезпечены особю, исходатайствованною гр. Толстымъ спеціальною суммою, назначенною на розысканіе въ архивахъ и на

¹⁾ Любопытна случайность, по которой важнѣйшія событія въ жизни графа Д. А. Толстаго приходились на апрѣль: 14-го апрѣля 1866 г. былъ онъ назначенъ министромъ народнаго просвѣщенія, и 14-го апрѣля 1880 г. уволенъ отъ этой должности; 25-го апрѣля 1883 г. назначенъ президентомъ Академіи, и 25-го апрѣля 1889 г. скончался.

обнародованіе важнѣйшихъ для русской исторіи документовъ XVI и XVII столѣтій.

Ходатайству его же мы обязаны пожалованіемъ другой специальной суммы на изданіе матеріаловъ, хранящихся въ нашемъ архивѣ для исторіи самой Академіи и интересныхъ вообще для изображенія русскаго просвѣщенія въ прошедшемъ столѣтіи. Графъ Толстой и самъ внесъ посильную лепту для разработки этой исторіи четырьмя обширными записками, напечатанными въ нашихъ изданіяхъ, — объ учебной части въ Россіи въ XVIII столѣтіи, о городскихъ училищахъ въ царствованіе Императрицы Екатерины II и объ университетѣ и гимназій, существовавшихъ при Академіи Наукъ въ прошломъ столѣтіи.

Учрежденныя съ 1884 года, по стараніямъ Калачова и по проекту гр. Толстаго, въ нѣкоторыхъ губерніяхъ ученныя архивныя коммисіи и историческіе архивы стали дѣятельными центрами сохраненія и обработки для науки письменныхъ памятниковъ старины, разбѣянныхъ въ разныхъ частяхъ Россіи.

Наконецъ, нельзя пройти молчаніемъ, что лишь подъ покровительствомъ гр. Толстаго могли быть Академіею изданы теперь же, въ полномъ ихъ видѣ, завѣщанныя ей, написанныя лишь для потомства, „Записки“ присвопаятнаго Іосифа, митрополита Литовскаго, столь важныя для исторіи одного изъ самыхъ славныхъ дѣлъ царствованія императора Николая I, возсоединенія миллионовъ униатовъ съ православною церковью.

Но, любя отечественную исторію, какъ долженъ ее любить всякій русскій, гр. Толстой съ равною готовностью подавалъ руку помощи академическимъ предпріятіямъ и по другимъ отраслямъ наукъ. Его предстательству предъ Престоломъ обязана Академія значительными средствами, позволившими осуществить давнишнюю, завѣтную ея мечту объ ученомъ изслѣдованіи, путемъ снаряженія особой экспедиціи, самыхъ полярныхъ окраинъ сибирскаго материка и Ново-Сибирскихъ острововъ. Имъ же исходатайствованы, отъ щедротъ Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича, необходимыя средства для достойнаго изданія въ свѣтъ обрабатываемыхъ Академіею научныхъ результатовъ путешествій Пржевальскаго по Центральной Азіи. Много стараній приложилъ онъ для доставленія нашей главной физической обсерваторіи способовъ къ расширенію и усовершенствованію нашей системы метеорологическихъ наблюденій, въ видахъ точнѣйшаго изученія климата разныхъ частей Россіи и

примѣненія результатовъ такого изученія къ удовлетворенію житейскихъ потребностей страны.

Возведенное, во время его президентства, красивое новое зданіе, примыкающее къ библіотекѣ, позволило дать этому столь существенно важному для ученыхъ занятій учрежденію нашему необходимое расширение помѣщенія его, вмѣстѣ съ тѣмъ доставило возможность изъ накопившихся у насъ, въ теченіе полутора вѣка существованія Академіи, драгоценныхъ этнографическихъ коллекцій образовать цѣлый этнографическій музей, по своему составу и устройству вполнѣ достойный этого названія.

Наконецъ, желая доставить Академіи болѣе значительныя средства поощрять ученые труды въ Россіи по наукамъ, входящимъ въ кругъ нашихъ занятій, графъ Толстой и его супруга, графиня Софія Дмитриевна, пожертвовали въ 1883 г. болѣе 19,500 руб. въ капиталъ премій, носящихъ имя графа, съ тѣмъ, чтобы эти преміи могли быть присуждаемы не черезъ каждые три года, какъ было дотошъ, а ежегодно.

Вотъ, мм. гг., факты, говорящіе сами за себя; вотъ какія услуги графомъ Толстымъ, какъ президентомъ, оказаны наукѣ въ средѣ академіи. О нихъ благодарная исторія сохранитъ память и до тѣхъ отдаленныхъ временъ, когда уже не останется въ живыхъ никого изъ его современниковъ, могущихъ свидѣтельствовать о томъ, какое глубокое уваженіе питали всѣ мы къ его свѣтлой и благородной личности.

Другою чувствительною потерей для насъ была кончина всѣми высокопочитаемаго, старѣйшаго изъ членовъ Академіи, Нестора русскихъ математиковъ, Виктора Яковлевича Буяковскаго. Спокойна и тиха была его кончина, какъ спокойна и тиха была его долгая жизнь. Годы подкрадывались къ нему незамѣтно, почти не давая себя знать на его душевныхъ способностяхъ, такъ что всѣ мы, видя его передъ нами въ теченіи длиннаго ряда лѣтъ всегда одинаково бодрымъ и умственно здоровымъ, могли подъ часъ забывать, что человекъ смертенъ.

Викторъ Яковлевичъ родился въ 1804 г. 3-го декабря, въ Подольской губерніи, въ историческомъ мѣстечкѣ Барѣ, гдѣ отецъ его, родомъ изъ Малороссіи, состоялъ въ то время на службѣ, подполковникомъ конно-польскаго уланскаго полка. Ранняя смерть отца (онъ умеръ 37 лѣтъ, въ 1809 г., въ Тавастгусѣ, въ Финляндіи, гдѣ находился со своимъ полкомъ) имѣла рѣшающее вліяніе на всю

судьбу будущаго математика. Его мать, по недостатку средствъ, не могла заняться его воспитаніемъ, но эту заботу принялъ на себя ротный сослуживецъ и другъ его отца, А. П. Тормасовъ, бывшій съ 1819 года московскимъ генераль-губернаторомъ. Въ домѣ его, въ Москвѣ, молодой Буняковскій получилъ домашнее воспитаніе, вмѣстѣ съ сыномъ Тормасова, и вмѣстѣ съ нимъ же былъ отправленъ въ 1820 г., при гувернерѣ, за границу для довершенія своего образованія. Эта счастливая для него случайность привела бѣднаго, но даровитаго и жаднаго къ ученію молодаго человѣка, черезъ Кобургъ, въ которомъ онъ пользовался частными уроками, и черезъ Лозанну, гдѣ онъ слушалъ лекціи въ тамошней академіи, наконецъ, въ Парижѣ въ то время, когда французская школа математики была тамъ въ полномъ блескѣ, когда тамъ жили и учили Лапласъ, Фурье, Пуассонъ, Коши, Лежандръ, Лавруа, Амперъ, Араго и др. Здѣсь-то, слушая этихъ знаменитыхъ ученыхъ, то на лекціяхъ въ Сорбоннѣ, то въ Collège de France, усвоилъ себѣ Буняковскій тѣ отличительныя качества французской математической школы—простоту и ясность, то, что называютъ изяществомъ изложенія, которыя онъ потомъ, возвратясь въ отчество, перенесъ къ намъ и долгимъ своимъ преподаваніемъ водворилъ въ Россіи.

Быстро, въ теченіе одного года (1824), получилъ онъ степень бакалавра (каплдата) и лиценціата (магистра), а въ слѣдующемъ уже году, по публичномъ защищеніи двухъ напечатанныхъ имъ диссертаций—одной по механикѣ, а другой по математической теоріи теплоты, удостоенъ отъ факультета наукъ парижской академіи степени доктора математики. Съ докторскимъ дипломомъ въ карманѣ прибылъ Буняковскій въ 1826 г. въ Петербургъ, въ весьма благоприятную для него пору.

Если счастьемъ можетъ считаться попадать встать и впасть куда нужно, то такое счастье выпало вполне на долю Буняковского. Въ то время, какъ онъ, окончивъ ученье, долженъ былъ помышлять о томъ, что изъ себя сдѣлать, и мечталъ уже о военной службѣ, по слѣдамъ своего отца, извѣстнаго своею храбростію улана, — обстоятельства повернули его совѣмъ въ другую сторону. Во время одно состояніе математики какъ въ высшемъ ученюмъ, такъ и въ педагогическихъ сферахъ столицы представляло такіе недочеты, что появленіе на петербургскомъ горизонтѣ 22-лѣтняго юноши, успѣвшаго послушать парижскихъ профессоровъ, составило собою уже замѣтное событіе. Не далѣе какъ черезъ два года по пріѣздѣ его въ сто-

лицу, передъ нимъ гостепріимно распахнулись двери Академіи Наукъ, и затѣмъ начались, постепенно разрастаясь, многочисленныя занятія по преподаванію математики въ разныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ столицы.

Съ этой поры и до самыхъ послѣднихъ дней его жизни тянется для него длинная вереница годовъ — „обѣдовъ длинный рядъ“, —однообразно протекавшихъ въ ученыхъ трудахъ. Если вообще жизнь ученыхъ, проводящихъ все время въ кабинетной тиши, рѣдко представляетъ какіе нибудь интересные эпизоды, могущіе сообщить ихъ біографіямъ занимательность для постороннихъ, то это еще въ большей мѣрѣ примѣняется къ біографіи Бунаковского, у котораго одною изъ выдающихся сторонъ его характера было необыкновенное постоянство привычекъ. Онъ столь же крѣпко держался разъ принятаго порядка своего домашняго быта, какъ другіе любятъ пережѣвы въ жизни.

Одною изъ такихъ привычекъ была для него умственная работа; онъ жилъ, когда работалъ, и жилъ только, чтобы работать, и его біографія почти вся укладывается въ рамки его библиографіи. Велико число болѣе или менѣе обширныхъ трудовъ, напечатанныхъ имъ въ теченіи свыше 60-лѣтней его ученой дѣятельности, въ разныхъ русскихъ и отчасти иностранныхъ изданіяхъ, но въ особенности въ изданіяхъ нашей Академіи. Они обогатили разные отрасли математики: исчисленіе конечныхъ разностей, дифференціальное и интегральное исчисленіе, механику, геометрію, теорію вѣроятностей и преимущественно теорію чиселъ, любимый предметъ занятій Бунаковского. Всѣ они отличаются изяществомъ изложенія и останутся навсегда драгоценнымъ достояніемъ и украшеніемъ русской математической литературы.

Какъ человекъ. Викторъ Яковлевичъ представлялъ собою образецъ высоко-нравственной личности: всегда строгій къ самому себѣ, благодушный и снисходительный ко всѣмъ, онъ, не смотря на свою казавшуюся мягкость, былъ стоекъ въ своихъ убѣжденіяхъ и никогда ими не поступался ни для кого и ни для чего, подчиняясь во всѣхъ житейскихъ обстоятельствахъ глубокому чувству долга. Въ теченіи своей долгой жизни онъ многихъ имѣлъ друзей и пріятелей и никогда не имѣлъ враговъ и противниковъ; многимъ дѣлалъ добро и никому не сдѣлалъ зла, по крайней мѣрѣ сознательно. Взысканный отъ Бога счастливымъ долголѣтіемъ, онъ пользовался во всю свою жизнь и до послѣдняго издыханія утѣхами тихаго, безмятежнаго семейнаго счастья.

Смерть не пощадила и немногочисленного историко-филологического отдѣленія нашего. Жертвою ея палъ одинъ изъ младшихъ по годамъ членъ его, академикъ Владиміръ Павловичъ Безобразовъ, умершій 29-го августа, въ гор. Дмитровѣ, Московской губерніи, на 61-мъ году жизни. Кончина его была потерей не для одной науки и Академіи. Всѣ присутствующіе здѣсь конечно еще помнятъ тѣ дружныя проявленія соболѣзнованія, какими встрѣчена была вѣсть о его смерти въ самыхъ разнообразныхъ кругахъ, и которыя указали какое мѣсто онъ занималъ въ современномъ обществѣ.

В. П. Безобразовъ родился въ 1829 году, 3-го января, въ городѣ Владиміръ. Образование получилъ въ Александровскомъ лицейѣ, въ томъ XV-мъ курсѣ, котораго первые два года протекли еще въ Пушкинскомъ лицейѣ, въ Царскомъ Селѣ, и воспитанники котораго, съ третьяго года, уже въ Петербургѣ, дочитывали профессорскія записки и учебники вплоть до своего выпуска въ 1847 году. Это перемѣщеніе лица изъ мирныхъ царскосельскихъ садовъ въ столичную среду совпало, по времени, съ тою памятною эпохою, когда новыя политическія системы и экономическія ученія стали доноситься до насъ съ запада и находили для себя особенно воспримчивую почву въ нашей тогдашней молодежи. Любопытный и впечатлительный, Безобразовъ сталъ тогда уже съ увлеченіемъ изучать теоріи новѣйшихъ въ то время экономистовъ, а разъ ознакомившись съ ними, онъ весь отдался разработкѣ тѣхъ разнообразныхъ вопросовъ, отъ разрѣшенія которыхъ, по доктринамъ экономистовъ, обѣщалось необыкновенное поднятіе народнаго благосостоянія. То, что было сначала дѣломъ увлеченія молодыхъ лѣтъ, стало потомъ задачею всей жизни.

Кто посвящаетъ себя изученію законовъ, управляющихъ экономическою жизнью народовъ, рѣдко можетъ удержаться въ сторонѣ отъ сферы практической дѣятельности, отъ непосредственнаго прирѣшенія выводовъ, добытыхъ спекулятивнымъ путемъ, къ вопросамъ дня. По живости своего темперамента, Безобразовъ не избѣгъ такого направленія; его всегда занимала не столько разработка отвлеченныхъ теорій политической экономіи, сколько возможность приложенія истинъ науки къ задачамъ, выдвигаемымъ на очередь ходомъ современной народнои жизни.

Нельзя не поставить Безобразову въ заслугу, что, не смотря на все разнообразіе положеній, въ которыя ставила его служебная его карьера, не смотря даже на то, что по живости и подвижности

своей натуры онъ не замыкался исключительно въ тиши кабинета и не ограничивался одною своею спеціальностью, онъ остался навсегда вѣренъ однажды избранной имъ себѣ наукѣ. А служебное его поприще было замѣчательно разнообразно и представляло вѣроятно не разъ искушеніе измѣнить ей.

Непосредственно по выпускѣ изъ лицея, служба его началась въ государственной канцеляріи (1847). Вслѣдъ за тѣмъ видимъ мы его, въ теченіи пяти лѣтъ, въ департаментѣ разныхъ податей и сборовъ, въ различныхъ должностяхъ служебной лѣстницы, затѣмъ въ министерствѣ государственныхъ имуществъ, то начальникомъ отдѣленія въ канцеляріи его, то редакторомъ Журнала Министерства. Затѣмъ появляется онъ въ комиссіи при министерствѣ финансовъ о земскихъ банкахъ и объ улучшеніи системы податей и пошлинъ, чтобы вскорѣ затѣмъ перейти въ провіантское вѣдомство военнаго министерства, гдѣ онъ одно время несетъ обязанности помощника обер-провіантмейстера С.-Петербургской и Псковской губерній, и наконецъ назначается членомъ совѣта министра финансовъ (1864), членомъ Академіи Наукъ (1865) и сенаторомъ (1885).

Рядомъ съ исполненіемъ разнообразныхъ обязанностей этой разнообразной службы идутъ почти ежегодно, начиная съ 1860 года, въ теченіи лѣтнихъ мѣсяцевъ, путешествія его, командировки съ ученою цѣлью, то за границу—для изученія иностранныхъ поземельныхъ банковъ или для обозрѣнія заграничныхъ университетовъ, то въ разныхъ губерніи Россіи—разъ для собранія свѣдѣній о видахъ и намѣреніяхъ землевладѣльцевъ относительно учрежденія земскихъ банковъ и о состояніи оборотовъ приказовъ общественнаго призрѣнія,—въ другой разъ—для изученія вопроса объ учрежденіи на новыхъ основаніяхъ должности губернскихъ механиковъ,—или для собранія свѣдѣній на нижегородской и другихъ армаркахъ о промышленности и торговлѣ на нихъ. Въ иные года, мы видимъ его въ разныхъ губерніяхъ—изучающимъ положеніе льняной промышленности Россіи или на Уралѣ обозрѣвающимъ тамошніе казенные горные промыслы. Но любимую цѣлью его лѣтнихъ командировокъ въ теченіи послѣднихъ двадцати лѣтъ были Московская и окружающія ея губерніи для изученія тамъ заводской и фабричной производительности.

Эти мѣстные изслѣдованія и занятія въ разныхъ правительственныхъ комиссіяхъ доставили содержаніе для множества трудовъ, напечатанныхъ имъ—однихъ по обязанности службы,—другихъ въ видѣ самостоятельныхъ ученыхъ работъ. Какъ ни значительно было

число такихъ трудовъ, они не исчерпывали всей его дѣятельности. Скорбя о томъ, что ученые труды недостаточно читаются, онъ охотно прибѣгалъ и къ другимъ средствамъ пронаганды экономическихъ учений. Съ особенною любовью занимался онъ передачею этихъ учений молодымъ поколѣніямъ, профессорствуя въ теченіе десяти лѣтъ (1869—1879) въ томъ самомъ лицейѣ, въ которомъ онъ и самъ впервые увидалъ свѣтъ науки. Но еще постоянно, долѣе и съ большимъ воодушевленіемъ, держалъ онъ въ рукахъ перо публициста, сотрудничая, почти во всѣ періоды своей жизни, въ разныхъ периодическихъ изданіяхъ самыхъ противоположныхъ направленій, отъ большихъ ежедневныхъ политическихъ вѣдомостей обѣихъ столицъ, до толстыхъ ежемѣсячныхъ журналовъ, съ иллюстраціями и безъ нихъ, издавая одно время даже и самъ газету Вѣкъ, не отличившуся впрочемъ долговѣчіемъ.

И нельзя не удивляться подвижности его мысли, легкости у него работы, разнообразію и обширности познаній, когда видишь на какихъ разнообразныхъ поприщахъ онъ успѣвалъ дѣйствовать, съ какою легкостью переходилъ онъ изъ залы совѣщаній высшихъ административныхъ учреждений къ кафедрѣ профессора, отъ кочеваній туриста по всѣмъ угламъ обширнаго нашего отечества къ сидячей жизни кабинетнаго труженика и къ лихорадочной работѣ задорнаго журналиста, поддерживая въ то же время самыя живыя связи съ обширнымъ кругомъ образованныхъ людей своего времени. Находя, что и письмо есть еще не довольно быстрое средство передачи мыслей, онъ особенно любилъ изустныя бесѣды въ пріятельскихъ кружкахъ, передъ которыми, „давъ волю словъ теченію“, въ живыхъ импровизаціяхъ пропагандировалъ свои излюбленныя политико-экономическія убѣжденія.

Изображеніе такой разнохарактерной и разнородной дѣятельности, далеко заходящей за края академической рамки, конечно не укладывается въ скромные размѣры нашихъ отчетовъ. Для полной оцѣнки жизни и трудовъ Безобразова нуженъ былъ бы просторъ отдѣльной монографіи, и можно надѣяться, что изъ обширнаго круга его читателей и пріятелей найдется кто нибудь, кто соблазнится принять на себя выполненіе такой нелегкой задачи.

Истекающій годъ не обошелся безъ прискорбныхъ утратъ и изъ числа нашихъ внѣшнихъ членовъ. Со списка почетныхъ членовъ исчезло громкое имя инженеръ-генералъ-лейтенанта Германа Егоровича Паукера, извѣстнаго своею ученостью по инженерному искусству

(† 29-го марта). Изъ нашихъ членовъ-корреспондентовъ скончались: Варенъ-Деларю, въ Лондонѣ, славный своими трудами по усовершенствованію небесной фотографіи; всемірно извѣстный химикъ Шеврель († 28-го марта, въ Парижѣ); тайный совѣтникъ Рудольфъ Эрнестовичъ Траутфеттеръ, въ Петербургѣ († 12-го января), одинъ изъ лучшихъ знатоковъ флоры Россіи; Амари, ученый римскій профессоръ и историкъ († 16-го іюля, въ Флоренціи); баронъ де-Вить, членъ института въ Парижѣ, извѣстный своими заслугами въ области классической археологіи († 29-го іюля); наконецъ, ученые представители восточной словесности: тайный совѣтникъ Керопе Петровичъ Паткановъ († 2-го апрѣля, въ С.-Петербургѣ), Уильямъ Райтъ, въ Кембриджѣ, и Паве-де-Куртейль, членъ института въ Парижѣ († 14-го декабря).

Исполняя обязанность, возлагаемую на непремѣннаго секретаря уставомъ Академіи, имѣю честь представить снисходительному вниманію вашему, мм. гг., обзоръ ученыхъ трудовъ, бывшихъ въ теченіе года предметомъ чтеній въ засѣданіяхъ физико-математическаго и историко-филологическаго отдѣленій и затѣмъ напечатанныхъ или приготавливаемыхъ къ печати въ нашихъ изданіяхъ.

По математикѣ академикъ П. Л. Чебышевъ, въ опубликованной имъ запискѣ о приближенныхъ выраженіяхъ квадратнаго корня перемѣнной черезъ простыя дроби, показалъ приложеніе общей, данной имъ прежде, теоремы относительно приближенныхъ выраженій, къ случаю, который особенно часто представляется въ практикѣ.

Работою, читанною другимъ нашимъ математикомъ, академикомъ В. Г. Имшенецкимъ объ интегрированіи симметрическихъ дифференціальныхъ уравненій, къ небольшому числу изслѣдованныхъ доселѣ типичныхъ формъ системъ дифференціальныхъ уравненій, характеризуемыхъ ихъ особыми свойствами, присоединена еще одна новая форма, не лишенная интереса уже потому, что она, можетъ быть, представляетъ собою лишь первый видъ въ классѣ дифференціальныхъ уравненій болѣе сложной симметріи, каковы, на примѣръ, дифференціальныя уравненія динамики.

А. А. Марковъ сообщилъ Академіи рѣшеніе одного вопроса, частный случай котораго встрѣтился профессору Д. И. Менделѣеву при изслѣдованіи имъ водныхъ растворовъ по удѣльному вѣсу. По методамъ, приложеннымъ къ рѣшенію этого вопроса, статья г. Маркова примыкаетъ къ трудамъ П. Л. Чебышева и покойнаго Е. И. Золотарева о функціяхъ наиболѣе и наименѣе отклоняющихся отъ

вуля. Кромѣ того онъ напечаталъ первую часть своихъ изслѣдованій объ исчисленіи конечныхъ разностей и сообщилъ, что ему удалось, при помощи двукратныхъ суммъ, преобразовать многіе, медленно сходящіеся ряды въ быстро сходящіеся. Свои изслѣдованія по этому предмету онъ надѣется опубликовать въ будущемъ году.

Изъ трудовъ постороннихъ ученыхъ, весьма цѣннымъ вкладомъ въ науку явились въ нашихъ изданіяхъ новыя изслѣдованія профессора Д. К. Бобылева о началѣ Гамильтона или Остроградскаго и о началѣ наименьшаго дѣйствія (главы III и IV), служащія продолженіемъ разсужденія о томъ же предметѣ, появившагося прежде въ Запискахъ Академіи, и представляющія рѣшеніе нѣкоторыхъ труднѣйшихъ вопросовъ механики.

По астрономіи предметомъ чтенія академика О. А. Баклунда были поправка рефракціи отъ температуры изъ наблюденій, произведенныхъ г. Винке съ 1861 по 1864 г. Пулковскимъ меридіаннымъ кругомъ. Г. Баклундъ показалъ, что изъ этихъ наблюденій поправка, зависящая отъ температуры, конечно, можетъ быть выведена довольно точно; но для строгаго опредѣленія рефракціи трудность представляется въ томъ, что ее не легко отдѣлать отъ вліянія температуры на астрономическое гнугіе, а между тѣмъ дѣло идетъ о весьма малыхъ величинахъ. Къ рѣшенію этого вопроса могутъ быть приложены выводы прежнихъ изслѣдованій г. Баклунда. Но другаго рода трудностью, имѣющею вліяніе на точность результата, является разность рефракціи къ югу или къ сѣверу, измѣняющаяся со дня на день и необъяснимая показаніями метеорологическихъ инструментовъ.

По астрономіи же и геодезіи укажемъ кромѣ того на предложенную генераломъ А. Р. Вонсдорфомъ формулу для вычисленія дугъ параллели земнаго эллипсоида, и на предварительные выводы, сдѣланные адъютантъ-астрономомъ Пулковской обсерваторіи Г. О. Струве изъ наблюденій надъ двумя спутниками Сатурна.

По физикѣ, ученый лаборантъ нашего физическаго кабинета О. Д. Хвольсонъ, сообщившій прежде въ Бюллетенѣ результаты произведенныхъ имъ опытныхъ изслѣдованій о внутреннемъ свѣторазсѣяніи въ молочныхъ стеклахъ, дополнилъ теперь эту работу опытомъ математической теоріи такого свѣторазсѣянія, и если, можетъ быть, онъ не успѣлъ при этомъ побѣдить всѣхъ трудностей, какія представляла самая сложность задачи, то во всякомъ случаѣ его попытка можетъ дать поводъ къ дальнѣйшимъ полезнымъ работамъ по тому же предмету.

Исслѣдованія земного магнетизма и законовъ атмосферныхъ явленій на всемъ пространствѣ Россіи составили предметъ цѣлаго ряда трудовъ, читанныхъ въ нынѣшнемъ году въ нашихъ засѣданіяхъ. Предложенный академикомъ Г. И. Вильдомъ въ 1884 г. способъ къ тому, чтобы въ варіаціяхъ земного магнетизма отдѣлять періодическую ихъ часть, или такъ-называемый нормальный ходъ ихъ, отъ неперіодической части, или такъ-называемыхъ возмущеній, былъ признанъ помощникомъ директора Екатеринбургской обсерваторіи П. К. Мюллеромъ къ изслѣдованію измѣненій магнетизма въ Петербургѣ и Павловскѣ на основаніи наблюденій 1873—1885 годовъ. При помощи полученныхъ при этомъ результатовъ и изъ обработки прежде сдѣланныхъ въ С.-Петербургѣ наблюденій академикъ Вильдъ доказалъ, что выведенный по его способу нормальный суточный ходъ склоненія не только весьма просто даетъ и возмущенія его, но и доставляетъ объясненія бывшихъ доселѣ непонятными вѣковыхъ измѣненій обыкновеннаго суточнаго хода склоненія. Точно также и въ возмущеніяхъ обнаруживается, какъ и въ нормальномъ ходѣ, простая суточная періодичность, при которой наибольшія и наименьшія величины лишь иначе располагаются и для обѣихъ эти періоды отъ одного года до другаго различаются только своими амплитудами, причемъ величина сихъ послѣднихъ соотвѣтствуетъ періодамъ, замѣченнымъ въ отношеніи солнечныхъ пятенъ. Изъ совмѣстнаго расположенія этихъ двухъ простыхъ періодовъ съ ихъ измѣняющимися въ теченіе года амплитудами, возникаютъ тѣ сложныя измѣненія формъ, которыя изъ года въ годъ наблюдались непосредственно въ суточномъ ходѣ склоненія. Послѣ этого сама собою бросается въ глаза вся важность представляемаго для теоріи земного магнетизма такимъ раскрытіемъ явленія, надъ разъясненіемъ котораго тщетно трудились доселѣ физики болѣе 40 лѣтъ.

Для того, чтобы въ изученіи измѣненій элементовъ земнаго магнетизма достигнуть еще большей точности, академикъ Вильдъ уже много лѣтъ трудился надъ усовершенствованіемъ инструментовъ, употребляемыхъ для этихъ наблюденій, и въ нынѣшнемъ году обнаружилъ въ нашихъ Мемуарахъ описаніе новаго устройства магнитныхъ варіаціонныхъ инструментовъ, которые по испытаніи ихъ въ Павловской обсерваторіи оказались наиболѣе соотвѣтствующими цѣли. Тутъ же присоединено и описаніе придуманнаго имъ же фотографическаго регистрирующаго аппарата для отмѣтки магнитныхъ измѣненій, представляющаго, въ отношеніи конструкціи и удобства упо-

требленія, очевидныя преимущества предъ извѣстными англійскими аппаратами этого рода. Въ этомъ мемуарѣ изложена, кромѣ того, полная теорія относительно опредѣленія постоянныхъ величинъ и употребленія магнитныхъ вариационныхъ аппаратовъ, открывающая новыя точки зрѣнія для оцѣнки точности получаемыхъ этимъ аппаратами данныхъ.

Рядомъ съ усовершенствованіемъ теоріи шла и обработка наблюдений, для точнѣйшаго познанія распредѣленія земнаго магнетизма въ разныхъ частяхъ Россіи: директоръ Екатеринбургской обсерваторіи Г. Θ. Абельсъ представилъ выводы изъ точныхъ наблюдений, произведенныхъ имъ въ 1887 году надъ наклоненіемъ въ трехъ пунктахъ сѣверо-западной Сибири—Сургутъ, Обдорскъ и Кондинскъ; помощникъ директора той же обсерваторіи П. К. Мюллеръ напечаталъ старательно обработанный имъ сводъ наблюдений той обсерваторіи надъ магнитнымъ наклоненіемъ за 49 лѣтъ, съ 1837 по 1885 годъ, а помощникъ директора Тифлисской обсерваторіи Р. Э. Ассафрей своими наблюдениями въ Эриванской губерніи дополнилъ наши свѣдѣнія о земномъ магнетизмѣ въ Кавказскомъ краѣ. Наконецъ директоръ Иркутской обсерваторіи Э. В. Штөлингъ сдѣлалъ въ 1888 году, во время поѣздки своей для осмотра метеорологическихъ станцій по берегамъ Лены отъ Иркутска до Якутска, весьма точныя наблюденія всѣхъ трехъ элементовъ земнаго магнетизма въ 5 пунктахъ—Якутскъ, Олекминскъ, Вигимскъ, Влаговѣщенскомъ пріискѣ и Баншиковѣ, и изъ сравненія результатовъ ихъ съ наблюдениями въ тѣхъ же странахъ Ганстеена, Дуэ и Эрмана, относящимися къ 1829 году, и съ произведенными Ферд. Миллеромъ и др. Фритше въ 1870 и слѣдующихъ годахъ, сообщилъ намъ любопытные выводы о вѣковыхъ измѣненіяхъ элементовъ земнаго магнетизма въ восточной Сибири, дающіе возможность внести значительныя поправки въ магнитныя карты, составленныя генераль-майоромъ А. А. Тилло и германскою морскою обсерваторіей (Deutsche Seewarte).

Работы по метеорологіи имѣли точно также цѣлью какъ улучшеніе самыхъ способовъ наблюдений, такъ и обогащеніе науки новыми фактами для разъясненія разныхъ сторонъ климатологіи Россіи. Академикъ Вильдъ, продолжая свои изысканія о средствахъ для опредѣленія истинной температуры воздуха, показалъ между прочимъ, что недавно предложенный для этого Асманомъ способъ не соответствуетъ цѣли, давая слишкомъ высокія температуры. Завѣдующій обсерваторіей въ Павловскѣ Э. Е. Лейстъ изслѣдовалъ вліяніе вре-

мени отсчета показаній максимальнаго и минимальнаго термометровъ на величину средней суточной, выведенной изъ крайнихъ температуръ, а г. Шенрокъ—сравненіемъ дѣйствительно нормальныхъ барометровъ нашей главной физической и Павловской обсерваторій съ называющимися нормальными барометрами большей части центральныхъ обсерваторій Европы, доказалъ, что эти послѣдніе не только представляютъ разности, доходящія до $\pm 0,3$ мм, но что для нѣкоторыхъ изъ нихъ поправка въ теченіе послѣднихъ 6 лѣтъ измѣнилась до $0,2$ мм. Эти факты должны обратить вниманіе ученаго свѣта на необходимость какъ точнѣйшаго изслѣдованія причины подобныхъ измѣненій, такъ и устройства въ главныхъ европейскихъ обсерваторіяхъ столь же абсолютно нормальныхъ барометровъ, какими могутъ назваться только наши два.

Обработка разныхъ рядовъ метеорологическихъ наблюденій доставила собою содержаніе нѣсколькимъ статьямъ въ нашихъ изданіяхъ: академикъ А. В. Гадолинъ, приложеніемъ извѣстныхъ формулъ теоріи вѣроятностей къ наблюденіямъ надъ вѣтромъ, пытался дать математическое рѣшеніе для задачи объ измѣняемости вѣтра; г. Шенрокъ сдѣлалъ интересные выводы изъ рассмотрѣнія нѣкоторыхъ замѣчательныхъ грозъ въ Россіи; г. Бергъ подробно изслѣдовалъ явленіе одной необыкновенной грозы, разразившейся въ декабрѣ 1887 года на значительномъ пространствѣ сѣверо-западной Россіи; г. Каминскій занялся вопросомъ о сравнимости наблюденій надъ осадками въ Россіи и изъ тщательнаго изученія трехлѣтнихъ данныхъ, доставленныхъ нашею свѣтло дождевѣрныхъ наблюденій, извлекъ выводы полезные для контролированія и обработки этого рода наблюденій; наконецъ г. Керсновскій дополнилъ свои прежнія изысканія о путяхъ циклоновъ въ Россіи разборомъ ихъ за 1884—1886 года.

Въ нынѣшнемъ году главной физической обсерваторіи были дарованы правительствомъ необходимыя средства не только для окончательнаго устройства начатой первоначально на частныя средства системы штормовыхъ предостереженій для Чернаго и Азовскаго морей, но и для изданія ежедневнаго метеорологическаго бюллетеня съ синоптическими картами и метеорологическими данными, на основаніи телеграммъ, получаемыхъ обсерваторією ежедневно утромъ изъ 139 станцій (85 русскихъ и 54 заграничныхъ) и вечеромъ изъ 53 станцій. Въ этомъ видѣ нашъ метеорологическій бюллетень, по составу своему, богаче всѣхъ подобныхъ изданій другихъ странъ Европы. Кромѣ штормовыхъ предостереженій для русскихъ портовъ на Бал-

тійскомъ и Черномъ моряхъ, бюллетень содержитъ предсказанія погоды для слѣдующаго дня, причеиъ въ отличіе отъ западно-европейскихъ бюллетеней, эти предсказанія дѣлаются не неизмѣнно на каждый день, а лишь всякій разъ, когда по ходу погоды подобное предсказаніе можно сдѣлать съ большею вѣроятностію. А именно, такъ какъ метеорологія ни въ отношеніи наблюденій, ни въ отношеніи теоріи, не достигла еще такого развитія, чтобы можно было во всякомъ случаѣ предугадать съ достаточною достовѣрностію погоду слѣдующаго дня, то означеннымъ ограниченіемъ главная физическая обсерваторія имѣла въ виду избѣжать того дескредитированія науки, которое, вслѣдствіе несоблюденія сказанной предосторожности, проявилось въ нѣкоторыхъ государствахъ западной Европы. Но болѣе прочная и болѣе общепользная организація будетъ дана предсказаніямъ погоды лишь въ будущемъ году, по устраненіи нѣкоторыхъ формальныхъ затрудненій въ этомъ дѣлѣ. Можетъ быть, тогда откроется возможность увеличить практическую пользу такихъ предостереженій, распространеніемъ по нашимъ желѣзнымъ дорогамъ предвареній объ ожидаемыхъ свѣжныхъ метеляхъ. Въ этомъ отношеніи обращаетъ на себя особенное вниманіе читанное въ одномъ изъ послѣднихъ нашихъ засѣданій изслѣдованіе Б. И. Срезневскаго о свѣжныхъ метеляхъ на русскихъ желѣзныхъ дорогахъ. Метели и свѣжные заносы представляютъ для движенія по желѣзнымъ дорогамъ, особенно на югъ и юго-востокъ Россіи, такіа затрудненія, что всякіа мѣры, могущія способствовать къ скорѣйшему устраненію этихъ затрудненій, заслуживаютъ, конечно, ближайшаго изученія. Однимъ изъ такихъ средствъ, и притомъ немаловажнымъ, была бы возможность знать впередъ, какииъ частямъ дороги угрожаетъ наступленіе метели, дабы можно было заблаговременно направить туда рабочія руки для расчистки пути. Дѣйствительно, нѣкоторыя изъ нашихъ желѣзныхъ дорогъ завели, на своихъ линіяхъ, наблюденія вѣтра и даже барометра, въ надеждѣ найти въ нихъ указанія о приближеніи бурь и метелей. Но при нынѣшнемъ положеніи науки совершенно несбыточно, чтобы возможно было предугадывать предстоящіа перемѣны погоды помощью такихъ неполныхъ и ограниченныхъ наблюденій. Для этого нужно имѣть по телеграфу извѣстіа о состояніи погоды на огромномъ пространствѣ земнаго шара и знать законы, по которымъ происходятъ измѣненія погоды, а для предсказаній въ частности для линій желѣзныхъ дорогъ, нужно еще предварительно изслѣдовать связь между метелями и метеорологическими явленіями. Такому-то изслѣдованію и посвящена записка

Б. И. Срезневскаго. Изъ разбора собранныхъ въ департаментѣ желѣзныхъ дорогъ свѣдѣній о свѣжныхъ метеляхъ за 10 лѣтъ и изъ сличенія ихъ съ синоптическими картами главной физической обсерваторіи, онъ опредѣлялъ, для разныхъ частей Европейской Россіи, силу и направленіе вѣтра, при которыхъ могутъ случаться опасныя для желѣзныхъ дорогъ метели и дѣйствительно случаются, если въ то же время идетъ снѣгъ, или имѣются вблизи дороги большія количества сыпучаго снѣга. Оказывается, что тѣ же сила и направленіе вѣтра, которыя опасны для судовъ въ портахъ, равно могутъ угрожать метелями и на желѣзныхъ дорогахъ. Помощью изобразъ своихъ синоптическихъ картъ главная физическая обсерваторія нынѣ въ состояніи съ большою вѣроятностью предсказать за день силу и направленіе вѣтра въ любомъ пунктѣ Европейской Россіи, то-есть, опредѣлить одно изъ условій образованія метелей. Слѣдовательно, для положительности предсказаній остается только знать въ то же время состояніе слоевъ снѣга вблизи линій желѣзныхъ путей. Такимъ образомъ, наука сдѣлала свое дѣло и отъ правленій этихъ дорогъ зависить подать ей руку помощи, для приложенія выработанныхъ наукою данныхъ къ уменьшенію вреда метелей для движенія по этимъ дорогамъ.

Въ отдѣлѣ трудовъ по химіи укажемъ на сообщенное академикомъ Н. Н. Бекетовымъ продолженіе его изслѣдованій объ энергіи окисленія рубидія, на записку академика Ф. Ф. Бейльштейна и Гроссета объ анализѣ сѣрнокислаго глинозема, и на изслѣдованія того же академика и О. Блезе о количественномъ опредѣленіи сурьмы и объ опредѣленіи натра въ присутствіи кали. Кромѣ того, въ изданіяхъ нашихъ нашли себѣ мѣсто произведенныя въ академической лабораторіи М. Рыбалкинымъ работы надъ дѣйствіемъ хлороводорода на серебро и на мѣдь и водорода—на полухлористую мѣдь, и записка г. Русанова о продуктахъ уплотненія альдегидовъ съ фенолами.

Труды по геологіи и палеонтологіи въ нынѣшнемъ году естественно группируются вокругъ матеріаловъ, собранныхъ Академическою экспедиціею на крайній сѣверъ Сибири и на Ново-Сибирскіе острова. Вышедшій въ печати трудъ барона Е. Толя составляетъ первую часть монографической обработки этихъ матеріаловъ. Здѣсь дано описаніе девонскихъ и силурійскихъ отложеній на о. Котельномъ, интересное по тѣмъ выводамъ, къ которымъ привело изученіе ихъ фауны. Встрѣченныя на западномъ берегу острова девонскія отложенія относятся къ среднему отдѣлу девонской системы, имѣютъ

связь съ верхними горизонтами среднего девона Урала и представляют большое фаунистическое сходство съ соответствующими отложениями въ Сѣверной Америкѣ. Такимъ образомъ получается интересный выводъ, что островъ Котельный составляетъ собою одинъ изъ этапныхъ пунктовъ на пути соединенія двухъ обширныхъ морскихъ бассейновъ Урала и Сѣверной Америки въ эпоху средне-девонской трансгрессіи. Не менѣе любопытны результаты изслѣдованія силура острова Котельнаго. Уже самый фактъ открытія отложений этого возраста на рѣкѣ Средней, впадающей въ Драгоцѣвную, былъ вполне неожиданностью, такъ какъ въ этой области предполагалось, на основаніи данныхъ Геденштрома и Анжу, нахождение осадковъ мезозойскаго возраста. Въ числѣ органическихъ остатковъ изъ силурійскихъ отложений барону Толю посчастливилось открыть фораминиферы, нахождение которыхъ въ отложенияхъ такого древняго возраста представляетъ до сихъ поръ весьма рѣдкое явленіе. Подробное разсмотрѣніе силурійскихъ отложений острова Котельнаго даетъ автору право отнести ихъ къ нижней части верхняго силура, указать на ихъ отношеніе къ описаннымъ уже академикомъ *Э. Б. Шнидтомъ* силурійскимъ осадкамъ Оленека и Вилюя, а также на общее распредѣленіе верхне-силурійскаго моря въ области теперешней Азии и связь его съ силурійскимъ бассейномъ сѣверо-западной Россіи.

Вторую часть нынѣ обработанныхъ матеріаловъ нашей Ново-Сибирской экспедиціи составляютъ коллекціи третичныхъ растений, собранныя на островѣ, называемомъ Новою Сибирью, въ тамошнихъ „деревянныхъ горахъ“. Эти „горы“ давно извѣстны по разказамъ промышленниковъ и изъ донесеній Геденштрома и Анжу, были принимаемы доселѣ за береговые валы съ огромными накопленіями стариннаго наноснаго лѣса—„ноешина“. Теперь оказывается, что эти такъ-называемыя „деревянные горы“ образуютъ обширную третичную профиль, состоящую изъ глинистыхъ и песчаныхъ пластовъ, съ примѣсью бурога угля и множества обугленныхъ деревьевъ. Собранные тамъ листья и плоды третичныхъ растений обработаны извѣстнымъ знатокомъ ископаемыхъ растений, кіевскимъ профессоромъ *И. Ф. Шмальгаузенемъ*. Произведенными имъ старательными изслѣдованіями счастливо восполняется бывший доселѣ пробѣлъ въ нашихъ познаніяхъ о циркумполярной третичной флорѣ и устанавливается тотъ чрезвычайно важный фактъ, что вокругъ сѣвернаго полюса въ третичный періодъ произростала флора, похожая на флору нынѣшнихъ умѣренныхъ климатовъ. Этотъ выводъ находитъ себѣ подкрѣпи-

леніе и въ работѣ, произведенной И. Д. Черскимъ надъ собранными тою же экспедиціей костями ископаемыхъ млекопитающихъ и которая составитъ собою третью часть трудовъ экспедиціи.

Въ заключеніе работъ по палеонтологіи укажемъ на двѣ записки д-ра Рогона, изъ которыхъ одна сообщаетъ нѣсколько новыхъ фактовъ объ изслѣдованныхъ имъ нижнесилурійскихъ рыбахъ нашего музея, а другая имѣетъ своимъ предметомъ девонскія рыбы съ верхняго Енисея и служитъ дополненіемъ прежнихъ работъ того же ученаго, явившихся въ нашихъ изданіяхъ. Наконецъ, чешскій ученый г. Загалка, избравъ наши записки для обнародованія своихъ палеонтологическихъ изслѣдованій, напечаталъ у насъ интересную статью о новой, найденной имъ, ископаемой морской губкѣ (*Solidinodus Poetae*).

Къ области же геологій можно отнести сообщенныя нашимъ членомъ-корреспондентомъ, дерптскимъ профессоромъ К. Г. Шмидтомъ гидрологическія изслѣдованія Санибскихъ минеральныхъ источниковъ, находящихся у подножья Гевальдонскаго ледника, на сѣверо-западномъ склонѣ Казбека.

По ботаникѣ, академикъ К. И. Максимовичъ, двумя приготовленными имъ выпусками „Научныхъ результатовъ путешествій Н. М. Пржевальскаго по Центральной Азій“, положилъ начало къ основательному познанію флоры Монголіи и восточнаго Тибета, придвигая насъ къ Индіи, Персіи и Туркестану и вмѣстѣ съ тѣмъ пополняя послѣдніе оставшіяся пробѣлы во флорѣ сѣверной и средней Азій, такъ что вся флора отъ Японіи до Малой Азіи становится теперь извѣстною изъ цѣлаго ряда трудовъ, изъ которыхъ значительна и даже большая часть принадлежитъ перу русскихъ ученыхъ.

Другою работою г. Максимовича, посвященною обработкѣ растеній, собранныхъ Н. Г. Потанинымъ, дополняются для сѣверной части имѣвшіяся доселѣ свѣдѣнія о западномъ, пограничномъ съ Тибетомъ, Китаѣ, котораго несмѣтныя ботаническія сокровища открыли намъ настоящій эльдорадо и непочатый и неожиданный кладъ интереснѣйшихъ находокъ. Благодаря имъ, несовершенно извѣстная доселѣ флора Китая общаетъ, своимъ богатствомъ и своеобразіемъ, сдѣлаться соперницею флоры Гималаевъ и Индіи.

Академикъ А. С. Фаминцынъ представилъ выводы изъ сдѣланнаго имъ изслѣдованія двухъ случаевъ симбіоза, или сожителства, водорослей съ животными, а именно рѣсничной инфузоріи *Tintinnus inquilinus* съ морскою водорослью *Chaetoceras*, и водоросли

Зоосanthella съ различными Radiolaria и Actinia. Въ одномъ изъ этихъ случаевъ онъ съ удивленіемъ указываетъ на усмотрѣнные имъ признаки психической жизни въ простѣйшихъ представителяхъ живыхъ существъ, а въ другомъ имѣлъ возможность изслѣдовать, въ связи съ симбіозомъ, исторію развитія Radiolaria и способъ ихъ питанія.

Кромѣ того, готовится къ выходу въ свѣтъ обширная работа гг. Ивановскаго и Половцова о болѣзни табака, называемой рябухой: работа столь же интересная по новымъ, устанавливаемымъ ею фактамъ для фізіологіи растений, сколько полезная и для практическихъ изъ нея выводовъ для нашего табаководства.

Труды нашихъ зоологовъ преимущественно сосредоточивались на двухъ большихъ предпріятіяхъ Академіи: на обработкѣ коллекцій, вывезенныхъ Н. М. Пржевальскимъ изъ центральной Азіи, и на изданіи полной орнитографіи Россійской имперіи. Въ двухъ выпускахъ „Научныхъ результатовъ“ путешествій незабвеннаго Пржевальскаго, обработанныхъ и напечатанныхъ въ нынѣшнемъ году ученымъ хранителемъ зоологическаго музея Е. А. Бихнеромъ, описано 26 видовъ грызуновъ, изъ которыхъ 10 оказались новыми; ученый хранитель музея Ф. Д. Плеске издалъ первый выпускъ орнитологической части этихъ „Результатовъ“, представивъ въ немъ обработку 46 пѣвчихъ птицъ изъ семейства дроздовыхъ (Turdinae); въ числѣ ихъ нашлась одна неизвѣстная до сихъ поръ разновидность, которой и названіе дано въ честь безвременно погибшаго путешественника. Наконецъ, хранитель того же музея С. М. Герценштейнъ, обработавшій въ прошломъ году, въ первомъ выпускѣ „Рыбъ“ Пржевальскаго, родъ Гольцовъ (Nemachilus), напечаталъ нынѣ второй выпускъ, почти весь посвященный описанію видовъ маринокъ (Schizothorax), именно 7 уже ранѣе извѣстныхъ и 7 новыхъ. Кромѣ экземпляровъ, доставленныхъ коллекціями Пржевальскаго, авторъ, для достиженія большей полноты, изслѣдовалъ въ своемъ трудѣ и весь имѣющійся въ нашемъ Музеѣ матеріалъ по названному роду.

„Русская орнитографія“, надъ составленіемъ которой неутомимо трудился Ф. Д. Плеске, подвигается впередъ съ замѣчательнымъ успѣхомъ; въ февралѣ нынѣшняго года готовъ былъ первый выпускъ этого сочиненія, содержащій описаніе 13 видовъ славокъ (Sylvia), водящихся въ предѣлахъ Россіи; въ октябрѣ конченъ печатаніемъ 2-й выпускъ, посвященный описанію 17 видовъ русскихъ пѣвчечъ (Phylloscopus), а въ засѣданіи Академіи 5-го декабря уже былъ пред-

ставленъ 3-й выпускъ, заключающій въ себѣ описаніе 15 видовъ принадлежащихъ къ двумъ родамъ *Hypolaïs* и *Luscinola*. Въ общемъ, слѣдовательно, окончены монографіи 45 видовъ русскихъ птицъ, изъ числа которыхъ пѣпчонки и представители родовъ *Hypolaïs* и *Luscinola* составляютъ труднѣйшія группы птицъ и поэтому подробная разработка ихъ, безъ сомнѣнія, будетъ весьма полезна для всѣхъ занимающихся орнитологіею, въ особенности въ предѣлахъ Россіи, гдѣ для правильного изученія этихъ птицъ не имѣлось доселѣ никакихъ пособій.

Изъ прочихъ трудовъ по зоологіи укажемъ на обширную монографію, представленную намъ ученымъ хранителемъ зоологическаго музея Варшавскаго университета В. К. Тачановскимъ, однимъ изъ старѣйшихъ и извѣстнѣйшихъ нынѣшнихъ орнитологовъ, о птицахъ Восточной Сибири, плодъ основательнаго изученія принадлежащихъ тому музею богатѣйшихъ орнитологическихъ коллекцій, собранныхъ гг. Дыбовскимъ, Годлевскимъ, Янковскимъ и Калиновскимъ въ Забайкальи, въ Уссурійскомъ краѣ и въ Камчаткѣ. Здѣсь подробно описано болѣе 400 видовъ, съ изображеніемъ географическаго распространенія каждаго вида въ предѣлахъ Сибири. Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ многолѣтній трудъ будетъ капитальнымъ вкладомъ въ нашу отечественную орнитологическую литературу и получитъ такую же громкую извѣстность, какою уже пользуется монографія того же ученаго о перуанскихъ птицахъ, удостоенная Академіей преміи имени Брандта.

Литература по ихтиологіи получила полезное приращеніе въ статьѣ, напечатанной въ нашихъ Запискахъ Н. А. Варпаховскимъ о рыбахъ Нижегородской губерніи, причѣмъ всѣ матеріалы, на которыхъ основана эта прекрасная работа, переданы авторомъ въ нашъ музей.

Для полноты сбора трудовъ по зоологіи слѣдуетъ упомянуть объ описаніи двухъ новыхъ видовъ короѣдовъ изъ рода *Scolytus* и перечнѣ всѣхъ русскихъ видовъ этого рода, имѣющихся въ академическомъ музеѣ, Ив. Шевырева, и о сообщенной въ Бюллетенѣ замѣткѣ Е. А. Бихнера по вопросу о распространеніи обыкновенной бѣлки на Кавказѣ. Критическое разсмотрѣніе имѣющихся объ этомъ извѣстій приводитъ автора къ интересному заключенію, что всѣ литературныя указанія о нахожденіи этого грызуна на Кавказѣ лишены всякаго основанія, и что бѣлки вообще нѣтъ въ кавказскихъ лѣсахъ. вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ останавливается на извѣстномъ фактѣ отсутствія бѣлки въ Крыму и на разборѣ гипотезъ, предложенныхъ для объясненія этого факта Палласомъ, Нордманомъ и Кеппенемъ,

при чемъ причиною отсутствія бѣлки въ Крыму оказывается единственно лишь отсутствіе ея на Кавказѣ.

По анатоміи и фізіологіи въ нашихъ запискахъ былъ читанъ рядъ статей, интересныхъ по новости и важности сообщенныхъ въ нихъ результатовъ опытовъ. Таковы: двѣ записки г. Введенскаго—одна о періодичѣ сокращенія мышцы при раздраженіи прямого, другая объ измѣненіяхъ дыхательнаго ритма при раздраженіи блуждающаго нерва электрическими токами различной частоты; статья Н. Келлера о вліяніи отягощенія и переотягощенія на высоту сокращенія мышцы; работа К. К. Сентъ-Илера о двоякомъ дѣйствіи высыхающаго нерва на мышцу; наблюденія г. Лавдовскаго надъ окончаніями нервовъ на основаніи способа ихъ прижизненной окраски; изслѣдованія Е. Головина о дѣйствіи свѣта и теплоты на рефлексы спинного мозга; и наконецъ, записка доктора А. Е. Феокистова о нормальномъ дѣйствіи нѣкоторыхъ сортовъ кураре.

Перехожу къ занятіямъ историко-филологическаго отдѣленія и прежде всего къ трудамъ по русской исторіи.

Въ нашихъ прежнихъ отчетахъ было упоминаемо объ обширномъ предпріятіи, задуманномъ въ Академіи по мысли покойнаго академика Н. В. Калачова, и выполненіе котораго принялъ на себя, преемникъ его по завѣдыванію Московскимъ архивомъ министерства юстиціи, нашъ многозаслуженный членъ-корреспондентъ Н. А. Поповъ: я говорю о сборникѣ „Актовъ Московскаго государства“, предназначенномъ къ разъясненію, помощью архивныхъ документовъ, древняго правительственнаго строя Россіи въ до-Петровскую эпоху. По плану Калачова, должно было начать этотъ сборникъ докладами и приговорами, состоявшимися въ двухъ приказахъ, а именно разрядномъ, вѣдавшемъ всѣ распоряженія по государственной службѣ, и въ помѣстномъ, верставшемъ служилыхъ людей помѣстьями. Г. Поповъ, отчасти руководствуясь планомъ Калачова, но распространивъ его и на такіе документы несомнѣнно историческаго значенія, которые могли бы представить весь объемъ, порядокъ и характеръ многосторонней дѣятельности названныхъ приказовъ, предлагалъ начать изданіе съ важнѣйшихъ документовъ разряднаго приказа, имѣвшаго до 1711 года вліяніе почти на всѣ отрасли государственнаго управленія, и указывалъ на два приѣма при выполненіи такого изданія: или систематическое распредѣленіе документовъ по разнымъ видамъ управленія во всѣхъ столахъ разряда, или же печатаніе ихъ въ хронологическомъ порядкѣ, начавъ съ дѣлъ московскаго стола. И въ

томъ и другомъ случаѣ изданіе должно было заключать въ себѣ документы по исторіи Русской церкви, военного управленія, законодательства, международныхъ сношеній, придворной жизни, внутренняго управленія и финансовъ, но имѣть въ виду преимущественно такіа дѣла, по которымъ послѣдовало какое-либо рѣшеніе государя, боярской думы, самаго приказа или же подчиненныхъ ему воеводъ и областныхъ учреждений. Систематическое распредѣленіе по этимъ рубрикамъ документовъ всего разряда, заключающихся въ Московскомъ архивѣ въ 7153 столбцахъ и въ 1016 книгахъ (1549—1707 гг.), потребовало бы продолжительныхъ подготовительныхъ работъ и, кромѣ того, встрѣтилось бы со многими трудностями, неразлучными со всякой работой систематизаціи; хронологическій-же порядокъ представлялъ значительное облегченіе, хотя въ столбцахъ Разряднаго Приказа далеко не всѣ дѣла и входящія въ нихъ бумаги расположены въ порядкѣ времени своего написанія, такъ что и въ этомъ случаѣ предварительное знакомство съ цѣлымъ составомъ каждого столбца или даже нѣсколькихъ, являлось необходимымъ до выборки изъ нихъ документовъ. Академія Наукъ приняла порядокъ изданія хронологическій и признала за лучшее начать его съ дѣлъ московскаго стола разряднаго приказа, давъ всему изданію общее заглавіе: „Акты Московскаго государства“. Принявшись за осуществленіе этой задачи со свойственною ему преданностью наукъ и съ глубокимъ пониманіемъ отечественной исторіи, г. Поповъ, при усердномъ сотрудничествѣ своихъ сослуживцевъ по архиву, большую частью Калачовской школы, и учениковъ археологическаго института, повелъ дѣло столь успѣшно, что въ теченіе года приготовленъ къ выпуску въ свѣтъ первый томъ „Актовъ Московскаго государства“, содержащій въ себѣ цѣлый рядъ весьма важныхъ и любопытныхъ документовъ, извлеченныхъ изъ дѣлъ московскаго стола разряда, и относящихся къ періоду времени съ 1571 по 1634 годъ.

Другое столь же важное изданіе, начатое Академіей по мысли Калачова, „Доклады и протоколы сената временъ Петра Великаго“, служащее въ нѣкоторомъ смыслѣ какъ бы продолженіемъ „Актовъ Московскаго государства“, печатается безостановочно подъ редакцію нашего сочлена Н. О. Дубровина, который въ теченіе этого года трудился надъ 2-ю книгой IV-го тома, заключающей въ себѣ документы этого рода за 1714 годъ.

Рядомъ съ этимъ г. Дубровинъ занимался изданіемъ новыхъ документовъ, важныхъ для исторіи присоединенія Крыма къ Россіи и

издалъ этого сборника IV-й томъ, обнимающій собою время съ 1781 по 1782 годъ, когда татары въ Крыму и на Кубани, недовольные порядками и преобразованіями, затѣянными Шагинъ-Гирей-Ханомъ, возстали противъ его власти. Это возмущеніе татаръ вызвало собою вмѣшательство Россіи и повело къ подготовкѣ почвы для окончательнаго включенія Крыма и Кубани въ предѣлы имперіи. При энергическихъ дѣйствіяхъ князя Потемкина въ Крыму и посланника нашего Я. Булгакова въ Константинополѣ, совершилось въ слѣдующемъ году одно изъ самыхъ блестящихъ дѣлъ Екатерины Великой, мирное присоединеніе къ Россіи Тавриды и Ногаевъ, жившихъ на Кубани. Славная дѣятельность этихъ двухъ государственныхъ людей въ 1783 г. и переговоры наши съ Портою, добровольно согласившеюся на уступку намъ части своихъ владѣній, составятъ предметъ V-го и послѣдняго тома, матеріалы для котораго г. Дубровинъ уже собраны и въ будущемъ году будетъ приступлено къ ихъ изданію.

Наконецъ, продолжая уже давно производимыя имъ въ разныхъ архивахъ розысканія еще неизданныхъ документовъ для исторіи царствованія императора Александра I, г. Дубровинъ, изъ найденныхъ имъ въ архивѣ собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи историческихъ бумагъ, издалъ особый сборникъ, въ которомъ отечественная война 1812 г. и внутренній бытъ Россіи съ 1807 по 1818 годъ освѣщаются многими новыми любопытными фактами.

Въ связи съ русскою исторіею находится еще одно новое, принимаемое Академіею изданіе. Въ 1885—1887 г. В. Э. Регель былъ командированъ министерствомъ народнаго просвѣщенія за границу для занятій по византійской исторіи. Во время путешествій, совершенныхъ имъ съ этою цѣлью по востоку, въ Турціи и Греціи и при занятіяхъ въ разныхъ библіотекахъ въ Италіи, Испаніи, Франціи, Англии, Германіи и Австріи, онъ успѣлъ собрать большое число новыхъ неизданныхъ доселѣ матеріаловъ, разъясняющихъ разные вопросы византійской исторіи и въ особенности отношенія Византіи къ Россіи, Болгаріи и другимъ славянскимъ землямъ. Собраніе этихъ драгоценныхъ документовъ г. Регель предложилъ Академіи съ тѣмъ, чтобы она приняла на себя ихъ изданіе. Академія съ понятнымъ удовольствіемъ и готовностью приняла это предложеніе и съ началомъ будущаго года приступлено будетъ къ печатанію особаго сборника, подъ заглавіемъ „*Fontes rerum Byzantinorum*“. Подлинники,

на греческомъ языкѣ, будутъ сопровождаться примѣчаніями и объясненіями на латинскомъ. Для большаго удобства, каждый томъ будетъ состоять изъ 2 или 3 выпусковъ, по 10 и до 12 листовъ въ каждомъ. Имѣющимися уже и теперь въ готовѣ важными историческими документами обеспечено изданіе сборника по крайней мѣрѣ на 4 тома.

Предметомъ занятій эллинистовъ Академіи были въ нынѣшнемъ году Софоклъ и Плутархъ. Старѣйшая и лучшая изъ дошедшихъ до насъ рукописей Софокла, принадлежащая Лавренціанской бібліотекѣ во Флоренціи и писанная въ X или XI вѣкѣ, содержитъ въ себѣ множество примѣчаній, такъ-называемыхъ сколій, важныхъ не только для возстановленія правильнаго чтенія Софокла, но и тѣмъ, что въ нихъ сохранились для насъ отрывки утраченныхъ сочиненій поэтовъ и прозаиковъ древности. Хотя новѣйшій комментаторъ этихъ сколій П. Палагеоргіосъ, въ сдѣланномъ имъ въ 1888 году изданіи, во многомъ исправилъ чтеніе ихъ, однако и онъ не избѣжалъ нѣкоторыхъ ошибокъ и неправильныхъ толкованій. Исправленію этихъ ошибокъ посвящена читанная академикомъ А. К. Наукомъ записка, въ которой, кромѣ исправленія текста сколій, показано, что многія сколіи основывались на иныхъ и лучшихъ чтеніяхъ, чѣмъ какія встрѣчаются въ нашихъ рукописяхъ и изданіяхъ Софокла.

Записка, читанная намъ адъюнктомъ П. В. Никитинымъ „Ad Plutarchi quae feruntur *Moralia*“, имѣетъ своимъ предметомъ отчасти объясненіе, а главнымъ образомъ исправленіе нѣсколькихъ мѣстъ текста одного изъ плодovitѣйшихъ и важнѣйшихъ греческихъ писателей временъ имперіи. Извѣстно, что для того обширнаго отдѣла сочиненій Плутарха, которому присвоено названіе *Moralia*, до сихъ не существуетъ сколько-нибудь удовлетворительнаго критическаго изданія. Новѣйшее изданіе, предпринятое Бернарданисомъ и начавшее выходить въ 1888 году, дало поводъ г. Никитину сообщить о текстѣ Плутарха нѣсколько замѣчаній, подтвержденныхъ наблюденіями надъ словоупотребленіемъ писателя; онъ обсуждаетъ такимъ образомъ около 50 мѣстъ, большинство которыхъ принадлежатъ „*Moralіямъ*“, а нѣкоторыя и Плутарховымъ жизнеописаніямъ. Кромѣ того, академикъ А. К. Наука, напечатавъ въ нынѣшнемъ году въ Лейпцигѣ, у книгопродавца Тейбнера, второе изданіе своего сборника отрывковъ утраченныхъ произведеній греческихъ трагиковъ, трудится, вмѣстѣ съ П. В. Никитинымъ, надъ изданіемъ полнаго указателя словъ, встрѣчающихся въ этихъ отрывкахъ. Первый выпускъ такого

указателя, составленный изъ словъ на букву альфа, былъ уже представленъ Академіи и поступилъ въ печать.

Въ работахъ нашихъ ориенталистовъ продолжалось и въ нынѣшнемъ году прежнее оживленіе. Несторъ всѣхъ европейскихъ санскритистовъ, академикъ О. Н. Бетлингъ, не смотря на свой старческій возрастъ и слабѣющее зрѣніе, еще, можно сказать, съ юношескимъ жаромъ работаетъ надъ разъясненіемъ труднѣйшихъ памятниковъ ученой литературы древней Индіи. Едва окончилъ онъ свой многолѣтній, по истинѣ монументальный трудъ по санскритской лексикографіи, какъ уже явился съ новымъ изданіемъ: текстомъ и переводомъ двухъ упанишадъ. Какъ „Гандогіопанишадъ“, такъ и „Брадараніакопанишадъ“ принадлежатъ къ числу древнѣйшихъ упанишадъ, то-есть, къ разряду тѣхъ философскихъ твореній, въ которыхъ представлена попытка возвести весь міръ явленій къ одному первичному началу. Обѣ упанишады были уже и прежде изданы, вторая даже очень хорошо, за исключеніемъ акцентовки, а первая такъ неудовлетворительно, что г. Бетлингъ былъ вынужденъ, для того, чтобы сдѣлать текстъ сколько-нибудь понятнымъ, прибѣгать къ разнымъ конъектурамъ. Переводы обѣихъ были доселѣ болѣе или менѣе недостаточны, такъ какъ при ихъ исполненіи слишкомъ много вѣса было придано толкованіямъ одного стариннаго комментатора, насильственно втиснувшаго въ нихъ свои собственные философскіе взгляды. Переводы, напечатанные теперь нашимъ санскритистомъ, суть строго филологическіе и поэтому, какъ нужно думать, вѣрнѣе передаютъ приемы мышленія древнихъ брамановъ.

Другой нашъ ориенталистъ, многозаслуженный синологъ В. П. Васильевъ, независимо отъ печатанія своего большаго сочиненія о буддизмѣ, сообщилъ въ нашихъ изданіяхъ еще одно продолженіе своихъ замѣтокъ по буддизму, содержащее въ себѣ буддійскій пересказъ о женской хитрости, и приготовилъ къ изданію сдѣланный имъ русскій переводъ тибетскаго сочиненія Минъчжуръ-Хутухты (Географія Тибета).

Академикъ В. В. Радловъ окончилъ печатаніемъ 3-й выпускъ своего „Опыта словаря тюркскихъ нарѣчій“, и представилъ, въ двухъ читанныхъ имъ запискахъ — о сельджукскихъ стихахъ въ Робобънаме и объ одномъ древне-тюркскомъ стихотвореніи — свои изслѣдованія о древне-тюркскихъ діалектахъ. Кромѣ того, онъ составилъ разборъ нѣсколькихъ любопытныхъ надписей надгробныхъ камней, найденныхъ въ 1886 г. внутри текіи Шахъ-Алихана въ Касимовѣ.

Изъ прочихъ трудовъ по изученію востока укажемъ на представ-

ленные намъ, собранные профессоромъ Московскаго университета В. О. Миллеромъ, матеріалы по языку горскихъ кавказскихъ евреевъ, состоящіе изъ текстовъ, словаря, опыта грамматики и этнографическаго очерка, и на двѣ статьи ученаго хранителя нашего Азіатскаго музея, О. Э. Лемма, о разобранныхъ имъ сагитскихъ отрывкахъ Библии.

Наконецъ, важнымъ вкладомъ въ нашу лингвистическую литературу будетъ печатаемое нынѣ Академіей второе изданіе эстскаго словаря покойнаго академика Ф. И. Видемана на основаніи имъ самимъ приготовленнаго богатаго матеріала для этого изданія, и замѣчательное изслѣдованіе учителя Минской гимназіи Н. Андерсона о фонетикѣ остякскаго языка.

Не малую долю своей дѣятельности Академія должна удѣлять ежегодно на разсмотрѣніе большаго числа ученыхъ сочиненій, представляемыхъ ей для соисканія разнообразныхъ, учрежденныхъ при ней, премій разнаго рода. Число этихъ премій, изъ которыхъ однѣ раздаются ежегодно, другія черезъ болѣе или менѣе продолжительныя промежутки, а раздача иныхъ предстоитъ лишь въ будущемъ, постепенно возросло съ теченіемъ времени до того, что капиталъ, обезпечивающій ихъ существованіе, достигъ нынѣ почтеннаго итога почти въ полмилліона рублей.

На нынѣшній годъ приходился рядъ конкурсовъ на нѣкоторыя изъ раздаваемыхъ Академіей наградъ и премій. О присужденіи наградъ митрополита Макарія, графа Уварова и генераль-отъ-инфантеріи О. О. Шуберта Академіей были представлены отчеты въ особыхъ публичныхъ ея засѣданіяхъ.

Учрежденная сибирскимъ дворянствомъ премія имени императора Александра II въ 1,500 р. присуждена сенатору тайному совѣтнику Н. П. Семенову за сочиненіе, изданное имъ подъ заглавіемъ: Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе императора Александра II. Хроника дѣятельности комиссій по крестьянскому дѣлу. Томъ I. Первый періодъ занятій.

Изъ всѣхъ реформъ, сдѣлавшихъ имя Царя-Освободителя безсмертнымъ, отъзна крѣпостной зависимости крестьянъ глубже другихъ охватила собою весь строй экономической жизни народа, а экономическіе интересы имѣютъ свойство всего живѣе затрогивать сердце человѣческое, а слѣдовательно возбуждать страсти, порождать трудно примиримыя между собою противорѣчія во взглядахъ, и увлеченія въ ту или другую сторону при оцѣнкѣ людей и событій. Поэтому понятно, что для справедливой и безпристрастной исторіи освобожденія у насъ крестьянъ еще не настало время. Такая исторія еще

невозможна, и не только по близости къ намъ этого великаго событія, но и потому, что явившихся доселѣ документовъ еще слишкомъ недостаточно, чтобы по нимъ можно было составить себѣ ясное и полное понятіе о характерѣ и долѣ участія главныхъ двигателей реформы, о побужденіяхъ ими руководившихъ, о средствахъ употребленныхъ въ борьбѣ противоположныхъ взглядовъ, а главное о послѣдствіяхъ, какими реформа отразилась въ экономическомъ и общественномъ бытѣ нашего отечества. Чѣмъ недостаточнѣе имѣющееся въ наличности количество такихъ документовъ, тѣмъ обязательнѣе, тѣмъ священнѣе нравственный долгъ cadaго, кто можетъ принести свою лепту для собранія матеріаловъ, на основаніи которыхъ будетъ со временемъ написана достойная исторія одного изъ самыхъ славныхъ дѣлъ императора Александра II. Сочиненіе сенатора Н. П. Семенова не есть такая исторія, но это есть матеріалъ первостепенной важности для нея. Будучи назначенъ въ составъ редакціонныхъ комиссій по крестьянскому дѣлу, авторъ получилъ порученіе записывать, во время засѣданій ихъ, все, что въ нихъ говорилось. Веденный на этомъ основаніи дневникъ преній и составляетъ содержаніе книги, изданной подъ приведеннымъ выше заглавіемъ. Воспроизводя здѣсь, приблизительно дословно, всѣ разсужденія, происходившія въ комиссіяхъ, авторъ ставитъ читателя въ возможность быть самому, такъ сказать, свидѣтелемъ всѣхъ этихъ преній исторической важности. Въ книгѣ г. Семенова содержится неисчерпаемый запасъ показаній, драгоцѣнныхъ какъ матеріалъ для изученія исторіи не только освобожденія крестьянъ, но и началъ, послужившихъ основаніемъ для административныхъ и юридическихъ преобразованій въ Россіи, вызванныхъ разрѣшеніемъ крестьянскаго вопроса. Въ заслугу автору слѣдуетъ поставить и то, что онъ напечаталъ свой дневникъ именно теперь, когда живы еще многіе изъ участниковъ крестьянской реформы, имѣющіе поэтому возможность оцѣнить его, провѣрить или исправить тѣ неточности, которыя, помимо желанія автора, могли проскользнуть подъ его перомъ. Считаая для себя не только долгомъ, но и особеннымъ удовольствіемъ назначить сенатору Н. П. Семенову премію имени императора Александра II, Академія полагаетъ, что это награжденіе вполне соотвѣтствуетъ патріотической мысли симбирскаго дворянства, учредившаго премію, и можетъ только желать, чтобы это отличіе послужило для почтеннаго автора новымъ, нравственнымъ побужденіемъ докончить великій, предпринятый имъ трудъ изданія дневника, котораго имъ напечатать только первый томъ.

Приходившееся на нынѣшній годъ соисканіе премій имени графа

Д. А. Толстаго было открыто для сочиненій по наукамъ, которыми занимается наше историко-филологическое отдѣленіе. На конкурсъ явилось лишь одно сочиненіе, именно: Историческій обзоръ правительственныхъ мѣропріятій къ развитію сельскаго хозяйства въ Россіи, отъ начала государства до настоящаго времени. Соч. г. Пономарева (С.-Пб. 1888).

При оцѣнкѣ этого труда Академія воспользовалась любезнымъ содѣйствіемъ доцента лѣснаго института, коллежскаго совѣтника П. А. Костычева, составившаго, по приглашенію Академіи, подробный разборъ его. Сочиненіе г. Пономарева есть только очень тщательно составленный, довольно полный хронологическій перечень правительственныхъ распоряженій на пользу сельскаго хозяйства въ Россіи, основанный преимущественно и почти даже исключительно на официальныхъ свѣдѣніяхъ правительственныхъ учрежденіяхъ. Конечно, трудъ много бы выигралъ въ отношеніи поучительности его для насъ, еслибы не замыкался въ такія тѣсныя рамки, онъ, путемъ разбора достаточнаго числа фактовъ, разъяснилъ какими явленіями въ состояніи русскаго сельскаго хозяйства были вызваны тѣ или другія мѣры правительства, и какими онѣ отразились послѣдствіями. Но такая собственно исторія нашего сельскаго хозяйства, по весьма справедливому замѣчанію г. Костычева, пока еще и не можетъ быть написана въ настоящее время, по неимѣнію еще предварительныхъ спеціальныхъ изслѣдованій по отдѣльнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства въ отдѣльныя эпохи нашей исторіи. Поэтому не требуя отъ автора того, чего онъ и не могъ дать по нынѣшнему состоянію литературныхъ для него пособій, будемъ благодарны ему за то, что въ своемъ сочиненіи онъ далъ надежную, во всякомъ случаѣ, справочную книгу, составленіе которой стоило не малаго труда. Въ признаніе этой полезности труда г. Пономарева Академія признала справедливымъ назначить ему вторую золотую медаль имени графа Д. А. Толстаго, въ 250 рублей.

Наконецъ, Академія имѣла въ нынѣшнемъ году въ своемъ распоряженіи премію потомственнаго почетнаго гражданина А. М. Сибирякова для награды за историческія сочиненія о Сибири. Въ числѣ трудовъ, явившихся для ея соисканія, Академія не могла не оставить своего вниманія на трехъ недавно изданныхъ В. К. Андриевичемъ сочиненіяхъ, въ общемъ обнимающихъ собою почти всю исторію Сибири по 1819 годъ: а) Историческій очеркъ Сибири отъ начала ея покоренія до 1769 года; 5 частей. б) Сибирь въ XIX столѣтіи (періодъ отъ смерти Императрицы Екатерины II до 1819 г.).

2 части, и наконецъ в) Исторія Сибири, ч. I (Періодъ отъ древнѣйшихъ временъ до установленія главенства города Тобольска и основанія Иркутскаго острога. Объ исторіи Сибири писано не мало, начиная съ Миллера; надъ разработкою ея трудились многіе выдающіеся дѣятели, какъ Іоганнъ Фишеръ и другіе. Въ ближайшее къ намъ время явилось нѣсколько монографій и много статей въ періодическихъ журналахъ, но всѣ онѣ, касаясь отдѣльныхъ эпизодовъ, не представляли общаго очерка исторіи Сибири. Такой пробѣлъ пополнилъ г. Андріевичъ. Изслѣдованія его основаны преимущественно на печатныхъ источникахъ. Рукописнаго матеріала или указаній на архивные источники встрѣчается очень мало. Авторъ самъ сознаетъ этотъ недостатокъ своего сочиненія и объясняетъ его трудностью историческихъ работъ въ Сибири. Въ Сибири, говоритъ онъ,—почти нѣтъ матеріаловъ для исторіи страны: въ 1879 году горѣлъ Иркутскъ, а въ 1881 году—Красноярскъ; этими пожарами истреблена масса матеріаловъ для изученія прошлаго. Въ архивѣ главнаго управленія Восточной Сибири сохранились дѣла только съ 1841 года, а секретныя съ 1821 года; остальные сгорѣли. Независимо отъ пожаровъ, многія городскія управы продавали свои дѣла на вѣсъ бумаги, безъ всякой предварительной ихъ разборки. Все это, конечно, служитъ причиною, что писать исторію Сибири на мѣстѣ не возможно; она можетъ быть написана только при помощи столичныхъ центральныхъ архивовъ и библиотекъ. Одинъ сенатскій архивъ, которымъ могъ пользоваться авторъ, во время кратковременнаго пребыванія въ Петербургѣ, далъ ему много цѣнныхъ матеріаловъ и дѣйствительно томы III и IV его историческаго очерка Сибири являются болѣе полными и лучше обработанными. Ближайшее знакомство со всѣми тремя изслѣдованіями г. Андріевича привело къ заключенію, что авторъ трудился много и сдѣлалъ все, что можно было при той невыгодной обстановкѣ, въ которую былъ поставленъ мѣстомъ своего жительства; изслѣдованія его, хотя и не вносятъ много новаго въ исторію Сибири, представляютъ однакоже первую попытку свести въ одно цѣлое всѣ касающіяся Сибири распоряженія правительства до 1819 года. Въ виду пользы, какую названныя сочиненія могутъ оказать всѣмъ занимающимся сибирскою исторіей, Академія присудила г. Андріевичу Сибиряковскую премію, въ 1500 рублей, въ вознагражденіе его за понесенный трудъ и для поощренія его на дальнѣйшія, болѣе солидныя изслѣдованія о Сибири.

II.

Отчетъ по отдѣленію русскаго языка и словесности за 1889 годъ ¹⁾.

Второе Отдѣленіе Императорской Академіи Наукъ, предназначенное для изслѣдованій въ области славяно-русской филологіи, продолжало въ 1889 году свою дѣятельность въ томъ же направленіи, какое было намѣчено его трудами прежнихъ лѣтъ. Согласно Высочайше утвержденному Положенію объ Отдѣленіи русскаго языка и словесности, въ кругъ его занятій входятъ грамматическія и словарныя работы. Въ виду того Отдѣленіе, за нѣсколько лѣтъ предъ симъ, занималось установленіемъ правилъ русскаго правописанія, а затѣмъ обратило свои труды на рядъ работъ лексическихъ.

Въ двухъ послѣднихъ отчетахъ по Отдѣленію уже было упомянуто о предпринятомъ имъ новомъ изданіи такъ-называемаго академическаго словаря. Прежній академическій словарь—послѣднее изданіе его вышло въ 1847 году—обнималъ собою русскій языкъ, древній и новый, вмѣстѣ съ церковно-славянскимъ. Нынѣ предпринятое изданіе словаря имѣетъ предметомъ собственно общеупотребительный въ Россіи литературный языкъ въ томъ видѣ, какъ онъ образовался со временъ Ломоносова; изъ церковно-славянскаго же и древне-русскаго, а также изъ областныхъ говоровъ, новый словарь сохранитъ только тѣ слова, которыя либо слились съ общеупотребительною рѣчью въ религіи, исторіи и литературѣ, либо представляютъ особенный интересъ по связи съ современнымъ литературнымъ языкомъ. Тѣмъ не менѣе, надобно ожидать, что новый словарь будетъ почти вдвое объемистѣе, чѣмъ прежній.

Послѣ приготовительныхъ работъ, на которыя потребовалось болѣе двухъ лѣтъ, въ 1889 году оказалось возможнымъ приступить къ печатанію I-го выпуска новаго академическаго словаря. Какъ приготовительными къ нему работами, такъ и редакціей этого новаго изданія, завѣдывалъ ординарный академикъ Я. К. Гротъ, посвящавшій этимъ занятіямъ все время, оставшееся у него свободнымъ за исполненіемъ обязанностей предсѣдательствующаго во Второмъ Отдѣленіи,

¹⁾ Составленъ адъюнктомъ Л. Н. Майковымъ и читанъ имъ въ торжественномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 29-го декабря 1889 года.

а вполнѣнствіи и возложенной на него должности вице-президента Академіи. Прежде всего Я. К. Гротъ въ одномъ изъ засѣданій Общаго Собранія заявилъ, что Отдѣленіе русскаго языка и словесности, намѣреваясь приступить къ печатанію I-го выпуска словаря, проситъ академиковъ двухъ другихъ отдѣленій не отказать въ своей помощи при его окончательной редакціи. Члены Общаго Собранія отнеслись къ этой просьбѣ съ полнымъ сочувствіемъ и выразили готовность просматривать корректурные листы словаря для доставленія замѣчаній по каждой специальности. Вслѣдъ затѣмъ начато было печатаніе словъ на букву А. Понятно, что подобный трудъ, при участіи многихъ лицъ, не можетъ подвигаться быстро и особенно въ началѣ долженъ идти медленно, пока не опредѣлится съ полною точностью всѣ мелочныя подробности, которыя необходимо разъ навсегда установить для всего обширнаго изданія. Кромѣ членовъ Академіи, къ участію въ просмотрѣ корректурныхъ листовъ словаря приглашены нѣкоторые посторонніе ученые, имена которыхъ будутъ въ свое время опубликованы. Само собою разумѣется, что предварительно каждый листъ подвергается внимательному разсмотрѣнію въ самомъ Отдѣленіи. При разсылкѣ первыхъ корректурныхъ листовъ, къ нимъ приложена была объяснительная записка о правилахъ, принятыхъ въ основаніе при редакціи новаго изданія словаря. Такимъ образомъ, въ теченіе весеннихъ и лѣтнихъ мѣсяцевъ производился наборъ текста на букву А, составившаго около двухъ листовъ весьма убористой печати. Съ осени начался наборъ и разсылка словъ на букву Б. Между тѣмъ обработка дальнѣйшихъ буквъ вчернѣ, равно какъ и выписка примѣровъ изъ писателей, продолжаютъ постоянно.

Одновременно съ подготовленіемъ новаго изданія словаря общепотребительной русской рѣчи, Отдѣленіе признало полезнымъ привести въ порядокъ находящіяся въ его распоряженіи лексическіе матеріалы по мѣстнымъ народнымъ великорусскимъ говорамъ. Въ составъ этого свода войдутъ слова, находящіяся въ „Опытѣ областного великорусскаго словаря“, который былъ изданъ Отдѣленіемъ въ 1852 году, въ „Дополненіи“ къ нему, изданномъ въ 1858 году, въ „Словарѣ архангельскаго нарѣчія“, напечатанномъ въ 1885 году, и въ другихъ болѣе мелкихъ сборникахъ. Кромѣ того, сводъ этотъ долженъ быть пополненъ изъ матеріаловъ рукописныхъ, а также и изъ печатныхъ трудовъ равныхъ собирателей. Одинъ изъ этихъ почтенныхъ мѣстныхъ дѣятелей, Н. А. Иванцкій, доставилъ въ Отдѣленіе рукопись тщательно обработаннаго имъ словаря вологодскаго

мѣстнаго говора. Собираніе матеріаловъ для областного словаря и приведеніе ихъ въ порядокъ поручено г. Симони.

Покойнымъ академикомъ И. И. Срезневскимъ въ теченіе многихъ лѣтъ были собираемы матеріалы для словаря древне-русскаго языка. Нынѣ онъ готовится къ печати дочерью покойнаго О. И. Срезневскою и печатается подъ редакціей ординарнаго академика А. Θ. Бычкова. Въ настоящее время приводится къ концу печатаніе 1-го выпуска этого словаря; выпускъ этотъ составитъ около 25 печатныхъ листовъ и будетъ заключать въ себѣ слова на а б и в.

Кромѣ того, академикъ А. Θ. Бычковъ окончилъ печатаніемъ изданный подъ его редакціей II-й томъ „Писемъ и бумагъ Петра Великаго“. Этотъ обширный томъ обнимаетъ собою всего лишь два года царствованія Преобразователя Россіи, 1702 и 1703 годы. Изъ документовъ, вошедшихъ въ настоящій томъ, многіе являются въ свѣтъ впервые; особенно интересны и поучительны свѣдѣнія о переговорахъ по заключенію Россіей союза съ Польскимъ королемъ, Польшей и Литвой противъ Карла XII и объ отношеніяхъ западно-европейскихъ государствъ къ Россіи.

Ординарный академикъ М. И. Сухомяиновъ въ теченіе 1889 года окончилъ печатаніемъ VI-й томъ выходящихъ подъ его редакціей „Матеріаловъ для исторіи Академіи Наукъ“. Въ этомъ томѣ помѣщенъ очеркъ исторіи Академіи, составленный въ прошломъ вѣкѣ академикомъ Миллеромъ и остававшійся доселѣ не изданнымъ. Трудъ Миллера имѣетъ большое значеніе для исторіи академической дѣятельности и академической жизни и справедливо почитается превосходнѣйшимъ пособіемъ, отчасти даже источникомъ для исторіи Академіи. Неутомимый собиратель историческихъ матеріаловъ, Миллеръ собиралъ произведенія, составлявшія библиографическую рѣдкость; снималъ копіи съ официальныхъ актовъ, записывалъ слышанное отъ современниковъ и очевидцевъ и т. д. Онъ самъ былъ живымъ свидѣтелемъ многихъ событій, совершавшихся въ Академіи или на его глазахъ, или даже при его непосредственномъ участіи. Пріѣхавши въ Россію при самомъ учрежденіи Академіи Наукъ, въ 1725 году, Миллеръ сжился съ нею, принималъ къ сердцу ея судьбы, и составленный имъ очеркъ навсегда сохранить свое несомнѣнное значеніе. Въ трудѣ Миллера сообщается много любопытныхъ и важныхъ извѣстій для исторіи Академіи Наукъ, а сверхъ того, въ немъ разсѣяны черты, рисующія нашу умственную и общественную жизнь былаго времени. Нельзя однако не замѣтить, что, при всемъ бо-

гатствѣ содержанія Миллера очерка, нѣкоторыя изъ сообщаемыхъ имъ свѣдѣній объ Академіи требуютъ тщательной провѣрки по документамъ академическаго архива, и въ иныхъ случаяхъ, именно вслѣдствіе этой провѣрки, освященіе фактовъ у Миллера оказывается не вполне вѣрнымъ. Но эта самая невѣрность любопытна въ томъ отношеніи, что служитъ яркимъ признакомъ настроенія, сложившагося подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ обстоятельствъ. Кромѣ того, сдѣланный Миллеромъ очеркъ судьбы Академіи отличается жизненностью: составитель не ограничивается простымъ изложеніемъ свѣдѣній, почерпнуемыхъ имъ изъ официальныхъ источниковъ—изъ архивовъ ученой конференціи и академической канцеляріи; онъ сопровождаетъ ихъ такими подробностями, что читатель невольно переносится въ далекое прошлое и видитъ передъ собою дѣйствующія лица въ тогдашней обстановкѣ, съ ихъ приемами и особенностями. Воспоминанія Миллера знакомятъ со многими лицами, съ которыми сталкивалась его судьба въ теченіе его долгой жизни. Историкъ русской литературы обратитъ вниманіе на то, что Миллеръ сообщаетъ о Феофанѣ Прокоповичѣ, Кантемирѣ, Тредиаковскомъ и другихъ нашихъ писателяхъ и ученыхъ. По плану изданія „Матеріаловъ для исторіи Академіи Наукъ“, трудъ Миллера изданъ въ подлинникѣ, то-есть, на нѣмецкомъ языкѣ безъ перевода, такъ какъ въ „Матеріалахъ“ переводы помѣщаются только современные подлинникамъ, какъ памятники тогдашняго литературнаго языка.

Кромѣ наблюденія за печатаніемъ „Матеріаловъ для исторіи Академіи Наукъ“, М. И. Сухомлиновъ занимался подготовительными работами для возложеннаго на него Отдѣленіемъ изданія сочиненій Ломоносова; онъ подвергъ тщательному изученію первоначальнаго изданія произведеній великаго двигателя русскаго просвѣщенія, появившіяся какъ при жизни его, такъ и въ ближайшее время за его смертью. Результатомъ этой работы должно быть установленіе правильнаго текста стихотворныхъ произведеній Ломоносова, который войдутъ въ I-й томъ новаго изданія, подведеніе вариантовъ къ этому тексту и, наконецъ, опредѣленіе хронологической послѣдовательности, въ которой стихотворенія Ломоносова были написаны.

Труды ординарнаго академика А. Н. Веселовскаго за 1889 годъ относились къ области изученія народныхъ легендъ, преданій и повѣрій. Кромѣ отдѣльныхъ статей, помѣщенныхъ въ Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, Archiv für Slavische Philologie и другихъ изданіяхъ, имъ напечатанъ въ Сборникѣ

Отдѣленія обширный V-й выпускъ „Розысканій въ области русскаго духовнаго стиха“. Выпускъ этотъ заключаетъ семь отдѣльныхъ изслѣдованій подѣ слѣдующими заглавіями: а) Дуалистическія повѣрья о мірозданіи; б) Безразличные и обоюдные въ житіи Василія Новаго и народной эсхатологіи; в) Судьба-доля въ народныхъ представленіяхъ славянъ; г) Генварскія русалии и готскія игры въ Византіи; д) Валькирין-Вилы; е) Легенды объ Иродѣ и Иродіадѣ и ихъ народныя отраженія; ж) Амфилогъ-Evalachъ въ легендѣ о святомъ Гралѣ. Ставя себѣ задачею выслѣдить генезисъ различныхъ народныхъ сказаній, мѣоовъ и обрядовъ, академикъ Веселовскій привлекаетъ къ своему изслѣдованію обширный сравнительный матеріалъ изъ литературы не только русской и вообще славянской, но и многихъ другихъ народовъ западныхъ и восточныхъ, и на этомъ широкомъ основаніи утверждаетъ свои соображенія и выводы, а въ то же время попутно касается нѣкоторыхъ общихъ вопросовъ научной критики въ приложеніи къ произведеніямъ народнаго творчества. „Объясняя сходство мѣоовъ, сказокъ, эпическихъ сюжетовъ у разныхъ народовъ“, говоритъ академикъ Веселовскій въ заключеніе одной изъ статей въ своихъ вышепоименованныхъ „Розысканіяхъ“, — „ислѣдователи расходятся обыкновенно по двумъ противоположнымъ направленіямъ: сходство объясняется либо изъ общихъ основъ, къ которымъ предположительно возводятся сходныя сказанія, либо гипотезой, что одно изъ нихъ заимствовало свое содержаніе изъ другаго. Въ сущности, ни одна изъ этихъ теорій въ отдѣльности не приложима, да онѣ и мыслимы лишь совмѣстно, ибо заимствование предполагаетъ въ воспринимающемъ не пустое мѣсто, а встрѣчныя теченія, сходное направленіе мышленія, аналогическіе образы фантазіи. Теорія „заимствования“ вызываетъ такимъ образомъ теорію „основъ“, и обратно; анализъ каждаго факта изъ области folkloge долженъ одинаково обращаться въ ту и другую сторону вопроса въ виду возможности, что взаимное передвиженіе мѣоа, сказки, пѣсни могло повторяться не однажды и всякій разъ при новыхъ условіяхъ какъ усвояющей среды, такъ и усваиваемаго матеріала“. Такова точка зрѣнія, на которой стоитъ академикъ Веселовскій въ своихъ собственныхъ изслѣдованіяхъ; постоянно стремясь сочетать оба вышеуказанные приѣма въ толкованіи народныхъ сказаній, онъ предлагаетъ выводы, отвѣчающіе строгимъ научнымъ требованіямъ и вмѣстѣ съ тѣмъ проливающіе новый свѣтъ на многія еще темныя стороны славяно-русскаго эпоса и народнаго міросозерцанія.

Ординарный академикъ И. В. Ягичъ хотя и не имѣетъ постояннаго жительства въ Петербургѣ, тѣмъ не менѣе принималъ въ 1889 году участіе въ занятіяхъ Отдѣленія не только исполненіемъ возложенныхъ на него порученій, но и личнымъ присутствіемъ въ нашихъ засѣданіяхъ въ теченіе сентября мѣсяца. Пріѣздъ его, нынѣшнею осенью, въ Россію былъ вызванъ, кромѣ общихъ научныхъ работъ, продолженіемъ его изслѣдованій въ области исторіи церковно-славянскаго языка, грамматическую обработку котораго онъ намѣренъ освѣтитъ по не изданнымъ до сихъ поръ источникамъ, отъ начала славянской письменности до конца XVI вѣка. Первая часть его труда уже отпечатана; она обнимаетъ собою періодъ съ X по XV столѣтіе—грамматическія разсужденія южныхъ славянъ и отраженія ихъ въ русской литературѣ XVI вѣка. Теперь вниманіе собирателя и изслѣдователя сосредоточено на многочисленныхъ и болѣе или менѣе обширныхъ статьяхъ грамматическаго характера, попадающихся въ различныхъ русскихъ сборникахъ XV—XVII вѣковъ. Желаніе ознакомиться съ этими сборниками, вникнуть въ ихъ содержаніе и воспользоваться имъ для своего критическаго изданія—вотъ что побудило нашего уважаемаго сочлена провести и въ отчетномъ году нѣкоторое время въ Петербургѣ и Москвѣ. Отпечатанные до сихъ поръ тексты старинныхъ грамматическихъ разсужденій, съ объясненіями къ нимъ, составляютъ пять первыхъ главъ труда, предпринятаго академикомъ Ягичемъ; теперь на очереди глава V-я, которая будетъ посвящена дѣятельности Максима Грека и его ближайшихъ современниковъ и сотрудниковъ. Въ слѣдующихъ главахъ долженъ быть представленъ, между прочимъ, переводъ Доната, трудъ толмача Дмитрія Герасимова (по рукописи, принадлежащей библиотекѣ Казанскаго университета, копія съ которой доставлена академику Ягичу профессоромъ М. П. Петровскимъ), потомъ, въ связи съ этимъ сочиненіемъ, извлеченное изъ него „простословіе“ Евдокима (по списку въ рукописи Чудова монастыря, уступленному нашему академику Обществомъ исторіи и древностей россійскихъ при Московскомъ университетѣ), и далѣе—рядъ еще другихъ грамматическихъ статей, взятыхъ изъ рукописей, хранящихся въ петербургскихъ и московскихъ общественныхъ и частныхъ библиотекахъ.

Кромѣ этого главнаго труда, академикъ Ягичъ напечаталъ въ теченіе отчетнаго года „Критическія замѣтки по исторіи русскаго языка“ и представилъ въ Академію написанный по ея порученію разборъ сочиненія профессора А. А. Кочубинскаго: „Начальные годы русскаго славяновѣдѣнія“.

Наконецъ, стараніями академика Ягича подвинуто впередъ изданіе нѣсколькихъ сочиненій средневѣковаго чешскаго писателя Хельчицкаго, предпринятое нѣсколько лѣтъ тому назадъ по копіи, доставленной въ Отдѣленіе покойнымъ молодымъ славистомъ Ю. С. Анненковымъ. Главный трудъ Хельчицкаго „Сѣтъ вѣры“ напечатанъ былъ еще подъ редакціей Анненкова. Въ его же бумагахъ была найдена копія и съ другаго сочиненія Хельчицкаго „Реплика противъ бискупа“; но академикъ Ягичъ, которому Отдѣленіе поручило окончить начатое изданіе, по разсмотрѣніи этой копіи пришелъ къ убѣжденію, что нѣтъ возможности печатать названное сочиненіе, не свѣривъ имѣющимся у Анненкова списка съ подлинникомъ, хранящимся въ городѣ Оломуцѣ, въ Моравіи. Поѣздка туда нашего сочлена ускорила дѣло на столько, что теперь уже приступлено къ печатанію втораго сочиненія Хельчицкаго, и въ теченіе будущаго года Отдѣленіе надѣется выпустить въ свѣтъ цѣлый томъ произведеній этого писателя, какъ немаловажное обогащеніе средневѣковой чешской литературы.

Адъюнктъ Л. Н. Майковъ принималъ участіе въ занятіяхъ Отдѣленія съ марта отчетнаго года. За это время имъ напечатано изслѣдованіе о первыхъ шагахъ И. А. Крылова на литературномъ поприщѣ, составленное на основаніи вновь найденныхъ документовъ, и представлено для помѣщенія въ Сборникъ Отдѣленія другой трудъ— „Бесѣда о святыхъ и другихъ достопамятностяхъ Цареграда, памятникъ старинной русской письменности“, открытый имъ и снабженный его объясненіями. Сверхъ того, адъюнктомъ Майковымъ, по порученію комиссіи Уваровскихъ премій, написанъ разборъ труда Н. В. Губерти: „Матеріалы для русской библіографіи“, и внесенъ въ Отдѣленіе планъ критическаго изданія сочиненій Пушкина, предпринимаемаго Отдѣленіемъ по мысли Его Императорскаго Высочества, Августѣйшаго Президента Академіи. Планъ этотъ одобренъ Отдѣленіемъ, и въ приготовительнымъ работамъ по критическому изданію Пушкина уже приступлено.

II.

Въ отчетѣ по Отдѣленію русскаго языка и словесности за 1888 годъ академикъ Сухомлиновъ имѣлъ возможность отмѣтить отрадное явленіе: въ томъ году Отдѣленіе не лишилось ни одного изъ своихъ членовъ. Не столь счастливъ былъ для насъ кончающійся нынѣ годъ:

въ теченіе его смерть отняла у Отдѣленія трехъ членовъ—корреспондентовъ—протоіерея С. К. Смирнова, юго-славянскаго ученаго Ив. Кукулевича-Сакцинскаго и англичанина, любителя и знатока русской литературы В. Рольстона. Наша обязанность — помянуть ихъ здѣсь добрымъ словомъ.

Сергій Константиновичъ Смирновъ былъ кофенной москвичъ; онъ родился 5-го сентября 1818 года, получилъ первоначальное образованіе въ Москвѣ въ духовномъ училищѣ и духовной семинаріи, а въ 1840 году поступилъ для высшаго богословскаго образованія въ Московскую духовную академію. Съ этихъ поръ онъ, можно сказать, сроднился съ нею и посвятилъ ей почти всю свою жизнь. Съ 1844 года онъ былъ наставникомъ въ академіи, а съ 1878 года, по принятіи священства, ея ректоромъ, и покинулъ ее только въ 1886 году, когда здоровье его пришло въ полное расстройство. Кончина его послѣдовала 16-го февраля истекающаго года.

Отецъ Смирновъ принадлежалъ къ той замѣчательной группѣ русскихъ ученыхъ, которые, воспитавшись подъ сѣнью обители св. Сергія, въ стѣнахъ старѣйшей школы въ московскихъ предѣлахъ, умѣли съ горячею преданностью православнои вѣрѣ соединить основательность научной критики и строгость научнаго воззрѣнія. Во главѣ этой группы стояли незабвенные по своимъ дарованіямъ и трудамъ ректоръ академіи Филаретъ, впоследствии архіепископъ Черниговскій, и профессоръ А. В. Горскій. С. К. Смирновъ былъ однимъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ ихъ на поприщѣ академическаго преподаванія и въ разработкѣ исторіи Русской церкви и нашего духовнаго просвѣщенія. Учено-литературная дѣятельность почившаго отца протоіерея была разнообразна: не чуждо ему было и проповѣдное слово, и стихотворство; онъ занимался философіей и филологіей, особенно въ области новозавѣтнаго греческаго языка; но всего болѣе потрудился онъ на историческомъ поприщѣ. Не будемъ перечислять его обильные ученые труды; отмѣтимъ только три важнѣйшіе и наиболѣе извѣстные: „Исторію славяно-греко-латинской академіи“ (М. 1855), „Исторію Троицкой семинаріи“ (М. 1867) и „Исторію Московской духовной академіи до времени ея преобразованія 1814—1870“ (М. 1879). По богатству матеріала и по тщательности его обработки эти сочиненія являются драгоцѣннымъ вкладомъ въ исторію нашего духовнаго просвѣщенія, и Академія Наукъ давно оцѣнила ихъ достоинства, увѣнчавъ каждый изъ названныхъ трудовъ своими преміями. Отецъ Смирновъ покинулъ жизненное поприще въ преклонномъ

возрастѣ; добрая память объ этомъ трудолюбивомъ изыскателѣ отечественной старины и достойнѣйшемъ наставникѣ и человѣкѣ надолго сохранится въ русскомъ обществѣ, особенно въ томъ учрежденіи, котораго онъ былъ усерднымъ лѣтописцемъ.

Въ иную среду переносить насъ личность другаго изъ скончавшихся нашихъ членовъ-корреспондентовъ. Кукулевичъ - Сакцинскій былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей національнаго возрожденія среди хорватовъ. Предоставимъ говорить о немъ его соплеменнику, академику И. В. Ягичу, который доставилъ Отдѣленію слѣдующее о немъ воспоминаніе:

„Иванъ Кукулевичъ-Сакцинскій, скончавшійся 20-го іюля (н. ст.) въ Хорватіи, въ своемъ родовомъ имѣніи Пухаковцѣ, на 74-мъ году жизни, принадлежитъ къ самымъ виднымъ представителямъ эпохи возрожденія у южныхъ славянъ, которое для хорватовъ прослыло подъ именемъ „иллиризма“. Имя Кукулевича останется навсегда въ благодарной памяти у хорватовъ, какъ передоваго борца за ихъ политическія и національныя права противъ несправедливыхъ притязаній мадьяръ. Кончивъ юридическое образованіе въ Загребѣ (онъ родился въ Вараждинѣ въ 1816 г.), онъ поступилъ въ 1833 году, какъ дворянинъ, въ мадьярскую гвардію; прослуживъ сперва офицеромъ въ Вѣнѣ, онъ въ 1840 году былъ прикомандированъ къ одному мадьярско-словацкому полку въ Италію, но вскорѣ его увлекло пробудившееся тогда на его родинѣ національное движеніе: въ 1842 году онъ вышелъ въ отставку и вернулся въ Хорватію, гдѣ сразу примкнулъ къ кружку молодыхъ „иллировъ“, образовавшемуся около Гая, и началъ живою рѣчью въ политическихъ собраніяхъ и бойкими статьями въ политическихъ и литературныхъ газетахъ отстаивать права родной страны противъ угрожавшаго ей мадьярскаго централизма. Кукулевичъ еще тогда выдвинулся между всѣми представителями новыхъ идей особенною даровитостью и замѣчательными историко-юридическими познаніями. Поэтому роковой 1848 годъ выдвинулъ его на первый планъ; его краснорѣчивымъ доводамъ обязанъ бессмертный для хорватовъ Еллагичъ блестящимъ избраніемъ въ баны-полководцы; ему, вмѣстѣ съ Гаемъ и Врѣнцианомъ, было поручено представить это единогласное избраніе, какъ желаніе всего народа, въ Вѣнѣ на утвержденіе. Предвидя опасность, угрожавшую Хорватіи, взывшей съ младенческою заносчивостью за рѣшеніе вопросовъ не по силамъ, Кукулевичъ заблаговременно сталъ прискидывать союзниковъ. Въ газетѣ Славянскій югъ онъ развивалъ мысль

о созывѣ всеславянскаго конгресса въ Прагѣ, между тѣмъ какъ путешествія его въ Карловцы къ австрійскимъ сербамъ и въ Бѣлградъ къ Сербскому князю преслѣдовали разумную цѣль—на всякій случай обезпечить дружное и согласное дѣйствіе сербовъ и хорватовъ противъ общихъ враговъ.

„Не наше дѣло входить здѣсь въ оцѣнку событій 1848 года, въ которыхъ Кукулевичъ принималъ дѣятельное участіе въ качествѣ политическаго, чтобы не сказать — дипломатическаго дѣятеля. Въ этомъ отношеніи доля отвѣтственности за роковыя ошибки, сдѣланныя тогда южными славянами, падаетъ, конечно, и на него: дорого заплатились хорваты и сербы за свое увлеченіе. Никто не чувствовалъ общаго разочарованія горче самого Кукулевича. Но онъ не опустилъ рукъ, не предался тупому бездѣйствію. Онъ понялъ, что, при измѣнившихся обстоятельствахъ, и хорватамъ надо было перемѣнить оружіе для борьбы. Кукулевичъ весь отдался наукѣ и въ 1850 году основалъ Общество южно-славянской исторіи, душою котораго и остался до самаго прекращенія его дѣятельности. Испытавъ прежде свои силы какъ поэтъ и романистъ (его драма „Юракъ и Софія“ имѣла въ свое время громадныя успѣхы; его стихотворенія съ политическимъ оттѣнкомъ „Славянки“ не потеряли значенія до сихъ поръ), онъ сдѣлался теперь историкомъ и археологомъ. Своими богатыми собраніями рукописей и древностей городъ Загребъ обязанъ преимущественно Кукулевичу. Множество его историко-генеалогическихъ монографій появилось на страницахъ „Архива“, органа Историческаго Общества, редакторомъ котораго онъ состоялъ до конца. Исторія искусства, въ особенности живописи, обвзана Кукулевичу важнымъ, единственнымъ въ своемъ родѣ „Словаремъ южно-славянскихъ художниковъ“; для исторіи литературы имъ сдѣланъ первый починъ изданіемъ сочиненій древнѣйшихъ далматинско-дубровницкихъ авторовъ. Однимъ словомъ, съ 1850 года Кукулевичъ стоялъ во главѣ литературно-культурнаго движенія, имѣвшаго своимъ центромъ Загребъ. Въ его гостепріимномъ домѣ не только встрѣчались и видѣлись всѣ хорваты, замѣтившіе о себѣ чѣмъ-либо въ области литературы и науки, но и путешествовавшіе по Хорватіи иностранцы, въ особенности же славяне, въ томъ числѣ и русскіе, имѣли возможность въ домѣ Кукулевича изучать людей и исторію его родины. У многихъ изъ нихъ сохранилось несомнѣнно очень пріятное воспоминаніе о тѣхъ часахъ, которые они провели у Кукулевича и въ его обществѣ.

„Послѣ 1860 года политическія событія снова оторвали Кукулевича на нѣсколько лѣтъ отъ научно-литературныхъ занятій. Но когда хорваты опять пали жертвою дуализма, новое административное устройство окончательно устранило Кукулевича отъ всякаго участія въ политической жизни. Съ тѣхъ поръ онъ служилъ только наукѣ и культурнымъ стремленіямъ своего народа.

„Заслуги Кукулевича оцѣнены въ славянскомъ мірѣ избраніемъ его въ почетные члены многихъ ученыхъ и литературныхъ обществъ. Отзывчивая на всѣ успѣхи славянъ Россія отличала также не разъ Кукулевича: онъ былъ не только членомъ-корреспондентомъ нашей Академіи Наукъ, но также почетнымъ членомъ нѣсколькихъ русскихъ университетовъ и ученыхъ обществъ“.

Третій изъ нашихъ членовъ-корреспондентовъ, скончавшихся въ истекающемъ году, Вильямъ Рольстонъ (William Ralston Shedden Ralston) принадлежалъ къ числу тѣхъ лицъ на западѣ Европы, которыя, въ послѣднія десятилѣтія, прилагали дѣятельныя старанія къ тому, чтобы знакомить ее съ русскою умственною жизнью.

Вильямъ Рольстонъ родился въ 1828 году и получилъ образованіе въ Кембриджскомъ университетѣ. Онъ предназначалъ себя сперва къ адвокатурѣ, но очень скоро уклонился отъ этой дѣятельности и поступилъ на службу въ Британскій музей. Здѣсь онъ состоялъ болѣе двадцати лѣтъ (1853—1875), дѣля время между библіотечными работами и литературными занятіями; кромѣ того, онъ дважды выступалъ лекторомъ на Илстерскихъ чтеніяхъ въ Оксфордѣ, и одинъ изъ этихъ курсовъ былъ посвященъ древней русской исторіи. Вообще русскимъ языкомъ и литературой онъ сталъ заниматься еще въ 60-хъ годахъ, и тогда же сталъ печатать въ англійскихъ журналахъ статьи по русской словесности. Въ 1869 году появились сдѣланный имъ переводъ романа Тургенева „Дворянское Гнѣздо“ и книга о Крыловѣ, съ приложеніемъ перевода избранныхъ басенъ. Позже были изданы еще три труда его о Россіи: „Songs of Russian People“ (1872), „Russian Folk-Tales“ (1873) и „Early Russian History“ (1874) и, кромѣ того, нѣсколько мелкихъ статей. Во всѣхъ этихъ сочиненіяхъ онъ обнаружилъ довольно хорошее знакомство съ нашимъ языкомъ и неподдѣльное сочувствіе къ нашему отечеству. Онъ сдѣлалъ довольно продолжительное путешествіе по Россіи и такъ полюбилъ русскую жизнь, усвоилъ себѣ столько русскихъ обычаевъ, что въ Англии слылъ болѣе за русскаго, чѣмъ за англичанина. Въ 1879 году онъ писалъ одному изъ своихъ русскихъ друзей, между прочимъ, слѣдующія строки,

которыя могутъ дать понятіе о томъ, на сколько онъ освоился съ нашею рѣчью: „Надѣюсь, если рокъ дастъ мнѣ полное здоровье, пробить немного времени, въ теченіе настоящаго года, въ Россіи, у одного изъ друзей Тургенева, который пригласилъ меня навѣстить его. Имѣніе его въ Курской губерніи. Если это намѣреніе не исполнится, такъ я сдѣлаю путешествіе, можетъ быть, въ Германію, и тамъ пробуду нѣсколько времени въ Висбаденѣ или въ какомъ-нибудь городѣ, гдѣ можно найти и цѣлебныя воды, и русскихъ людей. Во всякомъ случаѣ, мнѣ очень хочется еще разъ стараться новымъ и крѣпкимъ усиліемъ схватить и сдержать этого, всегда передо мною убѣгающаго, русскаго языка“. Рольстонъ высоко цѣнилъ проявленія самобытности русскаго духа въ произведеніяхъ нашей словесности; поэтому-то онъ съ особеннымъ увлеченіемъ отдавался изученію произведеній русскаго народнаго творчества; правда, въ этой области онъ не стремился быть строго-научнымъ изслѣдователемъ: но, представляя переводы русскихъ былинъ, пѣсенъ и сказокъ, онъ знакомилъ съ ними западныхъ читателей, и въ этомъ трудѣ, требовавшемъ усердія и любви къ дѣлу, заключается его важнѣйшая заслуга въ сферѣ международныхъ литературныхъ связей. Наша Академія не могла не оцѣнить этой заслуги; избраніе его въ число нашихъ членовъ-корреспондентовъ онъ считалъ для себя великою честью. Смерть Рольстона, послѣдовавшая 6-го августа (н. ст.), не можетъ не возбудить сожалѣнія какъ въ академической средѣ, такъ вообще среди образованныхъ русскихъ людей, въ кругу которыхъ этотъ полезный литературный дѣятель имѣлъ много друзей.

III.

Въ 1883 году была учреждена при Академіи Наукъ на сумму, пожертвованную вдовою профессора Котляревскаго, премія имени ея мужа за сочиненія по славянской филологіи и археологіи; право выдавать эту премію предоставлено Отдѣленію русскаго языка и словесности, и на сегодняшнее число падаетъ первое ея присужденіе. На соисканіе преміи Котляревскаго были представлены только труды одного чешскаго писателя, именно директора гимназій въ Брѣѣ Франца Бартоша, о моравскомъ нарѣчій и памятникахъ народнаго творчества въ Моравіи.

Изъ числа книгъ, присланныхъ г. Бартошемъ, наиболѣе замѣчательны слѣдующія: 1) изслѣдованіе о говорахъ моравскаго нарѣчія,

ч. I, изд. 1886 г., и два сборника моравскихъ народныхъ пѣсень, изд. 1882 и 1886 гг. По предложенію Отдѣленія, труды эти были рассмотрѣны членомъ-корреспондентомъ Академіи, профессоромъ Варшавскаго университета А. С. Будиловичемъ. Изъ обстоятельнаго отзыва, написаннаго ученымъ славистомъ, видно, что изслѣдованіе г. Бартоша о моравской діалектологіи хотя не вполне закончено, тѣмъ не менѣе составляетъ очень почтенное пріобрѣтеніе науки. Въ изданной доселѣ I-й части г. Бартошъ разсматриваетъ четыре изъ моравскихъ говоровъ относительно ихъ строя и состава; рассмотрѣніе это сдѣлано очень подробно и обстоятельно и содержитъ въ себѣ большой запасъ фактическихъ данныхъ, до сихъ поръ не поступавшихъ въ научный оборотъ. Это обстоятельство, замѣчаетъ профессоръ Будиловичъ,—придаетъ труду г. Бартоша важное значеніе не только въ чехо-моравской, но и вообще въ славянской діалектологіи, которая можетъ указать лишь весьма небольшое число трудовъ подобнаго рода и достоинства. Критикъ находитъ однако нѣкоторые недостатки въ трудѣ г. Бартоша, но, признавая, что они относятся не къ самому матеріалу изслѣдованія, а только къ способамъ его объясненія, онъ полагаетъ, что эти промахи нисколько не подрываютъ значенія книги, какъ драгоценнаго сборника весьма надежныхъ и до извѣстной степени уже переработанныхъ матеріаловъ для моравской діалектологіи и этнологии. На составленные г. Бартошемъ сборники произведеній моравской народной словесности профессоръ Будиловичъ смотритъ какъ на дополненіе къ его главному труду, но также не отрицаетъ ихъ научной цѣнности, а затѣмъ, принимая во вниманіе всю совокупность работъ г. Бартоша, онъ признаетъ ихъ, согласно §§ 5, 6 и 7 правилъ о преміяхъ Котларевскаго, заслуживающими награжденія половинною преміей.

Соглашаясь съ этимъ мнѣніемъ, Отдѣленіе присудило назначить г. Францу Бартошу половинную премію въ размѣрѣ 500 рублей, а профессору А. С. Будиловичу, въ изъявленіи своей признательности, положило выдать золотую медаль, установленную для рецензентовъ по преміямъ Котларевскаго.

ИЗДАНІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ, ВЫШЕДШІЯ ВЪ СВѢТЪ
ВЪ НОВѢЙШЕЕ ВРЕМЯ.

Записки Императорской Академіи Наукъ. Томъ пятьдесятъ
шестой, книжка 1. 1887.

(Содержаніе: О преміяхъ почетнаго члена Императорской Академіи Наукъ, генерала-отъ-инфантеріи Федора Федоровича Шуберта.—Правила о присужденіи преміи Н. И. Костомарова за лучший малорусскій словарь.—Собраніе портретовъ въ Императорской Академіи Наукъ.—О новыхъ открытіяхъ въ области низшихъ кэмбріискихъ образованій въ Эстляндіи. Докладъ Академика Ф. Б. Шмидта Физико-Математическому Отдѣленію Императорской Академіи Наукъ, читанный въ засѣданіи 13-го октября 1887 года.—*Приложеніе:* № 1. Критическій обзоръ млекопитающихъ и птицъ Кольскаго полуострова. Ф. Д. Плесске, ученаго хранителя Зоологическаго Музея Императорской Академіи Наукъ).

Цѣна книжки: 2 руб. 20 коп.

Цѣна приложенія отдѣльно: 2 » 10 »

— Томъ пятьдесятъ шестой, книжка 2-ая. 1888.

(Содержаніе: О предстоящихъ въ нынѣшнемъ году совсканіяхъ наградъ за ученые сочиненія, присуждаемыхъ Академіею Наукъ по Физико-Математическому и Историко-Филологическому Отдѣленіямъ.—Отъ Второго Отдѣленія Академіи Наукъ (объ изданіи полнаго собранія сочиненій Ломоносова и о предстоящихъ въ 1888 году

конкурсахъ). — Извлечение изъ протоколовъ засѣданій Академіи за апрѣль и май 1887 года. — *Приложенія*: № 2. Отчетъ по Главной Физической Обсерваторіи за 1885 и 1886 годы, представленный Физико-Математическому Отдѣленію Академіи Наукъ 25 августа 1887 г. Директоромъ Г. Вильдомъ. — № 3. Торжественное собраніе Отдѣленія русскаго языка и словесности 22-го ноября 1887 года, посвященное чествованію К. Н. Батюшкова. — № 4. О фигурѣ земли. І. И. Стебницкаго. — № 5. Объ этнографической поѣздкѣ по Литвѣ и Жмуди лѣтомъ 1887 года. Привать-доцента Э. А. Вольтера).

Цѣна книжки: 2 руб. 10 коп.

Цѣна приложеній отдѣльно: № 2... — » 80 »
№ 3... — » 20 »
№ 4... — » 10 »
№ 5... — » 80 »

Записки..... Томъ пятьдесятъ седьмой. 1888.

(*Содержаніе*: Отчетъ Императорской Академіи Наукъ по Физико-Математическому и Историко-Филологическому Отдѣленіямъ за 1887 годъ, читанный Непремѣннымъ Секретаремъ, Академикомъ К. С. Веселовскимъ, въ торжественномъ засѣданіи Академіи 29-го декабря 1887 года. — Отчетъ Отдѣленія русскаго языка и словесности за 1887 г., составленный предѣдательствующимъ въ Отдѣленіи, Ординарнымъ Академикомъ Я. К. Гротомъ, и читанный имъ въ торжественномъ собраніи Императорской Академіи Наукъ 29-го декабря 1887 года. — Личный составъ Императорской Академіи Наукъ. — Извлечение изъ протоколовъ засѣданій Академіи за августъ, сентябрь, октябрь, ноябрь и декабрь 1887 года. — *Приложенія*: № 1. Орнитологическая фауна Оренбургскаго края. Н. А. Заруднаго, подъ редакціею О. Д. Плеске. — № 2. Графъ Федоръ Петровичъ Литке. В. П. Безобразова, Дѣйствительнаго члена Императорской Академіи Наукъ. Съ 3 портретами).

Цѣна тома: 4 руб. 40 коп.

Цѣна приложеній отдѣльно: № 1...1 » 30 »
№ 2...2 » 40 »

—— Томъ пятьдесятъ восьмой. 1888.

(*Содержаніе*: Дополненіе теоріи и одно приложеніе общаго способа нахождения раціональныхъ дробныхъ рѣшеній линейныхъ дифференціальныхъ уравненій съ раціональными коэффициентами. В. Г. Имшенецкаго. — О моментахъ, маскирующихъ явленія утомленія мышцы. С. Чернова. — Объ измѣненіяхъ эффектовъ тетанизаціи мышцы отъ прохождения волны возбужденія. Н. Введенскаго. По опытамъ О. Тура

и Л. Корганова. — Обь отрицательномъ и положительномъ колебаніяхъ нервнаго тока при раздраженіи. Студента Б. Козачка. — О нѣкоторыхъ дѣйствіяхъ мускарина и атропина на обыкновенный нервномышечный препаратъ. Предварительное сообщеніе Я. Гинзбурга. — Задача о природѣ рыбнаго яда и о средствахъ противъ него. — Извлеченіе изъ протоколовъ засѣданій Академіи за январь, февраль, мартъ и апрѣль 1888 года. — *Приложенія*: № 1. Исторія Россійской Академіи. М. И. Сухомлинова. Выпускъ восьмой и послѣдній. Указатель ко всѣмъ восьми выпускамъ Исторіи Россійской Академіи. — № 2. Отчетъ о второмъ присужденіи премій Макарія, митрополита московскаго. — № 3. О перемѣнѣ координатъ въ дифференціальныхъ уравненіяхъ динамики. Д. К. Бобылева).

Цѣна тома 5 руб. 10 коп.

Цѣна приложеній отдѣльно: № 1... 3 » 50 »

№ 2... — » 70 »

№ 3... — » 20 »

Записки..... Томъ пятьдесятъ девятый, книжка 1-ая. 1889.

(*Содержаніе*: Краткія данныя по ихтиофаунѣ Азіатской Россіи. Н. Варпаховскаго. (Съ 1 таблицей). — Записка обь ученыхъ трудахъ Леонида Николаевича Майкова, составленная А. Н. Веселовскимъ. — Правила о преміяхъ професора Котляревскаго. — О преміи имени генералъ-адъютанта С. А. Грейга. — Извлеченіе изъ протоколовъ засѣданій Академіи за май 1888 г. — *Приложеніе*: № 1. Отчетъ о двадцать-девятомъ присужденіи наградъ графа Уварова).

Цѣна книжки: 3 руб. — коп.

Цѣна приложенія № 1 отдѣльно: 2 » 50 »

———Томъ пятьдесятъ девятый, книжка 2-ая. 1889.

(*Содержаніе*: Извлеченіе изъ протоколовъ засѣданій Академіи за августъ и сентябрь 1888 г. — Замѣтки по буддизму. Академика В. П. Васильева. — Донесеніе Академикомъ Л. И. Шренка и К. И. Максимовича о представленномъ ими Академіи сочиненіи г. Дитмара о Камчаткѣ. — *Приложенія*: № 2. Геологическое изслѣдованіе Сибирскаго почтоваго тракта, отъ озера Байкала до восточнаго склона хребта Уральскаго, а также путей, ведущихъ къ Падунскому порогу на р. Ангарѣ и въ городъ Минусинскъ. И. Д. Черскаго. (Съ геологическою картою и профилемъ). — № 3. Четвертое присужденіе Пушкинскихъ премій. — № 4. Грозы въ Россіи за 1885 годъ. Обработалъ А. Шенрокъ. (Съ таблицей). — № 5. Къ вопросу о предсказаніи наименьшей температуры. Б. Керсновскаго. — № 6. Дополненія къ изслѣдованіямъ лимфатическихъ сердецъ и сосудовъ у нѣкоторыхъ представителей амфибій. Вл. Великаго. (Съ двумя рисунка-

ми). — № 7. Развитие двигательных нервных окончаний въ поперечно-полосатыхъ мышцахъ амфибій. Павла Митрофанова. (Съ одной таблицей).

	Цѣна книжки: 4 руб. — коп.
Цѣна приложеній отдѣльно: № 2.. 1	» 50
№ 3...—	» 60
№ 4...—	» 45
№ 5...—	« 20
№ 6...—	» 35
№ 7...—	» 40

Записки..... Томъ шестидесятый. 1889.

(Содержаніе: Отчетъ Императорской Академіи Наукъ по Физико-Математическому и Историко-Филологическому Отдѣленіямъ за 1888 годъ, составленный и читанный Непременнымъ Секретаремъ Академіи, Ординарнымъ Академикомъ К. С. Веселовскимъ въ публичномъ засѣданіи Академіи 29-го декабря 1888 года. — Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія русскаго языка и словесности въ 1888 году, составленный Ординарнымъ Академикомъ М. И. Сухомлиновымъ и читанный имъ въ торжественномъ собраніи Императорской Академіи Наукъ 29-го декабря 1888 года. — Третье присужденіе преміи имени графа Д. А. Толстаго. Отчетъ, читанный въ торжественномъ собраніи Императорской Академіи Наукъ 29-го декабря 1888 года предсѣдательствующимъ въ Отдѣленіи русскаго языка и словесности Я. К. Гротомъ. — Отчетъ о присужденіи въ 1888 году Бэровскихъ наградъ, читанный въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 29-го декабря 1888 года Ординарнымъ Академикомъ Л. И. Шренкомъ. — Обзоръ работъ представленныхъ профессоромъ В. В. Подвысоцкимъ (младшимъ) для соисканія преміи К. М. Бэра. Составленъ по порученію Императорской Академіи Наукъ профессоромъ В. В. Пашутинымъ. — Торжественное публичное засѣданіе Императорской Академіи Наукъ 12 февраля 1889 года. — Каталогъ картъ, плановъ и съеомокъ, выставленныхъ въ конференцъ-залѣ Императорской Академіи Наукъ 12 февраля 1889 года. — Личный составъ Императорской Академіи Наукъ 1 марта 1889 года. — Извлеченіе изъ протоколовъ засѣданій Академіи за октябрь, ноябрь и декабрь 1888 года. — Приложенія къ протоколамъ Отдѣленія русскаго языка и словесности: I. Записка объ ученыхъ трудахъ Леонида Николаевича Майкова, составленная А. Н. Веселовскимъ. — II. Образцы бѣлорусскаго нарѣчія разныхъ мѣстностей, доставленные Н. П. Авенариусомъ. — *Приложенія*: № 1. О простѣйшей суставчатой системѣ, доставляющей движенія симметрическія около оси. П. Чебышева.

(Съ одной таблицей).— № 2. Матеріалы къ вопросу о послѣдовательности и порядкѣ закрытія черепныхъ швовъ у инородцевъ Россіи. Д-ра мед. А. М. Фортунатова. (Съ 10-ю графическими таблицами).— № 3. О зимнихъ изотермахъ и о минимомъ повышеііи температуры съ высотой въ Восточной Сибири. Г. Вильда.— № 4. Результаты метеорологическихъ наблюденій, произведенныхъ въ Россіи во время солнечнаго затменія 19-го августа 1887 года. Обработалъ А. Шенрокъ. (Съ одною таблицею).— № 5. Островъ Сахалинъ и его фауна позвоночныхъ животныхъ. А. М. Никольскаго.— № 6. Наставленіе къ производству магнитныхъ наблюденій во время путешествія. Составилъ Г. Вильдъ.— № 7. Къ познанію фауны моллюсковъ Россіи. Л. Круликовскаго).

	Цѣна тома 6 руб. — коп.
Цѣна приложеній отдѣльно:	№ 1...— » 45 »
	№ 2...— » 90 »
	№ 3...— » 30 »
	№ 4...— » 25 »
	№ 5... 2 » 30 »
	№ 6...— » 30 »
	№ 7...— » 30 »

Записки..... Томъ шестьдесятъ первый, книжка 1-ая. 1889.

(Содержаніе: Разборъ надписей надгробныхъ камней, найденныхъ въ 1886 году внутри текіи Шахъ Али Хана въ Касимовѣ. В. В. Радлова. (Съ 2 таблицами). — О новой ископаемой морской губкѣ *Solidinodus Poëtae*. Чен. Загалки. (Съ таблицею рисунковъ). — Періодика сокращенія мышцы при раздраженіи прямомъ. Н. Введенскаго. — О дѣйствиіи свѣта и теплоты на рефлексы спиннаго мозга. Евгенія Головина. — Двойное дѣйствіе высыхающаго нерва на мышцу. К. К. Сентъ-Илера. — Объяснительная записка о новомъ изданіи академическаго словаря. — Правила о наградахъ тайнаго совѣтника Бэра. — Извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Академіи за январь, февраль, мартъ, апрѣль, май и іюль 1889 года.— *Приложенія*: № 1. О приближенныхъ выраженіяхъ квадратнаго корня переменннй черезъ простыя дроби. П. Чебышева. — № 2. Дальнѣйшія наблюденія надъ окончаніями нервовъ на основаніи способа ихъ прижизненной окраски. М. Лавдовскаго. (Съ одной таблицей).— № 3. Зоологическій Музей Императорской Академіи Наукъ. Пятидесятилѣтіе его существованія. Обзоръ основанія, постепеннаго расширенія и современнаго состоянія Музея. Составилъ директоръ Музея Академикъ А. Штраухъ. (Съ 2 табл. полтитп.).— № 4. Объ измѣненіяхъ дыхательнаго ритма при раз-

драженіи блуждающаго нерва электрическими токами различной частоты. Н. Введенскаго.

Цѣна книжки 3 руб. 60 коп.
 Цѣны приложеній отдѣльно: № 1...— » 20 »
 № 2...— » 40 »
 № 3... 2 » 50 »
 № 4...— » 15 »

Метеорологическій Сборникъ, издаваемый Императорскою Академіею Наукъ подъ редакціею д-ра Г. И. Вильда. Томъ XI. Съ 6 таблицами, 9 картами и однимъ рисункомъ въ текстѣ. 1888.

(Содержаніе: № 1. Б. Срезневскій. Среднее распредѣленіе атмосфернаго давленія въ Европейской Россіи съ 1881 до 1885 г. Съ тремя картами.— № 2. М. Рыкачевъ. Распредѣленіе вѣтровъ и атмосфернаго давленія на Каспійскомъ морѣ. Съ 6 картами.— № 3. А. Шенрокъ. Грозы въ Россіи за 1885 г. Съ таблицею.— № 4. Г. Абельсъ. Преобразование и труды магнитно-метеорологической Обсерваторіи въ г. Екатеринбургѣ въ теченіе 1885 и 1886 гг.— № 5. В. Фридрихсъ. Изслѣдованія относительно дѣйствія термографа Ришара. Съ 2 таблицами кривыхъ.— № 6. Б. Керсновскій. Къ вопросу о предсказаніяхъ наименьшихъ температуръ.— № 7. В. Дубинскій. Сравнительная повѣрка двухъ анеометровъ въ Гамбургѣ (Deutsche Seewarte) и въ С.-Петербургѣ (Главная Физическая Обсерваторія).— № 8. А. Шенрокъ. О способѣ вычисленія и надежности среднихъ атмосфернаго давленія, выведенныхъ изъ наблюденій по анероидамъ.— № 9. П. Броуновъ. Сравненіе нормальныхъ барометровъ нѣкоторыхъ самыхъ важныхъ метеорологическихъ институтовъ въ Европѣ. Съ таблицею.— № 10. В. Фридрихсъ. Изслѣдованія относительно дѣйствія барографа Ришара. Съ таблицею.— № 11. Р. Розенталь. О вѣтрахъ въ С.-Петербургѣ.— № 12. Шенрокъ. Къ вопросу объ изслѣдованіи грозъ въ Россіи. Съ таблицею.— № 13. Э. Бергъ. О значеніи абсолютной влажности при образованіи и наступательномъ движеніи грозъ. Съ таблицею.— № 14. Г. Вильдъ. О зимнихъ изотермахъ и о мнимоиъ увеличеніи температуры съ высотой въ западной Сибири. — *Мелкія сообщенія*: I. М. Марксъ. Климатъ Енисейска по 12-лѣтнимъ наблюденіямъ, съ 1871 по 1883 г.— II. А. Шенрокъ. Къ вопросу о повѣркѣ карты анероидовъ подъ воздушнымъ насосомъ.— III. А. Шенрокъ. Къ вопросу объ опредѣленіи изморози и гололедицы.— IV. Г. Абельсъ. О высотѣ барометровъ надъ уровнемъ моря на нѣкоторыхъ станціяхъ Западной Сибири.— V. Р. Бергманъ. Путевой журналъ Фердинанда фонъ Врангеля съ зимы 1823 по 1824 г.).

6 руб. 20 коп.

Метеорологическій Сборникъ... Томъ XII. Съ 8 таблицами и 18 картами. 1889.

(Содержаніе: № 1. Э. Штеллингъ. О скорости теченія, колебаніяхъ уровня и количествѣ воды въ р. Ангарѣ у Иркутска.— № 2. А. Шенрокъ. Результаты метеорологическихъ наблюденій, произведенныхъ въ Россіи во время солнечнаго затменія 19 августа 1887 г. (Съ одною таблицею).— № 3. І. Керсновскій. О суточномъ и годовомъ ходѣ силы вѣтра и географическомъ ея распредѣленіи въ Россійской имперіи. (Съ 3 картами).— № 4. А. Вознесенскій. О землетрясеніи въ г. Вѣрномъ и его окрестностяхъ въ 1887 г. и о соотношеніи его къ метеорологическимъ явленіямъ. (Съ одною таблицею).— № 5. И. Мильбергъ. Магнитныя наблюденія на Арменскомъ плоскогоріи въ 1887 г.— № 6. М. Рыкачевъ. Результаты наблюденій по анемографу въ Кронштадтѣ за 1883—1885 годы и сравненіе ихъ съ результатами наблюденій по анемографу въ С.-Петербургѣ. (Съ двумя таблицами).— № 7. Б. Срезневскій. О буряхъ въ Черномъ и Азовскомъ моряхъ. (Съ тремя картами).— № 8. П. А. Мюллеръ. Объ измѣненіяхъ земнаго магнетизма въ С.-Петербургѣ и Павловскѣ за 1873—1885 годы. (Съ тремя таблицами).— № 9. А. Каминскій. О сравнимости наблюденій надъ атмосферными осадками въ европейской Россіи.— № 10. Б. Керсновскій. Пути циклоновъ въ Россіи за 1884—1886 годы. (Съ 12 картами).— № 11. Г. Вильдъ. О новомъ способѣ Асмана для опредѣленія истинной температуры воздуха.— № 12. П. А. Мюллеръ. Наблюденія надъ наклоненіемъ въ Екатеринбургской Обсерваторіи съ 1837 по 1885 годъ.— № 13. Э. Бергъ. Изслѣдованіе грозы, разразившейся зимою. (Съ таблицею).— № 14. Г. Вильдъ. Отчетъ по Главной Физической Обсерваторіи за 1887 и 1888 годы.— *Мелкія сообщенія*: І. Б. Срезневскій. О графическомъ опредѣленіи годоваго хода температуры по мѣсячнымъ среднимъ.— П. Г. Абельсъ. Наблюденія надъ наклоненіемъ въ Сургутѣ, Обдорскѣ и Кондинскомъ).

12 руб. 85 коп.

Бергъ, Э. О значеніи абсолютной влажности при образованіи и движеніи грозъ. Съ одною таблицею. 1889. 40 коп.

Бобылевъ, Д. О началѣ Гамильтона или Остроградскаго, и о началѣ наименьшаго дѣйствія Лагранжа. 1889. 70 коп.

Вильдъ, Г. Объ осадкахъ въ Россійской Имперіи. 1888. Съ атласомъ. 6 руб.

Дубровинъ, Н. Присоединеніе Крыма къ Россіи. Рескрипты письма, реляціи и донесенія. Томъ первый. (1775—1777 гг.) 1885. 3 руб. 50 коп.

- Дубровицъ, Н.** Томъ второй. (1778 г.) 1885. 3 руб. 60 коп.
—— Томъ третій. (1779 — 1780 гг.) 1887. 3 руб.
—— Томъ четвертый. (1781 — 1782) гг. 1889. 6 руб. 50 коп.
—— Доклады и приговоры, состоявшіеся въ правительствующемъ сенатѣ въ царствованіе Петра Великаго. Томъ III, годъ 1713-й, книга 2 (юль — декабрь). 1887. 2 руб.
—— Томъ IV, годъ 1714-й, книга 1 (январь — июль). 1888. 4 р.
- Жуковский, В. А.** Матеріалы для изученія персидскихъ нарѣчій. Часть первая. Діалекты полосы города Кашана: вонишунъ, кохрудъ, кешэ, зэфрэ. 1888. 2 руб.
- Каташовъ, Н. Ѳ.** Алфавитный указатель собственныхъ именъ, встрѣчающихся въ первомъ томѣ Образцовъ народной литературы тюркскихъ племенъ, собранныхъ В. В. Радловымъ. 1888. 20 коп.
—— Алфавитный указатель собственныхъ именъ, встрѣчающихся въ второмъ томѣ Образцовъ народной литературы тюркскихъ племенъ, собранныхъ В. В. Радловымъ. 1888. 60 коп.
- Отчетъ отридцатомъ присужденія награды графа Уварова. 1889. 1 руб.
- (Пржевальскій).** Научные результаты путешествій Н. М. Пржевальскаго по Центральной Азіи.—Отдѣлъ зоологическій. Томъ I. Млекопитающія. Обработалъ Евг. Бихнеръ. Выпускъ 1. 1888. 5 руб.
—— ——— Выпускъ 2. 1888. 5 руб.
—— ——— Выпускъ 3. 1889. 5 руб.
—— Томъ III, часть 2. Рыбы. Обработалъ С. Герценштейнъ. Выпускъ 1. 1888. 4 руб. 50 коп.
—— ——— Выпускъ 2. 1889. 3 руб.
- Радловъ, В. В.** Опытъ словаря тюркскихъ нарѣчій. Выпускъ первый.—Versuch eines Wörterbuchs der Türk-Dialecte. Erste Lieferung. 1888. 1 руб. 20 коп.
—— Выпускъ второй. 1889. 1 руб.
- Ровинскій, Д. А.** Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ. Томъ I. А — О. Томъ II. П — Ѳ. Приложенія, заключеніе и алфавитные указатели. 1889. Цѣна за оба тома 10 руб.

Шеврокъ, А. Къ вопросу объ изслѣдованіи грозъ въ Россіи. Съ одною картою. 1889.

40 коп.

Mémoires de l'Académie Impériale des sciences de St. Pétersbourg, VIIe Série, tome XXXVI.

— № 1. **H. Wild.** Neuer magnetischer Unifilar-Theodolith. Mit 2 Tafeln. 1888.

70 коп.

— № 2. **F. Schmidt.** Über eine neuentdeckte untercambrisch Fauna in Estland. Mit 2 Tafeln. 1888.

1 руб.

— № 3. **Theodor Pleske.** Revision der turkestanischen Ornith. Nach Sammlungen des verstorbenen Conservators Valerian Russow verfasst. 1888.

1 руб.

— № 4. **A. E. Feoktistow.** Eine vorläufige Mittheilung über die Wirkung des Schlangengiftes auf den thierischen Organismus. 1888.

35 коп.

— № 5. **Dr. Edmund Mojsisovics von Mojsvár.** Über einige arktische Trias-Ammoniten des nördlichen Sibirien. Mit 3 lith. Tafeln. 1888.

1 руб.

— № 6. **M. Woronin.** Über die Sclerotienkrankheit der Vaccinieen-Beeren. Entwicklungsgeschichte der diese Krankheit verursachenden Sclerotinien. Mit 10 Tafeln. 1888.

3 руб.

— № 7. **O. Backlund.** Über die Herleitung der im achten Bande der «Observations de Poulkova» enthaltenen Stern-Cataloge, nebst einigen Untersuchungen über den Pulkowaer Meridiankreis. 1888.

1 руб. 40 коп.

— № 8. **Dr. C. V. L. Charlier.** Über eine mit dem Problem der drei Körper verwandte Aufgabe. 1888.

40 коп.

— № 9. **Ph. Owsiannikow.** Über das dritte Auge bei *Petromyzon fluviatilis* nebst einigen Bemerkungen über dasselbe Organ bei anderen Thieren. Mit 1 Tafel. 1888.

80 коп.

Mémoires..... Tome XXXVI, № 10. N. v. Kokscharow. Beiträge zur Kenntniss der Krystallisation des Klinochlors und über das Krystallsystem und die Winkel des Kotschubeits. 1888.

1 руб.

— № 11. **O. v. Lemm.** Koptische Fragmente zur Patriarchengeschichte Alexandriens. 1888.

80 коп.

— № 12. Paul Knüpffer. Beitrag zur Anatomie des Ausführungsganges der weiblichen Geschlechtsproducte einiger Acanthocephalen. Mit 2 Tafeln. 1888. 60 коп.

— № 13. J. V. Rohon. Über fossile Fische vom oberen Jenissei. Mit 2 Tafeln. 1889. 60 коп.

— № 14. — Die Dendrodonten des devonischen Systems in Russland. Palaeontologische und vergleichend-anatomische Studie. Mit 2 Tafeln. 1889. 1 руб. 20 коп.

— № 15. Fried. Brauer, Jos. Redtenbacher und Ludw. Ganglbauer. Fossile Insekten aus der Juraformation Ost-Sibiriens. Mit 2 Tafeln. 1889. 75 коп.

— № 16. A. Famintzin. Beitrag zur Symbiose von Algen und Thieren. Mit 2 Tafeln. 1889. 80 коп.

— № 17 et dernier. B. Hasselberg. Untersuchungen über das Absorptionsspectrum des Jodgases. Mit 5 Tafeln. 1889. 2 руб. 50 коп.
Tome XXXVII, № 1. B. Imchenetsky. Mémoire sur l'intégration des équations différentielles symétriques. 1889. 60 коп.

— № 2. A. Karpinsky. Über die Ammoneen der Artinsk-Stufe und einige mit denselben verwandte carbonische Formen. Mit 5 lithogr. Tafeln. 1889. 3 руб. 20 коп.

— № 3. Baron Ed. v. Toll. Wissenschaftliche Resultate der von der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zur Erforschung des Janalandes und der Neusibirischen Inseln in den Jahren 1885 und 1886 ausgesandten Expedition. *Abtheilung I.* Die paläozoischen Versteinerungen der Neusibirischen Insel Kotelny. Mit 5 Tafeln. 1889. 2 руб. 30 коп.

Bulletin de l'Académie Impériale des sciences de St-Pétersbourg. Tome XXXII. Novembre 1887 — août 1888. (Contenant les articles de MM.: O. Backlund, N. Békétoff, A. Bonsdorff, C. V. L. Charlier, M. Chrapowitzki, A. Gernet, Gorboff, B. Hasselberg, A. Karpinsky, N. Katanoff, Kessler, O. Lemm, C. J. Maximowicz, A. Nauck, M. Nyrén, W. Radloff, M. Rykatschew, C. Salemann, Carl Schmidt, B. Séraphimoff, N. Warpachowsky, H. Wild). 3'руб.

— **Mélanges mathématiques et astronomiques** tirés du Bulletin de l'Académie Impériale des sciences de St.-Pétersbourg. Tome VI, livraison 4. 1886.

(*Contenu:* J. S. et M. N. Vaněček. Nouvelle génération d'un faisceau de coniques.—A. Bonsdorff. Ableitung neuer Formeln zur Auflösung sphäroidischer Dreiecke.—M. Nyrén. Polhöhenbestimmungen mit dem Ertel-Repsold'schen Verticalkreise.—O. Backlund. Comet Encke. I.

Bearbeitung der Erscheinung 1885 und die Verbindung derselben mit den vier vorhergehenden Erscheinungen.—O. Struve. Die Photographie im Dienste der Astronomie. (Aus einem Vortrage des Akademikers O. Struve, gehalten in der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften am 4 Februar 1886).—O. Backlund. Dr. Harzer's Untersuchungen über einen speciellen Fall des Problems der drei Körper. Bericht an die Akademie der Wissenschaften. 1886). 35 коп.

— **Mélanges mathématiques et astronomiques....** Tome VI, livraison 5 et dernière. 1888.

(*Contenu:* B. Imchenetsky. Sur la transformation d'une équation différentielle de l'ordre pair à la forme d'une équation isopérimétrique.— Sur un nouveau nombre premier, annoncé par le père Pervouchine. Extrait d'un rapport, fait à l'Académie par M. M. Imchenetzki et Bouniakowsky.— O. Struve. Der Nebelfleck um C Orionis. (Mit einer Tafel).— O. Backlund. Studien über den Stern-catalog: «Positions moyennes de 3542 étoiles, déterminées à l'aide du cercle méridien de Poulkova dans les années 1840 — 1869 et réduites à l'époque 1855,0. St. Pétersbourg, 1886.— O. Backlund. Zusatz zu «Studien über den Stern-catalog: Positions moyennes de 3542 étoiles, déterminées à l'aide du cercle méridien de Poulkova dans les années 1840 — 1869 et réduites à l'époque 1855,0. St. Pétersbourg, 1886.»— O. Backlund und B. Seraphimoff. Angenäherte Elemente und Ephemeride des Encke'schen Cometen für das Jahr 1888.— A. Bonsdorff. Zur Bestimmung der Constanten des Erdellipsoids aus Gradmessungen.— Dr. C. V. L. Charlier. Über die Bildung von Meteorströmen durch Auflösung der Kometen.— Magnus Nyrén. Zur Aberration der Fixsterne.— Dr. B. Hasselberg. Über eine Methode die Brennweite eines Linsensystems für verschiedene Strahlen mit grosser Genauigkeit zu bestimmen.— O. Backlund. Bemerkung über das Auftreten von hyperelementären Gliedern in der Störungstheorie. Erste Mittheilung.— O. Backlund. Bemerkung über das Auftreten von hyperelementären Gliedern in der Störungstheorie. Zweite Mittheilung). 1 py6. 50 коп.

Mélanges physiques et chimiques tirés du Bulletin de l'Académie Impériale des sciences de St.-Pétersbourg. Tome XII, livraison 5. 1887.

(*Contenu:* O. Chwolson. Photometrische Untersuchungen über die innere Diffusion des Lichtes.— Prof. Dr. Carl Schmidt. Hydrologische Untersuchungen, XLV—XLVIII.— N. v. Kokscharow. Mursinskit, ein neues Mineral.— C. Zahálka. Beitrag zur Kenntniss der Phymatellen der böhmischen Kreideformation. (Mit einer Tafel).— A. Karpinsky. Zur Geologie des Gouvernements Pskow. (Mit einer Tafel).— A. Karpinsky.

Über einige graphit- und granatführende metamorphische Gesteine des Urals. (Mit einer Tafel). 45 kop.

Mélanges physiques et chimiques.... Tome XII, livraison 6 et dernière. 1887.

(*Contenu:* Benvenuto Rizza et A. Boutlerow. Sur l'asarone. (2me partie). — Prof. Dr. Carl Schmidt. Hydrologische Untersuchungen, XLIX. — H. Wild. Note sur l'effet du tremblement de terre du 23 février 1887 à l'Observatoire magnétique de Pawlowsk. — Prof. Dr. Carl Schmidt. Hydrologische Untersuchungen, L. — M. Rykatschew. Das vormittägige Temperaturmaximum zur See in den Tropen, nach den auf der Korvette «Witjas» unter dem Commando des Flügeldjunktanten Capitain I. Ranges S. O. Makarow angestellten Beobachtungen. — A. Karpinsky. Bemerkungen über die Regelmässigkeit in der Gestalt und dem Bau der Continente. — N. Békétoff. Recherches sur l'énergie de combinaison. Les oxydes de potassium et de lithium. — H. Wild. Polarisations-Photometer für technische Zwecke und Untersuchung von Wenham-Gaslampen mit demselben). 35 kop.

Mélanges biologiques tirés du Bulletin de l'Académie Impériale des sciences de St.-Petersbourg. Tome XII, livraison 4. 1886.

(*Contenu:* C. J. Maximovicz. Diagnoses plantarum novarum asiaticarum. VI. Insunt stirpes quaedam nuper in Japonia detectae. — A. Famintzin. Ueber Knospenbildung bei Phanerogamen). 45 kop.

— Tome XII, livraison 5. 1886.

(*Contenu:* N. Warpachowsky. Eine neue Form von Opalina. — V. Bianchi. Ueber einen neuen Würger aus der Untergattung Otomela (*Otomela Bogdanowi*). — A. Famintzin. Über Knospenbildung bei Phanerogamen. (Mit einer Tafel). — V. Bianchi. Zur Ornithologie der westlichen Ausläufer des Pamir und des Alai).

30 kop.

— Tome XII, livraison 6 et dernière. 1888.

(*Contenu:* N. Warpachowski. Notiz über die in Russland vorkommenden Arten der Gattung Phoxinus. — N. Warpachowski. Über die Gattung Hemiculter Bleek. und über eine neue Gattung Hemiculturrella. — Chrapowitzki. Über die Synthese der Eiweissstoffe in chlorophyllhaltigen Pflanzen. *Vorläufige Mittheilung.* — C. J. Maximowicz. Diagnoses plantarum novarum asiaticarum. VII. (Mit 4 Tafeln).

70 kop.

Mélanges russes tirés du Bulletin de l'Académie Impériale des sciences de St.-Petersbourg. Tome V, livraison 1. 1886.

(*Contenu:* Dr. W. von Gutzeit. Über die Lebensgeschichte des heil. Georgios von Amastra und die Zeit ihrer Abfassung. — E. Kunik. Ergänzende Bemerkungen zu den Untersuchungen über die Zeit der Abfassung

des Lebens des h. Georg von Amastris. Ein Beitrag zur Aufklärung der russisch-byzantinischen Chronologie des 9ten Jahrhunderts.— F. G. Wiedemann. Zusätze und Berichtigungen zu dem syryänisch-deutschen und wotjakisch-deutschen Wörterbuch. 1880).

30 коп.

Mélanges asiatiques tirés du Bulletin de l'Académie Impériale des sciences de St.-Pétersbourg. Tome IX, livraison 3. 1887.

(*Contenu*: C. Salemann. Mittelpersische Studien. Erstes Stück.— C. Salemann Bericht über des Mag. V. Zukovski Materialien zur persischen Dialektologie.— W. Radloff. Vorläufiger Bericht über eine wissenschaftliche Reise in die Krym im Jahre 1886.— N. Katanoff. Die aus dem Russischen entlehnten Fremdwörter des Sagai-Dialektes.— N. Katanoff. Verzeichniss der sagaischen Namen der Flüsse, Dörfer, Städte und Stämme, welche die Unterthanen des Steppengerichts der vereinigten Stämme (an der Mündung des Askys) bilden.— C. Salemann. Neue Erwerbungen des Asiatischen Museums).

50 коп.

— Tome IX, livraison 4 et dernière. 1888.

(*Contenu*: W. Radloff. Bericht über eine Reise zu den Karaimen der westlichen Gouvernements.— C. Salemann. Bericht über die Ausgabe des *Mi'jar i Jamál*.— W. Radloff. Der Bericht des Hrn. Professor Chwolson über die in dem Gebiete von Semiretschie aufgefundenen syrischen Grabinschriften.— Dr. O. v. Lemm. Die Geschichte von der Prinzessin *Bentreš* und die Geschichte von Kaiser Zeno und seinen zwei Töchtern).

1 руб. 50 коп.

Mélanges gréco-romains tirés du Bulletin de l'Académie Impériale des sciences de St.-Pétersbourg. Tome V, livraison 1. 1884.

(*Contenu*: A. Nauck. De Marci Antonini commentariis. — M. Schmidt, in Jena. Zweiter textkritischer Beitrag zu den Trachinierinnen).

30 коп.

— Tome V, livraison 2. 1885.

(*Contenu*: A. Nauck. Kritische Bemerkungen. IX).

40 коп.

— Tome V, livraison 3 et dernière. 1888.

(*Contenu*: A. Nauck. Zu Claudii Galeni Pergameni scripta minors vol. I (Lipsiae 1884).— A. Nauck. Nachlese zu den Fabeln des Phaedrus).

50 коп.

Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches und der angrenzenden Länder Asiens. *Dritte Folge*. Auf Kosten der Kaiserlichen

der Akademie Wissenschaften herausgegeben von L. v. Schrenck und C. J. Maximowicz.

— Band I. 1886. Graf D. A. Tolstoi. Das akademische Gymnasium und die akademische Universität im XVIII. Jahrhundert. Nach handschriftlichen Documenten des Archivs der Akademie der Wissenschaften. Aus dem Russischen von P. von Kugelgen.

90 kop.

— Band II. Gemischten Inhalts. 1887. 1) Eug. Büchner. Die Vögel des St. Petersburger Gouvernements. 2) Graf D. A. Tolstoi. Die Stadtschulen während der Regierung der Kaiserin Katharina II. Aus dem Russischen übersetzt von P. v. Kugelgen.

1 py6. 30 kop.

— Band III. 1887. Expedition nach den Neusibirischen Inseln und dem Jana-Lande. Mit 6 Karten.

2 py6. 10 kop.

— Band IV. Gemischten Inhalts. 1888. 1) W. Petersen. Die Lepidopteren-Fauna des arktischen Gebietes von Europa und die Eiszeit. 2) A. Karpinski. Uebersicht der physiko-geographischen Verhältnisse des Europäischen Russlands während der verflossenen geologischen Perioden. Mit einer Karte. 3) V. Bianchi. Biologische Notizen über die im Sommer 1884 bei Uschaki (Gouvernement Nowgorod) beobachteten Vögel.

2 py6. 30 kop.

— Band V. 1888. Fr. Th. Köppen. Geographische Verbreitung der Holzgewächse des Europäischen Russlands und des Kaukasus. Erster Theil.

4 py6. 40 kop.

— Band VI. 1889. Fr. Th. Koeppen. Geographische Verbreitung der Holzgewächse des Europäischen Russlands und des Kaukasus. Zweiter Theil. Mit 5 Karten.

4 py6. 50 kop.

Auwers, Arthur. Neue Reduction der Bradley'schen Beobachtungen aus den Jahren 1750 bis 1762. Dritter Band, den Sterncatalog für 1755 und seine Vergleichung mit neuen Bestimmungen enthaltend. 1888.

4 py6. 60 kop.

Böhtlingk, Otto. Sanskrit-Wörterbuch in kürzerer Fassung.

— Siebenter Theil, erste Lieferung. (स — सुरङ्कपुत्र). 1887.

1 py6. 30 kop.

— zweite Lieferung. (सरङ्गिका — काल). General-Index zu den sechs Nachträgen und letzte Nachträge. 1889.

3 py6.

— Brhadâranjakopanishad in der Mâdhjajâmdina-Recension. 1889.
2 руб.

Markoff, André. Table des valeurs de l'intégrale $\int_x^{\infty} b^{-t^2} dt$. 1888.
1 руб.

Ornithographia Rossica. — Орнитологическая фауна Россійской Имперіи. Томъ II, выпускъ 1. Славки (Sylvia). Съ одной таблицей. **Ө. Д. Плеске.** — Die Vogelfauna des Russischen Reichs. Band II, Lieferung 1. Grasmücken (Sylvia). Mit einer Tafel. Th. Pleske. 1889.
2 руб. 50 коп.

— Томъ II, выпускъ 2. Пѣночки (Phylloscopus). Съ одною таблицей. **Ө. Д. Плеске.** — Band II, Lieferung 2. Laubsänger (Phylloscopus). Mit einer Tafel. Th. Pleske. 1889.
3 руб.

Strauch, A. Das Zoologische Museum der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg in seinem fünfzigjährigen Bestehen. Bericht über die Entstehung, Vergrößerung und den gegenwärtigen Zustand desselben. (Mit 3 xylographischen Plänen). 1889.
2 руб. 40 коп.

Изданія Академіи продаются у комисіонеровъ оной: **И. Глазунова** и **Эггерса** в К^о, въ С. Петербургѣ, **Н. Киммеля**, въ Ригѣ, и въ Комитетѣ Правленія Императорской Академіи Наукъ (В. О., набережная Большой Невы, близъ Дворцоваго моста, д. № 5). Покупателямъ, обращающимся за книгами въ Комитетъ, дѣляется уступка 25% съ объявленной цѣны.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Декабрь 1889 года.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ **К. Весселовскій.**

Типографія Императорской Академіи Наукъ. (Вас. Остр., 9 лин., № 12).

6871.

DE ACCII FABVLIS.

De Pacuvii fabulis cum nuper sit expositum a nobis, restat ut agatur de Accians praeter togatas, de quibus in eodem dictum libello.

Accii cum plures aliquanto versus sint servati quam Pacuvii, tamen de argumento et compositione tragoediarum eius quaerere etiam difficilius, partim quod numero multum vincunt Pacuvianas ideoque singularum, ut plurimum, pauctores extant reliquae, partim quod de auctoribus graecis, quos secutus est, plerumque res perincerta. — Hoc tamen utriusque commune poetae, quod non tam Aeschylum, Sophoclem, Euripidem quam insecutos hunc tempore et qui vestigia huius premerent videntur imitati.

Et magna quidem pars carminum Acci, plane ut Ennii et Pacuvii, in bello Troiano, quaeque ei nexa sunt rebus et ordine, versatur. In quibus reconcinnandis cum aliquid iuvetur celebritate argumenti a poetis usque decantati, aliae ab eodem poeta tractatae fabulae, de quibus aliunde vel parum constet vel nihil.

His expositis ad singula descendemus. In quibus persequendis, sicut nuper in Pacuvio factum, ne in nimium excrescat moles, quantumcumque licet studebimus brevitati; ea vero curiosius ceteris enarrabuntur, quae recentissima Nonii editione, cuius numeris utimur, aliquid traxere lucis.

Ceterum cum de plerarumque tragoediarum non satis constet argumento multoque minus possit iudicari, quo rerum ordine iunctae quoque temporis intervallo sint compositae illae, quae in eiusdem domus sive populi, ut puta Pelopidarum vel Troianorum, variis versantur fabulis, nos alphabeti sumus ordinem secuturi in tractandis carmi-

nibus, praeterquam ubi mutandi consilii certa in propatulo est ratio, sicut statim in sequentibus.

I. II. Achilles. Myrmidones.

Achillis et Myrmidonum fabulas cum titulo solo inter se differre coniectet O. Ribbeckius libri de tragoedia latina pg. 349, ut tamen id pro certo affirmari posse neget, diversas fuisse argumento vel ea re videtur effici, quod a Nonno in capite II, ubi praeter Gellium uno potissimum, non pluribus, videtur usus fonte, et Achilles citatur et Myrmidones.—Itaque non est improbabile Achille Acciana sicut Achille Aristarchi Enniana describi lites inter Achillem et Agamemnonem ortas et quae proxime secuta sunt. Nec fragmenta quae supersunt tria ab hac opinione aliena. Nam quod legitur ap. Non. pg. 503 s. l. fervat:

ne tuum confervat pectus iracundiae,

potest comparari quod dicit Calchas II. I, 76 sqq. vereri se Agamemnonis iram, si vaticinium protulisset. Versus hic (Non. 98; 277 l. delica):

quare alia ex crimine inimicorum effugere possis delica

nescio an fuerit Achillis ad Agamemnonem recusantem reddere Chryseida et quidem indicantis oblique non posse aliter invidiam populi propter regis impotentiam mulcati (nam id videtur significare „crimen inimicorum“) vitari. Cf. II. I, 101—129. Denique illud (Non. 110 l. flaccet):

an scepra iam flaccet fera?

comparari licet cum eis, quibus Agamemnon iactat II. I, 181 sqq. potentiam suam et maiestatem.

Myrmidones fuissae primam partem trilogiae Aeschyleae, in qua essent deinceps positae Nereides ac Phryges, eosque fuisse exemplo Accii fabulae cognomini cum probabilitate statuere docti. Quae feruntur ex fabula latina, omnia fere ad temptatum frustra reconciliandae cum Agamemnone gratiae causa Achillem videntur spectare. Sed continuatam rem usque ad Patrocli caedem et Achillis querelas ut titulus indicat, ita demonstrant reliquiae carminis Aeschylei.

Initium autem fabulae, ut Achillis alterius Enniani, videtur fecisse consilium regum graecorum post cladem a Troianis illatam de summa rerum consultantium. Cf. II. IX. Atque ibi in altercatione mutua potuerunt locum habere ea, quibus nescio an perstringatur Ulixes, cui saepe simulationis obiectum crimen, redditum sub honesta

specie dissuadens (nam ab hoc et priore tempore Graecos discessum molientes impeditos testatur II. lib. II):

tua honestitudo Danaos deceptit diu.

Elusdem, ad quem data haec, videtur esse versus:

ego me non peccasse plane ostendam aut poenas sufferam.

Nullo quippe pacto his Achillem uti potuisse apparet, cui adscribit Ribbeckius. Plane enim abhorrent a natura illius, quem Horatius, secutus Homerum, cuius et Accellum ante oculos habuisse exemplum recte dicit Ribbeckius pg. 350, describit ita:

inpiger, iracundus, inexorabilis, acer
iura neget sibi nata, nihil non arroget armis.

Nec satis simile veri, quod ab Achille responsum putat ita eis, quibus a Chirone compellatum haud obscure indicat Cic. pro Mur. 29, 60:

non multa peccas, sed si peccas...
te regere possum.

Vbi commode poterit suppleri „ocius“ vel „ilico“.

Quae si ex hac tragoedia sint petita, de quo dubites, debuere potius iram alumni excitare. Et accensum quidem eum adversus Chironem demonstrant verba nescio cuius mitigare eum conantis ac reconciliare magistro:

nolo equidem. sed tu huc, quem scis quali in te siet
fidelitate, ob fidam naturam viri
ignosce.

Vbi ad „nolo equidem“ supplendum ut puta „probare sermonem istum“. Illud „fidam“ dubito an sit corruptum.

Reliqua satis aperta et in quorum maiore parte mihi conveniat cum Ribbeckio.

Inter legatos ad Achillem missi Phoenicis fuere haec:

iram infrenes, obstes animis, reprimas confidentiam.

Aiaci et ipsi monenti, ut deponat ferociam, sic aliis praemissis respondet Achilles:

quodsi, ut decuit, stares mecum aut meu' te mestaret dolor,
tam diu inflammari tetre navis vidissent suas;

scil. Atridae. Illud autem „ut decuit“ ad cognationem Achillis et Aiacis avi communione ortam, quam ignorat Homerus, spectare apparet.

In fine autem orationis consilium professus idem abeundi in patriam:

classis trahere in salum ego et vela ventorum animae inmittere.

Praemissum fuit vel subiectum ut puta „paro“. Abest a libris illud „ego“. Trimetris haec disposita in editioe Nonii 234, 9; minus quidem bene, nisi fallor. Cet. cf. II. IX, 356 sqq.

Denique locus longior, qui legitur ap. Nonium pg. 433 s. l. pervicacia et pertinacia, aperte ab Achille prolatus post discessum legatorum, cum ab Antilocho, qui post Patroclum ei fuit acceptissimus, denuo moneretur ad iram abdicandam.

III. IV. Clytaemestra. Aegisthus.

Clytaemestram (quam Accius inscripsit Clutemestram) cum diversam ab Aegistho iam recte statuat Ribbeckius pg. 464 sq. (nam Nonius utraque fabula pariter utitur in capite secundo), tamen fallitur omnino, quod conicit etiam Aegistho descriptam Agamemnonis caedem adeoque retractatam ab Accio Livii Aegisthum, quae in illo versabatur argumento. Nec vero eum fugit vix tanti esse, quod loci duo communes ex Aegistho citantur, qui possint videri ducti ex Aeschyl Agamemnone (v. 1601; 1605 ed. Hermann):

neque fera (f. fere) hominum pectora
fragescunt, donec vim persensere imperi;
melius quam viri
callent (i. e. sciunt) mulieres.

Nam tales et alibi apud tragicos occurrunt haud raro, velut Non. 257, 59; 64, 7.

At Aegistho Acciana contineri poenam Aegisthi et Clytaemestrae docet versus de Oreste haud dubie in fine fabulae positus:

cui manu' materno sordet sparsa sanguine.

De insidiis autem structis Oresti vel Electrae accipienda haec:

heu!
culatis stirpem funditus fligi studet.

Denique illud:

celebri gradu gressum accelerasse nunc decet
potuit esse Electrae exultantis, cum de poena Aegisthi et Clytaemestrae

audisset. Verbis, quae sunt „melius quam viri callent mulieres“, utrum Clytaemestrae an Electrae significantur molimina et doli incertum.

At Clytaemestra haud dubie Agamemnonis et Cassandrae necem persecutus est Accius. De qua fabula cum probabiliter disputarit Ribbeckius, hoc addo, verba illa (cf. Non. 178, 9):

ut, quae tum fidem, me absente in rebus dubiis, contugel
tetinerit, nunc prodat victorem?

si recte stut emendata a me (nam in codicibus feruntur corrupta), haud dubie esse Agamemnonis in priore parte carminis et quidem ad Cassandram vel alium quem de insidiis monentem. Cf. Agamemnonis Senecae v. 836, ubi regi iactanti „victor timere quid (f. qui, i. e. quo pacto) potest?“ ita respondet Cassandra: „quod non timet“. Apparet autem Accium eam famam secutum, qua dicebatur Clytaemestra sub adventum demum viri calumniattonibus Aegisthi vel Oeacis esse adducta ad fidem coniugii violandam et struendas marito insidias. Cf. Hygin. fab. 117: Ribbeck. pg. 460. Etiam haec eiusdem tragoediae (v. 833) Agamemnonis „ne metue dominam famula“, Cassandrae „libertas adest“ comparari possunt cum Accianis:

scibam hanc mihi supremam lucem et serviti finem dari.

Ceterum haud raro Senecae convenire cum Pacuvio et Accio etiam ab aliis monitum. Quod cum partim ab eorundem exemplarium Graecorum imitatione possit repeti, tamen alia sunt, in quibus ei tragicos Latinos, quos legerat haud dubie, neglegentius quidem et fastidiosius, observatos esse probabile est.

V. VI. Agamemnonidae. Erigona.

Agamemnonidarum aliam fuisse atque Erigonae fabulam, non, ut quibusdam placuit, eandem rursus probatur ea re quod uterque titulus citatur a Nonio in capite secundo. Mirum esset profecto ac novum, si in uno capite eadem tragoediae tam saepe diversis afferrentur inscriptionibus.

Agamemnonidis Electrae atque Orestis et Iphigeniae casus contineri ipsa res demonstrat. Inimicitias vero continuatas Agamemnonis et Aegisthi domus eis referri docet alterum e duobus, quae restant, fragmentis:

inimicitias Pelopidum
extinctas iam atque oblitatas memoria
renovare.

Ex quibus verbis etiam efficitur tractatas hoc carmine res multum post Aegisthi mortem actas. Neque improbable est eadem, quae ab Hygino fab. 122 (ex qua plura excerpta in libello de Pacuvio, ubi de Duloreste agitur) referuntur de Electra propter falsum mortis Orestae nuntium profecta Delphos ibique congressa cum Oreste et Iphigenia, deinde cum fratribus agnitis reversa Mycenae, deque punitis Aegisthi liberis persecutum Agamemnonidis Accium. In quo ne diversis nimis locis res agerentur, potuit referri Delphis de Aleta et Erigona sumptas poenas. Cf. Ribb. pg. 471.

De Erigona quaerere lubricum ideo, quod interdum haec tragoedia confusa cum Epigonis eiusdem poetae. Nobis quoniam loci vel huic vel illi assignandi viderentur declaratum Indice Nonii. Sed cf. comment. in 398, 20.

De Erigona Aegisthi filia paucissima tradita eaque aliquando turbata confusa hac cum Icarii filia cognomini. Cf. Ribb. pg. 474.— Fuit praeter alios Sophoclis Erigona. Iam si de fragmentis neque multis satis et interdum suspectis iudicari licet, videtur res Mycenae esse acta. Nam quod secuti versum, qui apud Nonium 498, 7 vulgo ferebatur talis:

Locrorum late viridia et frugum ubera,
coniecere initio Parnasum montem ac Delphis proxima loca memorata,
recte a Bothio repositum:

locorum late viridia et frugum ubera.

Etenim alteram si praetuleris lectionem, substantivum requiritur, quod abesse vix potest. In codicibus Nonii est „locronum“.

Porro hunc tragoediae fuisse existimarim contextum, ut Iphigenia comitante sub alia persona Oreste (sicut in Pacuvii Duloreste factum videmus) adventret Mycenae ad regnum patrium repetendum, quo, dum in Tauridem proficiscitur Orestes, potitus esset Aletes. Nam post reversum ex Tauride Orestem actam rem certissime declarant illa (Non. 315, 9):

sed ubi ad finem ventumst, quo illum fors expectabat loco,
adque Orestei gravi' sacerdos ferro cum prompto adstitit.

Iam sive Aletae sive Erigonae ad percontandam Iphigeniam haec:
adsentio. age nunc tuam progeniem ede ordine!

Ad Aleten dubitantem de hospite et incertum, quid sit agendum, videtur spectare versus servatus a Non. 226, 23:

ita inperitus stupiditate erumpit se, inpos consilii.

Deinde cum suspicio esset aucta Aletae, ortum consilium eiu interficiendae. A quo absterretur verbis hisce:

hospitem depositam interimes?

Quae atrum Electrae sint an Erigonae non liquet. Ad clandestinos Erigonae, ut puto, cum Iphigenia sermones pertinent haec, quae tutius Erigonae tribuuntur quam Epigonis (Non. 16, 4; 20, 7):

lóquere própere ac pavórem hunc meum expéctorál
eaque hoc causa, ut nequis nostra verba cleperet auribus.

Aletae apparet esse, si sint Erigonae, ac non Epigonorum, illa (Non. 185, 18):

qui (sc. Orestes), nisi genitorem ulso, nullum meis dat finem
misertis.

Contra Erigona non eadem qua cetera Aegisthi domus videtur fuisse impietate. Nam constans fuit fama, cum Aletes frater ab Oreste interficeretur, sicut olim Iphigeniam, illam Dianae opera servatam ablatamque in Atticam ac sacerdotem deae factam.

Atque huius haud dubie instante periculo ad Dianam preces continentur his:

quod utinam me suis arquiteuens telis mactasset dea!
Vbi nescio an sit reponendum „mactassit“.
Vnius ex Agamemnonis liberis fuere haec:

cum autem Aegisthus—heu me-eodem lecto cubitasset patri;

1. e. eodem cum patre lecto.

Denique illud:

nam quamquam exsanguet corpus atque annis putret
untus videtur fuisse ex senibus amicis Agamemnonis Iphigentiae vel
Orestis auxilium pollicentis.

Cetera obscura. Neque apparet cur Erigonae nomine sit inscripta fabula, nisi dixeris eius opera Iphigeniam cum Oreste servatam ideoque ipsam exitio domus exemptam. Non magis constat, quales partes fuerint Pyladis, ac nuptiae huius et Electrae, quas deinde institutas refert Hyginus, in fine fabulae utrum fuerint memoratae necne.

Non videtur pertinere ad Erigonam vel Epigonos locus nondum expeditus ap. Non. 235, 1. Cf. comm.

VII. Alcestis.

Ex Alcesti unus restat versus, quo demonstratur notissimum Alce-
stidis pro marito ad moriendum se offerentis, sed propter fidem exi-
miam ac devotionem remissae a Proserpina vel ab Hercule restituae
amorem fuisse argumentum:

cum striderat retracta rursus inferis.

Bis hunc versum adfert Priscianus (pg. 867; 893 ed. Putsch.) ad
probandum perfectum „stridi“.

Pro „striderat“ cdd. pg. 867 male „strideret“. Illud „cum“ demon-
strat agi de re notissima, h. e. Eurydices Orphet coniugis umbra re-
ducta ante Alcestim ex regno inferno, sed in ipso limine retracta.
Stridendi verbum, ut τριζειν, de umbris dici Lucani exemplo probat
Bothius.

Porro „inferis“ dativus est sive loci pro „ad inferos“ sive instru-
menti pro „ab inferis“; cave existimes ablativum positum pro „ex
inferis“.

Euripidem Accio fuisse exemplo, cuius Alcestis dramatis satyrici
instar est, a gravitate videtur abhorreere Romana. Sed utrum hunc
an Phrynichum an alium quem secutus sit discerni nequit.

VIII. Alcmeo.

Non potui a me impetrare, ut Alcimeonem potius quam Alcmeonem
inscriptam existimarem ab Accio fabulam. Sane constat antiquissimos
Romanos ut „Alcumenam“ et „Tecumesam“, etiam „Alcumeonem“
extulisse. Atque illud „Alcimeone“ aliquotiens invenitur in codicibus
Nonii. Sed epenthesi talis cum praeter vetustissimam latinum
etiam recentissimae eiusdemque plebeiae ac rusticae haud paucis adse-
ratur exemplis, ego magis observandum duxi, quod constat Accium
primum ex tragicis Romanorum graeca a prisca consuetudine lar-
gius movisse et ad formas graecas verborum magis revocasse, ut ait
Varro de l. lat. X, 70, eiusque amicum et studiorum consortem
C. Iulium Caesarem Strabonem primum usum esse eo quod est „Tec-
mesa“ in tragoedia cognomini (cf. Mar. Victorin. pg. 2456 P.). Igitur
illum dixisse existimo Alcmeonem, sicuti eodem tempore Lucilius po-
suit Alcemenam. Cf. comment. in Ennii Alcumeonem (nam ita Ennius

extulit) pg. 230 sq. ed. nostrae. Praeterea tragici latini, ut attici, nomen efferunt per e breve; o in casu obliquo corrūpuit Accius.

Fuerat Alcmeo Ennii, qua videtur Euripidem, ut p'erumque, secutus expressisse Ἀλκμείωνα διὰ Ψωφίδος, hoc est descripsisse insaniam, quae interfecta Eriphyla matre oppressit Alcmeonem, donec Psophida perveniret, ubi Phegei regis, a quo est purgatus, Alpheisboeam (ita ab Accio dictam sequentis fabulae inscriptio facit probabile) vel Arsinoen filiam duxit uxorem. Accianam fabulam non eandem cum eiusdem auctoris Alpheisboea (nam et in primo ac secundo capite et in aliis pariter utramque memorat fabulam Nonius) recte statuit Ribbeckius. Cf. et Pauli Schmidii de Nonii Marc. auctoribus pg. 59. Neque improbabile est, quod idem ille existimat eam fabulam persecutum Accium, qua res Alcmeonis post coniugium cum Phegei filia initum tradebantur. Nam ferebatur ille digressus ab uxore, quod insaniam renovaretur et infecunditate premeretur Psophis, iussu Apollinis Acheloum adisse et ab hoc lustratus duxisse Callirhoen filiam ex eaque sustulisse filios. Sed cum Callirhoen cupido invasisset monili et pepli Eriphylae, quae ille priori donaverat coniugi, maritum precibus impugnavit, quo reciperet illa. Itaque ille ad Phegea reversus dolo ac mendacio positus est eis, quibus diceret sibi opus esse ex oraculi monitu ad pellendam insaniam. Sed patefacta per famulum re iussu Phegei filii Alcmeonem insidiis circumventum interfecerunt. Quos rursus occiderunt Alcmeonis filii ex Callirhoe. Cf. Apollodor. III, 7, 6, 1.

Haec igitur, quae summatim persecuti sumus, usque ad mortem Alcmeonis videtur deduxisse Accius.

Phegei vel (si cum Ribbeckio scripseris „depositam“) Alpheisboeae ad Alcmeonem, qui memorasset posse se ad sanitatem restitui et reddi uxori receptis monili et peplo, potuerunt esse haec:

ut me depositum inmerentem nuntio repentino alacrem
reddidisti atque excitasti ex luctu in laetitudinem!

In codicibus est „repositum“.—Ad fraudes Alcmeonis detectas vel ad insidias ei a filiis Phegei structas referas illud:

tantum ut frustrando lactans, vanans protrahas.

Abituri post receptum cum monili pepulum Alcmeonis ad Alpheisboeam fuit versus:

postremo amplexa fructum, quem di dant, cape.

Vbi amplexa non, ut Nonius vult 470, 13, est imperativus, sed participium. In „postremo“ amphibolia inest quaedam, ut cum Al-

phesiboeae accipiendum esset per „denique“, Alcmeon adhiberet pro „ultimum“. Etiam illud „fructum“, cum in malam partem possit dici, ambiguum.

Phegei autem soceri post delatam Alcmeonis fraudem fit mentio ita (Non. 487, 29):

quīs dicat, cum te socerum viderit,
generibus tantam esse impietatem?

ubi tamen pluralis generibus (pro „generis“) satis obscurus. Legitur quidem apud Hyginum fab. 245 a Phegeo praeter Alcmeonem etiam Eurypylum generum interfectum. Sed huius quae fuerint in fabula Accii partes incertum. Sane plures in ea inductos Phegeo inimicos et infestos demonstrant haec:

quia nec vos nec ille inpune inrideret meam
grandaevitatem.

Ad Alcmeonem et comites somno sepultos, quos insidiis invasuri essent fratres Alpheisiboeae, haud male refert Ribbeckius ea quae sunt:

atque eccos segnis somno et tarditudine.

Chaos vel Tartarus, impiorum sedes, significatur versibus a Nonio 487, 24 servatis.

Denique futurae per Callirhoe filios ultionis haud obscure fit mentio sic (Non. 393, 28):

suos deseruit liberos superstites.

Vbi „superstites“ valet „incolumes“. Pro „suos“ haud male quidam „duos“. Nam duo fuere Alcmeonis ex Callirhoe liberi Amphoterus et Acarnan.

De auctore Accii plane res incerta.

IX. Alpheisiboea.

Alpheisiboea probabile est descriptas poenas, quas infensam propter necem Alcmeonis, quamquam inconstantis viri, tamen dilecti, a fratribus exegisse illam demonstrat Propertius, cum dicit (I, 15, 15 sq.):

Alpheisiboea suos ultast pro coniuge fratres,
sanguinis et cari vincula rupit amor.

De quo etiam suspicatus est leviter Ribbeckius (pg. 505). Narrat Apollodorus III, 7, 5, 6 Phegei filiam Arsinoen (quam ab aliis dictam

Alphesiboeam supra memoravi) a fratribus arca inclusam et ad Agapœnora Tegeaten deportatam.

In Accii fabula, si recte constituta sunt a nobis quae leguntur ap. Non. pg. 73 s. l. angustitatem, spelunca videtur iussa claudi:

set speluncam angustitate inclusam ac saxis squalidam.

Abest a codicibus illud „speluncam“. Praecessit ut puta: „tam non incolo humanam domum“.

Ad miserias eiusdem puto pertinere, quae sunt ap. Non. pg. 469; 279 s. l. cunctant; deponere. Deinde interventu Amphilocho, fratris Alcmeonis, videtur ultionem exegisse. Ac primum quidem cum accessisset hic, metuit ne poenas a se repeteret, quod fratres sui causa extitissent exitii Alcmeoni:

at vereor, cum te esse Alcmeonis fratrem factis dedicat.

Vbi suspicere aut Nonii stupore omissa versus sequentis quaedam veluti „res ipsa“, aut scribendum, ut quidam apud Ribbeckium coniecit, „dedicas“. Eundem tangi dixeris hisce:

sed tibi cautimst adeundum ad virum.

Deinde ad excitandum et incendendum pertinere haec:

cum ipsiu' simitu misertudo meorum nullast liberum?

Ad filium Alcmeonis, quem Clytium vocat Pausanias VI, 17, 6, nescio an spectarint haec:

si tui veretur te progenitoris, cedo!

quae sic licet accipi: dic, per memoriam avi tui Amphiarai, qui causa extitit casuum, quibus domus conflictatur eius, quae de fratribus Alphesiboeae (quorum metu eum fugisse Psophide refert Pausanias l. m.) tibi innotuere. Alcmeonis fratris videntur esse ea verba. Denique anapaestica illa:

o dirumque hostificumque diem, o

vim torvam aspecti atque horribilem!

ad stragem interfectorum ab Amphilocho fratrum Alphesiboeae posunt referri.

X. XI. Amphitryo. Persidae.

De Amphitryonis fabula, quam eandem conicit esse cum Persidis, ex qua tragoedia locum quendam communem affert Priscianus pg. 1325 P, mihi non magis constat quam Ribbeckio. Nec id mirum, cum

in fragmentis carminis Acciani non reperiatur, unde aliquid lucis adfundatur rei. Illud tamen mihi videtur certum, quae ex Apollodori libro (II, 4, 4 sqq.; coll. 4, 8, 4) et scholiis ad Apollon. Argon. I, 747 affert Ribbeckius pg. 554 sq., non posse revocari ad tragoediam hanc; sed describi ea discidia ac lites domus Amphitryonis aliunde prorsus ignotas. Nam ne hoc quidem habet probabilitatem ullam, quod nonnulli crediderunt hac fabula tractari eadem, quae Euripidis vel Senecae Hercule furente. Ceterum de Persei posteris, cuius nepos erat Amphitryo, pauca tradita.

De bello inter patrem et filios orto aperte agitur versibus ap. Non. 224, 14 servatis:

cum patri' parvos parat hostifice
sanguine sanguen miscere suom.

Qui etsi non sine corruptelis sunt traditi, tamen de sententia dubitari nequit. Verum de tali discidio Amphitryonis domus alibi nihil proditum.

Ad aerumnas sive minas vel Amphitryonis vel Alcaei patris angentes senectutem referenda haec:

malan' aetate mavis male mulcari exemplis omnibus?

Vbi illud „exemplis“ intellegendum de exemplis aerumnarum.

Neque alias calamitates ac lamentationes quaeque tragico cothurno digna (unde et Euripides Archelao regi roganti ut de se tragoediam scriberet abnuitt, quod nihil esset tragoedia nisi miseriarum comprehensio) afuere ab hoc carmine. Velut ap. Non. pg. 146 s. l. orbitudinis habes haec:

miseret lacrimarum, luctuom, orbitudinis.

Porro mulier quaedam atrata memoratur sic (Non. 179, 16; 116, 3):

set quaenam haec mulier funestast veste, tonsu lugubri?
tamen et statei (pro „staturae“) gracilitudo propemodum et
luctus facit,

ne dubitem.

Vbi haeret incertus animi quidam, fortasse Amphitryo, deinde agnoscere sibi videtur feminam luctus signa praeferentem.

Atque hulus verba videntur esse:

pertolerarem vitam cladesque exanclarem inpetibiles.

Potuerē praecedere velut haec:

quodsi spes restaret ulla in melius mutandi mea.

Consolantis eam est responsum:

quin meum senium cum dolore tuo coniungam et comparem.

Vbi „senium“ idem quod „aegritudo“. Potuit praemitti ut puta: „vix mihi tempero“.

Ad idem diuerbium agnitione, ut videtur, mutua facta nescio an pertineant ea quae sunt:

hocin rest, quo tam temeriter tu meam benevolentiam
interisse es ratus?

Sed quaeenam mulier sit illa plane obscurum. Nam quae in *Amphitryon* fabulis memorantur Alcmene, Comaetho, Megara (Ribb. pg. 555), nullo videntur pacto posse intellegi.

Nihil est quod promatur de versu illo:

ut tam obstinato tu animo confisus tuo.

Vbi pro „ut“ fortasse scribendum „at“. Praeterea additum a me illud „tu“, ut hiatus amoveretur haut tolerandus. Frustra Ribbeckius „obstinatod“.

In relicuis, quae servata ex hac fabula, immorari non est tanti.

XII. Andromeda.

Vt graeci tragici, ita latini saepe retractarunt commenta priorum. Veluti ab Accio celeberrima *Andromedae* fabula post *Livium* et *Ennium* denuo adornata. Et *Ennius* quidem *Euripidem* secutus iam obiectam beluae marinae proposuit *Andromedam*; *Accius* etiam causas et origines eius casuum aperuit. Cf. Ribb. pg. 561.

Itaque hic cursus videtur fuisse fabulae, ut propter *Cassiopeiae*, matris *Andromedae*, malefactum, quae certamine pulchritudinis oblato *Nereidas* laeserat, immisso monstro certo tempore, fortasse novilunio (cf. Ribb. pg. 561), offerrentur delecti ex *Aethiopum* iuventute, et ad ultimum ipsa *Andromeda*, filia regis. Quam deinde ceteris ipsoque *Phineo* patruo eodemque sponso recusantibus liberavit *Perseus*, liberatam sibi matrimonio iunxit.

Ad *Cassiopeae* culpam videntur spectare illa, quae in prologo potuerē poni:

muliebre ingenium, prolubium, hora, occasio.

Aethiopum de victimis, quas usque praebere monstro adigerentur, querentium esse conicio illud:

nósque ut seorsum dividos leto offeras.

Verba Cephei ad Aethiopas fuisse existimo, promittentis se filiam beluae, cui tributum pendere essent coacti, ad finiendas misérias esse oblaturum:

nam postquam per nos vos oppressit famulitas.

Vbi cdd. „postquam parvos vos“. Atque in his etiam potuit habere locum versus:

cum ninxerint caelestium molimina.

Sic enim haec videntur scribenda. Cdd. Prisc. pg. 882 habent „molem mihi“; „molimine“ scripsit Grotius. „Ninxerint“ idem quod „ingruerint“; „cum“ causale.

De loco ubi exponi solebant corpora dicta haec (Non. 323, 10):

inmani tabe templum obvallatum ossibus;

ubi alii legunt haud male (nam in codicibus est fere „inmanitate habet templum“):

inmane te habet templum obvallatum ossibus.

Haec si magis placuerit lectio, Andromedam compellari apparet. Ad eandem pertinet octonarius iambicus:

miserá („misere“ Bothius) obvallata saxo, sanie, pedore alguque et fame.

Iacebat circa eam cumulus reliquiarum corporum adesorum a belua:

qui neque terraest datu' nec cineris causa umquam evasit vapos.

Imploratur vel Phinei vel Persei auxilium verbis hisce (Macrob. grammat. lat. V, 607):

nisi siquid tua facultas nobis tulat opem.

Vbi cdd. „nisi quod“, item „operam“. Et Bothius talem effinxit trimetrum:

nisi quid facultas tua tulat nobis opem.

Fortasse trochaici numeri servandi:

nisi quid tua facultas nobis tulat opem....

Phineus rogatus, cum deficiat animo, nihil habet nisi docte dicta, quibus firmet matrem, ut opinor, Andromedae, aerumnarum causam:

néc quel te adiutem inueno,
hórtari pudét, non prodesse, id piget....

Sic enim haec videntur restituenda, nisi potius scribetur „nec quel te adiuter, inueno“; sicut Pacuvius active posuit illa „adiutatur“, „adiutamini“. Cf. comm. in Non. 424, 3. 4. „Inueno“ pro „inuenio“.—Et porro:

multi iniquo, mulier, animo sibi mala auxere in malis,
quibu' natura prava magi' quam fors aut fortuna obfuit.

Profectis omnibus sola nutrix videtur remansisse apud Andromedam. Ad quam casu delatus Perseus ab illa, quid rei esset, accepit. Deinde se ad auxiliandum certa condicione proposita paratum declaravit. Nam trimetro hoc:

„alui, educavi.“ „id facito (edd. „facite“) ut gratum sit seni“ videtur sermo contineri inter nutricem et Persea. Sequitur dialogus inter hunc et Cephea. In quo virtus illius opponitur segnitiae Phinei. Etenim Persei sunt verba:

namque, ut dicam, segnitate timidum dubitare haut meumst.

Cf. comm. in Non. 174, 25. Illud „ut dicam“ additum, quod gloriosius iactata possent videri quae secuntur.

Deinde Perseus pretium liberatae Andromedae ipsam poposcit in coniugium Andromedam. Quo impetrato certus de belua profliganda addidit haec (cf. Ribb. pg. 563):

quod beneficium hau sterili in segete, rex, te obsesse intelleges.
Cf. comm. in Non. 395, 26.

Denique utrum pugnae post ereptam morti Andromedam adversus Phinea initae, quam magnifice describit Ovidius Metamorphoseon quinti libri initio, memoria fuerit apud Accium necne, non constat. Certe tricas Perseo motas ac moras a Cepheo sive Phineo, Andromedam autem sprete Phinei ignavia a Persei, cuius beneficio esset servata, stetisse partibus declaratur hoc versu:

donec tu auxillium, Perseu, tetulisti mihi.

Cf. Ribb. pg. 563 sq.

XIII. XIV. Antenoridae. Deiphobus.

Antenoridas Sophoclis fuisse fabulam constat. Sed quaenam in ea filiorum Antenoridis partes fuerint plane incertum. Probabile quidem est admodum hanc tragoediam spectari, cum narrat Strabo XIII pg. 608 (cf. Liv. lib. I init.) Sophoclem referre capta Troia a Graecis pantherae pellem suspensam in foribus domus Antenoridis, quo signo servaretur, eumque cum liberis et Henetorum reliquiis (nam dux eorum Pylaemenes erat interfectus; cf. II. V, 576 sqq. cum commentariis doctorum) in Thracen, post in sinum Adriatici maris confugisse. A quibus deinde Venetos appellatos frequens erat apud veteres fama. Sed ita res non magis expedita. Porro memoria dignum, quod tradit Vergilius Aen. VI, 483 sq. Antenoridas tres bello Troiano interfectos; nec potest negari quae restant fragmenta fabulae Accianae paucissima bellorum potius quae Troiae ruinam praecessere continere memoriam. Etenim novi socii Troianorum post Hectoris caedem adventantis (incertum utrum Penthesileae an Memnonis an Coroebi) mentio fit versu hoc:

namque huic venio, ut mea ope opes Troiae integrem.

Ad hunc advenam haud male rettulit Ribbeckius versus a Nonno 341, 20 servatos; ubi cf. commentarium nostrum. Ad colloquia autem cum Graecis de pace ineunda possint trahi illa:

ad populum intellego
referendum, quoniam horum aequiter sententiae
fuere.

Vbi de adversantium adstipulantiumque paci firmandae principum Troianorum disceptationibus agi non improbabile.

Et potuit in consilio illo eis, qui obtrectarent foederi feriendo, temeritas exprobrari ita:

fortasse an sit, quod vos hic non mertet metus.

Cf. comm. in Non. 138, 30; Ribb. pg. 408.

Iam cum satis constet in tragoedia Sophoclis ipsum Troiae tractatum exitium, contra apud Accium certum sit extitisse memoriam eorum quae paullo ante gesta sunt, neque probabile sit unius carminis spatio utrumque potuisse contineri, suspicio oritur non ex Sophoclis fabula repetendam Accianam. Cuius argumentum non improbabiler ita definias, ut dicas ea fuisse tractatum Antenoridis cum filiis studium

reconciliandae inter Troianos et Graecos pacis, sed antequam ad populum referre possent de ea, impeditam rem adlato repente nuntio (cf. Non. 513, 22) de auxilio insperato. Tum ipsum ducem sociorum novorum advenisse. Quo facto recusatam rursus pacem; fortasse et nova proelia conserta et partem Antenoridarum haustam.

In fine autem fabulae potuit praedici divinitus, fore ut excisa Troia Antenor (cuius quidem in Sophoclis pariter et Accii fabulae exiguae videntur fuisse partes) cum suis, quod optime essent meriti de populo utroque, servarentur et in Illyria (cf. Verg. Aen. I, 242 cum comm. Serv.) novas conderent sedes.

Delphobo etiam ut Antenoridis res Troiae in extremis agentis describi apparet. Nam memoratus ibi equus ligneus; cui inscriptum fuisse tradit Accius hunc versum:

abeuntes Danaï Minervae donum armipotenti dicant.

Porro captam Troiam Helenaeque et die, qui praecesserat, et nocte, quae extrema fuit urbi, dolos et insidias, quibus ipsum cepit Heleum (cf. Aen. VI, 494 sqq.), relata apparet.

Quae leguntur apud Nonium pg. 534 s. l. lembus, cum comoediae magis quam tragoediae apta esse videantur cumque vix credibile sit Sinonem in ulva marina delituisse longe ab eo loco, ubi equus ligneus erat positus, ut casu inventendus esset piscatori, a quo detectum putat Ribbeckius, non est improbable ex comoedia aliqua petita, Accianae autem Delphobi locum cum nomine comici interceptum. De quo dictum in commentariis. Sinonis capti fit mentio versu quem servavit Priscian. pg. 861; 904 s. v. nexo. A Sinone Vlixis scelera exagitantur loco a Nonio allato 314, 18. Cf. Aen. II, 90 sqq.

XV. Antigona.

Nimio, puto, usus fastidio Ribbeckius pg. 483 Sophoclis Antigona, carmen absolutissimum, barbara interpretatione deformatam ab Accio statuit.

Nec enim in fragmentis quae extant paucissimis (sex sunt numero) invenitur, quod crimini vertendum sit ei. Porro ne hoc quidem certum, solum Sophoclem, cuius sane tristitia exitus aequat carmen, exemplo fuisse Accio. Potuere quaedam trahi ab Euripidis fabula cognomini, cui diversum et quidem laetum finem fuisse testantur schol. Antig. Soph. v. 1350; cf. et argumentum eiusdem.

Fallitur item Ribbeckius, quod versum illum (Non. 165, 2):

quid agis? perturbas rem omnem ac resupinas, soror!

ubi „resupinas“ explicatur per „ab incepto revocas vel pervertis“ Ismenae tribuit, cum sit Antigona, postquam Ismena negavit ei se sociam fore.

Duo vero tragoediae huius fragmenta servata Macrobi opera (Saturn. VI, 2, 17; VI, 1, 59), qui saepe negligentior est in citandis poetis antiquioribus, maxime quod ad metricam. Ex quibus altero continentur verba Ismenae ad Antigona:

quanto magis te istius modi esse intellego,
tanto, Antigona, magi' me par est tibi consulere et parcere.

In his prior versus et sensu, nisi fallor, et metro mancus ita videtur esse supplendus:

quanto magi' te isti modi esse captam studio intellego.

Vbi „isti“ pro „istius“ restitutum a Ritschelio. In sequentibus illa „tibi consulere et parcere“ cum suis stent numeris, tamen „parcere“ apparet dici inepte, sive servaveris praecedens „et“ sive deleris. Videtur altior haerere macula. Ac nescio an olim fuerit „tibi consulere, ut porceam“.

Ad Antigona facinus item pertinere ea quae sunt:

heús, vigilés, properáte, expérgite!
péctora tárda sopóre, exsúrgite!

ac porro:

áttat, nisi me in óbitu fallit 'sónitus.

Ex quibus apparet coram spectatoribus et sepultum furtim Polynicis corpus et detectam auctorem facinoris, cum de utroque per nuntium referatur apud Sophoclem. Ceterum dactylicis tetrametris iam Ennius usus.

Prorsus autem obscurum illud (Non. 352 s. l. numero—cito):

ne istunc numero amittas subito oblatum.

Quae potuere locum habere in historia tali, qualem proponit Hyginus fab. 72, ubi refertur Creontis nepotem, quem furtim ex Antigona rure occultata sustulerat Haemon, post multos annos casu agnitum ab avo, sed hunc ne Herculis quidem precibus adductum, ut Haemoni, qui contra iussa Antigona pepercerat, et uxori ac stirpi ignosceret. Sed enim haec tractata ab Accio abhorret a fide.

Denique Antigonae ad mortem ductae fuere, quae altero loco citat Macrobius:

iam, iam neque di regunt
neque profecto deum summus rex omnibus curat.

Quae et numeris et sensu perversa. In priore versu videtur restituendum „iam iam neque nos di regunt“; in posteriore vel mutatis loco verbis cum Bothio reponendum „rex summus“ vel, ut in Borbonico codice legitur, scribendum „supremus rex“. Porro nescio an sit ita concinnandus:

neque profecto deum rex summus hominibus curat..

Vbi dativus positus, ut alibi apud vetustissimos, pro accusativo. Iambus ultimus fortasse omissus Macrobi culpa. Et possunt varia suppleri, velut „piis“.

XVI. Armorum iudicium.

Armorum iudicium post Pacuvium servato etiam titulo retractatum ab Accio. Idem Ennii Aiace erat perscriptum. Apud Accium autem pariter atque Pacuvium ipsum certamen iudicio se offerentium Aiace et Ulixis propositum; deinde res continuatae usque ad sepulturam Aiace. Et concertatio quidem disceptatioque aemulorum frequentem praebuit materiam rhetorum scholis, atque ob id ipsum spectatoribus Romanis, rhetoricorum praestigiorum amantissimis, fuit aptissima. Hinc apparet non potuisse Sophoclis celeberrimum carmen solum exemplo esse aut Pacuvio aut Accio; quamquam versu illo:

virtuti sis par, dispar fortunis patris,

ubi „virtuti“ est ablativus, respicitur Sophoclis v. 550 sq.

Fragmenta, quae extant numero XV (praeterea bene ad eandem tragoediam relata a doctis, quae leguntur apud auct. ad Herennium II, 26, 42; Cic. de off. III, 26, 98; Charis. pg. 252 P., ubi ipsum illud dactylicum „Hectora“ vetat de Ennio vel Pacuvio cogitari auctore), cum sententia sint fere perspicua, paucissima habeo quae addam. Versum, qui fertur ap. Non. pg. 120 s. l. hiscere pro loqui:

hem, vereor plus quam fas est captivum hiscere,

plerique „captivam“ reponentes cum ad Tecmesam, conjugem Aiace, rettulerint (cf. Soph. v. 894), poterit servari lectio tradita, si existimaris haec prolata a captivorum quodam Troianorum, qui recusaret

metu iudicium, quod efflagitabant Graeci, de Aiace ferre et Vlize.
Cf. de Pacuv. fab. pg. 18.

Ad insaniam repente ortam Aiacis pertinet hoc:

bene facis. sed nunc quid subiti mihi febrim exivit mali?

Non. 237, 24:

cur vetera tam ex alto adpetissis discidi, Agamemno. iuitia?

Haec a Teucro vel Vlize ad Agamemnonem dicta, qui, cum de Aiacis sepultura ageretur, antiquas similitudines nescio quas sive suas sive maiorum cum Telamonis domo prompserat.

Non. 143, 19:

... quei nóxítudo oblitteretur Pélópídum

ac pér nos sanctescát genus.

Non improbable scribendum cum Hermanno „per vos“, ita quidem ut Vlize sint verba hortantis Agamemnonem, ut Aiace sepulto sceleris gentis suae expiaret, et gloriam ex eo futuram ostentantis. Cf. Ribb. pg. 373 sq.

Denique versus ab Ottone Muellero Hermae Berolinensis a. 1875 pg. 117 ex Cic. pro Sestio 21, 48 feliciter recuperatos ac tributos Aiact:

.. ne videret vivus victorem inimicum, manu
eadem sibi vitam exhausisse, qua mortem saepe hostibus
obtulisset,

utrum Pacuviani an Acciani sint Armorum iudicii (nam de Enni Aiace vix cogitaris) incertum.

XVII. XVIII. Astyanax. Troades.

Astyanactis, filii Hectoris, exitium frequentissime tractatum a poetis. Ordo et decursus fabulae Accianae satis certi. Comparandae Troades Euripidis, item Senecae ipsiusque Accii.

De Graecorum duce quodam (Neoptolemum fuisse putat Ribbeckius pg. 413) posita haec:

qui nostra per vim patria populavit bona.

„Nostra bona“ dicta ut in Armorum iudicio: „nam non facile sine deum opera humana propria sunt bona“.

Eversa Troia motaque ira Minervae propter scelus Aiactis minoris obscena sunt denuntiata omina a Calchante vate. Sed is pessime

acceptus sive a Menelao proficiscendi cupido sive ab Agamemnone propter vetus odium. Cf. Il. I, 106 sqq.:

tu, Calcha, finem religionum fac, desiste exercitum
morari ac mēd ab domitione arcere tuo obsceno omine.

Cf. Non. 357, 8. Indictum tamen ea de re consilium:
nunc in consilio id reges Argivum aucupant,
id quaerunt.

Vbi unus ex ducibus in vates est invectus, qui frequentissime criminibus appetuntur apud poetas latinos antiquissimos. Cf. vit. Enn. pg. 70 sqq.

nil credo auguribus, qui auris verbis divitant
alienas, suas ut auro locupletent domus.

Iam facto decreto, ut Astyanax, quem in montibus propinquis abdidit mater vel avia, ad mortem raperetur, ad excusandum facinus fuit qui virtutem patris Hectoris, viri fortissimi et Graecis, dum viveret, gravissimi, extolleret ita:

Troiaest testis, quaere ex aliis, qui illius miseritudine
nomen clarum in tumuli saxo multis memorant vorsibus.

Vbi fortasse reponendum „quaere ex illis, qui eius miseritudine“. Itaque etiam stirpem eius funditus tollendam:

propter tot tantasque havemus vastitates funerum;
scil. Astyanactis metu carere.

Vbi in codicibus est „habemus“. Quod si cum Bothio scripseris „te propter tot tantasque habemus“, Helenam, excidit Troiae auctorum eandemque Graecis pariter et Troians invisissimam, compellari manifestum.

Immitem Graecorum animum post Polyxenam etiam Astyanactem efflagitantium ad necem ita describit vel Hecuba vel Andromacha:

quorum crudelitatem numquam ulla explet satias sanguinis.

Ad unum ex ducibus Graecorum vel Astyanactis caedi vel ceteris, quae patrandi reditus sive dividendae praedae causa instituerentur, adversantem, ut Pyrrum vel adeo Menelaum fratrem, pertinebant Agamemnonis, ut puto, dicta haec:

ferum feroci contundendum imperios, saevum saeviter.

Denique Hecubae esse, Polyxena et Astyanacte orbatae, quae de Cassandra dicta Non. 487, 19; Agamemnonis, quae de eadem 485, 23, adsentior Ribbeckio.

Ex verbis Hecubae de Cassandra et ex versu supra adscripto „quorum crudelitatem“ e. q. s. cum satis appareat etiam Polyxenae mortem in hac tragoedia memoratam, Astyanactem et Troades unam fuisse fabulam dubitanter coniecit Ribbeckius. Quae res ideo parum videtur probabilis, quod in eodem cap. V a Nonio utraque memoratur.

Qui ex Troadibus ab eo adfertur locus, plenior legitur apud Servium Daniellis in Aen. I, 179. Et videtur ita scribendus:

ne tu iam saxo fruges frendas (vel „frendes“) torridas.

Manifestum unius ex feminis captivis, fortasse Hecubae, servitutum futuram ita cum minis describi.

Alterum fragmentum, a Prisciano pg. 680 servatum:

sed utrum nunc terrae motus sonitusne inferum
pervasit auris inter tonitra et turbines?

bene comparatur a Ribbeckio cum eis, quae de Achillis umbra subito prodeunte et Polyxenam, ut debitam victimam, poscente narrat Seneca Troad. 179 sqq.

• XIX. Athamas.

Aeschyli fuit tragoedia una Athamas, adeoque duplex Sophoclis. Conferenda, quae de eis in fragmentis trag. graec. adnotata sunt a Nauckio.

De Athamante cum duplex ferretur fabula (cf. Apollod. I, 9, 1; ib. 2), quarum altera tradebatur Inus novercae calumniis effectum, ut Phrixus et Helle privigni patrem patriamque relinquere cogerentur, altera deinde in furorem conversum Athamantem grassatum in Ino et quos ex ea sustulerat liberos. quae Ovidii est nobilitata carmine (cf. Metam. IV, 416 sqq.), Ribbeckius eam ab Accio vult tractatam, quam refert Hyginus de astronom. 20 pg. 466 ed. Sta-
veren.

Is enim narrat Demodice, Crethae Athamantis fratris uxorem, cum Phrixus amorem eius esset aspernatus, calumniis effecisse, ut iuvenis a patre ad mortem destinaretur. Verum nubis (i. e. Nepheles matris) interventu eum cum Helle sorore ablatum Colchidem, deinde reductum a Mercurio in patriam et reconciliatum patri.

Iam fabulam hanc, aliunde ignotam, cur materiam fuisse voluerit Accio Ribbeckius, equidem nullus intellego. Qui haud facile dixeris quomodo Phrixo, immuni plane sceleris et experti, potuerit tribuere talia:

veritus sum arbitros, atque utinam memet possim obliscler!
cuius vita indecoris, mortem fugere turpem haut convenit;

quae apparet plane noxii esse et conscientia scelerum exagitati. Illud enim mitto, fabulam, in qua Phrixii potissimum essent partes, vix Athamantis potuisse nomine inscribi.

Itaque magis probabile est Athamantis res describi hac fabula. Qui memoria anxius eorum, quae prius Inus calumniis inductus in Hellen et Phrixum, dein iniecto a Iunone furore in Ino Learchumque et Melicerten molitus esset, suorumque vel adeo populi totius pressus odio (cf. Non. 470 l. miserarent) videtur frustra monitus, ut in exilium abiret (cf. Non. 324 l. invadere), gravissimisque obiectus periculis, sed eis tandem ereptus. Atque huc pertinere existimo versum (Non. 315, 19):

beneficiis hostimentum peperisti grave.

Et fuit fama Athamantem a Nephele, quae poenas repeteret Phrixii et Helles ab illo laesorum, ad Iovis aram victimam deductum, sed Herculis interventu servatum. Eundem eiectum ex Boeotia tandem oraculi monitu sedes fixisse novas in terra, quam Athamantiam vocaret, ibique tertium inisse matrimonium narrat Apollodorus I, 9, 2. Reliqua incerta. Fragmenta, ut complurium Accii fabularum, a solo servata Nonio.

XX. Atreus.

Gravissima Atrai ac Thyestae fratrum inter se odia, quae ignorat Homerus, Atticis tragicis inde a Sophocle, cuius fuit Atreus, item duplex Thyestes (et Euripidis citatur Thyestes), frequentissimam praebuere materiam carminum, deinde et Romanis. Quos vel hoc allexit, quod ea largissimum offerebant campum artificis praestigisque rhetoricis, Caesarum tempore etiam occasionem perorandi in tyrannos, non quidem semper impune. Nam Tiberio imperante Atreus tragoedia exiti causa extitit Aemilio Scauro. Cf. Tac. Annal. VI, 29.

Igitur idem argumentum, quod Thyeste Ennius, Atréo persecutus est Accius, quam iuvenis admodum scripsit fabulam.

Quae servata sunt fragmenta haud ita pauca, partim Ciceronis beneficio, qui quaedam ex eis illustravit, partim collato Thyeste Senecae, vel quod sententia sunt perspicua, non praebent multum difficultatis; adeoque quo ordine sit disponenda eorum maior pars satis apparet.

Prisc. pg. 698, ubi demonstratur apud vetustissimos inveniri illud socrus masculine:

simul ét Pisaea praemia arrepta á socru possedit suo.

Ita Ribbeckius numeris nullis; nam „socru“ ab Accio pyrrichiae elatum nego. Reponendum:

simul et praemia

Pisaea arrepta a soceru possedit suo.

Vbi mutata locis ea quae sunt „Pisaea praemia“ debentur Vossio. Praeterea nescio an scribendum sit „simul ut“. Nam scelera et calamitates Tantalidarum hic ut apud Sophoclem Electr. 504 sqq. a dolo, quo Pelops potitus est Hippodamiae, Oenomei filiae, coniugio, et quae eum secuta sunt repeti probabile. Cf. Ribbeck. pg. 448.

Etiam versus ter citatus a Cicerone:

maior mihi moles, maius miscendumst malum
concinrior erit et modulator, si reposueris vel „mihi maior moles“
vel certe „maior mi moles“.

Prisc. pg. 873:

epularum fictor, scelerum fratris delitor.

Haec quid significant perspexit Ribbeckius (cf. pg. 453), excepto quod illud „delitor“ minus recte ab eo redditum existimo per „der ausloescht“. Videtur potius esse idem quod „purgator“. Dicit Accius iam purgatum crimine Thyesten commissorum in fratrem scelerum, cum hic epulis atrocissimis apposis maior prompserit in illum.

Praeterea cum Accius non, ut Seneca, ultro arcessitum ab Atreo Thyestem, sed, ut Varius, sponte reversum, quod novas insidias videretur machinari, fide data deceptum proponat (cf. frgm. III; XV), versus illos (Non. 281, 5):

egone Argivum imperium adtingam aut Pelopia digner domo?
quoi me ostendam? quod templum adeam? quem ore funesto
adloquar?

prolatos existimo ab hoc non post epulas, sed ante, cum veniam fidemque imploraret fratris exul, ad suspicionem, qua imperium affectare arguebatur, refellendam.

Denique nihil est cur credamus aliter Accii finitam fabulam ac Thyesten Ennii et Senecae, hoc est execrationibus flagitii, quod aversatus ipse Sol ferebatur retro egisse equos, imprecationibusque per desperationem iactis a Thyeste. Nam Ribbeckius, incertis omnino iudiciis usus, dubitat an post scelus perpetratum Atreus Thyestem, quod novas eius machinas timeret, vinxerit adeoque occiderit, quod fecisse eum tradunt schol. in Eur. Orest. 800.

XXI. Bacchae.

Extant Bacchae Euripidis, quam expressam ab Accio fabulam ostenderunt Scaliger alique. Quae in solo extant carmine latino, ea, ut plerumque, incertum, utrum alio exemplo adhibito an ingenio novata sint a poeta.

Magna autem pars eorum quae restant in Bacchantium habitu et orgiis describendis versatur. Porro in paucis admodum lectio incerta.

Quae cum ita sint, praeter ea, quae in editione Nonii sunt notata, quod addam vix habeo. Verba a Festo loco manco pg. 314 ed. Muell. s. l. stipes servata magis numerosa fieri, si reponatur: „ecquem stipitem aut abiegnum aut alneum?“ iam in editione Ennii pg. 140 est adnotatum.

Bacchi laudes, ut aliis fragmentis, contineri videntur hoc (Non. 116, 17):

quia neque mors neque vetustas neque grandaevitas.

Sequebantur ut puta talia: „obscuritatem inducet eius gloriae“. Cet. cf. comm. in l. m.

Varietatem fortunae humanae respici existimo eis, quae sunt (Non. 144, 10):

sole splendet saepe, ast idem nimbis interdum nigret.

De aethere dicta recte statuit Bothius, a quo primum suppletum verbum. Porro notandum illud „ast“ pro „at“; quod hoc solo loco invenitur in tragoedia latina ante Senecam.

Denique illa:

quanta in venando affectist laetitudine;

ubi „affecti“ genetivus est, dictus pro „affectus“, verba sunt ominis prospicientis Agauen instantem Pentheo vel cum spoliis eius bacchantem, non nuntii, ut apud Eurip. v. 1144.

XXII. Chrysippus.

Chrysippum, Pelopis ex paelice natum, cum praeferretur a patre filiis legitimis, Hippodamiae novercae opera ab Atreo et Thyeste vel, ut alii ferebant, ab ipsa Hippodamia interfectum, hanc autem poenas pendisse flagitii fama fuit. Cf. Ribb. pg. 444 sq.

Fuit Euripidis Chrysippus, in quo Laii, amatoris Chrysipi, partes fuere magnae. Porro servatum ex eo carmine fragmentum luculentissimum, de quo ad Pacuvii Chrysen quaedam dicta a nobis. Quae restant, ut plerumque in mancis Euripidis tragoediis, maiorem partem continent sententias ad vitam regendam utiles, non ea, ex quibus fabulae decursus possit agnosci. Neque ex Accii carmine, cui exemplo fuisse Euripidem satis probabile, multa possunt deduci, quae ad filium velut rerum actarum redintegrandum faciant. Accedit quod fragmentorum quinque, quae extant, pars corrupta gravius. Quae quidem ego sic existimo disponenda et explicanda:

I.

huic quum superescit Spartam atque Amyclas trado ego.

Verba Pelopis de Chrysippo haud exigua Peloponnesi parte donando. Pro „huic quum“ cd. Festi pg. 302 s. l. superescit habet „quin hinc“; in eodem omissum „ego“; ideoque „tradibo“ Ribbeckius, „tradam“ Lindemannus.

II.

aeternabilem

di utinam pacem partissint!

Verba Pelopis ad concordiam hortantis suos.— pro „di utinam“ cdd. habent „divitiam“; ab isdem abest „pacem“.

III.

melius pigrasse, quoniam (vel: quando) properasse est nefas.

Verba Atrei et Thyestae metu patris Hippodamiam a calidioribus revocantium consiliis.

IV.

„quid agam? vox illiust certe“.— „idem omnes cernimus“.

Verba Pelopis, dum silvestria peragrat cum suis loca, audientis vocem Chrysipi subitis insidiis oppressi.

V.

neque quisquam a telis vacuus; sed uti quae obviam fuerant, ferrum aliis, aliis saxi raudus est.

Descriptio comitum Pelopis cum patre ad iuvandum Chrysippum tendentium.

Lati autem amatoris Chrysippi, a quo raptum hunc, sed a patre recuperatum tradit Hygin. fab. 85, quemque post abductum, sed reportatum Chrysippum ab Hippodamia falsa suspitione caedis Chrysippi, quam ipsa patrauerat, frustra petitum refert Dositheus (Hist. Graec. fragm. ed. Muellieri IV, 402, 7), numquae partes fuerint apud Accium plane ignoramus.

XXIII. Diomedes.

Diomede tragoedia eandem Oenei a Diomede nepote depulso Agrio restituti fabulam persecutus est Accius, quam Periboea tractaverat Pacuvius. Sed quae extant fragmenta numero XII non multum faciunt ad argumentum illustrandum. Non eiectionem ab Agrio fratre Oenea, ut apud Pacuvium, sed in carcerem coniectum demonstrant verba illius:

ita fletu et tenebris obstinatus speciem amisi luminis
conspiciendi insolentia.

Vbi „speciem“ dictum pro „actem“. Illud „luminis conspiciendi“ suspensum ab insolentia. Cet. cf. comm. in Non. 322, 26.

Ex filiis Agrii unus ita compellat patrem:

adsum apud te, genitor.

Ad postulata huius iniqua sic respondet Agrius:

numquam perpellar, gnate. pol, ne adtenderis
petere a me id quod nefas sit concedi tibi.

Diomedis diffidentis primum virtibus suis ideoque Calydone Argos repetere instituentis ante deiectionem Agrium videntur fuisse haec:

ergo meo Argos referam (nam hic sum nobilis),
necui (i. e. ne cui) cognoscar noto.

Quod consilium postea immutavit, cum ex amicis quidam obsecisset haec:

multa amittuntur tarditiae et socordia.

Non improbable Agrium in tempore monitum, ut consilia praecaveret Diomedis. Ad praemium autem nuntio tali rependendum potuerunt pertinere haec:

benigne ei pro beneficio largi atque ampliter.

Vbi „largi“ dictum pro „largire“.

Impotentiam Agrii apud Diomedem Calydonii queruntur ita:

foede exanclavimus

tyranni saevum ingenium atque execrabile.

XXIV. XXV. Epigoni. Eriphyla.

In Epigonon tragoedia Sophoclem observasse videtur Accus; cf. Cic. de optimo gen. orat. 6, 18. Reliquiae duplici laborant difficultate. Primum enim saeptus illa librorum culpa confusa cum Eri-gona, de qua re supra, sub nr. V; VI, memoravi. Quamobrem etiam huius fabulae quaedam erunt retractanda, quorum de origine non satis constat. Praeterea dubitatur an Epigoni eadem sit, sicut nonnullis visum cum Bothio, quae Eriphyla, ex qua unum versum servavit Priscian. pg. 699. — Sed omnino hoc alienum a probabilitate. Mitto quod etiam Sophoclis praeter Epigonos citatur Eriphyla tragoedia neque usquam traditum utramque esse eandem; id quod placuit Welckero. Sed neque Epigonos satis recte potuisse inscribi fabulam, qua non minus quam de illis de interfecta ab Alcmeone matre ageretur, neque Eriphylen, qua de expeditione adversus Thebas instituenda tractaretur tanto impendio, satis apparet. Accedit, quod ita res plane diversae inter se inconcinne omnino copulantur; cuius vitii evitandi neminem fuisse magis studiosum tragicis vetustis constat.

Igitur quod Ribbeckius existimat Epigonis describi Eriphylen eandem, insaniam autem, quam hoc facinore polluto Alcmeoni incidere destinatum erat, deorum beneficio dilatam post bellum, omnino improbandum. Quem praeter diversam veterum traditionem praeterque ea, quae supra dixi, fugit nullo pacto potuisse Epigonis ducem designari expeditionis ab Apolline virum matricidii scelere pollutum.

Quae cum ita sint, contineri Epigonis apparet conatus Epigonorum ad bellum una ineundum excitandi Alcmeonem eiusque tergiversationes (nam primum omnium matrem punire in animum induxerat) calliditate illorum et ipsius Eriphylae, quae iterum, ut ante prius bellum Thebanum, corrupta est muneribus, auctoritate tandem victas. Cf. Apollod. III, 7, 2.

Neque abhorret a probabilitate in ultimocarmine numinis interuentu et Alcmeonis fratrisque Amphilocho dubitationes victas et expeditionis secundum exitum caedemque Eriphylae praedicta. Quod si ita fuit, comparari potest finis tragoediae cum Philoctetae perinde Sophocleae.

Fuit autem scena Argis:

apud abundantem antiquam (f. Argivam) amnem et rapidas undas Inachi.

Prope urbem castra erant posita ducum, unde profecti precibus ambiebant Alcmeonem. Cum quo longo actum diu verbo, septenariis trochaeis.

Igitur unus ex eis, Thersandrus haud dubie, Polynictis filius (cf. Ribb. pg. 489), nisi Erigonae potius quam Epigonis adscribenda essent sequentia (cf. comm. in Non. 20, 8), potuit primum aperire, cur colloqui secretum elegisset locum:

eaque hoc (sc. feci) causa, ut nequis nostra verba cleperet auribus.

Recusantis Alcmeonis animus patrum ulciscendorum demonstrata necessitate temptatur:

quibus oculis quisquam nostrum poterit illorum optui vultus, quos iam ab armis anni porcent?

Atque hic potuit habere locum versus ap. Non. 230, 27 servatus, si scribatur ita (cf. comm.):

nonne Argivom fremere bellum et velle vi vulgum vides?

Argivom pro Argivorum.

Quod si Epigonon potius quam Erigonae sunt, quod tamen minus probabile (cf. comm. in Non. 185, 18), quae infra ponuntur, oblectum est ab Alcmeone, quod primum ab Apolline iussus esset matrem afficere poena:

qui, nisi genitorem ulso, nullum meis dat finem miseriis.

Matricidii certe committendi mentio continetur hisce:

fateor; sed cur propter haec pigrem aut huius dubitem parcere capiti?

Quae paulum diversa Amphilocho fratri Alcmeonis tribuit Ribbeckius velut adversanti Eriphyles caedi; cf. pg. 491. Sed neque de tali fratrum dissensu alibi quidquam traditum et „pigrare“ si positum

sit pro „timere“ (Id enim a nobis restitutum; vulgo pro eo ponitur „retinere“), etiam minus apte verba supra adscripta explicantur, ut illi placuit. Sunt potius ipsius Alcmeonis affirmantis Thersillocho instanti se nullis terroribus ac furiis posse impelli, ut parcat matri. Ibi dubitandi verbum, ut interdum fit, aduentis potius quam abuentis adhibitum sensu; sicut apud Tacitum *Annal.* IV, 57 „nam dubitauerat Augustus Germanicum—rei Romanae imponere“.

Perstante in proposito Alcmeone non videtur minis temperasse Thersandrus, si modo recte a nobis restituta, quae feruntur *Non. pg.* 342 s. l. mactare:

mei (i. e. mihi) nunc adsis! an te exilio mactem ec terris
Pelopiis?

Certe quae a nobis reddita, quam minimo distant intervallo a memoria codicum. Cf. *comm.* in h. l.—Igitur exilii poenam minitatur Thersandrus adversanti, nisi concedat.

Ita tracto sermone finis fit agendi ducibus subito appropinquante Amphilocho; quem sequitur expeditioni ineundae minime fuisse aequum, haut dubie ideo, quod primo loco puniendam existimaret matrem:

sed iam Amphilochum huc vadere cerno et
nobis danitur pausa loquendi
tempusque in castra revorti.

De versu medio, in quo vetustissima corruptela pro „nobis danitur“ legitur illud „nobis datur bona“ apud Nonium pariter atque Charisium, cf. *comm.* in *Non.* 158, 8.

Ita cum res parum procederet Epigonis, preces videntur vertisse ad Eriphylam, quam muneribus captam, sicut ante factum, cum marito causa fieret eundi ad bellum, ab isdem etiam spe depulsi aut certe dilati in longum tempus periculi probabile est temptatam. Sane de his nil traditum in reliquiis Epigonon Sophoclis vel Accii. Sed utrumque ut statuamus res ipsa cogit, si recte supra a nobis demonstratum est argumentum tragoediae.

Contra servata sunt quaedam ex sermone ab Eriphyla, quae propter filii animum aversum pariter atque consilia incerta ducum tum temporis haud mediocri agitabatur angore, cum Demonassa filia, deinde cum Alcmeone ipso habito:

quid istuc, gnata unica, est, Demonassa, obsecro,
quod me . expetens timidam e tecto excles?

Quae quod dicit Charistus gramm. lat. I, 288 saturnia esse et certo scandi non posse, illud respexit, quod Accius scenicorum more frequentissimo, sed alieno a dactylicis priorem in „istuc“ corripuit, nisi potius scripsit, forma vulgari, sed minime rara usus, „quid stuc“. Illud „Demonassa“ satis certum; quamquam in codice Charistii unico „demara“ vel „demacansq,“ legere sibi visus est Keilius. Versus alter nondum sanatus. Pro „me“ in codice „mecumago“ vel „meamego“ dicitur ferri. Possunt multa excogitari velut „quod me cursu expetens“. Porro huc referenda, si recte constituere docti, quod tamen nobis secus videtur, ea quae Erigonae addita et creticis numeris descripta leguntur Non. 16, 4; ubi conf. comm. Nam ibi alii: Accius Epigonis:

eloquere propere ac meum hunc pavorem expectora.

Et videtur a Demonassa adlatus nuntius ipsum Alcmeonem habitu infesto petere regiam. Secutum est diverbium inter matrem et filium, cui praecessit versus, quem in regiam contendens pronuntiavit Alcmeon (Non. pg. 200 s. l. collus masculino):

quid cesso ire ad eam? em, praestost. como collum gravem.

Vbi corruptum est necdum restitutum illud „como“. Cum haud dubie agatur de Eriphyla, in comm. Noniano commendavi lectionem talem:

quid cesso ire ad eam. em, praestost. et catella habet collum gravem.

Sed minus placet octonarius positus, cum in verbis traditis, utcumque emendaris, latere potius videatur trimeter.

Altercatione conserta matri, cui mutuis erat odiis suspectus pariter et invisus, instanti acrius, ut invitus expeditionem iniret novam, cum priorem Amphiarao coniugi extitissimam fuisse sciret, haec ingressisse videtur Alcmeo, suspicatus, ut puto, eam iterum corruptam donis:

viden ut te inpietas stimulat nec moderat metus?

Non desistenti adeoque genua eius amplecti conantem tali dicto absterruit:

age, age, amolire, abbite! cave vestem attigas!

Ad abeuntem Alcmeonem eundemque graviter perturbatum et quid faceret incertum, nisi ad Erigonam rectius traherentur, potuere spectare haec (Non. 226, 22):

ita inperitus stupiditate erumpit se, inpos consili.

Iam qua tandem re victa sit Alcmeonis pertinacia, utrum numinis, ut puta Apollinis, interventu an Amphiarai umbra excitata, non liquet. De Amphiarao haud male suspicatur Ribbeckius, secutus fabellam quandam, quam invenire est apud Cic. Tusc. II, 25, 60. Nec est improbable invocata a ducibus vatis dolo intercepti umbra monitum Alcmeonem, ut prius publicam quam privatam patris exequeretur ultionem, hoc est ut matris poenam post captas nova expeditione Thebas differret.

Et hanc quidem partem Eriphyla tragoedia tractaverunt Sophocles Acciusque. Ex Acciano carmine unus extat versiculus hic:

Pallas bicorpor anguium spiras trahit.

Quo describi partem ornamenti monitis, quod Eriphyle accepit pretium mariti proditioni, bene suspicatus est Ribbeckius pg. 493. Itaque narravit poeta in celeberrimo illo ornatu effictam fuisse pugnam gigantum adversus deos; cui interfuit et Pallas corpore anguino praeditus, cuius victi nomen adsumpsisse ferebatur Minerva.

XXVI. Epinausimache.

Epinausimachen a graeco ductam exemplari ut ipse indicat titulus, ita praeter Accii nulla invenitur tragoedia ita inscripta.

Dicebatur a grammaticis hoc nomine liber XIII Illadis, quo compulsi ad naves Graeci Neptuno vires suppeditante adversus Troianos rem sustinent utcumque. Sed Acciani carminis, cuius quidem fragmenta tantum non omnia a solo servata Nonio, multo latius patebat circuitus. Nam a pugna illa navali, cuius vicissitudines describuntur II. XIII—XV, usque ad mortem Hectoris pertinebat. Neque id mirandum nimis, cum Enniana Hectoris lytra continuerint res Troianas inde ab XI libro usque ad finem Illadis. Et firmatur exemplis talibus poetas latinos, ut popularium, hominum bellicosissimorum, satisfacerent desideris, relicta modestia Graecorum aliquando fuisse nimios pugnis belisque referendis eisdemque parum curiosos praecepti Aristotelei, quo tragoediae iubentur unius diei aut certe non multo maiore concludi spatio. Sane hoc ne a Graecis quidem semper observatum.

Male autem Ribbeckius, qui neglecto ipso titulo statuit Epinausimache non tractari nisi res post mortem Patrocli gestas. Sed priores etiam ea contineri fabula docent verba Patrocli, opem ferendam Graecis censentis, ad Phoenicem (Non. 500, 1):

eos mortalis, Phoenix, libero
misereor saepe studio et adiutos volo;

ad eundem:

quod si procedit, neque te neque quemquam arbitror
tuae paenituum laudis; quam ut serves vide.

Vbi illud „quod si procedit“ pertinet ad preces, quas Graecorum causa facere apud Achillem iubetur Phoenix. Servare autem laudem monetur Phoenix, quod iam ante Achillem reconciliare studuerat Graecis. Cf. II. IX.

Ad sermonem inter hunc et Achillem factum videtur pertinere illud:

tamen (scil. post priorem repulsam) haut fatiscar quin tuam
inplorem fidem.

Porro verbis hisce:

probris probatu' potius quam multis forem
exprobrari existimo a sentore iuniori, quod in expetenda de Agamemnone ultione vulgi magis quam sapientium sequeretur iudicia.

Phoenix cum nihil profecisset, ipse Achillem aggreditur Patroclus ita:

nec perdolescit fligi socios, morte campos contegi?

Cet. cf. comm. in Non. 110, 35.

Tandem magis magisque in artum redactis Graecorum rebus cum iam prima navis arderet, Patroclo permissum, ut auxillium ferret, sed caute. Nam Achillis videntur esse haec:

contra tu quantum obfueris, si victus sies,
considera et quo revoces summam exerciti.

Quo spreto praecepto Patroclus nimium usus victoria tandemque interfectus est. Tum missa a Iunone Iris monet Achillem, ut Troianos vehementissime instantes Graecis prohibeat potiri Patrocli corpore. Cf. II. XVIII, 165 sqq. Et dubitanti, quod armis careret Patroclo detractis, videtur hoc respondisse (Non. 256, 39):

proinde id cui fiat, non qui facias, compara.

Vbi „qui“ est „quo pacto“; „compara“ „cogita“, „aestima“. Ita incitatus a dea Achilles aegre cohibetur, ne inermis hostibus obviam eat. Nam eius fuit hic versus (Non. 233, 24):

ut nunc sum animatus, si iero, satis armatu' sum.

Tamen permovetur, ut intra fossam, qua castra muniebantur, voce sola usus terreat hostes. Cf. Il. XVIII, 196 sqq.

Sequitur reconciliatio Achillis et Agamemnonis; tum nova pugna, quae finitur morte Hectoris. Atque hunc finem tragoediae Accianae fuisse existimarim, non corpus Hectoris Priamo redditum. Nam quae olim ad hoc rettulerant velut Acciana (cf. Cic. Tusc. I, 44, 105):

immo enimvero corpus Priamo reddidi, Hectorem abstuli,

Ennianis Hectoris lytris adsignanda demonstravimus. Cf. ed. Enn. pg. 104. Ibi quod in Ciceronis verbis, ubi Accii nomini nullus omnino locus, repositum „mellius et aptius“ pro „mellius Accius et“, nescio an potius sit substituendum „melius ac iustius“.

Quae restant fragmenta, cum ut plurimum satis probabiliter explicata sint a Ribbeckio, hic praeteriri possunt. Quem non fugit (cf. pg. 360) verba a Non. 261, 18 sqq. servata non ad argumentum carminis pertinere, sed facta a Graeco nescio quo ad virtutem priscam Hectoris interfecti extollendam. Contra improbandum quod in verbis a Charisio pg. 101 P. adlatis „Martes armis duo congressos cerneret“ ad explendum trimetrum scripsit „Mavortes“. Nam illud „Mavors“ plane alienum a scenico existimo usu, non magis ut probem, quod in corruptis Licinii comici verbis. quae leguntur ap. Gell. XIII, 23, 16 idem scripsit Ribbeckius:

„cum quidem Mavorti es in conubium data“.

Vbi codices etiam habent „Marti“. Apparet mancum esse versum medium. Ab Licinio haec fere venisse existimo:

quandóquidem Marti tú's in conubiúm data.

Nam secunda in „conubio“ anceps. Cf. d. r. m. pg. 258 sq. Quae cum ita sint, non magis duco recipiendum, quod Studemundius, vir de Plauto praeclarum in modum meritis, Mil. glor. v. 1414 contexit reponendum: „iuro per Iovem et Mavortem“.

XXVII. Eurysaces.

Fuit Sophoclis Eurysaces, quam exemplo fuisse Accio probabile est fabulam; nec enim alia eiusdem tituli graeca memoratur. Nec vero mirum Eurysacis res, qui, ut Ajax pater, Atticorum et antiqua veneratione erat cultus et stemmatis insertus illustrium gentium, materiam praebuisse Atheniensi poetae carminis.

Igitur Telamonis electi a civibus, cum post interfectum Aiacem

et Teucro filio et nepote careret Eurysace, tractari casus hoc carmine multa demonstrant. Sed Eurysacis fuisse perinde partes ipse indicat titulus. Nec minores fuere Teucri.

Videtur autem hac potissimum in tragoedia tristitia ac squalore habitus, quae sequi solent fortunam inversam, usus Accius ad movendos spectatorum affectus; cum alias talia curiosius Pacuvii fabulis soleant proponi.

Ad miseras Telamonis, exilio, senio, egestate pressi, ut alia pertinebant, ita illa, quae ad Eurysacem bene relata a Ribbeckio (Cic. Tusc. III, 18, 39):

hicne est ille Telamo, modo quem gloria ad caelum extulit,
quem aspectabant, cuius ob os Grai ora obvertebant sua?

Etenim fractis opibus

..... simul animus cum re concidit.

Initio autem fabulae proponitur Telamo extra patriam agens, ut Ribbeckio videtur, Aeginae, quae haud procul erat insula, unde Aecus, pater eius, ortus.

Ac primum quidem narrat sibi ab eo, cuius opera erat expulsus, longinquum a Salamine exilii locum assignatum:

ilico, inquam, habitato; nusquam propius!

Vbi „ilico“ est „in eo loco“; cf. Non. 325, 6 sqq. Se tamen non diu ibi moratum fugae incerta praetulisse:

nunc per terras vagus, extorris, regno exturbatus, mari.

Quae non bene nonnulli velut anapaestica divisa ita:

nunc per terras, vagus, extorris,
regno exturbatu', mari..

praemisere versibus infra apponendis. Porro principium calamitatum, quibus conflictatus est, ita refert Telamo:

heu me miserum, cum haec recordor, cum illos reminiscor dies.

Accedebat exilii cumulus recordatio Teucri filii cum iniquitate expulsi et orbitatis non immeritae:

ei mihi, ut etiam haec aerumna mihi luctum addit luctibus.

Intercessit persona ignota, quae consolaretur ita:

quid miserans tuam solitatem memoras, formidans tibi?

Denique addit Telamo se ad occultandas miseras in extremas oras abiturum:

super Oceani stagna alta patris
terrarum anfracta revisam.

Interim ignari Telamonis rerum eodem loci pervenerunt Teucer cum sociorum manu et receptus Eurysaces, quem quidem non, ut Pacuvius fecit in Teucro, tempestate, qua oppressi sunt post Troiam incensam Graeci, abreptum ab avunculo, sed pariter cum hoc, ut ex serva natum, repudiatum finxisse videtur Accius. Cf. comm. in Non. 356, 19. Et confidebat quidem ille posse iam sibi reconciliari parentem, cum certissimis testimoniis liceret probare non sua culpa perisse Aiacem:

numquam erit tam inmanis, cum non mea opera extinctum sciet,
quin fragescat.

Eurysacis puto verba haec (Non. 356 l. opinio, suspicio):

opinione factumst. quanto illi minus
stirpem edocebant, tanto ut reremur magis
eos esse.

Vbi ultima manca Nonii culpa. Supplendum ut puta: „non parentes“. Nam videtur Accius ita rem proposuisse, quasi repudiatum a patre Teucer Eurysacem, aetatis tenerrimae puerum, ne exilii, quod initurus erat ille, pateretur casus, tradidisset educandum aliis, qui eum filii loco haberent; sed adulto Eurysaci sensim obortam suspicionem hos non esse parentes. Ac pluralis primae personae pro singulari positus, etiamsi inde a Cicerone demum communi usu increbuit, tamen iam invenitur apud scenicos antiquissimos. Exemplis vix opus; sed cf. Non. 76, 15 cum comm.

Iam Aeginam vel certe propinquum Salamini locum dum perambulant Teucer et Eurysaces, advertit in se oculos partim miseriarum indignitate, partim habitus dignitate oblatus Telamo:

pro di immortales! speciem humanam invisita,
tam egregiam, indignam scabie et squalitudine.

Sequebantur inter alia haec:

atque, ut vides, non tenui natus de loco.

Causa, cur vel in tantis malis pristinae fortunae indicia non abdicet Telamo, redditur ita:

nam ea demum oblectat spes erumnosum hospitem,
cum illud, quod miser est, clam esse censet alterum.

Iam de origine et casibus suis interpellatur idem:

tu abs te quod quaero enoda et qui sis explica.

Ad miseriarum descriptionem pertinere haec:

persuasit meror, anxitudo, egror, dolor.

Ad eorum, a quibus expulsus erat, adventum, de quo postea dicam, nescio an spectet versus:

disertim id unum incommodis deficit meis.

Et in hoc diverbio potuere esse verba suspicantis de patre vel avo ac suspirantis Teucris sive Eurysacis haec:

te commiserabam magis quam miserebar mei.

Quamquam incertum admodum, an ex alia Accii tragoedia petita sint. Cf. comm. in Non. 445, 9.

Agnitio autem facta inter Telamonem et prolem his indicatur Teucris, ut puto, verbis (cf. Ribb. pg. 421):

apud ipsum adstas.

Secutae sunt Teucris vel Eurysacis sive comitum eius voces, admirantium indignantiumque propter tam foedam Telamonis, regis quondam potentissimi et misso utroque ad Troiam filio de Graecis omnibus optime meriti, rerum mutationem. Hic igitur locum habuere illa:

hicne est ille Telamo, modo quem gloria ad caelum extulit;
et quae sequuntur. Nec minus hic videntur reponenda, quae, cum rumor de revocando se increbuisset, in scena ad suam causam translata ab Aesopo tragoedo refert Cic. pro Sest. 56 sqq., ex Eurysace Acciana petita testatur scholiasta Bobiensis (apud quem legendum „Accii fabulam, quae inscribitur Eurysaces“). Cf. Ribb. frgm. XIII. Qua in re quin adaptarit quaedam ad praesentem rerum statum Aesopus vel illa testantur, quae non sine consilio a Cicerone manca tradita sic:

re dubia

haut dubitarit vitam offerre nec capiti pepercerit.

Quae quidem magis ad Ciceronem consulatus tempore pro republica periclitatum quam ad Telamonem spectare apparet, nisi forte Herculis expeditionem Troianam, cui Telamo interfuit, respici statueris. Nam ab eodem Aesopo tum et versus interpolatus „summum ami-

cum, summum in bello, summo ingenio praeditum* et canticum ex Andromacha Ennii additum. Contra exclamatio posita a Cicerone media inter Enniana et Acciana, quae mox continuantur, „pro di immortales“ Ciceronis potius est quam Accii.

In fine autem huius scenae Teucer se vel precibus vel vi effecturum, ut Telamo secum Salaminem redeat, Eurysaci declarat versibus, qui sunt ap. Non. 259, 23.

Interim Salaminii audito in propinquis locis demorari Telamonem eumque ad regnum repetendum venisse rati appellunt classem ad litus, ac deinde de Teucris et Eurysacis adventu edocti consilia exulis praevenire conantur. Nam huc pertinet illud:

quem ad modum inpetum occupemus facere ultro in regem..

Praecessit ut puta „nunc id curare addecet“. Itaque occupato castello quodam bellum minitanti sunt. Quod Teucer re inopinata perterritus videtur primum declinasse. Itaque sic eum instigandum existimavit Eurysaces, ferox adulescens:

tot tropaea transdes, summam gloriam evorti sines
tam desubito?

Deinde cum ad vim descenderetur, his videtur Teucer Telamonem, qui cum praesidio esset relictus, firmasse:

nil est si autem ad te res tardat, socium in portu est copia,
quae subsistat. modo tute ipse tete offirma et compara.

Vbi „tardat“ idem quod „non satis procedit“, „compara“ idem quod „appara“. Pro „in portu“ perbene Bothius „in promptu“.

Igitur conserta pugna victi Salaminii castellumque eorum expugnatum Duci autem hostium nomen videtur fuisse Iphidamanti vel Amphidamanti. Non. 230, 24:

diffidens posse sese Iphidamantem neci
dare turbat vulgum, evitat, moeros discit.

Subiectum vel Eurysaces vel Teucer. Sane priora quattuor verba ingenio constituta nostro. Nam in codicibus nihil est nisi „diffidamantem“. Sed non ita male suppletum a nobis locum mancum videtur demonstrare versus hic:

sed memet calvor. vos istum, ut iussi, oclis
abstrahite.

Quae admodum probabile dicta de Iphidamante capto et ad Teucrum adducto. Illud „calvor“ positum pro „moror“ vel „frustror“.

Denique id quod est:

parumper reprime vim citatum quadrupedum

utrum ad poenam eandem, qua a Tullo Mettum Fufetium affectum tradunt (ea potuit excruciarī Iphidamas) pertineat an his verbis compelletur Sol, ut currum diutius patiat in caelo versari, dubitat Ribbeckius. Cf. pg. 425.

XXVIII. Hecuba.

Extat Euripidis Ἐκάβη; quam Ennius imitatus est. Ex Acciana unus servatus versiculus, ex quo nihil quidquam potest concludi.

XXIX. Hellenes.

Hellenibus Ribb. pg. 428 — 31 Pelei res ab Apollodoro III, 13, 1—3; 7 relatas tractari existimat.

XXX. XXXI. Io. Prometheus.

Io cum haud raro Romanorum scenis agitatam appareat ex Hor. Epist. II, 3, 124, iure fecisse videtur Ribbeckius, quod eam pg. 548 distinxit tragoediam ab eiusdem Accii Prometheo. Tria vel quattuor servata sunt fragmenta. Ex quibus unum obscurum. Nam traditum sic:

quibusnam te aibant ortum locis.

Ad Io ne trahatur, quod Ribbeckio visum, qui scribit „exortam“, ipsum illud „aibant“, quod firmat Priscianus pg. 906, videtur ob stare. Iam cum plane sit incertum, fabulae saepe a poetis repetitae qualem formam sit secutus Accius, abstinendum erit a coniectando. Ius fabulam epyllio persecutus est Calvus, amicus Catulli. De eadem prolixè Ovidius Metam. I, 583 sqq. Et inter Graecos tragoediam de Io scripserat Chaeremon.

Ceterum conferenda, quae de Minotauro, quae fertur Accii fabula, infra adnotabuntur.

Ad miserias Promethei Caucaso monti affixi spectat unicum fragmentum quod restat ex fabula Accii ap. Non. 207 sq. s. l. gelu; Prisc. 685:

tum profusus flamine hiberno gelus.

Cf. Ribbeck. pg. 543 sq. Contra quod idem huic tribuit alterum ap. Non. 17, 8, Ciceronis petium e loco notissimo (Tusc. II, 10),

ubi ille reddit multa ex Prometheo soluto Aeschylī demonstratum est commentario Noniano.

Non abhorret a probabilitate respectam subinde Accii fabulam a Varrone in satūra, quae inscripta est „Prometheus liber“, cum hunc ut alibi, ita etiam in saturis tragicorum latinorum constet fuisse curiosum. Nullus tamen ibi est locus, quem certo possis tribuere carmini Acciano. Neque magis constat, utrum vinctum an solutum persecutus sit Promethea Accius an adeo, quod Ribbeckius propter Varonis saturam, argumento usus tenuissimo, statuit pg. 547, utrumque.

XXXII. Medea (Argonautae).

Medeam etiam Argonautas inscriptam fuisse fabulam testatur Priscianus pg. 1325, sed haud dubie Ciceronis loco quodam (de nat. deor. II, 35), quo utitur, deceptus (nam et versum unum ex his, quae ab utroque citantur, Medae adscriptum adfert Non. pg. 90 s. l. conciere). Atque ab ipso alibi, pg. 761, eadem dicta Medea:

Et parte quidem fragmentorum descriptum satis eleganter, quam graviter sint commoti admiratione simul et metu in ora Ponti prope Istri ostia pastores, ex quibus unus facit verba, visa primum navigii maritimi mole, quam pro portento cum habuissent greges deserere coeperunt.

Primo autem loco videntur fuisse, quae finem, nisi fallor, fecere eorum, quibus metus pastorum ingens describeretur:

vagant. pavore pecuda in tumulis deserunt.
quis vos pascet postea?

Vbi si trochaica illa „quis vos pascet postea“? recte habent, haec clausula fuit, sicut alibi orationis exodium ab Accio redditum dimetro iambico „an haec iam obliti sunt Phryges“? Sed nescio an scribendum sit „at quis vos pascet postea“? Iam causa timoris additur his „tanta moles labitur“ e. q. s. Praecessere ut puta:

nec mirum, quod portentū diffugiunt metu
numquam ante visi.

Sed sensim intellegitur pastori ab animantibus teneri portentum illud:

ut concitati atque alacres rostris perfremunt
delphini, item illa moles Silvani melo
consimilem ad auris cantum et auditum refert.

Vbi illud .et auditum* mendosum.

Nec vero haec evenere, cum peterent Colchida Argonautae, sed cum redirent in patriam, insequentibus prementibusque Colchis ad Medeam pariter et vellus aureum recuperandum. Cf. Ribb. pg. 528 sq.

Igitur egressi in litus Graeci ad reficiendas vires quoniam sint docti accurrentes Scythas; deinde Argus navis originem demonstrant.

Et videntur extulisse, ut saepius in tragoediis factum, Graecorum culta et aliena a barbaris ingenia, apud quos olim Ceres agri instituisset cultum:

prima ex inmani victu ad mansuetum applicans.

Porro ad navigii construendi repertam artem respicitur hisce (cf. Ribb. 532 sq.):

ut tristis turbinum
toleraret hiemes, mare cum horreret fluctibus.

Ac primum quidem advecti cum honore excipiuntur a Scythis Nam regis eorum senis ad Medeam haec fuere:

tun, dic, Meda's, culus aditum expectans pervixi usque adhuc?

Cf. comm. in Non. 238, 1.

Interim unus ex Argonautis in abietem sublatus prospicit appropinquantes hostes:

ego me extollo in abietem, alte ex tuto prospectum aucupo.

Advecti Colchi adiere Scytharum regem in partes tracturi. Ac narrato scelere Medae ipsum etiam ut fatalem perniciosumque suspectare Iasonem. At Scythae, gens religiosissima, etiam portentis divinitus missis videntur concitati esse in hunc; ad quem dicta probabile est illa:

principio extispicum ex prodigiis congruens ars te arguit.

Vbi constructio haec: ars congruens (i. e. consentiens criminibus Colchorum) extispicum ex prodigiis te arguit.—Igitur in partes tractis Scythis ita in artum rerum statum Colchi redigunt Argonautas, ut haec fecerit verba Iason:

perissem in stabulis frenos inmittens feris!

Vbi feri non sunt, ut Nonius putat, equi, sed tauri. Cf. Ovid. Metam. VII, 115 sqq. Freni hic dicti liberius; ut Ovidius (Metam. X, 125; Trist. III, 8, 3): frenabas ora (cervi) capistris; Medae vel-

lem frenare dracones.—Itaque cum Graeci pactum inissent cum Colchis hoc, ut servato vellere redderent Medeam, si id Scythis accolis placuisset, haec obtestationibus execrationibusque gravissimis aggressa est Iasonem. Nam ad imprecationes eius videntur pertinere haec (cf. Ribb. p. 533):

exul inter hostis, expes, expers, desertus, vagus.

Purgantis se Iasonis et uxoris animos lenientis haec puto fuisse:

qui potis est refelli quisquam, ubi nullust causandi locus?

Denique cum duplex esset fama de fuga Medae, altera, qua dissectis ac dispersis Apsyrti (sive Axyrti) fratris artibus dicebatur remorata esse instantes Colchos, altera, qua eundem (sive alio fuit nomine) ducem Colchorum insecutorum insidiis captum opera Iasonis interfecisse, Accius, fortasse Sophoclis secutus Scythas, utramque coniunxit fabulam. Certe Aetiae, qui videtur suos comitatus esse, sed ut senio coactus filio mandaret imperii summam, haec fuere (cf. Ribb. pg. 534):

pernici orbificor liberorum leto et tabificabli.

Quae vix aliter nisi de minore ac maiore fratre Medae, brevi intervallo interemptis, possunt explicari.

Verba Medae fratrem maiorem dolo aggressurae fuere haec:

nisi ut astu ingenium lingua ludam et dictis lactem lenibus.

Namque ita inter Iasonem et Medeam convenit, ut haec ducem Colchorum spe recuperandi ipsam cum vellere illaqueatum in locum secretum alliceret. ille obtruncaret incautum, quo Colchi orbatu rectore discederent.

Denique ad Aetiae sortem primum Medea, tum, cum hanc recuperaturus iam videretur, prius minore, dein maiore ex filiis spoliati orbamque inituri senectam videntur pertinuisse anapaestica haec:

fors dominatur
neque vis ulli propria in vitast.

XXXIII Melanippus.

Melanippi (pro quo saepe in codicibus scriptum „Menalippus“) quod fuerit argumentum, non mihi magis expedire licuit quam Ribbeckio.

Et Oenei quidem res tractatas fabula illa demonstrat versus:

Oeneum aliquis cete in conspectum, aut nos ubi ubist ducite
ad eum!

Porro Melanippus in Periboea inter filios Agrii memoratur ut ad opprimendum Diomedem vel maxime necessarius (cf. disput. de Pac. pg. 42). Praeterea alter fuit Melanippus, Oenei filius, quem a Tydeo fratre, sed invito, interfectum in venando tradit Hyginus fab. 69.

Sed quanam aut cuius Melanippi apud Accium fuerint partes, testimoniorum penuria obscurum.

Quodsi coniectando dabitur locus, fabulam de Oeneo eiusque domo a recentiore quodam tragico ita inversam existimem, ut proponeretur (quae Ribbeckii est opinio) Melanippus filius illius a Tydeo fratre interfectus non casu, sed consilio. Et patris quidem vel domesticorum monitu id dicas factum, quod Oenei vitae falso insidiari diceretur Melanippus. Notum autem, quantae fuerint partes calumniarum suspicionumque falsarum in fabulis.

Sed antequam ad fratris caedem incitarent Tydea, videntur amicum quendam Melanippi ad facinus stimulasse; quod ille deprecatus est ita:

crediti' me amici morte inbuturum manus?

Atque huius, dum promittit Melanippo socium se fore utcumque periculorum, haec fuere, ut puto:

paratus sum, ubi vis, petere partem permiti.

Vbi „permiti“ a „permitted“ dictum pro „perniciet“. Cf. comm. in Non. 219, 2.

Sed verbis quae sunt „tete esse huic noxae obnoxium“ utrum Melanippus tangatur, quod regnum affectaret patris, an amicus, quod parcendo huic probare videretur eius consilia, an denique post patratam caedem Tydeus definiti nequit.

Inepta dicta factaque unius ex personis perstringuntur ita (cf. Fest. pg. 274):

neque ratumst quod dicis („dicas“ cd.) neque quae iactas („agitas“ cd.) dicendist locus;

et porro:

reicis abs te religionem scrupream, impunest tibi.

Hic a Varrone de l. lat. VII, 65 servatus est versus; ubi eodd. habent „imponas“ omisso „tibi“, quod addidit O. Muellerus. Quae praecedunt ita videntur scribenda: „Valerius (scrupipedam dictam pu-

tat) a pede ac scrupea. ex eo Acci positum: scrupea (om. cd.), curiosa; itaque est in Melanippa“. Illud autem „reicis“ conditionaliter dictum existimo. „Religio“ hic ut saepe apud Romanos antiquiores in malam positum partem, pro opinione superstitiosa vel praeiudicio inepto. „Scrupea“ idem quod „anxia“.

Melanippi de infesto suorum animo moniti potuere esse haec:
 egone auxilio nudus temere ut hosti me animato offeram?

Insidias in silvis structas Melanippo, quem et Hyginus in venando a fratre refert interfectum, declarat versus:

hic Melanippum inter traiectus nemorum, in salti faucibus.

Eodem pertinent haec:

constitit, cognovit, sensit, conlocat sese in locum
 celsum; hinc manibus rapere raudus saxeum grande et grave.

Tamen de quo haec dicta sint incertum. Nam nullo pacto adducor ut credam Tydea, virum animi maximi et spiritus, astu potius quam vi petisse Melanippum. Ac de utriusque congressu aperte haec dicta:

obviam ensi it; quem adversum aptus alter in promptu occupat.

Denique caede perpetrata patefactam Melanippi innocentiam ideoque Tydea solum patrium vertere coactum probabile facit illud:

regina, escit tempus, quom hiee torrus, quem amburi vides.

Nam hoc praesagio fatorum Oenea, cum filiis, quos post Althaeae mortem ex Periboea sustulerat, orbatus calamitates domus suae inde a Meleagri morte recordaretur, sub finem fabulae usum vix potest dubitari. In exitu querelarum potuit esse versus:

unde haec? quis mortalis florem liberum invidit meum?

XXXIV. Meleager.

De Meleagro, in qua fabula conscribenda Euripidis potissimum tragoediam cognominem observatam Accio veri admodum est simile, id quod primus intellexit Delrio, quae dicam habeo perpauca. Nam fragmenta minus viginti maximam partem sunt talia, ut facile possint accommodari ad fabulam, qualem Euripidem, puto, potissimum imitatus Ovidius in *Metamorphoseon* proponit libris.

Vnius ex illis, qui una cum Meleagro aprum deicere erant conati, quod spolia pariter relata et coronam acceptam tribuisset Atalantae indignantis haec fuere verba:

culus exuvias et coronam huic muneravit virgini.

Excusavit apud eosdem ita rem Meleager:

remanet gloria apud me; exuvias dignavi Atalantae dare.

Cf. Ovid. Metam. VIII. 431.—Nihilo minus spolia eripiuntur Atalantae ab Althæae, Meleagri matris, iratribus; qui ideo ab hoc interficiuntur. Tum edocta de scelere filii et prona ad ultionem Althæa quam celerrime iubet apportari torrem, quo combusto pereundum esset Meleagro. Atque huc pertinent haec:

cave lassitudo poplitum tuum cursum levet;

et porro:

laborem ut minuat itiner ingresso viae.

Porro fugit Ribbeckium iungenda inter se haec, quae feruntur ap. Non. 483, 11; 124, 36:

nunc si me matrem mansuem misericordia

capsit —

quis erit, qui non me spernens, inclans probris,

sermone indecorans turpi fama differet?

Nam accepto torre diu deliberasse matrem fratrumne mortem an filii salutem magis respiceret, ut Ovidius scribit, ita Accium rettulisse omnes habet probabilitatis numeros. Nihil tamen invenitur, quo paenitentia eius sera eademque irrita adseratur. Denique conferendus comm. in Non. 317, 19; 20; 308, 8.

XXXV. Minotaurus.

Minotaurum dubito an ab Accio scriptum esse negem. Nam qui restat versus unicus. ita fere citatur in Prisciani libris pg. 677: „Accius in Ioe“; ubi unus tantum ex noviciis libris et interpolatis habet „in Minoe“. Illud autem „Ioe“ potius accipiendum pro „Io“ vel „Ione“; cum idem error inventiatur ap. Prisc. pg. 685; 906; ubi eadem citatur fabula. Porro apud Macrobius Saturn. VI, 5, 14 leguntur haec: „idem in Minotauro: taurigeno“ e. q. s. Vbi cum omisum sit „ex“ in principio, versus Acciani, suspicio oritur illud „tauro“ natum ex sequente „taurigeno“, „m“ ex praecedente „in“ scribendumque „idem in Ione“ („idem in Io taura“ vel „in Ione taura“ male Bothius). Quod autem apud Ribbeckium adeo fabula inscripta „Minos sive Minotaurus“, illius tituli plane nulla constat auctoritas. Ceterum fatali quo-

dam accidit ludibrio, ut qui servatus est versus unicus perinde ad Io atque ad Minotaurum possit referri. Nam apud Priscianum legitur ita: „ex taurigeno semine ortam fuisse an humano eam („eam“ om. cd. Regius; „eam an humano“ habet cd. Gruteri); apud Macrobtum „taurigeno semine ortum („fuisse“ om. libri meliores) an humano“. Verbum „fuisse“ a Prisciano ex deterioris aetatis usu videtur interpolatum. Ab Accio haec fere puto venisse:

ex taurigeno semine ortam dicam esse ane humano eam?

Et potuit praecedere velut hoc „anmi ego incertus feror“. Haec igitur dicta de Io, quae, cum rursus esset facta homo, cornua tamen retinuerat vaccae. Quodsi magis Minotauri probabitur titulus, ad Minotaurum haec spectare apparet scribendumque „ex t. s. ortum dicam esse ane humano eum?“. Et magnam quidem Macrobtii in citandis poetis antiquissimis iam in Ennii editione notavi neglegentiam; et apparet facilius per interpolationem potuisse poni „ortum“ quam „ortam“; quamquam ne Priscianum quidem levitatis crimine carere constat. Tamen omnibus perpensis, quae de testimoniis grammatici utriusque et de codicum dittographiis supra sunt scripta, non possum quin secutus Bothium nullum umquam Accii fuisse existimem Minotaurum. De cuius (si modo extitit) argumento—similis fuit Theseus Euripidis—copiosissime, ut solet. expositum a Ribbeckio pg. 564 sqq.

XXXVI. Neoptolemus.

Pro eo quod est „Neoptolemus“ aliquando, non tamen nimis saepe, „Neoptolomus“ scriptum in bonis libris. Cf. Flecketseni *Annal. philolog.* a. 1867 pg. 751.

Argumentum huius fabulae fuisse post Achillem caesum Scyro insula ad Troiam accessitum Vlixis opera Neoptolemum (vel Pyrrum) Achillis et Deidamiae filium, sine quo Troia non poterat expugnari, perspexere Welckerus et Ribbeckius. Huius, a quo pleraque probabiliter disputata, libri conferendae pg. 402—406.

Atque ipse Vlixes iam apud Homerum, *Od. XI*, 506 sqq. a se Neoptolemum adductum memorat ad Graecos. In quo negotio alii Diomedem, alii Phoenicem tradidere fuisse comitem. In fragmentis carminis Acciani Vlixis tantum invenitur memoria.

Ac facile intellegitur tragoediae concinnandae materiam praebuisse aptissimam Lycomedis avi et Deidamiae matris studium Neoptolemum, Achillis unquam stirpem, bellorum arcendi discriminibus eorundemque

accensa in Vlixem odia, cuius dolo olim ipse Achilles ad bellum, in quo erat periturus, illectus esset. Sed Vlixes, qua erat calliditate, optinuit tamen quod petebat, orationis arte subnixus.

Fragmentorum pars fere tertia versatur in virtutibus vitis que Neoptolemi, qualis a poetis latinis describi solet, referendis. Eius propria fuisse dicuntur:

vis, vertus (i. e. virtus) atque acritas.

Adeoque in laudem eius ab Vlixē dicta haec:

quid si ex Graecia
omni illius par nemo reperiri potest?

Contra exprobrant, quod:

haut quisquam potis est tolerare acritudinem;

item:

vim, ferociam animi, atrocitatem, iram, acrimoniam.

Pudore se teneri Graecorum, quod ab armis abesset, Neoptolemus sic declaravit:

dolet pudetque Graium me et vero piget.

At Vlixem prius Lycomedem et Deidamiam aggressum crediderim, quippe quibus victis facile Neoptolemm, bella ineundi patrisque ulciscendi cupidissimum, in partes sese trahere posse speraret. Deidamiae igitur orbitatem recusanti post Achillem ademptum et ob id filium dimittere nolenti alterius contugii spem videtur movisse. Quod illa abnuitt his verbis usa:

sed quem mihi iungent? cui, quae cum illo fuerim, dignabor dari?

Vbi non est, cur „dignabor“ cum Ribbeckio statuas active dictum, cum Non. pg. 281 s. l. dignatus contendat passive adhibitum. Quaerit Deidamia, quo coniuge possit esse digna (id est cui conveniens; cf. Ovid. Trist. II. 161 sq.), quae heroi omnium clarissimo fuerit nupta.

Verba sunt Vlixis (cf. Ribb. pg. 405) ad constanter recusantem:

sati' iam dictum neque ego errantiae animi prave morigerabor.

De eodem Deidamia finito colloquio haec (Non. 469, 19; 258, 6):

ubi nil contra rationem atque aequom habuit, adsensit silens.
satin astu et fallendo callet?

At Neoptolemus, licet patris exemplo ad bellum ferretur animo, tamen et ipse in Vlixem videtur fuisse infestior suspiciosiorque, quod artes eius et dolos aversaretur. Itaque puto Vlixem ad movendum eum protulisse arma Achillis, quae virtutis causa a Graecis sibi diceret tributa, sed iam concessurum honoris causa Achillis filio. Nam satis recte existimo restituta a nobis, quae corrupta leguntur apud Nonium 341, 37, per diverbium ita:

„tunc, Vlixem?“—„macte his armis, macte virtutei patris.“

Atque tali dono victum Neoptolemum consensisse ad profectioem conicio matremque et avum permovisse, ne consiliis suis adversarentur. Nihil igitur est, cur oblata demum Achillis patris imagine, quam ei apparuisse refert Ilias minor, adductum existimes ad morem gerendum Graecis.

XXXVII. Nyctegresia.

Νυκτεγροσία vel Δολώνεια a grammaticis inscriptus decimus liber Iliadis, quem olim alienum fuisse a relicuo carmine et postea insertum erat fama.

Romani cum antiquitus et Homericorum carminum et Troianarum rerum studio tenerentur maximo, assimulatum ori latino vocabulum nuctegresiam vel nuctegressiam extulere, quo ad egrediendi verbum posset referri. Isdem fortasse pro u reposita o, ut lagona dicta pro λάγονος, ut Pseudolus pro Ψευδόλος. Huc pertinet quod memorat Paulus pg. 78 M. nyctegresiam quasi noctisurgium. Et Accii fabula a grammaticis, quibus usus est Nonius, Nyctegresia vel Nyctegressia (nam variant codices) inscripta.

Cuius argumentum idem fere fuit, quod Rhesi tragoediae, quae fertur inter Euripideas. Nyctegresian quis composuerit inter Graecos incertum.

Fragmentorum rationes ut plurimum satis faciles et expeditae
Igitur arcessitos duces adloquitur ita Agamemnon:

cuius vos tumulti causa accierim et quid parem animam
advortite.

Nam in summo versari periculo res Graecorum:

.. iam scandet aura laterum texta Volcani vorax.

Cf. Il. X, 42 sqq.—Percunctante Nestore vel Agamemnone, siquis se

ducum esset oblaturus ad consilia exploranda Troianorum, primus studio accensus Diomedes haec dixit secum:

iuben nunc attemptare, iuben nunc, antme, ruspari Phrygas?

Deinde patefacta voluntate Vlixem elegit socium:

an ego Vlixem obliscar (i. e. obliviscar) umquam aut quemquam
praeponi velim?

Cf. II. X, 243.

Pro his ab Agamemnone meritis mactatur laudibus:

id quod facis gratum et gravest.

Igitur profectis e castris Diomedi et Vlixis occurrit Dolon a Troianis speculandi causa missus. Incaute inconsulteque incedenti ut insidiae parentur ita monet Vlixes:

clam, sis, adito! cludito! fervit ferox.

Cf. Non.: 508, 2; ubi mirifice corrupta ferebatur lectio ante editionem nostram.—Captus ille cum sola vitae servandae cura teneretur, quaecumque sciscitarentur hostes, patefacturum se promisit ita:

cuncta expedibo: id modo ius iurandum date.

Progressis deinde ad castra hostium Diomede et Vlixis, cum hic in rem artam incidisset, ille videtur ad auxilium ferendum coortus cum his verbis:

aut ego illum eripiam aut illi poena sufferar.

Sententia haec: aut uterque servabimur auxilio meo aut ego poenam incepti nostri subibo loco Vlixis. Nam illud „poena (ablativ.) sufferar“ idem quod „poena supponar“ (i. e. „substituar“) esse docet Nonius. Contra si his verbis usus est Diomedes, cum Vlixem sibi socium elegisset, videntur partem effecisse tetrametri trochaici catalectici.

Deinde caede Threcum facta multa ita Vlixes adlocutus est Diomedem:

tun quod superest socium mittis leto an lucti paenitet?

Vbi socii significantur Troianorum, nisi potius scribendum „Threcum“. Sed aut Minerva utrique auctor fuit absistendi a re, ne Troiani certiores fierent de invasione nocturna, aut oriens lux absterruit. Nam non abhorret a probabilitate Vaterum recte ad Nyctegresiam rettulisse anapaestica haec, quae citat Varro sub Accii nomine de l. lat. VII, 83 „iamque Auroram rutilare procul cerno“. Igitur reversi sunt in castra, ubi iam Graeci metuebant, ne temeritate nimia essent capti.

Cf. Il. X, 558 sq.—Excusantis eos fortasse Agamemnonis ad Thersiten (cf. Ribb. pg. 367) fuere haec:

illos suapte induxit virtus; tu laudem illorum levas?

XXXVIII. Oenomaus.

De Oenomao cum plurima protulerit Ribbeckius, quae ad graecos potius quam latinos huius fabulae auctores spectent (et Sophoclis et Euripidis Oenomaus fuit tragedia), nobis brevibus admodum licet esse, quippe qui eas solum exemplorum graecorum respiciamus partes, quae latinorum carminum reliquis adhibitis vel illustrari videantur posse vel suppleri.

Igitur argumentum fuit fabulae Accianae saepe repetitum a poetis dolus, quo potitus est Pelops Hippodamiae nuptiis. Cf. Hygin. fab. 84.

Nam Oenomaus rex Pisasum cum oraculo esset monitus a genere mortem instare, Hippodamiam filiam noluit in matrimonium dare nisi ei, qui curruum certamine, cuius nemo erat ipso peritior, se superasset, ita quidem ut victus plecteretur capite. Forma Hippodamiae allecti cum multi frustra proci discrimen subissent, tandem Pelops ex Phrygia advectus perfidia Myrtili, qui auriga erat regis, effectit ut vinceretur Oenomaus. Quam rem secutus est vitae finis eius. Verum haec fabula multum variata.

Quae restant fragmenta carminis Acciani, cum alia quo pertineant sit obscurum, relicua ita fere disponenda.

Pulchritudo Hippodamiae, cuius correpti cupidine multi proceres se ad exitium obtulerant, describitur versu trochaico, cuius tamen corruptum initium:

horrida honestitudo Europae principum primo ex loco.

Et videtur in hunc modum supplendus:

plurimos adduxit Pisas, ubi pro contugio sibi
exitium invenere.

Tandem post iter longissimum, quod nec ipsum caruit commentis poetarum, etiam Pelops venit Pisas. Vbi regem quaerenti sic respondet Oenomaus:

praesto, em, iam adsum. expromito.
quid fers? nam te e longo itinere cerno vadere.

Non enim per diverbium haec iam existimo efferenda, sicut in editione Nonii 485, 6 factum.

Tum aperuit consilium Pelops:

coniugium Pisis petere, ad te itiner tendere.

Etusdem ad leniendas Oenomai suspiciones fuere haec (cf. Ribb. pg. 436):

ego ut essem affinis tibi, non ut te extinguerem,
tuam petii gnatam. numero te expugnat timor.

Vbi „numero“ „cito“ est vel „nimis cito“. Ignorabat scilicet Pelops oraculo metum infectum Oenomao.

In descriptione itineris longissimi et periculosissimi potuere locum habere quae secuntur:

saxum id facit angustitatem et sub eo saxo exuberans
scatebra fluviae radit rupem;

item alio loco (nam trimeter videtur esse iambicus):

quemcumque institeram grumum aut praecisum iugum.

Quae allegorice dicta conicit sine probabilitate ulla Ribbeckius.

Verba Oenomai ad Pelopem cum Bothio Ribbeckius putat fuisse ea quae sunt:

atque hanc postremei solis usuram cape.

Non minore iure possis credere haec a Myrtilo de Oenomao dicta post paratam fraudem, qua periturus erat dominus.

Denique quae leguntur ap. Non. 357, 13 (cf. 206, 1) recte ad rem sacram, ante certamen instituendam, a Bothio relata existimo.

XXXIX. Pelopidae.

Pelopidae tragoedia fuit Lycophronis, ex qua tamen nihil servatum praeter unum locum communem. Eadem fere, quae Hygini fabula 88 continentur, ab Accio tractata suspicatur Ribbeckius pg. 458. Et versus qui sunt:

nam me ut credam ex tuo esse conceptum satu
tot argumenta redigunt animum et conmovent

ad Thyesten ab Aegistho datos recte videtur statuere Ribbeckius. Cf. et Bothii commentum in h. l.—Idem bene illa:

cesso hinc ire et capere lucti vestem in leto coniugis?

ab Atreo (errore calami factum puto, quod Agamemnonem posuit) de Pelopia dicta conicit.

Quodsi rectum vidit Ribbeckius, argumentum implicatum magno opere et intricatum, quod refert Hyginus, ab Euripidis aliquo sectatore tractatum veri est simile admodum.

XL. Philocteta.

Quod Varronis d. l. lat. VII, 11 legitur „apud Accium in Philocteta Lemnio“, cum numquam alibi sic vocetur haec fabula neque de altero Accii constet Philocteta, illud „Lemnio“ ortum existimo ex eo quod mox sequitur „Lemnia praesto litora“.

Philocteta in Lemno insula exilium agens, donec per legatos Graecorum ad Troiam deduceretur, materiam praebuit tribus tragoediae graecae principibus. Quorum carmina comparavit inter se Dio Chrysost. orat. LII. Id. or. LIX Euripidem secutus paraphrasin praebuit sermonis inter Philoctetam et Vlixem, quem ignoraret ille, primum consorti. Porro extat Philocteta Sophoclis. Et aliis tragicis Graecorum materiam praebuere scribendi Philoctetae casus idem. Cf. Nauck. in Indice trag. graec. frgm. s. l. Φλοκτῆτης. Fuit etiam Φλοκτῆτης ἐν Τροίᾳ Sophoclis; eiusdemque argumenti carmen Achaei. Ceterum non tragici solum graeci, etiam comici usi sunt Philoctetae rebus, cuius de egestate et miseria. qua adeo eum ad muliebria patienda adactum erat. fama, ridicula commenti sunt.

Porro nec Aeschylum nec Sophoclem secutum videri Accium intellexere docti. At ne de Euripide quidem, quem primus huic fuisse exemplo suspicatus est Ios. Scaliger, satis certo constat. Nam quod Ribbeckius p. 377 statuit Hyginum, quem Euripide usum videmus fab. 102, etiam Accii tragoediam respexisse, nullo potest pacto probari.

Iam etsi quaedam in huius carmine bene possunt referri ad Euripideum, alia tamen discrepare manifestum est; dicendumque vel praeter Euripidem etiam Aeschylō et Sophocle (quorum tamen imitationis signa non comparent) contaminatione facta usum Accium vel potius eundem secutum, ut plerumque, poetam nobis ignotum scholae Euripideae, qui novandi studio ductus variaverit magistri sui carmen notissimum.

Igitur non mirum, quod cum Euripidis fabulae prologum pronuntiarit Vlixes, Accianae in principio laudes Vlixis relatas testatur Apuleius de deo Socratis cap. 24. Versus sunt hi:

inclute, parva prodite patria,
nomine celebri claroque potens,

pectore Achivis gentibu' ductor,
 gravi' Dardaniis gentibus ultor,
 Laertiadel

Vbi illud „pectore“ dictum pro „prudencia“ vel „sollertia“. Male quidam iunxere cum praecedente „claro“.

Iam eos verum vidisse existimo, qui anapaestica a pluribus auctoribus servata, quibus Lemnus insula celebratur, continuata eidem tribuere personae, totumque locum adhibitis priorum commentis ita fere concinnandum et refigendum:

inclute, parva prodite patria,
 nomine celebri claroque potens,
 pectore Achivis classibu' ductor,
 gravi' Dardaniis gentibus ultor,
 Laertiadel Lemnia praesto
 litora curva; et celsa Cabirum
 delubra tues, mysteria quis
 pristina cistis contacta sacris
 nocturno aditu occulta coluntur
 silvestribu' saepibu' densa;
 Volcania tum templa sub ipsis
 collibus, in quos delatu' locos
 dicitur alto ab limine caeli
 [venisse, patri defectu' suo,
 deu', qui fornacibu' duritiem
 mollit ferri. cuius fabricam et]
 nemus expirante vapore vides;
 unde igni' cluet mortalibu' clam
 divisus; enim doctu' Prometheus
 clepsisse dolo poenasque Iovi
 furti expendisse supremo.

Totum autem hoc anapaesticum Minervae tribuit G. Hermannus, quae oblata Vlxi modo advecto patefecerit insulae, ad quam appulsus erat, naturam. Cui frustra adversatur Ribbeckius. Nec enim in laudibus, quae Vlxi, cuius illam studiosissimam fuisse omnis testatur antiquitas, tribuuntur, quidquam inest, quod aut mortalis non capiat aut dedecet deam Eoque magis compellationi quantum posset fieri honorificentissimae hic erat locus. quod Vlives sola Minervae opera, quae in somniis ei visa erat, adductus est ut Philocteten, hominem

sibi infestissimum, cum eum Agamemnonis iussu exposuisset Lemni, temptaret. Quod autem Minerva autumat „dici“ delatum ad Lemnios Vulcanum, non est cur mirere famaë, fortasse falsae, tribui id, quod Iovi patri vel adeo Iunoni matri parum esset decorum; neque illo „cluet“ aliud quiddam significatur nisi communi omnium opinione ferri istam ignis adhibiti inter homines originem. His igitur minime demonstratur, quod putat Ribbeckius, mirifica quaedam in dea rerum divinarum ignorantia.

Nulla autem pacto carmen illud a Lemniis potuit efferri, cum praesertim Vlizes ore habituque mutatus insulam intrasset. Omnium vero minime crediderim, quod Ribbeckius statuit, Vlixis laudes illas a comitibus eius cantatas, tum intercepta, quibus de loco eum perscrutarentur, sequentia ab ipso veluti mystagogo ad edocendos socios prolata. Quae opinio ut per se nihil habet praeabilitatis, ita refellitur illis „tenes“ (nos cum Bergkio „tues“), „vides“, pro quibus pluralis poni debuit. Ceterum cum apud Aeschylum et Euripidem Lemni incolarum, apud Sophoclem Graecorum cum Vlize et Diomede advectorum fuerit chorus, in Accii fabula nullum omnino chori inventur vestigium.

In verbis cantici ut pauca tangam (iam enim ad finem propero), scripsi „litora curva“, ubi vulgo fertur „litora rara“, quod parum intellego, porro „contecta“ pro „concepta“, ubi Bergkio „consept“, quod et ipsum possit placere, quamquam statim subicitur illud „saepibus“. Ea quae sunt „nocturno—densa“, quamquam non tribuuntur Philoctetae aut Accio, recte tamen hoc loco reposita a doctis. Porro „templa“ antiquo modo dicta puto pro „ora“ vel „regione“. Versus unci inclusi a me additi.

Diomedes ab Euripide comes additus ac socius Vlixis. At apud Accium non magis in Philocteta quam in Neoptolemo inventur illius memoria, sive casu id factum, sive ab Accio exclusus est, quod putaret parum loci esse Diomedi, ubi astutia potissimum ac dolo esset agendum.

Deinde a Lemniis edocentur Graeci de Philocteta. In quibus potuere locum habere illa, quibus se Samothracen praeterisse navigando testarentur hi:

mystica ad dextram vada
praetervecti.

Cf. Ribb. pg. 380, qui quidem pessime coniecit verbis istis conti-

neri versum sapphicum. In descriptione Philoctetae miseris offerati fuere haec:

quem neque tueri contra neque affari queas.

Quae metro carent; nam nullo pacto credibile est in „affari“ ab Accio correptam primam. Et afferuntur verba a Macrobio Saturn. VI, 1, 55, cuius quanta sit in scenicis antiquissimis citandis vel negligentia vel ignorantia notum. Scripsere alii „contra neque fari“, alii „neque contra affari queas“. Venit ab Accio nisi fallor, „contra aut adfari queas“, priore „neque“ posito pro „ne—quidem“, ut in eiusdem poetae verbis „qui neque cuiatis esset umquam potuimus multa erogitantes sciscere“.

Deinde oblatu Vlixi, quem scilicet ignoraret, Philocteta. In verbo primum octonarii iambici (cf. Varro de l. l. VII, 11; Fest. pg. 356 l. tesca; Non. 469, 34), fortasse mixtis septenariis trochaicis (cf. Non. 179, 32), deinde senarii adhibiti. In commemorandis calamitatibus etiam hoc refert, quod Lemnos ut subiecta Thraciae (cf. Stat. Theb. V, 53), quam velut Sibiriam quandam propter gelu nimium saepe execrati sunt Graeci et Romani, frigoris minus patientes, omnino ad inhabitandum parum esset apta, ut:

sub axe posita ad stellas septem, unde horrifer

Aquilonis stridor gelidas molitur nives.

Cf. Ovid. Trist. V, 1, 61 sq.

Et memoria aerumnarum post tot annos tam fuit vivida, ut sub finem, puto, querelarum non dubitaret ultimam casuum suorum causam belli Troiani auctorem incusare:

Pari dyspari,

si impar tibi esses, ego nunc non essem miser.

In exodio miseriarum enarratarum videntur fuisse anapestica illa:

heu, quin salsis fluctibu' mandem
me ex sublimo vertice saxi?
iam iam absumor; conficit animam
vis vulneris, ulceris aestus.

Vbi codices Ciceronis Tuscul. II, 7, 19 (totus conferendus locus) habent fere „heu qui s. fl. mandet“, sequente m littera.

Deinde cum Vlizes de rerum graecarum statu edocuisset Philocteten, partim veris prolati, partim vanti, audito Achillis arma cessisse Vlixi ita proclamavit Philocteta:

heu (f. heus), Mulciber!

cur tua arma ignavo invicta es fabricatus manu?

Haec, quae apud Macrobiū VI, 5, 2 leguntur versu manco, supplevi addito „cur tua“; ubi „tua“ pertinet ad „manu“, quod verbum vix potest carere epitheto. Pro trimetris autem iambicis etiam potest reponi octonarius.

At apud Euripidem hic fuit ordo, ut primum de se referret Vlixes, dissimulans scilicet quis esset, deinde illectus Philocteta miseras suas panderet. Cf. Ribbeck. 386 sq.

Iam Euripides, qua erat fecunditate venae ad reperienda ea, quae convenirent altercationi rhetorica sophisticaque arte exornandae, praeter Graecorum etiam Troianorum induxerat legatos ad Philoctetam, qui amplissimis promissis adeoque regno oblato in partes perducerent eum, sine cuius sagittis Troia expugnari non posset. Atque hoc invento Accium usum demonstrant verba:

.. Phrygiam miti more esse, animo immani Graeciam.

Supplendum ut puta „disce“ vel „nosce“. Fuere illa oratoris Troiani, qui honores et praemia, quibus populares cumulaturi essent Philoctetam, compararet cum Graecorum crudelitate, qui inopem reliquissent Lemni.

Iam cum sit obscurum admodum, in Euripidis carmine quibus vis artibusque eum Vlixes cum Diomede adduxerint ad morem gerendum Graecis, nonnihilo adfertur lucis, si recte statuerunt docti (et est res valde probabilis) ex huius Philocteta petitis versus illos:

ὅπερ γε μέντοι παντός Ἑλλήνων στρατοῦ
αἰσχρὸν σιωπᾶν, βαρβάρους δ' εἶν λέγειν.

Nam haec verba facientibus apud Philoctetam Troianis ab eo qui adversaretur illis prolata apparet. Qui quidem non potuit esse Philocteta, ut statuit Ribbeckius. Nam quod Cicero (de or. III, 35, 141), ubi notum Aristotelis locum refert, scribit haec: „versumque quendam Philoctetae paulo secus dixit“ sive sic legeris, ut supra scriptum, sive ut aliis placet „de Philocteta“, non hominem significari apparet, sed carmen. Quod etiam confirmatur Quintiliani verbis (III, 1, 14), a quo respicitur Ciceronis locus. Nam eius sunt haec: „Aristoteles—noto quidem illo, ut traditur, versu ex Philocteta frequenter usus“. Igitur aut manca Ciceronis verba et hausta post „Philoctetae“ velut haec: „quo Vlixes (vel „Diomedes“) usus est,“ aut quod minus placet in sequenti-

bus „ille enim turpe sibi ait esse tacere, cum barbaros, hic autem, cum Isocratem pateretur dicere“ pro ille ponendum „Vlixes“.

Itaque verba illa, quod res ipsa suadet, aut Vlixis fuere aut Diomedis. Iam priorem versum consideranti satis videbitur probabile Vlixem, qui antea figura mutata et ignotus Philoctetae varia molitus esset, ut in partes traheret Philoctetam vel sagittis eius certe poteretur, ideoque et Agamemnonem et se ipsum apud illum probris et calumniantis insectatus, Troianis ad totius Graecorum exercitus convicia cohortis non temperasse, quin detecto arcano vera de se consiliisque suis profiteretur. Possis etiam Diomedem tribuere illa, quamquam in hoc minus potuit movere spectatores inopinata orationis libertas et simplicitas.

Finem fecit fabulae Euripideae pariter et Accianae ad Graecos deductus Philocteta, qui dum in navem aufertur verbis usus est hisce:

agite ac, vulnus nel (pro „ni“) succusset gressus, caute ingredimini.

Vbi nominativus est gressus.

Qua in re numquae deo ex machina fuerint partes non satis constat. Cf. Ribb. pg. 394.

Denique conferendum intitulum eorum, quae de incertarum fabularum reliquiis sunt dicta.

XLI. Phinidae.

Fuere incerti auctoris graeci Φινίδα; de qua tamen omnino non constat fabula. Cf. Ribb. pg. 541.

Iam cum duplex de Phineo Salmydessi in Thracia ad Pontum Euxinum rege vel, ut alii ferebant, Arcadiae (cf. Serv. in Aen. III, 209) fabula ferretur, altera qua eum post Cleopatram, priorem maritam, abdicatam et carcere inclusam, cum Idaeam duxisset, calumniis novercalibus inductum filios ex priore uxore vel excaecasse vel humi defossos usque ad medium corpus verberibus excruciasse, sed ab Argonautis regno delectum restitutum Cleopatra eiusque filii et Idaea obtruncata est traditum, altera qua eundem propter scelera supra dicta excaecatam et ab Harpyiis vexatum, sed ab Argonautis tandem liberatum (plura de his congesta a Ribbeckio pg. 536 sqq.), Acciano carmine priorem tractatam apparet e versu a Nonio 84, 28 servato, qui cum ante editionem nostram vitiosissimus ferretur, ex memoria codicis optimi nulla paene mutatione facta ita est restitutus:

quaeve hanc Graio tibi congenerat gentum aut generum
adfnitas?

Quae apparet ab uno ex Argonautis dicta, fortasse ab Hercule vel, quod propius abest a fide, a Zete vel Calai, quorum mater erat Orithyia, Erechthei, Atticae regis, filia, pater Boreas, ut Cleopatrae, cum merito esset miraculo, quod Phineus, homo Graëcus, duxisset Idaeam ex Phrygum sive, ut alii narrant, Scytharum gente ortam. Nam illud „congenerat“ pro „adiungit“, „adsociat“ dictum testatur Nonius.

Ex his autem apparet Phinea, vel quod Arcadiae regem fuisse referrent quidam vel quod Cadmi, qui Thebas condidit seu frater esset seu fratris filius (nam Agenoris vel filii huius Phoenicis filium perhibebant), dictum Graecum, vel potius, quod antiquissimi incolae Thraciae, multum diversi illi ab insecutis, semper pro popularibus habiti sunt a Graecis, qui adeo cultus proprii initia ad Orphea rettulere Thracem.

Deturbata uxore priore videtur in Phinei regno (id quod saepe post scelera patrata factum fabulae narrant) infecunditas orta eaque causa facta Idaeae stimulandi maritum, ut in Cleopatram eiusque liberos saeviret, quod diceret veneficis illius calamitatem ortam, si modo recte restitutus est versus, qui legitur ap. Non 20, 26:

sementim (cdd. „sevenis“) sterilem esse illius opera et medicina autumans.

Parum certe elegans puto, quod Ribbeckius posuit „se venenis sterilem“; quod quidem perinde ad Idaeam referendum censuit.

Versum, qui est:

at (cdd. „ut“) saepe ex humili sede sublima evolat, minime, ut Ribbeckio placuit (pg. 542), de Harpyiis accipiendum existimo, sed dictum de mente Cleopatrae vel filiorum eius, qui magnitudine animi firmati et innocentia sua freti humanos casus, ut infra se positos, spernerent. Similia saepe de mente vel animo (sive anima) reperiuntur in Ciceronis libris de philosophia.

Verbis illis:

salsis cruorem guttis lacrimarum lavit
omnino existimo significari luctum Phinei de interfecta Idaea dolentis; quamquam parum id probabile videtur Ribbeckio.

Quod ad relicua fragmenta, eis quae sunt:

obtorque prorim ac suppa tortas copulas;
tacite tonsillas litore in lecto edite

Argonautarum adventum describi apparet. Cf. Ribb. pg. 541. Ana-
paestica, quae leguntur apud Non. 504, 32; 463, 13, ad terrores
maris, quos vel experti erant idem vel experturi, rettulerim; et qui-
dem alteram, quod nondum emendatum (cf. comm. in 463, 13 sqq.),
ad Symplegadam saxa. Harpyiarum ac notae Phinei poenae apud
Accium mentio nulla. Quarum fabula cum una cum superiore non
potuerit in eodem carmine tractari, hunc existimo finem fuisse tra-
goediae, ut punita Idaea et restitutis filiis eius gravior poena con-
donaretur Phineo, quia Symplegadam ad pericula vitanda ducem se
daturum Graecis promitteret et consilia suppeditaret.

XLII. XLIII. Phoenissae. Thebais.

Pro „Phoenissis“ saepe scriptum „Phoenisis“. Extant Phoenissae
Euripidis, quas liberius, ut solebat fieri, secutum esse Accium proba-
bile est.

Chorus apud Euripidem virginum fuit Phoenissarum, id est Tyria-
rum, quae Delphos missae casu devertissent Thebas. Eius etiam apud
Accium quasdam fuisse partes declaratur ipso titulo.

Igitur cum Oedipus destinasset (non, ut Euripides dicit, ipsi), ut
vicissim regnum Thebarum gererent Eteocles et Polynices filii (cf. Non.
pg. 185 s. l. vicissitatem; ubi fortasse non trimeter iambicus, sed
pars septenarii trochaici, statim ut continuanda sint quae leguntur
apud eundem pg. 101 s. l. dividuae), Polynices, quod a fratre anno
exacto fraudaretur imperio simulque se virtute putaret priorem, pa-
triae bellum intulit. Nam eius haud dubie fuere illa, quae in colloquio
cum Eteocle videntur fuisse posita (cf. Ribb. 479; Non. 416, 9;
481, 30):

num pariter videor patris vesci praemiis?
natus virtute sceptrum poteretur patris.

Vbi „vesci“ pro praeterito dictum apparet; „poteretur“ videtur esse
optantis.

Ad mitigandos filiorum spiritus belli civilis fraternique horrores
sic puto descripsisse Iocastam:

ibi fas, ibi cunctam antiquam castitudinem;
scil. videas perire.

De Haemone, maiore ex Creontis filiis, ex quibus alter ad victo-
riam optinendam vitam suam deberet offerre pro patria, intellegenda
perspexit Ribbeckius illa:

ab dracontis genere armato exortus, genere antiquior

Cf. Non. 426, 35 l. antiquior, melior; ubi nescio an legendum sit: „antiquior, maior“.

Creontis post victoriam partam ad Antigonem vel Haemonem (qui quidem non inter personas Euripideas) videntur esse haec:

obi nunc nostra moenia, omnis saucios
convisito, ut curentur diligentius.

Cf. Ribb. pg. 481; comm. in Non. 398, 3.

Quae restant fragmenta, adhibita Euripidis fabula recte explicata a Ribbeckio.—Thebaida quod eandem atque Phoenissas existimavit Welckerus, non possum probare. Nam ut omittam a Nonio eodem capite, quo unica huius fabulae mentio continetur, identidem citari Phoenissas, certa duplicis tragoediarum Accii tituli non extant exempla nisi duo „Stasiastae vel tropaeum Liberi“, „Aeneadae vel Decius“. In quibus alterius inscriptionis vel ab Accio vel a grammaticis adiectae hanc apparet fuisse causam, quod prior esset talis, ex qua argumentum nullo pacto posset nosci. Igitur propria ac singularis earum ratio.

Versus servati sunt hi (Non. 144, 14):

qui ubi ad Dircaeum fontem adventunt, mundule
nitidantur vulgum quadripedantum sonipedum.

Quae de eis, qui arma illaturi essent Thebanis, dicta apparet. Sed utrum prior τῶν ἐπιτὰ ἐπὶ Θήβας an Epigonorum significetur expeditionis non compareret.—Ceterum conferenda, quae de Epigonis a nobis dicta cap. XXIV. XXV.

XLIV. Stasiastae vel tropaeum Liberi.

Tradunt grammatici, illud στασιαστῆς recentioris esse usus, cum ab Atticis dicatur στασιώτης. Cf. Ribb. pg. 576. Sed utrum Alexandrini temporis aliquem auctorem secutus sit Accius, quae Ribbeckii est opinio, an mutaverit inscriptionem ex more aetatis suae discerni nequit. — Ad insidias a Lycurgo Thraciae rege Baccho structas refert Ribbeckius (fuit etiam Naevii Lycurgus). Sed illae quomodo potuerint tractari fabula, cui Stasiastarum fuerit nomen, non intellegitur. — Igitur propius a fide existimo partem Indicae Bacchi expeditionis, quae post Alexandri Magni tempus potissimum celebrata est fabulis poetarum, tumultuantiumque fide laesa vel Indorum vel ipsius comitum res descriptas hac tragoedia; qua quidem res bellicas tractatas demonstrant quae prostant fragmenta quattuor numero.

XLV. Telephus.

Fuit Euripidis notissima de Telepho tragoedia; quam secutus est Ennius. — At alium auctorem observatum ab Accio probatur ea re, quod apud hunc Telephus inducitur pauper et mendicus non per dissimulationem, ut insidias vitaret Graecorum, quorum castra adire destinarat oraculo coactus, sed expulsus a suis et ex rege factus exul. Cf. Ribb. pg. 344 sq.—Ceterum et Aeschylus et alii de Telepho composuere tragoediam.

Sed dolendum, quod eis, quae servata sunt ex carmine Acciano, parum iuvamur ad pernoscendum fabulae decursum neque comparet, quibus rebus ei cum tragoedia Euripidea vel Enniana convenerit, quibus non, excepto quod etiam in eo miserandum Telephi habitum cultumque, animo tamen non fracto, cum cura descriptum versibus probatur nonnullis.

In prologo haud dubie fuere illa:

quantam Tyndareo gnata ec Menelai domu
i: olem excitarit belli pastorque Ilius.

Vbi male vulgo „et Menelai domus.“—Illud „domu“ pro „domo.“—Praecessit ut puta „notumst nimis“.

Graecos ex Mysia rursus revector in patriam Argisque desidentes, donec iterum expeditio instituat Troiana, notant anapaestica haec, quibus querelae contineri videntur Achillis:

iam iam stupido Thessala somno
pectora languentque senentque.

Comparari potest, quod Catullus posuit de phaselo:

nunc recondita
senet quiete.

Ad eundem continendum dicta illa, quae Vlixī tribuit Ribbeckius pg. 346:

studiumque iteris reprime.

Telephi regno delecti fuere verba, quae imitatus est Vergilius Aen. II, 79 sq.:

. . nam si a me regnum Fortuna atque opes
eripere quit, at eadem virtutem nequit.

Sic enim inferiora videntur scribenda. Codd. haec fere: „eripere quit, at virtutem nequit“.

Ditius iam delituisse Telephum mendici habitu inter Graecos demonstrant illa:

qui neque cuiatis esset umquam potuimus
multa erogitantes sciscere.

Quibus proxima fuere ea quae sunt:

profecto hauquaquam mediocris ortus satu.

Suspiciatus quidam ex Graecis hanc ipsam fuisse causam, cur mendici specie lateret ille:

nam is demum miser est, cuius nobilitas miserias
nobilitat.

Tum originem suam et rerum statum patefecit Telephus. Qui vulnere ab Achille illato se impeditum, quominus Graecos victos ad interuentionem caederet, significare videtur versu hoc:

fluctus cruoris volverentur tum (om. cdd.) mihi.

Quid autem secuti sint consilii, de quibus loco ter a Nonio citato dicta haec:

. . . remisque nixi properiter navem in fugam
transdunt subter saxa ad laevam, qua mons molliat mare.

equidem me ignorare fateor. Certe vanus est Ribbeckius, qui de fuga unius ex Graecis a Telepho in naves compulsis accipienda putat pg 347 sq.; quem quidem latuit a Nonio 307, 31 asseri, illud „fugam“ pro navigatione poni. In quo etiamsi eum potuit fallere sententia, tamen auctor, quo usus est, non facile hunc errorem fuit commissurus, si antecessisset apud Accium hostium fugatorum mentio. — Potius quendam ex Graecis circa Argos stationem agentibus significari existimo. Sed quaenam fuerit huic causa deducendi navem obscurum.

Reliqua fragmenta maximam partem satis aperta et probabiliter explicata a Ribbeckio.

Finem fabulae fecit haud dubie liberatus vulnere et a Graecis, quorum comitaturus esset expeditionem, in regnum restituendus Telephus.

XLVI. Tereus.

Fuit Sophoclis Tereus; quem quin secutum existimes Accium nulla est causa. Etiam Philoclis apud Graecos, Livii apud Romanos fuit Tereus.

Fabulae talem fere fuisse decursum, qualem videmus in Ovidii

narratione luculentissima (Metam. VI, 421 sqq.), a qua differt pluribus Hyginus fab. 45, probabiliter statuit Welckerus.

Tamen dubites iure, an nulla apud Sophoclem truncatae a Tereo linguae sororis Procnes extiterit mentio. Nec enim persuadere mihi possum Philomelae in carminibus Sophoclis et Accii non fuisse partes nisi κρηφὸς προσώπου. — Et potuit facile acquiescere his poeta, ut diceret illam post vim illatam a Tereo, ne patefieret facinus, in Thracia latebris clausam et saepe denuo stupratam. Cf. Ov. 519—562.

Itaque nihil obstat, quin illa:

atque id ego semper sic mecum agito et conparo,
quo pacto magnam molem minuum miseriae (om. cdd.)

a Philomela initio fabulae prolata existimes, quo consilia a se iniri demonstraret certiolem faciendi de rebus suis sororem.

Ad scelus Terei spectant, quae leguntur ap. Non. pg. 279 s. l. „deponere est desperare“. Quibus Procnen edoceri per nuntium de Philomela satis apparet.

Bacchi sacris usam Procnen ad revisendam sororem, quod Ovidius adserit, demonstrat versus ad illam dubitantem, quo modo perliceret coepta, datus:

deum Cadmigena natum Semela adfare et famulanter peto.

Quibus iubetur Bacchum rogare auxilium; cf. Non. 463, 24.

Ibi etiam in laudem dei matrisque eius posita videntur haec:

feminam nobilitas late ex stirpe praeclara evagat;

i. e. „feminae sortem multum excedit“; cf. comm. in Non. 467, 36.

Ad receptam post tantos casus Philomelam pertinere puto haec:

o suavem linguae sonitum! dulcitas

conspirat animae;

ubi „conspirat“ idem quod „congruit“.

Iam antequam ultionem perpetraret, diverbium instituisse cum coniuge Procnen, sicut apud Pacuvium fecit Iliona post filium Polymestoris scelere obruncatum, declarant illa:

video ego te, mulier, more multarum utier,

ut vim contendas tuam ad maiestatem viri;

nisi haec ab amico Terei dicta existimaris ad deterrendam eam; cf. Ribb. pg. 580 sq.

Immanitatem Thracum perstringi a Procne eaque proprium facinus excusari apparet hoc versu (cf. Ribb. pg. 582):

alia hic sanctitudost, aliud nomen ac numen Iovis.

Itym ab Accio ut a Livio (cf. Non. 153, 27) describi etiamtum infantem, aliter atque fecit Ovidius, demonstrat id quod est:

sed nisi clamaris regem, auferre puerum ab regina occupo.

Nam sunt verba frustra temptantis servare vitam eius. Atque huius, quisquis fuit, satis constat adventum subitum indicari octonario aequae iambico tali:

novos advena animo audaci in medium proripit sese ferox.

Cf. comm. in Non. 425, 25.

Finem fabulae fecere mutati in aves Tereus cum Procne et Philomela. Sed ex hac parte nihil servatum.

XLVII. Incertarum fabularum reliquiae.

Restant pauca, quae de incertae sedis fragmentis sint dicenda.

I.

Ex quibus quaedam ad Heraclidas Accii vel similis argumenti traegodiam a Ribbeckio relata rationibus non satis certis. Nam quae ap. Cic. de nat. deor. III. 16, 41 feruntur „in monte Oetaeo illatae lampades“ et „in domum aeternam (melius erit „aetheriam“) patris“, cum haud dubie sint Acciana, potuere locum habere in Philocteta, qui Herculis exequiis adfuerat. — Qui apud Prisc. pg. 752 est versus initio mancus „quorum genitor fertur esse ops gentibus,“ quamquam ad Herculis filios spectat, tamen non est tanti, ut rem conficiat. Gravius illud, quod testatur Festus pg. 258 Accium Athenas vocasse „quadrurbem“, sicuti Euripides Heracl. 80 dixit de isdem τετράπολιν ξήνοικον—λαόν. Ex quo, certe apparet Accium et ipsum studiosissimum fuisse Euripidis, de qua re etiam aliunde constat, et inelegantia componendi verba interdum non cessasse Pacuvio.

II.

Serv. Daniel. in Aen. I, 42: nam de Iunonis fulmine Accius ait „praefervido fulgore ardor iniectus Iunonis dextra ingenti incidit“.

In his ultima bene restituta a Buechelero sic:

ardor iniectus Iunonis dextera ingenti incidit.

In prioribus Servium, ut saepius factum, memoria labi existimo; nec enim adduci possum ut credam Accii esse adiectivum „praefervi-

cus*, quod ut languidum est nimis, ita primum apud Livium omninoque invenitur rarissime. Igitur tale fere ab eo venisse puto: „fervido cum fulgure“ vel potius: „fervidus cum fulgure“; cf. Lucr. V, 204; 1099. Nam fulguris potius quam fulgoris notionem requiri adsentior Ribbeckio.

III.

Schol. Bernens. in Verg. Georg. I, 502: Accius docet „Iuppiter Dardanum genuit, Dardanus Troum, Trous Assaracum et Ilium Ganymedelemque; Capis ex Assaraco satus, qui statuit Pergamum; Laomedon Priamum et Anchisem edidit“.

Haec, quae paene eadem leguntur in scholiis Lugdunensibus a Suringario Hist. crit. scholiast. Latin. II, 347 editis, interpolata pariter et truncata, Hageni partim et Ribbeckii, partim nostra opera ita fere in versus cogenda existimo:

Iovi' Dardanum progenuit; Troem Dardanus,
Assaracum Tros et Ilium et Ganymedem creat;
Capis ex Assaraco est: rapuit Ganymedem Iovis;
Ilo Laomedon satu', qui statuit Pergamum;
Laomedon Priamum, Capis Anchisen edidit.

In quibus a Ribbeckio, apud quem locus citatus habet numerum III, hoc maxime dissentio, quod, antiquissimorum Romanorum secutus usum, pro Ganymede Catamitum, pro Laomedonte Alumentum reposuit. At ab Accio, quem primum „Hectōra“ dixisse constat pro „Hectōrem“ aliaque protulisse graecanice, quae priores Romani latine, cascās illas formas omnino arcendas existimo. Quare neque „Anchisen“ accusativum tribuere ei dubitavi neque admittere sustinui illa „Troem“, „Trous“, quippe quae scholiastae magis proprii temporis a barbarie quam Accii ab usu petita existimarem.

Ceterum stemmate apposito fit probabile ad Accium etiam referendos incerti auctoris versus a Quintiliano IX, 3, 57 et qui usus est hoc Diomede pg. 443 P. servatos:

ex Iove prognatus est, ut perhibent, Tantalus,
Pelops ex Tantalo ortus, ex Pelope est satus
Atreus, qui nostrum porro propagat genus.

In quibus „ex Iove prognatus“ („e Iove progn.“ Buechelerus) ita dictum, ut in sequentibus „Pelops ex Tantalo ortus, ex Pelope est satus“. „Iove propagatus“, quod e tertio versu irrepsit, legitur fere in

libris Quintilian, in Diomedis „Iove propugnatus“. — Porro in secundo versu per chiasmi figuram iuncta cum praecedentibus et sequentibus reposuit illa:

Pelops ex Tantalò ortus, ex Pelope est satus.

Vbi Quintilian libri „ex Tantalò ortus Pelops, ex Pelope autem satus“, omittunt „autem“ Diomedis. Nec enim ullo pacto adduci possum ut credam illud „Pelops“ a quoquam vetustissimorum tragicorum atinorum, nedum ab Accio omnium cultissimo, elatum per pyrrichium.

IV.

Fest. pg. 142 Accius: „cum virginali mundo (i. e. ornatu) clam patre“ (tum lacuna).—Cf. de his comm. in Non. 267, 19. — Omnino scribendum existimo „clam patrem“.

V.

Quod sub n. XLI dicit Ribbeckius in excerptis ex anonymo grammatico ap. Ang. Matium auctor. class. V, 151 referri ab Accio pariter atque Pacuvio Naevioque usurpari nominativum Iovis, Pompeius potius nominandus fuit auctor. Nam ex huius libro (gramm. lat. V, 187) haec transcripta, isque ab ipso citatus Ribbeckio in Pacuvii incertarum fabularum fragmentis s. n. LX.

At mihi excusandum, quod illud „Iovis“ in editione scenicarum Naevis carminum reliquiarum est praetermissum (sicut etiam a Ribbeckio). Nam haud dubie ex tragoediis illud petitum. Item dolendum quod versiculus ibi omissus hic (cf. Macrob. Saturn. VI, 5, 8):

cum tuis sagittis arquitebens pollens dea.

Ceterum „Iovis“ nominativus ex Accii Epinausimache adfertur a Prisciano pg. 695

VI.

Subtrahendum fragmentis Accii septenarium trochaicum a Cic. Tuscul. I, 44, 105 servatum (XIII ed. Ribb.):

immo enim vero corpus Priamo reddidi, Hectorem abstuli iam supra, sub n. XXVI, est monitum. — Neque magis sunt huius, quae citantur apud Varronem de l. lat. VI, 80 (XXXV ed. Ribb.); ubi legendum: „et anticum illud:

ollim violavit (sc. aspectu), quum vidit invidendum“

ed. Lucilii pg. 320 est adnotatum. Ibi „invidere“ positum est pro „non videre“; „invidendum“ pro eo quod nulla vi oculorum debet attractari. Cf. quae praecedunt apud Varronem. Agitur de mysteriis. Tragici nescio cuius puto esse verba.

Haec fuere quae de Accio nunc quidem mihi viderentur dicenda, non quidem ut omnia persequerer, de quibus disputandi materiam post priorum criticorum commenta putarem relictam, sed ut potissima. Quodsi his adiunxeris, quae in libello de Pacuvii fabulis priore anno, item superioribus in editionibus Livii Naeviique et Ennii fabularum sunt proposita, haud inutile supplementum libri, quo argumenta poetarum tragicorum, apud Romanos qui fuere Augusto priores, rimatus est Ribbeckius, poterit videri. Nec tamen ignoro in nostris quoque disputationibus inveniri haud pauca parum certa, ac satis multa in carminibus antiquissimorum tragicorum latinorum partim propter exiguitatem reliquiarum, ut corruptelas frequentissimas ac saepe gravissimas omittam, partim propter exemplarium graecorum defectum etiam nunc manere obscura et quae an numquam possint expediti iure dubites. Sed ubi veri extricandi facultas nulla, ea maxime sectanda, quae similia veri ac magis probabilia videantur ceteris.

Dab. Petropoli.

L. Mueller.

КЪ ИСТОРИИ ГОРОДА ОЛЬВИИ.

Въ „Исслѣдованіяхъ объ исторіи и государственномъ строѣ города Ольвии“, помѣщенныхъ на страницахъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія три года тому назадъ (1887, январь—апрѣль, отдѣлъ класс. филологіи) и затѣмъ вышедшихъ отдѣльнымъ изданіемъ мною былъ подвергнутъ (на стр. 66 сл.), между прочимъ, всестороннему разбору знаменитый декретъ ольвиополитовъ въ честь гражданина Протогена, сына Просонтова, яркими красками рисующій картину политической и экономической упадковъ Ольвии и ея безпомощности предъ грозившимъ нашествіемъ галатовъ. Вопросъ о томъ, какіе это были галаты, занималъ многихъ ученыхъ, начиная отъ Мальтъ Бренна и Рауль Рошетта и кончая Диттенбергеромъ, и рѣшался ими различно. Рассмотрѣвъ взгляды, существующіе въ наукѣ по этому вопросу, я присоединился къ мнѣнію Шмидта, что въ документѣ упоминаются галаты Комонторія, основаннаго во Фракіи могущественное царство, существовавшее отъ 280 до 213 г. до Р. Хр., и что, стало быть, документъ относится къ III в. до Р. Хр. При этомъ я (на стр. 83 сл.) обратилъ вниманіе на рядъ ольвійскихъ эпиграфическихъ памятниковъ, по большей части впервые изданныхъ мною въ I томѣ *Inscriptions sept. Ponti Euxini* и стоящихъ въ болѣе или менѣе близкой хронологической связи съ документомъ, касающимся Протогена. Указавъ на эту связь и на тѣ основанія, по которымъ можно было отнести эти документы къ III в. до Р. Х., я тѣмъ не менѣе долженъ былъ говорить, что „къ сожалѣнію, ни въ одномъ изъ нихъ нѣтъ такихъ данныхъ, которыя бы прямо и ясно указывали на время его происхожденія“. Въ настоящее время я съ особеннымъ удовольствіемъ могу указать на одинъ, такъ-сказать, хронологическій гвоздикъ, къ которому можно прицѣпить одинъ изъ этихъ ольвійскихъ документовъ,

4. ΕΔΟΞΕΝΤΕΙΒΟΥΛΕΙΚΑΙΤΑΙΔΗΜΑΙΑΝΤΙΓΟΝΟΣ
 ΧΑΡΙΣΤΙΟΥΕΙΠΕΝΕΓΓΙΔΗΤΡΟΣΙΑΓΟΣΔΙΟΝΥΣΙ
 ΟΥΟΛΒΙΟΥΤΟΛΙΤΗΣΑΝΗΡΑΓΑΘΟΣΩΝΔΙΑΤΕΛΕΙ
 ΠΕΡΙΤΕΤΟΙΕΡΟΝΚΑΙΤΟΝΔΗΜΟΝΤΟΝΔΗΛΑΙ
 5. ΩΝΚΑΙΧΡΕΙΑΣΤΑΡΕΧΕΙΤΑΙΚΑΤΚΟΙΝΕΙΤΕΙ
 ΠΟΛΕΙΚΑΙΙΔΙΜΑΙΤΟΙΣΕΝΤΥΓΧΑΝΟΥΣΙΝΑΥ
 ΤΩΙΤΩΜΠΟΛΙΤΩΝΞΙΣΑΝΤΙΣΑΥΤΟΝΤΑ
 ΡΑΚΑΛΕΙΔΕΔΟΧΟΑΙΤΕΙΒΟΥΛΕΙΚΑΙΤΩΙΔΗ
 10. ΜΩΙΕΠΑΙΝΕΣΑΙΡΟΣΙΔΕΛΟΝΔΙΟΝΥΣΙΟΥΟΛΒΙ
 ΟΤΟΛΙΤΗΝΚΑΙΕΙΝΑΙΑΥΤΟΝΤΡΟΞΕΝΟΝΤΟΥ
 ΙΕΡΟΥΚΑΙΔΗΛΙΩΝΚΑΙΑΥΤΟΝΚΑΙΕΚΓΟ
 ΝΟΥΣΚΑΙΕΙΝΑΙΑΥΤΟΙΣΓΗΣΚΑΙΟΙΚΙΑΣΕΓΓΡΤΗΣΙ
 ΚΑΙΠΡΟΣΘΟΝΤΡΟΣΘΟΝΤΡΟΣΤΗΝΒΟΥΛΗΝΚΑΙ
 15. ΤΟΝΔΗΜΟΝΠΡΩΤΟΙΣΜΕΤΑΤΑΙΕΡΑΥΤΑ
 ΧΕΙΝΔΕΑΥΤΟΙΣΚΑΙΤΑΛΛΑΝΑΝΤΑΟΣΑΔΕΔΟ
 ΤΑΙΤΟΙΣΑΛΛΟΙΣΤΡΟΞΕΝΩΝΚΑΙΕΥΕΡΓΕ
 ΤΑΙΣΤΟΥΤΕΙΕΡΟΥΚΑΙΔΗΛΙΩΝΑΝΑΓΡΑΦΑΙΔΕ
 ΤΟΔΕΤΟΥΗΘΙΣΜΑΤΗΜΜΕΜΒΟΥΛΗΝΕΙΣΤΟΒΟΥ
 20. ΛΕΥΤΗΡΙΟΝΤΟΥΣΔΕΙΕΡΟΤΟΙΟΥΣΕΙΣΤΟΙΕΡΟΝ
 ΕΙΣΣΤΗΛΗΝΝΙΚΑΝΩΡΝΙΚΑΝΟΡΟΣΕΠΕΦΗΘΙΣΕΝ

и вмѣстѣ съ нимъ декретъ въ честь Протогена. Этотъ гвоздикъ найденъ не въ Ольвii, а на островѣ Дилосѣ, гдѣ, конечно, трудно было предполагать его существованiе.

Въ числѣ находокъ, слѣданныхъ на Дилосѣ въ 1886 году при раскопкахъ, произведенныхъ членомъ французской археологической школы въ Афинахъ, г. Фужеромъ (Gustave Fougères), оказался декретъ о проксенii, дарованной дилосцами ольвиополиту Посидею Дионисиѳу, изданный тѣмъ же ученымъ въ мартовской книжкѣ журнала Bulletin de correspondance Hellénique за 1889 годъ, стр. 236, строчными буквами. Небольшая бѣломраморная плита (выс. 0,56 м., шир. 0,26, толщ. 0,065), на которой вырѣзанъ декретъ, найдена разбитою на три куска, но отъ этого разбитiя пострадалъ лишь другой декретъ, вырѣзанный на нижней части плиты, тогда какъ вырѣзанный сверху декретъ въ честь Посидея сохранился цѣликомъ и безъ всякой порчи. Въ виду интереса этого декрета для исторiи Ольвii, я нахожу нужнымъ перепечатать здѣсь полную его копию по эстампажу, съ величайшею любезностью присланному мнѣ г. Фужеромъ по просьбѣ, обращенной къ нему чрезъ посредство А. Н. Щукарсва. Особенности письма декрета отмѣчены г. Фужеромъ въ слѣдующихъ словахъ: „Les lettres sont petites, grasses et un peu ornées; la gravure rappelle celle des comptes des hiéropes. Les E ne portent pas la bagge mediane“. Изъ вариантовъ его копiи, кромѣ двухъ неважныхъ описокъ или корректурныхъ недосмотровъ, слѣдуетъ отмѣтить, что имъ даны цѣликомъ послѣднiя буквы строкъ 12-й и 14-й и буква T слова μετὰ въ той же (14-й) строкѣ, совершенно незамѣтныя на эстампахѣ.

- 1 Ἐδοξεν τεῖ βουλευτῇ καὶ τῷ δήμῳ. Ἀντίγονος Χαριστίου εἶπεν· Ἐπειδὴ Ποσίθεος Διονυσίου Ὀλβιολίτης ἀνὴρ ἀγα(θ)ὸς ὦν διατελεῖ περὶ τὰ ἱερὰ καὶ τὸν δῆμον τὸν Δηλίον καὶ χρεῖας παρέχεται καὶ κοινῇ τεῖ πόλει καὶ ἰδίαι ταῖς ἐντοχάουσι αὐτῷ τῷ πολιτῶν εἰς ἃ ἂν τις αὐτὸν παρακαλεῖ, δεδότη(θ)αι τεῖ βουλευτῇ καὶ τῷ δήμῳ ἐπαινεῖσαι Ποσίθεον Διονυσίου Ὀλβιολίτην καὶ εἶναι αὐτὸν πρόξενον τοῦ ἱεροῦ καὶ Δηλίων καὶ αὐτὸν καὶ ἐχθόνους καὶ εἶναι αὐτοῖς γῆς καὶ οἰκίας ἔχτησ[ιν] καὶ πρόσδοον <πρόσοδον> πρὸς τὴν βουλήν καὶ τὸν δῆμον πρώτοις με[τ]ὰ τὰ ἱερά, ὑπά[ρ]-

15. χειν δὲ αὐτοῖς καὶ τὰλλα πάντα ὅσα δέδο-
ται τοῖς ἄλλοις προξένοις καὶ εὐεργέ-
ταις τοῦ τε ἱεροῦ καὶ Δηλίων· ἀναγράψαι δὲ
τόδε τὸ ψήφισμα τῆμ μεμ βουλὴν εἰς τὸ βου-
λευτήριον, τοὺς δὲ ἱεροποιούς εἰς τὸ ἱερὸν
20. εἰς στήλην. Νικάνωρ Νικάνορος ἐπέψφισεν.

Итакъ, читатели видятъ предъ собою самый обыкновенный декретъ о проксеиѣ, ничѣмъ особеннымъ не отличающійся отъ массы другихъ подобныхъ декретовъ, много разъ и на разные лады разбившихся учеными ¹⁾. Но для исторіи Ольвіи онъ представляетъ значительный интересъ 1) тѣмъ, что свидѣтельствуетъ о мирныхъ сношеніяхъ Ольвіи съ Дилосомъ и притомъ на столько оживленныхъ, что дилосцы сочли нужнымъ имѣть въ Ольвіи своего проксена ²⁾, 2) своими хронологическими указаніями. Дѣло въ томъ, что время этого декрета можетъ быть опредѣлено довольно точно. Какъ уже замѣтилъ г. Фужеръ въ своемъ краткомъ комментарий къ надписи, авторъ предложенія Антигонъ Харистіевъ— навѣрное то самое лицо, которое дважды упоминается въ изданномъ г. Омоллемъ ³⁾ огромномъ отчетѣ дилосскихъ іеропоевъ года архонта Димара, котораго издатель отчета, на основаніи весьма вѣскихъ данныхъ, ставитъ около 180 г. до Р. Хр. ⁴⁾. Стало быть, Антигонъ и Посидей ольвіополитъ жили приблизительно въ 1-й четверти II в. до Р. Хр. Съ другой стороны, этотъ Посидей съ неменьшею вѣроятностью можетъ быть

¹⁾ Новѣйшее сочиненіе о проксеиѣ—*Paul Monceaux, Les proxénies Grecques, Paris. 1886.*

²⁾ О сношеніяхъ ольвіополитовъ съ другими еллинскими городами см. въ нашихъ „Исслѣдованіяхъ“, стр. 221 сл.

³⁾ *Bull. de corr. hell.* VI, стр. 20, строка 155: Καὶ τότε ἄλλο ἀργύριον εἰσῆχει τῶ: θεῶ: τελεῶν... τοῦ [λιμένος πα]ρὶ Ἀντιγόνου τοῦ Χαριστίου ΔΦ. Стр. 28, tranche, строка 20 сл.: Ἐγγράφομεν... καὶ Ἀντίγονον Χαριστίου καὶ τοὺς ἐγγύους ὡ: ἕλαστον ἀπέδωκεν τοῦ τέλους τοῦ λιμένος ΔΦ|||]. Безъ сомнѣнія, этотъ же Антигонъ поставилъ статую своего отца, на сохранившемся пьедесталѣ которой читается слѣдующая надпись, изданная Омоллемъ въ *Bull. de corr. hell.* V, стр. 465, и затѣмъ *Lévi, Inschr. Griech. Bildhauer, № 209: Ἀντίγονος τὸν πατέρα | Χαριστίου τοῖς θεοῖς. | Θέων θεῶνος ἐπέψφισεν.* Письмо этой надписи, судя по факсимиле, данному въ изданіи *Lévi*, очень сходно съ письмомъ нашего декрета, которое въ свою очередь, по вышеприведеннымъ словамъ г. Фужера, напоминаетъ письмо отчетовъ іеропоевъ.

⁴⁾ *Bull. de corr. hell.* VI, стр. 56. Ср. *Homolle, Les archives de l'intendance sacrée à Délos.*

отожествленъ съ тѣмъ, который вмѣстѣ съ братомъ Агротомъ поставилъ въ честь отца своего Діонисія статую, нѣдесталь которой сохранился до нашего времени съ надписью, изданною впервые въ моемъ сборникѣ подъ № 106:

Ἀγρότας καὶ Ποσίδεος οἱ ἀδελφοὶ
τῷ πατέρα Διονύσιον [Ἀπ.] ὄλωνι
Δελφίνῳ ἱερησάμενον.

При изданіи надписи въ сборникѣ я замѣтилъ, что характеръ ея письма указываетъ на время не поздѣе III в. до Р. X.; и дѣйстви-тельно, этотъ памятникъ несомнѣнно древнѣе дилосскаго декрета, такъ какъ онъ поставленъ Агротомъ и Посидеемъ еще въ молодости, при жизни ихъ отца, тогда какъ въ дилосскомъ декретѣ мы видимъ Посидея уже самостоятельнымъ гражданиномъ, неоднократно оказы-вавшимъ услуги дилосцамъ и обладающимъ потомствомъ, къ кото-рому должно было перейти дарованное ему дилосцами право проксеніи.

Такимъ образомъ наше мнѣніе о времени надписи № 106 вполне подтвердилось дилосскимъ декретомъ. Далѣе, въ каталогѣ ольвійскихъ гражданъ, изданномъ въ нашемъ сборникѣ подъ № 114, записаны Διονύσιος Ἀγρότου и Ἦρωδῶν Πρωτογένους, изъ коихъ первый, можно сказать почти навѣрное, былъ именно тѣмъ лицомъ, въ честь кото-раго была поставлена сыновьями статуя, а второй, по всей вѣроят-ности,—отецъ знаменитаго Протогена (ср. Изсл., стр. 84 сл.). Стало быть, Посидей Діонисіевъ и Протогенъ были современниками и жили приблизительно во второй половинѣ III и первой четверти II в. до Р. Xр.; а такъ какъ Галатское царство во Фракіи существовало только до 213 г., то декретъ въ честь Протогена не можетъ быть позднѣе этого термина. Такимъ образомъ дилосскій декретъ въ честь Посидея вполне подтверждаетъ тѣ соображенія, которыя высказаны въ на-шихъ „Изслѣдованіяхъ“ относительно времени декрета въ честь Про-тогена и ряда документовъ, приблизительно одновременныхъ съ нимъ.

В. Латышевъ.

КЪ ВОПРОСУ ОБЪ ОТНОШЕНІЯХЪ ДЕМОСӨЕНА КЪ ИСОКРАТУ.

Вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ великихъ писателей древне-греческаго міра сталъ интересовать изслѣдователей исторіи греческой литературы еще съ самаго начала ея. Извѣстно, что однимъ изъ самыхъ обыкновенныхъ способовъ конкретно выражать такое отношеніе былъ тотъ, что младшій писатель представлялся ученикомъ или слушателемъ старшаго. Исчислять примѣры этого приѣма—излишне; они общеизвѣстны, такъ какъ еще не такъ давно литературные историки повторяли ихъ какъ историческіе факты. Только въ послѣднее время стали относиться къ такимъ извѣстіямъ скептически, и за неимѣніемъ, въ большинствѣ случаевъ, надежной точки опоры, которая позволяла бы различить истину отъ простой комбинаціи, основанной даже на нѣкоторой доль правдоподобности, вопросъ о томъ, былъ ли дѣйствительно данный авторъ ученикомъ другаго, оставленъ въ сторонѣ и уступилъ мѣсто вопросу о слѣдахъ вліянія литературныхъ памятниковъ старшихъ писателей на произведенія ихъ младшихъ сотоварищей. Исслѣдованія въ этомъ направленіи, въ особенности же такъ-называемыя Quellenforschungen, характеризуютъ филологическую дѣятельность нашихъ дней.

Предпославъ эту общую вступительную замѣтку, перейдемъ къ частному случаю, составляющему тему нашей статьи. Слѣдуетъ ли считать Демосөена ученикомъ Исократъ въ буквальномъ смыслѣ слова, или нѣтъ,—на этотъ счетъ уже у древнихъ биографовъ обоихъ ораторовъ, какъ извѣстно, существовали разногласія. Одни, какъ Цицеронъ ¹⁾ и нѣкоторые источники автора псевдо-Плутарховой биогра-

¹⁾ De Orat. II, 22, 94.

фіи Демосфена ¹⁾, отвѣчали на этотъ вопросъ утвердительно; другіе же ²⁾ наотрѣвъ отрицали это. Авторъ псевдо-Плутарковой біографіи Исократъ ³⁾ сохранилъ даже недурной анекдотъ касательно переговоровъ учителя съ новымъ кандидатомъ. Разказывали, что Демосфень, желая учиться у Исократъ, но не будучи въ состояніи заплатить требуемый за полный курсъ краснорѣчія гонораръ въ 1000 драхмъ, предлагалъ ритору лишь 200 драхмъ съ просьбой, научить его за эти деньги одной пятой всего курса. Но Исократъ отклонилъ это предложеніе на томъ основаніи, что онъ де въ розницу не торгуетъ. Эти два діаметрально противоположныя мнѣнія старались примирить третьи, которые или указывали на то, что Исей, бесспорно считавшійся древнимъ учителемъ Демосфена ⁴⁾, въ свою очередь былъ ученикомъ Исократъ ⁵⁾, или что Демосфень, такъ-сказать, контрабандой, черезъ другихъ слушателей, запасся лекціями Исократъ по теоріи краснорѣчія и выучилъ ихъ ⁶⁾.

Уже эти противорѣчія служатъ явнымъ доказательствомъ того, что достовѣрность извѣстія, будто Демосфень учился у великаго ритора, сомнительна. Новѣйшими же литературными исторіями она совсѣмъ отвергается, больше всего на томъ основаніи, что древнѣйшіе авторитеты, въ особенности перипатетики Гермиппъ ⁷⁾, свидѣтельствуютъ противъ нея.

Итакъ, съ этимъ вопросомъ покончено, какъ кажется, навсегда. Не то можно сказать объ отыскиваніи слѣдовъ подражанія Демосфена Исократу. И на этотъ вопросъ обращено вниманіе уже въ глубокой древности. Такъ, риторъ II столѣтія послѣ Р. Х. Гермогенъ сопоставилъ начало рѣчи Исократъ о „мирѣ“ (VIII, § 1) съ началомъ рѣчи Демосфена „противъ Тимократъ“ (XXIV, § 4) ⁸⁾. Сходство

¹⁾ См. *Westermann Vitarum scriptt.*, p. 281.

²⁾ Ср. *Plutarchi Vita Demosth.*, c. 5.

³⁾ См. *Westerm.* l. c., p. 249.

⁴⁾ Въ новѣйшее время и это оспаривается; см. диссертацию *Hoffmann: De Demosthene Isaei discipulo* (Berol. 1872).

⁵⁾ Ср. *Westerm.* l. c., pp. 281, 309.

⁶⁾ *Plut.* l. c.

⁷⁾ *Ibid.* extr., coll. *Schäfer*, *Demosthenes u. s. Zeit*, I², p. 311.

⁸⁾ См. *Spengel*, *Rhett. gr.* II, p. 449. Для наглядности приводимъ то и другое мѣсто:

“Απαντες μὲν εἰώθασιν οἱ παριόντες ἐνθάδε ταῦτα μέγιστα φάσκειν εἶναι καὶ μάλιστα σπουδῆς ἄξια τῇ πόλει, περὶ ὧν

Εἰώθασι μὲν οὖν οἱ πολλοὶ τῶν πράττειν τι προαιρουμένων τῶν κοινῶν λέγειν ὡς ταῦθ' ὑμῖν σπουδαιότατ' ἐστὶ καὶ μά-

этихъ двухъ мѣсть—поразительное, и словами *τινὶ καὶ ἄλλῳ* Демосѳенъ прямо намекаетъ на Исократѣ. Точно также знаменитый новоплатоникъ Порфирій замѣтилъ не подлежащее сомнѣнію сходство изложенія о юридическомъ значеніи признаній, вынужденныхъ посредствомъ пытки (*βάσανοι*), не только у Исократѣ и Демосѳена, но, въдобавокъ, и у Исея ¹⁾. Наконецъ, схолиастъ рѣчи Демосѳена „противъ Тимократа“ замѣчаетъ о началѣ § 6-го этой рѣчи: *Ἰσοκρατικῆ ἢ ἔννοια καὶ ἀπὸ τοῦ Ἀρχιδάμου (VI, § 1) μετῆχται* ²⁾. Однако, наблюденія этого рода являются лишь спорадическими и случайными.

Первая попытка нѣсколько подробнѣе изложить слѣды этого подражанія была сдѣлана только въ 1833 г. Пфундомъ въ его изслѣдованіи ³⁾, гдѣ сопоставлены слѣдующія мѣста: Исократ. VI, § 102 съ Дем. II, § 20; VIII, § 6 съ IV, § 7; VIII, § 124 съ III, § 29 и VIII, § 138 съ IV, § 8 (?). Однако, эта попытка не очень понравилась тогдашнимъ филологамъ, и они, считая ее нѣкотораго рода посягательствомъ на славу творческаго генія Демосѳена, употребили противъ нея всѣ приемы, обычные въ такихъ случаяхъ, когда идетъ дѣло о защитѣ непризнаваемой оригинальности во что бы то ни стоило. Выразителемъ этого направленія явился Funkhänel въ статьѣ, помѣщенной въ *Zeitschrift für die Alterthumswissenschaft* Циммермана (1837 г., № 59, 60, столб. 485—494), озаглавленной: *Isokrates und Demosthenes* ⁴⁾. Авторъ или не признаетъ сходства въ перечислен-

ἀν αὐτοὶ μέλλουσι συμβουλεύειν οὐ μὴν ἀλλ' εἰ καὶ περὶ ἄλλων τιῶν πραγμάτων ἤρμοσε τοιαῦτα προειπεῖν, δοκεῖ μοι πρόπειν καὶ περὶ τῶν νῦν παρόντων ἐντεύθεν ποιήσασθαι τὴν ἀρχήν.

λιστ' ἄξιον προσέχειν τοῦτοισι, ὑπὲρ ὧν ἂν αὐτοὶ τυγχάνωσι ποιούμενοι τοὺς λόγους, ἐγὼ δ', εἰπερ τινὶ τοῦτο καὶ ἄλλῳ προσηρόντως εἴρηται, νομίζω καμοὶ νῦν ἀρμόττειν εἰπεῖν.

¹⁾ Ср. его слова у Евсевія Граегаг. *evang.* X, 3, 17 (изд. *Dindorf.* I, p. 537): *τὰ περὶ βασάνων εἰρημένα παρ' Ἰσαίῳ ἐν τῷ περὶ τοῦ Κίρωνος κλήρου (VIII, § 12) καὶ παρ' Ἰσοκράτει ἐν τῷ τραπεζιτικῷ κεῖται (XVII, § 54), καὶ παρὰ Δημοσθένει: ἐν τῷ κατ' Ὀνήτορος ἐξουλῆς (XXX, § 37) σχεδὸν διὰ τῶν αὐτῶν εἴρηται.* См. тоже Диндореово Оксфордское изданіе Демосѳена, vol. VII, p. 1092. У Евсевія I. c. перечисленъ цѣлый рядъ сочиненій и отдѣльныхъ мѣсть разныхъ греческихъ писателей, въ которыхъ древними констатировано заимствование или даже литературная кража. Тамъ же приведены имена авторовъ, занимавшихся изслѣдованіемъ этого вопроса.

²⁾ См. *Dindorf*, vol. IX, p. 736.

³⁾ *Pfund*, *De Isocratis vita et scriptis* (Berol.), p. 23. Ср. статью *Funkhänel's*, о которой выше.

⁴⁾ Еще раньше возставалъ противъ подобныхъ попытокъ *Meier* (M. H. E.)

ныхъ Пфундомъ мѣстахъ, или допускаетъ, что каждый ораторъ могъ-самостоятельно додуматься до этихъ мыслей и, что касается подобныхъ выраженій, то онъ находитъ ихъ естественными на томъ основаніи, что оба оратора — греки (?) ¹⁾. Дальше авторъ точно также не находитъ справедливымъ предположеніе Пфунда, что Демосөенъ, указывая въ своихъ Филиппикахъ на доблесть предковъ и ухудшеніе положенія вещей въ его время, дѣлалъ это по примѣру Исократъ, что впрочемъ уже схолиасты утверждали ²⁾. По мнѣнію Фунгенеля, въ этихъ и еще другихъ имъ указанныхъ случаяхъ нельзя было, при аналогичности историческихъ обстоятельствъ, говорить иначе ³⁾.

Всѣ эти мотивы, на нашъ взглядъ, носятъ отпечатокъ субъективности и вытекаютъ, главнымъ образомъ, изъ пристрастія къ Демосөену и благоговѣнія передъ нимъ. Однако, не смотря на это, они досихъ поръ повторяются большею частью литературныхъ историковъ-нашего оратора. Поэтому мы, предпославъ очеркъ исторіи этого вопроса, считаемъ для рѣшенія его не лишнимъ привести цѣлый рядъ мѣстъ изъ двухъ судебныхъ рѣчей обоихъ ораторовъ, сходство которыхъ, на сколько намъ извѣстно, ускользало отъ вниманія изслѣдователей, а именно, рѣчей Демосөена „противъ Мидія“ (XXI) и

въ статьѣ: *De furti litterarii suspicione in poetas et oratores Atticos collata.* (Halis, 1832 = *Opusc. acad.* II (1863), pp. 307—320). Намъ, къ сожалѣнію, не удалось видѣть это разсужденіе.

¹⁾ Свой общій взглядъ онъ формулируетъ вотъ какъ (стр. 493): „Sollten blos Parallelstellen verglichen, Sachen erklärt werden, so lässt man sich solche Gelehrsamkeit wohl gefallen; allein wenn der Redner aus dem oder jenem Redner oder Dichter seine Worte genommen haben soll, da vermisst man gesunde Kritik“.

²⁾ Ср. σχολ. къ Исократ. IV, § 136 (*Dindorf*, *Scholia graeca in Aeschinem et Isocratem*, p. 120): „Ο Δημοσθένης ἐν τοῖς Φιλίππικοῖς καὶ τῇ διανοίᾳ καὶ θυεῶν τῇ λέξει ἐυρήσαστο. Точно также схолиастъ Демосөена (*Dindorf*, l. c. vol. VIII, p. 5 med.) указалъ на сходство приема у обоихъ ораторовъ: Что Исократъ говорилъ въ Панегриикѣ по отношенію къ Артаксерксу Мисмону, царю персовъ, то же самое высказывалъ Демосөенъ по отношенію къ Филиппу Македонскому.

³⁾ *Rauchenstein* и *Reinhardt* въ 5-мъ изданіи избранныхъ рѣчей Исократъ (1882 г.) сравниваютъ слѣдующія мѣста:

Исокр. IV, § 138	съ	Дем. II, § 22	и	IV, § 4 sq.
„ „ „ 139	„	„ II, § 14.		
„ VII, „ 12	„	„ II, „ 9.		

По поводу послѣдняго мѣста *Reinhardt* замѣчаетъ (p. 174): „eine Stelle, die überhaupt an die unere so erinnert, dass sie wie *Nachahmung aussieht*“. Характеристична здѣсь и у другихъ ученыхъ осторожность, съ какой ими констатируются подражанія Демосөена.

Исократу „противъ Лохита“ (XX). Фактъ незамѣченія аналогій можно легко объяснить тѣмъ, что на послѣднюю рѣчь, имѣющую характеръ эпилога, мало кто обращаетъ особое вниманіе.

Древніе ораторы обыкновенно старались показывать видъ, что они говорятъ экспромтомъ, безъ приготовленія, чтобы противникъ, указавъ на ихъ усердіе, употребленное на составленіе рѣчи, не имѣлъ возможности подорвать довѣріе судей къ правдивости ихъ словъ. Не то мы встрѣчаемъ въ рѣчи Демосфена „противъ Мидія“; здѣсь ораторъ, ожидая подобнаго рода упрекъ со стороны обвиняемаго Мидія, даже торжественно заявляетъ, что онъ основательно наштудировалъ свою рѣчь ¹⁾. Къ этому-то ἐσκέφθαι нужно во всякомъ случаѣ отнести изученіе ораторомъ изданныхъ рѣчей его предшественниковъ, которыя имѣли сюжетомъ аналогичные случаи нанесенія оскорбленія дѣйствіемъ, какъ данный процессъ Демосфена ²⁾. Такъ, по свидѣтельству ритора Θεона, онъ сдѣлалъ позаимствованія для этой рѣчи изъ подобныхъ рѣчей Лисія, Ликурга и Исея ³⁾. Однако, такъ какъ данной категоріи рѣчи перечисленныхъ ораторовъ не уцѣлѣли, то мы лишены возможности проверить замѣтку ритора, и поэтому перейдемъ прямо къ перечню тѣхъ мѣстъ обѣихъ рѣчей, гдѣ нами усмотрѣно сходство мыслей и выраженій.

Итакъ, мы находимъ у того и другаго, во первыхъ, одинаковую характеристику преступнаго дѣянія, совершеннаго обвиняемыми. Чтобъ увеличить значеніе его (αὐξησις, amplificatio), и вмѣстѣ съ тѣмъ, добиться какъ можно большаго наказанія виновныхъ, оба оратора указываютъ на силу чувства негодованія и оскорбленія, которое испытываетъ благородный человѣкъ, подвергаясь позорному оскорбленію дѣйствіемъ.

¹⁾ § 191: ἐγὼ δ' ἐσκέφθαι μὲν, ὡ δ'. 'Α., φημί καὶ οὐκ ἂν ἀρηθίσην, καὶ μεμελετηγένοι γ' ὡς ἐνήν μάλιστα ἐμοί. Ср. наши Риторическіе Эпюды въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* за 1881 г. (часть 218, стр. 252 сл.).

²⁾ Насъ не должно удерживать отъ вѣрности нашего предположенія то обстоятельство, что терминъ, употребленный Демосфеномъ въ данномъ мѣстѣ, имѣетъ только значеніе „обдумывать“; ораторъ въ другихъ случаяхъ, заимствуя кое-что у Фукидида, тоже не говоритъ (какъ слѣдовало бы) „ἀνέγνωκα“, а „ἀκούω“. Ср. *Blass, Die attische Beredsamkeit*, III, 1, p. 18, примѣч.

³⁾ Ср. *Spengel*, l. c., vol. II, p. 36 extr.: Δημοσθένης (μετανήνοχεν) εἰς τὸν κατὰ Μειδίου τὰ τε Λυσίου καὶ Διοκύργου ἐκ τῶν τῆς ὕβρεως λόγων, καὶ τὰ Ἰσχύου ἐκ τῶν κατὰ Διοκλέους ὕβρεως. См. тоже у *Dindorf*, l. c., vol. VI, p. 754.

Исократъ § 6:

ὕπερ τῆς αἰκίας καὶ τῆς ἀτιμίας
ἦκω... δίκην ληψόμενος, ὕπερ ὧν
προσῆκει τοῖς ἐλευθέροις μάλιστα
ὀργίζεσθαι καὶ μεγίστης τυγχάνειν
τιμωρίας.

Демосфень § 72:

οὐ γάρ ἡ πληγὴ παράστηκε τὴν
ὀργήν, ἀλλ' ἡ ἀτιμία οὐδὲ τὸ τό-
πτεσθαι τοῖς ἐλευθέροις ἐστὶ δει-
νόν, καίπερ ὧν δεινόν, ἀλλὰ τὸ ἐφ'
ὑβρεῖ ¹).

Для той же цѣли служить, дальше, цѣлымъ рядъ мѣствъ, въ кото-
рыхъ оба обвинителя стараются придать своей личной обидѣ ха-
рактеръ преступленія противъ всего общества. Въ этомъ значе-
нїи они принимаютъ слова закона сюда относящагося, объясняя
мысль законодателя одинаково ²).

Исократъ § 2:

(κατὰ τοὺς θέντας τοὺς νόμους)
... περὶ τῆς ὑβρεως ὡς κοινοῦ τοῦ
πράγματος ἔξαστι τῷ βουλομένῳ
τῶν πολιτῶν γραψαμένῳ πρὸς τοὺς
θεσμοθέτας εἰσελθεῖν εἰς ὑμᾶς.

Демосфень § 45:

πάνθ' ὅσα τις βιαζόμενος πράττει,
κοινὰ ἀδικήματα καὶ κατὰ τῶν
ἔξω τοῦ πράγματος ὄντων ἡγεῖτο ὁ
νομοθέτης... διόπερ καὶ τῆς ὑβρεως
αὐτῆς τὰς μὲν γραφὰς ἔδωκεν
ἅπαντι τῷ βουλομένῳ... τὴν γὰρ
πόλιν ἡγεῖτο ἀδικεῖν, οὐ τὸν πα-
θόντα μόνον τὸν ὑβρίζειν ἐπιχειροῦντα.

Сами же весьма часто повторяютъ этотъ взглядъ, напримѣръ, въ
концѣ отдѣловъ рѣчи.

Исократъ § 14:

προσῆκει πᾶσι μισεῖν τοὺς τοιού-
τους καὶ κοινοὺς ἐχθροὺς νομί-
ζειν.

Демосфень § 218:

κοινή ἡ κρίσις, καὶ τὰδικήματα
πάντ' ἐφ' οἷς νῦν κρίνεται, κοινὰ.

Въ связи съ этимъ находится и общественное значеніе на-
казанія, которое судьи должны наложить на виновныхъ: обузданіе
ихъ принесть пользу всѣмъ, не исключая самихъ судей, и послу-
жить устрашающимъ примѣромъ для другихъ.

¹) Въ слѣдующихъ словахъ того же § Демосфень *развиваетъ* мысль, вы-
сказанную Исократомъ, и это мѣсто сдѣлалось уже въ древности классическимъ;
ср. *Dindorf*, l. c., p. 790 sq.

²) Демосфень опять попытался болѣе *распространить* то, что онъ нашелъ
у своего предшественника.

Исократъ § 15:

ὅταν τοὺς ὑβρίζοντας κολάζητε, ὑμῖν αὐτοῖς βοηθεῖτε.

Idem § 21:

ὡς ὑπὲρ αὐτοῦ δικάζων, οὕτως ἕκαστος ὑμῶν οἶσει τὴν ψῆφον. ἅπαντας γὰρ ὁμοίως ἀδικοῦσιν...

Idem § 18:

τοὺς ἄλλους πολίτας κοσμιωτέ-
ρους ποιήσετε καὶ τὸν βίον τὸν
ὁμέτερον αὐτῶν ἀσφαλέστερον
καταστήσετε ¹⁾.

Демосθενъ § 8:

δημοσίᾳ συμμέρει μηδενὶ μηδὲν ἐξεῖναι τοιοῦτο ποιεῖν.

Ibid.:

ὡς ὑπὲρ κοινοῦ τοῦ πράγματος ὄντος (τις)... ψηφισάσθω.

Idem § 142:

κοινῇ νῦν... πᾶσιν ὑπὲρ ἀπάν-
των ἐστὶ τιμωρητέος ὡς κοινός
ἐχθρός τῇ πολιτείᾳ.

Idem § 227:

νῦν ὀκνήσετε... τοὺς ἄλλους σω-
φρονίσαι, μετὰ πολλῆς ἀσφα-
λείας αὐτοὶ τὸ λοιπὸν διάγειν;

Еще болѣе поразительно сходство приема, мыслей и выражений тѣхъ мѣстъ обѣихъ рѣчей, гдѣ говорящіе прибѣгаютъ къ предварительному опроверженію ожидаемыхъ возраженій со стороны обвиняемыхъ (προκατάληψις, anteoccipatio), которые будутъ стараться ума-
лить значеніе совершеннаго ими преступленія (μείωσις). Здѣсь, во-
первыхъ, одинаково само ожидаемое возраженіе: тотъ и другой обви-
няемый будетъ указывать на то, что побои, нанесенные потерпѣв-
шему, не имѣли никакихъ серьезныхъ послѣдствій.

Исократъ § 5:

ἐπιχειρήσει μικρὸν ποιεῖν τὸ πρᾶγ-
μα... λέγων, ὡς οὐδὲν ἐκ τῶν
πληγῶν κακὸν ἔπαθον, ἀλλὰ μεί-
ζους ποιοῦμαι τοὺς λόγους ἢ
κατὰ τὴν ἀξίαν τῶν γεγενημένων.

Демосθενъ § 71:

οὐδὲ τοῦτ' ἔστιν εἰπεῖν, ὡς οὐ γε-
γενημένου πάποτ' οὐδανός ἐξ
τῶν τοιοῦτων δεινοῦ τῷ λόγῳ
τὸ πρᾶγμ' ἐγὼ νῦν αἴρω καὶ φο-
βερὸν ποιῶ.

Это возраженіе опровергается обоими, вопервыхъ, одинаковою
ссылкой на опытъ, который подтверждаетъ, что часто незначи-
тельныя причины вызываютъ роковыя послѣдствія. Но, въ самомъ изло-

¹⁾ Funkhanel, l. c., столб. 488, вѣрно замѣчаетъ, что сопоставлять съ этими § Дем. XXIV, § 218 или [Андокид.] IV, § 40—слишкомъ рискованно.

женіи встрѣчается у обоихъ ораторовъ разница: между тѣмъ какъ Исократъ приводитъ эту мысль въ видѣ общаго мѣста, Демосөенъ исчисляетъ нѣсколько частныхъ случаевъ, подтверждающихъ ее.

Исократъ § 7 sq.:

πολλάκις ἤδη μικραὶ προφάσεις μεγάλων κακῶν αἴτιαι γέγονασι, καὶ... διὰ τοὺς τύπτειν τολμῶντας εἰς τοῦτ' ἤδη τινὲς ὀργῆς προήχθησαν, ὥστ' εἰς τραύματα καὶ θανάτους καὶ φυγὰς καὶ τὰς μεγίστας συμφορὰς ἔλθειν.

Демосөенъ § 71 sqq.:

Примѣры этого общаго мѣста.

Что однако, вовторыхъ, оба данныхъ случая представляютъ исключеніе изъ общаго правила, это не должно послужить въ пользу обвиняемымъ, такъ какъ благодаря не имъ, а только счастливому случаю и умѣренности и воздержности пострадавшихъ, не случилось ничего ужаснаго.

Исократъ § 8:

διὰ τὴν τύχην καὶ τὸν τρόπον τὸν ἐμὸν οὐδὲν τῶν ἀνηκέστων συμβέβηκεν.

Демосөенъ § 74:

ἐμαυτὸν μὲν γε . . σωφρόνως, μᾶλλον δ' εὐτουχῶς οἶμαι βεβουλεύσθαι, ἀνασχόμενον τότε καὶ οὐδὲν ἀνήκεστον ἔξαχθάντα πράξειαι.

Idem. § 76:

ἐμοὶ τῇ τῶσαύτῃ κεχρημένῃ προνοίᾳ τοῦ μηδὲν ἀνήκεστον γενέσθαι, ὥστε μηδ' ἀμόνασθαι.

Наконецъ, нельзя обойти молчаніемъ тожество мѣры наказанія, примѣненія котораго по отношенію къ обидчикамъ оба оратора требуютъ. Они находятъ, что причина ихъ наглости заключается въ томъ, что имъ легко отдѣлаться отъ наказанія за ихъ проступки денежнымъ штрафомъ.

Исократъ § 17:

οἵτινες ἂν εἰς τὰ σώματ' ἐξαμαρτάνοντες τοῖς χρήμασι τὰς δίκας ὑπέχωσιν. .

Демосөенъ § 124:

. . τὸ εἰς τῦτα ἀποχρηῆσθαι τῇ πλουτεῖν.

Поэтому нужно какъ вообще, такъ и въ данномъ случаѣ, примѣнить къ такимъ людямъ высшую степень наказанія и конфиско-

вать ихъ имущество, чтобъ такимъ образомъ лишить ихъ возможности впредь безчинствовать.

Исократъ *ibid.*:

ἄν περιαιρήτε τὰς οὐσίας τῶν
νεανειουμένων εἰς τοὺς πολίτας..

Демосфень § 138:

περαιορθεῖς οὗτος τὰ ὄντα
ἴσως μὲν οὐκ ἂν ὑβρίζοι..

Idem. § 16:

ὅσον ἀποτίσας ὁ φεύγων παύ-
σασθαι μέλλει τῆς παρούσης
ἀσελείας.

Idem. § 152:

ὅσον καταθείς οὗτος παύσε-
ται τῆς ὕβρεως. τοῦτο δ' ἐστὶν μά-
λιστα μὲν θάνατος, εἰ δὲ μὴ, πάντα
τὰ ὄντα ἀφελέσθαι.

Хотя мы могли бы еще продолжать наши указанія на одинаковыя мысли въ обѣихъ рѣчахъ, мы остановимся на сказанномъ, чтобъ приводя сомнительныя аналогіи, не подорвать довѣрія къ доказанной вѣроятности нашего предположенія. Дѣйствительно можно, отчасти, допустить, что аналогичность нѣкоторыхъ мѣстъ могла быть естественнымъ послѣдствіемъ одинаковыхъ обстоятельствъ дѣла; напри- мѣръ, на основаніи того, что оба обвиняемые—богачи, а съ другой стороны, оба обвинителя принадлежать къ классу бѣдному, оба оратора стараются подѣйствовать на судей (въ большинствѣ случаевъ тоже бѣдняковъ), указывая на равенство всѣхъ граждан демократическаго государства передъ закономъ и требуя отъ нихъ поддержки ¹⁾).

Такимъ образомъ мы убѣдились, что означенная рѣчь Исократа послужила для Демосфена превосходнымъ образомъ, въ особенности для увеличенія значенія преступленія и противъ попытки противной стороны парализовать это стараніе обвинителя. Что именно для этой цѣли она пригодна въ высшей степени, свидѣтельствуетъ авторитетный голосъ Фолькмана ²⁾). Мы имѣемъ въ данномъ случаѣ наглядный примѣръ метода, слѣдуя которому Демосфень сдѣлался великимъ ораторомъ. Не теоретическіе учебники ораторскаго искусства, а скорѣе тщательное изученіе готовыхъ образцовъ краснорѣчія развило

¹⁾ Ср. Исокр. §§ 19—20 съ Дем. §§ 123—124.

²⁾ Ср. *Volkmann*, *Rhetorik der Griechen u. Römer*, 2-е изд. (1885 г.), p. 270: „Nur aus Amplification besteht Isocr. or. XX gegen Lochites, die ein blosser Epilog ist.. Man kann sie geradezu als Muster eines locus communis gegen ὕβρις oder aikia ansehen.

въ немъ извѣстную *δεινότης*. Въ этомъ смыслѣ говорить и Плутархъ, что именно такимъ эмпирическимъ путемъ онъ постоянно готовился къ своему призванію ¹⁾. Да и сами риторы того времени едва ли иначе учили; въ противномъ случаѣ ихъ методъ не возбудилъ бы порицанія Аристотеля ²⁾.

Предпринятыми нами сопоставленіями хотя и доказано, что, такъ сказать, импульсомъ къ многимъ мыслямъ Демосөенъ обязанъ тщательному изученію рѣчей Исократу, все-таки изъ этого не вытекаетъ, что вслѣдствіе этого факта нужно было бы ограничить ораторскую славу Демосөена. На оборотъ, было бы и неестественно, и непростительно, еслибы молодой ораторъ, отнесшись съ пренебреженіемъ къ своимъ предшественникамъ, не постарался воспитывать свой талантъ на существовавшихъ образцахъ ³⁾. Поэтому если и не всегда въ оригинальности мыслей заключается его превосходство, то во всякомъ случаѣ въ мастерской обработкѣ, которую онъ далеко превзошелъ своего предшественника ⁴⁾. Оттого и случилось, что древніе риторы считали образцомъ обвинительной рѣчи въ процессахъ за оскорбленіе дѣйствию не рѣчь Исократу „противъ Лохита“, а рѣчь Демосөена „противъ Мидіа“ ⁵⁾. Конечно, рѣчь послѣдняго должна была тоже потому выйти болѣе удачною, что ораторъ, какъ лично потерпѣвшій, лично былъ заинтересованъ въ этомъ прискорбномъ дѣлѣ, между тѣмъ какъ Исократъ сочинялъ свою рѣчь для другаго, по заказу.

И. Луньянъ.

¹⁾ Vita Dem., с. 8: Ἐτι δὲ τοὺς λόγους, οἷς παρέτυχε λεγομένοις, ἀναλαμβάνων πρὸς ἑαυτὸν εἰς γνώμας ἀνῆγε καὶ περιόδους, ἐπανορθώσεις τε παντοδαπὰς καὶ μεταφράσεις ἐκαίνοτομαι τῶν εἰρημένων ὑφ' ἑτέρου πρὸς ἑαυτὸν ἢ ὑφ' ἑαυτοῦ πάλιν πρὸς ἄλλον. Конечно, то же онъ дѣлалъ и по отношенію къ читателямъ и къ рѣчамъ, какъ въ данномъ случаѣ.

²⁾ Soph. el. с. 34, § 7 (ed. steg.): λόγους γὰρ οἱ μὲν ῥητορικοὺς οἱ δὲ ἐρωτηματικοὺς ἐδίδουσαν ἐκμανθάνειν, εἰς οὓς πλειστάκις ἐμπίπτειν φήθησαν ἐκότεροι τοὺς ἀλλήλων λόγους. Διόπερ ταχέια μὲν ἀτεχνος δ' ἦν ἡ διδασκαλία τοῖς μανθάνουσι παρ' αὐτῶν· οὐ γὰρ τέχνην ἀλλὰ τὰ ἀπὸ τῆς διδόντος παιδαύειν ὑπελάμβανον (какъ еслибъ сапожникъ—прибавляетъ эммосою—вздумалъ, вмѣсто теоретическаго обученія, предложить ученику разные сорта готовыхъ башмаговъ). Ср. Zeller, D. Ph. d. Gr. I⁴, 993, Anm. 2.

³⁾ Ср. Schäfer, l. с., pp. 313, 324.

⁴⁾ Оцѣнку этой рѣчи Исократу см. у Blass, l. с. II, p. 200.

⁵⁾ См. Quintil. Instit. or. VI, 1, 16—17; 19—20; *ibid.* 2, 23—24, гдѣ латинскій риторъ постоянно намекаетъ на названную рѣчь Демосөена.

МЕТАФИЗИКА АРИСТОТЕЛЯ.

Предисловіе переводчиковъ.

Предлагая вниманію любителей философіи переводъ „Метафизики“ Аристотеля, мы не будемъ говорить ни о жизни, ни о сочиненіяхъ великаго греческаго мыслителя. То, что могло бы быть сообщено о томъ и другомъ въ краткомъ предисловіи, каждый можетъ узнать, и съ гораздо болѣею обстоятельностью, въ общихъ курсахъ исторіи философіи. Скажемъ здѣсь только о томъ, что побудило насъ приступить къ этому переводу.

Если въ области фактическаго содержанія науки каждая послѣдующая фаза развитія сохраняетъ за предыдущими лишь историческій интересъ, то нельзя тоже сказать о другой сферѣ ея, которая содержитъ объясняющіе принципы для этого фактическаго содержанія. Позднѣйшее и лучше сдѣланное наблюденіе надъ какою-нибудь частью природы упраздняетъ всѣ прежнія, которыя были сдѣланы хуже; и это потому, что орудія наблюденія или остаются тѣми же, или улучшаются въ исторіи. Но объясненіе исторіи наблюдаемаго, которое дѣлается въ послѣдующія времена, не всегда упраздняетъ объясненія, которыя были сдѣланы прежде; и это потому, что самое орудіе объясненія—сила сужденія въ человѣкѣ—ни остается одинаковою въ исторіи, ни необходимо повышается въ ней; напротивъ, она можетъ понижаться. И тѣ глубокія и тонкія понятія, къ которымъ способенъ былъ нѣкогда умъ человѣка, съ помощью которыхъ онъ дѣлалъ для себя понятными трудно объяснимыя стороны въ жизни природы, эти понятія могутъ стать для позднѣйшихъ поколѣній неусвоимыми болѣе, стануть для нихъ словами, смыслъ которыхъ утерянъ. Въ незначительныхъ размѣрахъ это явленіе извѣстно въ повседневной жизни, и оно имѣетъ мѣсто не въ одной только сферѣ умственныхъ понятій: мы верѣдко наблюдаемъ, какъ понят-

ное и неизмѣримо значительное для одного бываетъ совершенно непонятно и не заключаетъ въ себѣ никакого значенія для другаго. Но мы дѣлаемъ ошибку, если то, что ежеминутно случается съ нами въ жизни, никогда не переносимъ въ исторію. Было бы ошибочно думать, что умственная исторія человѣчества состоитъ только въ совершенствованіи; это такъ, если смотрѣть исключительно на содержаніе ума, на то, что онъ знаетъ. Но если мы обратимъ вниманіе на то, какъ онъ объясняетъ то, что знаетъ, мы безъ труда замѣтимъ, что исторія умственного развитія гораздо сложнѣе, что она не такъ проста и правильна, какъ мы думаемъ о ней. Открытіе фактовъ, расширеніе предметнаго содержанія науки вовсе не связано необходимо съ улучшеніемъ понятій, которыя она могла бы приложить къ объясненію этого содержанія, въ развитіи этихъ двухъ сторонъ науки не только нѣтъ постоянного соответствія, гармоніи: напротивъ, всегда независимы другъ отъ друга, онѣ могутъ иногда получить движеніе взаимно обратное. Случается, что одновременно съ открытіемъ фактовъ, требующихъ для своего уясненія извѣстныхъ понятій, происходитъ утрата этихъ понятій, затемненіе смысла ихъ, который прежде былъ ясенъ и отчетливъ. Какъ на примѣръ этого страннаго явленія въ умственной жизни человѣка укажемъ на изслѣдованіе эмбриологическаго процесса въ связи съ судьбою понятія развитія. Извѣстный въ своихъ грубыхъ чертахъ уже классической древности, онъ былъ изученъ во всѣхъ своихъ стадіяхъ, подробностяхъ и частностяхъ только въ послѣднія десятилѣтія XIX вѣка: и одновременно съ тѣмъ, какъ подвигалось впередъ это изученіе, вслѣдствіе иныхъ и особенныхъ причинъ происходило затемненіе понятія „развитіе“, которое одно могло какъ-нибудь помочь объясненію вновь открываемыхъ фактовъ. Предметное содержаніе науки возрастало, а объясняющая сила ея падала. Изъ сумрака, окутывавшаго таинственный процессъ органическаго развитія, усовершенствованные методы наблюденія выводили одно звено за другимъ, ихъ цѣпь становилась уже непрерывною, а наука стояла передъ ними безсильная хотя бы что-нибудь понять въ нихъ. Единственное понятіе, которое оставалось въ ней для объясненія всякаго измѣненія, для всего, что слагалось въ генезисъ, было понятіе механически дѣйствующей причинности, въ послѣднемъ анализѣ сводящееся къ представленіямъ толчка и движенія. И владѣя имъ только, невольно распространяла его на все, и даже когда пыталась употребить понятіе развитія, уже произносила только звукъ его имени.

Тотъ особенный и глубокий смыслъ, который содержится въ этомъ второмъ понятіи для объясненія всякаго генезиса былъ утерянъ, и, думая примѣнить его, она впадала въ привычные способы механическаго объясненія, она и самое развитіе понимала лишь какъ цѣпь производящихъ причинъ и производимыхъ слѣдствій. А между тѣмъ этотъ смыслъ, ставшій, конечно временно, почти не усвоимымъ теперь, былъ ясенъ и отчетливъ въ первую половину настоящаго столѣтія.

Вотъ почему въ той части науки, которая по преимуществу занимается обработываніемъ нашихъ понятій, въ философіи, нѣтъ стараго и новаго, а есть только созданное умомъ болѣе могущественнымъ и менѣе сильнымъ; потому что это одно приближаетъ здѣсь къ истинѣ, одно имѣетъ какую-нибудь связь со словами „лучше“ и „хуже“. Какъ въ искусствѣ чувство красоты и съ нимъ превосходство созданія не всегда бываетъ удѣломъ позднѣйшаго, такъ и въ философіи тонкость и глубина понятій не имѣютъ никакого отношенія ко времени. Такъ привычное для насъ сужденіе: „лучше, потому, что послѣ“—мы должны оставить здѣсь, чтобы не впасть въ величайшія заблужденія.

Исходя изъ этихъ мыслей о различныхъ сторонахъ науки и особенной судьбѣ философскихъ понятій, мы всегда и невольно останавливались на Аристотелѣ. То, что имъ изданныя возрѣнія на природу сперва овладѣли умами запада и востока, затѣмъ были осуждены и частью осмѣяны и, наконецъ, теперь окружены равнодушіемъ—все это, казалось намъ, еще не опредѣляетъ ихъ достоинства. Мы всегда думали, что понятія въ исторіи, будутъ ли они умственнаго, религіознаго или политическаго характера, лишь по видимому опровергаются, что они падаютъ вовсе не потому, чтобы были ложны и чтобы эта ложность была достаточно обнаружена. Причина упадка всевозможныхъ понятій гораздо глубже, и то, что они начинаютъ въ данную эпоху опровергаться или защищаться, есть лишь виѣшній симптомъ другаго и скрытаго движенія въ исторіи человѣческаго духа. Можно сказать, что общая причина всякаго упадка въ исторіи лежитъ въ томъ, что тѣ стороны духа человѣческаго, которыми было создано падающее, какъ бы изживаются, утрачиваютъ жизненную энергію, какъ утрачиваетъ способность питанія земля, слишкомъ долго приносившая одинъ плодъ. Такимъ образомъ не истинность обуславливаетъ возвышеніе одного и не ложность—паденіе другаго, но простое соотвѣтствіе или несоотвѣтствіе между создавшимъ нѣкогда и воспринимающимъ теперь. Всякій разъ когда духъ человѣческій

слишкомъ долго живетъ нѣкоторыми понятіями, стремленіями, въ немъ пробуждается ранѣе или позже неудержимая потребность иного, обыкновенно противоположнаго, и какъ бы прекраснымъ и истиннымъ не оставалось то, что такъ долго питало его, оно не возбуждаетъ въ немъ ничего, кромѣ отвращенія или равнодушія. И именно эти два чувства, которыя не имѣютъ другаго источника кромѣ усталости, обуславливаютъ всякую борьбу въ исторіи. Въ великомъ кризисѣ духовной жизни, когда наступаетъ онъ, всѣ силы напрягаются въ одномъ направленіи: какъ-нибудь оторваться отъ того, къ чему нѣтъ болѣе способности. Въ этихъ усиліяхъ каждая сторона души принимаетъ участіе тѣмъ способомъ, какимъ можетъ, который представляется ея природою, ея устройствомъ: мысль начинаетъ оспаривать, чувство изыскиваетъ смѣшное, хотя бы оспаривать приходилось религиозное, или находить смѣшное—въ логическихъ понятіяхъ. Такъ происходило со всѣмъ въ исторіи, такъ было и съ Аристотелемъ, съ его судьбою въ средніе вѣка: послѣ многихъ вѣковъ жизни въ кругу понятій, имъ установленныхъ, явилась неудержимая потребность освободиться отъ этихъ понятій, перестать думать о нихъ, все равно истинны они или ложны. Философія и литература, докторъ богословія и сатирики—всѣ одинаково были полны одного чувства, одного стремленія, глубоко историчнаго, но не имѣвшаго никакого отношенія къ истинному или ложному. Схоластика провозглашалась заблужденіемъ, потому что стала отвратительна; она отвергалась, потому что для воспріятія ея не было болѣе способности; въ ней выискивалось смѣшное, чтобы какъ-нибудь отвязаться и отъ серьезности. И вся эта шумная тревога, продолжавшаяся два столѣтія, была лишь вѣшностью, лишь оболочкою, подъ которою скрывался другой и болѣе глубокій процессъ. То было замиранье въ исторіи однихъ сторонъ духа, уже истощившихся, неспособныхъ надолго къ дѣятельности, и пробужденіе другихъ, которыя еще никогда не жили. Это не было улучшеніемъ или поправкою, не было даже переходомъ къ другому, различному, аго былъ переходъ въ противоположное: то, къ чему обратилась человѣческая мысль, опредѣлилось не объективною истинностью своею, но лишь направленіемъ, которое было обратно предыдущему. Искали не иного истиннаго, хотя это и казалось, объ этомъ и говорили: искали того, что нисколько не напоминало бы собою оставленнаго. Вспомнимъ сущность новой философіи: ее начали Декартъ и Бэконъ, и одинъ указалъ на опытъ, какъ противоположеніе умозрѣнію, а другой на механическую причинность, какъ противоположеніе телеологическому объясненію при-

роды. Оба были равно велики, потому, что такъ глубоко почувствовали сущность Аристотеля и схоластики, такъ совершенно были неспособны что-либо повторить въ ней. Самое глубокое творчество и неизъяснимая оригинальность въ немъ бывають слѣдствіемъ лишь совершеннаго недостатка, полной и ранней неспособности къ тому, что умалается уже въ исторіи, меркнетъ и во всѣхъ остальныхъ людяхъ. Такимъ образомъ новая философія, въ которой мы хотѣли бы видѣть свободное исканіе истиннаго, была уже предопредѣлена въ своемъ содержаніи и направленіи схоластическою философіею, по крайней мѣрѣ въ томъ смыслѣ, какъ опредѣленное утвержденіе уже косвенно указываетъ на опредѣленное же отрицаніе, которое, не впадая въ безсмыслицу, должно быть непремѣнно однимъ, а не всякимъ по произволу. Такъ-то происходитъ въ исторіи, что тамъ, гдѣ мы думаемъ быть наиболѣе творцами, мы являемся лишь исполнителями, и въ чемъ—наиболѣе свободными, бываемъ наиболѣе предопредѣлены.

Поэтому, что касается предметнаго содержанія науки, которое только возрастаетъ во времени, мы, конечно, не можемъ ничего искать у Аристотеля, чему могли бы научиться. Эта сторона его твореній умерла навсегда и имѣетъ только историческій интересъ: неполнота или ошибки есть все, что здѣсь содержится для насъ. Но эта сторона науки не должна заслонять отъ насъ другой, которая содержитъ объясняющіе принципы; и здѣсь, по всѣмъ высказаннымъ ранѣе основаніямъ, мы должны чутко прислушиваться къ тому, что высказывалось могущественными умами всѣхъ временъ и народовъ. Какъ ни велики и ни точны наши званія съ фактической стороны, мы можемъ иногда менѣе понимать природу на основаніи ихъ, нежели сколько понималъ ее великій умъ прошлаго на основаніи гораздо меньшаго числа фактовъ, но прилагая къ нимъ большую силу и пронизательность сужденія. Способность образовать понятія гораздо болѣе тонкія и гибкія, нежели къ какимъ мы имѣемъ силу и которыя однако необходимы для оцокртія всего богатства дѣйствительности, есть здѣсь первое условіе превосходства, о которомъ уже говорили мы. Эти понятія можно сравнить съ усовершенствованными орудіями, которыя даютъ нашему зрѣнію возможность видѣть то, что недоступно простому глазу. Какъ телескопъ удлиняетъ видѣніе и микроскопъ утончаетъ его, такъ иное понятіе вскрываетъ передъ нами внутреннюю и глубокую сторону предмета или явленія, на которую лишь косвенно указываетъ его виѣшность, и которой мы никогда не замѣтили бы, не имѣя этого понятія, нужнаго и соотвѣт-

ствущаго. Мы не понимали бы этой внутренней стороны, и потому говорили бы, что ея нѣтъ, какъ говоримъ это теперь обо всемъ, что встрѣчаемъ въ организмѣ поверхъ явленій, доступныхъ физическимъ и химическимъ объясненіямъ. Это относительно самыхъ понятій. Другое условіе превосходства, также не связанное ни съ какимъ временемъ, есть сила вниманія и безошибочность въ оцѣнкѣ того, чего коснулось оно. Трудно представить себѣ, до какой степени много законовъ, силъ, всего самаго сложнаго и интереснаго содержится во всякомъ простомъ обыкновенномъ явленіи. Можно сказать, что вся природа живетъ въ каждомъ отдѣльномъ существѣ своемъ, но только не прямо, а лишь отражаясь. И видѣть эти отраженія, въ мимолетномъ существѣ, не проронить чертъ вѣчнаго и необходимаго, съ которымъ оно связано, — это зависитъ отъ силы вниманія къ природѣ и отъ способности къ безошибочному сужденію. Кто не видалъ качающейся люстры, но одинъ Галилей открылъ въ ней законы движенія; всякій знаетъ, какъ яблоня растетъ изъ сѣмени упавшаго съ другой яблони, а и всѣхъ силъ нашей науки недостаточно, чтобы дать полное объясненіе этому явленію. Скажемъ болѣе: всякая незначительная вещь существуетъ, измѣняется, и можно обойти всю природу и не найти въ ней ничего, болѣе интереснаго и труднаго для объясненія, нежели эти простые и всеобщіе факты существованія и измѣненія. Человѣкъ есть существо въ одно и то же время и удивительно ограниченное по своей природѣ, какъ она дана, и почти безграничное по тому, какъ онъ способенъ преодолевать эту природу, вѣчно выходя за ея границы. Онъ походитъ на существо, минутно населяющее каплю росы, и пусть завтра ея уже не будетъ, но мгновеннымъ существованіемъ своимъ онъ пользуется, чтобы увидѣть и вѣчное небо, которое въ ней отражается, и мириады звѣздъ, взглянуть на которыя прямо ему никогда не суждено.

По этой силѣ проникающаго вниманія и по способности образовывать понятія, которыя могли бы покрыть дѣйствительность, Аристотель едва ли былъ когда-нибудь превзойденъ. И та сторона его твореній, на которой отразились эти черты, есть вѣчная, къ которой никогда не перестанутъ обращаться люди, пока въ нихъ живетъ духъ пытливаго исканія. Всякій разъ, когда мы обращались къ этимъ твореніямъ, мы выносили одно странное впечатлѣніе: что чрезвычайно многого не зная, онъ никогда не ошибался въ сужденіи, въ оцѣнкѣ, и что какъ-то не могъ этого сдѣлать по самому устройству своихъ способностей. И когда внимательно вдумываясь въ понятія, имъ созданныя, мы обращались мысленно къ задачамъ, передъ которыми стоитъ наука

въ наши дни, мы находили только подтвержденіе этому невольному впечатлѣнію. Удивительное дѣло: по прошествіи двухъ тысячелѣтій, которыя отдѣляютъ насъ отъ времени его жизни, наука волнуется понятіемъ, какъ недавно прибрѣтеннымъ и конечно болѣе научно обставленнымъ, но которое однако впервые было открыто Аристотелемъ: мы разумѣемъ понятіе о физической энергіи, которое замѣняетъ теперь такъ долго господствовавшее понятіе силы и впервые было установлено Аристотелемъ въ безсмертныхъ терминахъ δύναμις и ἐνέργεια, возможность и дѣйствительность, напряженіе и дѣйствіе. И мѣстами читая какую-нибудь лекцію, посвященную выясненію этого новаго теперь понятія, кажется, что читаешь комментарий къ той или иной главѣ „Метафизики“. Мы могли бы также указать на органическій міръ, на взаимное соотношеніе началъ психическаго и матеріальнаго и на многое другое, чтò такъ глубоко понималъ Аристотель, гораздо грубже и ближе къ дѣйствительности, нежели, напримеръ, Декартъ, мы рѣшаемся даже сказать: чтѣмъ наука нашего времени (все еще полная идей картезіанизма). И когда мы думаемъ обо всемъ этомъ и снова возвращаемся мыслью къ далекому прошлому, гдѣ стоитъ образъ этого страннаго человѣка, чей умъ имѣетъ еще силу свѣтитъ на протяженіи двухъ тысячелѣтій, въ насъ пробуждается чувство глубочайшаго удивленія. Это былъ царственный умъ въ исторіи, и не даромъ склонились передъ нимъ вѣка, народы, враждующія религіи. И когда мы вспоминаемъ всѣ частности его жизни, все то особенное, за что упрекали его послѣ смерти, и то слабое обыкновенно человѣческое, за что смѣялись при жизни, въ насъ это удивленіе не уменьшается, но возрастаетъ. Что можетъ болѣе взволновать наше чувство, какъ не созерцаніе самаго поразительнаго въ самомъ обыкновенномъ, соединеніе неизъяснимаго величія въ мысли съ простымъ и вульгарнымъ въ жизни и поведеніи. Это былъ обыкновенный человѣкъ, но съ двумя особенностями: съ наибольшою въ исторіи любознательностью и съ наибольшою способностью удовлетворить ее.

Вотъ мысли, изъ которыхъ мы исходили, приступая къ переводу „Метафизики“, и чувства, побудившія насъ къ этому. Греческій текстъ, которымъ мы пользовались при этомъ, былъ установленъ Беккеромъ и повторенъ А. F. Didot въ его изданіи: „Aristotelis opera omnia graece et latine“ etc. Parisiis. MDCCCLIV.

Метафизика ¹⁾.

Книга I.

I. О происхождении знания. О памяти, о способности научиться и об опытности. Различіе между опытностью и искусством; первая относится къ частному и состоитъ въ знаніи того, что есть, второе имѣетъ предметомъ общее и состоитъ въ знаніи того, почему что-либо есть. Знанія практически нужныя и знанія теоретическія; вторыя являются позднѣе первыхъ; досугъ, какъ необходимое условіе для ихъ возникновенія. Теоретическое знаніе есть мудрость и состоитъ въ изысканіи первыхъ причинъ и началъ.—II. Точнѣйшее понятіе о мудрости. Она состоитъ въ знаніи всеобщаго, труднѣе всего достижимомъ и точномъ. Ея предметомъ служатъ первыя причины и начала. Она не имѣетъ цѣли внѣ самой себя, и поэтому характеръ ея не служебный, но господствующій и свободный. Стремленіе къ ней возникаетъ изъ чувства удивленія и притомъ тогда, когда уже удовлетворены всѣ жизненныя потребности. Какъ знаніе совершенно свободное отъ вліянія нуждъ, мудрость или философія какъ бы возвышается надъ человѣческою природою, которая во многомъ является рабскою, и носитъ въ себѣ божественныя черты. Будучи менѣе нужна, чѣмъ прочія знанія, она стоитъ однако выше ихъ всѣхъ. Возникая изъ чувства удивленія, она оканчивается уничтоженіемъ этого чувства, обнаруживая естественную необходимость того, что прежде казалось страннымъ и удивительнымъ. — III. Познаніе причинныхъ основъ, какъ необходимое для пониманія всего. Четыре значенія, которыя могутъ быть придаваемы слову „причина“: 1) сущность и форма, 2) матерія и субстратъ, 3) начало движенія, 4) цѣль и благо. Для того, чтобы убѣдиться, что этими четырьмя значеніями исчерпывается смыслъ слова „причина“, необходимо прослѣдить мысли прежнихъ философовъ о первыхъ основахъ сущаго. Большинство ихъ понимало причину въ значеніи субстрата, вѣчно покоящагося при происходящихъ въ природѣ перемѣнахъ; но они расходились въ мнѣніяхъ о томъ, что считать такимъ субстратомъ и есть ли онъ одинъ или ихъ много. Фалесъ за начало всего сущаго принималъ воду; происхожденіе этого ученія. Анаксиментъ и Диогенъ признавали за начала сущаго воздухъ, Гиппась Метапонтійскій и Гераклитъ Эфесскій—огонь, Эмпедоклъ—воду, воздухъ, огонь и землю. Ученіе Анаксагора о томъ, что все происходитъ черезъ соединеніе и разединеніе однородныхъ частицъ. Недостаточность всѣхъ этихъ мнѣній: никакой субстратъ не можетъ быть причиною измѣненія самого себя. Наводимые мысли о необходимости какой-нибудь причины для измѣненій, прежніе философы одно матеріальное начало принимали за движущее, а другое за движимое. Невозможность, чтобы какое-нибудь матеріальное начало было при-

¹⁾ Слова, которыхъ нѣтъ въ греческомъ текстѣ, но безъ которыхъ нельзя было обойтись въ русскомъ, поставлены въ скобкахъ []; имена, поставленныя взамѣнъ мѣстоименій греческаго текста, отмѣчены курсивомъ.

чиною благоустройства въ природѣ, и невозможность приписать это благоустройство вліанію случайности или судьбы. — IV. Присутствіе въ природѣ безпорядка и безобразія на ряду съ порядкомъ и красотой. Дружба и раздоръ, какъ причина движеній въ субстратѣ, по ученію древнихъ, и какъ источникъ порядка и безпорядка. Неумѣніе прежнихъ философовъ пользоваться своими началами, когда они даже и удачно выбраны, наиримѣръ, Анаксагора — разумомъ, Эмпедокла — дружбой и раздоромъ. Эмпедоклъ, признавъ четыре стихіи природы, пользуется ими какъ двумя, соединяя три въ одну. Левкиппъ и Демокритъ; ученіе ихъ о полномъ и пустомъ; причина различій въ природѣ обусловливается различіемъ въ формѣ, порядкѣ и положеніи отдѣльныхъ частицъ. — V. Ученіе Пифагорейцевъ; его сущность и происхождение. Четное и нечетное или ограниченное и безграничное, какъ элементы чисель. Единное, какъ соединяющее въ себѣ четное и нечетное. Десять соответствующихъ и противоположныхъ началъ. Близость этого ученія съ ученіемъ Алгемя Кротонскаго. Пифагорейцы придавали своимъ математическимъ элементамъ матеріальное значеніе. Ученіе, что въ основѣ природы лежитъ единое сущее, которое неподвижно; Ксенофанъ, Мелиссъ и Парменидъ. Общія заключительныя замѣчанія о всѣхъ предыдущихъ философахъ и въ особенности о Пифагорейцахъ. — VI. Ученіе Платона; связь его съ ученіемъ Гераклита о томъ, что все чувственно постигаемое течетъ и о немъ не можетъ быть истиннаго знанія, и съ приѣмомъ Сократа находить истинное знаніе черезъ опредѣленія; идеи какъ опредѣляемое; чувственно, воспринимаемое существоеть черезъ соучастіе въ идеяхъ; сходство этого ученія съ ученіемъ Пифагорейцевъ, что чувственно воспринимаемое существуетъ черезъ подражаніе числамъ; математическія понятія, какъ лежащія между чувственно воспринимаемымъ и между видами; ученіе объ единомъ, о видахъ и о большемъ и маломъ. — VII. Общій обзоръ изложенныхъ мнѣній прежнихъ философовъ о началахъ сущаго. Изъ нихъ никто не переступилъ за предѣлы четырехъ значеній, въ которыхъ можетъ быть понимаемо слово „причина“. Большинство ихъ коснулось только матеріальной причины, нѣкоторые — и причины движенія; причины формальной никто не коснулся, хотя ближе другихъ подошли къ понятію о ней философы, признававшіе виды; причины конечной и блага коснулись философы, признававшіе началомъ измѣненія дружбу и раздоръ, но коснулись ея двусмысленно. — VIII. Недостаточность ученія физиковъ о матеріальномъ субстратѣ: они говорятъ только о тѣлесномъ, хотя существуетъ и безтѣлесное. Затрудненія физиковъ, принимающихъ одну первоначальную стихію. Разборъ ученія Эмпедокла, принимающаго многія стихіи. Разборъ ученія Анаксагора. Разборъ ученія Пифагорейцевъ; изъ ихъ началъ нельзя объяснить движенія; другія затрудненія теоріи чисель. — IX. Разборъ теоріи идей. Принимая существованіе видовъ, она безъ нужды увеличиваетъ число существъ, что только еще затрудняетъ объясненіе послѣднихъ. Существованіе видовъ нельзя доказать никакимъ возможнымъ способомъ. Виды отрицательнаго и виды атрибутовъ. Изъ теоріи видовъ нельзя объяснить движенія, перемѣнъ и вообще всякаго происхожденія и уничтоженія. Виды не помогаютъ ни познанію вещей, ни ихъ существованію. Будучи сущностями вещей, они не могутъ быть отдѣляемы отъ того, чего они суть сущность. Для того, чтобы

вещи становились причастны видамъ, нужно принять нѣчто третье и посредствующее между видами и вещами, котораго уже совершенно не изъ чего будетъ объяснить. Желая объяснить сущность видимаго, эта теорія только говоритъ, что существуютъ еще другія сущности. — X. Заключительныя слова о неясности въ мышленіи прежнихъ философовъ и, въ частности, объ Эмпедоклѣ.

I.

1. Всѣ люди по природѣ [своей] стремятся къ знанію; признакомъ [этого] служитъ влеченіе къ чувственнымъ воспріятіямъ. Въдъ и помимо нужды, воспріятія сами по себѣ служатъ предметомъ влеченія; больше же всѣхъ другихъ [мы любимъ] воспріятія черезъ органъ зрѣнія. И въ самомъ дѣлѣ, мы выбираемъ зрительныя ощущенія, едва ли не предпочтительно передъ всѣми другими, не только тогда, когда намъ предстоитъ [что-либо] дѣлать, но и не имѣя въ виду никакого дѣла. А это потому, что изъ [всѣхъ] чувствъ это именно больше всего доставляетъ намъ свѣдѣній и обнаруживаетъ много различій ¹⁾.

2. Отъ природы живыя существа имѣютъ способность къ чувственнымъ воспріятіямъ ²⁾; но изъ этой способности у однихъ изъ нихъ возникаетъ память, а у другихъ нѣтъ; и поѣтому первыя разумнѣе и понятливѣе тѣхъ, которыя не обладаютъ памятью. Разумны, но лишены возможности научиться всѣ тѣ [живыя существа], которыя не одарены способностью слышать звуки, какъ пчелы ³⁾, и всякій, какой только есть, другой подобный родъ живыхъ существъ. Но научиться способны тѣ, которыя вмѣстѣ съ памятью имѣютъ и это чувство [слуха].

3. Такимъ образомъ [всѣ] другія [существа] живутъ [чувственными] представленіями и воспоминаваніями; опыту же они мало причастны. Но человѣчeskій родъ [обладаетъ] еще искусствомъ и размышленіемъ (τέχνη καὶ λογισμός) ⁴⁾. 4. А рождается опытность у людей

¹⁾ Въ трактатѣ De sensu et sensibili, I, Аристотель подробнѣе говоритъ о значеніи отдѣльныхъ органовъ чувствъ и, въ частности, повторяетъ высказанную здѣсь мысль объ ихъ отношеніи къ знанію.

²⁾ Въ трактатѣ De anima, lib. II, cap. II, ст. 3—4, Аристотель способность къ чувственнымъ воспріятіямъ считаетъ отличительнымъ свойствомъ животныхъ сравнительно съ растеніями.

³⁾ Аристотель не всегда такъ положительно высказывался о глухотѣ пчелъ, напримѣръ, въ Historia naturalis, lib. IX, cap. XL, ст. 23.

⁴⁾ Τέχνη не въ смыслѣ искусства.

изъ памяти: именно, многія воспоминанія объ одномъ и томъ же получаютъ значеніе одного опыта. Поэтому опытность кажется [чѣмъ-то] почти подобнымъ наукѣ (ἐπιστήμη) и искусству. Наука и искусство дѣйствительно рождаются у людей путемъ опыта. „Опытность произвела искусство“, какъ справедливо говоритъ Полъ ¹⁾, а неопытность [народила] случайность. 5. Искусство ²⁾ появляется всякій разъ, ко-

¹⁾ Полъ, ученикъ и послѣдователь извѣстнаго софиста Горгія, написалъ сочиненіе по риторикѣ, отъ котораго до нашего времени ничего не сохранилось. О немъ упоминаетъ Платонъ въ „Федръ“.

²⁾ Все нижеслѣдующее разсужденіе Аристотеля о различіи между опытностью (ἐμπειρία) и искусствомъ (τέχνη) замѣчательно по своей чрезвычайной близости къ идеѣ научной индукціи, которая двадцать столѣтій спустя была открыта Бэкономъ Веруламскимъ. Если вдуматься ближе въ его мысли и въ точный смыслъ его словъ, то ясно станетъ, что онъ здѣсь говоритъ не о чемъ иномъ, какъ о различіи между такъ называемою *inductio per enumerationem simplicem*, извѣстною до Бэкона, и между индукціею этого послѣдняго. Опытность, по его словамъ, есть знаніе, нивьющее силу по отношенію къ нѣсколькимъ или многимъ явленіямъ извѣстнаго порядка; искусство есть знаніе, нивьющее значеніе по отношенію къ цѣлому порядку извѣстныхъ явленій, сколько бы ихъ не заключалось въ немъ. Извѣстно, что заслуга Бэкона и состояла именно въ томъ, что въ замѣнъ индукціи черезъ простое перечисленіе, дающей въ результатъ лишь приблизительную истину, справедливую, строго говоря, только въ предѣлахъ сдѣланныхъ наблюденій, онъ поставилъ индукцію научную, которая даетъ въ результатъ истину всеобщаго характера, распространяющуюся на неопредѣленное количество однородныхъ фактовъ, какъ настоящихъ, такъ и будущихъ. Это различіе и выражено Аристотелемъ въ томъ, что искусство отличается отъ простой опытности (= *ind. per enum. simpl.*) тѣмъ, что въ ней содержится знаніе вещей или явленій хаѣтлов. Это по отношенію къ тому, что *обнимается истинною, полученною путемъ научной индукціи* (всеобщее въ отличіи отъ многого единичнаго). Далѣе, самый способъ полученія этой истины состоитъ, по Бэкону, не въ умозрѣніи, а въ опытѣ; и Аристотель говоритъ: „искусство получается всякій разъ, когда изъ многихъ опытныхъ впечатлѣній произошло одно общее умозаключеніе о подобныхъ вещахъ“. Ясно, что это умозаключеніе и есть именно тотъ выводъ всеобщаго положенія, которое, по Бэкону, будучи перенесено въ дедукцію, можетъ послушать основаніемъ для силлогистическихъ умозаключеній (напримѣръ, положеніе „всѣ люди смертны“ для извѣстнаго силлогизма). Бэконъ думалъ, что наукъ средниѣ вѣковъ и его времени не доставало именно этихъ основныхъ всеобщихъ положеній, и поэтому-то всѣ построенія схоластики какъ бы висѣли на воздухѣ, опираясь лишь на нѣмно достоверныя основанія. Умѣніе находить эти основанія, эти большія послышки для дедукціи, онъ считалъ задачею своего новаго метода. Наконецъ *то, на что направляется опытное исследование, есть*, по Бэкону, *причина*: открывъ ее, мы и получаемъ въ выводѣ всеобщую истину, напримѣръ, открывъ, какая есть причинная связь между организаціею челоѣвѣка и явленіемъ смерти, можемъ уже сказать: „всѣ люди смертны“. И по Ари-

гда изъ многихъ опытныхъ впечатлѣній (*ἐννοημάτων*) произошло одно общее умозаключение (*ἐκλόγησις*) о подобныхъ [вещахъ]. Ибо получить умозаключение, что [и какому-нибудь] Каллію, страдавшему извѣстною болѣзнью, и Сократу, и многимъ [другимъ] въ частности помогло то-то именно—это относится къ опытности; но знать, что помогаетъ всѣмъ безъ исключенія, страдающимъ извѣстною болѣзнью, если подвести ихъ подъ одинъ видъ, будетъ ли то страданіе отъ воспаленія, отъ разлитія желчи или отъ горячки—[это относится] къ искусству. 6. На практикѣ, такимъ образомъ, опытность, по видимому, ничѣмъ не отличается отъ искусства. Мало того, мы видимъ, что опытные лучше достигаютъ цѣли, чѣмъ [люди], имѣющіе [только] теоретическое знаніе (*λόγος*), безъ опыта. Это потому, что опытность есть знаніе вещей по одиночкѣ, искусство же—[знаніе ихъ] вообще; а всякое дѣйствіе и всякое происхожденіе относится къ единичному ¹⁾. Такъ врачъ излѣчиваетъ не человѣка [вообще]—не говоримъ о случайномъ совпаденіи ²⁾ [частнаго съ общимъ] — но [именно] Каллія, Сократа и всякаго другаго больного, которому [конечно] приходится

стотелю (см. далѣе, стихъ 7—9), искусство отличается отъ опытности тѣмъ именно, что тогда какъ послѣдняя знаетъ только, что есть (*ὅτι ἐστίν*), первое знаетъ, почему (*διότι*) есть то, что есть. Такимъ образомъ три основные элемента индукціи Бэкона: 1) опытный путь, 2) направленный на познаніе причинъ и 3) дающій въ результатъ истину всеобщаго характера—указаны въ точности Аристотелемъ въ 1-й главѣ его „Метафизики“. Если свести въ одно все, что онъ говоритъ здѣсь о видахъ знанія, то ясно станетъ, что онъ опредѣляетъ ихъ всѣ, какіе существуютъ и въ настоящее время: 1) опытность или знаніе вещей по одиночкѣ; она не составляетъ никакой части науки и есть достояніе всѣхъ людей (въ отличіе отъ животныхъ, которые „опыту мало причастны“—замѣчательна осторожность этого выраженія, въ которомъ кое-что и дѣйствительно поправлено новѣйшими наблюденіями, показывающими, что нѣкоторые животные, напримѣръ, львы, сдѣлавъ что-нибудь неудачно, снова повторяютъ свои дѣйствія уже безъ цѣли достигнуть того, для чего первоначально совершено было неудавшееся дѣйствіе; 2) научная индукція, открывающая опытнымъ путемъ причинны и дающая знаніе всеобщаго характера; 3) умозрѣніе („родъ же человѣческій пользуется еще искусствомъ и размышленіемъ“, см. ст. 3).

¹⁾ То-есть, всякое дѣйствіе можетъ быть направлено только на единичное, и единичное же всегда происходитъ, образуется въ какомъ-либо процессѣ, напримѣръ, и лѣчится, и выздоравливаетъ единичный человѣкъ, а не человѣкъ вообще.

²⁾ Въ текстѣ хатѣ *συμβεβηχός*. О значеніи этого понятія, играющаго большую роль въ философіи Аристотеля, будетъ подробно говорить далѣе, *Мет.* кн. IV, гл. III. Здѣсь та мысль, что для процесса излѣчиванія, который относится къ этой единичной болѣзни, является совершенно случайнымъ и побочнымъ обстоятельствомъ то, что излѣчиваемое лицо есть въ то же время и человѣкъ.

быть и человекомъ. 7. Такъ что, если кто имѣеть безъ опыта теоретическое знаніе и понимаетъ, положимъ, общее, а не знаетъ частныхъ, которыя обнимаются этимъ общимъ ¹⁾, тотъ легко ошибется въ сужденіи. Ибо извѣчивается-то скорѣе частное.

Тѣмъ не менѣе мы думаемъ, что знать и понимать свойственнѣе искусству, нежели опытности, и предполагаемъ, что владѣющіе искусствомъ болѣе мудры, чѣмъ тѣ, которые имѣють [только] опытность. Ибо по мѣрѣ знанія сопровождается всѣхъ насъ мудрость. А это потому, что первые обладаютъ знаніемъ причины, вторые же нѣтъ; ибо опытные знаютъ, чтó есть, а почему оно—не знаютъ, а владѣющіе искусствомъ, понимаютъ почему, то-есть, знаютъ причину. 8. Поэтому и зодчаго или какого другаго руководителя ²⁾ въ каждомъ дѣлѣ мы болѣе уважаемъ и считаемъ болѣе свѣдущимъ и мудрымъ, чѣмъ простыхъ рабочихъ, потому что онъ знаетъ причины того, чтó дѣлается, а эти, какъ и нѣкоторые изъ неодушевленныхъ [существъ], хотя и выполняютъ [нѣчто], но выполняютъ, не понимая чтó, какъ, напримѣръ, огонь, [который] жжетъ. Но безжизненные [существа] выполняютъ то или другое изъ этихъ [дѣйствій] въ силу нѣкоторой природы [своей], а рабочіе въ силу привычки: они ³⁾ болѣе мудры, но не въ практическомъ отношеніи, а сообразно съ [нѣкоторымъ] теоретическимъ знаніемъ и [какъ бы] пониманіемъ причинъ. 9. И вообще признакъ знающаго есть способность научить ⁴⁾, и поэтому-то мы думаемъ, что искусство больше опытности есть наука ⁵⁾. Ибо [владѣющіе искусствомъ] могутъ научить, а владѣющіе только опытностью не могутъ. Сверхъ того, мы полагаемъ, что въ чувственныхъ воспріятіяхъ никакой нѣтъ [еще] мудрости; однако они

¹⁾ Въ текстѣ просто „въ немъ“.

²⁾ Въ текстѣ одно слово ἀρχιτέκτων, которое означаетъ не только зодчаго, но и вообще руководителя въ различныхъ искусствахъ и ремеслахъ.

³⁾ Греческій текстъ грамматически не ясенъ. Подъ „они“ (αὐτοῖς) можно разумѣть рабочихъ или архитекторовъ и вообще руководителей работъ. Въ первомъ случаѣ рабочимъ приписывается болѣе мудрости сравнительно съ безжизненными тѣлами, такъ какъ рабочіе, если и не знаютъ общей цѣли работы, то все-таки знаютъ цѣли частныхъ дѣйствій, которыя выполняются ими, напримѣръ, знаютъ, что камень, который они носятъ, для стѣны. Во второмъ случаѣ повторяется опять мысль, что руководители мудрѣе рабочихъ, такъ какъ знаютъ причины. Въ текстѣ, впрочемъ, предложеніе стоитъ безъ принятыхъ нами ограниченій „нѣкоторые“ и „какъ бы“.

⁴⁾ Эта мысль высказана была Платономъ въ Алкивиадѣ I-мъ.

⁵⁾ То-есть, въ искусствѣ болѣе заключено научнаго знанія, чѣмъ въ опытности.

именно даютъ свѣдѣнія, имѣющія господствующее значеніе въ отношеніи къ единичнымъ [предметамъ]. Но они ни о чемъ не говорятъ, почему это, напримѣръ, почему огонь горячъ, но [говорятъ] только, что онъ горячъ.

10. Поэтому естественно, что тотъ, кто, не слѣдуя чувственнымъ воспріятіямъ всѣхъ, впервые изобрѣтаетъ какое-нибудь искусство, дѣлается предметомъ удивленія для людей не только потому, что есть нѣчто полезное въ его изобрѣтеніи, но и какъ мудрый и отличающійся отъ другихъ. А потомъ, когда изобрѣтается еще больше искусствъ, и притомъ одни изъ нихъ для удовлетворенія нуждъ, другія же для пріятнаго провозженія жизни, то всегда подобныхъ людей мы считаемъ болѣе мудрыми, чѣмъ людей опыта, потому что знанія ихъ служатъ не для [непосредственной] нужды.

11. И потомъ уже, когда всѣ подобныя искусства установились, были найдены науки, которыя [не служатъ] ни для удовольствія, ни для необходимыхъ потребностей, и прежде всего тамъ, гдѣ [люди] имѣли досугъ. Такъ гдѣ-то въ Египтѣ впервые образовались искусства математическаго характера, ибо тамъ можно было имѣть досугъ кастѣ жрецовъ ¹⁾.

12. Въ „Этикѣ“ ²⁾ уже сказано было, какое различіе между искусствомъ, наукой и прочими однородными [сферами дѣятельности]. А теперь мы ведемъ рѣчь объ этомъ потому, что такъ-называемая мудрость, по общему мнѣнію, вращается въ области первыхъ причинъ и началъ. Такимъ образомъ, согласно со всѣмъ вышесказаннымъ, опытный кажется болѣе мудрымъ, чѣмъ имѣющіе [только] способность къ ощущеніямъ, какова бы ни была она, владѣющіе искусствомъ [мудрѣ] обладающихъ опытомъ, зодчій [мудрѣ] рабочаго, а умозрительныя изысканія (θεωρητικά) выше чисто практической дѣятельности. Итакъ, ясно, что мудрость [или философія] есть наука о нѣкоторыхъ причинахъ и началахъ.

¹⁾ Геродотъ (Ист., кн. II, гл. 109) нѣсколько иначе объясняетъ происхожденіе математическихъ знаній въ Египтѣ, именно геометріи. Онъ говоритъ, что Нилъ своими ежегодными разливіями сталкивалъ границы полей, которыя были опредѣлены первоначально Сезострисомъ; поэтому приходилось постоянно вновь размѣрять землю. Объясненіе Аристотеля общее и, быть можетъ, ближе къ истинѣ даже по отношенію къ Египту.

²⁾ „Этика Никомахова“, кн. VI, гл. 2—5.

II.

1. Если мы ищемъ такую науку, то не лишнимъ было бы раз-
смотрѣть [вопросъ], знаніе какихъ именно причинъ и какихъ началъ
есть мудрость. И вотъ если кто приметъ въ расчетъ тѣ мнѣнія, ка-
кія мы имѣемъ о мудромъ, то, быть можетъ, черезъ это [отвѣтъ для
него] болѣе выяснится.

2. Мы полагаемъ, прежде всего, что мудрецъ по возможности все
знаетъ, хотя бы и не владѣлъ знаніемъ въ отдѣльности каждаго
[предмета], и далѣе, [мы считаемъ] мудрымъ того, кто въ силахъ
узнать трудное и не легко доступное для человѣческаго познанія —
ибо имѣть чувственныя впечатлѣнія свойственно всѣмъ ¹⁾, потому
легко и [въ этомъ] нѣтъ ничего мудраго; потомъ, [по нашему мнѣ-
нію], тотъ болѣе мудръ во всякомъ знаніи, кто болѣе точенъ и спо-
собенъ научить познанію причинъ. 3. А изъ наукъ та скорѣе есть
мудрость, которая избрана ради себя самой и благодаря [самой воз-
можности] знать, чѣмъ та, которая [выбрана] ради своихъ результа-
товъ. И притомъ основное и господствующее знаніе скорѣе, нежели
знаніе служебное, [мы назовемъ] мудростью, ибо мудрому должно не
получать предписанія, но предписывать, и надлежитъ не ему слу-
шаться другаго, но его—менѣе мудрому.

4. Вотъ какихъ мнѣній и вотъ сколькихъ [точекъ зрѣнія] мы
держимся [въ вопросѣ] о мудрости и мудрецахъ. А изъ этихъ [при-
знаковъ мудраго] свойство знать все необходимо присуще тому, кто
болѣе всего обладаетъ знаніемъ всеобщаго, ибо онъ нѣкоторымъ об-
разомъ знаетъ все, обнимаемое [этимъ всеобщимъ] ²⁾. Съ другой сто-
роны, едва ли и не труднѣе всего знать людямъ это же, то-есть, наи-
болѣе всеобщее; ибо оно дальше всего лежитъ отъ чувственныхъ
воспріятія. Самыя же точныя изъ званій суть тѣ, которыя прямо ка-
саются первыхъ основъ. Ибо науки, [основанныя] на меньшемъ
числѣ [элементовъ], точнѣе такъ называемыхъ сложныхъ наукъ ³⁾,

¹⁾ То-есть, не только всѣмъ людямъ, но и животнымъ, какъ было уже ска-
зано въ предыдущей главѣ.

²⁾ Та же мысль выражена во второй Аналитикѣ, кн. I, гл. XXIV, ст. 13.

³⁾ Въ текстѣ: τῶν ἐκ πρῶτων ἀρχῶν λεγόμενων. Здѣсь подъ сложными науками
разумеются такія науки, элементы которыхъ неоднородны, напримѣръ, элементы
геометріи состоятъ изъ 1) понятій о количествѣ, какъ, напримѣръ, „всякое ко-
личество равно суммѣ своихъ частей“⁴⁾, и изъ 2) понятій пространственныхъ,

какъ, напримѣръ, арифметика [точнѣе] геометріи. 5. Но и болѣе способнымъ научать [является], конечно, тоже умозрительное [знаніе] причинъ; ибо научаютъ тѣ, которые объясняютъ причины въ каждомъ дѣлѣ. Знать же и понимать ради чисто теоретическаго интереса больше всего присуще наукѣ о наиболѣе познаваемомъ. Ибо тотъ, кто выбираетъ знаніе ради его самого, скорѣе всего выберетъ чисто теоретическое знаніе ¹⁾, а это послѣднее и есть [наука] о наиболѣе познаваемомъ. А болѣе всего познаваемы первыя начала и причины, ибо черезъ нихъ и изъ нихъ познается все прочее, а не они [познаются] черезъ себѣ подчиненное. А самое основное изъ знаній и преобладающее надъ служебнымъ есть то, въ которомъ содержится пониманіе дѣли ²⁾, ради которой ³⁾ все въ отдѣльности должно дѣлаться; это и есть благо во всемъ и въ каждомъ и вообще наилучшее въ цѣлой природѣ.

7. Итавъ, изъ всего сказаннаго [видно, что] разсматриваемое нами понятіе [мудрости] совпадаетъ съ однимъ и тѣмъ же понятіемъ науки; именно, она должна быть теоретическимъ [изысканіемъ] первыхъ началъ и причинъ, а вѣдь благо и то, для чего [что-либо] есть одна изъ причинныхъ основъ ⁴⁾. А что [это знаніе] не практическаго значенія, это ясно изъ [образа мыслей] первыхъ философствовавшихъ [людей]. 8. Ибо вслѣдствіе удивленія люди и теперь, и прежде начинали философствовать ⁵⁾, сперва почувствовавъ удивле-

напримѣръ, что линія имѣетъ одно, плоскость два и объемъ три измѣренія. Сложныя науки суть также болѣе узкія по своему содержанію и имѣющія предметомъ болѣе реальное. Напримѣръ, предметъ геометріи уже, и реальнѣе предмета арифметики, предметъ астрономіи уже и реальнѣе, нежели предметъ геометріи. То, что суживаетъ ихъ предметъ—элементы втораго рода, присоединяемые къ элементамъ простой науки—одновременно и открываетъ новую, совершенно особенную область познанія, отнюдь не содержащуюся, даже и скрытымъ образомъ, въ наукѣ болѣе общей. Такъ что болѣе сложная наука всегда какъ бы и обвиняется болѣе простою, и лежитъ виѣ ея.

¹⁾ Τὴν μάλιστα ἐπιστήμην, знаніе по преимуществу.

²⁾ Ранѣе говорилось (см. 1 гл.) о различіи между знаніемъ и пониманіемъ и указывалось какъ на отличительную черту втораго на то, что въ немъ содержится знаніе причины (δύοσι). Теперь указывается на знаніе дѣли, какъ на признакъ отличительный для пониманія. Въ мысли Аристотеля здѣсь нѣтъ двойственности, такъ какъ дѣль для него есть одинъ изъ видовъ причины (см. ниже, глава 3).

³⁾ Въ текстѣ: . . . есть понимающее, ради чего все . . .

⁴⁾ См. далѣе, гл. III, о различныхъ видахъ причины.

⁵⁾ Платонъ въ „Тевтетѣ“ говоритъ: „удивленіе есть философское чувство;

ние къ тѣмъ изъ вызывающихъ недоумѣніе предметовъ, которые были подъ руками, а потомъ мало по малу иди такимъ образомъ далѣе и встрѣтивъ затрудненіе въ болѣе важномъ, что, напримѣръ, касается ущербовъ луны или движеній солнца и звѣздъ или происхожденія вселенной (τοῦ παντός). А кто недоумѣваетъ и удивляется, тотъ думаетъ, что онъ не знаетъ. Поэтому и любитель миеовъ есть въ тѣ-которомъ смыслѣ философъ, такъ какъ миеовъ слагается изъ чудеснаго. Такимъ образомъ если философствовать начали, избѣгая незна-нія, то ясно, что стали преслѣдовать знаніе изъ жажды разумѣнія, а не ради какой-нибудь нужды. 9. Объ этомъ свидѣлствуютъ и самые факты, ибо когда все почти было на лицо, что необходимо и [служить] для облегченія жизни, тогда только подобнаго рода раз-умѣніе стало предметомъ исканія. Ибо ясно, что мы ищемъ его не по какой посторонней нуждѣ; но, подобно тому, какъ мы говоримъ: „это свободный человѣкъ“ про того, кто живетъ ради самого себя, а не ради другаго, такъ и между знаніями это только одно свободно, потому что оно одно существуетъ ради себя самаго ¹⁾. По этому-то и правильно было бы считать приобрѣтеніе его не человѣческимъ [дѣломъ]: вѣдь природа людей во многихъ отношеніяхъ является рабскою, такъ что, говоря словами Симонида ²⁾, Богъ одинъ могъ бы имѣть этотъ завидный удѣлъ, а человѣкъ не достоинъ искать не того знанія, которое ему прилично (то-есть, высшаго). 10. Если въ самомъ дѣлѣ вѣрить поэтамъ и если [такъ ужъ] устроено, что бо-жество завидуетъ, то естественно, что чаще всего оно завидуетъ по поводу этого именно, и несчастны всѣ тѣ, кто ищетъ чрезмѣрнаго. Но, съ другой стороны, не мыслимо, чтобы божество было завистли-

это истинное начало философіи“. Такимъ образомъ Аристотель не былъ пер-вымъ, высказавшимъ этотъ прекрасный и глубокий взглядъ на происхожденіе философіи. Однако сказанное у Платона нелькомъ у Аристотеля стоитъ во ве-деніи къ его философіи и передъ историческимъ обзоромъ прежнихъ филосо-фскихъ ученій. Очевидно, онъ болѣе глубокимъ образомъ считаетъ его источни-комъ философіи, быть можетъ сильнѣе почувствовать его въ себѣ самомъ.

¹⁾ Эта мысль, что мудрецъ изъ всѣхъ людей есть наиболѣе свободный, по-стоянно и настойчиво проводилась впоследствии въ стоической школѣ, какъ въ формѣ философскаго ученія, такъ и въ поэзии (напримѣръ, у Персія).

²⁾ Стихъ, о которомъ говоритъ Аристотель, приведенъ у Платона въ „Про-тагоръ“, но тамъ выраженная въ немъ мысль относится не къ знанію, а къ до-бродѣтели: „истинно трудно сдѣлаться человѣкомъ добрымъ, совершеннымъ во всѣхъ отношеніяхъ, человѣкомъ безъ недостатка; это преимущество принадле-жить одному Богу“.

вымъ, да и „пѣвцы много лгутъ“, какъ говоритъ пословица ¹⁾, съ другой стороны, [никакое] иное [знаніе] не слѣдуетъ считать болѣе почетнымъ, чѣмъ [знаніе] подобнаго рода. Вѣдь самое божественное знаніе—и самое почетное. А божественно оно во всякомъ случаѣ вдвойнѣ, ибо и то изъ знаній, которое скорѣе всего прилично имѣть Богу, божественно, и всякое, какое только трактуетъ о божественномъ. А единственно этому знанію выпало на долю то и другое: съ одной стороны, Богъ всѣмъ кажется одною изъ причинныхъ основъ и нѣкоторымъ началомъ. Съ другой стороны, [это знаніе] таково, что имъ можно обладать или одному только Богу; или Богу больше всего.

11. Однимъ словомъ всѣ [прочія знанія] нужнѣе этого, но ни одно не выше.

Однако результатъ обладанія такимъ знаніемъ долженъ быть для насъ противоположенъ побужденію къ первоначальному изслѣдованію. Вѣдь начинаютъ всѣ, какъ мы сказали, съ удивленія, [задаваясь вопросомъ], такъ ли это, подобно тому какъ автоматы [относятся] къ чудесамъ въ глазахъ тѣхъ, которые еще не открыли причины изъ движенія или когда [дѣло идетъ] о солнноротакъ или несоизмѣримости діаметра съ окружностью. Вѣдь всѣмъ кажется удивительнымъ, если что не измѣряется наименьшею [величиной].

12. А нужно, въ концѣ концовъ, придти къ противоположному и, по пословицѣ, закончить лучшимъ, какъ это бываетъ и въ приведенныхъ вопросахъ, когда [ихъ] изучать; потому что ни чему такъ не удивился бы геометръ, какъ еслибы діаметръ сталъ соизмѣримъ [съ окружностью].

Итакъ, вотъ какова природа искомаго знанія и вотъ какова цѣль, которой нужно достигнуть настоящему изслѣдованію и всему ходу его.

III.

1. Очевидно, что должно достигать знанія первоначальныхъ причинъ, ибо тогда [только] мы говоримъ, что вполнѣ понимаемъ то или другое, когда думаемъ, что намъ понятна первая причина ²⁾

¹⁾ Аристотель любитъ подтверждать свой взглядъ на вещи пословицами. Въ каталогъ его сочиненій у Діогена Лаэртія ему приписывается, между прочимъ, сборникъ народныхъ пословицъ.

²⁾ Подъ выраженіемъ „первая причина“ у насъ принято разумѣть причину, наиболее далеко отодвинутую во времени. Это понятіе возникло изъ ставшихъ слишкомъ привычными въ наше время механическихъ представленій. Тенденція

[его]. А о причинных основах можно говорить в четырех смыслах: во первых, причиною мы называем сущность ($\alpha\upsilon\tau\acute{\omicron}\iota\alpha$) и основание, в силу которого что-либо есть то, что оно есть и чем было ($\tau\acute{\omicron}\tau\acute{\iota}\ \eta\upsilon\ \epsilon\iota\upsilon\alpha\iota$)¹⁾—ибо каждое „почему“ сводится в концѣ концовъ къ первому основанію, а первое „почему“ есть причина и начало²⁾; во-

все сводить в последнем анализѣ къ толчку и движению и заставляетъ понимать и первую причину в формѣ толчка, движения, которое ничѣмъ, кромѣ положенія во времени (первое), не отличается отъ всѣхъ промежуточныхъ движений и наконецъ отъ того, которое мы наблюдаемъ. Аристотель былъ чуждъ этого узкаго и грубого представленія. Первая причина у него представляется, *Мет.* XII, не какъ впервые толкнувшее во времени, но какъ отъ начала влекущее къ себѣ все мировое развитіе, какъ то, не отъ чего, а къ чему все движется. Но здѣсь, говоря не объ одной, но о нѣсколькихъ причинныхъ основахъ, и притомъ такихъ, знаніе которыхъ даетъ полное пониманіе отдельныхъ предметовъ и явленій, онъ разумѣетъ то, что в отличіе отъ реальныхъ оснований вещи можно было бы назвать ея метафизическими основами. Это — послѣдніе элементы, на которые анализъ, глубокой и тонкій, на сколько возможно, разлагаетъ бытіе и понятіе каждой вещи.

¹⁾ Терминъ этотъ впервые введенъ въ философію Аристотелемъ и, подобно нѣкоторымъ другимъ его терминамъ, имѣетъ странный, грамматически необычайный складъ. Понятіе, въ немъ выраженное, имѣетъ не только важное, но и господствующее значеніе въ его системѣ. Какъ и остальные три смысла термина „причина“: матерія, начало движения и цѣль, онъ будетъ подробно разобранъ ниже, *Мет.* VI, 2. Изъ этого разбора видно, что подъ сложнымъ выраженіемъ $\tau\acute{\omicron}\tau\acute{\iota}\ \eta\upsilon\ \epsilon\iota\upsilon\alpha\iota$ скрывается понятіе того, что в послѣдствіи схоластическая философія обозначала терминомъ *causa formalis*, то-есть, форма, но не какъ геометрическое очертаніе только, а какъ живущее начало всякаго предмета или явленія, какъ его понятіе. Выраженіе это состоитъ изъ $\tau\acute{\iota}\ \epsilon\iota\upsilon\alpha\iota$ и $\eta\upsilon$. *Impref.* здѣсь для того, чтобы показать, что форма единичнаго предмета или явленія существуетъ не только въ текущей моментъ ихъ пребыванія, но что она изъ вѣка была и предопредѣляла это пребываніе и, съ другой стороны, что, когда единичная реальная вещь исчезла, она еще продолжаетъ существовать. Мы передали его выраженіемъ: „основаніе, в силу котораго что-либо есть то, что оно есть и чемъ было“, потому что по своей общности оно ближе всего опредѣляетъ сущность каждой вещи или явленія и указываетъ на положеніе, которое занимаетъ сущность по отношенію къ свойствамъ и къ другимъ сторонамъ бытія данной вещи или даннаго явленія.

²⁾ Задавая послѣдовательно вопросы „почему“, мы каждую послѣдующую (не во времени, но логически) причину объясняемъ изъ предыдущей и такимъ образомъ в концѣ концовъ доходимъ до начальной причины, дальше которой не можемъ идти. Всматриваясь въ эту причину, мы не видимъ для нея никакого другаго основанія, кромѣ ея собственного понятія, ея опредѣленія. Одинъ изъ лучшихъ комментаторовъ Аристотеля, Александръ Аеродисскій, приводитъ въ примѣръ вопросъ: „почему огонь жметъ?“ Объясняя одну причину другою, на

вторыхъ, [причиною мы называемъ] матерію (ἕλη) ¹⁾ и субстратъ (ὑποκείμενον) ²⁾, третьихъ, то, откуда начало движенія (ἀρχὴ τῆς γενέσεως), четвертыхъ, противоположное ей, именно то, ради чего что-либо [существуетъ], и благо (ибо оно есть цѣль всякаго происхожденія и движенія).

Это хотя достаточно разсмотрѣно у насъ въ „Физикѣ“ ³⁾, однако теперь примемъ въ расчетъ и тѣхъ, которые прежде насъ дошли до разсмотрѣнія сущаго и философствовали относительно истины. Ибо ясно, что и тѣ говорятъ о нѣкоторыхъ началахъ и причинахъ; поэтому предварительно обозрѣть [ихъ мнѣнія] будетъ не бесполезно въ ходѣ настоящаго изслѣдованія; такъ какъ мы или найдемъ какой-нибудь другой родъ причины, или тверже увѣримся въ только что указанныхъ.

Изъ первыхъ философовъ большинство думало, что только въ видѣ матеріи бываютъ начала всего. Именно, изъ чего состоятъ всѣ существа, откуда первоначально происходятъ они и во что въ концѣ концовъ погибая превращаются, при чемъ сущность хотя остается, но измѣняется въ своихъ проявленіяхъ, это самое они считаютъ началомъ всего сущаго. 3. И поэтому-то они думаютъ], что ничего не рождается и не погибаетъ, такъ какъ такая природа постоянно сохраняется, подобно тому, какъ мы не говоримъ прямо, что Сократъ появляется, если онъ дѣлается красивымъ или образованнымъ, ни того, что онъ уничтожается, когда утратилъ эти качества, потому что субстратъ, то-есть, самъ Сократъ остается. Также и изъ всего

которую она опирается, мы въ концѣ концовъ придемъ къ тому только выводу, что огонь жжетъ потому, что онъ жжетъ; это его свойство—жаръ и есть сущность огня.

¹⁾ ἕλη собственно значить „лѣсъ“. Этотъ терминъ также введенъ впервые Аристотелемъ для обозначенія матеріи какъ неопредѣленнаго вещества, изъ котораго возникаютъ опредѣленныя единичныя вещи, подобно тому, какъ лѣсъ служитъ безразличнымъ матеріаломъ для множества разнообразныхъ вещей, приготовляемыхъ изъ дерева.

²⁾ ὑποκείμενον собственно значить „подлежащее“. Этимъ терминомъ Аристотель обозначалъ неопредѣленную возможность опредѣленнаго бытія, то, что лежитъ въ основаніи единичныхъ вещей и явленій. Мы переводимъ его словомъ „субстратъ“, уже вошедшимъ въ философскую терминологию. Терминъ „подлежащее“ былъ бы удобнѣе для перевода, еслибы, къ сожалѣнію, онъ не имѣлъ слишкомъ опредѣлявшагося и исключительнаго грамматическаго значенія.

³⁾ Физика, кн. II, гл. III, ст. 2—3. Это мѣсто „Физики“ потомъ буквально повторяется въ Мет., кн. IV, гл. II, ст. 1—2.

прочаго ничега [вполнѣ не исчезаетъ и не возникаетъ]. Ибо должна быть или одна какая-нибудь природа ¹⁾, или больше одной, изъ которой рождается все остальное, при чемъ она сохраняется.

4. Однако на счетъ числа и вида подобнаго начала не всѣ согласны. Фалесъ ²⁾, по крайней мѣрѣ, родоначальникъ такого рода философіи, утверждаетъ, что это—вода (потому онъ объяснялъ, что и земля находится на водѣ ³⁾, извлекиши свое мнѣніе изъ наблюденія, что пища всего живаго влажна и самое тепло изъ этого происходитъ и этимъ поддерживается ⁴⁾, (собственно „живетъ“), а изъ чего происходитъ (все), то и есть начало всего; такъ вотъ почему онъ принялъ это мнѣніе, а также и потому, что сѣмена всего имѣютъ влажную природу, а вода есть основа природы влажнаго. 5. А иные полагаютъ, что такого же мнѣнія держались о природѣ и въ самой глубокой древности люди, жившіе далеко раньше теперешнаго поколѣнія и впервые начавшіе размышлять о божествѣ ⁵⁾. Именно,

¹⁾ Φύσις здѣсь очевидно употреблено въ смыслѣ того, что потомъ обозначалось словомъ „субстанція“.

²⁾ По нѣкоторымъ древнимъ свидѣтельствамъ, Фалесъ написалъ сочиненіе Περὶ τροπῆς καὶ ἰσημερίας, то-есть, „О солнечномъ поворотѣ и равноденствіи“ (въ стихахъ). То, что Аристотель, начиная обзоръ философіи, началъ ее именно съ Фалеса и назвалъ его родоначальникомъ философіи природы, послужило главною причиною того, что и всѣ позднѣйшіе историки философіи начинаютъ ее съ него же. Но ученіе пифагорейцевъ, хотя гораздо болѣе глубокое, нежели ученіе Фалеса, по всему своему характеру носитъ болѣе архаическія черты и ближе стоитъ къ древнѣйшимъ религіознымъ представленіямъ.

³⁾ Въ трактатахъ De coelo, I. II, с. XIII, 7, Аристотель также говоритъ о Фалесѣ и его ученіи: „Другіе говорятъ, что она (земля) лежитъ на водѣ; это именно мнѣніе мы принимаемъ какъ самое древнѣйшее. Его, говорятъ, высказалъ Фалесъ Милетскій, принимая, что она, какъ плавающее тѣло, остается на поверхности подобно дереву или чему другому въ томъ же родѣ, ибо ничто изъ подобнаго не можетъ держаться на воздухѣ, но только на водѣ,—какъ будто не одно и то же соображеніе приложимо и къ землѣ, и къ водѣ, несущей на себя землю; въдъ и вода не можетъ висѣть на воздухѣ, но на чемъ-нибудь“.

⁴⁾ Это, при первомъ взглядѣ, чрезвычайно странное мнѣніе, что тепло происходитъ отъ воды, быть можетъ, слѣдуетъ объяснять наблюденіемъ, что отъ присутствія влаги (сырости) многія вещества становятся болѣе теплыми вслѣдствіе происходящихъ при этомъ химическихъ процессовъ гніенія, броженія и пр.

⁵⁾ Въ текстѣ можно бы различать двѣ группы, во-первыхъ, древнѣйшіе философы и, во-вторыхъ, теологи. Но можно соединить эти понятія въ одно, такъ какъ до Фалеса едва ли были философы. Рѣчь здѣсь идетъ о Гомерѣ, Гезіодѣ и Ореевѣ.

они Океана ¹⁾ и Тефиду ²⁾ сдѣлали родоначальниками всего происшедшаго и свидѣтелемъ клятвы боговъ представляли воду — это такъ-называемый самими поэтами Стиксъ ³⁾. Почетнѣе же всего то, что древнѣе всего, а то, чѣмъ кланутся, всего почетнѣе. 6. Но исконнымъ ли и древнимъ оказывается такое мнѣніе о природѣ, это, быть можетъ, не совсѣмъ очевидно. Фалесъ, во всякомъ случаѣ, такъ именно, говорятъ, рассуждалъ о первой причинѣ. Гиппона ⁴⁾ же едва ли кто удостоилъ бы поставить въ этомъ ряду вслѣдствіе ничтожности его размысленій.

7. Далѣе, Анаксименъ ⁵⁾ и Діогенъ ⁶⁾ воздухъ прежде воды и скорѣе всего ставятъ началомъ простыхъ тѣлъ, Гиппась Метропонтійскій ⁷⁾ и Гераклитъ Эфесскій ⁸⁾ [указываютъ] огонь, а Эмпе-

¹⁾ См. Ном. Пиаз, XIV, 201 и слѣд., гдѣ говорится, что Океанъ есть прародитель всѣхъ боговъ, титановъ и олимпійцевъ. Онъ представляется (Ном. Пиаз, VII, 424 и слѣд.) въ видѣ рѣки, обтекающей море и землю и изъ которой восходятъ солнце, луна и звѣзды и снова потомъ заходятъ въ него. Стиксъ представляется какъ рукавъ Океана.

²⁾ По Гезіоду (Theogonia), Теида была титаниа, дочь Урана и Геи, жена Океана. У Ном. Пиаз, XIV, 200 и слѣд., она вмѣстѣ съ Океаномъ называется матерью всѣхъ боговъ.

³⁾ Стиксъ—подземная рѣка. Ном. II., XV, 37—38: „и черная вода Стикса съ ея таинственными волнами, величайшая изъ клятвъ, какую когда-либо имѣли бога“. Въ Ном. Od., V, 185, говорится, что клятва Стиксомъ считается самою не нарушимую у боговъ.

⁴⁾ Гиппонъ жилъ во времена Сократа и Перикла. Аристотель трактуетъ его съ такимъ же малымъ уваженіемъ въ De anima, I, I, ст. II, 18: „изъ болѣе грубыхъ нѣкоторые заявили, что душа есть вода, какъ, напримѣръ, Гиппонъ“.

⁵⁾ Анаксименъ написалъ сочиненіе іонійскою прозою, отъ котораго сохранился небольшой отрывокъ.

⁶⁾ Діогенъ Аполлонійскій, младшій современникъ Анаксагора, написалъ сочиненіе Περί φύσεως, отъ котораго у Смицидія сохранились многіе отрывки. Онъ выступилъ съ защитою ученія, что воздухъ есть начало всего, Анаксагора и его ученія о гомемеріяхъ (см. далѣе, ст. 8).

⁷⁾ Гиппась изъ Метропонта извѣстенъ почти только тѣмъ, что раздѣлялъ мнѣнія Гераклита.

⁸⁾ Гераклитъ Эфесскій написалъ сочиненіе, которое, по однимъ, называлось Μόβωσι, по другимъ, Περί φύσεως, отъ котораго сохранились многіе отрывки, собранные Шлейермахеромъ. Аристотель причисляетъ его къ еникамъ, но это можетъ быть сдѣлано лишь очень условно, именно на основаніи не внутренняго смысла его ученія, а лишь наружнаго и образнаго его выраженія. Гераклитъ говоритъ объ огнѣ, какъ началѣ всего, но лишь потому, что огонь, какъ преимущественно подвижная стихія, служитъ вѣрнѣйшимъ изображеніемъ вселивной. Центральное понятіе въ мышленіи Гераклита было понятіе процесса, ко-

доклѣ ¹⁾ — четыре [начала], прибавивъ къ указаннымъ землю. Эти именно стихіи постоянно пребываютъ и не иначе рождаются, какъ въ большемъ или въ меньшемъ количествѣ соединяясь въ одно и разъединяясь изъ одного. 8. Анаксагоръ же Клазоменскій ²⁾, который по возрасту старше послѣдняго, а съ сочиненіями выступилъ позже его, говоритъ, что начала безпредѣльны. Именно, почти все, состоящее изъ одинаковыхъ частицъ (ὁμομερῆ), какъ вода или огонь, по словамъ его, рождается и погибаетъ только посредствомъ соединенія и разъединенія, а иначе не рождается и не погибаетъ, но остается вѣчнымъ.

9. Итакъ, слѣдуя этимъ [философамъ], можно признать то только причину, что мыслится въ видѣ матеріи, а когда они дальше пошли въ этомъ направленіи, то самое дѣло проложило имъ дорогу къ болѣе глубокимъ изысканіямъ. Ибо если всякое разрушеніе и рожденіе вполнѣ идетъ отъ какого-либо элемента, одного или многихъ, то все-таки [является вопросъ], почему же оно происходитъ и что за причина этого. Вѣдь, конечно, не самый же субстратъ заставляетъ самого себя видоизмѣняться. Я приведу примѣръ: не дерево и не

тому все подвержено (πάντα ὑφεί και οὐδὲν μένει) и въ которомъ все одновременно и существуетъ, и не существуетъ (πάντα εἶναι και μὴ εἶναι). Что касается ученія объ огнѣ, то Клим. Ал. въ Strom. приводитъ нареченіе Гераклита: „Космосъ ни какииъ-нибудь богомъ, ни человекомъ сотворенъ, но былъ, есть и будетъ вѣчно живущій огонь, то воспаляющійся, то потухающій“. У Платарха сохранилось еще другое нареченіе того же содержания: „Все измѣняется въ огонь и огонь измѣняется во все, подобно тому, какъ золото превращается въ товаръ и товаръ въ золото“, De El. ar. Delph. 9.

¹⁾ Эмпедоклѣ изъ Агригента написалъ два сочиненія: Καθαρσί и Περί φύσεως; послѣднее заключало въ себѣ около 2,000 стиховъ и раздѣлялось на 3 книги, изъ которыхъ въ одной говорилось о бытіи, въ другой о происхожденіи предметовъ и явленій природы и въ третьей о человѣкѣ и душѣ. Многочисленные и большіе отрывки ихъ были собраны и объяснены Штурцеиъ, Карстеномъ и Муллакомъ.

²⁾ Анаксагоръ написалъ сочиненіе Περί φύσεως, отъ котораго много отрывковъ сохранилъ Симплиціи; ихъ собралъ Муллакъ, см. Fragm. phil. graec. За образующій принципъ міра онъ признавалъ разумъ, а за образуемое и матеріальное — „гомоиомеріи“. Этотъ послѣдній терминъ былъ впервые имъ введенъ по общему свидѣтельству всѣхъ древнихъ писателей, хотя въ дошедшихъ до насъ фрагментахъ онъ ни разу не встрѣчается. Аристотель въ трактатѣ De generatione et corruptione говоритъ, что этимъ терминомъ Анаксагоръ обозначилъ частицы, совершенно тождественныя по своей сущности цѣлому, такъ что каждая частица несетъ съ этимъ цѣлымъ одно имя, наприимѣръ, самаишшая частица и большая масса крови одинаково называются кровью.

мѣдъ бываютъ причиною перемѣны самихъ себя, не дѣлають же вѣдъ дерево кровати и мѣдъ статуя, а другое нѣчто бываетъ причиною перемѣны. И вотъ искать этого и значить искать другого начала, или, какъ мы бы сказали, искать, откуда начало движенія.

10. Итакъ, тѣ, которые съ самого начала вышли на этотъ путь изслѣдованія и утверждаютъ, что субстратъ одинъ, не создали себѣ никакой трудности. Но, тѣмъ не менѣе, иные изъ признававшихъ одинъ субстратъ, какъ бы побѣжденные [трудностью] этого вопроса, утверждаютъ, что единое это не движимо и цѣлая природа не движима не только въ отношеніи рожденія и разрушенія (ибо это искони и всѣ признавали), но и въ отношеніи всякой другой перемѣны. И въ этомъ ихъ особенность. Итакъ, изъ тѣхъ, которые утверждаютъ, что „все“ есть „единое“, никому не удалось подмѣнить подобнаго рода причины, кромѣ, пожалуй, Парменида, да и тому лишь на столько, на сколько онъ полагалъ не одно основное начало, а какъ бы два. А тѣмъ, которые принимаютъ больше началъ, конечно, есть больше возможности говорить [о движущей причинѣ], напримѣръ, если кто принимаетъ тепло и холодъ или огонь и землю, ибо они пользуются огнемъ какъ двигательною силою, а водой и землею и т. п. на оборотъ.

11. Послѣ нихъ и послѣ [признанія ими] такихъ началъ, мыслители стали искать, побуждаемые, какъ мы сказали, самою истиною, дальнѣйшаго начала. Ибо причиною того, что одни изъ существъ такъ хорошо обстоятъ (*εὐχεῖν*), а другіе столь хорошими и прекрасными рождаются, естественно не можетъ быть ни огонь, ни земля, ни что-либо другое подобное: да этого они и не думали. Опять же не въ лучшемъ положеніи было бы дѣло, еслибы приписать столько значенія самопроизвольности и случаю. 12. Поэтому если кто разумъ призналъ бы причиною основою міра и всего міроваго порядка (*ταῦτα*), какъ это есть въ живыхъ существахъ, тотъ бы явился какъ бы трезвымъ среди прежнихъ философовъ, говорившихъ на авось (*εἰκλή*). Отчетливо коснулся этихъ мыслей, какъ мы знаемъ, Анаксагоръ, а раньше говорилъ объ этомъ, какъ есть основаніе полагать, Гермотимъ Клазоменскій ¹⁾.

¹⁾ О Гермотимѣ Клазоменскомъ ничего не извѣстно, кромѣ какъ только изъ этого мѣста Аристотеля. Уже гораздо позднѣе Плиній Старшій въ своей *Nat. naturalis*, l. VII, с. 53, приводитъ фантастическій разказъ о томъ, что душа Гермотима могла на время отрѣшаться отъ своего тѣла и, побывавъ въ разныхъ мѣстахъ, снова возвращалась въ него, и тогда Гермотимъ разказывалъ о

13. Итакъ, державшіеся этого образа мыслей полагали началомъ всего сущаго одновременно и причину благоустройства міра (τοῦ καλῆς), и причину, откуда во всемъ существующемъ происходитъ движеніе.

IV.

1. Можно подозрѣвать, что Гезіодъ первый выразилъ подобное [мнѣніе], даже еслибы кто другой положилъ въ основу всего сущаго любовь или страсть, какъ это сдѣлалъ и Парменидъ. Ибо послѣдній, изображая происхожденіе вселенной (τοῦ παντός), говоритъ:

Раньше всѣхъ боговъ онъ насадилъ любовь,

а Гезіодъ [говорить]:

Всего раньше Хаосъ родился,
А потомъ земля широкогрудая
И любовь, которая надъ всѣми бессмертными выдается.

значить во всемъ существующемъ должна быть на лицо какая-нибудь причина, которая приводила бы вещи въ движеніе и соединяла бы ихъ. А въ какое отношеніе ихъ слѣдуетъ поставить, то-есть, кто первый это сказалъ, это мы разберемъ послѣ. 2. А такъ какъ и противоположное доброду оказывалось лежащимъ въ природѣ, то-есть, не только порядокъ и прекрасное, но также и беспорядокъ и безобразное, и даже злого болѣе въ ней, чѣмъ добраго, и дурнаго болѣе, чѣмъ прекраснаго, то поэтому пришлось внести взаимное влеченіе (φιλία) и раздоръ ¹⁾, какъ двѣ соответствующія причины двухъ указанныхъ сторонъ существующаго. 3. Ибо если искать рѣшенія

томъ, что она видѣла въ своихъ страствованіяхъ. Разъ враги его, воспользовавшись этою временною отлучкою души, взяли и бросили его тѣло въ огонь и такимъ образомъ умертвили Гермотима.

¹⁾ Мы уклонились отъ перевода „любовь и раздоръ“, какъ это принято обыкновенно и въ переводахъ, и въ изложеніяхъ древней философіи. Стремясь найти причину движенія, греческіе философы, очевидно, этими словами хотѣли выразить лишь то, что въ природѣ нѣкоторые тѣла сближаются, влекутся другъ къ другу, а другія не только остаются безразличными, но и стремятся удалиться одно отъ другаго. Чтобы выразить это новое понятіе о соотношеніи между тѣлами природы, они естественно употребили слова, которыя уже были въ ихъ языкѣ для обозначенія подобнаго же явленія въ сферѣ человеческой жизни, во все не перенося на природу тѣхъ особенностей чувства любви, которыя въ немъ существуютъ помимо того, что оно сближаетъ, влечетъ.

вопроса, слѣдую здравому размышленію, а не осганавливаться на томъ, о чемъ заикается ¹⁾ Эмпедоклъ, то всякій найдетъ, что взаимное влеченіе есть причина добраго, а раздоръ—злаго; такъ что, если бы кто утверждалъ, что Эмпедоклъ, и притомъ первый, говорилъ какимъ бы то ни было образомъ о влѣ и добрѣ, какъ объ основныхъ началахъ, то онъ, можетъ быть, былъ бы правъ—конечно, если только причинною основою всего благого служить самое благо (τὸ ἀγαθόν), а злого самое зло.

4. Итакъ, указанные нами философы коснулись доселѣ двухъ причинныхъ основъ изъ тѣхъ, которыя мы разграничили въ книгѣ „О природѣ“: матеріи (ἔλη) и того, откуда движеніе, конечно, глухо и вовсѣ не ясно, подобно тому, какъ поступаютъ въ сраженіи не обученные бойцы: вѣдь и они, поворачиваясь кругомъ, наносятъ часто хорошіе удары, но какъ эти дѣйствуютъ не по правиламъ своего искусства, такъ и тѣ, по видимому, не ясно понимаютъ то, о чемъ говорятъ. Ибо они, оказывается, почти нисколько не пользуются своими выводами, развѣ только самую малость. 5. Такъ Анаксагоръ пользуется Разумомъ какъ deo ex machina ²⁾ для міроздавія, и когда онъ недоумѣваетъ, по какой причинѣ что-либо необходимо существуетъ, то тащитъ его на сцену, а въ другихъ случаяхъ все [что угодно] выставляетъ причиною совершающагося, только не разумъ ³⁾. И Эмпедоклъ, хотя нѣсколько болѣе, нежели онъ, пользуется своими причинными основами, но все-таки недостаточно и находитъ въ нихъ

¹⁾ Всюду, гдѣ Аристотель говоритъ объ Эмпедоклѣ, у него проглядываетъ нѣкоторая непріязнь къ этому философу. Быть можетъ, это слѣдуетъ объяснять слишкомъ различнымъ складомъ ума того и другаго. Эмпедоклъ въ очень сильной степени былъ натурою созерцательною. Онъ высказывалъ свои мнѣнія, часто вовсе не заботясь ихъ доказывать, просто какъ взглядъ на природу, не рѣдко болѣе поэтическій, нежели основанный на доводахъ разума. Платонъ въ „Сошнствѣ“ называетъ мышленіе Эмпедокла „мягкимъ и извлеченнымъ“ (μαλακώτερος). Въ своихъ сочиненіяхъ, употребивъ какое-нибудь удачное выраженіе, онъ любитъ повторять его еще нѣсколько разъ, прибавляя самъ: „что хорошо, то можно сказать и дважды, и трижды“. По словамъ Діогена Лээртійскаго, Аристотель считалъ Эмпедокла родоначальникомъ риторическаго искусства. Все это слишкомъ противорѣчло строгому складу мышленія Аристотеля. Сюда присоединяется, быть можетъ, и коренная разница во взглядахъ, напимръ, на происхожденіе организмовъ (цѣлесообразное—по Аристотелю, случайное—по Эмпедоклу).

²⁾ Μηχανῆ χρηστῆ τῆ φύ.

³⁾ Въ этомъ же самомъ упрекалъ Анаксагора раньше еще Платонъ въ Федонѣ.

не то, что слѣдуетъ. По крайней мѣрѣ во многихъ мѣстахъ у него взаимное влеченіе раздѣляетъ и раздоръ соединяетъ. Именно всякій разъ когда вселенная ¹⁾ (τὸ πᾶν) разъединена раздоромъ на стихіи, огонь соединяется въ одно и также каждая изъ прочихъ стихій; а когда опять всѣ стихіи, вслѣдствіе взаимнаго влеченія сходятся въ одно, частицы каждой стихіи по необходимости опять раздѣляются. 6. Итакъ, Эмпедоклъ первый въ ряду прежнихъ философовъ внесъ эту причину, раздѣливъ ее, потому что принялъ не одно начало движенія, но два различныя и притомъ противоположныя. Крожѣ того, хотя онъ первый принялъ четыре стихіи, рассматриваемыя имъ въ видѣ матеріи, [на дѣлѣ] же онъ пользуется не четырьмя, а какъ бы только двумя: огнемъ самимъ по себѣ и противоположными, именно землею, воздухомъ и водою, какъ одною природою ²⁾. Все это можно извлечь изъ его поэмы ³⁾. 7. Такъ вотъ въ какомъ смыслѣ и сколько началъ признавалъ онъ.

Левкиппъ ⁴⁾ же и его другъ Демокритъ ⁵⁾ стихіями признаютъ „полное“ и „пустое“, какъ бы говоря, что одно есть сущее, а другое не сущее. Именно полное и плотное они считаютъ сущимъ, а

¹⁾ По представленію Эмпедокла, въ началѣ всѣ стихіи покоились неподвижно, соединенныя въ одинъ „круглобой Сферосъ“ (σφαῖρος; κυκλωτήρ). Но раздоръ разрываетъ это первоначальное единство, и тогда „все въ разнообразныхъ видахъ стремится врозь“. Но въ то же время взаимное влеченіе соединяетъ отдѣльныя частицы въ тѣла. Въ этихъ тѣлахъ, соединенныхъ взаимнымъ влеченіемъ, однако присутствуетъ и раздоръ, и именно въ неорганическихъ тѣлахъ въ большей степени, въ органическихъ тѣлахъ въ меньшей. Неодобрительное замѣчаніе Аристотеля, быть можетъ, вызвано именно этою совмѣстностью и влеченія, и раздора въ одномъ и томъ же.

²⁾ Въ трактатѣ *De generatione et corruptione*, lib. II, с. 3, Аристотель повторяетъ это: „нѣкоторые прямо принимаютъ четыре элемента, какъ Эмпедоклъ. Но и этотъ сводитъ ихъ на два, именно огню онъ противопоставляетъ все прочее“. На этихъ двухъ мѣстахъ Аристотеля утверждается повторимое всеми историками мнѣніе, что Эмпедоклъ пользовался четырьмя стихіями какъ двумя.

³⁾ Этого мѣста въ его поэмѣ не сохранилось.

⁴⁾ О Левкиппѣ извѣстно то только, что онъ былъ современникомъ Анаксгора, ученикомъ Парменида и учителемъ Демокрита. Родиномъ его одни считаютъ Милетъ, другіе Элею, третьи Абдеру. Невозможность приписать ему что-либо въ отдѣльности отъ Демокрита служитъ причиною того, что Аристотель, приступая къ изложенію атомистическаго ученія, какъ и другіе, называетъ его рядомъ съ Демокритомъ.

⁵⁾ Демократъ былъ родомъ изъ Абдеръ, іонійской колоніи во Фракіи. По Аполлодору, онъ родился въ 460 году до Р. X. и умеръ на 90 году жизни.

пустое и не полное несущимъ (поэтому-то они и утверждаютъ, что сущее нисколько не болѣе существуетъ, чѣмъ не сущее, такъ какъ и пустота [не менѣе дѣйствительна], чѣмъ тѣло) ¹⁾. Эти стихіи они

¹⁾ Представленіе о полномъ и пустомъ и особенно приравниваніе ихъ къ сущему и къ не сущему историки философіи ставятъ въ историческую связь съ элейскимъ ученіемъ, изъ котораго развился атомизмъ. Именно они говорятъ, что Левкиппъ былъ согласенъ со своимъ учителемъ Парменидомъ въ невозможности проихожденія и исчезновенія (въ абсолютномъ смыслѣ) вещей. Но съ тѣмъ вмѣстѣ онъ и не хотѣлъ признавать лишь кажущимся наблюдаемаго движенія и разнообразія природы. Но Парменидъ основывался въ своихъ мысляхъ о неподвижности и неизмѣнности сущаго на логической невозможности признать реальнымъ небытіе (οὐκ ἔστι τι ἢ εἶναι, οὐτε γάρ ἄν ὑποίητο τό γε μὴ εἶναι, οὐ γάρ ἀφικτόν, οὐτε φράσαις, говоритъ онъ у Симпл.). Поэтому, чтобы объяснить возможность движенія множественности и переменъ, Левкиппъ и Демокритъ признали небытіе столь же дѣйствительнымъ, какъ и бытіе. Но существующее, по Пармениду, есть наполняющее пространство, не существующее—пустое. Отсюда ученіе атомистовъ о существованіи пустоты. Въ ихъ представленіи пустота проникаетъ и смѣшивается съ бытіемъ, такъ что ни сама не является соединенною въ одно, ни бытію не позволяетъ оставаться въ видѣ сомкнутой массы, но разбиваетъ его на множество частицъ, являясь среди нихъ въ видѣ промежутковъ. Однако принимая во вниманіе то, что говорится далѣе, ст. 8: „полагая начала плотнаго и рѣдкаго началами измѣненій“, можно связывать проихожденіе атомизма и болѣе общимъ образомъ со всѣмъ предыдущимъ развитіемъ греческой философіи. И въ самомъ дѣлѣ, преданіе выводитъ Левкиппа не только изъ Элея, но и изъ Милета, и его ученіе можетъ быть выведено изъ іонійскаго не менѣе основательнаго, нежели изъ элейскаго. Дѣло въ томъ, что уже Іонійская школа философіи, разыскивая, что можно было бы съ наибольшою вѣроятностью признать за субстратъ всего, принимала единичныя тѣла за продукты или сватія, или разрѣженія этого субстрата. Такъ, если вода—субстратъ, то земля есть известная степень сгущенія его, а воздухъ—разрѣженія. Поэтому и Аристотель думалъ, что съ іонійской точки зрѣнія всего правильнѣе было бы принять за субстратъ или огонь, и тогда все считать за его сгущеніе, или землю, и тогда все считать за степени ея разрѣженія (см. далѣе текстъ, гл. VIII, ст. 3—6). Но сгущеніе и разрѣженіе есть только ступени, есть только замѣняющееся отношеніе, и то, къ чему ведутъ эти ступени, что создаетъ собою эти отношенія, есть „пустое“ и „плотное“ въ абсолютномъ смыслѣ. Пустота есть предѣлъ, къ которому стремится и которымъ заканчивается всякое разрѣженіе, непроницаемо плотное есть предѣлъ, которымъ завершается всякое сгущеніе, и какъ изъ созерцанія линій, болѣе или менѣе кривыхъ, могло получиться въ отвлеченіи понятіе о линіи, совершенно чуждой кривизны (прямая), такъ изъ постояннаго представленія сгущенія и разрѣженія естественно возникло понятіе о плотномъ и пустомъ. Но разрѣженіе и сгущеніе есть то, что равномерно проникаетъ всю массу сгущающагося и разрѣжающагося. Отсюда—идея безчисленныхъ малыхъ непроницаемо плотныхъ тѣлъ (атомы, какъ предѣлъ въ идеѣ степеней сгущенія) и пустоты (щели, какъ предѣлъ въ идеѣ разрѣженія). Это и есть атомизмъ.

признавали причинами всего существующаго въ смыслѣ матеріи. 8. И подобно тому какъ принимающіе лежащую въ основѣ вещей сущность за единое, все прочее производятъ изъ ея способности къ видоизмѣненіямъ (*πάθει*), точно такимъ же образомъ и эти, полагая понятія плотнаго и рѣдкаго началами измѣненій, утверждаютъ, что извѣстнаго рода различія въ нихъ суть причины всего прочаго. А этихъ различій они считаютъ три вида: форма, порядокъ и положеніе. Именно, они говорятъ, что сущее различается только очертаніемъ (*ὄμοιός*), соприкосновеніемъ (*διαθιγῆ*)¹⁾ и поворотомъ (*τροπή*); при чемъ очертаніе—это форма, соприкосновеніе—это порядокъ (*τάξις*) и поворотъ—это положеніе²⁾. Такъ *A* отличается отъ *N* формой, *AN* отъ *NA* порядкомъ, а *Z* отъ *N* положеніемъ. Вопросъ же о движеніи, откуда или какъ оно происходитъ во всемъ существующемъ, и эти философы, подобно прочимъ, по небрежности опустили изъ виду.

9. Итакъ, относительно двухъ причинъ, какъ мы говоримъ, вотъ на сколько подвинуто дѣло впередъ прежними философами.

V.

1. Въ это же [время] и [еще] раньше названныхъ философовъ такъ называемые пифагорейцы³⁾, предавшись математическимъ занятіямъ, первые выдвинули ихъ впередъ и, пропитанные ими, математическія начала стали считать за начало всего существующаго. 2. А такъ какъ числа по [своей] природѣ суть первичныя [элементы]

¹⁾ *ὄμοιός* и *διαθιγῆ*—мѣстныя абдерскія выраженія, употребляемыя Демокритомъ, которыя поэтому Аристотель и переводитъ на греческій литературный языкъ.

²⁾ Въ Физикѣ, кн. I, гл. V, ст. 1, Аристотель лучше поясняетъ два изъ этихъ различій: „Демокритъ принимаетъ твердое и пустое, изъ которыхъ первое считаетъ, какъ существующее, а второе, какъ не существующее. Кроме того, онъ различаетъ ихъ по положенію, по формѣ и порядку, а это различные роды противоположнаго: къ положенію относятся понятія сверху и внизу, впереди и сзади, къ формѣ—уголъ, прямая окружность“.

³⁾ Аристотель никогда не говоритъ о самомъ Пифагорѣ, безъ сомнѣнія, вслѣдствіе трудности отличать то, что принадлежитъ ему собственно, отъ того, что было развито впоследствии многочисленными послѣдователями его ученія. Рядъность его выраженія: „въ это же время и еще раньше названныхъ философовъ“ указываетъ, безъ сомнѣнія, на то, что онъ имѣетъ въ виду и самого Пифагора и позднѣйшихъ пифагорейцевъ.

ихъ, въ числахъ же они, по видимому, усматривали многія сходства съ существующимъ и съ происходящимъ, гораздо болѣе, чѣмъ въ огнѣ, въ землѣ и въ водѣ (потому что такое-то проявленіе (κᾶδος) чиселъ [они считали] справедливостью, такое-то—душою и разумомъ, такое-то—благоприятнымъ временемъ [для дѣйствій], словомъ сказать и въ остальномъ подобно этому,—и въ числахъ, кромѣ того, видѣли проявленія и соотношенія (ἀβυθος) музыкальныхъ гармоній; далѣе, такъ какъ имъ казалось, что и въ остальномъ вся природа уподобляется числамъ, числа же суть [нѣчто] первоначальное сравнительно со всею природою, то въ виду всего этого они предположили, что элементы (στοιχεῖα) чиселъ суть элементы всѣхъ существъ и что дѣлюе небо есть гармонія ¹⁾ и число. И все, что имѣли указать въ числахъ и въ гармоніяхъ соответственнаго съ движениемъ (κίνησις) и съ частями неба и съ дѣльнымъ мироустройствомъ, все это собирая они прилагали къ дѣлу. 3. А если чего гдѣ не доставало, они старались пополнить, чтобы ученіе у нихъ было связнымъ дѣлымъ. Приведу примѣръ: такъ какъ десятковъ кажется [чѣмъ-то] совершеннымъ и охватываетъ всю природу чиселъ, то они утверждаютъ, что и несущихся по небесному своду [тѣль] десять; а такъ какъ видимо только девять, то они дѣлаютъ еще десятое, противоположащее землѣ (ἀντίχθων)²⁾. 4. Точнѣе все это разграничено нами въ другомъ мѣстѣ ³⁾, а здѣсь заговорили мы объ ихъ ученіи только для того, чтобы и

¹⁾ Для объясненія загадочнаго на первый взглядъ ученія пифагорейцевъ о гармоніи приведемъ слѣдующій отрывокъ изъ Филолая: „такъ какъ начала вещей не подобны и не однородны, то порядокъ между ними былъ бы невозможенъ, еслибы какимъ-либо образомъ не соединила ихъ гармонія. Подобное и однородное, правда, не имѣло нужды въ гармоніи, но различное, неоднородное и несообразное не могло безъ нея обойтись, когда имъ предстояло сложиться въ космосъ“ (этотъ отрывокъ сохранился у Стобея).

²⁾ Въ De Coelo, I. II, cap. XIII, 1, Аристотель такъ говоритъ объ этомъ ученіи пифагорейцевъ: „они утверждаютъ, что въ срединѣ находится огонь, а земля—это одно изъ свѣтилъ (ἀστέρων), которое, несясь кругомъ по срединѣ, производитъ день и ночь. Кромѣ того, они создаютъ другую, противоположную ей землю, которую они называютъ именовъ ἀντίχθων, изыскивая при этомъ основанія и причины не въ явленіяхъ дѣйствительности, а по какимъ-то своимъ собственнымъ соображеніямъ и мифамъ, притягивая къ дѣлу и стараясь украсить явленія“.

³⁾ Предполагаютъ, что это былъ особый трактатъ, теперь утраченный, который разбиралъ космогоническія представленія пифагорейцевъ. О немъ упоминаетъ Александръ Аеродизскій.

отъ нихъ получить [свѣдѣнія], какія именно начала они полагаютъ и какъ нападаютъ на слѣдъ указанныкъ. 5. Оказывается, что и они ¹⁾ считаютъ число началомъ какъ матерію для существующаго и какъ проявленія и состоянія, элементами же числа считаютъ четное и нечетное, одно изъ нихъ принимая ограниченнымъ ²⁾, другое безграничнымъ, а „единое“ состоитъ, [по ихъ мнѣнію], изъ обонхъ ихъ (именно оно и четно, и нечетно), число же [происходитъ] изъ единого и цѣлыя небеса ³⁾, какъ сказано, суть число. 6. Другіе же изъ нихъ ⁴⁾ говорятъ, что есть десять началъ, расположенныхъ соответственно другъ другу: конечное и безконечное, нечетное и четное, одно и множество, правое и лѣвое, мужское и женское, покоящееся и движущееся, прямое и кривое, свѣтъ и тьма, доброе и злое, квадратное и продолговато-четвероугольное. Такимъ же именно образомъ, по видимому, думалъ и Алкмей Кротонскій ⁵⁾, и безъ сомнѣнія, или онъ отъ нихъ, или они отъ него заимствовали это учение. Вѣдъ Алкмей былъ молодымъ во время старости Пифагора, а высказывался онъ сходно съ ними (пифагорейцами) ⁶⁾. Именно, онъ утверждаетъ, что большая часть человѣческихъ дѣлъ ⁷⁾ существуетъ двойко, приводя противоположности, разграниченныя не такъ, какъ у этихъ, но какъ попало, напримѣръ, бѣлое и черное, сладкое и горькое, доброе

¹⁾ То-есть, также, какъ и іонійскіе философы.

²⁾ Πεπερασμένον = ограниченное, у Филолая περαιῖνον = ограничивающее. Выраженіе Аристотеля противорѣчатъ общему смыслу ученія пифагорейцевъ о числахъ, потому что тогда совокупность всѣхъ чиселъ (исчерпывающихся четными и нечетными) явится чѣмъ-то пассивнымъ, и притомъ частью неопредѣленнымъ (четныя числа), частью-же опредѣлившимся, но не собственною силою, а чѣмъ-то инымъ явнымъ лежащимъ. Такъ-какъ съ понятіемъ предѣла, ограниченія во всей древней философіи было связано представленіе о реальномъ бытіи, о томъ совершенномъ, во что черезъ присоединеніе предѣла преобразуется первоначальный хаосъ, то ясно, что въ этомъ случаѣ числа явились бы лишь устроенымъ началомъ, но не устроившимъ.

³⁾ Слово „небеса“, „ὄρατος“ Аристотель часто употребляетъ въ значеніи „вселенной“.

⁴⁾ Аристотель здѣсь намекаетъ на какое-то развѣтвленіе пифагорейскаго ученія.

⁵⁾ Аристотель нѣсколько разъ упоминаетъ объ Алкмей Кротонскомъ, но объ немъ ничего не извѣстно, кромѣ того, что онъ былъ современникомъ Пифагора.

Во многихъ рукописяхъ этого предложенія нѣтъ, повтому оно считается вставкою невѣстнаго читателя или переписчика.

⁷⁾ Судя по дальнѣйшему, здѣсь нужно понимать то, о чемъ человѣкъ можетъ судить, а не его собственныя дѣла.

СОДЕРЖАНІЕ
ДВѢСТИ-ШЕСТЬДЕСЯТЬ-СЕДЬМОЙ ЧАСТИ
ЖУРНАЛА
МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОСЛАНІЯ.

Высочайшія повелѣнія.

СТРАН .

1. (16-го октября 1889 года). Обь учрежденіи стипендіи при С.-Петербургскомъ 2-мъ реальномъ училищѣ	3
2. (16-го октября 1889 года). Обь учрежденіи стипендіи при вновь открытомъ Дерптскомъ правительственномъ двухклассномъ училищѣ для дѣвочекъ	—
3. (17-го ноября 1889 года). О закрытіи Гольдингенской гимназій	4
4. (20-го ноября 1889 года). Обь измѣненіи нѣкоторыхъ параграфовъ устава Дерптскаго университета	—
5. (20-го ноября 1889 года). О правахъ по воинской повинности окончившихъ курсъ въ двухклассныхъ русско-киргизскихъ училищахъ Уральской области	7
6. (2-го ноября 1889 года). О правахъ по воинской повинности штатныхъ помощниковъ классныхъ наставниковъ въ учебныхъ заведеніяхъ, содержимыхъ правительствомъ или имѣющихъ утвержденныя правительствомъ уставы	—
7. (21-го ноября 1889 года). Обь открытіи I и II классовъ при Мѣнскомъ реальномъ училищѣ	8
8. (27-го ноября 1889 года). О порядкѣ опредѣленія техническихъ должностей, при занятіи конихъ лица, окончившія курсъ въ высшихъ техническихъ заведеніяхъ, приобрѣтаютъ право на производство въ чины, соответствующіе ихъ ученымъ званіямъ	25
9. (27-го ноября 1889 года). Обь учрежденіи въ Харьковскомъ и Казанскомъ ветеринарныхъ институтахъ должности помощника инспектора	26

10. (27-го ноября 1889 года). Объ учрежденіи третьей должности инспектора народных училищъ въ Туркестанскомъ краѣ	27
11. (16-го декабря 1889 года). Объ описаніи форменной одежды для учениковъ Красноуфимскаго промышленнаго училища	—
12. (16-го декабря 1889 года). О сокращеніи числа стипендій, учрежденныхъ при Тамбовской гимназій	28
13. (18-го декабря 1889 года). О срокахъ для взноса пособій на содержаніе учебныхъ заведеній	29

ВЫСОЧАЙШІЯ НАГРАДЫ 7 и 82

МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (22-го октября 1889 года). Положеніе о стипендіи при Люблинской мужской гимназій въ память чудеснаго избавленія Ихъ Императорскихъ Величествъ и Августѣйшихъ Дѣтей Ихъ отъ опасности 17-го октября 1888 года	9
2. (22-го сентября 1889 года). Положеніе о стипендіи при С.-Петербургскомъ второмъ реальномъ училищѣ въ память чудеснаго избавленія Августѣйшей Семьи отъ опасности 17-го октября 1888 года	10
3. (22-го октября 1889 года). Положеніе о стипендіяхъ имени вдовы потомственнаго почетнаго гражданина Юліи Ивановны Базановой при Александровскомъ Тюменскомъ реальномъ училищѣ	11
4. (26-го октября 1889 года). Положеніе о стипендіи имени дворянина Ивана Владиславовича Роецкаго при Императорскомъ университетѣ св. Владимира	13
5. (21-го ноября 1889 года). Положеніе о стипендіи при Илукетскомъ городскомъ училищѣ въ память событія 17-го октября 1888 года	14
6. (23-го ноября 1889 года). Положеніе о стипендіи при Московской 3-й гимназій имени бывшаго воспитанника оной Александра Герасимовича Коммиссарова	—
7. (6-го декабря 1889 года). Положеніе о стипендіи имени умершаго вронштадтскаго 2-й гильдіи купца Николая Ивановича Сидорова при Кронштадтской мужской гимназій	15
8. (12-го декабря 1889 года). Положеніе о стипендіи имени Василія Филипповича Перласова при Рижской женской Ломоносовской гимназій	16
9. (14-го декабря 1889 года). Положеніе о стипендіи имени горійскаго гражданина Александра Мелхиседековича Теръ-Авопова при Горь-Анастасіевской женской прогимназій	17
10. (14-го декабря 1889 года). Положеніе о стипендіи имени крестьянина Черниговской губерніи Ефрема Ивановна Козько при Анапскомъ городскомъ трехклассномъ училищѣ	18
11. (14-го декабря 1889 года). Положеніе о стипендіи имени умершихъ Павла и Андрея Герасимовичей Камариныхъ при Рижскомъ городскомъ училищѣ императрицы Екатерины II	—

12. (14-го декабря 1889 года). Объ утвержденіи правилъ для выдачи свидѣтельствъ на льготу при отбываніи воинской повинности ученикамъ евангелическо-лютеранскихъ сельскихъ училищъ въ губерніяхъ Лифляндской, Курляндской и Эстляндской	30
13. (21-го декабря 1889 года). Положеніе о стипендіяхъ имени мѣщавки Юліи Ильинишны Александровой при Императорскомъ Московскомъ университетѣ	39
14. (9-го января 1890 года). Положеніе о стипендіи имени вдовы коллежскаго совѣтника Маріи Карловны Сухановой при Симферопольской женской гимназии	—
15. (11-го января 1890 года). Положеніе о стипендіи имени торговаго дома Кунстъ и Альберсъ	40
16. (12-го января 1890 года). Положеніе о стипендіи имени Ивана-Людвиг Викентьевича Манцевича при Минскомъ реальномъ училищѣ	41
17. (18-го января 1890 года). Положеніе о стипендіи при Рижской женской Ломоносовской гимназии имени Евдоіи Кузьминичны Кузьминой	42
18. (18-го января 1890 года). Положеніе о стипендіяхъ при Александровской Старобѣльской гимназии имени умершей вдовы дѣйствительнаго статскаго совѣтника Домны Андреевны Демонко	43

ОПРЕДЕЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

О брошюрѣ: „Руководство къ правильному употребленію знаковъ препинанія. Составилъ <i>И. К. Ганъ</i> . Изданіе 4-е“	19
О книгѣ: „Фаустъ. Трагедія <i>Гете</i> . Переводъ <i>Н. Голованова</i> “	—
О книгѣ: „Латинская грамматика. По <i>Штематцу</i> . Составилъ <i>В. Никифоровъ</i> “	—
О книгѣ: „Великіе римскіе писатели. Очеркъ классической литературы римлянъ. <i>Г. В. Штолла</i> . Изданіе <i>О. И. Бакета</i> “	—
Объ изданіи: „Русскія древности въ памятникахъ искусства. Изданіе графа <i>И. Толстаго</i> и <i>Н. Кондакова</i> . Вып. I и II“	20
О книгѣ: „Святый равноапостольный Князь Владиміръ, просвѣтитель Руси. 900-лѣтіе Руси. <i>И. П. Матченко</i> “	—
О книгѣ: „Учебникъ нѣмецкой грамматики. Составилъ <i>А. А. Аллендорфъ</i> . Изданіе 4-е“	—
О книгѣ: „Синтаксисъ нѣмецкаго языка. Составилъ <i>Августъ Гофманъ</i> . Изданіе 2-е“	—
О книгѣ: „Основныя понятія о нравственности, правѣ и общежитіи. Составлено по порученію главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній“	—
О книгѣ: „Очеркъ ученія о предсказаніи погоды (Синоптическая метеорологія). Составилъ <i>М. Поморцевъ</i> “	21
О брошюрѣ: „Надо ли бояться грома и молніи? Составилъ <i>И. К. Ганъ</i> “	—

О книгѣ <i>Г. Нидерле</i> . „Грамматика греческаго языка. Часть I. Этимология. Перевелъ <i>И. Мейеръ</i> . Изданіе 4-е“	21
О книгѣ <i>В. В. Латышевъ</i> : „Очеркъ греческихъ древностей. Ч. 2-я“.	—
О книгѣ: „Народная проповѣдь Іисуса Христа. Священника <i>А. С. Смирнова</i> . Выпускъ I“	44
О брошюрѣ: „Къ спряженію глаголовъ. <i>С. Кратча</i> “	—
О книгахъ: 1) „Русская хрестоматія. Составилъ <i>Левъ Поливановъ</i> . Части I—III“, и 2) „Краткій учебникъ русской грамматики. Изданіе 8-е“.	—
О книгѣ: „Русскіе писатели въ выборѣ и обработкѣ для школъ. Томъ I. <i>В. Мартыновскій</i> . Изданіе 3-е“	45
Объ изданіи: „Сочиненія <i>М. Н. Заюшкина</i> . Семь томовъ“	—
О книгѣ: „Энеида <i>Вергилія</i> . I—VI	—
О книгѣ: „Упражненія въ переводѣ съ русскаго на латинскій и обратно. Составлено <i>В. Зубковымъ</i> “	—
О книгѣ: „Краткая латинская фразеологія. Составилъ <i>И. Семеновичъ</i> “	46
О книгѣ: „Сборникъ статей для перевода съ русскаго языка на латинскій. Составилъ <i>С. И. Гинтовичъ</i> “	—
О книгѣ: „Избранныя стихотворенія П. Овидія Назона. Составлено <i>Андреемъ Адольфомъ</i>	—
О книгѣ: „Систематическій курсъ ариметики. Составилъ <i>А. Киселевъ</i> “	—
О брошюрѣ: „Образцы письменныхъ работъ по ариметикѣ. Составилъ <i>М. Корякинъ</i> “	—
О книгѣ: „Methodisch geordnete Aufgaben für das Kopf- und Tafelrechner von <i>Richard Kalnin</i> “	—
О книгѣ: „Периклъ. Историко-критическій этюдъ <i>В. Бузескула</i> “	—
О книжкѣ: „Первая учебная книжка нѣмецкаго письма и чтенія по звуковому методу. Составилъ <i>Г. М. Цирклеръ</i> “	47
О книгѣ: „Учебникъ нѣмецкаго языка. Составилъ <i>Иванъ Александровъ</i> “	—
О книгѣ: „Нѣмецкій языкъ. Составилъ <i>С. Чекала</i> “	—
О книжкѣ: „Народныя сказки. Составилъ <i>С. Чекала</i> “	—
О книжкѣ: „Kurzgefasste Schulgrammatik der deutschen Sprache. Von <i>S. Czekala</i> “	—
О книжкѣ: „Kurzgefasste Schulgrammatik der deutschen Sprache. Von <i>S. Czekala</i> “	—
О книгѣ: „Grundzüge der deutschen Grammatik für höhere Lehranstalten und zum Selbstunterricht nebst Regeln und Wörterverzeichnis für die deutsche Rechtschreibung. Составилъ <i>Е. М. Микевичъ</i> “	48
О книгѣ: „Русско-нѣмецкій и нѣмецко-русскій словарь. Составилъ <i>Н. Ленстремъ</i> “	—
О книгѣ: „Школьная діететика. Изложилъ <i>В. Фармаковский</i> . Изданіе 7-е“	—
О журналѣ: „Zeitschrift von Volkskunde herausgegeben von Dr. <i>Edmund Veckenstedt</i> “	—
О книгѣ: „Простые разказы о садоводствѣ. Составилъ <i>А. Ф. Комаровъ</i> . Изданіе 2-е“	—

О книгѣ: „Полезныя свѣдѣнія о разведеніи картофеля на огородахъ и о сохраненіи его отъ загниванія. Составилъ <i>В. А. Соловьевъ</i> “	49
О книгѣ: „Методика ручнаго труда по системѣ Соломона, директора Нееской учительской семинаріи. Изложилъ <i>В. Фармаковскій</i> “	—

**ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОВАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.**

О книгѣ „ <i>А. Лее</i> : „Первоначальныя упражненія въ ариметикѣ. Изданіе 3-е“	49
О книгѣ: „Русская литографированная хрестоматія. Составилъ <i>Ө. Г. Подоба</i> “	—
О брошюрѣ: „Императоръ Николай Павловичъ подъ Черниговомъ. <i>И. Ф. Федорова</i> “	—
О книгѣ: <i>А. Сливичкій</i> . „Дядька Квасовъ“	—
О брошюрѣ: „Стрѣлочникъ. <i>Г. Дамилевскаго</i> “	50
О книгѣ: „Сборникъ духовныхъ стихотвореній для дѣтей. Составилъ <i>И. Н. Малиновскій</i> “	—
О книгѣ: „Разказы о Петрѣ Великомъ. <i>В. Сорокина</i> . Изд. 2-е“	—
О книгѣ: „Книга для чтенія въ школахъ и дома. Выпускъ 1-й. Составилъ <i>Е. Де-Витте</i> “	—
Официальныя извѣщенія	21

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

<i>Ө. И. Успенскій</i> . Патриархъ Іоаннъ VII Граматикъ и Русь-Дромиты у Симеона Магистра	1
<i>Н. М. Благовѣщенскій</i> . Десятая сатира Ювенала	35
<i>В. М. Шнмкевичъ</i> . Задачи современной зоологіи	72
<i>И. П. Филевичъ</i> . Борьба Польши и Литвы-Руси за Галицко-Владимірское наслѣдіе	95 и 245
<i>А. Н. Красновъ</i> . Географія какъ новая университетская наука.	233
<i>И. А. Тихомировъ</i> . Первая Псковская лѣтопись послѣ паденія Пскова	245
<i>А. И. Маркевичъ</i> . Разрядная книга въ Парижской національной библіотекѣ	303

КРИТИКА И БИБЛОГРАФІЯ.

<i>П. А. Сырку</i> . Glasnik zemaljskog muzeja u Bosni i Hercegovini. Sarajevo. 1889.	135 и 310
<i>И. В. Помяловскій</i> . Cours d'épigraphie latine. Par <i>René Carnat</i> . Paris. 1889.	156
<i>И. А. Козеко</i> . <i>А. А. Тимовъ</i> . Лѣтопись Двинская. Москва. 1889.	167
<i>А. Д. Карнѣевъ</i> . Новѣйшія изслѣдованія о Физиологѣ	172

П. М. М. Дѣятельность земства по устройству осудо-сберегательныхъ товариществъ. П. А. Соколовскаго. С.-Пб. 1890	208
В. И. Модестовъ. Отвѣтъ на рецензію г. Зѣлинскаго	212
А. О. К. С. А. Венеровъ. Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ (отъ начала русской образованности до нашихъ дней). Томъ I. С.-Пб. 1886—1889.	346
К. Н. Бестужевъ-Рюминъ. Великіе и удѣльные князья Сѣверной Россіи въ татарскій періодъ съ 1238 по 1505 годъ. А. В. Экземплярскаго. Т. I. С.-Пб. 1889	353
А. Н. Веселовскій. Dvě povědky v české literatuře xv století. Jiri Polivka. V Praze. 1889	356
П. М. М. И. И. Неплюевъ и Оренбургскій край въ прежнемъ его составѣ до 1758 года. В. Н. Витескаго. Вып. 1—2. Казань. 1889—1890	360
Н. И. Веселовскій. Сношенія Россіи съ Кавказомъ С. Блюкурова. Вып. I. М. 1889	366 и 385
Книжныя новости	230

ОТДѢЛЪ ПЕДАГОГИИ.

Т. И. Филипповъ. О началахъ русскаго воспитанія	1
Графъ А. Н. Мусинъ-Пушкинъ. Народное образованіе въ Италіи	33
Ю. А. Кулаковскій. По поводу предполагаемаго русскаго учебнаго изданія классическихъ авторовъ	100
Наша учебная литература (разборъ 14 книгъ)	12

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Пятидесятилѣтіе Императорскаго Одесскаго Общества исторіи и древностей	1
Императорская Академія Наукъ	49
Наши учебныя заведенія: Университетъ св. Владиміра въ 1888 году. П. Я. В. О черногорскомъ гражданскомъ уложеніи, его направленіи и методѣ его составленія	13
Л. Л — ръ. Письмо изъ Парижа.	37

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ.

L. Mueller. De Accii fabulis	1
В. В. Латышевъ. Къ исторіи города Ольвіи	62
О. О. Луньякъ. Къ вопросу объ отношеніяхъ Демосоена къ Исократу	72
В. В. Розановъ. {	
П. И. Первовъ. { Метафизика Аристотеля	82

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОММИССИИ.

(у Чернышева моста, д. 6-й гимназіи).

1) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, т. XVI, заключающій въ себѣ лѣтописный сборникъ именуемый лѣтописью Авраамии. Ц. 2 р.

2) Новгородская лѣтопись по Синодальному харатейному списку (2-е изданіе изъ 3-го тома Полнаго собранія Русскихъ лѣтописей такъ-называемой Новгородской первой лѣтописи). Ц. 3 р.

3) Рейнгольда Гейденштейна. Записки о Московской войнѣ (1578—1582 гг.), переводъ съ латинскаго. Ц. 1 р. 50 к.

Кромѣ того, въ Коммисіи можно получить Указатели къ VII т. Русской Исторической Библіотеки и къ первымъ тремъ выпускамъ Великихъ Миней Четій митрополита Макарія (за сентябрь мѣсяцъ).

Тамъ же имѣются въ продажѣ изданія Археографической Коммисіи:

Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей, тт. VI—X и XV по 2 р. за томъ	12 р. — к.
Лѣтопись по списку монаха Лаврентія (2-е изданіе 1-го т. Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей)	3 > — >
Лѣтопись по Ипатскому списку (2-е изданіе 2-го т. Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей).	3 > — >
Новгородскія Лѣтописи (2-е изданіе изъ 3-го т. Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей, такъ-называемыхъ Новгородской второй и Новгородской третьей Лѣтописей)	3 > — >
Повѣсть временныхъ лѣтъ по Лаврентіевскому списку, изданная посредствомъ свѣтопечати	4 > — >
Повѣсть временныхъ лѣтъ по Ипатскому списку, изданная фотолитографически	4 > — >
Новгородская лѣтопись по Синодальному харатейному списку, издана посредствомъ свѣтопечати	4 > — >
Указатель къ первымъ восьми томамъ Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей, томъ 1-й (А—І)	1 > 50 >

Акты Историческіе, томы IV и V по 2 р.	4 р. — к.
Алфавитный Указатель къ Актамъ Историческимъ	— > 75 >
Дополненія къ Актамъ Историческимъ, томы V—XII, по 2 р.	16 > — >
Указатель къ первымъ десяти томамъ Дополненій къ Актамъ Историческимъ	1 > 50 >
Русская Историческая Библіотека, томы I, II, III и V по 2 руб.; тт. IV, VI и VII по 3 р.; т. VIII, IX, X и XI по 2 р. 50 к.. . . .	27 > — >
Документы, объясняющіе исторію Западно-Русскаго края (съ тремя картами).	2 > — >
Историческое изслѣдованіе о Западной Россіи	— > 75 >
Дневникъ Люблинскаго сейма 1569 г.	3 > — >
Акты, относящіеся къ исторіи Западной Россіи, т. V.	2 > — >
Акты, относящіеся къ исторіи Южной и Западной Россіи, тт. I, II, IV, V, VI, VII, VIII, IX, X, XI, XII и XIII по 2 р., томъ III 3 р.	29 > — >
Акты на иностранныхъ языкахъ, относящіеся къ Россіи, т. II	2 > — >
Дополненія къ Актамъ на иностранныхъ языкахъ.	2 > — >
Сказанія иностранныхъ писателей о Россіи, т. I 2 р., т. II 1 р. 50 к.	3 > 50 >
Сказанія Массы и Геремана о Смутномъ времени въ Россіи (съ портретомъ Массы, планомъ Москвы 1606 г. и рисункомъ дворца Лжедмитрія I).	2 > — >
Русско-Ливонскіе акты	2 > — >
Акты, относящіеся до юридическаго быта древней Россіи, тт. I, II, и III по 2 р.	6 > — >
Списки іерарховъ и настоятелей монастырей Россійской церкви Великія Минен Четив, собранныя Всероссійскимъ митрополи- томъ Макаріемъ, выпуски: 1-й (сентябрь. дни 1—18)—5 руб.; 2-й (сентябрь 14—24) 3 руб.; 3-й (сентябрь 25—30) 4 руб.; 4-й (октябрь 1—3), 5-й (октябрь 4—18) и 6-й (октябрь 19— 31) по 3 р.	21 > — >
Путешествіе игумена Давида по Святой Землѣ, въ началѣ XII вѣка.	2 > 50 >
Путешествіе Новгородскаго архіепископа Антонія въ Царьградъ, въ концѣ XII вѣка.	— > 75 >
О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича, современ- ное сочиненіе Григорія Котошихина, третье изданіе	1 > 50 >
Писцовыя книги Новгородскія, въ четырехъ томахъ, по 2 р.	8 > — >
Писцовыя книги Ижорской земли, отд. II (съ картой)	— > 7 >
Медальоны графа Толстаго	2 > — >
Собраніе Русскихъ медалей: вып. первый 3 р.; вып. второй 1 р. 50 к.; выпуски третій, четвертый и пятый (въ нихъ нѣсколь- кихъ рисунковъ недостаетъ), съ прибавленіемъ, по 1 р. 50 к.	9 > — >
Лѣтопись занятій Археографической Коммиссіи, вып. 1, 2 и 3, по 50 коп.	1 > 50 >
Того же изданія выпуски 4, 5 и 6, по 1 р., вып. 7-й и 8-й по 1 р. 50 к.	6 > — >

Протоколы засѣданій Археографич. Коммиссiи, выпускъ I-й (1835—1840 г.) и вып. второй (1841—1849 гг.), по 1 р.	2 р.	— к.
Сказанiя о князьяхъ и царяхъ земли Русской	—	» 10 »
Чертежная книга Сибири, 1701 г., изданная посредствомъ фотолитографiи (съ Приложенiемъ).	8	» — »
Материалы для историко-географическаго атласа Россiи, листы 1-й и 2-й.	—	» 30 »
Описанiе рукописей Археографической Коммиссiи	1	» 50 »
Указатель къ Стенной книгѣ, съ родословными росписями Русскихъ князей	—	» 50 »
Розыскныя дѣла о Федорѣ Шадровитомъ и его сообщникахъ, т. I-й и III-й по 3 р., т. II, 2 р.	8	» — »

ТАМЪ ЖЕ ПРОДАЮТСЯ:

1. Записки гетмана Жолкевскаго о Московской войнѣ	1	» 50 »
2. Что желательно для русской исторiи	—	» 50 »
3. Сборникъ князя Хилкова	2	» 50 »
4. Памятники Сибирской исторiи XVIII вѣка, книга 1-я и 2-я	4	» — »
5. Кунгурскiе акты XVII вѣка (1668—1699 г.)	1	» 50 »

1-го ФЕВРАЛЯ вышла и разослана подписчикамъ II-я книга историческаго журнала:

„РУССКАЯ СТАРИНА“

Содержаніе: I. Посмертныя записки Николая Васильевича Берга. — II. Россія и русский дворъ въ 1839 г. Записки Гагерна. Сообщ. и пер. Н. К. Шильдеръ. — III. Лѣтопись забавъ и шалостей дерптскихъ студентовъ, 1803—1862. Сообщ. А. А. Чумиковъ. — IV. Дневникъ Александра Васильевича Никитенко, 1847—1849 гг. — V. Николай Васильевичъ Гоголь въ неизданныхъ его письмахъ и въ письмахъ друзей его. 1841—1844. — VI. Татьяна Петровна Пассемъ въ 1879—1889 гг. — VII. Графъ Николай Ивановичъ Евдокимовъ, 1804—1873. Сообщ. И. И. Фреусъ. — VIII. Графъ Александръ Васильевичъ Адлербергъ. Забѣтки въ его биографіи. — IX. Варнаки. Забѣтки изъ сибирской жизни Д. Мамина. — X. Записки сенатора Владимира Ивановича Дена, 1828—1888 гг. — XI. Лермонтовскій музей въ С.-Петербургѣ, 1887—1889 гг. Сообщ. А. А. Бильдерлингъ. — XII. Матеріалы, стихотворенія и забѣтки Помѣщика XVII в. — столбникъ А. И. Безобразовъ. — Пугачевъ и пугачевцы. — Клубы въ 1840 г. — Флетчеръ и цензура. — А. И. Лаксъ. — С. И. Зарудный. — Стихотворенія К. Р. — Е. А. Аракчеева. — XIII. Библиографическій листокъ.

Приложеніе: Портретъ Елисаветы Андреевны Араччеевой, рожд. Величковой—(† 1820 г.), мать графа А. А. Араччеева. Гравировалъ художникъ И. И. Матюшинъ.

Продолжается подписка на «РУССКУЮ СТАРИНУ» изд. 1890 г.

Двадцать первый годъ изданія. Цѣна 9 руб. съ пересылкою.

Подписка принимается въ магазинѣ А. О. ЦИНЗЕРЛИНГА, на Невскомъ, д. № 46, противъ Гостиннаго двора. Въ Москвѣ у Н. И. Мамонтова (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова).

Иногородные обращаются въ редакцію «РУССКОЙ СТАРИНЫ», въ С.-Петербургѣ, Большая Подъяческая, д. № 7.

Подписчики «Русской Старины» на 1890 годъ могутъ получить книгу: «Альбомъ портретовъ русскихъ дѣятелей», третій выпускъ, за ОДИНЪ руб. съ пересылкою (вмѣсто 4 руб.).

Вышелъ и разсылается подписчикамъ Альбомъ гравюръ на мѣди, портреты русскихъ дѣятелей, выпускъ ЧЕТВЕРТЫЙ. Цѣна до 25-го марта ОДИНЪ руб. съ перес.

Изд.-ред. Мих. Ив. Семеновскій.

YD 22675

U. C. BERKELEY LIBRARIES

C042580883

843066

L451
A4
v 267

THE UNIVERSITY OF CALIFORNIA LIBRARY

1. 1014 101

1014 101

